КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЯНВАРЬ

1900 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ

ОТДѢЛЪ II.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 5 января 1900 года.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 68-го:

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ 1900 г.

Книга первая—январь.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Книга вторая—февраль.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Книга третья—мартъ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

Обычныя формы заключенія браковъ въ Южной Руси въ XVI—XVII ст. [1]).

Говоря о брачномъ правѣ и семейномъ бытѣ въ извѣстномъ обществѣ, нельзя обойти вопроса о положеніи женщины въ этомъ обществѣ, такъ какъ это положеніе находится въ ближайшей причинной связи съ формами брака и семейнаго быта.

Южнорусская женщина въ XVI—XVII вв. пользовалась широкой личной и имущественной независимостью, почти не уступая въ полнотѣ своихъ гражданскихъ правъ мужчинѣ. За исключеніемъ права занимать общественныя должности, единственное ограниченіе правъ женщины можно указать въ тогдашнемъ законоположеніи о наслѣдствѣ: по Лит. Статуту, дочери при братьяхъ могли наслѣдовать только четвертую часть отцовскаго достоянія; но и это ограниченіе болѣе всего обусловливалось, какъ кажется, требованіями тогдашняго феодальнаго строя Литовскаго государства, въ которомъ владѣніе земельною собственностью всегда было сопряжено съ обязанностью военной службы. Любопытно, что и въ дѣлѣ образованія, какое давалось дѣтямъ тогдашней шляхты, дочери не были устраняемы отъ пользованія имъ наравнѣ съ сыновьями; по крайней мѣрѣ грамотность, которая въ этомъ сословіи была широко распро-

[1]) Рефератъ, читанный на Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ 17-го августа 1899 г.

странена, считалась одинаково необходимой для женщины, какъ и для мужчины, а въ актахъ того времени такъ же рѣдко можно встрѣтить „писать неумѣючую“ земянку, какъ и неграмотнаго земянина. Даже между мѣщанами грамотность была довольно распространена, а среди высшихъ классовъ нерѣдко встрѣчались женщины, знавшія иностранные языки и вообще хорошо по тогдашнему образованныя. Припомнимъ хотя бы княжну Софію Чорторыйскую, которая „преложила зъ грецького языка на словеньскій казаня св. отцѣвъ на недѣльни евангелія“ (объ этомъ упоминаетъ Кириллъ Транквиліонъ въ „Передмовѣ“ къ изд. имъ въ 1619 г. Учительному Евангелію).

Свобода и значительная степень гражданской полноправности южнорусской женщины вырабатывали въ ней характеръ силы и энергіи, вообще свойственный людямъ того вѣка. Эта сила и энергія одинаково проявлялись въ добрыхъ и дурныхъ поступкахъ. Можно указать цѣлый рядъ волынскихъ женщинъ XVI—XVII вв., которыя, какъ и ихъ мужья, проводили вѣкъ въ безпрестанныхъ нападеніяхъ на имѣнія сосѣдей, водили за собою отряды вооруженныхъ пушками и гаковницами слугъ, брали приступомъ чужіе замки, сами часто попадали въ осаду, не слушались сеймовыхъ и королевскихъ декретовъ, и когда король, для ихъ обузданія, посылалъ противъ нихъ повѣтовыя ополченія, онѣ дерзко давали имъ отпоръ. Конечно, такое своеволіе могли дозволять себѣ магнатки (напр., княгиня Софья Ружинская); женщины средняго состоянія и положенія могли вести, такъ сказать, малую войну съ сосѣдями, да еще любили предаваться *судебной волокитѣ*. Этой страсти вообще была подвержена до излишества тогдашняя южнорусская шляхта, и женщины въ ней не уступали своимъ мужьямъ. Были между ними такія страстныя „сутяги“, которыя только и дѣлали, что ѣздили по „гродамъ“ и трибуналамъ, знали хорошо Статутъ и другіе законы и лично, а не черезъ повѣренныхъ, выступали въ судѣ въ сложныхъ процессахъ. Слѣдуетъ упомянуть еще, что между южнорусскими женщинами того вѣка было не мало и такихъ, которыя не чуждались и высшихъ интересовъ, ревностно зани-

мались дѣлами религіи, просвѣщенія и благотворительности, записывались въ церковныя братства, строили церкви и монастыри, учреждали школы, „шпитали" и т. п. Вспомнимъ для примѣра княжну Елену Чорторыйскую, которая въ 1594 г. основала Пересопницкій монастырь, сама составила для него прекрасный уставъ и устроила при монастырѣ шпиталь „для убогихъ и недужныхъ" и школу „для науки дѣтей".

Таково было положеніе женщины въ нашемъ краѣ въ XVI—XVII ст. и такіе характеры вырабатывались на этой основѣ. Теперь посмотримъ, какъ совершалось заключеніе браковъ при данныхъ условіяхъ.

Беремъ одинъ изъ „шлюбныхъ" или „вѣновныхъ" листовъ, какіе сотнями встрѣчаются въ актовыхъ книгахъ XVI—XVII ст., и читаемъ ихъ обычную начальную формулу: „Я (такой то) чиню вѣдомо, ижъ з воли Божои а зъ прейзрѣня Его найсвятшои милости и зъ дару Духа святого, за вѣдомостю и благословенствомъ родичовъ (родителей) моихъ, наймилшихъ добродѣевъ, понялъ есми за себе въ станъ святый малженскій дочку (такого-то), панну NN". Изъ этого уже видно, какъ возвышенно смотрѣли тогда на бракъ: его считали дѣломъ *святымъ*, которое совершается „з воли Божои и зъ дару Духа святого". Тутъ же указаны и первыя условія законности брака: „вѣдомость и благословеніе родителей." Но это были условія, такъ сказать, формальныя, требовавшіяся закономъ и обычаемъ; главнѣйшимъ же и самымъ существеннымъ условіемъ въ данномъ дѣлѣ была и почиталась непринужденная *воля* и *согласіе* тѣхъ, кого ближе всѣхъ касалось дѣло, т. е. жениха и невѣсты. Поэтому въ брачныхъ записяхъ, послѣ словъ: „за благословенствомъ родичѣвъ", читаемъ еще и такія выраженія: „*зъ власнои хути и милости своее*" (т. е. по собственному желанію и любви), или: „съ правои *любве* и *уподобання* своего понялъ есми за себе въ малженство"... и т. д. Такъ было не только со стороны жениха, но и со стороны невѣсты: хотя въ Статутѣ и было поставлено, что вышедшая замужъ противъ воли родителей теряетъ право на приданое, но обычно родители не приневоливали своихъ дочерей,

выдавая ихъ замужъ, и ясно выраженная воля невѣсты въ брачномъ дѣлѣ считалась столь же существеннымъ условіемъ, какъ и воля жениха. Вотъ почему въ актахъ нерѣдко встрѣчаемъ и такія записи: „Я [такая-то] чиню вѣдомо, ижъ зъ воли а прейзрѣня Божого, за вѣдомостю и позволенемъ родичовъ моихъ милыхъ, такъ тежъ и за *власнымъ позволеньемъ моимъ*, маючи лѣта зуполныи, пошлюблена и отдана въ станъ светый малженскій за NN". Бывало и такъ, что родители, передъ свадьбой дочери, требовали, чтобы она формально, передъ урядомъ, засвидѣтельствовала, что вступаетъ въ бракъ съ даннымъ лицомъ по своей доброй волѣ. Такъ, въ 1564 г. волынскій земянинъ Янъ Монтовтъ заявилъ передъ луцкимъ гродскимъ урядомъ, что „зъ ласки и презрѣня Божого змовивъ (сговорилъ) дочку свою Ганну за князя Василія Сокольскаго", и требовалъ, чтобы она лично посвидѣтельствовала, что сама выбрала жениха и никому другому не обѣщала своей руки. И стоя передъ урядомъ, Ганна Монтовтовна лично заявила: „я никбли ни за кого въ малжонство пойти не пошлюбовала а ни ся ни за кого не отдавала, одно жъ теперъ то собѣ вмыслила и позволяю съ правого умыслу сердца моего мѣти собѣ за малъжонка его милость князя Василя Сокольского, съ которымъ и животъ свой хочу доконати" [1]).

Чтобы зародился между молодыми такой *„щирый умыселъ сердца"* и *„правая любовь"*, они должны были предварительно хорошо узнать другъ друга. Такъ и бывало на дѣлѣ. Обычай дозволялъ, чтобы молодой шляхтичъ свободно посѣщалъ домъ, гдѣ намѣтилъ себѣ *панну* по сердцу, и „учтиво старался о еи *хуть* и *милость* и о схильность" ея родителей. Въ нѣкоторыхъ брачныхъ записяхъ женихъ упоминаетъ, что „пошлюбивъ" свою „облюбленицу" „за волею Божою а за *учтивымъ стараньемъ* моимъ". Если это „старанье" шло на ладъ и обѣщало благопріятный исходъ, тогда молодой человѣкъ посылалъ въ домъ намѣченной имъ панны своихъ родителей и „пановъ-приятелѣвъ", а родители „панны" то-же созывали свою родню и пріятелей, и

---

[1]) Книга гродская Луцкая 1564 г., № 2038, л. 228.

тутъ уже справлялись такъ называемыя „*змовины*“ (сговор). Главное, о чемъ „змовлялись“, было: со стороны родителей невѣсты „*пбсагъ*“, а со стороны жениха—*вѣно и привѣнокъ. Пбсагъ* обычно слагался на половину изъ денегъ, а на половину изъ движимости: золотыхъ и серебряныхъ вещей и украшеній, жемчуга и другихъ „клейнодовъ“, серебряной, мѣдной и оловянной посуды, одежды, лошадей, экипажей, „челяди неволной“ и другого добра. По Лит. Статуту назначалась четвертая часть отцовскаго достоянія въ *пбсагъ*, или приданое, дочерямъ; если же у молодой не было братьевъ или у нея были материнскія имѣнія, то она могла приносить мужу въ приданое и недвижимое состояніе. Съ своей стороны женихъ долженъ былъ формально обезпечить *пбсагъ* невѣсты *вѣномъ*. Вѣно—это былъ древнерусскій институтъ, только со временемъ измѣнившій свой первоначальный характеръ: когда-то *вѣно* имѣло значеніе *выкупа* за невѣсту и потому оно выдавалось женихомъ не ей самой, а ея роднымъ; впослѣдствіи же въ Южной Руси оно пріобрѣло болѣе разумный характеръ—*обезпеченія* женщины по выходѣ ея замужъ и передавалось въ ея личное распоряженіе. Съ такимъ характеромъ вѣно просуществовало въ Южной Руси до отмѣны въ ней Лит. Статута. Кромѣ вѣна, согласно обычаю, узаконенному и Статутомъ, женихъ записывалъ невѣстѣ еще и *привѣнокъ*. Вѣно—это была денежная сумма, въ которой обезпечивалась женихомъ реальная стоимость ея пбсага, или приданаго, а *привѣнокъ*—это было удвоеніе той же суммы. Имѣются доказательства, что еще задолго до Лит. Статута въ Южной Руси существовалъ обычай удваивать въ вѣновной записи стоимость приданаго. Такъ, въ 1467 г. волынскій князь Юрій Федьковичъ Несвицкій писалъ, что „поялъ у пана Ивана Мусяты дивку, панну Настасю, собѣ за жону, по которой далъ ему отецъ ея 150 купъ литовскихъ“, а онъ „своей жонѣ княгинѣ Настасьи записалъ на своей дедизнѣ и отчинѣ, на Заборолью и инших селахъ, *триста купъ* широкихъ грошей“.—Вѣно и привѣнокъ обезпечивались женихомъ на своемъ недвижимомъ состояніи, а если онъ еще не былъ выдѣленъ родителями, то родня невѣсты требовала, чтобы ему предва-

рительно была выдѣлена его отчина, на которой онъ и долженъ былъ обезпечить невѣстѣ и вѣно, и привѣнокъ.

Про что сговаривались на „змовинахъ", все это записывалось въ особомъ документѣ, который назывался „*листомъ змовнымъ*", или „*предшлюбною интерцызею*", и затѣмъ вносился въ актовыя гродскія или земскія книги. Договоръ, или „интерцыза", заключалась между родителями невѣсты и женихомъ (или его родителями). Въ ней точно означался „пóсагъ" невѣсты, вѣно жениха, „рокъ" вѣнчанья и свадьбы и другія подробности уговора, а въ концѣ обязательно опредѣлялась денежная „зарука" или закладъ на каждую изъ сторонъ, которая въ чемъ-либо нарушила бы договоръ.

Часто, вмѣстѣ съ „змовинами", справлялось и „*обрученье*" или „*заручины*" молодыхъ. Здѣсь не слѣдуетъ разумѣть церковнаго обрученья, которое совершалось потомъ, вмѣстѣ съ вѣнчаньемъ или и особо; *заручины* же—это былъ какой-то обрядъ *обычный*, совершаемый родителями или близкими родственниками молодыхъ. О формѣ и ритуалѣ „заручинъ" можно составить нѣкоторое представленіе изъ слѣдующаго документа. Въ 1585 г. возный доносилъ луцкому гродскому уряду, что, „будучи приданъ зъ уряду на потребу" п. Станиславу Кавезскому, ѣздилъ съ двумя шляхтичами—свидѣтелями «до панеи Ганны Хребтовичевой-Богуринскои (вдовы) для прислуханя *обрученя* ея дочери панны Настасьи Васильевны съ п. Кавезскимъ". Тамъ застали они много гостей, родственниковъ и пріятелей хозяйки. „Панъ Кавезскій чинилъ пытанье панны Настасьи, водлугъ интерцызы змовнои: „если хочешъ, панно Настасе, за мене?"—тое жъ пыталъ повторе и потрете. Панна мовчала. Матка еи милости пани Ганна просила его милость п. Ив. Богуринского, старшого сына свого (Луцкаго подстаросту), ижъ бы ся въ то вложити рачилъ, яко братъ старшій, злецаючи моцъ, ижъ бы ее мылости помогъ дѣвку пану Кавезскому до рукъ дати за жону, ижъ-бы шлюбъ бралъ. Панъ Богуринскій, посполъ з панею маткою своею, взявши панну Настю за руки, пану Кавезскому дали. Панъ Кавезскій подяковалъ и свѣтчилъ мною, вознымъ, и шляхтою на

той часъ бывшою. И просила панна Настася пана Кавезского, ижъ-бы пустилъ ее до пріятелей, до его милости пана Адама Боговитина; яко жъ панну пустилъ на побыванье"[1]).

Обратимъ вниманіе на послѣднюю подробность: только что „зарученная" дѣвушка проситъ у своего жениха *дозволенія* на такой пустякъ, какъ поѣздка въ гости въ близкое семейство. Значитъ, *заручины*, т. е. обрядовая передача невѣсты изъ рукъ ея родныхъ въ руки жениху, знаменовала вмѣстѣ съ тѣмъ и передачу ему власти надъ нею, какую они имѣли по естественному праву. Вотъ почему зарученная невѣста часто именуется въ актахъ „*жоною обрученою*" своего жениха. Чтобъ стать ей дѣйствительною женою, оставалось еще совершить установленный и освященный стародавнимъ обычаемъ актъ, называемый „*весельемъ*".

А церковное вѣнчанье? Совершалось и вѣнчанье, но оно въ то время еще не почиталось дѣломъ, безусловно необходимымъ для законности брака. Извѣстно, что еще въ XII в. не было на Руси у простыхъ людей благословеннаго вѣнчанія; вѣнчались только бояре и князья. Однако, въ тѣ времена бракъ простыхъ людей былъ бракомъ не только въ глазахъ государства, но и въ глазахъ церкви. Многовѣковыя усилія церкви водворить исключительно церковную форму брака не могли быть безплодны: вліяніе христіанскаго закона мало-по-малу проникало въ глубь населенія, начиная съ верхнихъ его слоевъ; но еще въ XVI и XVII вв. въ Южной и Зап. Руси существовала двойственность воззрѣній на условія правильнаго совершенія брака: не только простой народъ, но и высшій классъ, бояре и земяне, продолжаютъ руководствоваться старинными воззрѣніями обычнаго права на бракъ, какъ на актъ чисто-гражданскій, основанный на свободномъ договорѣ брачущихся сторонъ. А чтобы этотъ договоръ имѣлъ законную силу, необходимо было соблюденіе извѣстныхъ формъ, требовавшихся тогдашнимъ закономъ и обычаемъ. Законъ требовалъ, чтобы договоръ заключенъ былъ открыто, при сви-

---

[1]) Кн. гр. Луцк. 1585 г., № 2068, л. 194.

дѣтеляхъ, оформленъ законнымъ документомъ и документъ этотъ былъ вписанъ въ актовыя книги; а обычай еще съ большею неотложностью требовалъ, чтобы выполненъ былъ стародавній обрядъ или ритуалъ въ формѣ *весилья*, которое и до сего времени въ быту простого народа не утратило своего важнаго значенія въ дѣлѣ заключенія брака, а въ тѣ времена значило гораздо больше. Конечно, духовенство и тогда настаивало, чтобы бракъ былъ освящаемъ сверхъ того и церковнымъ обрядомъ, и никто изъ благочестивыхъ намѣренно не противился этому требованію; но фактъ въ томъ, что бракъ почитался законнымъ и безъ церковнаго освященія, лишь были бы выполнены формы обычнаго права. Къ этому выводу приходитъ и почтенный профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ своихъ изслѣдованіяхъ изъ области семейнаго права въ Зап. Россіи по документамъ Виленскаго и Витебскаго центр. архивовъ; актовыя книги нашего архива даютъ также многочисленныя подтвержденія этому положенію. Мы не станемъ приводить ихъ всѣ, ограничимся лишь двумя болѣе характерными свидѣтельствами.

21 декабря 1634 г. на Волыни, въ домѣ православныхъ пановъ Стрибылей, происходили *„змовины“* ихъ дочери Катерины съ п. Яномъ Ярмолинскимъ, сыномъ извѣстной Раины Ярмолинской, основательницы Загаецкаго монастыря. Родъ Стрибылей, какъ и Ярмолинскихъ, славился своей старожитностью и благочестіемъ, и потому, въ числѣ другихъ почетныхъ гостей, съѣхавшихся на „змовины“, находился здѣсь кіевскій митрополитъ Петръ Могила и овруцкій архимандритъ Кизаревичъ и другія духовныя и свѣтскія особы. Разомъ съ „змовинами“ справили надъ молодыми и *церковное вѣнчанье*, которое совершилъ самъ митрополитъ. Казалось бы, разъ молодые *обвѣнчаны*, что оставалось дѣлать, какъ не играть свадьбу? Вѣдь *бракъ* уже совершенъ. А люди того времени думали, что до брака еще далеко, что дѣло находится еще только въ предуготовительномъ фазисѣ. И точно, послѣ *змовинъ* и *вѣнчанья* сѣли писать *„шлюбную* интерцызу“, въ которой, между другими, означили такія условія: 1) *„актъ весѣльный* (свадьба) назначается на 1-ю недѣлю по св. Тройцѣ

въ 1637 году, т. е. откладывается на цѣлыхъ $2^1/_2$ *года послѣ вѣнчанья*, а до того времени женихъ долженъ постараться, чтобы мать выдѣлила ему вотчину, на которой онъ и обязанъ записать вѣно и привѣнокъ „*будущей*, дастъ Панъ Богъ, *малжонцѣ своей*"; 2) до акту весѣльнаго панна Катерина будетъ жить, какъ и раньше, въ домѣ своихъ родителей; 3) повѣнчанные женихъ и невѣста обязываются „додержати одно другому слово вѣры" относительно вступленія въ бракъ, а которая изъ сторонъ нарушитъ его, повинна будетъ заплатить другой закладъ (неустойку) въ 10,000 золотыхъ и вознаградить „шкоды" и убытки.—Эту интерцызу ствердили своими подписями и печатями, въ числѣ другихъ свидѣтелей, митрополитъ Могила и архимандритъ Кизаревичъ [1]).

Итакъ, что говоритъ намъ этотъ документъ? Что церковное вѣнчанье рѣшительно ни въ чемъ не измѣнило положенія молодыхъ противъ того, въ какомъ они обычно оставались послѣ „змовинъ": невѣста попрежнему оставалась до свадьбы жить въ домѣ родителей, попрежнему она именовалась „панною", „*будущею* малжонкою" своего повѣнчаннаго жениха; даже договорная связь между ними, по интерцизѣ, вовсе не почиталась вѣчною, неразрывною; какъ при всякой гражданской сдѣлкѣ, крѣпость и нерушимость договора обезпечивалась лишь денежной неустойкой, и, слѣдовательно, заплативъ неустойку, можно было уничтожить самый договоръ и возобновить его съ другимъ лицемъ. Все это приравнивало данный случай брачнаго договора, уже освященнаго совершеніемъ церковнаго вѣнчанья, къ простой гражданской сдѣлкѣ, какою онъ и былъ на самомъ дѣлѣ, и ужъ никакъ не согласовалось съ церковными узаконеніями; тѣмъ не менѣе высшія духовныя лица, присутствовавшія при этомъ дѣлѣ и даже принимавшія въ немъ личное участіе, нимало не противились „шлюбной интерцизѣ", а еще сами, въ качествѣ свидѣтелей, ствердили ее своими подписями.

А вотъ другой фактъ, относящійся къ болѣе позднему времени. Въ 1726 году шляхтичъ русинъ Василій Выговскій

---

[1]) Книга гродская Житомирская № 9, л. 279.

жаловался Овруцкому гродскому суду на пановъ Вербицкихъ, что они сговорили за него дочь свою и даже *повѣнчали* ее съ нимъ, а потомъ нарушили уговоръ: не ожидая„ акту весѣльного, отдали ее замужъ за иншого". [1]) Любопытно, что жалобщикъ вовсе не домогается правъ на особу своей вѣнчанной невѣсты и лишь претендуетъ „за шкоды и дизгоноръ" (убытки и безчестье),— совсѣмъ такъ, какъ прентендовали за нарушеніе предбрачнаго договора и въ томъ случаѣ, когда не совершалось вѣнчанье, а были только „заручины".

Изъ приведенныхъ случаевъ (а такихъ можно бы привести очень много), кажется, очевидно, что церковное вѣнчанье въ Южной Руси въ XVI, XVII и даже въ началѣ XVIII ст. не представляло существенно необходимаго условія для того, чтобы бракъ былъ признанъ законнымъ предъ лицемъ общества и даже предъ лицемъ государства, и хотя въ большинствѣ случаевъ это таинство исполнялось, но имѣло лишь значеніе акта религіознаго, а не юридическаго. Не оно скрѣпляло брачный союзъ, и повѣнчанные женихъ и невѣста такъ же легко до „акта весѣльного" могли разорвать предбрачный контрактъ, или интерцызу, какъ и невѣнчанные, а только „змовленные" и „заручение". Наконецъ, не вѣнчанье полагало начало дѣйствительному супружеству, а только „весѣлье". Отголосокъ такого порядка вещей удержался и до сихъ поръ въ средѣ простого народа въ Малороссіи, гдѣ повѣнчанные молодые, по существующему обычаю, не имѣютъ права жить совмѣстно и вступить въ дѣйствительное супружество, пока не будетъ справлено „весилье": это вѣрный пережитокъ тѣхъ временъ, когда „актъ весѣльный" не былъ, какъ теперь, пустымъ ритуаломъ, а почитался актомъ юридическимъ.

Какъ справлялось въ тѣ времена „весилье" въ нашемъ краѣ? Вѣроятно, такъ-же, какъ оно и теперь справляется простымъ людомъ въ Малороссіи, но въ документахъ мы находимъ мало подробностей, касающихся тогдашнихъ свадебныхъ обы-

---

[1]) Книга гродская Овруцкая, 1726 г., № 3227, л. 210.

чаевъ. Какъ и теперь въ нашемъ простонародьи, днемъ „акта весѣльнаго" назначалось обычно *воскресенье*. На церковные посты тогда мало обращали вниманья: есть указанья, что свадьбы свободно совершались въ рождественскій, петровскій и успенскій посты, не знаемъ, справлялись ли онѣ и въ великій постъ. Наканунѣ свадьбы въ домъ невѣсты пріѣзжалъ женихъ въ сопровожденіи пріятелей—„бояръ"; вѣроятно, они пріѣзжали съ оружіемъ и производили большой шумъ, можетъ быть, стрѣляли,—потому что въ одной „интерцызѣ" находимъ особое условіе, обязывавшее жениха прибыть „съ панами-пріятелями до акту весѣльного звычаемъ старожитнымъ христіанскимъ, вшелякую заховуючи пристойность" [1]). Въ другомъ актѣ упоминается, что женихъ съ боярами прибылъ въ домъ невѣсты „зъ вѣнцемъ, якъ то обычай есть". [2]) Вслѣдъ за женихомъ и боярами прибывали его родители, а если сами не могли пріѣхать, то присылали вмѣсто себя „умоцованыхъ" особъ: въ одномъ документѣ женихъ упоминаетъ „про ихъ милость пановъ, которые з руки пана отца моего, за листомъ умоцованымъ и вѣрющимъ", въ домъ его тестя „в бранню панны приежджали".

Можно полагать, что въ числѣ свадебныхъ обрядовъ былъ и тотъ, который и нынѣ практикуется на сельскихъ свадьбахъ въ Малороссіи: разумѣемъ обрядную манифестацію цѣломудрія невѣсты. По крайней мѣрѣ въ XVI вѣкѣ женихъ нерѣдко на другой день свадьбы торжественно благодарилъ тестя и тещу и дарилъ молодую жену за то, что она оказалась дѣвственницей. Такъ въ 1570 году волынскій князь Вороницкій послѣ свадьбы выдалъ своей княгинѣ слѣдующую запись: „Чиню вѣдомо, ижъ зъ воли Божое а милости своее понялъ есмы в маложенство за себе, подле закону нашого светого християнского, дочку его милости п. Тихна Ивановича Хомяка-Смордовского панну Ганну; по которой малжонци своей милой княгинѣ Ганнѣ я взнавши доброе, вѣрное а цнотливое въ еи паненствѣ захованѣ ку собѣ, ижъ она, малжонка моя ми-

---

[1]) Книга гродская Житом. № 9, л. 279.
[2]) Книга гродск. Луцк. 1638 г. № 2473, л. 836.
[3]) Книга гродск. Луцк. № 2014, л. 466.

лая, яко зацного отца и почтивои матки своее, вышла, ни в чомъ стану а особы паненства своего не нарушила, але все те, што доброй а цнотливой паненцѣ належало, мнѣ в станъ святобливый малъженский принесла; а такъ я, познавши по ней, малжонцѣ моего милой, такую вѣрность, учтивое захованe ку собѣ, а будучи тому вдяченъ непомалу, и з тои вдячности моее родичомъ еи, отцу и матцѣ, великое подякованье мое вчинилъ, а ей, малжонцѣ моей милой, даю, дарую и записую двѣстѣ золотыхъ угорскихъ" [1]). А въ 1568 г. другой волынскій князь Иванъ Буремскій даровалъ своей молодой княгинѣ Марьѣ Гулевичевнѣ „по доброй ночи" золотую цѣпь въ награду „за панянство" [2]).

Вотъ и все, что содержится въ актахъ о стародавнихъ свадебныхъ обычаяхъ. Упоминаются еще нерѣдко какія-то *„приносины"*, справлявшіяся въ домѣ родителей жениха въ присутствіи свадебныхъ гостей, но опредѣлительнаго указанія на характеръ и значеніе этого обычая мы не нашли въ актахъ. Вѣроятно, это были *переносины* приданаго невѣсты—обычай, который подъ этимъ названіемъ сохранился и понынѣ кое-гдѣ въ Малороссіи.

Этимъ мы и могли бы закончить нашъ докладъ, такъ какъ извлекли изъ извѣстныхъ намъ актовъ все существенное, относящееся къ вопросу о формахъ заключенія браковъ въ данную эпоху и соединенныхъ съ нимъ обрядахъ. Но въ нашемъ распоряженіи имѣется одинъ крайне рѣдкій документъ, извлеченный изъ тѣхъ же актовыхъ книгъ и указывающій на какой-то особый, совершенно оригинальный способъ заключенія брака. Вотъ содержаніе этого документа. Въ 1606 году въ м. Олыкѣ въ магистратскомъ судѣ разсматривалось дѣло о нѣкоемъ Янушѣ Кобринцѣ, слугѣ литовскаго подстолія Николая Глѣбовича, обвинявшемся въ убійствѣ своего товарища. Хотя при разборѣ дѣла выяснилось, что убійство совершено было безъ намѣренія,

[1]) Кн. гр. Луцкая 1570 г., № 2044. л. 42.

[2]) Кн. гр. Луцкая, № 2042, л. 382.

въ ссорѣ, тѣмъ не менѣе убійца былъ заключенъ тюрьму, и окончательное рѣшеніе дѣла было передано на волю его господина, т. е. Глѣбовича. Но во время разбора этого дѣла въ магистратѣ „*учтивая девочка местская*" (т. е. одна честная дѣвушка изъ горожанокъ) обратилась къ ходатайству многихъ „шляхетныхъ и учтивыхъ" людей, *хотечи его* (преступника) *собѣ впросити въ станъ святый малженскій*. Присутствовавшій при разборѣ дѣла уполномоченный со стороны п. Глѣбовича призналъ это заявленіе дѣвушки настолько важнымъ обстоятельствомъ, что немедленно донесъ о немъ своему пану и получилъ отъ него согласіе на такой декретъ: убійца можетъ быть освобожденъ отъ наказанія подъ тѣмъ условіемъ, если немедленно „*пріиметъ шлюбъ съ тою дѣвочкою учтивою явно, въ костелѣ католицкомъ*"; въ противномъ случаѣ „*южъ бы реч иншая з нимъ се деяла*", т. е. съ нимъ будетъ поступлено по строгости закона. Подсудимый былъ человѣкъ сговорчивый и безпрекословно согласился обвѣнчаться съ своею избавительницею. Прямо изъ тюрьмы онъ былъ и отведенъ въ костелъ въ сопровожденіи вознаго, которому вмѣнено было въ обязанность присутствовать при вѣнчаньи. На другой день этотъ возный, явившись въ Луцкій гродскій урядъ, донесъ подстаростѣ и вписалъ въ актовыя книги реляцію о томъ, что подсудимый Янушъ Кобринецъ, въ его присутствіи, былъ обвѣнчанъ съ „местскою дѣвочкою и во всемъ декрету досыть учинилъ" [1]).—Такимъ образомъ данный документъ съ несомнѣнною достовѣрностью свидѣтельствуетъ о томъ, что на Волыни въ XVII ст. (а можетъ быть, и въ болѣе раннее время) существовалъ обычай, имѣвшій силу юридическаго установленія, по которому осужденный преступникъ могъ быть освобожденъ отъ казни, если находилась честная дѣвушка, заявлявшая предъ судомъ о своемъ желаніи выйти за него замужъ, и если, конечно, осужденный не отказывался отъ этого брака. Мы не сдѣлали бы такого рѣшительнаго вывода изъ этого, къ сожалѣнію, единственнаго пока

---

[1]) Кн. гр. Луцк. 1606, № 2421, л. 230 об.

документа въ этомъ родѣ, еслибъ онъ не находился въ полномъ согласіи съ живымъ народнымъ преданіемъ. Въ той же Волыни, въ Дубенскомъ у., въ м. Крупцѣ, на церковномъ погостѣ сохранился курганъ, о которомъ существуетъ въ народѣ такое преданіе. Молодой козакъ за какое-то преступленіе былъ приговоренъ къ смертной казни. Когда прочитанъ былъ декретъ и палачъ подвелъ осужденнаго къ плахѣ, изъ толпы вышла дѣвушка и *накрыла платкомъ его голову*, давая тѣмъ знакъ, что она избираетъ его себѣ въ мужья и тѣмъ освобождаетъ его отъ казни. Но когда осужденный поднялъ голову изъ-подъ платка и увидѣлъ свою избавительницу, то съ горькою усмѣшкою отвернулся отъ нея и сказалъ палачу: „Э, рубай краще, а жить с такою поганою не хочу". Приговоръ былъ исполненъ. Казненнаго похоронили близъ церкви и насыпали надъ нимъ высокую могилу [1]).—Подобныя преданія сохранились также въ Новороссіи, на бывшей территоріи Запорожскаго войска. Напомнимъ хотя бы извѣстный разсказъ запорожца Коржа, записанный въ первой четверти нынѣшняго вѣка. Въ г. Самарѣ (т. е. нынѣшнемъ Новомосковскѣ) тоже вели на казнь осужденнаго преступника. Шествіе остановила дѣвушка подъ бѣлымъ покрываломъ, заявившая желаніе выйти замужъ за осужденнаго и тѣмъ спасти его отъ смерти. Толпа съ любопытствомъ ожидала, что отвѣтитъ на это осужденный. Онъ потребовалъ, чтобы дѣвушка сняла покрывало и, взглянувъ ей въ лицо, тоже отказался отъ спасенія, сказавъ: „якъ маты таку дзюбу весты до шлюбу, то липше на шыбеныци даты дубу" [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, что такіе удальцы—привередники не часто встрѣчались въ дѣйствительности, и потому преданія о нихъ довольно рѣдки; другіе же случаи, когда дѣло рѣшалось ко взаимному удовольствію сторонъ, не могли поражать народное воображеніе, какъ дѣло обыкновенное, и не сохранились въ народной памяти. Но и уцѣлѣвшія рѣдкія преданія такъ во всемъ

---

[1]) Вол. Еп. Вѣд 1872 г. стр. 561.

[2]) Устн. повѣств. запор. Коржа, стр. 24

согласны съ подлиннымъ историческимъ фактомъ, что сомнѣваться въ достовѣрности существованія даннаго обычая нельзя.

Другой вопросъ: откуда возникъ у насъ этотъ странный обычай? Что онъ не самобытенъ,—это видно уже изъ того, что ни въ Статутѣ, ни въ другихъ русскихъ законодательныхъ памятникахъ о немъ нѣтъ упоминанія. Между тѣмъ онъ несомнѣнно существовалъ въ быту нѣкоторыхъ западно-европейскихъ народовъ въ средніе и даже въ новые вѣка; во Франціи, напримѣръ, его стремился ограничить въ 1668 г. Людовикъ XIV [1]). Но разсмотрѣніе этого интереснаго вопроса выходитъ уже за предѣлы нашей задачи.

Ор. Левицкій.

[1]) Loiseleur, Des crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes. Paris, 1863, 272—273.

ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО

И

ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ.

*(Продолженіе *).*

IX.

Неустойчивость теоретическихъ представленій о южно-русской драмѣ теперь и прежде. Теорія комедіи по Довгалевскому и его собственныя интерлюдіи. Точки соприкосновенія между вертепной драмой и серьезными рождественскими драмами.

Замѣчательно, что, по мѣрѣ паденія книжной малорусской рѣчи, все настойчивѣе и чаще начала замѣнять ее народная малорусская рѣчь. Не безъ основанія можно сказать даже, что преобладаніе первой какъ бы устраняло надобность въ литературномъ употребленіи послѣдней. Только этимъ можно объяснить, напримѣръ, то обстоятельство, что отъ XVII вѣка, за исключеніемъ двухъ интермедій Гаватовича (1616 г.), [1]) мы не имѣемъ виршей, написанныхъ народной малорусской рѣчью безъ всякой примѣси книжныхъ элементовъ. Но интермедіи Гаватовича сохранились при трагедіи, написанной на польскомъ языкѣ, [2]) изъ чего заключить можно, что Гаватовичъ, русинъ по происхожденію,

---

*) См. Кіевск. Стар., 1899, № 12.

[1]) Кіевская Старина 1893 г., декабрь.

[2]) Заглавіе ея слѣдующее: Tragaedia albo wizerunek smierci przeswietego Chrezciciela, Przesłanca Bozego.

былъ учителемъ не въ братской православной школѣ, а въ одной изъ католическихъ польскихъ школъ, въ которыхъ уже во второй половинѣ XVI в. писались интермедіи на темы изъ народной жизни, съ дѣйствующими лицами изъ простонародья, на простонародномъ языкѣ мазурскомъ, русинскомъ и т. п.[1]) Можно думать поэтому, что интермедіи Гаватовича были плодомъ школьной теоріи, господствовавшей въ польскихъ школахъ, а не того національнаго движенія, которое побуждало малорусскихъ писателей воспользоваться этой теоріей для своихъ цѣлей.

Какъ извѣстно, это были религіозно-просвѣтительныя цѣли. Говоря это, мы далеки отъ мысли, высказанной г. Петровымъ, будто бы „первые опыты подражательнаго духовнаго театра были чисто мистеріальнаго характера и даже иногда привязывались къ церковному богослуженію".[2]) Такъ именно онъ думаетъ о драмѣ „Дѣйствіе на страсти Христовы", связывая ее съ такъ называемыми пассіями, которыя, по всей вѣроятности, появились въ великопостномъ богослуженіи южно-русской церкви въ началѣ XVII в., при митрополитѣ кіевскомъ Іовѣ Борецкомъ. Но, во первыхъ, можно ли этой драмѣ приписывать *чисто мистеріальный* характеръ? По нашему мнѣнію, духовная драма появилась въ южной Руси послѣ того уже, какъ она получила въ Польшѣ и во всей западной Европѣ типическія черты школьной драмы. Извѣстно, что эти черты выработались подъ вліяніемъ борьбы католичества съ лютеранствомъ, съ другой стороны—подъ вліяніемъ возрожденія наукъ и искусствъ въ

---

[1]) Wiszniewsky, Historya Literatury Polskiej, т. VII, стр. 248. Въ императорской публичной библіотекѣ есть нѣсколько рукописей съ драматическими пьесами на латинскомъ и польскомъ языкахъ, со вставками комическаго содержанія на бѣлорусскомъ нарѣчіи, подъ №№: Q. XIV. 30. Q. XIV. 53. Q. XIV. 80. См. также въ Кіевской Старинѣ за 1894 г., іюль: „Южнорус. интермедіи изъ польской драмы: Com. duchowna ss. Borysa и Hleba". Бытовыя сцены, повидимому, на южно-русскомъ языкѣ идутъ чрезъ всю драму, не выдѣляясь изъ нея. Къ сожалѣнію, прочитаны и напечатаны эти сцены неудовлетворительно.

[2]) Кіевская Старина 1882 г. декабрь, 456.

западной Европѣ. Поэтому въ самыхъ раннихъ южно-русскихъ драмахъ мы уже встрѣчаемъ такія особенности, которыя совершенно чужды были средневѣковой мистеріи, напримѣръ, *прологъ*, иногда *антипрологъ*, раздѣленіе на акты съ опредѣленнымъ числомъ сценъ, миѳологическія имена и т. п. Духовныя мистеріи въ подлинномъ, настоящемъ смыслѣ этого слова ничего подобнаго не представляли, поэтому мы думаемъ, что никогда и не было въ южной Руси настоящихъ средневѣковыхъ мистерій. Не была таковою и драма „Дѣйствіе на страсти Христовы", которую самъ Петровъ въ другомъ мѣстѣ называетъ школьной драмой [1]). Во вторыхъ, въ драмѣ этой одно изъ дѣйствующихъ лицъ есть богиня вражды *Еринньсъ*. Не думаемъ, чтобы представители южно-русскаго православія, при всемъ своемъ пристрастіи къ миѳологической терминологіи, могли допустить въ драмѣ, „привязанной къ церковному богослуженію", миѳологическія имена, тѣмъ болѣе, что въ драмѣ этой одно *пѣніе* написано по польски. Въ третьихъ, не можемъ мы раздѣлять и того мнѣнія г. Петрова, что другіе виды духовной драмы (напримѣръ, такъ называемые, миракли, драматизированныя священно-историческія хроники и т. п.) начали появляться въ южной Руси послѣ того, какъ были упрочены въ кіевской академіи пассіональныя и рождественскія духовныя драмы. Не понятно, почему въ числѣ этихъ будто бы позже появившихся драмъ г. Петровъ называетъ и „Діалогъ объ Алексіѣ человѣкѣ Божіемъ" [2]).

Къ XVII в. относятся южно-русскія драмы, написанныя книжною малорусскою рѣчью. Предшествовали появленію ихъ школьныя вирши въ діалогической формѣ. Такова была, напримѣръ, рождественская вирша извѣстнаго лексикографа и типографа Памвы Берынды, напечатанная въ 1616 г. Посвящена она епископу львовскому Іереміи Тисаровскому, котораго проситъ сочинитель принять

„За коляду и щодрый день книжечку тую,

---

1) Ibidem, стр. 457.

2) Ibidem, стр. 459—460.

Которая то презъ дѣтокъ деклямована
И для утѣхи на день тотъ з друку выдана" [1]).

Вирша Берынды „деклямована" семью лицами, — такая же рождественская вирша Кирилла Транквилліона-Ставровецкаго, напечатанная въ его „Перлѣ многоцѣнномъ" (1646 г.), составлена для пяти лицъ, при чемъ составитель говоритъ о своемъ „Перлѣ", что „съ той книги святои могутъ (студенты) выбирать вѣрши на свою потребу и творити з нихъ ораціи розмаитыи часу потребы своеи, хочъ и на комедіяхъ духовныхъ" [2]). Изъ этихъ словъ ясно отношеніе діалога къ драмѣ. Отъ XVII в. до насъ дошла даже драма, которая называется „Розмова въ кратцѣ о душѣ грѣшной, судъ принявшей отъ судіи справедливаго, Христа Спасителя" [3]). „Розмова" эта любопытна бытовыми подробностями, изображающими судебные порядки того времени. По всей вѣроятности, она появилась одновременно съ первой оригинальной малорусской драмой „Алексѣй человѣкъ Божій", представленной „чрезъ шляхетную молодь студенскую въ коллегіумѣ кіево-могилеанскомъ" и, по желанію воеводы кіевскаго Георгія Трубецкаго, напечатанной въ кіево-печерской лаврѣ въ 1674 г. [4]). Думаемъ такъ на основаніи общей терминологіи въ „Розмовѣ" и въ драмѣ: *видокъ*, *видѣніе*, а не *дѣйствіе*, *явленіе*, какъ въ позднѣйшихъ драмахъ. Вообще можно сказать, что въ то время въ малорусской литературѣ, повидимому, не установилось даже опредѣленное названіе для драматическихъ произведеній. Такъ изъ двухъ драмъ, недавно открытыхъ г. Франкомъ, одна называется „Dialogus de passione Christi", а другая пасхальная

---

[1]) Императорской публичной библіотеки церковно-славянскій отдѣлъ, I, 8, № 12.

[2]) Второе (могилевское) изданіе 1699 г. изъ библ. кіево-печерской лавры, отд. VII, № 68.

[3]) Кіевская Старина 1884 г., іюнь.

[4]) Хронологическій указатель церковно-славян. книгъ, вып. I. См. также у Тихонравова „Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ". Спб. 1874 г.

драма „Слово о буренью пекла". Драма конца XVII вѣка, о которой говорили мы выше, называется „Дѣйствіе на страсти Христовы" [1]).

Та же неопредѣленность и спутанность терминологіи въ названіи драмы продолжается и въ XVIII в. Извѣстная рождественская драма, приписываемая обыкновенно Дмитрію Ростовскому, называется „Комедія на рождество Христово" [2]). Существенное отличіе ея отъ драмъ XVII в. заключается въ томъ, что она написана, какъ и всѣ серьезныя драмы XVIII вѣка, славяно-малорусскою рѣчью. Дѣйствіе въ ней развивается слабо, благодаря вторженію въ нее чудеснаго элемента, но драма задумана широко и исполнена съ большимъ талантомъ. Въ антипрологѣ Смерть и Жизнь спорятъ между собою о томъ, кому принадлежитъ Натура людская. Затѣмъ идетъ обычное содержаніе рождественской драмы—поклоненіе пастырей и волхвовъ родившемуся Спасителю міра, страхъ Ирода предъ вѣстью о новорожденномъ царѣ іудейскомъ, избіеніе младенцевъ, плачъ матерей въ образѣ плачущей Рахили, смерть Ирода и, въ заключеніе, торжество Жизни надъ Смертію, которая не овладѣла Натурой людской.

„Не умре натура людска", говоритъ Жизнь, обращаясь
къ Смерти, „по вѣкъ жива будеть,
Твоей области данна никогда не будетъ" [3]).

---

[1]) Кіевская Старина, 1891 г., январь, 1896 г., іюнь.

[2]) Драма напечатана у Тихонравова: «Русскія драматическія произведенія 1672—1725 гг.».

[3]) Русскія драматическія произведенія 1672—1725 гг., Тихонравовъ, стр. 397. И. А. Шляпкинъ сомнѣвается въ томъ, что драма эта написана Дмитріемъ Ростовскимъ, такъ какъ заключительные стихи пролога, въ которыхъ испрашивается благословеніе архіерея на исполнителей драмы, будто бы отвергаютъ авторство Дмитрія. (Св. Дмитрій Ростовскій и его время, стр. 343). Намъ кажется, что Дмитрій въ данномъ случаѣ могъ слѣдовать обычаю, принятому въ южно-русскихъ школахъ, вовсе не имѣя въ виду своей личности, да и написать драму могъ онъ еще тогда, когда не былъ архіереемъ.

Для насъ важнѣе всего бытовыя сцены въ драмѣ, имѣющія характеръ интермедій, тѣ сцены, въ которыхъ выступаютъ пастухи, узнающіе отъ ангела о рожденіи Спасителя. Разговариваютъ они почти по великорусски съ небольшою примѣсью малорусскихъ особенностей рѣчи, доказывающихъ, что въ первоначальномъ текстѣ этихъ разговоровъ была народная малорусская рѣчь. Отсюда мы дѣлаемъ заключеніе, что драма написана была на югѣ, но дошла до насъ въ сѣверной редакціи, которая установлена была самимъ авторомъ послѣ 1701 года, когда изъ игуменовъ новгородъ-сѣверскаго монастыря онъ назначенъ былъ сперва сибирскимъ, а потомъ ростовскимъ митрополитомъ [1]).

---

1) Кромѣ этой драмы, а также четырехъ драмъ, о которыхъ говорили мы въ четвертой главѣ нашего изслѣдованія, на славяно-малорусскомъ языкѣ написаны были еще слѣдующія драмы: 1) «Свобода» (1701 г.) неизвѣстнаго автора (не издана, рукопись хранится въ иркутской семинаріи). 2) «Мудрость предвѣчная» (1703 г.)—тоже неизвѣстнаго автора (отрывки изъ нея напечатаны въ Трудахъ кіевской Духовной академіи, 1866 г., ноябрь; рукопись—въ библіотекѣ кіевской Духовной семинаріи, № 608). 3) «Іосифъ Патріархъ» (1708 г.)—трагедокомедія Лаврентія Горки, учителя піитики въ кіевской Дух. академіи, въ 1707—1708 гг. (издана Тихонравовымъ: «Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ», 1874 г.; рукопись въ кіевской Духовной академіи, № О. 4°. 7; есть также списокъ въ библіотекѣ кіево-михайловскаго монастыря въ концѣ піитики Л. Горки). 4) Трагедокомедія Сильвестра Ляскоронскаго (1729 г.) (издана въ Трудахъ кіевской Духовной академіи, 1873 г., сентябрь). 5) Комическое дѣйствіе» —рождественская драма Митрофана Довгалевскаго (1736 г.). 6) «Властотворный образъ человѣколюбія Божія» – воскресенская драма его же (1736—1737 г.); (отрывки изъ драмъ Довгалевскаго—въ «Очеркахъ изъ украинской литературы XVIII в.» Петрова; рукопись обѣихъ драмъ—въ библіотекѣ кіево-михайловскаго монастыря, № 1710). 7) «Брань честныхъ добродѣтелей» іеромонаха Іоасафа Горленка (1737 г.) (отрывки въ «Очеркахъ» Петрова; рукопись кіевской Духовной академіи по печатному описанію № 664). 8) «Образъ страстей міра сего» неизвѣстнаго автора (1739 г.) (издана въ Трудахъ кіевской Духовной академіи, 1877 г., сентябрь; рукопись церковно-археологическаго музея при кіевской Дух. академіи, № 660). 9) «Благоутробіе Марка Аврелія» Михаила Козачинскаго, префекта кіевской Дух. академіи (драма

Въ XVIII в. является новое названіе драмы—трагедокомедія, введенное Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Повидимому, это названіе находится въ связи съ стремленіемъ внести въ серьезную драму изображеніе обыденныхъ явленій жизни, составляющихъ содержаніе комедіи. Тѣмъ не менѣе въ представленіяхъ о комедіи не было достаточной ясности. По прежнему назывались иногда комедіями или комическими дѣйствіями драмы отвлеченнаго, богословскаго содержанія. Такъ, напримѣръ, Довгалевскій называетъ свою рождественскую драму: „Комическое дѣйствіе въ честь царю царей Христу Господу четырма явленіи изображенное", и тотъ же Довгалевскій въ піитикѣ своей даетъ теорію комедіи, не имѣющую ничего общаго съ его же собственными понятіями о драмѣ серьезнаго содержанія. Комедія, по его мнѣнію, отличается отъ трагедіи 1) матеріей, ибо изображаетъ явленія простой, частной жизни, дѣйствія забавныя и веселыя, тогда какъ трагедія—важныя и серьезныя; 2) лицами, ибо въ комедіи выводятся лица не важныя (leves), напримѣръ: господарь (paterfamilias), литвинъ, цыганъ, козакъ, еврей, полякъ, скиѳъ, грекъ, итальянецъ, тогда какъ въ трагедіи—вожди, цари, герои; 3) изложеніемъ (dictione): комедія излагается словами простыми, обыкновенными, шутливыми, трагедія—словами важными, метафорическими; 4) страстями (affectu): въ комедіи страсти спокойныя, въ трагедіи бурныя; 5) концемъ дѣйствія: въ комедіи конецъ веселый, если даже начало печальное; въ трагедіи, наоборотъ, возможно начало веселое, конецъ же непремѣнно долженъ быть несчастнымъ [1]). Извѣстно, что тотъ же Довгалевскій есть авторъ лучшихъ интерлюдій XVIII вѣка, во многомъ соотвѣтствующихъ его теоретическимъ понятіямъ о комедіи. И однако же не назвалъ онъ ихъ комедіями, потому, вѣроятно, что онѣ не

написана по случаю прибытія въ Кіевъ Елисаветы Петровны въ 1744 г. и напечатана въ Кіевѣ въ 1745 году; отрывки изъ нея въ «Очеркахъ» Петрова). 10) «Трагедокомедія, нарицаемая Фотій» Георгія Щербацкаго (1749 г.); (напечатана въ Трудахъ кіевской Дух. академіи 1877 г., декабрь).

[1]) Рукопись кіево-михайловскаго монастыря № 1710.

заключаютъ въ себѣ составныхъ частей драмы, на которыя указываетъ самъ Довгалевскій, т. е. нѣтъ въ нихъ пролога, протазиса, эпитазиса и катастрофы. Онѣ представляютъ только рядъ намековъ на главные моменты дѣйствія, развивающагося въ драмѣ. Такъ, въ прологѣ къ „Комическому дѣйствію" Довгалевскаго Валаамъ пророчествуетъ о рожденіи Спасителя, а въ первой интерлюдіи къ этой драмѣ его же астрономъ предсказываетъ будущее двумъ мужикамъ и литвину; въ первомъ дѣйствіи драмы три царя, внуки Валаама, разсуждаютъ о ѕвѣздѣ, явившейся на востокѣ, а во второй интерлюдіи мужикъ разсказываетъ сонъ свой, въ которомъ онъ видѣлъ, будто бы эта самая звѣзда бьется съ мѣсяцемъ; во второмъ явленіи драмы приходятъ цари съ дарами, а въ третьей интерлюдіи приходятъ къ ляху крестьяне его съ поклономъ и дарами и проч. Собственно говоря, это матеріалъ для драмы, но не самая драма, каррикатурное отраженіе ея, но не комедія.

Что же мѣшало Довгалевскому и другимъ составителямъ интерлюдій превратить ихъ въ комедію?

Намъ кажется, что они стѣснены были авторитетомъ теоріи, которая требовала отъ всякой серьезной драмы рѣчи „важной, метафорической". Они понимали возможность комическихъ лицъ и положеній въ трагедокомедіи. Мы видѣли, что Конисскій въ эпилогѣ къ драмѣ своей „Воскресеніе мертвыхъ" называетъ себя „комѣкомъ" и изображаетъ въ ней обыкновенныхъ лицъ, даже земледѣльца, но этотъ земледѣлецъ разсуждаетъ, какъ „письменный" человѣкъ, и вообще вся драма написана въ возвышенномъ стилѣ, славяно-малорусскою рѣчью, поэтому тотъ же Конисскій присоединяетъ къ ней пять интерлюдій, въ которыхъ дѣйствующія лица говорятъ уже обыкновенною, народною рѣчью. Такимъ образомъ вторгалась эта рѣчь въ литературныя произведенія, не смотря на стилистическій пуризмъ, поддерживаемый псевдоклассической теоріей драмы. Да иначе и быть не могло въ странѣ, въ которой не было единой и цѣльной литературной рѣчи, обязательной въ кругу образованныхъ людей. Наиболѣе устойчивой силой въ ней былъ народъ съ его не угасавшимъ еще поэтическимъ творчествомъ, которое возможно было только

на почвѣ родного языка. Вотъ почему тяготѣніе къ этому языку не исчезало въ средѣ малорусскихъ писателей, даже тѣхъ, которые стремились взобраться на вершины литературнаго Парнаса. Въ этомъ отношеніи любопытно письмо изъ Петербурга какого-то Лобысевича къ Георгію Конисскому, у котораго онъ проситъ его интерлюдій, замѣчая, что „во всякомъ нарѣчіи языковъ есть своя красота“ для тѣхъ, кто умѣетъ „подъ корою просторѣчія находить драгоцѣнности мыслей“ [1]). Что касается до составителей интерлюдій, то они видѣли въ псевдоклассическомъ отдѣленіи комедіи отъ трагедіи удобный исходъ для своего творчества, находившаго свѣжія и яркія краски въ простонародной рѣчи. Можно полагать даже, что Довгалевскій не чуждъ былъ смутнаго представленія о томъ, что изъ интерлюдій могла бы выработаться комедія. Думаемъ такъ на томъ основаніи, что въ прежнее время вставлялись интерлюдіи въ средину драмы, тогда какъ Довгалевскій свелъ ихъ въ одно цѣлое, такъ что онѣ занимаютъ въ его драмахъ отдѣльное мѣсто, какъ дополнительныя части каждой изъ нихъ. Оставалось только сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ—составлять интерлюдіи независимо отъ серьезной драмы, группируя ихъ вокругъ своего самостоятельнаго центра дѣйствія. Но для этого нужно было отрѣшиться отъ церковно-религіозной почвы, на которой выросла малорусская драма.

Не отрѣшилась отъ этой почвы и народная, такъ называемая, вертепная драма, особенно въ первой части своей. Въ общемъ расположеніе драматическаго матеріала представляетъ большое сходство съ „Комическимъ дѣйствіемъ царю царей“ Довгалевскаго. Собственно говоря, содержаніе первой части „Комическаго дѣйствія“, равно какъ и нашей вертепной драмы, заимствовано главнымъ образомъ изъ школьныхъ рождественскихъ драмъ, въ которыхъ не было интерлюдій. Это легко подтвердить ссылками на рождественскую „комедію“ Дмитрія Ростовскаго, о которой мы говорили выше. Она могла быть извѣстна Довгалевскому, можетъ быть даже въ болѣе древнемъ первоисточникѣ и, безъ

[1]) Очеркъ изъ исторіи украинской литературы, Петрова, 111.

сомнѣнія, въ болѣе древней редакціи, чѣмъ та, которую мы имѣемъ. Довгалевскій выбросилъ изъ нея многія аллегорическія подробности, напримѣръ, олицетворенія натуры людской, земли и неба, вѣка золотого и желѣзнаго, разныхъ добродѣтелей и пороковъ человѣческихъ, разныхъ состояній души человѣческой. Весь аллегорическій матеріалъ онъ ограничилъ олицетвореніемъ гнѣва, смерти, декрета Божія и человѣколюбія Божія. „Любопытство звѣздочетское“ онъ представилъ въ конкретномъ образѣ астрономовъ, выступающихъ въ первой интерлюдіи къ его драмѣ. Но при этомъ образъ Валаама, который въ „комедіи“ Дмитрія Ростовскаго выставленъ „звѣздочетцемъ“, Довгалевскій перенесъ въ прологъ своей драмы, а для связи дѣйствія самихъ царей, открывающихъ драму, назвалъ внуками Валаама. Затѣмъ завязка драмы и причина погибели Ирода у Довгалевскаго и у Дмитрія Ростовскаго однѣ и тѣ же.

Совершенно независимо отъ „Комическаго дѣйствія“ Довгалевскаго, вертепная драма удержала изъ „комедіи“ Дмитрія Ростовскаго пастуховъ, которыхъ нѣтъ у Довгалевскаго, и образъ плачущей Рахили, тоже опущенный Довгалевскимъ. Пастухи въ вертепной драмѣ—живой снимокъ съ настоящихъ малороссійскихъ пастуховъ. Въ „комедіи“ Дмитрія Ростовскаго вмѣсто живой Рахили въ 16-мъ явленіи слышится плачъ и рыданіе о убіенныхъ отрочатахъ *подобіемъ* плачевной Рахили. На цѣлыхъ четырехъ страницахъ блѣдными фразами разведенъ этотъ неестественно длинный плачъ, который скорѣе можно назвать проповѣдью на тему: „гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть“. Самъ проповѣдникъ называетъ себя „гласомъ Рахили“, вѣстникомъ ея материнской печали. Между тѣмъ, въ вертепной драмѣ мы видимъ настоящую мать, убитую горемъ о погибшемъ чадѣ: въ сокиринскомъ варіантѣ этой драмы она одѣта по малороссійски, съ намиткою на головѣ, въ плахтѣ и въ запаскѣ. Въ сущности это простая сельская женщина, носящая только имя Рахили, поэтому воины Ирода называютъ ее просто бабой. Вообще говоря, даже въ первой части вертепной драмы мы видимъ живыхъ людей, а не ходульныя, мертвыя аллегоріи, которыми

изобилуютъ обѣ драмы ученыхъ авторовъ. Только одно отвлеченіе—именно смерть—играетъ въ вертепной драмѣ значительную роль, потому конечно, что народная фантазія давно привыкла представлять смерть живымъ существомъ, независимо отъ позднѣйшихъ школьныхъ вліяній.

Что касается до второй части вертепной драмы, то она вся цѣликомъ составлена изъ народныхъ сценъ, безъ малѣйшей примѣси книжности. Безъ сомнѣнія, такъ было и въ старину, когда слагалась эта драма, дошедшая до насъ въ позднѣйшихъ записяхъ [1]). Могли происходить подновленія и измѣненія въ языкѣ ея, посредствомъ которыхъ книжная рѣчь отъ долгаго обращенія въ устахъ народа дѣлается народною. Если Довгалевскій и Кониссвій, ученые профессора академіи, писали на народномъ языкѣ, то тѣмъ болѣе должны были слѣдовать примѣру ихъ люди, которые прямо и непосредственно обращались къ народу, и мы думаемъ, что въ тѣхъ редакціяхъ вертепной драмы, которыя дошли до насъ, она сложилась подъ вліяніемъ позднѣйшей школьной теоріи, отдѣлившей комическій элементъ отъ трагическаго. Различается она отъ драмъ Довгалевскаго и Кониссваго тѣмъ, что во второй части ея нѣтъ никакихъ параллелей и сближеній, даже отдаленныхъ и натянутыхъ, съ серьезною драмой, какія мы видимъ въ интерлюдіяхъ Довгалевскаго и Кониссваго. Единственная нить, соединяющая первую часть вертепной драмы со второю, заключается въ томъ, что въ первыхъ двухъ сценахъ этой послѣдней выдвинутъ мотивъ радости по поводу рожденія Спасителя. Стоило только оборвать эту нить, и мы имѣли бы народную комедію, совершенно освободившуюся отъ церковно-религіозныхъ мотивовъ. Правда, въ этой комедіи нѣтъ психологическихъ моментовъ, дающихъ жизнь и движеніе драмѣ, но они, безъ сомнѣнія, явились бы при дальнѣйшей разработкѣ богатаго бытового содержанія ея. Даже и

---

[1]) Записи Маркевича и Галагана: первая см. «Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ», изд. 1860 года; вторая см. Кіевская Старина, 1882 г., октябрь.

въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась до нашего времени, есть въ ней центральное лице, вокругъ котораго вращаются всѣ дѣйствія второстепенныхъ лицъ. Это именно запорожецъ, представитель народной силы, торжествующей надъ всѣми врагами народа, даже надъ самимъ чортомъ [1]).

X.

Какъ проникала народная рѣчь въ литературное употребленіе? Вопросъ о генезисѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршей. Стихотворенія священника Некрашевича.

Въ старину исполнителями вертепной драмы были, какъ извѣстно, странствующіе школьники, которые посредствомъ такъ называемаго „миркованья", добывали средства для своего пропитанія. Не всегда возвращались они въ школу, предпочитая ей жизнь странствующихъ дьяковъ и „бакаляровъ". Извѣстны они были также подъ именемъ „пиворѣзовъ", нерѣдко и сами себя они называли такъ въ сатирическихъ изображеніяхъ собственныхъ своихъ недостатковъ. Неодобрительно смотрѣли на нихъ духовныя власти, такъ какъ поведеніе ихъ часто не согласовалось съ достоинствомъ просвѣтителей народа. Тѣмъ не менѣе это были единственные распространители школьныхъ знаній, навыковъ и вкусовъ въ народѣ, который смотрѣлъ на нихъ безъ всякой непріязни [2]). Главное достоинство ихъ заключалось въ томъ, что они приспособляли тяжеловѣсную школьную премудрость къ пониманію народа, заимствуя въ свою очередь отъ него своеобразныя особенности мысли и рѣчи его. По разнымъ причинамъ люди эти не могли выступать въ активной роли

---

[1]) Анализъ вертепной вирши о запорожцѣ см. «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ», стр. 112—117. Тамъ же о типахъ, изображенныхъ въ вертепной драмѣ, въ связи съ соотвѣтствующимъ матеріаломъ въ интерлюдіяхъ Довгалевскаго и Кониcскаго, стр. 99—111.

[2]) См. Ibidem, гл. II.

представителей новыхъ образовательныхъ и литературныхъ вѣяній, возникавшихъ изъ новыхъ политическихъ условій жизни, обязательныхъ для всей лѣвобережной Украины. Сами они сознавали всѣ неудобства своего положенія въ той обстановкѣ, которая вмѣстѣ съ новымъ просвѣщеніемъ вносила въ общественную жизнь страны перестановку политическихъ и сословныхъ отношеній, выгодную для отдѣльныхъ лицъ, обладавшихъ энергіей и предпріимчивостью, и нежелательную для народной массы, окончательно закрѣпощенной при Екатеринѣ II (1783 г.). Какъ бы то ни было, „бакаляры“ чувствовали тяготѣніе къ этой массѣ, раздѣляя иногда печальную судьбу ея, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, одно старинное стихотвореніе, написанное на Ирмологіи, изданной въ 1757 году:

„Хто хоче лыха зазнати,
Ныхай иде въ N дякувати,
То буде панщыну въ будни робыты,
А въ суботу ходыть звоныты,
Сала по сели прохати
И скризь за хлибомъ шмаруваты“.

Обыкновенно спасались они отъ этого положенія бѣгствомъ:

„Сіе вамъ изображаю,
И самъ зъ N утикаю“,

говоритъ злополучный сочинитель того же стихотворенія [1]). Какъ видно, типъ „мандрованныхъ“ дьяковъ слагался отчасти подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ, которыя побуждали посполитый людъ передвигаться съ мѣста на мѣсто, спасаясь отъ экономическаго порабощенія. Вотъ въ этой именно средѣ—полународной и полукнижной—поддерживалась привычка писать вирши, которыя составляли нѣкогда необходимую принадлежность школьнаго образованія не только въ городахъ, но и въ селахъ, удовлетворяя въ то же время нравственнымъ и эстетическимъ потребностямъ всѣхъ слоевъ малорусскаго народа. Понятно въ виду всего сказаннаго, почему писатели этихъ виршей уходили нерѣдко

[1]) Кіевская Старина, 1897 г., ноябрь.

подъ сѣнь родной рѣчи, которая давала имъ изобильныя краски для выраженія печалей и радостей, какъ личной, такъ и общественной жизни. Такимъ путемъ проникала эта рѣчь въ литературное употребленіе гораздо раньше, чѣмъ написана была Энеида Котляревскаго.

Въ свое время мы занимались изслѣдованіемъ виршевого творчества, имѣя въ виду выяснить вліяніе его на образованіе поэтическаго стиля народныхъ малорусскихъ думъ [1]). Не повторяя того, что сказано было нами раньше, замѣтимъ только, что къ самымъ типичнымъ виршамъ въ народно-психологическомъ смыслѣ относятся рождественскія и воскресенскія. Мы вовсе не касались генезиса ихъ, сосредоточивъ свое вниманіе на тѣхъ виршахъ, которыя составлены были въ народномъ вкусѣ „бакалярами" сельскими. Между тѣмъ послѣ того, какъ напечатана была наша книга, появилась любопытная статья г. Мирона подъ заглавіемъ: „Южно-русская пасхальная драма" [2]). Почтенный галицкій ученый, слѣдуя указаніямъ покойнаго Драгоманова, объясняетъ происхожденіе одной воскресенской вирши изъ пасхальной драмы, открытой самимъ же Мирономъ. Мы ничего не говоримъ противъ того, что въ данномъ случаѣ вирша могла появиться этимъ путемъ, но думаемъ только, что нѣтъ достаточныхъ основаній для обобщенія этого факта. Говоримъ объ этомъ въ виду того обстоятельства, что въ статьѣ самого Драгоманова, которой мы не имѣли возможности прочесть, сказано, повидимому, больше того, что нужно, по поводу этой самой воскресенской вирши [3]). Издавая „матеріалы для украинскихъ виршей", Драгомановъ выводитъ и нѣкоторыя рождественскія вирши изъ рождественской драмы, утверждая, что онѣ образовались изъ нея чрезъ вертепную драму путемъ сокращенія [4]). Намъ кажется, что съ одинаковымъ

---

1) Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, 57—136.

2) Кіевская Старина, 1896 г., іюнь, іюль-августъ.

3) «Ватра», сборникъ Лукича, 1886 года: «Изъ исторіи вирши на Украинѣ».

4) Життє і слово, 1894, т. I, 48.

правомъ можно утверждать противное. Не нужно при этомъ упускать изъ виду, что въ рождественскихъ виршахъ содержаніе гораздо шире, чѣмъ въ рождественской драмѣ. Совпадаютъ онѣ съ этой послѣдней только въ разработкѣ евангельской исторіи, изображая поклоненіе пастырей и царей родившемуся Спасителю, избіеніе младенцевъ и смерть Ирода. Но этимъ матеріаломъ онѣ не ограничиваются, такъ какъ разсказываютъ еще о грѣхопаденіи прародителей, объ изгнаніи ихъ изъ рая, захватывая даже обычную тему воскресенскихъ виршей—о томъ, какъ Спаситель освободилъ праведныя души изъ ада. По нашему мнѣнію, ужъ если искать прототипа рождественскихъ виршей, то нужно обратиться къ колядкамъ, на что и намекаетъ Берында въ своей рождественской виршѣ. Колядки, въ самомъ дѣлѣ, представляютъ древнѣйшую форму народнаго поэтическаго творчества, въ которое рано проникла христіанская легенда, большею частію апокрифическаго содержанія. Со второй половины XVI вѣка, когда появилось на Украинѣ просвѣтительное движеніе, создавшее малорусскую школу, на почвѣ древнѣйшихъ колядокъ начали развиваться вирши-колядки, которыя тоже шли въ народъ и предназначались для пѣнія. Изъ нихъ-то и выработались вирши-ораціи, предназначавшіяся для произнесенія. Такъ какъ онѣ не могли привлекать слушателя своимъ мотивомъ, то должны были производить на него впечатлѣніе оригинальностію замысла и силою выраженія. Если оригинальность эта замѣнялась ученостью, то вирши были скучны. Оживлялись онѣ иногда, какъ мы видѣли, діалогомъ. Съ этой точки вирши-ораціи сближались уже съ драмой и могли служить матеріаломъ для нея. Инымъ путемъ развивались тѣ изъ нихъ, которыя почерпали вдохновеніе въ украинскомъ юморѣ. Такія вирши не могли найти въ книжной рѣчи надлежащей поддержки. Составлялись онѣ на народномъ языкѣ съ большею или меньшею примѣсью книжныхъ элементовъ рѣчи для стилистическихъ эффектовъ. Обычный художественный пріемъ въ нихъ—низведеніе религіозныхъ сюжетовъ въ кругъ обыденныхъ представленій и, такъ сказать, реализація духовнаго міра посредствомъ внесенія въ него бытовыхъ подробностей мѣстной

жизни. На многихъ виршахъ можно прослѣдить весь этотъ любопытный процессъ художественнаго наращенія образовъ[1]). Иногда вирши игриваго, праздничнаго тона спускались въ народъ и превращались въ вирши-колядки[2]), но никогда не входили онѣ въ составъ серьезной драмы. Даже въ первой части вертепной драмы мы видимъ тяжеловѣсныя книжныя вирши, которыя обыкновенно предваряютъ содержаніемъ своимъ слѣдующія за ними сцены. Такимъ образомъ къ вопросу о сокращеніи виршей изъ драмъ нужно относиться съ большою осторожностію.

Въ виршахъ-ораціяхъ мы видимъ свободное и, можно сказать, смѣлое обращеніе съ религіозными представленіями и вѣрованіями. Вытекало оно изъ самой сущности того направленія въ искусствѣ, которое въ наше время называется реализмомъ. Само собою разумѣется, что виршевой реализмъ не былъ сознательнымъ актомъ мысли: являлся онъ самъ собою, непосредственно, какъ одно изъ основныхъ свойствъ украинскаго народнаго творчества. Конечно, была въ немъ и добрая доля праздничной фантазіи, переходившей за черту благоразумной сдержанности, но въ цѣломъ вирши-ораціи представляютъ живую картину нравовъ, поэтому мы относимъ ихъ къ разряду нравоописательныхъ виршей. Вмѣстѣ съ интерлюдіями и вертепной драмой онѣ составляютъ одну изъ оригинальныхъ страницъ малорусской литературы XVIII вѣка, но чѣмъ болѣе мы вчитываемся въ эту страницу, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что на ней нельзя было написать многаго. Дѣло въ томъ, что религіозное и сатирическое настроеніе—вещи несовмѣстимыя. Въ праздничной обстановкѣ эта несовмѣстимость не была еще такъ рѣзко замѣтна, и то—подъ условіемъ простодушно-наивнаго чувства, которымъ часто проникнуты были составители виршей нравоописательныхъ. Но, какъ только ослабѣвало это чувство, вирши теряли прежде всего естественность и правдоподобіе поэтической фабулы. Чтобы сооб-

---

[1]) См. Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, 82—84.

[2]) См. Труды этнографическо-статистической экспедиціи Чубинскаго, т. III, стр. 376, 381, 383.

щить ей нѣкоторую вѣроятность, она передавалась иногда въ видѣ сна отъ лица разскащика. Такова, между прочимъ, недавно открытая воскресенская вирша, въ которой разсказщикъ сообщаетъ своимъ слушателямъ о томъ, какъ онъ догадался, что скоро „те свято буде, якъ жунки красять яйця, паски лѣплять люде". Приснился ему вѣщій сонъ съ цѣлымъ рядомъ чудесныхъ видѣній. Прежде всего увидѣлъ онъ знакомаго всѣмъ покойника, который, по примѣру Іуды, за святотатство, „силцемъ задавився",— затѣмъ, по ассоціаціи идей, увидѣлъ онъ „Смерть из Дѣдькомъ", которые „чвалали, мовъ воликовъ пара", Адама и Еву, торжествующихъ надъ силами ада, наконецъ, пышный поѣздъ праздника, который называется Великдень[1]). Все это старые, давно извѣстные мотивы поэтическаго творчества. Можно было довольствоваться ими за неимѣніемъ ничего лучшаго, но справедливость требуетъ сказать, что, безъ расширенія горизонтовъ мысли, они мало способны были къ извлеченію поэтическихъ элементовъ изъ прозы жизни въ ея обычномъ теченіи.

Къ этому выводу приводитъ насъ, между прочимъ, знакомство съ малоизвѣстнымъ писателемъ второй половины прошлаго вѣка, священникомъ Некрашевичемъ. Учился онъ, какъ видно изъ приписокъ къ нѣкоторымъ сочиненіямъ его, въ кіевской академіи. Въ 1763 г. онъ былъ „Богословія слышателемъ" и говорилъ двѣ рѣчи—одну Самуилу Миславскому, бывшему въ то время ректоромъ академіи, а другую печерскому архимандриту Зосимѣ Валкевичу при посѣщеніи имъ села Вишенекъ, принадлежавшаго кіево-печерской лаврѣ. Въ этомъ же селѣ Некрашевичъ сдѣлался священникомъ и не разъ прибѣгалъ къ своему краснорѣчію, являясь въ качествѣ оратора предъ высокопоставленными лицами для испрошенія у нихъ разныхъ милостей. Всѣ эти рѣчи составлялъ онъ то на славяно-малорусскомъ, то на латинскомъ языкѣ. Отъ 1787 г.

---

[1]) Кіевская Старина, 1899 г., ноябрь. Вирши эти написаны не позже 1786 года, по всей вѣроятности, дьячкомъ села Красиловки, черниговской губерніи, козелецкаго уѣзда, Николаемъ Мазалевскимъ, умершимъ въ 1793 г.

сохранилось письмо его, написанное въ стихахъ къ о. Арсенію Криницкому и женѣ его, въ которомъ онъ благодаритъ ихъ „за нѣкоторое оказанное отъ нихъ особливое благодѣяніе:“ [1])

„О неисчетнѣ судьбы! о благость премнога!
Не погибнетъ никогда надежда на Бога:
Я журился, что убогъ, а имѣю дѣти,
Время жъ люто, гдѣ что взять, чѣмъ же ихъ снабдѣти.
Но Господь, творецъ вѣковъ, все то во благое
Благостію устроилъ, употребивъ на тое
Отца Арсенія, мнѣ любезнаго брата,
Да Ирину госпожу“.

Здѣсь тоже рѣчь славяно-малорусская, на которой написанъ имъ былъ въ 1773 году и діалогъ: „Споръ души съ тѣломъ“. Но, удаляясь отъ матерій важныхъ или же разсуждая объ этихъ матеріяхъ съ народомъ для вразумленія его, Некрашевичъ не чуждался и народнаго просторѣчія, которое помогло ему нарисовать нѣкоторыя черты народнаго быта довольно удачно. Въ стихотвореніи его „Ярмарокъ“ одинъ крестьянинъ покупаетъ у другого пару воловъ. Происходитъ между ними разговоръ объ этомъ предметѣ со всѣми подходами и уловками, чтобы продать подороже, купить подешевле. Сдѣлка оканчивается обычнымъ могорычемъ:

„Спасибу жъ тобѣ, куме“, говоритъ покупатель, „нумо жъ пить горѣлку,
Та ще треба землею стерти воламъ спинку,
Випій же, свату, до дна, що-бъ воли орали“...
„Оттакъ, свату, въ гору хвись“, отвѣчаетъ продавецъ, „щобъ тобѣ брикали“!

Въ другомъ стихотвореніи „Исповѣдь“ изображены недоразумѣнія, возникшія между священникомъ и прихожанами его по поводу

---

[1]) Рукопись церковно-археологическаго музея при кіевской академіи, № 181. Это копія съ рукописнаго сборника, полученнаго изъ черниговской губерніи и находящагося въ библіотекѣ М. Кибальчича.

введенной имъ одиночной исповѣди, на которой священникъ спрашивалъ кающихся о томъ, въ чемъ согрѣшили они не только дѣломъ или словомъ, но и помышленіемъ. Всѣ они не чувствуютъ за собою тяжкихъ грѣховъ и въ этомъ смыслѣ отвѣчаютъ священнику. Любопытны эти отвѣты для характеристики нравственно-религіозныхъ понятій народа, которыя въ сущности и въ наше время почти тѣ же.

—„Я хлѣба та соли", говоритъ одинъ кающійся,
„не збавивъ нѣкого,
А бѣлше якихъ грехювъ не чуюсь ничого.
Горую да бѣдую, хочь хлѣба не маю,
А нѣколи нѣкого я не позываю.
Ой чи я жъ бы бѣдовавъ, якъ теперъ бѣдую,
Якъ би хотѣвъ грешити, занять речь чужую?"

—„Я роду не такого", говоритъ женщина,
„Якъ иншее бувае, матки й оцця злого,
А мене бо навчили отець муй и мати
Колядувокъ и щедрювокъ Бога зухвалити,
Говѣю я що року, пятюнку шаную,
Нѣ ѣмъ, нѣ пью, нѣ роблю до вечора въ тую.
Отъ бризнуло на губу, якъ сыръ одкидала,
Чого я не робила, ввесь ротъ полоскала.
Ісусе, прости мене, грѣшную такую,
А булше я на собѣ нѣчого не чую.
Еще жъ хиба за те грѣхъ, що брехнешъ, паноче,
Губою немитою, се жъ дѣло охоче,
Я жъ таки не все й брешу, я чесна собою".

—„А я що зогрешила", говоритъ дѣвица, „що я
можу знати?
На вечюрки не хожу,—не пускае мати,
Шѣсть разъ мене и торюкъ моя мати била
За те, що на юлицю разывъ с пьять ходила;
Единъ тулко разъ колись пѣсню заспѣвала,
Да й вигнала изъ хати, що й не ночовала.

Все жъ теперъ добре роблю, у грехахъ не чуюсь,
Одъ теи доби и досѣ усе я шануюсь".

—„Чи ще жъ и ми зогрешимъ", говорятъ малолѣтніе,
„нѣ, очче, нечого:
Молимось, бьемъ поклоны, нечого худого".

Недовольна вся громада религіозною ревностію своего пастыря:

„Опце жъ пакъ... А де жъ пакъ грехювъ такихъ взяти?
Якъ нечого не грешивъ, що жъ маешъ казати?
Чи то мы такъ грешимо, якъ и инши люде?
Да абы булы люде, а пѣпъ у насъ буде.
И іого бъ мы за попа всѣ посполу мали,
На проскуры носили бъ й іого бъ шановали,
Нехай бы вѣнъ переставъ тѣлко мудровати,
Що бъ такъ по одинцю всѣхъ насъ сповѣдати.
Еще жъ коли бъ переставъ муштровать в причастѣ,
Що одъ свити закавраш одрѣзавъ у Настѣ".

Пьеса заканчивается тѣмъ, что всѣ роптавшіе пришли наконецъ къ убѣжденію въ необходимости правильной исповѣди:

„Ей Богу, покаемся", говорятъ они, „жѣнки й чоловѣки,
Щобъ у небѣ зо Христомъ царствовать на вѣки".

Тотъ же мотивъ столкновенія между духовенствомъ и народомъ разработанъ въ стихотвореніи неизвѣстнаго намъ автора: „Суплика або замыслъ на попа" [1]). По тону и складу относится оно къ тому же времени, когда писалъ Некрашевичъ свою „Исповѣдь", съ которою оно представляетъ сходство и діалогической формой, напоминающей интерлюдіи Довгалевскаго и Конисскаго. „Суплика" изображаетъ неудовольствіе сельскихъ обывателей на священника за то, что онъ чуждается ихъ обще-

[1]) Кіевская Старина 1885 г., мартъ. Мы приводимъ выдержки изъ этого стихотворенія по рукописи 1798 года, напечатанной въ октябрской книжкѣ Кіевской Старины за 1899 г. Правописаніе въ этой рукописи то же, что и въ древнѣйшемъ спискѣ Энеиды.

ства и подвергаетъ ихъ наказаніямъ за проступки противъ вѣры и нравственности. Просятъ они дьяка, чтобы онъ написалъ отъ нихъ жалобу на священника къ архіерею. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, дьякъ умудрился составить жалобу въ велерѣчивыхъ и туманныхъ выраженіяхъ. Впрочемъ, по совѣту людей старыхъ и опытныхъ, жалобщики оставляютъ это дѣло:

„Геть вѣнъ“, говоритъ одинъ изъ совѣтниковъ, „не самъ се крутить,
А все іого панъ сотникъ нашъ учить“.
—„Да вѣнъ же іого сюды и втоптавъ“, говоритъ другой совѣтникъ,
„Да й за іого свою годованку вѣддавъ“.

Какъ видно, въ данномъ случаѣ къ вопросу церковно-религіозному примѣшался вопросъ соціальный, чѣмъ и объясняется заносчивое обращеніе священника съ прихожанами, которые говорятъ о немъ, что

„Хоть и за дѣломъ прійдешъ (къ нему), то все рило дуе,
А якъ чого просишъ, то мовъ и не чуе“.

Не лишено, между прочимъ, бытового значенія то обстоятельство, что священникъ вносилъ регламентацію и въ вѣковые обычаи народной жизни:

„Пиши ще й се, пандяче“, говорятъ жаловавшіеся, „що не велить челядѣ колядовати,
На улицю ходити и на Купайлахъ скакати,
Дѣвкамъ не велить ходить на вечорницѣ:
Хиба-жъ имъ, небогамъ, постригтись у черницѣ?
Парубкамъ не велить съ дѣвками гуляти,
По чѣмъ же имъ буде молодость згадати?“

Этотъ старинный протестъ противъ остатковъ языческаго культа, повидимому, снова началъ раздаваться въ лѣвобережной Украинѣ послѣ того, какъ замолкли въ ней гоненія на вѣру, побуждавшія представителей церкви, искавшихъ опоры въ народѣ, снисходительно относиться къ его обычаямъ. Сколько намъ извѣстно,

оффиціальныя воздѣйствія на народъ въ этомъ смыслѣ начались еще при Скоропадскомъ, который въ 1719 г. выдалъ универсалъ на имя стародубскаго полковника Чарнолускаго „о вечерницахъ, кулачкахъ и протчиихъ зборахъ, абы выкоренити“ [1]). Скоропадскій приписываетъ этимъ „зборамъ“ всѣ несчастія, постигшія Малороссію, какъ то: неурожаи, скотскіе падежи, моровую язву. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что поэтическое творчество развиваться не могло въ народномъ направленіи на почвѣ прямолинейнаго и безусловнаго отрицанія обычаевъ, съ которыми связаны поэтическія преданія народа, тѣмъ болѣе, что многіе изъ этихъ обычаевъ съ давняго времени проникнуты были возвышенными христіанскими вѣрованіями и нравоученіями.

Обращаясь снова къ Некрашевичу, мы должны сказать, что онъ любилъ писать письма стихами. Мы имѣемъ нѣсколько такихъ писемъ къ нѣкоему Ивану Филиповичу. Одно изъ нихъ относится къ тому времени, когда Филиповичъ былъ „дворца Вышенского черничого писаремъ“. Написано оно было по поводу чернильницы, потерянной Филиповичемъ, который „на требованіе отдачи оныя гордо отказалъ“. Самая незначительность этого происшествія, воспроизведеннаго стихами, характеризуетъ музу Некрашевича. Между прочимъ, есть одна подробность въ этомъ письмѣ, изъ которой мы узнаемъ, какія были настольныя книги у автора. Онъ называетъ поступокъ Филиповича грабительствомъ.

„Да еще, знать, позабылъ“, говоритъ онъ, „книгъ въ позыку взяти,
Будто прочитать, а мнѣ—чтобъ болшъ не видати:
Имѣю я тестаментъ, лѣтописъ ростовскій,
Библію священную, малъ трудъ богословскій
И другіе книжицы. Когда хочешъ взяти,
Прийди развѣ, какъ сами маліи будуть въ хатѣ,
И скажешъ, что потерялъ“...

---

[1]) Описаніе румянцевскаго музея, Востокова, 143.

Этотъ же самый Филиповичъ сдѣлался впослѣдствіи гнѣдинскимъ священникомъ и добрымъ сосѣдомъ Некрашевича, который пишетъ къ нему дружескія посланія—тоже по обыкновенію въ стихахъ. Въ одномъ посланіи онъ обѣщаетъ пріѣхать къ нему на именины и говоритъ:

„Отче Иване Гнѣденскій, возлюбленный тезку,
Ѣдемъ на именины, очищай намъ стежку!
Ожидай же, здоровъ бувъ, изъ своимъ патрономъ,
Посажай насъ до стола за новымъ ослономъ,
Добренькою почастуй великимъ стаканомъ,
То будемъ мы тебе звать милостивымъ паномъ.
Писавъ тезко зъ тезкою, зъ зятемъ и зъ сестрою,
Поздравляемо мы васъ вѣршою такою,
Мѣсяца небесного, сіого жъ таки року,
А числа, що у книжцѣ написано въ строку".

Въ другомъ посланіи Некрашевичъ приглашаетъ къ себѣ въ гости Филиповича, сына его Петра и дьячка Степана Криницкаго. Вотъ отрывокъ изъ этого посланія:

„Отецъ Иванъ, Петро й Степанъ
Зъ своими жѣнками,
Просимъ до насъ хотя на часъ
Пріѣхать святками.
Будемъ гулять и зухвалять
Рожденного Бога,
Уже до насъ просто одъ васъ
Зроблена дорога.
Заспѣваемъ хоть надъ чаемъ,
Випьемъ калинѣвки,
Поговоримъ, что сотворимъ,
Тутъ же зъ нами й жѣнки,
А мижъ тими рѣчми всѣми—
То чимъ заѣдати?
То по чарцѣ, то по парцѣ
Будемъ запивати.

Нехай усякъ познае, якъ
Жить любезно треба,
Попы усѣмъ должни такимъ
Зробить путь до неба".

Нельзя отказать этимъ стихотвореніямъ игриваго содержанія въ стилистическихъ достоинствахъ, хотя и можно пожалѣть, что авторъ растрачиваетъ дарованіе свое на мелочи. Очевидно, онъ не могъ выйти изъ тѣснаго круга церковно-приходскихъ отношеній и настроеній на болѣе свободный путь поэтическаго творчества.

XI.

Вирши-сатиры и вирши-элегіи, составленныя по поводу явленій общественной жизни въ XVIII в.

Имя Некрашевича случайно уцѣлѣло отъ забвенія, и нужно сказать, что въ литературной исторіи старинныхъ малорусскихъ виршей такихъ именъ очень немного. Большею частію составлялись вирши ad hoc и не предназначались для широкаго круга читателей. Распространялись онѣ посредствомъ списыванія любителями „поэтицкаго художества", которые интересовались самимъ художествомъ, а не художниками, поэтому мы ничего и не знаемъ о нихъ. Знаемъ только, что они обращались къ перу не для однихъ традиціонныхъ виршей на праздничныя темы, что и въ эти темы они вносили иногда общественные мотивы, какъ показываетъ вирша, говоренная, по преданію, черноморцами Потемкину въ день праздника Пасхи[1]); поэтому въ виршахъ высказывались иногда мысли и чувства по поводу текущихъ явленій общественной жизни. Скудна была эта жизнь, сдвинутая съ старинныхъ своихъ устоевъ. Какъ всегда бываетъ при встрѣчѣ новаго порядка вещей съ старымъ, этотъ послѣдній держался еще силою привычки, не осмысленной идеализмомъ великодуш-

---

[1]) Кіевская Старина, 1882 г., апрѣль.

ныхъ стремленій, которыя уступили свое мѣсто мелкому сословному эгоизму. Въ гетманщинѣ козацкіе полки влачили еще жалкое существованіе, и только въ 1785 г. они превращены были въ карабинерные, но это не мѣшало козакамъ наканунѣ своего уничтоженія относиться съ сословнымъ высокомѣріемъ къ Слободской Украинѣ, въ которой двадцатью годами раньше, т. е. въ 1765 году, изъ пяти козацкихъ полковъ сформировано было столько же гусарскихъ. По всей вѣроятности, въ этотъ промежутокъ времени между 1765 и 1785 годами написана была сатира на Слобожанъ.

„Украинци зъ степивъ и славни Слобожане
Не мало жъ насъ такихъ—изъ нашихъ хуторивъ,
Що зъ вами жъ ризали и туркивъ и ляхивъ.
Чимъ мы не козаки? Мы носимъ оселедци,
И цюкнемъ саблею, коли де доведетця“.
—„Чимъ же вы чванитесь“? спрашиваютъ ихъ козаки,
„Отъ! Мы то Слобожане!
Вы такъ соби щось—атъ!.. Нехрещени цыгане!..
Кортить ихъ въ козаки!.. чи зъ розумомъ ся ричъ?
Не ривня вамъ козакъ, не ривня вамъ и Сичъ:
На що вамъ на себе ждать туркивъ и татаръ?
Жидивський наймитъ васъ потре всихъ на сухарь,
Васъ баба помеломъ звоюе, кочергою,
Батигъ здаетця вамъ громовою стрилою“.

Грустно читать эти строки, внушенныя поползновеніями самаго грубаго свойства...

„Селите слободы“, обращаются Гетманцы къ Слобожанамъ, „але платить намъ чиншъ!
А ни? Дакъ изъ степивъ позгонимъ васъ: кишъ, кишъ!
Коли жъ вы хочете у насъ буть наймитами,
То справимъ всимъ штаны зъ широкими матнями,
Ремини очкури, ремини й постолы
И прищвы на зиму, щобъ боси не були“.

Полагать надобно, что въ средѣ того же разлагавшагося козачества написана была и другая сатира, направленная противъ тѣхъ посполитыхъ, которые, слѣдуя примѣру самихъ же козаковъ, добивались дворянскаго званія посредствомъ полученія на службѣ чина коллежскаго регистратора. Сатира эта носитъ заглавіе: „Доказательства Хама Данилея Куксы потомственны"[1]). Прадѣдъ этого Куксы былъ Хамъ, дѣдъ Данило, отецъ Максимомъ „звався и Данилеемъ прозивався": объ утвержденіи за нимъ этого прозвища „Данилей" и проситъ Кукса, надѣясь, что послѣ полученія этой привиллегіи никто не будетъ „брать его за чубъ". Самъ онъ разсказываетъ о себѣ, что былъ онъ простымъ „хлиборобомъ".

„Дали жъ трохи, якъ розживсь, то й годи робыти,
А надумавсь отдати въ школу свои дѣти.
Якъ вивчились, въ судъ упхавъ учиця писати,
Да вже того и гляди—гостинця давати,
Що бъ воны такъ, якъ люде, *Евстраты* получили.
Якъ винницю поставивъ, ставъ гнати горѣлку,
И за купця у Остеръ отдавъ свою дѣвку.
Зъ казенного мужика зробывся я паномъ
И дворянство показавъ, хоть уже й не даромъ.
А дали сыны мои стали все *Евстраты*,
За старшого взявъ дочку зъ маіорскои хаты:
За що жъ мене неговать, за що волочити,
Коли стали панами уже й мои дѣты"?

Гораздо симпатичнѣе тѣ вирши общественнаго содержанія, въ которыхъ изображаются бѣдствія угнетаемыхъ, какъ козаковъ, такъ и посполитыхъ. Тонъ ихъ совсѣмъ другой—не сатирическій, а элегическій. По складу своему онѣ близко стоятъ къ народнымъ пѣснямъ, напоминая, такъ называемыя, псáльмы, только безъ религіозной подкладки. Составлялись онѣ не для чтенія, а для пѣнія по образцу народныхъ пѣсенъ, поэтому и дошли онѣ до насъ въ видѣ пѣсенъ не въ старинныхъ рукописяхъ, а въ

[1]) Кіевская Старина, 1882 г., январь.

позднѣйшихъ записяхъ изъ устъ народа. Тѣмъ не менѣе виршевая основа этихъ пѣсенъ чувствуется и въ трезвомъ, дѣловомъ тонѣ ихъ, и въ подборѣ словъ и выраженій, не успѣвшихъ еще потерять своихъ книжныхъ оттѣнковъ, и въ риторической рифмѣ, преобладающей въ нихъ. Замѣчательная особенность этихъ пѣсенъ-виршей заключается въ томъ, что въ нихъ опредѣленно и ясно сознается тотъ или другой историческій моментъ народной жизни, нерѣдко отмѣчаемый хронологической датой: „Ой изъ тысяча симсотъ шестьдесятъ третёго года пише, пише восточна цариця зъ Петербурга города" [1]... „Въ шестьдесятъ восьмомъ году собиралось народу" [2]... Одинъ изъ этихъ моментовъ особенно глубоко запечатлѣлся въ памяти народной, хранящей о немъ донынѣ множество пѣсенъ, между которыми есть и пѣсни виршевого происхожденія: мы разумѣемъ трагическій моментъ въ жизни Запорожья—разрушеніе Сѣчи въ 1775 г. Вотъ одна изъ пѣсенъ, сходная по складу своему съ канцелярской дѣловой бумагой, переложенной въ хорошіе стихи:

„Ой пидъ городомъ Елисаветомъ много орливъ злиталось:
Въ Москви городи, въ засиданному мисци, панивъ сенаторивъ сбиралось.
Ой зибравшись вони въ одно мисце, стали способъ собирати,
Якъ би зъ вийська запорозького вси волности отибрати:
„Ой коли бъ же намъ, пани сенатори, у нихъ волность отибрати,
То будемъ мы и потомки наши въ ихъ отчизни поживати".
Ой избрали вони способъ добрий запорозьцямъ волю дати,

---

[1]) Кіевская Старина, 1882 г., іюнь.

[2]) Житте и слово, 1894 г., т. II, 63. См. подробнѣе о пѣсняхъ этого типа въ книгѣ нашей: «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ», въ послѣднемъ отдѣлѣ III главы: «Малорусскія вирши историческаго содержанія», стр. 131—136.

Приказали вони по всій земли ихъ слободы заселяти.
Когда була съ Туркомъ война, патретами поощряли,
А запорозьци, добри люде, ихъ ласкательства не знали
Да тимъ сенаторамъ, якъ правдивымъ людямъ, во всимъ
вiры доймали.
Ой якъ дизнали тиі сенаторы, що запорозьци имъ
вирять,
Ой да приказали запорозьку землю всю кругомъ мирять.
А розмирявши запорозьку землю, на планы знимали,
А щобъ запорозьци того не дизнали, казаны имъ въ
Сичъ прислали"... [1])

Кто сложилъ эти стихи, не знаемъ: вѣроятнѣе всего, это былъ грамотный человѣкъ, очевидецъ событія, принимавшій близко къ сердцу горестный смыслъ его. И во всѣхъ пѣсняхъ, относящихся къ этому событію, слышно безъисходное горе, переходящее въ вопль отчаянія [2]).

Извѣстно, что остатки запорожцевъ, не вышедшихъ въ Турцію, снова собраны были въ 1787 г. тѣмъ же Потемкинымъ, который былъ главнымъ виновникомъ разрушенія Сѣчи, подъ именемъ войска черноморскаго. Нужно было ему это войско, когда возгорѣлась вторая война съ Турціей, и покрыло оно себя славою предковъ при взятіи Очакова и Измаила. Сперва обѣщаны были ему земли между Бугомъ и Днѣстромъ, но по смерти Потемкина правительство нашло болѣе удобнымъ отдать черноморцамъ въ вѣчное владѣніе земли на Кубани „за храбрые и мужественные подвиги его на морѣ и сушѣ", а тѣмъ, которые закрѣпощены были, возвратить свободу. Случилось это въ 1792 г. Событіе это, положившее конецъ блужданіямъ запорожцевъ, воспѣто было въ виршѣ, сочиненной однимъ изъ старшинъ за-

---

[1]) Костомаровъ, Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества, 208—209.

[2]) Древнѣйшая пѣсня о разрушеніи Сѣчи помѣщена въ «Лѣтописномъ повѣствованіи о Малой Россіи» А. Ригельмана, составленномъ въ 1785—1786 гг. Любопытна эта пѣсня обращеніемъ къ Богдану Хмельницкому.

порожскихъ Антономъ Головатымъ. Вирша эта замѣчательна, какъ первое литературное произведеніе на языкѣ чисто народномъ, напечатанное въ томъ же 1792 г. гражданскимъ шрифтомъ, шестью годами раньше Энеиды Котляревскаго. Ради этого мы приводимъ его съ сохраненіемъ орѳографическихъ особенностей первопечатнаго текста. Озаглавлено оно такъ: „Пѣсня Черноморскаго войска, по полученіи на землю Высочайшихъ Грамотъ сочиненная“:

„Эй годѣ намъ журитися, пора перестати;
Дождалися отъ Царицѣ за службу заплати.
Дала хлибъ, сель (sic) и грамоти за вирныя службы:
Отъ теперь мы, миле братья, забудемъ вси нужды.
Въ Таманѣ жить, вирне служить, границю держати,
Рыбу ловить, горилку пить, щей будемъ богати.
Да вже треба женитися и хлиба робити,
Кто прійде къ намъ изъ невирныхъ, то якъ врага бити.
Слава Богу и Царицѣ, а покой Гетману! [1])
Злѣчили намъ въ сердцахъ нашихъ великую рану.
Благодаримъ Императрицу, молимося Богу,
Що намъ она указала на Таманъ (sic) дорогу“ [2]).

Вирша эта, много разъ записанная собирателями народныхъ пѣсенъ, и донынѣ поется въ Черноморіи.

Съ горькимъ чувствомъ негодованія и гнѣва вспоминаетъ виршевое пѣснотворчество и о другомъ историческомъ моментѣ, относящемся къ тому же царствованію Екатерины II, именно — о закрѣпощеніи крестьянъ. Въ первой четверти настоящаго вѣка въ правобережной Украинѣ записана была пѣсня виршевого склада объ этомъ событіи, но, безъ сомнѣнія, она сложена была въ концѣ прошлаго вѣка, скоро послѣ паденія Польши. Преж-

---

[1]) Рѣчь идетъ о Потемкинѣ, которому въ 1790 г. пожаловано было званіе «великаго гетмана» черноморскихъ войскъ.

[2]) Новыя ежемѣсячныя сочиненія, часть LXXVII. Мѣсяцъ ноябрь, 1792 года. Въ Санктпетербургѣ, иждивеніемъ Императорской Академіи наукъ, въ м. 8 д., стр. 23—24.

нія времена въ ней нѣсколько идеализированы, но вообще связь событій угадана вѣрно.

„Що настало теперъ въ свити, трудно спогадаты,
Не машъ за чимъ, а видробляй, хочъ бы умираты.
Наши диды и прадиды того не зазналы,
Чого жъ мы ся изъ батькамы теперъ дочекалы.
Нихто жъ тому такъ не вынenъ, якъ паны зробылы,
Запродалы души наши, а свій край згубылы.
Панъ Потоцькій и Браныцькій—тыхъ то рада стала,
Щобы Польска въ рукахъ Москвы назавше зистала.
Панъ Ржевускій и Пулавській рады додавалы,
Щобъ насъ, бидныхъ, изъ душамы назавше продалы.
Катерына тому рада, вирне прысягае,
Щобъ край взяты безъ війны отъ ныхъ зажелае.
Якъ тутъ разомъ беруть край, беруть врагы наши Ляхы,
Зачыняють, якъ собакъ, насъ, якъ у клитку птахы.
Мы жъ все бидни, несчаслыви, на те ся вродылы,
Щобъ въ неволи, якъ вилъ въ ярми, щоденне робылы.
Вы, прокляти, спогадайте, що ся зъ вамы стане,
Мы въ роботи не погынемъ, а васъ всихъ не стане“ [1]).

Вторая половина вирши изображаеть безпомощное положеніе крестьянъ, забитыхъ панскою работой. Сколько намъ извѣстно, это первый протестующій голосъ народа противъ крѣпостнаго рабства послѣ того, какъ оно возстановлено было при Екатеринѣ II.

П. Житецкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Вирша эта находится въ сборникѣ Ходаковскаго и въ подлинникѣ, и въ переписанномъ для Максимовича экземплярѣ. Довольно отдаленный варіантъ напечатанъ у Головацкаго (т. II, стр. 375). Есть варіантъ также у Драгоманова «Нові украинські пісні про громадські справи» (стр. 40, примѣч. 5, и стр. 41 тоже въ примѣчаніяхъ).

Народная медицина въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавской губ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Источникомъ настоящей статьи, кромѣ многолѣтнихъ наблюденій надъ народнымъ врачеваніемъ въ качествѣ мѣстнаго жителя, земскаго гласнаго и одно время санитарнаго попечителя м. Лукомья, послужили устные народные разсказы и сообщенія, записанныя мною въ девяностыхъ годахъ въ разныхъ мѣстахъ лубенскаго уѣзда, преимущественно въ средней и сѣверной его частяхъ. Собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія, для уясненія, освѣщенія и дополненія ихъ, сопоставлены мною съ данными русскихъ и иностранныхъ фольклорныхъ сборниковъ, какіе доходили въ глушь, съ газетными и журнальными замѣтками, описаніями полтавской губерніи, домашними лѣчебниками и медицинскими сочиненіями. Весь этотъ матеріалъ расположенъ мною въ слѣдующемъ порядкѣ. 1-я вступительная глава устанавливаетъ первоначальный основной взглядъ народной медицины на болѣзнь, какъ на внѣдреніе въ больное тѣло духа, взглядъ, проведенный раньше въ статьѣ „Культурныя переживанія“ профессора Н. Ѳ. Сумцова, [1]) и на лѣкарства, какъ на способы удаленія такого духа изъ организма. Въ первую же главу входитъ и отраженіе въ народной медицинѣ религіознаго вліянія. Во 2-й главѣ изложены народныя представленія объ устройствѣ

---

[1]) Печатались въ „Кіевск. Старинѣ“.

и дѣятельности тѣла, уходъ за больными, ранеными и отравленными. Въ 3-й главѣ заключаются страданія органовъ чувствъ, а также болѣзни, не встрѣчающіяся ни въ одномъ медицинскомъ сочиненіи: уроки, переполохъ—на самомъ дѣлѣ частью нервныя, частью инфекціонныя заболѣванія. Естественъ поэтому переходъ къ послѣднимъ, излагаемымъ въ 4-й главѣ. Въ 5-й главѣ разсматриваются страданія растительныхъ органовъ, а въ послѣдней—болѣзни, происходящія отъ разстройства питанія и болѣзни кожи. Въ изложеніе введены народныя опредѣленія болѣзней, 38 разсказовъ о выдающихся случаяхъ заболѣваній и о пріемахъ излеченія и 120 заговоровъ, варіанты которыхъ отмѣчены лишь по новѣйшимъ, бывшимъ подъ руками, сборникамъ, часть же появляется въ печати впервые, насколько могу судить по библіографическому указателю заговоровъ Н. Ѳ. Сумцова. Главное мѣсто въ настоящей статьѣ, какъ и въ дѣйствительности, отводится тѣмъ сторонамъ народнаго врачеванія, которыя извѣстны у французовъ подъ названіемъ médecine surnaturelle, почему статья помѣщается среди культурно-историческихъ и фольклорныхъ изслѣдованій, а не медицинскихъ.

Глава 1-я.

Языческое и христіанское вліяніе на народное врачеваніе.

Основная точка зрѣнія народной медицины на болѣзнь, какъ на внѣдреніе злого духа въ организмѣ больного. Лѣченіе—удаленіе его изъ организма испугомъ и возбужденіемъ отвращенія противными духу веществами и травами. Сборъ травъ въ лубенскомъ уѣздѣ. Заточеніе духа; передача его неодушевленнымъ предметамъ. Передача духа другому организму: растенію, животному, человѣку. Передача икоты. Выманиваніе духа угощеніемъ; удаленіе его силой слова. Заговоры. Измѣненіе заговора вліяніемъ христіанства. Помощь святыхъ; освященная вода. Несоблюденіе праздниковъ—причина болѣзней.

На раннихъ ступеняхъ развитія человѣческихъ обществъ, а частью и при дальнѣйшемъ ходѣ цивилизаціи, болѣзни при-

знаются произведеніемъ особаго злого существа, духа, вошедшаго въ организмъ больного [1]). Многочисленные примѣры и данныя изъ области всемірнаго фольклора подтверждаютъ это положеніе; такъ, новозеландцы вѣрятъ, что особыя божества посылаютъ боли въ лобъ, грудь, желудокъ, ноги; а конды и племя орангълаутъ ограждаются отъ демоновъ оспы рвами, терномъ и хворостомъ. [2]) Присутствіемъ духа внутри больного объясняются также непроизвольныя движенія: икота, зѣваніе, чиханіе, движенія при падучей болѣзни и при истерикахъ. Якуты, например, при икотѣ думаютъ, что въ тѣлѣ больного сидитъ чортъ. Арабы смотрятъ на людей въ горячечномъ бреду, а Калмыки на эпилептиковъ—какъ на одержимыхъ бѣсомъ. [3]) Древніе египтяне вѣрили, что сумасшедшіе одержимы демонами. У древнихъ индійцевъ болѣзни производились духами ракхасами (Rackahasas). По мнѣнію буддистовъ, дѣтскія болѣзни происходятъ преимущественно отъ демоновъ. [4]) Въ Ассиріи были особые духи чумы—намтаръ и лихорадки—идпа. [5]) Въ санскритскомъ языкѣ лихорадку называли tripad—триногій и tričiras—трехглавый. У древнихъ грековъ одно и то же слово означало и лихорадку и демона. [6]) Въ Бирманіи и теперь вѣрятъ въ особыхъ демоновъ лихорадки и апоплексіи. [7]) И новымъ цивилизованнымъ народамъ не чужды подобныя же воззрѣнія на болѣзни. Напримѣръ, валлоны, давая больному икотой девять глотковъ воды, какъ и у насъ, держатъ при этомъ остріе ножа противъ рта, очевидно съ цѣлью устрашить или поразить производящій икоту духъ. Они же

---

[1]) Ю. Липпертъ. Исторія культуры, 351. Ковнеръ. Исторія медицины. (Кіев. Универ. Извѣстія. 1878 г., II, 4).

[2]) Н. Θ. Сумцовъ. Культ. переживанія (Кіевск. Стар., 1889 г. XI, 303). Тэйлоръ. Первоб. культура. I, 191.

[3]) Спенсеръ. Основ. соціологіи 1876 г. I, 249.

[4]) Ковнеръ. 67, 73, 79, 145.

[5]) В. Миллеръ. Ассир. заклинанія. (Русск. Мысль, 1896 г. VII, 69).

[6]) Сумцовъ. Культ. Пережив. (Кіев. Стар. 1889 г. 308).

[7]) Ш. Летурно. Соціолог., основ. на этнографіи. II, 202.

обращаются къ ячменцу и вереду, какъ къ существамъ живымъ, съ такими привѣтствіями: bon djoû oryen! Vazzé komt'a vnou! Bon djoû, klo! A rwér, klo! [1]) А фламандскія выраженія: iemand den duivel geven (дать кому-нибудь чорта), de duivel zit ins hem (дьяволъ въ немъ), z'heeft den duivel in haar lijf (у него дьяволъ въ тѣлѣ) свидѣтельствуютъ о такихъ же вѣрованіяхъ фламандцевъ. [2]) Славяне вообще и малороссіяне въ частности раздѣляють изложенный взглядъ на болѣзни, какъ на произведеніе злого духа. [3]) Въ Бѣлоруссіи, напримѣръ, вѣрятъ, что колдунъ можетъ послать злого духа внутрь больного. [4]) Такое же убѣжденіе заключается въ свидѣтельскихъ показаніяхъ процесса о колдовствѣ, приводимыхъ профессоромъ В. Б. Антоновичемъ [5]): „Piotrowa cechmistrzowa naslala czarta na Koscia wewnątrz". По малорусскимъ понятіямъ чортъ можетъ войти въ человѣка, почему опасно открывать ротъ во время грозы, и малороссіянинъ, входя въ воду, проситъ: „чортокъ, чортокъ! не ламай кистокъ, ты зъ воды, а я въ воду" [6]). Чортъ вводитъ также болѣзнь въ организмъ, подвѣвая людей вихремъ [7]). Въ Екатеринославской губерніи нѣкоторыя болѣзни представляются крестьянину злыми существами, преслѣдующими людей [8]). Въ Полтавской же губерніи, по свидѣтельству Арендаренка [9]), вопль больной, которой заговариваютъ сояшницу, считается удаленіемъ нечистой силы. Съ излагаемой точки зрѣнія интересно слѣдующее объясненіе случая пареза,

---

[1]) Eugène Monseur. Le Folklore wallon. Bruxelles. Charles Rozez p. 22, 26, 27.

[2]) Js. Teirlinck. Le Folklore flamand. Bruxelles. Charles Rozez. p. 95.

[3]) Сумцовъ. Культ. пережив. Кіевск. Стар. 1889, XI, 303.

[4]) Е. Романовъ. Бѣлор. сб., V, 3.

[5]) Чубинскій. Труды этногр. эксп. т. I, вып. II, 362.

[6]) Иващенко. Зап. Ю. Зап. Отдѣла Геогр. Общ. 1874 г., II, 83, 84. Чуб. Труды. I, в. I, 21.

[7]) Ibid. и въ моихъ «Нар. обряды и пѣсни Лубен. у.» 14.

[8]) Днѣпр. Молва 1899 г., № 5, 150.

[9]) Записки о Полт. губ. II, 229.

бывшаго съ однимъ крестьяниномъ сел. Литвяковъ, Лубенскаго у., насиліемъ демона. „Якымъ Бондай и диты его полягалы спать, колы пидъ напильне викно шось пидійшло таке у шерсты та свыстытъ, танцюе и гра, ажъ пилъ ходоромъ. Якымъ уставъ, думае: шо воно таке? Хоче винъ иты на двиръ, колы очи йому заступыло, не выдно куды двери; пидійшовъ до верха тай лапа и шука рукамы дверей. Та не найшовъ дверей тай черкае: „шо воно за чортъ тамъ?" Його хватыло за рукы тай кынуло объ землю та взяло та руку йому одибрало по ликоть. Увійшовъ сусида, унисъ його въ хату. Уставъ Якымъ, не можна йому ни йисты, ничого. Розсказувавъ, шо таке шось высоке рукы розипьяло уверху и його хватыло, такъ и обняло. Винъ думавъ, шо кожухъ. Воно й пичъ подряпало, мовъ ножемъ порыло. Воно, якъ сусиды на двиръ выйдуть, то гра у хати, а тимъ сусидамъ зъ-надвору выдно, якъ воно гра. У тій хати страшно, страшно, и Богы попадалы подряпани [1]).

Если, такимъ образомъ, болѣзнь по общенародному убѣжденію есть слѣдствіе внѣдрившагося въ организмъ духа, то и лѣченіе, естественно, должно состоять въ удаленіи этого духа оттуда такими или иными способами, средствами и пріемами. Способы изгнанія духа, принятые народной медициной, могутъ быть сгруппированы въ слѣдующіе отдѣлы.

1) Устрашеніе духа, для чего, напримѣръ на Суматрѣ, сумасшедшаго запираютъ въ избу, которую зажигаютъ, вѣря, что испуганный духъ оставитъ больного, а въ Калифорніи пугаютъ духъ жестами, гримасами, лаютъ на больного [2]). У да-

---

[1]) Отъ Прасковьи Журавлевой, 12 лѣтъ.

Требованія, предъявляемыя народомъ къ лѣкарствамъ, доказываютъ также, что причиной болѣзней считаются духи. Наблюдатели утверждаютъ: «простые люди думаютъ, что все, называющееся лѣкарствомъ, имѣетъ нѣкоторую сверхъестественную силу, нѣкоторое тайное вліяніе; они думаютъ, что какъ скоро больной довольно напитался лѣкарствами, то тотчасъ долженъ быть здоровымъ». (Енгалычевъ. Домашній лѣчебникъ. Спб. 1848, I, 167).

[2]) Спенсеръ. Основ. Соціол. 258.

китовъ въ Америкѣ врачъ трещитъ въ трещотку, стрѣляетъ изъ ружья; патагонцы барабанятъ—съ цѣлью изгнать духа [1]). Киргизскій шаманъ садится противъ больного, играетъ на балалайкѣ, кричитъ, бьетъ больного плетью, кусаетъ, плюетъ, машетъ ножемъ, чтобы испугать духа [2]).

2) Кромѣ устрашенія, старались еще поселить въ духѣ такое отвращеніе, чтобы онъ оставилъ тѣло больного вмѣстѣ съ рвотой. Такимъ основаніемъ Спенсеръ объясняетъ происхожденіе подкуриваній больного, [3]) для чего, напримѣръ въ Лубенскомъ уѣздѣ, служатъ: блекота (Hyosciamus niger. L.), порхавка (Lycoperdon bovista. L.), овечій калъ и другія вещества, производящія ѣдкій дымъ. Употребленіе кала вообще, засыпаніе имъ бѣльма, купаніе дѣтей въ голубиномъ калѣ отъ сухотъ, обкладываніе коровьимъ отъ ревматизма и свинымъ при боли горла, вѣроятно на первыхъ порахъ также имѣло цѣлью возбудить отвращеніе въ духѣ. Быть можетъ, первоначальное цѣлебное дѣйствіе всѣхъ лѣкарствъ истолковывалось въ томъ смыслѣ, что они непріятны, отвратительны духу, подобно тому, какъ полынь противна русалкамъ, а осина и макъ—вѣдьмамъ и упырямъ. Такъ, извѣстное врачебное растеніе звѣробой (hypericym perforatum. L., франц. millepertuis) носитъ у фламанцевъ характерное названіе: jaat—den duivel—изгоняющій дьявола [4]). Въ Индіи больному давались растенія, враждебныя злымъ демонамъ [5]). Самый сборъ травъ производится даже и въ настоящее время съ извѣстными таинственными пріемами, безъ сомнѣнія обломками обряда, и притомъ въ извѣстные только дни: на Симона Зилота, 10-го мая, съ врачебною цѣлью, на Ивана Купала, съ цѣлью околдовать, и 9-го мая—для противодѣйствія вреду отъ чаръ [6]).

---

[1]) Тэйлоръ. Первоб. культура, 191—194.

[2]) Православный Благовѣстникъ, миссіонер. журналъ. 1893 г., II, 9.

[3]) Основ. Соціол., 258.

[4]) Teirlinck. Le flor. flam., 109.

[5]) Ковнеръ. Ист. мед. (Кіев. Универ. Извѣстія 1878 г. III, 67.)

[6]) Основа 1861 г. 11, 206.

Въ Херсонской губ. лучшимъ временемъ сбора травъ признается 10 мая [1]). Въ лубенскомъ у., кромѣ этихъ сроковъ, рвутъ еще травы и на преполовеніе (праву середу). Женщины отправляются собирать зелье натощакъ, обществомъ изъ 5—6 душъ. Начиная собирать, въ с. Хорошкахъ кидаютъ въ траву копѣйку. Зилья крестятъ, затѣмъ срываютъ, приговаривая: „святый Оврамъ, на се зиля оравъ, Матеръ Божа ходыла, своимы слёзамы росыла и Бога прохала и намъ помогала". (М. Снѣтинъ). „Святый Оврамъ на се зилля оравъ, Маты Божа воду носыла и Бога просыла, Пречыста полывала и Бога благала, одъ всякои болисти помагала" (д. Солоница). Или такъ: „Пречыста полывала, намъ на помичъ давала" (с. Хорошки). „Маты Божа ходыла, полывала и намъ позволяла, шобъ мы рвалы и людей спасалы" (с. Литвяки). „Матеръ Божа на престоли стояла, намъ на помичъ давала, шобъ мы се зилля рвалы и всимъ людямъ помагалы" (Литвяки). „Свята Пречыста обидать носыла и Бога просыла: дай Боже одъ свого зилля помичъ" (хут. Сабадашевъ, Яблоновской волости, отъ Мазняковой). „Матеръ Божа сіяла и дощу просыла: уроды Боже се зилля людямъ на помичъ" (м. Лукомье). Собирая травы съ врачебною цѣлью на Ивана Крестителя, поминаютъ его вмѣсто св. Аврама: „святый Иванъ на се зилля оравъ, а мени Богъ показавъ, шобъ мени Господь помичъ дававъ" (м. Лукомье). Обращаются и къ самому зиллю съ такимъ воззваніемъ: „Зилье мое, зилье! я тебе буду рвать, я тебе буду полоскать, царь-зиллямъ называть, а ты мени будешъ помагать. Царь-зилля нарвала и пополоскала. И пополощу и горилку намочу. А ты, горы-цвитъ, цвитешъ хороше и жовто и навхрестъ и мени здасысь" (м. Снѣтинъ, отъ Домахи Тимченковой). Нарвавъ травъ, женщины моютъ ихъ въ рѣкѣ, сговариваясь „пополощемъ ище й горилкою, прыльемо, шобъ пользовыте було"; затѣмъ складываются по осьминѣ и пьютъ здѣсь же на пригоркѣ, на лѣсной опушкѣ, приплясывая, или идутъ въ кормчу и тамъ распиваютъ водку, приговаривая: „дай Боже

---

[1]) Чернявская. Обр. и пѣсни с. Бѣлозерки. 1893 г., 16.

шобъ се зилля попользувало хороше усякому чоловику". Часть травъ сушатъ потомъ на солнцѣ, на крышахъ построекъ, тѣ же, которыя чернѣютъ отъ солнца, какъ дивина (verbascum thapsus. L.), затыкаютъ за сволока и бантины въ хатахъ или сушатъ на печи.

3) Духъ болѣзни подвергали также заточенію. Такъ, для избавленія отъ переполоха, волосы и ногти больного, вмѣстѣ съ ниткой, которою послѣдній измѣренъ, забиваютъ или замазываютъ въ двери, а больной лихорадкой сбрасываетъ во время приступа болѣзни рубашку и кладетъ ее подъ камень [1]). Лихорадку топятъ еще вмѣстѣ съ рубашкой въ рѣкѣ и кладутъ съ могильной землей на могилу.

4) Особый пріемъ народной медицины заключается въ передачѣ духа, овладѣвшаго больнымъ, какому нибудь организму: растенію, животному или человѣку. Напримѣръ, въ Россіи больной носитъ хлѣбныя зерна въ рукавицѣ, надѣтой на руку, во-время приступа лихорадки; потомъ сѣетъ, а когда зерна эти взойдутъ, долженъ ихъ раздавить [2]). Въ Бельгіи такимъ образомъ передаютъ зубную боль: гвоздемъ касаются зуба, и больной забиваетъ гвоздь въ дерево. По мѣрѣ углубленія гвоздя должна проходить и боль [3]). И нѣмцы обходятъ дерево трижды съ цѣлью передать ему болѣзнь. [4]) Въ мочѣ больного лихорадкой варятъ три куриныхъ яйца и относятъ съ горшкомъ въ муравейникъ. Лихорадка должна пройти, когда муравьи съѣдятъ яйца [5]). Въ Индіи перемежающаяся лихорадка посредствомъ магіи перегонялась въ лягушку [6]). У дикихъ врачъ беретъ немного крови у больного и вливаетъ въ ротъ лягушкѣ [7]). Въ Орловской губ. изъ больного ребенка пускаютъ кровь на кусокъ хлѣба, который отдаютъ собакѣ [8]).

[1]) Чубинск. Тр. Экспед. т. I, в. I, 118.

[2]) Даль Повѣрья и предр. рус. народа. С.-Петерб. 1880 г., 79.

[3]) Monseur. Le flore. wal. p. 24.

[4]) Сумцовъ. Культ. пережив. Кіев. Ст. 1889 г. XI, 302.

[5]) Даль. Пов. рус. нар. 79.

[6]) Ковнеръ. Кіев. унив. Изв. 1878 г., II, 66.

[7]) Тэйлоръ. Первоб. культ,, 211.

[8]) Рус. Мысль 1896 г., VI, 155.

Въ Лубенскомъ у., скупавъ больное сухоткой дитя въ купели, въ той же купели вслѣдъ за нимъ купаютъ курицу, кошку или щенка. Животное должно погибнуть, а дитя выздоровѣть [1]). Дотронувшись до ячменца ячменнымъ зерномъ, отдаютъ послѣднее съѣсть курицѣ. [2]) У нѣмцевъ больнымъ отрѣзываютъ часть волосъ и ногтей и кладутъ на перекресткѣ. Кто подыметъ ихъ, на того должна перейти болѣзнь [3]). Также и по русскимъ народнымъ повѣріямъ, отъ нѣкоторыхъ болѣзней можно избавить больного, обтерши его тряпкой или полотенцемъ и бросивъ эти вещи на дорогѣ. Болѣзнь переходитъ къ поднявшему брошенную вещь [4]) Въ Лубенскомъ уѣздѣ дѣтскую болѣзнь, крикливицы, отсылаютъ на вечерницы и гульбища или передаютъ другимъ дѣтямъ [5]). Здѣсь же страдающій икотой, отпивая по 9 глотковъ воды съ четырехъ сторонъ стакана или кружки, приговариваетъ: „хыкавко, хыкавко! иды до воды, кого схочъ того й напады“, или „хыкавко, хыкавко! иды на мостокъ та напады Ивановыхъ невистокъ“ (с. Литвяки); „хыкалко, хыкалко! пиды на мистокъ та напады де багато невистокъ“ (с. Хитцы); „хыкалко, хыкалко! пиды на дошку та напады дивку Явдошку“ (с. Волчекъ); „хыкавко, хыкавко! иды на кладку та напады Дзюбыну Гапку“ (м. Снѣтинъ); „гыкавко, гыкавко! стань на кладку та напады Кайдыну Гапку“ [6]).

5) Народной медицинѣ извѣстны не одни только суровыя средства обращенія съ духомъ болѣзни. Напротивъ, повсемѣстно стараются выманить его изъ больного угощеніемъ и могорычемъ. Грузинамъ, напримѣръ, оспа представляется въ видѣ общества

---

[1]) Мои Нар. обр. и пѣсни Лубенс. у.. 32.

[2]) Даль. Повѣр. 84.

[3]) Сумцовъ. Культ. пер. Кіев. Стар. 1889, XI, 302.

[4]) А. Баловъ. Фельдшеръ. 1898 г., № 18, 472.

[5]) Мои Народ. обр. и пѣсни Луб. у. 34.

[6]) Къ икотѣ обращаются и другимъ образомъ: Хыкавко, хыкавко! де ты була?—На кладкахъ (или у Кіеви)—Шо йила?—Кобылятыну (кобылячу голову)—А де дила?—Покынула.—Покынь же й мене (с. Хитцы).

духовъ, для угощенія которыхъ возлѣ больного ставятъ фрукты и молоко; также играютъ и поютъ возлѣ него[1]). Въ Великороссіи больныхъ лихорадкой осыпаютъ ячной крупой, приговаривая: вотъ и тебѣ, кумаха![2]) а въ Малороссіи больной несетъ 77 зеренъ проса и мелкоизрубленное яйцо въ воду лихорадкѣ[3]). Въ мѣстной народной медицинѣ, какъ увидитъ ниже читатель, вообще преобладаетъ стремленіе откупиться отъ этой болѣзни угощеніемъ.

6) Важнѣйшій способъ народной медицины—удаленіе духа изъ больного организма силой слова, одинаково извѣстный какъ дикарямъ, такъ древнимъ и новымъ цивилизованнымъ народамъ. Колдуны племени баронга, живущаго вокругъ залива Делагоа, стараясь подчинить себѣ духъ, овладѣвшій больнымъ, поютъ этому духу, льстятъ, умоляютъ: просыпайся! иди развлекись на полянахъ, тамъ свѣтло, птица играетъ. Иди и ты, духъ, поиграй[4]). Древніе египтяне укрощали сумасшедшихъ, одержимыхъ демонами, формулами; даже вывихи лѣчили заклинаніями. То же въ Индіи[5]). Въ Ассиріи найдено много амулетовъ и плитокъ съ заклинаніями, между которыми попадаются выраженія: гилка, гилка, беша, беша, перешедшими въ средневѣковую магію черезъ римскую имперію[6]). Въ этихъ заклинаніяхъ пребываніемъ духовъ, наславшихъ болѣзнь, признаются горы, моря, пустыни и болота. Произносились они шопотомъ: снимитись, уйдите, бѣгите далеко изъ моего тѣла. Состояли изъ угрозъ и молитвъ[7]). Заговоръ

---

1) Вѣстникъ Европы 1868 г. XI, 564.

2) Сахаровъ. Сказанія рус. народа. С.-Петербургъ 1885 г., 32.

3) Чубинскій. Тр. экспед. т. I, вып. I, 11.

4) H. A. Junod. Les chants et les contes des Ba-ronga. Lausanne 1897, 51, 52.

5) Ковнеръ, Ист. Мед. (въ Кіевск. Унив. Извѣстіяхъ II, 14 и III, 67).

6) Журн. Мин. Народн. Просв. 1876 г. XII, 188.

7) Вс. Миллеръ. Ассир. заклин. Рус. Мысль 1896 г., VII, 69, 73.

Въ записанныхъ мною приводимыхъ ниже заговорахъ встрѣчаются тѣ же мотивы: «идить соби за огнямы, за дымами на болотя, очерета, на дыки степа, де пивень не спивае, козакъ коня не сидлае, дивка русою косою не мае; де сонце не гріе, витеръ не віе»,—предлагаютъ духамъ болѣзни.

(заклинаніе) вообще, по разъясненію покойнаго профессора Потебни, принятому и новѣйшимъ изслѣдователемъ Ѳ. Ю. Зелинскимъ, есть словесное изображеніе сравненія даннаго или нарочно произведеннаго явленія съ желаннымъ, имѣющее цѣлью произвесть это послѣднее. Принудительностью, основанной на вѣрѣ въ силу слова, и желаніемъ, подлежащимъ исполненію, заговоръ отличается отъ молитвъ, вошедшихъ въ него, какъ позднѣйшее наслоеніе, а наличностью сравненія—отъ пожеланій, клятвъ, ругательствъ. Въ заговорахъ заключается обыкновенно пять формулъ: обращеніе, введеніе, два члена сравненія и закрѣпленіе [1]). Для усиленія дѣйствія заговоръ произносится многократно, шопотомъ, изъ желанія сохранить профессіональную тайну шепчущаго и боязни потерять потомъ способность лѣчить имъ [2]).

[1]) Въ записанныхъ мною заговорахъ, кромѣ обращенія къ болѣзни: уроки, урочыща! болюхъ, болюшыще, бешыха, бешышныкъ, бешышыще! болячка, зализнячка,—заключается еще краткая характеристика болѣзни и причинъ возникновенія послѣдней. Напримѣръ: переполохы выхрови, блыскови, громови, урокы насміяни, насливани, жыдивськи, цыганськи,—почему полезнѣе излагать заговоры вмѣстѣ съ болѣзнями, а не отдѣльно отъ нихъ. Сравненія въ мѣстныхъ заговорахъ также встрѣчаются часто, особенно въ заговорахъ отъ зубной боли. Напримѣръ: «якъ у мертвыхъ (или мисяця) зубы не болять, такъ шобъ у мене не болилы». Закрѣпляются мѣстные заговоры однимъ словомъ: аминь, тогда какъ въ великорусскихъ заговорахъ такъ: слово мое крѣпко, быть по моему или аминь. (Даль. О повѣр. 33).

[2]) О заговорахъ. Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ., X, 4, 13, 37, 45, 47, 54.

Обнаружившій заговоръ гласно лишается способности заговаривать (Ibid., 35).—Покойный Скальковскій въ «Порубежникахъ» (вып. 1. Одесса 1849 г., 99—101), описывая приготовленіе купели для больной знахаркой, которая положила въ купель топоръ, лемишъ и чересло и мѣшала травы заступомъ, приводитъ и заговоры этой знахарки заключающіе въ себѣ характеристику болѣзни и обращеніе къ послѣдней, похожія на мѣстныя: «чы ты чоловичый, чы ты жыночый, чы ты парубочый, чы ты дивчачый?» и далѣе: «тутъ тоби не стояты, тутъ тоби не буяты, жовтои косты не ломыты, червонои крови не пилыты», и между прочимъ заключаетъ, что знахарка согласилась

Съ теченіемъ времени сила слова сама по себѣ признается уже недостаточной для дѣйствительности заговоровъ, и въ нихъ входитъ, какъ выше замѣчено, христіанское наслоеніе. Шептуха подкрѣпляетъ свои шептанія именемъ Божьимъ, Спасителя, Божіей Матери, святыхъ: Николая, Юрія, Варвары въ такихъ, напримѣръ, выраженіяхъ: не я тебе (болѣзнь) выклыкаю, выклыкае, вышиптуе Божая Маты". „Святіи отци и праотци, велыкомученыкы, преподобныкы, велыки чудотворци, станьте мени въ помочи". Въ Лубенскомъ уѣздѣ есть мѣстныя святыни: чудотворные образа, мощи, криницы, къ которымъ прибѣгаютъ вѣрующіе и получаютъ исцѣленіе, какъ видно изъ слѣдующихъ разсказовъ.

1.

Мыхайло Ананко лазывъ на колиняхъ и локтяхъ. Полизъ винъ рачкы у Высачкы[1]). Тамъ освятылы воду и одслужылы молебень зъ акафыстомъ Божій Матери. Выздоровивъ винъ, прыйшовъ уже ногамы. (М. Снѣтинъ, отъ Елены Задоиной).

2.

Я праву руку не могла пиднять, такъ я ссукала свичу зъ воску, одслужылы молебень зъ акафыстомъ у Высачкахъ; надилы мени на руку прывиску и стежку одъ прывискы. Рука перестала болить.

3.

Внука моя Марія усе боліе тай боліе. Я пишла, одробыла воску и повела іи у манастырь до св. Афанасія, и положылы

продиктовать заговоры только благодаря близкимъ отношеніямъ къ сестрѣ автора. То же наблюдается и теперь, развѣ какая нибудь счастливая случайность: близкое знакомство, оказанная услуга, умѣстный совѣтъ и т. п. развязываетъ уста шептухи, но при этомъ послѣднія опускаютъ или измѣняютъ слова, такъ что заговоры доходятъ до насъ далеко не всѣ, притомъ въ неполномъ объемѣ.

[1]) Въ с. Исачкахъ, въ церкви есть чудотворный образъ Исачковской Божьей Матери, о которомъ я писалъ въ «Снѣтинской Старинѣ» Кіевъ 1898 г., стр. 9.

тамъ воску пивъ-фунта. Вона мовъ побадёрила трошкы, а не зовсимъ здорова. Я заробыла пятьдесятъ коп. грошей, кажу: ходимъ, дочко, ще й у Высачкы. Наняла акафыстъ и молебень и батюшка трычи покропывъ святою водою. И теперъ дивчынка хорошенька. (С. Литвяки, отъ Евдокіи Павлыковой (Мажоркы).

4.

Якъ мій хлопець бувъ больный, то возылы до св. Афанасія. Молебень заказувалы, кубукъ надивалы на голову — одужавъ. (С. Литвяки).

5.

Свята Параскева мылуе всякого, и слипого, и крывого, и болящого. Чоловикъ у Вильшанци—Шутивъ Гараськивъ Дмытро— не бачывъ. Пообрикавсь винъ до крыныци, стоявъ на колиняхъ до пивдня, молывся Богу; прыйшовъ до дому и ставъ выдить. Наймавъ молебень [1]). (С. Литвяки, отъ Ганны Кириченковой).

Кромѣ помощи святыхъ, религіозное вліяніе выразилось еще въ народной медицинѣ употребленіемъ различныхъ ритуальныхъ и освященныхъ вещей: ладана, смирны, воску, хлѣба, пшеницы, особенно воды: „іорданськои, стритеннои, юрськои (грегорськои), макіевськои". Для лучшаго дѣйствія каждую такую воду слѣдуетъ набирать трижды изъ рѣки или источника, а по отношенію къ „стритенній" водѣ существуетъ особый пріемъ. Одно лицо должно принести воду съ рѣки и передать другому на воротахъ или форткѣ. Этотъ другой передаетъ воду третьему на синешномъ порогѣ; третье лицо передаетъ въ свою очередь четвертому на хатнемъ порогѣ. Послѣдній ставитъ воду на столъ. Разныя воды примѣняются въ различныхъ страданіяхъ: „стритенна вода дуже пользуе одъ урокивъ, колюшкы, простуды. Вечирня—одъ переполоху и жывота, грегорська—одъ очей, якъ болять". Спасительно

[1]) Образъ святой Параскевы находится въ часовнѣ надъ криницей возлѣ с. Енковецъ, гдѣ собирается знаменитая Криницкая ярмарка; мощи же св. Афанасія, патріарха константинопольскаго—въ Лубенскомъ Мгарскомъ Спасо-преображенскомъ монастырѣ.

также дѣйствуетъ смѣсь всѣхъ водъ. По мѣстнымъ народнымъ вѣрованіямъ, наиболѣе цѣлительна вода особыхъ священныхъ криницъ, открывающихся только въ срединномъ лѣсномъ участкѣ Лубенскаго уѣзда, вблизи селъ: Енковецъ, Калайдинецъ и Хелепцовъ. Надъ этими криницами устроены часовни; къ нимъ стекаются больные изъ окрестныхъ уѣздовъ. Религіозное вліяніе отразилось на народной медицинѣ еще съ другой стороны: установленіемъ особой причины болѣзней—несоблюденія праздничныхъ дней. По разъясненію А. Н. Веселовскаго, воскресный культъ введенъ въ восточной римской имперіи эдиктомъ Константина Великаго 321 года, запрещавшимъ между прочимъ работы, судъ и торговлю по воскресеньямъ. Съ развитіемъ этого запрета, шло и нарастаніе суевѣрій: несоблюдающую праздникъ женщину поражаетъ ударъ, у нея переламывается нога или бедро, рождается дитя съ собачьей головой. Съ теченіемъ времени вся строгость обихода еврейской субботы перенесена на воскресенье. Въ XIII ст. секта бичующихся ввела празднованіе пятницы, а въ Россіи появилось еще и празднованіе среды [1]). Широкое распространеніе подобныхъ вѣрованій въ Лубенскомъ у. видно изъ слѣдующихъ разсказовъ, записанныхъ въ разныхъ его мѣстахъ [2]).

1.

У Пятыгорцяхъ ище за господськыхъ правылъ барыня загадала прыкащыку, шобъ завтра выходылы конопель брать. Жинкы сказалы: „завтра празныкъ Мыхайлово чудо“ [3]). Вона выйшла утромъ сама и сказала: „выходьте и я зъ вамы иду“. Нихто не бравъ конопель, вона сама набрала конопель дви горсткы и поставыла йихъ одно до одніи, а третю набрала та надила на голову, каже: дывицця, жинкы, чы дуже чудно? И вдарыла въ

---

[1]) Опытъ по истор. разв. христ. легенды. II. Эпистолія о недѣлѣ. Жур. Мин. Нар. Просв. № III., 1876 г., 61—63, 67, 69, 79, 81, 88, 115.

[2]) См. также мои: Нар. обр. и пѣсни Луб. у., 12, 13.

[3]) 6-го сентября.

долони и засміялась и бижыть незна куды. Киньмы догналы, молебствовалы, тоди пройшло.

2.

На Мыхайлово чудо йиде чоловикъ сіять жыта, а чоловикы кажуть: „куды ты йидешъ?—празныкъ". А винъ каже: „тоди буде празныкъ, якъ посію". Узявъ до вечора посіявъ жыто и заволочывъ. Тоди ставъ борону класты на визъ, та замисть того—на голову, та давай бигать съ тіею бороною. Люды піймалы, началы молебствовать—пройшло.

3.

На Мыхайлово чудо жинка пишла прать; такъ якъ заболилы у неи рукы и ногы, такъ вона два годы болила и одна рука больна була, покы вона й умерла.

4.

Биля Лукомья чоловикъ на Антонія кыдавъ стогъ и довершывъ стога, а верхови вила пустывъ до долу. И воны сталы коло стога, а винъ давай съ стога спускаться та настромывся на вила и черезъ тры дни скинчавсь.

5.

На Антонія жинка полола грядку и стала у неи нога болить, чесаться, сынить до колина. Укынувсь антонивъ огонь. Одвезлы въ Оржыцю, и докторъ одризавъ ногу.

6.

Чоловикъ на Ефымія рубавъ деревыну и впала та деревына и перебыла ногу, и зробывсь калика.

7.

Чоловикъ спразнывъ на Якыма и Ганны, ставъ молотыть; хлопчыкъ пидбигъ, умотавсь у машыну; його потрощыло, на четвертый день поховалы.

8.

Чоловикъ мій на другый день Стритення пошывъ жыдови головкы. Дивчынка — чотыри годы було — перестала балакать,

тилько икае. Пишла я до церквы, наняла св. Симеону Богопріемцю и Анни пророчыци молебень, прынеслы и свичу у весь ростъ дивчыны, за ти сами гроши, шо за чоботы, наняли молебень. Икала дивчына до жнывъ. Возылы до крыныци до св. Параскевы и тамъ наймалы молебень—не помоглось. Водылы въ Исачкы и тамъ служылы молебень Матери Божій и св. Параскеви и тымъ двомъ святымъ. Тоди якъ молебень служылы, надивалы обручъ на голову—та ажъ тоди помоглось. (С. Тишковъ, отъ Маріи Кырыленковой).

9.

Жинци зъ Волчка застряла въ груды голка, шо вона у празныкъ шыла; друга жинка ризала локшыну у недилю, перекрывыло ій ротъ, тай умерла. На Памя[1]) жинка цыбулю выбирала зъ грядкы и запорошыла око и съ тымъ ослипла.

10.

Я сама проты пятныци якъ помыкала мычокъ довго до пизна, и мени крутыло рукы, покы не зареклась, шо не буду мыкать мычокъ. (С. Литвяки, отъ Ганны Кириченковой).

11.

До Вшестя[2]) нельзя золыть у четверъ, буде кровъ текты зъ жлукта,—сама бачыла.

Одна жинка одзолыла въ четверъ. Опизнылася, не попрала. Йій прыснывся сонъ: на вищо ты прыступаешъ: чы лучче тоби двое дитей годувать, чы свита не бачыть? Вона каже: лучче я буду дитей годувать. Такъ йій у ту грудь и у ту грудь гадюкы повпыналыся, не можна одирвать, одвезлы у Кіивъ[3]). (Х. Сабадашевъ, отъ Мазняковой).

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Св. Пантелеймона, 8 іюля.

[2]) Входъ Господень въ Іерусалимъ.

[3]) Въ Лубенскомъ у. записанъ былъ мною народный разсказъ о подобной же карѣ, постигшей женщину за золеніе «на праву середу». Оторвать змѣй могла лишь дѣвица, которая всю жизнь «понедилкувала»—постилась по понедѣльникамъ.

Донесеніе венеціанца Альберто Вимина о козакахъ и Б. Хмельницкомъ (1656 г.).

Въ дипломатической перепискѣ первой половины XVII в. сохранилось немало указаній на широкіе планы антитурецкой коалиціи, которыми задавался польскій король Владиславъ IV. Какъ извѣстно, въ разсчеты этого короля-неудачника входило привлечь къ борьбѣ и козачество, издавна привычное къ войнѣ съ мусульманскимъ міромъ и оказавшее въ свое время огромныя услуги рѣчи посполитой въ этомъ отношеніи. Интересы короля, козачества и правящей польской шляхты настолько расходились въ этомъ случаѣ, что всѣ проекты общаго натиска на Турцію и вассальный ей Крымъ не только окончились при Владиславѣ IV фатальной неудачей, но даже послужили однимъ изъ главныхъ поводовъ къ возстанію козаковъ при Хмельницкомъ: [1]) обстоятельства заставили гетмана въ борьбѣ своей съ шляхетской олигархіей искать опоры именно въ Крыму и въ Стамбулѣ.

[1]) См. монографію Виктора Чермака Plany wojny tureckiej Władysława IV. Kraków, 1895. Задача этого обширнаго и скрупулезнаго изслѣдованія — показать, что Владиславъ IV и Юрій Оссолинскій, въ преслѣдованіи династическихъ цѣлей, сдѣлались невольнымъ орудіемъ замысловъ Хмельницкаго, но не были прямыми подстрекателями козацкаго бунта. Однако взглядъ болѣе рѣзкій, высказанный г. Л. Кубалей въ его біографіи Ю. Оссолинскаго, не вполнѣ опровергнутъ г. Чермакомъ.

Планы Владислава IV и канцлера Юрія Оссолинскаго возникли и развивались, вплоть до печальнаго исхода, въ значительной мѣрѣ благодаря войнѣ за Кандію, которая началась между Турціей и Венеціей въ 1645 г. Венеціанская республика, въ XVII в. клонившаяся къ полному упадку, ближайшимъ образомъ была заинтересована въ томъ, чтобы Польша именно съ помощью козачества сдѣлала диверсію противъ Турціи на Черномъ морѣ и тѣмъ ослабила натискъ османлисовъ на Кандію. Въ документахъ эпохи Хмельницкаго есть рядъ указаній на усилія венеціанцевъ въ этомъ направленіи, на тайные переговоры, которые велись королемъ съ козаками по этому поводу, наконецъ, на прямую уплату козакамъ небольшой суммы изъ ничтожной венеціанской субсидіи для постройки чаекъ. Однако, извѣстій о непосредственныхъ сношеніяхъ Венеціи съ козаками при Владиславѣ IV не сохранилось.

Послѣ зборовскаго мира нѣкоторые польскіе политики, какъ напр. Адамъ Кисель и Юрій Оссолинскій, полагали, что для спасенія рѣчи посполитой необходима внѣшняя война и прежде всего, конечно, съ Турціей. Венеціанскій посолъ Контарини, смѣнившій Тьеполо, давалъ широкія обѣщанія, болгары готовились къ возстанію, посолъ ихъ Петръ Парцевичъ сулилъ Польшѣ золотыя горы. Изъ Варшавы Парцевича отправили въ Вѣну и Венецію. Оссолинскій прямо предложилъ венеціанскому сенату снарядить полномочныхъ пословъ въ Варшаву и къ Хмельницкому, все по поводу диверсіи на Черномъ морѣ. Дѣйствительно, въ Варшаву отправленъ въ 1650 г. Джироламо Кавацца, а къ Хмельницкому Альберто Вимина. По словамъ современнаго донесенія, Хмельницкій принялъ посла очень любезно, изъявилъ готовность выступить противъ Турціи, лишь только получитъ деньги на это, и даже обѣщалъ привлечь на свою сторону крымскаго хана въ интересахъ Венеціи [1]). По другому извѣстію, Хмельницкій сперва отговаривался, что не можетъ выступить въ морской походъ безъ согласія кор. Яна Казимира

---

[1]) См. L. Kubala, Jerzy Ossoliński, t. II (Lwów, 1883), 331 и 406.

и хана, но наконецъ далъ отвѣтъ, что удобнѣе объ этомъ толковать, когда будутъ даны деньги на войско [1]). Съ такимъ осторожнымъ отвѣтомъ вернулся Вимина отъ Хмельницкаго въ Варшаву въ половинѣ іюля 1650 года. Въ слѣдующемъ году Яну Казимиру удалось заключить союзъ съ Венеціей, а въ 1652 г. Кавацца продолжалъ въ Варшавѣ свои хлопоты о посылкѣ козаковъ на море, но требованія Хмельницкаго были слишкомъ широки, и переговоры ни къ чему не привели. Удобный моментъ для привлеченія козачества къ услугамъ рѣчи посполитой былъ упущенъ еще въ 1647 г. Послѣ Берестечка и бѣлоцерковскихъ пактовъ нечего было и думать о какомъ-нибудь успѣхѣ въ этомъ направленіи. Правда, въ перепискѣ и инструкціяхъ своихъ позднѣйшаго времени, даже въ 1655 г., Хмельницкій ссылается иногда на просьбы Венеціи, намекаетъ, что готовъ помогать коалиціи христіанскихъ государей и народовъ противъ невѣрныхъ [2]), но всѣ эти рѣчи представляютъ не болѣе, какъ дипломатическую уловку: другіе интересы и задачи отвлекали гетмана отъ подобныхъ плановъ, которымъ всего менѣе сочувствовала правившая въ Польшѣ шляхетская олигархія, а кор. Янъ Казимиръ даже прямо доносилъ въ Стамбулъ объ опасныхъ для Порты замыслахъ Хмельницкаго [3]).

Перу Альберто Вимина принадлежитъ любопытное „Донесеніе о происхожденіи и обычаяхъ козаковъ", отысканное въ рукописяхъ феррарской библіотеки проф. Д. Ферраро и изданное въ 1890 г. въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ [4]). Записка Ви-

---

[1]) Ambr. Grabowski, Ojczyste Spominki, t, II (Kraków, 1845), 103. Также Kubala, II, 407.

[2]) См., напр., инструкцію архимандриту Даніилу, октябрь 1655 г., въ Швед. госуд. архивѣ, отд. *Cosacica.*

[3]) См. напр. инструкцію 1653 г. послу Морштыну у Szilágyi S., Erdély es az északkeleti háború (Budapest, 1890) I, 274.

[4]) Relazione dell' origine e dei costumi dei cosacchi, fatta l'anno 1656 da Alberto Vimina, ambasciatore della Republica di Venecia, e publicata dal Prof. G. Ferraro. Reggio nell' Emilia, 1890. (in-8, стр. 23). Текстъ донесенія снабженъ предисловіемъ и примѣчаніями издателя, удивительными по наивности. Экземпляръ имѣется въ библіо-

мина помѣчена издателемъ 1656 годомъ, но, кажется, основана на наблюденіяхъ посла, сдѣланныхъ въ 1650 году. Несмотря на нѣкоторыя наивности и ошибки, впрочемъ, второстепеннаго свойства, записка особенно интересна по отмѣченнымъ въ ней бытовымъ подробностямъ, которыя не останавливали на себѣ вниманія другихъ современныхъ писателей о козакахъ. Полная добросовѣстность автора, его наблюдательность, отсутствіе предубѣжденія противъ описываемаго народа, спокойный тонъ отчета—все это заставляетъ внимательно остановиться на „Донесеніи“, переводъ котораго предлагается ниже.

„Продолжительныя и трудныя путешествія въ малоизвѣстныя страны соединены съ большими неудобствами, но удовлетворяютъ любознательности. Я испыталъ это во время поѣздки своей къ козакамъ и сдѣлалъ при этомъ нѣкоторыя наблюденія, которыя записалъ и преподному вашей свѣтлости, дабы къ вашимъ познаніямъ въ политикѣ прибавить еще и свѣдѣнія о козацкомъ народѣ.

Судя по тому, что я слышалъ съ разныхъ сторонъ, козаки получили свое имя менѣе ста лѣтъ тому назадъ. Несомнѣнно, что имя это происходитъ отъ слова *коза*, потому-ли, что козаки дѣлаютъ одежу изъ грубой ткани, сотканной изъ козьей шерсти, или взбираются на скалы съ легкостью козы, или, наконецъ, привыкли жить въ шалашахъ изъ листьевъ, на подобіе лежекъ лѣсныхъ козъ. Область козаковъ строго говоря занимаетъ лишь узкую линію по берегамъ Днѣпра приблизительно въ 15 миль, т. е. до 70 миль итальянскихъ. Страна тянется до Чернаго моря, недалеко, какъ думаю, отъ мѣста изгнанія Овидія. Увѣ-

---

текѣ юрьевскаго университета. За сообщеніе мнѣ этого рѣдкаго изданія приношу искреннюю благодарность В. А. Кордту.—Кажется, тому же Альберто Вимина принадлежитъ изданная въ 1671 г. въ Венеціи Storia delle guerre civile di Polonia di don Alberto Vimina Bellunese, упомянутая въ числѣ источниковъ монографіи Н. Костомарова «Богданъ Хмельницкій» (изд. 4, т. I. Спб. 1884) подъ № 28.

ряютъ, что въ тѣхъ мѣстахъ находится городокъ или село Овидова, т. е. городъ Овидія, гдѣ, по преданію, погребены останки поэта. Мнѣ нетрудно этому повѣрить, сравнивъ страну съ описаніемъ поэта въ печальной элегіи къ женѣ De ponto:

Non ager hic pomum, non dilces educat uvas.

А дикость мѣстнаго племени еще болѣе подтверждается свидѣтельствомъ Овидія въ посланіи, помнится, къ своему другу Марцію:

Maxima pars hominum nec et pulcherrimam curat
Romam, nec Ausonii armas timet.

Однако, эти новѣйшіе народы ведутъ свое происхожденіе не отъ древнихъ, но отъ наплыва преступныхъ людей, которымъ, для избѣжанія кары за провинности, удалось скрыться и удалиться въ это послѣднее убѣжище, гдѣ они первоначально снискивали пропитаніе рыболовствомъ и охотой, а затѣмъ, благодаря морскимъ набѣгамъ, постепенно укрѣпили ту страну за своими потомками.

Но эти послѣдніе занимаютъ лишь небольшую, указанную выше, линію, которая называется *Запорожьемъ* отъ имени нѣскольнихъ скалъ на Днѣпрѣ, *пороговъ*, т. е. это какъ-бы *новопоселеніе,* ибо за этими скалами тянутся ихъ жилища.

Однако въ настоящее время имя козаковъ и область ихъ сильно распространились, ибо въ Польшѣ къ числу козаковъ принадлежатъ всѣ легко вооруженные, которые сражаются конно, съ лукомъ и ружьемъ. Послѣ послѣднихъ волненій страна козаковъ простирается отъ границъ Кіевскаго воеводства до крайняго рубежа Запорожья, т. е. на 90 миль протяженія по ту и другую сторону Днѣпра или свыше 800 (400?) итальянскихъ миль, шириною же 40 миль или до 200 итальянскихъ миль,—пространство, приличное для обширнаго государства. Правда, однако, что эта область всегда была заселена самымъ воинственнымъ и привычнымъ къ оружію русскимъ племенемъ. Въ виду безпрестанныхъ нападеній татаръ, признавалось необходимымъ,

чтобы подданые были привычны къ военному ремеслу и могли не допускать и прекращать нападенія и набѣги варваровъ.

Часть этой области, называемая Запорожьемъ, до такой степени плодородна, что не только можетъ быть поставлена наряду съ самыми культивированными странами Европы, но и удовлетворить требованіемъ самаго завзятаго (avido) земледѣльца.

Страна эта называется Украиной, т. е. пограничьемъ; на ея дѣвственность (ferocità) указываетъ масса злаковъ, произрастающихъ въ безпорядкѣ и безъ обработки отъ тѣхъ зеренъ, которыя попадаютъ въ землю послѣ покоса или отъ вѣтра и называются по русински (in lingua Rutena) *падалицей* (*padalitza*), что̀ равносильно нашему *caduto.* Падалица иногда собирается, иногда пропадаетъ, ибо жатва на засѣянныхъ нивахъ столь обильна, что крестьяне пренебрежительно относятся къ этимъ дарамъ, которые приноситъ имъ благодатная почва. Я съ трудомъ повѣрилъ-бы подобному явленію, если бы не убѣдился собственными глазами и не видѣлъ на мѣстѣ такихъ крупныхъ и обильныхъ зерномъ сноповъ, какихъ не получишь въ другихъ странахъ при самой тщательной обработкѣ.

Однако въ настоящемъ году на это по мѣстамъ обращено вниманіе. Признакомъ тому служитъ водруженный въ землю шестъ, на которомъ виситъ палка, для предупрежденія прохожихъ не пасти тамъ скота, во избѣжаніе наказанія палками. Подобные-же знаки употребляются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходить запрещено, и нарушителямъ запрета угрожаетъ строгая уголовная кара.

Не меньшее, чѣмъ въ хлѣбѣ, замѣчается тамъ изобиліе въ молочныхъ продуктахъ, мясѣ и рыбѣ, благодаря массѣ пастбищъ и множеству прудовъ.

Кромѣ Днѣпра, другихъ судоходныхъ рѣкъ въ этой странѣ нѣтъ. Начиная отъ Вислы, протекающей подъ Варшавой или подъ Люблиномъ (?), и до Днѣпра (такъ называется Борисѳенъ древнихъ), на протяженіи до 200 итальянскихъ миль, мнѣ удалось видѣть лишь двѣ небольшія рѣки или скорѣе ручейки: *Вилію* (Villua), омывающую г. Острогъ, и *Рось* (слово латинское

и польское, означающее росу), которая мирно орошаетъ окрестности Корсуня, городъ знаменитый первымъ сраженіемъ Хмельницкаго съ польскими генералами, взятыми при этомъ въ плѣнъ.

Кромѣ описанныхъ выше богатствъ, благодатная почва доставляетъ жителямъ пренебрегаемыя послѣдними вкусныя овощи и множество спаржи столь роскошной, что, на мой взглядъ, она не уступитъ самымъ высокимъ веронскимъ сортамъ, чрезвычайно вкусной и не горькой, какъ лѣсные сорта съ тонкими стеблями, растущіе около Рима и Неаполя. Я былъ изумленъ и сперва подумалъ, то это дикій сортъ, но изъ желанія разубѣдиться пробовалъ ее много разъ, такъ что вслѣдствіе чрезмѣрнаго обилія спаржа мнѣ даже надоѣла. Тамъ же растетъ лукъ и другія овощи; я пробовалъ ранніе сорта фруктовъ, которые показались мнѣ очень сладкими. И однако въ странѣ столь плодородной не видно ни огороженныхъ фруктовыхъ садовъ, ни огородовъ съ рѣдкими сортами овощей, арбузами, артишоками, сельдереемъ, за исключеніемъ окрестностей Кіева; вся забота козаковъ ограничивается сборомъ кочанной капусты, которую они или потребляютъ въ свѣжемъ видѣ, или солятъ впрокъ изсѣченною, какъ принято въ Германіи. Козаки сѣютъ также большое количество огурцовъ, которые тоже солятъ и потребляютъ съ хлѣбомъ или въ качествѣ приправы къ мясу и рыбѣ. Виноградниковъ нѣтъ, но не потому, чтобы почва считалась неблагопріятною, а лишь вслѣдствіе отсутствія охоты къ насажденію и уходу за нимъ (какъ это принято въ Австріи и другихъ странахъ, гдѣ зима чрезвычайно сурова), или же по небрежности къ агрикультурѣ.

Замѣтно, что козаки не заботятся о фабричномъ дѣлѣ ни по селамъ, ни въ городахъ. На столь обширномъ протяженіи страны не видно каменныхъ домовъ, исключая Кіева: все это плохія хаты и, если не считать нѣсколькихъ дворянскихъ домовъ, по справедливости должны быть названы хижинами. Нѣкоторыя изъ нихъ сплетены изъ древесныхъ вѣтвей и помазаны бѣлой глиной, другія сколочены изъ дерева. Въ этомъ козаки однако искусны, ибо для соединенія и скрѣпы бревенъ не употребляютъ

гвоздей. Да и вообще въ домѣ не видно другого желѣза, кромѣ лишь у дверного запора и дверныхъ же подвѣсокъ. Живутъ тѣсно, и зимою въ одной и той же комнатѣ помѣщаются люди и скотъ. Плохая домашняя утварь гармонируетъ съ постройками, потому что, кромѣ ножа и горшка все въ домѣ деревянное. Бѣлье употребляется только для лѣчебныхъ надобностей [1]).

Лишь весьма немногіе употребляютъ простыни; въ многочисленной семьѣ развѣ только на единственной кровати хозяина есть простыня; прочіе спятъ на лавкахъ [2]), на соломѣ или на какой-нибудь шерстяной тряпкѣ.

Не имѣется другихъ ремеслъ, кромѣ столярнаго, сѣдельнаго, плотницкаго и сапожнаго, хотя большею частью сапоги употребляются съ подошвами изъ лубка и кожи, сшитыхъ дратвою. Одежу изготовляютъ изъ конопли и грубой шерсти, которую расчесываютъ деревянными гребнями. Купцовъ нѣтъ нигдѣ, кромѣ Кіева, гдѣ можно встрѣтить лишь нѣсколько торговцевъ плохой одежей.

Равнымъ образомъ нѣтъ ни врачей, ни аптекарей, ни продавцовъ сладкихъ пирожковъ и прочихъ сластей. Но на площадяхъ есть мясники и рыбные торговцы, продавцы мяса, масла и тому подобныхъ продуктовъ.

Обычное занятіе въ этой странѣ—земледѣліе, но у козаковъ еще мало усердія къ нему.

У козаковъ нѣтъ другой письменности, кромѣ народной русинской (lettere volgari Rutene), но лишь немногіе ею занимаются. Церковный ихъ языкъ—славянскій, на который переведено было священное писаніе св. Кирилломъ, и на немъ же изложены ученія св. отецъ; говворятъ, что онъ отличается отъ ихъ народнаго языка такъ же, какъ итальянскій отъ латинскаго. Его изучаютъ главнымъ образомъ только дворяне, почему лишь немногіе изъ духовныхъ у козаковъ понимаютъ его. Однако, нѣкоторые монахи, особенно изъ тѣхъ, которые состоятъ при митро-

---

[1]) Вѣроятно, авторъ имѣетъ въ виду высшіе сорта полотна, ибо холщевое бѣлье несомнѣнно было у козаковъ XVII в.

[2]) Точнѣе, на столахъ—sulle tavole.

политѣ, обладаютъ достаточными познаніями въ этомъ языкѣ. Встрѣчаются образованные люди, которые употребляютъ всѣ усилія для поддержки ихъ заблужденій.

По этимъ замѣткамъ легко составить себѣ понятіе о нравахъ этого народа, который оставляетъ свою страну лишь ради войны, т. е. такой школы, которая большею частью вырабатываетъ людей благородныхъ (politi), но суровыхъ и грубыхъ. По внѣшнему виду и манерамъ козаки кажутся простыми, но они не глупы и не лишены живости ума. Объ этомъ можно судить по ихъ бесѣдѣ и способу управленія. Ибо обсужденіе политическихъ дѣлъ представляетъ собою арену, гдѣ узнаешь людей, каковы они на общественныхъ собраніяхъ, но въ самомъ управленіи сказывается и обнаруживается ихъ грубость. Изъ этой толпы необразованного народа составляется суровый Сенатъ [1]), въ которомъ присутствуетъ гетманъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что народъ ради войны отрывается изъ плуга и дѣлъ гражданскаго управленія. Въ Сенатѣ козаки обсуждаютъ дѣла, поддерживаютъ свое мнѣніе безъ чванства (ostentazione) и съ цѣлью содѣйствовать общему благу. Если признаютъ лучшимъ мнѣніе другихъ, то не стыдятся этого, безъ упрямства отказываются отъ собственнаго взгляда и присоединяются къ болѣе вѣрному.

Поэтому я сказалъ-бы, что эта республика можетъ уподобиться спартанской, если-бы только у козаковъ находилась въ такомъ же почетѣ трезвость; однако, они могутъ состязаться со спартанцами по суровости своего воспитанія. Трудно представить себѣ, сколько они терпятъ отъ голода, жажды, утомленія и безсонныхъ ночей. Всѣми этими прелестями они особенно пользуются во время морскихъ походовъ, когда, по словамъ козаковъ, имъ не разъ приходилось голодать по три дня, питаясь отвратительнѣйшимъ хлѣбомъ, чеснокомъ и лукомъ.

Во время же сухопутныхъ походовъ, въ которые выступаютъ по обычаю татарскому, козаки довольствуются небольшимъ количествомъ пшена, которое берутъ съ собою на коня, утоляютъ

---

1) т. е. рада.

жажду изъ лужъ, нерѣдко съ грязной и гнилой водой, и спятъ на голой землѣ. Но возвратившись домой они предаются безпрестанному пьянству, проводя въ попойкахъ цѣлые дни и ночи, пока не погрузятся въ сонъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Поэтому они не въ состояніи скопить богатства и доставить себѣ комфортъ, ибо все безъ остатка уходитъ на пьянство.

Если даже военная добыча велика, то она не приноситъ козакамъ сколько-нибудь серьезной пользы, такъ какъ они не знаютъ ей цѣны да и не находятъ кому продать. Я узналъ, что захваченное въ послѣднее время холоднее оружіе—безполезное козакамъ, такъ какъ у нихъ принята только сабля—употреблено для насталиванья топоровъ, а пистолетныя дула пошли на изготовленіе разныхъ желѣзныхъ частей для возовъ. Отсюда видно, что вся эта добыча принесла пользу лишь частнымъ лицамъ, но не обществу.

Вообще, единственно, чѣмъ могутъ похвалиться козаки, это свободой; видимо они ни во что ставятъ богатство, ибо довольствуются малымъ. Уже Сенека старался въ своихъ сочиненіяхъ доказать—хотя и не слѣдовалъ своему ученію, такъ какъ копилъ сокровища—что человѣкъ дѣлается богатымъ не отъ прѣобрѣтенія богатствъ, но по мѣрѣ уменьшенія жадности къ нимъ. Козаки не знаютъ и не стремятся къ другимъ усладамъ жизни, кромѣ бѣдныхъ (ruvide) хатъ своихъ, и если не пьянствуютъ, то развлекаются лишь танцами, охотой и стрѣльбой изъ лука или ружья: мнѣ случалось видѣть, какъ они при этомъ пулей тушатъ свѣчку, отсѣкая нагаръ такъ, что можно подумать, будто это сдѣлано при помощи щипцовъ. Не приходилось замѣчать у нихъ большого стеченія народа при церковныхъ службахъ, ибо козаки чаще посѣщаютъ корчму, нежели церковь, такъ что, очевидно, у нихъ болѣе соблюдаются наставленія Ромула, нежели Нумы. Козаки упорно придерживаются заблужденій своей схизмы, но правилъ вѣроученія не знаютъ подробно и живутъ большею частью въ вѣрѣ отцовъ, и лишь духовныя ихъ лица понимаютъ основныя различія вѣръ. Единственно, что всѣмъ имъ извѣстно и всѣми отвергается, это главен-

ство римской церкви. Но относительно исхожденія Св. Духа чрезъ Сына, какъ вѣруютъ латыняне, а не отъ Отца, они спорятъ съ нами, не умѣя однако объяснить, откуда возникла схизма. Эти заблужденія уже были осуждены. Представляется яснымъ выводъ, что коль скоро Сынъ не обладаетъ вдохновительнымъ началомъ наравнѣ съ Отцомъ, то между ними существуетъ извѣстное разстояніе, откуда вытекаетъ и различіе въ степени (qualità). Однако нынѣ я знаю, что когда въ послѣдній разъ папа Урбанъ VIII и король польскій Владиславъ IV пытались провести соединеніе церквей, отдѣлившихся отъ римской, то было разъяснено, что исхожденіе Св. Духа отъ Отца чрезъ посредство Сына, или отъ Отца и Сына—равносильно, такъ что за тремя ипостасями признается равенство по степени, воплощенію и вѣчности.

Многіе отрицаютъ чистилище, другіе признаютъ, но чистилище не при посредствѣ огня, а путемъ наказанія чувствъ другими способами,—мнѣніе, которое нельзя осуждать. Они отвергаютъ отдѣльный судъ для каждой души, не признавая ни награды, ни наказанія ея до дня всеобщаго суда. Ибо, говорятъ они, коль скоро тѣло должно нести послѣдствія заслугъ или грѣховъ, то оно не получитъ должнаго возмездія и будетъ изъято отъ наказанія, превратившись въ тлѣнъ и нечувствительную матерію; такъ что, по ихъ мнѣнію, только душа, дарованная плоти, должна наслаждаться блаженствомъ или терпѣть муки. Есть между нами и такіе, которые утверждаютъ, что латынямъ необходимо повторить крещеніе, хотя и допускаютъ, что латыняне не нарушили (таинства?) ни по существу, ни по формѣ.

Такое безобразіе (disordine) практиковалось въ послѣднее время при смутахъ козаковъ, которые заставили по своему креститься католиковъ, изъявившихъ согласіе присоединиться къ заблужденіямъ ихъ схизмы. Немало между козаками и такихъ, которые вѣрятъ, что пресуществленіе не можетъ совершаться на прѣсномъ хлѣбѣ, и потому называютъ латынянъ еретиками опрѣсночниками (eretici azimani).

Въ точности не умѣю сказать, какого взгляда держатся козаки относительно брака, и вынужденъ думать, что они при-

знаютъ разводъ или многоженство. Ибо между ними есть много такихъ, которые бросили своихъ безобразныхъ и престарѣлыхъ женъ и обзавелись молодыми и красивыми. Я не видѣлъ тому примѣровъ, но говорятъ, что ихъ много. Гетманъ далъ всѣмъ примѣръ, по правилу:

Qnales sunt in Republica principes, tales et sunt reliqui cives, ибо обвѣнчался съ женою польскаго шляхтича Чаплинскаго, фаворита Александра Конецпольскаго, короннаго хорунжаго, которые, какъ говорятъ, были причиною прошлыхъ смутъ.

Видѣлъ я также двухъ евреекъ незаурядной красоты, обвѣнчанныхъ съ двумя грубыми мужиками, которые заставляли ихъ носить на шеѣ священные знаки, а также посѣщать церковь, хотя еврейки и не были крещены, но въ остальномъ имъ предоставлена была полная свобода въ исполненіи своихъ обрядовъ.

Кажется, я уже достаточно сказалъ о происхожденіи, странѣ и обычаяхъ козаковъ, и полагаю, что для удовлетворенія любознательности вашей свѣтлости мнѣ остается еще добавить коечто о гетманѣ.

По сословію своему онъ сынъ шляхтича, который подвергся изгнанію и лишенъ былъ дворянскаго званія. Роста онъ скорѣе высокаго, нежели средняго, широкъ въ кости и крѣпкаго сложенія. Рѣчь его и способъ управленія показываютъ, что онъ обладаетъ зрѣлымъ сужденіемъ и проницательнымъ умомъ. Хотя и случается, что онъ чрезмѣрно предается напиткамъ, но тѣмъ не менѣе онъ не оставляетъ заботы о дѣлахъ. Поэтому мнѣ кажется, что въ немъ могутъ совмѣщаться два существа: одно—дѣятельное, трезвое, преданное управленію дѣлами, другое—сонное и погруженное въ пьянство. Въ обращеніи онъ мягокъ и простъ, чѣмъ привлекаетъ къ себѣ любовь воиновъ, но, съ другой стороны, онъ держитъ ихъ въ дисциплинѣ строгими взысканіями. Всѣмъ, кто входитъ въ его комнату, онъ пожимаетъ руку и всѣхъ проситъ садиться, если они козаки. Въ этой комнатѣ нѣтъ никакой роскоши, стѣны лишены всякихъ украшеній, за исключеніемъ мѣстъ для сидѣнья. Въ комнатѣ находятся лишь грубыя деревянныя лавки, покрытыя кожаными подушками; вѣроятно, тѣ же

лавки назывались у римлянъ *subsellia*; по словамъ Плутарха, ихъ ножками были убиты Гракхи, когда задумали ввести аграрный законъ. Дамасскій пологъ протянутъ передъ небольшой постелью гетмана; въ головахъ ея висятъ лукъ и сабля, единственное оружіе, которое онъ обыкновенно носитъ. Столъ отличается не бо́льшею роскошью, чѣмъ прочая сервировка и утварь, ибо ѣдятъ безъ салфетокъ и не видно другого серебра, кромѣ ложекъ и бокаловъ. Предусмотрительно гетманъ украсилъ такимъ образомъ свое жилище, дабы помнить о своемъ положеніи и не увлечься духомъ чрезмѣрной гордости. Быть можетъ въ этомъ случаѣ онъ взялъ примѣръ съ Агаѳокла, который, будучи сыномъ горшечника и достигши царской власти, велѣлъ устроить себѣ столъ и поставъ съ глиняными сосудами, откуда и стихи:

Ausonis fictilibus cenasse ferunt agatoclea vasis,
Atque Abachum samio saepe ornasse luto.

Однако гетманскій столъ не скуденъ добрыми и вкусными яствами и обычными въ странѣ напитками: водкой, пивомъ, медомъ. Вино, которымъ мало запасаются и рѣдко пьютъ, подается къ столу лишь въ присутствіи важныхъ иноземцевъ. Какъ я имѣлъ случай убѣдиться, за столомъ и при выпивкѣ нѣтъ недостатка въ веселости и остроумныхъ выходкахъ. Я могъ бы привести нѣсколько тому примѣровъ, но краткости ради разскажу лишь одинъ. Какъ то разъ мой слуга усердно восхвалялъ предъ козаками величіе и чудеса города Венеціи, и его жадно слушали. Наговорившись вдоволь о положеніи, фабрикахъ и богатствахъ города и описавши обширность его, разсказчикъ прибавилъ, что улицы въ городѣ такъ широки, что самимъ горожанамъ случается заблудиться въ нихъ. „Ну, нѣтъ!—возразилъ одинъ козакъ:—этимъ ты не хвались съ своей Венеціей. Я тебѣ скажу, что тоже самое со мною бываетъ въ этой тѣсной хатѣ: когда посижу немного за этимъ столомъ, то уже не попаду въ двери чтобы вернуться домой“.

Слѣдовало бы и даже необходимо для полноты моего донесенія сказать что-нибудь и объ управленіи, военныхъ силахъ

и доходахъ козаковъ. Я и описалъ-бы все это подробно, еслибы въ этомъ отношеніи существовалъ определенный порядокъ. Могу лишь сказать касательно управленія, что въ городкахъ существуютъ извѣстные начальники (Consoli), которые чинятъ судъ по дѣламъ гражданскимъ и налагаютъ легкія уголовныя взысканія, такъ какъ рѣшеніе важныхъ дѣлъ принадлежитъ гетману, почему мнѣ кажется, что онъ—настоящій государь (Despota). О военныхъ силахъ козаковъ даетъ понятіе опытъ прошлыхъ походовъ. Что касается точнаго числа войска, какое можетъ быть собрано, то кому оно вѣдомо? Сколько головъ, столько, можно сказать, и воиновъ, ибо всѣ они охотнѣе берутся за оружіе, нежели за плугъ. О доходахъ ничего не могу сказать. Замѣчу лишь, что источники ихъ немногочисленны и самые доходы невелики, какъ общественные, такъ и частные".

Н. Молчановскій.

ЛЮБКА[1]

или

сватанье въ с. Рихмахъ.

Оперетта въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Любка, бѣдная дивчына.
Кулына, ея мать, вдова.
Грыць, богатый парубокъ, женихъ Любки.
Горпына, его мать, вдова.
Мартынъ, дѣдъ Грыця, богатый козакъ.
Наумъ, кумъ Мартына.
Крутій Петро Терешковычъ, подъячій, крестный отецъ Грыця.
Дьякъ Трохымъ.
Цыганка, парубки и дивчата.

---

[1]) Объяснительныя замѣчанія къ этой піесѣ смотр. въ концѣ.

Дѣйствіе 1.

Явленіе 1.

Театръ представляетъ улицу въ деревнѣ. Колодезь съ журавлемъ, подлѣ колодца стоитъ Любка, а возлѣ нея ведро.

Любка (*вздыхаетъ*).

Нема того, що выглядаю.
Хочъ зъ горя писню заспиваю.
(*Поетъ*) Горе тымъ дивкамъ на свити,
Що вйна не мають:
Такъ якъ пташкы сыдять въ клитци,
Хлопци оббигають.
Хочъ рябая, руди бровы,
Та буде богата,
Абы волы, та коровы
И вйна до ката—
То женыхы, мовъ бы осы,
Коло неи вьются,
Въ гырявои бачать косы,
Старостамы шлются.
Хочъ горбата, крывобока—
Зъ виномъ непостыла,
А вродлыва та убога
Въ очахъ тилько мыла,
(*Вздохнувъ*) Боже, Боже, твоя воля,
Яка гирька бидныхъ доля!

—

Явленіе 2-е.

Входитъ Грыць. Одной рукой скидаетъ шапку, а другую держитъ у груди.

Грыць.

Здорова, Любко! Якъ ся маешъ?
Що тутъ на серци—чы ты знаешъ,
Чы ты байдужа до того?
Ёму, далеби, за тобою
И въ день, и въ ничъ нема покою—
Ты зовсимъ змучыла ёго.
Не знаешъ, якъ воно кыпило,
И покиль тебе не узрило,
То свитъ зробывсь ёму тюрмой.
Прыложы сюды лышъ руку,
Тоди пизнаешъ ёго муку,
Якъ воно бьется за тобой.
Въ очахъ ёго одна ты мыла,
И ніякая въ свити сыла
Не зможе раны сей сцилыть.
Чы вже-жъ пакъ ты жалю не знаешъ,
Чы въ соби сердця ты не маешъ?
Чы ты родылась не любыть?
Охъ, колы бъ серце мое смило,
Воно бъ до твого полетило
И якъ голубка загуло,
Щобъ ты его къ соби прыжала

И вкупи зъ своимъ заховала,
Щобъ двое въ тебе ихъ було!

(*Складываетъ руки и потупляетъ глаза*).

Любка (*вздохнувъ*).

Слава Богу, добре знаю,—
Тугу серця також маю:
Колы бъ тебе не любыла,
То бъ далеби не ходыла
Въ цей колодязь воды браты,
За що лае мене маты,
Щобъ тутъ довго не барылась,
Щобъ на хлопцивъ не дывылась.
Що жъ, Грыценьку, зъ того буде?
Тилько судыть стануть люде...
Выбачай, серце, мени,
Що не пара я тоби:
Въ тебе ридня вся богата—
Не позволять мене взяты;
Хочъ я кажусь тоби мыла,
Але жъ бидна я дивчына.
Моя маты удовою,
И я, ставшы сыротою,
Овець не маю, та коривъ,
Ни пасикы, ни воливъ.
Бидно викъ мы коротаемъ,
Кусокъ хлиба заробляемъ:
Гирьке жыття, гирька доля!

Грыць.

Що жъ робыты? Божа воля!

Любка.

Одни бровы—мое вино,
Косы темни до колина—
Бильшъ ничого не пытай—
И богачшои шукай!

(*Утираетъ рукавомъ глаза*).

Грыць.

Що ты бидна, те я знаю;
Не богатства я шукаю,
Знавшы, якъ жывется въ васъ.
Та й богатство тлинно въ мыри:
И цари въ златій порфыри
Чы жъ богатши серцемъ насъ?
Всихъ бунчуковыхъ и вельможныхъ,
Богатыхъ, бидныхъ и заможныхъ
Покосыть ривно смертный часъ.
На що богатства намъ бажаты?
На той намъ свитъ ёго не взяты.
Що Богъ святый пославъ намъ зъ неба,
Тымъ помагаты другимъ треба.
На свити двійчи намъ не жыть.
Колысь богатства не вважалы,
Колысь князи пидданокъ бралы:
Хто серцю мае запретыть?
Я въ матери еднымъ-едыный,
Мій дидъ старый, лышенный сылы,—
Чы вжежъ захоче мене вбыть?

(*беретъ Любку за руку*).

Даруй мени оцю каблучку,
Дозволь тебе взяты за ручку,
Дозволь тебе повикъ любыть.

Любка.

(*Снимаетъ перстень и, цѣлуя Грыця, отдаетъ ему*).

Оце перстень небогатый;
Якъ ходыла я копаты,
Трохы грошей заробыла,
За працю щырую купыла,
Пидношу въ ралёць тоби:
Колы вирный ты мени—
Нехай тоби достается.

Грыць.

Богъ скарае, хто сміется;
Хто хытруе надъ тобою,
Щобъ наложывъ головою!

Любка.

Не зводь же, Грыценьку, мене:
Прызнаюсь, люблю я тебе!
(*Поетъ*). Зроду вечорныць не знала;
Якъ люблятся, не чувала,—
Пряла, шыла дома я;
Теперъ воля не моя:
Часъ наставъ любыты Грыця.

Грыць.

(*Поетъ*). Дивчыно, билолыця!
Клянусь небомъ и землею,
Клянусь тиломъ и душею,—
Скоришъ въ землю я пійду,
Колы тебе не визьму.

Любка.

Ой, хтось иде!

Грыць.

Де?

Любка.

Де не йде, пусты мене!
(*Грыць уходитъ*).

Любка (*одна*).

Якъ бы правда сёму сталась,
Щобъ я Грыценьку досталась,
Якъ бы я була щаслыва!
Бога бъ викъ благодарыла,
Грыця бъ щыро шанувала
Усимъ биднимъ помагала!
(*Поетъ*): Грыць вартъ того, щобъ любыты,
Зъ Грыцемъ мыло було бъ жыты:
Грыць молодый и красывый
Серцемъ добрый, неспесывый,
Грыць вродлывый и моторный,
Чорнобрывый, сладкомовный;
Грыць хлопчына на всю губу,
Зъ Грыцемъ горе все забуду:
(*танцуя*) Буду жыты, пануваты,
Буду Грыценька кохаты!

—

Явленіе 3-е.

(*Любка и маты*).

Маты.

Ой доню, доню, що зъ тобою?
Горе та лыхо за бидою?
Не посылать тебе воды браты,
А посылать смерти шукаты—
Куды не пійдешъ, то й засядешъ,
А на домивку й не поглянешъ.
(*Качая головой*) Мабуть, не дурно тутъ стояла.

Любка.

Ни, я...

Маты (*торопливо*).

Кажы мени: зъ кымъ розмовляла?

Любка.

Ни съ кымъ, ни съ кымъ.

Маты.

Заразъ кажы!

Любка.

Чымъ пусте намъ толковаты,
Лучче писню зоспиваты,

(*Поетъ*): Сказать стыдно, грихъ таиться,
Открыть правды не годытся,
Обманўты й того гирше;
Подуматы треба бильше.
(*Цѣлуя свой палецъ*)
Грыць хлопчына, щобъ кохаты,
Якъ тутъ матери сказаты?
Якъ прызнаться, якъ од крыты?
Може, стане за те быты...
Чы я жъ довго тутъ барылась?
За що маты розгнивылась?
Була сама молодою,
Згадать можещъ за собою,
Яхъ ты кому прызнавалась,
Колы и зъ кымъ женыхалась:
По своимъ литамъ згадайте—
И у мене не пытайте!

Маты.

Тоби и море по колина,
Тоби бъ тилько витры́ ганяты;
Хочъ бы и хата тамъ згорила—
Тебе до дому не загнаты.

(*Разводя руками*).

Чы довго жъ тутъ воды вхопыты?
Ну, якъ не стыдно такъ робыты?
Въ насъ не водылось колысь такъ?
Прызнавайся, зъ кымъ стояла?
Хто тутъ бувъ? що размовляла?
Кажы скорій: съ кымъ, що и якъ?

Любка.

Добре, мамо,
Трывай мало:
Розскажу,
И скажу;
Выслухайте
И не лайте,
Не сердитесь,
Не гнивитесь.
То, бачыте, зробылось такъ,—
Знаете сами, бувало якъ:
Мени прыйшлося до ума,
Я глянула—воды нема,
Узяла видра тай й пишла.
И прыйшла, а тутъ знайшла...

Теперъ знайте,
Розбирайте,
Не сердитесь
И не бійтесь!
Отъ вамъ усе, о!

Маты.

Прыйшла, знайшла—та кого?

Любка.

Прыйшла, знайшла—никого!

Маты.

(*смотря на руку*)

А перстень твій у кого?

Любка.

У кого? у ёго.

Маты.

То-то въ ёго, да у кого?

Любка.

Я вамъ кажу, що ни въ кого

Маты.

Та що ты все: то въ ёго,
То въ кого,
То ни въ кого!

Любка.

Такъ, мамо, такъ: ни въ кого,
ни въ кого!

Маты.

Такъ що-жъ ты довго тутъ робыла?

Любка.

Що робыла?
Видро впустыла,
Дужка порвалась,
Ключка зламалась.

Маты.

Да женыхалась!

Любка.

Зъ кымъ?

Маты.

На що тоби изъ кымъ казаты?
Лучче одъ мене можешъ знаты

Любка.

Слухайте, мамо:
Не знаю,
Не маю
Опричъ, опричъ...

Маты (*торопливо*).

Опричъ кого?

Любка.

Опричъ, опричъ... никого!

Маты.

Ну якъ тоби виры поняты,
Колы въ очахъ хочешъ дурыть?
Не почавшы воды браты,
Хиба жъ можна видро впустыть?

Любка.

Далеби!

Маты.

(*Поетъ*). Дужка не рвалась,
Видра стоять;
Що женыхалась,
Можно вгадать.

Вглéдила добре когось я съ спыны
Знаешъ ты, хлопци превражи сыны:
Имъ виры няты—дивкамъ бида,
Замижъ збиратысь—ты молода.
Такъ не годытся матиръ дурыть.
Тоби любыться часъ не велыть:
Де твои хусткы? де рушныкы?
Чимъ подарыты намъ старосты?
Треба напрясты, треба наткаты,
Треба вбилыты, навышываты!
Такъ не годытся матиръ дурыть.
Тоби любыться часъ не велыть.

Любка.

Вы, мамо, якъ молоди бувалы,
Такъ, може, й гарно спивалы,
А теперъ вашъ голосъ зовсимъ зопсувавсь,
Такы такъ зопсувавсь,
Такы такъ зопсувавсь,
Що зовсимъ зопсувавсь!
И, сказать правду, не стыдыться,
То й писня ваша не годытся!

Маты (*смѣясь*)

Не любо слухаты?..
Наберы-жъ воды,
Та да дому йды!
(*Уходятъ обѣ*).

Явленіе 4-е.

(*Грыцъ танцуетъ и поетъ*):

Мени перстень тутъ достався,
Тутъ я зъ Любкой женыхався,
Тутъ я Любку взявъ за руку,
Тутъ забувъ я мою муку!
(*Уходитъ*).

Дѣйствіе 2-е.

Явленіе 1.

Театръ представляетъ бѣдную хату Любчиной матери, которая, сидя на порогѣ, мотаетъ нитки, а Любка у окна въ хатѣ прядетъ.

Грыць (*снимая шапку*)

Добрыдень, помагай вамъ Боже!

Маты.

За добре слово здоровъ, небоже!

Грыць.

Колы-жъ я що казавъ худе?
Натуру я такую маю,
Що зла никому не бажаю.
А Любка ваша, скажить, де?

Маты.

На що-жъ тоби Любку пытаты,
Бачышъ мене, можешъ сказаты!

Грыць.

Хотивъ було вогню прохать.

Маты.

Сегодня йисты не варылы;
Другый вже день, якъ пичъ топылы.
Такъ де-жъ тоби вогню достать?

Грыць (*въ сторону*)

Я жартувавъ, шутывъ, сміявся,
Про те жъ я самъ не догадався,
Що може хтось два дни не йивъ!

Маты.

Що ты тамъ кажешъ, що товкуешъ?

Грыць.

Да хиба жъ, титко, ты не чуешъ,
Що я пытаю чорныхъ бривъ?

Маты.

Чіихъ?

Грыць.

Дидовыхъ та своихъ.

Маты (*съ усмѣшкой*).

Куды жъ вы зъ дидомъ такъ ходылы,
Що вже и бровы погубылы?

Грыць.

Чя я жъ казавъ вамъ: бривъ?
Я пытаю въ васъ воливъ.

Маты.

Понимаю, та не знаю.

Грыць.

Та ще къ тому й прыпадокъ склавсь:
Мій вороный чогось злякавсь—
Все перервавъ, все поламалось.
Видъ воза й трискы не зосталось,
Трохы не смерть була й мени.

Любка (*изъ окна*).

Боже мылый, що бъ же тоди?

Грыць.

Та чы нема въ васъ чого напыться,
Щобъ жаръ на серци погасыть?
Або воды—трохы умыться?
Щось голова въ мене болыть.

Маты.

Вынесы, Любко, дай напытысь.

Грыць.

Та чого, титко, ій трудытысь?
Можу я въ хату й самъ сходыть.

Маты.

Вынесе заразъ, той будешъ пыты;
Нема за чымъ въ хату ходыты:
Голивъ не вміемъ мы личыть.

Грыць (*въ сторону*).

А ихъ кружыть ваши сестрыци
Велыки мастерыци!

(*Любка выноситъ воду, подаетъ Грыцю. Грыць начинаетъ питъ*).

Любка (*кланяясь*).

На добре здоровья!

Грыць.

Ты—воно!

Маты.

Писля чого?

Грыць.

Пися того,
Що вже мого (*указывая на сердце*)
Оттутъ ёго
Якъ не було!

Маты.

Чого?

Грыць (*поетъ*).

Те, що завше бьется,
Не спыть ни на часъ;
Може хто сміется—
Мени саме въ разъ.
Вытерпить ти мукы,
Чымъ воно болыть,
Отъ вамъ Богъ порука—
Не въ сылахъ зносыть!

Маты (*съ усмъшкой*).

Трохы догадалась,
Колы не вклепалась (*подумавши*)
Певне, жаль того воза,
Що кони побылы.

Грыць (*поетъ*).

Надію ще маю
Сто возивъ купыть;
За кымъ помыраю—
Не въ сылахъ одкрыть.

Маты.

Не розберу!

Грыць.

И такъ у васъ
На сей разъ
Нема вогню?

Маты

Де-жъ я тоби ёго визьму?

Грыць

Та я й забувъ, що кресало маю.
Закурю, выкрешу и заспиваю.

(*Накладываетъ трубку и достаетъ кресало*).

(*Поетъ*) Разносылы кони,
Зъ воза я упавъ,
Та зъ Божои воли
Здоровенькый вставъ.
Мабудь, часъ щаслывый
Ще на свити йе;

Десь, бривонькы мыли
Молять за мене. (bis)
Молыть та дивчына,
Що мыло згадать:
Добрая людына,
Не скажу, якъ звать.
Очыци свитленьки
Зорямы горять,
Рученькы биленьки—
Тилько циловать. (bis)
Ривнои красою
И въ сели нема,
Статная собою
И не безъ ума.
Хто бъ же не влюбывся
Въ сю дивчыну зъ насъ?
Хто бы не зробывся
Мною на сей разъ? (bis)
Бо така вродлыва,
Що не змалювать;
Повна, якъ калына,
Не скажу, якъ звать.
Лычко въ ней налыто
Кровью зъ молокомъ,
Зубкы—мовъ ушыто
Буйнымъ жемчугомъ? (bis)
Якъ морская пина,
Такъ тиломъ била,
Косы по колина,
Изъ мылыхъ мыла.
Губкы розцвитають,
Якъ розы весной—
Кого жъ не прыманють
Воны красотой? (bis).
Хто-жъ вона такая—
Неможна одкрыть:
Гарна, молодая—
Якъ же не любыть?
Хочъ бы въ кого зъ лёду
Серденько було,
Отъ йидного бъ взгляду
Ростаять могло. (bis)
Скажу тилько правду,
Що въ сылахъ вона
Лыть въ серце отраду,
Зводыты зъ ума.
Хто-бъ же не влюбывся
Въ цю дивчыну зъ насъ?
Хто бы не зробывся
Мною на сей разъ? (bis)

Маты (*со смѣхомъ*).

Ты й не кресавшы накурывся.

Грыць.

Доправды, трохы забарывся!

Любка (*въ сторону*).

Се винъ хоче до дому иты.

Грыць.

Прощавайте,
Выбачайте,
И не лайте,
Що, може, вамъ трохы настывъ!

Маты.

Нема за-що—иды щастлывъ!

(*Грыць кланяется и отходитъ*).

Любка.

(*Начинаетъ пѣть*; *Грыць останавливается и ждетъ окончанія*).

Вично молюсь Богу
И буду молыть,
Щобъ тоби здорову
Довго въ свити жыть!
Де сыла, де власти
Любовъ зъ серця згнать?
Збавъ, Боже, напасти
Тоби умырать!
Тоди я не въ сыли
Розлукы знесты—
Впаду на могыли,

Тамъ, де ляжешь ты.
Впаду—и завьяну,
Якъ маковій цвитъ,
Зъ могылы не встану,
Разомъ буду тлить.
Тилько бъ прохать стала
Матиръ въ сыхъ словахъ:
Щобъ мене сховала
У твоихъ ногахъ,
Щобъ я нерозлучна
Съ тобою була,
Не буде мни скучна
Могыла моя.

Грыць.

(*Въ сторону, положа руку на лобъ*).

Охъ, охъ!
Зо мною вдвохъ
Ій и могыла не страшна!
И такъ, дытя не плаче—
Маты не знае:
Почимъ домашни могуть знать?
Пійду, скажу и поклонюся,
Прызнаюсь имъ, не потаюся,
То, може, Богъ що-небудь дасть!
(*Уходитъ*).

Любка.

Уже що голосъ, то голосъ мае:
Винъ краще всихъ въ сели спивае;
Его усякъ бы слухать радъ!

Маты.

Да нема чого и дывоватысь:
Усякъ-то може догадатысь,
Що тягнете вы въ одынъ ладъ.

Любка (*съ улыбкой*).

То-то, мамо, ладъ!
Я напередъ сее знала
И якъ ворожка угадала,
Що вы хотилы перенять!

Маты (*усмѣхнувшись*).

Що молоде,
То дурне!

Любка.

Може, колы ище прыйдется
Побачытысь зъ цымъ Грыцемъ доведется,
Мы будемо ёго прохать...

Маты.

Будемъ прохать
Въ насъ не бувать!

Любка.

Винъ добренькій, винъ рахманый, (?)
Винъ несердытый, винъ слухъяный:
Винъ навчыть и насъ спивать.

Маты (*сердито*).

Ну, годи вже пусте плескать!

Любка (*весело*)

И дома, и якъ пійдемъ жать,
Перенявшы, будемъ спивать.

Маты (*сердито*).

Да ну тебе зъ нымъ!

Любка

И самы, и изъ нымъ,
Перенявшы, будемъ спивать.

(*Маты уходитъ*).

—

Явленіе 2.

(*Любка и цыганка*).

Цыганка.

Молодая, гарная, красыва,
Богата будешъ и щаслыва,
Тилько цыганъ не забувай:
Цыгане все на свити знають,
Хто тебе любыть—угадають,
Тилько за те що-небудь дай.

Любка.

По чимъ?

Цыганка.

По тимъ.
Ось покажи твою долоню:
Якъ ты ходыла за водою,
То хто зъ тобою тамъ стоявъ?

(*Любка протягиваетъ руку, цыганка смотритъ на руку*).

Любка.

Ни, тамъ, далеби, не було никого
Опричъ ёго.

Цыганка.

А що, бачъ, правда моя?

Любка.

Такъ!

Цыганка.

И на тебе маты сварылась?

Любка.

Не тилько що сварылась,
А ище трохи й не былась.

Цыганка.

То-то. Я такъ кажу, мовъ бы дывылась
На васъ изъ-за угла.

Любка.

Ну да!

Цыганка.

(*Вынимаетъ маленькое зеркальце и заставляетъ въ него Любку смотрѣть*).

Ну, дай сала оце накрыты,
А потимъ станемъ ворожыты,
Якій тому буде кинець,
Щобъ заразъ той прыйшовъ, явывся,
Хто на роду тоби судывся
И зъ нымъ ты станешъ пидъ винець.

Любка (*въ сторону*).

Умила перше отгадаты,—
Треба вынесты, остатне даты.
(*Подумавши*) Бо щось у носи въ неи йе.
(*Уходитъ*).

Цыганка (*одна*).

(*Поетъ*): У нашихъ цыгановъ
Совѣсть чиста,
Мы всѣ безъ обмановъ
И всѣ безъ грѣха;
Съ искренней душою
Любимъ честно жить,
Не глупы собою,
Вмѣемъ ворожить;
Высмотримъ зъ-за тыну,
Гдѣ що говорять,—
Знавши всю причину,
Можемъ отгадать;

Усики приклеить—
То не есть бѣда,
Дивчину увѣрить
Можно завсегда.
Пидъ шапочкой красной
Ей себя не взнать,
Хто любимый страстно—
Можно отгадать.
Вона откровенно
Все можетъ открыть,
Мнѣ только навѣрно
Стоитъ подтвердить.
Що жъ честнѣй цыгановъ
Въ нашемъ мірѣ есть?
Они безъ обмановъ
Одну любятъ честь.
Съ честію родятся,
Съ честію живутъ,
Честностью кормятся
И съ честью умруть.

—

Явленіе 3.

(*Любка выноситъ сало*).

Цыганка

А покажы, що прынесла?

Любка.

Те прынесла,
Скилько знайшла.

Цыганка (*смотря на сало*).

Такъ мало?

Любка.

Стилько стало.

Цыганка.

Въ другый разъ выходы,
Да гляды, бильшъ выносы!

Любка.

Зароблю, куплю,—ще дамъ.

(*Цыганка беретъ зеркало, накрываетъ саломъ и начинаетъ надъ нимъ шептать; затѣмъ велитъ Любкѣ стоять неподвижно, заворачиваетъ ей назадъ руки, зажмуриваетъ глаза и въ это время надѣваетъ на нее красную шапочку, приклеиваетъ чорненькіе усики и, приставя зеркальце къ самому лицу, говоритъ*):

Цыганка.

Ну, дывысь!

Любка (*смотря въ зеркало*).

Ой, Грыць!

Цыганка (*грозно*).

Цыцъ!

Любка.

Не маю мочи.

Цыганка.

Зажмурь очи!

(*Зажмуриваетъ Любкѣ глаза, срываетъ усы и спрашиваетъ*):

Ну, кажы: кого выдала?

Любка.

Того выдала,
Зъ кымъ стояла.

Цыганка.

Що-жъ винъ казавъ, стоя съ тобою?

Любка.

Винъ клявся всимъ
И самъ собою.

Цыганка.

Винъ клявся въ чимъ?

Любка.

Винъ клявся въ тимъ,
Що я изъ нымъ
Буцимъ колысь-то одружуся,
Що буцимъ я зъ дивчатъ всихъ мыла,
Що буцимъ буду зъ нымъ щаслыва.
А я такы усе боюсь.

Цыганка.

Чого?

Любка.

Боюсь того,
Що, бачъ, въ ёго
Ридня богата
И не позволыть мене взяты.

Цыганка (*крестясь*).

Що будешъ за нымъ, побожусь
И всимъ на свити поклянусь.
(*Клянется*) Щобъ я нигде лыха не знала,
Щобъ я пидъ старость сыва стала!
Щобъ полотномъ шатро зробылось,
Щобъ пану кóлесо зломылось,
Щобъ вси цыгане повпывалысь,
Щобъ воны киньмы все минялысь,
Щобъ уси шершни порудилы,
Щобъ вси вороны почорнилы,
Щобъ въ гончаря горшкы побылысь,
Щобъ уси гусы потопылысь,
Щобъ побиливъ вареный ракъ,—
Колы усе не буде такъ!

Любка.

Годи вже, годи, не клянысь!

Цыганка.

Слухай мене, Богу молысь,
То все буде хорошенько.
Да чый винъ сынъ и зовуть якъ?

Любка (*поспѣшно*)

Винъ, винъ... Грыць... Рихмаченко...

Цыганка.

Такъ?

Любка.

Далеби.

Цыганка.

Не треба мни сёго казаты,
По ворожби могу я знаты.
Ты-жъ мни сёго першъ не казала,
Я тилько глянула—вгадала,
Та ще сто разъ могу вгадаты,
Що прыйдуть старосты до хаты.

Любка (*весело*).

Й нищо не може перебыть?

Цыганка.

Ни!

Любка.

Скажы-жъ мени, голубко сыва,
Колы родылась я щастлыва,
То якъ я довго буду жыть?

Цыганка (*протяжно*).

Ажъ, ажъ, ажъ... до самой смерти!

Любка.

Колы я жыть щасливо буду,
Цыганъ николы не забуду!

Цыганка.

То то знай,
Памятай,
И цыганъ не забувай! (*уходитъ*).

Любка (*одна*).

Теперъ на серци легше стало,
Не такъ воно теперъ болыть,
Въ цыганъ, якъ кажуть, правды мало,
А тилько вміють ворожыть.
Якъ бы цыганка не тямуща
И по науци не могуща,
То не могла бъ сёго зробыть:
Якъ бы вона-то показала
Мени того, зъ кымъ я стояла?

(*Садится у окошка и начинаетъ шить*).

—

Явленіе 3.

Любка и приходскій дъячекъ.

Дьякъ (*кланяясь*)

И тако, безъ дальнійшыхъ словъ,
Не въ сылахъ бывъ таиться
И ощущая въ серци любовъ,
Прійдохомъ объясниться.
Едва только азъ тя узрѣхъ,
Красу необычайну,
Падохъ внезапу въ лютый грѣхъ,
И мысль познахъ печальну:
Егда во храмѣ азъ пою,
Иль что-нибудь читаю,
Тебе вездѣ едыну зрю
И кныгу забываю.

Превозмогая вся сія,
Борохся со страстями,
Но нѣтъ силъ побѣдить себя;
Здѣсь падаю предъ вами.

(*Преклоняетъ колѣно*).

Любка.

Кажы, росказуй ты хочъ тры дни,
Яки тебе напалы злыдни,
То не могу сёго поняты.

Дьякъ.

(*Ставши на другое колѣно, прилагаетъ лѣвую руку къ сердцу, а правою показывая на Любку*).

Предвозвѣщаю все тебѣ,
Красавица премочна:
Единое блаженство мнѣ—
Ты, дѣва непорочна!

Внемли гласу, сиречъ тако
Здѣ преклоншуся къ стопамъ:
Улюбихся, древле яко
Въ юну Сарру Авраамъ.

И седмь лѣтъ овцы пасохъ,
Уся тельцы соблюдая.

Того ради азъ придохъ,
Въ жену тебя пояти чая.

Любка.

Якого жъ хрина ты скрывывся
И такый мерзкый изробывся?

Дьякъ.

Служителю ли олтаря
Сію хулу зноситы!

Познай ты чувства, чимъ горя...
Позволь мнѣ тя любыты.

Любка.

Якъ то? щобъ ты мене?..
Нехай на тебе усе зле!
Къ бисамъ соби вбирайся,
До мене не чипляйся!

Дьякъ.

Припоминаты здѣ бѣсовъ
По вѣрѣ намъ не должно,
А васъ избавить отъ трудовъ
Было бы мнѣ возможно:

Я не послѣдня въ мірѣ тварь
И санъ дьячка имѣю,
Рукоположенъ во стихарь,
И въ томъ увѣрить смѣю,

Что, будучи дьячихой, вы
Трудовъ земныхъ не знали-бъ,
Благоденствуя вы бъ жылы,
Ходылы, ильновалы.

Готовенькый хлиба кусокъ,
Гаряча паныхыда, (?)
Спокойный въ школѣ уголокъ,
Отъ міра роковщина.

Позволь же тя обняты
И къ серцу моему прижаты,
За безцѣнну ручку взяты
И пламенно облобызаты!

(*Бросается къ Любкѣ и хочетъ поцѣловать. Любка вырывается, беретъ вѣникъ и начинаетъ его бить*).

Любка.

Поганый, мерзкый, брыдкый!
Видкиль узявся ты, престыдкый?
Чы ты дурный, чы ты скрутывся,—
Чого до мене прычепывся?

Дьякъ (*уходя*).

Не престану, ниже почію.

Любка.

Хочъ заразъ зломы соби шыю,
То не люблю и не пійду;
Хочъ викъ я диховаты буду,
Опричъ ёго—ничьей не буду!

—

Явленіе 4.

Любка и маты.

Маты (*сердито*).

Ой, будешъ голову ты чухать!
Тоби сёгодня не мыне!
Не хочешъ матери ты слухать
И не шануешъ вже себе.
Якъ не кынешъ галясоваты,
То якъ прыймусь тебе таскаты,
То й замужемъ се спомянешъ!

(*Разводя руками*).

Да то жъ зовсимъ одъ рукъ одбылась!
Изъ кымъ ты зновъ розговорылась?
Чому робыть дило не йдешъ?

Любка.

Колы-бъ вы, мамо, усе зналы,
То вы-бъ сердыти не булы:
Колыбъ те чудо увыдалы,
То-бъ здывувалысь и самы!

Маты.

Ну, кажы, що такее?

Любка.

То дыво, мамо, не пустее:
Нашъ дьякъ Трохымъ чы не скрутывся—

Бувъ такъ до мене прычепѝвся,
Що мусила по шыи гнать.
А що цыганка мни сказала!
То тилько глянула—вгадала,
И вы-бъ ёго моглы пизнать:
Такый якъ разъ, нехай здоровый,
Таки и вусы, таки й бровы,
Таки-таки, ни дать, ни взять!

Маты.

Якъ у кого?

Любка.

Якъ у його.

Маты.

Ну, такъ неможна угадать,
А колы скажешъ, буду знать.

Любка (*поетъ*).

Той, що, кажуть люде,
Въ свити краще всихъ,
Той, що зятемъ буде
Тоби для утихъ.

Будешъ веселыться,
Матусе моя,
Покынь-же сердыться—
Одна въ тебе я.

Пры насъ будешъ жыты,
Старисть коротать,
Та Бога хвалыты,
Щобъ бувъ здоровъ зять.

Матымешъ у-волю
Що йисты и пыть,
Не будешъ по полю
Чужому ходыть.

Будешъ пануваты
Въ старости своій,
Порядокъ даваты,
Дочци молодій?

Маты.

Проку въ словахъ, дочко, мало.

Любка.

Що, мамо?

Маты.

Плохо зятю въ прыймахъ буты,
Плохо тещи въ зятя жыты—
Та и замижъ тоби рано.

Любка.

Чому старосты до людей
Не ходять рано, а ни въ день
А тилько в вечери?

Маты (*сердыто*).

Чи ты изъ пантелыку збылась,
Чы, може, въ кого вже влюбылась!
Зъ тобою тяжко товкуваты.
Покынь лишь все—ходимъ до хаты!
(*уходятъ*).

Дѣйствіе 3-е.

Явленіе 1.

(*Театръ представляетъ богатый деревянный домъ Грицеваго дѣда, возлѣ—большой садъ, пасѣка, рогатый скотъ и скирды хлѣба. Грыцъ, ходя въ безпокойствѣ, пасмурный, приложа руку ко лбу, останавливается*).

Грыць.

Охъ!
Немае сылъ, немае мочи,
Нищо мене не веселыть;
Куды ни кынуть смутни очи,
Все мени горенько сулыть.
Нема мени ниде покою,
Зробывся свитъ мени тюрмою.
Що жъ мени, бидному, робыть?
Кого мени питы просыты
На сердци рану заличыты,
Кому свою биду одкрыть?
(*подумавши*)
Къ ногамъ упасты, дидови открыться—
Зачне крычать, зачне сердыться,
Его претяжко вговорыть:
Бо вже умовывсь зъ головою,
Щобъ въ-осены зъ ёго дочкою
Безпреминно мене женыть.
(*Качая головою*)
И та, невирная, рудая,
Погана, коса и глухая,
Чы Любку може заминыть?
Що мни початы, що творыты?
Не въ сылахъ Любци я змины̀ты,
Я лучче вмру, не буду жыть!

—

Явленіе 2.

Цыганка.

Якый ты гарный, уродлывый,
Та пры багатстви нещаслывый!
Нищо тебе не веселыть;
Кругомъ ворогы обступають
И те отнять въ тебе бажають,
Чымъ серце кровію кыпыть.

Грыць (*качнувши головой*).

Вы майстерыци бабъ дурыты,
Прывыклы все брехню точыты.
Почимъ ты правду можешъ знать?

Цыганка.

Мы знаемо таку науку,
Що тилько глянемо на руку,
То заразъ можемъ одгадать,
Що напередъ изъ нымъ случытся,
И хто на кимъ хоче женытъся,
И хоче хто перебывать.

Грыць (*протягивая руку, шутливо*).

Ну, на, дывысь,
Не прошыбысь;
Якъ не вгадаешъ,
То спаматаешъ
Въ другу весну;
Бо якъ пущу
Оцей кулакъ,
То заразъ такъ
Ты зъ ворожбою
Сторчъ головою
Такъ полетышъ,
Якъ зъ лавы мышъ.

Цыганка.

Кулака твого не страшуся
И, правду знавшы, не боюся,
(*Беретъ Грыця за руку и указывая на ладонь*)
Незовсимъ ще правду выдно...
А що-бъ було тоби не стыдно—
То треба въ руку положыть.

Грыць (*со смѣхомъ*).

Не маю жъ грошей я зъ собою.

Цыганка.

Да ну-бо, Грыцю, Богъ зъ тобою,

Тоби зо мною грихъ шутыть;
Що ты подумавъ, то я знаю,
Неправду заразъ угадаю:
Въ тебе въ кышени що лежыть?

Грыць (*съ удивленіемъ*).

Почимъ ты знаешъ, що въ кышени,
Почимъ ты знаешъ, що я Грыць?

Цыганка.

Ворожка знае все—мовчы...

Грыць (*вынимая полтинникъ*)

Але жъ тоби всёго не дамъ.

Цыганка.

Ты не захочешъ ёго й самъ.

(*Беретъ монету и потираетъ ею ладонь*).

Дай же, Боже,
Усе гоже,
Щобъ все лыхо
Було тыхо!
Въ кого сребро—
Въ того добро,
А хто немае,
Нехай скучае,
Нехай тоскуе,
Нехай горюе,
Добра не чуе;
А той, хто давъ,
Щобъ винъ узявъ
Що не постыло,
Що ёму мыло.

(*Приговаривая, прячетъ полтинникъ въ свой карманъ и спрашиваетъ*):

А чія дивка воду брала
И що вона тоби казала,
И якъ вподобалась тоби?

Грыць.

Дочка брала головыная,
А тамъ така руда, рябая!
До неи жъ не пидходывъ я.

Цыганка (*посмотря на руку*)

Ни, тебе любыть не такая:
Чепурна, гарна, молодая;
Якъ зори, очи такъ горять.
Хочъ не багата, та вродлыва,
На лычко била, чорнобрыва
А косы до колинъ высять.

Грыць.

И по руци те можна взнать?

Цыганка (*показывая на ладонь*.

Тутъ неможна обманутысь,
Да... ворогивъ тоби якъ збутысь?

Грыць.

А скажы правду: хто и якъ?

Цыганка.

Твоя ридня, и зъ нымы дякъ.

Грыць (*сердито*).

Дякъ?
Вона й дяка вже полюбыла,
А мене дурно изсушыла—
Отъ якъ дивчатамъ виры нять?

Цыганка.

Дяка не любыть, не любыла:
Учора ёго вstartыкомъ была,

За тебе жъ ій души не жаль:
Вона зъ тобою вмерты рада,
И ты іи одна видрада,—
Іи даремно ты не лай!

Грыць.

Колы ты все на свити знаешъ,
То пойму виры, якъ вгадаешъ:
Скажы жъ мени имья іи!

Цыганка.

Любка!

Грыць.

Такъ, вона, моя голубка!
Нехай гроши за тобою,
Тилько скажы, чы за мною
Колы-небудь буде вона?

Цыганка..

Да!
Музыкы скоро тутъ заграють,
Весилья буйне загуде,
За нею дружкы заспивають,
Бояре сядуть край тебе,
А я за срибную полтыну
Прыйду, хочъ гляну изъ-за тыну,
Якъ я на неи першъ дывылась,
Якъ ворожыты ще учылась.
(*Кланяется и уходитъ*)

Грыць (*одинъ*).

Хочъ я у Любку и влюбывся,
Але жъ на серци укрывавъ,
Ходывъ сумный, журывсь, нудывся,
Никому дома не казавъ.
(*Прикладывая руку ко лбу*)
Почимъ цыганка може знаты,
Якъ по именью іи зваты,
И якъ вона любыть мене?
Тутъ не брехня, не небылыця,
Мабуть цыганка—чаривныця,
Мабуть чортяка въ носи йе.

—

Явленіе 3.

Грыцъ и его мать Горпына.

Горпына (*сожалительно*).

Чого ты, Грыценьку, сумуешъ?
Чого ты, сыну, зажурывсь?
Чы ты недужымъ себе чуешъ?
Чого зовсимъ переминывсь?
Бувало, ходышъ та спиваешъ,
Теперъ же стогнешъ та зитхаешъ,
А въ мене серце ажъ болыть.
Одынъ зъ дитей ты мни зостався:
Чого жъ предъ матирью таить?

Грыць.

Якъ сынъ, такъ матиръ поважаю,
Якъ люблю Бога—почытаю,
Але не въ сылахъ вамъ одкрыть.

Горпына.

И тую ты, що въ свитъ родыла,
Що змалку няньчыла, носыла,
Едынымъ словомъ хочешъ вбыть?

Грыць (*закрывая рукой глаза*).

Убыты матиръ! о, мій Боже!
Розсердытесь за те вы, може,
Якъ я скажу, що я люблю.

Горпына.

Нихто не въ сылахъ бороныты
И волю въ серця однимать:

Колы прыйде пора любыты,
Нихто не може удержать.
Чого жъ ты, сыну, укрываешъ,
Чого ты стогнешъ и зитхаешъ
И ничого не кажешъ мни?
Якая есть тому прычына
И котра именно дивчына
Такъ подобалася тоби?

Грыць.

На що я буду це казаты?
Вы не даете дозволу взяты:
У неи бидная симья.

Горпына.

Дочка жъ вона чія?

Грыць.

Батько іи Бидою звався,
Ходывъ по людяхъ, нанимався,
А про матиръ що вамъ казать?
Не мають поля, ни скотыны,
Бидно жывуть, въ бидній хатыни.
Чы вже жъ позволыте такую взять?

Горпына.

Була бъ лышъ зъ доброю душою,
Вродлыва, тыхая собою,—
Худобы жъ въ насъ своеи йе.

Грыць.

Нивроку ій, нехай здорова,
Чепурна, гарна, чорноброва
И щыро любыть вже мене.

Горпына.

Я бидну Любку, сыну, знаю
И тоби сватать позволяю.

Грыць.

Да якъ до дила прыступыть?
Слово „любовъ" для нёго жарты,
Винъ, знаешъ, въ насъ якый упартый,
Его претяжко вговорыть.
Хиба Крутія попросыть?..

Горпына.

Ну-да, се такъ:
Винъ на дило се мастакъ!

—

Явленіе 4.

Тѣ же и Крутій.

Крутій (*проворно*).

Здоровъ, кумасю! Що тутъ зъ вамы,
И Богъ васъ мылуе тутъ якъ?
Скажить мени, будьте ласкави,
Чого зъ сынкомъ надулысь такъ?

Горпына.

Колы ты, куме, не лукавый,
Хрещеный батько для нёго,
То зробы отъ що, будь ласкавый:
Уговоры свекра мого!

Крутій (*скоро*).

Въ чимъ, що, на що, про що?

Горпына (*указывая на Грыця*).

У мене винъ одным-едыный,
Хотила бъ я его женыть;
Мои лита, плохіи сылы—
Могла бъ утиху получыть.

Крутій.

Да, да, да,
И пора:
Помичъ буде для двора.

Горпына.

Надъ серцемъ воли я не маю
Вказать йому, кого любыть,
Та що початы тутъ, не знаю,—
Якъ до старого пидступыть?

Крутій.

А кого?
За кого
Ты думала бъ оженыть?

Горпына.

Въ бидну Любку винъ влюбывся
И все одъ мене укрывавъ,
Ходывъ все, мучывся, нудывся
И мни ничого не казавъ.
А ту дивчыну я вже знаю,
На сто багатыхъ не зминяю,
Тилько не знаю, що почать?
Старый на се не согласытся:
Винъ головы скоришъ лышытся,
Нижъ бидную позволыть взять.

Крутій (*съ усмѣшкой*).

Треба знать,
Якъ почать,
Пидступыть
И сказать,
Упросыть,
Вговорыть,
Одурыть—
Мене треба попросыть.

Горпына.

У-двохъ тебе просыты будемъ,
Щобъ якъ порадыты сёму,
До самой смерти не забудемъ,
Колы поможешъ ты ёму.

Крутій.

Да, се такъ, да,
Не безъ труда.—
А якъ ти гроши, що за мною?

Горпына.

Да ну вже, куме, Богъ зъ тобою,
Що намъ про гроши товковать?

Крутій (*протяжно*)

Я трыдцять бравъ,
Да симъ оддавъ—
То половына зостается?

Грыць (*съ усмѣшкой*).

Да такъ, тату, й мени здается.

Крутій.

Треба бъ роспыску прочытать
Та, що оддавъ, те замарать:
Бо порядокъ такъ велыть.

Грыць.

Про тіи гроши що казать?
Роспыску можна и порвать.
(*Разрываетъ роспиську*).

Крутій (*топнувши ногой*).

(*Поетъ*): Теперъ, кумо, не журысь,
Вже на чеснисть положысь:
Хиба бъ то немылость Божа,
Щобъ не пидвезлы диду воза! (bis).
Такъ пиддурю, якъ самъ знаю:
Ридню вывезу зъ Кытаю,
Що старый, якъ вискъ ростане

И просыты мене стане,
Щобъ то Грыця оженыты;
Та тилько треба доплатыты:
Дурень за се не бере,
А нашъ братъ и зъ батька бере (bis).

Горпына.

Цытьте куме, дидъ иде!

Крутій.

Мени жъ треба заховаться
И дать волю накрычаться,
А тоди вже я прыйду
Та вже знаю, що зроблю.

(*Входитъ дѣдъ, а Крутій поза спиной Горпыны пробирается къ дверямъ и уходитъ*).

—

Явленіе 3.

Горпына, Грыцьи дѣдъ.

Дѣдъ.

Объ чимъ се вы розговорылысь,
Що розмовлялы безъ мене?
(*Присматриваясь*).
Та вы, якъ бачу, покрывылысь,
Объ чимъ у васъ тутъ дило йде?

Горпына.

Объ тимъ, тату, що вы старіи,
Слаби здоровьямъ и плохіи,—
Пора бъ Грыцьку порядокъ дать.

Дѣдъ (*сурово*).

На шо вамъ, дурни, товковаты?
Чы то я самъ не можу знаты?
На що мени прыпомынать?

Горпына.

Старымъ недовго, кажуть, жыты,—
Йимъ часъ прыходыть умирать,—
Треба бъ то Грыця оженыты
Да и къ хозяйству пріучать.

Дѣдъ.

Я говорывъ уже зъ тобою,
Що могорычъ изъ Головою
За ёго вже давно запывъ.

Грыць.

И ту невирную, рябую,
Погану, косу и рудую
Вы хочете щобъ я любывъ?

Дѣдъ (*сурово*).

Якъ я скажу—мусышъ любыты,
И якъ прывыкнешъ—будешъ жыты.

Грыць.

А то ничого, що глуха?

Дѣдъ.

У тимъ выгоду, дурню, маешъ:
Не буде чуты, якъ налаешъ,
Ходытыме, якъ лынъ по дну.

Грыць.

На биса жъ брать таку дурну?

Дѣдъ.

Хочъ дурна,
Та не бидна!
Хочъ рудая,
Та не плохая,

Хочъ горбата
Та багата!

Овець тры сотни йе за нею,
Та й скрыни, кажуть не пусти,
Млынъ, пасика, лисъ изъ землею—
Чого жъ ище бажаешъ ты?

Грыць (*вздохнувши*).

Якъ ни статы, слова сказаты,
А ни мижъ люде показаты,
То чортъ іи заразъ визьмы!

Дѣдъ.

Ты, якъ бачу, вовсимъ дурный!
То все ничого, що глухая,
Да пасика за ней якая,
И висимъ да тры сотъ овець,
То скилько выйде накинець?

Потрывай,
Не збывай:
Пощытаю,
Якъ самъ знаю.

(*Считаетъ по пальцамъ*).

Десять, девять да одынъ—
Дмется нехай господынъ:
Одынадцять сотъ не жартъ!

Грыць.

Да сама-жъ чортякы вартъ!

Дѣдъ (*сердито*).

Якъ могорычъ запытый мною,
То хочъ объ стину головою
Ты соби быйся, а беры!

Грыць (*беретъ дѣдову руку и кладетъ на свое сердце*).

Колы бъ вы въ сылахъ прыказаты,
Любыть повынно мни кого,
Велите заразъ замовчаты,
Щобъ бильшъ не былося воно.

Дѣдъ (*вырывая руку*).

Колы дурный, то дурне й каже:
Хто туды пійде и роскаже
Не быться серцю и мовчать?

Горпына.

Для чого, тату, намъ нудыты?
Намъ зъ жинкою ёго не жыты:
Кого винъ любыть, хай бере!

Дѣдъ (*сердито*).

И ты бачъ хочешъ вчыть мене?
Якъ сынъ дурный, така и маты.
Якъ мени слово изламаты,
Изъ рукъ худобу упустыть?

Грыць.

А якъ мени изъ чортомъ жыть?

Дѣдъ.

Будешъ жыты, не крывыся,
Зъ кимъ кажу, то й оженыся,
Иншои не выбирай!

Грыць.

Якъ отакый для мене клопить,
То хай іи чортяка вхопыть!

Горпына.

Не любышъ, сыну, то й не лай:
Для неи найдутся ще люде,
А наша нашою все-жъ буде.
А ты кого въ прымити маешъ,
Соби по серцю выбираешъ?
Скажи, почуемъ одъ тебе.

Дѣдъ.

А ну, кажы, то будемъ знаты,
Сшативъ до кого посылаты:
У кого вина бильшее?

Грыць.

Не въ вини щастя я шукаю,
По серцю й серце избираю:
Не въ сыли серцю запретыть.

Дѣдъ (*сурово*).

Зо мною, чуешъ, не шутыть!

Грыць.

Шутыть изъ вами я не смію,
Тилько жъ изъ серцемъ не
звладію,
Колы не слухае мене.

Дѣдъ (*сердито*).

Я въ москали ёго й тебе!

Грыць.

Та лучче бъ въ війську мни слу-
жыты,
Нижъ зъ демономъ такымъ отъ
жыты,
Якъ вы добралы для мене.

Дѣдъ (*погрозивъ пальцемъ*).

Мене вже, чуешъ, не учить:
(*Мать начинаетъ плакать*).

Грыць.

Годи, мамо, чого плакать?
Вамъ ёго не перетакать:
(*Показывая на дѣда*).
На той винъ сьвитъ нехай зъ
собою
Бере усе, а я зъ сумою,
И въ москаляхъ буду служыть,
Да якъ сержанта дослужуся,
Сюды и въ отпускъ покажуся,
То въ мене й село задрижыть!

Дѣдъ.

Тебе ничымъ не налякаешъ,
Скажы-жъ, кого ты сватать
маешъ?

Грыць.

На що даремне се казаты?
Щобъ бидну ще прогналы зъ
хаты!

Горпына (*до Грыця*).

Винъ и въ сели ій жыть не
дасть.

Дѣдъ.

Да, мои гроши мають власть:
Пысну судьи—вона въ острози!..

Грыць.

За сее душу, якъ михъ на вози,
Чорты у пекло потащать.

Дѣдъ.

Гриха я, дурню, не боюся:
Найму молебень, помолюся,
И Богъ за те простыть мене.

Грыць.

Богъ сыхъ молытовъ не прый-
мае,
За крывду биднымъ Винъ ка-
рае,
Хочъ и попивъ доволи йе.

Дѣдъ.

Э, э, э!
Такы ты въ бидну улюбывся

И думаешъ, що я скрутывся
И въ двиръ голоту свій визьму?

(*Встаетъ, тупаетъ ногами, чешетъ затылокъ*).

Геть, причъ видъ мене утикайте,
Не кажить сёго, и не гадайте,
А то и зубы вамъ побью!

Горпына.

Ходимъ, ходимъ! (*уходятъ*).

Дѣдъ (*одинъ, опершись на руку*).

Оце теперъ бида прыходыть.
Що тутъ починаты, що творыть
За розумъ умъ мени заходыть:
Якъ тутъ и що ёго робыть?
Якъ бидну въ двиръ мени узяты,
Тоди вже хоть втикай изъ хаты:
И куры очи просміють;
Тоди съ панамы не водыся
И на свитъ бильше не дывыся:
Паны проходу не дадуть!

(*Подумавши немного поетъ*):

Багачемъ незмирнымъ [1])
Въ повити слывусь,
Господаремъ первымъ
По волости чтусь.

Що я всёго маю, всякъ то може знаты—

Волыкивъ рогатыхъ
Маю сорокъ паръ,
Конькивъ грыватыхъ
Табунокъ не малъ;

Земли стилько маю, що и не зорать:
Якъ же мени бидну за унука взять?

Маю я коровы,
Овець висимъ сотъ;
Абы бувъ здоровый,
То на цилый годъ.

Хлиба бы достало село годувать:
Якъ же мени бидну за унука взять? (bis)

Грошей ажъ дви скрынки,
Пасикы гудуть,
По всій Украини
Имъя мое чтуть.
Въ Крыму мене знають, знають на Дону;
Якъ же я убогу за внука визьму? (bis)

Стряпчій съ комысаромъ
Бувають въ мене:
Мабуть то не даромъ
Имъя чтуть мое?
Всимы уважаемъ, всякъ то може знать;
Якъ же мени бидну за внука узять? (bis).

Пипъ мене вважае,
Кланяется дякъ,
Жыдъ шапку знимае,—
Вже жъ я не простакъ!
Село Рыхмы знаты зъ прозвыща мого;
Якъ же бидну взяты за внука свого? (bis)

Не простъ я собою,
Знають те паны;
Бувъ я головою—
Вже жъ я не дурный! (*Показывая на лобъ*)
Що тутъ йе не клочча, всякъ то може знать;
Якъ же мени бидну за унука взять? (bis).

Що жъ громада скаже,
Якъ бы те вчынывъ?

---

[1]) Эта пѣсня была напечатана у насъ (см. Кіев. Стар. 1892 г., № 12-й, отд. 2-й, стр. 462).

Пальцемъ всякъ покаже,
Якъ бы оженывъ
На якій голоти унука свого.
Я жъ такы не дурень, не
зроблю сёго (bis).
Бо я и розумный,
И тяжко богатъ;
А хто багатъ, мудрый,
Той биднымъ не братъ.
Узять у двиръ бидну,—стыдъ
буде мени!
Ни, сёго не буде! ни, вже, ни,
ни, ни!

(*Встаетъ и хочетъ уйти*).

—

Явленіе 4.

(*Дѣдъ и дьячокъ*)

Дьякъ (*кланяясь*).

Высокочтымый господыне,
Нашъ благодительный Мар-
тыне,
Прыймите мыръ дому сёму!

Дѣдъ.

На мыръ то, дяче, не походыть,
А тутъ війна така заходыть,
Що и въ Шведчыну не було!

Дьякъ.

Скажите жъ мнѣ: что се такое
Постигло душу вашу злое
И что васъ оскорбыть могло?

Дѣдъ (*вздохнувши*).

Наставъ останній, дяче, часъ;
Мабуть, вже смерть иде по насъ;
Прыходыть, певно, страшный
судъ!

Дьякъ.

Да, я слыхалъ, какъ вы спи-
валы,
Выну печали возвищалы
И тѣмъ пронзылы мою грудь.

Дѣдъ.

Хиба такъ жалисно?

Дьякъ.

Да, коль по истинѣ признаться,
То хто бы могъ не колебаться?
Умно,
Трогательно,
Жалостно
И ужасно!

Дѣдъ.

О?!..

Дьякъ.

Да, если бъ въ бурси вы бу-
валы
И книгъ громаду прочыталы—
Моглы бы іереемъ быть,
Иль въ консысторіи служыть:
У васъ глава зъ умныхъ умна!

Дѣдъ.

Твоя й пысьменна, та дурна:
Колы бъ я тамъ, де ты, учывся,
То бъ знаешъ, чымъ я изро-
бывся?

Дьякъ.

Что истинно есть, то неложно:
На свити умнымъ все возможно.

Дѣдъ (*почесавши затылокъ*)

Да тутъ бида такая, дяче,
Що, бачтся, мыръ за мною
плаче.

Дьякъ.

Извольте далѣе продлить:
Кто дерзнулъ зъ вами пошу-
тыть?

Дѣдъ.

Унукъ у когось улюбывся,
Да такъ изъ-дуру прычепывся,
Що вже ніякъ не вговорыть.
А я то думавъ, щобъ риднёю
Мени зробыться зъ Головою!..

Дьякъ.

Да, тамъ бы можно получыть!
Ибо фамылія и родъ
Ничуть не есть бѣднѣе васъ;
Стыда не буде отъ господъ—
Онъ какъ помѣщикъ тутъ у
насъ.

Дѣдъ.

Та се то такъ,
Да онъ бачъ якъ:
Сказать и слова не дасть мни:
„Не хочу я крычыть, іи!"

Дьякъ.

За это казни онъ довлѣетъ,
Что вамъ противорѣчить смѣетъ.

Дѣдъ.

Хиба жъ мени ёго втопыть?

Дьякъ.

Зачѣмъ топыть?
Такъ проучыть,
Что будетъ знать,
Какъ отвѣчать!
Будетъ трепетать, бояться
И вамъ впредь повиноваться.

Дѣдъ.

Подай совитъ, я слухать радъ,—
То може попадемъ на ладъ.

Дьякъ.

Богословически,
Философически,
Физически
И логически...

Дѣдъ.

Що ты кажешъ, по-якому?

Дьякъ.

То есть, сиречь, по-такому,
Чтобъ правильно,
Буквально,
И легально,
И морально...

Дѣдъ.

Що не скажешъ ты, не втну
И далеби не пойму!

Дьякъ.

Остраномически,
Френологически,
И грамматически
Надо понять
И сказать:
Что съ вами кто сравниться
смѣетъ?
Чести такой губернаторъ не
имѣетъ:
Губерніи—по городамъ,
А село Рихмы—по вамъ
Свое названіе имѣетъ.
И такъ, коснувшаясь слава не-
бесъ
И достойная въ мірѣ чудесъ,

Но мрачится вмигъ, сотлѣетъ,
Заступитъ мѣсто стыдъ, позоръ,
Когда возьмете вы у дворъ
Невѣстку, внука недостойну.
Тогда знакомы господа
Къ вамъ не заѣдутъ никогда,
Чету столь видѣвши позорну.

Дѣдъ.

Да я то, дяче, сее знаю,
Тилькы ніякъ не прыгадаю,
Щобъ якъ поставыть на своимъ:
Тутъ винъ дурный, а тутъ и маты
Не дасть и слова мни сказаты,
Отъ и робы що, хочешъ имъ!

Дьякъ.

Зналъ я это напередъ,
Что имъ доброта во вредъ:
Она, вѣдь, женщина такая,
Какъ мельница пустая;
Вы жъ за глупую сноху
Не подлежите грѣху.

Дѣдъ.

Такъ що жъ мени зъ нею робыть?

Дьякъ (*съ улыбкою*).

Въ ухо, за косы, палыцямы,
Плетью вдовжъ та кулакамы,
То будетъ знать, какъ уважать,—
Не станетъ сыну подражать?

Дѣдъ.

А зъ унукомъ що творыть?

Дьякъ.

До сохы также прывьяжите,
Порядкомъ плетью оддерите,
Щобъ жаръ любовный погасыть.
Вотъ вамъ рука моя порука,
Что плеть всему добра наука,—
Не станетъ съ вами онъ шутыть.
Подъ плетью скажетъ онъ иное,
Заговоритъ совсѣмъ другое—
Покинетъ бѣдную любыть.

Дѣдъ (*весело*).

Що то пысьменна голова!
Сёго бъ не здумавъ зъ-роду я.
Я мизкувавъ, крутывсь, ламався,
Про це жъ ніякъ не догадався,

Дьякъ.

Представте своему уму:
Онъ улюбывся здѣсь въ одну—
Бѣднѣйшая, можно сказать,
Стыжусь вамъ имени назвать.

Дѣдъ.

А ну, скажы: чія то дивка,
За се тоби половы мирка!

Дьякъ.

О, щедроты изъ щедротъ!
О, блаженнѣйшій вашъ родъ!
Мужайтеся,
Крепитеся,
Поститеся,
Молитеся,
И немощи сгоните прочь—
Она вдовы Бѣдныхы дочь!

Дѣдъ (*берется за голову*).

Дяче, дяче, ратуй мене!
Оце-бъ то та, що тамъ жыве?

Дьякъ.

Она!

Дѣдъ.

Изъ матирью митки пряде?

Дьякъ.

Да.

Дѣдъ.

По людяхъ ходыть зажынаты?

Дьякъ.

Да!

Дѣдъ.

И мени у двиръ такую взяты?

Дьякъ.

Если не боитесь стыда.

Дѣдъ (*рветъ на себѣ платье и кричитъ*).

Ой, ой! Тривай, зроблю таке:
Вона въ мене колысь копала,—
Пойиду въ судъ, скажу, що вкрала
Багацько грошей у мене.

Дьякъ.

Отъ этого избавь васъ Богъ:
За то іи возьмуть въ острогъ!

Дѣдъ.

Нехай хочъ тамъ и зогные!

Дьякъ.

Нѣтъ, не такъ,
А вотъ какъ:
Коль пріймете мой совѣтъ,
То вы преблаго сотворите:
Чымъ попусту ѣздить въ повѣтъ,
Вы до священыка сходите;
Священыкъ въ насъ
На деньги ласъ,
Не станетъ спорыть
Храмъ отворытъ:
Бракъ совершитъ
И всё рѣшитъ.
И вы, роднёю
Изъ Головою
Тогда вчинясь,
Какъ графъ иль князь
Въ чести-бъ жылы
Въ нашимъ сели,
И въ околыци,
Какъ у столыци,—
Моглы-бы жыть
И не тужыть.
Тогда-бы къ вамъ
И гетьманъ самъ
Могъ бы зайтыть—
Васъ посѣтыть,
Къ себѣ просыть,
Чтобъ угостыть.
Преже жъ сего
Внука своего
Вы оддерите
И прыкажыте,
Щобъ подъ вѣнцемъ
И предъ отцемъ
Въ себѣ скрывалъ,
Не объявлялъ,
Что его били
И принудили,
Нодоброводьно
И произвольно
У бракъ вступаетъ
И принимаетъ
Себѣ въ жену
Дочь Головыну.

Дѣдъ.

А тоби скилько треба дать,
Що будешъ ты про се мовчать?

Дьякъ.

Что до меня, то ни полслова—
Гортань моя служить готова.
Свершымъ мы бракъ
То сякъ, то такъ;
Вѣдь брачные узы таковы,
Что какъ желѣзные оковы:
Сколько ни дуйся,—не порвешъ,
Куда не бѣгай—не уйдешъ.
Насильно можно оженить,
А онъ привыкнетъ — будетъ жить!
Что не красавица—пустое,
Да вѣдь приданое какое!

Дѣдъ.

Оце такъ!
Ой да дякъ!

—

Явленіе 6-е

Тѣ же и Грыцъ съ матерью.

Грыцъ (*снявши шапку кланяется*).

Уже теперъ прощайте, диду!
Иду, зложусь, и заразъ йиду.

Дѣдъ.

Куды?

Грыцъ.

Пойиду въ свитъ, побачу люду
И въ консысторьи въ дядька буду,
И про дяка розговорюсь.

Дьякъ.

Ну, полно, тише, усмырыся,
Такъ передъ дидомъ не песыся,
Да я тебя и не боюсь.

Грыцъ.

Усяке дило кинець красыть,—
Побачымъ, дружбы хто докажыть
И достанется зъ насъ кому!

Дѣдъ (*протяжно*)

Эй, Грыцьку, чуешъ, бережыся,
Ходы потыше, не дрочыся,
А то поставлю на свому.

Грыцъ.

Да ну-те, диду, Господь зъ вамы!
Хиба не вгоденъ я служыть?
Та ще якымъ гусаромъ буду,
Що комусь зъ носомъ вырву губу,
Щобъ добре знавъ, якъ васъ учыть.

Дьякъ (*къ дѣду*).

Извольте видѣть, якъ грубыть!

Грыцъ.

Та будешъ, дяче, и ты знаты
Якый совитъ диду даваты,
И чымъ тушыть любовный жаръ,
Якъ до сохы мени вьязаты!
Ты, думаешъ, велыка тварь?
Не буде такъ, якъ вамъ здается:
Ще въ консысторіи найдется
Що переробыть все не такъ!

Горпына

Пойидешъ, сыну, побуваешъ,
Розскажешъ дядьку, все, якъ знаешъ,
Що по селу нашъ робыть дьякъ,
Якъ винъ у церкви не бувае
Да якъ по улыцямъ ганяе,—
Такы щось буде изъ сёго.

Дьякъ. (*съ насмѣшкой*)

Вишь, въ консисторьи тебя
нужно!
Чай, безъ тебя владыкѣ скушно?
Да чѣмъ почтенный дядько твой?
Въ какомъ онъ классѣ? гдѣ
на кухнѣ?
Сапоги чинить, или туфли?
Иль сторожъ въ бурсѣ за стѣ-
ной?

Грыць.

И сее дядько буде знаты,
Не пропущу й сёго сказаты,
Якъ ты сміешся изъ ёго.

Горпына (*къ дяку*)!

Та годи, дурню, насмихаться!
Його не то—паны боятся,
Бо винъ у мылости въ когось:
Що винъ искаже, то такъ и
буде,
Кого захоче, выпхне въ люде,
А схоче — то лышыть всёго.

Дьякъ.

Да неужель онъ секретарь?

Грыць.

А вже жъ що такъ, погана
тварь!

Дьякъ (*почтительно*).

Охъ, Мыроновычъ, простите,
Невѣдѣнью извините:
Согрѣшихъ,
Оскорбихъ,
Прогнѣвихъ,
Озлобихъ:
Учитель исторіи,
Секретарь консисторіи!

Дѣдъ.

Да то жъ и есть, бачъ, братъ
іи.

Дякъ.

Охъ, дозвольте рещи мни:
Онъ такой—пожилой,
Весь украшенъ сѣдиной?
Да продлится его вѣкъ!
Онъ предобрый чело-
вѣкъ—
Первый благодѣтель мой.

Грыць (*поетъ*).

Дай мни тилько, Боже,
Въ дядька побувать:
Тоди дякъ не зможе
Більшъ ничого взять!
Дамо роковщыну
Не ту, що други:
Кулакамы въ спыну—
На двиръ не ходы!

Горпына (*поетъ*)

Сто рубливъ не гроши,
Зробыть можемъ такъ:
Голосъ нехорошый—
Не годытся дякъ!

Грыць (*поетъ*)

Громада пидпыше,
Стоить напоить,—
Ходы, дяче, тыше,
Зъ намы не шутыть!

Горпына (*поетъ*)

Стыхарь зъ ёго здіймуть,
Косу обстрыжуть,—
Буде дякъ нашъ гынуть,
Въ некруты визьмуть.

Дякъ.

Вы за что, про что, скажите,
Погубить меня хотите?

Грыць.

Гроши, кажуть люде,
Прыдають ума;
Що здумаемъ—буде,
Въ тебе жъ ихъ нема!

Горпына.

Хотя жъ честы мало
Людямъ зло чыныть,
Да й тежъ не прыстало
Зъ намы такъ робыть!

Грыць (*грозя рукой*)

Вже-жъ якъ не вертыся,
Зъ селомъ ты простыся,
Лоба не мынешъ.

Дякъ (*ставши на колѣни*)

Спасите, пощадите,
Не погубите!

Дѣдъ.

Розумнымъ спершу ты здавався.
Ходывъ бадёрымъ, похвалявся,
Чого жъ теперъ трясешся ты?

Дякъ

Да, почтенный господыне,
Нашъ благодѣтельный Мартыне,
Извольте выслушать меня,
Что въ главѣ книги бытія
Начитывалъ когда то я:
Егда узриши ю,
И возлюбиши ю,
Подобаетъ пояти ю
Въ жену свою;
Аще жъ оставиши ю,
То аки убіеши ю,
Сотвориши грѣхъ зѣло,
Постиже тя въ мірѣ зло.
То, почтеннѣйшій господыне,
Нашъ благодѣтельный Мартыне,
Услышавши слово сіе,
Благословить чадо свое,
Отрите плачущу рѣсницу:
Возьмить въ сноху бидну дѣвицу.

Дѣдъ (*нахмурившись*)

Чи ты въ уми?
Чи ты въ соби?
Чи ты ума лышывся,
Чи ты зовсимъ скрутывся?

Дякъ (*къ дѣду сквозь слезы*)

Нѣтъ, не тее,
А другее:
Вы посудите
Такъ, напримѣръ,
Что секретарь
Презлобна тварь
И нравомъ звѣрь;
Что если онъ
Презрѣхъ законъ,
И за родныхъ
Глупыхъ своихъ
Станетъ горой,
И надо мной
Имѣя власть,
Въ солдаты сдать?..
Онъ такъ великой,
Что и съ владыкой
Говбрыть смѣло
Про всяке дѣло:
То ему можно
Меня хочъ ложно
И заточыть,
Сана лышыть,
И лобъ забрыть.

Д ѣ д ъ.

Що тамъ плетешъ—не розберу.

Д я к ъ.

Повѣрьте, не вру:
Что онъ страшенъ,
Зѣло ужасенъ,
Словно, какъ левъ
Пущаетъ ревъ;
Въ единый часъ,
Разинувъ пасть,
Насъ, бѣдняковъ,
Бильшъ ста дяковъ
У михъ поглощетъ,
Егда схощетъ.

Д ѣ д ъ (*съ удивленіемъ*)

Грыцьку, бачышъ, щось такее
Зробылося изъ дякомъ злее.
Се нечыста ёму сыла
Десь такее наробыла!

Г р ы ц ь.

Его треба проводыть,
Въ школи, вкрывшы, положыть.

Д ѣ д ъ.

Такъ возьмы жъ и проведы!

Г р ы ц ь (*подходя къ дяку беретъ его подъ руку, а другой рукой бьетъ въ бокъ кулакомъ*).

Д я к ъ.

Ой, ой, ой!
Боже мой!

Г р ы ц ь.

Богъ съ тобою,
Йды за мною.

Д я к ъ.

За что? про что? бить по что?

Г р ы ц ь (*со смѣхомъ*)

Пdescribed сёго здоровъ будешъ
И рукъ моихъ не забудешъ!

(*Дякъ вырывается и уходитъ*)

Д ѣ д ъ (*къ Грыцю*)

Эй, Грыцько, побійся Бога!
Пошануй ты самъ себе:
Одно слово, що убога,
Загнать може въ гробъ мене;
Выкынь зъ головы пустее
Та надумай щось другее.
Розмиркуй соби гарненько:
Що то есть вона, й що мы?
Що есть слово Рихманенко
И кымъ славятся Рихмы?
То якъ се тоби здается,
Що ты здумавъ бидну брать—
И по кимъ село зовется,
Той вчынытся бидной зять!..
А—а—а!
Не боишся ты стыда!

Г р ы ц ь.

Якъ гасне лучъ, такъ слава вьяне;
Якъ колесо, вертытся свитъ:
Одынъ впаде, другый устане,
И по багатству гыне слидъ.
На що-жъ гордытьсь вамъ собою,
На що гнушатысь сыротою
И волю серцю одіймать?
Богъ волю давъ ёму любыты;
Що жъ его мучыть и нудыты
И свое имья выхвалять?
Робить, що хочете зо мною:
Не властенъ самъ я надъ собою
Сказаты серцю не кохать.

Дѣдъ.

О—о—о!
Хиба жъ бы то не все одно?
Якъ-небудь можна полюбыть:
Чы то чорнява, чы рудая,
Чы сироока, чы глухая,—
Зъ лыця жъ, мовлявъ, воды не пыть!
А въ ридъ багатый уступывшы
И вино добре получывшы,
То можна жыты, не тужыть!

Грыць.

Якъ вы, диду, парубковалы,
Не вже жъ такы вы выбиралы,
Що гирше и въ сели нема?

Дѣдъ.

Э, стыдно, Грицю, се казаты:
Мени таку случылось взяты,—
Була багата, чепурна.

—

Явленіе 7-е.

(*Тѣ же и Наумъ*)

Наумъ.

Добрый вечиръ, пане куме!

Дѣдъ.

Покорно дякувать, Науме!
Куды ходывъ и де ты бувъ?

Наумъ.

Де вже я бувъ, теперъ немае,
Да мылость твоя щось скучае—
Чого ты бровы такъ надувъ?

Дѣдъ (*вздохнувши*)

Та якъ ёго не надыматысь?
Тоби по правди якъ прызнатысь,
То ты надмешъ ще гиршъ мене́.

Наумъ.

Якъ скажешъ, куме,—буду знаты,
Яку тоби пораду даты.

Дѣдъ (*качая головой*)

И вже, и вже, и вже!

—

Явленіе 8-е.

Тѣ же и Крутій.

Крутій (*скоро*)

Всимъ хрещенымъ вечиръ добрый!
Щобъ продлывся викъ вамъ довгый!
Мартынови, хрещеныку й куми,
Всимъ добрымъ людямъ и мени.

Дѣдъ (*почесавши голову*)

Здоровъ, Терешковычъ, садыся
Да вже, будь ласкавъ, потрудыся
Насъ тутъ зъ унукомъ розсудыть.

Крутій.

Мни розсудыти—
Такъ якъ налыты
Горилкы чарку,
Зробыты справку;
Пью, не скрывлюся,
Дилъ не боюся,
Бо, розумъ маю,
Порядокъ знаю,
Якъ напысаты,
Куды послаты,
Якому пану,—
Пытать не стану.
Статутъ, указы
И вси прыказы,

Пункты, страныци,
Якъ на таблыци
Бачу очыма—
Не за плечыма—
Передъ собою,
Бо зъ головою.

Н а у м ъ.

Голова справди не дурна,—
Другои въ насъ въ сели нема!

Д ѣ д ъ.

Овва! А я? а ось моя?

К р у т і й.

Якъ очеретомъ або лозамы
Выхоръ крутыть, такъ и я вамы
Кручу, верчу, якъ захочу.

Д ѣ д ъ.

Опричъ мене.

К р у т і й.

Да вже про тебе що й казаты!
Колы-бъ ты вмивъ ище й пысаты,
То бъ ты тоди... *(заикаясь)*
Мартынъ, Мартынъ!..

Н а у м ъ.

Высоко то-то не несысь,
Бо два не дурни зибралысь:
Не вдарымось лобомъ объ тынъ.

Д ѣ д ъ.

Да тутъ и бидного нема.

К р у т і й.

Хиба жъ то бидный безъ ума?

Д ѣ д ъ.

А якъ тоби воно здается?
Видкиль у бидныхъ умъ визьмется?
Скилько ихъ йе, то все дурни.
Того розумнымъ якъ назваты,
Що не умивъ добра прыдбаты?
Одни розумни тилько мы!

К р у т і й.

Якъ бувъ покійныкъ въ насъ Бида,
Послать бувало хоть куда:
Той, було, може доступыть
Хоть къ губернатору, въ палату.

Д ѣ д ъ *(показывя на горло)*

Покынь ёго, Петро, ты къ кату:
Оттутъ у мене винъ сыдыть!

К р у т і й.

Скажы жъ, Мартыне, чымъ и якъ
Обрыдъ тоби Бида той такъ?

Д ѣ д ъ *(слезно)*

Унукъ въ дочку ёго влюбывся,
И такъ изъ-дуру учепывся,
Що мовъ зовсимъ ришывсь ума.

К р у т і й.

Але жъ бо й дивчына, сказаты!
Хочъ мижъ паннамы пошукаты,
То кращои нигде нема!

Н а у м ъ.

Напрясты, выткаты, пошыты,
А якъ що стане говорыты—
То зъ маслечкомъ словце плыве.

Г о р п ы н а.

Уже до-правды, що дытына:
Розумна, тыха и учтыва,
Якъ макивка въ дивкахъ цвите!

Дѣдъ.

Да годи чорта вамъ хвалыты!
Що тамъ за нею получыты?
Бисъ-ма ничого—лышъ душа!
Отъ якъ дочка Головыная—
Хочъ трохы, кажуть, и глухая,
Але жъ червинцивъ зъ пив-
ковша!

Крутій.

Такъ ты на гроши уповаешъ,
А души доброй не шукаешь?
Унука хочешъ утопыть?
Та якъ полино, такъ дурная,
Глуха, коса, ряба, рудая!

Грыць.

И оттаку мени любыть?

Дѣдъ (*къ Крутію съ плачемъ*)

Ну, що мени изъ нымъ робыть?

Крутій.

Оженыть!

Дѣдъ.

Кого?

Крутій (*показуя на Грыця*)

Уже жъ його!

Дѣдъ.

На кимъ?

Крутій.

На тимъ, кого Грыць любыть.

Дѣдъ.

То и мене, и честь погубыть!

Крутій.

Фамылья дуже именыта!
Куды пакъ къ чорту, яка честь!
Що клоччамъ голова набыта,
А смальцю въ неи мало есть.
Якъ вывесты тебе у-день
Та и поставыты на пень,
Рядномъ ще голову накрыты—
То бъ дворянынъ бувъ пре-
велыкый!

Дѣдъ.

Схаменысь, Петре, що ты ка-
жешъ?
Та ты жъ мою худобу знаешъ:
Стыдайсь до пня мене ривнять.

Наумъ.

Да що вже, куме, говорыты!
На що пустее городыты:
Ты жъ пакъ не панъ, правду
сказать.

Дѣдъ.

Хочъ самъ не панъ, зъ панамы
знаюсь,
Межъ ныхъ за ривню почы-
таюсь:
Усюды мисце мни дають...

Грыць.

Якъ гроши въ позыку беруть!
А якъ прыйдется выправляты,
То и по шыи гонять зъ хаты.

Дѣдъ.

Эй, блазню, не брешы!

Крутій.

А за обидъ хочъ разъ садылы?
Якъ полумыскы пидносылы?
А ну, будь ласкавъ, роскажы!

Д ѣ д ъ.

Сего то, правда, не бувало,
А чаю пывъ я въ ныхъ немало;
Булы до чаю й калачи.

Крутій.

Та мисце все жъ коло порога.
А Бидыха онъ бачъ убога,
Такъ и неривня вже тоби!
Ище трывай, настане часъ:
Бидыха буде лучче насъ,—
Въ порога станешъ и у неи!

Д ѣ д ъ.

Писля чого?

Крутій.

Писля того:
Онъ якъ прыиде братъ у гости;—
Я и письмо прывизъ ій съ почты.

Д ѣ д ъ.

Одъ кого?

Крутій.

Одъ іи брата
Киндрата.

Д ѣ д ъ.

То бувъ въ насъ первый волоцюга,
Чужый робитныкъ и пьянюга:
Може, пидъ тыномъ десь изгнывъ!

Крутій.

Винъ въ Чорноморіи старшымъ.

Д ѣ д ъ.

Якымъ?

Крутій.

Такымъ:
Винъ військовымъ тамъ старшыною,
То вже не ривня въ головою:
За поясъ васъ обохъ заткне!

Д ѣ д ъ.

Письмо прыславъ же винъ якее?

Крутій *(вынимая письмо)*

Кругомъ, якъ бачышъ, золотее.

Д ѣ д ъ.

Що жъ, ты його ще не оддавъ?

Крутій.

Ни, самъ, далеби, не чытавъ.

Д ѣ д ъ.

А ну, якъ бы то прочытаты!

Крутій.

Неможна жъ, бачъ, печать ламаты.

Г р ы ц ь.

Та ну вже, тату, прочытайте!

Крутій.

(Ломаетъ печать и читаетъ):

Любезная моя сестра!
Теперь я зъ військомъ блызъ Днипра,
Держу кордоны одъ Кытаю,
Та жаль, що кони не пьють чаю,
А якъ по правди росказать,
То тутъ ёго стогы стоять;
А що червинцивъ—якъ вивса

Козакы роблять чудеса:
Срибло лопатами гребуть,
А пьятакивъ и не беруть;
Кармазыну штука за рубъ,
А сахарю—пивкопы пудъ.
У день у насъ прыказы строги,
Заняти військомъ вси дорогы,
А ничъ—то маты усёму.
Всюды разйиздъ и филиманты,
Трещать возы видъ контрабанды,
То по сёму ты можешъ знать,
Скилько худобы мигъ набрать.
Гляды жъ, сестра, и памятай:
Дочкы ты замижъ не давай,
Бо я, зминывшыся зъ гряныци,
И йшовшы мымо до столыци,
Зайиду въ гости побувать,
И хочу васъ обохъ забрать.
Якъ я старый и нежонатый,
Худобу хочу ій оддаты.
А женыха найду такого:
Якъ не самого кошового,
То асавулу, старшыну,
Але вже буде у чыну
И соби козакъ не въ жартъ;
Тилько, чуешъ, робы такъ.
Зостаюсь твій ридный братъ
Пархоменко Киндратъ.

Дѣдъ *(весело)*

Де жъ той Кытай?
Въ якый винъ край?
Скажы, будь ласкавъ, рады Бога:
Яка у той Кытай дорога?
Чы винъ далеко видсиля?
Пишовъ бы, може, туды й я.

Крутій.

Я самъ въ Кытаю не бувавъ,
А такъ скажу, якъ самъ чувавъ,
Якъ губернаторъ мни казавъ.

Дѣдъ.

Ты жъ губернатора де выдавъ?

Крутій.

Якъ прошлый годъ некрутъ здававъ.

Дѣдъ.

А ну-жъ якъ?

Крутій.

А отъ такъ:
Якъ видсиль,
Та зновъ видтиль,
Зъ Дону на Крымъ,
Да черезъ Рымъ,
На Цареградъ,
Та зновъ назадъ,
Мынуя двиръ,
Та зновъ видтиль
У бикъ звернуть,—
То буде путь.

Наумъ.

Ось бачъ, Мартыне, якъ далеко!

Дѣдъ.

Дойихаты туды не легко!

Крутій.

То-то бо наша и бида,
Що винъ не близько видсиля,
А то-бъ мы вси пійшлы туда!
Тилько жъ Киндратъ,
Кулынынъ братъ,
Нажывшысь тамъ,
Зайиде къ намъ
И навезе сёго—того
Сестри всёго;
Тоди Бидыха,
Забувшы лыха,
Губу надме
Протывъ тебе!

Д ѣ д ъ.

Петро Терешковычъ, якъ бы?..

Крутій.

Чого?

Д ѣ д ъ.

Ожены ты намъ його.

Крутій.

Пысьмо оце якъ ій зъясныть,
То въ поле витра йды ловыть:
Теперъ Бидыха такъ глядыть.
(*Закрываетъ пальцами глаза*).

Дѣдъ (*кланяясь*)

Петро Терешковычъ, ты жъ
свій,
Хрещеный батько для ёго:
Ну, будь прыятель вично мій:
Стать въ помощь оженыть ёго!

Крутій.

Якъ?

Дѣдъ.

Такъ:
Иды,
Впады,
Просысь,
Молысь,
Хочъ тамъ и въ ногы покло-
нысь:
Скажы, що я свою худобу маю,
Одъ неи вина не бажаю.

Крутій.

Ты добрую натуру маешъ:
Одъ неи вина не бажаешъ;
Та що вона буде казать,
Якъ стану ій пысьмо чытать?

Дѣдъ.

Пысьма не треба ій казаты,
Можна ёго тутъ и порваты.

Крутій.

Поступокъ сей, Мартыне, важ-
ный;
Я, знаешъ, чоловикъ прысяж-
ный:
Душею дурно грихъ крывыть.

Дѣдъ.

А хиба треба заплатыть?

Крутій.

Достанется платыть мени
Військовому старшыни,
По сыли бачъ почтовыхъ правъ,
Якъ гласыть на се уставъ:
Хто пысьмо изъ почты бравъ,
Кому треба не оддавъ,
Бумажкамы двадцять пять
Штрафу изъ ёго зодрать.

Дѣдъ.

Пьятьдесятъ я можу дать!

Крутій.

Тоди де тебе шукаты,
Якъ погонять мене зъ хаты?
Перше треба получыть
Да и къ дилу прыступыть.

Дѣдъ.

Якъ?

Крутій.

Такъ:
Що такого-то чысла,
Якъ метелыця несла,
Зъ миста йихавъ въ село я,

Та зъ-лыха соби напывшысь,
И зъ дороги ничью збывшысь,
Трохы-трохы не пропавъ
И пысьмо, що зъ пошты бравъ,
Нехотячы потерявъ.
За що певныхъ двадцять пять
У судъ маю честь послать.

Дѣдъ (*доставъ бумажникъ*).

Колы такъ, то на, возьмы,
Та никому не кажы.

Крутій.

Эй, Мартыне, брать боюся:
Що, якъ штрафомъ не одкуплюся!
Щобъ бачъ, мени,
За васъ въ тюрми
Та не сыдить,
Въ викно глядить.

Дѣдъ (*до Грыця*).

Чого жъ стоишъ ты, якъ той пень?
Не хочешъ бачъ просыть людей?

Грыцъ.

Та йдить-бо, тату, я молюся,
Бо я безъ васъ не оженюся.

Крутій.

Ну, шукайте буханця:
Пійдемъ сватать молодця.
(*Дѣдъ садится, Горпына подаетъ хлѣбъ и садится возлѣ дѣда. Грыцъ кланяется и, взявши отъ дѣда хлѣбъ, подаетъ Науму*).

Крутій (*поетъ*).

Теперъ, якъ хлибъ въ рукахъ мы маемъ
И рушныкивъ вже дожыдаемъ,
Годи, тату, квакать:
Ходимъ Любку сватать!

(*Наумъ и Крутій уходятъ, а за ними и Горпына*).

Дѣдъ (*одинъ, смотря* на письмо*).

Такъ-то мій батько поскупывся,
Що я малымъ пысьма не вчывся;
Теперъ никого бъ не прохавъ:
Разивъ бы симъ ёго чытавъ.
(*Поетъ*) Щастье щастья бачъ шукае,
Гроши до грошей летять;
Выдно, Богъ мни помагае
Бильшъ худобы назбирать (bis).
Сватъ, вернувшись изъ грядыци,
Мни порадыть все тоди,
И не йшовши до столыци,
Все зоставыть тутъ мени. (bis)
Прывезе сюды возамы,
Що нигде буде и дивать,
Срибло, золото мишкамы,
Такъ тутъ буде и стоять. (bis)
На ти гроши мажъ чумацькыхъ
Справлю я, воливъ сто паръ,
И по тыхъ слидахъ козацькыхъ
Пошлю Грыця у Кытай. (bis)
Винъ, вернувшысь изъ Кытаю,
Прывезе мени всёго:
Кармазыну, шовку, чаю,
Не стратывшы ничого (bis).
Тоди паны зъ околыци
Рынуть гроши позычать,
Будуть купци изъ столыци
Въ Рихмахъ краму купувать (bis)
Я зъ купчыкивъ за копійку
По рублыку буду брать;
А зъ панивъ, якъ за горилку,
По дви грывни процентъ брать.
(bis)

Познаёмывшысь зъ панамы,
Я добьюсь такы свого:
Грыцька выведу въ дворяне
И куплю ёму село (bis)
Стоить сотеньку втеряты,
То и въ судъ ёго прыймуть,
А якъ другу ще додаты,
То й чынокъ ёму дадутъ!

(Уходитъ).

Дѣйствіе IV.

(Театръ представляетъ бѣдный домикъ Любчиной матери).

Явленіе 1.

Крутій, Наумъ, Кулына и Любка.

Кулына.

Прошу ласки васъ садытысь
И за слово не гнивытысь:
Вы знаете, я вдова,
Дивка въ мене молода,
Давать замижъ іи рано,
Рушныкивъ, хустокъ въ насъ мало;
А въ багатый двиръ оддаты,
Тамъ ій станутъ дорикаты.

Наумъ.

А якъ бы була старою
И не гарная собою,
Грыць бы въ неи не влюбывся,
Я старистью бъ не трудывся.

Крутій (*къ Любкѣ*)

А ты, Любко, що намъ скажешъ?
Боронь Боже, якъ одкажешъ,
То Грыць далеби умре,
Бо такъ любыть винъ тебе!

Любка (*кланяясь*)

Що я маю вамъ казаты?
Я... я... я такъ якъ маты.

Крутій.

Що ще, Любко, говорыты?
Не матери,—тоби жыты.
Одно слово скажы мни:
Або ну-да, або хочъ ни!

Любка (*кланяясь*)

Ну-да!

Наумъ.

Зовы жъ, Любко, въ помичъ Бога,
Нашой старосты не мучъ:
Рушныкивъ шукай, небого!

Любка (*потупя глаза, кланяется*).

У матери жъ, дядьку, ключъ.

Крутій.

За се слово, що сказала,
Спасыби, Любко, тоби!
Працяя, значыть, не пропала;
Ну, давай же руку мни (*протянувъ руку*)
(*Скоро*) Давай руку, и два слова:
Клянысь Грыценька кохать
И скажы вже, що готова
Дружыною ему стать.

(*Любка протягиваетъ обѣ руки*).

Кулына.

Ну-те, Терешковычъ, вже годи
Вамъ такъ до неи прыставать!
Въ дочкы моей немае воли:
Мое це дило ладъ давать.
Я за багатствомъ не гонюся
И у той двиръ давать боюся,
Де люде, бачъ, неривня намъ:
Старый Мартынъ дуже багатый,
Почне ій бидній докоряты:
Яке жъ жыття ій буде тамъ?

Наумъ.

То вже дивци такъ судылось
За багатого итыть;
Може, тоби и не снылось,
Що Грыць може полюбыть.

Крутій.

А що хлопець винъ хорошый,
То село все потвердыть;
Мае винъ доволи грошей,
Тоби може пособыть.

Наумъ.

А за бидного оддавшы,
Чимъ ты можешь надилыть?
Ничого въ себе не мавшы
Що ты будешъ зъ нымъ робыть?

Кулына.

Хиба жъ мало тыхъ найдутся,
Що кризь грошi слёзы льються,
И гиршъ бидного жыве?
Гроши щастя не прыносять;
Лучче биднисть нехай зносыть,
Нижъ клясты буде мене.

Крутій.

Мы давно вже говорылы
Изъ Мартыномъ объ сёму,
Дармо бъ сюды не ходылы,
Колы не вгодно се ему —
Уступыть въ ридню зъ тобою
На выбиръ воли ихъ виддать:
Грыць за твоей дочкою
Готовъ заразъ умирать.

Кулына (*пожимая плечами*)

Колы жъ правда, такъ и будь;
Тилько, чуешъ, не забудь:
Не стану хустокъ я давать,
Покы не прыйде сюды зять.

Крутій (*топнувши ногой, поетъ*).

Тилько бъ лыха и биды!
Эй, Грыцько, ходы сюды!
Спишы, сваха вже сокоче
Побачыты тебе хоче.

—

Явленіе 2.

Тѣ же и Грыцъ.

Грыцъ (*кланяясь*).

Добры-вечиръ! Чы здорови?
Четвергомъ витаю васъ.
Не гроши, вивци, не коровы
Завелы сюды всихъ насъ,
А лычко биле, бровы чорни
Тыха вдача, станъ моторный.
Я Любку вже давно кохаю
И одного прошу, бажаю:
Благословите зъ нею насъ!

Крутій.

Теперь бачыте, Кулыно,
Якъ Грыцъ любыть всей душой;
Любка буде зъ нымъ щаслыва.
Чого жъ спорыться зо мной?

Наумъ (*показуя на плечо*)

Велы вже рушныкивъ шукаты
И нымы насъ перевьязаты.

Крутій.

А я тоди вже путь найду,
Та свата й сваху прыведу.

Кулына.

Да якъ бы чого не було?

Крутій.

Писля чого?
Не бійся, титко, не журыся,
На мою совисть положыся.

Кулына.

Прошу жъ мылосты садыться,
Такъ старостамъ, якъ годытся.

Крутій.

Чого тамъ на сухо сыдиты
И на порожній стилъ глядиты?
Ставъ лышъ пляшечку горилкы,
За здоровье выпьемъ дивкы.

(*Кулына достаетъ бутылку водки, ставитъ закуску, потчуетъ старостовъ, а Любка выходитъ*).

Крутій (*тихо къ Науму*).

Я казавъ тоби, Науме:
Мене держысь, рыба буде!

Грыць.

Якъ поможе Богъ женытысь,
То пійду до васъ учытысь:
Де, що говорыть,
Якъ у старосты ходыть.

Явленіе 3.

(*Тѣ же и Любка съ дивчатами*).

Крутій.

Знайте, дивкы, що такее,
Зачимъ тепера вы у насъ?
Дило, бачыте, не пустее;
Не мынуло бъ воно й васъ.

Дѣвушки (*въ одинъ голосъ*)

Въ добрый часъ,
Щобъ се насъ
Хоть заразъ
Не мынуло.

(*Любка съ матерью уходятъ, а прочіе сидятъ молча*).

—

Явленіе 4.

Тѣ же и Любка съ матерью подносятъ на тарелкѣ рушныки. Грыць, получивши платокъ, кладетъ на тарелку нѣсколько монетъ, а Наумъ съ Крутіемъ въ одинъ голосъ:

Дай же Боже,
Усе гоже,
Дружно жыты,
Не тужыты,
Лыха и биды не знать
И волосъ сывыхъ диждать!

(*Грыць и Любка кланяются*).

Кулына.

Теперъ, Терешковычъ, сходите
Та сваху й свата попросите:
Нехай, будь ласкави, прыйдуть
Та вкупи сватання прыймуть.

(*Крутій перевязывается рушныкомъ, кланяется и уходитъ*).

Наумъ (*къ Грыцю*).

Да й ты, Грыцьку, ще бъ сходывъ,
Сюды хлопцивъ попросывъ
Вечиръ сей повеселыть.
(*Кулынѣ*) Воны прыймуться гуляты,
А намъ чарку выпываты—
Веселійше буде пыть.

Грыцъ (*кланяется и уходитъ, а за нимъ и Любка съ дружками*).

—

Явленіе 5.

Тѣ же и дѣдъ съ Горпиною.

Дѣдъ и Горпына (*въ одинъ голосъ*),

Добрый вечиръ!

Кулына.

Покорно дякувать! (*цѣлуется*)
Въ добрый часъ!
Прошу васъ
Тутъ у насъ
Не стыдыться
И садыться.

(*Мартынъ съ Горпыною садятся*).

Дѣдъ (*осматривая сцену*).

Що давъ Богъ—
Охъ, охъ, охъ!

Крутій (*тихо къ дѣду*).

Эй, Мартыне, бережыся!
За секретъ крипко держыся:
Не спомынай про Кытай,
А то пропаде увесь чай!

Дѣдъ (*тихо Крутію*).

Ну, якъ дядько тамъ умре,
Погубыть зъ честью и мене!

Кулына.

Що? що? що?

Крутій.

То хотивъ сказать про те,
Що не думавъ такъ достаты
И рушныкы скоро взяты.

Дѣдъ.

Эге-ге!

—

Явленіе 6.

(Тѣ же и Любка съ дивчатами. Любка подходитъ къ дѣду и цѣлуетъ).

Дѣдъ (*облизавшись, тихо къ Науму*).

Чы вусы мои почорнилы?

Наумъ.

Ни!

Дѣдъ.

А щокы певно посьвижилы?

Наумъ.

Ни!

Дѣдъ.

Але жъ морщынъ, бачтся, нема?

Наумъ.

Чы не ришывся ты ума?

Дѣдъ.

Ни!

Наумъ.

Такъ що жъ се сталося тоби?

Дѣдъ.

А те:
Колы бъ ранишъ вона родылась,
Годивъ зъ десятокъ хочъ назадъ,
То бъ уже внуку не судылась,—
Мени достався бъ оцей кладъ.
Нема чого и говорыты!
Ну, якъ такои не любыты?
Укрутыть серця хочъ кому!
Тутъ и старый души не вчуе,
Вона безъ зилля прычарує—
(*показавъ пальцемъ на лобъ*)
Не буде мисця тутъ уму!

Явленіе 7.

Тѣ же и Грыцъ съ парубками, кланяются и становятся въ углу.

Крутій.

А ну-те, хлопци, по-козацьки
Ударьте лышень гайдука,
По простому, а не по-лядськи!
А вы, дивчата, гопака!
Мы жъ будемо на те дывыться,
Якъ станете вы веселыться.

(Грыцъ подходитъ къ Любкѣ, беретъ ее за руку, за ними слѣдуютъ прочіе. Музыка играетъ; затѣмъ начинается пѣніе. Хоръ.

Конецъ.

Нѣсколько разъ приходилось намъ слышать отъ старыхъ людей, что въ 30-хъ и 40-хъ годахъ одной изъ любимыхъ драматическихъ піесъ на домашнихъ спектакляхъ въ Лѣвобережной Малороссіи была какая-то оперетта „Любка“, которую считали принадлежащей перу И. П. Котляревскаго. Сколько мы ни пытались разыскать болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой піесѣ, но ничего не могли найти ни въ печати, хотя-бы въ формѣ только упоминанія о ней, ни въ старыхъ рукописныхъ тетрадкахъ, ни даже въ изустныхъ разсказахъ. Въ настоящее время, уважаемый нашъ сотрудникъ, М. К. Чалый, доставилъ въ редакцію полный текстъ этой драматической піесы, переписанной имъ еще во времена своего студенчества, т. е. въ концѣ 30-хъ или въ началѣ 40-хъ годовъ, и сообщилъ намъ о ней слѣдующія свѣдѣнія. „Въ 1837 году я, ученикъ 5-го класса Новгородсѣверской гимназіи—разсказываетъ М. К. Чалый—вступилъ въ семью лѣсничаго Алексѣя Алексѣевича Садовня, въ качествѣ репетитора

его трехъ сыновей, изъ коихъ Андрей—отецъ нынѣшняго профессора кіевскаго университета. Хотя, съ перемѣщеніемъ А. А. Садовня изъ Новгородсѣверска въ Остерскій уѣздъ, репетиторство мое кончилось, но, съ поступленіемъ моимъ въ студенты въ 1839 году, мои близкія отношенія къ его семейству возобновились, и я довольно часто посѣщалъ его резиденцію Сваромье, живописнѣйшее село на высокомъ берегу Днѣпра, окруженное лѣсомъ. Сколько мнѣ помнится, впервые „Любка" появилась въ семействѣ Садовня не позже 1839 года; списалъ ее собственноручно самъ А. А. Садовень, не помню изъ какого оригинала, только знаю навѣрное, что списалъ онъ не въ Новгородсѣверскѣ, а въ Сваромьѣ. Вся семья лѣсничаго, не исключая и прислуги, знала наизустъ множество стиховъ изъ „Любки"; вообще-же, какъ я помню, она не пользовалась широкой извѣстностью, циркулируя лишь въ небольшомъ кругу знакомыхъ лѣсничаго, а именно: между чиновниками фаянсовой Межигорской фабрики". Съ этой-то рукописи, принадлежавшей А. А. Садовню, и была въ началѣ 40 хъ годовъ переписана „Любка" М. К. Чалымъ.

Такъ-какъ годъ назадъ мы получили мимолетное извѣстіе объ этой же піесѣ отъ П. Я. Литвиновой, то теперь, когда рукопись „Любки" попала наконецъ въ редакцію, мы обратились съ просьбой къ П. Я. Литвиновой сообщить намъ все, что сохранилось въ ея памяти объ этой опереттѣ. Въ отвѣтъ на нашу просьбу, П. А. Литвинова любезно передала намъ слѣдующія воспоминанія, относящіяся тоже къ 40-мъ годамъ. „Свѣдѣнія мои о піесѣ „Любка" весьма ограничены, такъ-какъ воспоминанія о ней относятся ко времени моего 10—12-тилѣтняго возраста, а именно къ 1844—46 годамъ. Ни во времени, ни въ мѣстѣ я ошибиться не могу, потому-что эти два года были временемъ, когда отецъ мой уже не находился на службѣ, и мы всей семьей жили возлѣ с. Землянки, въ 13 верстахъ отъ заштатнаго города Малаго Воронежа (переименованнаго потомъ въ мѣстечко), въ своемъ хуторѣ Теребени (глухов. у., Черниг. губ.). Въ старину и небогатые дворяне имѣли обычай „гостевать" другъ у друга по нѣсколько дней, а такъ-какъ моя мать по

болѣзни не могла выѣзжать въ теченіе 2 лѣтъ, то у насъ часто для ея развлеченія собирались гости, и молодежь устраивала чтенія, считки и репетиціи. Спектаклей у насъ въ домѣ не бывало, а чтенія бывали очень часто, и такъ-какъ отецъ мой, Яковъ Яковлевичъ Бартошъ, былъ большой любитель литературы, поклонникъ Пушкина, а вмѣстѣ съ тѣмъ Квитки и Котляревскаго, то у насъ составлялось нѣчто въ родѣ литературныхъ вечеровъ: отецъ читалъ наизустъ отрывки изъ „Энеиды“ Котляревскаго, заставлялъ читать мою 8-лѣтнюю сестру разсказы Квитки-Основьяненка, читали „Евгенія Онѣгина“ и „Пиковую Даму“ Пушкина, и считывались, т. е. репетировали „Любку“. На такихъ-же вечерахъ случалось мнѣ бывать въ с. Черторіяхъ у Вербицкихъ. Помню, что въ с. Некрасовѣ у Лихошерстовыхъ происходили не только считки, но и спектакли, въ которыхъ принимала участіе бывавшая тамъ военная молодежь. Что именно ставили на этихъ спектакляхъ, я не помню, а считки „Любки“ хорошо помню и въ с. Некрасовѣ, присутствуя на нихъ постоянно; видѣть-же самый спектакль вблизи мнѣ не удалось за многочисленностью взрослой молодежи. Списки „Любки“ имѣлись, кромѣ моихъ родителей, у Вербицкихъ, Максимовичей, Лихошерстовыхъ, Подгаевскихъ. Въ настоящее время, насколько знаю, ни у кого изъ этихъ фамилій не сохранилось списка „Любки“.

Вотъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя имѣются пока у насъ о піесѣ „Любка“ отъ лицъ, бывшихъ современниками ея живой роли, какъ литературнаго произведенія, циркулировавшаго въ рукописяхъ болѣе полувѣка назадъ въ нашей Украинѣ. Что эта піеса составлена не позже 30-хъ годовъ, доказывается не только вышеприведенными справками М. К. Чалаго и П. Я. Литвиновой, но и нѣкоторыми мѣстами въ ней самой. Такъ напримѣръ: начальство въ уѣздѣ (повѣтѣ)—*комисаръ*, а въ волости—*голова*, т. е. точно такъ, какъ и въ повѣсти Гоголя „Майская ночь“; а должность комисаровъ существовала до 1838 г., до учрежденія Министерства Государств. Имуществъ, въ вѣдѣніе котораго отошли казенные поселяне, послѣ чего комисаровъ замѣнили *ок-*

ружные, а головъ—*старшины*. Кромѣ того, сельскій *дьякъ*, какъ видно изъ піесы, живетъ въ даровомъ помѣщеніи и получаетъ „*отъ міра роковщину*"; о казенномъ жалованіи не упоминается, а его сельскіе причты стали получать съ 1836-го года. Равнымъ образомъ, этого *дьяка* консисторское начальство можетъ сдать въ *солдаты*, а это было возможно лишь до *введенія штатовъ* для духовенства, т. е. до того-же 1836 г., когда причетники служили по найму отъ прихожанъ и часто попадали въ наборъ. Есть и еще одна черта, указывающая на приблизительное время написанія „Любки". Одно изъ дѣйствующихъ лицъ, *Крутій*, какъ и *Возный* въ „Наталкѣ-Полтавкѣ" Котляревскаго, ссылается на „Статутъ", дѣйствіе котораго отмѣнено въ Малороссіи въ 1842 году. Что касается мѣста написанія піесы, то, конечно, оно—лѣвобережная Украина, такъ-какъ есть упоминанія о *бунчуковыхъ*, *вельможныхъ*, о *Шведчинѣ*.

Какъ можетъ легко замѣтить каждый, піеса „Любка" написана не безъ вліянія музы Котляревскаго, но нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы приписать ее перу автора „Наталки-Полтавки". Вѣрнѣе можно предположить, что эта послѣдняя послужила образцомъ для созданія первой. Прежде всего бросается въ глаза сходство въ строеніи стиха въ „Любкѣ" и у Котляревскаго въ „Энеидѣ"; затѣмъ—обиліе русизмовъ, такъ свойственное Котляревскому, и наконецъ—сходство въ отдѣльныхъ выраженіяхъ

„Грыць молодый и красывый,
Серцемъ добрый, неспесывый"—

очень напоминаетъ такой-же стихъ въ Наталкѣ-Полтавкѣ. Кромѣ того, вся піеса отличается большой наивностью въ своемъ построеніи, чего нельзя отрицать и въ „Наталкѣ-Полтавкѣ", и большимъ запасомъ сантиментализма, особенно въ рѣчахъ самой героини. Но не смотря на это, какъ въ піесѣ Котляревскаго, такъ и здѣсь, всѣ дѣйствующія лица изображены реально; особенно типиченъ дѣдъ *Мартынъ*, а также прекрасенъ и *Крутій*—

типъ тогдашняго мелкаго подъячаго, очевидно написанный съ натуры. Даже *дьякъ* съ его славянской рѣчью обрисованъ живо и согласно съ дѣйствительностью, а не шаржированъ, какъ это часто бывало въ старинныхъ піесахъ.

Печатая теперь піесу „Любку" по рукописи, очевидно испорченной во многихъ мѣстахъ, мы желаемъ, во 1-хъ, сохранить для потомства одно изъ старинныхъ произведеній нашего украинскаго слова, а во 2-хъ, можетъ быть, вызвать къ опубликованію тѣ свѣдѣнія объ этой опереттѣ и авторѣ ея, которыя сохраняются пока еще въ памяти стариковъ въ нашей лѣвобережной Украинѣ и которыя могутъ пролить новый лучъ свѣта на наше, далеко еще неразъясненное, малорусское творчество въ первыя десятилѣтія заканчивающагося вѣка.

Ред

Рѣшенъ-ли проф. Т. Д. Флоринскимъ вопросъ о книжной малорусской рѣчи?

I.

Ровно годъ назадъ на страницахъ нашего журнала мы должны были отмѣтить въ статьѣ нашей „Книжная рѣчь у малороссовъ и русиновъ“ [1]) фактъ нѣсколько неосторожнаго отношенія со стороны проф. Т. Д. Флоринскаго къ вопросу о книжной рѣчи у малороссовъ и галичанъ, и особенно у послѣднихъ, благодаря тому, что мы не нашли въ критико-библіографическихъ замѣткахъ нашего ученаго слависта того чисто-академическаго пріема, на который мы вправѣ разсчитывать, когда беремъ въ руки ученое изданіе и читаемъ въ немъ строки, принадлежащія ученому профессору университета. [2]) Въ этой статьѣ нашей, мы главнымъ образомъ указываемъ на то, что вопроса о литературномъ языкѣ у даннаго народа нельзя рѣшить, стоя только на точкѣ зрѣнія филологической, т. е. опираясь на выводы науки языкознанія о томъ, представляетъ-ли рѣчь даннаго народа *языкъ*, или только *нарѣчіе*. Мы сказали тогда, что, во 1—хъ, вопросъ о *языкахъ* и *нарѣчіяхъ*, особенно въ примѣненіи къ такимъ боль-

---

[1]) Кіев. Стар. 1899 г. № 1, стр. 134—142.

[2]) Университ. Извѣст. 1898 г. № 11. Т. Д. Флоринскій. «Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію.»

шимъ группамъ, какъ русская семья языковъ, далеко еще не установленъ твердо въ самой наукѣ филологіи; во 2—хъ, что исторія жизни народовъ не очень-то считается съ установленной филологами теоріей языковъ и нарѣчій и создаетъ такіе литературные языки, какъ верхне-лужицкій и нижне-лужицкій, сербскій и словинскій, датскій и норвежскій, испанскій и португальскій, которые съ точки зрѣнія филолога могутъ быть признаны только *нарѣчіями*, и что поэтому, въ 3-хъ, вопросъ о правѣ народа на свою книжную рѣчь не можетъ быть рѣшенъ безъ справокъ съ науками соціальными. Исходя изъ этихъ положеній, мы, слѣдуя за проф. Т. Д. Флоринскимъ, обратились затѣмъ къ Галицкой, Буковинской и Угорской Руси, чтобы показать, минуя вопросъ о языкахъ и нарѣчіяхъ, насколько справедливы тѣ упреки ученаго профессора, которые дѣлались имъ по адресу австро-русскихъ ученыхъ, литераторовъ и публицистовъ за созданіе ими своей книжной рѣчи, и насколько осуществимы и даже основательны желанія нашего слависта видѣть тамъ русскій литературный языкъ примѣненнымъ къ ихъ культурной жизни. Эту мысль нашу, о невозможности примѣнить въ надлежащемъ видѣ книжную русскую рѣчь къ потребностямъ культурной жизни нашихъ ближайшихъ родичей въ Австріи, мы подробнѣе, опираясь на факты, развили въ другой нашей статьѣ „Ревнители русскаго языка въ Галиціи,“ [1]) гдѣ показали, что, при всемъ стараніи небольшого кружка лицъ въ Галиціи, изучающихъ русскій книжный языкъ, опыты самостоятельнаго писанія ихъ на этомъ языкѣ нужно признать очень неудачными, что̀ является вполнѣ естественнымъ, такъ-какъ исключительно книжное изученіе какого бы то ни было языка, безъ цѣлаго ряда необходимыхъ условій въ ежедневной жизни нашей, никогда не дастъ тѣхъ результатовъ, безъ которыхъ пользованіе языкомъ, не въ силу необходимости, а какъ своимъ роднымъ, будетъ только болѣзненнымъ коверканіемъ его. Опираясь на это, мы высказали положеніе, что единственно-правильный путь въ рѣшеніи австро-русами вопроса о книжномъ языкѣ есть тотъ, на который сту-

---

[1]) Кіевск. Стар. 1899 г., № 3, стр. 444—452.

пили они болѣе полустолѣтія назадъ, сначала довольно робко, а въ послѣднее время очень энергично, а именно—путь созданія и выработки своей книжной рѣчи, основанной на *своемъ родномъ фундаментѣ*.

Эти наши двѣ статьи вызвали цѣлый рядъ статей въ газ. „Кіевлянинъ", въ которыхъ не давалось по существу возраженій на вышеприведенныя наши положенія, а весь вопросъ сводился къ тому, что для галичанъ въ дѣлѣ созданія книжной рѣчи есть превосходный образчикъ—богатая русская литература, а они прибѣгаютъ къ какой-то *бѣдной малорусской*, при чемъ указано было, будто современная малорусская книжная рѣчь создается безъ всякихъ основъ, путемъ только выковыванія словъ и выраженій. Насколько основательны были эти замѣчанія, мы постарались указать въ нашей отвѣтной статьѣ „Подведемъ итоги" [1]).

Вотъ по какому поводу и при какихъ условіяхъ началась наша полемика по данному вопросу. Проф. Т. Д. Флоринскій долгое время прямого участія въ ней не принималъ, а за то выступили въ нѣсколькихъ изданіяхъ съ возраженіями противъ насъ люди, привыкшіе къ вопросамъ серьезнымъ относиться не съ тѣмъ объективнымъ спокойствіемъ, какого требуетъ самое дѣло, а съ наскоками, ничего общаго съ наукой не имѣющими, и тѣмъ лишній разъ доказали правдивость нашихъ словъ, сказанныхъ въ нашей первой статьѣ: „Вопросъ это, съ одной стороны, чисто научнаго свойства, и казалось-бы—можетъ быть предметомъ спокойнаго, академическаго разъясненія; съ другой-же стороны—слишкомъ жизненный, и вслѣдствіе этого переплетается постоянно съ тѣми теченіями жизни, которыя ничего общаго съ наукой не имѣютъ. А мы думаемъ, что при такихъ условіяхъ самый глубокій интересъ къ данному вопросу неминуемо влечетъ къ ослабленію способовъ рѣшенія его, даже и въ исключительно-научной перспективѣ". Лучшимъ подтвержденіемъ этого служитъ тотъ фактъ, который, параллельно съ этой полемикой, разыгрался совсѣмъ въ другомъ концѣ и въ которомъ принялъ посильное участіе и проф. Т. Д. Флоринскій, самъ

[1]) Кіев. Стар. 1899 г. № 8, стр. 265—276.

признавшій это печатно. Мы имѣемъ въ виду печальной памяти инцидентъ съ рефератами галицкихъ ученыхъ на XI-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ. Такъ-какъ, съ одной стороны, этотъ инцидентъ очень хорошо долженъ быть извѣстенъ читателямъ, а съ другой—слишкомъ ужъ онъ непріятенъ и тяжелъ для того, чтобы на немъ опять останавливаться, то мы его совершенно не коснемся, а упоминаемъ только потому, что онъ, между прочимъ, побудилъ проф. Т. Д. Флоринскаго взяться за перо и помѣстить въ газ. „Кіевлянинъ" рядъ обширныхъ статей, озаглавленныхъ „Нѣсколько словъ о малорусскомъ языкѣ (нарѣчіи) и новѣйшихъ попыткахъ усвоить ему роль органа науки и высшей образованности"[1]). Статьи эти, какъ принадлежащія перу ученаго слависта, уже по одному этому представляютъ интересъ, и умолчать о нихъ мы не имѣемъ права, а кромѣ того, въ нихъ довольно часто упоминается наше имя, чтó невольно заставляетъ и насъ опять побесѣдовать публично о вопросѣ, живо насъ интересующемъ. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ сдѣлаемъ это, что вполнѣ соглашаемся съ слѣдующими словами почтеннаго слависта; „правильное, наиболѣе близкое къ истинѣ рѣшеніе спорнаго вопроса во всемъ его объемѣ можетъ быть достигнуто только послѣ всесторонняго, спокойнаго и безпристрастнаго обсужденія его въ печати." Мы охотно готовы вѣрить искренности этихъ словъ, думая, что ученому профессору и не подобаетъ иначе относиться къ такимъ вопросамъ, и что тѣ мѣста въ его статьяхъ, которыя подаютъ иногда поводъ поставить знаки удивленія и подозрительнаго вопроса, есть ничто иное какъ lapsus linguae или calami.

Еще одно замѣчаніе. Такъ-какъ мы въ нашихъ статьяхъ вездѣ сторонились отъ вопроса о языкахъ и нарѣчіяхъ, считая что для даннаго спора это ровно никакого значенія не имѣетъ, а только можетъ запутывать его, то и теперь мы не будемъ его касаться, несмотря на то, что проф. Т. Д. Флоринскій много страницъ посвятилъ ему, какъ намъ кажется, для существа дѣла совершенно безплодно.

---

[1]) Кіевлянинъ, №№ 271, 272, 281, 287, 300, 304, 317, 318 331 и 332.

II.

Насколько намъ удалось понять схему разсужденій проф. Т. Д. Флоринскаго по вопросу о книжной малорусской рѣчи,—мы представляемъ себѣ ее въ слѣдующемъ видѣ: 1) вся русская семья представляетъ одну этническую единицу, раздѣляющуюся только на особи, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои этнографическія отличія; 2) эта общность русской семьи выражается и въ единомъ русскомъ языкѣ (конечно—воображаемомъ, а не дѣйствительномъ въ настоящее время), распадающемся на нарѣчія: великорусское, бѣлорусское, малорусское и *литературное русское*; [1]) 3) это литературное русское нарѣчіе создалось исторически, и въ него вошли и великорусское, и бѣлорусское, и малорусское нарѣчія; 4) въ виду этого нѣтъ надобности создавать особый литературный языкъ малорусскій; 5) нѣтъ нужды для Галицкой, Буковинской и Угорской Руси создавать свой малорусскій книжный языкъ, когда есть обще-русскій; 6) вотъ почему проф. Т. Д. Флоринскій считалъ себя въ правѣ протестовать не только методомъ научнаго спора, но и иными путями противъ *попытки пропаганды* научнаго *украинсько-руськаго* языка на XI археологическомъ съѣздѣ.

Объ этомъ послѣднемъ правѣ проф. Т. Д. Флоринскаго—повторяемъ—мы говорить не будемъ, т. к. это *право* касается вопросовъ этики, вопросовъ довольно щекотливыхъ. [2]) Относи-

---

[1]) Для того, чтобы не было недоразумѣній, приведемъ подлинныя слова автора: «подъ именемъ *русскаго языка* въ наукѣ разумѣется цѣлая группа близко родственныхъ діалектическихъ единицъ, которыя естественно назвать русскими нарѣчіями, а именно—нарѣчія великорусское, бѣлорусское, малорусское и книжное обще-русское. (Кіевл., № 272).

[2]) Тѣмъ съ большимъ основаніемъ мы умолчимъ объ этомъ фактѣ, что по поводу его совершенно опредѣленно высказались уже такіе два наши авторитетные журнала, какъ «Вѣстникъ Европы» (№ 11) и «Русская Мысль» (№ 12).

тельно-же всѣхъ первыхъ пунктовъ мы позволимъ себѣ побесѣдовать отдѣльно о каждомъ, но предварительно скажемъ два слова объ общей схемѣ. Повидимому, она очень логична, если не вдумываться въ детальное обоснованіе каждаго изъ отдѣльныхъ положеній. Это ясно станетъ, какъ только мы попробуемъ передвинуть эту схему нѣсколько выше, а именно: 1) вся славянская семья представляетъ тоже одну этническую единицу; 2) эта общность славянской семьи выражается и въ единомъ славянскомъ языкѣ (конечно—тоже воображаемомъ, а не дѣйствительномъ въ настоящее время, т. е. славянскомъ праязыкѣ, котораго не отрицаетъ и проф. Т. Д. Флоринскій), распадающемся на многія славянскія нарѣчія: русское, польское, чешское, болгарское и пр. Но вотъ тутъ-то и точка. Казалось-бы, дальше нужно признать неосновательность созданія отдѣльныхъ славянскихъ *книжныхъ нарѣчій*, а между тѣмъ тутъ и самый упорный представитель логической прямолинейности въ настоящее время спасуетъ, т. к. вопросъ о единомъ славянскомъ языкѣ можно считать брошеннымъ навсегда. А отчего? Это мы и постараемся выяснить, перейдя къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ пунктовъ въ статьяхъ проф. Т. Д. Флоринскаго.

III.

Спорить противъ того, что вся русская семья представляетъ изъ себя одну этническую особь, мы не станемъ, какъ—увѣрены въ томъ—не станетъ спорить никто противъ тѣхъ истинъ, которыя стали ходячими среди людей образованныхъ. Не возражалъ противъ этого и нашъ журналъ, а равнымъ образомъ и уважаемый сотрудникъ его К. П. Михальчукъ. Весь вопросъ только въ томъ, какъ и при какихъ условіяхъ распадается эта этническая особь на разныя этнографическія единицы. Дѣленіе русской семьи на три такихъ единицы—тоже общепризнанная истина: великорусская, малорусская и бѣлорусская группы русскаго народа есть три вѣтви одного дерева, изъ которыхъ каждая характеризуется, кромѣ многоразличныхъ бытовыхъ чертъ,

еще и своимъ языкомъ (нарѣчіемъ)—великорусскимъ, малорусскимъ и бѣлорусскимъ, т. е. языками, имѣющими совершенно опредѣленную свою этнографическую физіономію. Но вотъ чего мы не можемъ понять: какъ проф. Т. Д. Флоринскій не чувствуетъ нарушенія принципа логическаго дѣленія понятія, когда въ члены дѣленія вводитъ, сверхъ этихъ трехъ группъ, еще четвертую—*книжное обще-русское нарѣчіе*. Напомнимъ почтенному профессору основныя правила логическаго дѣленія, вошедшія во всѣ элементарные учебники логики: 1) при одномъ и томъ же дѣленіи необходимо примѣнить одно и то же основаніе дѣленія; въ противномъ случаѣ дѣленіе будетъ сбивчиво; 2) члены дѣленія, вмѣстѣ взятые, должны равняться объему дѣлимаго понятія. Если мы проанализируемъ дѣленіе, предлагаемое Т. Д. Флоринскимъ, то увидимъ, что *три нарѣчія*—великорусское, малорусское и бѣлорусское—являются членами дѣлимаго понятія (русскій языкъ) по одному принципу дѣленія—*по этнографическимъ языковымъ отличіямъ*, подобно тому, какъ дѣленіе русскихъ людей *по сословіямъ* даетъ въ результатѣ опредѣленныя сословныя группы: дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и пр; если мы возьмемъ сумму этихъ трехъ нарѣчій, то получимъ цѣлое дѣлимое понятіе — русскій языкъ, какъ равно—если возьмемъ сумму отдѣльныхъ сословныхъ единицъ, то получимъ цѣлое дѣлимое понятіе—русскіе люди. Но если бы мы попробовали сказать, что русскіе люди дѣлятся на дворянъ, купцовъ, мѣщанъ... и *богачей*, то сразу станетъ яснымъ, что здѣсь нарушено правило дѣленія введеніемъ въ члены его одной группы, выдѣляющейся совсѣмъ по другому основанію. Совершенно такой же логическій промахъ допускаетъ и проф. Т. Д. Флоринскій, вводя четвертый членъ дѣленія—*общерусскій книжный языкъ*, принадлежащій совсѣмъ къ иной категоріи. Въ чемъ-же однако здѣсь дѣло? Объяснимся.

Сложная этническая единица, распадающаяся на отдѣльныя вѣтви, какъ обще-этнографическія, такъ въ частности и языковыя, при извѣстныхъ политическихъ, общественныхъ и экономическихъ условіяхъ, можетъ создать постепеннымъ ходомъ развитія своей

культуры *единый для всѣхъ книжный языкъ*, разрабатывающійся при равномѣрномъ участіи въ созданіи своемъ всѣхъ отдѣльныхъ вѣтвей,—и тогда мы получимъ *искусственно созданный языкъ*, который никакъ не можетъ считаться *новымъ членомъ дѣленія* въ понятіи этой этнической единицы, т. к. каждый говорящій этимъ языкомъ не перестаетъ называться именемъ той этнографической вѣтви, къ которой онъ принадлежитъ. На томъ основаніи, напримѣръ, что создался обще-французскій книжный языкъ, не установилось названія, параллельно съ провансалецъ, *книжный французъ*, какъ представитель новой этнографической вѣтви; если-же и существуетъ вообще терминъ *французъ*, то какъ родовое понятіе, безотносительно къ книжному французскому языку. Но если мы сказали выше, что *можетъ создаться*, единый для всѣхъ группъ книжный языкъ, то изъ этого далеко еще не слѣдуетъ, что онъ *долженъ создаться*, такъ-какъ, при всей искусственности этого созданія, играютъ громадную роль тѣ условія, въ которыхъ живетъ каждая изъ отдѣльныхъ вѣтвей, благодаря чему мы видимъ, что наравнѣ съ *испанскимъ* создался *португальскій* книжный языкъ, наравнѣ съ *датскимъ* создался *норвежскій*, наравнѣ съ *сѣверно-русскимъ* въ XVI и XVII вѣкахъ создался *юго-западно-русскій*, да и теперь—наравнѣ съ *русскимъ книжнымъ* создался (преимущественно въ Галиціи) *малорусскій книжный языкъ*. Этотъ послѣдній, съ точки зрѣнія проф. Т. Д. Флоринскаго, можетъ быть и очень плохъ, но все-же онъ есть, а въ такомъ случаѣ нашъ ученый славистъ сдѣлалъ-бы меньшую логическую ошибку, если-бы прибавилъ еще и пятый членъ дѣленія—*книжный малорусскій языкъ*. Мы пока не говоримъ о томъ, на законномъ-ли основаніи это дѣлается, или нѣтъ, хорошо это или скверно, а говоримъ только, что фактъ такой существуетъ, а разъ онъ существуетъ, считаться съ нимъ нужно.

Этимъ мы и считаемъ возможнымъ покончить въ нашемъ спорѣ съ путанымъ вопросомъ о нарѣчіяхъ, такъ-какъ совсѣмъ другія стороны затронуты самимъ профессоромъ Т. Д. Флоринскимъ, а онѣ намъ кажутся болѣе существенными для дѣла. Пока что, выводъ нашъ таковъ: *единый русскій языкъ*

распадается *этнографически* на три нарѣчія (языка)—*великорусскій, малорусскій и бѣлорусскій*; жизнь въ этихъ трехъ вѣтвяхъ создала пока *два книжныхъ* языка—*русскій* и *малорусскій*. Надо теперь разсмотрѣть, какъ она ихъ создала.

IV.

Много мѣста удѣлено въ статьяхъ проф. Т. Д. Флоринскаго выясненію того, что такое *общерусскій литературный языкъ* и кикъ онъ образовался. Мы сразу отбросимъ всѣ тѣ строки, въ которыхъ очень воодушевленно авторъ трактуетъ о величіи этого языка, о его распространенности, о его извѣстности и уваженіи у величайшихъ культурныхъ народовъ Западной Европы, и пр. Отбросимъ мы ихъ не потому, что не раздѣляемъ мнѣнія автора, а именно потому, что считаемъ ихъ борьбой съ вѣтряными мельницами: никогда и никто не отрицалъ всего этого, а лично о себѣ мы можемъ сказать, что эти-же взгляды мы совершенно опредѣленно высказали въ нашихъ прошлыхъ статьяхъ, когда, между прочимъ, совѣтовали галичанамъ изучать блистательно разработанный русскими писателями книжный языкъ, чтѝ поможетъ имъ поставить и свою культурную рѣчь на надлежащую высоту. Правда, проф. Т. Д. Флоринскій нашелъ удобнымъ для себя заподозрить насъ въ искренности сказанныхъ нами словъ, но мы, оставляя на совѣсти ученаго профессора эту подозрительность, скажемъ опять, что совѣтъ такой идетъ у насъ отъ чистаго сердца, такъ-какъ мы убѣждены вообще въ пользѣ изученія галичанами русскаго книжнаго языка, главнымъ образомъ не въ видахъ усвоенія его себѣ, что мы считаемъ невозможнымъ, а съ цѣлью болѣе гармоничнаго развитія своей книжной рѣчи. Скажемъ болѣе того: настолько-же искренно желаемъ галичанамъ изучать русскій языкъ, насколько искренно посовѣтовали-бы и нашему ученому славису получше изучить малорусскій народный и книжный языкъ, чтобы не впадать въ тѣ ошибки, на которыя намъ придется указывать ему впереди.

Итакъ, споръ о достоинствахъ русскаго литературнаго языка мы считаемъ, по меньшей мѣрѣ, лишнимъ. Но признаніе этихъ достоинствъ совсѣмъ не ведетъ къ тому выводу, который категорически поставленъ проф. Т. Д. Флоринскимъ: „фактъ этническаго единства всѣхъ вѣтвей русскаго народа самъ по себѣ, независимо отъ политическихъ причинъ и обстоятельствъ, предполагаетъ единеніе всѣхъ ихъ въ одномъ общемъ литературномъ и образованномъ языкѣ". Мы понимаемъ, что можно высказывать желательность такого единенія, хотя и это вопросъ спорный, какъ мы сказали и въ прежнихъ нашихъ статьяхъ; но отъ желательности до возможности, при томъ при условіи полной естественности такого единства, остается громадный шагъ. Для того, чтобы эта желательность стала осуществимой, нужно имѣть три условія: 1) чтобы слишкомъ незначительны были какъ лексическія, такъ, главнымъ образомъ, фонетическія и морфологическія отличія въ языкахъ каждой этнографической единицы; 2) чтобы создаваемый единый книжный языкъ по возможности равномѣрно воспринималъ въ себя всѣ характерныя черты въ языкѣ каждой такой единицы; 3) чтобы всѣ формы государственной, общественной и домашней бытовой обстановки были приблизительно однородными, но не искусственно или даже насильно привитыми, а вполнѣ естественно, такъ-сказать по природѣ. Проф. Т. Д. Флоринскій кое-что изъ этихъ положеній пытается доказывать, но, какъ намъ кажется, методомъ далеко не научнымъ, а скорѣе—пріемомъ гостинныхъ разговоровъ. Къ чему, напримѣръ, ученому профессору понадобилось очень сжатое изложеніе тысячелѣтней исторіи въ развитіи русскаго языка, съ перечисленіемъ тѣхъ фактовъ, которые въ любомъ гимназическомъ учебникѣ можно найти гораздо болѣе разъясненными? А исключительно къ тому, чтобы на основѣ этихъ общихъ фразъ построить слѣдующій выводъ: „такимъ образомъ, современный русскій литературный и образованный языкъ *нужно считать* плодомъ многовѣковой культурной работы передовыхъ людей всего русскаго народа; онъ созданъ общими усиліями всѣхъ его вѣтвей и потому составляетъ для всѣхъ ихъ одинаково дра-

тоцѣнное достоинство“. А между тѣмъ то, что должно было-бы составить гвоздь въ разъясненіи вопроса о русскомъ литературномъ языкѣ для данного случая, обойдено у ученаго слависта слѣдующей фразой: „доказывать вѣрность этихъ положеній путемъ анализа самого литературнаго языка и въ частности опредѣлить удѣльный вѣсъ вошедшихъ въ него стихій, малорусской и бѣлорусской—едва-ли удобно въ настоящей статьѣ общаго характера“. Безспорно, мы соглашаемся съ проф. Т. Д. Флоринскимъ, что въ газетныхъ статьяхъ неудобно подымать такую тяжелую артилерію, какъ доказательство вышеназванныхъ пунктовъ, но, во 1-хъ, для ученаго слависта открыты тѣ научныя изданія, въ которыхъ удобнѣе вести споръ по подобнымъ вопросамъ, а во 2-хъ—безъ доказательства этихъ пунктовъ, ссылки даже на такой авторитетъ, какъ проф. В. И. Ламанскій, все-же не могутъ быть настолько убѣдительными, насколько убѣждаютъ насъ факты. Вотъ къ этимъ-то фактамъ мы и обратимся, исходя изъ трехъ положеній, поставленныхъ нами выше.

Можно-ли признать, что отличія лексическія, фонетическія и морфологическія въ малорусскомъ нарѣчіи сравнительно съ великорусскимъ слишкомъ незначительны для того, чтобы имъ удобно было сойтись въ единомъ книжномъ языкѣ? Напередъ оговариваемся, что сразу устраняемъ тотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, который такъ излюбленъ многими, и между прочимъ проф. Т. Д. Флоринскимъ, а именно: не смотря на многія существенныя отличія въ нихъ, все-же оба эти языка есть вѣтви одного *общаго русскаго языка*. Какъ видѣлъ уже читатель, мы этого не отрицаемъ, но вращаться въ этой только области —значитъ повторять сказку про бѣлаго бычка. Для насъ важно, что, при этой общности, существуетъ громадная масса отличій, и отличій существенныхъ, особенно въ фонетикѣ и морфологіи, а—повторяю еще одинъ разъ—на нихъ то и устанавливается основной камертонъ искусственно вырабатываемаго книжнаго языка. Лексика здѣсь не такъ важна, потому-что, при употребленіи одного и того-же слова въ двухъ языкахъ, основа его окажется совершенно тождественной, а фонетическія и морфо-

логическія частности разойдутся въ разныя стороны. Такъ напр: слово *горохъ* одинаково употребительно въ обоихъ нарѣчіяхъ, но въ великорусскомъ оно при склоненіи вездѣ сохранитъ гортанный звукъ *х—въ горохѣ*, въ малорусскомъ-же обратитъ этотъ гортанный *х* въ *с—въ гороси*; слово *рѣчка* даетъ тоже формы различныя: *въ рѣчкѣ*—великорус., *въ рични*—малорус.; на чемъ-же сойдутся эти двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга формы при созданіи единаго книжнаго языка? Естественно, что одна другой должна уступить; а будетъ-ли въ такомъ случаѣ равномѣрное сліяніе двухъ вѣтвей одного дерева въ искусственно созданномъ книжномъ языкѣ? Мы взяли для иллюстраціи одинъ мелкій фактъ; но вѣдь такихъ фактовъ сотни, и всѣ они хорошо извѣстны не только проф. Т. Д. Флоринскому, какъ ученому слависту, но всѣмъ маломальски знакомымъ съ особенностями русскихъ основныхъ нарѣчій. Перечислять ихъ здѣсь—значило-бы повторять весь курсъ науки русской филологіи, чего, конечно, мы не станемъ дѣлать. Если же проф. Т. Д. Флоринскій по поводу этихъ фактовъ найдетъ какой-нибудь естественный выходъ изъ затрудненія при созданіи единаго книжнаго языка, и мы увидимъ всю возможность осуществленія его, то охотно признаемъ теорію единаго книжнаго языка не только для русскихъ нарѣчій, но и для всѣхъ славянскихъ, а пожалуй даже и для всего человѣчества. Мы предвидимъ возраженіе, что всегда при созданіи единаго книжнаго языка одно изъ нарѣчій беретъ перевѣсъ надъ другими, какъ этого не отрицаетъ и проф. Т. Д. Флоринскій, говоря, что при созданіи русскаго книжнаго языка великорусская стихія возобладала; но мы спросимъ далѣе: если въ одномъ пунктѣ одно нарѣчіе уступило другому, въ другомъ, третьемъ и т. д. включительно до сотаго,—то въ результатѣ какой-же, значитъ, получится книжный языкъ? Мы могли-бы понять общность книжнаго языка, если-бы увидѣли, что одно нарѣчіе уступило другому въ одномъ пунктѣ, но за то получило уступку въ другомъ, и это пошло-бы во всѣхъ частяхъ равномѣрно,—тогда, дѣйствительно получился-бы *искусственный средній книжный языкъ*, да только этотъ языкъ сталъ-бы такимъ

разношерстнымъ, съ такимъ отсутствіемъ единой гармоніи, что все величіе и значеніе его стало-бы очень сомнительнымъ. Къ чести русскаго книжнаго языка нужно сказать, что онъ не пошелъ по этой разношерстной дорогѣ, а начиная съ конца прошлаго столѣтія все болѣе и болѣе стремится къ принятію единой своей физіономіи, понемногу устраняя изъ себя и цѣлый, громадный пока еще, запасъ варваризмовъ.

Разсмотримъ теперь второе изъ высказанныхъ нами положеній при созданіи единаго книжнаго языка, т. е. *создаваемый единый книжный языкъ долженъ по возможности равномѣрно воспринять въ себя всѣ характерныя черты изъ языковъ каждой отдѣльной единицы*. Что въ этомъ случаѣ представляетъ собой литературный русскій языкъ? Проф. Т. Д. Флоринскій, отвѣчая на этотъ вопросъ, ограничивается, какъ мы уже сказали, только указаніемъ тѣхъ общеизвѣстныхъ фактовъ, что, начиная съ Петровской эпохи, идетъ постепенное сліяніе двухъ книжныхъ русскихъ языковъ, называемыхъ имъ *восточно-русскимъ* и *западно-русскимъ*, въ одинъ обще-государственный русскій языкъ, поводомъ къ чему послужило политическое единеніе двухъ русскихъ областей при Алексѣѣ Михайловичѣ (этого факта забывать никакъ нельзя). Сліяніе это закончилось—говоритъ авторъ—тѣмъ, что „великорусское нарѣчіе (преимущественно московскій его говоръ) заняло первенствующее положеніе въ ново-русскомъ образованномъ языкѣ, опредѣливъ его типъ главнѣйше въ звуковомъ отношеніи". Но—прибавляетъ далѣе авторъ—„помимо основной великорусской стихіи, нашъ образованный языкъ принялъ въ себя не мало стихій изъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ". Вмѣсто указанія дѣйствительныхъ фактовъ этого воспринятія, проф. Т. Д. Флоринскій далѣе приводитъ имена тѣхъ ученыхъ и поэтовъ, которые, будучи лицами южнорусскаго происхожденія, писали на этомъ новообразовывавшемся языкѣ. И вотъ это послѣднее, какъ уже нами подчеркнуто выше, даетъ ему право сказать: „такимъ образомъ, современный русскій литературный и образованный языкъ нужно считать плодомъ многовѣковой культурной работы передовыхъ людей всего русскаго народа".

Но бросимъ, многоуважаемый профессоръ, говорить избитыми гостинными фразами, а поговоримъ лучше фактами!

Много лѣтъ тому назадъ одна личность, занимавшая высокое административное положеніе, обратилась лично къ намъ съ такимъ вопросомъ: „вѣдь не правда-ли, современный русскій литературный языкъ заключаетъ въ себѣ элементы всѣхъ русскихъ нарѣчій, и въ него вошли въ большомъ количествѣ и особенности малорусскія?". На такой вопросъ обыкновенно ограничиваются отвѣтомъ, ровно ничего не означающимъ: „да, конечно! вѣдь и Гоголь, и Гнѣдичъ, и Гребенка принимали участіе въ созданіи русской литературы!" Къ счастію, особа, о которой мы говоримъ, немедленно, не ожидая нашего отвѣта, предложила намъ дальнѣйшій вопросъ: „не можете-ли указать какихъ-нибудь примѣровъ малорусской стихіи въ русскомъ книжномъ языкѣ?" Вопросъ этотъ, поставленный такъ опредѣленно, не далъ намъ возможности отдѣлаться общефразіемъ, и мы принуждены были поискать иного отвѣта. Вотъ онъ: если большая рѣка принимаетъ въ себя воды своихъ притоковъ, то непремѣнно въ составѣ ея воды есть элементы приточные, которые, путемъ тщательнаго анализа, пожалуй можно и отыскать; но книжная русская рѣчь до такой степени поглотила въ себѣ особенности частныхъ малорусскихъ элементовъ, что мы отказываемся отыскать, что именно малорусское, кромѣ участія талантливыхъ писателей изъ малороссовъ въ созданіи литературнаго направленія, сохраняется въ теперешней русской рѣчи. Позвольте-же, многоуважаемый профессоръ, и намъ теперь предложить такой-же точно вопросъ, разбивши его для удобства отвѣта по частямъ: 1) какія фонетическія черты малорусской рѣчи отразились въ книжномъ русскомъ языкѣ, и въ какой степени? 2) какія морфологическія черты этой рѣчи имѣются тамъ? 3) много-ли спеціальныхъ малорусскихъ словъ вошло въ составъ книжнаго русскаго языка? Мы утверждаемъ, что все характерное въ малорусской фонетикѣ, морфологіи и лексикѣ отсутствуетъ въ книжномъ русскомъ языкѣ—и прибавимъ даже, что это совершилось къ несомнѣнной пользѣ для русской лите-

ратурной рѣчи. Что-же касается участія талантливыхъ писателей изъ малороссовъ въ русской литературѣ, то фактъ этотъ, какъ отлично долженъ знать проф. Т. Д. Флоринскій, ничего общаго не имѣетъ съ созданіемъ книжнаго языка: вѣдь всѣ эти лица проходили государственную школу, въ которой изучали обще-государственный языкъ, при чемъ эта школа стремилась всѣми средствами уничтожить въ ихъ говорѣ мѣстныя черты малорусской рѣчи; и вотъ, будучи отъ природы талантами, съ запасомъ русской книжной рѣчи, они пошли далѣе по пути творчества литературнаго, иногда даже на свои родныя темы, но исключительно на языкѣ не своемъ, а обще-государственномъ. Какъ все это происходило еще въ 18-мъ вѣкѣ, проф. Т. Д. Флоринскому должно быть извѣстно; если-же онъ позабылъ дѣйствительную картину постепенной утраты малороссами-писателями своей малорусской рѣчи, то пусть онъ прочтетъ печатаемыя теперь въ нашемъ журналѣ статьи П. И. Житецкаго подъ заглавіемъ „Энеида И. П. Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея“, особенно-же главы, помѣщенныя въ №№ 11 и 12 минувшаго года.

Если даже при вышеуказанныхъ условіяхъ создается книжный языкъ съ исключительнымъ перевѣсомъ одной изъ языковыхъ группъ, но остальныя группы входятъ вмѣстѣ съ ней въ составъ одного государства, то мы совершенно понимаемъ тенденцію существованія одного общаго государственнаго языка, которому рѣшительно ничѣмъ не можетъ вредить существованіе и отдѣльныхъ книжныхъ языковъ, тѣмъ болѣе, когда они имѣютъ свою многовѣковую традицію. Такіе языки, удовлетворяя нуждамъ частнымъ для каждой отдѣльной этнографической особи, нисколько не уничтожаютъ возможности знанія и языка государственнаго, для чего свою службу должна сослужить правильно организованная школа. Впрочемъ, этого вопроса мы не будемъ разсматривать въ подробностяхъ, такъ-какъ онъ не вызывается сущностью нашей полемики съ проф. Т. Д. Флоринскимъ, а оставляемъ за собой право поговорить о немъ отдѣльно, преимущественно въ связи съ школьнымъ дѣломъ. Для насъ теперь

важно указать на этотъ пунктъ для того, чтобы естественнымъ явился переходъ къ третьему изъ высказанныхъ нами положеній относительно созданія единаго книжнаго языка, а именно: *всѣ формы государственной, общественной и домашней-бытовой жизни должны быть приблизительно однородными.* Но раньше чѣмъ перейти къ этому третьему пункту, мы должны еще сказать нѣсколько словъ по поводу замѣчаній проф. Т. Д. Флоринскаго, направленныхъ противъ участниковъ въ создаваніи книжнаго малорусскаго языка и лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу вообще, а въ частности противъ насъ лично.

Проф. Т. Д. Флоринскому для его цѣлей понадобилось (см. № 287) разобрать въ частности вопросъ о малорусской литературѣ прежде и теперь, при чемъ онъ указываетъ, что прежде эта литература играла только роль *подлитературы* русскаго языка, а въ послѣднее время стремится „усвоить себѣ роль органа науки и высшей образованности для всего двадцатимилліоннаго малорусскаго или южно-русскаго народа“. Послѣ этого въ статьѣ идетъ цѣлый перечень того, что, по мнѣнію нашего ученаго профессора, нужно признать чуть-ли не криминаломъ, какъ-то: „поборники этой литературы стремятся сдѣлать малорусскій языкъ языкомъ преподавательскимъ не только въ низшей, но даже въ средней и высшей школахъ; собираются деньги и предпринимаются другія хлопоты для основанія малорусскаго университета, въ которомъ всѣ науки должны преподаваться на этомъ-же языкѣ; еще энергичнѣе ведутся приготовленія по открытію украинсько-руськой академіи наукъ; на малорусскомъ языкѣ пишутся и издаются сочиненія по исторіи и этнографіи, медицинѣ, математикѣ, естествознанію и другимъ наукамъ; развивается и малорусская публицистика“, и пр., и пр. Мы не сомнѣваемся ни одной минуты въ томъ, что весь этотъ перечень сталъ извѣстенъ проф. Т. Д. Флоринскому, также какъ и намъ самимъ, изъ печатныхъ источниковъ и касается исключительно Галиціи, Угорщины и Буковины. Можно, конечно, быть различныхъ воззрѣній на эти явленія въ австро-русской жизни: можно быть и сторонникомъ ихъ, и противникомъ—это дѣло

убѣжденій. Проф. Т. Д. Флоринскій, исходя изъ своего, какъ мы старались доказать—ложнаго, положенія объ общерусскомъ языкѣ, сконцентрировавшемъ будто-бы въ себѣ всѣ русскія нарѣчія, настаиваетъ на томъ, что всѣ эти стремленія галичанъ къ созданію своего книжнаго языка не только не необходимы, но прямо таки вредны, величая въ этомъ случаѣ галицкихъ народниковъ за что-то *сепаратистами* (отъ кого? отъ чего?); мы-же, опираясь на указанныя нами раньше сужденія о русскомъ литературномъ языкѣ и будучи убѣжденными въ невозможности примѣненія его къ галицкой жизни, отъ души радуемся, видя эту работу галичанъ, и тоже готовы ихъ назвать сепаратистами, но только примѣняя это слово болѣе логично, чѣмъ нашъ ученый славистъ, а именно—мы считаемъ ихъ сепаратистами отъ польскаго режима въ Галиціи, нѣмецкаго и румынскаго—въ Буковинѣ, и мадьярскаго—въ Угорщинѣ, режима, несомнѣнно могущаго оказать самое пагубное дѣйствіе на рѣшеніе тамъ русскаго національнаго вопроса. Отчего мы такъ думаемъ, мы постараемся разъяснить въ слѣдующей главѣ.

V.

Прекрасно въ общихъ чертахъ разсказано проф. Т. Д. Флоринскимъ положеніе малорусскаго населенія въ Австріи въ трехъ областяхъ—въ Галиціи, Угорской Руси и Буковинѣ (см. № 300), изъ чего видно, какая существуетъ въ этихъ областяхъ настоятельная надобность въ политикѣ борьбы за сохраненіе своихъ національныхъ правъ отъ притязаній сосѣдей, болѣе сильныхъ и численно, и по своему экономическому положенію. Прекрасный выводъ дѣлаетъ авторъ изъ этихъ нарисованныхъ имъ картинъ въ слѣдующихъ словахъ: „при такомъ положеніи дѣла, литературное единеніе Галицкой, Буковинской и Угорской Руси, какъ важнѣйшее средство защиты малорусской народности противъ господства чужеземныхъ началъ, должно опираться на возможно болѣе прочныхъ основаніяхъ, на хорошо выработанномъ, богатомъ литературномъ и образованномъ языкѣ, который съ

полнымъ правомъ можно было-бы противопоставить иноземнымъ образованнымъ языкамъ, заявляющимъ притязаніе на господство на территоріи малорусскаго народа". Только остается подписаться подъ этими строками и начать искать такого книжнаго языка, который, съ одной стороны, удовлетворялъ-бы этимъ требованіямъ по своей качественности, а съ другой — былъ-бы дѣйствительно возможнымъ въ примѣненіи къ дѣлу. Въ прежнихъ нашихъ статьяхъ мы доказывали фактами, что русскій книжный языкъ въ этомъ случаѣ сыграть такой роли въ Австріи не можетъ, благодаря многимъ причинамъ, повторять которыхъ мы не будемъ, а потому весьма естественно австро-руссы задались мыслію создать свой книжный языкъ, каковая работа и ведется ими нѣсколько десятковъ лѣтъ, и ведется—скажемъ мимоходомъ — хотя въ общемъ и успѣшно, но еще далеко не удовлетворительно.

Проф. Т. Д. Флоринскій находитъ, что, во 1-хъ, эти три русско-австрійскія области имѣютъ всѣ данныя для того, чтобы воспользоваться книжнымъ русскимъ языкомъ, а во 2-хъ— въ разработкѣ своего книжнаго малорусскаго языка совсѣмъ не нуждаются, и если дѣлаютъ это, то дѣлаютъ плохо. Пойдемъ вслѣдъ за проф. Т. Д. Флоринскимъ и разсмотримъ каждый изъ этихъ пунктовъ отдѣльно.

Совершенно вѣрно авторъ указываетъ на то, что въ Австріи есть двѣ партіи, изъ которыхъ одна держится народнаго направленія во всѣхъ вопросахъ тамошней жизни, а между прочимъ и въ вопросѣ о разработкѣ книжнаго языка, почему и называется *народовской партіей*, а другая стоитъ за обще-русскій языкъ и называется *старо-русской или москалефильской.* Далѣе авторъ указываетъ, что эта послѣдняя партія имѣетъ и свои газеты и журналы, и свои учрежденія, и своихъ ученыхъ, и поэтовъ, и публицистовъ; называетъ онъ даже имена ихъ. Рядомъ съ этимъ онъ не умалчиваетъ и о томъ, что народовская партія также представлена довольно сильно, какъ въ учрежденіяхъ, такъ и въ наукѣ и литературѣ. Взвѣшивая силы этихъ обѣихъ партій, проф. Т. Д. Флоринскій признаетъ, что народовская партія сильнѣе старорусской, но объясняетъ это тѣмъ,

что „она стоитъ близко къ правительству и господствующей въ Галичинѣ польской партіи“—что „она бойчѣе и исправнѣе ведетъ свои изданія, получая для многихъ изъ нихъ поддержку отъ сейма и правительства и частью изъ нашей Украины“. По поводу-же старо-русской партіи имъ высказываются очень лирическія слова, въ которыхъ отмѣчаются великія заслуги ея, и говорится, что „въ своей дѣятельности она не получаетъ ни откуда помощи и предоставлена своимъ собственнымъ силамъ“. Относительно матеріальныхъ средствъ обѣихъ партій мы скажемъ, что не наше дѣло рыться въ чужихъ карманахъ; можетъ-быть, проф. Т. Д. Флоринскому не только изъ печатныхъ источниковъ извѣстны многіе факты, но мы пользуемся исключительно тѣмъ, что опубликовано, и думаемъ, что для споровъ о научныхъ сюжетахъ едва-ли и прилично прибѣгать къ другимъ матеріаламъ. Что-же касается нравственнаго достоинства обѣихъ партій, то мы останавливаться на этомъ пунктѣ, подобно проф. Т. Д. Флоринскому, не будемъ, такъ-какъ наша задача проще: разсмотрѣть качественность двухъ книжныхъ языковъ, примѣняемыхъ въ своей дѣятельности каждой изъ этихъ партій.

Къ сожалѣнію, проф. Т. Д. Флоринскій не попробовалъ сдѣлать анализа того языка, на которомъ пишутъ представители старо-русской партіи, а ограничился только такими фразами: „языкъ этотъ, правда, не такой чистый, какимъ онъ является въ нашей литературѣ, употребляется какъ частью образованнаго малорусскаго общества, такъ и въ мѣстной печати“; далѣе: „допускаемыя малорусскими писателями Галичины, Буковины и Угорской Руси нѣкоторыя отступленія отъ нашего литературнаго языка, выражающіяся въ употребленіи нѣкоторыхъ областныхъ словъ и формъ, нисколько не мѣняютъ основного фона усвоеннаго ими общерусскаго языка и нисколько не умаляютъ значенія трудовъ на этомъ языкѣ.“ Вотъ и все. Но за то ученый славистъ подробно попробовалъ остановиться на анализѣ языка народовской партіи, и какъ онъ это сдѣлалъ—увидимъ дальше. Видя такой неравномѣрный пріемъ въ научномъ спорѣ со стороны проф. Т. Д. Флоринскаго, мы съ особеннымъ удивленіемъ читаемъ у него слѣ-

дующія строки: „ученые публицисты „Кіевской Старины“, разбирая вопросъ о литературномъ языкѣ въ Галичинѣ, почему-то совсѣмъ умалчиваютъ о галицкомъ литературномъ спорѣ и довольствуются нѣсколькими язвительными замѣчаніями по адресу сторонниковъ обще-русскаго языка; но такое отношеніе ихъ къ дѣлу лишаетъ ихъ изложеніе той объективности и безпристрастія, которыхъ въ правѣ можно было-бы ожидать отъ академическаго обсужденія важнаго вопроса на страницахъ ученаго изданія“. По этому поводу только и можемъ воскликнуть: „врачу, исцѣлися самъ!“ Вѣдь мы, какъ было сказано въ началѣ, посвятили цѣлую статью анализу, правда краткому, языка самыхъ отборныхъ и умѣлыхъ представителей этой партіи, [1]) а теперь, такъ-какъ къ этому вынуждаетъ насъ содержаніе нашего спора, мы обратимся къ краткому анализу рѣчи и другихъ писателей изъ этой-же партіи.

Чтобы дать оцѣнку такъ называемому русскому книжному языку у галицкихъ писателей, мы имѣемъ возможность взять за единицу сравненія блистательно разработанный русскими писателями въ Россіи литературный языкъ, чѣмъ значительно облегчается наша задача. Въ упомянутой нашей статьѣ „Ревнители русскаго языка въ Галиціи“ мы указали цѣлый рядъ фактовъ коверканія русскаго литературнаго языка въ галицкомъ журналѣ „Живое Слово“, и при этомъ сказали, что если-бы даже этого уродованія въ журналѣ не было, то все-же мы считали-бы вопросъ о возможности распространенія русскаго литературнаго языка среди галичанъ немыслимымъ, т. к. какой-нибудь десятокъ-другой лицъ, успѣвшихъ изучить хорошо русскій языкъ, ровно ничего не доказываетъ въ этомъ случаѣ; а мы знаемъ, что лучшій по языку органъ старо-русской партіи „Живое Слово“ никакого распространенія въ Галиціи не имѣетъ, да и сомнительно—выходитъ-ли онъ теперь, т. к. получили только 6 книгъ его, а о дальнѣйшихъ что-то не слышно. Но

[1]) Ревнители русскаго языка въ Галиціи, «Кіев. Ст.», № 3-й 1899 г.

не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что лучше всего познается степень обладанія даннымъ языкомъ на опытахъ поэзіи: если говорить о томъ, чтобы въ Галиціи книжнымъ языкомъ сталъ русскій литературный, то надо справиться съ тѣмъ, насколько галицкіе писатели въ силахъ сохранить художественность въ стилѣ, безъ чего все прочее прахомъ разлетится, такъ-какъ сформируется суконная рѣчь, при которой не ждите ни Пушкиныхъ, ни Лермонтовыхъ, ни Гоголей, ни Тургеневыхъ. Проф. Т. Д. Флоринскій потрудился назвать нѣсколько именъ видныхъ дѣятелей старо-русской партіи; мы и спросимъ его, кто-же изъ нихъ есть выразитель художественнаго творчества на обще-русскомъ языкѣ? Въ отвѣтъ получимъ, конечно, имя Богдана Дѣдицкаго. Извольте; вотъ образчикъ его поэзіи „Буй-туръ Всеволодъ. Повѣсть основана на тлѣ историческомъ“:

Былъ князь на Руси хоробрый, славный,
Въ Курску имѣлъ онъ престолъ державный;
Въ книгахъ писался онъ Всеволодомъ,
Но слылъ иначе межи народомъ:
Бо що былъ грозный, буйный якъ звѣрь
И борецъ крѣпкій на цѣлый міръ,
Въ войнахъ за Русь всю стоялъ ей муромъ,—
Люди назвали его Буй-Туромъ“.

Кажется, довольно! Если-бы это писано было въ прошломъ столѣтіи, то и въ такомъ случаѣ это былъ-бы языкъ отсталый, даже хуже Тредьяковскаго; но писать такъ въ 60-хъ годахъ 19-го вѣка, послѣ Пушкина и Лермонтова, и называть это русскимъ языкомъ—это значитъ, многоуважаемый профессоръ, не уважать русскаго языка!

Назвалъ намъ еще проф. Т. Д. Флоринскій Николая Устіановича, какъ поэта; процитируемъ и изъ его произведенія „Ужасъ на Руси“:

Ой зле, сусѣде! горе намъ, горе!
Солнце за три дни въ кровавомъ мори

Бродитъ съ полудня, а въ дворцу луны
Слѣдно отъ давна могилы три.
То гонцы лиха,—ой зле, сусѣды!
Спадутъ на землю ужасны бѣды;
Ой бѣды, бѣды спадутъ на мiръ,
Князямъ готуесь кровавый пиръ.

Тоже, должно быть, достаточно!

Упомянутъ еще и Іоаннъ Гушалевичъ; вотъ начальныя строки его думы „Сонъ князя Льва“:

Въ Галичѣ-градѣ при княжихъ палатахъ
Замолкли гусли,—все вокругъ молчитъ,
Лишь стары вербы шепчутся на чатахъ,
Скоро въ ихъ листяхъ вѣтрецъ зашумитъ.
Куда-жъ подѣлась вѣрная дружина
И конь вороный, и другъ-соколъ быстръ?
Чи ихъ позвала на помочь родина,
Чи князь повелъ ихъ въ новый бой за Днѣстръ?

Право, поэзіи уже довольно! Попробуемъ лучше посмотрѣть, какова рѣчь у представителей науки, названныхъ проф. Т. Д. Флоринскимъ. Начнемъ съ Адольфа Добрянскаго, доблестнаго защитника правъ угро-русской народности, какъ характеризуетъ его авторъ, и приведемъ начальныя строки изъ его научной статьи „Короткіи записки историческіи о мѣстѣ Самборѣ“:

„Именемъ Самбôръ звалося первоначально нынѣшное „Старое Мѣсто“, лежащое на лѣвôмъ березѣ Днѣстра у самого подножія гôръ Карпатскихъ. Назву тую „Самбôръ“ получило мѣсто ôтъ неизмѣримыхъ лѣсôвъ, якіи ту въ старинѣ всю окрестность покрывали, и якіи и нынѣ еще, хотя не въ такôмъ уже розмѣрѣ, всюда въ тѣхъ сторонахъ видѣти можно“.

А вотъ выдержка и изъ статьи того самаго историка Антонія Петрушевича, котораго называетъ среди другихъ проф. Т. Д. Флоринскій и о которомъ анекдотъ со словъ газ. „Русланъ“ переданъ въ настоящей книжкѣ журнала (см. Текущія извѣстія),

какъ онъ признавался самъ, что пишетъ *прарусскимъ языкомъ*. Посмотримъ образчикъ этого по истинѣ прарусскаго языка:

„Передъ нѣсколькими годами, посѣтилъ я обитель чину Св. Василія въ Подгорцяхъ, Золочевскаго округа, осматривалъ достопамятности монастырскія, особенно же церковныя книги древной печати въ тамошной библіотецѣ".

Вотъ этотъ языкъ мы готовы признать среднимъ между русскими нарѣчіями, но едва-ли на немъ помирится проф. Т. Д. Флоринскій, т. к. мы не сомнѣваемся въ присутствіи у него чутья художественности рѣчи. Если-же онъ взялъ подъ свою опеку языкъ только-что приведенныхъ писателей, то это можно объяснить или тѣмъ, что онъ, подъ вліяніемъ тенденціи, готовъ заглушить въ себѣ чувство справедливости, или-же тѣмъ, что не потрудился ознакомиться хоть немножко съ характеромъ писанія этихъ образцовыхъ старо-руссовъ. Но такъ-какъ последняго мы не имѣемъ права предполагать у ученаго слависта, то остается признать первое.

Пусть не подумаетъ читатель, что мы нарочно выбрали для цитатъ мѣста изъ неудачниковъ-писателей; смѣемъ увѣрить, что взяли тѣ имена, которыя названы были проф. Т. Д. Флоринскимъ. Все эти люди старые, а иныхъ уже нѣтъ и на свѣтѣ; что-же касается новыхъ, то повторяться не будемъ, а отсылаемъ читателя къ нашей статьѣ „Ревнители русскаго языка въ Галиціи", гдѣ онъ увидитъ не меньшіе языковые перлы.

Пусть теперь сколько хочетъ увѣряетъ всѣхъ проф. Т. Д. Флоринскій, что русскій литературный языкъ вполнѣ возможенъ въ Галиціи, что для него тамъ почва есть (а этому доказательству, или лучше сказать—этой лирикѣ, у него посвящена цѣлая статья въ № 304),—все же мы думаемъ, что безпристрастный читатель, по меньшей мѣрѣ, усомнится въ этомъ. Всю бѣду неуспѣшности распространенія книжнаго русскаго языка въ Галиціи нашъ ученый профессоръ видитъ въ фактѣ разростанія тамъ другого книжнаго языка—малорусскаго, представителями котораго являются лица изъ народовской партіи. Къ этому-то языку мы теперь и обратимся.

VI.

Проф. Т. Д. Флоринскій, посвятившій разсужденіямъ объ этомъ языкѣ большую главу (см. №№ 317 и 318), очень долго останавливается на томъ, какую роль играетъ въ этомъ дѣлѣ „Товариство імени Шевченка“ и въ частности одинъ изъ видныхъ представителей его, проф. М. Грушевскій. Опять много лирическихъ отступленій встрѣчаемъ мы здѣсь, особенно брошенныхъ по адресу М. Грушевскаго, много соболѣзнованій о его совращенности съ пути истины, но мы останавливаться на этомъ не будемъ, такъ-какъ не наша обязанность брать подъ свою защиту уважаемаго профессора Львовскаго университета, тѣмъ болѣе, что едва-ли онъ въ этой защитѣ нуждается. Можемъ только сказать проф. Т. Д. Флоринскому по поводу его „душевной горечи и обиды“, что если проф. М. Грушевскій такъ поступаетъ, то, конечно, будучи убѣжденнымъ въ истинѣ своего пути; мало-ли мы видимъ случаевъ, когда невольно является въ душѣ горечь и обида, при сознаніи, что иной ученый пошелъ не по надлежащему пути, подобающему для ученаго, но вѣримъ, что сдѣлано это имъ согласно съ его убѣжденіями, и примиряемся съ необходимостью,—такова ужъ сила убѣжденій! Но бросимъ эти лирическія отступленія и обратимся къ дѣлу.

Находитъ проф. Т. Д. Флоринскій, что дѣятельность, научная и литературная, народовской партіи вообще, а въ частности „Товариства имени Шевченка“, мало пока еще результатна. Пусть такъ! но вѣдь все познается сравненіемъ, а если сравнить продуктивность работы народовской и старо-русской партій, то и самъ проф. Т. Д. Флоринскій призналъ, что первая сильнѣе второй, а мы прибавимъ—неизмѣримо сильнѣе, т. к. сами имена и въ наукѣ, и въ беллетристикѣ, и въ публицистикѣ есть лучшіе свидѣтели этого. Пусть нашъ ученый славистъ покажетъ намъ въ старо-русской партіи кого-нибудь равнаго по силѣ научнаго таланта И. Франку, М. Грушевскому, А. Колессѣ, Смаль-Стоцкому, Коцовскому и пр.; пусть въ области беллетристики укажетъ намъ имена, равносильныя съ тѣмъ-же И. Франкомъ,

Н. Кобринской, О. Кобылянской; пусть отмѣтитъ намъ хоть одно изданіе, сколько-нибудь приближающееся къ „Запискамъ Наукового Товариства імени Шевченка“ или къ „Галицкому Літературно-Науковому Вістнику“,—и тогда мы поведемъ споръ дальше, а теперь пока обратимся къ главному пункту—къ разсмотрѣнію тѣхъ недостатковъ, которые отмѣчаются проф. Т. Д. Флоринскимъ въ книжномъ малорусскомъ языкѣ народовцевъ. Для оцѣнки этого языка нужно тоже имѣть единицу сравненія, подобно тому, какъ мы имѣли ее для языка старо-русской партіи. Тутъ, къ сожалѣнію, такой опредѣленной готовой единицы нѣтъ, какъ и не бываетъ ея для отдѣльныхъ самостоятельно формируемыхъ языковъ. Въ статьѣ нашей „Подведемъ итоги“ мы высказали мысль, что нельзя при оцѣнкѣ чужого языка руководствоваться той мѣркой чутья языка, какая сложилась для своей родной рѣчи; не повторяя теперь всего сказаннаго нами раньше, мы сошлемся еще на прекрасную статью Д. Мордовцева „Нѣтъ, не оставляютъ“ въ „С.-Петербургск. Вѣдомост.“ (№ 330), гдѣ авторъ отмѣтилъ ту слабость людскую, благодаря которой каждый чужой языкъ можно назвать отвратительнымъ. Поэтому, скажемъ мы, мѣрку для оцѣнки чужого языка нужно искать въ знаніи той основы, на которой онъ создается, и въ провѣркѣ того, насколько вновь создаваемое не отклоняется отъ первоисточника. Мы сказали уже въ прежнихъ статьяхъ, что много находимъ неудовлетворяющаго насъ въ галицкомъ книжномъ языкѣ, и потому не удивились-бы, если-бы и проф. Т. Д. Флоринскій, какъ ученый славистъ, указалъ цѣлый рядъ такихъ недостатковъ, конечно, для пользы самихъ галичанъ. Но увы! мы въ статьѣ его увидѣли это осужденіе галицкаго языка, только съ такими для насъ неожиданностями, какихъ никакъ ужъ не ожидали отъ ученаго профессора-слависта.

Начнемъ съ того, что проф. Т. Д. Флоринскій возмущается противъ способа фонетическаго правописанія, установленнаго народовской партіей въ послѣднее время, и вмѣсто того, чтобы объяснить этотъ методъ правописанія естественнымъ желаніемъ приблизить графику къ произношенію, ищетъ какихъ-то злоумы-

шленныхъ тенденцій со стороны партіи. Но любопытнѣе всего тѣ примѣры, которые приводятся ученымъ славистомъ. Онъ говоритъ: „сущность фонетическаго правописанія состоитъ въ томъ, что слова пишутся такъ, какъ произносятся, напр.: общерусск. *входъ, отецъ, звѣзды, конь* передаются по малорусски фонетическимъ правописаніемъ слѣдующимъ образомъ: *вхід, вітець*, (?), *звізди, кінь;* слѣдовательно получается внѣшнее несходство между одинаковыми обще-русскими и украинсько-руськими словами". Во 1-хъ, что значитъ *обще-русскія* слова, когда, какъ ни напишите ихъ, а разница въ произношеніи все таки будетъ: *входъ—вхôдъ* (старо-русск. правописаніе или Максимовичевское)—*вхидъ* (какъ установлено писать въ Россіи)—*вхід* (какъ принято народовцами). Если мы знаемъ, что старо-русская партія дѣлаетъ изъ *фонетики* чуть-ли не кардинальный вопросъ и готова чуть-ли не *во криминалъ* тащить своихъ противниковъ, то имъ и Богъ проститъ, но ученому слависту, знакомому съ славянскими правописаніями во всѣхъ славянскихъ литературахъ, едва-ли подобаетъ тоже дѣлать изъ этого вопросъ. Во 2-хъ, не подобаетъ ученому слависту смѣшивать формы косвенныхъ падежей въ словѣ *отецъ* съ именит. падежемъ; онъ производитъ этотъ именит. падежъ *вітець*, каковаго слова нѣтъ и въ словарѣ Желеховскаго, а есть слово *отець*, которое, на основаніи фонетическихъ законовъ малорусской рѣчи, въ косвенныхъ падежахъ и въ производныхъ словахъ можетъ обратиться въ *вітця, вітцю, вітчина*, и пр., такъ точно, какъ отъ именит. падежа *вівця* получится родит. пад. множ. числа не *вівець*, а *овець*. Напомнимъ ученому слависту теорію секундарнаго *і* изъ *о* и *е* въ зависимости отъ положенія его въ данномъ словѣ (*кінь—коня*, но не *кіня*). Мы знаемъ, впрочемъ, что въ говорахъ можно встрѣтить и форму *вітéць*, но думаемъ, что въ „Запискахъ Наукового Товариства", которыя главнымъ образомъ цитируются проф. Т. Д. Флоринскимъ, этой формы нѣтъ.

Попечалуемся и мы вмѣстѣ съ проф. Т. Д. Флоринскимъ о томъ, что до сихъ поръ ни галицкая, ни наша малорусская жизнь не дали такого большого таланта, какъ Пушкинъ, который

опредѣлилъ-бы общій характеръ литературнаго языка, благодаря чему нѣтъ еще установленнаго вполнѣ типа книжной малорусской рѣчи. Попечалуемся и о томъ, что въ галицкомъ книжномъ языкѣ много чужихъ словъ, преимущественно польскихъ, берется для выраженія понятій, отсутствующихъ въ народномъ языкѣ; но въ тоже время не можемъ не поискать иного объясненія этому факту, сравнительно съ проф. Т. Д. Флоринскимъ: онъ видитъ въ этомъ какое-то злоумышленіе, а мы видимъ естественное вліяніе польской культуры въ Галиціи, подобно тому, какъ видѣли вліяніе французской и нѣмецкой культуры въ образованіи книжнаго русскаго языка въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, благодаря чему въ русскомъ литературномъ языкѣ была масса иностранныхъ словъ, да и теперь остается еще ихъ не мало. Отчего-же вліяетъ тамъ польская культура въ языкѣ, а не русская, объясняется очень просто тѣмъ, что русская книжная рѣчь тамъ совершенно посторонняя, а польская, не говоря о недавномъ прошломъ, но еще и теперь для галичанъ есть почти то-же, что langue parlée. Утѣшать-же можно себя тѣмъ, что пройдутъ года продуктивной работы надъ выработкой своего языка, и все наносное отпадетъ, какъ отпало оно въ значительный долѣ въ русскомъ книжномъ языкѣ, но для этого нужна усиленная работа всѣхъ культурныхъ силъ націи, безъ дробленія на какія-то партіи, ведущія борьбу другъ съ другомъ въ ущербъ той борьбѣ, которая должна быть направлена въ другую сторону, и потеря времени при которой можетъ быть непоправимой ошибкой для самаго существеннаго въ жизни галичанъ—для созданія себѣ самостоятельнаго положенія націи, окруженной со всѣхъ сторонъ „ищущими поглотити ихъ“.

Обращаясь теперь къ тѣмъ словамъ, которыя инкриминируются проф. Т. Д. Флоринскимъ въ языкѣ галичанъ, мы положительно удивляемся пріему ученаго слависта. Когда мы слышимъ отъ простого смертнаго, никакой науки филологіи никогда не изучавшаго, незнакомаго съ исторіей образованія книжныхъ языковъ у разныхъ народовъ, когда мы слышимъ—говорю—отъ

такого человѣка сужденія: „да вѣдь это польское слово!“,—то мы не удивляемся этому нисколько; но если-же къ такому пріему прибѣгаетъ проф. Т. Д. Флоринскій, то намъ это кажется по меньшей мѣрѣ страннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ нѣсколькихъ десятковъ словъ, указанныхъ имъ съ отмѣткой, будто они польскія, мы беремся фактически доказать, что слова это чисто народныя малорусскія, или образованныя отъ обще-славянскихъ корней по типу народныхъ словъ. Вотъ для примѣра нѣкоторыя изъ нихъ, а если проф. Т. Д. Флоринскому будетъ угодно, то мы укажемъ ему впослѣдствіи и остальныя.

Святкованнья—совершенно въ духѣ народномъ образовавшееся слово отъ глагола *святковаты*, а глаголъ этотъ не подлежитъ никакому сомнѣнію: „Оттакъ я, друже мій, *святкую* оттутъ недиленьку святую (Шевч.). Если проф. Т. Д. Флоринскій нашелъ слово *святкованння* въ польскомъ языкѣ, то онъ найдетъ это-же слово и въ Словарѣ *Даля*, чего, къ сожалѣнію, ученый славистъ не потрудился поискать.

Рахуючысь — дѣеприч. форма отъ глагола *рахуватыся*: „любимося якъ браты, а рахуймося якъ жыды—(Номисъ. Пословицы).

На-решти—отъ слова *решта*—остатокъ:

Колыхалы мене хлопци
То въ колысци, то въ коробци,
То рукамы, то ногамы,
А *на-решти* кулакамы. (Чубин.)

Часопысъ—слово, употребительное не только въ польской литературѣ, но и въ другихъ славянскихъ; при этомъ надо замѣтить, что оно чисто славянскаго образованія въ замѣнъ иностранныхъ *журналъ*, *газета*.

Му́сити—глаголъ, постоянно употребляемый въ народной рѣчи: Не рада коза торгу, а куры весиллю, та *мусять* (Номисъ. Пословицы). Полюбыла козаченька, не *мушу* забуты (Метлин.).

Якъ день, якъ ничъ—то рве душу,
Я до тебе прыйты *мушу* (Сборн. Лысенка).

Мова—очень распространенное въ народной рѣчи слово: Ни зъ губы *мовы*, ни зъ носу витру (Номисъ. Пословицы). У гости прыйшла, щей *мову* найшла (Метлин.). Выпывъ чарку—и *мова* найшлася (Нов.-Волынск. у.).

Выпадокъ—тоже довольно распространенное слово въ народной рѣчи на Правобережьи: Пишло паніи старій на *выпадокъ* (Номисъ). А щобъ ему *выпадкомъ* выпало! (Номисъ)=А чтобъ у тебя все пошло прахомъ!

Друкарня—слово, конечно перешедшее изъ польскаго языка, но, во 1-хъ, оно нѣмецкое, а во 2-хъ, переходъ этотъ совершился очень давно, т. к. въ юго-западной литературѣ оно постоянно употреблялось еще въ 16 вѣкѣ, въ томъ-же значеніи *типографія*, равно и какъ глаголъ *друковаты*.

Справа—въ смыслѣ *дѣло, дѣйствіе* нѣтъ никакихъ основаній считать польскимъ, такъ-какъ оно употребительно въ народной рѣчи: Въ той часъ була честь-слава, військовая *справа* (Максимовичъ).

Даже слово *урядныкъ* попало у проф. Т. Д. Флоринскаго въ разрядъ польскихъ словъ; туда же отнесено имъ и слово *кныгарня* на томъ основаніи, что въ польскомъ языкѣ есть księgarnia; но онъ позабылъ, что слово *книга* очень распространено во всѣхъ славянскихъ языкахъ.

Засягаты—въ смыслѣ *захватывать*; произошло это слово отъ *сягаты*:

Бреде старый, назадъ ся оглядае,
А ёму вода вже по шыю *сягае* (Чубинск.)

Праця—дѣло, работа. Тутъ ужъ положительно не знаешь, какіе и примѣры давать, т. к. слово это чуть не на каждомъ шагу встрѣчается; но для большей убѣдительности сошлюсь на пѣсню „На бережку у ставка,“ помѣщенную въ собраніи матеріаловъ Чубинскаго, а также извѣстную въ печати еще въ концѣ прошлаго вѣка, какъ изданную въ Москвѣ въ 1794 году и ранѣе исполненную въ 1791 году на знаменитомъ Потемкинскомъ праздникѣ:

„Каже, що за *працю* тую
И дивчыну подарую.

Но перломъ въ доказательствахъ присутствія польскаго вліянія въ новомъ книжномъ малорусскомъ языкѣ служатъ, конечно, слова: *товарыство*, *вага*, *хвыля*, *шановаты*, *намалюваты*, *паперъ*. Приводить-ли примѣры въ доказательство того, что всѣ эти слова бытуютъ въ малорусской рѣчи съ очень давнихъ поръ? Думаемъ, что излишне, такъ-какъ всякому, хоть немного знакомому съ этой рѣчью, слишкомъ хорошо извѣстно ихъ всеобщее употребленіе.

Попробовалъ еще проф. Т. Д. Флоринскій остановиться и на вырабатываемой галичанами своей терминологіи, преимущественно *грамматической*, *математической* и *медицинской*, и тоже оказался неудовлетвореннымъ ею. Но вѣдь уважаемому слависту должно быть хорошо извѣстно, что въ этой области во всѣхъ языкахъ замѣчается одно и то же явленіе—полная условность въ качествѣ терминовъ, условность, стоящая въ прямой зависимости отъ привычки: мы въ Россіи привыкли къ своей терминологіи (иногда положительно безобразной), и намъ она не рѣжетъ уха.

Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ о характерѣ формируемаго книжнаго малорусскаго языка въ Галиціи, мы еще разъ повторимъ, что признаемъ вполнѣ многіе недостатки въ немъ, но думаемъ, что не методомъ проф. Т. Д. Флоринскаго нужно опредѣлять ихъ, т. к. съ такимъ-же успѣхомъ можно доказать и заимствованность изъ польской рѣчи языка Пушкина, напр: буря (burza), мглою (mgła), небо (niebo), кроетъ (kryć), вихри (wicher), снѣжные (śnieżny), крутя (kręcić). Какимъ методомъ и что исправлять надо, мы теперь указывать не будемъ, надѣясь поговорить объ этомъ въ другой разъ.

Вотъ все, что мы хотѣли разъяснить въ нашемъ спорѣ съ проф. Т. Д. Флоринскимъ.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ сказать, что, ведя этотъ споръ, мы заинтересованы больше всего отысканіемъ наилучшаго во всѣхъ отношеніяхъ отвѣта на тотъ непорѣшенный въ наукѣ и въ жизни вопросъ, который много уже десятковъ лѣтъ является вопросомъ болѣзненнымъ, обостреннымъ и потому лишающимъ возможности въ мирѣ и въ спокойствіи протекать нашей общественной жизни. Единственный выходъ изъ этого положенія—перейти въ рѣшеніи его исключительно на почву спокойнаго, академическаго разъясненія, въ чемъ, конечно, большую службу могли-бы сослужить представители науки. Къ сожалѣнію, мы должны признаться, что проф. Т. Д. Флоринскій, являясь именно такимъ представителемъ науки, далекъ отъ тѣхъ пріемовъ разъясненія и отъ того академическаго тона, какіе были-бы желательны. Скажемъ больше того: разсматриваемыя нами статьи его, ровно никакого рѣшенія вопроса не давая по существу, только способны усиливать и безъ того удручающую остроту въ отношеніяхъ разныхъ партій, какъ въ Галиціи, такъ и у насъ, а едва-ли это можно признать желательнымъ въ какомъ бы то ни было отношеніи.

В. Науменко.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Золотые пятаки въ 60-хъ годахъ.* Въ первой половинѣ 60-хъ годовъ, въ предѣлахъ Кіевской и Подольской губерніи, евреи принялись было съ особеннымъ рвеніемъ скупать мѣдные пятаки, цѣна коихъ мѣстами поднялась до 1 рубля за штуку (были случаи въ Чигиринскомъ уѣздѣ).

Губернская администрація смежныхъ губерній отнеслась къ сему явленію различно: въ то время, когда одинъ изъ губернаторовъ принялъ рѣшительныя мѣры къ прекращенію торговли мѣдными деньгами, другой остался въ выжидательномъ положеніи, находя, что роль его начнется лишь тогда, когда будетъ установлено, что монета портится (плавится).

Оказалось, что, въ погонѣ за легкой наживой, евреи сдѣлались жертвою кѣмъ-то пущеннаго слуха, будто одинъ изъ чиновъ С.-Петербургскаго монетнаго двора, родомъ полякъ, сочувствуя дѣлу, начатому мятежниками, въ видахъ доставленія имъ необходимыхъ денежныхъ средствъ, прибавилъ значительное количество золота къ мѣди, предназначавшейся къ выпуску въ обращеніе въ 1862 году. Единомышленники его должны были принять мѣры къ тому, чтобы изготовленная такимъ образомъ мѣдная монета была своевременно изъята, для выплавки изъ нея золота на нужды повстанья.

2) *Колдовство въ 1863 г.* Въ 1863 году, въ самый разгаръ мятежа, въ одной корчмѣ расходившійся подъ вліяніемъ хмѣля крестьянинъ ругательски ругалъ поляковъ.

Когда слухъ о томъ дошелъ до окрестныхъ пановъ, они воздвигли противъ дерзкаго хлопа гоненіе. Предстояло найти вину, что было, очевидно, не легко, такъ какъ пришлось прибѣгнуть къ обвиненію въ *колдовствѣ*.

Дѣло разбиралось въ уѣздномъ судѣ, который призналъ обвиненіе доказаннымъ и постановилъ: за колдовство сослать въ Сибирь на поселеніе, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Но Палата Уголовнаго Суда перерѣшила дѣло и освободила узника, успѣвшаго, въ ожиданіи рѣшенія своей участи, просидѣть въ тюрьмѣ цѣлый годъ.

3) *Городское ополченіе въ Кіевѣ 1863 г.* Въ іюнѣ 1863 года православные обыватели города Кіева и кіевскіе дворяне возбуждаютъ предъ генералъ-губернаторомъ ходатайство о разрѣшеніи имъ образовать городское ополченіе для охраны общественной безопасности на случай выступленія изъ города войскъ.

Выработка особыхъ для ополченія правилъ поручена образованной въ іюлѣ того же года коммиссіи.

Но Министерство Внутреннихъ Дѣлъ предложеніе сіе отклонило, признавъ жертвы несообразными съ возможной отъ нихъ пользою.

4) *Изъ мѣстныхъ нравовъ и суевѣрій.* Въ 1859 г. кресгьянскія поля деревни Яланцы, Ямпольскаго уѣзда, сильно страдали отъ засухи.

Поселяне приходили въ отчаяніе; но нашелся бывалый добрый человѣкъ, указавшій безошибочный, по его мнѣнію, пріемъ для того, чтобы вызвать дождь: надлежало разыскать могилы двухъ висѣльниковъ (удавленниковъ), вырыть трупы и усердно поливать ихъ водою...

Земскій Судъ отнесся къ обвиняемымъ снисходительно и, не усматривая «неблаговиднаго намѣренія», заключилъ, что учинено сіе «по простотѣ, въ пьяномъ видѣ, съ одного лишь суевѣрія»... На этомъ, повидимому, дѣло и остановилось.

5) Въ 1860 г. въ одномъ селеніи Староконстантиновскаго уѣзда имѣлъ мѣсто слѣдующій случай: нѣкій крестьянинъ сдѣлалъ попытку попользоваться кое-чѣмъ съ господскаго гумна; его изловили и наказали.

Сознавая свое безсиліе передъ искушеніемъ повторить неудавшійся опытъ, поселянинъ, не долго думая, взялъ топоръ... и разрубилъ себѣ руку!..

6) Въ 1859 году въ д. Константиновкѣ, Бердичевскаго уѣзда, у бабы заболѣла корова. Домашнія средства не помогали,—пришлось обратиться по сосѣдству къ знахаркѣ, которая взялась помочь бѣдѣ, наказавъ хозяйкѣ натаскать въ мужниномъ сапогѣ воды изъ трехъ колодцевъ и слить ту воду на желѣзную косу...

Каково было дѣйствіе знахаркина средства—не извѣстно.

Сообщилъ **А. Мёрдеръ.**

Изъ Полтавской рукописной литературы. Въ дни ранней юности моей—во второй половинѣ 50-хъ годовъ и послѣ того,—много ходило по рукамъ разныхъ рукописей на малорусскомъ языкѣ, преимущественно въ стихотворной формѣ. Произведенія подобнаго рода охотно переписывались, въ особенности тогдашнею молодежью, которая дѣлилась ими съ своими сверстниками, и такимъ образомъ данное произведеніе расходилось въ публикѣ въ многочисленныхъ спискахъ. Помню, была и у меня тетрадка съ рождественскими и воскресенскими виршами и друг. стихотворными произведеніями, но, къ сожалѣнію, давно уже утрачена, а между тѣмъ нѣкоторыхъ виршъ я не встрѣчалъ до сихъ поръ въ печати, но изъ памяти онѣ изгладились на столько, что я не рѣшаюсь напечатать хотя-бы отрывки ихъ. Вспоминаю, что послѣ отмѣны крѣпостного права и при введеніи земства и судебныхъ мировыхъ учрежденій, туземные непризнанные поэты, или лучше сказать версификаторы, такъ или иначе выражали свои впечатлѣнія въ стихотворной формѣ, часто съ юморомъ и сарказмомъ. Въ Хорольскомъ уѣздѣ я знавалъ Михаила Никифоровича Семенова, который не лишенъ былъ поэтическихъ способностей и читалъ весьма часто остроумныя, иногда ѣдкія сатиры по поводу мѣстныхъ общественныхъ явленій, но декламировалъ онъ на память и, изъ осторожности, никогда не диктовалъ своихъ виршей людямъ, не принадлежавшимъ къ его интимному кружку. Очень жаль, если у друзей-пріятелей Семенова и другихъ подобныхъ стихотворцевъ не сохранилось письменныхъ записей. Теперь лишь изрѣдка случается

найти плоды украинской музы безвѣстныхъ піитъ. Случайно раздобылъ я въ настоящее время помѣщаемыя ниже стихотворныя произведенія. По поводу перваго изъ нихъ, озаглавленнаго «*Одчетъ гласного*», напомнимъ нашимъ читателямъ, что на ту-же тему въ 1865 г. было написано стихотвореніе помѣщикомъ В. И. Лизогубомъ, подъ впечатлѣніемъ перваго земскаго собранія въ Черниговѣ [1]). Печатаемое теперь стихотвореніе далеко уступаетъ по достоинству черниговскому творчеству. Не болѣе удачно и другое стихотвореніе „Абы-що", въ которомъ не сразу даже можно опредѣлить аллегорическій смыслъ его. Несомнѣнно, что оба они относятся къ 1865 г., когда въ Полтавской губерніи состоялось первое губернское земское собраніе и выборы предсѣдателя и шести членовъ губернской земской управы. Это выясняется изъ сдѣланнаго мною сопоставленія фамилій губернскихъ гласныхъ съ помѣщеннымъ въ «Систематическомъ сводѣ постановленій Полтавскаго губ. земства» спискомъ дѣятелей губернской земской управы перваго трехлѣтія, подъ предсѣдательствомъ И. Г. Милорадовича.

Третье стихотвореніе «Мова сирка» нашлось въ переплетенной тетради, озаглавленной «Альбомъ». Здѣсь переписано немало стихотвореній на русскомъ языкѣ разныхъ авторовъ, а изъ малорусскихъ—есть Шевченка «Холодный яръ», «Розрыта могыла», «Якъ умру», а также помѣщаемая «Мова сирка», какъ видно, подражаніе извѣстному стихотв. П. Гулака-Артемовскаго «Панъ та собака». Къ сожалѣнію, можно думать, что прошедшее чрезъ много рукъ переписчиковъ, произведеніе потерпѣло уклоненія отъ подлинника.

I.

Одчотъ гласного.

Бувъ я въ Полтави въ земській громади,
Чувъ я багато въ тій розумній ради,
Слухавъ и думавъ: що це настало?
Крычыть усякый, кому що попало...
Я до того крыку тильки прыслухався,
Де-чому навчывся, де-чого жахався...
Що-жъ зъ того крыку выйде та буде—
Скоро побачымъ; ждуть добри люде!

[1]) „См. Кіев. Стар. 1895 г. № 1, отд. 2-ой, стр. 1—5.

Панъ Лукьяновычъ, панъ Кочубей,
Панъ Забарынській, панъ Гамалей,
Слипый Самыйловъ и Богдановычъ,
Панъ Мазарака и Стефановычъ,
Тыхый Тымченко, лысый Захаровъ
Въ нашій громади сыдять не даромъ.
Панъ Остроградськый, Маркевычъ, Кумме,
Панъ Мылорадовичъ—думають думы;
Глухый Высоцькый, князь Довгорукый—
Люде розумни и все зъ наукп,
Все розбирають—якъ чому буты;
А якъ що зроблять—будемо чуты.
Й нашого брата було тамъ не мало:
Булы козакы й купци,
Було два сывыхъ панъ-отци,
Тилькы москаливъ не доставало..
И я «просывъ слова», де що й говорывъ,
Та трохы спіткнувся, замовчавъ та й сивъ.
Треба нашыхъ дитокъ грамоти учыты,
Щобъ воны умилы добре говорыты.
Чесная громада и вы вси, панове,
Земская управа—дило сее нове,
Вважлывее дило и для пысаривъ;
Неможно зробыты його безъ панивъ;
Треба надъ сымъ диломъ голову ламаты,
Добре говорыты та добре й пысаты...
Не вси й мижъ панамы розбирають вмило,
Часто те городять, що зовсимъ не въ-дило,
Я ихъ и назвавъ-бы—та гниву боюся,
На цей разъ громади нызько поклонюся.—

II.

Абы-що.

Въ народи пронеслася мова—
Явылася повынниcть нова;
Хочъ рада, хочъ не рада—
Зійшлась на раду вся громада.

Отъ, выйшовъ пысарь, поклонывся,
На правый трошкы бикъ схылывся,
Указъ громади прочытавъ
И до народу загукавъ:
«Намъ треба коней шестырыкъ,
Щобъ до йизды уже прывыкъ,
Щобъ не побылы брычкы пану,
Якъ часомъ запряже погану,
Да щобъ NN погонычъ бувъ».
Пишла громада у табунъ,
Понакыдала наобумъ...
До збирни коней прытяглы,
И заразъ ихъ и запряглы,
И розійшлыся добри люде,
Не бачывшы—що зъ того буде...
Погонычъ сивъ пиджавшы нижкы,
Не пидобравшы мабуть вижкы,
Изъ миста крыкнувъ: «ну, ну, ну!,»
А може й батогомъ махнувъ.
Хвостамы кони замахалы,
Брыкалысь, прыскалы, скакалы.
Одынъ изъ ныхъ потягъ ту брычку,
Бо ся вага йому въ прывычку;
Маненькый—ни на-що дывыться,
А добрый—хочъ и побожыться;
И тягне конықъ потыхеньку;
Ёму хочъ де-де и важкенько,—
Винъ замотае головою,
Пишовъ прывычною ходою,
Не горячытся, не брыкае,
На прыстяжныхъ винъ поглядае,
То ту, то ту хвостомъ торкне,
А де калюжка—обмыне...
А прыстяжніи все гарцюють,
Артачатся, задамы бьють,
На мисти де-яки тупцюють,
Зовсимъ не доладу везуть...
Погонычъ голову скребе,

Клене громаду й самъ себе,
Та знай на сонце поглядае,
(На сій дорози верстъ немае),
Сміявся-бъ винъ—дакъ не до смиху,
Бо бачышъ—довго треба йихать;
Давай винъ коней поганять,
А кони почалы брыкать...

III.

Розмова Сирка.

У панському двори, у будци
Сирко на прывьязу лежавъ,
И такъ въ своій собачій думци
Винъ самъ зъ собою розмовлявъ:
„Ой люде, люде!
Не знаю дальшъ, що зъ вамы буде?
Теперъ-же бачу—що-сь не такъ!
Чортъ ма въ васъ жалю до другого,
Ни мылосердія святого!
Якъ-бы собакамъ даты рукы,
А хвистъ видрызаты на часъ,
Та вдаты въ школы до наукы,
Та дать языкъ такый якъ въ васъ;
Та ще навчыты и пысаты,
Щобъ вмилы мысли выражаты
И вамъ пидъ часъ передаваты,
Та щобъ по паньски похожаты,
Паны якъ вміють похожать;
Щобъ у штаны ховалы лапы,
А голову зъ ухамы въ шляпы,
На шыю шовковый платокъ
Моталы-бъ гарно въ узелокъ;
Ходылы-бъ въ фракахъ и жупанахъ—
Якъ то колысь я бачывъ разъ;
На нисъ очкы щобъ надивалы,
Ципокъ гнучкый у рукы бралы,
Жилётъ пьялылы на показъ;

Въ кышеню клалы-бъ табатырьку,
Часы на всякій имъ кинець;
Хустки для носовои втыркы,
И грошей повный гаманець —
Та дать имъ волю и слободу,
Не на багацько—на пивъ-году
Або на тридцять тилькы днивъ,
Безъ страху жыть щобъ у панивъ,—
Тогди-бъ весь свитъ перевернувся,
И весь порядокъ-бы змынывсь:
Ученый дурнемъ-бы очнувся,
А дурень умнымъ-бы зробывсь.
Тогди-бъ перевертни—собакы
Усихъ навчылы жыты якъ,
Далы-бъ понюхаты табакы,
Такои, що зачхавъ-бы всякъ.
Воны изъ васъ знялы-бъ лычыну,
Далы-бъ заслужене свое
И показалы—хто вы йе,
Всихъ повернулы-бъ у звирыну:
Того въ ведмидя и тхоря,
Того, хытрывъ хто—у лысыцю,
Того—въ вивцю, того—въ вола,
А иншихъ въ зайця и куныцю.
Того-жъ, хто честь безбожно рвавъ
И хто зйидавъ братъ брата—
У вовка; всимъ була-бъ заплата,
Яку для себе хто прыдбавъ.
Уси-бъ вы звиромъ поробылысь,
Собакою-жъ дакъ ридко хто;
А чоловикомъ—якъ родылысь,
Не ставъ на свити жыть нихто.
Бо чоловикомъ щобъ то буты
И жыть небеснымъ на земли,
Якъ Богъ въ законі повеливъ—
У тимъ, що давъ, якъ бувъ мижъ вами.
А вы-жъ сами жывёте якъ?
Та гирше, далеби, собакъ"!...

И тутъ винъ добре загарчавъ,
Прыщулывъ вуха, хвистъ пиджавъ
И дальше поплазавъ въ кануру,
Бо знавъ псаря Хомы натуру,
Що коло ёго тамъ стоявъ,
Що якъ почуе, що казавъ—
То батогомъ попоре шкуру...

В. Василенко.

Разведеніе козъ въ старой Малороссіи. Современный малорусскій селянинъ, какъ извѣстно, не любитъ держать козъ, считая это животное малоприбыльнымъ въ хозяйствѣ и въ тоже время требующимъ постояннаго надзора во избѣжаніе потравъ. Лишь при большихъ овечьихъ „отàрахъ" держатъ иногда нѣсколько штукъ козъ, назначеніе которыхъ, кажется, въ томъ и состоитъ, чтобы вести за собою стадо. И въ прежніе вѣка въ Малороссіи овецъ всегда предпочитали козамъ, но изрѣдка упоминаются и цѣлыя козьи стада, которыя даже при тогдашнемъ земельномъ привольѣ, своей прожорливостью причиняли хозяйствамъ большія „турбаціи". Такое именно дѣло встрѣтилось намъ въ актовой книгѣ Полтавскаго полковаго суда подъ 1688 годомъ. Въ маѣ этого года мѣстный полковый судья Петро Буцкій заявилъ полковнику Ѳедору Жученку и бывшему при немъ «на тотъ часъ товариству войсковому» такую „скаргу": «Паско Матѣенко, житель Рыбчанский, не вѣдаю, з чиимъ дозволенямъ, козы свои на зимовлю в кгрунтъ мой отцевский, в ровняхъ Коломацкихъ будучий, угналъ и кошару зарубалъ на тые ж козы». Стоявшій тутъ же передъ судомъ отвѣтчикъ, козакъ Матѣенко, не отрицалъ, что онъ вогналъ въ чужой лѣсъ на зимовлю своихъ козъ, «которыхъ было лѣкомъ (счетомъ) двѣстѣ», и такъ наивно оправдывался передъ истцомъ: «Я для того угналемся с козами, розумѣючи, же кгди (когда) тобѣ оповѣмъ о томъ, не гнѣватимешся на мене». Панъ Петро Буцкій отвѣтилъ Матѣенку: «Я на тебе не гнѣваюся, тилко абы-сь заразъ, и годины з козами своими не стоячи, виступилъ и оние козы з кгрунту моего виrналъ. А если тежъ мѣл би еси якій часъ в кгрунтѣ моемъ бути с козами своими, и кривда мнѣ якая мѣла дѣятися, теды при оповѣсти сей моей ручу тобѣ тисячу талярей до

шкатули войсковои, которие повиненъ будешъ дати пану полковникови абы мнѣ от тебе в кгрунтах моих отчизнихъ жадная не дѣялася кривда». Судъ утвердилъ эту «заруку» на Паська и «для певнѣйшои слушности» велѣлъ записать это въ судовыя книги.

Но легкомысленный Пасько не воспользовался великодушіемъ пана судьи: онъ продолжалъ травить его грунтъ своими козами, впалъ въ утвержденную декретомъ «заруку» и, чтобы не платить столь значительной суммы штрафа, вошелъ въ мировую сдѣлку съ п. Буцкимъ и въ концѣ того же мая заявилъ предъ полковымъ судомъ: „Панове, самъ ся до того знаю, же-мъ (что я) и в прошломъ року 1687 не меншую шкоду вчинилъ пану Петру Буцкому, значному козаку полтавскому, в его кгрунтахъ лѣсъ зрубавши зимою для покормення козъ, и не вдаючися в бȯлшие правние речи, едналемъ и погодилемъ пана Петра: за спустошеня мною тих его лѣсних Коломацких кгрунтовъ далемъ ему готовыхъ грошей сто золотих" и сверхъ того уступилъ ему и его потомкамъ два лѣсныхъ участка. Судъ, „слишачи от устъ Пасковых Матѣенковых угоду сыю, велѣлъ «в книги мѣские полтавские вписати».

Такъ недешево обошлась Матѣенку зимовля козъ въ чужомъ лѣсу.

О. Л.

Малорусская ода 1807 года. Въ нашемъ журналѣ (№ 1, 1886 г). были помѣщены двѣ малорусскія оды, вызванныя событіями войнъ Россіи съ Наполеономъ. Одна изъ нихъ озаглавлена такъ: «Ода на случай выгранной Бенигсгеномъ надъ французомъ побѣды 1807 года, генваря 27 числа». Здѣсь идетъ рѣчь о сраженіи подъ Прейсишъ-Эйлау.] Списокъ, по которому была у насъ напечатана эта ода, не отличался исправностью и даже полнотой. Теперь мы получили отъ В. И. Срезневскаго болѣе исправный списокъ той же оды, оказавшійся въ бумагахъ его покойнаго отца. Рукопись этого списка писана на листѣ синей бумаги съ водянымъ знакомъ 1806 г. Она интересна, между прочимъ, тѣмъ, что, кромѣ текста, писаннаго однимъ почеркомъ, даетъ поправки къ тексту, сдѣланныя другою рукою. Поправки эти, заключающіяся въ перестановкѣ словъ, въ замѣнѣ однихъ другими и въ исправленіи правописанія, частью вошли

въ тотъ списокъ, по которому ода помѣщена была въ нашемъ журналѣ. Тѣмъ не менѣе между обоими списками все-таки оказывается незначительная разница. Не находя нужнымъ вторично печатать полный текстъ оды, ограничимся лишь указаніемъ важнѣйшихъ варіантовъ. Въ началѣ 3-й строфы, послѣ стиховъ:

Та и що тоби казаты!
Ты й самъ теперъ схаменувсь,—

слѣдуетъ прибавить пропущенныя у насъ строки:

Бо вже вміешъ и втикаты,
Якъ съ Бениксгеномъ стовкнувсь.

Конецъ 5-й строфы и начало 6-й въ спискѣ Срезневскаго немного иначе:

А якъ прыбижышъ икъ жинци,
Скажы, щобъ, взявшы чырвинци,
Швыдче курнула (чкурнула?) назадъ.

—

Скажы, що такіи жарты
Москаль задавъ теперъ намъ,
Що, далебигъ, отъ пивкварты
Не бувъ ще я такый пьянъ.
Катъ-ёго зна, що й робыты:
Хлопци мои вси розбыти—
Отъ теперъ же я пропавъ!
А ще Кулишъ якый-сь явывся,
Ризавъ, бывъ да и пробывся,
Потымъ всимъ намъ думать давъ.

Пѣсни, записанныя въ Волынской губерніи. Не смотря на болѣе, чѣмъ тридцатилѣтній періодъ, прошедшій со времени освобожденія и воли, духъ нашего крестьянина-малоросса все еще находится какъ-бы подъ гнетомъ этого тяжелаго прошлаго. Часто и теперь, въ лихія годины горькой нужды и несчастій нашъ крестьянинъ изливаетъ свою наболѣвшую душу въ пѣсняхъ, сложенныхъ имъ подъ впечатлѣніемъ былыхъ тяжелыхъ временъ въ его жизни: крѣпостной зависимости и тяжелой двадцатипятилѣтней военной службы.

Много въ пѣсняхъ нашего народа однообразнаго, много есть пѣсенъ, которыя варіируются на всевозможные лады, смотря по тому, гдѣ, въ какой губерніи или-же уѣздѣ онѣ передѣланы примѣнительно къ быту своей мѣстности, но всѣмъ этимъ варіантамъ нельзя отказать въ извѣстнаго рода самобытномъ творчествѣ, давно выношеномъ въ душѣ и только ожидавшемъ толчка, чтобы вылиться въ пѣснѣ.

Предлагаемыя пѣсни записаны въ Вылынской губ. Острожск. у. въ д. Нараевкѣ со словъ „лирникивъ".

Двѣ первыя пѣсни характеризуютъ былую 25-юю службу солдатскую, въ нихъ слышится та безнадежная тоска, которую испытывалъ рекрутъ, уходя на службу, а также его родители и родственники.

Третья пѣсня, сложеная подъ впечатлѣніемъ освобожденія и воли, уже не дышетъ тою безнадежностью, которой пропитаны первыя двѣ, здѣсь уже слышится возрожденіе малоросса изъ подъ крѣпостного ига, слышится просыпающаяся его сила, часто проскальзываетъ, присущій ему юморъ къ своимъ притѣснителямъ—полякамъ и глубокая благодарность Царю-Освободителю, который почему-то названъ «Царивною»—должно быть для риѳмы. А также время воли приписывается къ сентябрю, (не потому-ли, что въ 60-хъ годахъ сообщеніе почтовое было очень медленно, и воля въ глухіе уголки «пріѣхала» гораздо позже, чѣмъ она была объявлена).

Въ четвертой пѣснѣ безжалостно осмѣянъ польскій воинъ, возвращающійся въ неудачнаго похода.

I.

Заревилы волы, стоячи въ ярми
Чують витеръ изъ пивночи;
Закованн у колодахъ рекрутоньки
Заплакалы свои ясни очи.
Не такъ тіи холостіи
Якъ тіи жиночи,
Що кидають малихъ дитокъ дома
И молодыхъ жинокъ чорни очи.
Молодая рекрутонька плаче,
Капитана просыть:
«Капитане, ты мій пане! вчыны мою волю:
Пусты мого мыленького изъ рекрутъ до дому!»

«Стоить вода у коновци,
Промый соби чорни очи!
Якъ я вчыню тоби цее,
Кожный сего схоче».

II.

Нема добра и не буде,
Покы война въ свити буде!
Маты сына годувала,
Денька ночи не доспала,
Щастя доли не вгадала
Тай у військо высылала:
«Иды, иды сыну, иды пречъ видъ мене,
Нема тоби счастя доли въ мене,
А ни въ поли, ни въ дорози,
Ни въ купецькимъ перевози!»
Старша сестра коня веде,
Середульша збрую несе,
А найменьша выражае
До сырои прыпадае:
«Ой братыку Иваночку,
Ходы змыю головочку,
Та дамъ тоби на дорожку
Билую сорочку!»
„Не плачъ, не журыся, сестро, мною,
Есть Господь по надо мною:
Випъ змые мою головочку
И одине въ билую сорочку".
„Сыну мій, сыну Иваночку,
Прыбудь, прыбудь въ гостыночку!
Прыбудь, прыбудь хочъ разъ въ гости
Прошу тебе по щырости!"
«Радъ-бы, маты,
Въ гости прыбуваты,
Колы рекрутъ звидтель
Не велять пускаты».
А въ недилю, дуже рано,
Во вси дзвоны задзвоняно

И всихъ рекрутъ розгоняно,
Та до полкивъ прыдиляно, та до муштривъ зоставляно.
Визьмы, неню, писку въ жменю,
Посій его на каменю,
Якъ той писокъ въ гору зійде—
Сынъ твій тогди зъ війська прыйде.
Не слыхала, не выдала,
Щобъ той писокъ въ гору зійшовъ;
Не було прыкладу,
Щобъ той рекрутъ зъ війська прыйшовъ.

III.

Ой литала зозуленька черезъ нови села
Тай прынесла новынонньку панамъ невеселу.
Сила соби край виконьця, тай стала куваты:
Збирайтеся вся громада, щось маю казаты!
Ой казала, ой казала й говорыты буду,
Що вже панамъ-голодрыгамъ
Панщыны не буде!
Прылытила посьмитюха
Тай спивае съ гука,
Панъ окоманъ за дверыма
Все-то тее слуха.
«Ой ходимо, пане братця,
Теи птыци быты,
Нехай вона перестане
Изъ насъ панивъ кпыты.
Ой кпыла я, ой кпыла я,
Тай ще кпыты буду,
Що вже панамъ голодрыгамъ
Панщыны не буде».
Ходыть, ходыть панъ окоманъ
«Що то зъ цего буде?
Бидна жъ моя голивонька—
Не слухають люде!»
Ходывъ, ходывъ панъ окоманъ
Биля меи хаты:
«Ницъ тому не поможе,

Тра два злоты даты».
«Щожъ мы, пане-братця, будемъ робыты-діяты,
Що не вміемъ мы косыты, наши жинки жаты?
Хиба пидемъ у темный лисъ
Пидъ сосну згинаты.
Що мы будемъ, пане-братця, робыты-гыныты,
Що не вміемъ мы косыты, наши жинки шыты,
Що не вміемъ мы косыты, наши жинки прясты,
Хиба пидемъ у Гощыньци [1])—научымось красты».
«Бо колысь була паньщына,
А теперъ не стала,
У мисяци Сентябри
Паньщына пропала».
Выйшла, выйшла стара пани,
Беззубая, безгубая, на затыльни дверы:
«Вернысь, вернысь, паньщыноньно,
Хочь намъ до вечеры!»
«Не вернуся, не вернуся—
Я съ того не вынна,
Що царя ты прогнивыла
Я тому невчынна».
Выйшовъ, выйшовъ панъ окоманъ
На новыи дверци,
Колыбъ зловывъ мужыка»,
То бывъ-бы по серци.
Дай-же Боже та здоровье
Нашіи Царивни,
Що вона насъ поривняла
Зъ панамы наривни.

IV.

Бувъ ляшокъ морковьяный,
Коныкъ буряковый,
Шапка зъ маку,
Жупанъ лопуховый.

[1]) Должно быть м. Гоща, отстоящее въ 20 вер. отъ д. Нараевки.

Кунтушына огуркова,
Поясъ зъ кукурузы,
Чоботята ему зъ рипы,
Пидвязь гарбузова.
Пистолеты зъ качана,
Пули зъ бараболи,
За плечыма пика
Изъ тычокъ пасоли.
А сидельце конопляне
Стремя изъ березы,
Иде ляшокъ изъ Варшавы
Пьяный не тверезый.
«Помогай Бигъ, била гусь,
Научыла ваша Русь—
Якъ шапочку зняты,
Помагай Бигъ, Русью даты»!
Иде ляшокъ изъ Варшавы,
Пидъ нымъ коныкъ пляше;
Свыни его перестрилы:
„Зачыкай-но, ляше!“
Вынявъ ляшокъ пистолетъ
Тай начавъ стреляты,
Свыни пули похапалы—
Ничымъ воюваты.
Вынявъ ляшокъ шамбелечку,
Тай почавъ рубаты;
Шабля ему зломылася—
Ничымъ воюваты.
Обступылы свыни,
Зовсимъ пана зъилы,—
Осталыся лышъ стремена
Зъ березоньки цилы.

Сообщ. **Вл. Корниловичъ**.

Заговоръ отъ скарлатины. Въ Сквирскомъ уѣздѣ все лѣто свирѣпствовала эпидемія скарлатины. Во избавленіе отъ послѣдней,

мѣстныя шептухи сочинили слѣдующій заговоръ, спеціально отъ данной болѣзни:

Сотворы, Господы, болящому мылостыню,
Нехай пресвятый арханіелъ визьме хворостыну
Изъ пресьвитлого золотого райського тыну,
Да прожене одъ дытыны злую шкарлятыну,
Одъ раба божого у купели хрещеного,
Одъ усихъ грихивъ Хрыстомъ Богомъ одпущеного.
Попрошу я святу Матиръ Божую Гыдильську,
Щобъ прогнала шкарлятыну, злу хоробу дитську.
Святый Хрестытелю Иване, славный Предтече,
Очысть одъ шкарлятыны груды, шыю й плечи.
А вы вси святи угодныкы Божіи многи,
Очыстить слабенькому одъ пухлятыны ногы,
Нехай рабъ Божый болящый, въ купели хрещеный
Пиде у храмъ Божій, молытвамы освященый,
И тамъ нехай винъ щыро Господа Бога молыть,
Да на викъ Господь того одъ болисти уволыть.

Одна баба разсказывала, что собственными ушами слышала разговоръ грибовъ. Старый грибъ разсказывалъ молодымъ, что въ этомъ (минувшемъ 1899) году будетъ огромное количество «грыбивъ по лисахъ, та гробивъ по селахъ». (Сынъ Отечества, № 245).

Страничка изъ жизни Григ. Ант. Залюбовскаго. Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена въ «Днѣпровской Молвѣ» (№ 47-й 1899 года) небольшая статья, посвященная указанію заслугъ въ дѣлѣ этнографическаго изученія Малороссіи одного изъ этнографовъ ея, *Григорія Антоновича Залюбовскаго*, скончавшагося въ минувшемъ году.

Дѣятельность покойнаго въ этомъ направленіи, начинаясь, насколько это можно прослѣдить по имѣющемуся подъ руками матеріалу, съ 1861—62 г., т. е. со времени студенческихъ годовъ, непрерывно продолжалась до самой кончины. Въ этотъ періодъ времени собрался огромный матеріалъ, и вотъ въ 1864 г. часть этого матеріала, собраннаго и записаннаго въ предѣлахъ одного Новомосковскаго уѣзда, въ количествѣ слишкомъ 700 «прыказокъ», «поговорокъ», «загадокъ», и т. д., помѣщается въ сборникѣ Номиса: «Українські приказки, прислівья і

таке инше» (см. л. I). Въ началѣ 70-хъ годовъ, съ открытіемъ такъ много сдѣлавшаго для этнографіи, Юго-Западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, покойный дѣлается ревностнымъ членомъ этого учрежденія и вмѣстѣ съ тѣмъ участникомъ въ капитальныхъ «Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Ю.-З. край» Чубинскаго (см. предисловіе, стр. XVI). Здѣсь, на протяженіи семи томовъ, можно увидѣть огромное количество записей сказокъ, игръ и другого этнографическаго матеріала, собраннаго и записаннаго трудами и стараніемъ Григорія Антоновича. Наконецъ, въ «Чытанкѣ» Хуторного, изд. 1883 г., также помѣщено нѣсколько интересныхъ записей покойнаго. Но особенной любовью Григорія Антоновича пользовалось живое народное слово, какъ матеріалъ для словаря южно-русскаго. Какъ видно изъ переписки, въ 1861 г. онъ участвуетъ въ изданіи словаря Шейковскаго, а затѣмъ, послѣ пожара, пощадившаго изъ этого словаря, кажется, только два выпуска, собираетъ словарный матеріалъ съ цѣлью издать его лично. Но этому желанію не суждено было сбыться: смерть унесла въ могилу этого полезнаго дѣятеля, и любителямъ живого слова, въ видѣ духовнаго наслѣдія, остался въ память лексическій матеріалъ, представляющій собой до 1000 словъ, записанныхъ изъ устъ народныхъ во время дѣятельности покойнаго въ качествѣ судебнаго слѣдователя и позднѣе въ качествѣ предсѣдательствующаго члена суда въ выѣздныхъ сессіяхъ. Матеріалъ этотъ представляется цѣннымъ и заслуживающимъ вниманія, ибо каждое слово представляетъ и запись, и выдержку изъ рѣчи, въ коей оно употреблено, и такимъ образомъ извѣстному слову, особенно малоупотребительному, всегда будетъ присвоено значеніе не гадательное, а строго ему соотвѣтствующее. Записи предыдущихъ годовъ были отосланы имъ какъ матеріалъ для готовящагося къ печати малорусскаго словаря въ нашей редакціи. Покойный, будучи по образованію филологомъ и любя свой родной край, не могъ не относиться къ родному слову, какъ къ высшему проявленію духа народнаго, иначе, какъ съ особенною возвышенною любовью и уваженіемъ. Нужно было видѣть, какъ освѣщалось чудной неуловимой улыбкой безстрастное лицо Григорія Антоновича, въ качествѣ предсѣдателя-судьи, когда ему при допросѣ попадалось какое-либо выраженіе или слово, достойное, по его мнѣнію, записи. Постороннему наблюдателю и въ голову не приходило бы и прійти не могло, чтобы этотъ, съ виду такой ровный и спокойный судья, могъ хоть на минуту

увлечься простымъ словомъ простого человѣка. А между тѣмъ это было такъ, и та самая рука, которая нѣсколько минутъ тому назадъ писала, быть можетъ и суровый, но основанный на народной совѣсти и законѣ, приговоръ, объявляемый всенародно, въ то-же время, незамѣтно для посторонняго наблюдателя, заносила на маленькій четвероугольный кусочекъ бумажки лучшее проявленіе психологической дѣятельности человѣка—его живое слово. Изъ предыдущаго перечня изданій этнографическаго содержанія видно, какая масса трудовъ была выслана покойнымъ въ различныя изданія, а изъ характера записей и пріемовъ можно заключить объ энергіи покойнаго, научной его подготовкѣ и безпримѣрной скромности. И въ самомъ дѣлѣ, въ малорусской этнографіи вы не найдете ни одного изданія, на коемъ бы красовалась надпись покойнаго, но внутри почти каждаго сборника, подъ отдѣльными записями, скромное: «сообщилъ Залюбовскій»—не рѣдкость. И записей и сообщеній этихъ огромное количество! А между тѣмъ возьмите любое литературно-этнографическое изслѣдованіе по приводимому вопросу, напримѣръ—капитальный трудъ: Исторію этнографіи Пыпина (I, III т. т. Малор. Этногр.), Исторію литературы пр. Огоновскаго, Исторію литературы Украинской проф. Петрова—и вы не встрѣтите среди перечня этнографовъ и собирателей народнаго слова имени Залюбовскаго. За то спросите о немъ любого ученаго-этнографа и любителя этнографіи Украйны, и имя его будетъ произнесено послѣдними съ видимымъ уваженіемъ. Устно оно прекрасно извѣстно, а переписка покойнаго свидѣтельствуетъ, что почти ни одно изъ малорусскихъ изданій по этнографіи не обходилось безъ его участія. Но пока живы соратники покойнаго, сохранится и устная память о немъ. А сойдутъ съ житейской сцены послѣдніе ревнители музы народной, и можетъ заглохнуть невнесенное въ списки лѣтописи прекрасное имя покойнаго, какъ этнографа.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ дополненіе къ суммѣ *1612 руб 33 коп.*, поступившей въ редакцію на сооруженіе памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ (см. № 11-й 1899 года), вновь пожертвовано въ теченіе декабря мѣсяца слѣдующими лицами: М. Е. Ленчикомъ—3 руб., и изъ Могилева (губерн.) И. И. Гудзовенкомъ, Каминскимъ, Мироненкомъ, Пивоваровымъ

и Коняттомъ—18 руб., а *всего* вмѣстѣ съ прежними—*1633 руб. 33 коп.*, которые и отправлены въ Полтавскую Городскую Управу.

Текущія извѣстія.

Старая икона, поднесенная въ даръ херсонскому археолог. музею. Газета «Югъ» сообщаетъ, что предсѣдателемъ херсонской ученой архивной коммиссіи Г. Л. Скадовскимъ принесены въ даръ губернскому археологическому музею восемь частей большой иконы, писанной на полотнѣ, изображающей Страсти Христовы, а именно: 1) «тайная вечера»; 2) «молтся ісъ вертогради»; 3) «привидоша іиса ко пилату»; 4) «бьютъ іиса у слупа» (столба); 5) «коронуютъ іса терновымъ венцемъ»; 6) «несеніе крта на гору голъгофтвъ»; 7) распятіе съ предстоящими (надпись отрѣзана); 8) «воскресеніе Христово». Икона эта долгіе годы висѣла на стѣнѣ церкви въ с. Бѣлозеркѣ, имѣніи г. Скадовскаго, принадлежавшемъ нѣкогда строителю Херсона Ивану Абрамовичу Ганнибалу, который и соорудилъ эту церковь. Судя по живописи, икона современна самой церкви, а писавшій ее художникъ былъ, очевидно, малороссъ, руководствовавшійся наивными традиціями южно-русскаго пошиба иконописи. Особенно характерна часть иконы подъ № 2: Пилатъ возсѣдаетъ на креслѣ, какія были во всеобщемъ употребленіи въ прошломъ столѣтіи, съ изогнутой деревянной спинкой; Спасителя подводятъ къ нему три человѣка: на двухъ изъ нихъ, долженствующихъ изображать воиновъ, надѣты шлемы, а третій—типичный козакъ въ зеленой свиткѣ, подпоясанной широкимъ разноцвѣтнымъ поясомъ, въ красныхъ шароварахъ и въ высокой смушковой шапкѣ. Двухъ частей этой иконы недостаетъ; кажется, ихъ слѣдуетъ искать въ с. Кисляковкѣ, куда онѣ были подарены о. настоятелемъ бѣлозерской церкви.

Лекція А. Я. Ефименко о Котляревскомъ. 22 ноября въ Харьковѣ состоялась публичная лекція *А. Я. Ефименко* на тему «Авторъ Энеиды и Наталки-Полтавки въ исторической обстановкѣ». Публика, слушавшая лекцію, наградила лекторшу дружными аплодисментами не только ради прекраснаго содержанія лекціи, но и ради пламеннаго

одушевленія, съ какимъ лекторша говорила о быломъ укладѣ жизни Малороссіи, предшествующемъ эпохѣ Екатерины II, и объ отрицательномъ отношеніи южно-русскаго общества къ преобразовательнымъ планамъ этой государыни.

Съ неменьшимъ воодушевленіемъ лекторша коснулась наклонности малорусскаго народа къ просвѣщенію, роли дьяка—простого и «мандрованаго»—въ этомъ просвѣщеніи и демократическаго характера высшаго образованія въ южной Россіи до-екатерининскаго времени.

Рѣчь лекторши звучала негодованіемъ, когда ей пришлось перейти къ времени, когда укладъ жизни Малой Россіи и типъ развитія долженъ былъ пойти въ новомъ направленіи, когда крѣпостное право отдѣлило верхній слой общества отъ нижняго.

Г-жа Ефименко говорила затѣмъ о Котляревскомъ, какъ иниціаторѣ возбужденія симпатій верхняго слоя къ нижнему, взявшемъ на себя эту задачу въ своихъ произведеніяхъ, особенно въ «Наталкѣ Полтавкѣ».

Какъ выразителю народнаго самосознанія, народной стихіи въ поэтическихъ сознаніяхъ, Полтава ставитъ Котляревскому памятникъ, какъ мѣсто его родины, и это обстоятельство дало поводъ г-жѣ Ефименко выступить съ своей лекціей.—(Днѣпров. Молва, № 48)

Отношеніе Святѣйшаго Синода къ малорусскому языку. Мнѣніе нѣкоторыхъ, что Святѣйшій Синодъ принципіально считаетъ невозможнымъ допустить малорусскій языкъ въ цѣляхъ просвѣтительно-образовательныхъ,—какъ указываетъ «Русланъ» (№ 265), совершенно неосновательно, доказательствомъ чего служитъ документальное свидѣтельство на первой страницѣ каждаго № американской газеты «Свѣтъ»: «Увага. Издавать газету «Свѣтъ» *на малорусскомъ нарѣчіи* разрѣшено указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода за № 6570, каковый указъ данъ на имя Преосвященнѣйшаго Николая, епископа Алеутскаго". Такимъ образомъ не Святѣйшій Синодъ относится отрицательно къ употребленію малорусскаго языка въ цѣляхъ просвѣтительныхъ, а тѣ пастыри, которые не сознаютъ этой настоятельной потребности въ послѣднемъ, каковую несомнѣнно сознаетъ преосвященный Николай Алеутскій.

Въ № 45 «Днѣпровской Молвы» помѣщено весьма интересное письмо изъ Черниговской губерніи о „Нерѣшенномъ вопросѣ народнаго образованія."—Авторъ вспоминаетъ о заявленіи въ Черниговскомъ уѣздномъ земск. собраніи, еще въ 1880 г., гласнаго Н. А. Константиновича о необходимости ходатайствовать *о правахъ мѣстнаго нарѣчія при преподаваніи въ школѣ.* Подобное же предложеніе, въ формѣ обстоятельнаго доклада, было представлено въ декабрѣ 1893 г. губернскимъ гласнымъ И. Л. Шрагомъ. Губернская Управа вполнѣ сочувственно отнеслась къ предложеніямъ гл. Шрага и по поводу предложенія его (о разрѣшеніи изданія учебниковъ и книгъ на народномъ языкѣ) особенно подчеркнула необходимость изданія на малорусскомъ языкѣ книгъ Св. Писанія, «которое,—писала Управа въ своемъ заключеніи,—распространено въ настоящее время между разными націями и во всѣхъ частяхъ Россійской имперіи на 70 языкахъ и нарѣчіяхъ,—нѣтъ только его на малорусскомъ (украинскомъ) языкѣ. Казалось бы, что доступъ къ такой великой всемірной книгѣ, какъ Евангеліе, долженъ быть только облегчаемъ всѣми способами».

Переходя къ вопросу о необходимости преподаванія въ школѣ на малорусскомъ языкѣ, авторъ, подобно г. Шрагу и губернской Управѣ, признаетъ тотъ безспорный принципъ, который требуетъ при всякомъ обученіи постепенности въ переходѣ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ легкаго къ трудному. Если кто-либо сомнѣвается въ томъ, что языкъ школьной книжки и языкъ, употребляемый населеніемъ дома, въ семьѣ, не такъ ужъ близки между собою, если кто-либо вообще отрицаетъ крупное различіе между языками великорусскимъ и малорусскимъ, тотъ глубоко заблуждается: достаточно обратить вниманіе на огромное количество омонимовъ (въ отдѣльныхъ словахъ), какъ напр.: люлька, пытать, родына, ось, вино, быть, наглый, шумъ, деревня, рожа; если же брать связныя фразы, то такихъ омонимовъ, благодаря общности большинства корней въ обоихъ языкахъ, получается безконечное количество; затѣмъ есть огромное количество русскихъ словъ, которыя переводятся по-малорусски совсѣмъ непохожими словами: изба—хата, лѣстница—драбына, рожь—жыто, крыльцо—кганокъ, пуговица—кгудзыкъ, шляпа—брыль, ухватъ—рогачъ, стропило—кроква. А вѣдь все это самыя общеупотребительныя и необходимыя слова. Неудивительно поэтому, что почти все время въ малорусской школѣ тратится лишь на усвоеніе русскаго языка, усвоеніе же познаній отодвигается на второй планъ. Поэтому, если бы

произвести реформы, которыя предлагаетъ гласный И. Л. Шрагъ и Борзенское земство (сдѣлавшее постановленіе въ прошломъ году по вопросу о народномъ языкѣ въ школѣ), то школа давала бы совершенно иные результаты, а теперь затраты земства на народное образованіе непроизводительны, и народнаго просвѣщенія не спасутъ ни подробно выработанныя программы, ни гигіеническія школьныя помѣщенія, разъ языкъ преподаваніи не будетъ достигать цѣлей просвѣщенія.

Въ заключеніе авторъ высказываетъ свое удивленіе по поводу того, что до сихъ поръ только одно черниговское губернское земство возбуждаетъ вопросъ о введеніи въ школахъ народнаго языка, а земства другихъ малорусскихъ губерній такъ и продолжаютъ спокойно не замѣчать слона въ близкомъ имъ дѣлѣ народнаго образованія.

Вещи принадлежащія Т. Г. Шевченку. Д. С. Лазаревскій въ Симбирской губ. предлагаетъ желающимъ пріобрѣсть у него слѣдующія вещи, принадлежащія Т. Г Шевченку:

1) Портретъ Ш—ка, до пояса, въ кожухѣ и въ смушевой шапкѣ, нарисованный (въ 1860 г.) самимъ поэтомъ. Стоимость 400 р.

2) Медальонъ изъ двухъ платиновыхъ монетъ, въ золотой оправѣ, съ фотографіей поэта и прядью волосъ послѣдняго,—стоимость 100 руб.

3) Автографъ разсказа «Старая погудка на новый лацъ»;—это первая часть разсказа, извѣстнаго въ печати подъ загл. «Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали». Написано на тонкой, in folio, бумагѣ, оправленной въ сафьянъ; стоитъ 40 р.

4) Путевой альбомъ Ш—ка съ 14-ю пейзажами, исполненными тушью и перомъ; 75 руб.

5) Двѣ сепіи: а) Киргизъ грѣетъ спину около огня и б) Киргизка мелетъ на жерновахъ.

6) Семь сепій «Похожденія блуднаго сына»—300 р.

7) Бумаги, относящіяся къ Шевченку (черновыя его писемъ, списки вещей, оставшихся послѣ его смерти, счетъ расходовъ при его похоронахъ и т. п.), а также носовой платокъ поэта,—25 р. (Літерат. Науковый Вістник. кн. 12).

Владѣлецъ перечисленныхъ предметовъ очень дорого оцѣнилъ ихъ, вѣроятно *изъ уваженія къ памяти поэта.*

Борьба изъ-за Шевченка. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ Золочевской (въ Галиціи) гимназіи польская молодежь чествовала Мицкевича. Въ устройствѣ вечера принимала энергическое участіе и русинская молодежь; даже одинъ изъ учениковъ декламировалъ по-украински. Когда же ученики-русины чествовали память Шевченка или, въ минувшемъ году, Котляревскаго,—то ученики поляки не отказывали имъ въ своемъ содѣйствіи и декламировали по-польски. Это былъ обмѣнъ любезностей и имѣлъ ту хорошую сторону, что и поляки и русины проникались чувствами солидарности и взаимнаго уваженія. Но въ этомъ году вышло иначе. Когда ученики—русины, задумавшіе устроить въ январѣ буд. года вечеръ Шевченка, пригласили къ участію товарищей-поляковъ, послѣдніе не могли принять предложенія, такъ какъ послѣдовало на это запрещеніе со стороны учителя польскаго языка Сендзиміра. Интересно отмѣтить тѣ мотивы, которыми руководствовался г. Сендзиміръ. «Шевченка не слѣдуетъ чтить вечерами, съ точки зрѣнія абсолютныхъ достоинствъ его, какъ поэта. *Шевченко не народный* поэтъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ сталъ бы наравнѣ съ Мицкевичомъ, *чего не было, нѣтъ и не будетъ.* Онъ подъ конецъ жизни впалъ не въ мессіанизмъ, а въ кощунство. Кромѣ того, онъ насквозь *гайдамака*, такъ какъ онъ упивается гайдамачествомъ и идеализируетъ его. Если онъ направляетъ противъ поляковъ ложь, плевки, кидаетъ въ нихъ грязью, то просить поляковъ принимать участіе въ чествованіи такого человѣка было бы варварствомъ. Я радовался, что въ прошломъ году вы не праздновали памяти Шевченка (въ прошломъ году гимназисты чествовали память Котляревскаго), и думалъ, что золочевскіе гимназисты, съ точки зрѣнія цивилизаціи, сдѣлали шагъ впередъ, но оказалось, что я ошибся». (Дѣло, ч. 272).

Явно изъ этого, что пока не переведутся педагоги, подобные г. Сендзиміру, антагонизмъ между галицкими русинами и поляками не скоро исчезнетъ.

Народные спектакли въ Харьковѣ. На праздникахъ Рождества Христова въ циркѣ братьевъ Никитина будутъ даваться русско-мало-

русской труппой спектакли, которые начнутся съ 25 декабря; плата за входъ на спектакли будетъ назначена самая скромная. Предполагаютъ поставить нѣсколько новыхъ пьесъ малорусскаго репертуара, не игранныхъ еще въ Харьковѣ.

Военный хоръ въ Полтавѣ. Подвизающійся съ нѣкоторыхъ поръ во время народныхъ чтеній военный хоръ любителей начинаетъ пріобрѣтать симпатіи публики, посѣщающей чтенія, и служить однимъ изъ средствъ для привлеченія ея по воскресеньямъ въ залъ городской управы. Хоръ этотъ состоитъ изъ 15 пѣвцовъ, обладающихъ свѣжими голосами, и уже теперь весьма недурно справляется съ своимъ довольно разнообразнымъ репертуаромъ; особенно хорошо выходятъ въ исполненіи хора малорусскія пѣсни.

Польская пресса по поводу основанія украинскаго Университета во Львовѣ. По поводу проекта основанія Украинскаго Университета «Słowo Polskie» помѣстило двѣ статьи, — въ №№ отъ 22 и 25 ноября. н. ст. Авторъ первой, К. С., отмѣтивъ тотъ фактъ, что русинскія стремленія къ равноправію съ поляками въ области народнаго образованія съ каждымъ днемъ все больше и больше осуществляются, обращается съ предостереженіемъ къ польскому обществу: «если есть еще время, то надо сдерживать стремленія сейчасъ же, а если нѣтъ,—то придется готовиться къ принятію новаго гостя. Caveant consules, ибо капли долбятъ камень все чаще и регулярнѣе».

Въ другой статьѣ, авторъ, за подписью S. M., говоритъ совершенно обратное,—онъ съ удивленіемъ спрашиваетъ: «неужели будемъ употреблять наши силы на то, чтобы тормозить развитіе братняго народа. Напротивъ, мы должны горячо желать развитія и поднятія русскаго (русинскаго) духа, принять русиновъ какъ братьевъ, а не отталкивать, какъ враговъ... «Гость» этотъ лишь тогда будетъ для насъ страшенъ, когда мы будемъ съ нимъ недостойно обращаться».

Трудно согласить то и другое. Тѣмъ не менѣе, мы охотно вѣримъ, что и въ галицкомъ польскомъ обществѣ найдется не мало лицъ, сочувствующихъ галицко-русинскому движенію, и что значительный процентъ противниковъ послѣдняго можетъ быть объясненъ неточнымъ представленіемъ о галицко-русскихъ отношеніяхъ.

Результатъ конференціи русинскихъ епископовъ во Львовѣ по вопросу объ оффиціальномъ языкѣ для переписки съ властями. «Галичанинъ» напечаталъ результаты конференціи русскихъ (русинскихъ) епископовъ во Львовѣ. Газета сообщаетъ, что на состоявшейся конференціи русинскихъ епископовъ постановлено выступить въ защиту русинскаго духовенства, ведущаго борьбу въ пользу переписки съ властями на родномъ языкѣ. Рѣшеніе это основано на распоряженіи Львовскаго митрополита, повелѣвшаго, чтобы только съ русскими приходскими общинами и вообще русскими учрежденіями переписывались на русскомъ (малорусскомъ) языкѣ.

Общее собраніе членовъ «Народного Дому» во Львовѣ. 8 декабря (н. ст.) состоялось, послѣ трехлѣтняго промежутка, общее собраніе членовъ одной изъ довольно крупныхъ галицко-русскихъ научно-просвѣтительныхъ институцій, «Народного Дому».

Заимствуемъ изъ отчета о дѣятельности «Народного Дому» за послѣднее трехлѣтіе наиболѣе интересныя подробности. Оказывается, всѣхъ членовъ состоитъ теперь 461. Имущество институціи заключается въ 4-хъ домахъ во Львовѣ,—на сумму до 280000 рублей. Затѣмъ еще есть библіотека, состоящая изъ 60449 томовъ, музей и села: Бѣлка, и Костеново—на сумму до 72000. Чистаго дохода ежегодно получается до 5—6 тыс., которые отпущены были на постройку Преображенской церкви во Львовѣ. Долга остается еще до 70000.

«Народный Домъ» содержитъ двѣ «бурсы» (пансіоны): гимназическую и ремесленную (около 35 учен. въ каждой); болѣе успѣвающіе ученики (20) посѣщаютъ нѣмецкую гимназію, а остальные—«русскую» (русинскую) гимназію и реальное училище. Въ недалекомъ будущемъ, «Народный Домъ» предполагаетъ издавать «русскую» народную газету, а также назначить преміи за наилучшія *русскія литературныя* сочиненія въ Галичинѣ».

На собраніи докторъ Черлюнчакевичъ (изъ Перемышля) обратилъ вниманіе собранія на то, что «Народный Домъ» долженъ поддерживать «русскую» литературу и помогать частнымъ лицамъ издавать литературныя произведенія, написанныя «правильнымъ русскимъ языкомъ», а не язычіемъ и не фонетикою». (Дѣло», ч. 270).

Эмиграція изъ Галиціи. Въ послѣдніе четыре года изъ Галиціи эмигрировало въ Америку, согласно данныхъ галицкаго намѣстничества, 33571 чел., въ томъ числѣ изъ восточныхъ уѣздовъ 23529 чел., а изъ западныхъ—10932. Болѣе всего эмигрировало изъ восточныхъ (русинскихъ) уѣздовъ въ 1896 г., а изъ западныхъ въ 1898 г.; менѣе всего: изъ восточныхъ—въ 1898 г., изъ западныхъ—въ 1897 г. Если принять во вниманіе, что изъ восточной Галиціи эмигрировалъ преимущественно русскій (русинскій) элементъ, а изъ западной—польскій, съ значительной примѣсью русиновъ изъ горныхъ уѣздовъ, то можно съ вѣроятностью предположить, что всѣхъ русиновъ эмигрировало minimum $^3/_4$ всего вышеприведеннаго количества. («Літерат.-Науковий Вістник, кн. XII»).

Русины въ Бразиліи. Русины, которыхъ судьба загнала за океанъ, въ Бразилію (въ Парану), въ количествѣ до 30000 чел., начинаютъ пробуждаться къ народной жизни. Такъ напр., въ колоніяхъ—Ріо-Кларо и Прундентополисъ, гдѣ наиболѣе сгруппировано семействъ русиновъ, благодаря неусыпнымъ стараніямъ священника Роздольскаго, построены 4 церкви. Затѣмъ, въ главномъ городѣ Куритыбѣ, гдѣ имѣется также до 200 душъ русиновъ, преимущественно ремесленниковъ, основалось недавно русинское общество «Руска читальня въ Куритыби», цѣлью котораго служитъ сплотить всѣхъ здѣшнихъ русиновъ, на сколько возможно, въ одну «Громаду» для общей народной работы. Въ цѣляхъ сохраненія чистоты языка и вѣры, распространенія образованія, общество основало библіотеку, выписало нѣкоторыя русинскія газеты: «Дѣло» (Діло), «Свободу», но незначительныя средства не позволяютъ производить болѣе крупныя затраты на пріобрѣтеніе желательнаго количества книгъ и періодическихъ изданій. Поэтому «Руская Читальня» въ Куритыбѣ обращается съ просьбой ко всѣмъ землякамъ и редакціямъ газетъ не отказать въ своемъ содѣйствіи. Всякія пожертвованія (книжки и проч.) просятъ присылать по адресу секретаря общества: Antonio Tymcio, *Curityba*, Rua Comandatore Aranio en casa de Sr. Emanuel Miró Iunior.

Число подписчиковъ на галицкія изданія. Какъ сообщается въ № 24 «Громадського голосу», число подписчиковъ на галицкія мало-

русскія изданія выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: «Дѣло» —1456, «Галичанинъ» —около 1000 экземп., Русское Слово—1852 экз.; «Громадський голос» расходится въ количествѣ около 780, «Свобода» — 1305, «Руслан» — 317.

Прарусскій языкъ (!) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ кіевскій ученый посѣтилъ съ научн. цѣлью австрійскіе университетскіе города и по пути остановился во Львовѣ. Здѣсь онъ встрѣтился съ А. Петрушевичемъ [1]), который жаловался ему на то, что онъ трудится много лѣтъ на поприщѣ исторической и археологической наукъ, издалъ огромное количество своихъ произведеній, но они мало расходятся, и рѣдко кто читаетъ ихъ. На это кіевскій ученый замѣтилъ, что причиной этому обстоятельству, по всей вѣроятности, служитъ тотъ языкъ, на которомъ г. Петрушевичъ излагаетъ свои ученыя изслѣдованія, который одинаково неудобопонятенъ и для малоруссовъ, и для великоруссовъ.— «Бо я пишу *праруским* языкомъ»— послѣдовалъ на это отвѣтъ г. Петрушевича. («Руслан», ч. 260).

---

[1]) Одинъ изъ видныхъ дѣятелей старорусской партіи въ Галиціи.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Современные фотографо-этнографическіе альбомы. *(Издательство типовъ и видовъ Малороссіи. Х. Я. Парфененка. Кіевъ, 1899 г.).*

Въ Кіевѣ появилось „Издательство типовъ и видовъ Малороссіи Х. Я. Парфененко". Передо мной лежитъ альбомъ этого издательства, состоящій изъ 135 снимковъ формата цѣлой фотографической пластинки. Какъ нельзя болѣе во-время предпринялъ свое издательство г. Парфененко: повинуясь общему закону, въ Украйнѣ, какъ и всюду въ настоящее время, вслѣдствіе экономическихъ и иныхъ причинъ, идетъ быстрое исчезаніе внѣшнихъ оригинальныхъ этнографическихъ особенностей костюма, утвари, предметовъ домашняго обихода и отчасти даже построекъ. Дешевыя фабричныя матеріи, гнилые ситцы бумазея и вата всюду замѣняютъ теперь прочныя, красивыя, а потому и дорогія домашнія ткани, сукна, холсты, запаски, плахты, всевозможныя ручныя вышивки, рушники, хустки и т. п. Этнографія стыдливо прячется въ музеи и даетъ мѣсто грядущему безцвѣтному, антихудожественному, космополитическому костюму, который всѣхъ подводитъ подъ одинъ сѣрый, унылый шаблонъ. Путешественникъ, проѣзжающій по желѣзной дорогѣ города и села Малороссіи, естественно ищетъ глазами особенностей края, оригинальности костюма и часто очень мало ихъ находитъ; тѣмъ болѣе грустно художнику, видящему, что интересный и весьма живописный костюмъ украинскихъ дѣвушекъ и женщинъ обезличивается. Художники, впрочемъ, жалуются, что даже въ Италіи оригинальные народные костюмы почти ушли изъ деревень, и даже знаменитый италіанскій пастухъ, котораго за

его живописное одѣяніе писали чуть ли не всѣ посѣщающіе Италію художники,—и тотъ бросилъ свой прежній красивый костюмъ, и его всюду можно видѣть въ старомъ, выгорѣвшемъ, повидимому выброшенномъ кѣмъ-нибудь изъ туристовъ, котелкѣ, въ рваномъ пиджачишкѣ, въ дырявыхъ, недоходящихъ до выкривленныхъ и истрепанныхъ ботинокъ узенькихъ брючкахъ. Подобный видъ однако не мѣшаетъ ему чувствовать себя совсѣмъ культурнымъ человѣкомъ и съ презрѣніемъ отворачиваться отъ своихъ собратій, почему либо еще неуспѣвшихъ принять такой же культурный видъ, какъ и у него. Въ Украинѣ еще до этого не дошло, и потому я думаю, что г. Парфененко предпринялъ свое издательство во-время. Фотографія сохранитъ кое-что еще уцѣлѣвшее и удержавшееся и сдѣлаетъ его достояніемъ исторіи; она дастъ цѣнный и разнообразнѣйшій матеріалъ не только разнымъ любителямъ альбомовъ, коллекціонерамъ, диллетантамъ, но и серьезнымъ художникамъ и даже ученымъ.

Попытаемся же выяснить, какимъ условіямъ должны удовлетворять работы вновь появившагося издательства, да и современныя фотографо-этнографическія работы вообще, чтобы имѣть прочный успѣхъ у публики, у любителей альбомовъ, коллекціонеровъ-этнографовъ, художниковъ, въ художественныхъ отдѣлахъ библіотекъ, музеяхъ, рисовальныхъ школахъ и т. д., и т. д.

Удивительнѣйшіе успѣхи современной фотографіи и въ смыслѣ техники, обнимающей все производство дѣла отъ момента сниманія до напечатанія включительно, и въ смыслѣ новизны и смѣлости сниманія съ натуры цѣлыхъ изящныхъ композицій и картинъ, отъ миѳологическаго до историческаго жанра включительно,—все это вмѣстѣ дало поводъ и право настоящимъ художникамъ фотографіи поставить совершенно смѣло вопросъ—искусство ли фотографія? По отношенію къ отдѣльнымъ работамъ опытныхъ, рѣдкихъ фотографовъ-художниковъ приходится, вопреки держащемуся еще противоположному мнѣнію, сказать—да! Стоитъ вспомнить только работы нашихъ мастеровъ—Деньера, Карелина, Вишнякова, снимавшаго свои удивительные пейзажи вмѣстѣ съ покойнымъ профессоромъ И. И. Шишкинымъ, и работы нынѣ здравствующаго любителя Шульца... Да и въ самомъ дѣлѣ, къ фотографіи вѣдь непремѣнно прикасается индивидуальность творчества художника; не говоря о самомъ выборѣ сюжета, замыслѣ внутренняго выраженія, тутъ есть еще наличность композиціи картины, а это черта внутренняго я художника, его вы-

раженіе любви къ своему художественному дѣтищу. Разумѣется, все это не въ той степени, какъ въ картинѣ, гдѣ ее выражаетъ каждый штрихъ и каждый мазокъ, но все же въ такой степени, что всегда можно узнать автора самой работы, а это-то и указываетъ на нѣчто гораздо большее, чѣмъ обыкновенное любительское или даже профессіональное щелканье фотографическимъ затворомъ. Говорятъ и пишутъ даже, что каждый фотографъ, при соблюденіи совершенно одинаковыхъ условій, дастъ совершенно одинаковые результаты. Этого не скажетъ ни одинъ опытный фотографъ, ибо этихъ условій не бываетъ въ натурѣ—одну и ту же фигуру, или портретъ, каждый сниметъ иначе, и это «иначе» будетъ и въ экспозиціи, и въ проявленіи, и въ ретушированія, и наконецъ въ отпечаткѣ и его окрашиваніи. Да оно и понятно: всѣ художественные пріемы возникаютъ изъ мыслей, фантазіи и вкуса художника, всѣ техническіе—изъ личнаго опыта, изученія и исканія милой ему правды, вся же совокупность факторовъ служитъ объясненію, раскрытію идеи снимающаго. Можно смѣло сказать, что художникъ, снимающій фотографію съ собственной композиціи, только ускоряетъ свой творческій трудъ и иногда дѣлаетъ дѣйствительно «моментальные» кроки задуманныхъ, хотя бы и фотографическихъ лишь картинъ. Несмотря однако на быстроту съемки, въ этихъ краскахъ все же есть и выборъ свѣтотѣни, и укладка драпировокъ, осмысленное приспособленіе аксесуаровъ—выдѣленіе однихъ, затемнѣніе другихъ—все то же, что и въ настоящихъ работахъ художника, и все это, опять-таки, даетъ поводъ гг. фотографамъ иногда спрашивать не искусство ли фотографія? А не такъ давно Робертъ де-ла-Сизераннъ издалъ цѣлую любопытную монографію съ превосходнѣйшими фототипическими приложеніями «La Photographie est elle un art?» Разсматривая эти чудныя приложенія со снимковъ Кюйо, Демаши, Лебега, Крегъ-Аннана Реймона, не колеблясь скажешь, что и фотографія можетъ быть искусствомъ. Для насъ впрочемъ не важно рѣшать вопросъ, искусство-ли фотографія, но очень важно, что къ фотографіи уже давно предъявляются требованія, какъ къ искусству, и удивительно то, что этой простой истины не понимаютъ только господа издатели всякихъ псевдо-этнографическихъ «альбомовъ, видовъ, воспоминаній, типовъ Россіи» и т. п. Этимъ непониманіемъ только и можно объяснять ихъ постоянные провалы и то, что сравнительно не очень ужъ плохой «альбомъ Малороссіи» Кордыша—и тотъ отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть какъ слѣдуетъ. Но нѣтъ правилъ безъ исклю-

ченій; они несомнѣнно есть, а изъ нихъ есть одно блестящее и примѣра неимущее,—я говорю о работахъ болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ умершаго петербургскаго художника фотографа Каррика; его снимки типовъ, сценъ и видовъ изъ приволжскихъ губерній русскаго и инородческаго населенія имѣли огромный успѣхъ, причина котораго, прежде всего, лежала въ той необыкновенной любви къ дѣлу, которая заставляла талантливаго художника составлять изъ своихъ малокультурныхъ, а зачастую и полудикихъ, натурщиковъ цѣлыя осмысленныя сцены и картины, а большинство одинокихъ фигуръ его—это прекрасные художественные этюды. Любовь этого энергичнаго художника къ своему дѣлу заставила его побывать въ невѣроятныхъ захолустьяхъ и нетронутыхъ еще мѣстахъ, искать вездѣ оригинальности, красоты, и въ то же время, правдивости и естественности, избѣгать, слѣдовательно, всего пошлаго и надоѣвшаго, всего, что увидишь, куда ни повернешься, и что въ снимкахъ, просматривая, только перелистываешь. Каррикъ пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность не только въ Россіи, но его фотографіями наполнялась масса иностранныхъ журналовъ, не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ. Изъ-за границы отработавшія клише съ его фотографій покупались издателями русскихъ иллюстрированныхъ изданій, которыя, уже хотя и въ изуродованномъ видѣ, но все же знакомили Россію съ работами единственнаго въ своемъ родѣ художника-этнографа. Каррика использовала масса иллюстраторовъ и даже большихъ нашихъ художниковъ,—это фактъ всѣмъ извѣстный. Каррикъ наполняетъ альбомы любителей, этнографическіе музеи и коллекціи, а также художественные отдѣлы библіотекъ; его можно видѣть на разныхъ лукутинскихъ и т. п. издѣліяхъ, въ скульптурныхъ серебрянныхъ вещахъ, разныхъ хромолитографіяхъ, «приложеніяхъ» и народныхъ лубочныхъ картинахъ и т. д., и т. д. Надо помнить, что онъ снималъ еще мокрымъ способомъ, слѣдовательно, какую бездну трудностей приходилось ему преодолѣвать, снимая, напр., на полѣ и въ жаркую погоду, когда облитая пластинка сохла черезъ минуту,—и несмотря на это, онъ все же, четверть вѣка еще назадъ, указалъ дѣйствительный путь всѣмъ послѣдующимъ художникамъ, этнографамъ и фотографамъ любителямъ.. Наградой за его труды былъ не только нравственный, но и матеріальный успѣхъ: сей послѣдній, въ нѣкоторой долѣ и теперь еще получаетъ вдова художника. Но матеріальный успѣхъ его дѣла былъ бы огромный, если бы онъ самъ имѣлъ, кромѣ таланта этнографа-художника, еще и та-

лантъ коммерческій, а то вышло такъ, что эксплоатировалъ дѣло *нѣкто*, а Каррикъ получалъ *нѣчто*.

Обращаясь къ коллекціи Царфененко, прежде всего, слѣдуетъ сказать, что въ ней имѣются положительно хорошіе снимки, и хотя такихъ снимковъ и не такъ много, какъ бы хотѣлось видѣть, но они такъ интересны и художественны, что возбуждаемый ими интересъ переносится отчасти и на всю коллекцію и во всякомъ случаѣ, обязываетъ отмѣтить издательство г. Парфененка, какъ симпатичное начинаніе. Что касается недостатковъ коллекціи, то они, разумѣется, таковы, что въ будущемъ могутъ быть исправлены или по возможности уменьшены.

1. Прежде всего бросается въ глаза масса совершенно случайныхъ снимковъ, какихъ-то не то горничныхъ, не то мѣщанокъ, но во всякомъ случаѣ, особъ совершенно не типичныхъ ни по костюму, ни по лицамъ. Много есть и мужчинъ въ такомъ же родѣ; это и даетъ коллекціи какой-то однообразный пригородно-сѣрый видъ.

2. Непріятно поражаетъ, что всѣ натурщики и натурщицы, въ какихъ бы позахъ они ни стояли, какимъ бы дѣломъ они ни занимались,—непремѣнно смотрятъ на зрителя. Эта театральная рутина, эта дѣланность, а потому и неестественность позъ вызываетъ крайне досадное чувство.

3. Составленныя сцены не выдержаны, и часто между дѣйствующими фигурами нѣтъ внутренняго соотвѣтствія—каждое лицо сцены играетъ свою особую роль и при этомъ, что называется, «изъ другой оперы»; это заставляетъ подобные снимки перелистывать съ особой быстротой.

4. Удивляетъ отсутствіе типичныхъ костюмовъ: изъ 135 снимковъ нѣтъ ни единой дѣвушки или женщины въ плахтѣ или даже запаскѣ; почти отсутствуютъ и головныя повязки. Снята преимущественно молодежь, и при этомъ каждое лице по нѣсколько разъ, хотя бы оно и не заслуживало подобнаго интереса.

5. Почти всѣ лица чрезвычайно сильно ретушированы, а потому и выглядатъ какими-то фарфоровыми. Для художниковъ они, разумѣется, совершенно непригодны, да и обыкновенному зрителю внушаютъ подозрѣніе.

6. Желаніе снимать фигуры возможно большаго размѣра ведетъ въ нѣкоторыхъ снимкахъ къ весьма непріятному перспективному уродованію ихъ.

7. Большинство снимковъ черны; очевидно, что фотографъ пренебрегаетъ какъ свѣтофильтрами, такъ ортохроматическими и изохроматическими стеклами, а эти предосторожности позволяютъ передавать довольно правильно отношенія свѣтотѣни независимо отъ окраски предмета.

8. Удивляетъ обиліе сценъ питія водки, что и въ натурѣ-то часто бываетъ противно, а въ фотографіи, да еще съ дѣланными, неестественными позами, и приэтомъ уставленными на зрителя глазами, и того хуже.

9. Отсутствіе подписей, что снято и гдѣ снято, также не мало вредитъ достоинству коллекціи.

Пожалуй есть и еще одинъ недостатокъ—это дороговизна снимковъ, что, прежде всего, невыгодно самому же издателю, ибо закрываетъ путь къ широкому распространенію коллекціи. Извѣстно, что прочный успѣхъ торговыхъ предріятій зиждется не на высокой цѣнѣ сбываемаго товара, а только на количествѣ его. Вотъ для примѣра недурной обращикъ: въ Америкѣ есть издательство фотографическихъ снимковъ—типовъ, видовъ и сценъ—не только изъ американской жизни, но изъ всѣхъ частей свѣта—это компанія Underwood & Underwood, имѣющая представительство во всѣхъ частяхъ свѣта и главныя отдѣленія въ Нью-Іоркѣ, Торонто (Канзасъ), Оттовѣ (Канада) и Лондонѣ. За 10 лѣтъ гг. Бертъ и Ельмеръ Ундервуды развили свое издательство до коллоссальныхъ размѣровъ; такъ, за 1898-й годъ ими продано 1.250.000 снимковъ! Въ печатной для русскихъ агентовъ инструкціи есть много интереснаго, между прочимъ и наставленій, слѣдуя которымъ, по утвержденію руководства, агенты сбываютъ въ 10—100 разъ больше товара, чѣмъ безъ рекомендуемыхъ пріемовъ. «Во всякомъ случаѣ, говоритъ руководство, заказчикъ покупаетъ болѣе, чѣмъ онъ думалъ; бывали многочисленные случаи, когда намѣревавшійся купить 12 видовъ, при сдачѣ товара покупалъ 60, 72, 120 и болѣе». Снимковъ компаніи Ундервудовъ нельзя пріобрѣсти ни въ какихъ магазинахъ (во избѣжаніе перепечатокъ и конкуренціи); ихъ развозятъ спеціалисты агенты, обрабатывающіе каждый городъ черезъ каждые два года, и притомъ все съ большимъ и большимъ успѣхомъ. Теперь оборотный капиталъ равенъ 1,000,000 рублей. Превосходные снимки Ундервудовъ очень дешевы, а потому приступаешь къ выбору ихъ совсѣмъ спокойно и въ концѣ концовъ берешь дѣйствительно гораздо больше, чѣмъ предполагалъ.

Что же касается техники, художественнаго выполненія всевозможнѣйшихъ задачъ и эффектовъ и внѣшняго изящества работы, то не мѣшало бы всѣмъ нашимъ издателямъ «альбомовъ» серьезно ознакомиться хотя бы, напр., съ первымъ альбомомъ Парижскаго фото-клуба, изд. въ память 1-й фотографической выставки въ 1894 г.—«Première, Exposition d' art photographique Paris 1894». Тамъ бы они увидѣли, чего можно достигнуть, любя свое дѣло: какія дивныя марины, какіе изумительные пейзажи (здѣсь не могу умолчать, что одинъ изъ самыхъ лучшихъ принадлежитъ нашему же соотечественнику М. Н. Кочубею снятый въ окрестностяхъ Бобровицы), какія жанровыя картины, историческіе, всевозможнѣйшіе этюды a la Рембрантъ, картины во вкусѣ старыхъ голландцевъ и мастеровъ разныхъ школъ, наконецъ картины, этюды и головки въ современномъ жанрѣ. Вотъ гдѣ поучиться, какъ надо снимать, а потомъ не слѣдуетъ забывать, что художественно-этнографическіе альбомы не могутъ игнорировать и духовную сторону снимаемаго народа.—Въ селахъ исполняются всевозможные обряды, игры, обрядовые танцы, пѣсни, весенніе танки, вожденіе короля, русалочныя свята, морена, бросаніе вѣнковъ, купало. По Деснѣ и теперь еще можно видѣть Троицкую Щоглу съ надѣтымъ наверху ея колесомъ, всю убранную зеленью и лентами; возлѣ этой Щоглы всѣ святки играетъ и веселится молодежь. Въ тѣхъ же мѣстахъ на Рождественскихъ святкахъ водятъ «козу и бусла»; эти игры сопровождаются лицедѣйствомъ, сценами и обрядовыми пѣснями и танцами. Одна свадьба (весилля) сколько могла бы дать матеріалу для сниманія. Наконецъ кромѣ сценъ и типовъ, встрѣчаются иногда старинные костюмы или части ихъ, оружіе, оригинальное шитье, разные хозяйственные предметы, украшенные рѣзьбой, наконецъ древнія деревянныя церкви и рѣзные иконостасы въ нихъ. А гг. издатели, желая дать въ своихъ альбомахъ представленіе о странѣ, ничего этого не видятъ и не ищутъ. Они предовольны, если имъ удастся пять, десять разъ подъ рядъ снять одну и ту же горничную или проходящаго мимо ихъ деревенскаго «перевертня», печатаютъ въ сотняхъ экземпляровъ свои «типы», назначаютъ цѣну немножко только выше высокой и удивляются, что никто ихъ «типовъ» покупать не хочетъ. Итакъ, мы видимъ, что издавать художественно-этнографическіе альбомы—дѣло совсѣмъ не такое простое и легкое, какимъ его, очевидно, представляютъ себѣ многіе изъ господъ предпринимателей. Далеко нѣтъ; для этого надо имѣть, кромѣ дѣйствительной любви къ своему дѣлу, еще

и настоящее художественное развитіе и вкусъ и прямо-таки спеціальный талантъ. Къ нему надо серьезно и разносторонне готовиться, ознакомившись предварительно со всѣмъ, что было сдѣлано въ этомъ направленіи. Нужно большое умѣніе обходиться съ народомъ, умѣть расположить его къ согласію позировать, т. к. большинство къ фотографированію относится съ предубѣжденіемъ, а особенно старые и пожилые люди, смотрящіе на сниманіе портретовъ, какъ на суетную и даже вредную забаву праздныхъ людей. Нужна ясная, опредѣленная программа для своихъ работъ, осмысленная задача произвести впечатлѣніе извѣстной законченности, цѣльности идеи коллекціи; короче—коллекція, кромѣ своихъ художественныхъ достоинствъ, должна удовлетворять еще и научнымъ этнографическимъ требованіямъ; безъ этихъ условій судьба подобныхъ изданій всегда будетъ одинаково печальна.

О. Сластіонъ.

Памятки україньско-руськоï мови и літератури. Видаe комісия археографична наукового товариства імени Шевченка. Т. I. *Апокріфи старозавітни, зібрани з рукописів україньско руських. У Львові 1896 г. Т. II. Апокріфи новозавітни. А Апокріфічні евангелия У Львові 1899. Накладом Наукового Товариства імени Шевченка.*

Съ большимъ удовольствіемъ можно отмѣтить появленіе этого цѣннаго изданія, предпринятаго Археографическою Коммиссіей имени Тараса Шевченка. Извѣстный собиратель памятниковъ апокрифическаго содержанія, д-ръ Иванъ Франко, приложилъ очень много усердія къ обнародованію цѣнныхъ памятниковъ, которыми пробавлялись южно-руссы въ старину, а у угро-руссовъ эти памятники и понынѣ продолжаютъ бытовать и занимать умы досужихъ читателей.

Собраніе подобныхъ памятниковъ изъ южно-русскихъ рукописей можетъ служить показателемъ обращенія среди малороссовъ тѣхъ, а не иныхъ произведеній, вліяніе которыхъ должно было такъ или иначе отразиться на народныхъ вѣрованіяхъ. Изслѣдователь малорусскаго фолькльора отнынѣ долженъ почаще заглядывать въ это собраніе для показанія связи между малорусскими преданіями и этими апокрифическими сказаніями.

Собиратель имѣлъ подъ руками очень цѣнныя рукописи. Къ числу таковыхъ слѣдуетъ отнести Крехивскую Палею XVI в., принадлежавшую гетману Яну Жолкевскому (1623 г.), какъ гласитъ подпись на стр. 1132—1133. Рукопись эта не имѣетъ слѣдовъ вліянія болгарскаго, а есть чисто русская. Составитель этой Палеи оказалъ особенное вниманіе къ славянскимъ землямъ и смежнымъ съ нимъ странамъ. Говоря про Афета, онъ отмѣчаетъ: «Афѣту же иша сѧ полунощныа и западныа страны: Мидиѩ, Ливаніа, Словенескъ ѩзык» (стр. 120). Перечисляя затѣмъ рѣки въ краяхъ Афетова колѣна, составитель упоминаетъ только р. Тигръ, а больше перечисляетъ славянскія рѣки: Дунай, Днѣпръ, Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волга. Славянскій языкъ признается языкомъ Афета: «мы же глаголемь по речи ѩзыка своєго, иже отъ Афета ѩзыци изыдоша и въ части его седять:

а҃. варѧзьскъ, в҃. ѩзык словенскъ, г҃. Ѵюд, д҃. Ѩмь, є҃. Лопъ, ѕ҃. Перма, з҃. Корела, и҃. Печора, ѳ҃. Угра, і҃. Литва, аі҃. Ѩгвѧзи, ві҃. Пруси, гі҃. Недрова, ді҃. Мерѧ, єі҃. Мордва, ѕі҃. Мещера, зі҃. Мурома, и҃і. Корсь, ѳі҃ Зимьгола, к҃. Либъ (127—128).

Объ изобрѣтеніи славянской азбуки Константиномъ (Кирилломъ) философомъ этотъ памятникъ говоритъ такъ:

„Въ лѣто ҂ѕ҃г҃т҃г (=6303=795) Констѧнтина философа, нарицаемый Кvриллъ—створилъ грамоту словеньскым ѩзыком глаголемую литицу (т. е. глаголицу) въ дни Михаила царѧ греческаго і въ дни кнѧзѧ Рюрика новгородскаго, егоже сыномь рускаѧ землѧ прейде“ (стр. 1020—1021, т I, стр. LX).

Нѣсколько ниже (стр, 1130—1132) объ этомъ вопросѣ читаемъ: «сеже буди вѣдомо всѣми ѩзыкы и всѣми людми, яко рускіи языкъ ни откудуже прія вѣры святоѩ сеѧ, і грамота руская никимь же явлена, но токмо самѣмь Богомь . . . . . и грамота рускаѧ явихсѧ Богомь дана в Корсунѣ Русину, отъ нея же научися философъ Констѧнтинъ, оттуду сложивъ и написавъ книги рускымь гласомь... Тъ же мужь Русинъ бѧше благовѣренъ, постомь и добродѣтелью, въ чистѣи вѣрѣ единъ оуединивсѧ. И тъ єіинъ отъ руска ѩзыка явисѧ преже христіанъ сын, и невѣдомъ никимь же, откуду єсть».

Въ краткомъ библіографическомъ обзорѣ невозможно отмѣтить все значеніе этого цѣннаго изданія; содержаніе же его видно отчасти изъ самаго заглавія обоихъ этихъ томовъ.

Собиратель мало изслѣдовалъ эти памятники; въ своихъ вводныхъ статьяхъ къ каждому тому онъ даетъ общій обзоръ (хотя и невполнѣ полный) прежнихъ изслѣдованій апокрифической литературы у русскихъ и славянъ. Иногда ему приходится признавать чужія мнѣнія, безъ провѣрки ихъ достовѣрности. Такъ, на стр. XX (т. II) онъ признаетъ вѣрнымъ мнѣніе А. Н. Попова, повторенное затѣмъ проф. М. Н. Сперанскимъ, что первоевангеліе Іакова было переведено на старославянскій языкъ въ XI в. «До XI, найпізнійше до XII,—продолжаетъ г. Франко,—«належить також переклад так званої ширшої редакції Нїкодимового євангелия, доконаний на південно-словяньськім грунті, але не з грецького, тілько, як думають пр. Полівка і. М. Сперанскій, а з латінського языка, в околиці, де панувало глаголицьке письменство».

Но, повторяю, цѣнный матеріалъ, вошедшій въ это изданіе, искупаетъ всѣ возможныя неточности. Къ числу такихъ цѣнныхъ матеріаловъ слѣдуетъ отнести выписки изъ Керестурской рукописи XVIII в. (т. II, стр. 74—98), изъ угро-русскаго учительнаго евангелія XVII в., изъ Креховской рукописи XVII в., изъ рукописи о. Өеодора изъ Дубовца («о главѣ Адамовѣ, которую принесли дѣмони з древомъ») (стр. 245, т. II) и много др.

Пользованіе этимъ собраніемъ облегчено прекрасно составленнымъ указателемъ именъ, который приложенъ къ каждому тому, а равно и многочисленными библіографическими указаніями, имѣющими несомнѣнное научное значеніе.

В. Качановскій.

---

1) Ю. А. Кулаковскій. Карта Европейской Сарматіи по Птолемею. *Привѣтствіе XI Археологическому Съѣзду. К. 1899. Стр. 31+1 карта.* **2) Матеріалы по исторіи русской картографіи.** *Вып. 1. Карты всей Россіи и южныхъ ея областей до половины XVII вѣка. Изданіе Кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ подъ ред. В. А. Кордта. К. 1899. In-f. Стр. 15+XXXII таблицы.*

XI археологическій съѣздъ въ Кіевѣ вызвалъ, между прочимъ, появленіе въ свѣтъ двухъ изданій, заглавія которыхъ выписаны выше. Оба труда представляютъ цѣнныя пособія для занимающихся исторической географіей Южной Россіи.

Проф. Ю. А. Кулаковскій вычертилъ отрѣзокъ карты Птолемея въ предѣлахъ отъ 63° до 43° по широтѣ и отъ 42° до 73° по долготѣ т. е. Европейскую Сарматію и сопредѣльныя ей части Европы и Азіи. Карта вычерчена по первому изъ двухъ указанныхъ у Птолемея способовъ проекціи сферы на плоскости, т. е. параллели являются въ видѣ кривыхъ линій, а меридіаны—прямыхъ, исходящихъ изъ одного центра. Нѣкоторыя названія, встрѣчающіяся у Птолемея, опущены для избѣжанія пестроты. Немногія неточности были неизбѣжны при выполненіи карты не въ спеціальномъ картографическомъ заведеніи. Текстъ Ю. А. Кулаковскаго распадается на двѣ половины. Въ первой даются свѣдѣнія о географіи Птолемея, вторая заключаетъ въ себѣ описаніе и разборъ карты Европейской Сарматіи. Весьма интересно и правдоподобно здѣсь предположеніе автора о тождествѣ Птолемеевскаго Метрополя съ Кіевомъ.

Трудъ В. А. Кордта является попыткой удовлетворить, хотя отчасти, давно назрѣвшей въ русской исторической наукѣ потребности въ историко-географическомъ атласѣ Россіи, который заключалъ бы въ себѣ факсимиле важнѣйшихъ картъ Россіи. Вышедшій теперь выпускъ содержитъ карты, начиная съ карты Николая Кузанскаго (1491 г.) и карты Чернаго моря Гратіоза Бенинказы (1474 г.) и оканчивая картой Украины Боплана (1650 г.). Здѣсь воспроизведены многія очень рѣдкія карты, находящіяся въ западно европейскихъ библіотекахъ и мало доступныя русскимъ изслѣдователямъ. Въ текстѣ карты описаны по типамъ, причемъ за оригинальными картами идутъ заимствованныя, которыя составляютъ большинство. Къ сожалѣнію, условія изданія не дали составителю возможности распредѣлить въ такомъ-же порядкѣ и таблицы. Самыя карты выполнены частію фототипіею, частію фото-литографіею и представляютъ точное воспроизведеніе подлинниковъ.

Внѣшность обоихъ изданій очень изящная, даже роскошная, и нельзя не поблагодарить, какъ авторовъ за ихъ кропотливый, часто незамѣтный для посторонняго глаза, трудъ, такъ и университетъ св. Владиміра и Кіевскую археографическую Коммиссію, не пожалѣвшихъ средствъ на изданіе этихъ трудовъ.

Е. К.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 330 *«С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»* помѣщена прекрасная статья *Д. Мордовцева* подъ загл. *«Нѣтъ, не оставляютъ»*, въ отвѣтъ, главнымъ образомъ, на статью проф. В. Модестова, въ Одесскомъ Листкѣ (см. К. Стар. 1899, декабрь, стр. 164), а также и по адресу другого кіевскаго профессора, «палящаго холостою пальбою въ Наукове Товариство імени Шевченка».

Авторъ статьи основательно возражаетъ г. профессору, что обвиненіе его, и его «единомышленниковъ» въ *«ограниченіи»* обще-русскаго литературнаго языка въ пользу мѣстнаго нарѣчія», по меньшей мѣрѣ смѣшно. «Безъ сомнѣнія, почтенный профессоръ недостаточно освѣдомленъ о томъ, кто кого «ограничиваетъ». Жаль! А если бъ онъ былъ освѣдомленъ объ этомъ, то узналъ бы, что именно насъ найусерднѣйшимъ образомъ «ограничиваютъ» не только тѣ, которымъ всякое «ограниченіе» вѣдать надлежитъ, но и тѣ, которымъ это не надлежитъ, хотя бы къ примѣру, самому же Василію Ивановичу и его другимъ добровольцамъ «ограниченій».

Что же касается утвержденія г. одесскаго профессора, что «языкомъ науки и обще-русской литературы можетъ быть только тотъ языкъ, который выработанъ для этой цѣли исторически», то куда же придется дѣвать «выработанные исторически» языки польскій, грузинскій, армянскій и т. д., изъ которыхъ послѣдній, напр., имѣлъ уже свою литературу въ то время, когда предки наши «жили звѣрински» и ѣли все «нечистое». Если же г. профессору не нравится научный украинско-русскій языкъ («уродливый жаргонъ»), то это дѣло вкуса,—а многіе находятъ польскій языкъ—съ его шипучими двусогласками и ринезмами (ą, ę)—тоже отвратительнымъ; другіе—находятъ что и англійскій языкъ отвратителенъ; третьи называютъ языкъ Гете, Шиллера и Гейне—«собачьимъ». Ужь не «оскорбляютъ ли и хохлы великорусскій языкъ?»

Въ № 335 газеты «Жизнь и Искусство» помѣщена статья С. Берднева «Сцена и артисты» (малорусская труппа), въ которой, разбирая подробно пьесу Карпенко-Караго «Безталанну» и ея исполненіе, авторъ касается положенія малорусскаго театра и языка въ Россіи, заговоривъ объ этомъ по поводу нападокъ и насмѣшекъ со стороны нѣкоторой части общества, страдающей маніей преслѣдованія. «На

западѣ производить подобные наскоки устыдились бы завѣдомые невѣжды съ улицы; у насъ же ихъ не гнушаются и патентованные жрецы серьезной филологіи, прибѣгая къ недостойнымъ служителей знанія тенденціознымъ передержкамъ и почти фельетонному зубоскальству надъ народными святынями... Ихъ, изволите-ли видѣть, забавляютъ будто бы многія украинскія слова,—представляющіяся ученому слуху пошлыми. Любопытно было бы узнать отъ этихъ господъ, какое впечатлѣніе на нихъ производитъ хотя бы заурядное въ заголовкахъ сербскихъ газетъ выраженіе: «излази» (выходитъ) въ такой то день «на целомъ табаку» «на по табаки» (въ объемѣ цѣлаго листа, полулиста. Если это смѣшно для человѣка малообразованнаго,—то на него нельзя и сердиться, „но игривыя шуточки нашихъ пользующихся европейской извѣстностью языковѣдовъ по адресу тѣхъ или иныхъ особенностей малорусской рѣчи, по моему—нѣчто до крайности безтактное и неприличное. Естественно, начинаешь приписывать это совершенно другого рода умысламъ и цѣлямъ, увы, ничего общаго съ настоящей наукой не имѣющимъ".

—

Въ № 235 газеты «Асхабадъ» помѣщенъ фельетонъ г. А. З. подъ заглавіемъ *«Объ украинофильствѣ»*. Заговоривъ о бывшихъ въ закавказской области украинскихъ спектакляхъ [1]), авторъ коснулся причинъ огромнаго успѣха украинскихъ драмъ и комедій, не только, наприм., на Закавказьи, но и во всей Россіи. Отмѣтивъ начало увлеченія украинской народной поэзіей, начало «украинофильства», авторъ говоритъ о томъ, что на ряду съ движеніемъ украинскаго народнаго творчества, въ русской литературѣ создалась особая партія видящая въ этомъ движеніи „глубоко зловредныя начала", тормозящія развитіе „истиннаго" самосознанія русской жизни, оскорбляющія русскій націонализмъ и даже подрывающія чуть ли не въ корнѣ государственный строй. Между тѣмъ, враждебныхъ чувствъ со стороны украинскаго народа и его образованныхъ представителей по отношенію къ Россіи, русскимъ чувствамъ, ни въ чемъ не замѣтно,—ни въ народной украинской поэзіи, ни въ памятникахъ минувшихъ столѣтій, ни въ литературѣ. Въ концѣ статьи авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы развитіе народныхъ массъ шло нормально, безъ тормоза, съ яснымъ пониманіемъ окружающей обстановки, безъ ложнаго толкованія и инсинуацій, продѣлываемыхъ, напримѣръ господами самозванными патріотами надъ украинской литературой.

---

[1]) Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ, какой именно труппы.

Въ № 8551 „Новаго Времени" Д. Верггунъ въ статьѣ „Быть или не быть всеславянскому съѣзду журналистовъ въ Парижѣ", предлагаетъ устроить таковой съѣздъ въ Парижѣ во время всемірной выставки, на которомъ бы „докладъ о современномъ положеніи, со славянской точки зрѣнія, печати русской, *малорусской въ Австріи*, Венгріи, польской, чешской, словацкой, словинской, хорватской, сербской и болгарской, дали бы возможность уяснить себѣ тѣ пробѣлы и недочеты славянской печати, отъ которой страдаетъ идея о „духовномъ единеніи всего славянскаго міра".

Въ VIII кн. за 1899 г. парижск. журнала «Revue politique et parlementaire» нѣкій г. Philarmonios помѣстилъ статью «Les destinées de la Russie au point de vue nationaliste» („о судбахъ Россіи съ точки зрѣнія націоналиста"). Статья эта, въ основу которой положена фальшивая идея, переполнена разительными фактическими неточностями. Philarmonios проповѣдываетъ принципъ „повсемѣстнаго притѣсненія народа польскаго въ предѣлахъ нашего отечества", предлагаетъ всѣ польскія губерніи подарить Австріи, а въ замѣнъ этого отобрать у послѣдней восточную Галицію, гдѣ живутъ „россіяне (?!)" „Народа русинскаго не существуетъ. Есть только россіяне; то, что писали извѣстные русскіе и чешскіе изслѣдователи славянскаго міра о русинской народности, все это вздоръ"!

На подобныя разглагольствованія не стоило бы обращать вниманія... Остается только пожалѣть, что такія вещи печатаются въ французскомъ журналѣ, имѣющимъ широкое распространеніе, и очень легко могутъ ввести въ заблужденіе неосвѣдомленную по данному предмету французскую публику.

Сорокъ первое присужденіе премій графа Уварова происходило, 25-го сентября, въ публичномъ засѣданіи Императорской академіи наукъ. На соисканіе премій графа Уварова въ нынѣшнемъ году было представлено восемь сочиненій и, сверхъ, того, одно, отложенное отъ прошлаго конкурса за непредставленіемъ отзыва рецензента. Единогласно признано вполнѣ отвѣчающимъ условіямъ для награжденія большою преміею въ 1500 руб. сочиненіе С. Голубева: „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники", т. II. Кіевъ. 1898. Неполная премія въ 500 руб. присуждена Д. Багалѣю—за сочиненіе „Опытъ исторіи харьковскаго университета". Почетный отзывъ при-

сужденъ: В. И. Шенрову за сочиненіе „Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя“.

—

Въ газ. „Волынь“ (№ 180) напечатана небольшая статейка, въ видѣ исторической справки, о горѣ *Бонѣ* въ гор. Кременцѣ, на которой находятся развалины одного изъ древнѣйшихъ и неприступныхъ замковъ на Волыни. Въ статьѣ этой даются краткія историческія свѣдѣнія объ этомъ замкѣ и описывается современное положеніе его.

—

Въ № 9-мъ минувшаго года въ нашемъ журналѣ были перепечатаны замѣтки изъ „Буковины“ о положеніи майносскихъ козаковъ, живущихъ въ Турціи (см. отд. 2-й, стр. 104—107). По поводу этихъ замѣтокъ въ № 231-мъ „Кубанск. Вѣдом.“ помѣщена статья *П. П. Короленка*, въ которой онъ высказываетъ сомнѣніе въ вѣрности сообщенныхъ въ „Буковинѣ“ данныхъ объ этихъ козакахъ, а особенно о слѣдахъ въ ихъ разговорной рѣчи малорусскаго языка.

—

Въ словинскомъ иллюстрированномъ журналѣ, «Dom in Svet,» выходящемъ въ Люблянахъ, началась печатаніемъ статья г. Подравскаго подъ загл. «Črtice iz maloruske književnosti». Въ № 21 (отъ 1 ноября) говорится о Шевченкѣ, отъ его дѣтства до знакомства съ Кулишемъ и Костомаровымъ. Статья написана тепло и сочувственно къ нашему поэту. Въ № 22 разсказывается о Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ, о дальнѣйшей судьбѣ и смерти Шевченка. Болѣе подробно останавливается авторъ надъ характеромъ и дѣятельностью Кулиша. Затѣмъ авторъ обращается къ писателямъ 60-70 гг. и упоминаетъ о запрещеніи печатанья малорусскихъ книгъ и журналовъ въ Россіи, начиная съ 1876 г. Упомянувъ еще о Руданскомъ, Мордовцевѣ и Стороженкѣ, онъ обращается къ Галиціи, говоритъ объ основаніи Галицко-Русской Матицы, первой газеты на украинскомъ языкѣ «Зоря галицька» и о назначеніи Головацкаго профессоромъ украинскаго языка и литературы во Львовскомъ университетѣ.

—

Извѣстный переводчикъ Шевченка на Русскій языкъ Иванъ Бѣлоусовъ, напечаталъ въ „Южномъ Обозрѣніи“ (№ 835) переводъ «Мени трынадцятый мынавъ». Переводъ не дуренъ. Вотъ его начало:

Мнѣ снилось: снова я ребенокъ,
Пасу ягнятокъ за селомъ,
На небѣ солнышко сіяетъ,
Тепло и весело кругомъ,
И мнѣ такъ радостно, что словно
Не на землѣ я, а въ раю.

Въ журн. „Slovanské Pohl'ady", (XVI, № 6, стр. 345) помѣщена въ переводѣ Соколицкаго, дума Шевченка «Мынають дни, мынають ночи». Начинается она такъ:

Uchodia dni i hviezdnaté noči,
Prešlo už leto, žltne strom;
Padajú listy, hasnú už oči,
Objaté dumy, srdce snom.
Odišlo všetko do pokoja—
Žiješ li ešte, duša moja?
Chladnym okom hl'adim v svet,
Neman slz, ni smiechu niet.

Какъ видимъ, переводъ этотъ значительно уступаетъ, напр переводу г. Гарамбашича на сербскій языкъ (см. «Кіевская Старина», 1899, кн. 7 и 9.) Здѣсь измѣненъ размѣръ, переводъ слишкомъ свободный, и часто не передаетъ мысли поэта.

Въ Перемышлѣ, на средства священника Л. Джулинскаго, издана Библія въ картинахъ; всѣхъ картинъ 50, съ соотвѣтствующими надписями и текстомъ на оборотѣ, вкратцѣ поясняющемъ изображаемое событіе. Надписи и текстъ на картинахъ исполнены этимологическимъ правописаніемъ, но уже приготовляется и на дняхъ выйдетъ новое изданіе, гдѣ будетъ введено правописаніе фонетическое. Клише рисунковъ изготовлены въ Лейпцигѣ, исполнены прекрасно, и цѣну изданія $1^1/_2$ зл. р. около (1 руб. 20 коп.) можно считать невысокой. («Дѣло», 276).

Нѣмецкій журналъ «Die Gesellschaft» помѣстилъ въ октябрьскомъ номерѣ очеркъ одного изъ лучшихъ современныхъ галицко-буковинскихъ писателей Васыля Стефаныка «Листъ» (Ein Brief).

Польскій еженедѣльн. журналъ (во Львовѣ), «Monitor», въ № 23 помѣстилъ въ фельетонѣ переводъ поэзій въ прозѣ О. Кобылянской «Рожі» «Аккорди».

—

Краковскій ежемѣсячный журналъ «Krytyka» въ вып. 8-омъ (октябрь) помѣстилъ переводъ очерка В. Стефаныка—«Сама саміська» („Sama samiuteńka")

—

Съ № 77 «Буковини» началось печатаніемъ «Відродженне» (Воскресеніе) гр. Л. Н. Толстого въ переводѣ Василя Симовыча.

—

Опредѣленіемъ особаго отдѣла ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ Министра, постановлено: книжку «Розмова про сільске хозяйство». II книжка. Худоба: кони, скотына, свыни та вивци, зъ 20 малюнками, Е. Чикаленко. Одесса 1899 г. Изданіе южнорусскаго общества печатнаго дѣла, стр. 59, ц. 10 к.»,—допустить въ библіотеки учительскихъ семинарій, въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки тѣхъ губерній, гдѣ мѣстное населеніе говоритъ *на малорусскомъ норѣчіи*. (Кубан. Вѣд. № 265.)

—

Въ № 49 журнала „Kraj" помѣщенъ сочувственный отзывъ о 1-мъ томѣ «Повистей и Оповидань» И. Левицкаго: „спокойный, медлительный, мечтательный тонъ разсказовъ хорошо настраиваетъ читателя, не любящаго искусственности или тенденціи".

—

Багалѣй Д. И. Удаленіе профессора И. Е. Шада изъ Харьковскаго университета. Матеріалы для біографич. словаря профессоровъ Харьковск. Университета. Харьковъ, 1899. Ц. 1 р.

История Україна-Руси. Написав *М. Грушевський.* Том II. XI—XIII в. (Збірник історично-фільософічної секциї Науков. Тов. ім. Шевченка. Т. X). У Львові, 1899., in 8⁰, II+403. Ціна 2 зл. р.

Josef Dunin Karwicki. Ze starego autoramentu. Typy i obrazki Wolyńskie. Serya druga. Warszawa, 1900.

М. Загирня. Страшный ворогъ. Кныжка про горилку. Видання Б. Гринченка. № 45. У Чернигови, 1900, in 16⁰, 1—42. Цина 6 коп.

Оповідания Олександра Катренка. У Львові, 1900, in 8⁰, 1—56.

Оповідання Михайла Коцюбинського. У Львові, 1900, in 8⁰, 1—48.

Линниченко І. Суспільні верстви Галицької Руси XIV—XV в. У Львові, 1899, in 8⁰, 1—168. (Руська історична бібліотека, т. VII).

Мудра дівчына. Казка народня. Видання Б. Грінченка. № 44. У Чернигови, 1900, in 16⁰, 1—32. Цина 5 к.

И. Мыронъ. Абу-Каземови канци (арабська казка). № 12. Черкассы, 1899, in 16⁰, 1—64. Ц. 5 к.

А. Папковъ. Братства. Очеркъ исторіи западно-русскихъ православныхъ братствъ. Москва, 1900, I—III+I—LXIV+1—291+1—22+I—XXIX.

А. Папковъ. Упадокъ православнаго прихода (XVIII—XIX в.) Историческая справка. Москва, 1899, 1—169.

Перетцъ. В. Н. Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII вв. (I—XIV). Спбр. 1899. Ц. 80 к.

Перетцъ. В. Н. Матеріалы по исторіи апокрифа и легенды I. Къ исторіи Громника. Введеніе, славянскіе и еврейскіе тексты. Спбр. 1899. Ц. 1 р. 30 к.

Родословіе древняго дворянскаго рода Завадскихъ—Рогачей. (Отд. оттискъ изъ «Дворянскаго адресъ-календаря» на 1899). Спбр., in 8⁰, стр. 1—7.

Разсказы М. Т. Симонова (Номиса). Изданіе «Кіевской Старины». 1900, 1—15, 1—244.

Сластинъ. М. Ф. Погыбель. Драма въ 3-хъ діяхъ и 4 одминахъ. Харьковъ. 1899. Ц. 10 к., съ нотами—15 к.

Н. П. Степановъ. Народные праздники на святой Руси. Спбр. 1900 г.

Тимковскій Д. Земля и люди въ Россіи. Географическая хрестоматія. Вып. 3. (Въ Бѣлоруссіи.—Въ Малороссіи.—Въ Крыму.—На Кавказѣ). Москва, 1899, стр. 158+II, in 8⁰.

А. А. Шахматовъ Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей Спбр. 1899.

Уілліям Шекспір. Гамлет, принц данський. Переклад П. Куліша. Виданий з передмовою і поясненями Др. Ів. Франка. У Львові, стр. XXIII+172. Ціна 70 кр.

Яценко-Хмѣлевскій. Родословная записка фамиліи Яценко-Хмѣлевскихъ (по Черниговской губерніи). Москва, 1898, 1—141, I—II (съ генеологич. таблицами).

Археологическая лѣтопись.

Не смотря на то, что веденіе «Археологической лѣтописи» въ прошломъ году было сопряжено съ различнаго рода затрудненіями, зависѣвшими какъ отъ малой отзывчивости нашихъ археологовъ, такъ и отъ другихъ обстоятельствъ, о которыхъ не мѣсто здѣсь распространяться, мы все-таки, считая это дѣло не вполнѣ безполезнымъ, рѣшили продолжать его и въ настоящемъ году.

Особенно много хлопотъ доставилъ отдѣлъ изслѣдованій и раскопокъ. Съ каждымъ годомъ у насъ все больше и больше производится раскопокъ кургановъ и городищъ; цѣлью отдѣла и было поставлено—дать хотя краткія свѣдѣнія о всѣхъ подобнаго рода изслѣдованіяхъ. Вѣдь можно положительно утверждать, что большая половина добытаго такимъ путемъ матеріала пропала и пропадаетъ для науки. Мы не говоримъ уже о тѣхъ изслѣдованіяхъ и раскопкахъ, которыя производятся отъ нечего дѣлать, отъ празднаго любопытства, но даже и тамъ, гдѣ раскопки обставленны научно, гдѣ ведутся дневники, не всегда они становятся достояніемъ науки. Легко произвесть раскопку десятка-другого кургановъ, труднѣе составить дневники раскопокъ, но еще труднѣе по разнымъ обстоятельствамъ издать дневники, хотя-бы даже въ сыромъ видѣ. Прошлое даетъ не мало печальныхъ примѣровъ подобнаго рода. Приведемъ одинъ: не такъ давно, чуть-ли не на толкучемъ рынкѣ, въ числѣ другого рукописнаго хлама можно было видѣть дневники раскопокъ покойнаго археолога Волошинскаго, раскопавшаго массу кургановъ въ Кіевской губ.. Да и теперь, у многихъ здравствующихъ археологовъ накопилось столько матеріала, что они не знаютъ что съ нимъ дѣлать, и дѣйствительно, справиться съ нимъ довольно мудрено, разъ дѣло запущено.

Будучи увѣрены, что даже самыя краткія резюме разнаго рода изслѣдованій пригодятся для науки, мы очень просимъ лицъ, производящихъ изслѣдованія въ раіонѣ Южной-Россіи, дѣлиться съ нами результатами и наблюденіями.

Н. Бѣляшевскій.

1899 г. въ археологическомъ отношеніи.

Въ нѣсколькихъ нижеслѣдующихъ строкахъ мы намѣрены отмѣтить въ самыхъ общихъ чертахъ, что далъ прошлый годъ для археологіи Южной-Россіи.

На первомъ мѣстѣ мы должны, конечно, поставить *археологическій съѣздъ*. О немъ уже много говорилось на страницахъ «Лѣтописи»—повторяться не будетъ, скажемъ—лишь, что самые существенные результаты съѣзда заключаются въ подготовительныхъ работахъ къ нему и въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя вытекаютъ изъ него. На съѣздѣ было высказано много пожеланій; трудно предсказать судьбу ихъ, но на одномъ стоитъ остановиться, такъ какъ, благодаря энергіи гр. П. С. Уваровой, оно, повидимому, начинаетъ осуществляться. Имѣемъ въ виду вопросъ о собираніи свѣдѣній о памятникахъ старины Южной Россіи и объ изданіи ихъ. [1]) Не можетъ быть и рѣчи объ изданіи всѣхъ памятниковъ,—тутъ нужны обширныя подготовительныя работы, нужны большія средства на изданія. Но если даже будетъ сдѣлано и немногое изъ намѣченнаго широкаго плана, то и это будетъ цѣннымъ вкладомъ въ очень не богатую литературу по данному предмету.

Съѣздъ вызвалъ нѣкоторый интересъ къ археологіи и у нашихъ *ученныхъ обществъ*; но въ общемъ, докладовъ на спеціально археологическія или художественно-археологическія темы почти не было. Въ Кіевѣ существуетъ Общество Древностей и Искуствъ; до послѣдняго времени оно было занято устройствомъ новаго музея; будемъ надѣяться что, покончивши съ этимъ дѣломъ, и оно приметъ участіе въ научной разработкѣ вопросовъ, касающихся мѣстной старины.

---

[1]) См. „Лѣтопись“, 1899 г.—Засѣд. общ. Нестора Лѣтописца и особой коммиссіи.

Благодаря тому, что почти всѣ лица, такъ или иначе сопричастныя къ археологіи, были заняты организаціонной дѣятельностію по устройству съѣзда, систематическія *раскопки* въ прошлое лѣто почти совершенно не производились. Мы можемъ указать лишь на продолженіе изслѣдованій Хвойко палеолитической стоянки на Кирилловской улицѣ въ Кіевѣ, давшей много новыхъ образцовъ древнѣйшей культуры, на раскопки гг. Мазараки и Линниченко въ Роменскомъ у. Полтавской губ.—раскопки даволько счастливыя, и на открытіе г. Доманицкимъ площадокъ съ расписными сосудами въ Уманскомъ и Звенигородскомъ уу.—фактъ, заслуживающій полнаго вниманія.

Что касается *случайныхъ находокъ*, то истекшій годъ можно назвать выдающимся въ этомъ отношеніи: сотни цѣнныхъ предметовъ дали городища на Роси; отъ нихъ не отсталъ и Кіевъ—кладъ въ усадьбѣ Бродскаго относится къ числу перворазрядныхъ находокъ [1]).

Обильно снабжались находками главнымъ образомъ частныя *собранія древностей*, какъ напр. гг. Ханенка и Чернева; общественные же *музеи* Кіева хотя и пополнялись, но выдающагося поступило туда немного. Прошлый годъ далъ Кіеву новый музей, въ которомъ давно чувствовалась настоятельная необходимость, далъ пока лишь одно зданіе, но за содержимымъ, при удачной постановкѣ организаціи музея, дѣло не станетъ. Но за то Кіевъ лишился въ прошломъ году и очень цѣннаго собранія В. В. Тарновскаго—со смертью владѣльца, его собраніе перешло въ собственность Черниговскаго земства. Провинціальные музеи нашего раіона показали довольно мало признаковъ жизни, болѣе интенсивно пополнялись лишь Херсонскій музей и Городецкій музей Волынской губерніи.

Въ прошломъ году вышло много цѣнныхъ изданій; достаточно указать на каталогъ собранія В. В. Тарновскаго, на изданія Б. И. и В. Н. Ханенко, на «Материяли до україньско-руськоі етнольогії», издаваемые во Львовѣ подъ редакціей Хв. Волка... На пожеланіи, чтобы и настоящій годъ не уступилъ прошлому въ этомъ отношеніи, мы и закончимъ нашъ бѣглый обзоръ.

---

[1]) См. „Лѣтопись“ 1899 г., октябрь.

Засѣданія обществъ.

Одесское Общество исторіи и древностей. 14 ноября происходило торжественное засѣданіе Общества по случаю 60-лѣтія со дня его основанія. Это общество занимаетъ выдающееся мѣсто среди остальныхъ мѣстныхъ ученыхъ обществъ. До его возникновенія, громадныя археологическія и историческія богатства южной Россіи оставались безъ изслѣдованія. Благодаря участію начальника Новороссійскаго края, при содѣйствіи А. Стурдза, Д. Княжевича, А. Фабра, М. Киріакова и Н. Мурзакевича, 23-го апрѣля 1839 года уставъ общества исторіи и древности былъ утвержденъ, и въ томъ-же году, 14 ноября, по ходатайству графа Воронцова, общество Высочайше утверждено. При этомъ Государь Императоръ Николай Павловичъ Всемилостивѣйше разрѣшить соизволилъ: отпускать изъ государственнаго казначейства въ пособіе обществу по 1.428 руб. 67 коп. въ годъ, принять общество подъ покровительство Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича и производство обществомъ археологическихъ изысканій во всей южной Россіи—на казенныхъ земляхъ съ разрѣшенія мѣстнаго начальства, а на частныхъ земляхъ—съ согласія владѣльцевъ. Это важное право распространено было впослѣдствіи и на восточный берегъ Кавказа, съ согласія его Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, Намѣстника Кавказскаго. Покойный Государь Императоръ Александръ II былъ покровителемъ общества до своей кончины. Имъ предоставлено обществу въ 1872 году названіе Императорскаго, въ воздаяніе заслугъ, оказанныхъ отечественной наукѣ. Послѣ Него соизволилъ принять на себя покровительство Государь Императоръ Александръ III. При открытіи общества, избраны были: почетнымъ президентомъ графъ М. С. Воронцовъ, президентомъ, бывшій тогда попечитель одес. учебнаго округа, Д. М. Княжевичъ и вице-президентомъ А. С. Стурдза и послѣ него С. Б. Сафоновъ. Затѣмъ вице-президентомъ состояли послѣдовательно: попечитель учебнаго округа Н. И. Пироговъ и архіепископъ херсонскій и одесскій Димитрій. Цѣлью, для которой учреждалось общество, было распространеніе историческихъ и археологическихъ свѣдѣній о южной Россіи, для чего оно занялось описываніемъ и храненіемъ всѣхъ остатковъ древностей, открывающихся въ южной Россіи, или имѣющихъ къ нимъ отношеніе, отыскиваніемъ, разборомъ и объясненіемъ документовъ и актовъ, относящихся къ нашему краю, подвергая критическому из-

слѣдованію показанія древнихъ писателей о его мѣстностяхъ и достопримѣчательностяхъ и отыскиваніемъ ихъ слѣдовъ въ настоящее время, приготовляетъ матеріалы для будущей исторіи края собираніемъ вѣрныхъ свѣдѣній о настоящемъ его состояніи, въ отношеніи географіи и статистики, разбираетъ выходящія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ сочиненія, касающіяся того-же предмета, и опредѣляетъ степень ихъ достовѣрности. Члены общества производили много раскопокъ, обогатившихъ науку интересными данными. Многія историческія развалины въ нашемъ краѣ сохранились до настоящаго времени можетъ быть только потому, что Общество защищало ихъ отъ умышленнаго разрушенія и входило со своимъ протестомъ, когда городскія общины ходатайствовали у начальства о разрѣшеніи разобрать ту или другую древнюю постройку на матеріалъ, не смотря даже иногда на ея прочность. Въ 1875 году, въ бытность въ Одессѣ министра нар. просвѣщенія графа Д. А. Толстого, по представленію послѣдняго, ассигнована обществу ежегодная сумма изъ хозяйственнаго управленія св. синода по 1 т. р. въ годъ на археологическія изслѣдованія въ мѣстности, принадлежащей херсонесскому монастырю. Вообще, такихъ раскопокъ обществомъ сдѣлано очень много. Общество оказало важную услугу общественной археологіи, стараясь собирать мѣстныя древности, о чемъ свидѣтельствуютъ значительныя и, по нѣкоторымъ отдѣламъ, весьма интересныя коллекціи его музея. Въ немъ находятся камни съ подписями, статуи, колонны, капители, разнородные архитектурные орнаменты, расписныя вазы, терракота, мѣдныя статуэтки, золотыя, серебряныя, бронзовыя, костяныя, стеклянныя и каменныя вещицы домашняго обихода, ручки съ надписями, стрѣлки, оружіе, орудія каменнаго и бронзоваго вѣка—эллинскихъ, римскихъ, венеціано-генуэзскихъ, монголо-татаро-турецкихъ, отечественныхъ, литовско-польскихъ, африканскихъ племенъ и верхняго Египта. Въ минцъ-кабинетѣ имѣются монеты: эллинскія, римскія, византійскія, европейскихъ государствъ, восточныя, генуэзско-татарскія, польскія, шведскія, армяно-грузинскія, іудейскія и Александріи египетской. Библіотека музея имѣетъ массу книгъ, рукописей, восточныхъ рукописей, картъ, плановъ, чертежей, гравюръ и видовъ, старинныхъ документовъ, грамотъ и патентовъ, иконъ, портретовъ историческихъ особъ, фотографій и гравюръ. (Одесск. Листокъ).

—

Въ недавно бывшемъ собраніи членовъ *Подольскаго Епархіальнаго Историко-статистическаго Комитета* обсуждался вопросъ, касающійся снесенія старыхъ упраздняемыхъ церквей. Вопросъ этотъ подлежалъ обсужденію вслѣдствіе того, что Духовная Консисторія просила Комитетъ дать свое заключеніе относительно нѣкоторыхъ старыхъ, подлежащихъ снесенію церквей (м. Ярышева Могилевск. у., с. Латанца Винницк. у. и старой соборной церкви г. Брацлава), не имѣютъ ли эти церкви археологическаго значенія по своей архитектурѣ, иконостасной иконописи, рѣзнымъ украшеніямъ и т. п. Всѣ эти церкви—деревянныя, постройки прошлаго вѣка: одна изъ нихъ однокупольная, другая трехкупольная, а третья, въ Ярышевѣ, пятикупольная, южно-русской архитектуры, съ оригинальнымъ рѣзнымъ иконостасомъ (изображеніе ея имѣется въ книгѣ «Подолія», изд. П. Н. Батюшкова). Комитетъ поручилъ нѣкоторымъ своимъ членамъ осмотрѣть эти церковныя зданія и составить подробное археологическое ихъ описаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ просить Консисторію, чтобы сдѣлано было распоряженіе о снятіи фотографическихъ видовъ тѣхъ, подлежащихъ сломкѣ, церквей—какъ снаружи, такъ и внутри, особенно иконостасовъ, а также о снятіи чертежей плана и разрѣзовъ тѣхъ церквей, особенно Ярышевской, какъ представляющей рѣдкое теперь по архитектурѣ зданіе въ пять куполовъ,—съ тѣмъ, чтобы эти снимки и чертежи были представлены въ Древнехранилище Комитета. Вообще желательно, чтобы и на дальнѣйшее время было обращаемо вниманіе на тѣ зданія церквей, которыя подлежатъ снесенію. Осмотръ этихъ зданій и находящихся въ нихъ иконостасовъ и иконъ чрезъ людей слѣдущихъ хоть отчасти будетъ способствовать сохраненію достопримѣчательныхъ древнихъ памятниковъ, а фотографическіе снимки и архитекторскіе чертежи хоть отчасти сохранятъ память объ архитектурныхъ сооруженіяхъ старины, которыхъ нельзя сохранить по ихъ громоздкости и большой стоимости поддержанія ихъ. Такое внимательное отношеніе къ архитектурнымъ и иконописнымъ древнимъ памятникамъ обратитъ вниманіе и духовенства на эту досточтимую старину и, можетъ быть, побудитъ его болѣе свято и ненарушимо охранять древность, особенно древность иконописи. Часто бываетъ, что древнія иконы изъ стараго иконостаса прекрасной живописи переносятся куда-нибудь въ притворъ, а иногда въ колокольню и на чердакъ, или раздаются прихожанамъ, а въ новой церкви помѣщаются новыя иконы весьма неискусной живописи, написанныя съ отступле-

ніемъ отъ принятаго въ Православной Церкви типа. Если же изъ старыхъ церквей и сохраняются чтимыя древнія иконы, то такія подновляются и притомъ весьма неумѣло, часто тѣми мѣстными малярами, которые раскрашиваютъ стѣны церкви.

Кстати сказать, что въ томъ же засѣданіи Историко-статистическаго Комитета было высказано желаніе, чтобы воспитанниковъ мѣстной семинаріи, будущихъ священниковъ, преподаватели литургики, исторіи и латинскаго языка практически знакомили съ памятниками церковной старины, какъ-то: съ иконописью разныхъ иконъ и направленій, древними антиминсами, старопечатными книгами и т. п.; особенно желательно такое знакомство съ мѣстными памятниками старины, пособіемъ чему можетъ служить отчасти и Древнехранилище Историко-статистическаго Комитета. Такое желаніе, по постановленію Комитета, сообщено о. Ректору семинаріи. (Подольск. Еп. Вѣд.).

С.-Петербургское Археологическое Общество. 16-го октября, подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова, состоялось засѣданіе Русскаго отдѣленія общества. Послѣ доклада секретаремъ текущихъ дѣлъ, *А. К. Марковъ* сдѣлалъ сообщеніе *о кладѣ, найденномъ въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Л. И. Бродскаго.* Въ преніяхъ приняли участіе А. А. Спицынъ, Н. И. Веселовскій, В. В. Бартольдъ и С. Ѳ. Платоновъ, указавшій, что золотыя гривны были найдены на Волыни. Затѣмъ *А. А. Спицынъ* сдѣлалъ сообщеніе *„О майданахъ въ южной Россіи“*. Майданы находятся въ Россіи въ бассейнѣ Днѣпра по его среднему и нижнему теченію, и, насколько извѣстно, кромѣ Россіи, нигдѣ не встрѣчаются. Въ преніяхъ приняли участіе: кн. П. А. Путятинъ, Н. И. Веселовскій, В. В. Бартольдъ и А. В. Комаровъ, высказавшій интересное предположеніе, не представляютъ ли эти южно-русскіе майданы остатки рудниковъ для добыванія какихъ-либо минеральныхъ солей; на это, кромѣ ихъ устройства, указываетъ до нѣкоторой степени ихъ названіе, представляющее, быть можетъ, искаженное персидское „мадана“, что значитъ заводъ для добычи минераловъ. (Истор. Вѣст. 1899 г. декабрь).

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки въ окресностяхъ м. Райгорода и с Пруссы—Черкасскаго у. и с. Яровое, Чигиринскаго у. Кіевск. губ.. Осенью прошлаго лѣта В. В. Хвойко произвелъ раскопки по приглашенію Б. И. Ханенко у вышеперечисленныхъ мѣстностей. Эти раскопки являются продолженіемъ уже раньше производившихся тамъ-же. Въ означенной мѣстности, по обоимъ берегамъ р. Тясмина, на найболѣе возвышенныхъ мѣстахъ, расположено рядами или не большими группами давольно значительное число курганныхъ насыпей, куполообразной и сплющенной формы. Всѣхъ кургановъ было вскрыто 19. Въ нихъ обнаружены погребенія скифскаго типа—почти всѣ разграбленныя, погребенія со скорченными окрашенными скелетами и сожженія.

Въ погребеніяхъ скифскаго типа ничего новаго обнаружено не было, если не считать найденаго въ одномъ женскомъ склепѣ, наряду съ другими предметами, небольшого сосуда, имѣющаго видъ кувшина, орнаментъ котораго напоминаетъ славянскій.

Приводимъ описаніе раскопки одного изъ кургановъ съ сожженіемъ. Курганъ относится къ Райгородской группѣ. Окружность его 25 м., высота 75 стм. (высота скифскихъ кургановъ 5 и болѣе метр.). Почти вся насыпь, начиная отъ поверхности, до глубины 160 стм. состояла изъ комьевъ обожженной глины или до-красна выжженной земли; здѣсь, на глубинѣ 1 м. найдены сожженныя человѣческія кости; предметовъ никакихъ. Въ южной сторонѣ кургана, въ ямѣ, на глуб. 1 м. 60 стм. найдены, повидимому умышлено сложенныя человѣческія кости и при нихъ распавшееся на воздухѣ бронзовое кольцо.

Изъ кургановъ при с. Яровомъ было раскопано два. Одинъ оказался уничтоженнымъ кладоискателями. Другой далъ цѣлый рядъ погребеній. Высота его 3, 8 м., окружность 118 м. Въ насыпи, на глубинѣ 50 стм., обнаруженъ скелетъ, лежавшій на спинѣ, головой на О, предметовъ при немъ не оказалось. Далѣе, на глубинѣ 90 стм., лежали на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга два скорченные скелета, верхнія части череповъ которыхъ были покрыты значительной толщины слоемъ красной краски. Въ насыпи-же, на глубинѣ 180 м., найдены также скорченный скелетъ съ окрашеннымъ черепомъ. Въ восточной сторонѣ, на глубинѣ 2,60 м., найденъ еще одинъ скорченный скелетъ съ такой-же окраской. На уровнѣ земли, въ вост. и зап. сторонѣ, открыты подъ насыпью два небольшіе деревянные

склепа съ такими-же скорченными и окрашенными скелетами. (Предметы и дневники раскопокъ находятся у Б. И. Ханенко).

Случайныя находки.

Склепы подъ соборной церковью св. Духа въ г. Ромнахъ, Полтавской губ. При замѣнѣ въ соборѣ чугунныхъ половъ деревянными, въ маѣ—октябрѣ прошлаго года, рабочіе наткнулись на цѣлый рядъ кирпичныхъ склеповъ съ гробами. Благодаря любезности И. Курилова, внимательно слѣдившаго за ходомъ работъ и подробно описавшаго всѣ сдѣланныя находки, мы имѣемъ возможность подѣлиться съ читателями главной сутью ихъ.

Въ разныхъ частяхъ церкви, неглубоко подъ поломъ, было открыто шесть склеповъ.

Въ центральномъ склепѣ, противъ царскихъ вратъ и солеи помѣщалось 7 гробовъ, изъ нихъ 5 большихъ и два поменьше, повидимому дѣтскихъ. Въ четырехъ изъ отрытыхъ гробовъ похоронены священники,—на это указываютъ хорошо сохранившіеся ризы и епитрахиліи; другихъ предметовъ, какъ напр. кадилъ и крестовъ, не было. Положенныя-же въ гробы иконы совершенно истлѣли. Не было также на гробахъ никакихъ надписей, указывавшихъ на похороненныхъ лицъ, лишь на боковой продольной стѣнкѣ одного гроба находилось полууничтоженная надпись, не заключавшая ни имени, ни даты; на поперечной доскѣ другого гроба нарисовано грубое изображеніе Архангела Гавріила.

Во второмъ склепѣ, впереди праваго клироса, стояли рядомъ три гроба. Въ двухъ изъ нихъ лежали мужчины, въ третьемъ—женщина. Платье на трупахъ сохранилось отлично, его частью вынимали наверхъ и разсматривали. Одинъ покойникъ былъ одѣтъ въ жупанъ, длиною до колѣнъ, изъ толстой шелковой матеріи коричневаго цвѣта, безъ подкладки; на изнанку эта матерія имѣла видъ парчи, затканной золотыми цвѣтами. Воротникъ у жупана—стоячій, шириной болѣе $1^1/_2$ вершка, вышитъ серебромъ въ рѣшетку; верхній бортъ жупана тоже вышитъ серебромъ въ рѣшетку, шириною въ 1 верш.; на борту 12 серебряныхъ небольшихъ пуговокъ, изящной работы; онѣ не пришиты къ борту, а держатся на серебряныхъ колечкахъ. Поверхъ жупана покойникъ былъ опоясанъ поясомъ, $2^1/_2$

аршина длиной и 6 верш. шириной; поясъ весь затканъ золотомъ и на концахъ украшенъ золотымъ позументомъ. На другомъ покойникѣ— также шелковый жупанъ и поясъ; воротникъ и бортъ жупана обшиты коричневымъ бархатомъ. Женщина одѣта въ шелковое платье и кофту, на головѣ платокъ.

Третій склепъ—немного южнѣе второго; онъ не былъ обслѣдованъ, такъ какъ сводъ его оказался очень непрочнымъ; въ немъ находились два гроба, повидимому съ мужчинами.

Четвертый склепъ расположенъ впереди лѣваго клироса, симметрично второму. Здѣсь помѣщено три гроба, съ двумя мужчинами и женщиной. Мужчины одѣты сверху въ длинные шелковые плащи; подъ плащами—шелковые-же жупаны, съ обшитыми бархатомъ воротниками и обшлагами; опоясаны шелковыми, затканными золотомъ, поясами. На одномъ изъ покойниковъ надѣта высокая козацкая шапка изъ черныхъ смушекъ, съ верхомъ изъ желтаго сукна; шапка прекрасно сохранилась и надѣта немного на бокъ. У обоихъ покойниковъ замѣтны черные усы и небольшія бороды. На женщинѣ— длинное шелковое платье изъ очень плотной матеріи, закрывающее ноги; головной уборъ ея состоитъ изъ высоко повязаннаго шелковаго платка; о покроѣ кофты трудно судить, такъ какъ она сильно пристала къ костямъ. Никакихъ другихъ предметовъ въ гробахъ не найдено, нашлась лишь небольшая иконка на деревѣ, почти совершенно истлѣвшая; на ней было повидимому изображеніе Божіей Матери.

При входѣ въ церковь, съ лѣвой стороны, впереди колонны, поддерживающей среднюю арку, открытъ на глубинѣ $1^1/_4$ арш. пятый склепъ. Въ немъ стоятъ два большіе гроба, совершенно цѣлые, обитые шелковой матеріей голубого цвѣта, съ узкимъ золотымъ позументомъ, изъ котораго сдѣланы на крышкахъ и бокахъ крестики, звѣздочки и буквы у креста. «По снятіи крышекъ,—пишетъ г. Куриловъ, покойники оказались покрытыми, съ головы до ногъ, шелковой матеріей; одинъ—желтой, другой—голубой. Мы сняли эти покрывала и начали разсматривать покойниковъ. Останки ихъ совершенно цѣлы и крѣпки. Оба они похоронены въ шапкахъ, бархатныхъ или плюшевыхъ, не особенно высокихъ. Шапки темно-коричневаго цвѣта, съ желтыми верхами. У обоихъ сохранились длинные черные усы. Одежда на нихъ почти одинаковая: сверху—длинные, до пятъ, шелковые плащи, безъ рукавовъ, застегнутые на шеяхъ какими-то брошками. Подъ плащами—жупаны до колѣнъ, тоже шелковые, темно-синяго

цвѣта; воротники, борта и обшлаги обшиты темно-коричневымъ плюшемъ; у одного на борту маленькія серебряныя пуговки, и воротникъ жупана застегнутъ дорогой брошкой. У этого-же покойника, въ боковомъ карманѣ жупана, на правой сторонѣ,—свернутый бѣлый шелковый платокъ, съ выпущеннымъ наружу концомъ. На обоихъ—широкіе шелковые пояса, затканные золотомъ, свернутые вчетверо, шириной около аршина. Шаровары и чулки—также шелковые".

Противъ этого склепа, съ правой стороны отъ входа, обнаруженъ шестой склепъ, также по глубинѣ $1^1/_4$ аршин. Здѣсь снова два гроба. Одинъ изъ нихъ совершенно сгнилъ и засыпанъ мусоромъ, такъ что ничего нельзя было видѣть. Въ другомъ находился покойникъ, одѣтый какъ и предыдущіе; сбоку, при головѣ его, лежала высокая восьмиугольная, бархатная шапка.

Кромѣ склеповъ, въ разныхъ частяхъ церкви, особенно у западной стѣны, найдено нѣсколько череповъ безъ всякихъ признаковъ гробовъ.

Церковь во имя сошествія св. Духа окончена и освящена въ 1747 году. Но такъ какъ въ 1762 г. она считалась уже старою, то г. Куриловъ дѣлаетъ предположеніе, что она строилась долго, и быть можетъ, начало ея нужно отнесть къ концу XVII в. Вопросъ о времени постройки церкви связанъ съ вопросомъ о времени устройства склеповъ: послѣдніе расположены симметрично и повидимому заложены если не одновременно съ закладкой фундаментовъ, то во всякомъ случаѣ въ періодъ, когда церковь не была еще совершенно окончена. Фактъ этотъ можетъ дать нѣкоторыя указанія на то, кто и когда погребенъ въ склепахъ. Хотя относительно большинства покойниковъ никакихъ данныхъ нѣтъ, но несомнѣнно одно, что они принадлежали семьямъ козацкой старшины. Первый склепъ заключаетъ останки священниковъ; г. Куриловъ полагаетъ, что здѣсь вѣроятнѣе всего погребенъ протопопъ Павелъ Свѣтъ, умершій въ 1760 г., а затѣмъ, быть можетъ, погребены: бывшій въ началѣ семисотыхъ годовъ настоятелемъ собора Стефанъ Столповскій и протопопъ Евстафій Савицкій, умершій около 1730 года, а также еще кто-ниб. изъ священниковъ церкви Св. Духа.

Что касается свѣтскихъ лицъ, то мы имѣемъ указанія, что въ соборной каменной церкви въ г. Ромнахъ погребенъ родоначальникъ фамиліи Маркевичей генеральный обозный Андрей, умершій въ 1747 г. Онъ погребенъ возлѣ своей супруги Анны Ивановны, умершей рань-

ше—въ 1743 году. Г. Куриловъ предполагаетъ, что 2-й склепъ и былъ родовой усыпальницей Маркевичей, при-чемъ находящій тамъ третій гробъ можетъ принадлежать одному изъ сыновей Маркевича, напр. Ивану Андреевичу, сотнику Роменскому, умершему въ 1760 г.

Мы должны быть очень благодарны г. Курилову, описавшему эту въ высшей степени любопытную находку, давшую намъ цѣлую серію богатыхъ козацкихъ костюмовъ. Жаль только, что съ костюмовъ не были сдѣланы рисунки, если нельзя было сохранить ихъ въ подлинникахъ въ какомъ-ниб. музеѣ; послѣднее представляется намъ самымъ раціональнымъ: достаточно сказать, что въ богатомъ собраніи козацкой старины покойнаго В. В. Тарновскаго нѣтъ ни одного цѣлаго костюма,—о нихъ мы можемъ судить лишь по описаніямъ, да портретамъ, здѣсь-же мы бы имѣли цѣлую коллекцію ихъ. Теперь же безпощадное время докончитъ начатое уже имъ дѣло полнаго уничтоженія этихъ рѣдкихъ остатковъ. . . .

Музеи и собранія древностей.

Кіевскій Музей Древностей и Искусствъ. Какъ мы уже сообщали, постройка Музея уже почти совершенно закончена и если-бы были средства на его содержаніе, то онъ могъ-бы уже начать функціонировать. Но задержка оказалась именно за послѣдними. Въ составленномъ Правленіемъ Общества проектѣ положенія Музея исчислены самыя необходимыя статьи расходовъ на содержаніе Музея и штата служащихъ при немъ. Такъ напр., весь штатъ состоитъ изъ директора и помощника, не считая служителей. Если принять во вниманіе довольно широкую программу Музея, въ который входятъ отдѣлы древностей, искусствъ, художественно-промышленный и этнографическій, то штатъ этотъ окажетъ менѣе чѣмъ скромнымъ. По приблизительному подсчету и при такомъ положеніи дѣла расходовать ежегодно на Музей придется около 6 съ половиной тысячъ рублей.

Въ виду того, что доходы Музея предвидятся самые незначительные и такъ какъ музей, по уставу, составляетъ нераздѣльную собственность Общества и г. Кіева, то правленіе Общества, въ ноябрѣ прошлаго года обратилось въ Кіевскую Городскую Думу съ ходатайствомъ о субсидіи. 25 ноября ходатайство обсуждалось въ засѣданіи Думы. Рѣшеніе этого вопроса можетъ служить показателемъ

отношенія нашей Думы къ вопросамъ общественнаго характера. Не смотря на то, что гласными Проценко и Солухой указывалось на значеніе Музея, на постройку котораго общественное управленіе не затратило ни одной копѣйки, и предлагалось рѣшить принципіально вопросъ о субсидіи, дума по настоянію гласныхъ Дытынковскаго, Юскевичъ-Красковскаго и Николаева, рѣшили передать этотъ вопросъ въ финансовую коммиссію... Въ настоящее время извѣстно, что финансовая комиссія нашла возможнымъ назначить субсидію Музею въ размѣрѣ 1000 рублей.

—

20-го декабря, въ засѣданіи правленія Кіевскаго общества Древностей и Искусствъ обсуждались слѣдующіе вопросы, имѣющіе отношеніе къ Музею. Поручено вице-предсѣдателю Общества Б. И. Ханенко обратиться съ ходатайствомъ о субсидіи къ г. Министру Финансовъ на устройство художественно-промышленнаго отдѣла Музея. Доложено о пожертвованіи Н. А. Терещенко 5000 руб. на пріобрѣтеніе для Музея коллекціи первобытныхъ древностей В. В. Хвойко; въ виду такого цѣннаго дара, рѣшено залъ первобытныхъ древностей назвать именемъ жертвователя и повѣсить въ ней его портретъ. Наконецъ, постановлено образовать коммиссію для выработки детальной програмы дѣятельности Музея.

—

На дняхъ въ даръ Музею передана Н. Я. Тарновской коллекція древностей покойнаго брата ея Н. Я. Тарновскаго. Коллекція состоитъ изъ 25-ти витринъ и 4-хъ картоновъ съ древностями, 26-ти сосудовъ—всего 709 номеровъ и 339 монетъ [1]).

—

Въ собраніе древностей Б. И. Ханенко поступила коллекція предметовъ великокняжеской эпохи недавно умершаго Н. П. Чернева [2]).

Разныя извѣстія.

Съ весны этого года начнутся *работы по постройкѣ Кіево-Ковельской желѣзной дороги.* Новая дорога пройдетъ по мѣстности

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой коллекціи помѣщены въ „Лѣтописи“ 1899 г. январь.

[2]) Объ этой коллекціи см. замѣтку въ „Лѣтописи“ 1899 г., іюнь.

еще очень мало изслѣдованной въ археологическомъ отношеніи. Считаемъ не лишнимъ по этому поводу припомнить приказъ министра Путей Сообщенія отъ 18 мая 1891 г. слѣдующаго содержанія: «Согласно отношенію предсѣдателя Императорской Археологической Коммиссіи, предлагаю учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ Вѣдомства Путей Сообщенія оказывать всевозможное содѣйствіе въ дѣлѣ разысканія и сохраненія памятниковъ отечественной старины, и для сего заблаговременно сообщать въ Археологическую Коммиссію свѣдѣнія о направленіи проводимыхъ дорогъ и о производствѣ такихъ земляныхъ работъ, которыя подаютъ поводъ разсчитывать на открытіе древностей (напр. срытіе кургановъ, раскопки городищъ и т. п.), а также въ контракты на подряды по землянымъ работамъ включить непремѣнно условіе о сохраненіи и доставленіи въ Археологическую коммиссію всѣхъ остатковъ древности, которые могутъ быть найдены при такихъ работахъ».

—

На дняхъ крестьяне изъ Черкасскаго уѣзда привезли въ Кіевъ партію древностей, въ которой, среди подлинныхъ вещей, правда, очень немногихъ, оказалось много *грубо поддѣланныхъ каменныхъ крестовъ и образковъ*. Крестьяне, повидимому, успѣли распродать свой товаръ—не поздравляемъ счастливыхъ обладателей этихъ рѣдкостей.

—

Вышелъ III выпускъ «Vestnik'a slovanskych starožitnosti», издаваемаго въ Прагѣ Л. Нидерле. По обыкновенію, изданіе это заключаетъ массу свѣдѣній о новинкахъ по археологической литературѣ. Между прочимъ, здѣсь помѣщенъ сочувственный отзывъ и о нашей «Лѣтописи».

—

Въ Варшавѣ началъ выходить подъ редакціей Е. Маевскаго ежегодникъ подъ названіемъ «Swiatowit», посвященный польской и вообще славянской доисторической археологіи. Е. Маевскій давно извѣстенъ какъ энергичный изслѣдователь доисторической старины; его собраніе памятниковъ этого рода—одно изъ лучшихъ. Можно поэтому надѣяться, что новое изданіе приметъ вполнѣ научную окраску, а въ такомъ изданіи, съ прекращеніемъ издававшихся въ 70-хъ годахъ „Wiadomości archeologiczne“, давно чувствовалась потребность. Быть можетъ, существованіе этого органа повліяетъ и на оживленіе очень таки немногочисленныхъ археологическихъ изслѣдованій Царства Польскаго.

Энеида,

сочиненіе Котляревскаго

на

МАЛОРОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ

по списку 1799 г.

съ варіантами по первопечатнымъ изданіямъ—
Парпуры 1798 г. и Котляревскаго 1809 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Эней [1]) бувъ паробокъ моторный
И хлопець [2]) хоть куды козакъ,
На лихо все издавсь [3]) проворный,
Завзятѣйшій изъ всѣхъ бурлакъ.
Но Греки якъ спаливши Трою,
Зробили зъ неи скирду [4]) гною,
Вѣнъ [5]) взявши торбу, тягу давъ:
Забравши всякихъ и [6]) Троянцѣвъ, [7])
Осмаленныхъ, якъ гира, [8]) ланцѣвъ, [9])
Пятами зъ Трои накивавъ.

[1]) Еней П. [2]) хлопець П. К. [3]) На лихо здався винъ П. удавсь на всее зле К. [4]) скирту П. К. [5]) Винъ П. К. [6]) деякихъ П. К. [7]) троянцивъ П. К. [8]) гиря П. К. [9]) ланцивъ П. К. *)

2.

Вѣнъ, [1]) швидко поробывши човны,
На сыне море попускавъ,
Троянцѣвъ [2]) насадивши повны,
И куды очи почухравъ.
Но зла Юнона, суча дочка,
Роскудакалася, [3]) якъ квочка,

*) Въ варіантахъ буква П указываетъ на изданіе Парпуры 1798 года, а буква К—на изданіе Котляревскаго 1809 года.

Энея [4]) не любыла [5]) страхъ,
Давно уже вона хотѣла,
Іого щобъ душка полетѣла
Къ чортамъ [6]) и щобъ и духъ не пахъ.

[1]) Винъ П. К. [2]) Троянцивъ П. К. [3]) роскудкудаткалась П. роскудкудакалась К. [4]) Еней П. [5]) не любила П. К. [6]) у пекло П.

3.

Эней бувъ тяжко не по сердцу [1]) а)
Юнонѣ, все еи гнѣвивъ, б)
Здававсь гѣрчѣйшій ей отъ перцу, [2]) в)
Ни вчемъ [3]) Юноны не просывъ.
Но [4]) гѣршъ [5]) за те ий [6]) не любився [7]),
Що вѣнъ [8]) у Трои [9]) народився
И мамою Венеру [10]) звавъ,
И що іого покойный [11]) дядько
Парысъ, Пріамово дитятко,
Путивочку Венерѣ давъ.

[1]) сердцю К. [2]) перцю К. [3]) ни въ чимъ П. К. [4]) а [5]) гиршъ П. К. [6]) ѣй П. К. [7]) злюбився П. [8]) бачъ П. [9]) бачишъ, въ Трои К. [10]) Венерю П. [11]) покійный П. К.

а) Еней болячка бувъ Юнонѣ,
б) Якъ жорна, сердце ѣй давивъ,
в) Тугійшій бо бувъ отъ супонѣ П.

4.

Побачила Юнона зъ неба,
Що вже [1]) Эней [2]) на поромахъ,
А те шепнула сука Геба,
Юнону взявъ великій жахъ.
Кужѣлку [3]) кинула пѣдлаву [4]), а)
Впрягла у тарадайку паву б)
И, килимомъ сѣнце заславъ, в)
Взяла сподницю [5]) и шнурѣвку [6])

И бубликивъ за шагъ въ тарѣлку, [7]) г)
Стругнула, де Эолъ живавъ. д)

[1]) панъ К. [2]) Еней П. [3]) кужилку П. [4]) пидъ лаву П. [5]) спидницю П. К. [6]) шнуривку П. [7]) талирку П.

а) Впрягла въ гринжолята павичку,
б) Сховала пидъ кибалку мычку,
в) Щобъ не свитылася коса К.
г) И хлѣба зъ силью на тарилку,
д) Къ Эолу мчалась, якъ оса К.

5.

„Здоровъ, Эоле, пане свату!
Ой якъ ся маешъ, якъ живешъ?“
Сказала, якъ ввѣйшла [1]) у хату
Юнона, „чи гостей ты ждешъ?“
Поставила тарѣлку [2]) съ хлѣбомъ
Передъ старымъ Эоломъ дѣдомъ,
Сама же сѣла на ослѣнъ. [3])
„Будь ласкавъ сватоньку старыку,
Избый Энея [4]) съ пантелику,
Теперъ пливе на морѣ вѣнъ. [5])

[1]) ввишла П. пришла К. [2]) талѣрку П. тарилку К. [3]) ослинъ П. К. [4]) Енея П. [5]) винъ П. К.

6 и 7.

„Ты знаешъ, вѣнъ [1]) якій суцѣга,
Паливода и коновѣдъ, [2])
По свѣту якъ и ще побѣга,
Багацко вѣнъ [3]) наробыть бѣдъ. а)
Пошли ты въ море злую тучу, б)
Щобъ всю Енейску челядь сучу в)
Пустить на дно изнимъ (sic) къ чортамъ. г)
За се же дѣвку чорнобриву,
Товстеньку, [4]) гарну, уродливу
Тобѣ я далѣбу [5]) що дамъ.“

—„Гай, гай! Ой дей же іого кату!"
Эолъ насупившись сказавъ,
„Я бъ все зробивъ за сюю плату,
Да вѣтры всѣ пороспускавъ.
Борей лежитъ недужъ съ похмилья, [6])
А Нотъ [7]) поѣхавъ на весѣлья,
Зехвиръ [8]) же давнѣй [9]) негодяй,
Зъ дѣвчатами заженихався,
А Евръ у винныки [10]) нанявся:
Якъ хочешъ, такъ собѣ смякай." [11])

[1]) винъ П. К. [2]) коновидъ П. горлоризъ К. [3]) винъ П. [4]) смачную К. [5]) далеби П. К. [6]) съ похмѣлья П. К. [7]) Нодъ П. Нордъ К. [8] Зефиръ П. К. [9]) давній П. К. [10]) въ поденщики К. [11]) и помышляй К

а) Чіихсь багацько вылье слизъ.
б) Пошли на іого лихо злее,
в) Щобъ люди всѣ, що при Энеѣ,
г) Послизли и щобъ винъ и самъ К.

8.

„Да вже для тебе обѣщаюсь,
Энеевѣ [1]) я ляписъ дамъ, [2])
Я хутко, разомъ [3]) постараюсь
Загнать въ тристя іого къ чортамъ. [4])
Прощай же, швидко убѣрайся, [5])
Обѣцянки жъ [6]) не забувайся,
Бо послѣ, чуешъ, ни чичиркъ:
Якъ збрешешъ, то хоча надсядься,
На ласку послѣ не понадься,
Тогдѣ [7]) вѣдъ [8]) мене возьмешъ чвиркъ."

[1]) Енеевѣ П. Энееви К. [2]) дать К. [3]) митью К. [4]) въ тристя іого къ чортамъ загнать К. Въ опечаткахъ къ изданію Парпуры вмѣсто *въ тристя* исправлено: *въ багно*. [5]) убирайся П. К. [6]) обицянки П. К. [7]) тогда П. К. [8]) видъ П. К.

9.

Эолъ, оставшись на господѣ,
Зобравъ всѣхъ вѣтровъ [1]) до двора,

Велѣвъ поганій буть погодѣ...
Якъ разъ на морѣ и гора,
А далѣ, потѣмъ [2]) яръ глибокый.[3]) а)
Еней стоявъ въ водѣ по боки, б)
Злякався, крикнувъ, якъ на пупъ, в)
Заплакався и зарыдався,
Пошарпався, увесь подрався,
На тѣмьи начесавъ ажъ струпъ.

[1]) вѣтривъ П. К. [2]) потимъ П. [3]) глубокій П.

а) Все море заразъ спузырило,
б) Водою мовъ въ ключи забило,
в) Эней тутъ крикнувъ, якъ на пупъ К.

10.

Прокляти вѣтры роздулися,
А море злѣха [1]) ажъ реве,
Слезми Троянцѣ [2]) облилися,
Энея [3]) за живѣтъ [4]) бере.
Всѣ човники ихъ росчухрало,
Багацко [5]) вѣйска [6]) тутъ пропало,
Козацки [7]) головы лягли. а)
Эней [8]) кричитъ, що я Нептуну
Пѣвкопи [9]) грошей въ руку суну,
Коли бъ щобъ фили полягли. б)

[1]) зъ лиха П. К. [2]) Троянци П. К. [3]) Енея П. [4]) живитъ П. К. [5]) багацько П. К. [6]) війска П. К. [7]) козацьки П. [8]) Еней П. [9]) пивкопы П. К.

а) Тогдѣ набрались всѣ сто лихъ К.
б) Абы на морѣ штурмъ утихъ К.

11.

Нептунъ дочувсь въ скляних [1]) будинкахъ, [2]) а)
Що пробу закричавъ Эней, [3]) б)
Вѣнъ [4]) въ жинчиних [5]) метнувсь патинкахъ, [6]) в)
Мовъ кѣтъ [7]) отъ сала до дверей, г)

И мѣтью[8]) осѣдлавши рака,
Схативсь на іого, якъ бурлака,
И вирнувъ[9]) зъ моря, якъ карась,
Загомонѣвъ на вѣтрѣвъ[10]) грѣзно:[11])
„Чого вы гудете[12]) такъ рѣзно?[13])
До моря, знаете, вамъ зась!“

1) склянныхъ П. 2) будынкахъ П. 3) Еней П. 4) винъ П. 5) жинчиныхъ П. 6) патынкахъ П. 7) китъ П. 8) митью П. К. 9) вырнувъ П. К. 10) вѣтривъ П. К. 11) гризно П. К. 12) дуете П. 13) ризно П. К.

а) Нептунъ издавна бувъ дряпичка,
б) Почувъ Энеевъ голосокъ,
з) Шатнувся заразъ извъ запичка,
г) Пивкопы для іого кусокъ К.

Въ первомъ изданіи Парпуры приведенъ варіантъ этихъ четырехъ стиховъ, ближе стоящій къ изданію автора:

Нептунъ же давній бувъ драпика,
Почувъ Енеевъ голосокъ,
Рощухавши іого що клика,
Пивкопы для іого кусокъ.

Этотъ варіантъ рукою Заградскаго списанъ на первой страницѣ рукописи съ измѣненіемъ правописанія:

Нептунъ же давнѣй бувъ драпѣка,
Почувъ Енеевъ голосокъ,
Рошчухавши іого що клика,
Пивкопи для іого кусокъ.

12.

Оттутъ то вѣтры схаменулись,
И дали[1]) драла до норы,
До ляса (sic),[2]) мовъ Ляхи, метнулись,
Або отъ ѣжака[3]) тхоры.
Нептунъ же заразъ взявъ мѣтелку[4])
И море вимѣвъ, якъ свѣтелку,
То солнце[5]) глянуло на свѣтъ.
Эней[6]) тогди якъ народився,

Разѣвъ [7]) испять [8]) перехристився,
Звелѣвъ готовити обѣдъ.

[1]) и ну всѣ К. [2]) до ляса П. К. [3]). ежака П К. [4]) метелку П. К. [5]) сонце П К. [6]) Еней П. [7]) разивъ П. К. [8]) изъ пять П. К.

13.

Поставили столы дубовы, а)
Багацько съ травою [1]) мисокъ, [2]) б)
За стѣлъ [3]) всѣ сѣлы [4]) и безъ мови в)
Въ голодный пхали все кутокъ.
Галушки зъ саломъ тутъ лыгалы, [5])
Лемѣшку и кулѣшъ трепали, [6])
Хватались бражкой запивать, г)
Да и горѣлочку хлистали,
На сылу [7]) зъ за стола устали [8])
И послѣ полягалы [9]) спать. д)

[1]) зъ стравою П. [2]) мысокъ П. [3]) стилъ П. [4]) сѣли П. [5]) лыгали П. [6]) глытали К. [7]) на силу П. К. [8]) изъ-за столу встали К. [9]) полягали П.

а) Поклали шаліовки сосновы,
б) Кругомъ наставили мисокъ
в) И страву всякую безъ мовы К.
г) И брагу кухликомъ тягли К.
д) И спати послѣ всѣ лягли К.

14.

Венера, [1]) якъ на все швидкая, [2])
Проворна, врагъ ии [3]) не взявъ,
Побачила, що такъ лякае [4])
Эолъ сынка, що ажъ захлявъ,
Умылася, причепурилась [5])
И, якъ въ неделю, [6]) нарядилась—
Хоть бы до дудки на танець!
Взяла очѣпокъ грезетовый, [7])

Зъ усами кунтушъ саетовый, [8])
Пѣшла [9]) къ Зевесу на ралецъ.

[1]) Венеря П. [2]) не послѣдня шлıоха К. [3]) ѣи П. К. [4]) полоха К. [5]) причипурилась П. К. [6]) недилю П. К. [7]) гразетовый К. [8]) и кунтушъ зъ усами люстровый К. [9]) пишла П. К.

15.

Зевесъ тогда [1]) лигавъ вишнѣвку, [2]) а)
Маковиками [3]) заидавъ [4]) б)
И пятую еще кондѣйку [5]) в)
Отъ Гебы зъ лıоху дожидавъ. г)
Пришла Венера [6]) искрывившись,)
Заслинившись [8]) и завѣскрывшись, [9])
И стала хлипать [10]) передъ нимъ:
„Чимъ предъ тобою, милій [11]) тату,
Сынъ заслуживъ таку мѣй [12]) плату,
И іонъ, мовъ въ свинки, грають нимъ?“

[1]) тогди П. [2]) вишнивку П. [3]) маковниками П. [4]) заѣдавъ П. [5]) киндійку П. [6]) Веперя П. [7]) изкрививишись П. [8]) заплакавшись К. [9]) завизгрившись П. К. [10]) хлыпать П. К. [11]) милый П. К. [12]) мій П. К.

а) Зевесъ тогди кружавъ сивуху
б) И оселедцемъ заѣдавъ,
в) Винъ, сему выпивши осьмуху,
г) Послѣдки съ кварты выливавъ. К.

16.

„Куды ему [1]) уже до Риму?
Хиба якъ здохне чортъ въ ровѣ,
Або якъ ханъ долѣзе Криму, [2]) а)
Якъ женится сичъ [3]) на совѣ.
Хиба бъ то вже та не Юнона,
Щобъ не вказала макогона,
Що й досѣ [4]) слухае чмелѣвъ! [5])
Колибъ вона та не бѣсилась

Замовкла бы и не казылась, [6])
Що бъ ты се самъ ей [7]) извелѣвъ". [8])

[1]) іому П. К. [2]) Крыму П. К. [3]) сычь П. [4]) доси К. [5]) чмеливъ П. К. [6]) комезилась К. [7]) ѣй П. К. [8]) извѣливъ К.

а) Якъ вернется панъ ханъ до Крыму К.

17.

Юпитеръ, все допивши съ кубка,
Погладывъ [1]) свѣй [2]) рукою чубъ:
„Охъ, доцю, [3]) ты моя голубка,
Я въ правдѣ твердый такъ, якъ дубъ.
Эней [4]) взбудуе [5]) силне [6]) царство
И заведе тамъ свое [7]) панство,
Не малый будеть [8]) вѣнъ [9]) панокъ,
На панщину весь [10]) свѣтъ погонитъ, [11])
Багацко [12]) хлопцѣвъ [13]) тамъ наплодитъ [14])
И всѣмъ имъ будеть [15]) ватажокъ".

[1]) погладивъ П. К. [2]) свій П. К. [3]) донько П. [4]) Еней П. [5]) збудуе П. К. [6]) сильне П. К. [7]) свое тамъ К. [8]) буде П. К. [9]) винъ П. К. [10]) ввесь П. К. [11]) погонить П. [12]) багацько П. К. [13]) хлопцивъ П. К [14]) наплодить П. [15]) буде П. К.

18.

Заѣде до Дидоны въ гостѣ [1])
И будетъ [2]) тамъ бенкетовать,
Полюбится [3]) еи вѣнъ [4]) мосцѣ [5])
И стане [6]) бѣсика [7]) пускать.
Иди, небого, не журися,
Попонедѣлкуй, помолися,
Все буде такъ, якъ я сказавъ".
Венера [8]) низко поклонилась,
Изъ панотцемъ своимъ простилась,
А вѣнъ [9]) ии [10]) поцѣловавъ.

[1]) въ гости П. К. [2]) буде П. К. [3]) полюбитця П. [4]) ѣй П. ѣи К. [5]) мосци П. К. [6]) буде К. [7]) бѣсыка П. бѣсики К. [8]) Венеря П. [9]) винъ П. К. [10]) ѣи П. К.

19.

Эней [1]) прочумався, проспався
И голодрабцѣвъ [2]) позбѣравъ, [3])
Зовсѣмъ собрався [4]) и уклався
И, скилько видно, почухравъ.
Пливъ, пливъ, пливъ вѣнъ, [5]) що ажъ обридло,
И море такъ іому огидло,
Що бѣсомъ на іого дививсь. [6])
„Коли бъ", сказавъ, [7]) я вмеръ [8]) у Трои,
То вже бъ не пивъ сіи [9]) гѣркои [10])
И марне такъ не волочивсь!"

[1]) Еней П. [2]) голодрапцивъ П. К. [3]) позбиравъ П К. [4]) зобрався П. К. [5]) плывъ К. [6]) дывивсь П. К. [7]) каже К. [8]) умеръ К. [9]) сеи П. К. [10]) гирькои П. К.

20.

Потѣмъ, [1]) до берега приставши
Изъ силнымъ [2]) вѣскомъ [3]) всѣмъ своимъ,
На землю съ човнѣвъ [4]) повстававши,
Спитавсь, чи есть [5]) що исти [6]) имъ.
И заразъ чогось попоили, [7])
Щобъ на дорозѣ [8]) не зомлѣлы, [9])
Пѣшли, [10]) куда кто [11]) запопавъ.
Эней [12]) по берегу попхався,
И самъ не знавъ, куды слонявся, [13])
Якъ гулкъ [14]) —у городъ причвалавъ.

[1]) потимъ П. К. [2]) сильнымъ П К. [3]) війскомъ П. зъ троянствомъ голымъ К. [4]) човнивъ П. човнывъ К. [5]) е П. К. [6]) ѣсти П, К. [7]) попоѣли К. [8]) на дорози П. на пути К. [9]) не ослабѣли К. [10]) пишли П. К. [11]) хто П. К. [12]) Еней П. [13]) совався П. [14]) гулькъ П. К.

21.

Въ тѣмъ [1]) городѣ жила Дидона,
А городъ звався Карфагенъ, [2])

Розумна панѣ [3]) и моторна,
Для неи трохи сихъ именъ,—
Трудяща, тяжко [4]) праціовита,
Весела, гарна, сановита,
Бѣдняшка, [5]) що була вдова.
По городу тогда [6]) гуляла,
Коли Троянцѣвъ [7]) повстрѣчала,
Таки сказала имъ слова.

[1]) тимъ П. К. [2]) Карпагенъ П. [3]) пани П. К. [4]) дуже П. К. [5]) бѣдняжка П. К. [6]) тогди П. К. [7]) Троянцивъ П. К.

22.

„Вѣдкиль таки се гольтѣпаки? [1])
Чи рыбу зъ Дону везете,
Чи, може, выходцѣ, [2]) бурлаки?
Куда, [3]) прочане, вы идете? [4])
Якій васъ врагъ сюда [5]) направивъ?
И хто до города причалывъ? [6])
Яка жъ ватага розбишакъ!“
Троянцѣ [7]) всѣ замормотали, [8])
Дидонѣ низько въ ноги пали,
А вставши [9]) ей [10]) мовлялы [11]) такъ:

[1]) видкиль П. К. гольтяпаки П. К. [2]) выходци П. К. [3]) куди П. К. [4]) йдете П. К. [5]) сюды П. К. [6]) причаливъ П. К. [7]) Троянци П. К. [8]) замурмотали П. К. [9]) и послѣ П. [10]) ѣй П. К. [11]) мовляли П. К.

23.

„Мы всѣ, якъ бачъ, народъ крещеный, [1])
Волочимся безъ талану,
Мы всѣ у Трои [2]) порождены, [3])
Эней [4]) пустивъ на насъ ману.
Дали намъ Греки прочухана,
И самого [5]) Энея [6]) пана
Въ три вырвы [7]) вигнали [8]) вѣдтиль, [9])
Звелѣвъ покинути намъ Трою,

Пѣдмовывъ[10]) плавати зъ собою,

Теперъ[11]) ты знаешъ,[12]) мы вѣдкиль.[13])

[1]) хрещеный П. К. [2]) мы въ Трои, знаешъ К. [3]) порожденны П. К. [4]) Еней П. [5]) и самаго П. К. [6]) Енея П. [7]) вирвы П. К. [8]) выгнали П. К. [9]) видтиль П. К. [10]) пидмовивъ П. К. [11]) теперь К. П. [12]) знаешь П. [13]) видкиль П. К.

24.

Помилуй, панѣ[1]) благородна!
Не дай загинуть головамъ,
Будь милостива, будь незлобна,
Эней[1]) спасибѣ[2]) скажеть[3]) самъ.
Чи бачишь,[4]) якъ мы обидрались,[5])
Убранья,[6]) постолы порвались,
И нужи повна учкурня,[7]) а)
Кожухи, свити[8]) погубыли,[9])
Отъ[15]) голоду въ кулакъ трубыли:[11])
Така намъ лучилась пеня!

[1]) Еней П. [2]) спасыби П. К. [3]) скаже П. К. [4]) бачишъ К. [5]) обѣдрались К. [6]) убрання П. К. [7]) очкурня П. К. [8]) свиты П. К. [9]) погубили П. К. [10]) изъ П. К. [11]) трубили П. К.

а) Охляли, нибы въ дощь ;щеня К.

25.

Дидона гѣрко[1] зарыдала
И зъ бѣлого свого лиця
Платочкомъ сліозы утирала:[2])
„Коли бъ“, сказала, „молодця
Энея[3]) вашого злапала,
То вже бъ тогдѣ[4]) весела стала,
Тогдѣ[5]) великъ день бувъ бы намъ“.
Тутъ панъ Эней[6]) ниначе[7]) зъ неба:
„Ось озде[8]) я, коли вамъ треба,
Дидонѣ поклонюся самъ“.

[1]) гирько П. К. [2]) обтирала П. К. [3]) Енея П. [4]) тогди П. К. [5]) тогди П. К. [6]) Енея П. [7]) якъ будто П. К. [8]) озьде П. К.

26.

Потомъ, [1]) въ Дидоною обнявшись,
Поцѣловались гарно, въ смакъ,
За бѣли [2]) рученьки [3]) узявшись,
Балакали то сякъ, то такъ.
Пѣшли [4]) къ Дидонѣ до господы
Черезъ велики переходы,
Ввѣйшли [5]) въ свѣтлицю та [6]) й на пѣлъ, [7])
Пили на радощахъ сивуху
И ѣли юрду и макуху, [8])
Потимъ [9]) кликнули ихъ за стѣлъ. [10])

[1]) потимъ П. К. [2]) бѣлы П. [3]) за рученьки бѣленьки К. [4]) пишли П. К. [5]) ввійшли П. К. [6]) да П. К. [7]) пилъ П. К. [8]) сѣмяну макуху К. [9]) покиль К. [10]) стилъ П. К.

27.

Тутъ ѣлы [1]) разные [2]) потравы
Усе [3]) съ поливяныхъ [4]) мисокъ [5])
И самы [6]) гарные [7]) приправы
Зъ новыхъ кленовыхъ тарѣлокъ: [8])
Свинячу голову до хрѣну
И локшину на перемѣну,
Потѣмъ [9]) съ подлевою [10]) индикъ,
На закуску кулѣшъ и кашу,
Лемѣшку, хляки [11]), пудрю [12]), квашу
И зъ макомъ медовый шуликъ.

[1]) ѣли П. К. [2]) розныи П. розные К. [3]) и все К. [4]) полывьяныхъ П. К [5]) мысокъ П. К. [6]) сами П. К. [7]) гарныи П. [8]) талѣрокъ П. [9]) потимъ П. К. [10]) пидлевою П. К. [11]) зубци П. К. [12]) путрю П. К.

28.

И кубками пили вишнѣвку [1]),
Медъ, пиво, брагу [2]), сировець [3]),
Горѣлку просту и тернѣвку [4]),

Куривсь для духу яловець,
Бандура тутичка [5]) бринчала,
Сопѣлка „зуба“ затинала [6]),
А дудка грала по „балкахъ“,
„Ой ненька“ на цимбали [7]) грали,
Кругомъ дѣвчата танціовали
Въ дробушкахъ, въ чобѣткахъ [8]), въ свиткахъ.

[1]) вишнивку П. К. [2]) бражку П. [3]) сыровець П. [4]) тернивку П. К. [5]) горлицы К. [6]) затынала П. К. [7]) цымбалы П. санжаривки на скрипцѣ К. [8]) чоботахъ П. К.

29.

Сестра була въ Дидоны Ганна а)
Моторна дѣвка хоть куда [1]), б)
Проворна, чепурна и гарна, в)
Приходила й вона [2]) сюда [3]).
Въ червонѣй [4]) юпоцѣ [5]) баевѣй [6]),
Въ запасцѣ гарнѣй [7]) фіналевѣй,
Въ стіонжкахъ, намистѣ и ковткахъ—
Тутъ танціовала викрутасомъ
Передъ [8]) Энеемъ [9]) вихилясомъ,
До дудки [10]) была [11]) трейтяка [12]).

[1]) куды П. К. [2]) и ся К. [3]) туды П. сюды К. [4]) въ червоній П. К. [5]) юпоцци П. юпочци К. [6]) баевій П. К. [7]) гарній П. К. [8]) фаналевій П. К. [8]) и предъ К. [9]) Енеемъ П. [10]) пидъ дудку П. К. [11]) била П. К. [12]) третяка П. К.

а) Сестру Дидона мала Ганну,
б) На вспражки дѣвку хоть куды,
в) Проворну, чепурну и гарну К.

30.

Эней [1]) и самъ такъ розгулявся, [2])
Якъ на арканѣ жеребець,
Зъ Дидоною за руки взявся, а)
Пѣшовъ [3]) изъ нею у танець: б)

Пѣдкивки [4]) въ неи [5]) забрящали,
Отъ танцѣвъ жижки [6]) задрижали,
Якъ выбывала [7]) гоцака. в)
А панъ Эней [8]) такъ росходився [9]), г)
Що трохи не уверединся, д)
Кружкомъ садивши [10]) гайдука. е)

[1]) Еней П. [2]) росходився К. [3]) пишовъ П. К. [4]) пидкивки П. К. [5]) въ обохъ пидкивки К. [6]) жижки отъ танцивъ П. К. [7]) выбивала П. [8]) Еней П. [9]) розходився П. [10]) сидавши П.

а) Що трохи не уверединся,
б) Пишовши съ Гандзею въ танець,
в) Выстрибовавши гоцака.
г) Эней, матню въ кулакъ прибравши
д) И *не до соли* промовлявши,
е) Садивъ крутенько гайдука. К

31.

И послѣ танцѣвъ [1]) варенухи
По кухлику имъ [2]) пѣднесли [3]),
И [4]) молодицѣ [5]), цокотухи
Тутъ балянтрасы [6]) понесли.
Дидона крѣпко заюрила,
Горщокъ зъ вареною розбыла [7]),
До дуру всѣ тогда [8]) пили,
Весь день весело прогуляли
И пяны [9]) спати полягали,
Энея [10]) жъ ледвѣ [11]) повели.

[1]) танцивъ П. К. [2]) по филижанцѣ К. [3]) пиднесли П. К. [4]) а П. [5]) молодици П. К. [6]) баляндрасы П. К. [7]) розбила П. К. [8]) тогди П. тогдѣ К. [9]) пьяны П. К. [10]) Енея П. [11]) ледви П. ледве К.

32.

Эней [1]) на пѣчь зобрався спати,
Зарывся [2]) въ просо, тамъ и лѣгъ, [3])

А хто схотѣвъ, побрывъ [4]) до хаты,
А хто въ хлѣвецъ, [5]) а хто у стѣгъ, [6])
А де-яки такъ такъ хлиснули, [7])
Що де [8]) упали, тамъ заснули,
Сопли, харчали и хроплы [9]),
А честны молодцѣ [10]) кружали,
Поки ажъ пѣвнѣ [11]) заспѣвали,
Що здужали, то все тяглы. [12])

[1]) Еней П. [2]) заривси П. К. [3]) лигъ П. К. [4]) побривъ П. К. [5]) хлѣвець П. К. [6]) стигъ П. пидъ стигъ К. [7]) хлыснули П. К. [8]) где П. К. [9]) хропли П. К. [10]) а добры молодци П. К. [11]) пѣвни П. К. [12]) тягли П. К.

33.

Дидона рано исхопилась,
Пила съ похмѣлья сировець, [1])
А послѣ гарно нарядилась,
Якъ бы въ оренду на танець:
Взяла караблинъ бархатовый,
Спѣдницю [2]) и карсетъ лѣстровый [3])
И начепила ланцюжокъ,
Червоны чоботы обула,
Та [4]) и запаски не забула
И [5]) въ руки зъ выбѣйки [6]) платокъ.

[1]) сыровець П. К. [2]) спидницю П. К. [3]) люстровый П. шовковый К. [4]) да П. К. [5]) а К. [6]) выбійки П. К.

34.

Еней [1]) же, съ хмелю якъ проспався,
Изъѣвъ солоный огѣрокъ, [2])
Потимъ умывся и убрався,
Якъ паробика до дѣвокъ.
Ему [3]) Дидона пидослала,
Що отъ покѣйника [4]) украла—
Штаны [5]) й [6]) пару чобѣтокъ, [7])

Сорочку и каптанъ зъ китайки,
И шапку, поясъ зъ [8]) каламайки,
И чорный шовковый платокъ.

[1]) Эней К. [2]) огирокъ П. К [3]) іому К. [4]) покійника П. К. [5]) галанци П. [6]) и К. [7]) чобитокъ П. К. [8]) съ К.

35.

Якъ одѣглись, [1]) то и зійшлися, [2])
Съ собою стали розмовлять,
Наѣлися и принялися,
Щобъ по вчорашніому [3]) гулять.
Дидона жъ тяжко сподобала
Энея, [4]) такъ, що и не знала,
Где дѣтися и що робыть, [5])
Точила всякіи [6]) балясы
И пѣдпускала [7]) разны [8]) лясы,
Энею [9]) тѣлко [10]) бъ угодить.

[1]) одяглись П К. [2]) зышлися П. [3]) вчорашнему П. К. [4]) Енея П. [5]) робить П. К. [6]) всякіе К. [7]) пидпускала П. К. [8]) розны П. К. [9]) Энею бъ П. [10]) тилько П. К.

36.

Дидона вигадала [1]) грище,
Эней щобъ веселѣйшій [2]) бувъ, а)
И щобъ вертѣвся зъ нею ближче, [3])
И лиха щобъ свого [4]) забувъ.
Собѣ очици завязала
И у Панаса граты [5]) стала,
Щобъ ей Энея [6]) уловить.
Эней [7]) же заразъ догадався,
Коло Дидоны терся, мьявся, [8]) б)
Ии [9]) щобъ тѣлко [10]) вдоволнить. в)

[1]) выгадала П. К. [2]) веселшій К. [3]) пзъ нею бувъ поближче П. [4]) всього П. [5]) грати П. К. [6]) Енея П. Энея бъ тилько К. [7]) Еней П. [8]) мявся К. [9]) еѣ К. [10]) тилько К.

а) Еней ѣй тамъ бы пидмигнувъ. П.
б) И такъ, и сякъ отъ ней хилявся,
в) Ѣи щобъ швидче утомить. П.

37.

Тутъ всяку всячину играли,
Хто якъ и въ вѣщо [1]) захотѣвъ,
Тутъ инши [2]) журавля скакали,
А хто отъ дудочки потѣвъ,
У хрещика и въ горудуба, [3])
Не разъ доходило до [4]) чуба,
Якъ загулялися въ джгута,
Въ хлюста, въ парѣ, [5]) въ вѣзка [6]) играли,
И дамки по столу совали,
Чортъ мавъ порожняго [7]) кутка. [8]).

[1]) вищо П. К. [2]) инчи К. [3]) горюдуба П. К. [4]) й до П. [5]) въ пашка П. въ пары К. [6]) въ визка П. К. [7]) порожніого П. К. [8]) кута. К. П.

38.

Що день у нихъ було похмѣлья,
Пилась горѣлка, якъ вода,
Що день въ Дидоны якъ весѣлье,
Всѣ пьяны, хоть посунься [1]) куда.
Энеевѣ [2]) такъ, якъ болятцѣ, [3])
Або осѣннѣй [4]) лихоманцѣ [5])
Годила панѣ [6]) всякой [7]) день,
Булы [8]) Троянцѣ [9]) пьяны, ситы, [10]),
Кругомъ обуты и обшиты, [11])
Хоть голи [12]) прибрили, якъ пень.

[1]) посунсь П. К. [2]) Енеевѣ П. [3]) болящцѣ П. К. [4]) осинній П. [5]) лихій осѣнній трясцѣ К. [6]) пани П. К [7]) всякій П. К. [8]) були П. К. [9]) Троянци П. К. [10]) сыты [11]) одѣты П. [12]) голы П. К.

39.

Троянцѣ [1]) лихо тамъ курили,
Дали приману всѣмъ жѣнкамъ, [2])
По вечерницяхъ [3]) всѣ ходили,
Просвѣтку не було дѣвкамъ.
Та [4]) й самъ Эней, [5]) сподаръ, [6]) и паню
Пѣдмовивъ [7]) парится [8]) у [9]) баню,
Уже жъ було не безъ грѣха,
Бо страхъ вона iого любила,
Ажъ глуздъ увесь свѣй [10]) загубыла, [11])
Хотя була и не [12]) плоха.

[1]) Троянци П. К. [2]) жинкамъ П. К. [3]) вечирницамъ П. вечирницямъ К. [4]) да П. К. [5]) Еней П. [6]) сподарь К. [7]) пидмовивъ П. К. [8]) паритись П. паритися К. [9]) въ К. [10]) свій П. К. [11]) погубила П. К. [12]) а бачця не була К.

40.

Оттакъ [1]) Эней [2]) живъ у Дидоны,
Забувъ и въ Римъ щобъ мандровать,
Тутъ не боявся и Юноны,
Пустився все бенкетовать,
Прочумавъ, где зѣмують [3]) раки а)
И доброй натрусивъ кабаки... б)
Мутивъ, якъ у селѣ [4]) Москаль!
Бо хрѣнъ iого не взявъ—моторный,
Ласкавый, гарный и проворный
И гострый, [5]) якъ на бритвѣ сталь.

[1]) Отъ-такъ П. [2]) Еней П. [3]) зимуютъ П. [4]) на селѣ К. [5]) острый П. К.

а) Дидону мавъ винъ мовъ за жинку,
б) Убивши добру въ неи гринку К.

41.

Эней [1]) съ [2]) Дидоною возились,
Якъ съ [3]) оселедцемъ сѣрый кѣтъ, [4])

Ганяли, бѣгали, казились,
Ажъ лився деколи [5]) и пѣтъ. [6])
Дидона жъ мала разъ роботу,
Якъ зъ нимъ побѣгла на охоту,
Та [7]) грѣмъ [8]) загнавъ у темный ліохъ:
Лихій ихъ зна, що тамъ робили,
Було не видно съ пѣдъ [9]) могили, [10])
Въ ліоху жъ сидѣли тѣлко [11]) вдвохъ. [12])

[1]) Еней П. [2]) зъ П. К. [3]) зъ П. К. [4]) китъ П. К. [5]) деколы П. К. [6]) питъ П. К. [7]) Да П. К. [8]) гримъ П. К. [9]) спидъ П. съ за К. [10]) могилы П. К. [11]) тилько П. К. [12]) въ двохъ.

42.

Не такъ то робытся [1]) все хутко,
Якъ швидко окомъ измигнешъ,
Або якъ казку скажешъ [2]) прудко,
Перомъ въ паперѣ якъ писнешъ.
Эней [3]) въ Дидоны живъ не мало,
Що съ головы іого [4]) пропало,
Куды іого Зевесъ пославъ.
Вѣнъ [5]) годѣвъ [6]) спару [7]) тамъ просидѣвъ,
А мабуты [8]) и бѣльшъ пронидѣвъ,
Якъ бы іого врагъ не спѣткавъ. [9])

[1]) робится П. К. [2]) кажешъ П. К. [3]) Еней П. [4]) въ іого П. К. [5]) винъ П. К. [6]) годивъ П. К. [7]) зо два П. К. [8]) мабудь бы П. мабуть бы К. [9]) спиткавъ П. К.

43.

Колись Юпитеръ ненарокомъ
Изъ неба [1]) глянувъ и на насъ
И кинувъ въ Карфагену [2]) окомъ,
Ажъ тамъ троянскій мартоплясъ.
Розсердився и розкричався, [3])
Ажъ свѣтъ увесь [4]) поколихався, [5])
Энея [6]) лаявъ на ввесь [7]) ротъ:

„Чи такъ-то бѣсѣвъ [8]) сынъ вѣнъ [9]) слуха,
Улѣзъ [10]) у [11]) патоку, якъ муха,
Засѣвъ, якъ у болотѣ чортъ.

[1]) Зъ Олимпа К. [2]) Карпагеву П. [3]) розкричався П. К. [4]) цѣлый свѣтъ К. [5]) поколыхався П. [6]) Енея П. [7]) весь П. К. [8]) бѣсивъ П. гадивъ К. [9]) винъ П. К. [10]) убрався К. [11]) въ К.

44.

Пидѣть [1]) минѣ гинця [2]) кликните,
До мене заразъ щобъ прійшовъ,
Глядѣть [3]) же цупко прикрутите,
Щобъ у шинокъ вѣнъ [4]) не зайшовъ,
Бо хочу я кудись [5]) послати.
И іонъ, и іонъ же, вража мати!
Але Еней [6]) нашъ зледащѣвъ. [7])
А то Венера [8]) все свашкуе,
Енесика [9]) свого муштруе,
Щобъ вѣнъ [10]) зъ ума Дидону звѣвъ. [11])

[1]) пійдить П. К. [2]) гонця П. К. [3]) глядить П. [4]) винъ П. винъ въ шинокъ та К. [5]) кудысь П. К. [6]) Эней К. [7]) злецащивъ К. [8]) Венеря П. [9]) Енеечка П. Энеечка К. [10]) винъ П. К. [11]) звивъ П. К.

45.

Прибѣгъ Меркурій засапавшись,
Въ три ряды пѣтъ [1]) зъ іого котивъ,
Ввесь ременцями [2]) объязавшись, [3])
На голову бриль наложивъ, [4])
На грудяхъ съ [5]) бляхою ладунка,
А зъ заду [6]) съ сухарами сумка, [7])
Въ рукахъ нагайскій малахай.
Въ такимъ нарадѣ [8]) влѣзъ у [9]) хату,
Сказавъ: „готовъ уже я, тату,
Куда [10]) ти хочешъ посылай“.

[1]) питъ П. К. [2]) реминцями П. К. [3]) обвязавшись П. К. [4]) винъ брыль надивъ П. [5]) зъ П. [6]) а зъ зади П. съ зади К. [7]) сунка П. К. [8]) нарадѣ П. К. [9]) влѣзши въ К. [10]) куды П К.

46.

„Бѣжи лишъ швидче [1]) въ Карфагену,“ [2])
Зевесъ гонцевѣ такъ сказавъ,
„И пару разлучи [3]) скажену,
Эней [4]) Дидону бъ забувавъ,
Нехай лишъ вѣдтѣль [5]) утѣкае [6])
И Криму [7]) (sic) строиты чухрае,
А то залѣгъ, мовъ въ грубѣ песъ,
Коли жъ вѣнъ буде ще [8]) мешкаты, [9])
То дамъ себе iому я знаты:
Оттакъ [10]) сказавъ, скажи, Зевесъ“.

[1]) швидко П. [2]) Карпагену П. [3]) розлучи К. [4]) Еней П. [5]) видтыль П. К. [6]) уплѣтае П. К. [7]) Рима [8]) и ще П. К. [9]) мѣшкати П. К. [10]) отъ-такъ П. К.

47.

Меркурiй низько [1]) поклонився,
Передъ Зевесомъ бриль [2]) изнявъ,
Черезъ порѣгъ [3]) перевалився,
До станѣ [4]) швидче [5]) тягу давъ.
Покинувши изъ рукъ нагайку,
Запрягъ вѣнъ [6]) швидче [7]) чортопхайку,
Черкнувъ изъ неба, ажъ курить, [8])
Усе [9]) кобылокъ поганяе, [10])
Що оглобельна ажъ брикае, [11])
Помчали, ажъ вѣзокъ [12]) скрыпить.

[1]) низко П. К. [2]) брыль П. К. [3]) поригъ П. К. [4]) стани П. К. [5]) митью П. [6]) винъ П. К. [7]) митью К. [8]) курыть П. [9]) и все К. [10]) погоняе К. [11]) брыкае П. К. [12]) возокъ П. визокъ К.

48.

Эней [1]) тогдѣ [2]) купався [3]) въ [4]) бразѣ
И, на полу укрывшись, [5]) лѣгъ, [6])
Iому не снилось о прыказѣ, [7])

Якъ ось Меркурій въ хату влѣзъ. [8])
Смикнувъ [9]) изъ полу, мовъ псяюху:
„А що ты́ робышъ? [10]) Пьешъ сивуху“,
Зо всіого горла закрычавъ, [11])
„А ну лишъ швидче убѣрайся, [12])
Зъ [13]) Дидоною не женихайся,
Зевесъ тобѣ походъ сказавъ.

[1]) Еней П. [2]) тогди П. К, [3]) купавсь П. [4]) у П. [5]) укрившись П. К. [6]) лигъ П. К. [7]) приказѣ П. К. [8]) вбѣгъ П. К. [9]) смыкнувъ П. К. [10]) робишъ П. К. [11]) закричавъ П. К. [12]) убирайся П. К. [13]) съ П. К.

49.

Чи се жъ таки до дѣла [1]) робышъ,
Що й досѣ тута загулявсь?
Та [2]) швидко и не такъ заробышъ, [3])
Зевесъ недурно похвалявсь.
Получишъ [4]) добру халазѣю, [5])
Вѣнъ [6]) видавить [7]) съ тебе олѣю, [8])
Оттѣлко [9]) ще [10]) тутъ забарись. [11])
Гляди жъ, сіогодня щобъ убрався,
Щобъ нищечкомъ [12]) вѣдсѣль [13]) украв ся,
Мене у друге не дождись“.

[1]) ты дѣло П. [2]) да П. [3]) извомнишъ П. задробишъ К. [4]) тобѣ дать П. [5]) халазію П. К. [6]) винъ П. К. [7]) выдавить П. К. [8]) олію П. К. [9]) отъ тилько П. К. [10]) йще П. К. [11]) побарись П, К. [12]) нищечкомъ П. К. [13]) видсиль П К.

50.

Эней [1]) пѣджавъ [2]) хвѣстъ, [3]) мовъ собака,
Мовъ Каинъ затрусивсь увесь,
Изъ носа потекла кабака,
Уже вѣнъ [4]) знавъ, якій Зевесъ.
Метнувся [5]) мѣтью [6]) самъ изъ хаты
Своихъ Троянцѣвъ [7]) позбѣраты, [8])

Зобравши давъ такій приказъ:
„Якъ можно швидче укладайтесь,
Зо всѣми клунками збѣрайтесь, 9)
До моря швендайте якъ разъ!"

1) Еней П. 2) пиджавъ П. К. 3) хвистъ П. К. 4) винъ П. К. 5) шатнувся П. К. 6) митью П. К. 7) Троянцивъ П. К. 8) позбирати П. К. 9) збирайтесь П. К.

51.

А самъ, вернувшись 1) у 2) будынки,
Свое ляхмитье 3) позбѣравъ, 4)
Мизеріи наклавъ двѣ скриньки,
На човенъ 5) заразъ одиславъ 6)
И дожидався тѣлько 7) ночи,
Щобъ 8) якъ Дидона зимкне 9) очи,
Щобъ не прощавшись тягу 10) дать.
Хоть вѣнъ 11) за нею и журився
И свѣтомъ цѣлый день нудився,
Та 12) ба! вже треба покидать.

1) вернувшися К. 2) въ К. 3) лахматье К. 4) позбиравъ П. К. 5) човни П. 6) одыславъ 7) тилько П. К. 8) що П. К. 9) зомкне П. К. 10) драла П. 11) винъ П. К. 12) да П. К.

52.

Дидона заразъ вѣдгадала, 1)
Чого мусуе (sic) 2) панъ Эней, 3)
И все на умь сіобѣ (sic) 4) мотала,
Щобъ умудрытися 5) и ей.
Зъ за печи часто виглядала 6)
И притворилась, 7) що 8) куняла,
И мовъ вона хотѣла спать.
Эней 9) же думавъ, що вже спала,
И тѣлко 10) що хотѣвъ дать драла,
Ажъ ось Дидона за чубъ хвать.

[1]) отгадала П. К. [2]) сумуе П. К. [3]) Еней П. [4]) на усъ собѣ П. К. [5]) умудритися П. К. [6]) выглядала П. К. [7]) прикинувшись К. [8]) буцимъ К. [9]) Еней П. [10]) тилько П. К.

53.

„Постѣй, [1]) прескурвый, вражій сыну,
Зо мною перше росплатись,
Отъ [2]) задушу, якъ злу личину,
Ось ну лишъ тѣлко [3]) завертись.
Оттакъ [4]) за хлѣбъ, за сѣль [5]) ты платышъ, [6])
Привыкъ усѣмъ [7]) ты [8]) насмѣхатись,
Роспустишъ славу по минѣ.
Нагрѣла въ пазусѣ гадюку,
Що послѣ причинила муку,
Послала пуховикъ свиньи. [9])

[1]) постій П. К. [2]) я П. [3]) тилько П. К. [4]) отъ такъ П. К. [5]) силь П. К. [6]) платишъ П. К. [7]) увсѣмъ П. [8]) ты всѣмъ привыкши К. [9]) свинѣ П. К.

54.

Згадай, якій прійшовъ до мене,
Що ни сорочки не було,
И постолѣвъ [1]) чортъ мавъ у тебе,
Въ кишенѣ жъ пусто, якъ [2]) гуло.
Не [3]) знавъ ты, що такее гроши,
Матня подралась и колоши, а)
Рубець бувъ на рубцѣ въ штаняхъ, б)
И все [4]) порвалось и побылось,
Ажъ тѣло у [5]) дѣрки свѣтилось, в)
Свитина вся була въ латкахъ.

[1]) постоливъ П. К. [2]) ажъ П. К. [3]) чи К. [4]) та й те К. [5]) скрызь П.

а) Мавъ безъ матни одни холоши,
б) И тилько слава, що въ штанахъ,
в) Ажъ глянуть соромъ—такъ свѣтилось К.

55.

Чи я жъ тебе не годовала? а)
Хиба бъ [1]) рожна ты [2]) захогѣвъ?
Десь вража маты [3]) подсмѣяла, [4])
Щобъ хирный тутъ ты не сѣдѣвъ! [5])
Дидона гѣрко [6]) зарыдала, [7])
Изъ серця [8]) ажъ волосья рвала
И закраснѣлася, мовъ ракъ,
Запѣнилась, посатанѣла,
Неначе дурману изъила, [9])
Залаяла Енея такъ:

[1]) хиба П. К. [2]) ты трясци П. рижна К. [3]) сила П. мати К. [4]) пидсмѣяла П. пидкусила К. [5]) сидѣвъ П. К. [6]) гирько П. К. [7]) заридала П. К. [8]) сердця К. [9]) изъѣла П. К.

а) Чи я жъ тобѣ та не годила? К.

56.

„Поганый, мерзьскый, [1]) скверный, [2]) бридкій,
Рѣзунъ, [3]) разбойникъ, [4]) кателикъ! [5])
Гульвѣса, [6]) пакосный, престидкій,
Негидный, злодѣй, эретикъ! [7])
За кучму сю твою велику,
Якъ дамъ тобѣ ляща [8]) у пику,
То тутъ тебе лизне [9]) и чортъ!
И очи видеру [10]) изъ лоба
Тобѣ, діяволска [11]) худоба,
Трясешся, мовъ зимою хортъ.

[1]) мерзкій П. К. [2]) гицкій П. [3]) бурлакъ П. [4]) розбійникъ П. некчимный ланецъ К. [5]) котоликъ П. К. [6]) гульвиса П. К. [7]) еретикъ П. К. [8]) леща К. [9]) лызне П К. [10]) выдеру П. К. [11]) діявольска П. К.

57.

Мандруй до чорта изъ рогамы, [1])
Нехай тобѣ приснится бѣсъ

Съ [2]) твоими сучими сынами,
Щобъ врагъ узявъ [3]) васъ всѣхъ гульвѣсъ, [4])
Щобъ ни горѣли, ни болѣли,
На чистому [5]) щобъ поколѣли,
Щобъ не оставсь ни чоловѣкъ,
Щобъ доброи не знали долѣ, [6])
Були щобъ зъ вами злые болѣ, [7])
Щобъ вы шаталися по вѣкъ!".

[1]) рогами П. К. [2]) зъ П. К. [3]) побравъ К. [4]) гульвисъ П. К. [5]) на чыстоту П. [6]) доли П. К. [7]) боли П. К.

58.

Эней [1]) вѣднеи [2]) отступався,
Пока ступивъ [3]) черезъ порѣгъ, [4])
А далѣ ажъ не оглядався,
Зъ двора собака мовъ [5]) побѣгъ.
Прибѣгъ къ Троянцамъ, [6]) засапався,
Обмокъ, въ поту якъ бы купався,
Мовъ въ школу съ торгу курохватъ,
Потѣмъ, [7]) у човенъ хутко сѣвши
И ѣхати своимъ звелѣвши, [8])
Не оглядавшись [9]) самъ назадъ.

[1]) Еней П. [2]) видъ неи П. К. [3]) зайшовъ П. К. [4]) поригъ П. К. [5]) въ собачу рысть К. [6]) къ Троянцямъ П. К. [7]) потимъ П. К. [8]) велѣвши П. К. [9]) не оглядався П. К.

59.

Дидона тяжко зажурылась, [1])
Весь день ни ѣла, ни пила,
Все тосковала, все нудилась, [2])
Крычала, [3]) плакала, ревла,
То бѣгала, якъ бы шалена,
Стояла довго тороплена,
Кусала ногтѣ [4]) на рукахъ,
А далѣ сѣла на порозѣ,

Ажъ занудило ей [5]) небозѣ,
Не встояла и [6]) на ногахъ. *)

[1]) зажурилась П. К. [2]) нудылась П. [3]) кричала П. К. [4]) ногти П. К. [5]) ѣй П. К. [6]) и не встояла П. К.

---

*) Сестру клыкнула на пораду,
Щобъ горе злее росказать,
Энееву оплакать зраду
И льготы сердцю трохи дать.
«Ганнусю, рыбко, душко, любко,
Ратуй мене, моя голубко,
Теперь пропала я на вѣкъ!
Энеемъ кинута а, бѣдна,
Якъ сама поплюга послѣдня,
Эней злый змѣй—не чоловѣкъ! К.

—

Нема у серця мого силы,
Щобъ я могла іого забуть.
Куды мнѣ бѣгти? До могилы!
Туды одинъ надежный путь!
Я все для іого потеряла,
Людей и славу занедьбала,
Боги! я зъ нимъ забула васъ.
Охъ дайте зѣлья мнѣ напитись,
Щобъ серцю можно розлюбитись,
Утихомиритись на часъ. К.

—

Нема на свѣтѣ мнѣ покою,
Не льются сліозы изъ очей,
Для мене бѣлый свѣтъ есть тьмою,
Тамъ ясно тилько, где Эней.
О пуцверинку купидоне!
Любуйся, якъ Дидона стогне...
Щобъ ты маленькимъ бувъ пропавъ!
Познайте, молодици гожи,
Зъ Энеемъ бахури всѣ схожи:
Щобъ врагъ зрадливыхъ всѣхъ побравъ»! К.

—

60.

Довгенько тамъ [1]) посумоввши,
Пѣшла у хату [2]) на постѣль,
Подумавши тамъ, погядавши,
Проворно скочила на пѣлъ. [3])
Узявши [4]) зъ [5]) запѣчка кресало
И ключя въ пазуху чи мало,
Тихенько вийшла на вгородъ. [6])
Нѣчною [7]) се було добою
И самой тихою порою,
Якъ спавъ хрещеный весь народъ.

[1]) такъ П. К. [2]) въ будынки К. [3]) пилъ П. К. [4]) и взявши К. [5]) съ К. [6]) городъ П. К. [7]) ночною П. К.

61.

Стоявъ въ Дидоны [1]) у загонѣ [2])
Съ кизяку складенный кирпичъ, а)
Іого придбали волы, конѣ, [3]) б)
Зѣмою имъ топили пѣчь, в)
Въ кострѣ бувъ складенный, [4]) сухенькій,
Якъ порохъ, бувъ уже сухенькій, [5])
Іого держали на пѣдпалъ. [6])
Оттутъ [7]) вѣна [8]) (sic) огонь кресала

Такъ бѣдна съ горя говорила
Дидона, жизнь свою кляла,
И Ганна, що ѣй ни робила,
Ни якой рады не дала.
Сама съ царицей горіовала
И сліозы рукавомъ втирала
И хлыпала собѣ въ кулакъ.
Потимъ Дидона мовъ унышкла,
Звелѣла, щобъ и Гандзя выйшла,
Щобъ ѣй насумоватись въ смакъ. К.

И въ клоччѣ [9]) гарно розмахала
И розвела пожаръ чи-малъ.

[1]) въ Дидони П. у неи К. [2]) у загони П. на городѣ К [3]) волы придбали й кони П. [4]) сложеный П. К. [5]) палкенькій П. К. [6]) пидпалъ П. К. [7]) отъ тутъ П. [8]) вона П. К. [9]) клочьи П. К.

а) Въ кострѣ на зиму очереть;

б) Хоть се не по царскій породѣ,

в) Та где жъ взять дровъ, колы все степъ К.

62.

Кругомъ костеръ той запаливши,
Зо всей одежы [1]) роздяглась,
Въ огонь одежу положивши, [2])
Сама въ огнѣ тѣмъ [3]) уляглась. [4])
Въ кругъ [5]) неи поломья палало,
Покѣйницы [6]) не выдно стало,
Пѣшовъ [7]) вѣдъ [8]) неи дымъ и чадъ!
Энея [9]) такъ вона любыла, [10])
Що ажъ сама себе спалила,
Послала душу къ чорту въ адъ.

[1]) одежды П. К. [2]) лахматье все сложивши К. [3]) тимъ К. да и сама тутъ П. [4]) простяглась К. улеглась П. [5]) вкругъ П. К. [6]) покійници П. К. [7]) пишовъ П. К. [8]) одъ П. К. [9]) Енея П. [10]) любила П. К.

Конецъ первой части Виргилія Энеиды.

На малороссійскій языкъ перелиціована Котляревскимъ 1798 г.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1900 годъ.

Въ Ученныхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканія наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

2—3

хозяйственнымъ запросамъ. Поэтому только въ «Югѣ» печатается множество сообщеній изъ разныхъ уголковъ Херсон. и смежныхъ губерніи: за $1^1/_2$ года изданія въ «Югѣ» напечатано болѣе трехъ тысячъ корреспонденцій.

Благодаря такому изобилію свѣдѣній, необходимыхъ для всего населенія Херсонской и смежныхъ губерній, «Югъ» получилъ широкое распространеніе, проникнувъ даже въ такіе «медвѣжьи углы», куда никакія газеты до сихъ поръ еще не заходили.

Отчасти этому способствовали: дешевая подписная цѣна на «Югъ» и льготы въ уплатѣ денегъ, какія въ другихъ газетахъ не допускаются.

Газета «Югъ» выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ. Праздничные нумера снабжены прибавленіями.

Подписная цѣна для гг. иногороднихъ на годъ 8 руб., причемъ деньги могутъ быть уплочены въ разсрочку. Желающіе получать «Югъ» въ разсрочку благоволятъ заявить о томъ письменно въ Главную Контору газеты, препроводивъ

ОДИНЪ РУБЛЬ,

а остальные семь рублей высылать ежемѣсячно: по одному рублю, по два, по три—какъ кто можетъ.

Учрежденія, оффиціальныя и вообще извѣстныя лица могутъ выписать «Югъ» на годъ

ВЪ КРЕДИТЪ.

Желающіе выписать «Югъ» въ кредитъ только посылаютъ въ контору газеты хотя-бы открытое письмо съ указаніемъ своего адреса, срока, съ котораго слѣдуетъ высылать имъ «Югъ» на годъ и времени, когда будутъ присланы подписныя деньги.

Подписываться на годъ можно не только съ 1 января, какъ подписываются на другія газеты, а съ 1 числа каждаго мѣсяца—1 число того-же мѣсяца слѣдующаго года.

Адресъ Главной Конторы газеты «Югъ»: Херсонъ, Греческая ул., домъ № 14,

Редакція газеты «Югъ» весьма интересуется жизнью деревни и ея насущными нуждами, а потому проситъ гг. читателей присылать ей свои сообщенія для помѣщенія ихъ на столбцахъ «Юга». Имена гг. корреспондентовъ составляютъ тайну редакціи. Редакція проситъ гг. корреспондентовъ писать четко и притомъ на одной только сторонѣ бумаги,—такъ удобнѣе для наборщиковъ.

2—3

два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ*.

Запросини до передплати

на третїй рик виданя

ЛЇТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ ВІСТНИК.

В р. 1900 „Лїтературно-науковий Вістник" буде виходити під тою самою редакциєю, що й доси, в такім самім обемі і на таких самих умовах.

Редакцийний комітет складають: проф. М. Грушевський, В. Гнатюк і др. Ів. Франко.

За редакцию відповідає В. Гнатюк.

Передплата платна у Львові виносить:

В Австриї з пересилкою на чверть року	5	корон
„ „ „ „ пів „	10	„
„ „ „ „ цїлий рік	16	„
В Росиї „ „ „ „ „	8	рублїв.

В иньших державах по обчисленю пересилки.

Поодинокі книжки коштують по 2 кор.

Першого річника (1898) перші чотири книжки вичерпані; за ціну 6 зл. (6 руб.) можна дістати кн. 5—12, з додатком початків статей, що їх продовженя містять ся в сих книжках. Другий річник можна дістати по цїнї передплати.

Редакция і адміністрация у Львові, ул. Чарнецкого ч. 26.

Всякі вплати для Наук. Товариства ім. Шевченка, в тім числї і передплату можна посилати також на адрес книгарнї „Кіевской Старины", Кіевъ, Безаковская 14, котра одержане грошей буде посьвідчувати сторонам друкованими квітками з книги Товариства. В такім разї інтересовані, замовляючи або реклямуючи Вістникъ або иньші книжки з нашого Товариства, зволять прислати в листї такий квітокъ, одержаний від книгарнї К. Стар., і все замовлене вишлеть ся їм зараз. Надїємо ся, що таким способом зробимо нашим передплатникам у Росиї велику догідність.

З усякими реклямациями треба звертати ся не до книгарнї „Кіев. Старины", а до адмініістрациї Лїт.-наук. Вістника.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія журнала

Труды Кіевской Духовной Академіи

въ 1900 году.

(Годъ изданія сороковый).

Журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1900 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Дух. Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по содержанію общедоступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „*Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ*“.

Указомъ Свят. Синода отъ 2—29 февраля 1884 г. подписка на „Труды“ и „Библіотеку твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“ рекомендована для духов. семинаріи, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Журналъ выходитъ *ежемѣсячно* книгами отъ 10—15-ти и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб., а за границу 8 руб.

За прежніе годы „Труды“ продаются *по уменьшеннымъ цѣнамъ*, именно: за 1860—1878 гг. по 5 р., за 1879—1883 гг. по 6 р., за 1885—1897 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 руб. съ перес. Экземпляры „Трудовъ“ за 1867—68 и 1884 гг. распроданы.

Съ требованіями относительно журнала редакція проситъ обращаться *непосредственно* къ ней по слѣд. адресу:

Въ редакцію журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“ въ г. Кіевѣ (Ильинская, д. № 5).

Редакторъ *профессоръ В. Ѳ. Пѣвницкій.*

1—3

2) Иллюстрированный журналъ прикладныхъ знаній „Мозаика Новаго Міра“ (24 выпуска), вмѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ.

3) Журналъ „Литературные Вечера Новаго Міра“. 12 ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ книжекъ романовъ и повѣстей для семейнаго чтенія.

4) 12 переплетенныхъ книгъ ежемѣсячнаго журнала „Библіотека русскихъ и иностранныхъ писателей“, въ составъ котораго войдутъ: а) шесть переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій *Ив. Ив. Лажечникова* (т.т. 7—12); б) шесть переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій *Генриха Гейне* (т.т. 7—12).

5) Двѣ роскошно переплетенныя книги, ежемѣсячнаго иллюстрированнаго изданія „Живописная Россія“, посвященныя описанію Южнаго Поволжья и Уральской области.

Лица, желающія получить въ 1900 году при „Новомъ Мірѣ“, „Мозаикѣ“ и „Литературныхъ Вечерахъ“ за этотъ годъ всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій Ив. Ив. Лажечникова, всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій Генриха Гейне и, вмѣсто 2-хъ, четыре изящно переплетенныя книги „Живописной Россіи“, посвященныя описанію: 1) Внутренняго Нестепного пространства, 2) Донско-Каспійской области, 3) Южнаго Поволжья и 4) Уральской области, уплачиваютъ за годовое изданіе „Новаго Міра“ со всѣми вышеперечисленными приложеніями, вмѣсто 14-ти руб.,— 26 рублей (заграничные подписчики 36 рублей).

Кромѣ подписки на журналъ съ приложеніями за два года, редакція „Новаго Міра“, по примѣру прошлаго года, рѣшила допустить для желающихъ замѣну объявленныхъ приложеній прошлогодними, а именно, взамѣнъ второй половины соч. Лажечникова и Гейне, желающіе могутъ получить въ 1900 году первую половину сочиненій этихъ писателей; вмѣсто же двухъ книгъ „Живописной Россіи“ за 1900 годъ,—двѣ книги того-же изданія, выпущенныя въ 1899 году, т. е. посвященныя описанію Внутренняго Нестепного пространства и Донско-Каспійской области.

Гг. подписчиковъ, желающихъ воспользоваться правомъ выбора премій, взамѣнъ объявленныхъ на 1900 годъ, просятъ заявлять о своемъ желаніи при самой подпискѣ на журналъ, излагая свое желаніе по возможности на отдѣльномъ листкѣ бумаги.

Годовая подписная цѣна „НОВОМУ МІРУ“ со всѣми приложеніями и преміями, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи—**14 р.** Роскошное изданіе—**18** рублей. За границу—**24** руб., роскошное изданіе—**28** рублей.

Изъ столичныхъ литературныхъ силъ въ газетѣ принимаютъ участіе: Н. П Аксаковъ, г-жа Барвинокъ Е. В. (псевд.), Г. И. Бутми, князь Д. П. Голицынъ (Муравлинъ), А. И. Кирпичниковъ (проф.), А. А. Коринфскій, В. С. Лихачевъ, Мордвинъ, (псевд.), Г. Т. Полиловъ, А. Сѣдой (А. П. Чеховъ), Сѣверцовъ (псевд.). Вл А. Тихоновъ, А. Ходневъ, С. Ѳ. Шараповъ и С. С. Шабишевъ. Изъ мѣстныхъ литературныхъ силъ: А. И. Алмазовъ, (проф.), Е. А. Арбенина (псевд.), А. Ф. Воеводскій (проф.), Джекъ (псевд.), П. И. Компанъ, М. А. Кривцовъ, А. А. Лебединцевъ, Г. О. Лифшицъ, Н. Н. Мальцевъ, Печоринъ (псевд.), В. М. Пуришкевичъ, М. Д. Сидоренко (прив.-доц.), И. Ф. Синцовъ (проф.), А. Ѳ. Федоровъ (проф.), Н. Е. Чижовъ (проф.), П. Н. Шейминъ (прив.-доц.), И. Л. Яворскій (проф.) и др.

ЕЖЕДНЕВНЫЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

возникли на почвѣ стремленія—выдѣлить изъ газеты рисунки и весь матеріалъ, не носящій срочнаго злободневнаго характера, но тѣмъ не менѣе представляющій глубокій интересъ для всякаго читателя. Такимъ образомъ, естественно, въ приложенія отошли: беллетристика, стихотворенія, полезныя свѣдѣнія, разныя разности и юмористически-анекдотическій элементъ съ каррикатурами.

Въ такомъ видѣ приложенія, въ количествѣ не менѣе 300 въ годъ, составятъ къ концу года два громадныхъ иллюстрированныхъ тома съ массой интереснаго чтенія, полезныхъ свѣдѣній и забавныхъ мелочей, не теряющихъ своего значенія и чрезъ десятокъ лѣтъ.

Въ настоящее время въ приложеніяхъ ежедневно безъ перерывовъ печатается романъ графа Л. Н. Толстого.

„Воскресеніе“

Всѣ новые подписчики получатъ начальныя главы романа въ отдѣльныхъ оттискахъ и, такимъ образомъ, будутъ имѣть полный романъ нашего знаменитаго писателя.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На 1 годъ—14 р., на 6 мѣс.—7 р., на 3 мѣс.—3 р. 60 к., на 1 мѣс.—1 р. 20 к.

Такса за объявленія:

На 1-й страницѣ за строку петита 20 к., на 4-й страницѣ за строку петита 10 к. за каждый разъ. Въ иллюстрированныхъ приложеніяхъ по 50 к. за строку.

Подписка на газету и пріемъ объявленій принимаются въ главной конторѣ по Ришельевской ул., въ д. Кестнера № 46.

Редакторъ-Издатель *Г. А. Липинскій.*

1—3

ОБЪ ИЗДАНІИ
КІЕВСКИХЪ
Университетскихъ Извѣстій
въ 1900 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части — 1) оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами — *критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія извѣстія въ 1900 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ,* а съ пересылкой *семь рублей.* Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ **В. Иконниковъ.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVIII.

ФЕВРАЛЬ.

1900 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 3 февраля 1900 года.

КЪ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

(Пребываніе его въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи).

4-го мая 1899 г. я пріѣхалъ случайно въ Фортъ-Александровскъ, бывшее укрѣпленіе Ново-Петровское, мѣсто ссылки Т. Г. Шевченка. Болѣе 40 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ отсюда Т. Г., но мѣсто это представляетъ и донынѣ такой-же безотрадный уголокъ, какимъ изобразилъ его много лѣтъ тому назадъ самъ Шевченко [1]).

Расположенное на высокой скалѣ, рѣзко возвышающейся надъ степью, укрѣпленіе имѣетъ видъ какого-то горнаго гнѣзда. У подошвы скалы развилось небольшое русско-армянское поселеніе, а на самомъ берегу моря, верстахъ въ 3-хъ отъ форта, раскинулась большая рыбацкая станица, начало которой современно постройкѣ укрѣпленія. По степи и въ лощинахъ окрестныхъ холмовъ видны кибитки кочующихъ киргизовъ. Кругомъ ни кустика, ни деревца. Мертвую природу оживляетъ только запущенный садъ, но происхожденіе сада связано съ именемъ Шевченка,—слѣдовательно и его не было въ то время, когда пріѣхалъ сюда Т. Гр.

Мертвая, унылая, безотрадная природа! Постоянный вѣтеръ да грозный гулъ морского прибоя только и говорятъ вамъ о жизни природы. Продолжительное пребываніе въ этомъ забытомъ

---

[1]) См. Кіевская Старина. 1899 г. февраль.

углу можетъ служить большимъ наказаніемъ, даже не принимая во вниманіе всѣхъ ужасныхъ, стѣснительныхъ условій, въ которыхъ находился нашъ поэтъ.

Изъ старожиловъ станицы, современниковъ Шевченка, остались въ живыхъ только козакъ Андрей Михайловичъ Перепелюковъ, сѣдой, какъ лунь, столѣтній старецъ, да супруги Филатъ Осиповичъ и Александра Степановна Сухоруковы.

Первымъ долгомъ я, конечно, навѣстилъ этихъ старцевъ; но къ сожалѣнію воспоминанія ихъ относительно Шевченка очень смутны: старуха Сухорукова говоритъ о большой любви семьи Усковыхъ къ Шевченку, о томъ, что онъ частенько съ Усковыми пріѣзжалъ къ нимъ (мать старухи Сухоруковой была повитуха). Всѣ они категорически отвергаютъ, будто-бы Шевченко подвергался тѣлесному наказанію [1]), и вспоминаютъ, что Шевченка считали въ фортѣ разжалованнымъ маіоромъ. Устройство сада они приписываютъ Ускову при содѣйствіи Шевченка. Вотъ и все, что разсказали мнѣ старики, повторяя все время, что „намъ это было ни къ чему“. Старуха Сухорукова (урожденная Савченко) говоритъ, что родители ея одно время интересовались узнать, не родственники-ли они съ Шевченкомъ, но родства не оказалось. Объ отношеніяхъ Шевченка къ поселенцамъ станицы они говорятъ, какъ о задушевныхъ.

Не получивъ почти никакихъ свѣдѣній отъ живыхъ свидѣтелей пребыванія здѣсь Тараса Григорьевича, я обратился къ розыскамъ архивныхъ матеріаловъ, но и здѣсь успѣхъ былъ не бóльшій. Одинъ изъ старожиловъ Форта-Александровска, нынѣ смотритель мѣстнаго продовольственнаго магазина, титулярный совѣтникъ Малинниковъ, сказалъ мнѣ, что одно дѣло имъ по приказанію коменданта, еще въ 60-хъ годахъ, было передано артиллерійскому генералу Гранкину. Дѣло это, по словамъ г. Малинникова, заключало переписку, возбужденную послѣ отправленія Усковымъ Шевченка въ Астрахань вмѣсто Оренбурга.

---

[1]) См. А. Я. Конисскій. «Жизнь украинскаго поэта Т. Г. Шевченка» стр. 382—385.

Съ разрѣшенія мѣстнаго воинскаго начальника я пересмотрѣлъ старый заброшенный архивъ укрѣпленія. Здѣсь въ обрывкѣ описи дѣлъ (съ 1847—1852 г.) значится въ 1850 г. подъ № 122 „Дѣло о прибытіи изъ г. Уральска политическаго преступника Шевченко"; но ни этого дѣла, ни вообще дѣлъ, спеціально посвященныхъ Шевченку, не оказалось.

Не найдя дѣлъ, касающихся Шевченка, я обратился къ постовымъ вѣдомостямъ, съ цѣлью выяснить, какъ несъ солдатскую службу Шевченко и какими льготами онъ пользовался. Къ сожалѣнію, сохранились только постовыя вѣдомости за 1852 и за 1857 г.г.; остальныя или сгнили въ подвалѣ, или утрачены. По вѣдомостямъ за 1857 годъ видно, что въ этомъ году Шевченко не отбывалъ ни одного караула [1]). Въ 1852 году Шевченко отбылъ 63 караула, наравнѣ со всѣми нижними чинами, а въ 1857 году онъ былъ отъ нихъ совершенно освобожденъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе заставляетъ пожалѣть, что вѣдомостей за другіе года не оказалось. Теперь нѣтъ возможности фактически установить, когда начались льготы Шевченку и въ какой постепенности онѣ къ нему примѣнялись.

Обратимся къ свѣдѣніямъ о караулахъ за 1852-ой годъ [2]).

---

[1]) Ср. А. Я. Конисскій. Жизнь украинскаго поэта Т. Г. Шевченка стр. 435. «Ближайшіе начальники Шевченка, фельдфебель и ротный командиръ, узнавъ, пока не оффиціально, объ освобожденіи его, *не увольняя* его отъ ученья *и караула,* позволили свободное отъ службы время проводить на огородѣ».

[2]) Для читателей военныхъ, знающихъ, что караулы отбываются не ранѣе, какъ черезъ день, считаю нужнымъ дать нѣкоторыя объясненія къ «свѣдѣніямъ», чтобы меня не заподозрили въ ошибочномъ составленіи этихъ свѣдѣній, такъ какъ въ нихъ можно видѣть ежедневные наряды. Въ караулъ на Новопетровской пристани высылались люди на цѣлую недѣлю. Для занятія 3-хъ постовъ высылались 12 человѣкъ и, такимъ образомъ, имѣлось три запасныхъ нижнихъ чина, что давало возможность, если не чередовать черезъ день, то, по крайней мѣрѣ, давать суточный отдыхъ. Каждый разъ въ караулѣ были люди, стоявшіе на часахъ всѣ семь дней, а были служившіе лишь нѣсколько дней. Вотъ почему мы видимъ здѣсь ежедневные на-

Мы видимъ, что чаще всего Шевченко отбывалъ караулы у флагштока (30 изъ 63). Это сходится съ показаніемъ г. Малинникова, что „Шевченко любилъ это мѣсто“. Флагштокъ стоялъ на отдѣльной высокой скалѣ впереди форта. Оттуда открывается широкій кругозоръ на всѣ стороны: видно море и рыбачьи станицы на берегу бухты. Для поэтической натуры Шевченка это мѣсто, конечно, было болѣе подходящимъ. Здѣсь на скалѣ, между многими высѣченными надписями, мы нашли старинную надпись КЛАЧЕНКО. Кѣмъ сдѣлана—эта надпись, рѣшить не берусь; но другой фамиліи съ окончаніемъ *ченко*, въ вѣдомостяхъ не встрѣчалось.

Въ караулѣ на гауптвахтѣ Шевченка мы видимъ рѣдко (5 разъ). Вѣроятно, онъ избѣгалъ этого, и я думаю, что одной изъ важныхъ причинъ было то обстоятельство, что здѣсь содержались арестованные. Въ караулѣ-же у флагштока Шевченко оберегалъ чаще всего денежный ящикъ, казну.

Всѣ караулы, кромѣ двухъ, Шевченко отбывалъ въ качествѣ часового, и только два раза онъ былъ разводящимъ, т. е. не стоялъ на часахъ. Чѣмъ объясняется это назначеніе—особымъ ли знакомъ вниманія къ нему, или простою случайностью—сказать трудно; вѣроятно, просто воспользовались имъ, какъ грамотнымъ солдатомъ. Грамотой его, впрочемъ, пользовались довольно часто, и мы не разъ въ постовыхъ вѣдомостяхъ видимъ записи, сдѣланныя рукой Шевченка въ тѣ дни, когда онъ былъ часовымъ. И не мудрено: между начальствующими нижними чинами попадались такіе, которымъ письмо давалось съ большимъ трудомъ, и, конечно, поручить записать вѣдомость умѣющему хорошо писать человѣку было для нихъ большимъ счастьемъ.

ряды. Чѣмъ руководствовались при этомъ раздѣленіи, сказать не могу, но оно существовало. Въ частности, Шевченко изъ 7 дней, въ мартѣ, стоялъ на часахъ 6, въ маѣ всѣ 7, въ іюнѣ 6, въ августѣ 7, въ сентябрѣ только 2; числился-же въ караулѣ каждый разъ въ теченіе 7 дней.

Повторяю, свѣдѣнія эти составлены по подлиннымъ постовымъ вѣдомостямъ

Еще одно замѣчаніе. Нѣсколько разъ въ постовыхъ вѣдомостяхъ мы видимъ запись „Тарасъ Григорьевичъ", „Тарасъ Шевченко". Запись часового по имени и отчеству показываетъ, что такое обращеніе къ Шевченку со стороны нижнихъ чиновъ было обычно, а, слѣдовательно, „рядовой Т. Шевченко", въ 1852 году, будучи еще сравнительно „молодымъ солдатомъ", пользовался уже уваженіемъ своихъ сотоварищей и даже ближайшихъ начальниковъ. Обращеніе по имени и отчеству къ унтеръ-офицерамъ — обычно; но такое обращеніе къ рядовому, да еще со стороны ефрейтора или унтеръ-офицера (они ведутъ записи въ постовыхъ вѣдомостяхъ)—рѣдкость большая.

Вотъ и все, что могутъ дать намъ постовыя вѣдомости за два года.

Предполагая найти косвенное указаніе на связь Шевченка съ мѣстными жителями, я пересмотрѣлъ метрическія книги мѣстной церкви за семь лѣтъ (50—57 г. г.). Оказывается, что за все время Шевченко ни разу не былъ ни шаферомъ, ни кумомъ ни у кого изъ обывателей, а также и у солдатъ. Дѣлать изъ этого какія либо заключенія не нахожу возможнымъ. Указываетъ-ли это на то, что у него не было тѣсной связи съ мѣстными жителями или солдатами, или ему просто не разрѣшалось участвовать въ торжествахъ? Въ виду вышеизложеннаго, я склоненъ скорѣе думать, что первое предположеніе имѣетъ мало основаній.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о садѣ Шевченка. Этотъ садъ является единственнымъ пріютомъ отдохновенія обывателей Форта-Александровска отъ жары и вида безотрадной природы. Въ саду показываютъ землянку Шевченка. Позволяю себѣ сомнѣваться, что это землянка его [1]). Старуха Сухорукова говоритъ, что въ этой землянкѣ любилъ отдыхать Усковъ въ лѣтнюю жару. Передъ землянкой стоятъ двѣ толстыя старыя вербы. Быть можетъ, одна изъ нихъ есть посаженная Шевченкомъ палка [2])?

[1]) Ср. А. Конисскій. Стр. 389, 395, 396.

[2]) Тамъ-же стр. 395.

Садъ этотъ, являясь лучшимъ памятникомъ пребыванія здѣсь Шевченка, надо полагать, не погибнетъ: личный интересъ служащихъ въ фортѣ заставитъ поддержать и сохранить его, и надо надѣяться, что все будетъ сдѣлано для того, чтобы онъ не погибъ. Теперь садъ расчищаютъ, поливаютъ, не даютъ ему погибнуть. Къ сожалѣнію, не всегда это было такъ, и многія деревья несомнѣнно погибли прежде времени отъ недостатка вниманія къ саду. Это оставляемъ на совѣсти тѣхъ, кто въ этомъ унылομъ мѣстѣ не нашелъ въ себѣ достаточно любви къ природѣ, чтобы сохранить этотъ единственный живой уголокъ среди мертвой степи...

Прилагаю листъ постовой вѣдомости 11 іюля 1852 года, написанный рукой Т. Г. Шевченка.[1]) Остальные 11 листовъ, писанные тоже рукой Шевченка, мною пересланы при описи Предсѣдателю Черниговской Губернской Земской Управы г. Уманцу, какъ завѣдывающему бывшимъ музеемъ В. В. Тарновскаго. Думаю, что эти служебные автографы Шевченка, взятые мною изъ заброшеннаго архива, не лишены интереса. Мы привыкли видѣть руку Шевченка въ поэтическихъ произведеніяхъ его или письмахъ къ друзьямъ. Въ служебной перепискѣ мы видимъ ее, если не ошибаюсь, впервые .

К. Оберучевъ.

---

[1]) Листокъ этотъ, представляющій интересъ не по своему содержанію, а только какъ автографъ, мы сохранимъ въ редакціи для передачи его впослѣдствіи въ Шевченковскій музей, въ возможности осуществленія котораго мы вполнѣ убѣждены, т. к. для этого дѣла много потрудился уже покойный В. В. Тарновскій.

ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО

и

ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ.

*(Продолженіе *).*

XII.

Вирши, изображающія внутреннюю жизнь сердца на почвѣ семейныхъ отношеній.

Есть еще одинъ типъ виршевой литературы, который входитъ глубокимъ клиномъ въ народное пѣснотворчество: мы разумѣемъ вирши, изображающія внутреннюю жизнь сердца въ средѣ семейныхъ отношеній. Объ этихъ виршахъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ и въ другой связи идей [1]). По происхожденію своему онѣ относятся къ разряду виршей нравоучительныхъ, развивающихъ религіозно-философскія мысли о жизни и скоротечности ея, о смерти и всемогуществѣ ея, о тщетѣ благъ міра сего, о томъ, чего долженъ желать человѣкъ, къ чему долженъ стремиться онъ, и въ чемъ, наконецъ, заключается добро и зло,

---

*) См. Кіевск. Стар., 1900, № 1.

[1]) См. «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ», статья: «Вирши нравоучительнаго содержанія», 58—78.

правда и неправда, счастіе и несчастіе его жизни. Конечно, эти мысли сложились подъ сильнымъ вліяніемъ христіанской этики, но въ нихъ есть значительная примѣсь пессимизма, свойственнаго міровоззрѣнію малорусскаго народа. Въ основѣ этого пессимизма лежитъ нѣжное участіе къ людямъ, оторваннымъ отъ родной семьи, заброшеннымъ и обездоленнымъ. Большею частію это безпріютные скитальцы безъ роду и племени, сироты, проклинающіе свою долю. Входя въ положеніе этихъ людей, составители виршей ни въ чемъ не находятъ для нихъ утѣшенія. Всюду они видятъ вражду и насиліе, которое подъ именемъ неправды царствуетъ въ мірѣ [1]).

На той же почвѣ семейныхъ отношеній развивались и искусственныя пѣсни любовнаго содержанія. До насъ дошли и немногія имена составителей этихъ пѣсенъ. Таковъ былъ козакъ Климовскій, жившій около 1724 г. По словамъ Карамзина, онъ составилъ сочиненіе „о великодушіи и правдѣ“. „Сказываютъ“, говоритъ Карамзинъ, „что Климовскій не менѣе семи греческихъ мудрецовъ былъ славенъ и почтенъ между его собратьями—козаками; что онъ, какъ вдохновенная Пиѳія, говаривалъ въ бесѣдахъ высокопарными стихами, давалъ пріятелямъ благоразумные совѣты, твердилъ часто пословицу: „Намъ добро и никому зло—то законное житье“; и любопытные приходили слушать его. Малороссійская пѣсня: „Не хочу я ничего, только тебя одного“, которую поютъ наши любезныя дамы, есть также, какъ увѣряютъ, сочиненіе Климовскаго, ученика природы, къ сожалѣнію, недоученнаго искусствомъ“ [2]). Преданія о Климовскомъ, повидимому, затемненныя и сбивчивыя, отразились и въ „Наталкѣ Полтавкѣ“ Котляревскаго (Дѣйс. II, явл. 7). Намъ неизвѣстно, какую прелесть находили современныя Карамзину дамы въ пѣснѣ, сочиненной Климовскимъ, какъ неизвѣстна и самая пѣсня, но важно то, что, сочиняя ее, Климовскій удо-

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. тамъ же.

[2]) Пантеонъ русскихъ авторовъ, часть I, изданіе Платона Бекетова, Москва, 1801 г.

влетворялъ тому сентиментальному настроенію любовной страсти, которое, не довольствуясь народными пѣснями, искало выраженія въ стихотвореніяхъ, называемыхъ въ наше время романсами. Это настроеніе, безъ сомнѣнія, существовало уже въ культурныхъ слояхъ малорусскаго общества при Климовскомъ, современникѣ Мазепы, который прославился романомъ своимъ съ Матроной Кочубей, получавшей, какъ извѣстно, отъ своего обожателя нѣжныя письма.

Вообще, уже въ первой половинѣ XVIII вѣка въ городахъ малорусскихъ женщина держала себя непринужденно и, можно сказать, развязно, о чемъ съ огорченіемъ говоритъ Лащевскій въ извѣстной трагедокомедіи своей. Положимъ, составитель трагедокомедіи былъ суровый монахъ, но не могъ же онъ выдумать изъ головы своей „благовонныхъ красокъ, и дорогихъ бѣлилъ, и черныхъ мушекъ на ланитахъ". Все это отражалось и на стихотворномъ искусствѣ, порождавшемъ „канти" и „компліменти блудни", т. е. любовныя пѣсни, которыя слагались поклонниками женской красоты. Къ числу этихъ поклонниковъ принадлежали и школьники, записывавшіе плоды вдохновеній своихъ въ учебныхъ тетрадяхъ. До насъ дошелъ первообразъ той пѣсни, которую переработалъ Котляревскій и вложилъ ее въ уста судового панычa Финтика въ извѣстномъ водевилѣ „Москаль-чаривныкъ". Вотъ отрывокъ изъ этой пѣсни по рукописи 1746 года:

„Не прелщай ужь меня, драгая, болѣ,
Я и самъ свободу днесь гублю,
Знать, что мнѣ с тобою жить пришло въ неволѣ,
Чувствуетъ ужь сердце, что люблю.
И часовъ не трать, молви мнѣ, что любишь,
Ты во мнѣ всю кровь мою зажгла,
А откритимъ сердцемъ пламень усугубишь,
Иль еще приметить не могла,
Что тобою я уже прелстился?

Не видала ты, какъ взоръ мой смутился,
Тайны болше не храня?“ [1])

Таковы самые давніе слѣды романтической лирики въ малорусской литературѣ. Къ этому мы должны прибавить, что появилась эта лирика подъ вліяніемъ переводныхъ повѣстей и рыцарскихъ романовъ западно-европейскаго происхожденія, которые, начиная съ XVII в., большею частію шли чрезъ Польшу въ Малороссію, направляясь отсюда въ Великороссію. Нѣтъ сомнѣнія, что эти повѣсти производили впечатлѣніе на чувствительныя сердца, подготовляя почву для развитія новыхъ литературныхъ вкусовъ и стремленій. Нельзя сказать, чтобы эти вкусы и стремленія, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи, находили поддержку въ книжныхъ свойствахъ литературной рѣчи, приправленной славянскими словами и выраженіями, но самая тема о любви, во всякомъ случаѣ, была понятна читателямъ и такъ или иначе располагала ихъ къ идеализму этого чувства. Кругъ этихъ читателей расширялся все болѣе и болѣе въ XVIII вѣкѣ по мѣрѣ того, какъ умножалось количество переводныхъ романовъ въ русской литературѣ. Послѣ смерти Петра Великаго они появляются въ печати, а при Екатеринѣ II ихъ напечатано было болѣе полутысячи [2]). Конечно, весь этотъ беллетристическій матеріалъ проникалъ и въ Малороссію, наполняя досуги грамотныхъ людей тѣми же мечтами о любви, которыми проникнуты были „канти“ и „компліменти блудни“. Вмѣстѣ съ тѣмъ разросталась и литература любовныхъ виршей, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи. Замѣчательно при этомъ, что въ великорусскихъ сборникахъ конца прошлаго вѣка, какъ рукописныхъ,

[1]) Lucubrationes Th. Procopowicz, 1746 г. Сборникъ принадлежалъ въ 1761 г. священнику Григорію Матвѣевичу Лютенскому, что видно изъ его подписи. Стихи писаны его же рукою. Къ сожалѣнію, мы не могли воспользоваться любовными пѣснями изъ рукописнаго сборника студента Александровича 1748 г., хотя онъ и означенъ въ печатномъ описаніи рукописей кіевской академіи подъ № 664.

[2]) В. Т. Нарѣжный, историко-литературный очеркъ Бѣлозерской, стр. 30.

такъ и печатныхъ, попадается не малое количество малорусскихъ виршей этого рода[1]). Большею частію это тѣ самыя малорусскія вирши, которыя встрѣчаются и въ малорусскихъ сборникахъ, но есть и новыя, можетъ быть, сочиненныя малороссіянами на сѣверѣ. Составлялись эти вирши въ той же средѣ, въ которой разыгривались и любовныя исторіи. На эту среду указываетъ, напримѣръ, вирша, въ которой молодая дѣвица жалуется на своихъ обожателей:

„Тѣ канцеляристы
Мнѣ писали листы,
А я, молодая,
То не разсуждая,
Отписи давала,
Совѣсти не знала“.

За это оставляетъ свою возлюбленную другъ ея, преподнося ей такой совѣтъ:

„Ты бывай здорова,
А для комплиментовъ
Взыскуешь студентовъ,
Они добре знаютъ
И не ошукаютъ,
Какъ наша братья“ [2]).

Въ малорусскихъ сборникахъ есть болѣе рѣшительныя указанія на любителей этихъ пѣсенъ. Такъ, въ одномъ изъ нихъ мы читаемъ такія подписи: „псалмы и пѣсны, выпісаніе капіистомъ Андреемъ Ищенкомъ 1782 года“. Тамъ же и другая подпись: „выписалъ писецъ сотенной золотоношской канцеляріи Андрей Сербиненко“. Въ началѣ сборника стоитъ такое предостереженіе:

„Хто отсіи ѱалмы можетъ украсты,
То будеть онъ сто годъ свинѣ из усіого свѣта из
усѣмъ своѣмъ нащадкомъ пасты“,

---

[1]) О распространеніи малорусскихъ виршей и пѣсенъ въ Великороссіи см. любопытную брошюру В. Н. Перетца: «Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII вв.» СПБ. 1899 г.

[2]) Собраніе разныхъ пѣсенъ, Москва, 1783—1788 гг., № 179.

а въ концѣ веселая рифма:

„конецъ,
Пѣшла баба у танець“ [1]).

Само собою разумѣется, что низшая церковная братія не отставала отъ канцелярской въ сочиненіи и распространеніи любовныхъ пѣсенъ. Не даромъ въ одной интерлюдіи Довгалевскаго странствующіе дьяки говорятъ о себѣ:

„Не только жъ мы умѣемъ клиромъ управляти,
Но можемъ еще куншти разніе писати“ [2]).

Въ нашемъ распоряженіи имѣется небольшой сборникъ конца прошлаго вѣка, принадлежавшій нѣкогда Даніилу Бондаревскому, бывшему дьячку въ м. Погребищѣ. Есть въ этомъ сборникѣ пѣсня, сочиненная какою-то полковницею „о своемъ мужѣ, убытомъ на бранѣ“, но славяно-малорусскій языкъ этой пѣсни заставляетъ предполагать, что она сочинена была не самою полковницею, а только по ея порученію какимъ-нибудь школьнымъ стихослагателемъ. Заслуживаетъ вниманія въ этой пѣснѣ одна строфа, напоминающая народный способъ изображенія не осуществимыхъ желаній:

„Ой коби я мавъ та орловіи крыла“, говорится въ народной пѣснѣ,
Полетивъ бы я, де дивчына мила“ [3]).

А полковница поетъ:

„Да не могу азъ летѣти,
Зане крылъ не маю,
Только скорблю всегда зѣло,
Отъ жалю вмлѣваю“.

Здѣсь тотъ же поэтическій образъ, что и въ извѣстной пѣснѣ Котляревскаго „Віють вітри“, только безъ *азъ*, *зане*, *зѣло*:

---

[1]) Сборникъ принадлежитъ В. П. Науменку.

[2]) «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ», стр. 49.

[3]) Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси Я. Головацкаго, ч. I, 184.

„Полетѣла бъ й я до тебе, та крылець не маю,
Щобъ побачивъ, якъ безъ тебе зъ горя высыхаю“ [1])

Мы видимъ изъ этого сопоставленія, какъ переливаются народные элементы поэтической мысли въ книжные и снова возсоздаются поэтомъ-художникомъ въ народномъ стилѣ. Иногда же самъ народъ-художникъ усвоиваетъ стихотвореніе книжное, постепенно переработывая его въ свою собственность. Въ этомъ отношеніи есть одно любопытное стихотвореніе въ нашемъ сборникѣ, озаглавленное такъ: „Пѣснь свѣтова, сочинена Іаковомъ Семержинскимъ“. Приводимъ ее въ подлинномъ текстѣ:

„Кара зъ неба, сердце мое, якъ згадаю,
Трудно взяти возлюбленну, хочь кохаю.
Ахъ, я не знаю, что мнѣ дѣяти,
Что не позволяютъ мнѣ тебе взяти.
Очи жъ мои каренкіи, черни бровы,
Уста мои коралеви, вдячни мовы:
Ахъ, я не знаю, чтобъ за нихъ дати,
Чтобъ изъ нихъ можна корыстовати.
Ой хочь бы мавъ волы, кони позбувати,
Абы менѣ позволили тебе взяти,
Ахъ, я не знаю, что буду дѣяти,
Что не позволяютъ мнѣ тебе взяти.
Поражуся Махновскаго протопопа,
Ахъ, хочь грѣхъ, хочь два, хочь и копа!
Нехай же мнѣ позволитъ тебе взяти,
Изъ твоей красоты корыстовати,
Ахъ, якъ же намъ позволитъ самъ Богъ съ неба,
Любимося, кохаймося, бо такъ треба,
Ахъ, я тебе поцѣлую, бо сь ты того годна,
Що бъ моя душенька не була голодна“.

Эта пѣсня сохранилась въ рукописныхъ записяхъ Максимовича 1827 года, но уже безъ имени автора и съ замѣной *махновс-*

---

[1]) Украинскій сборникъ Срезневскаго, кн. I, 1838 г. стр. 11.

каго протопопа *волосъкимъ*. Варіантъ этотъ почти ничѣмъ не отличается отъ галицкаго варіанта, записаннаго въ Буковинѣ [1]). Въ обоихъ этихъ варіантахъ языкъ болѣе простой и народный. „Трудно взяти, кого хочу, хоть я и кохаю“ вмѣсто: „трудно взяти возлюбленну, хочь кохаю“. Или же: „а я не знаю, що маю дѣяти, не маю я отъ кого порядоньки взяти“ вмѣсто: „ахъ, я не знаю, чтобъ за нихъ (очи и бровы) дати, чтобъ изъ нихъ можно корыстовати“. По всей вѣроятности, эта пѣсня и теперь блуждаетъ гдѣ-нибудь, приблизившись еще болѣе къ народному типу.

Мы слегка намѣтили этотъ матеріалъ, надѣясь еще когда-нибудь возвратиться къ нему, такъ какъ, по нашему мнѣнію, онъ вноситъ новый свѣтъ въ изученіе народной лирической поэзіи [2]).

XIII.

Котляревскій, какъ представитель новаго украинскаго творчества, воспитанный на мѣстныхъ литературныхъ преданіяхъ. Воззрѣнія его на искусство.

Мы видѣли, что двѣ разновидности литературной малорусской рѣчи—рѣчь славяно-малорусская и книжная малорусская—должны были исчезнуть въ общемъ потокѣ литературнаго движенія, созданнаго Петромъ Великимъ,—видѣли также, почему и какъ верхніе слои малорусскаго общества постепенно забывали мѣстныя литературныя преданія. Но въ числѣ этихъ преданій было одно найболѣе живучее и устойчивое—то, которое опиралось на стихійную силу народной рѣчи и неразрывно связанный

---

[1]) Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси Я. Головацкаго, ч. III, отд. I, 355.

[2]) О вліяніи виршевой литературы на народныя пѣсни любовнаго содержанія есть нѣкоторыя указанія въ упомянутой выше брошюрѣ В. Н. Перетца, съ которою, къ сожалѣнію, познакомились мы поздно—во время печатанія нашего труда.

съ нею народный методъ мысли и чувства. Представители этого преданія въ большинствѣ случаевъ не отличались высокимъ образовательнымъ цензомъ, но за то близки были къ народу и къ его міровоззрѣнію. Къ этимъ людямъ примкнулъ и Котляревскій, и это было тѣмъ болѣе для него возможно, что въ его время, какъ славяно-малорусская, такъ и книжная малорусская рѣчь, почти вышли изъ употребленія. Нужно сказать при этомъ, что онъ прекрасно владѣлъ литературной русской рѣчью и могъ бы, подобно многимъ землякамъ своимъ, подвизаться на поприщѣ русской литературы, но, повинуясь своему художественному чутью, съ полной вѣрой въ могущество родной рѣчи, онъ подчинился ея поэтическимъ внушеніямъ. Это былъ, можно сказать, рѣшительный моментъ въ вопросѣ о томъ, быть или не быть малорусской литературѣ,—рѣшительный, но не окончательный. Нужны были еще и другія условія, чтобы она состоялась.

Мы требуемъ отъ литературнаго произведенія, чтобы оно такъ или иначе отражало жизнь. Но не въ этомъ только заключается его назначеніе. Не фотографическая точность снимка даетъ ему цѣну, а та доля свободы и независимости, которая получается изъ убѣжденія, что литература есть сила, способная воздѣйствовать на жизнь. Такою силою она становится тогда, когда въ литературу проникаетъ идея искусства, которое въ въ самомъ себѣ находитъ средства для переработки явленій жизни во свѣтѣ идей и настроеній, стоящихъ за предѣлами практическихъ требованій данной минуты. Изъ литературныхъ произведеній разнаго рода подъ эту идею искусства больше всего подходятъ произведенія поэтическія. Сознаніе эстетическихъ эмоцій, присущихъ искусству, есть уже въ народной поэзіи.

Гей плыну я по Дунаю и такъ си думаю:
Нема кращчыхъ спиваночокъ, якъ у нашимъ краю!
Ой нема жъ то, ой нема жъ то, якъ руська краина:
Тамъ спивае коломыйкы кождая дивчына.

(Сборн. Головац. II, 738).

На ту же сознательность указываетъ выдѣленіе особенныхъ формъ народной поэзіи. Иногда это выдѣленіе происходитъ подъ

вліяніемъ соприкосновенія ея съ книжными элементами мысли и слова, какъ это случилось, напримѣръ, съ народными мало-русскими думами. Можно сказать даже, что у новыхъ европейскихъ народовъ эта эволюція поэтическихъ формъ и не происходила на чисто народной почвѣ, независимо отъ вліянія литературныхъ формъ поэзіи, усвоенныхъ путемъ подражанія. Проходятъ годы. Чужая форма наполняется мѣстнымъ содержаніемъ, переработывается подъ вліяніемъ народнаго міросозерцанія. Настаетъ моментъ, когда рвется послѣдняя связь ея съ первоисточникомъ, изъ котораго она возникла, и она становится не болѣе, какъ только средствомъ поэтическаго творчества, независимымъ отъ тѣхъ или другихъ религіозныхъ, политическихъ и всякихъ иныхъ давленій.

Это стремленіе къ независимости въ малорусской литературѣ возникло еще до Котляревскаго. Уже праздничныя вирши и интерлюдіи готовы были оторваться отъ религіозной почвы, на которой онѣ выросли. Не могли не чувствовать сочинители тѣхъ и другихъ неудобныхъ свойствъ юмора при изображеніи священныхъ сюжетовъ. И вотъ Котляревскій воспользовался міровою фабулой объ Энеѣ и влилъ въ этотъ старый мѣхъ новое вино украинскаго народнаго творчества. Для насъ собственно не важно то, откуда онъ заимствовалъ эту фабулу—отъ Скарона или отъ Осипова, а важно то, что онъ угадалъ моментъ, когда сознана была потребность въ независимомъ поэтическомъ словѣ. Такова была логика самой жизни или же то, что называютъ въ наше время эволюціей явленій ея, поэтому мы смотримъ на Энеиду Котляревскаго, какъ на синтезъ всего пережитаго, но синтезъ творческій, въ которомъ положено было начало новаго рода литературныхъ явленій, невозможныхъ въ XVIII вѣкѣ.

Сопровождался ли этотъ синтезъ сознательными воззрѣніями на искусство?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ поэтъ самымъ положительнымъ образомъ, и при томъ не одинъ разъ, особенно во

второй половинѣ Энеиды, которая написана была въ XIX вѣкѣ (части IV, V, VI)[1].

„Гай, гай"! говоритъ онъ о мученіяхъ грѣшниковъ въ аду, „та нигде правды диты,

Брехня жъ наробыть лыха бильшъ:
Сыдилы тамъ скучни піиты,
Пысарчукы поганыхъ виршъ". (IV, 81)[2].

Можно полагать, что къ этимъ „пысарчукамъ" поэтъ причислялъ всѣхъ тѣхъ, кто писалъ безъ вдохновенія. Въ одномъ мѣстѣ онъ и о самомъ себѣ говоритъ въ ироническомъ тонѣ:

„Теперъ безъ сорома прызнаюсь,
Що трудно бытву опысать,
И якъ ни морщусь, ни стараюсь,
Щобъ гладко вирши шкандовать,
Та бачу по моему выду,
Що скомпоную панахыду". (VI, 144).

Поэтому онъ обращается къ Музѣ, какъ къ источнику своего вдохновенія:

„О Муза, панночка парнаська!
Спустысь до мене на часокъ,
Нехай твоя научеть ласка,
Нехай твій шепчыть голосокъ,
Якый порядокъ въ війську бувъ...
Все опышы—мундыри, зброю". (IV, 97).

Но Муза приходитъ только къ тому, кто пишетъ подъ впечатлѣніемъ дѣйствительности:

„И я прощаюсь зъ небесамы,
Пора спуститься до земли

---

[1]) До 1820 года Энеида была окончена, такъ какъ Котляревскій годомъ раньше еще хлопоталъ объ изданіи всѣхъ частей ея. (Кіевская Старина, 1883 г., май).

[2]) Выдержки изъ Энеиды мы приводимъ *по первому* полному изданію ея, не искаженному передѣлками позднѣйшихъ издателей. (Виргиліева Энеида, на малороссійскій языкъ переложенная И. П. Котляревскимъ. Харьковъ, 1842 г.).

И стать на шведськую могылу,
И бытву вирно опысать". (VI, 20).

Еще выразительнѣе говоритъ объ этомъ поэтъ въ другомъ мѣстѣ:

„Теперь же думаю, гадаю,
Трохы не годи вже пысать:
Изъ рода пекла я не знаю,
Нездатный, дале-би, брехать.
Виргилій же—нехай царствуе:
Розумненькій бувъ чоловікъ,
Та въ давній дуже жывъ винъ викъ.
Не такъ теперъ и въ пекли стало,
Якъ въ старыну колысь бувало,
И якъ покійныкъ напысавъ:
Я, може, що-небудь прыбавлю,
Переминю и що оставлю,
Пысну, якъ одъ старыхъ чувавъ". (Ш. 41—42).

Всякое сочинительство, обыкновенно неразлучное съ напыщенностію рѣчи, ему не нравилось. Насмѣшливо отзывается онъ о любителяхъ славянскаго велерѣчія:

„Горе гришныкови сущу—
Такъ кыивскій скубентъ сказавъ—
Благыхъ дилъ вовся не имущу"... (IV, 74).

Украшеніемъ Музы онъ считаетъ знаніе, о чемъ шутливо говоритъ въ обращеніи къ своей Музѣ:

„А ну, старая царь-дивыце,
Сидая Музо, схаменысь,
Прокашляйсь, безъ зубивъ сестрыце,
До мене блыжче прыхылысь:
Ты, Музо, кажуть вси, письменна,
Въ полтавській школи наученна,
Всихъ (союзниковъ Энея) мусышъ поименно знать".
(VI, 23).

Впрочемъ, къ системѣ обученія въ современной ему школѣ онъ относился съ добродушнымъ юморомъ, разсказывая о томъ, какъ Эней обучалъ своихъ Троянцевъ „по верху, по словамъ складать латынськую тму, мну, здо, тло". (IV, 33). Онъ смѣется надъ учеными ораторами, которые, не обладая истиннымъ краснорѣчіемъ, являются съ приготовленными и плохо выученными рѣчами:

„Якъ все уже було готово (для похоронъ Палланта),
Тоди якыйсь ихъ фылозопъ
Хотивъ сказать надгробне слово,
Та збывся и почухавъ лобъ:
Сказавъ: „се мертвый и не дышетъ,
Не выдытъ, то есть и не слышытъ,
Ей, ей! увы! онъ мертвъ, аминь"!
Народъ видъ ричи умылывся,
И гирко, гирко прослезыся,
И мурмотавъ: „паноче, згынь"! (VI, 79).

Только то слово онъ считаетъ поэтическимъ, въ которомъ ничего нѣтъ вымученнаго, ничего старчески-безсильнаго. Онъ умоляетъ Музу, чтобы она простила его за то, что онъ назвалъ ее своенравной и „одъ старосты брехлывою", и говоритъ, что

„И въ самий речи проступывся
Старою дивчыну назвавъ,
Нихто зъ якою не любывся,
Не женыхавсь, не жартовавъ.
Охъ! скилько Музъ такыхъ на свити
Во всякимъ городи, повити!
Укрылы бъ зъ верху въ нызъ Парнасъ.
Я Музу клычу не такую:
Веселу, гарну, молодую,
Старыхъ нехай брыка Пегасъ"! (V, 117—118).

И такъ, теперь ясно для насъ, съ кѣмъ имѣемъ мы дѣло. Предъ нами художникъ того же типа, къ которому принадлежали

составители интерлюдій и праздничныхъ виршей, но художникъ сознательный. Муза—alter ego его. Онъ обращаетси къ ней за помощью и совѣтомъ, чтобы она научила его „вирно опысать" то, что было въ дѣйствительности. Поэзія для него есть ничто иное, какъ сама правда жизни. Нужды нѣтъ, что фабула въ Энеидѣ чужая. Слѣдуя этой фабулѣ, поэтъ разсказываетъ о томъ, что стѣны города, осажденнаго войсками Турна, пали.

„Бида Троянцямъ", съ сожалѣніемъ восклицаетъ
онъ. „Що робыты?
А Муза каже: не жахайсь,
Не хыстъ ихъ Турну побидыты,
Въ чужую казку не мишайсь"! (V, 122).

Но та же Муза, защищавшая внѣшній составъ сказки, позволила поэту передѣлать ее въ нравоописательную украинскую виршу. Безъ сомнѣнія, она побудила его кое-что прибавить и кое-что измѣнить въ описаніи ада,—она же поставила его „на шведськую могылу", чтобы онъ могъ смотрѣть на міръ Божій глазами украинца. Однимъ словомъ, вся сущность Энеиды—въ этомъ поэтическомъ реализмѣ, къ изученію котораго мы теперь и переходимъ.

XIV.

Этнографическій и поэтическій реализмъ въ Энеидѣ Котляревскаго.

Есть извѣстіе, что въ молодые годы своей жизни Котляревскій „бывалъ на сходбищахъ и играхъ простолюдиновъ, и самъ переодѣтый участвовалъ въ нихъ, прилѣжно вслушивался и записывалъ слова малороссійскаго нарѣчія, изучая такимъ образомъ языкъ и наблюдая нравы, обычаи, повѣрья и преданія украинцевъ" [1]). Вотъ откуда идетъ тотъ этнографическій реализмъ,

[1]) Сѣверная Пчела 1839 г., № 146.

которымъ изобилуютъ въ особенности первыя три части Энеиды, написанныя подъ впечатлѣніемъ личныхъ наблюденій надъ народною жизнію. Въ кругъ этихъ наблюденій входятъ слѣдующія особенности народнаго быта, не чуждыя въ то время и украинскому панству.

Костюмы—дѣвушки, I, 29, замужней женщины, I, 33, мужчины, V, 34, II, 70.

Кушанья и напитки простонародные и панскіе, I, 13, 27, 28. II, 6, 7, 8, Ш, 117—118, IV, 29, 53, 54, V, 19, VI, 55.

Панскій пиръ со всею старинною обстановкой: поющіе школяры, танцующіе цыгане, играющіе на кобзахъ слѣпцы, II, 19.

Танцы и игры, I, 30, 37, игры въ картахъ, Ш. 9.

Музыка и пѣсни: названія музыкальныхъ пьесъ для танцевъ, I, 28, козацкія пѣсни, Ш, 3.

Живопись: картины у царя Латина: сюжеты взяты изъ сказочнаго міра, изъ былинъ, изъ великорусской и малорусской исторіи, изъ странствующихъ повѣстей, VI, 40, 41.

Обычаи народные: вечерницы, Ш, 131, 132, ворожба, Ш, 136, 137, похоронный обрядъ, VI, 77—81, ритуальная сторона поминокъ и самые поминки, II, 12—15.

Чтобы видѣть, какъ пользовался Котляревскій всѣмъ этимъ матеріаломъ, приведемъ для сравненія отрывки изъ обѣихъ Энеидъ Осипова и Котляревскаго.

Исполняя волю боговъ, ѣдетъ Эней по морю изъ Сициліи въ латинскую землю. Попутный вѣтеръ подгоняетъ его корабли.

„На палубѣ гребцы разсѣвшись“, говоритъ Осиповъ,
И будто бѣлены объѣвшись,
Кричали пѣсни, кто что зналъ“. (Час. Ш. пѣс. 6).

А вотъ эта сцена у Котляревскаго. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ,

„Гребци и весла положылы,
Та сыдя люлечкы курылы

И кургыкалы писеньокъ
Козацькыхъ, гарныхъ, запорожськыхъ,
А яки зналы, то московськыхъ
Выгадовалы брыденьокъ.
Про Сагайдачного спивалы,
Лыбонь спивалы и про Сичъ,
Якъ въ пикинеры вербовалы,
Якъ мандровавъ козакъ всю ничъ,
Полтавську славылы Шведчыну,
И неня якъ свою дитину
Зъ двора провадыла въ походъ,
Якъ пидъ Бендерью воювалы,
Безъ галушокъ якъ помиралы
Колысь, якъ бувъ голодный годъ". (Ч. Ш, 2—3).

У Осипова одинъ только намекъ, у Котляревскаго—полная картина, затрогивающая воспоминанія о прошломъ, которыя и донынѣ еще звучатъ въ народныхъ пѣсняхъ.

Или вотъ другой примѣръ.

Прибыли Троянцы въ латинскую землю. Оказалось, что они не понимаютъ языка мѣстныхъ обывателей. Тогда, говоритъ Осиповъ,

„Еней, не тратя нужно время,
Свое троянское все племя
Велѣлъ учить латинску складу
И всѣмъ прилѣжно, безъ откладу,
Языкъ тотъ въ голову збирать
Не исподоволь побоярски,
Но палями, по семинарски,
Чтобы скорѣй его понять". (Час. IV, пѣс. 7).

Послѣдніе два стиха Котляревскій развилъ въ двѣ строфы и нарисовалъ старинную нашу латинскую школу со всѣми ея свычаями и обычаями.

„Эней тутъ заразъ взявъ догадку,
Веливъ побигты до дякивъ

Купыть *піярскую* граматку,
Полуставцивъ, октоихивъ,
И всихъ зачавъ самъ мордоваты,
По верху, по словамъ складаты
Латыньскую тму, мну, здо, тло.
Троянське племя все засило
Коло кныжокъ, що ажъ потило
И полатыньскому гуло.
Эней видъ ныхъ не одступався,
Тройчаткою всихъ прыганявъ,
И хто хоть трохы линовався,
Тому *субиткы* и дававъ.
За тыждень такъ лацыну взналы,
Що вже зъ Энеемъ розмовлялы
И говорылы все на *усъ*:
Энея звалы *Энеусомъ*,
Уже не паномъ—*доминусомъ*,
Себе жъ то звалы Троянусъ". (Ч. IV, 33—34).

Здѣсь то же, что и въ первомъ примѣрѣ—густыя и яркія краски, чего нѣтъ у Осипова.

Впрочемъ, не въ одномъ количествѣ и качествѣ этихъ красокъ—художественная сила Котляревскаго. Задача его заключалась вовсе не въ томъ, чтобы взять готовыя краски и наложить ихъ на готовый сюжетъ, а въ томъ, чтобы почувствовать эти краски. Процессъ художественнаго творчества состоитъ не въ сознательно-разсудочной разрисовкѣ изображаемыхъ предметовъ, а въ созданіи живыхъ образовъ, переработанныхъ фантазіей художника. Корни этого процесса лежатъ не на поверхности сознанія, а, такъ сказать, подъ порогомъ его, въ тѣхъ слояхъ психической жизни, которые образовались изъ тысячи разнообразныхъ впечатлѣній, нѣкогда наполнявшихъ сознаніе, а потомъ перезабытыхъ и спустившихся въ область безсознательнаго. Всѣ эти слѣды пережитаго живутъ въ насъ и управляютъ нами иногда помимо нашей воли. Это источникъ неясныхъ порывовъ, симпатій и антипатій, дающихъ направленіе и тонъ нашимъ

мыслямъ. Отсюда почерпаетъ художникъ-поэтъ всѣ средства своей творческой живописи, реальной и правдивой, какъ сама жизнь. И это онъ дѣлаетъ не усиліями свободной, автономной воли, а интуитивнымъ путемъ, въ томъ душевномъ состояніи, которое называется вдохновеніемъ. Иногда два-три слова, сказанныя имъ въ минуту вдохновенія, проливаютъ яркій свѣтъ на тѣ или другія мелочи жизни, на ту или другую черту нравовъ, затрогивая въ душѣ нашей самыя разнообразныя чувства. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

„Уже свитовая зарныця
Була на неби, якъ пьятакъ,
Або пшенычна варяныця,
И небо рдилося, якъ макъ“. (VI, 74).

Женскія грѣшныя души кричали въ аду, „письля кути мовъ на жывитъ“. (III, 83).

„Эней на пичъ забрався спаты, зарывся въ просо, тамъ и лигъ“. (I, 32).

„Эней, матню въ кулакъ прыбравшы, садывъ крутенько гайдука“. (I, 30).

Еней прибѣжалъ отъ Дидоны, весь въ поту, „мовъ съ торгу въ школу курохватъ“. (I, 54).

„Мутывъ (Эней у Дидоны), мовъ на сели москаль“. (I, 40).

Вѣтры „до ляса, мовъ ляхы, шатнулысь“. (I, 12).

Эти мелькающіе образы часто смѣняются въ Энеидѣ Котляревскаго цѣльными типами, выхваченными изъ жизни и переработанными творческою мыслію поэта. Читая Энеиду, мы какъ бы проходимъ чрезъ длинную галлерею типическихъ лицъ, начиная отъ Зевса и другихъ небожителей и оканчивая „машталиромъ“, везущимъ Венеру въ гости къ Нептуну. (II, 69—70). Вотъ она влетѣла въ „хату“ морского бога, „якъ изъ вырію сова“, и проситъ его, чтобы онъ помогъ ея милому сыну въ плаваніи по морѣ.

„Нехай, каже, буде здорова
Твоя, Нептуне, голова!
Якъ навиженна прыскакала,

Нептуна въ губы циловала,
Говорячы таки слова". (Ib. 17).

За горячую любовь къ сыну многое можно простить этой грѣшной матери-богинѣ, которую смѣлымъ взмахомъ кисти переодѣлъ поэтъ въ разбитную маркитантку, слѣдующую за войскомъ.

„Венера—молодыця смила,
Бо все зъ военными жыла
И быте зъ нымы мьясо йіла,
И по трахтырахъ пуншть пыла,
Частенько на соломи спала,
Въ шынели сирій щеголяла,
Походомъ на визку тряслась,
Манышкы офыцерськи прала,
Зъ стрючкомъ горилку продавала
И мерзла въ ничъ, а въ день пеклась". (VI, 6).

Это портретъ, говорящій самъ за себя. Не мало такихъ портретовъ въ Энеидѣ Котляревскаго. Всѣ они отличаются пластичностію рисунка. Но поэтъ заглядываетъ и въ душу своихъ героевъ. Обладая чутьемъ душевныхъ движеній, управляющихъ дѣйствіями человѣка, онъ провѣрялъ иногда эти послѣднія мотивами, и наоборотъ. И это онъ дѣлалъ въ „чужой сказкѣ", не отступая отъ установившагося хода дѣйствія, въ которое вторгалась капризная воля боговъ, нарушавшая психологическую закономѣрность явленій жизни. На этой почвѣ нелегко было создать индивидуальные характеры, достигающіе своихъ цѣлей усиліями личной воли. Все, что можно было сдѣлать въ этомъ направленіи, заключалось въ раскрытіи не волевыхъ элементовъ, присущихъ характеру, а патологическихъ, т. е. въ изображеніи страстей. И въ этомъ отношеніи Котляревскій былъ мастеромъ своего дѣла. Ему были доступны не только внѣшнія проявленія страсти, но и внутреннія движенія ея. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить описаніе горя и смерти Дидоны у Осипова и у Котляревскаго.

У Осипова, послѣ бѣгства Енея, Дидона проситъ сестру свою Аннушку, чтобы она догнала его и уговорила воротиться.

Аннушка совѣтуетъ ей обратиться къ колдуньѣ, которая направляется къ Енею, чтобы чарами снова воспламенить въ немъ чувство любви къ Дидонѣ. Чары были разрушены колдуномъ—цыганомъ, состоявшимъ при Енеѣ. Дидона приходитъ въ отчаяніе и не можетъ уснуть.

„Въ такой несносной бывши скукѣ,
Она не знала, что начать,
Въ тоскѣ, кручинѣ, горѣ, мукѣ
Задумала вдругъ умирать". (Час. II, пѣс. 4).

Долго потомъ она размышляетъ, какой родъ смерти избрать ей, чтобы не уронить своего достоинства, и умираетъ на кострѣ, надѣвши всѣ украшенія и царскую корону.

У Котляревскаго вся эта исторія разсказана проще, съ большимъ психологическимъ правдоподобіемъ. Онъ устранилъ все чудесное и все вниманіе свое обратилъ на душевное состояніе Дидоны. Послѣ вспышки гнѣва снова наступила минута отчаянія.

„Дидона тяжко зажурылась,
Ввесь день ни йила, ни пыла,
Все тосковала, все нудылась,
Крычала, плакала, ревла.
То бигала якъ бы шалена,
Стояла довго тороплена,
Кусала ногти на рукахъ,
А дали сила на порози,
Ажъ занудыло йій небози,
И не встояла на ногахъ". (I, 59).

Чтобы отвести душу, она изливаетъ горе свое передъ сестрою:

„Ганнусю, рыбко, душко, любко,
Ратуй мене, моя голубко". (I, 60).

Она презираетъ Энея и въ то же время чувствуетъ, что не можетъ побѣдить любви своей къ нему, и что одна только могила можетъ успокоить ее. Ганна сама горюетъ, но не можетъ помочь бѣдѣ. Потомъ Дидона какъ будто бы успокоилась и приказываетъ Ганнѣ уйти, чтобы остаться наединѣ съ самой собою. Насту-

пила для нея минута, когда проходятъ первые пароксизмы горя, а между тѣмъ выступаютъ въ сознаніи истинные размѣры его, которые подавляютъ обезсиленную волю. Пошла она въ „будынкы" и прилегла на постель.

„Подумавшы тамъ, погадавшы,
Проворно скочыла на пилъ
И, взявшы съ запичка кресало
И клочча въ пазуху чы-мало,
Проворно выйшла на городъ". (I, 64).

Слѣдуетъ затѣмъ сцена самосожженія—ночью, когда люди спали, безъ всякой пышности и декорацій, какъ умираютъ люди, подавленные истиннымъ горемъ.

Такимъ образомъ, въ Энеидѣ Котляревскаго мы видимъ реализмъ не только этнографическій, но и поэтическій.

XV.

Юморъ, какъ основное настроеніе въ Энеидѣ Котляревскаго Къ какому разряду пародій относится она? Каррикатурный элементъ въ ней. Трогательныя сцены.

Теперь обратимся къ настроеніямъ нашего поэта.

Часто мы встрѣчаемъ въ Энеидѣ изображеніе любовной страсти въ разныхъ проявленіяхъ ея, начиная отъ нѣжнаго воркованія влюбленныхъ (IV, 68—69) и оканчивая бурными порывами чувственнаго раздраженія (V, 23—28, VI, 60—64). Особенно боги отличаются невоздержностью въ проявленіи любовныхъ чувствъ своихъ. Есть также въ Энеидѣ и размышленія поэта о любви:

„Мы", говоритъ онъ, „за мылу все терять готовы—
Клейноты, жывоты, обновы". (V, 39).

Только честь, по его мнѣнію, дороже милой. Самъ онъ испыталъ на себѣ могущество женской красоты, о чемъ проговаривается

въ шутливомъ тонѣ по поводу Лавиніи, дочери царя Латина. Отъ такой красавицы, говоритъ онъ,

„На голову насяде хлопитъ,
А може тьохне и не тамъ,
Поставыть рогомъ ясни очи,
Що не доспишъ петровськои ночи:
Те по соби я знаю самъ“. (IV, 22).

Это признаніе самого поэта объясняетъ намъ изобиліе эротическихъ сценъ въ Энеидѣ. Но не въ нихъ выражается господствующее настроеніе Котляревскаго, служившее для него источникомъ вдохновенія, такъ какъ онъ далекъ былъ отъ романтическихъ воззрѣній на женщину и высказывалъ о ней такія сужденія, которыя въ наше время кажутся анахронизмомъ.

„Колы жинкы де замишалысь“, говоритъ онъ,
„И имъ ворочаты дадуть,
Воны поставлять на свое.
Жинкы! Колыбъ вы бильше йилы,
А меншъ пащыковать умилы,
Булы бъ въ раю вы за сіе“. (IV, 112).

Поищемъ иныхъ признаній въ Энеидѣ.

Въ VI части ея по ходу разсказа надлежало бы поэту описывать печаль родителей объ убитомъ сынѣ ихъ Паллантѣ, союзникѣ Энея, но поэтъ говоритъ:

„Я до жалю не мастакъ,
Я слизъ и оханья боюся,
И самъ николы не журюся:
Нехай соби се пиде такъ“. (VI, 89).

И въ самомъ дѣлѣ, Энеида Котляревскаго есть произведеніе смѣхотворное, доказывающее, что творецъ ея и самъ любилъ посмѣяться, и другихъ умѣлъ разсмѣшить, поэтому мы не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что въ юморѣ заключается основное настроеніе Котляревскаго. Составляетъ оно природную черту малорусскаго характера, потому-то, между про-

чимъ, и завоевала Энеида прочную популярность въ грамотныхъ слояхъ малорусскаго народа. При самомъ появленіи своемъ она производила на читателей впечатлѣніе знакомыхъ имъ праздничныхъ виршей съ излюбленною литературною формой ихъ—пародіей.

По поводу этой литературной формы считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Есть два вида пародіи: или готовые поэтическіе образы служатъ цѣлью пародіи, которая указываетъ на ихъ несостоятельность въ томъ или въ другомъ отношеніи, усиливая или сгущая краски, въ нихъ заключающіяся, или же эти образы служатъ средствомъ для воспріятія новыхъ аналогическихъ явленій жизни, подлежащихъ осмѣянію. Къ первому виду относятся чисто литературныя пародіи, появляющіяся обыкновенно при смѣнѣ одного литературнаго направленія другимъ: такова именно „Виргиліева Енеида, вывороченная на изнанку“ Осиповымъ. Ко второму виду относится „Энеида, на малороссійскій языкъ перелиціованная“ Котляревскимъ, который вовсе не имѣлъ въ виду вмѣшиваться въ борьбу съ псевдоклассическимъ направленіемъ, возникшую въ концѣ XVIII в. въ русской литературѣ,—точно такъ же, какъ вирши-пародіи, пользовавшіяся библейскими и евангельскими сказаніями, вовсе не имѣли въ виду подрывать авторитетъ этихъ сказаній. Съ этой точки зрѣнія Энеида Котляревскаго есть органическое продолженіе мѣстныхъ виршей, которыми богата была малорусская литература въ XVIII вѣкѣ. Нужно сказать, впрочемъ, что, какова бы ни была пародія по своимъ цѣлямъ, она не можетъ отрѣшиться отъ усиленія поэтической экспрессіи въ комическомъ направленіи, а это ведетъ въ большей или меньшей степени къ каррикатурному изображенію жизни, которое не всегда можно принимать за чистую монету. Вообще же каррикатура есть рискованный пріемъ художественной техники, дающій иногда больше того, что требуется чувствомъ мѣры, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ Энеидѣ Котляревскаго есть подробности, безъ которыхъ можно было бы и обойтись. По нашему мнѣнію, чаще всего встрѣчаются эти не-

нужныя подробности въ обрисовкѣ главнаго дѣйствуюшаго лица поэмы Энея.

Кто онъ такой?

„Я“, говоритъ онъ Эвандру, аркадскому царю, „кошовый Эней троянець,
Скытаюсь по мыру, мовъ ланець,
По всимъ товчуся берегамъ“. (V, 14).

Проситъ онъ у Эвандра помощи противъ злѣйшаго врага своего Турна, жениха царской дочери Лавиніи, которая понравилась Энею, и говоритъ при этомъ:

„Лучше въ сажавци втоплюся
И лучше очкуромъ вдавлюся,
Нижъ Турнови я покорюсь“. (ib. 16).

За это упрямство называетъ его поэтъ „завзятійшымъ одъ всихъ бурлакъ“. (I, 1). Самъ Эвандръ отзывается о немъ такъ:

„Винъ зна военне ремесло,
Умомъ и храбростью своею
Въ опрычнее попавъ чысло“. (V, 36).

Появившись съ союзниками своими подъ стѣнами города, осажденнаго Турномъ, Эней не могъ отъ думъ уснуть ночью. Онъ

„Одынъ за всихъ не спавъ:
Винъ думавъ, мыслывъ, умудрявся,
Бо самъ за всихъ и одвичавъ“. (VI, 31).

Въ рѣшительныя минуты онъ совѣтовался съ „ватагою своихъ троянцивъ“: не зная, что ему дѣлать — оставаться ли въ Сициліи, или плыть далѣе, онъ

„Мытью кынувсь до громады
Просыть соби у неи порады“. (II, 58).

Къ этимъ обычнымъ чертамъ храбраго предводителя-авантюриста примѣшивалась у него вѣра въ его счастливую звѣзду:

„Та вже що буде, те и буде,
А буде те, що Богъ намъ дасть“ (III, 23),

говоритъ Эней въ трудныхъ случаяхъ жизни. Отсюда его самонадѣянность. Онъ знаетъ, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ, знаетъ, что ему предсказано воздвигнуть стѣны Рима и „збудоваты сильне царство“: такова была воля самого Зевса, предъ которымъ безсильны всѣ другіе боги. Сынъ богини, онъ имѣетъ въ лицѣ своей матери Венеры горячую заступницу предъ Зевсомъ, къ которому обращается она съ такими словами:

„О Зевсъ, о батечку мій ридный!
Огляньсь на плачъ дочкы своеи;
Якъ маешъ ты кого карати,
Карай мене, карай! Я маты,
Я все стерплю рады дитей“. (VI, 11).

Сознавая свои связи на Олимпѣ, Эней въ минуту опасности позволяетъ себѣ обращаться къ самому Зевсу не то съ мольбою, не то съ укорами, и, какъ избалованный сынъ богини, не щадитъ при этомъ и мать свою за то, что она медлитъ съ помощью. (II, 51—56). А впрочемъ, замѣчаетъ авторъ, Эней былъ человѣкъ „къ добру зъ натуры склонный“. (V, 84). Онъ глубоко чтитъ память отца своего Анхиза и, какъ человѣкъ богобоязливый, справляетъ въ день смерти его поминки по немъ. Послы хана Діомыда называютъ его святымъ за то, что онъ когда-то вынесъ на своихъ плечахъ Анхиза изъ горящей Трои. (VI, 98—99). Есть и у него сынъ, котораго онъ тоже любитъ нѣжно: отъ радости сердце его трепетало:

„Воно о сыни вищовало,
Що винъ надежда не пуста“. (VI, 59).

Когда войска Турна нарушили перемиріе, и снова закипѣла битва съ Троянцами, Эней „правдывый чоловикъ, побачывшы такый неладъ“ и желая остановить кровопролитіе, вызываетъ Турна на поединокъ, чтобы личной борьбой рѣшить вопросъ о томъ, кому должна принадлежать Лавинія. Все это симпатическія черты въ Энеѣ. Но не даромъ онъ былъ сынъ богини любви.

Отъ матери своей унаслѣдовалъ онъ страсть къ любовнымъ похожденіямъ. Съ первыхъ словъ Энеиды поэтъ называетъ его „парубкомъ моторнымъ и хлопцемъ“, хотя этотъ „хлопець“ самъ имѣлъ уже сына. Это былъ вѣчный „парубокъ“ не только „моторный“, но „ласкавый, гарный и проворный и гострый, якъ на брытви сталь“, (I, 40), или же, какъ ядовито называетъ его Турнъ, „жиночый празныкъ“. (V, 54). По легкомыслію своему онъ въ гостяхъ у Дидоны совсѣмъ забылъ о томъ, куда и зачѣмъ послалъ его Зевсъ, а когда погибла Дидона, онъ сперва плакалъ о ней, а потомъ сказалъ:

„Нехай йій вичне царство,
Мени же довголитне панство,
И щобъ друга вдова найшлась“. (II, 1).

Затѣмъ онъ заигрываетъ съ Дидоной даже въ аду, среди обстановки, совсѣмъ не подходящей (Ш, 104). Это уже одно изъ тѣхъ излишествъ, которыя не прибавляютъ ничего новаго къ характеристикѣ Энея. Къ такимъ же излишествамъ, по нашему мнѣнію, относятся всѣ тѣ мѣста въ Энеидѣ, гдѣ рѣчь идетъ о безмѣрномъ пьянствѣ Троянцевъ и ихъ предводителя. Правда, это было повсемѣстное явленіе въ тотъ вѣкъ, когда малорусское шляхетство не считало позоромъ для своего сословія обогащаться посредствомъ шинковой торговли водкой, и странствующіе „пиворѣзы“ сочиняли тропари и кондаки на вакхическія темы и бродили по улицамъ „ищучи горѣлки“, какъ говорится объ этомъ въ одномъ пиворѣзномъ кондакѣ,—но все же картины пьянства, нарисованныя въ Энеидѣ, иногда далеко выходятъ за предѣлы художественной умѣренности—хотя бы уже по тому одному, что ихъ слишкомъ много. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются такою документальною точностью, что не уступаютъ фотографическимъ снимкамъ, изображающимъ патологію опьяненія и похмелья. Вотъ для примѣра два такихъ снимка, сдѣланные, какъ говорится, съ натуры:

„Энея заболилы ногы,
Не чувъ ни рукъ, ни головы,
Напалы съ хмелю перелогы,
Опухлы очи, якъ въ совы.

И весь обдувся, якъ барыло,
Було на свити все не мыло,
Мыслите по земли пысавъ.
Зъ нудьгы охлявъ и изнемигся,
Въ одежи лигъ и не роздигся,
Пидъ лавкою до свита спавъ.
Прокынувшыся весь трусывся,
За серце сцало, мовъ глысты,
Перевертався и пудывся,
Не здужавъ головы звесты,
Покы не выпывъ пивквартивкы
Зъ имберомъ пинной горилкы
И кухля сиривцю не втеръ,
Съ-пидъ лавкы вылизъ и стряхнувся,
Закашлявъ, чхнувъ и стрепенувся:
„Давайте“, крыкнувъ, „пыть теперъ“! (II, 16—17).

И снова начались жертвоприношенія Вакху. Не отказываются отъ этихъ жертвоприношеній и боги, даже самъ Зевсъ, такъ что можно было бы подумать, что самымъ могущественнымъ верховнымъ божествомъ былъ не Зевсъ, а Вакхъ.

Но есть и трогательныя сцены въ Энеидѣ. Чаще всего встрѣчаются онѣ въ пятой части ея. Здѣсь, между прочимъ, разсказывается о двухъ доблестныхъ козакахъ Нызѣ и Эвріалѣ. Были они земляки между собою, не Троянцы по крови, но состояли на службѣ у Энея. Нызъ былъ старше, Эвріалъ же былъ совсѣмъ молодой юноша не болѣе девятнадцати лѣтъ. На лицѣ его

„Де усу буть—пушокъ маленькый,
Да бувъ одвага й завзятый,
Сылачъ, козакъ лыцарковатый“. (V, 82).

Задумали они, воспользовавшись темнотою ночи, сдѣлать вылазку изъ осажденнаго Рутульцами города, чтобы извѣстить Энея о положеніи Троянцевъ. Нызъ былъ круглый сирота.

„Иду хоть за чужу отчызну“, говоритъ онъ,
Не жаль никому, хоть изслызну,
А памьять вичну заслужу“. (V, 76).

У Эвріала была мать, и Нызъ отговариваетъ своего товарища отъ рискованнаго подвига.

„У тебе“, говоритъ онъ, „маты есть старая,
Безъ сылъ и въ бидносты, слабая,
Ты и повыненъ жыть для неи“. (V, 75).

Эвріалъ не хочетъ отстать отъ земляка въ минуту опасности. Не легко было ему оставить мать свою на произволъ судьбы, но сознаніе козацкаго долга пересилило въ немъ сыновнія чувства. Передъ выходомъ изъ города онъ „прослезывсь,

Бо зъ матирью винъ розставався,
Ишовъ на смерть и не прощався,
Козакъ прыроди покорывсь“. (V, 82).

Затѣмъ, обращаясь къ сыну Энея, онъ говоритъ ему: „не дайте

Паньматци вмерты отъ нужды,
Йій будьте сыномъ, помагайте
И заступайте видъ вражды,
Одъ бидъ, напраслыны, нападку:
Вы самы малы панаматку,
То въ сердци маете и жаль.
Я вамъ старую поручаю,
За васъ охотно умираю“. (V, 83).

Оба смѣльчака прозвели кровопролитіе въ лагерѣ спавшихъ Рутульцевъ, но и сами погибли. Когда узнала бѣдная мать о смерти своего сына—героя, она чуть не помѣшалась, и поэтъ, вопреки признанію своему, что „слизъ и оханья“ не любитъ, влагаетъ въ уста ея вопль отчаянія, захватывающій своею силою:

„О, сыну, свитъ моихъ очей!
Чы я жъ тебе на те родыла,
Щобъ згынувъ ты одъ злыхъ людей?

Щобъ ты мене, стару, слабую,
Завившы въ землю сю чужую,
На вичный викъ осыротывъ"? (V, III).

Плакали всѣ Троянцы вмѣстѣ съ матерью Эвріала, но поэтъ, вѣрный юмористическому складу своей мысли, смягчаетъ эту тяжелую сцену разсказомъ о томъ, какъ плакалъ Асканій:

„Асканій бильше всихъ тутъ хлыпавъ
И губы такъ соби задрыпавъ,
Що мовъ на його сапъ напавъ.
Къ старій съ поклономъ прыступывшы,
На оберемокъ пидхватывшы,
Въ землянку зъ валу потаскавъ". (V, 115).

Таково уже свойство юмористическаго настроенія, раствореннаго слезами и смѣхомъ, составляющими одну цѣльную эмоцію.

П. Житецкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Народная медицина въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавской губ.

Глава II-я.

Уходъ за больными и пострадавшими.

Содержаніе: Постель, питье, пища больного. Ванны, массажъ, кровопусканіе. Помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Лѣченіе вывиховъ, ушибовъ, ранъ и отравленій: окисью углерода, спиртомъ, дѣйствительными и воображаемыми ядами.

1. Уходъ за больнымъ.

Больной малороссъ, объявивъ окружающимъ, что у него „рукы, ногы, голова—усе [1]) болыть“, укладывается въ постель,

[1]) Народныя представленія объ устройствѣ и дѣятельности тѣла въ обыкновенномъ, здоровомъ состояніи слѣдующія. Общее число костей скелета 213 уменьшается до 180, иногда даже до 77-ми, изъ которыхъ нѣкоторыя только имѣютъ особыя названія, именно: черепокъ, возлобіе или лобъ, тимя, завыскы или выскы, перенисья, хряпъ, щелепы (верхнечелюстная кость), вылыци (нижнечелюстная), зубы, которыхъ по народному счету 30, а не 32, лопатни (два первыхъ верхнихъ рѣзца), передни (остальные рѣзцы), проты очей (глазные), икла (клыки) кутни (крайніе). Далѣе: потылыця, ошіёкъ, иначе кобылка (атлантъ)— «на йому голова хытается», шывороты, въязы, горлянка, шлямы (ключицы), груды, сысови (грудныя) кости, ложечка («якъ навмируще— вона выправытся, якъ нижъ стане»), лопаты или шырококисть, реберъ вмѣсто 24-хъ признается только 22, даже 16, плече, костомашья, суреня, а по брошюрѣ „Ліки своенародни“ (Кіевъ, 1875 г. II. 29)

приготовленную, смотря по времени года и случаю болѣзни, на печи, „на духу", на доскахъ возлѣ печи („на полу"), подъ поломъ, завѣшеннымъ отъ мухъ рядномъ, на землѣ, „доли", въ сѣняхъ, клунѣ, повиткѣ. Вообще больного стараются положить головой на восходъ солнца. Подъ голову предпочитаютъ класть свернутую

сурела (плечевая кость), ликоть, рукы, пальцп, носящіе такія имена: велыкый, крайній, середній, пидмезынный, мезынець; затѣмъ крыжи или поперекъ—тазъ: „на ёму ходыщъ, нахыляешся и росправляешся", кульши, колина, гомилкы, голинныци, цивкы, плисни или плишни, суставы или кисточкы (ладыжки), ступа (стопа), передокъ или ходаки и пальцы ногъ съ такими же названіями, какъ и пальцы рукъ. Кости покрыты тѣломъ, которое ничѣмъ къ нимъ не прикрѣплено. «Чоловикъ увесь у маслаку. Якъ бы не тило, то кистка геть бы хляпала». «У голови—мозокъ на чотыри угла. Винъ для того, шобъ чоловикъ усячыну розбиравъ, розумный бувъ. Якъ стане заговорювать, то въ ёго мозокъ змишався». У народа нѣтъ никакихъ представленій объ устройствѣ и отправленіяхъ нервной системы и органовъ чувствъ: глаза и уха. Объ органѣ рѣчи выражаются такъ: „языкъ—шобъ балакать, а голосъ—пидъ правымъ бокомъ. У горли йе „пыщыкы". Нѣсколько подробнѣе высказываются крестьяне о растительныхъ органахъ, часть которыхъ, помѣщающихся въ брюшной области, называютъ «утрунокъ или отрунокъ», созвучно съ латинскимъ truncus. „Легкé, по народнымъ понятіямъ—шобъ легше жыть. Воно не дае серцю заросты жыромь». Большинство помѣщаетъ правильно сердце съ лѣвой стороны; изрѣдка, впрочемъ, приходилось слышать, что сердце у мужчины находится посрединѣ, даже справа; у женщинъ—слѣва. „Серце—шобъ сердыться; у ёму злоба, зъ ёго йдуть душныкы. Не буде дыхання, не буде й серце кыдаться. Передъ смертю воно спустытся пидъ груды". О кровообращеніи извѣстно лишь, что чоловикъ ходыть и робыть жыламы, безъ ихъ неможна. Кровъ робытся зъ воды. Лимфу, «пасоку», смѣшиваютъ то съ кровью, то съ нагноеніемъ: «спустывъ пасоку, умывсь пасокою» (кровью). «Якъ чоловикъ здоровъ, то кровъ наповняется, а якъ больный—ссыхается». О пищевареніи народныя мнѣнія таковы: «у чоловика дви горлянкы: въ одну йде пыща, у другу вода. Пыща йде черезъ кышку пидъ горломъ (пищеводъ) у кышкы́, бо въ чоловика все ривно кышкы, якъ у кабана, а та кышка, у котору йде вода, тоненька». Печень, «печинку», помѣщаютъ слѣва подъ сердцемъ. Ея назначеніе сдерживать желчь. О дѣятельности селезенки („мышки") ничего не знаютъ. Особенность малорусской на-

одежду, юпку, а не подушки; главная подстилка — солома: „больному чоловикови—солома“. Она прохладнѣе. Покупають и матки изъ рогоза (typha augustifolia L). Особой чистоты не наблюдають, и бѣлье больному, который не слишкомъ пачкаетъ, перемѣняютъ, какъ обыкновенно, разъ въ недѣлю. Малороссъ не имѣетъ никакихъ представленій о діетѣ. Въ болѣзни онъ ѣстъ то же, что и всегда: кулишъ, борщъ и т. п. Стараются только сообразоваться съ требованіями больного, а если онъ ничего не проситъ, то допрашиваютъ: „чого тоби, моя дытыно, хочется?—Ничого, мамо. — А може-бъ ты чого ззивъ?“ Допросъ продолжается до тѣхъ поръ, пока больной, наконецъ, не согласится отвѣдать какихъ-нибудь „ласощей“: фруктовъ, сметаны, соленой рыбы. Пить даютъ обыкновенную, непереваренную воду, кислый узваръ, наваръ изъ грушъ, грушевый или яблочный квасъ: „одъ того варунку не буде“. Обязанность подавать пить больному признается весьма важной, и дочь, причитая надъ мертвымъ отцемъ, напоминаетъ ему: „чы я тоби, мій таточку, пыточкы не подавала, чы постилонькы не перестылала“?—и проситъ усопшихъ предковъ: „подавайте татусю пыточкы, якъ я подавала (въ моихъ Народ. обр. и пѣсняхъ Луб. у. 1897 г., 181, 189, 194)[1]).

родной анатоміи заключается въ допущеніи еще одного органа — матки или ураза у мужчинъ. По мнѣнію г. Можаровскаго (Фельдшеръ 1898 г., № 18, 478) такъ называютъ желудокъ мужчины. Въ нормальномъ состояніи этотъ органъ изображается мѣшечкомъ (капшукомъ), величиной съ кулакъ, находящимся возлѣ пупка, нѣсколько вправо отъ него къ сторонѣ печени, ниже ея. Значеніе этого органа по народному убѣжденію велико. «Весь чоловикъ основанъ на уразови. Уразъ—держава, духъ. Изъ того уразу иде духъ по жылахъ, одъ ёго идуть жылкы до всякои жылы, а одна велыка». О зарожденіи новаго существа передаютъ такимъ образомъ: «сѝмья йе въ чоловика, якъ у рыбы, або въ рака. Воно мовъ жытына въ колосочку. Кривъ на кривъ зійдется, то й прычепытся дытына. Жинка носыть 40 недиль; воно у пузыри родытся; лопне пузырь, вода потече, и воно выйде». Источникъ жизни вообще—«духъ, або душа—все ривно. Безъ ёго не проживе чоловикъ».

[1]) Въ томъ же сочиненіи, на стр. 165, 166 приведены народныя наблюденія надъ предсмертной агоніей, постепеннымъ пріостановленіемъ

Во многихъ заболѣваніяхъ, относимыхъ обыкновенно къ простудѣ, въ больномъ стараются вызвать испарину, для чего его обвертываютъ мокрыми утиральниками и, крѣпко укутавъ, кладутъ на горячую печь на соломѣ, также политой 2 — 3 кружками воды; или его вытираютъ солью и кладутъ на печь. Также садятъ больного, покрытаго рядномъ, въ ваннѣ (шаплыци, переризи), на скамьѣ, или ставятъ надъ скамьею, дижкой, ведромъ, мыской. Въ эту посуду кладутъ камень, кирпичъ или бѣлую глину и поливаютъ кипяткомъ, разсоломъ, бураковымъ квасомъ, водкой, настоянной на калганѣ, растворомъ гречневой половы, высивокъ, картофли или куринаго кала. Собственно ванну приготовляютъ изъ воды, горячей настолько, сколько можетъ выдержать тѣло. Въ ванну прибавляютъ: солому, степное сѣно, аиръ (иръ, яръ, лепеху, acorus calamus L.), „жалку кропыву“ (urtica dioica L.), горыцвитъ (adonis vernalis L.). Послѣ ванны больного укрываютъ какъ можно теплѣе. Къ больному мѣсту кладутъ въ видѣ припарки мѣшочки съ овсомъ, ячменемъ, просомъ, высивками, хлѣбомъ, коржами, различнымъ каломъ или только мокрую выжатую тряпку. Растираютъ больного керосиномъ, скипидаромъ, оливой, отдѣльно или въ смѣси; уксусомъ съ водкой, водкой, горчицей, также камфорнымъ и нашатырнымъ спиртомъ. Ставятъ горчичники на верхнія части рукъ для удаленія боли отъ головы, на шею, грудь, спину, поясницу. Въ замѣнъ горчичниковъ прикладываютъ: хрѣнъ, рѣдьку и капустяные листы, намазанные скипидаромъ. По замѣчанію Арендаренка [1]), въ народной медицинѣ Лубенскаго у. особенно часто употребительна шпанская муха.

кровообращенія и окоченѣніемъ умирающаго. Здѣсь умѣстно будетъ добавить только о неизлѣчимо больныхъ. Такой больной перестаетъ узнавать окружающихъ, обращается къ стѣнѣ, смотритъ въ одну сторону, постоянно машетъ или манитъ рукою «мовъ курчатъ склыка. Очи минятся, мовъ смутный стане. Съ тила зовсимъ спаде. Якъ сю ничъ умре, то змишается кровъ зъ водою, и стане винъ билый, якъ бумага. Въ грудяхъ важко, у жывоти тыхо, коло пупа не кыдается, жывитъ увесь нидійде пидъ груды; серце заляже. Слова переминятся, якъ у якого: мовъ недобалака».

[1]) Зап. о Полт. губ. I. 102.

Кровопусканіе теперь вышло изъ употребленія, но еще въ шестидесятыхъ годахъ былъ свой Санградо почти въ каждомъ селѣ. „Матвій,—вспоминаютъ Литвяковскіе старожилы,—багато людей рятувавъ. Винъ вылапувавъ, шобъ тихъ жылъ не чипать, шо бьются. Якъ выйде годъ, то треба було тому чоловику упять кынуть, бо якъ не кынуть, то очи замутятся, не бачытыме". Затѣмъ и пользованіе пьявками уменьшилось. Теперь ставятъ 7—25 пьявокъ на шею, руки, ноги, поясницу, „шобъ вытягалы застужену кровъ; тилько жыльнои кровы не можна тягты пьявци,—чоловикъ ослипне". Сосать должны пьявки не долѣе часа; когда отпадутъ, то ихъ полощутъ въ трехъ водахъ и складываютъ въ бутылки. Оцѣнка этого способа лѣченія народомъ благопріятна. „У мене самои,—разсказывала баба,—було пятьсотъ пьявокъ; воны дуже, дуже пользують! Воны тягнуть позашкурну, погану кровъ, а зъ жылы ничого не потягнуть. Хочъ и сто пьявокъ поставыть, то чоловикъ напьется воды и наповнытся кровью". Въ с. Хитцахъ заболѣвшіе бредутъ въ болото и предаются пьявкамъ: „воны лышнёго не ссатымуть". Сухія банки ставятъ на шею, грудь, животъ и поясницу, преимущественно отъ ревматическихъ страданій, въ количествѣ шести. Предварительно тѣло смачиваютъ теплой водой, затѣмъ въ стаканчики вставляютъ свѣчу или немного зажженной ваты, чаще клочья съ оливой и опрокидываютъ ихъ на тѣло, гдѣ оставляютъ стоять около часу. Воздухъ въ стаканѣ, разрѣжаясь отъ зажженной пакли, втягиваетъ части тѣла, что полезно при брюшныхъ и ревматическихъ страданіяхъ и совѣтуется еще Гиппократомъ и Галеномъ [1]), но при неопытности знахарки можетъ произвесть ожогъ и пораненіе живота, а также вызвать пупочную грыжу [2]).

---

[1]) Енгалычевъ. Домашній лѣчебникъ. Ч. III, 245, 246.

[2]) Можаровскій. Фельдшеръ 1898 г., № 18, 479.

Пріемъ лѣкарствъ внутрь указанъ въ дальнѣйшемъ изложеніи отдѣльныхъ болѣзней, здѣсь же достаточно будетъ упомянуть, что капли даютъ больнымъ въ водкѣ или водѣ, отъ 5—15, 20 капель, смотря по возрасту и по полу, между прочимъ: скипидару—5 капель, керосину—15, анисовыхъ—5, бальзама—5, ассафетидныхъ (маточныхъ)—4,

2. *Помощь въ несчастныхъ случаяхъ.*

Замерзающаго въ дорогѣ подводятъ къ лошадиной мордѣ подъ теплое дыханіе, а по пріѣздѣ садятъ въ холодную воду; лицо растираютъ снѣгомъ; когда же появятся признаки жизни, то растираютъ теплою водой или водкой, вливая послѣднюю также въ ротъ пострадавшему.

Оглушеннаго громовымъ ударомъ закапываютъ въ землю, что иногда приноситъ пользу[1]). Часто въ руки зажимаютъ страстную зажженную свѣчу до полнаго выздоровленія. Растираютъ спиртомъ. Къ обожженному тѣлу прикладываютъ сырой, тертый картофель или картофельный крахмалъ. Смазываютъ также обожженное мѣсто растительными жирами: льнянымъ, конопляннымъ, деревяннымъ маслами и животными—куринымъ, ежевымъ. Еще обкладываютъ пострадавшаго отъ обжога скотскимъ навозомъ.

Крайній предѣлъ пребыванія утопленника подъ водой, когда еще можно возвратить ему жизнь,—два часа. Вынутое изъ воды тѣло нельзя класть на землю, ни даже касаться ея тѣломъ иначе послѣднее не оживетъ, „охолоне". Утопленника кладутъ на рядно и откачиваютъ въ-четыремъ. Если пойдетъ носомъ и ртомъ вода, то онъ можетъ еще быть спасенъ; если не пойдетъ то нѣтъ.

Пораненія.

При вывихѣ стараются вправить смѣстившуюся головку состава въ ея впадину. Потомъ больной членъ увязываютъ въ лубокъ. Впослѣдствіи больное мѣсто растираютъ нашатырнымъ,

---

мятныхъ и гофманскихъ—по 10. Настойки, кромѣ травъ, приготовляютъ еще изъ: имбиря, перца, калгана (radix galangae), галки (мускатнаго орѣха) и даютъ по 1—3 рюмки въ день. Въ аптекахъ и лавкахъ пріобрѣтаютъ между прочимъ для лѣченія: манкурій (сулему), цинобрю (нѣм. Zinnober, итал. cinabro, испан. cinabrio, киноварь), сыній каминець (мѣдный купоросъ) и семибратню, братню кровъ (полипъ—tubipora chamissionis).

[1]) Флоринскій. Домашн. лѣчеб., 322.

спиртомъ и настойками: на оманѣ (verbascum nigrum L.) и на корняхъ лопуха (arctium lappa L.) Также парятъ больной членъ: живокистомъ (Simphytum officinale L.), буквицей (betonica officinalis L.), натягачомъ (ranunculus lingua L.), пыреемъ (agropyrum repens L.), ромашкой (matricaria chamomilla L.) и льномъ (linum usitatissimum L.). Также и сломанный членъ крѣпко увязываютъ въ лубокъ, чтобъ онъ не двигался, а когда начинаетъ сростаться, то растираютъ: березовкой, нашатырнымъ, камфорнымъ или муравьинымъ спиртомъ и втираютъ въ больное мѣсто: мазь изъ муравьевъ съ смальцомъ, съ мозгомъ изъ кошачьей головы и мазь изъ канифоли, воска и масла. Внутрь даютъ пить настойку изъ старыхъ мѣдныхъ денегъ на водѣ.

Опухоль растираютъ оливой съ камфорой; прикладываютъ къ вспухшему мѣсту сливки съ мыломъ; растираютъ еще настоемъ „жалкои кропывы" (urtica dioica L.). Парятъ въ житнихъ высивкахъ и настоѣ дпвины (verbascum lychnitis L.), въ которой также, по замѣчанію, сдѣланному въ Запис. Ю.-Зап. Отдѣла Геогр. Общ. I, 140, купаютъ дѣтей.

Къ ушибленнымъ ранамъ прикладываютъ компрессы изъ холодной воды или льда и сухія банки, до 24-хъ. Послѣднія ставятъ на шею (шывороты), если ушиблена голова. Ушибленное мѣсто растираютъ водкой съ оливой или камфорой и кладутъ припарки изъ льна, овса (avena sativa L.), живокиста (simphytum officinale L.), сона (anemone sylvestris L), ранныка (paris quadrifolia L.), указаннаго отъ ранъ въ Зап. Ю.-Зап. Отдѣл. Геогр. Общ. I 174, и синяка или серпориза (anchusa officinalis L), также указаннаго отъ ранъ въ „Лікахъ своенар." 72. Пьютъ настойку переступня (bryonia alba L.) и изъ старыхъ мѣдныхъ денегъ.

Порѣзныя и колотыя раны стараются зажать губами, чтобъ пріостановить льющуюся кровь, что удается не всегда и не всякому, почему приходится прибѣгать къ заливанію, закладыванію и присыпкѣ ранъ слѣдующими веществами: березовой водкой, указанной также и въ „Лікахъ своен.", стр. 12, настойкой арники, спиртовымъ лакомъ, хлѣбомъ, горячимъ коржемъ, коржемъ съ

медомъ, теплой „жывыцею" (канифолью), смолой, дегтемъ, квасцами, чертовымъ пальцемъ, упоминаемомъ въ „Лік. своен.", 19; конскимъ навозомъ съ землей, свиной желчью, заячьимъ жиромъ, волчьимъ мозгомъ и костью, пережженной головой пропавшаго кота, паутиной, средствомъ, широко распространеннымъ; такъ, въ Бельгіи останавливаютъ кровотеченіе изъ ранъ перевязкой пальца ниткой и закладываніемъ раны паутиной [1]). Это же средство упоминается въ „Лікахъ своен.", 13. Оно крайне опасно. Крестьянка окрестностей Мерефы, Харьковской губ., обложивъ порѣзъ дитяти паутиной, вызвала зараженіе крови и смерть [2]). Еще закладываютъ раны: порхавкой (lycoperdon bovista L.), листьями и порошкомъ нечуй-витра (Hieracium pilorella. Tauch.), фелинныкомъ (aristolochia clematitis L.) и упоминавшимися раньше: синякомъ, ранникомъ, сономъ, также кануперомъ (balsamita vulgaris L). Кровь, текущую изъ раны, думаютъ также остановить подкуриваніемъ волосами, вырѣзанными у мужа и жены и слѣдующими заговорами.

„Тече тры ричкы: водяна, кровяна и смоляна. Водяна каже: течимо; кровяна каже: стіймо, а смоляна: залыймо. Рабъ Божый Иванъ".

„Крово, крово! шо тому чоловикови буде, шо въ недилю стружкы струже?—Оте й тоби буде, якъ не перестанешъ". (Д. Солоница, отъ Настасіи Дивизіонной).

„Ишовъ баранъ зъ крутымы рогамы густыми лозамы. Искынь руно та заткны жерело". (С. Волчекъ, отъ Маріи Шевченковой).

„Вы косари, вы косарыкы мои! Вы косыте и хлиба у Бога просыте; и ты, косо, не бійся ничого и не пускай Божои росы и святои крови". (М. Снѣтинъ).

„Ишлы старци трьома потокамы. Старци сталы, кровъ перестала. Ишовъ святый Господь на Осіянську гору. На Осіянській гори Суса Хрыста мучылы. Господы, одверны одъ наглои кривы смерты". (С. Калайдинцы).

---

1) Monseur. Fl. wal., 26.

2) Полт. губ. Вѣд. 1898 г., № 184, 3, со ссылкой на Харьк. губ. Вѣдомости.

„Ишла я калыновымъ мостомъ, пидпералась калыновою палыцею. Зострила мене Божая Маты: „Куды ты, нароженая, молытвяная Софіе?“—„Иду до нароженого, молытвяного Ивана криви замовляты, Господа Бога прохаты. Мои слова, а Божа помичъ“. (С. Хорошки, отъ Софіи Сысиной).

„Ишло тры сестры, неслы по тры ножи. Сиклысь-рубалысь, и кровъ не йшла. А ты, червона кровъ, стань на билій кости“. (Хуторъ Сабадашевъ, Яблоновской вол., отъ Мазняковой).

„Господы благословы, Господы поможы! Йихавъ Сусъ Хрыстосъ камянымъ мостомъ на осляти. Сиче-рубае, и кровъ не протикае. Огонь горыть, и́ кровъ кыпыть; огонь затухае, и кровъ залывае нароженому, молытвяному, хрещеному рабу Семену“. (С. Мгарь).

„Иде Сусъ Хрыстосъ на камяну гору; на каминь ступае— кровъ замовляе раба Божого Семена. Изъ твоихъ жылъ, зъ жовтыхъ костей, билыхъ суставивъ составляется раба Божого Семена и кровъ замовляется и остановляется“. (М. Снѣтинъ).

Отравленія.

Чаще встрѣчаются отравленія: 1. Окисью углерода, „чадомъ“. „Якъ почадіють, то зъ ихъ духъ потягне“. Угорѣвшихъ лѣчатъ и холодомъ, и тепломъ. Въ первомъ случаѣ, имъ натираютъ лобъ и около сердца снѣгомъ, льдомъ, холодной водой. Въ послѣднемъ—льютъ на голову и въ уши горячій квасъ и теплую воду („литепло“). Въ ухо закладываютъ ягоды калины и овечій калъ („быбкы“). Въ безчувственномъ состояніи закутываютъ всего въ теплую одежду или рядно.

2. Отравленію спиртомъ, запою думаютъ помочь рядомъ слѣдующихъ мѣръ: отеревъ тряпкой лошадиный потъ, выжимаютъ ее въ водку или воду, которую и даютъ выпить пьяницѣ въ надеждѣ, что онъ получитъ отвращеніе отъ водки навсегда. Даютъ также выпить водки, настоянной на живой изрубленной щукѣ или вьюнахъ, или плиткѣ [1]), положенной подъ руку по-

[1]) Также пятакѣ.

койнику, пока его несутъ, и вынутой предъ погребеніемъ. Даютъ еще и раковую настойку, приготовленную по слѣдующему рецепту: „питы на базаръ, купыть горшечокъ не торгувавшысь та вкрасты рака на базари, щобъ нихто не бачывъ. Тоди взять пивкварты водкы, влыть у горшечокъ, вкынуть рака и завъязать; тоди закопать на девять сутокъ. Одкопать, процидыть ту водку и дать выпыть пьяныци“ (с. Тишкы, отъ Прасковьи Кирилленковой). Пьяницу поятъ настойкой зилля—одворота, о которомъ говорятъ: „йе зилля одворотъ и прыворотъ (veronica chamaedrys L.), по дви бадылыны. Якъ воны вмисти, то то прыворотъ, а якъ мынають одно друге,—одворотъ“. Нужно еще положить мѣдныя деньги въ ротъ сдохшей собаки или отдавить мѣдными же деньгами головку здохшей змѣи и, купивъ за тѣ деньги водки, дать выпить пьяницѣ на тощакъ или на похмѣлье. Женщина набираетъ изъ трехъ колодцевъ непочатой воды, на зарѣ и, обмывшысь этой водой вся на хатнемъ порогѣ, варитъ на ней всю пищу, которою и угощаетъ мужа. Тоже можетъ продѣлать любимая дѣвка съ парнемъ. Полагаютъ, что пьяница, наѣвшись такимъ образомъ приготовленныхъ кушаньевъ, получаетъ отвращеніе къ водкѣ. (С. Волчекъ, отъ М. Шевченковой).

3. Къ опухоли и ранѣ, образовавшимся отъ зараженія животными ядами, напр. сибирской язвой (теліемъ), и къ карбункулу прикладываютъ разрубленнаго живымъ щенка или котенка.

4. По народнымъ понятіямъ, смертельно не одно только укушеніе бѣшеной (дурнои, скаженои) собаки, а и самая встрѣча съ нею, если она бѣжитъ за вѣтромъ. Въ послѣднемъ случаѣ, повстрѣчавшійся съ нею, рискуетъ получить опухоли подъ языкомъ, такъ называемыхъ щенятъ, и умереть. Состояніе бѣшенства изображается въ народномъ разсказѣ въ такихъ чертахъ. „Выйшла жинка зъ хаты, и щось іи ухопыло, кынуло объ землю биля дверей и кругомъ хаты обтягло, рукы ій покусало. Пишла вона до манастыря, и бабка зъ Новакивъ сказала: „тоби бувъ случай и зъ того случаю помрешъ“. Прыйшла вона зъ манастыря и почала ухкать зъ воды и огню. Якъ побачыть ихъ, каже: „ухъ!“ Крестьяне вѣрятъ, что до девяти дней можно еще излѣчить

бѣшенство; „щенята, або песыкы" еще подъ языкомъ больного, и во всякомъ селѣ есть знатоки, которые „сколюють" ихъ шиломъ. Сколовши, ранки крѣпко натираютъ солью. Всю одежду, бывшую на больномъ, кладутъ подъ прессъ (гнитъ). На девятый день человѣкъ поглотаетъ щенятъ, если они не сколоты, сойдетъ съ ума и умретъ. До девяти дней помогаетъ настой дрока (genista tinctoria L), извѣстнаго еще древнимъ грекамъ, который указанъ у Флоринскаго [1]), у Чубинскаго [2]), въ Зап. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ. I, 168 и у Богдановича [3]). Въ послѣднее время часто указываютъ на различные виды молочая, euphorbia [4]), именно: e. procera s. pilosa, e. cyparissias (молочакъ), e. glareosa (сычакъ, дикій молочай [5]), e. villosa [6]), e. nicacensis [7]). Въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ сочиненій упоминается еще звѣробой, а въ словарѣ Волкова, въ Зап. Ю.-Зап. Отд. I., 172, нечуй-витеръ (hieracium pilorella. Tauch.)—какъ лѣкарства отъ бѣшенства.

Приступая къ изложенію отравленій, производимыхъ пресмыкающимися, слѣдуетъ замѣтить, что убѣжденіе въ ядовитости лягушекъ и жабъ принадлежитъ къ однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ предразсудковъ. Уже индійская медицина признавала укушеніе лягушки ядовитымъ [8]), затѣмъ въ 7 новеллѣ 4-го дня „Декамерона" любовники погибаютъ, отравленные ядомъ огромной жабы (botta di maravigliosa grandezza [9]). Въ украинскихъ пѣсняхъ вдова отравляетъ любовника жабами [10]). Въ Культур. переживаніяхъ Н. Ө. Сумцова, [11]) въ сборникахъ: Чубин-

1) Домаш. медиц., 259.

2) Труды экспед. т. I, в. I, 129.

3) Свѣдѣн. о Полт. губ., 54.

4) Дм. Л—зинъ въ Днѣпр. Молвѣ 1899 г., № 5, 151.

5) Фельдшеръ 1898 г. № 18, 484.

6) Зап. Ю.-З. Отд. Геогр. Общ. I., 122.

7) Полт. Епарх. Вѣдомости 1886, 169.

8) Ковнеръ. Ист. Мед. въ Кіев. Унив. Изв. 1878 г., III, 123.

9) G. Boccaccio. Il. Decameron. I. p. 307—311. Лейпц. изд. Брокгауза 1877 г.

10) П. К. «Фатальная вдова» въ Кіев. Стар. 1888, XII, 475.

11) Кіев. Стар. 1889 г., XI, 311.

скаго [1]), Гринченка [2]), у Богдановича [3]) и въ моихъ „Сказкахъ о жабахъ" [4])—вездѣ упоминается объ этомъ ядѣ. Въ устныхъ мѣстныхъ разсказахъ и представленіяхъ, жаба и лягушка могутъ вредить человѣку различнымъ образомъ: впиваясь въ тѣло человѣка, онѣ наносятъ ядовитыя раны, какъ видно изъ слѣдующихъ разсказовъ: 1. „Ишла жинка, колы жаба бижыть велыка и впьялась жинци въ щоку. Узялы ту жинку, объязалы намиткою и повезлы по свитамъ. Нихто не помигъ" (С. Литвяки, М. Чигринова) 2. „Дивка ходыла до Сулы прать. Стала иты додому, а жаба нагнала та въ лытку впьялась. Маты рвала, рвала,—ніякъ не оддилыть тіеи жабы" (отъ Кс. Комлыковой). Подобные же разсказы приведены въ „Сказкахъ о жабахъ" (№№ 4 и 5). Ядовитая моча жабъ содѣйствуетъ образованію бородавокъ и рака, какъ увидитъ ниже читатель. Особенно опасенъ ядъ жабъ, принятый внутрь. Такое отравленіе можетъ быть или случайнымъ, или умышленнымъ. Напримѣръ: „у крыныци жаба плыве и пустыть изъ себе ядъ, а чоловикъ замахне, напьется и занедужае". Или женщина, выпивъ ошибкой назначенное для другого употребленія питье, содержавшее жабій ядъ, распухаетъ и умираетъ (Ск. о жаб. № 3). Чаще бываетъ умышленное отравленіе, производимое, какъ видно изъ многихъ собранныхъ мною печатныхъ (Ib. №№ 1 и 2) и устныхъ матерьяловъ; такъ: разыскавъ особую, большую, мохнатую жабу, живущую въ болотной кочкѣ или подъ кустомъ, кладутъ ее въ печь живую или посѣченную на сковородѣ. Часть высушиваютъ, а часть только слегка привяливаютъ. Принявшій ядъ сыроватой жабы, подмѣшанный къ питью, умираетъ мгновенно; много-много, если промучится дня 2—3, причемъ „Изъ ёго духъ пре". Принявшій же сухую или вяленную, но мелко истертую жабу, страдаетъ отъ 1—7 лѣтъ. Онъ сохнетъ, „усе коло серця варыть, та нудно, нудно"! Внутри заводятся жабы, и исходъ большею частью

---

[1]) Тр. т. I. в. I, 136 и т. II, 47, 50.

[2]) Этногр. мат. I., 32, 34.

[3]) Свѣд. о Полт. губ. 186.

[4]) Кіев. Стар. 1896 г., XI, 37—40.

смертельный. Послѣдній предразсудокъ находитъ мѣсто и въ высшихъ слояхъ общества. Даль въ соч. „О повѣріяхъ, суев. и предр. рус. народа“ (С.-Пет. 1880 г., 67) приводитъ данныя о поглощеніи пьявокъ и змѣи, жившихъ въ желудкѣ и извергнутыхъ рвотой. Интересенъ разсказъ о евреѣ, страдавшемъ болью желудка, въ которомъ чувствовалось движеніе и царапанье, а при изверженіи въ рвотѣ оказалось 35 лягушекъ разной величины,—чему свидѣтелемъ былъ врачъ (!). Вслѣдствіе распространенности этого предразсудка, докторъ Бокъ заявляетъ, что случайно проглоченныя пресмыкающіяся, быстро извергаются рвотой или низомъ въ переваренномъ видѣ [1]). А профессоръ Эйхгорстъ замѣчаетъ, что иногда женщины представляютъ врачу молодыхъ живыхъ лягушекъ и ящерицъ, вышедшихъ будто бы съ рвотными массами [2]).

Въ случаяхъ отравленія ядомъ жабъ, знахарки стараются вызвать у отравленнаго рвоту, для чего даютъ внутрь: сырое конопляное сѣмя, молочай или настой кореня умана (verbascum nigrum L) и немного купороснаго масла. Есть еще способъ выманиванія жабъ изъ человѣка, настолько же фантастическій, насколько фантастично и самое ихъ существованіе въ желудкѣ: „поставыть проты чоловика дзеркало и жабу на блюди такъ, шобъ выдно у дзеркало. Чоловикъ шобъ роззявывъ рота, и та жаба, шо въ ёму въ середыни, на дзеркало выйде. Держать його двомъ людямъ, шобъ не впавъ [3]). (С. Литвяки, отъ Наталіи Кедевой).

Хотя ящерица и признается другомъ человѣка, предупреждающимъ его о приближеніи змѣи, но укушеніе этого друга смертельно. Укушенное мѣсто нужно обложить глиной съ квасомъ или кислымъ молокомъ; послѣднее также ѣдятъ, а заро-

[1]) Книга о здор. и больн. человѣкѣ. С.-Петерб. 1856 г., 379

[2]) Руковод. I., 765.

[3]) Тотъ же пріемъ употребляютъ для вызова змѣи и глиста требующаго водки, можетъ быть солитера. Въ первомъ случаѣ, въ зеркалѣ должны отражаться поставленныя на блюдечкѣ: клубника или вишни, во второмъ—рюмка водка.

дившихся внутри ящерицъ стараются изгнать горячей сывороткой. Не менѣе опасна и черепаха[1]): „одъ черепахы нема шептухы". Она также можетъ расплаживаться внутри человѣка, какъ видно изъ слѣдующихъ разсказовъ: „Ладымырши дано черепахы, хто його зна якъ,—вона сама не замитыла. Стало ій нудно, нудно; зайшла вона вагитною. Ходыла вона и по бабахъ, и по знахоряхъ, и по дохторяхъ, до того, покы черепаха ожыла. И стала та черепаха жинку ссать въ середыни. Скрегоче и вже соби налупыла й черепашенятъ, и потимъ до тихъ поръ дойилась, шо выйила все зъ середыны, и тоди та баба вмерла; такъ ище и въ мертвій скрыготалы въ жывоти черепахы". (М. Лукомье, отъ К. Норовой). „У чоловика жывитъ опухъ, и догадалысь, шо давання дано. Знахарь изъ Слобидкы (Лохвицкаго у.) давъ молочаю, и ставъ больный блювать и выблювавъ симдесятъ жывыхъ черепашенятъ у-разъ". (С. Хитцы). Лѣченіе отъ черепашьяго яду такое же, какъ и въ предшествующихъ случаяхъ отравленія ядомъ пресмыкающихся.

Наоборотъ, укушеніе змѣи признается излѣчимымъ, что доказывается слѣдующими разсказами знахаря с. Литвяковъ Василя Кривенка: „Макаренко косывъ и розбувсь, а вона влизла въ чобитъ. Ставъ винъ у-вечери обуваться, а вона за ногу стрикнула. Винъ на другый день просыть: „пошепчы". Я подійствувавъ, завтра и косыть пиде". „Устя чуть не вмерла, якъ гадюка вкусыла: опухла нога, вмоталы червонымъ поясомъ, вже й прычащалы. Я кыслымъ молокомъ выпользувавъ"[2]). Когда уку-

---

[1]) Объ ужасѣ, возбуждаемомъ черепахой, свидѣтельствуетъ слѣдующій разсказъ: «Батько пишовъ у лисъ у таку гущыну, де вона сыдила. Пиднялась вона съ черепка та такъ, якъ утка: «кахъ, кахъ!» Сталы батько тикать, а вона, якъ пидійметься та шлёпне объ дорогу. И якось Богъ давъ, шо не вкусыла—справылыся на село». (С. Вильшанка, отъ М. Харлановой).

[2]) Въ Лубенскомъ у., какъ и вообще въ Малороссіи, водится только гадюка (vipera berus), укушеніе которой не смертельно. Распредѣленіе змѣй здѣсь неравномѣрно: всего больше въ мѣстномъ участкѣ и въ м. Лукомьѣ. Выводятъ змѣй такъ: прибиваютъ одну и осыпаютъ ее «прыскомъ», т. е. жаромъ; вѣрятъ, что остальныя уйдутъ сами.

ситъ змѣя, то необходимо бѣжать къ водѣ и вступить въ воду раньше змѣи, которая, укусивъ, сейчасъ же ищетъ воды,—не будетъ опухоли. Въ предупрежденіе опухоли необходимо туго перевязать членъ выше того мѣста, которое укусила гадюка, поясомъ. Укушенное мѣсто смазываютъ кислымъ молокомъ. Опаснѣе ядъ змѣи, принятый внутрь. Добываютъ ядъ такимъ образомъ, что взявъ змѣю за хвостъ, опускаютъ головкой внизъ, подставляя чарку, куда стекаетъ „ропа" изъ рта змѣи. Эту ропу даютъ въ пищѣ или питьѣ, желая отравить. Примѣшиваютъ туда же и сушеной змѣи. Однажды дѣвка, желая отравить подругу, дала послѣдней змѣеныша въ стеблѣ луку („цыбкѣ"). Потомъ, по народному разсказу, изъ отравленной вытянули трехаршинную змѣю.

О ядѣ пауковъ записаны мною слѣдующіе разсказы: 1. „Изъ тарантеля [1]) того здорового робытся ядъ, шо людей травыть. Возьмы його, поймай и кынь у банку, въ олыву. Винъ тамъ выросте, якъ кулакъ. Якъ тарантель укусыть, нема одъ его дохтора, чоловикъ той помреть". (С. Литвяки, отъ М. Чигриновой). 2. „Я йихавъ косыть, колы на гори лизе паукъ—якъ ракъ, мохнатый. Треба наставыть бутылку та олывою ёго. Якъ паукъ укусыть, помазать тією олывою, то й пройде. Держать бутылку за замкомъ". (С. Литвяки, В. Кириченко). Кромѣ послѣдняго средства, означеннаго также у Арендаренка [2]), примачиваютъ такую опухоль настойкой коровяка (Datura Stramonium L).

Къ укушенному пчелой или осой мѣсту прикладываютъ ножъ „навхрестъ".

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Выговариваютъ еще: тарантъ, таранкуль.

[2]) Зап. о Полт. губ. I., 114.

КАРТЫНКЫ СУЧАСНОГО СЕЛЯНСЬКОГО ПОБЫТУ.

(*Не за-для кону*).

ПОКАЗЧЫКЪ ДО КАРТЫНЪ.

Трохымъ Омельяновычъ Середа—старшый у заможній селянській семьи, годивъ за 40, одягненный у просту одежу зъ дешевого казынету, зъ бородою. Чубъ пидстрыженый кружкомъ.

Олена Петровна—жинка Трохымова, годивъ пидъ 40. У простій одежи—сытцевій спидныци и такій же кохти; на голови очипокъ, повъязаный хусткою.

Грыцько—меньшый братъ Трохыма, молодожонъ, 21 року. У першій картыни одягненый по селянськи—простого сукна черкеска; безъ усивъ, кучерявый, пидстрыженый кружкомъ.

Горпына Прокоповна—молода жинка Грыцькова, годивъ 19. Чепурно одягнена у новій пари сытцевій. У другыхъ картынахъ вона одягнена панською мамкою, а писля—міщанкою.

Галька—дивчына годивъ 18, тежъ чепурно одягнена у сытцевій пари. Писля, въ другыхъ картынахъ зъявляется въ очипку молодыцею.

Дидъ Тарасъ—дидъ Трохыма и Грыцька. Старый, але ще бадёрный селянынъ.

Олексій—сынъ Трохыма. Пидростокъ, а писля парубокъ.

Ивась—хлопчыкъ-школяръ; писля пидростокъ.

Скубелка—Степанъ Ивановычъ. Колысь-то пысарь, а теперъ сильськый адвокатъ. Годивъ пидъ 50, одягненый у пиджакъ.

Сыдиръ—робитныкъ.

Панъ—судебный прыставъ.

Десятныкъ, диты, жинкы.

У картынахъ, окримъ першои, Грыцько зъявляется вже зъ вусами и въ одежи салдатській, а писля въ одежи зализнодорожнёго сторожа.

(Діется на Подонщыни)

Картына I.

Горныця сильскои заможнёи хаты. Вливо одъ кону стилъ застеляный пастильныкомъ зъ непрыбранною посудою—мыскы, хлибъ покрышаный. До стола прыставленый ослинъ. Прямо—двери зачиняни, а направо двери у другу половыну одчыняни. Пидъ правою стороною дви велыки скрыни. (Уси тилькы що всталы зъ-за столу, хрыстятся и выходять изъ хаты. Зостаются у горныци: Грыцько (пье воду зъ кухля), Галька и Горпына (прыбирають зо столу) у другій хати выдно Олену, яка прыбирае коло печи.

Горпына (*до Галькы*). Несы мыскы й ложкы, а я тутъ сама струшу скатерть... Тоби-жъ, мабудь, дидусеви обидъ несты? *(Галька забирае мыски й ложкы, выносыть у другу хату, зновъ вертается, помагае прыбираты. Писля бере зъ килка винокъ и надивае ёго на голову, прыдывляючысь у невелычке дзеркальце).*

Олена (*зъ кухни*). Прыбирайся швыдче! Бачъ, яке вже время...

(Выносыть завязани у рушныку горщята и особо у хустци билызну).

Олена. Иды, а то дидусь заждалыся. Та прямуй черезъ Ткаченкову леваду: тутъ простійше...

(Галька ще охорошылася передъ дзеркаломъ и пишла зъ хаты. Вбигае Ивась и чогось шукае на покуты).

Грыцько. Чого тоби?

Ивась. Тутъ десь моя кныжочка. Дидусь казалы, щобъ я прыйшовъ почытаты до ныхъ. Видтиля зайду до вчытелькы переминыты кныжку... Мамо, де кныжка?

Олена (*выходыть зъ кухни*). Отъ тутъ у столи—я заховала. Балуе васъ дидусь: медкомъ поваджуе...

(*Ивась достае зо стола кныжку, выгладжуе іи и хова за пазуху*).

Олена (*рукою гладыть Ивася по головии*). Бижы, доганяй Гальку! (*Звертаючысь до Грыцька и Горпыны*). А вы жъ пійдете?

Горпына. Та хотилы пійты хоть не надовго. Оце жъ въ недили заразъ стырка буде...

Олена. Пійты сёгодня годытся: заговины... А стыраты треба буде... Покы то посохне... покатать ёго... а тутъ ще и капусту полываты. Ще жъ то й траву прыйдется поворушыты завтра: бачъ, яке Богъ давъ вчора... прымочыло... Такъ и не зчуемося, якъ и Петривка пройде й жныва настыгнуть... На узбочи въ балци, кажуть, ячминь и геть-то пополовивъ... Тамъ вже буде не до стыркы. (*Помовчавшы трохы*) Такъ чого жъ вы? Збирайтеся... Та ще отъ що: переказувала Хоменкова чорныця-ткаля, щобъ дослаты ій два клубкы, бо, каже, на пидканья того, що далы, не стане. Такъ може-бъ ты й донесла ій: вона жъ на тимъ кутку...

Горпына. Такъ що-жъ,—и занесу. Намъ можна пройты по Бойченковій вулыци: воно одынаково буде, що й по шляху..

Олена. Такъ збирайтеся, а я пійду въ комору за клубкамы (*выходыть зъ хаты*).

(*Горпына добувае зо скрыни велыку хустку и перевъязуе голову передъ дзеркаломъ. Грыцько зненацька обнимае іи*).

Горпына (*одпыхаючы ёго*). Здуривъ. Справди здуривъ... Хиба жъ можна такъ? Такъ злякаты можна... Чомъ не одягаеться? Я отъ заразъ и готова... (*Достае поясъ зо скрыни*). На, пидперизуйся, а то давай я пидпережу...

(*Покы вона ёго пидперизуе, винъ грается, обнимае іи*).

Горпына. Та ну! Не балуйся, стій ривно! Геть прыймы рукы... Пиднимы ихъ. Отъ такъ! Повернысь, ну! Отъ и пидперезала.

Сядь, кучери прычешу трохы... (*Гребинкою прычисуе ёго, винъ не перестае обниматы їи*).

Горпына. Ну, отъ вумнычокъ! А рукы прыберы. Отъ такъ.

(*Цилуе ёго. У ту саме мыть увиходыть въ горныцю Олена и, наче ничого не прымичаючы, проходыть въ кухню. Молоди прымитылы Олену и розскочылыся. Грыцько наче чогось ставъ шукаты по хати, а Горпына ще разъ вернулася до дзеркала*).

Олена. Такъ ось на, однесы, будь ласкова. (*Подае два клубкы вовны.*)

Грыцько (*знайшовъ картузъ на килку*). Ходимъ, чого жъ гаятысь?

Олена. Постривайте жъ. Паляныцю визьмить: такъ на заговины не ходять. (*Пишла въ кухню и выносыть паляныцю. Горпына тымъ часомъ жартовлыво грозыть пальцемъ Грыцькови, вказуючы кывкомъ головы на Олену. Подану паляныцю Горпына завиртуе у хустыну и слидомъ за Грыцькомъ выходыть зъ хаты*).

—

Картына II.

Олена (*Одна. Сидае побиля столу и пидпырается пидъ щоку рукою*). Граются, втишаются... Молоди... Имъ що?.. Знялысь и пишлы. И тамъ имъ ради будуть. Пройдутся по улыци, покрасуются... Сказано,—безжурни. Нехай втишаются покы молоди, покы ще можна. А тамъ пiйдуть диты, хлопоты... Не до цилування... Охъ-хо-хо! Отъ теперъ мiй пойихавъ въ тымъ паскуднымъ Скубелкою... Якъ то тамъ справлятся? Малыся вчора ще повернутыся... А отъ чы попадуть и сёгодня на заговины... Не подобается мени цей Скубелка: такый же, бачъ, мужыкъ, якъ й мы гришни, а штокае, все въ бомагамы вовытся, законы якись-то пыше... Не доймаю я ёму впры, тай годи... А мiй, бачъ, каже, що безъ ёго нiякъ не обiйдется, бо винъ уси порядкы знае. Оце й теперь пойихавъ землю куповаты, на торгы якись-то... Торгуватыся... Не розберу нiякъ: зачимъ торгуватыся, колы вже вона давно зторгована и гроши за неи оддани... Чудне! (*Помов

чавшы трохы). Пійты позатуляты викна, та може бъ спочыты трохы... Натюпкаешся, пораючысь...

(*Иде до дверей, але заразъ же зупыняется*).

Отъ и наши, слава Тоби Господы. (*Одступается одъ дверей и пропускае Трохыма и Скубелку, котри увиходять у горныцю одынъ за одным и хрыстятся на образы).*

Трохымъ. Здраствуйте! Зъ недилею будьте здорови, въ заговинамы...

Скубелка. Зъ воскреснымъ днемъ будьте здорови, въ недилею, какъ говорытся...

Олена. И вы будьте здорови. Зйиздылы у добримъ здоровьи? Проходьте, Ивановычъ, сидайте въ насъ, гости будете.

(*Трохымъ роздягается. Скубелка сидае на лавци*)

Скубелка. Да. Вотъ и въѣздылы. Изъ покупкою васъ поздоровляю. Теперъ ужо впольнѣ, какъ говорытся, собственныкы.

Олена. (*Не второпае, що винъ ій каже, и дывытся недоумило то на ёго, то на чоловика*). Це вже Омельяновычъ, якъ тамъ знають: це дило ихъ. А мы ще вчора васъ сподивалыся...

Скубелка. Ето такое дѣло. Пока, какъ говорытся, судъ та дило...

Трохымъ. Знаешъ, колы зъ дому, а не знаешъ, колы до дому. Запизнылыся. Зъ города выйихали вже смеркомъ, прыйшлося пидночуваты на Камьянци... Ну, теперь, добулыся до господы, слава Богу! Намъ бы теперъ чого закусыть: пора вже. А де жъ наши? Що оце никого не выдаты?

Олена. Ось я заразъ (*на ходу*)... Поросходылыся: Грыцько зъ молодыцею пишлы до своихъ, Галька обидъ дидусеви понесла на пасику, зъ нею й Ивашко побигъ; Олексій зъ воламы погнався, а ти десь тутъ по городамъ... Сидайте за стилъ, ось я заразъ.

(*Струшуе скатерть, становыть силь, хлибъ—опоряжае стилъ*).

Трохымъ. Тамъ у комори я зложывъ тараню. Купывъ куль на Петривку. Покоштуваты, яка вона. Вона пайдёть, якъ

той казавъ, до горилкы закусыть. А-же правда, Ивановычъ? Збирай тамъ, що Богъ давъ, а я пійду внесу.

(*Иде зъ хаты. Олена проходыть у кухню, зостается одынъ Скубелка*).

Скубелка. Отъ вы и понимайте мужыка. Теперъ, какъ говорытся, собственныкъ. Одно слово—помищыкъ. Сорокъ десятынъ, та ще и двѝ. Его, какъ говорытся, не маковое зерно. По настоящымъ цинамъ ето болше чотырохъ тысячъ. Благопріобретеніе, какъ говорытся.

(*Входыть Олена и розкладае ложкы, а пислл становыть мыску съ чимъ-сь гарячымъ*).

Олена. А я думала—винъ увійшовъ, а це вы сами до мене щось кажете? Простить, не почула гараздъ що...

Скубелка. Нѣтъ, ето я самъ зъ собою, какъ говорытся, разсуждаю.

(*Входыть Трохымъ. Въ одній руци въ ёго двѝ рыбыны и вязка бублыкивъ, а въ другій завъязана у якусь хустыну кныжка*).

Трохымъ (*до жинкы*). На, почысть и порижъ, а бублыкы дитямъ... (*до Скубелкы*). А це я взявъ ваши законы, а то колы-бъ, бувае, свыня ихъ не пошкодыла... Вы ихъ такъ на прызьби й лышылы...

(*Олена бье рыбу объ поригъ*).

Трохымъ. Отъ такъ іи, отъ такъ! Тараня усе йидно, що жинка: чымъ бильше іи быть, тымъ бильше вона буде мъяхка, добрійша, ласкавійша... (*Кывае на Олену пидморгуючы Скубелци*).

Олена (*махае рукою*). Буде, буде! Ивановычъ и справди подумають, що вы таки... Ни вже: яка задастся, а то скилькы зъ нею не дрякайся—ничого не вдіешъ... Що жъ іи, и не ризать? шкребты?

Трохымъ. Не то що шкребти, іи прямо кишкою драты, колы задастся упряма така.

Олена. Вы все про свое... Я пытаю... рыбу шкребты, чы не треба.

Трохымъ. А, рыбу... а я пакъ кажу про жинку. Жинку тилькы пошкребты, а ризаты не можна, бо у Сыбирь завдадуть, а рыбу тилькы порижъ. (*Всмихаются вси*). Та ты бъ до рыбы може бъ намъ по чарци пиднесла?

(*Олена подае поризану рыбу, а писля достае зъ мысныка пляшку и чарку и становыть на стилъ. Трохымъ тимъ часомъ наломуе паляныци*).

Олена. Огь вамъ и чарка. Подкрипиться зъ дорогы...

Трохымъ (*налываe чарку, хрестытся*). Ну, будьте здорови! Зъ недилею, зъ заговинамы. Дай намъ Господы, заговить у добримъ здоровьи, пистъ проводыть и разговиться дождаты. Дай Боже, щобъ усе було гоже. (*Выпываe до дна, налываe другу и подае Скубелци*).

Скубелка (*отводыть рукою чарку*). Хазяйци слидуетъ, супрузи, какъ говорытся...

Трохымъ. Та вона така супряга, що зо мною у пари ціеи хвуры не возыть.

(*Олена тежъ одводыть чарку, писля чого Трохымъ подае гостеви*).

Скубелка (*бере чарку*). Будёмъ-те здорови! Зъ етымъ днёмъ, што сёгодня. Зъ благопріобретеніямъ васъ, какъ говорытся, штобъ довольни булы... (*выпываe и оддае чарку*).

Трохымъ (*налываe, не прыймаючы чаркы*). Пый, Ивановычъ, пидъ рядъ другу... тоди и закусышъ...

Скубелка (*бере чарку*). Такъ и такъ! Хвундаментъ, какъ говорытся, заложыть зразу (*выпываe и оддае чарку*).

Трохымъ. А може бъ вже и третю?..

Скубелка. Та ето, какъ говорытся, Богъ Тройцу любыть... (*Трохымъ налываe знову чарку, и гость выпываe, моты головою*). Ето, какъ говорытся, основательно заложеный хвундаментъ...

Трохымъ. Ну, теперъ и закусымо.

Олена (*не сидаючы*). Закусюйте, будьте ласкови.

(*Трохы згодомъ Олена подае борщъ у мысци. Трохымъ и Скубелка йидять ложкамы*).

Трохымъ. Бачъ, насъ такы дожыдалы.

Олена. Мы, кажу-жъ, ще вчора дожыдалы.

Трохымъ. А тараня, бачъ, не дуже хороша. Не выспила ще. То, буває, така попадется що ажъ свитытся, наче лентари, а це якась суха. Добирайте, Ивановычъ. Що жъ такъ?

Скубелка. Довольни.

Трохымъ. Забирай мыску и подавай ще, що тамъ есть...

(Олена прыбирае мыску и ложкы и подае накрышану бараныну на тарильци)

Трохымъ. Що жъ, може бъ ще по одній?

Скубелка. Нѣтъ, погадить немнога: не вразу, какъ говорытся.

(Йидять мовчкы. Олена прысила о-посторонь на лавци).

Трохымъ. Ну, отъ теперъ трохы поправылыся зъ дорогы.

Скубелка. Да, енто, какъ говорытся, упольнѣ.

(Хотять вставать зъ-за столу)

Олена. Ни, ни! Посыдьте, будьте ласкови. Ще жъ въ насъ вареныкы: сёгодня жъ заговины. Заразъ подамъ. (*Прыбирае и выносыть въ кухню тарилку и кисточкы, а видтыль выносыть макитру зъ вареныкамы, струшуе ихъ и становыть на стилъ*). Просю вашои мылосты, годуйтеся.

Скубелка. Вареныкы... енто самое, какъ говорытся, малоросейское кушаня.

Трохымъ. Ну, ну, покуштуемо цее малоросейскее... по простому—вареныки. До ныхъ и выпыть не шкодыть. Правда, Ивановычъ?

Скубелка. Звѣсно, не мишае. Домъ, какъ говорытся, на чотыри вугла строится.

Трохымъ. А ты ще, бачъ, щытаешъ, котру выпьемо. Такъ пый безъ лику: душа миру знае, мовлявъ той (*налывае горилкы, выпывае самъ и пидносыть гостеви*). (*Йидять мовчкы, а писля выходять зъ-за столу, хрыстятся и дякують хазяйци*).

Трохымъ и Скубелка. Спасыби за хлибъ-силь Богу и хазяинови.

Олена. Пробачте, будьте ласкови, на цёму. Мало закусювалы...

(*Прыбирае посудъ*).

Скубелка. Довольни, какъ говорытся, упольнѣ.

Трохымъ. Сидай, Ивановычъ, побалакаемо.

Олена. Прысядьте, щобъ у насъ старосты сидалы: въ васъ дочка дивка.

(*Трохымъ и Скубелка сидають за стилъ*).

Трохымъ. Ну! Отъ теперъ ще разъ, будь ласковъ, розскажы, яку мени ще бомагу треба и якымъ побытомъ мени оце ще прыходытся платыты гроши, колы я вже вси іи оддавъ? Я щось цёго не розберу.

Скубелка. Усё по закону, на законномъ, какъ говорытся, основаніи. Вотъ енто булы торгы на землю, котра продавалася по зыску тобою--хрестьяныномъ Трохвымомъ Середою зо вдовы губерського секретаря Ялызаветы Максымовны Хрупачовои по вехселю трохсотъ рублей. Вотъ на ентыхъ саме торгахъ, какъ говорытся, земля зосталася за тобою у цини трыста восимъ рублей. Вотъ ты теперъ ето и оддавъ судебному прыставу трыдцять рублей восемдесятъ копеёкъ, какъ говорытся, десять процентовъ...

Трохымъ. Та це то я розибравъ, та отъ чого не вто635ропаю, яки жъ це ще гроши мени звеляно прыставлять до тіеи субботы.

Скубелка. А енто усё, какъ говорытся, на законномъ основаніи, потому, што у зыску объявылася не одна твоя, какъ говорытся, претензыя, а ще зыскъ зъ неи жъ такы, Хрупачыхы, купця Шаповалова сто пятьдесятъ чотыри рубли по лавочнёму забору. Вотъ и требують, штобъ ты прыставывъ уси трыста восимъ рублей для, какъ говорытся, распридиленія промежъ вамы—тобою и Шаповаломъ, по сколько на рубъ, какъ говорытся, прыйдется...

Трохымъ. Ого-то й те. Тоди, бачъ, говорылося, що мени прыйдется на торгахъ тилькы по грывенныку зъ рубля выдаты судебному—за яку тамъ цину купытся, а теперъ вси гроши—

триста висимъ рубливъ, будуть ще дилыты, розпрыдилення робыть. Цього то саме я и не розберу...

Скубелка. Енто усё по закону. Безъ закона, какъ говорытся, не станетъ и судебный дилать. Объявылася значыть, какъ говорытся, другая претензыя, отъ и треба уси гроши прыставлять, штобъ розпрыдилыть, по скольки кожному зъ васъ прыйдется зъ налычныхъ, какъ говорытся, деньогъ.

Трохымъ. Такъ це выходыть, що зъ тихъ грошей, що я прыставлю, частына прыпадае и Шаповалови... такъ я зрозумивъ?

Скубелка. Ну, вотъ именно, какъ говорытся, такъ.

Трохымъ. Говорытся то говорытся, а тоди зовсимъ не такъ говорылося. Выходить, що ци трыста рубливъ трохы що не-переполовынять...

Скубелка. Ну, вже и переполовынять...

Трохымъ. Та такъ и переполовынять. Я пощытаты потраплю: оце заразъ по чотыри копійкы зъ рубля—выйде 12 рубливъ 32 копійкы, та недойимкы, казавъ судебный, 32 рубли 40 копійокъ, та ще судебному за продажъ, та Шаповалови. Скилькы жъ тамъ зостанется? А я жъ ій, Хрупачыси, уси дви тысячи оддавъ. Яки жъ це ще надбавкы?

Скубелка. Енто, Емельяновычъ, ще славу Богу: землю ты купывъ на торгахъ за трыста висимъ, а якъ бы хто захотивъ торговатыся, тоди бъ тоби прышлось, какъ говорытся, и до повныхъ двохъ тысячъ йты, гнатыся у цини... Енто што ещо...

Трохымъ (*задумуется*). Гмъ! Воно и справди такъ. Це вже таке...

(*Увиходыть Ивась и подае матери горщечкы та якыйсь жмутъ*).

Ивась. Дидусь пыталы про тата, чы прыйихалы... Казалы сами надойдуть.

Олена. А Галька де?

Ивась. Пишла зъ дивчатамы по левадахъ... Спиваютъ... (*Хоче йты*).

Трохымъ. Постій, отъ познимаю хамуты, такъ поведешъ коней туды до Олексія.

Ивась. Такъ я заразъ кныжочку заховаю; вчытелька наказувала берегты іи, не закаляты *(выходыть)*.

(Скубелка и Трохымъ встають зъ-за столу).

Скубелка. Пойду жъ и я. Минѣ ще нужно у волость зайты... Чы застану кого тамъ? *(Бере свою кныжку)*. Бувайте здорови!

(Выходыть Скубелка, а за нымъ Трохымъ).

Олена *(сама)*. Охъ-хо-хо! Вызволь тилькы Господы, Царыце Небесна, у цихъ дилахъ.

(Вбигае Ивась и подае матери кныжку).

Ивась. Нате, ховайте... Та тилькы Гальци не давайте, а то вона закаляе якъ-небудь.

(Олена бере кныжку и ховае іи у стилъ).

Ивась *(пестячысь)*. Мамо... йисты...

Олена. Оце лыхо: давно обидалы, тай зновъ йисты... Це на васъ не напасешся...

(Иде въ кухню, видтыль выносить два бублыкы).

Олена. На, отъ татко прывизъ зъ города...

(Ивась бере бублыкы и йде зъ хаты. Олена прыбирае по хати: бере Трохымову черкеску, струшуе іи и вишае на стину. Писля бере картузъ, оглядае ёго и тежъ вишае на килокъ).

—

Картына III.

(Входыть Трохымъ и сидае на лавци, задумавшысь).

Олена. Може бъ лягли спочыты трохы? Я викна позатуляю...

Трохымъ. Ни. Усе йидно не засну... Тай дидусь скоро надійде...

Олена *(сидае по другу сторону стола)*. Дуже вже вы себе турбуете, у заботу вганяете. Якъ подывлюся, — все дила, та дила...

Трохымъ. Такъ вже прыходытся. Нихто за насъ не робытыме... Тай кому жъ и робыть? Грыцько ще молодый, мои хлопци и вовси мали...

Олена. Та це що и казать. Абы тилькы, Господы, усе гараздъ йшло...

Трохымъ. Це вже таке: усе у Божій воли... (*Достае зъ кышени завернути у хустыну грошы*). На, оце заховай у скрыню. Це грошы.

(*Олена иде у другу хату и скоро вертается*).

Олена. Такъ теперъ вже земля зовсимъ наша?

Трохымъ. Аже чула...

Олена. Чуть то чула, та тилькы не все второпала. Не розберу, яки це торгы, колы мы вже зовсимъ зторгувалыся за неи...

Трохымъ. Та то зторгувалыся зъ Хрупачыхою и грошы ій оддалы вси, а бомагу зробыть вона не може, бо въ неи самои ніякыхъ бомагъ нема, такъ отъ и треба було, щобъ землю поцинувалы, наче бъ то я зъ неи свои грошы зыскую... Отъ поцинувалы, та й у продажъ. Ото жъ саме и торгы. На торгахъ я й купывъ, и теперъ вже выдадуть мени уси, яки треба, бомагы, щобъ вона, тая земля, вже вичня наша була. Розибрала?

Олена. Та такъ трохы, тилькы не зовсимъ... Ну, та це ваше дило: вы сами добре та гараздъ знаете, що робыте...

(*Вбигае въ хату Ивась*).

Ивась. Дидусь идуть. Мамо, дайте ще бублычка и мени и усимъ... (*Проходыть въ кухню*).

(*Входыть въ горныцю дидъ*).

Дидъ. Здрастуйте. Днювалы соби у добримъ здоровьи. Зъ недилею, зъ заговинамы будьте здорови. Зъ прыйздомъ...

Трохымъ (*а писля, выйшовшы зъ кухни, и Олена*). Якъ вы соби? Спасыби и вы будьте здорови...

(*Дидъ сидае на лавици. Шапкы въ ёго нема*).

Дидъ. Прыплентавсь... Тутъ треба и останни улики забрать... Роится, слава Тоби Господы... Сьогодня прыйшлося два третякы накынуть... Якъ то Господь дасть на роботу, а ройба слава Тоби Господы! Чы не можна тоби, Олено, пидпомогты такъ якъ зъ обидивъ: самъ ніякъ не вправлюся. Оце й сьогодня

ажъ у вершыну балкы програвъ. Одного не вспивъ прыбрать, ажъ винъ тутъ и загравъ, другый пійшовъ...

Олена. Такъ що жъ... Зъ обидивъ можна буде на яке время...

Дидъ. (*Обертаючысь до Трохыма*). Ну, твои дила якъ? Зправывся зовсимъ?

Трохымъ. Слава Богу! Торгы пройшлы благополушно Теперъ вже земля и по законамъ буде наша.

Дидъ. Ну, якъ слава Богу, такъ и слава Богу...

Трохымъ. Слава Богу, та тильки одна прытычына выйшла.

Дидъ. Яка прытычына?

Трохымъ. Та такъ, що треба ще грошей... Думалося, бачъ, що трохсотъ стане на все, ажъ выходыть, що треба ще пивтораста, а то й вси двисти...

(*Дидъ насупывся. Помовчавшы трохы*).

Дидъ. Ну, а бомагы жъ выдалы?

Трохымъ. Бомагы выдадуть ажъ у пъятныцю, та тилкы треба до пъятныци прыставыты двисти симдесятъ висимъ рублывъ и ще тамъ скилькы копіёкъ, а въ мене зъ тыхъ грошей, що вы далы, зосталося сто шистьдесятъ... А не прыставлять нияхъ неможна. Мисяцивъ черезъ два мени вернуть зъ цихъ прыставленыхъ грошей бильше половыны, а тилькы теперъ небезпреминно треба прыставлять... Самъ членъ казавъ...

Дидъ. (*Посуплячысь ще бильше*). Гмъ! А може це тилькы той крутыгузъ, якъ пакъ ёго дражнять—Скубка? Чы якъ тамъ?

Трохымъ. Скубелка бъ то? Ни, це не винъ, а це прямо судебный и членъ прыказувалы... Бачте, якъ воно склалося...

Дидъ. Та що ты мени розсказуватымешъ... я усе ййдно ничого не розберу... Ты жъ самъ не малый—знаешъ, що робышъ...

(*Увиходять въ хату Грыцько и Горпына и здороваются зъ дидомъ и зъ Трохымомъ. Ти имъ тежъ одповидають кывкамы головы*).

Олена. Що жъ це такъ недовго?

Горпына. Та такъ. Тамъ у ныхъ зайшло дило про леваду, такъ пійшлы дилыты.

Дидъ. Це выходыть, що воны уладналыся зо своимы про леваду...

Горпына. Уладналыся. На завтра збираются косыть...

Дидъ. Ну, и слава Богу! Оце и воны зъ травою будуть це лито.

Горпына проходыть въ кухню и видтиль трохы згодомъ выходыть переодягнута у простійшу одежу, тилькы платкомъ безъ очипка покрытою головою. Грыцько тежъ розперизуется и сидае опосторонь на лавици).

Дидъ (*до Трохыма*). Ну, такъ кажешъ, що небезпреминне треба прыставлять грошы?

Трохымъ. А же сами бачыте, що небезпреминне... Дороґенько обійдется намъ цяя земля: почытай такъ, що вси пять сотенныхъ на дви тысячи стане...

Дидъ. Земли дорогои за для насъ, хлиборобивъ, нема: яка бъ цина не була за землю—все не дорого. Якъ рыби безъ воды, такъ селянынови безъ земли. Выкынь рыбыну зъ воды—вразъ обмертвіе. Такъ и намъ мужыкамъ: есть въ тебе земелька, есть до чого рукъ прыложыты, попрацюваты на чимъ—и житымешъ; нема въ тебе земли, нема хозяйства,—нема и жыття. Хоть вмирай, або иды у наймы... Воно однаково... (*Помовчавшы трохы*). Колы жъ саме треба йихаты у городъ, грошы прыставляты?

Трохымъ. Та мабуть, въ середу на ничъ и выйиздыть...

Дидъ. Надійдешъ до мене, тамъ обраемося. (*Помовчавшы*). Ну, а теперъ пійду поодбираю вулыкы, а вы вже якъ-небудь завтра вранци перевезить ихъ до мене на пасику. Одберу тай пійду, а то тамъ и нема никого. Йдучы сюды, Олексіеви звеливъ пидогнатыся зо скотыною поблызче и назыраты...

Олена. Та вы бъ, дидусю, зосталыся заговлять въ насъ...

Дидусь. Ни, заговляйте у добримъ здоровьи сами, а я пійду соби...

(*Иде зъ хаты, а за нымъ и Трохымъ*).

Олена (*до Горпыны*). Талькы не бачыла?

Горпына. Ни, йшлы по вулыци... Чуть—спивають геть тамъ у вербахъ.

Олена. Пора бъ вже и наспиваться... Отъ вже скоро до череды йты.

Горпына. Нехай спивае, покы спивается... На те жъ вона и дивка... Проты череды и я пійду, якъ що другого дила не загадаете.

Олена. Ну, такъ, спасыби тоби, пійды, а я пійду зилля нарву та кабанцеви наготовлю...

(*Выходыть зъ хаты*).

Горпына (*хоче и соби йты. Іи перепыняе Грыцько*). Ну, ну, геть... А то отъ гляды вернется... (*Одводыть его рукы*).

Грыцько. Хто тамъ вернется. (*Хоче обнять Горпыну*).

Горпына (*прыкыдлыво*). Геть, кажу... Чого прыстаешъ? Бачъ его! Наче маленькый, балуется... Кажу, одстань (*вырывается зъ рукъ и выбигае въ двери*). Грыцько зостается самъ у хати. Скризь одперти двери; чуты далеко, а писля все блыжче и блыжче спивы.

„Ой узялы парня у салдаты
Та никому парня выручаты.
Десь узялася дивка Марья,—
Выручыла того парня;
Та не-якъ вона выручала—
Ажъ у городъ провожала
До прыёму поспишала,
До нигъ панамъ прыпадала:
„Паны жъ, паны одноралы!
Зачимъ парня въ службу взялы?
Ой ще жъ парень не жонатый
Не годытся у салдаты.

Грыцько (*зитхнувшы*). Охъ. Не жонатому ще такъ-сякъ... А якъ то мени?!

—

Картына IV.

Через чотыри рокы. За столомъ сыдять Трохымъ и Ивась. Трохымъ проказуе, Ивась пыше.

Трохымъ. За тяпковку... Пять днивъ по пьятнадцять копiёкъ двадцяты душамъ... Напысавъ?

Ивась (*допысавшы*). Напысавъ.

Трохымъ. Скилькы выходыть?

(*Ивась счытае на особлывiй бомажци*).

Ивась. Восемъ рублей шестьдесятъ пять...

Трохымъ (*подумавшы*). Ни. Щось не такъ. Пять пятыалтынныхъ,—це тры четвертакы; десять разъ по тры четвертакы,—це трыдцять четвертакивъ, це симъ зъ половыною, та ще разъ симъ зъ половыною, выходыть пятнадцать рубливъ.

Ивась. Такъ, такъ. Це я отъ тутъ помылывся.

Трохымъ. А ты не помыляйся. Запышы у щотъ. Запысавъ? Ну, теперъ ще шисть днивъ по двугрывенному чотырнадцять душъ... Щытай.

Ивась (*выличуе на особлывiй бомажци*). Шестнадцять рублей восемдесятъ копiйокъ.

Трохымъ. Такъ. Запышы. Теперъ подщытай все, скилькы выйде?

(*Ивась выличуе. Выдно, помыляется, щось затырае, знову пыше. Наморщуе лоба, чешется у потылыци*).

Ивась. Выходыть, всёго висимдесятъ шисть рубливъ двадцять тры копiйкы...

Трохымъ. Щось мало. Повынно буты бильше: за саму молодьбу оддано трыдцять висимъ рубливъ, а ще жъ и провiйка, возовыця... Ни, це щось не такъ. А ну, прочытай, якъ ты напысавъ.

Ивась (*чытае*). Щотъ по посиву подсолнуха...

Трохымъ. Не подсолнуха, а сояшныкивъ... Ну, та це таке... Чытай дали...

Ивась. ...подсолнуха у кумпаніи зъ Иваномъ Петровычемъ Корыстою, семена и за пидсадку два разы...

Трохымъ. Стой. Треба було почынать зъ земли. Якъ землю цинытн, що вона стоить, а ты напысавъ семена и пидсадку...

Ивась. Я такъ напысавъ, якъ вы казалы.

Трохымъ. Якъ я казавъ? Ты бъ попорядку все, по ряду...

Ивась. Та я по ряду, якъ вы казалы й пысавъ...

(*Увходять у горныцю Олена, а за нею Горпына одягнена такъ, якъ зодягаются мамкы у паниєъ: на голови шовковый платочокъ, сарахванъ, обложенный позументомъ, билый хвартухъ зъ довгымы киницямы зъ-заду. На шыи бусы и стеклярусове намысто, рукава сорочкы пышни, мережани*).

Горпына. Здрастуйтё! Зъ воскреснымъ днёмъ васъ. Вотъ и я прыйшла. Зачимъ такымъ звалы?

Трохымъ. Здорова будь. Пысьмо прыславъ Грыцько, такъ я й переказувавъ, щобъ надійшла...

Горпына. За его спасиба, што переказалы. Вотъ я и одпросылася. Только не надовго. Минѣ никакъ не можно довго здѣся пробувать. Барыня строго-на-строго прыказувала:—„Ты жъ смотры, Аграфенушка, не барысь, а то сама знаешъ—минѣ въ гости надобно ѣхать.

Трохымъ. Та це таке; сказано, нанявсь—продавсь... (*до Ивася*) Зложы ци бомагы, та прочытаешъ пысьмо...

(*Входыть Галька. Вона вже замужемъ и одягнена по жиноцькы: у очипку*).

Галька. Здрастуйте. Зъ нидилею будьте здорови (*повертаючысь до Горпыны*). Дядына!.. Здрастуй (*цилуется зъ нею*).

Горпына. Здрастуй, Галько. Та какая жъ ты хорошая... Дай я налюбуюся.

Трохымъ (*достае зъ-за образивъ лыста*). На, ось прочытай. (*Подае Ивасеви*).

Галька. Це жъ саме пысьмо одъ дядька Грыцька?

(*Уси сидають, де хто попавъ, и слухають. Ивась чытае*):

„Пущено это письмо отъ рядоваго 3-й роты Лейбъ-егерскаго полка Григорія Емельяновича Середина 16 августа 18.., года. Любезному братцу моему Трофиму Емельяновичу посылаю заочно мое почтеніе и съ любовію низкій поклонъ и желаю вамъ, братецъ Трофимъ Емельяновичъ, отъ Бога всякаго здравія и въ дѣлахъ вашихъ успѣха. И супругѣ вашей, моей невѣстушкѣ Еленѣ Петровнѣ, нижайшее почтеніе и съ любовію низкій поклонъ. И племянникамъ моимъ любезнымъ, Алексѣю Трофимовичу, посылаю поклонъ и всѣмъ дѣткамъ вашимъ по поклону, и сестрицѣ моей Маріи Емельяновнѣ и съ супругомъ вашимъ успѣха и благополучія. И тетушкѣ Степанидѣ Андреевнѣ съ супругомъ вашимъ и съ дѣтками почтеніе и низкій поклонъ. И любезной племянницѣ моей, Аннѣ Трофимовнѣ съ супругомъ вашимъ, что не знаю, какъ звать его, заочно кланяюсь и посылаю мое почтеніе и желаю вамъ всего, чего вы себѣ у Бога просите. И еще кланяюся супругѣ моей Аграфенѣ Прокофьевнѣ и заочно цѣлую несчетно разъ. И что про дѣдушку прописано, что онъ умерши, то царство ему небесное, вѣчный покой. И прошу я васъ, мои родные, какъ я на чужой сторонѣ на царской службѣ, меня пожалѣть по мѣрѣ силъ вашихъ и не оставить меня своимъ впечатлѣніемъ. И если будете писать, то пишите адресъ въ городъ Санктъ-Петербургъ въ 3-ю роту Лейбъ Егорскаго полка. Извѣстный вамъ рядовой 3-й роты Григорій Середина. И ещо прописую своею рукою супругѣ моей Аграфенѣ Прокофьевнѣ, наказываю жить у насъ у семействѣ и въ согласіи съ моими родными и во всемъ слушаться любезнаго моего старшаго братца, што онъ мнѣ все равно, какъ отецъ, Трофима Емельяновича, и что ежели Богъ дастъ, то къ осени можетъ отпустятъ домой".

(*Ивасъ чытае лыста зупыняючысь и де-колы довго розбирае. Грохымъ насупывся. Горпына и Галька плачуть, Олена сыдыть, пидпершы рукою щоку. По прочоти вси мовчать. Де-хто зитхае*).

Трохымъ. Такъ чула есы, невистко? Пыше, щобъ ты дома жыла.

Горпына (*чмыхаючы носомъ и обтераючысь хустыною*). Та тогда жъ и буду жыть, какъ прыйдётъ дамой, а теперъ какъ же я отойду, когда минѣ срокъ не выйшовъ.

Трохымъ. Сама дывысь, тоби краще выдно... (*Помовчавшы трохы*) Будемо одписувать—такъ такъ и одпышы, щобъ и винъ знавъ...

Горпына. Я сама и одпышу. Минѣ тамъ на станціи и напышуть пысьмо.

Трохымъ. Якъ знаешъ,—дило твое.

(*Входыть Скубелка*).

Скубелка. Здраствуйте. Какъ соби поживаете? А и ты, Прокофьевна, тутъ?

Горпына. Да вотъ прыйшла у гости провѣдать своихъ. Пысьмо одъ мужа прыйшло.

Скубелка. Одъ солдата? Што жъ онъ пышеть? Жывъ-здоровъ? Домой должно збирается?..

Трохымъ. Звычайно, поклоны всимъ пыше... Сидай въ насъ, Ивановычъ, гостемъ будешъ. Я такы, прызнаться, самъ хотивъ до тебе дойты.

(*Вси жинкы и Ивась одно по одному выходятъ зъ хаты*).

Скубелка. Што, зъ Корыстою не зладнаетеся?

Трохымъ. Та то-то жъ те, що не зладнаемося: недотовчка выходыть.

Скубелка. Усё на счотъ сояшныковъ?.. Енто ужъ такое дѣло, какъ говорытся...

Трохымъ. Та бачь що: винъ ото продавъ на станціи сояшныкы, тай не хоче теперъ зо мною посчытаться. Все одвылюе: то, каже, николы, то забувъ щоты узять съ собою...

Скубелка. Ну, енто ево дѣло, какъ говорытся, не прыйдётся. Вонъ долженъ пощытаться, а то можно и до земскаго, а то й на Окружный, какъ говорытся.

Трохымъ. Оце пійду до нёго останній разъ, попробую добрымъ ладомъ, а не зхоче, такъ вже не що, якъ прыйдется судыться.

Скубелка. Енто такое дьело, какъ говорытся. Ничого на ёго й смотрить. Енто я усё можу объорудовать, какъ говорытся.

Трохымъ. Та вже воно на те йде.

Скубелка. Розскажы, какъ говорытся, минѣ усё по порядку.

Трохымъ. Тутъ не багато розсказувать. Ты жъ и самъ гараздъ знаешъ. Ото мы посіялы зъ нымъ у кумпаніи сояшныкы: моя земля и доглядъ, а ёго гроши. А барышъ пополамъ. Земелька въ мене була зъорана ще въ осены симнадцять десятынъ... Сояшныкы сёго лита, Господеви благодареніе, самъ знаешъ, яки вродылысь. Господь давъ, за годыны бралы мы ихъ. А тутъ самъ знаешъ, и цина пидскочыла... Ще на корню закупавъ Петровъ по рублю двадцять... На вакзали далы по рублю съ четвертакомъ, винъ и продавъ. Нагрузывъ два вагоны, забравъ гроши, тай крутыть оце теперъ. А ёго грошей тамъ не багато: грошыма выдавъ винъ мени тилькы сто шистьдесятъ тры рубли, та ще ото семена ёго. А моя жъ земля, оранка... Тай такъ циле литечко побиля ныхъ все хлопотавъ... Ёго ще пакъ за доставку, винъ платывъ, сорокъ пять, чы що, рублывъ выйшло... А грошей винъ получывъ безъ пятыдесяты дви тысячи...

Скубелка. Да енто, какъ говорытся, сума...

Трохымъ. Ото-то й те-жъ, що сума. А винъ грошыкы забравъ, тай выляе теперъ.

(*Мовчать де-якый часъ обыдва*).

Трохымъ. Що жъ тамъ у волости? Якъ надумалыся: оддадуть пошту знову Бережному? Чы може й кому иншому можна бъ попробоваты?

Скубелка. Енто усё, какъ говорытся, въ рукахъ Парфентёвыча... Обчество не жалае ёго. Тай становый казавъ, що земского пидобье. Усё за несправность. Тогда, знаешъ: тутъ горыть, тутъ начальство саме, а вонъ какъ разъ справывся: ни воды, ни лошадей, какъ говорытся, чортъ маеть. Воно полагается, какъ говорытся, восимъ лошадей, а въ ёго усёго пять. Зборщыкы на тройци въѣхалы въ городъ, а въ ёго зосталося тилькы

пара. Старшына тогда какъ сканпузывся, какъ говорытся, передъ начальствомъ у ентотъ разъ...

Трохымъ. То вже таке дило: колы пидрядывся, такъ постачай... (*помовчавшы трохы*). А що якъ бы соби попробувать узяты пошту?..

Скубелка. Енто такое дѣло... Та только де жъ въ тебе ента справа—лошады, збруя?

Трохымъ. Та це таке дило: абы оддалы, а то вразъ справыться можна. Тилькы до ярмарку: воливъ продамъ, а накуплю коней й усе що треба.

Скубелка. Якъ ето воливъ продасы? А землю орать чымъ же будешъ?

Трохымъ. Чымъ орать? Киньмы прыспособымося орать... Волы намъ теперъ, почытай, мало пидхожи: то було хоть и не чумакуешъ, и все такы хвура разъ-у-разъ, а це якъ провелы чавунку—шабашъ. Литомъ оремо, а всю зиму тилькы пашу травымо, тай годи, а зыску нема тоби ніякого. Теперъ нашому брату, воловыку риченець прыйшовъ: не що якъ збувать воливъ, та заводыть коней. А-же ото нимци орутъ плужкамы киньмы... Та ще й якъ...

Скубелка. Енто вѣрно.

Трохымъ. Ото-то те, що вирно. Теперъ, якъ оце обчество дае на коня по висимдесятъ пять рубливъ Бережному та щей на пужарне по мирци збирае, такъ я бъ ладенъ узять по висимдесятъ. Право!

Скубелка. Такъ што жъ. До Парфентьевича якъ да небудь подойды, какъ говорытся.

Трохымъ. Я отъ що думаю: отъ пійдемо у волость, а тамъ, якъ що таке дило, можна буде де-кого й до Кучеркы позвать; тамъ чаю и, мовлявъ той, и до чаю де-чого... а ты натякны Парфентьёвычу, що я не постою за чимъ тамъ, якъ що дило чого сахнется...

Скубелка. Одно слово, какъ говорытся, за благодарностію... Енто ужъ, какъ поводытся...

Трохымъ. Ну, такъ давай йты (*выходять*).

—

Картына V.

Ввиходятъ Олена, Галька, Горпына

Олена. Сидайте жъ, а я чого-небудь зберу вамъ пополуднувать. Не люблю я цёго Скубелкы... (*проходыть у кухню*).

(*Зостается Горпына зъ Галькою, балакають въ-пивголоса*).

Горпына. Такъ такъ-то мени, моя хороша племинныця, прыходытся: какъ его кажуть, и сюды гаряче и туды боляче. И свого боишся, и вонъ прыстаёть. Вотъ его щыблеты выдышъ? заплачени зъ жалованння, а вонъ говорыть—„я тоби гроши верну"...

Галька. Це бида!

Горпына. А то жъ и не бида... Сказано, салдатка... Ужо я попробовала и такъ, и инакше... ничого не помогаеть. Прыстаёть тай годи. Ты, говорыть, Груша, минѣ дуже понравылася...

Галька. Яка груша?

Горпына. Та его вонъ минѣ такъ называеть... Его по господскы усё равно, що по нашому Горпына... Понравылыся... Вотъ и пойды ты зъ нымъ...

(*Уходыть Олена, росправляе скатерть и становыть щось йистовне на стилъ и зновъ выходыть*)

Горпына. Когда, говорыть, твой салдатъ зо службы прыйдёть, я, говорыть, и тоди не розстануся изъ тобою: я, говорыть, ёму мѣсто дамъ пры станціи...

(*Пры цихъ словахъ ввиходыть Олена*).

Олена. Кому це мисто?

Горпына. Да его усё баринъ обѣщаеть мѣсто Грыгорыю, якъ що повернытся домой...

Олена. Яке це ще „мьѣсто"! а дома жъ хто робытыме? У ёго й свого дила стане робыть, абы здоровья!.. „Мьѣсто"... тутъ хоть бы зо своимъ хазяйствомъ справыться...

Горпына. Та енто вирно, абы тилькы була охота робыть, а дила багато. Какъ вотъ толькы вонъ пожалаеть... Буваеть, одъ мужыцького дила одвыкъ...

Олена. Одвыкъ... Прывыкне. Теперъ вси служать, а вернутся—зновъ за свое.

Галька. Якъ якый. Отъ, памьятаете, може, Назаренка Панька? Оце прошлу осинь прыходывъ... Такъ куды... Я, каже, зостануся на повторытельну службу, у слободи не стану жыть. Мени, каже, куды завгодно можна повернутыся... Тамъ такый... Зумысне бигалы на його подывыться. Якъ ото печеный ракъ, червоный, чоботы вылискуются, шабля пры боци... Куды!!.. Стане винъ теперъ у мужыцьке дило... Мени, каже, теперъ подавай чаю, капыроськы курыть... За мене, каже, теперъ купцивну оддадуть...

Олена. Хоть купцивну, а той й куцивну... У Назаренкивъ чы йе ще до чого прыставаты, побиля чого робыты, а въ насъ, слава Тоби Господы, абы було кому...

Горпына. Та енто, какъ ищо пожалается якому...

Олена. Такъ и „пожалается". Воны, ци салдаты, куды яки шыроки, якъ ото котрый зо службы повернется, а пожыве дома, такый же стане, якый и бувъ до службы.

Горпына. Енто вѣрно... Толькы какъ какой... Иншой попрывыкнеть тамъ до другой жысти и не пойдёть у мужыцтво... Патаму, што вонъ и одъ стравы простои одвыкъ и усё такое.., станеть совсѣмъ иншой поведенціи. Отъ хоть бы сказать мое дило: утромъ тоби чай, обидъ сытой, бѣлой хлѣбъ. Што и гаварыть... дома ентаго нѣту...

Олена (*насмишлыво и трохы зъ серцемъ*). „Ентаго", правда въ насъ нема, а вы кушайте, що Богъ давъ... Мало чого! Правду кажучы, якъ бы вамъ, салдаткамъ, „ентаго" не забажувалося, такъ и салдаты бъ швыдче прывыкалы до хазяйства. Якъ бы тебе не скортило найматься у наймы, то може бъ и дытынча було жыве... Шо зъ тыхъ шостыдесяты рублывъ, що тоби платять, чы платылы тоди? Воны цимы грошыма прывабылы тебе

такъ ты й прыросла до ныхъ, що вже й не мамка, а жывешъ, и штокаешъ, и „ентаго"... зовсимъ перевернулася.

Горпына (*насуплюется и перестае йисты*). Што жъ вы, сестрыця, мене поприкаете? Вы цёго не пробовалы, не зоставалыся салдаткою и не можете правыльно судыть. Хоть вотъ про себе скажу: зосталася я сама, ни одъ кого ни тоби прывиту, ни одвиту и, разъ никому пожалить, а замышлять тобою усякъ ставъ. Што жъ мени и зоставаться подъ началомъ на всякъ часъ? (*плаче*).

Галька. Буде вамъ! Зачимъ, мамо, вы іи поприкаете? Такъ уже, выдно, ій судылося, доля іи така. Не плачъ, дядыно, не плачъ, Горпыно! буде, риднесенька...

Олена. Та Господь зъ тобою. Хиба жъ я зъ докоромъ? Буде сестро! (*доторкается рукою до іи плеча*).

Горпына (*пиднимается одъ столу, до котрого було прыпала плачучы; чмыхае носомъ и обтырае слёзы*). Вотъ такъ увсигда. Чымъ же я вынувата, що мени така доля судылася.... Якъ бы ёго не взялы у салдаты, може-бъ и я не була така....

Олена. Ну, буде! Що тамъ говорыть... Богъ дасть, одслужытся, повернется, и все по старому... Отъ, закусюйте. А то постойте, я вамъ пиднесу по одній,—тутъ въ мене ще зосталося....

(*Иде до мысныка, достае пляшку и чарку, нальвае и подае Горпыни, а та одводыть руку и каже*)

Горпына. У вашыхъ, сестрыце, рукахъ и у вашимъ здоровьи...

Олена. Ну, такъ будьте здорови! Нехай легенько згадается нашому салдатови, де винъ тамъ повертается... Зъ недилею будьте здорови.

(*Надпывае трохы и, долывшы, пидносыть Горпыни*).

Горпына (*бере чарку*). Будьте здорови. Нехай згадается всимъ, хто не дома. Будьте здорови!

(*Выпывае повну и выплискуе останокъ вверхъ. Олена бере одъ неи чарку, нальвае и пидносыть Гальци. Та одмагается и тилькы

прыпрохана надпывае трошкы и оддае чарку, поморщылась и мотае головою).

Галька. Богъ зъ нею, яка гирка... Якъ іи тилькы пьють?

Олена. Закусюйте жъ (*сидае край стола. Горпына и Галька полуднають. Трохы згодомъ Олена бере знову пляшку и знову пидносыть молодыцямъ, пры чому Галька вовси не схотила пыть, а Горпына выпыла знову повну чарку*)

Горпына (*захмелила*). Вотъ теперъ барыня замѣтыть, буде мени сичасъ выговоръ...

Олена. А що жъ тамъ вона, тая барыня, запрымитыть? Покы дойдешъ, воно и все выйдеть зъ головы. А то скажешъ, що въ своихъ була... Почастувалы,—що-жъ таке?

(*Молодыци встають зъ-за столу, хрестятся и дякують и знову сидають край стола. Олена прыбирае зо столу. Горпына обпирается ликтемъ на стилъ, кладе на долоню щоку и почынае спиваты*)

„Горе мени, горе! Несчаслыва доле:
„Утопыла головоньку въ безоднее море...

(*Галька пидтягуе, а дали спивають у-двохъ*).

„Ой вже жъ моіій головоньци не выпурынаты...
„Выдно, мене породыла безъ талану маты...

(*Горпына важко зитхае*).

„Безъ талану мене породыла маты,
„Та й завдала въ чужи края—мушу погыбаты...
„Шырокый шляхъ—дориженька геть-геть простяглася,
„Та вже жъ мене дружынонька та й одцуралася...

(*Горпына прыпадае до столу и плаче... Олена и Галька іи вмовляють*).

Олена. Отъ сама себе розстроюешъ. Буде, Господь зъ тобою!...

Галька. Буде, дядыно. Буде, риднесенька!...

(*Обнимае іи, прыпадае до неи. Горпына мало-по-малу заспокоюется, обтырае хустыною очи, перестае плакаты*).

Горпына. Такъ важко на души! Иноди якъ надумаюся, такъ и сама не знаю, щобъ соби заподіяла: и безъ ёго горе, а прыйде винъ,—ще страшнійше...

Олена. Ну, Господь зъ тобою. Чого жъ тоби ще страшнійше стане, якъ винъ вернется? Дай тилькы Господы, щобъ жывый-здоровый одслужывся.

Горпына. Винъ то здоровъ буде, та якъ то други?

Олена. Це ты щось таке кажешъ, що я не розберу гараздъ...

Горпына. Розберете, колы прыйдется... Охъ „утопыла головоньку у безоднее море...“ (*зновъ прыпада до столу и плаче*).

Олена и Галька (*разомъ*). Буде, буде! Шо це ты, Богъ зъ тобою, сама себе розстроюешъ...

Горпына (*зразу зрывается одъ столу, встае, обтырае очи*). Нѣтъ, пойду: минѣ тамъ дожыдають... Барыня прыказувала, штобъ я не барылася: имъ сёгодня въ гости йихать. Пойду. Будьте здорови!..

Олена и Галька. Ну, прощай. Заходь же до насъ. Не цурайсь (*проводять іи и скоро вертаются въ хату*).

Олена. Охъ, це щось чудне...

Галька. А може ото выпыла, згадала и заплакала... Кому не доведысь...

Олена. Та воно звисно. Та тилькы щось не на те вона натякае... Воны, ціи салдаткы... Колы-бъ, бувае, грихъ якый не зкоився... Я чула, якъ вона про те, що хтось тамъ прыстае до неи, розсказувала, про штыблеты... Охъ-хо-хо!..

Галька (*зхыляе голову и наче одбываючысь одъ мовы про це*). Це жъ и мени вже пора йты. Пійду прямо проты череды...

Олена. Правда...

Галька. Прыйдется забигты, переодягтысь (*встае*). Прощайте. Якъ зберетеся одпысуваты дядькови, такъ звистить мени...

Олена. Ну, ну. Тоди перекажемо. (*Бере зъ полыци паляныцю и подае*). Визьмы, а то скажуть: въ матери була и го-

стыньця не далы; та ще отъ не забудь оце, що на рукава я тоби одложыла.

(*Галька завиртуе усе вмисти и иде зъ хаты. Олена проводыть іи*).

—

Картына VI.

Черезъ пивъ-року. Та жъ сама хата. За столомъ сыдять Трохымъ и Скубелка.

Скубелка. Тилькы такымъ побытомъ и можна усё встроить, штобъ не дилыть землю.

Трохымъ. Це бъ то такъ, щобъ усе було на жинку переведено?

Скубелка. Да. Такъ выйдёть, што будьто вона усё купыла на торгахъ, какъ вотъ тоди ты купывъ.

Трохымъ. Ну, а скилькы жъ це стане?

Скубелка. Та енто, какъ говорытся, пустякы: вотъ енто сичасъ вехсельная бомага (*роздывляется у кныжци*) на пятьсотъ рублывъ стане симдесятъ копіекъ, посли енто пошлыны пять рублей двадцять копіёкъ, исполнытельный лыстъ трыдцять копіёкъ, ну мени за хлопоты, якъ говорытся, четвертной, ну пущай, полусотку...

Трохымъ. А то хоть и меньше.

Скубелка. Та енто такъ, какъ говорытся, за для щоту. Ну, прогоны судебному прыставу, за опысь, публикацію, торгы, ну тамъ инша втрата, какъ говорытся, ну, пущай, у весь сотенный билетъ стане...

Трохымъ. Сотенный? Це багато.

Скубелка. За то ужъ будешь, какъ говорытся, спокійнымъ. Нихто не можеть касаться, какъ говорытся, до земли, нихто не одниметь,—только й того, што вона то була твоя, а то стане крестьянкы Елены Петровны Середыной, а на самому дили вона все жъ въ тебе у твоимъ распоряженіи, какъ говорытся...

Трохымъ. Та це звисно: усе йидно... Ну, а той вехсель, що то я тоди подпысавъ Корысти, щобъ грошей за для розсчоту зо мною узять у дзбанку, якъ винъ, матыметь сылу?

Скубелка. Такъ што жъ, што матыметь... До земли вонъ прыступыть не можетъ, бо вона вже будеть не твоя; жона, какъ говорытся, за долгы мужа не отвитчыця, а до остального,—какъ завгодно: воно не твое только, а сумѣстное, какъ говорытся, зъ братомъ...

Трохымъ (*задумуется*). Такъ-то воно такъ, та колы-бъ якои халепы не було... Теперъ же й вона... вона жъ неграмотна. Якъ ій вехсель выдавать?

Скубелка. О, енто я усё, какъ говорытся, оборудую, какъ слидуеть. Сичасъ до нотаруса, довиренность вона мени выдасть, а ты ій вехсель. Не ій тоби выдавать вехсель, а ты ій выдасы, што наче-бъ то, какъ говорытся, ты у неи денёгъ позычавъ. Енто усьо пустякы, толькы до города, а тамъ, я какъ говорытся, усё здилаю...

Трохымъ (*подумавшы трохы*). Ну! Що-жъ! Такъ и такъ, орудуй... Багато жъ на первый случай грошей треба буде?

Скубелка. Та вотъ, якъ у городъ пойидемо, такъ тамъ, какъ говорытся, усё выдно будеть. Когда думаешъ зйиздыть у городъ?

Трохымъ. Та це таке дило, що отъ у недилю пойихаты.

Скубелка. Ну, што-жъ. У недилю, такъ и у недилю. Ну, поднось ще, какъ говорытся, по однiй та й я пiйду по своимъ диламъ.

(*Выпываютъ по чарци, и Скубелка выходыть зъ хаты. Трохымъ зостается самъ задуманый. Трохы згодомъ входыть Олена и за нею двое малыхъ дитей.*

Олена. Не прыставайте. Якъ, вже проголодалыся? а якъ за обидомъ, такъ не йидять. Пробигаются и заразъ „мамо, йисты“ И колы вже я васъ нагодую?

(*Проходыть у кухню, видкиля незабаромъ выходятъ диты зо шматками хлиба и йдуть зъ хаты*).

Олена (*выходыть и соби зъ кухни*). Проводылы гостя?

Трохымъ. Винъ и самъ пійшовъ. Сидай, побалакаемо.

Олена. Заразъ, тилькы накажу, щобъ не заходылы далеко (*на одну мыть выходыла зъ хаты и, вернувшысь, сида къ столу*). Отъ и сила. Що будете казать?

Трохымъ (*помовчавшы*). Та тутъ таке дило, прыйдется намъ зъ тобою у городъ йихаты... Бачъ що: оце отъ-отъ и зо службы повернется...

Олена. Хто? Грыцько?

Трохымъ. А-же нихто иншый... Захоче дилыться.

Олена. То вже таке. Оце Горпына заходыла, такъ каже, що якъ прыйде, такъ заразъ на мисто поступыть—хтось тамъ зъ начальныкивъ ій обицявъ. Вже не инакше, якъ зхоче дилыться. А якъ подумаешъ: чимъ тутъ и дилыться? Його якъ одирвы шматокъ,такъ ничого й не зостанется. Це такы покы все у-мисти, такъ такъ наче й завыдно де-кому; а якъ подилыты...

Трохымъ. Ото-то жъ и те... Шо тутъ дилыты? Усе жъ це не кымъ иншымъ, якъ мною прыдбане. Винъ ще й на ногы не зопъявся, якъ мени прыйшлося и батька, и матиръ поховаты... Його жъ возростывъ, якъ то кажуть, до ума довивъ, писля оженывъ, у службу проводывъ... Усе жъ то справка, усе жъ то втрата. Дида зновъ поховавъ, одпомынавъ... Покы винъ тамъ служыть, хто жъ тутъ все содержуе? Я и мои диты... Вона, бачъ, заразъ якъ тилькы його проводылы, выльнула на легки хлиба... А теперъ прыйде, скаже: давай всёго половыну...

Олена. Якъ це половыну? А-же въ насъ сыны... На души дилыты, а не половыну...

Трохымъ. Ото-то жъ и те, що не подушамъ, а половыну... Тутъ вже мы зъ Ивановычемъ миркувалы; винъ у законы дывывся, вычытувавъ. Тамъ ще чы визьмется за хазяйство чы ни—воны бачъ яки ото бувають, якъ повернутся зо службы,— а половыну оддай, скаже...

Олена. Мало чого не скаже, та воно не по його буде. Тутъ усяке розбере, що и якъ... Половыну... Яка тутъ половына, колы въ насъ ажъ тры хлопци. Зъ чымъ мы зостанемося?

Трохымъ. Я це й самъ все розбираю, тилькы такъ выходыть по законамъ...

Олена. Господы! И яки то вже таки законы той вашъ Скубка, якъ було ёго звуть покойный дидусь, познаходывъ? Винъ и законъ розбере усе по порядку...

Трохымъ. Та вже тутъ уси порядкы розибралы... Ничого не выходыть. Якъ ще до суда дойде, прысудять половыну. Ну, нехай бы половыну батькивщыны... Це бъ ще ничого... Зъ батькивщыною ще бъ уладнатыся можна: ото дидову хатыну перестроиты—вербы жъ въ насъ есть на левади—викнамы у проулокъ, города бъ выдилыты, худобы частыну... Це бъ то байдуже. А отъ витрякъ, та земля?? Отъ чого бъ не хотилося дилыты. Миркувалы мы тутъ: за витрякъ ще можна заплатыты, а вже землю... Ёго якъ подилыты, такъ мало чого й зостанется... Грицмы оддать? Такъ и грошей стилькы де ёго набрать? Хиба такъ що на выплатку...

Олена. Вже не що, якъ на выплатку.

Трохымъ. На выплатку, то на выплатку, та якъ за половыну земли выплачуваты, такъ де ёго и на выплатку грошей браты?

Олена. Якъ це на половыну? Землю подилыты треба по душамъ и тоди вже яка тамъ частына прыпада ёму, то и ту на выплатку...

Трохымъ. Ты все свое. Кажу жъ тоби, що землю пры дилёжци дилытымуть не по душамъ, а на половыну. Якъ ото худобу пополамъ, такъ и землю.

Олена. А на нашихъ хлопцивъ? Це выходыть, що на васъ и на трохъ хлопцивъ половына и на ёго половына?

Трохымъ. Та такъ и выходыть (*помовчавшы*). А тутъ треба такъ зробыть, щобъ земля вся зосталася намъ...

Олена. Якъ це уся намъ? А ёму жъ ёго частыну? Ёму жъ такы слидуе?

Трохымъ. Слидуе то слидуе, та треба такъ зробыть, щобъ земля була ни ёго, ни наша, а твоя, щобъ іи не дилыты. А вона ёму й не потрибна: служытыметь де, ото й ёго.

Олена. Якъ це, щобъ була моя? Я цёго не второпаю...

Трохымъ. Не второпаешъ, и не треба. Отъ пойидемо у городъ и тамъ усе такъ зробымо, якъ треба, щобъ земля у дилёжку не пійшла.

Олена (*подумавшы*). Робить, Омельяновычъ, якъ знаете, вамъ выднійше.

Трохымъ. Ходимъ-те кожне до свого дила покы що.

Картына VII.

(*Черезъ тры мисяци. Та-жъ сама хата. За столомъ сыдять на покути Грыцько у мундыри, щильно пидстрыженный; зъ-пидъ ростебнутого мундыра выдно салдатськый галстукъ. Побиля его Трохымъ, Олексій, Ивась, зъ дытыною Галька, дви жинкы родычкы. Олена стоить передъ столомъ и вгощае Грыцька. Винъ закусюе и часъ одъ часу перестае йисты, одповидаючы на пытання*).

Трохымъ. Ну, отъ и слава Богу, одслужывся и до дому прыйшовъ жывый-здоровый (*помовчавшы*). Колы жъ саме ты вырушывъ?

Грыцько. Изъ лагерей мы прыйшлы восемнадцатаго, значыть, августа...

Трохымъ. Це бъ то на четвертый день писля Пречистои?

Грыцько. Да, ето такъ какъ-то послѣ Успенія... Тутъ намъ ето сичасъ и вычыталы што и какъ, каму, значить, выдадуть билеты... Ну, тутъ мы сталы зобираться, а двадцятого, значыть и выдалы ето билеты такъ увъ обидъ, часу у дванядцятомъ, а вечеромъ и одправылыся ето на вахзалъ. Тамъ партіонный пака ето предложеніе выхлопотавъ у каменданта, пока што, такъ и до вечора, а ночью и посадовылыся на пойиздъ ето въ часу, почытаи, у одынадцятому.

Олена. Та ты, братець, розсказуй и закусюй. Вы бъ, Омеляновычъ, ёму ще-бъ поднеслы...

Грыцько. Нѣтъ! благодару! Ну, такъ и до Масквы. Тамъ впъять ето разборка, котрые, значыть, на Курськой городъ, а намъ на Рязань, Козловъ и на Чаплынку. Ну, тутъ вже своя сторона. Одправылыся мы партіею у городъ икъ воинськаму начальныку, пока то та другое. Спасиба, на базари ета допытался своихъ людей, подвезлы, а то бъ прыйшлось усё пишкомъ и сундукъ на соби тащыть...

Трохымъ. То-то, бачъ, залызна дорога не пидходыть до города нашого. Та хиба вамъ не дають пидвидъ?

Грыцько. Нѣтъ, не полагается... Теперъ ще надобно заявыться у волость...

Трохымъ. Це ще буде часъ. Завтра и пійдешъ, теперъ усе йидно тамъ никого нема.

Олена. Закусюйте, братець, закусюйте.

Грыцько. Давольна, благодару. Дозвольте зъ-за стола выступыть.

(Вси встають и дають дорогу Грыцькови, котрый хрестытся и, ще разъ подякувавшы, зновъ сидае коло стола. Галька годуе дытыну, затулывшысь хусткою. Зъ-надвору чуты гуркитъ воза. Ивась выбигае зъ хаты и, вернувшысь, каже)

Ивась. Прыйихалы.

(Увходыть въ хату Горпына. Тривожна, злякана, блида, замитно вагитна. Уси замовклы, збентежени якось).

Горпына. Здрастуйте! (*хрестытся на образы*)

Олена. Здрастуй, сестро. А намъ Богъ гостя давъ...

(Грыцько встае зъ-за стола и, глянувшы на неи, спустывъ очи).

Горпына (*дывытся на Грыця и смило каже*). Здрастуй, Грыгорый Омельяновычъ!

Грыцько. Здрастуй, жана. Падходы поздоровкаемось!

(Горпына пидходыть до его, але не вспила зъ нымъ поцилоdатысь, якъ почынае плакаты и, мліючы, падае на доливку. Вси кыдаются іи пиддержаты, Олена вхопыла кухоль зъ водою и дае іи. Трохымъ выходыть зъ хаты, Горпына крыкнула несамовыто, диты злякани соби бижать зъ хаты, Галька оддае дытыну Ивасеви

и соби кыдается икъ Горпыни, жинкы-родычкы тежъ соби оточають іи).

Олена (*до однійеи зъ родычокъ*). Бижы, риднесенька, за Юдыхою, а мы донесемо іи въ дидову хатыну. Та забижы, будь ласка, до Нестеренкивъ: вона, мабудь, тамъ сю ничъ бабувала...

Грыцько (*стоить гризный зъ блыщащымы очыма*). Що жъ ето такое?! вотъ и клялась! Дослужывсь! Досмотрѣлы салдацьку жону... Выкыньте іи геть, нехай идётъ до тыхъ, зъ кымъ прыдбала. Я поступлю на вторытельну службу, зойду одъ страму... (*Заламуе рукы, прыпада до столу и плаче*).

Олена (*проходыть зъ одною зъ родычокъ у кухню*). Розводь, риднесенька, у печи, треба заразъ воду грить, а я тутъ де-чого пошукаю на пелюшкы...

(*Грыцько схоплюется, ще разъ ламае рукы и проби выбигае зъ хаты. У кухню и изъ кухни пробигають то та, то инши жинкы, вносять воду, зризокъ... Ввиходыть Трохымъ, сидае на лавци и задумуется... Трохы згодомъ ввиходыть Олена*).

Трохымъ. Ну, що тамъ?

Олена. Що? Звисно що: сына Богъ давъ. Хрестыны збираты треба. А то воно дуже слабе. Ій бы ще не времъя, та, выдно, потрывожылася, ёго побачывшы, а воно й настыгло... Тамъ безъ памьяты лежыть.

(*Трохымъ все бильше и бильше хмурыться*).

Трохымъ. А винъ де жъ?

Олена. Николы мени! Диты казалы, що лежыть у половныку... (*иде зъ хаты*)

Трохымъ. Таке-то. Жалько парнягы. Не за тимъ поспишавъ... А все тая салдатчына. Розлучать молодыхъ ажъ на чотыры рокы... Отъ воно що й выходыть...

—

Картына VIII.

(*Черезъ пивтора мисяци. Трохымъ сыдыть коло стола, задумавшысь. Зъ кухни одъ часу до часу выглядають диты. Ввиходыть*

Олена одягнена въ товстого сукна куцыню зъ якымсь горшкомъ въ рукахъ. За нею Ивась несе оберемокъ дровъ и проходять у кухню).

Трохымъ (*до выйшовшого зъ кухни Ивася*). Погрійся та пійдемо задавать скотыни, а тамъ поженешъ на водопій...

Ивась. Я оце пидкынувъ имъ трохы. Та ще треба прокопаты ривчакъ одъ колодезя, а то побиля корыта такъ розмисылы грязюку, що й пидійти не можна,—корыто тече. Я казавъ тоди Сыдорови.

Олена. Я, Омельяновычъ, хочу на ничъ трохы протопыты, таке задувае.

Трохымъ. Якъ знаешъ. Щось нашыхъ довго нема. Якъ що прыпизнылыся, то навдаку чы й будуть сёгодня: тамъ по шляху порозбывано теперъ такъ, що й колеса не крутятся...

Олена. То вже таке. Не дарма сказано, що въ-осены ложка дощу, а мыска болота. А винъ бачъ якый, чыстывъ ажъ до обидивъ. Оце тилькы теперъ и переставъ, стало хмары розгоныть, та тилькы захолодало... Витеръ такый ризкый, зъ Московського краю подувъ.

Трохымъ. То вже таке! Пора! У ту недилю у насъ Мыхайло, а тамъ и заговины... Время...

Олена. А нашп жъ то, не дывлятся на негоду: подалыся до своихъ. Зайшлы, трохы погрилыся, та й пійшлы. Винъ каже, що въ иншый часъ не зберется, бо саме въ-раньци та въ обиды машыны прыходять изъ видтиль...

Трохымъ Що жъ, ничого не казалы?

Олена. Де тамъ вже, не казалы... Ихъ тамъ, выдно, пидстроено: винъ пытавъ, почому пшеныцю продалы, бо каже ёму грошей треба.

Трохымъ. Хазяинъ... Винъ, бачъ, дбавъ іи, що ще й пытае, почому продалы... Вже не що, а прыйдется дилытыся.... Уже жъ намъ у-купи не жыть.

Олена. Куды тамъ, у-купи жыть... Винъ ще такъ-сякъ, а що вона, такъ и не дывытся. Наче мы передъ нею у чому провынни... Сама добигалася. Нашои тутъ провыны нема. А я жъ ще такъ впадала до неи... Винъ же тоди ото саме ничого

не схотивъ робыть. Прыйшлося самимъ и хрестыны справлять, а писля й поховаты, якъ вмерло. Усе жъ то я хлопотала.... А теперъ ще й кырпу гне...

Трохымъ. Та й винъ бачъ якый: то тоди, якъ ото лучылося, казавъ що ёму еи й не треба й „проженить іи“, и на вторытельну пійду, а то вже вона ёго зовсимъ улестыла: и все простывъ ій, и на станціи на службу нанявсь за сторожа... одно слово, пидъ іи дудку скаче...

Олена. Та то, що простывъ, то слава Богу. Куды жъ ёму диваться одъ неи; а що вже нанявся на станцію, такъ зовсимъ дурне... Хиба тымъ улестыла, що тамъ, бачъ, сластно йидять, чай по всякъ часъ, та такы своя воля-воленька: шо зхоче робыть—сама соби хазяйка...

Трохымъ. Ото-то жъ й те, що своя воля! Винъ ото оддижурывъ, тай знать никого не хоче, а вона й вовси. А тутъ такы перепадае де-що отъ панивъ, що пройизжають... То у вагонъ знесе худобу, то такъ що пособыть... Ото чула есы, що каже: „мени мою половыну зплатить, такъ я й безъ хаты прожыву, гроши у ростъ даватыму... И въ ныхъ не инша, а така думка. Ото жъ и тесть ёго такъ каже... Пидождемо, якъ тамъ наши управлятся, а то й дилыться... Воно не теперъ, такъ колысь и треба буде цее дило справыть...

Олена (*прыслухаючысь*). Наче ворритьмы щось рыпнуло. Чы не наши часомъ? (*Хоче выйты зъ хаты, але ій назустричъ Олексій одягнутый по дорожнёму*).

Олексій. Здрастуйте. (*Здригнувъ одъ холоду*). Холодно такъ стало. (*Розперизуется, выймае зъ-за желеткы завернути у бомагу гроши*). Нате вамъ гроши (*подае Трохымови*). Тутъ вси, я й не розвертавъ ихъ.

(*Трохымъ бере гроши и розвертуючы, перегдядае ихъ*).

Трохымъ. Якъ же це вси гроши? Хиба тамъ не понадобылыся?

Олексій. А же бачте, що ни.

Трохымъ. Та що жъ воно таке? Хиба Скубелка не потребувавъ грошей? Де винъ?

Олексій. Винъ ничого не потребувавъ: ёму одна тилькы горилка и потрибна. Зоставcя тамъ зъ Корыстою. Ждалы, ждалы побиля трахтыря... Такъ вже Корыста выйшовъ, та сказавъ, щобъ мы йихалы, а винъ зостанется зъ нымъ...

Трохымъ. Ну, а торгы жъ якъ?

Олексій. А я почимъ знаю якъ... Казалы тамъ хтось такый, що Корыста дешево купывъ землю якусь...

Трохымъ (*здывованный*). Яку землю?

Олексій. А я почимъ знаю, яку. Тамъ вычытувалы и васъ на имена „хрестьяныпа Трохыма Омельянова Середы и матирь, хрестьянка Олена Петровна Середына—це я розибравъ, а бильше ничого не розибравъ. Одынъ тамъ панъ у ланцюзи выкрыкувавъ усе: „хто больше". Я оподалыкъ сыдивъ, якъ ото вы прыказувалы, щобъ я ажъ тоди гроши подавъ, якъ панъ потребуе. А винъ ни той ни другый не пытавъ грошей... Корыста тилькы щось таке пропысувавъ у бомази, де ёму той панъ, що зъ медальомъ показувалы, а пися якись гроши оддавъ тому панови...

Трохымъ. Ты щось не такъ розсказуешъ... Ну, а Скубелка що жъ?

Олексій. Скубелка?.. Винъ такый бувъ пьяный, що одынъ зъ панивъ загримавъ на ёго: „я, каже, звелю тебе—не розибравъ гараздъ, чы „вдавыть" чы „вдалыть"...

Трохымъ (*ще бильше здывованный*). Ну?

Олексій. Та що жъ, ну?.. Заразъ усп и сталы розиходыться, и я пійшовъ за нымы... Отъ тутъ хтось и каже, що Корыста дешево землю купывъ, а яку землю—мени почимъ знать...

(*Въ хату ввиходыть Сыдоръ роботнык*).

Сыдоръ (*нахмурывшысь*). Вправывъ все. Теперъ попойисты чого бъ далы.

Олена (*наче стрепенулася*). Пойисты? Отъ заразъ. Сидайте до столу...

Сыдоръ. Мы пійдемо у кухню, а то тамъ ваши прыйшлы, ногы на рундуку обтыраютъ...

Олена. Ну, якъ що въ кухню, такъ и въ кухню. Идить, я зберу...

(*Сыдоръ и Олексій проходять у кухню. А въ двери ввиходять Грицько и Горпына. Трохымъ не сидаючы, стоитъ опустывшы рукы и голову*).

Грыцько (*въ одежи зализнодорожнёго сторожа*) и Олена (*повъязана просто, безъ очипка, хусткою*). Здрастуйте ще разъ.

(*Нихто имъ не одповивъ на прывитання*).

Горпына. Чого це вы, братець, таки, наче що втерялы? Наче у одчаи?

Грыцько. А мы хателы погаварыть, штобъ вже усё поладыть...

Трохымъ (*сидае не пиднимаючы головы*). Ладьте, якъ знаете...

Грыцько. Да ето усё у вашій согласіи, какъ вы скажете, братъ.

Трохымъ. Що мени казаты? Тоби вже мабуть, багато и безъ мене наговорено, що захотивъ судыться зо старшымъ братомъ...

Грыцько. А што мени наговорено? Я й самъ хорошо знаю, што мине слидствуетъ половынная часть усёго... А ето правда, што іи папаша вотъ сичасъ гаварылъ, што вы зо Скубелкою землю назнарошне продалы Корысти у городи, такъ ето я ужъ, не знаю, и къ чому и какъ...

Трохымъ. Якъ це Корысти? Хто це казавъ?

Грыцько. Гаварю, што мени сказано... Вотъ іи папаша билъ у волости, такъ тамъ гаварылы...

(*Чуть дзвоныкы, щось пидъихало икъ двору. Вси насторожуются. Трохы згодомъ въ хату ввиходытъ закутанный якыйсь-то панъ. Вси здывовани*).

Панъ. Здраствуйте! Помогите разкутаться... Холодно, сыро...

(*Грыцько помагае панови роздягаться. У двери ввиходытъ десятныкъ зъ портфелемъ. Панъ достае зъ кышени знакъ судебнаго прыстава и надивае на себе*).

Олексій (*выглядаючи зъ кухни*). Це саме той панъ, що я ёго у городи на торгахъ бачывъ.

Панъ. Я Судебный Приставъ.

(*Бере у десятського портфель и, сившы за стилъ, добувае зъ ёго чорныльныцю и бомагы. Роздывляется бомагы и, дывлячысь у одну, каже*):

Кто изъ васъ крестьянинъ Трофимъ Емельяновъ Середа?

Трохымъ (*выступаючы впередъ*). Я саме Трохымъ.

Панъ. Середа Емельяновъ?

Трохымъ. Омельяновычъ Середа.

Панъ. Ну, вотъ тутъ я привезъ вамъ повѣстку объ исполненіи рѣшенія О . . . скаго Окружнаго Суда, выраженнаго въ исполнительномъ листѣ того Суда за номеромъ... Съ васъ, Середа, присуждено заочнымъ рѣшеніемъ взыскать въ пользу мѣщанина Ивана Петровича Корыстина шестьсотъ двадцать рублей по векселю съ процентами со дня протеста, т. е. съ двадцать четвертаго іюля сего года, по день уплаты долга, и судебныхъ издержекъ сорокъ восемь рублей, да еще вотъ прогоны шесть рублей тридцать пять копѣекъ... Рѣшеніе подвергнуто предварительному исполненію...

(*Покы панъ вычытуе, въ хати вси мовчать. Сыдоръ проходыть зъ кухни черезъ хату*).

Панъ. Такъ вотъ вамъ, Середа, копія заочнаго рѣшенія и повѣстка о томъ, что если вы добровольно въ теченіе двухъ недѣль не уплотите взыскиваемыхъ денегъ, то я приступлю къ описи и продажѣ вашего имущества. Кромѣ того, взыскатель Корыстинъ обратилъ взысканіе на деньги, вырученныя отъ продажи вашего имѣнія, т. е. земли, за вашъ долгъ вашей женѣ Еленѣ Серединой. Этихъ денегъ выручено триста двадцать пять рублей и ихъ, разумѣется, не станетъ на удовлетвореніе претензіи вашей жены въ пятьсотъ рублей съ судебными издержками и его, Корыстина, претензіи, поэтому я вырученныя на торгахъ деньги и представилъ въ депозитъ суда для распредѣленія...

(*Вси мовчать*).

Панъ. Ну, такъ вотъ распишитесь на повѣсткахъ.

(*Трохымъ стоить занимилый*).

Панъ. Я вамъ говорю, Серединъ. Не угодно ли расписаться въ принятіи отъ меня повѣстокъ...

(*Трохымъ не ворушытся, а стоить мовъ окаменилый*).

Грыцько. Дозвольте, ваше благородіе, спросыть, про якые ето торгы вы гаварылы?

Панъ. Да вотъ про эти, когда продавалась земля его.

Грыцько. Чыя земля?

Панъ. Да вотъ его, Середина, Трофима за долгъ его своей женѣ.

Грыцько. Земля ета наша сумѣстная... Какъ же ето вона продавалась за его довгъ своей женѣ?

Панъ. Ну, ужъ этого я не знаю какъ. Мнѣ представлены были документы, изъ которыхъ видно, что земля принадлежитъ ему, Трофиму Середѣ, а на торгахъ кто большую цѣну выдалъ, за тѣмъ и осталась земля.

Грыцько. А хто жъ теперъ ету землю можетъ отобрать одъ мене?

Панъ. Кто? Тотъ, кто купилъ ее,—Корыстинъ, такъ какъ онъ выдалъ бо̀льшую цѣну.

(*Трохымъ закачнувся и сивъ на лавыци. Олена пидбигае до ёго*).

Панъ. Такъ что-же, Середа, вы не желаете подписать повѣстокъ? Я пошлю за старостою и при немъ вручу ихъ вамъ.

(*Трохымъ встае и, заточуючысь зо стороны въ сторону, иде до дверей, Олена его пиддержуе, достае зъ килка шапку и надивае ему іи на порози на голову*).

Олена (*до пана*). Дозвольтеся, господынъ барынъ, ёму трохы на прохолоду выйты, а то, бачте, якъ винъ злякавсь.

Панъ. Ну, что-жъ, пускай освѣжится, я подожду.

(*Скыдае зъ себе медаль и закурюе папыросу*).

Панъ. Да! Вотъ вы слушаете этихъ Скубелокъ и послѣ каетесь. Вѣдь онъ явился на торги отъ васъ (*до Олены*) и ни-

чего не сдѣлалъ. Пьянъ безчувственно. Очень можетъ быть и нарочно подпоенный... А земелька-то и пропала: за безцѣнокъ пошла...

Горпына. Та якъ же ето, барынъ ваше благородіе, што земля сумѣстная вотъ ихъ и моёго мужа, а теперъ вона продана за ёго довгъ? Ето вже не што, какъ воны ето зговорылыся...

Панъ (*покурюючы*). Ну, ужъ этого я не знаю. Я дѣлаю, какъ по закону полагается.

Олена. Ты-бъ такы пидождала: може хто старшый що скаже.

Горпына. Буде. Вже мы чулы, што ентые старшіе говорють. Енто усё штукы, толькы воно не будеть такъ...

(*Вбигае роботныкъ Сыдоръ*).

Сыдоръ. Титко й уси бижить туды швыдче. На бантыни... (*Вси бижать зъ хаты, и позаду всихъ десятныкъ. Въ хати зостается одынъ панъ, здывованный, не розбираючый, що й якъ. Зъ надвору чуть голосиння, крыкъ... Вбигае десятныкъ и ничого не каже, тилькы рукы розставывъ*).

Панъ. Что это тамъ такое? (*Десятныкъ мовчыть и не може слова сказаты*). Ну, что-жъ ты ничего не говоришь? Что тамъ такое?

Десятникъ. По... по... ви... сыв... ся—у клуни на бантыни.

Панъ. Кто „повисывся“? (*десятныкъ мовчыть*). Ну!

Десятныкъ. Хто? Трохымъ...

Панъ. Это Богъ знаетъ, что такое! Ужасно!...

Б. Познанскій.

Т. Г. Шевченко и простолюдины, его знакомцы.

(Изъ встрѣчъ и воспоминаній).

Въ жизни Т. Г. Шевченка годы отъ освобожденія его изъ крѣпостного состоянія въ 1838 г. до печальной катастрофы 1847 г. являются замѣчательнымъ моментомъ, къ сожалѣнію недостаточно разъясненнымъ біографами и опубликованными матеріалами. Къ этому времени относится цѣлый рядъ замѣчательныхъ произведеній, отличающихся выдающимися художественными достоинствами, не смотря на то, что прекрасный языкъ ихъ, хоть и владѣвшій богатѣйшей народной поэзіей, лишь незадолго до этого сдѣлался органомъ художественной литературы. Въ извѣстной мѣрѣ художественная форма этихъ произведеній является результатомъ предшествующей дѣятельности въ области слова на украинскомъ языкѣ, и въ этомъ смыслѣ ея происхожденіе подлежитъ изслѣдованію, къ сожалѣнію до сихъ поръ едва-лишь намѣченному. Но художественныя достоинства зависятъ также отъ степени талантливости ихъ творца и его поэтическаго вдохновенія, т. е. такихъ явленій, которыя лишь съ трудомъ поддаются изслѣдованію и объясненію.

Нельзя сказать того же о другой сторонѣ, невольно изумляющей читателя этихъ произведеній Шевченка. Недавній „кріпакъ“, панскій козачекъ, хлопець, котораго суровая доля „взяла маленького за руку и въ школу одвела до пьяного дяка въ науку“, является передъ нами въ своихъ стихотвореніяхъ этого

періода во всеоружіи многихъ знаній, съ широкимъ общимъ образованіемъ и съ идеями, которыя ставятъ его въ первомъ ряду самыхъ передовыхъ людей той эпохи. Это явленіе и донынѣ остается загадочнымъ, хотя, казалось бы, оно гораздо доступнѣе изслѣдованію и разъясненію. Можно, конечно, значительную долю этого идейнаго развитія поэта отнести къ той національной средѣ, изъ которой онъ вышелъ, отъ которой получилъ первыя впечатлѣнія и матеріалы для будущаго міросозерцанія. Среда эта въ своемъ коллективномъ творчествѣ и въ историческомъ прошломъ своемъ не разъ проявляла стремленіе къ такимъ идеаламъ, которые остаются и теперь дорогими для передового европейца; но эти идеалы подолгу живутъ въ народной массѣ, мало обнаруживаясь; они находятся какъ бы въ скрытномъ состояніи, выступаютъ они открыто и ярко лишь въ моменты сильнаго народнаго возбужденія, вызываемаго историческими катастрофами. Вліяніе на него родной среды ясно сознавалъ самъ Шевченко; онъ не разъ указывалъ на нее, какъ на источникъ своихъ знаній, воззрѣній и стремленій, но изслѣдователи пока не выдѣлили изъ общей сокровищницы тѣхъ идей, которыми народъ или люди изъ народа надѣлили украинского поэта для созданія его широкаго „свитогляда".

Во время пребыванія Шевченка въ Академіи художествъ тамъ существовалъ обязательный для учениковъ общеобразовательный курсъ. Что далъ онъ Шевченку? Этого вопроса пока вовсе не касались біографы. Судя по разсказамъ многихъ сверстниковъ Шевченка, по уровню ихъ общаго образованія и развитія, надо думать, что очень мало; поэтъ могъ вынести отсюда лишь элементарныя, вовсе не связанныя, свѣдѣнія изъ разныхъ учебныхъ предметовъ.

Несравненно больше дала ему геніальная воспріимчивость, свойственная немногимъ избранникамъ судьбы, та воспріимчивость, благодаря которой они изъ словъ и фактовъ, схваченныхъ на лету, возстановляютъ давно исчезнувшіе образы, создаютъ свое міросозерцаніе, выступаютъ во всеоружіи передовыхъ идей, для усвоенія и созданія которыхъ другимъ обыкновеннымъ людямъ

необходимы годы усиленнаго труда. Способы воспріятія геніальныхъ людей съ трудомъ поддаются изученію, но зато гораздо легче опредѣлить матеріалъ, изъ котораго они могли черпать свои знанія и идеи. Для этого слѣдуетъ изучать среду, въ которой они жили, тѣхъ людей, съ которыми они встрѣчались, съ которыми всего ближе сходились, дѣлились мыслями и стремленіями. Среда, окружавшая Шевченка послѣ освобожденія его отъ крѣпостной неволи, съ этой стороны еще мало изслѣдована: еще и теперь мы не можемъ сказать опредѣленно, какими знаніями и идеями она надѣлила Шевченка. Послѣдній въ эти годы не разъ ѣздилъ въ Украину, въ столицѣ и провинціи онъ сблизился со многими выдающимися писателями, учеными, художниками и общественными дѣятелями; многіе изъ нихъ пользуются вполнѣ заслуженной извѣстностью, сами сдѣлались предметомъ изученія, отъ другихъ до насъ дошли только мало намъ говорящія имена; относительно всѣхъ ихъ мы можемъ сказать, что вліяніе ихъ личности, характера, знаній и идей на Шевченка еще мало изслѣдовано, мало для этого собрано и матеріаловъ. Мы не можемъ даже указать всѣхъ мѣстностей, въ которыхъ побывалъ Шевченко во время своихъ поѣздокъ на югъ, не знаемъ, гдѣ, когда и по сколько времени онъ пробывалъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, не знаемъ и нѣкоторыхъ лицъ, съ которыми онъ близко сходился во время этихъ экскурсій. А время уходитъ, въ могилу быстро сходятъ тѣ немногіе, которые были лично знакомы съ Шевченкомъ, сохранили о немъ воспоминанія или какіе-либо матеріалы. Надо поспѣшить съ записываніемъ этихъ воспоминаній, съ собираніемъ письменныхъ о немъ матеріаловъ, иначе все это безслѣдно погибнетъ.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній я очень заинтересовался, когда, будучи въ Сорочинцахъ, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губ., случайно узналъ, что въ мѣстечкѣ этомъ проживаетъ старикъ поваръ, живо помнящій и очень почитающій память Шевченка, который при немъ гостилъ у помѣщика Лукьяновича, упоминаемаго въ біографіяхъ Шевченка и собственныхъ его письмахъ. Я рѣшилъ у этого повара собрать свѣдѣнія о г.

Лукьяновичѣ и положилъ разыскать его. Оказалось, что онъ проживаетъ въ небольшой усадьбѣ, пріобрѣтенной имъ въ Сорочинцахъ; средства къ жизни даетъ ему, кромѣ огорода, его профессія, такъ какъ землевладѣльцы и обыватели въ мѣстечкѣ и его окрестностяхъ часто приглашаютъ его съ платой по 5—10 руб. въ сутки приготовлять разныя трапезы въ торжественныхъ случаяхъ, въ родѣ свадебъ, имянинъ, баловъ и т. п.

Повару Арсенію Татарчуку въ настоящее время 76 лѣтъ отъ роду. Въ наружности его прежде всего обращаетъ на себя вниманіе сильно разросшійся синеватый, такъ называемый бургундскій, носъ. Обыкновенно думаютъ, что такіе носы свидѣтельствуютъ о неумѣренномъ употребленіи спиртныхъ напитковъ, но въ данномъ случаѣ это мнѣніе не подтверждается: люди, давно знающіе Татарчука, утверждаютъ, что онъ всегда отличался трезвостью. При болѣе продолжительномъ свиданіи безобразіе носа какъ бы стушевывается—высокій ростъ и статная фигура старика, его красивый высокій лобъ, умные, свѣтящіеся еще и теперь, глаза и свѣжій, вовсе не старческій цвѣтъ лица придаютъ ему внушительную и очень симпатичную наружность; онъ притомъ же настолько бодръ и крѣпокъ, что угадать его преклонный возрастъ было бы не легко. Жена его Горпына, десятью годами моложе; это высокая и теперь еще стройная женщина, съ замѣтными слѣдами былой красоты; она также очень моложава и бодра.

Говоритъ Татарчукъ по-украински съ примѣсью русскихъ словъ, по временамъ старается говорить по-русски, но очень неудачно; жена его говоритъ только по-украински. Оба неграмотны. Въ чистой комнатѣ противъ входа посреди стѣны красуется литографированный портретъ Шевченка, изд. Мюнстера, рядомъ съ портретомъ Императора Александра II.

Когда я заговорилъ о поэтѣ, мои собесѣдники сразу оживились. Воспоминанія о немъ мужа постоянно старалась дополнить жена. Оба отлично помнятъ Шевченка, его имя и отчество, его небольшой ростъ и крѣпкое тѣлосложеніе. По ихъ разсказу, Тарасъ Григорьевичъ пріѣхалъ къ нимъ вмѣстѣ съ ихъ вла-

дѣльцемъ А. А. Лукьяновичемъ въ с. Марьинское, иначе Шимково, Миргородскаго уѣзда, въ апрѣлѣ 1842 или 1843-го года. Не смотря на мое указаніе, что Шевченко жилъ въ Марьинскомъ въ 1845 г. (это видно изъ даты подъ поэмой „Невольныкъ"), Татарчуки настойчиво утверждали, что пребываніе поэта у ихъ барина было не позже лѣта 1843 г. Лукъяновичъ пригласилъ къ себѣ Шевченка въ качествѣ живописца для писанія портретовъ всѣхъ членовъ своей семьи. Художникъ исполнилъ заказъ, но когда работа была окончена, у владѣльца не оказалось денегъ для уплаты за нее, и потому хозяева настойчиво упрашивали своего гостя продлить свое пребываніе въ Марьинскомъ. Только въ ноябрѣ явились деньги, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уплата за портреты, послѣ чего онъ и уѣхалъ.

Жилъ Шевченко въ Марьинскомъ въ отдѣльномъ отведенномъ ему помѣщеніи; ему назначили особаго лакея, но отъ услугъ его Тарасъ Григорьевичъ почти всегда отказывался. Онъ вставалъ съ разсвѣтомъ и немедленно принимался за работу. Татарчуки особенно указываютъ на его трудолюбіе. По ихъ словамъ въ свободное отъ писанія портретовъ время, онъ почти всегда днемъ оставался въ своей комнатѣ, постоянно читалъ книги, которыя бралъ изъ панской библіотеки, или же писалъ письма или что то иное; лишь изрѣдка бродилъ онъ по окрестностямъ, при этомъ часто останавливался, вглядывался въ какіе-то отдаленные предметы, срисовывалъ разные виды. Завтракалъ и обѣдалъ онъ вмѣстѣ съ панами, и за все время Татарчуки ни разу не слышали о его нетрезвости. Въ Марьинскомъ Шевченко все время оставался почти безвыѣздно; лишь изрѣдка онъ вмѣстѣ съ Лукьяновичемъ ѣздилъ въ с. Злодіевку для купанія въ р. Пслѣ, при чемъ иногда они заѣзжали къ мѣстному помѣщику Замятнину; кромѣ того Шевченко два раза уѣзжалъ на лошадяхъ Лукьяновича въ м. Яготинъ къ княжнѣ Репниной и оставался у нея по 4—5 дней; другихъ поѣздокъ онъ, по воспоминаніямъ Татарчуковъ, за все время своего пребыванія въ Марьинскомъ не предпринималъ. Съ знакомыми Лукьяновича онъ не сближался— онъ предпочиталъ знакомство со священниками, которые всѣ

очень любили и уважали Шевченка, а священникъ въ с. Устивицѣ, о. Бабичовъ, однажды за обѣдомъ у Лукъяновича сказалъ: „Тарасъ Григорьевичъ! Вашого розуму хочъ бы на двадцять чоловикъ та роздать, всимъ достачыло бъ“! Шевченко въ отвѣтъ громко расхохотался.

Но всего охотнѣе сближался Шевченко съ дворовыми и крестьянами въ Марьинскомъ; почти всѣхъ онъ зналъ по имени, очень сошелся со многими изъ нихъ. Часто по вечерамъ посѣщалъ онъ „вулыцю“. Появленіе его въ этихъ случаяхъ всегда всѣми собравшимися ожидалось съ нетерпѣніемъ, приходъ его всѣ привѣтствовали. Въ эти вечера время проходило незамѣтно: Шевченко и самъ очень оживлялся; онъ многое разсказывалъ о прошломъ Украины, о подвигахъ козаковъ, о борьбѣ ихъ съ турками и панами. Говорилъ онъ о своемъ крестьянскомъ происхожденіи и освобожденіи, но о томъ, какъ и когда опять вернется воля закрѣпощенному люду, не упоминалъ. Ухаживаніемъ за дивчатами и молодыцями онъ никогда не занимался; напротивъ, съ ними обращался такъ-же, какъ и съ парубками и чоловиками. Иногда онъ приглашалъ на свой счетъ музыку; тогда бывало очень весело; самъ Шевченко очень любилъ, чтобы собравшіеся пѣли и танцовали. Изъ пѣсенъ ему особенно нравилась та, гдѣ поется,

„Ой хто лыха не знае,
Да нехай мене спытае“ [1]).

Онъ почти всегда предлагалъ пропѣть и повторить ему пѣсню.

Особенной близости Шевченка къ Лукьяновичу Татарчуки не замѣтили. Что до послѣдняго, то по ихъ разсказамъ, отецъ его былъ сначала вице-губернаторомъ въ Перми, потомъ губернаторомъ въ Симбирскѣ, откуда перевелъ 30 семействъ „руськихъ“ въ свое имѣніе въ Марьинское; это былъ впрочемъ очень добрый старикъ: всѣмъ дворовымъ, которыхъ у него было до 150 чел., онъ назначилъ жалованье, а престарѣлымъ пенсію.

---

1) Чумацкая пѣсня.

Старшему сыну его Александру Андреевичу, тому самому, у котораго гостилъ Шевченко, отъ отца досталось 1000 душъ въ Полтавской губ., а послѣ освобожденія крестьянъ у него и у жены было 1000 десятинъ въ Полтавской и 5000 дес. въ Херсонской губерніи. Онъ долго (24 года) служилъ въ гусарскомъ полку, потомъ вышелъ въ отставку и поселился въ Марьинскомъ. Въ продолженіе 12 лѣтъ онъ былъ Миргородскимъ предводителемъ дворянства, потомъ былъ и губернскимъ гласнымъ[1]). Въ с. Злодіевкѣ мѣстному помѣщику Замятнину отъ отца, важнаго генерала, досталась большая библіотека. Новый владѣлецъ вовсе не дорожилъ ею, она вся свалена была въ коморѣ, пользовались ею повара для пирожнаго. Эту то библіотеку, въ которой всѣ книги были въ дорогихъ кожаныхъ переплетахъ, купилъ Лукьяновичъ за 300 руб.; книги перевезены были въ Марьинское на 7 паровыцяхъ и для нихъ отведены двѣ комнаты въ обширномъ домѣ владѣльца. Проживая у Лукьяновича, Шевченко постоянно пользовался ею.

Сначала Александръ Андреевичъ очень хорошо обращался съ крестьянами и очень рѣдко наказывалъ ихъ; во время пребыванія Шевченка, наказаній даже совсѣмъ не было. Потомъ, подъ старость, помѣщикъ сдѣлался очень строгимъ. Когда, бывало, кто-нибудь его разсердитъ, или же когда онъ бывалъ въ дурномъ расположеніи духа, то всѣ дворовые трепетали, предостерегали другъ друга и прятались, чтобы не попасться ему на глаза. Въ такіе дни во всякомъ встрѣчномъ всегда бывало онъ найдетъ какую-нибудь вину и назначитъ жестокую „сѣкуцію" на конюшнѣ. „Вы не баринъ, а катъ", сказалъ ему одинъ изъ переселенныхъ его отцомъ „руськихъ"; за это дерзкаго страшно высѣкли, а потомъ, по выздоровленіи, сдали въ солдаты.

Лукьяновичъ ни въ чемъ себѣ не отказывалъ, жилъ какъ „царёкъ" въ Миргородѣ и у себя въ Марьинскомъ. Онъ постоянно выписывалъ разные товары изъ Полтавы, Харькова и

---

1) См. «Кіевская Старина» 1899 г., № 1-й. Документы, извѣстія и замѣтки, стр. 5.

даже, не смотря на тогдашнее бездорожье, изъ-за границы. Самъ онъ часто уѣзжалъ въ Полтаву и другіе города, гдѣ жилъ очень широко. Дома онъ часто устраивалъ роскошные пиры чуть не для всего уѣзда—для этого вина бочками выписывались изъ Франціи. Онъ былъ завзятымъ охотникомъ, содержалъ большую свору собакъ и множество верховыхъ и выѣздныхъ лошадей. Устраиваемыя имъ охоты отличались многолюдствомъ и пышнымъ угощеніемъ.

На такую жизнь средствъ его не хватило; скоро послѣ освобожденія крестьянъ онъ лишился своего имѣнія. Жена еще раньше оставила его и поселилась въ своемъ имѣніи въ Ананьевскомъ уѣздѣ, Херсонской губ.; мужу она выдала вексель на 80 тыс. руб., но послѣдній былъ похищенъ у него, такъ что послѣ смерти жены онъ ничего не могъ взыскать. Послѣ нея у него оставалось еще право на вдовью часть, но самъ онъ по старости и болѣзни не могъ добиться утвержденія въ правахъ наслѣдства, поэтому онъ уступилъ его своему бывшему сослуживцу по полку, поляку Терлицкому, который обязался за это до смерти содержать его. Терлицкій повезъ его къ себѣ въ Ананьевскій уѣздъ, но потомъ, когда брачнаго свидѣтельства не могли разыскать и когда поэтому оказалось очень труднымъ осуществить право на вдовью часть, Терлицкій отказался содержать его. Больного и немощного старика Лукьяновича взялъ теперь къ себѣ помѣщикъ Оринкинъ; въ виду сильныхъ и частыхъ припадковъ падучей болѣзни, Оринкинъ для ухода за больнымъ нанялъ отставного солдата. Однажды послѣдній, желая удалиться на всю ночь, съ вечера связалъ Лукьяновичу руки и ноги лосиной кожей; въ такомъ видѣ утромъ нашли его мертвымъ 21 г. тому назадъ.

Когда Лукьяновичъ навсегда уѣхалъ изъ Марьинскаго къ Терлицкому, печальная судьба постигла и принадлежавшую ему библіотеку; ее вынесли изъ дому и свалили на чердакѣ, въ коморѣ и въ конюшнѣ; тамъ всякій могъ брать книги, и вскорѣ библіотеку растащили; Татарчукъ взялъ всего одну книгу, которая донынѣ сохранилась у него—это „Предсказатель, составленный Мутомъ,

въ переводѣ на россійскій языкъ", изд. въ С.-Петербургѣ въ 1778 г. Что касается портретовъ, писанныхъ Шевченкомъ, то ихъ забрала въ Херсонскую губернію, гдѣ они и пропали, дочь Лукьяновича Софія Александровна, бывшая замужемъ за Крыжановскимъ; дальнѣйшая судьба г-жи Крыжановской, по разсказамъ Татарчуковъ, была не совсѣмъ обычной и очень печальной.

Вотъ приблизительно все, извлеченное мною изъ разсказовъ Татарчуковъ о пребываніи Шевченка въ Марьинскомъ и объ А. А. Лукьяновичѣ. Это очень немного, но и это немногое теряетъ свой колоритъ въ моемъ пересказѣ—не смогъ я передать того горячаго чувства симпатіи, даже поклоненія, которыя слышатся въ каждомъ словѣ этихъ глубокихъ стариковъ, когда они вспоминаютъ о Шевченкѣ; это неостывшее съ годами сочувствіе становится еще ярче по контрасту съ враждебнымъ чувствомъ, которымъ проникнуты ихъ воспоминанія о бывшемъ ихъ владѣльцѣ.

Чѣмъ снискалъ Шевченко такую благодарную память этихъ неграмотныхъ людей? Зависѣло это, какъ мнѣ кажется, отъ особенностей отношеній его къ меньшей братіи, особенностей, рѣзко отличавшихся отъ отношеній къ ней въ тѣ времена другихъ интеллигентныхъ людей. Освѣщеніе отношеній Шевченка къ простонародью и ихъ историческая и этическая оцѣнка лежитъ на обязанности будущихъ біографовъ незабвеннаго Кобзаря. Любовь къ крестьянской массѣ, сочувствіе къ ея горькой долѣ, неволѣ, страданіямъ и бѣдности живымъ ключемъ бьетъ въ его произведеніяхъ. Но эта любовь сказывалась не только въ его произведеніяхъ,—она постоянно проявлялась и въ его поведеніи. Онъ не только не скрывалъ своего крестьянскаго происхожденія, что встрѣчается рѣдко и теперь, а 50 лѣтъ тому назадъ было самымъ незауряднымъ явленіемъ; но, напротивъ, неизмѣнно подчеркивалъ это происхожденіе свое, гордился имъ. Любовь свою къ народу онъ выказывалъ всегда и словомъ, и дѣломъ. И меньшая братія глубоко цѣнила это необычное отношеніе къ ней земляка, вышедшаго въ паны. Если изъ воспоми-

наній г-жи Крапивиной мы знаемъ, какъ полюбили „дядьку Тараса" дѣти, къ которымъ онъ выказывалъ такую доброту и любовь, если изъ многихъ воспоминаній намъ извѣстно, какъ, знакомясь съ поэтомъ, цѣнили его лучшіе люди того времени, то на простолюдиновъ личность Шевченка и отношенія его къ нимъ должны были производить прямо таки неизгладимое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что ничего подобнаго они не видѣли со стороны другихъ пановъ. Авторъ „Граматки" любилъ крестьянство не только въ его совокупности, но и въ каждой отдѣльной личности изъ крестьянской среды; онъ знакомился и сближался съ нею, всегда находилъ подходящій матеріалъ для бесѣдъ, совѣтовъ и утѣшеній. Приведу лишь случайно дошедшія до меня свѣдѣнія, обрисовывающія отношенія Шевченка къ землякамъ—простолюдинамъ.

Покойный В. М. Юзефовичъ въ 1863 г. разсказывалъ мнѣ, что Тарасъ Григорьевичъ былъ въ большой дружбѣ съ Василіемъ, лакеемъ его отца М. В. Юзефовича. Въ годы, предшествовавшіе ссылкѣ 1847 г., Шевченко вмѣстѣ съ Костомаровымъ и Кулишомъ былъ желаннымъ гостемъ въ салонѣ М. В. Юзефовича и въ его кабинетѣ помощника попечителя Кіевскаго учебнаго округа. Часто бывая здѣсь по приглашенію, Шевченко познакомился и подружился съ Василіемъ; и вотъ онъ сталъ посѣщать послѣдняго, проводить съ нимъ въ передней цѣлые часы, не мало шокируя этимъ „господъ". Иногда, направляясь по приглашенію къ послѣднимъ, онъ въ передней вступалъ въ разговоръ съ Василіемъ; бесѣда затягивалась, и Шевченко слишкомъ поздно являлся въ гостинную. Объ этомъ знакомствѣ Шевченко не забылъ и во время продолжительнаго невольнаго отсутствія: послѣ возвращенія изъ ссылки, онъ, будучи въ Кіевѣ, ни разу не сдѣлалъ визита Юзефовичу, но съ Василіемъ онъ возобновилъ знакомство, посѣтилъ его и приглашалъ къ себѣ.

Припоминается мнѣ еще эпизодъ, въ которомъ также выразились особенности общенія Шевченка съ простолюдиномъ и сильное вліяніе, которое онъ оказывалъ на него. Въ 1864-мъ году я проживалъ лѣтомъ на дачѣ въ Китаевѣ (въ окрестностяхъ

Кіева). Здѣсь 6-го августа въ храмовой праздникъ всегда собирается много народу изъ Кіева, преимущественно простого. Послѣ богослуженія усаживаются въ лѣсу на голой землѣ небольшими группами, являются самовары, угощеніе, пѣніе и другія развлеченія. Въ томъ году я замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ сравнительно большую толпу, человѣкъ около 30-ти; подойдя ближе, я увидѣлъ, что посреди толпы на пнѣ срубленнаго дерева стоялъ небольшого роста и слабаго сложенія человѣкъ въ коричневомъ сюртукѣ и обыкновенной фуражкѣ; съ виду ему было около 40 лѣтъ, лицо его, въ этотъ моментъ очень красное и сильно вспотѣвшее, было выбрито, кромѣ усовъ. Громко и внятно обращался онъ къ окружающимъ съ украинской рѣчью, говорилъ онъ съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ и съ сильной жестикуляціей. На мой вопросъ, кто это, стоявшій тутъ же слушатель отвѣтилъ мнѣ, что это кіевскій мѣщанинъ, портной Чапыга. Рѣчь его представляла какую-то восторженную импровизацію, не отличавшуюся послѣдовательностью; онъ говорилъ о прошломъ Украины, о козакахъ, о гетьманщинѣ и ея уничтоженіи, объ императрицѣ Екатеринѣ II, Потемкинѣ, разореніи Запорожья, о Магдебургіи и ея уничтоженіи, о крѣпостномъ правѣ, объ освобожденіи крестьянъ и надѣлѣ ихъ землею. Къ козачеству, Запорожью, Магдебургіи и къ крестьянству Чапыга относился съ глубочайшимъ сочувствіемъ, а къ врагамъ ихъ, на которыхъ онъ указывалъ, съ безпощадной ненавистью. Рѣчь его не лишена была своеобразной силы и остроумія; въ ней постоянно приводились мѣткія пословицы, отрывки изъ народныхъ пѣсенъ, всего чаще изъ произведеній Шевченка, но отличалась она, кромѣ отсутствія послѣдовательности, также безпощадными, часто очень циничными сарказмами. Кончилось собраніе очень неожиданно: бывшіе въ числѣ слушателей солдаты обидѣлись за какую-то направленную по ихъ адресу остроту Чапыги; началась взаимная брань, скоро перешедшая въ драку; толпа разсѣялась. Въ теченіе года я еще раза два встрѣчалъ Чапыгу; мои знакомые видѣли его не разъ на народныхъ гуляніяхъ, а также на вечерахъ въ Жандармскомъ саду (садъ находился тамъ, гдѣ теперь Николаевская, Ольгин-

ская и Меринговская улицы); его всегда окружала толпа, къ которой онъ, не всегда трезвый, обращался съ рѣчами, сходными со слышанной мною въ Китаевѣ. Вскорѣ потомъ я уѣхалъ изъ Кіева, и дальнѣйшая судьба Чапыги мнѣ неизвѣстна. Вспомнилъ я о немъ, потому что въ своихъ рѣчахъ онъ постоянно упоминалъ о Шевченкѣ, котораго глубоко почиталъ. Онъ приводилъ нѣкоторыя подробности, впрочемъ извѣстныя, изъ жизни Шевченка, разсказывалъ о его происхожденіи и грустной молодости, о его ссылкѣ, возвращеніи и смерти. При этомъ онъ постоянно ссылался на близкое личное знакомство съ Шевченкомъ, упоминалъ о томъ, что послѣдній не разъ бывалъ у него и у его пріятелей, подтверждалъ свои сообщенія ссылкой на слова, слышанныя отъ самого поэта; въ его словахъ о послѣднемъ ясно выражалось безусловное довѣріе къ авторитету Шевченка, чрезвычайное уваженіе къ нему какъ результатъ не только знакомства съ печатными его произведеніями, но и личнаго съ нимъ общенія.

Рѣзко отличался отъ Чапыги другой кіевскій мѣщанинъ, хоть и сходившійся съ нимъ въ основныхъ мнѣніяхъ, также личный знакомецъ Тараса Григорьевича. Узналъ я его также случайно. Въ 1874 г. я пригласилъ къ себѣ на нѣсколько дней для работъ столяра, занимавшагося во дворѣ, гдѣ я квартировалъ. Ко мнѣ явился высокаго роста нѣсколько сгорбленный старикъ лѣтъ 60-ти съ правильными чертами лица и окладистой черной съ просѣдью бородой; на немъ была простая повседневная одежда рабочаго. Назвалъ онъ мнѣ свою фамилію Киселевскій и тутъ же съ гордостью указалъ на свою принадлежность къ Кіевскимъ старожилымъ мѣщанамъ. Когда я спросилъ его, почему онъ прибавляетъ названіе „старожилый“, Кисилевскій сталъ спокойно разсказывать мнѣ о Магдебургіи и о прежнихъ мѣщанскихъ правахъ. Къ прежней организаціи Кіева до введенія шестигласной думы онъ относился съ глубокимъ сочувствіемъ; его всего болѣе прельщали въ ней привилегіи мѣщанъ, принадлежавшихъ къ цехамъ, ихъ самоуправленіе, судъ и собранія. Съ гордостью вспоминалъ онъ о процессіяхъ при участіи городской милиціи, пѣшей

и конной, въ красивой формѣ съ ея гарматами, знаменами и музыкой. Съ грустью, но спокойно говорилъ онъ о „скасуваніи“ Магдебургіи при послѣднемъ войтѣ Кисилевскомъ—къ этому своему однофамильцу онъ относился враждебно. „Винъ одцурався видъ своихъ, прыставъ до панивъ“, говорилъ онъ и привелъ цѣлый разсказъ о томъ, какъ этотъ войтъ продалъ мѣщанскія привилегіи. Шестигласная дума представлялась ему ничтожной, а къ „приписнымъ“ мѣщанамъ, противополагая ихъ старожилымъ, онъ относился враждебно и съ аристократическимъ высокомѣріемъ.

Войдя въ мой кабинетъ, Кисилевскій увидѣлъ гипсовый бюстъ Шевченка по модели П. П. Забѣлло. Остановившись, онъ набожно перекрестился и проговорилъ: „Царство Тоби небеснее, дядьку Тарасе“! Я уже зналъ, что старикъ неграмотенъ, и потому спросилъ, почему онъ знаетъ Шевченка. Оказалось, что онъ былъ близко знакомъ съ послѣднимъ, который не разъ посѣщалъ его и другихъ мѣщанъ въ ихъ домахъ въ кіевскомъ предмѣстьи Куреневкѣ. Когда „дядько Тарасъ“ приходилъ къ кому-нибудь изъ нихъ, то хозяинъ обыкновенно приглашалъ своихъ пріятелей: приходъ Шевченка преимущественно бывалъ въ праздники и былъ для всѣхъ праздникомъ, разсказывалъ Кисилевскій. Происходило угощеніе „якъ на весилли“, много пѣли, Шевченко декламировалъ свои произведенія и много разсказывалъ о старинѣ, о крѣпостномъ правѣ, о разныхъ бѣдствіяхъ украинскаго народа. „Вінъ все говорыть, а мы слухаемо, а часомъ и плачемо“, прибавилъ Кисилевскій. Слушая въ 1899-мъ году Татарчуковъ, я живо вспомнилъ о Кисилевскомъ, съ которымъ бесѣдовалъ за 25 лѣтъ передъ тѣмъ: старики съ одинаковой любовью, вѣрнѣе съ благоговѣніемъ относились къ памяти Тараса Григорьевича. И въ обоихъ случаяхъ передо мной неотразимо стояла мысль о томъ, что Шевченко, такъ часто обращавшійся къ образованнымъ землякамъ своимъ съ завѣтомъ, ярко выраженнымъ въ стихахъ „обнимите-жъ, браты мои, найменьшого брата“, самъ въ своей жизни свято исполнялъ этотъ завѣтъ, служа для современниковъ и потомства найболѣе яркимъ образцомъ любви къ родному народу.

В. Беренштамъ.

Памяти Николая Ивановича Гулака [1].

3 марта 1847 года студентъ кіевскаго университета Петровъ донесъ попечителю учебнаго округа Трескину, что онъ открылъ существованіе въ Кіевѣ тайнаго общества, основаннаго съ злонамѣренною политическою цѣлью чиновникомъ Гулакомъ. Въ подтвержденіе своего доноса Петровъ представилъ копію „устава славянскаго общества св. Кирилла и Меѳодія", списанную у Гулака. Документъ этотъ и послужилъ главною основою для обширнаго разслѣдованія, которое окончилось такъ трагически не только для самого Гулака, но и для его пріятелей и знакомыхъ: Шевченка, Костомарова, В. Бѣлозерскаго, Кулиша, Андрузскаго, Аѳ. Марковича, Посяды и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, такъ или иначе пострадавшихъ по этому фатальному дѣлу. Главнымъ иниціаторомъ замысла „украино-славянистовъ" выставленъ былъ Гулакъ, въ то время 25-лѣтній юноша, и на его же долю выпала одна изъ самыхъ тяжкихъ каръ: по конфирмаціи 28 мая 1847 г., рѣшено было заключить его на три года въ Шлиссельбургскую крѣпость и потомъ отправить въ отдаленную губернію, подъ строжайшій надзоръ, „буде исправится въ образѣ мыслей", какъ оговорено на докладѣ гр. Орлова имп. Николаемъ I.

Истинный характеръ и значеніе мнимаго Кирилло-Меѳодіевскаго общества нынѣ болѣе или менѣе выяснены. Самъ графъ

---

[1]) Кромѣ опубликованныхъ матеріаловъ, замѣтка составлена по разрозненнымъ набоскамъ покойнаго Н. А. Ригельмана, переданнымъ въ редакцію его сыномъ.

Орловъ въ докладѣ имп. Николаю I [1]) заявилъ, что общество это „было не болѣе, какъ ученый бредъ трехъ молодыхъ людей", Костомарова, Гулака и В. Бѣлозерскаго, и существовало въ мысляхъ этихъ людей лишь нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ чего они сами поняли, что идеи ихъ были только ученыя мечты. Изъ доклада видно, что темъ молодымъ ученымъ вмѣнялось въ вину намѣреніе соединить всѣхъ славянъ подъ скипетромъ русскаго императора и что въ ихъ собраніяхъ происходили неосторожные и неосновательные разговоры о предметахъ, о коихъ надлежитъ вѣдать правительству, а не ученымъ мечтателямъ. Но гр. Орловъ провидѣлъ послѣдствія этихъ мечтаній, медленныя и тѣмъ болѣе опасныя. Это заставило его предложить рядъ мѣропріятій въ отношеніи славянофиловъ вообще и остановить особое вниманіе на украино-славянистахъ. Трудно исчислить тяжкія для литературы и культурнаго развитія нашего отечества послѣдствія, такъ или иначе связанныя съ дѣломъ кирилло-меѳодіевскаго общества. Послѣдствія эти были медленныя и постепенныя, но тѣмъ болѣе опасныя, и поневолѣ думается: кто же были эти свирѣпые ученые мечтатели, привлекшіе такую внимательность власти?

Изъ трехъ мечтателей менѣе всего извѣстенъ Н. И. Гулакъ. Послѣ его смерти (26 мая 1899 года) появился въ „Рус. Вѣдомостяхъ" (№ 248 отъ 8 сентября) краткій некрологъ А. Хаханова, да въ галицкомъ „Літер. Науков. Вістн." (кн. XII, дек. 1899 г.) небольшая замѣтка г. М. Грушевскаго,—вотъ, кажется, и все. О несчастныхъ мечтателяхъ и неудачникахъ много говорить не принято.

Н. И. Гулакъ принадлежалъ къ средней помѣщичьей семьѣ золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи, жившей въ с. Гулаковкѣ. Родился въ 1822 году, высшее образованіе получилъ въ Дерптѣ, гдѣ окончилъ юридическій факультетъ съ званіемъ кандидата, а въ ноябрѣ 1854 г. поступилъ на службу въ штатъ канцеляріи кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова по секрет-

---

[1]) Напечатанъ въ Рус. Архивѣ 1892 г. кн. VII,. стр 335—359.

ному отдѣленію. По отзывамъ Костомарова и Бѣлозерскаго, Гулакъ прошелъ въ Дерптѣ прекрасную научную школу и явился въ Кіевъ съ отличными познаніями и широкими научными запросами. Встрѣча и сближеніе съ такими людьми, какъ Костомаровъ, Кулишъ, Бѣлозерскій, конечно не могла ослабить этотъ огонь любви къ наукѣ, горѣвшій въ Гулакѣ до конца его последнихъ дней. Припомнимъ, что къ этому времени относится начало трудовъ кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ,— въ этомъ дѣлѣ принимали горячее участіе Юзефовичъ (М. В.), Иванишевъ, Ригельманъ, не говоря уже о Костомаровѣ и Кулишѣ. Гулакъ былъ прикомандированъ къ коммиссіи для помощи при изданіи лѣтописи Величка, какъ объяснялъ Костомаровъ, или для перевода древнихъ бумагъ, какъ значится въ одномъ оффиціальномъ документѣ. По словамъ Костомарова, Гулакъ спеціально занимался исторіей Помераніи, но подъ вліяніемъ новой среды въ Кіевѣ мысль его направилась на общеславянскія изученія, которыя онъ считалъ необходимыми, чтобы научно обосновать и осмыслить свою дѣятельность среди родного народа. Какъ и Ригельманъ [1]), онъ находился въ перепискѣ съ извѣстнымъ Вячеславомъ Ганкой. „Преимущественное вниманіе—писалъ ему, между прочимъ, Гулакъ—обращалъ я до сихъ поръ на правомѣрныя отношенія низшихъ сословій какъ въ Россіи, такъ и у прочихъ славянъ, именно на рабовъ, невольниковъ, холоповъ, крестьянъ, подданныхъ и проч., какъ на предметъ, по важности и современности своей, предпочтительно предъ другими заслуживающій внимательнаго изученія". Гулакъ просилъ Ганку прислать ему всѣ книги, изъ которыхъ можно почерпнуть свѣдѣнія по этимъ вопросамъ. Есть свѣдѣнія, что онъ занимался съ Костомаровымъ сербскимъ языкомъ, пользовался книгами изъ университетской библіотеки, предполагалъ занять мѣсто учителя исторіи въ гимназіи послѣ Костомарова и готовился къ экзамену на магистра правъ, но, по словамъ Кулиша, не выдержалъ его, послѣ чего и рѣшилъ (въ началѣ 1847 г.) переѣхать въ Петербургъ.

Этотъ человѣкъ съ задатками нѣмецкаго гелертера живѣйшимъ образомъ интересовался также и вопросами современности, что и было уловлено чуткимъ ухомъ Петрова, подслушивавшаго сперва только изъ-за стѣны разговоры, происходившіе въ квартирѣ Гулака, въ домѣ протоіерея Андреевской церкви Завадскаго. Съ Гулакомъ жилъ двоюродный братъ его, студентъ ун—та Навроцкій, часто навѣщалъ его землякъ, тоже студентъ, Аѳ. Марковичъ, студенты Тулубъ, Посяда, Андрузскій; приходили Костомаровъ, Кулишъ, Бѣлозерскій, Пильчиковъ, молодые педагоги; бывали пріѣзжіе земляки и знакомые; раза три бывалъ и Шевченко. Въ этомъ дружескомъ кружкѣ, куда втерся и Петровъ, кипѣла живая бесѣда по всевозможнымъ вопросамъ прошлаго и настоящаго,—а Петровъ отмѣчалъ, что требовалось для доноса. Сходились пріятели также у Костомарова и Кулиша. Говорили о литературѣ, философіи, юриспруденціи, Германіи, дерптскомъ университетѣ, о крестьянахъ, политической экономіи, религіи; о нѣмецкихъ ученыхъ, чуждыхъ практическаго взгляда на жизнь; о необходимости освобожденія крестьянъ, образованія ихъ. Надѣялись, что русскіе помирятъ философію съ религіею. Говорили о неокатолицизмѣ, Штраусѣ. Словомъ, говорили обо всемъ, о чемъ, mutatis mutandis, и нынѣ говорятъ мечтатели, чуждые практическаго взгляда на жизнь. Внимательный Петровъ отмѣтилъ особенно рѣчи земляка Гулака, помѣщика Савича, интересовавшагося соціальнымъ движеніемъ на Западѣ. Случалось слышать эти кипучія рѣчи и Шевченку, который упрямо твердилъ свое: „я ничого не хочу, тилькы щобъ люде свого не цуралысь".

Въ этомъ блистательномъ кружкѣ молодыхъ мечтателей, кипѣвшихъ любовью къ родному народу, его славному и тяжкому прошлому, ужасавшихся угнетеннымъ положеніемъ закрѣпощенной массы и думавшихъ открыть ей перспективы широкаго развитія въ будущей славянской федераціи [1]), Гулакъ выдѣлялся своимъ безпощаднымъ критицизмомъ, постоянымъ стрем-

[1]) Н. И. Костомаровъ, Литер. наслѣдіе, 62.

леніемъ поставить каждый вопросъ спора на широкомъ философскомъ основаніи. Съ рождества 1845 г. по февраль 1846 г. въ его квартирѣ проживалъ Костомаровъ, въ то время учитель исторіи въ кіевской первой гимназіи, и къ этому именно времени относится наибольшее увлеченіе друзей идеей славянской взаимности. В. Бѣлозерскій [1]) отмѣчаетъ, что Костомаровъ обращалъ вниманіе друзей на изученіе фактовъ и совѣтовалъ бросить славянскую хвастливость; Гулакъ, будучи характера серьезнаго и укрѣпленнаго нѣмецкою ученостью, требовалъ, чтобы Костомаровъ доказывалъ свои мысли фактами. Они стали подвергать историческую жизнь славянъ строгому критическому разбору и серьезнѣе заниматься изученіемъ славянскихъ народовъ. Первое и главное средство къ этому—языкъ изучаемаго народа, и такъ какъ малорусскій языкъ былъ къ нимъ ближайшимъ, то они обратились къ занятію имъ. Съ этимъ соединилось изученіе русской исторіи, и ихъ стали занимать всѣ подробности древней ея части: они, можно сказать, погрузились тогда въ имена и факты. Толковали о норманнахъ и варягахъ, ятвягахъ, берендѣяхъ, торкахъ, и, по словамъ Бѣлозерскаго, скучны были эти бесѣды для студентовъ Маркевича и Навроцкаго, жаждавшихъ живого дѣла на пользу народа и боготворившихъ Шевченка. Сложный процессъ мысли, происходившій въ Гулакѣ, вѣроятно былъ не вполнѣ понятенъ младшему поколѣнію. Изъ дерптскаго университета вынесъ Гулакъ рѣдкія познанія, любовь къ наукѣ и нѣмецкую честность и добропорядочность. Онъ желалъ, чтобы все существующее вытекало изъ логическихъ законовъ, и осуждалъ всякій поступокъ, который расходился съ этими законами. Во всѣхъ дѣйствіяхъ Гулака выражалась необыкновенная скромность и благоразуміе, свойственныя его характеру; поступки его были запечатлѣны честностью и уваженіемъ къ праву каждаго человѣка на обходительное съ нимъ обращеніе. Сужденіе свое онъ предлагалъ съ величайшею осто-

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1897 г., февраль: Кіевскіе славянисты сороковыхъ годовъ, стр. 183.

рожностью и безъ самоувѣренности, какъ бы ни былъ убѣжденъ въ справедливости своей мысли. „Вы, я думаю—писалъ, между прочимъ, Гулаку Бѣлозерскій изъ Полтавы въ 1846 году—такъ много трудитесь для общественной пользы, ваши предположенія такъ дальновидны и благородны, что я многимъ, многимъ готовъ-бы пожертвовать, чтобы хоть во снѣ живо почувствовать благодѣтельное впечатлѣніе вашей бесѣды“. Аѳ. Марковичъ писалъ Гулаку съ паѳосомъ: „Любовь самая горячая, какую только воображалъ я—да что, воображалъ? и не воображалъ никогда!—къ нашей плачевной родинѣ, поразила меня до глубины души. Какъ! Любить такъ, какъ вы любите,—не какъ предметъ вашей жизни и занятій, безкорыстно, съ вѣрою и надеждою? Да кто, скажите, кто такъ любитъ или любилъ когда Малороссію?.. Вы понимаете, чего стòитъ, какой любви родина наша; понимаете, потому что любите ее возвышеннѣйшею въ свѣтѣ любовью; въ разливѣ своего неограниченнаго чувства вы надѣетесь и ждете отъ насъ больше, чѣмъ мы можемъ сдѣлать для нашей родины. Не хочу называть другихъ, а укажу только на себя, на котораго вы надѣетесь, якъ на передни волы“...

Видно, что Гулакъ старался поддержать въ своихъ молодыхъ друзьяхъ изъ студентовъ стремленіе къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ. Такъ, онъ упрекаетъ Посяду, что тотъ не занимался славянскими языками, самъ преподаетъ нѣмецкій языкъ Марковичу и Навроцкому; наканунѣ выѣзда въ Петербургъ (въ началѣ 1847 г.) онъ присылаетъ Петрову „Акты, относ. къ исторіи Зап. Россіи“,—все это черточки мелкія, но онѣ даютъ понятіе о человѣкѣ.

Теоретическія разсужденія о роли славянства въ будущемъ и о бѣдствіяхъ народа въ настоящемъ не удовлетворяли Гулака. Видимо, онъ старался стать на почву живого дѣла на пользу народную. Онъ предложилъ издавать популярныя книги на понятномъ народу языкѣ и денежную складчину на это дѣло. На собранныя небольшія деньги, полученныя отъ Костомарова и Гулака, Кулишъ издалъ „Карманную книжку для помѣщиковъ или лучшій способъ управлять имѣніемъ“. Гулакъ обсуждалъ съ

Бѣлозерскимъ проектъ устройства въ Полтавѣ школы для дѣтей крестьянъ, объ изданіи журнала на всѣхъ славянскихъ языкахъ; подъ его вліяніемъ подготовленъ былъ Маркевичемъ для изданія переводъ на малорусскій языкъ „Сельскаго Чтенія“ Одоевскаго, съ нимъ обсуждался проектъ составленія популярной исторіи Украины и малорусскаго словаря.

Что заставило Гулака переѣхать въ началѣ 1847 г. въ Петербургъ, гдѣ онъ поступилъ на службу въ канцелярію совѣта университета, въ точности неизвѣстно. Быть можетъ, онъ разсчитывалъ найти въ столицѣ болѣе широкую арену для научной работы и практической дѣятельности на пользу родного народа. По крайней мѣрѣ, Кулишъ именно ради этого звалъ его въ столицу и отговаривалъ отъ возвращенія въ Дерптъ. „Здѣсь—писалъ Кулишъ Гулаку изъ Петербурга въ 1846 г.— вы можете достигнуть всѣхъ своихъ цѣлей еще лучше, нежели въ Дерптѣ, а между тѣмъ можете многое сдѣлать для литературы украинской. Во мнѣ вы найдете самаго преданнаго вамъ человѣка и, соединивши свои силы, мы съ вами приведемъ въ исполненіе многое. Еще разъ говорю: подумайте. Нужно вамъ сказать, что Василь Михайловичъ (Бѣлозерскій) можетъ быть также сюда пріѣдетъ, а въ Дерптѣ чтò вы найдете ему подобное? не правда-ли?“ Въ другомъ письмѣ: не „добро вамъ быти единому посреди нѣмецъ. Въ Петербургѣ такъ умѣютъ цѣнить всякое достоинство, что вы вездѣ найдете себѣ свободную дорогу; и то, что вы можете сдѣлать здѣсь, никогда не будетъ сдѣлано въ Дерптѣ... Нѣмцы холодны къ тому, отъ чего у насъ русскихъ головы трещатъ и сердца разрываются, и зачѣмъ же ѣхать въ страну отвлеченнымъ знаній, вмѣсто того, чтобы спѣшить принять участіе въ водоворотѣ современной русской жизни? Многое, многое вы здѣсь узнаете, о чемъ писать не подобаетъ“.

На Рождество 1846 года пріятели „колядовали“ въ квартирѣ Гулака. 9 января 1847 г. Гулакъ выѣхалъ въ Петербургъ и до Борзны ѣхалъ съ Шевченкомъ, а 18 марта того же года коллежскій секретарь Гулакъ былъ арестованъ по обви-

ненію въ принадлежности къ тайному обществу. Первый допросъ его происходилъ 1 апрѣля 1847 года.

Въ Кіевѣ между тѣмъ шла своя разборка. Какъ разсказываетъ Костомаровъ, [1]) на допросѣ въ ночь на 27 марта 1847 г. Писаревъ увѣрялъ, что Гулакъ подалъ на него, Костомарова, доносъ въ III отдѣленіе и представилъ его рукопись.—Исторія этой рукописи темна, но самъ же Костомаровъ признаетъ, что предъявленная ему 27 марта рукопись была взята у него, якобы ради дружеской услуги, въ тотъ-же день другимъ лицомъ, и конечно не Гулакомъ. Тѣмъ не менѣе, рѣчи допрашивающихъ о Гулакѣ, разсчитанныя на легковѣріе взволнованнаго Костомарова, произвели на послѣдняго сильное впечатлѣніе: въ душѣ его остался горькій осадокъ, явилось даже озлобленіе противъ отсутствующаго Гулака. Такое настроеніе печально отразилось на послѣдующихъ допросныхъ рѣчахъ Костомарова о Гулакѣ: знаменитый историкъ изобразилъ его, какъ человѣка, напитаннаго дерптскимъ корпоративнымъ духомъ, чуть-ли не помѣшаннаго на обществахъ, легкомысленнаго, поддававшагося впечатлѣнію отъ каждой новой книжки, вѣчно мѣнявшаго свои взгляды и вообще характера до крайности страннаго. Костомаровъ старался увѣрить допросителей,—что съ „глупѣйшими бреднями" Гулака объ образованіи какого то общества онъ не имѣлъ ничего общаго, и т. п. Еще когда Костомарова везли въ Петербургъ, на броварской станціи ночевалъ Андрузскій. Утромъ его вызвали къ Костомарову. „Я не вѣрю—разсказываетъ Андрузскій—выхожу,—точно онъ!—„За что васъ?" спросилъ я.—Да Гулакъ въ Петербургѣ чортъ знаетъ что написалъ, а на меня своротилъ, а сегодня—день моей свадьбы!—Сѣвши на повозку, Костомаровъ проговорилъ по французски: „скажите Марковичу, чтобы былъ остороженъ, и другимъ, а я отвѣчалъ по-французски же: храни васъ, Боже!"

Подозрѣнія противъ Гулака, внушенныя Костомарову въ Кіевѣ для удобства допроса, не имѣли и тѣни основанія. Какъ

---

[1]) А. Я. Конисскій. Жизнь укр. поэта. Т. Г. Шевченка. (Одесса, 1898), стр. 252.

сказано, первый допросъ Гулаку происходилъ 1 апрѣля 1847 года, послѣ предварительнаго изслѣдованія его бумагъ, въ которыхъ, кромѣ устава, не оказалось ничего, относящагося къ мнимому кирилло-меѳодіевскому обществу. На всѣ хитро поставленные вопросы объ обществѣ Гулакъ отвѣчалъ неизмѣннымъ: „не знаю". На вопросъ, почему Бѣлозерскій считаетъ художника Шевченка человѣкомъ, который способенъ угадывать потребности народа и даже цѣлаго вѣка, Гулакъ отвѣчалъ: вѣроятно потому, что въ немъ большія поэтическія дарованія. На вопросъ, почему въ найденной большой тетради Гулакъ старался показать положеніе рабовъ въ Россіи въ самомъ ужасномъ видѣ, послѣдовалъ краткій отвѣтъ: я старался показать ихъ положеніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно мнѣ самому представлялось.—Спокойная лаконичность отвѣтовъ Гулака производила крайне непріятное впечатлѣніе на допрашивающихъ,—она представляла рѣдкій контрастъ со словохотливостью и даже откровенностью нѣкоторыхъ другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, исключая, однако, Шевченка, который тоже не любилъ распространяться и ограничивался лишь неизбѣжнымъ, да Кулиша, который много показывалъ, но не удовлетворялъ любопытства. Слѣдственные матеріалы накопились въ огромномъ количествѣ, но какъ ихъ ни сортировали, все таки оказывались въ натурѣ лишь „ученыя бредни трехъ мечтателей", какъ иронизировалъ графъ Орловъ.— 15 мая 1847 г. Гулаку сдѣлана была очная ставка съ Бѣлозерскимъ, Костомаровымъ, Посядой, Андрузскимъ и Петровымъ. Цѣлью очной ставки было добиться отъ Гулака признанія въ ученыхъ мечтахъ, о которыхъ показали Костомаровъ и Бѣлозерскій. Отвѣтъ Гулака былъ неизмѣнно одинъ и тотъ же: не знаю. Послѣ этого Гулаку, вѣроятно, были предъявлены подлинныя, или въ выдержкахъ, показанія Костомарова и Бѣлозерскаго, потому что 17 мая онъ сдѣлалъ письменное заявленіе, что показанія ихъ на него совершенно справедливы, т. е. въ исходѣ 1845 г. и въ началѣ 1846 г. они условились общими силами содѣйствовать къ скорѣйшему соединенію всѣхъ славянскихъ племенъ подъ русской державой и распространенію въ нихъ пра-

вославія, уговорились носить въ память этого намѣренія кольца съ именемъ св. Кирилла и Меѳодія; что въ исходѣ 1846 года онъ сочинилъ и написалъ найденныя у него бумаги: уставъ общества св. Кирилла и Меѳодія и рукопись, именуемую „Законъ Божій"; никого къ обществу не старался привлекать и, сколько помнитъ, никакихъ политическихъ разговоровъ съ Андрузскимъ, Посядой и Петровымъ не велъ.

Въ дѣйствительности, уставъ общества былъ составленъ Бѣлозерскимъ, а рукопись „Законъ Божій", найденная въ бумагахъ Гулака, Костомаровымъ, чтό они и признали. Такимъ образомъ, Гулакъ думалъ своимъ показаніемъ снять или уменьшить кару Бѣлозерскаго и Костомарова. Если онъ и достигъ этой цѣли, то лишь косвенно и, такъ сказать, дѣйствіемъ контраста: неоткровенность его обратила на себя особое вниманіе гр. Орлова, который въ докладѣ имп. Николаю I аттестовалъ Гулака, какъ „главнаго руководителя украино-славянскаго общества, въ началѣ и долго запиравшагося въ своихъ преступныхъ замыслахъ, а еще болѣе, какъ человѣка, способнаго на всякое вредное для правительства предпріятіе". Этимъ и вызвана была оговорка въ конфирмаціи 28 мая 1847 г.: „буде исправится въ образѣ мыслей", тогда какъ Бѣлозерскій былъ освобожденъ отъ четырехмѣсячнаго содержанія въ крѣпости именно „за откровенность" и отправленъ прямо на службу въ Олонецкую губернію.

По выдержаніи въ Шлиссельбургской крѣпости, Гулакъ былъ сосланъ въ Пермь; черезъ годъ ему разрѣшено поступить на службу въ мѣстный статистическій комитетъ. Восемь лѣтъ спустя онъ переѣхалъ въ Одессу, гдѣ сперва преподавалъ русскій языкъ и географію во 2-й гимназіи, а съ 1861 г. математику въ ришельевскомъ лицеѣ. Затѣмъ судьба педагога занесла его въ Керчь, гдѣ онъ преподаетъ исторію и естественныя науки въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ; въ Ставрополѣ онъ обучаетъ гимназистовъ физикѣ, въ Кутаисѣ—физикѣ и космографіи, наконецъ, въ Тифлисѣ—математикѣ, физикѣ, латинскому и гре-

ческому языку. Вышелъ онъ въ отставку съ пенсіей въ 1886 г. Г. Грушевскій помнитъ его, какъ преподавателя греческаго языка въ третьемъ классѣ Тифлисской гимназіи въ 1880—81 году. Уже тогда Гулакъ выглядѣлъ разбитымъ старикомъ, съ трудомъ ходилъ и говорилъ и подвергался безжалостнымъ преслѣдованіямъ учениковъ. Особенно допекали ему пѣніемъ греческаго алфавита на мотивъ „И лидъ трищыть". Согбенный судьбою старецъ рѣдко посѣщалъ уроки и лишь дослуживалъ срокъ. Какъ говорятъ, въ тюрьмѣ ему дозволено было имѣть книги по математикѣ, и это дало новое направленіе его занятіямъ, результатомъ которыхъ были спеціальные труды: „О четвертомъ измѣреніи" и „О рѣшеніи трансцедентальныхъ уравненій" (на франц. языкѣ). Въ Тифлисѣ онъ изучилъ грузинскій языкъ и опубликовалъ разборъ грузинской классической поэмы Руставели „Барсова кожа" и персидскаго романа Гургани „Вепраміани", въ грузинскомъ переводѣ С. Тмогвели. Для „Сборника мат. для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа" имъ составлены статьи: „О знаменитомъ персидскомъ поэтѣ Низами и его поэмѣ„ „Походъ руссовъ противъ Бердаа" и „О мѣстѣ, занимаемомъ грузинскимъ языкомъ въ семьѣ индоевропейскихъ языковъ". По отзыву Хаханова, послѣдняя статья отличается новизною взглядовъ, но не рѣшаетъ вопроса о принадлежности картавельскихъ языковъ къ арійской семьѣ. Г. Горяевъ сообщилъ г. Грушевскому воспоминанія свои о Гулакѣ по Тифлису и Елисаветполю, гдѣ Гулакъ доживалъ дни въ семьѣ падчерицы. Въ Тифлисѣ знали Гулака, какъ человѣка необыкновенно благороднаго, честнаго и высоконравственнаго. Тюрьма и ссылка сдѣлали его чудакомъ. Онъ никому не кланялся, ни съ кѣмъ не разговаривалъ, неохотно и коротко отвѣчалъ на вопросы, ни у кого не бывалъ и къ себѣ не пускалъ, особенно въ библіотеку, куда не смѣла войти даже жена и падчерица. Почти ежегодно читалъ онъ въ Тифлисѣ публичныя лекціи о микробахъ, Нибелунгахъ, системѣ Конта и Лапласа, о „Барсовой кожѣ" Руставели, о спектральномъ анализѣ, Кирхгофѣ, Шопенгауэрѣ и т. д., но клубный залъ, гдѣ читались лекціи, далеко не изобиловалъ слушателями.

На археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ судьба снова свела Гулака съ давнимъ другомъ Костомаровымъ, который подошелъ къ нему и поцѣловалъ. Гулакъ смутился, не зналъ что сказать, что-то пробормоталъ и тотчасъ отошелъ къ прежнему своему собесѣднику. Костомаровъ былъ видимо изумленъ, такъ же какъ и свидѣтель этой тяжелой сцены г. Горяевъ.

Н. М.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Изъ воспоминаній В. Я. Карташевской о Т. Г. Шевченкѣ. Приведенный ниже разсказъ, полученный нами отъ бывшаго члена нѣжинскаго окружного суда, покойнаго Василія Яковлевича Макарова, извлеченъ изъ письма сестры его Варвары Яковлевны Карташевской, которое 24 февраля 1899 г. было написано въ отвѣтъ на обращенную къ ней просьбу—разсказать, что̀ она помнитъ о Т. Г. Шевченкѣ. Понявъ эту просьбу такимъ образомъ, что В. Я—чъ М—въ собирается написать статью для Кіев. Ст., и одобряя это намѣреніе, В. Я. К—ая сначала оговаривается, что мало можетъ помочь ему, а затѣмъ излагаетъ свои воспоминанія, къ которымъ, какъ написаннымъ наскоро и не для печати, нельзя конечно и предъявлять большихъ требованій. Будучи, къ сожалѣнію, слишкомъ краткими, эти воспоминанія прибавляютъ нѣсколько черточекъ къ исторіи попытокъ Шевченка жениться и къ характеристикѣ его бывшей невѣсты Лукерьи Полусмаковой, вывезенной Макаровыми изъ нѣжинскаго уѣзда. Такъ какъ авторомъ разсказа является лицо, хорошо знавшее, какъ Шевченка, такъ и Полусмакову, то матеріалъ этотъ, при всей его краткости, не можетъ не имѣть значенія для біографовъ Шевченка.

Н. Ш.

—

«Я познакомилась съ Шевченкомъ въ 58 году, когда его вернули изъ ссылки. Встрѣтилась я съ нимъ на вечерѣ у В. М. Бѣлозерскаго, пріятеля брата Nicolas [1]). Съ перваго нашего знакомства у насъ съ

[1]) Т. е. Николая Яковлевича Макарова.

Т. Г. завязались дружескія отношенія. Онъ приходилъ часто по вечерамъ. Говорилъ откровенно о своей неудачной и загубленной жизни. Читалъ мнѣ стихи. Разъ вечеромъ очень взволнованный ходилъ по комнатѣ и попросилъ у меня листъ бумаги, присѣлъ и написалъ мнѣ «Садокъ вышневый коло хаты» [1]). Онъ признался, что на старости лѣтъ ему хотѣлось бы жениться и имѣть такую обстановку съ хаткой и садикомъ. На его горе, въ 59 году *maman* пріѣхала ко мнѣ и привезла съ собою Лукерію. Она ему очень понравилась. Дѣйствительно, она была молода, свѣжа, но я увѣряла его, что нравственно она ничего не стоитъ; ко всѣмъ своимъ недостаткамъ она была очень лѣнива. Онъ поэтизировалъ ее и говорилъ, что всѣ эти недостатки пройдутъ, когда она будетъ чувствовать себя свободной. Онъ ошибался. По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, я просила братьевъ дать лакею Николаю свободу, а позже и Лукеріи дали свободу. Это не измѣнило ее къ лучшему.—Я вспомнила, что Лукерія пріѣхала въ Петербургъ совсѣмъ больная; докторъ объявилъ у ней чахотку. Мы всѣ потревожились. и добрый Nicolas самъ отвезъ ее въ больницу, гдѣ она провела шесть недѣль. Послѣ болѣзни она очень расцвѣла, и бѣдный Шевченко болѣе прежняго влюбился. Весной въ 60-мъ году я съ больнымъ мужемъ уѣхала за границу, а Лукерію помѣстила у жены Кулиша. Тамъ Лукерія не хотѣла работать, и Шевченко перевезъ ее къ своимъ пріятельницамъ, m—me Ивановой, сестрѣ графини Толстой. Ее тамъ баловали и носили на рукахъ. Нашли нужнымъ взять ей учителя, который, какъ говорили, началъ за ней ухаживать. Бѣдный Шевченко не выдержалъ, разбранилъ ее и прогналъ. Лукерія писала мнѣ за границу, что она умоляетъ меня опять взять ее въ услуженіе. Но я категорически отказала и совѣтовала искать мѣста. Она была недолго во французскомъ магазинѣ, гдѣ продавала бѣлье, и потомъ переѣхала въ Царское село и вышла замужъ за парикмахера. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она приходила ко мнѣ, но я ее съ трудомъ узнала, до того она измѣнилась. Объявила, что она прогнала своего мужа за пьянство, но парикмахерскую не закрыла. Бѣдный Шевченко былъ очень огорченъ своимъ неудачнымъ сватовствомъ. Я съ Надей [2])

---

[1]) Кажется, „Садокъ“ былъ прежде напечатанъ, такъ что стихи не были экспромптомъ.—„Примѣчаніе В. Я. К—ой. Оно написано было въ 1847 году и посвящено Аф. Ал. Лазаревской; печатается въ изданіяхъ „Кобзаря“ подъ заглавіемъ „Вечиръ“.

[2]) Дочь В. Я. К—ой.

ѣздила въ Академію къ нему. Онъ рисовалъ Надинъ портретъ, который, къ сожалѣнію, исчезъ, какъ всѣ мои вещи, оставленныя въ Питерѣ. Съ Тургеневымъ я случайно встрѣтилась у Шевченка въ его студіи. Онъ слышалъ о нашихъ малороссійскихъ вечерахъ и просилъ позволенія пріѣхать. Тогда появилась малороссійская писательница Марко Вовчокъ (Маркевичъ). Бѣлозерскій и Шевченко возносили ее до небесъ. Шевченко послѣ каждаго разсказа кричалъ: «Шекспиръ, Шекспиръ!»

—

Оканчивая на этомъ свой разсказъ о Шевченкѣ, В. Я. К—ая въ дальнѣйшемъ изложеніи письма извиняется, что за давностью лѣтъ и старостью не можетъ больше ничего вспомнить.

Какъ поминали въ церквяхъ гетмана Разумовскаго. Приводимый ниже указъ о формѣ этого поминовенія отысканъ мною при разборѣ архива въ Николаевской церкви села Свиржа, Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, Черниговской губ. Считаю нелишнимъ предварительно сказать нѣсколько словъ объ исторіи этого стариннаго поселенія.

Село Свиржъ (въ архіепископскихъ грамотахъ и гетманскихъ универсалахъ „Свѣржъ") съ сосѣдними съ нимъ селами, принадлежало въ XVII ст. къ числу владѣній Черниговской архіепископской каѳедры и служило центральнымъ мѣстомъ, откуда исходили распоряженія по управленію за-Десенскими [1]) „маетностями" монастыря: это была „волость", гдѣ всегда находился монахъ, называемый въ указахъ „правителемъ". Архіепископъ черниговскій Лазарь Барановичъ, жившій нѣкоторое время въ Новгородъ-Сѣверскѣ, вѣроятно, бывалъ и въ Свиржѣ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ гетману Брюховецкому онъ, жалуясь на то, что у него отобрали три монастырскія маетности, рыбныя озера, перевозъ на р. Деснѣ, упоминаетъ также и объ отнятомъ „млынкѣ на Свѣржи", который „надали монастирю прошліи гетмани". Позже, именно въ 1707 г., здѣсь была даже церковь въ честь Лазаря, построенная, вѣроятно, однимъ изъ преемниковъ Барановича по черниговской каѳедрѣ. Это видно изъ старинной надписи на иконѣ Богородицы, гдѣ можно прочесть: «изо-

---

[1]) Рѣка Десна дѣлитъ Новг.-Сѣверскій уѣздъ на двѣ части.

бразися икона сія до храму св. и праведнаго Лазаря, до Свѣржа року 1707». Впослѣдствіи, какъ говоритъ мѣстное преданіе, эта церковь была перенесена въ сосѣднее село Антоновку, а въ Свиржѣ построенъ, существующій нынѣ, Николаевскій храмъ. Это было, какъ видно изъ данныхъ церковной лѣтописи, приблизительно между 1745—1750 г.

Красивое мѣстоположеніе Свиржа, къ тому-же защищеннаго въ былыя времена непроходимыми лѣсами, привлекало иной разъ къ себѣ и позднѣйшихъ черниговскихъ архіереевъ. Такъ, изъ частной переписки черниговскаго полковника Павла Леонтьевича Полуботка съ архіепископомъ Иродіономъ Жураковскимъ видно, что послѣдній жилъ нѣкоторое время въ Свиржѣ.

Приводимый указъ, относящійся къ 1751 году, имѣетъ нѣкоторый интересъ, какъ документъ для оцѣнки отношеній императрицы Елисаветы Петровны къ графу гетману Кир. Григ. Разумовскому. Ее, какъ видно, смущало плебейское происхожденіе Разумовскаго. Какъ извѣстно, она приказала даже составить особую генеалогическую таблицу, гдѣ доказывалось, что родъ Разумовскихъ ведетъ свое начало чуть не отъ Августа. Нужно думать, что и особая форма поминовенія гетмана Разумовскаго на богослуженіяхъ—вмѣсто «благороднаго» «высокоблагоурожденнаго»,—употреблявшаяся сначала лишь въ Кіевской епархіи, получила санкцію общаго употребленія, вѣроятно, по волѣ императрицы.

*П*ривожу самый указъ, сохраняя, насколько это оказалось возможнымъ, правописаніе того времени.

„Указъ Ея Імператорскаго Величества Самодержицы всероссійскія из консисторіи епископіи Чернѣговской, волости катедралной Свѣржской правителю пречестному іеромонаху Іннокентію Смиречанскому. Хотя прошлого 1750 года, сентября 28 дня, по состоявшемуся опредѣленыю посланными з консисторіи указами между протчимъ велѣно, за древнее в малороссійских епархіях обыкновеніе о воспоминаніи всѣхъ прежных Малыя Россіи гетмановъ на священнослуженіяхъ церковныхъ, в надлежащых мистахъ, во всѣхъ епархіи Чернѣговской монастирахъ и церквахъ противъ воспоминовеніе прежныхъ Малыя Россіи обоихъ сторонъ Днѣира і войскъ Запорожскых гетмана, ея Імператорскаго Величества дѣйствителнаго камергера Імператорской санктъ петербурской Академіи наукъ президента лейбъ гвардіи измаловскаго полку подполковника, и ординовъ святаго Александра, також полского Бѣлого Орла и голштинского святыя Анны кавалера.

Россійскія Імперіи графа Кирила Григоріевича Разумовскаго воспоминать тако: «Благороднаго Кѵрила гетмана», за недознаніемъ, какъ за отличность особливійшыхъ Его ясневелможности показанныхъ пред всѣми прежними гетманами предикатовъ надлежало воспоминать; однакъ яко нынѣ извѣстно Консисторіи, что въ кіевской епархіи чинится воспоминаніе тако: высокоблагоурожденного сіятелного Графа Кѵрила Григоріевича, гетмана Малыя Россіи; для того и опредѣлили: послать з консисторіи во всѣ епархіи Чернѣговской Духовные правителства указы, чтобъ и в епархіи Чернѣговской на церковныхъ священнослуженіяхъ, в надлежащых мистахъ, во всѣхъ монастиряхъ и церквахъ по вышеписанному его ясневелможности воспоминаніе чиненно тако: «высокоблагоурожденного сіятелного графа Кѵрила Григоріевича, гетмана Малія Россіи», и волости катедралной Свѣржской правителю, пречестному іеромонаху Інокентію Смиречанскому чинить о том по сему Ея Імператорскаго Величества указу».

Троецкого Іліинского Чернѣговского монастиря архимандритъ Іраклій. Успенского Елецкого Чернѣговского монастиря архимандритъ Димитрій. Катедралный Экклисіархъ іеромонахъ Тимоѳей. Катедр. Консисторіи реентъ іеродіаконъ Германъ. Канцеляристъ Стефанъ Былѣнскій.

1751 года октября: 9 дня.

Сообщилъ С. **Рклицкій.**

Воспрещеніе повѣнчаннымъ молодымъ жить врозь до свадьбы. Приводимый ниже консисторскій указъ 1789 года, сообщенный С. Рклицкимъ изъ архива церкви с. Свиржа, касается чрезвычайно интереснаго народнаго обычая, съ которымъ церковь безуспѣшно боролась въ теченіе двухъ вѣковъ, но который и въ настоящее время бытуетъ въ народной жизни въ Малороссіи. Дѣло идетъ о борьбѣ между древнимъ народнымъ бракомъ и бракомъ церковнымъ, иначе—говоря языкомъ древняго обычнаго права—между *весильемъ* и *шлюбомъ*. Еще двадцать лѣтъ назадъ покойный профессоръ А. Ѳ. Кистяковскій, лучшій тогда знатокъ обычнаго права, высказалъ такое положеніе: «Не подлежитъ сомнѣнію, что *весилье* есть древнѣйшая дохристіанская форма заключенія брака, надъ которою хотя бракъ церковный получилъ преимущество, но которая до сихъ поръ свято соблюдается малороссійскимъ народомъ и установляетъ моментъ дѣй-

ствительнаго супружескаго сожитія, тогда какъ бракъ церковный—нѣтъ». Съ тѣхъ поръ, какъ были высказаны эти слова, обнародовано много актовыхъ метеріаловъ изъ области древняго брачнаго права въ Малороссіи, появились специальныя изслѣдованія объ этомъ предметѣ,—и всѣ они вполнѣ подтверждаютъ положеніе А. Ө. Кистяковскаго. Еще недавно на страницахъ нашего журнала помѣщено одно изъ такихъ изслѣдованій о формахъ заключенія браковъ въ Южной Руси въ XVI—XVII вв., гдѣ подробно, на основаніи документальныхъ свидѣтельствъ, опредѣлено значеніе «весилья» и его отношеніе къ церковному вѣнчанью. Въ болѣе ранніе вѣка само малороссійское духовенство,—не только низшее, но и высшее,—снисходительно относилось къ древнему народному воззрѣнію, что не вѣнчанье, а «весилле» полагаетъ начало дѣйствительному супружеству, и только настаивало, чтобы весиллю обязательно предшествовало церковное вѣнчанье, безъ котораго въ болѣе раннее время обходились не только простолюдины, но часто и лица высшихъ классовъ. Но съ тѣхъ поръ какъ южнорусская церковь была подчинена строгому надзору со стороны вновь учрежденнаго св. Синода и въ Малороссіи стали вводиться великорусскіе церковные порядки, было обращено вниманіе и на мѣстные обычаи, касавшіеся брака. Тогда былъ окончательно истребленъ древній обычай «розлуки», т. е. брачнаго развода по взаимному соглашенію супруговъ; тогда же было замѣчено и то, что въ Малороссіи не церковное вѣнчанье, а публично отправляемый по извѣстному ритуалу актъ «весилля» полагаетъ начало дѣйствительному супружеству. Оказывается, что въ 1744 году св. Синодъ исходатайствовалъ даже Высочайшій указъ, которымъ повелѣвалось «пресѣчь таковой противный обычай», для чего, сообразно духу эпохи, строго предписывалось духовенству: «не отпуская брачившихся изъ церквей», брать съ нихъ подписки въ томъ, что они немедленно, не ожидая «весилля», станутъ жить совмѣстно, какъ подобаетъ супругамъ, а кто изъ повѣнчанныхъ будетъ до свадьбы жить врозь, тѣхъ разыскивать, доносить о нихъ архіереямъ и подвергать епитиміи, какъ за прелюбодѣяніе. Конечно, исполненіе этого указа могло только компрометировать въ глазахъ народа духовенство, вынужденное полицейски вникать въ такія интимныя области, какъ супружеское сожительство, а положенія вещей ни въ чемъ не измѣнило. Изъ помѣщаемаго ниже документа мы убѣждаемся, что въ концѣ XVIII ст. прежній обычай господствовалъ въ Малороссіи, и общественное мнѣніе карало позоромъ всякаго, кто до свадьбы

вступилъ бы въ супружескія права. Мало того, отсюда же мы узнаемъ, что, если послѣ вѣнчанья свадьба почему-либо долго откладывалась, то молодые нерѣдко и совсѣмъ расходились—точь въ точь такъ это сплошь и рядомъ бывало въ Малороссіи въ XVI—XVII ст., когда въ дѣлѣ заключенія брака актъ «весѣльный» имѣлъ рѣшающее значеніе, а церковное вѣнчанье считалось не болѣе, какъ благочестивымъ обычаемъ, безъ котораго бракъ не терялъ ничего въ смыслѣ законности и дѣйствительности.

Какъ часто бываетъ въ жизни, этотъ интересный конфликтъ писаннаго закона съ живымъ народнымъ обычаемъ закончился извѣстнымъ компромиссомъ, въ силу котораго церковное вѣнчанье стали совершать въ самый день свадьбы. Но и въ настоящее время, если по какимъ-либо причинамъ оказывается необходимымъ разъединить оба эти акта, ни одинъ честный селянинъ не допуститъ, чтобы его дочь немедленно вступила въ супружеское сожительство съ обвѣнчаннымъ женихомъ, а потребуетъ, чтобы молодые до свадьбы оставались въ прежнихъ отношеніяхъ жениха и невѣсты.

О. Л.

—

„Указъ Ея И. В. Самодержицы Всероссійской изъ Новгородско-сѣверской духовной декастеріи Кролевецкому духовному правленію. В данномъ дикастеріи отъ его преосвященства господина Иларіона, епископа новгородскосѣверского и глуховского, сего мая 2-го дня определеніи написано: До свидѣнія де доходить, что въ новгородско-сѣверской епархіи священнослужители, вѣнчая в цевквах браки, и по обвѣнчаніи, тѣхъ брачившихся лицъ распускаютъ в разніе домы, кои в оних до називаемого по их обичаю брачного «веселія» живуть по нѣсколько лѣтъ, а нѣкоторія из них послѣ оного таинства и къ вѣчному между собою разлученію поступаютъ. А какъ указомъ святѣйшаго̀ правит. Синода 1744-го года, октября 19-го, съ прописаніемъ в немъ иманого Высочайшаго указа ж, велено таковой в Малой Россіи противной обичай пресѣчь и, не отпуская брачившохся изъ церкви, обовязать писменно, с найкрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, чтобы они съ того времени разлучно другъ зъ другомъ отнюдъ не жили, под опасеніемъ епитеміи прелюбодѣянія; и сверхъ того над ними приходскимъ священникамъ наблюдать, и естли кто прежняго обичая станетъ держатся, о них немедлѣнно доносить епархіялнымъ архіереемъ, коимъ, по тѣмъ доносамъ чиня слѣдствіе, разсмотривать и рѣшеніе

чинить по правиламъ св. отецъ; и прежде въ бракъ вступившимъ, кои ежели по прежнему обычаю живуть розно, велѣть непремѣнно женъ своихъ взять для сожитія с ними къ себѣ в доми. Того ради во всѣ новгородскосѣверской епархіи духовнія правленія послать указы съ таковимъ предписаніемъ, чтобъ от оних всѣ какъ градскии, такъ и сѣлскии священно и церковнослужители найстрожайшимы обовязаны были подписками, дабы ими всѣми вышепрописанное в Имяномъ 744-го года, октября 19-го, Высочайшемъ указѣ повелѣніе исполняемо было неотмѣнно, опасаясь за неисполненіе строгаго по законамъ сужденія и от мѣстъ отрѣшенія, о исполненіи чего за тѣми священно и церковнослужителями всеприлѣжнѣйше наблюдать духовнимъ правленіямъ и опредѣленимъ десятоначалникамъ. А естли впредъ отънинѣ гдѣ кимъ того исполненія чинено не будетъ, о томъ ни мало не медля доносить въ духовнія правленіи, а от оних, изслѣдовавъ, представлять декастеріи.—Вслѣдствіе чего новгородскосѣверская декастерія приказали: для дѣйствителного и непремѣного исполненія по оному его преосвященства опредѣленію исполненія послать во всѣ духовнія правленіи указы, и посланы. Мая 4 дня, 1789 года.

Протопопъ новгородскій Іоаннъ Ленковскій. Секретарь Данило Четверикъ. Канцеляристъ Данило Василіевичъ. Писаръ Петро Евфимовичъ.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. *1) Намогильный крестъ въ Сербахъ, какъ документъ.* Въ с. Сербахъ, Новоградволынскаго уѣзда, живетъ преданіе о томъ, что первыми его насельниками были дворяне Базилій Старинскій (католикъ) и Өеодоръ Васькѣвичъ (православный). Пожалованы они нѣкогда Сербовскою вотчиною за воинскіе подвиги.

Прочно сѣвъ на новомъ мѣстѣ, поселенцы, мало-по малу, утратили старыя родовыя прозвища: бокъ-о-бокъ съ Васькѣвичами появились Захарчуки, Игнатюки, отъ Захара и Игнатія, сыновей первыхъ вотчинниковъ. Съ годами разросталось поселеніе, земли становилось недостаточно для вольнаго житья—наступила бѣдность, и потомки ратныхъ мужей обратились въ скромныхъ пахарей, попавшихъ затѣмъ въ окладъ. Но среди нихъ не изгладилась память о заслугахъ предковъ.

Въ 30-хъ годахъ въ Сербы, изъ Овручскаго уѣзда, заѣхалъ нѣкій бывалый шляхтичъ, который увѣрилъ сельчанъ, что, занимаясь родословіемъ Выговскихъ, онъ въ Луцкомъ архивѣ своими глазами видѣлъ документы, доказывающіе дворянское происхожденіе потомковъ Старинскаго и Васькѣвича. Сербовцы заволновались, собрали деньги, снарядили уполномоченныхъ и наотрѣзъ отказались отъ барщины. «За правами» поѣхалъ, выслужившійся изъ нижнихъ чиновъ, отставной офицеръ Васькѣвичъ. Но задача оказалась нелегкою и недешево обошлась обществу: не считая кровныхъ грошей, собственною шеею поплатилось до 30 человѣкъ, отданныхъ въ солдаты за неповиновеніе помѣщику... Уполномоченный успѣлъ умереть, не возвративъ бывшихъ у него на рукахъ «документовъ», а самое дѣло заглохло.

Черезъ тридцать лѣтъ судьбѣ угодно было снова занести въ Сербы какого-то овручскаго шляхтича. Его рѣчи воскресили надежды обывателей, что на сей разъ не ускользнуло отъ начальства.

На мѣсто прибыли исправникъ и мировой посредникъ, которымъ не безъ труда удалось убѣдить сельчанъ не отказываться отъ установленныхъ закономъ повинностей, а искать возстановленія въ правахъ при посредствѣ уполномоченныхъ.

Когда начальство пожелало ознакомиться съ имѣющимися у сербовцевъ доказательствами, то поселяне объявили, что на рукахъ никакихъ документовъ о происхожденіи у нихъ не имѣется; что же касается земли,—то *«даже на камнѣ написано, что земля наша!»*.

Вызвались желающіе указать драгоцѣнный памятникъ. Оказался надгробный крестъ изъ дикаго камня съ надписью: Року 1703, 19 ноября..., далѣе двѣ строки стерты, затѣмъ хорошо сохранившееся: «Коропѣвичъ» и снова двѣ изглаженныя временемъ строчки...

Исправникъ и посредникъ пытались разубѣдить поселянъ въ значеніи памятника, доказывая, что это обыкновенное, хоть и древнее надгробіе, подобно которому имѣется и по сосѣдству въ с. Кулеши (Тихона Кулеша, умершаго въ XVIII вѣкѣ). Но результатъ этихъ убѣжденій получился совершенно неожиданный: Сербовцы не только продолжали настаивать на своемъ, но и кулешевцевъ стали уговаривать добиваться возвращенія якобы утраченныхъ ими на дворянство правъ. Сосѣди, однако-же, оказались менѣе легковѣрными и отъ «хожденій» наотрѣзъ отказались.

Какова судьба домогательствъ сербовцевъ—изъ дѣла не видно; имѣется лишь указаніе на то, что обѣщаніе, данное исправнику, они сдержали: прекращенное, было, отбываніе повинностей помѣщику возобновилось.

—

2) Обида въ холерное время. Въ 1855 году въ Кіевѣ свирѣпствовала холера. Къ этому времени относится столкновеніе инспектора врачебной управы съ нѣкимъ чиновникомъ С., который, чувствуя себя жестоко оскорбленнымъ, обратился по начальству съ жалобою, указывая на то, что всякое оскорбленіе въ холерное время можетъ имѣть роковыя послѣдствія для потерпѣвшаго и, даже, стоить ему жизни... На семъ основаніи проступокъ г. инспектора, по мнѣнію жалобщика, заслуживаетъ примѣрнаго наказанія. Тѣмъ не менѣе начальство, повидимому, осталось довольно равнодушнымъ къ опасности, въ которой обрѣтался оскорбленный...

—

3) Кринолины и холера. Въ 1866 году уманскіе хассиды воздвигли безпощадное гоненіе на кринолины, получившіе передъ тѣмъ довольно сильное распространеніе среди мѣстныхъ евреекъ.

Приверженность къ этой части туалета свидѣтельствовала, по мнѣнію хассидовъ, о сильной порчѣ нравовъ. Отъ сыновъ Израиля надлежало отвратить гнѣвъ Божій, выразившійся въ ниспосланіи холеры.

Цадикъ, къ которому обратились за мудрымъ совѣтомъ, объяснилъ вѣрнымъ, что необходимо всѣмъ обществомъ сдѣлать доброе дѣло. По его ближайшему указанію выборъ палъ на парочку бѣдняковъ—жениха и невѣсту, которыхъ ночью, на мѣстномъ еврейскомъ кладбищѣ, и повѣнчали на общественный счетъ.

Прекратилась-ли эпидемія—неизвѣстно, но въ городѣ, среди евреевъ, водворилось полное спокойствіе, и кринолины, на время, были отставлены.

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

Къ характеристекѣ гр. В. А. Перовскаго. Въ изданную мною въ 1782 году книгу «Жизнь и произведенія Т. Шевченка»—первый по времени опытъ біографіи поэта—за отсутствіемъ надлежащихъ матеріаловъ, вкрались нѣкоторыя невѣрности. Такъ, между

прочимъ, я немало погрѣшилъ, характеризуя дѣятельность графа В. А. Перовскаго, при которомъ нашъ Кобзарь провелъ самые тяжелые годы своей ссылки—въ Новопетровскомъ укрѣпленіи.

Нынѣ, на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, я имѣю возможность исправить эти погрѣшности.

Въ 1850 году на мѣсто Обручева оренбурскимъ генералъ-губернаторомъ назначенъ гр. Перовскій, занимавшій уже этотъ постъ въ 30-хъ годахъ, въ званіи военнаго губернатора. При немъ находился тогда ссыльный полякъ Виткевичъ, который, какъ большой знатокъ восточныхъ языковъ (а зналъ онъ ихъ 19) былъ посланъ на развѣдки въ Хиву и едва не попалъ въ плѣнъ. Вернувшись, онъ составилъ карту пути въ Хиву, на основаніи которой гр. Перовскій предпринялъ свой злосчастный походъ въ 1839 году. Морозы доходили до 30°—и глубокіе снѣга покрывали степь, пало до 8000 верблюдовъ, а изъ 8500 солдатъ вернулось въ Оренбургъ 1500 человѣкъ, изъ коихъ половина поступила въ госпиталь. Вторая экспедиція въ степь, предпринятая Перовскимъ въ 1853 году, была удачнѣе: 28 іюня, послѣ неимовѣрныхъ усилій, была взята штурмомъ коканская крѣпость Акъ-Мечеть на Сыръ-Дарьѣ, названная впослѣдствіи фортъ Перовскій. Путь въ Туркестанъ, Хиву и Бухару такимъ образомъ былъ проложенъ. [1])

Прибытію Перовскаго въ Оренбургъ послѣ увольненія Обручева предшествовали нелестные для его нравственныхъ качествъ отзывы, выходившіе главнымъ образомъ изъ польскаго лагеря. Приведемъ, прежде всего, со словъ покойнаго Ѳ. М. Лазаревскаго, два разсказа о жестокости Василія Алексѣевича:

Гр. Перовскій, въ первое свое губернаторство, однажды проѣзжалъ мимо обвахты верхомъ. Часовой, не замѣтивъ его, не сдѣлалъ на караулъ. Взбѣшенный графъ подскакалъ къ нему и ударилъ ногой въ дно кивера такъ сильно, что киверъ надвинулся на лицо и содралъ съ него всю кожу.

Другой разсказъ. На главной обвахтѣ содержался ссыльный полякъ Левандовскій. Къ нему вошелъ дежурный по караулу офицеръ. Левандовскій лежалъ на нарахъ и не всталъ при входѣ офицера. Тотъ приказалъ ему встать. Вломавшись въ амбицію, Левандовскій

[1]) Историческій Вѣстникъ 1883 г. сентябрь № 9.

бросился на офицера и нѣсколько разъ ударилъ его по лицу. Перовскій приказалъ судить его военнымъ судомъ въ 24 часа. Судъ приговорилъ его къ 5000 шпицрутеновъ. Двѣ или три тысячи Левандовскій прошелъ, но больше не могъ выдержать. Доложили Перовскому, но тотъ приказалъ продолжать наказаніе. Левандовскій такъ и умеръ подъ шпицрутенами! [1]) На могилѣ его поляки поставили памятникъ съ эпитафіей:

Tu leży męczennik Lewandowski,
A tyran jego Piorowski.

Этотъ второй разсказъ, быть можетъ, исторически и вѣренъ, хотя служившіе въ то время при Перовскомъ чиновники и не подтвердили возмутительныхъ подробностей экзекуціи. Но нелѣпость перваго очевидна: сидя верхомъ на лошади, физически невозможно ступнею ноги ударить въ темя взрослаго человѣка, да еще въ дно николаевскаго кивера, который никоимъ образомъ не могъ надвинуться на лицо такъ, чтобы закрыть его совершенно и содрать съ лица всю кожу.

Гр. Перовскій педантически точный блюститель закона безъ уступокъ и компромиссовъ дѣйствительно иногда былъ жестокъ, но во имя исполненія долга, за что̀ его ссыльные поляки ненавидѣли. Если онъ, строго судя, и не былъ человѣкомъ въ современномъ значеніи этого слова, то не былъ и человѣкомъ своего времени. По тогдашнему убѣжденію знавшихъ его близко, это былъ человѣкъ высокаго благородства—по рыцарски.

Также неправдоподобенъ оказался и разсказъ Лѣскова [1]) о рукопашной расправѣ Перовскаго съ Шевченкомъ. По прибытіи въ Оренбургъ Перовскій не засталъ уже тамъ поэта, отправленнаго въ Орскую крѣпость при Обручевѣ, и до самого освобожденія его изъ ссылки ни разу не былъ въ Оренбургѣ; съ другой стороны и гр. Перовскій во все время своего управленія тоже не былъ ни въ Орской крѣпости, ни въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, слѣд., они ни разу не встрѣчались, а потому властная рука генерала и не могла достать поэта за сотни верстъ разстоянія. Кромѣ того собственноруч-

---

[1]) Если назначенное число ударовъ оч. велико, то по засвидѣтельствованію врача, оно дѣлилось на двѣ, на три части. Подлѣчивши его опять наказывали. *Достоевскій.*

[1]) Жизнь и произведенія. Т. III—ка стр. 80

ное битье кого бы то ни было вовсе не походило на гр. Перовскаго: онъ могъ приказывать бить, но никогда этотъ гордый человѣкъ не унизился бы до того, что бить кого-нибудь самому. Подлежитъ также большому сомнѣнію и разсказъ Бертенева о рисункѣ Шевченка, положенномъ кѣмъ-то на столъ въ кабинетѣ графа [1]) и другой, принадлежащій Тургеневу [2]) о шептаніи на ухо Перовскому какимъ-то генераломъ про Шевченка. Василій Алексѣевичъ былъ большой баринъ, недоступный и гордый, могъ ли кто-нибудь изъ его подчиненныхъ осмѣлиться положить на его письменный столъ какой-то рисунокъ? И какой такой генералъ позволилъ бы себѣ нашептывать на ухо графу? Его просто всѣ трепетали и онъ былъ слишкомъ недоступенъ и высоко себя держалъ со всѣми генералами. Да и могъ-ли Перовскій ненавидѣть Шевченка, объ облегченіи участи коего онъ, находясь въ Петербургѣ, ходатайствовалъ (какъ видно изъ письма С. Левицкаго къ Ш—ку). Напротивъ, есть основаніе предполагать, что онъ высоко цѣнилъ талантъ Кобзаря и только въ виду прецедентовъ при его предмѣстникѣ не отважился просить государя о его помилованіи.

Нерасположенія къ писателямъ вообще (какъ сказано въ моей книгѣ на стр. 80) онъ также не заявлялъ; совершенно напротивъ, онъ любилъ привлекать въ Оренбургъ ученыхъ: Даль, Копыловъ, Ал. Жемчужниковъ, Глѣбовъ, Григоровичъ и др. постоянно пользовались его покровительствомъ.

Какъ видно изъ письма Пушкина къ Жуковскому [3]) Перовскій въ 20-хъ годахъ пользовался расположеніемъ обоихъ корифеевъ нашей литературы.

Изъ письма же Гоголя къ Россети видно, что авторъ Ревизора глубоко дорожилъ мнѣніемъ В. А—ча, какъ человѣка умнаго и высоко образованнаго: «попросите В. А. Перовскаго написать пять-шесть его собственныхъ строчекъ. Скажите ему, что его замѣчанія (на книгу «Переписка съ друзьями» мнѣ будутъ очень полезны и я ими весьма дорожу».

Вотъ все, что я считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ высказать о гр. В. А. Перовскомъ, въ опроверженіе невѣрностей, вкравшихся въ мою книгу. Dixi et animam levavi.

М. Чалый.

---

[1]) Ibidem стр. 73—76.

[2]) См. Заграничное изданіе сочиненій Шевченка.

[3]) Сочиненія Пушкина изд. 1882 г. т. VII стр. 202 и т. V стр. 230.

Текущія извѣстія.

Украинско-русскій павильонъ на всемірной выставкѣ въ Парижѣ. Въ австрійскомъ павильонѣ на Парижской выставкѣ рядомъ съ гербами краковскаго и сандомірскаго воеводства, будутъ выставлены искусно вышитые гербы галицкаго воеводства (левъ, опершійся на скалу) и воеводства подольскаго (серебряное солнце). Гербы эти украшены орнаментами, взятыми изъ образцовъ писанокъ и гуцульскихъ рѣзныхъ работъ. Эти орнаменты, а также хоругвь съ изображеніемъ Ченстоховской Божіей Матери, исполнены художницей Эмиліей Пидынковской. Затѣмъ представлены будутъ бутылка и горшечки,—изъ одного лишь золота и серебра,—снабженные гуцульскимъ орнаментомъ. Этотъ же орнаментъ будетъ фигурировать на стеклянныхъ издѣліяхъ изъ Жоквы и на коврахъ (кылымахъ) изъ Глынянъ. Изъ другихъ предметовъ, которые будутъ представлены русинами, можно указать на мебель въ гуцульскомъ стилѣ изъ коломыйской школы деревянныхъ издѣлій, коломыйскіе майолики, гуцульскую печь. Между прочимъ, въ австрійскомъ отдѣлѣ будетъ особый павильонъ закопанской (въ Татрахъ) ремесленной школы. Директоръ этой школы г. Ковачь, спеціально изслѣдовалъ деревянныя издѣлія и рѣзьбу галицкаго народа и пришелъ къ тому убѣжденію, что народная рѣзьба восточной Галиціи исполняется болѣе въ византійскомъ стилѣ, тогда какъ въ западной части придерживаются стиля ренессансъ. Далѣе, онъ нашелъ, что рѣзбяныя и ткацкія народныя издѣлія много богаче мотивами, чѣмъ въ Мазурщинѣ. Всѣ эти и другіе предметы, по окончаніи выставки, рѣшено не продавать, но сохранить для львовскаго промышленнаго музея. Галицкій павильонъ со всѣми предметами, предназначенными для парижской выставки, будетъ выставленъ во Львовѣ въ февралѣ 1900 г. («Руслан», и «Дѣло»).

Русины въ Америкѣ. Въ Америкѣ, въ Нью-Іоркѣ, 1-го января 1900 года состоялся первый съѣздъ эмигрировавшихъ туда галицкихъ малороссовъ. Помѣщаемъ объявленіе объ этомъ съѣздѣ, программа котораго любопытнымъ образомъ обрисовываетъ положеніе

славянскихъ земледѣльцевъ за океаномъ: «На основаніи единогласнаго одобренія нашего братства Св. Апостоловъ Петра и Павла, при вспомоществованіи всего церковнаго общества и нашихъ священниковъ, состоится въ Джерси Сити 1-го января 1900 года нов. стиля первое русско-американское народное вѣче въ Imperial Music Hall, входъ 51 New-York Avenue. На вѣчѣ будутъ обсуждаться всѣ дѣла, касающіяся нашего народа въ Америкѣ, поэтому приглашаемъ собраться всѣхъ истинныхъ русиновъ и русинокъ, какъ мѣстныхъ, такъ и отдаленныхъ. Прежде всего, просимъ всѣ наши братства, чтобы они соизволили выслать на вѣче хотя-бы по одному делегату; при этомъ мы надѣемся, что всѣ наши священники, вмѣстѣ съ народомъ, и галицкіе уроженцы и венгерскіе русины,—прибудутъ на вѣче и тѣмъ докажутъ, что имъ всѣмъ близки благо и лучшая будущность нашего народа въ Америкѣ.

Программа вѣча будетъ слѣдующая: 1) Вступительная рѣчь и выборъ комитета вѣча. 2) Рефератъ о положеніи нашей церкви въ Америкѣ. 3) Общественно-политико-экономическій рефератъ: о положеніи нашихъ работниковъ въ Америкѣ; основаніе колонизаціоннаго общества, избраніе исполнительнаго комитета и отчетъ о поступившихъ пожертвованіяхъ. 4) Рефератъ, касающійся просвѣтительной дѣятельности: объ организаціи просвѣтительныхъ учрежденій и школъ въ Америкѣ; отчетъ кассы училищнаго фонда вспомоществованія недостаточнымъ русинамъ изъ учащейся молодежи; избраніе комитета.

Послѣ каждаго реферата участникамъ съѣзда будутъ поставлены на баллотировку резолюціи. Передъ рефератами и послѣ нихъ состоится увеселительная часть съѣзда, а именно: хорошее пѣніе и декламація; фонографъ сыграетъ роль свою, и что-нибудь пропоетъ или продекламируетъ, или произнесетъ, наконецъ, какой-нибудь веселый монологъ; для заключенія вѣча, съ помощью волшебнаго фонаря будетъ показано много серьезныхъ и забавныхъ картинъ. (Сѣв. Курьеръ, № 44).

Народный украинскій университетъ. Въ «Літ.-наук. Віст.» (кн. I), въ статьѣ Е. Косевича «Людові університети» находимъ проектъ народнаго украинскаго университета, который предполагается образовать, подобно польскому им. Адама Мицкевича, привлеченіемъ къ этому дѣлу университетской молодежи. Предполагается центръ народ-

наго университета перенести на сельскія общины, составивъ во Львовѣ кадръ лекторовъ по естественнымъ и соціальнымъ наукамъ. Первоначальный фондъ на это дѣло уже составленъ; весь вопросъ въ организаціи. Упоминая объ этомъ, «Сѣверный Курьеръ» (№ 66) добавляетъ: «Такимъ образомъ, возникаетъ первый крестьянскій университетъ въ славянствѣ. Вообще, въ послѣднее время, среди галицкихъ русскихъ замѣчается большое оживленіе и значительный подъемъ общественной энергіи».

Общество имени Котляревскаго. 21 января въ зданіи «Рускоі Бесіди» состоялось общее собраніе членовъ общества им. Котляревскаго, на которомъ выяснилось, что за минувшій годъ обществомъ было собрано 1206 гульденовъ (болѣе 1000 рублей); оно добилось утвержденія новаго статута, согласно которому членскіе взносы опредѣлены въ 3 гульдена въ годъ, а также дается право собирать пожертвованія на постройку собственнаго украинскаго театра. Затѣмъ общество обратилось съ ходатайствомъ къ львовскому городскому совѣту объ отпускѣ площади подъ постройку украинскаго театра. Есть надежда, что ходатайство будетъ удовлетворено. Наконецъ, на засѣданіи рѣшено переговорить съ «Рускою Бесідою» относительно передачи теперешняго украинскаго театра, состоящаго въ распоряженіи послѣдней, въ руки товариства им. Котляревскаго. По всей вѣроятности, вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ еще въ этомъ году. («Руслан», ч. 7).

Участіе украино-русскихъ врачей въ международномъ конгрессѣ. Въ августѣ 1900 г., во время выставки, состоится XIII международный конгрессъ въ Парижѣ. По иниціативѣ медицинской секціи («секція лікарська») Науков. товар. ім. Шевченка, украинско-русскіе врачи рѣшили принять участіе въ этомъ конгрессѣ и, подобно другимъ народностямъ, составили отдѣльный «національный комитетъ». Объ этомъ уже увѣдомленъ центральный Комитетъ въ Парижѣ, который принялъ съ удовольствіемъ это заявленіе къ свѣдѣнію, извѣстивъ Наукове Тов. ім. Шевченка, что ему будетъ отведено мѣсто наравнѣ со всѣми остальными европейскими институціями. Наши медики впервые принимають участіе въ международномъ съѣздѣ врачей, какъ самостоя-

тельная група, такъ-какъ до сихъ поръ, если участвовали, то обыкновенно присоединялись къ инымъ національнымъ групамъ, не имѣя своей собственной. Предсѣдателемъ руско-украинскаго «національнаго комитета» выбранъ д-ръ И. Горбачевскій, Пражскій профессоръ, а секретаремъ—д-ръ Е. Озаркевичъ, редакторъ «Лікарського Збірника» во Львовѣ. (Літерат.-Науковий Вістник, кн. I.).

Змѣй-удавъ на о. Хортицѣ. 30 ноября вытащенъ изъ песка крестьянами на островѣ Хортицѣ змѣй въ 4 аршина длиною, который оказался принадлежащимъ къ семейству «удавовыхъ». Представители этого семейства, какъ извѣстно, не водятся нигдѣ кромѣ жаркихъ странъ Азіи и Африки. Въ южной Европѣ, именно на Балканскомъ полуостровѣ, встрѣчается, такъ называемый «турецкій полозъ», который принадлежитъ къ семейству удавовыхъ, но онъ не принадлежитъ къ большимъ змѣямъ и достигаетъ по длинѣ всего не болѣе одного аршина и 5 вершковъ. Если бы фактъ нахожденія этого удава на Хортицѣ не былъ зарегистрированъ уѣзднымъ исправникомъ г. Александровска, доставившимъ его лично въ Екатеринославъ, то трудно было бы повѣрить, что онъ обиталъ на Хортицѣ. Даже и теперь, при полной достовѣрности мѣста нахожденія змѣя, остается крайне невѣроятнымъ, чтобы удавъ принадлежалъ къ кореннымъ обитателямъ острова Хортицы. Не попалъ-ли онъ какъ-нибудь случайно, напр., убѣжавъ изъ звѣринца или какого-нибудь зоологическаго музея? Но, съ другой стороны, допустить это послѣднее, рѣшительно невозможно, такъ-какъ островъ Хортица совершенно изолированъ отъ материка водой и мало населенъ. Никакого звѣринца и музея никогда не могло быть и не было въ той маленькой нѣмецкой колоніи, которая находится на островѣ. Убѣжавъ же изъ звѣринца, который могъ быть въ г. Александровскѣ, никакой удавъ не могъ бы добраться до острова вверхъ по теченію Днѣпра на протяженіи 7—8 верстъ, тѣмъ болѣе, что удавы не принадлежатъ къ плавающимъ змѣямъ.

Судя по народнымъ разсказамъ, на о. Хортицѣ водились прежде большихъ размѣровъ змѣи, которые называются здѣсь полозами и о которыхъ народъ разсказываетъ, что они душатъ ягнятъ и даже телятъ.

О полозахъ, достигающихъ 6 и 7 футовъ длины, есть данныя въ научной литературѣ, [1]) но тѣ полозы принадлежатъ не къ удавовымъ, а къ семейству ужей, у которыхъ существуютъ настолько характерныя отличія отъ удавовъ, что эти два семейства трудно смѣшать другъ съ другомъ. А именно: у всѣхъ удавовыхъ имѣются на брюшной сторонѣ въ концѣ туловища недоразвившіяся заднія ножки. Такія двѣ ножки-бодцы есть и у пойманнаго на Хортицѣ змѣя.

Все это заставляетъ желать, чтобы вопросъ объ этомъ чрезвычайно загадочномъ змѣѣ былъ изученъ подробно спеціалистами.

Чучело этого змѣя находится въ кабинетѣ реальнаго училища въ Екатеринославѣ (Днѣпр. Молва, № 1).

Екатерининская башня въ Кременчугѣ. Екатерининская башня, о которой въ «Историческомъ Вѣстникѣ» упоминаетъ г. Федоровъ въ своихъ запискахъ, существуетъ понынѣ въ г. Кременчугѣ на берегу Днѣпра. Башня эта по внѣшности представляетъ собою небольшихъ размѣровъ двухъ-этажное каменное строеніе, т. н. «домикъ Екатерины» чрезвычайно оригинальной старинной архитектуры. Въ углубленныхъ углахъ этого домика расположены маленькія овальныя рѣшетчатыя окна въ верхнемъ этажѣ. Съ наружной стороны башня эта, откуда Екатерина Великая любовалась величественнымъ видомъ и ширью Днѣпра, въ настоящее время порядкомъ обветшала, и военное вѣдомство, въ вѣдѣніи котораго она находится, предполагаетъ предстоящимъ лѣтомъ произвести въ ней капитальный ремонтъ. Внутренность башни отремонтирована нѣсколько лѣтъ тому назадъ и въ ней помѣщается военный аптечный складъ. Въ нижнемъ этажѣ устроена мастерская для исправленія инструментовъ, а въ верхнемъ установлены шкафы и столы съ различными инструментами. (Полт. губ. Вѣд.) Интересно было бы имѣть точныя указанія, подтверждающія дѣйствительную связь этой башни съ имп. Екатериной 2-ой.

На сооруженіе памятника В. Н. Каразину въ Харьковѣ въ настоящее время, какъ мы слышали, имѣется свыше 15 тысячъ рублей, частью наличными деньгами, а частью въ процентныхъ бумагахъ.

---

[1]) См., напримѣръ, Кіевская Старина, 1882 г., кн. 8, стр. 377.

Сохраненіе архивовъ при волостныхъ правленіяхъ. Императорское археологическое Общество обратилось къ начальникамъ губерній и областей съ просьбой о принятіи мѣръ къ сохраненію архивовъ при волостныхъ правленіяхъ, какъ содержащихъ обширный и важный въ бытовомъ отношеніи матеріалъ. Одновременно съ этимъ Общество выразило пожеланіе, чтобы мѣстныя архивныя коммиссіи приступили къ разработкѣ матеріаловъ, хранящихся въ волостныхъ архивахъ.

Лекція А. Я Ефименко. Извѣстная изслѣдовательница въ области этнографіи, исторіи и археологіи А. Я. Ефименко прочла 22 января въ Полтавѣ публичную лекцію на тему «Котляревскій въ исторической обстановкѣ». Сборъ съ лекціи поступилъ въ пользу общественной библіотеки.

Съѣздъ славянскихъ журналистовъ. Славянскіе журналисты устраиваютъ въ Парижѣ всеславянскій съѣздъ на предстоящей всемірной выставкѣ. Созываются представители печати: русской, *малорусской*, чешской, словинской, польской, болгарской, сербской, хорватской и др. Комитетъ, который будетъ надняхъ составленъ, состоитъ изъ многихъ французовъ—друзей славянства.

Пожертвованія на памятникъ Шевченка во Львовѣ. На сооруженіе памятника Шевченку во Львовѣ собрано уже 550 зл. рейн. (около 440 р.). Лицъ, коимъ дорога память поэта, просятъ принести посильную лепту на созданіе памятника «рукотворнаго»... Адресовать пожертвованія слѣдуетъ по адресу: Львовъ, ул. Чарнецкого, 26. (Ілюстр. Календ. Тов. «Просвіта» на р. 1900).

Преміи за драматическія сочиненія. „Выдѣлъ краевый“ во Львовѣ назначилъ 4 преміи по 150-250 зл. рейн. (гульден.) за малорусскія драматическія произведенія,—преимущественно комедіи и сцены изъ народной жизни, съ пѣніемъ или безъ пѣнія. Произведенія эти будутъ достояніемъ «Руской Бесіди» во Львовѣ, которая и будетъ пользоваться исключительнымъ правомъ представленія ихъ на сценѣ. (Osvěta, 1899 г., № 9).

Этимологичный гимнъ. По поводу 25-лѣтняго юбилея общества Качковскаго во Львовѣ, въ концѣ минувшаго года, кто-то изъ Львовской молодежи сочинилъ слѣдующій «Этимольогичний Гимн», имѣющій отношеніе къ спорамъ въ Галиціи о правописаніи.

Дали, братя, букы въ рукы,
Мужъ до мужа, остро въ бій!
Хочъ бы сиклы насъ на штукы,
Кождый твердо стань и стій!
Уставайте зъ гробу мары,
Вылизайте ракы зъ норъ!
Загукайте ажъ до хмары:
«Йоры, еры, йор-йор-йоръ!»

—

Фонетычну быйте гыдру,
Щобъ и духу не було!
За омегу очи выдру,
Зубы выбью за зѣло.
А за фтйту—бый въ ланиту,
Щобы знаты пальцивъ пьять!
Наша писня звисна свиту:
«Кси-пси, кси-пси, ять-ять-ять!»

—

Хто намъ ижыцю вндчахне,
Того въ михъ тай у рику!
Буде знаты, чымъ то пахне,
Хто нарушыть унику.
Щобъ на неби сонце згасло,
Щобъ уся пропала Русь—
Намъ найстарше наше гасло:
— «Отъ ѧ, отъ ѧ, юс-юс-юсъ»!

Французы о Кіево-Печерской лаврѣ. Любопытную замѣтку извлекаемъ изъ женевской газеты «Tribune» о нашихъ кіевскихъ пещерахъ, подъ заглавіемъ: «Подземный монастырь». Вотъ дословный переводъ замѣтки:

«Въ Кіевѣ, въ Россіи, на берегу Днѣпра, находится необыкновенный подземный монастырь, населенный 1500 монаховъ. Входъ въ это громадное подземелье расположенъ въ склепѣ кіевскаго собора,

одного изъ красивѣйшихъ въ Россіи. 1500 монаховъ ѣдятъ и пьютъ какъ обыкновенные смертные; ежедневно имъ разрѣшается выходить изъ могилъ на четверть часа, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Эта могила и есть монастырь, находящійся въ глубинѣ нѣсколькихъ метровъ подъ землей, представляющій собственно узкія пещеры, имѣющія въ общей сложности болѣе 5 километровъ въ длину и въ которыхъ заключенные не имѣютъ другого освѣщенія, кромѣ фонарей.

Эти монахи почти всѣ люди науки; большую часть времени они посвящаютъ изученію естествознанія и математики. Открытія, сдѣланныя ими въ химіи, физикѣ и математикѣ—неисчислимы».

Вотъ какія представленія имѣютъ заграницей о лаврскихъ пещерахъ и ихъ населеніи...

БИБЛІОГРАФІЯ.

Древности. Труды археографической коммиссіи Императорскаго Московскаго археологическаго Общества, изданные подъ редакціей М. В. Довнаръ-Запольскаго, т. I, вып. 1, 2 и 3. *Москва, 1898—1899 г. Стр. 592+190+III.*

26 ноября 1896 года въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества была образована Археологическая коммиссія изъ членовъ Общества, желающихъ принять участіе въ разработкѣ вопросовъ археографіи и архивовѣдѣнія и содѣйствовать ознакомленію съ архивными матеріалами (Древности стр. 157). Опредѣляя ближе свои задачи, Археографическая коммиссія полагала, что она «вполнѣ достигнетъ цѣли, если ея трудами облегчена будетъ работа архивистовъ и историковъ. На это должны быть направлены усилія ея членовъ, и для достиженія этой цѣли, коммиссія будетъ стремиться къ самому широкому общенію со всѣми учрежденіями и отдѣльными лицами, заинтересованными въ развитіи археографіи, палеографіи и исторической науки вообще.

Сообразно съ этимъ коммиссія считала самыми существенными слѣдующія занятія:

1) Приведеніе въ извѣстность состава археографическаго и палеографическаго матеріала архивовъ, библіотекъ и др. учрежденій этого рода, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, общественныхъ и частныхъ.

2) Разработка вопросовъ по методологіи изданій архивныхъ документовъ въ Россіи и заграницей и выработка желательныхъ въ этомъ дѣлѣ усовершенствованій.

3) Изученіе пріемовъ составленія архивныхъ описей, регестровъ и указателей въ русскихъ и иностранныхъ архивахъ, а также изученіе способовъ размѣщенія и храненія документовъ.

4) Археографическое изученіе различныхъ видовъ историческихъ и историко-юридическихъ документовъ, изученіе дѣлопроизводства старинныхъ учрежденій, равно какъ исторіи самихъ учрежденій.

5) Разработка архивныхъ документовъ, относящихся къ тому или другому вопросу русской исторіи, равно какъ и критическій разборъ такихъ документовъ.

6) Исторія археографіи и палеографіи, исторія архивовъ и др. хранилищъ документовъ.

7) Изученіе вопросовъ дипломатики, геральдики, сфрагистики, метрологіи и эпиграфики, поскольку они имѣютъ отношеніе къ археографіи.

8) Палеографія вообще и въ особенности русская и славянская.

9) Возможно полная разработка библіографіи архивовѣдѣнія и палеографіи въ Россіи.

10) Изученіе русскаго и иностраннаго законодательства касательно описанія, храненія и уничтоженія архивныхъ документовъ.

Намѣченные вопросы не исчерпываютъ всего содержанія дѣятельности Археографической коммиссіи, и коммиссія съ благодарностью принимаетъ всѣ сообщенія, работы и практическія предложенія, имѣющія отношеніе къ археографіи и палеографіи....

Широкая программа, намѣченная коммиссіей, требовала, конечно, для своего выполненія и большого количества рабочихъ силъ. Коммиссія и въ этомъ отношеніи сдѣлала все для нея возможное: она обратилась за содѣйствіемъ къ иногороднимъ членамъ Московскаго Археологическаго Общества, къ отдѣльнымъ лицамъ, не состоящимъ членами этого Общества, къ архивнымъ коммиссіямъ, въ провинціальные архивы и т. д. Призывъ ея не остался безъ отвѣта, какъ то мы видимъ изъ перваго тома изданныхъ коммиссіей «Древностей».

Въ числѣ лицъ, къ которымъ обратилась Московская Археологическая коммиссія, были и предводители дворянства.

Получивъ извѣщеніе объ открытіи коммиссіи, Глуховской предводитель дворянства В. П. Кочубей передалъ его мѣстному собирателю и знатоку малорусскихъ памятниковъ П. Я. Дорошенку, постоянно живущему въ Глуховѣ. Письмо П. Я. Дорошенка къ В. П. Ко-

чубею по этому поводу напечатано въ «Древностяхъ» подъ заглавіемъ «Семейные архивы Глуховского уѣзда Черниговской губернія (стр. 111—114)» и содержитъ въ себѣ краткія, но важныя свѣдѣнія объ архивахъ (не только семейныхъ) этого уѣзда.

«Вполнѣ соглашаясь съ доводами Московскаго Археологическаго Общества о значеніи семейныхъ архивовъ въ дѣлѣ разработки русской исторіи,—пишетъ П. Я. Дорошенко,—я нахожу также, что вполнѣ своевременно и достойно уваженія рѣшеніе сего Общества озаботиться выясненіемъ объема и содержанія уцѣлѣвшихъ частныхъ семейныхъ архивовъ и отдѣльныхъ документовъ. Дѣло это серьезной научной важности и притомъ не терпящее отлагательствъ. Уже на нашихъ глазахъ, у насъ въ Малороссіи много фамильныхъ архивовъ погибло навсегда отъ пожаровъ и особенно отъ полнаго къ нимъ пренебреженія ихъ владѣльцевъ, чрезъ что драгоцѣнные историческіе документы шли на оклейку стѣнъ и оконъ, погибали отъ сырости, мышей и т. д. Такое явленіе тѣмъ болѣе прискорбно, что у предковъ нашихъ, культурныхъ малороссіянъ XVIII вѣка, была заботливость о сохраненіи всякаго рода документовъ и рукописей, какъ юридическаго характера, такъ литературнаго и семейнаго; причемъ бумаги эти сортировались, переплетались въ томы и въ такомъ видѣ хранились въ потомствѣ.

Въ старой Малороссіи, при господствѣ ограниченнаго круга старшины, находившейся большею частію въ родственныхъ между собою отношеніяхъ, бумаги частнаго характера, важныя для характеристики быта, часто освѣщаютъ съ той или другой стороны и тогдашній общественный строй или современныя политическія теченія; а потому бумаги малорусскихъ семейныхъ архивовъ, помимо ихъ главной части—владѣльческихъ актовъ,—обыкновенно заключаютъ въ себѣ цѣнные матеріалы какъ для внутренней, такъ и для внѣшней исторіи края.

Между уѣздами Черниговской губерніи нашъ Глуховской уѣздъ, можно сказать, выдѣляется въ томъ отношеніи, что въ предѣлахъ его уцѣлѣло отъ имущественнаго разгрома и вымиранія не мало старыхъ коренныхъ дворянскихъ родовъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ малорусской старшины XVII—XVIII вѣковъ. Можно бы, поэтому, думать, что въ старыхъ дворянскихъ усадьбахъ Глуховскаго уѣзда возможно разыскать много историческихъ интересныхъ документовъ. На дѣлѣ выходитъ, однако, иначе. Оказывается, что въ нѣкоторыхъ

домахъ почти не сохранилось никакихъ старыхъ бумагъ; а о собраніяхъ ихъ, которыя въ старину, несомнѣнно, существовали, и говорить нечего! Такимъ образомъ исчезли семейные архивы слѣдующихъ старинныхъ глуховскихъ фамилій: Жураховскихъ, Туманскихъ, Уманцевъ, Скоропадскихъ, Карповыхъ, Кулябокъ, Высоцкихъ, Пироцкихъ, Дергуновъ, Лазаревичей, Магеровскихъ, Романовскихъ и т. д. Здравствующіе нынѣ представители многихъ изъ этихъ фамилій часто сами не могутъ указать, когда и куда исчезли эти семейныя бумаги».

Сдѣланная нами выписка изъ письма лучшаго знатока семейныхъ архивовъ Глуховского уѣзда рисуетъ лишній разъ безотрадную картину архивнаго дѣла въ Малороссіи. То, что говоритъ П. Я. Дорошенко относительно одного Глуховского уѣзда, можно распространить и на другіе уѣзды Малороссіи: о гибели отдѣльныхъ архивовъ не разъ сообщалось и въ печати. Еще въ 1884 году въ предисловіи къ «Сулимовскому архиву» А. М. Лазаревскій указывалъ на постепенное исчезновеніе семейныхъ архивовъ, на необходимость принять какія-нибудь мѣры къ ихъ сохраненію. [1]) Такихъ мѣръ до сихъ поръ не принято; не собраны даже свѣдѣнія объ остальныхъ архивахъ, хотя, казалось, это должно бы составлять одну изъ существеннѣйшихъ задачъ мѣстнаго историческаго Общества лѣтописца Нестора, какъ мы нѣсколько лѣтъ тому назадъ и указывали на это. [2]) Лицамъ, интересующимся малорусскимъ прошлымъ, нельзя, поэтому, не быть глубоко благодарными Московскому Археологическому Обществу за его внимательное отношеніе къ памятникамъ малорусской старины, особенно имѣя въ виду, что мѣстное историческое Общество до сихъ поръ какъ-то мало интересовалось ими.

П. Я. Дорошенко знакомитъ насъ вкратцѣ съ архивами: Марковичей въ с. Сварковѣ, Миклашевскихъ въ с. Волокитинѣ, Туранскаго въ с. Турановкѣ и съ своимъ собраніемъ документовъ. Кромѣ того онъ указываетъ на архивъ Петропавловскаго монастыря, Глуховской Соборной церкви, гдѣ хранится архивъ бывшей глуховской протопопіи, и на архивъ глуховской Ремесленной Управы, въ которомъ ему извѣстны 7 старыхъ цѣнныхъ книгъ, начиная съ 1663 года.

Все сказанное въ письмѣ П. Я. Дорошенка о судьбѣ и характерѣ глуховскихъ семейныхъ архивовъ вполнѣ подтверждается «Описью Ярославецкаго архива (Глуховского уѣзда) дворянъ Кочубеевъ», напе-

---

[1]) Сулимовскій архивъ стр., I—III.

[2]) Кіев. Ст. 1891 г. т. XXXV (октябрь) стр., 141.

чатанной въ «Древностяхъ» же вслѣдъ за письмомъ г. Дорошенка. Можно удивляться только, какъ мало сохранилось «старыхъ бумагъ» у этого стариннаго малорусскаго рода. Къ слову здѣсь сказать, нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы имѣли возможность ознакомиться и съ собраніемъ «старыхъ бумагъ» въ с. Диканькѣ Полтавскаго уѣзда, принадлежащемъ въ настоящее время князю В. С. Кочубею, и тоже были поражены малымъ количествомъ и случайнымъ подборомъ этихъ бумагъ: малорусскіе документы почти отсутствовали или же попадались случайно и рѣдко.....

Бумаги, сохранившіяся въ Ярославецкомъ архивѣ Кочубеевъ, касаются преимущественно дворянства и чинопроизводства Кочубеевъ, ихъ земельныхъ пріобрѣтеній, но есть между ними нѣсколько имѣющихъ и болѣе общій, болѣе широкій интересъ. Мы здѣсь встрѣчаемъ «извѣстіе неизвѣстной особы о врученіи гетманства великому князю Павлу Петровичу»; «распоряженіе о той генеральной описи малорусскаго народа и его имущества, на которое жалуется Конисскій въ концѣ лѣтописи, 1763 года»; «мнѣніе графа Разумовскаго о купленныхъ въ малой Россіи у козаковъ и посполитыхъ иностранными людьми земляхъ, 1768 г.»; «просьба жителей Кіевскаго округа объ облегченіи тягостныхъ для народа постановленій, сдѣланныхъ Коллегіею»; « подлинный списокъ служителей войсковыхъ переяславскаго полка, которымъ слѣдуетъ плата по указу гетмана 1732 года февраля 15 дня»; «документы, относящіеся до состоянія русскихъ финансовъ въ 1821, 1822 и 1823 годахъ»; «дѣла, касающіяся военныхъ поселеній»; «списокъ приданнаго за Елизаветой Васильевной Кочубей, при выходѣ ея въ замужество за Марковича въ 1780 году» и т. д. Остается только пожелать, чтобы владѣлецъ подѣлился нѣкоторыми изъ этихъ документовъ хотя бы съ читателями нашего журнала.

Собраніемъ письменныхъ свѣдѣній объ архивахъ не ограничилась Московская Археологическая коммиссія. Лѣтомъ 1898 года въ Черниговскую губернію для обзора архивовъ былъ командированъ М. М. Плохинскій, обстоятельный отчетъ котораго, подъ заглавіемъ «Архивъ Черниговской губерніи», напечатанъ въ видѣ приложенія къ первому тому «Трудовъ Археографической коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества».

„Въ командировкѣ я провелъ два съ половиной мѣсяца“ —пишетъ М. М. Плохинскій, въ самомъ началѣ своего отчета». Въ это время я посѣтилъ болѣе двадцати частныхъ (фамильныхъ, монастырскихъ, цер-

ковныхъ) и казенныхъ бумагохранилищъ. Осмотрѣннымъ мною архивамъ я составилъ описи. Въ эти описи, помимо обзора содержанія бумагъ, я внесъ копіи документовъ, заслуживающихъ вниманія и имѣющихъ историческій интересъ. Особенно много выписокъ я старался сдѣлать изъ архивовъ или мало извѣстныхъ, или лишенныхъ призрѣнія. Если качество матеріала имѣетъ значеніе, то не меньшее значеніе играетъ иногда и количество извѣстнаго матеріала; поэтому, въ своемъ описаніи я не избѣгалъ вводить однообразный матеріалъ. Во время командировки я старался осмотрѣть какъ можно большее количество бумагохранилищъ; поэтому описаніе нѣкоторыхъ документовъ составлено не такъ полно и подробно, какъ того я хотѣлъ бы» (Архивъ, стр. 1).

Трудъ, взятый на себя М. М. Плохинскимъ, могъ быть такъ блестяще выполненъ и въ такое сравнительно короткое время, только благодаря энергіи и адской усидчивости, которыя всегда отличали этого архивнаго дѣятеля. Отчетъ о командировкѣ М. М. Плохинскаго, по своей полнотѣ и обстоятельности, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Если мы въ немъ и не находимъ того, чего авторъ не могъ дать, т. е. подробнаго описанія осмотрѣнныхъ имъ архивовъ,—за то ужъ дѣйствительно получаемъ представленіе объ этихъ архивахъ, объ ихъ положеніи, о характерѣ документовъ, въ нихъ хранящихся. Если бы въ немъ было больше системы, мы считали бы отчетъ М. М. Плохинскаго образцовымъ для подобнаго рода бѣглыхъ экскурсій, какую выполнилъ авторъ лѣтомъ 1898 г. въ черниговскую губернію [1]).

Первымъ въ своемъ отчетѣ М. М. Плохинскій поставилъ *Архивъ Глуховскою Петропавловскаго монастыря.* Монастырь этотъ расположенъ въ лѣсу, надъ р. Клеценью, на самомъ краю глуховскаго уѣзда, по сосѣдству съ путивльскимъ уѣздомъ курской губерніи. Время его основанія неизвѣстно. А. М. Лазаревскій полагаетъ его основаніе въ срединѣ XVII в., но документъ, напечатанный М. М. Плохинскимъ и относящійся къ 1593 году, показываетъ, что Петропавловскій монастырь существовалъ еще и въ XVI вѣкѣ. Все же является удивительнымъ тотъ фактъ, что, кромѣ сейчасъ указаннаго документа,

[1]) Въ подобныхъ отчетахъ, мы думаемъ, нужно группировать архивы по мѣстностямъ. М. М. Плохинскій располагалъ архивы въ своемъ отчетѣ, повидимому, по владѣльцамъ (духовныхъ, свѣтскихъ учрежденій, частныхъ лицъ), но это для справокъ представляетъ много неудобствъ; да, признаться, не вездѣ у г. Плохинскаго и строго выдержано.

другіе земельные документы монастыря начинаются только съ гетманства Выговскаго. Какъ объяснить это? Можетъ быть въ первой половинѣ XVII вѣка монастырь запустѣлъ, а затѣмъ снова былъ возобновленъ?

Часть документовъ Петропавловскаго монастыря хранится въ Кіевѣ въ библіотекѣ университета св. Владиміра, куда поступила отъ А. М. Лазаревскаго; другая часть—въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, куда передана вмѣстѣ съ земельными документами другихъ черниговскихъ монастырей изъ архива черниговской Казенной Палаты. Документы эти—почти исключительно земельные—универсалы, грамоты, купчія, мѣновыя, дарственныя, рѣшенія судовъ по земельнымъ спорамъ и т. д. Подобныхъ документовъ много и въ архивѣ Петропавловскаго монастыря; но они составляютъ только сравнительно очень незначительный процентъ по отношенію къ другого рода историческимъ матеріаламъ, которые хранитъ этотъ архивъ: тутъ есть и хозяйственныя инструкціи, и инвентари, и приходо-расходныя книги, и распоряженія по управленію монастырскими имѣніями, списки крестьянъ, отбывшихъ барщину, недоимки ихъ и т. д., и т. д.—словомъ, богатѣйшій матеріалъ для исторіи монастырскаго хозяйства. Важность этого матеріала сама собой понятна, если принять во вниманіе громадную роль, которую малорусскіе монастыри играли всегда въ экономической жизни страны. Желательно, поэтому, чтобы архивъ этотъ сдѣлался болѣе доступнымъ изслѣдователямъ, переданъ куда-нибудь въ болѣе центральное мѣсто. Только детальнымъ изслѣдованіемъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ можетъ быть возстановлена экономическая жизнь Малороссіи; архивъ же Петропавловскаго монастыря даетъ въ этомъ отношеніи драгоцѣнный матеріалъ.

При приходской церкви св. Параскевы въ Черниговѣ сохраняется небольшой *архивъ бывшаго черниговскаго пятницкаго монастыря.* Скажемъ здѣсь кстати, что земельные документы большинства черниговскихъ монастырей, въ томъ числѣ и пятницкаго, находятся теперь въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, куда поступили отъ Черниговской Казенной Палаты. Кромѣ этого, въ библіотекѣ университета св. Владиміра есть книга крѣпостей Максаковскаго монастыря, принадлежавшая прежде Н. И. Костомарову, съ библіотекой котораго она и была передана вдовой послѣдняго въ университетъ. М. М. Плохинскій осмотрѣлъ «*библіотеку и архивъ и этого Максаковскаго женскаго Спасскаго монастыря*». Архивъ оказался очень

бѣднымъ. Дѣля исторію монастыря на два періода: 1) отъ основанія его до 1786 г.—до момента закрытія и 2) съ 1803 г. до настоящаго момента, М. М. Плохинскій не нашелъ *никакихъ* документовъ, относящихся къ первому періоду: всѣ они относятся ко второму. Нѣтъ старыхъ бумагъ и въ архивѣ *Троицко-Ильинскаго черниговскаго монастыря*. «Въ 1790 году Троицко-Ильинскій монастырь былъ обращенъ въ архіерейскій домъ. Въ сущности, съ этого времени,—замѣчаетъ М. М. Плохинскій,—и начинаются дѣла монастырскія: дѣлъ же бывшаго монастыря не встрѣчается». Дѣла, сохранявшіяся въ архивѣ монастыря, насколько можно судить по ихъ перечню,—первостепенной важности для экономической исторіи монастыря: приходо-расходныя книги, инвентари, ревизскія сказки и т. д. При монастырѣ имѣется богатая библіотечка, каталогъ которой составленъ и напечатанъ Димитріемъ Козминскимъ, секретаремъ теперешняго епископа черниговскаго Антонія. Въ библіотекѣ есть книга «копій универсаловъ и грамотъ», а также нѣсколько синодиковъ.

Объ архивѣ Черниговскаго Елецкаго монастыря М. М. Плохинскій говоритъ: «собственно архива при монастырѣ нѣтъ,—погибъ онъ, вѣроятно, во время большого пожара, истребившаго ризницу этого монастыря; а есть библіотека, въ которой имѣются разныя печатныя, а отчасти и рукописныя книги. Этимъ книгамъ составленъ каталогъ; изъ рукописей достойно упоминанія соч. Симеона Полоцкаго «Вѣнецъ вѣры». Въ нѣкоторыхъ книгахъ вплетены монастырскія «дѣла» (употребляемъ слово подлинника). Дѣла состоятъ изъ одного, двухъ, много трехъ листовъ. Дѣла эти ничто иное, какъ указы.... Указы эти по большей части не относились прямо къ монастырю, а присылались, какъ всякаго рода правительственныя распоряженія, для свѣдѣнія и руководства». Дѣла эти начинаются съ 1736 г. На основаніи дальнѣйшаго, болѣе подробнаго перечня этихъ дѣлъ, мы находимъ общую характеристику архива, данную М. М. Плохинскимъ, очень неточной: оказывается, въ архивѣ есть дѣла, касающіяся внутренней жизни монастыря (наказанія монаховъ за буйство плетьми и др.), *достаточное* количество расходныхъ книгъ о содержаніи монастыря за XVIII ст.; рядъ копій универсаловъ, грамотъ, относящихся прямо къ исторіи монастыря и т. д.

Документы и бумаги Жуклянской церкви. Объ архивѣ этой церкви намъ давно уже сообщалъ Ф. М. Уманецъ въ частной бесѣдѣ. Мы врядъ-ли ошибемся, если скажемъ, что онъ напра-

вилъ и М. М. Плохинскаго въ село Жукли, Сосницкаго уѣзда. Ф. М. Уманецъ наткнулся на этотъ архивъ случайно, и при бѣгломъ просмотрѣ ему показалось, что въ немъ хранится большое количество бумагъ, даже не имѣющихъ никакого отношенія къ жуклянской церкви, какъ напр., хозяйственныя и административныя распоряженія помѣщиковъ. При ближайшемъ же знакомствѣ съ архивомъ онъ оказался размѣрами невеликъ, но заключаетъ въ себѣ интересныя въ бытовомъ отношеніи документы: въ нихъ разсказана исторія постройки жуклянской церкви; выясняются отношенія прихожанъ къ духовенству и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ напечатаны г. Плохинскимъ. Въ числѣ послѣднихъ назовемъ интересное прошеніе жуклянскаго жителя Гаврилы Миронова къ бригадиру Петру Даниловичу Апостолу отъ 20 іюня 1772 г.: Мироновъ проситъ уволнить его отъ занятія война и указываетъ, насколько тяжела эта должность. Прошеніе Миронова, въ связи съ другими документами, не имѣющими прямого отношенія къ жуклянской церкви, свидѣтельствуетъ намъ о какой-то заботливости, существовавшей у мѣстнаго причта, сохранять старинныя бумаги....

Въ Черниговщинѣ вообще не мало, повидимому, найдется церквей гдѣ старинныя бумаги заботливо сохранялись и сохраняются; такъ М. М. Плохинскій указываетъ, что въ с. Семеновкѣ глуховского уѣзда хранятся различные указы, начиная съ 1710, а метрическія и исповѣдныя книги съ 1718 г.; есть подобные документы при глуховской анастасіевской церкви, при соборной Троицкой. Въ свое время мы сообщали на страницахъ «Кіевской Старины» [1]), что при эсманской церкви глуховского уѣзда есть значительное количество старыхъ бумагъ, также преимущественно указовъ. Бумаги эти заботливо подобраны и переплетены покойнымъ настоятелемъ церкви протоіереемъ П. О. Красовскимъ († 1898). Помнится, покойный отецъ Порфирій выражалъ мысль присоединить къ церковному архиву и остатки дѣлопроизводства по введенію уставныхъ грамотъ и разнымъ крестьянскимъ дѣламъ въ эсманскомъ участкѣ, которымъ завѣдывалъ въ качествѣ мироваго посредника покойный староста эсманской церкви Д. Г. Лазаревичъ. Не знаю, успѣлъ ли сдѣлать это П. О. Красовскій; а если нѣтъ, то во всякомъ случаѣ желательно, чтобы его мысль была осуществлена хоть послѣ его смерти, а также нашла себѣ приверженцевъ въ другихъ приходахъ.

---

[1]) Кіевская Старина 1891 г. т. XXXII (февраль), стр. 317.

Архивъ при Глуховской Соборной Церкви св. Троицы находится въ самомъ печальномъ положеніи: «Помѣщается онъ въ темной каморкѣ церковнаго зданія, находящагося возлѣ церкви. Бумаги и документы этого архива въ безпорядкѣ: дѣла и разныя книги, хотя и уложены на полкахъ, но безъ всякой системы: отъ иныхъ дѣлъ уцѣлѣли два, три листка, которые присоединены къ другому дѣлу, дѣло XVIII ст. сосѣдитъ, съ дѣломъ второй половины XIX ст., дѣла одного учрежденія перемѣшаны съ дѣлами другаго». А между тѣмъ архивъ этотъ заключаетъ въ себѣ очень много любопытнаго: въ немъ хранятся дѣла духовныхъ правленій—глуховского, новгородсѣверскаго, конотопскаго, кролевецкаго и эсманскаго,—слѣдовательно, документы, въ высшей степени важные для исторіи малорусскихъ приходовъ и исторія приходского духовенства. Часть дѣлъ конотопскаго духовнаго правленія хранится также ***въ колокольнѣ Преображенской глуховской церкви***, гдѣ помѣщается архивъ. Въ ***Глуховской Николаевской церкви*** есть три синодика и книга, озаглавленная «архивъ» и содержащая въ себѣ нѣсколько не лишенныхъ интереса указовъ, напр., о бѣглыхъ монахахъ, о священникѣ, похитившемъ жемчугъ изъ церкви.

Въ г. Черниговѣ М. М. Плохинскій осмотрѣлъ архивъ слѣдующихъ правительственныхъ учрежденій: духовной семинаріи, консисторіи, губернскаго правленія, казенной палаты, окружнаго суда, городской управы; въ г. Глуховѣ—архивъ ремесленной управы. Въ ***духовной семинаріи*** особенно старыхъ дѣлъ нѣтъ: наиболѣе раннія изъ нихъ относятся къ 20-мъ годамъ XVIII столѣтія [1]). ***Консисторскій архивъ*** заключаетъ въ себѣ дѣла XVIII и XIX ст. «Дѣла эти,—по мнѣнію М. М. Плохинскаго,—можно расположить по слѣдующей схемѣ: 1) Журналы консисторіи съ 1804 по 1896 годъ; 2) Протоколы консисторіи съ 1834 по 1896-й годъ; 3) Докладные реестры съ 1804 по 1894; 4) Дѣла консисторіи слѣдственнаго, хозяйственнаго и распорядительнаго характера, съ 1724 по 1894; 5) метрическія книги съ 1780 по 1896; исповѣдныя росписи съ 1740 по 1897 годъ; 6) клировыя вѣдомости (формулярные списки о священникахъ и церковно-

[1]) При семинаріи есть богатая библіотека съ большимъ рукописнымъ отдѣломъ, описаннымъ въ свое время М. И. Лилеевымъ. „Описаніемъ этимъ,—замѣчаетъ г. Плохинскій,—и въ настоящее время пользоваться неудобно; *ибо изъ бывшихъ 201 книги уцѣлѣло только 98;* однимъ изъ преподавателей семинаріи составлена опись этимъ послѣднимъ“.

служителяхъ) 1804—1894 г.; 8) Ревизскія сказки о священно и церковно-служителяхъ за 1782, 1795, 1811, 1816, 1834, 1850, 1857 гг.; 9) разборъ о церковныхъ служителяхъ за 1797 г.; 10) ревизія о церковныхъ земляхъ за 1772-й годъ; 11) Приходо-расходныя книги съ 1819—1875 г.; 12) описи церковному имуществу 1853—1897 г.».

Большая часть архива *Черниговскаго Губернскаго Правленія*, какъ извѣстно, передана харьковскому университету и составила тамъ основу харьковскаго историческаго архива. Дѣла, оставшіяся въ Черниговѣ, по характеру своему нисколько не отличаются отъ переданныхъ въ Харьковъ: можно только удивляться, почему эта часть архива не была въ свое время вывезена изъ Чернигова, и желать, чтобы она скорѣй была присоединена къ харьковскому архиву, съ которымъ составляетъ одно неразрывное цѣлое. Архивъ губернскаго правленія заключаетъ въ себѣ матеріалы по исторіи малорусскихъ финансовъ, ревизіи полковъ, распоряженія второй малороссійской коллегіи, Румянцева и т. д. Въ старой описи архива, напечатанной г. Рагозинымъ [1]), значилось также и генеральное слѣдствіе Лубенскаго полка. Въ части архива, перевезенной въ Харьковъ, его не оказалось; нѣтъ ли его въ Черниговѣ? Это, вѣдь, единственное слѣдствіе, которое до сихъ поръ неизвѣстно изслѣдователямъ... *Архивъ Окружнаго Суда* содержитъ въ себѣ дѣла бывшаго малорусскаго генеральнаго суда и извѣстенъ читателямъ «Кіевской Старины по обстоятельной статьѣ В. А. Мякотина [2]). Часть *архива Казенной Палаты*, именно земельные документы монастырей, передана въ Кіевскій центральный архивъ, о чемъ мы уже говорили выше; судебныя же дѣла монастырей, касающіяся владѣнія землей, дѣла, относящіяся къ управленію казенными имѣніями, а также ревизіи Черниговской губерніи, начиная съ 1764 года, хранятся еще въ казенной палатѣ. Опись болѣе древнихъ дѣлъ съ 1714 по 1768 годъ г. Плохинскій приводитъ въ своемъ отчетѣ. *Въ архивѣ Черниговской городской управы* хранятся грамоты польскихъ королей, русскихъ царей, гетманскіе универсалы, полковничьи листы на магдебургское право и другія привилегіи Чернигова; здѣсь же хранятся и дѣла, касающіяся исто-

---

[1]) Отчеты о содержаніи дѣлъ и бумагъ, хранящихся въ архивахъ: бывшей (въ гор. Черниговѣ) малороссійской коллегіи и упраздненнаго управленія оренбургскаго губернатора Спб. 1882 г. стр. 8.

[2]) Архивъ Генеральнаго войсковаго суда. Кіев. Стар, 1898 г. ноябрь, стр. 137—149.

ріи черниговскаго городскаго самоуправленія. О характерѣ этихъ дѣлъ читатели «Кіевской Старины» могутъ ближе узнать изъ статьи В. М. Хижнякова, напечатанной въ іюньской книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ [1]). Въ *Глуховской ремесленной управѣ* сохранились цеховые книги за нѣкоторые годы, начиная съ 1663, цеховъ кравецкаго, кушнѣрскаго, рѣзницкаго, хлѣбнаго, ковальскаго, сапожнаго. Отрывки изъ этихъ книгъ, представляющихъ собой важный матеріалъ для исторіи цеховъ въ Малороссіи, напечатаны въ крайне неисправномъ видѣ въ Черниговск. Губ. Вѣд. за 1887 годъ. При ремесленной управѣ хранятся также разнаго рода значки, относящіеся къ ритуалу цеховъ.

Изъ *частныхъ архивовъ* М. М. Плохинскимъ осмотрѣны преимущественно тѣ, о которыхъ, какъ мы видѣли, упоминалъ въ своемъ письмѣ П. Я. Дорошенко, т. е. собственное собраніе г. Дорошенка, архивъ Миклашевскихъ въ с. Волокитинѣ, принадлежащій теперь графинѣ А. А. Олсуфьевой, и архивъ Марковичей въ с. Сварковѣ. Изъ нихъ наиболѣе полно описанъ волокитинскій архивъ Миклашевскихъ, заключающій въ себѣ немало, повидимому, матеріала для исторіи бытовой и экономической. Самый интересный изъ этихъ архивовъ, безъ сомнѣнія, Марковичей въ с. Сварковѣ: здѣсь находится извѣстный дневникъ генеральнаго подскарбія Марковича, два тома котораго, въ полной редакціи, уже напечатаны «Кіевской Стариной»; нѣсколько сборниковъ различныхъ документовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Silva rerum»; дѣла, касающіяся управленія имѣній и представляющія собой, на сколько можно судить по выдержкамъ изъ нихъ, драгоцѣнный матеріалъ для исторіи сельскаго хозяйства въ Малороссіи; также частная переписка и разныя фамильныя бумаги Марковичей, между прочимъ рано погибшаго Я. М. Марковича († 1804) и извѣстнаго черниговскаго общественнаго дѣятеля А. М. Марковича († 1865 г.), съ которыми читатели «Кіевской Старины» знакомы по статьямъ А. М. Лазаревскаго [2]). Небольшое *собраніе старыхъ бумагъ А. М. Фонъ деръ-Бригена* въ с. Слоутѣ, глуховского уѣзда, содержитъ въ себѣ, главнымъ образомъ, земельные документы.

---

[1]) *В. М. Хижняковъ.* Черниговская старина (1765—1810) Кіев. Ст. 1899 г. іюнь, стр. 367—407.

[1]) *А. М. Лазаревскій.* Прежніе изыскатели малорусской старины. Кіев. Ст. 1894 г. декабрь, ст. 351—387 и 1897 г. январь, стр. 92—111 и февраль, стр. 275—310.

Таково краткое содержаніе отчета о поѣздкѣ М. М. Плохинскаго; таковы результаты его командировки [1]). Повторяемъ, любителямъ малорусской старины нужно искренно благодарить Московское Археологическое Общество за ту помощь, какую оно оказало наукѣ малорусской исторіи, командировавъ г. Плохинскаго.

Наука малорусской исторіи, главнымъ образомъ, и страдаетъ отъ разрозненности, разбросанности матеріаловъ, отъ *ихъ неизвѣстности.* Послѣ поѣздки г. Плохинскаго мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ, что, гдѣ есть?.. Но все-таки, пользованіе разбросаннымъ матеріаломъ всегда затруднительно; матеріалъ долженъ быть объединенъ. Мы видимъ также, что нѣкоторые архивы неустроены, разбросаны—нужно скорѣй, не откладывая времени, позаботиться объ ихъ сохраненіи (напр., о сохраненіи архива при глуховской соборной церкви). Кто возьметъ на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ? Мѣстныя Кіевскія силы и ученыя учрежденія?!...

«Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣти нами»....

Мы надѣемся на Московское Археологическое Общество, на его Археографическую Коммиссію....

Возвратимся къ «Древностямъ». Останавливаясь на статьяхъ и замѣткахъ, относящихся къ архивному дѣлу въ Малороссіи, мы, конечно, имѣли въ виду интересы нашего журнала; но указанныя статьи составляютъ сравнительно очень незначительную часть всего содержанія перваго тома «Древностей», гдѣ есть замѣтки и статьи о губернскихъ, объ иностранныхъ архивахъ (напр., государственномъ шведскомъ), палеографическія, критическія, библіографическія статьи по поводу разныхъ матеріаловъ и трудовъ. Въ отдѣлѣ, напр., критики и библіографіи мы находимъ отзывы о слѣдующихъ книгахъ, имѣющихъ отношеніе къ южной Руси: *А. Папкова.* «Древнерусскій приходъ»; *свящ. С. Звѣрева* «Матеріалы для жизнеописанія св. Митрофана, епис. воронежскаго; о 2-мъ томѣ «Мемуаровъ, относящихся къ исторіи южной Руси»; о книгѣ *А. М. Дядкова* «Воронежскій губернскій музей въ 1894—1897 гг.»; «Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Синода», т. V; *Д. Миллера* «Очерки изъ исторіи юридическаго быта старой Малороссіи; Catalogus codicum manuscriptorum bibliothecae Ossolinianae Leopoliensis, т. 3-й.

---

[1]) Отчетъ М. М. Плохинскаго изданъ отдѣльно подъ заглавіемъ „Архивъ Черниговской губерніи“.

Въ отдѣлѣ «Извѣстія и замѣтки» кромѣ письма П. Я. Дорошенка, о которомъ шла рѣчь выше, помѣщены замѣтки о Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ въ 1896-мъ году и о Городецкомъ музеѣ бар. Штейнгеля.

Думаемъ, мы приблизительно исчерпали содержаніе «Древности» въ ихъ отношеніи къ исторіи Малороссіи. По богатству и разнообразію матеріала «Древности» являются выдающимся спеціальнымъ изданіемъ, притомъ прямо таки необходимымъ.

Николай Василенко.

Родословная записка фамиліи Яценко-Хмѣлевскихъ (по Черниговской губ.). Составилъ Василій Ивановичъ Яценко-Хмѣлевскій. *Москва 1898 г. I—VI—1—141.*

Въ предлагаемомъ читателю трудѣ нѣтъ ничего, что останавливало-бы на себѣ вниманіе знатока исторіи Малороссіи. Да и самъ составитель, приступая къ изданію этой книжки, не имѣлъ въ виду обогатить историческую литературу Малороссіи сколько-нибудь серьезнымъ и цѣннымъ вкладомъ. Это просто памятная книжка, въ которой собраны кое-какіе печатные матеріалы, относящіеся къ опредѣленію древности и дворянскаго достоинства рода Яценко-Хмѣлевскихъ, а затѣмъ, попытка на основаніи этого доказать несомнѣнность принадлежности нынѣ живущихъ Яценко-Хмѣлевскихъ къ дворянскому сословію, коимъ и предоставлено право доказывать таковую свою принадлежность къ упомянутому сословію. Хотя составитель въ предисловіи и говоритъ, что «для меня лично, заинтересованнаго возстановленіемъ своихъ правъ соціальнаго положенія,—изысканія историковъ, ихъ ссылки на архивы, сочиненія, изданные документы и пр. сослужили большую службу и стали путеводной звѣздой въ томъ хаосѣ, который царилъ въ моемъ воображеніи, когда я задумалъ «разыскать» своихъ предковъ»,—но мы этого не видимъ. Возстановляя права, составитель своими «важными документами» ни къ чему не пришелъ, и вопросъ объ истинной принадлежности нынѣшнихъ Яценко-Хмѣлевскихъ къ дворянскому сословію остается открытымъ, какимъ онъ былъ при составленіи родословныхъ книгъ. Принимая во вниманіе, что составитель приступилъ къ «розыску» своихъ предковъ безъ всякой подготовки къ архивнымъ розысканіямъ, а так-

же безъ сколько-нибудь основательнаго познанія въ исторіи Малороссіи, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ не отдать справедливости г. Яценко-Хмѣлевскому въ усидчивости, трудѣ и насколько возможно, по его крайнему разумѣнію, добросовѣстному отношенію въ выполненіи намѣченной цѣли, плодомъ коихъ и явилась означенная въ семъ «Родословная записка». Не имѣя за собою ровно никакого научнаго значенія, «Записка» тѣмъ не менѣе можетъ явиться причиной того, что нынѣ живущіе Яценко-Хмѣлевскіе, а также и будущее поколѣніе ихъ, могутъ серьезно заинтересоваться судьбами своей родины и выдѣлить изъ рода Яценко-Хмѣлевскихъ полезныхъ для края дѣятелей.

А. Г. Хатемкинъ.

Малорусскія изданія 1899 года.

I.

Въ отношеніи продуктивности малорусскаго издательства въ Россіи, 1899 годъ можно считать особенно благопріятнымъ, если не за все столѣтнее существованіе украинской художественной литературы, то, во всякомъ случаѣ, въ ряду нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ. Въ подтвержденіе вышесказаннаго можно прежде всего указать на такіе крупные факты, какъ изданіе редакціей «Кіевской Старины» «Кобзаря» Т. Г. Шевченка, въ количествѣ 53.000 экз., затѣмъ 1 томъ полнаго собранія сочиненій Ивана Левицкаго (Нечуя)— «Повисти и Оповидання» [1]), вышедшій въ Петербургѣ и заключающій въ себѣ многія піесы, почти неизвѣстныя широкому кругу читающей публики, въ виду того, что онѣ появились впервые въ печати въ галицкихъ украинскихъ изданіяхъ [2]). Слѣдующимъ, не менѣе крупнымъ явленіемъ въ той же области, слѣдуетъ считать изданные въ Одессѣ I и II тт. полнаго собранія сочиненій другого украинскаго писателя—А. Я. Конисскаго—Перебенди, содержащіе слѣдующіе разсказы: т. I: Дидъ Евменъ [3]), Не-

---

[1]) См. рецензію въ Кіевской Старинѣ, кн. XI за 1899 г.

[2]) Упомянутый I томъ является началомъ предположеннаго полнаго собранія сочиненій Ив. С. Левицкаго, приблизительно около 8—9 т. т.; II томъ (Старосьвицьки батюшки и матушки) находится уже въ печати, въ Кіевѣ.

[3]) Послѣднее (второе) изданіе въ Черниговѣ, въ 1894 году.

прымыренна (зъ записокъ сильскои учительки), Баба Явдоха [1]), Хвора душа (Спомынкы бабы Орышкы Прядчыхы). Томъ II: У тисном бабы [2]), За крыгою, Отакъ булы вскочылы! Завертка, Народня педагогія, Не любы двохъ, Конокрадъ, Музыка Дрантусъ, Надія [3]), Марта Переличка [4]), Бабуся Харытына,—цѣлая серія болѣе мелкихъ разсказовъ, написанныхъ хорошимъ легкимъ языкомъ, но также малоизвѣстныхъ русской публикѣ по тѣмъ же причинамъ, что и произведенія Левицкаго.

Обращаясь къ другимъ болѣе крупнымъ художественнымъ произ веденіямъ минувшаго года, съ особеннымъ удовольствіемъ можемъ указать на извѣстныя уже читателямъ «Кіевской Старины» три послѣднія драматическія произведенія талантливаго писателя-драматурга Ив. К. Карпенка-Карого (Тобилевича): «По-надъ Днипромъ», «Пидпанкы» и «Сава Чалый» (всѣ три—оттиски изъ «Кіевск. Стар»)., а также на историческія драмы М. Старицкаго—«Оборона Буши», «Остання ничъ» (оттиски изъ «Кіевск. Стар.») и «Маруся Богуславка».

Заговоривъ о драматическихъ произведеніяхъ, укажемъ на комедію въ 4 д. Д. Марковыча „Не зрозумилы", помѣщенную въ книжкѣ, изданной въ Москвѣ подъ заглав. „По степамъ та хуторамъ"; комедія эта по сюжету напоминаетъ драму г. Карпенка-Карого „По-надъ Днипромъ", обладаетъ немалыми достоинствами, но по исполненію значительно уступаетъ послѣдней [5]).

Совершенно противоположными качествами обладаютъ слѣдующія четыре драматическихъ произведенія: *М. Ф. Сластина—Погыбель*, драма въ 3 д., *„Знайся кинь съ конемъ, а виль зъ воломъ"*. Трагикомичн. этюдъ въ 2 д., *Прыймакъ*. Драма въ 4 діяхъ и 5 одминахъ, и *А. Т. Грабины—Дивоче-серце*,—шутка въ 1 дѣйствіи. Что касается перваго, то главныя дѣйствующія лица его такъ неестественны—отъ начала до конца, такъ схожи съ героями какого-либо французскаго фешенебельнаго романа, что считать его заслуживающимъ вниманія было бы несправедливо. Еще менѣе заслуживаетъ вниманія другое произведе-

---

[1]) Вышла на дняхъ въ Черкассахъ отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ „Грошолюбка".

[2]) Отдѣльнымъ изданіемъ—въ Кіевѣ, въ 1894 году.

[3]) Вошло въ брошюру „Оповидання: Дзвонарь, Сужена, *Надія*". Кіевъ, 1897.

[4]) Впервые было напечат. въ брош. Яковенка „Фотографіи зъ мого альбому".

[5]) Рецензія на книжку Марковича помѣщена въ „Кіевской Старинѣ", 1899, кн. VII.

ніе этого автора,—„*Знайся кинь съ конемъ, а виль зъ воломъ*“, трагикомизмъ котораго выражается въ балаганныхъ выходкахъ дѣйствующихъ лицъ и въ употребленіи ими «дывовыжныхъ» словъ: вмѣсто Аполлонъ говорятъ ополоныкъ, мерсую (отъ merci!!), калантырь (календарь?), хвактъ, хвортыкультяино и т. п. Въ этомъ отношеніи г. Сластинъ превзошелъ даже такихъ корифеевъ особаго жанра въ литературѣ—какъ Раевскій, Сватово-Луцкій, Л. Лучицкій и имъ подобныхъ. Драма *Прыймакъ* отличается болѣе или менѣе тѣми же качествами, что и предыдущія его произведенія, что съ успѣхомъ можно сказать и о произведеніи А. Грабыны «Диводе серце».

Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ еще одно, не вполнѣ, пожалуй, драматическое произведеніе—«*Отъ тоби й монополія*»!—сцены въ одномъ дѣйствіи *Земляна*, взявшаго своей темой незатронутое еще никѣмъ изъ малорусскихъ писателей новое явленіе—монопольную водочную систему. Авторъ беретъ сюжетомъ моментъ открытія „монополіи“ и рисуетъ довольно типичную картинку отношенія крестьянъ къ совершенно новому для нихъ явленію. Очень характерны нѣкоторыя мѣста, какъ напр. догадки крестьянъ о томъ, что если водка не выпита, то она достается «акцызови, а акцызъ іи продасть и гроши соби визьме». Тѣмъ не менѣе, не смотря на несомнѣнную наблюдательность и правдивость автора, замѣтно, что представленія его о сценичныхъ требованіяхъ не достаточно ясны.

Обратимся теперь *къ повѣствовательной литературѣ* минувшаго года. На первомъ мѣстѣ поставимъ популярно-научныя изданія. Къ нимъ принадлежитъ цѣлый рядъ изданій *черниговскихъ* (изд. Б. Д. Гринченка). *Давня Прырода*—интересно написанный разсказъ объ извѣстномъ средневѣковомъ докторѣ Исаакѣ Джемсѣ, открывшемъ способъ поддерживать жизнь одного существа кровью, взятой изъ другого. *Гр. Коваленко. Клопитъ у сели Билашивци. Оповидання про сифилисъ.*—Предлагаются совѣты, какъ поступать въ случаѣ заразы, какъ ее избѣгать. *Б. Гринченко. У неволи.*—Брошюра имѣетъ цѣлью познакомить читателей съ жизнью Туркменъ; *его-же. Середъ крыжаного моря.*—Излагается просто и удобопонятно жизнь рыболововъ въ Сѣверномъ Ледовитомъ Океанѣ; очень удачно схвачены всѣ главнѣйшіе моменты этой тяжелой жизни;—*его-же. У сниговому краи.*—Разсказъ о Гренландіи, о Гансѣ Эгеде, посвятившемъ себя всецѣло поднятію нравственнаго уровня эскимосовъ. Написана брошюра интересно. *М. Загирня. Страшный ворогъ.* Кныжка *про горилку.*—

Содержаніе книги—какъ люди научились вырабатывать водку, зачѣмъ пьютъ, и правду ли о ней говорятъ, какой вредъ наноситъ алкоголь организму, психикѣ, сколько издерживается на алкоголь, какъ люди ведутъ съ нимъ борьбу.—Брошюра снабжена фактическими данными, взятыми изъ жизни различныхъ народовъ и государствъ.

Сверхъ того, вышли изданія:

Въ Черкассахъ. *Береженого Богъ береже. Оповидання про скотську чуму.* Друге выданне. (Первое было въ Екатеринодарѣ, 1896 г.).—Указываются совѣты, какъ поступать въ случаѣ появленія сибирской язвы въ извѣстномъ раіонѣ. *Ликарь Авраменко. Ризачка або дизентерія.*—Сообщаются медицинскія свѣдѣнія о томъ, какъ проявляется болѣзнь, какъ задержать распространеніе ея, какъ и чѣмъ помогать больному.

Въ Петербургѣ. Издана благотворительнымъ Обществомъ изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ—*О. Степовыкъ. Корыстни звирятка: Кажанъ, йижакъ та зінське щеня.* (критъ). (Зъ малюнкамы)[1]).

Въ Одессѣ. *О. Степовыкъ. Лыхи потайни хлибойиды: Хлибный комарыкъ та шведська муха* (зъ малюнкамы).—Прекрасно составленная брошюра о вредѣ, причиняемомъ хлѣбу упомянутыми насѣкомыми, о жизни ихъ, о способахъ борьбы съ ними. *Е. Чикаленко. Розмова про сельское хозяйство.* Кн. II. *Худоба:* кони, товаръ, свыни, вивци,—прекрасно изложенная и изящно изданная, съ рисунками животныхъ, брошюра, но по характеру своему,—какъ теоретическая,—нѣсколько уступаетъ первой въ смыслѣ практическаго примѣненія. Подобно первой, книжку г. Чикаленка опредѣленіемъ особаго ученаго комитета Мин. Нар. Просв. постановлено «допустить въ библіотеки учительскихъ семинарій, въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки тѣхъ губерній, гдѣ мѣстное населеніе говоритъ на *малорусскомъ нарѣчіи.*»

Въ Харьковѣ. *И. Спилка. На чужій стороны.*—Излагается въ беллетристической формѣ государственное устройство Сѣверно-Американск. штатовъ, фауна, флора въ нихъ.—Изложеніе нѣсколько суховато.

Гнатъ Галайда. Добромъ усе переможешь.—Художественно написанный разсказъ, темой для котораго авторъ взялъ жизнь и отношенія между собой киргизовъ.—Разсказъ написанъ задушевно; чтеніе его производитъ пріятное впечатлѣніе.

---

[1]) Реценз. см. Кіевск. Стар. 1899, кн. XI.

Въ Кіевѣ. *Про херсонськи заробиткы, колы и якъ ихъ шукаты, и що коштуе туды достаться по зализній дорози або пароходомъ.* Изд. Кіевскаго Общества Грамотности.

Прекрасное справочное пособіе для «заробитчанъ» съ указаніемъ заработныхъ цѣнъ въ извѣстныхъ раіонахъ, стоимости проѣзда туда по желѣзной дорогѣ отъ различныхъ пунктовъ.—

Достаточное также количество вышло брошюрокъ историческаго содержанія:

Въ Черкассахъ. *Иванъ Золотаренко. Повисть Е. Гребинкы.*— Перепечатка, въ исправленномъ видѣ, съ перваго изданія.

Въ Харьковѣ. *Ив. Спилка. Козача помста.* Оповидання.— «Козача помста» разсказываетъ о Кошевомъ Иванѣ Сиркѣ и о походѣ козаковъ въ Крымъ.—Разсказъ написанъ вяло, довольно тяжелымъ языкомъ, въ непріятномъ шовинистическомъ тонѣ.—Въ такомъ духѣ написанную брошюру врядъ-ли можно считать пригодной для народнаго чтенія.

Въ Кременчугѣ. *Д. В. Кулида. Козаче слово. Оповидання съ переказивъ про козацтво.*—Недостойная эксплоатація историческаго минувшаго и ея представителей; здѣсь на каждомъ шагу невѣроятныя драматическія положенія, окутанныя «хвіялковымъ туманомъ», подъ звуки «дзвинового дзвона» и т. д.—Брошюру слѣдуетъ считать никуда негодной.—

Въ Одессѣ *Ц..... батько* О. Стародавня Украина въ драматычныхъ справахъ. I. Чорный шляхъ. II. Козакъ Байда. Тип. ю.-русск. общ. Печат. дѣла; *Его же*,—подъ тѣмъ же заглавіемъ: III. За вiру и правду. IV. Тарасъ-Бульба. Тип. ю.-русск. Общ. печ. дѣла [1].

Обратимся теперь къ *стихотворнымъ* произведеніямъ украинской литературы:

Въ Черниговѣ. *Е. Гребинка. Прыказкы.*—Перепечатка перваго изданія, бывшаго въ Кіевѣ. *Степови квиткы.* Вирши.—Выборъ лучшихъ поэтическихъ произведеній изъ Гулака-Артемовскаго, Билыловскаго, Вороного, Глибова, Граба, Гребинкы, Коцюбинскаго, Кулиша,

---

[1]) Извѣстіе объ этихъ книжкахъ мы встрѣтили въ „Правительств. Вѣстникѣ", въ одномъ изъ ноябрськихъ №№ и въ № 22 текущ. года, гдѣ было указано, что они изданы въ минувшемъ году, въ Одессѣ, типографіей южно-русскаго общ. печатн. дѣла въ колич. 100 экз.

Кулыка, Манджуры, Метлинскаго, Руданскаго, Самійленка, Ставысьскаго, Старицкаго, Л. Украинкы, Франка, Чужбинскаго, Щоголева, Яковенка. *Б. Гринченко. Смилыва дивчына.* Казка.—Сказка о королевичѣ и дивчынѣ, переодѣтой мущиной-воиномъ, доказавшей первому, что къ женщинѣ слѣдуетъ относиться какъ къ равной.

Въ Харьковѣ.—*Повне выдання творивъ Пантелеймона Олександровыча Кулиша: Досвиткы. Думы та поэмы.*—Тыномъ другымъ зуповненнымъ. (Изданіе Александры Михайловны Кулишъ). — Перепечатка съ изданія 1878 года (въ Кіевѣ), съ добавленіемъ «передного слова», «прыпысивъ» (поясненій и примѣчаній къ стихотвореніямъ), а также посвященія—«прысвята оправного въ золото прымирныка».

Въ Черкассахъ *И. Мыронъ. Абу-Кáземови капци.* (Арабська казка).—Стихотворный пересказъ извѣстной арабской сказки о скупомъ Багдадцѣ Абу-Каземѣ.—Изданіе съ внѣшней стороны прекрасное.

Въ Кіевѣ. *И. М. Стешенко. Хуторни сонеты.*—32 сонета, отражающихъ преимущественно субъективныя чувства автора. Автору нельзя отказать въ свободномъ обращеніи съ языковымъ богатствомъ, въ рискованномъ, не рѣдко, употребленіи выраженій, подлежащихъ большому сомнѣнію относительно ихъ правоспособности.—Книжка издана роскошно.—

Украинецъ. Малороссійскій пѣсенникъ. Сборникъ разныхъ малороссійскихъ пѣсенъ и стихотвореній. Собралъ Θ. М. Кеселеръ. *Отъ разныхъ* (!) авторовъ. Изд. книгопрод. Т. А. Губанова.

Не смотря на то, что изданія г. Губанова обыкновенно неотличаются удачнымъ выборомъ, мы, къ крайнему нашему удивленію, должны признать упомянутое изданіе болѣе чѣмъ удовлетворительнымъ. Въ числѣ 75 №№ «пѣсенъ», не малый процентъ составляютъ стихотворенія Шевченка (напр. изъ Гайдамакъ), Котляревскаго (изъ «Наталки Полтавки» и даже *Энеиды*), изъ сборниковъ Лысенка и др. Конечно, трудно себѣ представить въ музыкальномъ исполненіи: «Эней на ничъ забрався спаты, зарывся въ просо—тамъ и лигъ» или какое либо другое мѣсто изъ «Энея въ пекли», но все же лучше взять для сборника классическія вещи, чѣмъ угощать публику всякимъ хламомъ, по большей части не выдерживающимъ никакой критики; тѣмъ болѣе это позволительно, что понятіе «пѣсенникъ» въ представленіи г.г. Губановыхъ е tutti

quanti должно означать по-просту сборникъ всякихъ стиховъ,—поются ли они, или нѣтъ,—безразлично. За то *«Стихотворенія и писни Д. Додольного и К. Бубелы, Антонивскихъ поэтивъ (!). Зибравъ Денисъ Кузьмичъ Пигулинъ въ Антоновци. Кіевъ, типогр. Т. А. Губанова»*,—возстановляетъ вполнѣ утраченную на время репутацію Губанова, какъ издателя. Это безобразнѣйшій наборъ всякой всячины двухъ Антоновскихъ (Сквирскаго у.) «поэтовъ», какъ они скромно себя именуютъ, зачастую просто неприличной. О такихъ вещахъ не стоитъ говорить, а если и приходится, то лишь въ предупрежденіе тѣмъ, кто не подозрѣваетъ всей прелести таковаго изданія.

Въ Петербургѣ. *Я. Жарко.* Байкы.—27 басенъ, отличающихся оригинальностью сюжета, но по обработкѣ значительно уступающихъ баснямъ Гребинки или Глибова и доказывающихъ отсутствіе у автора сатирико-дидактическаго таланта [1]).

Казачка. Сборникъ новѣйшихъ пѣсенъ и романсовъ. Изд. 2-ое книготорг. А. Холмушина [2]).

Въ Москвѣ. *Кукель. Слухайте, панове, писни мои!* Малороссійскій пѣсенникъ. Изд. книготорг. Е. Губанова [3]).

Въ Екатеринославѣ. *П. А. Кузьменко.* «Дозвилля» (!) 1888—1898. Среди многихъ довольно слабыхъ вещей, самаго разнообразнаго содержанія, встрѣчаются недурныя стихотворенія, какъ напр. «Мымо воли». Вообще же стихотворенія на серьезныя темы автору мало удаются. За то за авторомъ несомнѣнно надо признать нѣкоторую долю юмористическаго таланта, который, хотя изрѣдка, но все же проглядываетъ. Языкъ стихотвореній нерѣдко хромаетъ, но въ общемъ не такъ еще плохъ.

Обратимся *къ изящной повѣствовательной литературѣ.*

Послѣдняя, въ виду чисто практическаго направленія украинской литературы, въ послѣдніе годы идущей на встрѣчу запросамъ жизни, представлена была въ минувшемъ году въ неособенно значительномъ объемѣ, если исключить тѣ крупныя художественныя явленія, о которыхъ мы сказали въ началѣ нашего обзора.

Въ Полтавѣ. *П. Мырный. Лыхый попутавъ.* Оповидання.—Это художественно написанный трагическій разсказъ отъ лица героини о

---

1) Рец. см. Кіевск. Стар. 1899, кн. VII.

2) Къ сожалѣнію, намъ не приходилось ее видѣть.

3) Тоже.

томъ, какъ молодая сельская дивчына, попавъ въ силу необходимости въ городъ, была обманута городскимъ ловеласомъ—парубкомъ. Разсказъ этотъ, написанный образцовымъ языкомъ, какъ и всѣ вообще произведенія этого талантливаго писателя, читается съ захватывающимъ интересомъ.

Я. Жарко Оповидання. *Змистъ*: *1. Старець. 2. По закону. 3. За чуже добро. 4. Дармоидъ. 5. Заробывъ. 6. Безъ матери. 7. Злодій.*

— Разсказы, взятые изъ народнаго быта, написаны живо, тепло, гуманно. Это, скорѣе, рядъ житейскихъ драмъ, которыми такъ полна, повидимому однообразная, сѣренькая жизнь крестьянина. Разсказы, благодаря своей простотѣ и непретенціозности, оставляютъ пріятное впечатлѣніе...

Въ Черниговѣ. *О. Федьковычъ. Побратымъ. Хто выненъ?*

Два небольшихъ разсказа, взятыхъ изъ изданія «Повісті Осипа Федьковича», Кіевъ, 1876 г.

Сюда же отнесемъ и *Мудра дивчына.* Казка народня,—брошюру, заключающую кромѣ умянутой въ заголовкѣ сказки, еще 6: Два товарыши (Пакинь и Прало), Злыдни, Дурень, Два прыятели, Лысычка та Журавель, Цыганъ—косарь.—Сказки эти, записанныя изъ народныхъ устъ, представлены издателемъ въ литературной формѣ и болѣе всего подходятъ для чтенія дѣтей или начинающихъ обучаться грамотѣ

Въ Харьковѣ. *Свекруха*—Оповидання *Марка Вовчка*.—*Лыхтарныкъ.* Оповидання *А. Шабленка.*

Разсказъ «Лыхтарныкъ», сюжетъ котораго взятъ изъ городской жизни (городской фонарщикъ), написанъ просто, легкимъ языкомъ, но нѣсколько скучновато.

Въ Черкассахъ. *Прыятели. Повисть Ивана Левицького. Трете выдання* [1]).

Въ Кіевѣ. *Г. Ф. Квитка-Основъяненко. Малороссійкія повѣсти, разсказанныя Грыцькомъ Основъяненкомъ.* Изданіе второе Ф. Іогансона. Цѣна 75 коп.

Въ Москвѣ. *Малороссійскій сборникъ повѣстей, сценъ, разсказовъ и водевилей извѣстныхъ малороссійскихъ писателей.* Москва, тип. Яковлевой, стр. 1—381. Въ сборникъ вошли произведенія различныхъ украинскихъ и мнимо-украинскихъ писателей, отъ Шевченка и до Раевскаго включительно, съ значительнымъ перевѣсомъ произведеній

---

[1]) Первыя два въ Кіевѣ.

послѣдняго и ему подобныхъ. Изъ Шевченка взято: «Перебендя» и «Катерына», изъ *Котляревскаго*—„Наталка-Полтавка" и „Москаль—Чаривныкъ", изъ *Марка-Вовчка*—*«Ледащыця»* и *«Выкупъ»*, *Стороженка*—*„Якъ Богъ дасть, то и въ викно подасть"* *„Закоханый чортъ"*, *Кулиша*—*„Орыся"*, *Квиткы Основьяненка*—*„Черезъ що люде бидніють"*, *Мордовцева*—*„Салдатка"*, *Кузьменка*—*„Не такъ ждалося, да такъ склалося"*, *Гоголя-отца*—*«Простакъ»*, *Иродчука*—*«Сира кобыла»*, *Дмытренка*—*«Кумъ мирошныкъ»*, *Кропивницкаго*—*«По ревызіи»*. Затѣмъ слѣдуетъ матеріалъ, безъ котораго сборникъ носилъ бы болѣе приличный характеръ: 15 №№ разсказовъ Раевскаго съ *„Мертвымъ тиломъ"* включительно, «Оказія зъ пампушкою»—безобразный водевиль Боровиковскаго, «Кыивськый ярмарокъ»—мало чѣмъ лучшій водевиль Винникова-Мирославскаго, нѣсколько сказокъ *Грабыны*. Досадно, что составитель отнесся болѣе чѣмъ несерьезно къ дѣлу составленія такого крупнаго изданія.

Вотъ, кажется, и все то, что далъ намъ 1899 годъ въ Россіи въ области украинской литературы,—въ общемъ, сравнительно не мало. Если и есть здѣсь, среди только что упомянутыхъ изданій, не мало плевелъ, то все же, надо признать,—урожай былъ богатый. Будемъ надѣяться, что и нынѣшній годъ не уступитъ минувшему.

Прим. Дѣлая обзоръ украинско-руск. литературы за 1898 г. (Кіев. Стар. 1899, кн. XII), мы, по недосмотру, пропустили двѣ брошюры: 1) изданную въ *Полтавѣ М. Ганько. Якъ дбаешъ, такъ и маешъ*.—Въ этой брошюрѣ, авторъ предлагаетъ читателю простые, основанные на математическихъ вычисленіяхъ, способы достиженія значительно большей, сравнительно съ теперешней, продуктивности въ агрономіи. Разсчеты, быть можетъ, нѣсколько теоретическаго характера, но все же наводятъ на размышленія...

2) *Бабуся съ того свиту*. Оповидання про померлы души. Кіевъ, 1—16. Извѣстный разсказъ, записанный П. А. Кулишемъ подъ Кіевомъ. Перепечатка съ перваго изданія.

II.

Переходя къ украинской литературѣ въ Галиціи, мы можемъ привести лишь голый перечень вышедшихъ въ теченіе минувшаго года книгъ и брошюръ, въ виду того, что ознакомленіе съ ними не всегда доступно.

На первомъ мѣстѣ, конечно, слѣдуетъ поставить «Наукове Товариство імени Шевченка» и его солидныя научныя и другія изданія. Изъ періодическихъ изданій въ минувшемъ году имъ, помимо ежемѣсячнаго журнала *«Літературно-Науковий Вістник»*, были изданы — *«Записки Наукового Товариства ім. Шевченка»* —т. т. XXVI—XXXII [1]; *«Этноґрафічний збірник»*, т.т. VI и VII, [2]) *«Збірник математично-природописно-лікарський»*, т.т. IV и V; т. I *«Материяли до українсько-руськоі этнольоґіі»*, [3]) и т. II. *Гуцульщина. Написав проф. Володимир Шухевич;* т. II. *«Істория України-Руси. Проф. М. Грушевського. Від XI—XIII в.* (т. X Збірника історико-фільософічноі секциї); *Розвідки Мих. Драгоманова про Українсько-народню словесність і письменство, т. I* (т. II Збірника фільольоґічноі секциї); *Памятки українсько-руськои мови і литератури*, т. II. *Апокріфи новозавітні.* [4]) (Видае археографічна комісия); *Часопись правнича*, р. IX (Розвідки правничі секциі историко-фільософічнои); *Ів. Линниченко.* Суспільні верстви Галицькоі Руси XIV—XV вв. (Руська історична бібліотека. Т. VII).

Изъ отдѣльныхъ изданій, преимущественно оттисковъ изъ только что упомянутыхъ періодическихъ же изданій, можно отмѣтить слѣдующія: *Л. Ч. Україна після 1654 року.* Історичний очеркъ; *I. Верхратскій. Знадоби до пізнаня угорско-руских говорів. I. Говори з наголосомъ движимим*; *I. Франко. Хмельнищина 1648—1649 рр. у сучасних віршахъ*; *П. Куліш. Маруся-Богуславка*, поема; *С. Дністрянський. Заручини въ австрийськім праві*; *I. Черкаський. Спадщина в українському праві звичайовому*; *Генрик Ібсен. Ворог народа.* Драма в V д.; *Грінченко. Серед бурі.* Драма на 5 дій; *I. Франко. Гелена і Фавст*, 3-й акт 2-оі частини Гетевого «Фавста».

Затѣмъ, съ начала минувшаго года, открыла свои дѣйствія основанная въ концѣ 1898 г. *«Українсько Руська Видавнича Спілка*, успѣвшая въ теченіе года дать публикѣ 12 книжекъ, по преимуществу беллетристическихъ произведеній выдающихся украинскихъ и западно-европейскихъ писателей; въ число этихъ изданій вошли: *Шекспір. Гамлет, принц данський*, — въ художественномъ переводѣ П. К. Кулиша; *Ів. Франко. Поеми и оповідання* (Полуйка, Рівник, Вівчар),

---

[1]) См. реценз. „Кіевск. Стар". 1899, кн. 12.

[2]) На предыдущ. томы I—V см. реценз. тамъ-же.

[3]) Рец. см. Кіевск. Стар. 1899, кн. VII.

[4]) Рец. см. Кіевск. Стар. 1900 г. кн. I.

Гю-Мопасан. Дика пані і інші оповиданя; *Каутскій Кароль. Народність і її початки*,—з додаткомъ В. Будзиновського; *Леся Українка. Думи і мрії.* Поэзиї; *Ольга Кобилянська. Покора.* Нарис; *Наталя Кобринська. Духъ часу.* Оповідання: *Стефан Ковалів* (Стефан Пятка). *Дезертир і інші оповідання*; *Кнут Гамсун. Голод.* Роман; *Генрих Понтоппідан. Із хат.*

Слѣдуетъ еще остановиться на почтенной дѣятельности просвѣтительнаго общества *«Просвіта»*, изданія котораго достигли уже солидной цифры 233. Въ минувшемъ году упомянутое общество дало всего лишь 8 книжекъ (№№ 224—235), а именно: *Т. С. Сельскі аристократи сорокових літ, або знесени панщини в Загорбах.* Комед. в 3 д.; *А. Бардовскій. Про сербського ученого Вука Стефановича Караджича*; *А. Селянській. Цікаві розмови про державы і народи Европи*; *В. Хлопецкій. Де-що про молоко*; *Батько Петро и его діти.* Оповідане; *А. Борковскій. Богдан Хмельницкій.* Ч. III. (1649—1659) (за М. Костомаровим); *Андр. Лукашевскій. Приписи для оглядачів худоби і мяса*; *Илюстрований народний календар на р. 1900.* Не малую дѣятельность проявило и *«Руске товариство педагогічне»*, издавшее слѣдующія книжки и брошюры для дѣтскаго возраста:

Ів. Франко. Коли ще зьвірі говорили (казка для дѣтей); *Казки Андерсена*,—4 книжки; *В. Лебедева. Малі герої, картини з житя дітей*; *Ея-же—Гостинецъ дітям и оповідання для дітей*; *Д. Селянській. Казки Брянчанінова*; *І. Франко. Пригоди Дон-Кіхота; О. Макарушка. Казки братів Гріммів; Народні казки (3 книжки)*; *В. Чайченко. Робінзон; Джонатан Свіфт. Подорож Гулівера до ліліпутів*; *Ол. Катренко. Оповіданя*; *Ів. Спілка. На чужині*; *Стеф. Пятка. Дарунокъ для дітей. Оповіданя*; *Мих. Коцюбинський. Оповіданя.* Это же общество издало: *Ант. Глодзінський. Шкільний огород* (съ иллюстрац. и планомъ) и *Молитвенник народній.*

Затѣмъ, съ минувшаго года, открылась новая серія изданій, подъ назв. *«Живі струни»*. Вышли въ свѣтъ: 1) *Стан. Пшибишевський*: Із циклю вігілій; 2) *Габр. Запольска.* В Гірничій Дуброві; 3) *Орест Авдикович.* Нарис одноі доби и 4) *Антін Крушельницькій. Пролісок.*

Что же касается отдѣльныхъ изданій, то таковыя болѣе всего появлялись во Львовѣ, Черновцахъ, меньше—въ Перемышлѣ и въ Коломыѣ, а иногда и въ другихъ городахъ.

Во Львовѣ. Б. Цеглинскій издалъ нѣсколько драматическихъ произведеній: *Лихий день*, комед. в 1 д., *Беата и Гальшка*, істо-

рична трагедія, *Свекруха*, комед. в 3 акт., *Конкурс на мужа*. Шутка въ 5 акт., *Яблочникар*, комед. в 1 акт., а также разсказъ: *Сольотерно*! Кромѣ того вышли слѣд. изданія: *М. Павлик—М. Драгоманов. Рай і поступ.*; *Крушельницкій М. Українсько руський університет. Памяткова книжка 1 віча студентів укр.-русинів*; *Ів. Кокорудз. Взаемини між староруськими законодатними памятниками*; *Ів. Нечуй Левицкій. Українські гетьмани Бруховецький та Тетеря*; *Кирило Студинський. Поеми Михайла Макаровського*; *Герг. Гауптман. Гануся*,—перекл. *А. Крушельницкій*; *Ол. Катренко. Цуциня. Оповіданя*; *О. Карманський. З теки самоубийця*; *Еліза Оржешкова. Недосьпівана пісьня*,—перекл. *А. Крушельницкій*; *Т. Окуневскій. Як дбае ц. к. Рада шкôльна краева о руску народну школу?*; *Ів. Верхратскій. Зоольогія на низші кляси шкіл середніх*; *Т. Бордуляк Ближнй. Образки и оповѣданя.* (Бібліотека найзнаменитшихъ повѣстей, т. LXII).

Въ Черновцахъ. *Проф. Смаль-Стоцкий. Буковинська Русь*,—*культурно-історичний образок*; *Стефаник. Синя книжочка. Образки*; *Богдан Лепкий. З села. Збірник оповідань*; *О. Кобилянська. Людина. Повість*; *Денис Лукіянович. Баґнітки*; *О. Шпитко. Листи з пекла* (Антихрист до Люципера); *Гумористика. Книжочка смішного і веселого для руского народа*; *Приказки* (Бібліотека добрих рад., ч. 1); *И. Воробкевич. Науки для народа* (60 проповідей).

Въ Перемышлѣ. *В. Щурат.—Конопницька. До женщини*; *Его же.—Памяти Тараса Шевченка.* Фантазия виголошена підчас святочного обходу XXXVIII роковин смерти генія України-Руси.

Въ Коломыѣ. *Бібліотека для рускої молодіжі.* Випуски XXI и XXII, т.т. XXXV и XXXVI (р. VI); *Ю. Варчин. Цвѣты и бодяки. Образки и оповѣданя.* **Ч. I.** (Бібліотека для рускої молодіжі, вып. XXIII, т. XXXVII, рік VI); *Т. М. Справдешнй героъ.*; *Тома Дуткевич. Подорож до Ієрусалима*; *А. Кушниръ. Якъ робити гроши.*

Въ Жовквѣ. *И. Погорецкій.* Зовяли цвѣты, *О. К. Р. Читаня о мукахъ и смерти Г. Н. Ісуса Христа* (Видавництво побожних книжок).

Наконецъ, остается еще упомянуть объ изданіяхъ украинскихъ въ Америкѣ,—по преимуществу редакціи «Свободы» (Пенсильванія, Кармель) [1]: *Тымко Гаврилюкъ. Оповѣданя зъ эмиграційного жытя. На-*

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1899, кн. 12, стр. 157.

пысавъ Несторъ Дмитрôвъ; Стеф. Макаръ. Оповѣданя; *Про вôдступныкивъ вôдъ православія и ихъ переслѣдованя.* Интересно также отмѣтить еще одну книжку «*Захидна Канада*», изданную *Канадскимъ правительствомъ* для мѣстныхъ русиновъ.

—

Вотъ и всѣ, кажется, важнѣйшіе факты украинско-русскаго литературно-научнаго издательства за 1899 г. Уже одно количество перечисленныхъ изданій, какъ въ Россіи, такъ и за предѣлами ея, говоритъ о жизненности этой работы.

Пожелаемъ же ей отъ чистаго сердца широкаго, всесторонняго развитія и на будущіе годы.

В. Доманицкій.

Обозрѣніе журналовъ 2-й половины 1899 года. [1])

Русскій Архивъ №№ 7—12.

Графъ С. Шереметевъ. Указъ князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго Абросиму Семенову (кн. 7).

Хозяйственныя распоряженія князя А. М. Черкаскаго въ началѣ 1739 г. относительно «Черкаскихъ слободъ» въ Бирючскомъ у., Воренежской губ., заселенныхъ малороссами.—Человѣколюбивое отношеніе его къ народу, въ частности къ „Черкасамъ“.

Пять рескриптовъ Императора Александра Павловича князю А. А. Прозоровскому (кн. 7).

Рескрипты 1807 года (1, 4 и 5) о необходимости образовать милицію (земское войско) изъ жителей губерній Кіевской, Малороссійско-Полтавской, Екатеринославской и Херсонской для защиты границъ Россіи со стороны Турціи.—Судъ надъ пятидесятникомъ милиціи Овсіевскимъ.

Воспоминанія Н. Д. Богатинова (№ 9).

Воспоминанія начала 60-хъ гг. о Кіевской 1-ой гимназіи, о жизни Кіева въ началѣ 60-хъ годовъ; воскресныя школы; педагогическая школа (для сельскихъ учителей); интересное указаніе, что

[1]) Обозр. этихъ-же журналовъ за 1-ую половину 1899 г. см. въ № 10 и 11 прошлаго года.

«для училищъ печатали (въ 1863 г.) на казенный счетъ «Байки» (Л. Глѣбова) т. е. передѣлки басенъ Крылова на малороссійскій языкъ», приготовляли къ изданію большія стѣнныя картины для нагляднаго обученія изъ малороссійскаго быта»; кое-что о Драгомановѣ.

То-же (№ 10).

Открытіе народныхъ училищъ на Волыни.—Помощникъ попечителя Кіевскаго Округа М. А. Туловъ, «составившій себѣ славу украинофила». Интересная подробность: Попечитель (Ширинскій-Шихматовъ) отдалъ приказаніе Богатинову, какъ завѣдывающему книжнымъ складомъ нар. училищъ, гдѣ хранилось еще до 500 экз. „Баекъ Глѣбова", „до единаго экземпляра этихъ баекъ, сжечь, какъ вредное изданіе, которое не должно имѣть мѣста въ народномъ училищѣ, чтó и было исполнено мною. Только ради смѣха я оставилъ на память себѣ одну эту, *истинно смѣхотворную книженку*, читая которую *на исковерканномъ* (!) малорусскомъ языкѣ нельзя не смѣяться...»

То-же (№ 11)

Продолженіе воспоминаній.—Между прочимъ о переводѣ на малорусскій языкъ учебниковъ для народныхъ училищъ Юго-Западнаго края, о введеніи мѣстнаго нарѣчія вообще въ преподаваніе по сельскимъ училищамъ (см. Кіевск. Стар. 1899, кн. 12, стр. 130).

Изъ временъ давно минувшихъ. (кн. 11).

II. Трагическое дѣло (1802 г.) о закованіи въ цѣпь и смерти конотопскаго священника Андреевскаго.

V. Доношеніе о пренебреженіи юношами духовнаго званія дѣвицъ духовнаго званія (см. Кіев. Стар., 1899, кн. 12, стр. 130).

Кавалегарды при Елисаветѣ Петровнѣ. Разборъ т. I. „Исторія кавалегардовъ 1724—1799—1899". (кн. 12).

Упоминаніе, что священнику лб.-компаніи, Кириллу Тарловскому, данъ былъ запорожскимъ кошовымъ Калнишевскимъ „удѣлъ земли", и сдѣланы при томъ многія льготы, за многооказанныя имъ, Тарловскимъ, къ намъ, войску Запорожскому, въ С.-Петербургѣ услуги, и что онъ и впредь къ войску надобенъ".

Русская Старина №№ 7—12.

Пожертвованіе екатеринославскаго дворянства на Харьковскій университетъ. (кн 9).

Указъ императора Александра I стат. сов. екатеринославскому вице-губернатору Невѣровскому 30 января 1804 г.

Переселеніе болгаръ въ Россію. (кн. 9).

Рескриптъ импер. Александра новороссійскому гражданскому губернатору Миклашевскому, отъ 16 іюня 1802 изъ Могилева.

Просьба донести, сколько выходцевъ изъ Турціи прибудетъ и гдѣ будутъ размѣщены.

Поощреніе шелковичнаго производства. (кн. 10).

Рескриптъ имп. Александра I новоросс. гражданскому губернатору Миклашевскому отъ 13 февр. 1802 г. о прилаганіи старанія «къ большему укорененію сего возрастающаго промысла».

П. А. Валуевъ и А. Т. Тройницкій. Письма Валуева къ А. А. Скальковскому и къ М. Ѳ. Тройницкой, касающіяся частной жизни А. Скальковскаго.

Поселеніе духоборцевъ на р. Молочной.

Рескриптъ имп. Александра I новоросс. гражд. губернатору Миклашевскому 1 іюля 1802 г.

Поселеніе въ Россіи выходцевъ изъ Акермана (кн. 11).

Рескриптъ импер. Александра I новорос. гражд. губернатору Миклашевскому 8 октября 1802 г.

Историческій Вѣстникъ (№№ 7—12).

В. Г—ко. Памяти В. В. Тарновскаго (кн. 8).

Описаніе Качановки.—Собраніе древностей и предметовъ быта и культуры южной Россіи.—Симпатичныя черты личности покойнаго В. В. Тарновскаго; его отзывчивость, жертвы. «Онъ не былъ зараженъ предразсудками невѣжественной толпы, которая отожествляетъ все малороссійское съ мужицкимъ, и давалъ цѣну проявленіямъ народнаго украинскаго творчества и духа... Постиженію этого творческаго духа, лучшему пониманію племени, его носившаго, послужитъ и собраніе В. В. Тарновскаго, и въ этомъ его право на признательность земляковъ и родного общества».

Д. Эварницкій. Способы погребенія у древнихъ народовъ, населявшихъ югъ Россіи (кн. 8).

Погребеніе у скиѳовъ, грековъ-колонистовъ, руссовъ-язычниковъ, половцевъ, татаръ.—

А. С—ій. Воспоминаніе объ Е. П. Гребенкѣ (кн. 9).

Воспоминанія одного изъ учениковъ Е. П. Гребенки относятся къ концу 30-хъ и началу 40-хъ годовъ, когда Е. П. Гребенка преподавалъ русскую словесность въ среднихъ классахъ второго кадетскаго корпуса въ Петербургѣ.—Авторъ воспоминаній говоритъ о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ, веселомъ, добродушномъ, горячо любящемъ Малороссію («онъ считалъ себя козакомъ, часто упоминалъ объ этомъ и даже гордился своимъ козачьимъ званіемъ») и статью свою заключаетъ пожеланіемъ, чтобы «оставшіеся родные или близкіе Евгенія Павловича описали состояніе его могилы въ настоящее время; мы, уже немногіе изъ оставшихся учениковъ его, охотно приняли бы участіе въ поддержкѣ, украшеніи и приведеніи въ надлежащій порядокъ этой всегда дорогой для насъ могилы».

Въ отдѣлѣ *«Изъ прошлаго»* (кн. 9) *«Къ біографіи Н. И. Костомарова»*.

Письмо Н. И. Костомарова отъ 26 іюля 1858 изъ Петербурга къ Ѳ. Ѳ. Веселаго, управляющему Казанскимъ округомъ, съ просьбой не отказать въ содѣйствіи къ скорѣйшему представленію о немъ для опредѣленія въ должность профессора Казанскаго университета. Причина его неутвержденія донынѣ: «странныя писанія г. саратовскаго губернатора».

Д. В. Ѳедоровъ. «Игрушечная армія» (изъ быта южно-русскихъ кантонистовъ) (кн. 10 и 11).

Разсказы бывшаго кантониста о пребываніи своемъ и воспитаніи среди кантонистовъ. Кантонистскій дивизіонъ въ с. Бабанкѣ, Уманскаго у.—Бытъ кантонистовъ, отношеніе къ мѣстному населенію. Князь Пашкевичъ и его отношенія къ кантонистамъ. Пребываніе разсказчика въ Умани; генералъ Трескинъ и его дѣятельность.—Начальное обученіе въ школахъ военныхъ поселеній.—Пребываніе разсказчика въ Кременчугѣ въ Вознесенскѣ (Херсон. г.).—Уничтоженіе кантонистовъ и военныхъ поселеній, «которые представляли собою на фонѣ русской жизни первой половины текущаго столѣтія одно изъ безотраднѣйшихъ явленій, по сравненію съ которымъ крѣпостное право могло быть названо даже благомъ»..

А. Танковъ. Памяти Т. І. Вержбицкаго (кн. 10).

Краткая замѣтка о недавно скончавшемся (19 мая 1899 года) симпатичномъ мѣстномъ дѣятелѣ, горячо любившемъ исторію и

археологію, сотрудникѣ многихъ мѣстнымъ и столичныхъ журналовъ и газетъ, въ томъ числѣ и нашего журнала.

А. К. Корниловичъ. Одиннадцатый Археологическій съѣздъ въ Кіевѣ (кн. 12).

Обзоръ археологическихъ выставокъ на съѣздѣ, а также болѣе выдающихся докладовъ.—

Авторъ находитъ, что не смотря на нѣкоторыя тѣневыя стороны въ исторіи съѣзда, (между прочимъ и вопросъ о малорусскомъ языкѣ, «получившій слишкомъ страстную постановку»), съѣздъ все же далъ обширныя пріобрѣтенія въ научной сферѣ.

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи (кн. 10).

IV т. И. Теодоровича. Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ въ церковно-историческ. и др. отношеніяхъ т. 1-й.

Розвідки Михайла Драгоманова (Львів, 1899).

Кулаковскій. Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей, рецензентъ которой (Е.) готовъ видѣть въ аланахъ «звено въ цѣпи тѣхъ фактовъ, которые создали Черкасъ» на среднемъ Днѣпрѣ».

Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднѣпровья (№ 12).

Въ отдѣлѣ «Замѣтки и поправки»: *Дм. И. Эварницкій*. Археологическая справка: I. Поправка неточности въ «Каталогѣ Украинскихъ древностей коллекціи В. В. Тарновскаго», на стр. 41, гдѣ каменный крестъ, приписываемый кошевому Гордѣенку, на самомъ дѣлѣ долженъ быть отнесенъ къ Стефану Гладкому. II. Поправка къ стр. 117 статьи А. Лазаревскаго (Кіевская Старина, 1899, январь): указывается, что Антонъ Тарловскій, выкравшій племянницу Ивана Берла, Анну, не можетъ быть отцомъ извѣстнаго дикаго попа, какъ предполагаетъ г. Лазаревскій, потому что дикій попъ назывался Кириллъ Николаевичъ, а не Антоновичъ, что извѣстно изъ указываемыхъ г. Эварницкимъ печатныхъ источниковъ.

Журналъ Министерства Нар. Просвѣщенія №№ 7—12.

А. А. Спицынъ. Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ (кн. 8).

Обстоятельное изложеніе этой статьи см. Кіевск. Стар. 1899, кн. 12 („Археологическая Лѣтопись“).

И. Лаппо. Подкоморскій судъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка (кн. 8).

Судъ обычный и комиссарскій.—Подкоморскій врядъ; повѣтовый подкоморій; компетенція подкоморскаго суда и подкоморія; ходъ судебнаго подкоморскаго процесса.—Коморники.—Граничные знаки (копцы, курганы и проч.).—Копный судъ.

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: Отвѣтъ академику А. А. Шахматову и разборъ его послѣдняго мнѣнія объ образованіи русскихъ нарѣчій,—Е. Будде (№ 9).

Дѣлаются поправки къ нѣкоторымъ, будто бы неточностямъ въ статьѣ А. А. Шахматова, на которыя послѣдній здѣсь же даетъ отвѣтъ (стр. 178—180), объясняя возраженія Е. Будде недоразумѣніемъ.

«Еще о книгѣ г. Ярушевича «Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій».—М. Любавскаго (№ 11).

Разборъ брошюры А. Ярушевича «Нѣсколько словъ по поводу одной рецензіи», изданной въ защиту своей книги о князѣ Константинѣ Ив. Острожскомъ противъ сужденій о послѣдней М. Любавскаго.

Русская Мысль №№ 7—12.

Н. Данилычевъ. Доходы и расходы городовъ Кіевской губерніи за 1895—1897 годы (кн. 7).

Показана общая сумма доходовъ и расходовъ по всѣмъ 12 городамъ Кіевской губерніи; источники доходовъ; количество и процентное отношеніе расходовъ къ общей суммѣ расходовъ.—

Личковъ. Сервитутный вопросъ въ Западномъ краѣ (кн. 7, 8 и 9).

Происхожденіе сервитутовъ въ юго-западномъ и западномъ краѣ.—Невозможность окончательнаго рѣшенія вопроса безъ обстоятельнаго мѣстнаго изслѣдованія.—Жалобы на вредъ сервитутовъ помѣщичьему хозяйству.—Значеніе сервитутовъ для крестьянъ.—Неизбѣжность исчезновенія сервитутовъ при отсутствіи мѣръ къ ихъ охраненію.—О необходимости вознагражденія за сервитуты,—путемъ выкупной операціи.

Киріакъ Даниловъ. Срочный вопросъ (кн. 10).

По поводу введенія въ Юго-Западномъ и западномъ краѣ земства.—„Введеніе проекта предполагаемой земской реформы, выработаннаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для 9 западныхъ губер-

ній, можетъ само по себѣ отдалить переходъ этого края къ нормальному земскому положенію на цѣлыя десятилѣтія".

Л. С. Закъ. Земство и крестьянское хозяйство (кн. 11 и 12).

О необходимости, для устраненія убыточности сбыта крестьянскаго хлѣба, организовать выдачу ссудъ подъ залогъ продуктовъ.

Е. Нѣсколько словъ по поводу XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ (кн. 12).

Убогіе результаты съѣзда и его неудача, съ одной стороны благодаря уже начавшемуся разложенію археологическихъ съѣздовъ вообще, а съ другой—благодаря своеобразному рѣшенію «галицкаго вопроса». «Представители «чистой науки», чувствуя себя не очень ловко и устойчиво на ученой почвѣ, перешли къ борьбѣ совсѣмъ особаго рода, болѣе соотвѣтствовавшей ихъ способностямъ и силамъ». «Порядочные элементы были охвачены общимъ чувствомъ неловкости, побѣдители во всемъ были сильны—кромѣ науки»...

Въ отдѣлѣ библіографіи (кн. 9) весьма сочувственный отзывъ о книгахъ В. П. Горленка: „Южно-русскіе очерки и портреты" и „Украинскія были".

Вѣстникъ Европы №№ 7—12.

Л. М. Жемчужниковъ. Отрывки изъ моихъ воспоминаній о 50 хъ годахъ (№ 11, стр. 230—260). Авторъ этихъ воспоминаній, извѣстный своимъ альбомомъ «Живописная Украйна», издан. въ 1861—62 годахъ, разсказываетъ между прочимъ о своихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ о Малороссіи во время пребыванія въ ней въ 50-хъ годахъ, главнымъ образомъ въ пирятинскомъ уѣздѣ въ имѣніи графа С. П. де-Бальмена. Мелькомъ упоминаются здѣсь нѣкоторыя интересныя личности, какъ напр. П. А. Кулишъ, В. В. Тарновскій (отецъ извѣстнаго собирателя малорусскихъ древностей), Г. П. Галаганъ, М. В. Юзефовичъ, но ничего интереснаго о нихъ не сказано. Вообще воспоминанія эти не изъ содержательныхъ.

Въ отдѣлѣ «Изъ общественной хроники» (№ 12) помѣщены данныя о современномъ неурожаѣ на югѣ Россіи и о способахъ помощи пострадавшимъ отъ него, особенно въ Бессарабіи.

Въ отдѣлѣ «Литературное обозрѣніе» (№ 11) помѣщенъ отзывъ объ „Извѣстіяхъ 11-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ" и о статьѣ

К. Михальчука «Что такое малорусская рѣчь». Въ этой замѣткѣ г. *Т.* разсматриваетъ кратко результаты работъ на Кіевскомъ съѣздѣ и въ концѣ останавливается на извѣстномъ уже нашимъ читателямъ инцидентѣ съ рефератами галицкихъ ученыхъ, по поводу чего авторъ замѣчаетъ, что только «литературная почва для веденія спора по этому вопросу была-бы прилична для людей науки.

Обозрѣніе журналовъ текущаго года.

Въ текущемъ году, начиная съ настоящаго номера, мы будемъ давать обозрѣніе тѣхъ журналовъ, за содержаніемъ которыхъ редакція имѣетъ возможность слѣдить, отмѣчая всѣ статьи, болѣе или менѣе касающіяся вопросовъ, связанныхъ съ жизнью нашего Юга. Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русская Старина № 1; 2) Русскій Архивъ № 1, 3) Историческій Вѣстникъ № 1; 4) Вѣстникъ Европы № 1; 5) Biblioteka Warszawska № 1; 6) Ateneum № 1; 7) Przewodnik naukowy i literacki № 1; 8) Извѣстія Общества Археолог., Исторіи и этнографіи при Импер. Казан. унив., Т. XVI-й, вып. 1.

Русскій Архивъ № 1. *Д. И. Иловайскій. Историко-критическія замѣтки. Еще о поборникахъ отживших теорій* (стр. 141—147). Исходнымъ пунктомъ этихъ критическихъ замѣтокъ служатъ изданія проф. Ю. А. Кулаковскаго «Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и Византійскихъ писателей» и «Карта Европейской Сарматіи по Птоломею» (о послѣдней см. рецензію въ „Кіев. Стар.“, № 1). Авторъ замѣтокъ, конечно, остается при прежнихъ своихъ взглядахъ на славянское происхожденіе Сарматовъ, Роксоланъ, Болгаръ и Гунновъ. Дѣлая свои возраженія проф. Ю. Кулаковскому, авторъ затрогиваетъ мимоходомъ и бывшіе съ нимъ инциденты столкновеній въ спорахъ съ другими учеными, и между прочимъ съ П. Милюковымъ, выступившимъ противъ г. Иловайскаго на XI археологическомъ съѣздѣ, а также съ покойнымъ проф. А. С. Павловымъ, возражавшимъ ему на VI архео-

логическомъ съѣздѣ въ Одессѣ. Замѣтки эти написаны такимъ тономъ, который подчеркиваетъ фактъ, будто г. Иловайскаго почему-то всегда оскорбляютъ въ публичной полемикѣ, а «quasi-интеллигентная публика поощряетъ оскорбителей восторженными рукоплесканіями».

—

Въ этомъ-же номерѣ помѣщена краткая рецензія на книгу *В. П. Горленка* «Украинскія были. Описанія и замѣтки», написанная въ самомъ сочувственномъ автору тонѣ (стр. 159—160).

Историческій Вѣстникъ № 1. *Е. С. Шумигорскій. Изъ галлереи историческихъ силуэтовъ I. Графиня А. В. Браницкая* (стр. 171—202). Статья эта вызвана недавно вышедшимъ собраніемъ силуэтовъ Сидо, изобразившаго дворъ Екатерины 2-ой. Е. Шумигорскій захотѣлъ оживить эти силуэты и для начала избралъ силуэтъ графини Александры Васильевны Браницкой, любимой племянницы Потемкина и созидательницы огромнаго состоянія Браницкихъ и Воронцовыхъ. Статья представляетъ біографическій очеркъ А. В. Браницкой, и главнымъ образомъ—отношенія ея къ Потемкину и къ Екатеринѣ II, составленный на основаніи печатныхъ матеріаловъ; вторая половина статьи посвящена описанію жизни А. В. Браницкой въ м. Бѣлой-Церкви послѣ смерти Екатерины II-ой.

Въ отдѣлѣ «Замѣтки и поправки» находится маленькая статейка *А. Парасича* «По поводу ископаемыхъ шаровъ» (стр. 439—440). Здѣсь говорится о томъ, что находимые въ Малороссіи стеклянные шары, считающіеся ископаемыми, есть ничто иное, какъ особаго рода утюги, употреблявшіеся еще очень недавно для разглаживанія *намитокъ* (головныхъ повязокъ у замужнихъ женщинъ). Прибавимъ отъ себя, что эти утюги имѣютъ въ Малороссіи особое названіе *гало*, откуда и глаголъ *галытя* въ значеніи *гладить*

Вѣстникъ Европы № 1. Въ статьѣ *Влад. Соловьева „Три характеристики“* одна глава (стр. 330—334) посвящена извѣстному фи-

лософу П. Д. Юркевичу, о которомъ авторъ вспоминаетъ какъ о типичномъ малороссѣ и передаетъ нѣкоторые интересные факты изъ его жизни.

Еще о кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ (Письмо въ редакцію проф. Т. Д. Флоринскаго) (стр. 406—416). По поводу замѣтки г. *Т.* въ «Вѣстн. Европы» 1899 г. № 11-й объ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ и о вопросѣ съ рефератами галицкихъ ученыхъ, проф. Т. Д. Флоринскій прислалъ въ редакц. «Вѣстн. Европы» свое объяснительное письмо, въ которомъ заявляетъ, что въ замѣткѣ г. Т. извращены факты, и пробуетъ ихъ освѣтить иначе, считая нѣкоторыя мѣста въ этой замѣткѣ даже „клеветой“. На это письмо проф. Т. Д. Флоринскаго г. *Т.* даетъ тутъ-же свой отвѣтъ, въ которомъ слагаетъ съ себя отвѣтственность за яко-бы извращеніе фактовъ, такъ-какъ онъ основывался на газетныхъ извѣстіяхъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ никѣмъ не опровергнутыхъ. Наиболѣе интересныя мѣста въ этомъ отвѣтѣ г. *Т.* заключаются въ тѣхъ взлядахъ, которые авторъ высказываетъ по вопросу о малорусской литературѣ и ея исключительномъ положеніи въ настоящее время.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Импер Казан. Унив. Т. XVI, вып. 1. 1900 г. *Отчетъ о занятіяхъ XI Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ*, доложеный въ Общемъ собраніи Общества *Д. Васильевымъ* (стр. 64—71). Указывается на сравнительную вялость въ ходѣ занятій съѣзда, явившуюся, по мнѣнію докладчика, результатомъ количественной бѣдности членовъ съѣзда, а также и отсутствія многихъ крупныхъ дѣятелей на поприщѣ разработки нашей родной старины, и между прочимъ — научныхъ дѣятелей Галиціи.

Biblioteka Warszawska № 1 *D-r Jósef Siemiradski „W sprawie emigracyi włościańskiej w Brazylii“* (стр 137—154). Въ 1896 году авторъ, какъ знатокъ бразильскихъ отношеній, въ обществѣ священника И. Волянскаго, делегата отъ русиновъ, посѣтилъ бразильскія колоніи для ознакомленія съ современнымъ поло-

женіемъ ихъ. Путешественники осмотрѣли всѣ колоніи польскія и русинскія въ штатѣ Парана, а также и въ окрестныхъ. Къ сожалѣнію, авторъ въ данной статьѣ соблюдаетъ интересы лишь своей національности, излагая обстоятельно количество польскихъ эмигрантовъ, ихъ жизнь и занятія,—о русинахъ же почти совсѣмъ не упоминаетъ, не смотря на то, что послѣднихъ тамъ насчитывается не малое количество (до 30.000 [1]).

Ateneum № 1. *Stanisl. Piotrowski „Wspólna własność ziemska w gminie wielkorosyjskiej“* (стр. 66—84). Авторъ, основываясь на т. IX Свода законовъ Россійской имперіи, разсматриваетъ постановленія права обязательнаго, касающагося организаціи сельскаго общества въ Великороссіи („міра“). Отмѣчаются нѣкоторыя правовыя различія въ губерніяхъ Великорусскихъ и Малорусскихъ.

Przewodnik naukowy i literacki № 1. *D. Zaleski. Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego, (стр. 1—20)*, относящаяся къ 1844 г., когда Залѣсскій находился заграницей, въ Фонтенебло. Письма преимущественно адресованы Софіи Розенгардтъ (впослѣдствіи — жена его) и проникнуты любовью къ Украинѣ, которую онъ ставитъ даже на первомъ мѣстѣ въ сравненіи съ Польшей.

I. Horoszkiewicz. Pamiętnik o stroju narodowym w rzeczypospolitey Polskiej (стр. 57—72). Авторъ задался цѣлью описать всѣ подробности народнаго костюма въ отношеніи кроя и способа ношенія. Разсказавъ въ общихъ чертахъ о предполагаемомъ костюмѣ древнихъ славянъ, авторъ разсматриваетъ вопросъ, откуда и когда могъ взяться «жупанъ»; по его мнѣнію послѣдній ничто иное, какъ болѣе практичное видоизмѣненіе льняной, обычной у народа рубашки, носимой сверхъ нижней.

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1900. кн. 1, отд. II. стр. 27.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 40 «Čas» чешск. журн. проф. Polivka говоритъ о запрещеніи чтенія на XI съѣздѣ докладовъ на малорусскомъ языкѣ: «въ кіевскомъ продварительномъ комитетѣ (по устройству съѣзда) былъ поднятъ вопросъ о допущеніи малорусскаго языка на съѣздѣ. Профес. Флоринскій горячо выступилъ противъ допущенія послѣдняго, но встрѣтилъ со стороны председателей столь острый отпоръ, что счелъ нужнымъ сложить съ себя званіе делегата отъ Кіевскаго университета».

Останавливаясь на фактѣ отказа галицкимъ ученымъ въ чтеніи рефератовъ на ихъ родномъ языкѣ и на нѣкоторыхъ газетныхъ сообщеніяхъ по этому поводу, корреспондентъ журнала «Slovansky prehled'a» (№ 1), заканчиваетъ слѣдующими словами свое сообщеніе: «Во всякомъ случаѣ, во имя принципа славянскаго согласія (zhody), искренно скорбимъ по поводу того, что случилось на кіевскомъ съѣздѣ. Никому это не послужило на пользу—но повредило русско-украинскому вопросу, въ которомъ и такъ было достаточно горечи. Такимъ способомъ вопросъ о славянской взаимности и согласіи не разрѣшимъ».

—

Въ №№ 9 и 10 польскаго журнала „Promień", посвященнаго спеціально дѣламъ школьной молодежи, помѣщена интересная статья *М. L.* „Ukraińska literatura. Wedlug d-ra Iwana Franki i d-ra Ołeksandra Kołessy". матеріаломъ для которой, какъ видно, послужили статьи I. Франка въ „Slovansk'омъ Prehled'ѣ" (1898 г. № 1 и 2) [1]) а также О. Колессы: „Століте відродження літератури українсько-рускої" (Літературно-Науковий Вістник, т. IV, 161—187). Авторъ излагаетъ въ общихъ чертахъ исторію украинской литературы отъ временъ давнѣйшихъ, оканчивая Маркомъ-Вовчкомъ. Окончаніе статьи слѣдуетъ.

—

Въ № 1 газеты „Дѣло" помѣщена интересная статья Ивана Франка *«Украинско-руска література и наука въ 1899 роцѣ»*. Авторъ указываетъ на сравнительный прогрессъ съ каждымъ годомъ въ литературно-научной сферѣ; замѣчается большой интересъ къ литературѣ, появилось немалое число новыхъ работниковъ во всевозмож-

---

[1]) См. о ней „Кіев. Стар.", 1898, кн. 11 и 12.

ныхъ областяхъ литературы; число изданныхъ брошюръ и книгъ, сравнительно съ предыдущими годами,—небывало велико. Но что гораздо важнѣе,—самый языкъ сталъ богаче, расширилъ свои рамки, благодаря, съ одной стороны, привносу новыхъ идей, терминовъ оборотовъ, а съ другой—опубликованію огромнаго количества неизвѣстныхъ доселѣ матеріаловъ народнаго творчества и письменности. открывшихъ намъ новыя сферы, духовныя и литературныя теченія, невѣдомыя донынѣ. Указывается затѣмъ на литературно-научную дѣятельность Наукового Товариства ім. Шевченка и многихъ частныхъ лицъ.

—

Въ №№ 2, 3, 4, 5, 9, 10, 11 и 12 газеты «Русланъ» помѣщена интересная статья: «Русини в. XIX столїтю» (огляд в птичім леті), въ которой авторъ, указавши на развитіе народной жизни и идеи національности на Украинѣ, разсматриваетъ положеніе русиновъ въ въ Угорщинѣ, останавливается на безплодной дѣятельности старорусской партіи и полезной народовской, говоритъ о консолидаціи (союзѣ народовской партіи съ старорусской (москвофильской), о культурныхъ пріобрѣтеніяхъ русиновъ-народовцевъ начиная съ 1890 г.

—

Въ № 7 за 1899 г. чешскаго журнала «Osvěta» въ статьѣ *I. Mikša „Ruskà literatura za poslednich let"* удѣлено 2 страницы П. А. Кулишу. Изложивъ вкратцѣ біографію Кулиша, авторъ посвящаетъ нѣсколько словъ характеристикѣ его личности, какъ писателя: «Жизнь его является зерцаломъ всѣхъ фазовъ малорусскаго движенія".

Въ № 10 того же журнала и въ той же статьѣ, авторъ, дѣлая обзоръ вышедшихъ крупныхъ собраній сочиненій, останавливается на Котляревскомъ, Квиткѣ, Марко Вовчокъ. Подробнѣе всего говоритъ о Котляревскомъ, біографію котораго разсказываетъ довольно обстоятельно.

—

Въ № 4 журнала «Slovansky přehled» (годъ II) помѣщена статья *Івана Франка* „Lesa Ukrajinka", въ которой авторъ излагаетъ біографію нашей талантливой писательницы, а также дѣлаетъ оцѣнку ея поэтическимъ произведеніямъ, помѣщеннымъ въ двухъ сборникахъ: „На крилах пісень" (Львовъ, 1893) и „Думи і мрії" (Львовъ, 1899). Его выводъ—„со времени появленія „Кобзаря" Шевченка Украина не имѣла лучшаго собранія поэтическихъ произведеній". Въ томъ же но-

мерѣ г. Рожена Ясенска помѣстила въ переводѣ на чешскій языкъ нѣкоторыя изъ произведеній Леси Украинки.

—

Въ №№ 52, 54, 56, 57, 58, 59, 64, 65, 70 и 71 «Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» редакторомъ послѣднихъ Е. Романовымъ помѣщена Варкалабовская (Баркулабовская) лѣтопись, изданная впервые Кулишемъ въ «Матеріялахъ для исторіи возсоединенія Руси т. I.» и затѣмъ г. Довнаромъ-Запольскимъ въ «Кіевскихъ Университетскихъ извѣстіяхъ» (1898 г., № 12), въ виду неисправности изданія Кулиша и рѣдкости его «Матеріаловъ». Но такъ какъ «Кіевскія Университ. Извѣстія» мало распространены въ публикѣ, то г. Романовъ, желая сдѣлать лѣтопись доступною для могилевцевъ, напечаталъ ее на страницахъ «Могилевскихъ Губ. Вѣдомостей», слѣдуя почти вездѣ тексту г. Довнара-Запольскаго, какъ болѣе исправному; при этомъ онъ указываетъ въ примѣчаніяхъ главнѣйшіе случаи разночтенія, а также снабжаетъ лѣтопись краткими комментаріями, не лишними при чтеніи. Въ предисловія, предпосланномъ тексту, г. Романовъ, дѣлая попытку установить личность автора лѣтописи, приходитъ къ тому заключенію, что таковымъ надо признать священника Θеодора Филипповича Могилевца, упоминающагося съ 1587 по 1599. Подробности дѣла 27 мая 1599 г. могъ записать только очевидецъ. Авторомъ же этой записи г. Романовъ считаетъ священника Θеодора. А если это такъ, то его слѣдуетъ признать и авторомъ лѣтописи, при тѣхъ условіяхъ, что онъ воспользовался записями своего предшественника,—въ данномъ случаѣ свящ. Алексѣя Мстиславца, дополнилъ ихъ въ началѣ (свѣдѣніями о Могилевѣ) и затѣмъ кое-гдѣ въ текстѣ, и потомъ продолжалъ ее, пока могъ, до 1608 г.

Помѣщенная на страницахъ «Могилевск. Губернск. Вѣдомостей» Варкулабовская лѣтопись входитъ въ составъ приготовляемаго г. Романовымъ сборника статей подъ названіемъ «Могилевская Старина», который выйдетъ въ свѣтъ въ мартѣ мѣсяцѣ.

—

Въ № 8 «Кубанскихъ областныхъ Вѣдомостей» г. Кубанецъ помѣстилъ статью: *«Θ. Я. Бурсакъ, четвертый атаманъ Черноморскаго войска»* (юбилейная справка, по случаю столѣтія со времени его вступленія въ должность войскового атамана), въ которой авторъ, на основаніи печатныхъ источниковъ (Короленко, Потто), излагаетъ его заслуги боевыя, заботы о развитіи благосостоянія среди черноморскихъ

козаковъ, промышленности въ краѣ, просвѣщенія (при немъ открыто въ 1806 г. въ Екатеринодарѣ первое въ войскѣ училище).

Въ №№ 2 и 3 «Днѣпровской Молвы» помѣщена обширная интересная статья Ф М—скаго «К. П. Брюловъ и Т. Г. Шевченко» (по поводу столѣтія со дня рожденія перваго). Авторъ, на основаніи печатныхъ источниковъ, обстоятельно излагаетъ отношенія Брюлова къ нашему поэту, указывая на глубокоблагодѣтельное значеніе для послѣдняго близкихъ отношеній къ великому художнику.

Въ №№ 2 и 3 «Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» помѣщена историческая справка А. Меньшиха «*Къ столѣтію Св.-Покровской церкви въ г. Хмельникѣ*».

Послѣ краткихъ указаній на политическое и религіозное значеніе г. Хмельника въ древности, авторъ, пользуясь историческими сказаніями и мѣстными народ. преданіями, дѣлаетъ предположеніе о мѣстѣ и времени построенія перваго православнаго храма (на островѣ «Старый городъ»), а также о томъ, что Св.-Покровскій храмъ былъ построенъ Предславомъ Ланцкоронскимъ. [1]) Заключается статья свѣдѣніями о существующемъ храмѣ Св.-Покровы и описаніемъ двухъ иконъ Богородицы, одна изъ которыхъ относится къ XV ст.

Въ № 331 «Одесскаго Листка» помѣщена праздничная замѣтка А. Мірянина «По Бессарабіи и Малороссіи», составленная на основаніи трудовъ по этнографіи А. Защука, М. Домонтовича и Н. Маркевича, въ которой отмѣчаются повѣрья молдаванъ, малороссовъ, соединяемыя съ праздниками Рождества Христова. Повѣрья, гаданья, примѣты и т. п. въ общемъ очень схожи между собой.

Въ № 6 и 13 «Московскихъ Вѣдомостей» нѣкто г. Я—цъ помѣстилъ статью «*Вѣрованія нашихъ родственниковъ*», подъ каковыми слѣдуетъ разумѣть гуцуловъ, «*забытыхъ братьевъ*» (кѣмъ?) Данныя о вѣрованіяхъ, о которыхъ говоритъ г. Я—цъ, заимствованы имъ изъ капитальнаго труда нѣмецкаго изслѣдователя Галиціи—Keindl'я «Die Huzulen» и статей его же, помѣщавшихся въ журналѣ «Globus».

---

[1]) Кстати замѣтить, что о Предславѣ Ланцкоронскомъ были помѣщены данныя въ Подольск. Губ. Вѣдомосяхъ еще въ 1869 г. № 10, ч. неоф., стр. 426.

Приводятся повѣрья объ упыряхъ, вѣдьмахъ, ворожбытахъ, ворожкахъ, градовыхъ, хмарникахъ и знахаряхъ. Выдержки свои авторъ заключаетъ пожеланіемъ, чтобы и на русскомъ языкѣ появлялись «подобные, достаточно подробные труды, хотя-бы въ переводѣ или компиляціи»!.. Очевидно, авторъ никогда не слыхалъ ни о трудахъ Статист. экспедиц. въ Ю.-Зап. Геогр. Отд. (7 томовъ), Этнографич. Збірникѣ (7 томовъ), спеціальныхъ многихъ статьяхъ въ журналахъ, какъ напр., Этнограф. Обозрѣніе и др.

—

А. Коваленко, житель гор. Челябинска, недавно возбудилъ передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ ходатайство о разрѣшеніи ему издавать въ г. Кіевѣ журналъ, подъ названіемъ «*Украина*», посвященный литературѣ и дѣламъ волостного самоуправленія. На дняхъ, какъ сообщаетъ «Сынъ Отечества» (№ 19), главное Управленіе по дѣламъ печати увѣдомило г. Коваленко, что министерство внутреннихъ дѣлъ ходатайство его отклонило.

—

Драматическія сочиненія, дозволенныя къ представленію безусловно, одобренныя къ представленію на сценахъ народныхъ театровъ:

Карпенка-Караго: «Батькова казка» (Грихъ и покаяння), драма въ 5 д.; «Безталанна», др. въ 5 д.; «Бондаривна», др. въ 5 д.; «Бурлака», драма въ 5 д.; «Мартынъ Боруля», комедія въ 5 д.; «Наймычка», др. въ 5 д.; «Палывода», жартъ въ 4 д.; «Сто тысячъ», комедія въ 4 дѣйств.

Кропивницкаго: «Вусы», комедія въ 4 д; «Дай серцеви волю, заведе у неволю», драма въ 5 д.; «Дви симъи» —драм. малюнкы 4 д.; «Джигунъ», комед. въ 3 д.; «Зайдыголова», драма въ 5 д.; «Лыхо не кожному лыхо, иншому и таланъ», трагикомич. этюдъ въ 1 дѣйств.; «Невольныкъ», драм. кар. въ 4 д; «Олеся», др. въ 4 д; «Пидгоряне», мелодр. въ 3 д.; «По ревызіи», эт. въ 1 д., «Помырылысь», ком. въ 1 д.; «Пошылысь у дурни», оперет. въ 3 д.; «Чмырь», комед. въ 4 д. (Правительств. Вѣстникъ, 1899 г., № 286).

—

Новыя украинскія періодическія изданія. Съ начала нынѣшняго года началъ выходить во Львовѣ журналъ «Молода Украïна», подъ редакціей Андрія Гошовскаго. 1 книжка (44 стр. in 8⁰) содержитъ: «Від редакциï»; «Тарасові вечерниці» Вол. Старосольскаго; «Наша

шкільна система на буковинськім грунті.» Евг. Косевича; «Наші професори» Вол. Темницкаго; «Хроніка з нашого і чужого житя»; «Русини-Українці въ галицьких середних школах» Вол. Гуркевича; бібліографія («Promień», «Бесіди про часи козацькі на Україні»). Въ фельетонѣ помѣщены: разсказъ «Просоне» Ор. Авдиковича і два стихотворенія: «Молодій Україні» —Сильв.Яричевского і «Гей те море»—Мел. Кичуря.

Съ 1-го февраля во Львовѣ издается юмористическій двухнедѣльный журналъ «Комар», подъ редакціей Ив. Кунцевича. Въ послѣднее время въ Галиціи былъ лишь одинъ юмористическій журналъ «Страхопудъ», выходящій какъ добавленіе къ «Галичанину».

—

Прикарпатская Русь въ XIX вѣкѣ. Написавъ Иванъ Ем. Левицкій. Выпускъ II, сторони 56—113, во Львовѣ (о 1-омъ вып. см. Кіевск. Стар. 1899, кн. 2, стр. 128). Содержаніе: жизнеописанія Ѳ. Андрейчука, Ю. Андруска; митроп. черновецк. С. Морарь—Андріевича, Н. Антоновича И. Багриновича, композитора П. Бажанскаго и угро-русскаго дѣятеля И. Базиловича. Съ портретами Морарь-Андріевича, Антоневича и Базиловича.

—

Андрусовъ Н. Геологическое изслѣдованіе въ Кубанской обл. между р. Адагумомъ и Кубанск. лиманомъ. Спбр. 1899, 129—214.

Браунеръ А. А. Вредныя и полезныя животныя Херсонской губ. (Отт. изъ «Запис. Имп. Общ. сельск. хоз. Ю. Росс.» за 1899 г.) Одесса, 1899 г. 1—26, in 8⁰.

Брокгаузъ и Эфронъ. Энциклопедическій словарь. Томъ XXVIII (полутомъ 55). Спбр. 1899.—*Россія*: Границы и пространство имперіи, населеніе, политическій отдѣлъ и финансы, медицина и народное здравіе, экономическій отдѣлъ, просвѣщеніе, исторія, (Малороссія: исторіографія, исторія Малороссіи), русское право, русское искусство, русская наука.

Брешко-Брешковскій. Запорожскій казакъ Игнатъ Подкова, повѣсть. Спбр. 1899, 1—83. Изд. кн. магазина «Знаніе».

Брохъ. Угорское нарѣчіе села Убля. Спбр. 1899.

Daszyńska Zofia. Własność rolna w Galicyi. Studyum statystyczno-społeczne. Warszawa, 1900.

Етноґрафічний збірник. Видае етноґрафічна комісия Наукового Товариства ім. Шевченка, Т. VII.—Галицькі народні казки (№ 26—77). У Львові, 1899 in 8⁰, IX+168. Ціна 1 зл.

Никольскій. О языкѣ Ипатской лѣтописи. Варшава, 1899.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, т. т. XXXI—XXXII. Львовъ, 1899 годъ—(часть рефератовъ, не доложенныхъ на XI археолог. съѣздѣ) и т. XXXIII. Львовъ, 1900.

Изъ лѣсовъ юго-зап. края. Очерки, составленные въ 1899 г. студентами IV кр. лѣснаго отдѣленія Ново-Александр. института. Варшава, 1899 г. in 8°, 1—277+1.

Канивецкій Н. Н. Изъ былого Черноморіи.—Очерки изъ быта черноморскихъ козаковъ. Екатеринодаръ, 1900, 1—269, in 8°. Ц. 1 р.

О. Я. Кониссвый. Грошолюбка. № 13. Черкассы, 1900, in 16°, 1—76. Цѣна 5 к.

Купчиновъ И. П. Князь Потемкинъ Таврическій. Изд. пост. коммиссіи народ. чтеній. Подъ ред. В. В. Федорова. Спбр. 1900, in 8°, 1—34. Цѣна 8 к.

Милорадовичъ В. Къ вопросу о колонизаціи Посулья XVII в в. Кіевъ, 1899. Ц. 10 к.

Михальчукъ. Что такое малорусская (южно-русская) рѣчь? Кіевъ, 1899. Цѣна 25 к.

Площанскій В. М. Прошлое Холмской Руси по архивнымъ документамъ XV—XVIII в. и другимъ источникамъ. Духовенство. А. Холмская епархія православной и б. уніатской церкви. I. 1428—1630. Вильна, 1899, 1—285. Ц. 1 р. 25 к.

Радкевичъ Г. О нижнетретичныхъ отложеніяхъ окрестностей Канева (Отт. изъ XVI т. «Запис. Кіев. Общ. естествоиспытателей».) Кіевъ, 1899, in 8°, 1—45.

Савваитовъ П. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, разныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное. Спбр. 1899. Цѣна 2 р. 50 к.

М. Т. Симоновъ (Номисъ). Разсказы. Изд. «Кіевской Старины». Кіевъ, 1900, 1—244, in 8°. Цѣна 1 р.

Соколовъ Н. Геологическія изслѣдованія въ южной части Маріупольскаго уѣзда, Екатеринославской губ. (Отт. изъ «Извѣст. Геолог. Комитета», № 1). Спбр. 1899, in 8°, стр. 1—36. Цѣна 60 к.

Таировъ. Планъ г. Кіева со всѣми землями въ вѣдѣніи онаго по Кіевской губерніи. (1 листъ). Кіевъ, 1899.

Филиппов М. М. Останъ. Историческая повѣсть изъ временъ Хмельнищины. 2-ое изд. Спбр. 1899, 1—240. Цѣна 1 р.

Проф. *Т. Флоринскій.* Нѣсколько словъ о малорусскомъ языкѣ (нарѣчіи) и новѣйшихъ попыткахъ усвоить ему роль органа науки и высшей образованности. Кіевъ, 1899 (отт. изъ газ. «Кіевлянинъ»).

Франко И. Цыгане. Разсказъ (Переводъ съ малорус.). Спб. 1899, 1—16. Цѣна 3 к. Изд. кн. магаз. „Знаніе" (Народная библіотека).

Шиповъ Н. Карта Европейской Россіи съ картиннымъ изображеніемъ типовъ народа и его промысловъ. Спб. 1 листъ.

В. Щурат. Павло Ліндав. Мелійська Венера, поетична драма въ одній дії, (з німецькоі мови). (Артистично-літературні новини, кн. III). Перемишль, 1900.

Щыри слёзы надъ могылою П. О. Кулиша. Бахмутъ, 1900, 1—53. Цина 15 коп.

Археологическая лѣтопись.

Къ Археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Засѣданія Московскаго Предварительнаго Комитета по устройству съѣзда. 4-го, 5-го и 6-го января состоялись три засѣданія по организаціи XII-го Археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ, въ 1902-мъ году.

Первое засѣданіе происходило въ домѣ Московскаго Археологическаго Общества; оно было открыто предсѣдателемъ Общества графиней П. С. Уваровой, доложившей отношеніе министра народнаго просвѣщенія, разрѣшающееe Московскому Археологическому Обществу собрать предварительный комитетъ XII-го съѣда въ Москвѣ, 4—8-го января 1900 г. Затѣмъ былъ доложенъ и провѣренъ списокъ назначенныхъ разными учрежденіями и обществами и прибывшихъ въ Москву депутатовъ. Ихъ оказалось очень много, особенно изъ Харькова; но также изъ Одессы, Казани, Петербурга и т. д. и зала была совершенно полна. Собраніе par acclamation избрало предсѣдателемъ комитета гр. Уварову, секретаремъ В. К. Трутовскаго. Рѣшено ходатайствовать о назначеніи съѣзда съ 15-го по 25 августа 1902 г. Съѣздъ раздѣляется на 9 отдѣленій: 1) древности первобытныя, 2) древности историко-географическія и этнографическія, 3) памятники искусствъ и художествъ, нумизматика и сфрагистика, 4) бытъ домашній, хозяйственный, обществен., юридич. и военный, 5) древности церковныя, 6) памятники языка и письма, 7) древности классическія, византійскія западно-европейскія и восточныя, 8) древности славянскія, 9) памятники археографическіе. При съѣздѣ имѣютъ быть устроены выставки

археологическая и этнографическая; на послѣдней имѣется въ виду представить народную бытовую обстановку населеній Харьковской и сосѣднихъ губерній. Въ случаѣ пріѣзда иностранныхъ ученыхъ могутъ быть устроены на съѣздѣ особыя засѣданія съ рефератами на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и *на славянскихъ нарѣчіяхъ*. [1]. Затѣмъ было заявлено о различныхъ вопросахъ и запросахъ по археологіи, предлагаемыхъ для съѣзда какъ присутствовавшими членами, такъ и присланныхъ въ Археологич. Общество. По многимъ вопросамъ изъявлена была готовность представить рефераты для съѣзда. Большая часть заявленныхъ рефератовъ и вопросовъ касается древностей Слободской Украины, Донской области, также Южной Россіи вообще и, наконецъ, памятниковъ древности, не только русскихъ, но и иностранныхъ.

Второе засѣданіе происходило въ домѣ гр. Уваровой. Многими членами были внесены въ программу съѣзда вопроссы (съ готовностью представить рефераты) и запросы (въ цѣляхъ полученія отвѣтовъ отъ другихъ спеціалистовъ) по различнымъ категоріямъ древностей лѣвобережной Украины, Донской области и примыкающихъ къ нимъ мѣстностей, а также и вообще по археологіи Россіи. Профессоръ харьковскаго университета Д. И. Багалѣй намѣтилъ планъ подготовительныхъ къ съѣзду работъ. Для организаціи ихъ имѣетъ быть образованно въ Харьковѣ, при университетѣ, мѣстное отдѣленіе подготовительнаго комитета, въ который войдутъ всѣ профессоры историко-филологическаго факультета Харьковскаго университета, представители всѣхъ другихъ факультетовъ, нѣкоторые члены мѣстнаго историко-филогическаго Общества и другія лица изъ мѣстныхъ дѣятелей. Районъ предварительныхъ изысканій долженъ обнять губерніи между Днѣпромъ и Дономъ, т. е. Харьковскую, Курскую, Воронежскую,

---

[1]) Корреспондентъ „Петерб. Вѣд." замѣчаетъ по этому поводу: „Послѣдній пунктъ рѣшенія предварительно подвергся внимательному обсужденію, такъ какъ онъ послужилъ яблокомъ раздора на предшествовавшемъ Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ, и этимъ „яблокомъ раздора", по высказаннымъ предположеніямъ, объясняется отсутствіе на настоящемъ предварительномъ комитетѣ представителей отъ Кіевскаго университета".

По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, изъ за этого „язычнаго" вопроса былъ даже поставленъ на баллатировку общій вопросъ—приглашать-ли на съѣздъ славянскихъ ученыхъ? Собраніе высказалось въ утвердительномъ смыслѣ, *за исключеніемъ лишь одного голоса*, принадлежавшаго извѣстному петербургскому *филологу*.

Ред.

Черниговскую, Полтавскую, Екатеринославскую, сѣв. часть Таврической, а также Донскую и Кубанскую области. Въ этомъ районѣ предполагается собрать предметы, способные иллюстрировать доисторическую и историческую старину района, а также этнографическіе предметы, являющіеся пережитками болѣе или менѣе отдаленной старины. Въ частности имѣется въ виду составить археологическія карты Харьковской и сосѣднихъ губерній, собрать доисторическія древности (на съѣздъ имѣетъ быть доставлена между прочимъ большая археологическая коллекція покойнаго Поля, изъ Екатеринослава), предметы стариннаго быта (Слободской Украины, Запорожья, Кубанскаго войска Донской области), портреты, рукописи и т. д., отчасти путемъ сношеній съ разными учрежденіями и лицами, отчасти путемъ экспедицій—для раскопки кургановъ и городищъ, осмотра извѣстныхъ мѣстностей, ознакомленія съ частными музеями, съ архивами и т. д. Между прочимъ намѣчены систематическое изслѣдованіе кургановъ съ стоящими на нихъ каменными бабами и составленіе фотографическаго альбома этихъ древнихъ изваяній, изслѣдованіе городищъ Донецкаго бассейна и опредѣленіе границъ древней славяно-русской территоріи, выясненіе нѣкоторыхъ вопросовъ исторической географіи, этнографіи и т. д. Работы должны начаться еще нынѣшнимъ лѣтомъ и продолжаться лѣтомъ 1901 г. Есть основаніе надѣяться, что цѣлямъ съѣзда будетъ оказано возможное содѣйствіе городомъ, земствомъ и университетомъ.

Третье засѣданіе имѣло характеръ прощальнаго вечера, устроеннаго въ своемъ домѣ гр. П. С. Уваровой. Собралось до семидесяти человѣкъ, въ томъ числѣ многіе профессоры харьковскаго, казанскаго, новороссійскаго, московскаго университетовъ, и нѣкоторыхъ духовныхъ академій, начальникъ артиллерійскаго музея генералъ Бранденбургъ, делегаты московскихъ архивовъ, члены московскаго и одесскаго археологическихъ Обществъ, нѣсколькихъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій и губернскихъ статистическихъ комитетовъ, и т. д. Велась бесѣда о предстоящемъ съѣздѣ и о связанныхъ съ подготовкою его экспедиціяхъ и работахъ. (Русск. Вѣд.).

Засѣданія обществъ.

Церковно-археологическое общество при Кіевской духовной академіи. Два послѣднія ежемѣсячныя очередныя засѣданія церковно-

археологическаго общества были 23 ноября и 13 декабря прошлаго года.

Въ первомъ изъ этихъ засѣданій прочитанъ былъ рефератъ проф. Н. И. Петрова, подъ заглавіемъ «Историко-археологическій очеркъ г. Брянска, Орловской губ., и его отношеніе къ Кіеву», По мнѣнію референта, нашъ былинный богатырь Илья Муромецъ прокладывалъ прямоѣзжую дорогу изъ Мурома въ Кіевъ черезъ землю Вятичей, побѣдилъ здѣсь Соловья Разбойника и въ своемъ побѣдномъ шествіи къ Кіеву проѣзжалъ мимо нынѣшняго Брянска. Послѣ разоренія Южной Руси Батыемъ въ 1240 и слѣдующихъ годахъ, Брянскъ пытался стать средоточіемъ политической жизни для Южной Руси, и Брянскій князь Романъ Михайловичъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на Кіевъ и въ 1288 году выпросилъ для себя и своего княжества три иконы изъ Кіево-Печерской лавры, а въ числѣ ихъ и Свѣнскую ново-печерскую икону Богородицы, и доселѣ находящуюся въ Брянскомъ Свѣнскомъ монастырѣ. Во второй половинѣ XVII вѣка Кіево-Печерская лавра испросила себѣ Брянскій Свѣнскій монастырь въ свое управленіе и завѣдывала имъ до введенія монастырскихъ штатовъ при Екатеринѣ II.

Въ засѣданіи 13 декабря сдѣланы были три сообщенія: 1) «Къ вопросу о возможности самобытнаго начала для русскаго просвѣщенія». В. З. Завитневича; 2) «Новыя данныя для исторіи древней кіевской Воздвиженской церкви», С. Т. Голубева, и 3) «Что сдѣлалъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила для украшенія великой церкви Кіево-Печерской лавры», Н. И. Петрова. (Кіевск. Слово).

Изслѣдованія и раскопки.

Изъ записной книжки Н. Я. Тарновскаго. Сестра покойнаго Н. Я. Тарновскаго—Н. Я. Мацнева передала въ наше распоряженіе записную книжку Н. Я., куда занесены черновые дневники произведенныхъ имъ раскопокъ кургановъ. Записи дѣлались на мѣстѣ, дѣлались отрывочно и не всегда разборчиво—покойному такъ и не удалось привести ихъ въ надлежащій порядокъ; однако, изъ нихъ можно кое-что извлечь. Чтобы записи не затерялись безслѣдно, мы и рѣшили отмѣтить ихъ на страницахъ «Лѣтописи», пользуясь при

этомъ помощью Н. Е. Бранденбурга, сообщившаго намъ имѣвшіеся у него дневники нѣкоторыхъ раскопокъ Н. Я. Тарновскаго.

Раскопки у с. Лазурецъ, Каневскаго у. Кіевской губ. Раскопки производились въ 1896 и 1897 гг.; раскопано болѣе 10-ти кургановъ («на толокѣ» и у «берестнягской границы»). Погребенія относятся къ первобытному типу—со скорченными скелетами, скифскому (почти всѣ разграблены) и къ смѣшанному.

1. Курганъ довольно большой; въ немъ оказалась яма (5+4 метра и $1^1/_2$ м. глубиной); сверху яма накрыта накатомъ изъ дубовыхъ брусьевъ въ два ряда, одинъ надъ другимъ, въ противоположныхъ направленіяхъ; могила разграблена, въ ней оказались лишь разбросанныя кости (въ томъ числѣ 2 человѣч. черепа) и глиняные черепки; единственная находка заключалась лишь въ маленькомъ трехгорломъ сосудѣ, но и тотъ былъ внѣ ямы; возлѣ сосуда найдена еще бронзовая стрѣлка.

2. Могильная яма въ курганѣ покрыта въ три ряда дубовыми брусьями, а также обложена дубомъ; могила заключала совершенно истлѣвшій скелетъ, при которомъ найдены: тонкостѣнный глиняный сосудъ, въ видѣ небольшого ковшика съ высокой ручкой, желѣзный кинжалъ съ желѣзной-же ручкой, 59 бронзовыхъ и двѣ костяныхъ стрѣлы, 18 стеклянныхъ буссъ, золотая бляшка, бронзовое круглое зеркало съ кольцомъ на оборотной сторонѣ, двѣ бронзовыя шпильки и остатки красной краски и сѣры.

3. Въ курганѣ найдены два скелета, изъ которыхъ при одномъ былъ тонкій глиняный горшечекъ.

4. Въ нижней части кургана обнаружено полное трупосожженіе; въ верхней—2 скелета, при которыхъ оказалась разная глиняная посуда: небольшой ковшикъ съ высокой ручкой, два сосуда въ видѣ мисокъ и горшекъ съ ажурнымъ бортомъ, 5 вершк. вышиной.

5. Курганъ продолговатый (25+20 саж.), представляющій какъ-бы двѣ насыпи, соединенныя сѣдловиной; вышина около 4-хъ аршинъ; раскопанъ колодцемъ 10+7 саж. Близъ материки, по всему колодцу, обнаружены въ разныхъ мѣстахъ скопленія или кучи человѣческихъ костей (въ 11-ти пунктахъ), сваленныхъ грудами въ полномъ безпорядкѣ, причемъ нѣкоторыя кучи были около 1 арш. вышиной; всѣ кости совершенно разъединены и только въ двухъ случаяхъ замѣчено нормальное положеніе сочлененій (берцовыхъ костей); череповъ въ нихъ насчитано 15; двѣ кучи представляли скопленія конскихъ костей, но лишь отъ

ногъ. Въ срединѣ кургана, подъ сѣдловиной, обнаружена большая могильная яма, около 7 арш. въ поперечникѣ, вырытая въ материкѣ и засыпанная черноземомъ, имѣвшая въ глубину до 2 арш. въ сѣв. сторонѣ, а въ южной значительно меньше, такъ что дно шло наклонно. На днѣ ямы оказались слѣды разореннаго погребенія, заключавшаго повидимому скелеты двухъ особей (были напр. 2 разбитыхъ черепа); кости разбросаны и только концы ногъ одного изъ скелетовъ найдены повидимому непотревоженными. При скелетахъ найдены остатки двухъ тисненныхъ бляхъ изъ листового золота, 10 бронзовыхъ стрѣлокъ, бронзовая наборная бляшка въ видѣ птичьей головки; аршинахъ въ 3-хъ въ сторонѣ найденъ еще большой золотой перстень, съ помѣщенной на немъ фигуркой лежащаго льва. Могила, какъ видно, была цѣнная и очень интересная, но уже въ древности разграбленная посредствомъ подкопа, слѣды котораго обнаружены съ западной стороны ямы, въ видѣ наклонно прорѣзаннаго въ материкѣ схода (ширин. около $1^1/_4$ арш.).

6. Курганъ заключалъ въ себѣ коллективную могилу со скорченными скелетами, при которыхъ найдена только маленькая мисочка, очень грубой работы.

Свѣдѣнія о раскопкахъ остальныхъ кургановъ у с. Лазурецъ очень скудны, да и курганы не дали повидимому ничего болѣе или менѣе интереснаго.

Случайныя находки.

Михалковскій кладъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ за прошлый годъ петербургской газеты «Kraj» помѣщены довольно подробныя свѣдѣніи о надѣлавшемъ одно время много шума Михалковскомъ кладѣ, тщательно скрываемомъ отъ любопытныхъ взоровъ въ музеѣ Дзѣдушицкихъ во Львовѣ. Кладъ найденъ еще въ 1878 г., въ урочищѣ «Передолына» у с. Михалкова, находящагося на границѣ Галицкаго Подолья съ Бессарабіей, при впаденіи рѣчки Венцлавы въ Днѣстръ. Нашла его дивчина—пастушка, и кладъ, только лишь благодаря счастливой случайности, не попалъ въ руки евреевъ сосѣдняго мѣстечка: владѣлецъ сосѣдняго села Мельницы гр. М. Борковскій извѣстилъ о находѣ хранителя музея Дзѣдушицкихъ В. Зонтака, которымъ и былъ пріобрѣтенъ кладъ. Впослѣдствіи г. Зонтакъ

нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Михалковъ и пополнилъ раньше пріобрѣтенную коллекцію новыми предметами. Михалковскій кладъ оказался кладомъ въ полномъ значеніи этого слова: онъ заключалъ около десяти фунтовъ различныхъ предметовъ изъ чистаго золота; здѣсь были браслеты, буссы, украшенія для нашиванія, чарки и, наконецъ, разломанная на нѣсколько частей корона, въ видѣ широкой полосы, украшенной стилизованными цвѣтами. Владѣлецъ клада гр. Владиславъ Дзѣдушицкій повезъ его въ Парижъ—тамъ какъ разъ была открыта всемірная выставка и кладъ произвелъ сильное впечатлѣніе на ученыхъ и любителей,—парижскій Ротшильдъ предлагалъ за него 200 тысячъ франковъ... Вернувшись во Львовъ, Дзѣдушицкій спряталъ его въ своемъ музеѣ въ особый ящикъ, гдѣ онъ покоится и по сей день. Никто не имѣлъ къ нему доступа; при жизни Дзѣдушицкаго нужно было имѣть большую протекцію, чтобы получить разрѣшеніе осмотрѣть кладъ. Къ такимъ избранникамъ принадлежитъ Рудольфъ Вирховъ, который спеціально пріѣзжалъ изъ Берлина для осмотра клада. Кладъ до сихъ поръ не описанъ научно; у Дзѣдушицкаго была мысль издать его, но, за смертью, не была приведена въ исполненіе, и кладъ продолжаетъ лежать подъ спудомъ, окруженный какой-то странной таинственностью. Только въ промышленномъ музеѣ во Львовѣ имѣются гальванопластическія копіи предметовъ михалковскаго клада, но и тутъ—что болѣе всего удивительно и непонятно—добраться къ нимъ можно лишь съ сохраненіемъ всевозможныхъ предосторожностей...

По словамъ Kraj'я, археологи, осматривавшіе и изучавшіе кладъ, пришли къ рѣшенію, что онъ принадлежалъ какому нибудь *изъ скифскихъ царей*. Но, судя по снимкамъ съ нѣкоторыхъ предметовъ, помѣщеннымъ въ газетѣ, михалковскій кладъ повидимому имѣетъ мало общаго съ древностями скифіи. Къ какой-же эпохѣ относится кладъ, не видавъ самихъ предметовъ—трудно сказать.

Вышеописанная находка послужила поводомъ къ новому открытію, имѣвшему мѣсто уже гораздо позже. Именно, весной 1897 г., три крестьянина изъ с. Михалкова испросили разрѣшеніе у войта производить раскопки на гминномъ пастбищѣ. Разрѣшеніе было дано, и искатели начали раскопки вблизи мѣста, гдѣ уже была сдѣлана находка. Предпріятіе ихъ увѣнчалось успѣхомъ: прокопавъ на глубину нѣсколькихъ десятковъ сантиметровъ, они увидѣли предъ собой груду золотыхъ предметовъ. Сбѣжались находившіяся поблизости пастухи, явились и другіе обитатели села—и кладъ былъ расхватанъ по ча-

стямъ. О находкѣ узнали ученые, любители и торговцы древностями и нагрянули въ Михалковъ. Снова пріѣхалъ туда и г. Зонтакъ, которымъ и была пріобрѣтена часть клада для музея Дзѣдушицкихъ. Самый интересный предметъ—золотая чаша, вѣсомъ 140 грам., досталась гр. Борковскому; вообще-же на этотъ разъ найдено предметовъ (исключая пріобрѣтенныхъ Зонтакомъ), вѣсомъ въ 1533 грамма чистаго золота.

Эти находки обратили, наконецъ, на себя вниманіе спеціалистовъ-ученыхъ, и осенью прошлаго, 1899-го, года въ Махалковъ отправился делегатъ Вѣнскаго императорскаго музея г. Шомбаты, съ цѣлью произвести систематическія раскопки. О результатахъ послѣднихъ свѣдѣній пока не имѣется.

Музеи и собранія древностей.

Собраніе Украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Черниговскимъ губернскимъ земскимъ 11-го декабря прошлаго года разрѣшенъ вопросъ о принятіи земствомъ музея В. В. Тарновскаго. Еще при жизни В. В. Тарновскій изъявилъ желаніе передать свои коллекціи Черниговскому земству. Минувшее губернское земское собраніе съ благодарностью приняло даръ и ассигновало 20 тыс. руб. на постройку дома для музея,—постройка особаго зданія была поставлена жертвователемъ условіемъ передачи собранія. Исполненіе постановленія земства встрѣтило задержку: черниговскій губернаторъ предложилъ губернскому по земскимъ дѣламъ присутствію отмѣнить его. Присутствіе признало постановленіе о музеѣ вполнѣ законнымъ. Но губернаторъ, не согласившись съ этимъ, представилъ дѣло министру внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, недавно комитетъ министровъ увѣдомилъ, что постановленіе минувшаго собранія о музеѣ оставлено въ силѣ. Въ теченіе этого времени В. В. Тарновскій скончался, завѣщавъ музей земству. Настоящее собраніе подвергло новому пересмотру весь вопросъ о музеѣ, для чего управою представленъ особый докладъ. Собраніе постановило принять окончательно въ собственность губернскаго земства музей В. В. Тарновскаго и назначить для его помѣщенія одинъ изъ домовъ въ усадьбѣ земскаго сиротскаго дома, ассигновавъ на его перестройку и приспособленіе 9000 руб. Жаль только, что домъ этотъ находится на самомъ краю города. А между тѣмъ извѣстно, что мѣстная дума охотно отвела-бы для музея одно изъ

лучшихъ мѣстъ въ центрѣ города, и затрата на постройку тамъ новаго дома не вызвала-бы большой добавочной ассигновки. Для сортировки всѣхъ предметовъ, книгъ, рукописей музея, для систематическаго размѣщенія ихъ и для составленія описи всему собраніе рѣшило пригласить свѣдущее лицо и на вознагражденіе за этотъ трудъ открыло управѣ кредитъ до 700 руб. Открытіе музея въ Черниговѣ предположено осенью 1900 г. (Русск. Вѣд.)

—

Волынское епархіальное древлехранилище. Послѣ долгаго перерыва вышелъ третій выпускъ «Краткаго описанія памятниковъ древности, поступившихъ въ Волынское епархіальное древлехранилище отъ 1 августа 1894 года по 1 ноября 1898 года», составленный О. А. Фотинскимъ и свящ. Н. М. Бурчакъ-Абрамовичемъ (Почаевъ, 1899 г.). По этому описанію можно составить представленіе о поступленіяхъ въ древлехранилище за указанный періодъ. Главная масса поступленій падаетъ на рукописи, старопечатныя и новыя книги, вещественныхъ-же памятниковъ прибавилось очень немного,—изъ 138 страницъ описанія они занимаютъ всего 10 страницъ. Особенно интересныхъ предметовъ за эти годы не поступало: мы имѣемъ здѣсь нѣсколько энколпіоновъ, нѣсколько образцовъ церковной утвари, деревянный рѣзной крестъ XV вѣка, вислую свинцовую пломбу XIII в. изъ Владиміръ-Волынска, антиминсы, иконы и картины на деревѣ и холстѣ по большей части XVIII в., портретъ Никодима Воронича, основателя Тригорской обители, литографіи, фотографіи, нѣсколько предметовъ каменнаго вѣка и т. п.—всего 59 номеровъ; за четыре года—цифра не особенно большая!

—

Херсонскій Археологическій Музей. Въ концѣ прошлаго года музей обогатился нѣсколькими новыми пожертвованіями.

Учителемъ с. Малыхъ-Копаней, Днѣпровскаго у., Л. Е. Торскимъ пожертвованы коллекціи, собранныя на песчанныхъ дюнахъ. Въ газетѣ «Югъ» (№ 437) г. Г. помѣстилъ слѣдующую замѣтку о древностяхъ, находимыхъ на этихъ пескахъ. «Въ здѣшнихъ пескахъ, наряду съ каменными орудіями, встрѣчается и множество мѣдныхъ стрѣлъ, изрѣдка попадаются мѣдные наконечники копій, мѣдные топорики, мѣдные долота, шилья и другія древнія издѣлія изъ мѣди. Пронесли-ли ихъ съ собою завоеватели, или-же здѣшніе люди каменнаго вѣка своевременно начали употреблять ново-изобрѣтенныя

орудія? Одно можно сказать навѣрное: мѣдныя орудія въ тѣ времена отливались здѣсь же, въ древнихъ поселеніяхъ Днѣпровскаго уѣзда. Доказательство у насъ на-лицо. Въ 1893 году нами найдены на песскахъ за с. Кардашинкой формы изъ мягкаго камня (матрицы) для отливки кинжаловъ, и тамъ-же собраны обломки горшка, въ которомъ, очевидно, плавили мѣдь: черепки эти насквозь пропитаны мѣдью. Вообще, въ результатѣ изслѣдованія названныхъ песковъ получилась большая коллекція издѣлій каменнаго и бронзоваго вѣка, которая нынѣ хранится въ Херсонскомъ археологическомъ музеѣ. На дняхъ коллекція эта пополнилась предметами древности, пожертвованными учителемъ земской школы въ с. Малыхъ-Копаняхъ, Днѣпровскаго уѣзда, Л. Е. Торскимъ. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе: обломокъ каменной формы для отливки мѣдныхъ долотъ, нѣсколько мѣдныхъ наконечниковъ стрѣлъ, а также орудія каменныя: молотокъ, пестъ, десятокъ круглыхъ камушковъ, служившихъ для отбиванья осколковъ отъ куска кремня, нѣсколько вполнѣ отдѣланныхъ кремневыхъ стрѣлокъ и цѣлая куча продолговатыхъ кремневыхъ осколковъ. Эти находки ясно показываютъ, что и въ окрестностахъ с. Малыхъ Копаней во время оно производилась отливка бронзовыхъ орудій, но что здѣсь-же процвѣтало и болѣе древнее производство кремневыхъ орудій.»

Г. Л. Скадовскимъ пожертвованъ колчанъ, найденный имъ при вскрытіи одной изъ древнихъ могилъ въ своемъ имѣніи Бѣлозеркѣ (10 в. отъ Херсона). Колчанъ сдѣланъ изъ березовой коры. Онъ имѣетъ видъ длиннаго кармана, расширяющагося книзу. Вся длина колчана 19 вершковъ, причемъ верхняя его часть оканчивается закругленной дощечкой, окрашенной сурикомъ въ ярко-красный цвѣтъ; отъ этой дощечки уцѣлѣли только кусочки. Отверстіе колчана оковано желѣзной пластинской; такая-же пластинка окружаетъ и дно колчана. Прикрѣпленныя къ наружной сторонѣ колчана желѣзная пряжка и кольцо служили, очевидно, для продѣванія ремня. Въ колчанѣ найдено нѣсколько желѣзныхъ стрѣлъ. Такого типа колчаны употреблялись кочевниками, населявшими южно-русскія степи въ лѣтописныя времена и нерѣдко встрѣчаются при раскопкахъ нашихъ могилъ той эпохи; но колчанъ, найденный г. Скадовскимъ, представляетъ экземпляръ рѣдкой сохранности. Интересно, что колчанъ этотъ найденъ въ могилѣ одинокимъ: ни другихъ вещей, ни покойника въ ней не было.

Кромѣ того, были поступленія и отъ другихъ лицъ, именно: отъ Н. В. Эрдели—шесть русскихъ серебряныхъ монетъ, отъ священника Н. Л. Левицкаго, изъ Очакова,—большая античная ваза и два маленькихъ терракотовыхъ сосуда; отъ народной учительницы А. Л. Сорокиной. изъ с. Цыбулева, Александрійскаго уѣзда,—небольшой сосудъ греко-скиѳской эпохи; отъ волостн. писаря Широковск. волости, Херсонскаго уѣзда, А. П. Лагуна—мѣдное листовидное копье, найденное на землѣ А. М. Балло, при с. Николаевкѣ I, при рытьѣ колодца, на глубинѣ болѣе сажени; отъ А. И. Живодара, изъ Берислава, нѣсколько гиреевскихъ монетъ; отъ г. Александрова изъ Каховки, ветхая деревянная статуетка, изображающая стоящую женщину съ собачкой у ея ногъ; найдена эта статуетка въ Каховкѣ, на берегу Днѣпра.

Въ Музей Древностей Университета св. Владиміра присланъ изъ Археологической Коммиссіи кладъ, найденный въ Кіевѣ, въ 1898 году. Кладъ состоитъ изъ 8-ми серебряныхъ серегъ кіевскаго типа съ шариками, украшенными зернью (нѣкоторыя изъ нихъ сломаны), витого серебрянаго браслета и небольшого четвероконечнаго крестика. Кладъ относится къ XI—XII в.

Изъ послѣднихъ пріобрѣтеній въ томъ-жъ Музеѣ отмѣтимъ коллекцію, главнымъ образомъ, каменныхъ орудій неолитической эпохи изъ сс. Будеража, Бущи, Майдана, Листвина и др.—Волынской губ.

Разныя извѣстія.

„*Искусство и художественная промышленность*,“ ежемѣсячное иллюстрированное изданіе Императорскаго Общества Поощренія художествъ въ С.-Петербургѣ, подъ редакціей Н. П. Собко. 1898—99 г. Журналъ этотъ закончилъ первый годъ своего существованія. За отсутствіемъ въ русской литературѣ въ послѣднее время изданія, посвященнаго искусству, появленіе журнала нужно признать какъ нельзя болѣе своевременнымъ. Изданіе роскошное, на отличной бумагѣ, съ массой рисунковъ, воспроизведенныхъ различными способами, начиная съ превосходныхъ хромолитографій. Недорогая цѣна изданія дѣлаетъ журналъ доступнымъ для обширнаго круга читателей, что и входитъ въ прямыя задачи издающаго журналъ общества, забо-

тящагося о поднятіи и развитіи художественнаго вкуса среди публики. За истекшій годъ журналъ далъ много интереснаго; тутъ помѣщались біографіи и характеристики художниковъ, разборы художественныхъ произведеній, отчеты о выставкахъ, обзоры музеевъ, очерки художественныхъ школъ, очерки народнаго производства, библіографическія замѣтки и т. п., какъ по русскому, такъ и по иностранному искусству. Будучи посвященъ главнымъ образомъ современному искусству, чистому и прикладному, журналъ включилъ также въ свою программу и исторію искусства; выполняя на дѣлѣ эту послѣднюю часть программы, журналъ далъ очень много описаній и снимковъ съ древнихъ предметовъ.

Не имѣя возможности останавливаться подольше на этомъ очень интересномъ и полезномъ изданіи, отмѣтимъ лишь то, что такъ или иначе соприкасается съ задачами нашей «Лѣтописи». Укажемъ прежде всего на статью общаго характера—«Искусство и археологія», Н. К. Рериха, представляющую изъ себя вступительную лекцію въ Спб. Археологическомъ Институтѣ по предмету «Художественной техники въ примѣненіи къ археологіи»; авторъ говоритъ здѣсь о связи науки и искусства вообще, о значеніи археологіи съ художественной стороны въ современномъ жизненномъ обиходѣ и о значеніи искусства для археологіи. Н. К. Рериху принадлежатъ также живо написанные наброски, сопровождаемые рисунками, озаглавленные «По пути изъ Варягъ въ Греки». Авторъ совершилъ пока небольшую часть пути, закончивъ Новгородомъ,—мысль-же проѣхать весь великій водный путь, отмѣчая и зарисовывая по дорогѣ все, болѣе или менѣе выдающееся изъ оставшихся памятниковъ старины,—очень интересна и оригинальна; будемъ надѣятся, что авторъ не оставитъ ея.

Художникъ Е. М. Маковскій, въ небольшой замѣткѣ «Къ исторіи народнаго орнамента», вполнѣ вѣрно указываетъ, что еще до сихъ поръ много отраслей народнаго художественнаго творчества не обратили на себя должнаго вниманія, для примѣра останавливается на писанкахъ, и даетъ описаніе и рисунки въ краскахъ коллекціи писанокъ, собранныхъ имъ во Владимірь-Волынскомъ уѣздѣ.

Въ отдѣлѣ корреспонденцій и мелкихъ замѣтокъ мы находимъ цѣлый рядъ таковыхъ изъ Кіева, сообщенныхъ Е. М. Кузьминымъ и касающихся художественныхъ и художественно-археологическихъ новостей.

—

Фототипическимъ заведеніемъ С. В. Кульженко въ Кіевѣ выпущенъ альбомъ, озаглавленный *«XI. археологическій съѣздъ. Кіевъ. 1—20 августа 1899 г.»*, заключающій въ себѣ портреты участниковъ съѣзда. Таблицы скомпанованы очень удачно: портреты размѣщены на фонѣ, представляющимъ изъ себя виды Кіева, снимки съ предметовъ древности, рукописей и т. п. Въ концѣ альбома находится группа членовъ перваго кіевскаго съѣзда, бывшаго въ 1874-мъ году.

—

Находятся въ печати и скоро выйдутъ съ свѣтъ 2-ой выпускъ изданія Б. И. Ханенко—«Древности русскія. Кресты и образки» и 3-й выпускъ его-же «Древностей Приднѣпровья».

—

В. В. Хвойко занятъ въ настоящее время обработкой и подготовленіемъ къ печати матеріала, добытаго раскопками на Кирилловской улицѣ въ Кіевѣ и въ окрестностяхъ м. Триполья. Предполагаемое изданіе будетъ снабжено таблицами снимковъ съ раскопокъ и предметовъ.

—

Львовскій «Kwartalnik Historyczny» въ теченіи прошлаго года систематически перепечатывалъ изъ нашей «Лѣтописи» различныя свѣдѣнія, касающія раскопокъ, находокъ, музеевъ и т. п.,—источника при этомъ никогда не указывалось...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

Эней, [1]) поплывши [2]) синѣмъ [3]) моремъ,
На Карфагену [4]) оглядавсь,
Боровся [5]) изъ [6]) своимъ вѣнъ [7]) горемъ,
Сліозми [8]) сердечный [9]) обливавсь.
Хоть отъ Дидоны плывъ [10]) поспѣшно,
Та [11]) плакавъ гѣрко, [12]) неутѣшно,
Почувши, [13]) що въ вѣгнѣ [14]) спеклась.
Сказавъ: „нехай ий [15]) царство вѣчне, [16])
Минѣ же панство долговѣчне, [17])
И щобъ друга вдова найшлась.“

[1]) Еней П. [2]) попливши П. [3]) синимъ П. К. [4]) Карпагену П. [5]) боровсь П. К. [6]) съ П. К. [7]) сердега П. К. [8]) слизьми П. [9]) небижчикъ П. бѣдняжка К. [10]) пливъ П. [11]) да П. [12]) гирько П. К. [13]) почувши жъ П. К. [14]) огнѣ П. К. [15]) ѣй П. К. [16]) вѣчне царство П. К. [17]) долголѣтне панство П. К.

2.

Якъ ось и море стало граты, [1])
Велики филѣ [2]) пѣднялись, [3])
И вѣтры зачали фуркаты, [4])
Ажъ човны на морѣ тряслись.
Водою чортъ-зна якъ крутило,

Що трохи всѣхъ не потопило,
Вертѣлись човны, мовъ дурны:
Троянцѣ [5]) съ траху [6]) (sic) задрыжали [7])
И всѣ робиты що [8]) не знали,
Стояли мовчки всѣ смутны.

[1]) грати П. К. [2]) хвили П. К. [3]) поднялись П. пиднялись К. [4]) бурхати П К. [5]) Троянци П. К. [6]) зъ страху П. К. [7]) задрожали П. К. [8]) и що робити всѣ П. К.

3.

Одинъ [1]) троянскои громады, [2])
По ихъ вѣнъ [3]) звався Полинуръ, [4])
Сей бѣлше [5]) мавъ отъ всѣхъ [6]) отвагы, [7])
Смѣленькій бувъ и балагуръ,
Що напередъ сей схаменувся
И до Нептуна окликнувся:
„А що ты робышъ, [8]) панъ Нептунъ?
Чи се и ты пустивсь въ ледащо,
Що хочешъ насъ звести ни на-що,
Хиба пѣвъ копки [9]) вже забувъ?

[1]) одинъ зъ П. К. [2]) ватаги П. К. [3]) винъ П. К. [4]) Палинуръ П. К. [5]) бильше П. К. [6]) мавъ другихъ П. К. [7]) отваги П. К. [8]) робишъ П. К. [9]) пивкопы П. К.

4.

А далѣ пѣсля [1]) сеи мовы
Троянцямъ такъ вѣнъ [2]) всѣмъ сказавъ:
„Бувайте, братцѣ, [3]) всѣ [4]) здоровы!
Чи ще никто зъ васъ не пропавъ? а)
Теперъ куда [5]) мы, братця, пѣйдемъ? [6])
Въ Италію мы не доидемъ, [7])
Бо море дуже щось шпуе,
Италія жъ [8]) вѣдсѣль [9]) не близко, [10])
И [11]) моремъ въ бурю ихать [12]) слизько, [13])
Човнѣвъ [14]) нѣкто [15]) не пѣдкуе. [16])

[1]) писля К. П. [2]) винъ П. К. [3]) братця П. К. [4]) вы П. К. [5]) куды К. [6]) пійдемъ П. К. [7]) доѣдемъ П. К. [8]) Италія П. К. [9]) видсѣль П. К. [10]) не близько П. К. [11]) а П. К. [12]) ѣхать П. К. [13]) слизко П. [14]) човнивъ П. К. [15]) нихто П. К. [16]) пидкуе П. К.

а) Отъ-це Нептунъ замудровавъ П. К.

5.

Оттутъ [1]) землянка (sic) [2]) есть, хлопята,
Вѣдсѣль [3]) вона не вдалеку, [4])
Сицилія жъ [5]) земля богата,
Вона минѣ щось познаку.
Дмухнѣмъ [6]) лишъ, братця, мы до неи
Збуваты горести своеи,
Тамъ добрый царъ живеть [7]) Ацестъ,
Мы тамъ, якъ дома, очуняемъ
И, якъ у себе, загуляемъ,
Всіого багацько въ іого есть."

[1]) отъ-тутъ П. К. [2]) земелька П. К. [3]) видсиль П. К. [4]) не въ далеку П. К. [5]) Сицилія П. К. [6]) дмуханмъ П. К. [7]) живе П. К.

6.

Троянцѣ [1]) бодро [2]) принялися
И стали веслами гребты, [3])
Якъ стрѣлки, човники неслися,
Мовъ зъ заду пхали ихъ чорты.
Ихъ Сицилійцы якъ узрѣли,
То съ города, мовъ подурѣли,
До моря бѣглы [4]) всѣ встрѣчать, [5])
Тутъ межъ [6]) собою роспитались, [7])
Здоровкались [8]) и обнимались,
Пѣшлы [9]) до короля гулять.

[1]) Троянци П. К. [2]) добре П. разомъ К. [3]) гребти П. К. [4]) бѣгли П. К. [5]) стрѣчать П. [6]) мижъ П. [7]) роспытались П. К. [8]) чоломкались К. [9]) пишли П. К.

7.

Ацестъ Энею, [1]) якъ бы брату,
Велыку ласку показавъ
И заразъ попросивъ у хату,
Горѣлкою почастовавъ.
На закуску наклалы [2]) сала,
Лежала ковбаса чимала
И хлѣба повне решето.
Троянцямъ же дали тетеры [3])
И вѣдпустили [4]) на квартеры, [5])
Щобъ шли, куда потрапивъ [6]) хто.

[1]) Енею П. [2]) наклали П. К. [3]) тетери П. К. [4]) видпустили П. К. [5]) квартери П. К. [6]) потрапить П. К.

8.

Тутъ заразъ пѣдняли [1]) бенкеты, [2])
Замурмотали, якъ коты,
У кахляхъ пѣднесли [3]) пашкеты
И киселю имъ до сыты, [4])
Горячую [5]) мякку [6]) бухѣнку, [7])
Зразову до рѣжкивъ [8]) печинку,
Гречаныхъ съ часникомъ [9]) пампухъ.
Эней [10]) зъ дороги [11]) налигався [12])
И пѣнной [13]) такъ нахлистався, [14])
Трохи не виперсь [15]) зъ іого духъ.

[1]) пидняли П. К. [2]) банкеты [3]) пиднесли П. К. [4]) ситы П. К. [5]) гарячую П. К. [6]) магку П. К. [7]) бухинку П. К. [8]) рижкивъ П. К. [9]) часныкомъ П. [10]) Еней П. [11]) дороги П. К. [12]) налыгався П. К. [13]) пѣнненькой П. [14]) нахлыстався П. К. [15]) не вышовъ П.

9.

Эней хоть трохи бувъ подпилый, [1])
Та зъ розумомъ не потерявсь, [2])

Вѣнъ [3]) сынъ бувъ богобоязливый,
По смерти батька не цуравсь.
Въ сей день іого отець опрягся,
Якъ чикалдихи [4]) обижрався, [5])
Анхизъ зъ горѣлочки умеръ,
Эней схотѣвъ обѣдъ справляты, [6])
Щобъ [7]) тутъ старцѣвъ [8]) нагодоваты, [9])
Щобъ богъ [10]) душѣ свѣй [11]) рай отперъ.

[1]) Еней П. пидпилый П. [2]) таки зобравсь П. [3]) винъ К. П. [4]) чикалдыхи К. П. [5]) обожрався П. К. [6]) Еней П. справлати П. К. [7]) и [8]) старцивъ П. К. [9]) нагодовати П. К. [10]) бигъ П. К. [11]) свій К. П.

10.

Зобравъ троянску [1]) всю громаду
И самъ на двѣръ [2]) пѣйшовъ [3]) до нихъ
Просить у нихъ собѣ пораду,
Сказавъ имъ рѣчь въ словахъ такихъ:
„Панове, знаете, Трояне
И всѣ хрещеные миряне, [4])
Що мѣй [5]) отець [6]) бувавъ Анхизъ,
Іого сивуха запалила
И живота укоротыла,
И вѣнъ, [7]) якъ муха въ зиму, сслизъ. [8])

[1]) троянську П. К. [2]) двиръ П. К. [3]) пишовъ П. К. [4]) міряне П. К. [5]) мій П. К. [6]) отецъ П. [7]) винъ П. К. [8]) слызъ П. К.

11.

Зробыти [1]) поминки я хочу,
Поставиты [2]) обѣдъ старцямъ,
И завтра жъ—далѣ не отстрочу—[3])
Скажите, якъ здается вамъ?“
Сіого Троянцѣ [4]) и бажали
И всѣ у голосъ закрычали: [5])
„Энею, [6]) Боже, помоги,
И коли [7]) хочешъ, пане, знати,

То [8]) сами [9]) будемъ помогати,
Тобѣ бо мы [10]) не вороги."

[1]) зробити П. К. [2]) поставити П К. [3]) въ пору неробочу П. [4]) Троянци П. К. [5]) закричали П. К. [6]) Енею П. [7]) колы К. [8]) и П. К. [9]) самы П. К. [10]) бо мы тобѣ П. К.

12.

И заразъ мѣтью [1]) всѣ трудились [2])
Горѣлку, мясо куповать,
Хлѣбъ, бублики, книши вродились,
Пѣшли [3]) посуды [4]) добувать.
И коливо [5]) зъ кутѣ [6]) зробыли, [7])
Сыты [8]) изъ меду сколотыли, [9])
Договорыли [10]) и попа,
Хозяинѣвъ [11]) своихъ ззывали, [12])
Старцѣвъ [13]) по улицямъ шукали,
Пѣшла [14]) на дзвѣнъ [15]) дякамъ копа.

[1]) в опромѣтью П. митью К. [2]) пустились П. К. [3]) пійшли П. К. [4]) посуду П. [5]) колыво П. К. [6]) съ кутей П. съ кутьи К. [7]) зробили П. К. [8]) ситы П. [9]) наситили П. К. [10]) зъѣднали разомъ П. договорили К. [11]) хозяинивъ П. хазяинивъ К. [12]) сзывали К. [13]) старцивъ П. К. [14]) пійшла П. пишла К. [15]) дзвинъ П. К.

13.

На другий [1]) день раненько встали,
Огонь на дворѣ розвелы [2])
И мяса въ казаны наклали,
Варыли [3]) страву и пекли.
Пять казанѣвъ [4]) стояло юшки
И [5]) въ чотырохъ булы [6]) галушки,
Борщу трохи було не съ шѣсть,
Барановъ [7]) тьма була печеныхъ, [8])
Курей, гусей, качокъ вареныхъ, [9])
До сыта щобъ було имъ [10]) ѣсть.

[1]) другій П. К. [2]) розвели П. К. [3]) варили П. К. [4]) казанивъ П. К. [5]) а П. [6]) були П. К. [7]) баранивъ К. [8]) вареныхъ П. К. [9]) печеныхъ П. К. [10]) всѣмъ П. К.

14.

Цебрѣ [1]) сивухи [2]) тутъ [3]) стоялы [4])
И браги [5]) повные [6]) дѣжки,
Всю страву въ вагани [7]) вливали
И роздавали всѣмъ ложки.
Якъ проспѣвали „со святыми",
Эней [8]) обливсь слѣзми [9]) гѣркими, [10])
И принялися всѣ трепать,
Наѣлися и нахлистались,
Що де-яки ажъ повалялись,
Тогда [11]) вже годѣ поминать.

[1]) цебры П. К. [2]) сивушки К. [3]) тамъ П. К. [4]) стояли П. К [5]) бражки П. [6]) повныи П. [7]) ваганы П. ваганки К. [8]) Еней П. [9]) слѣзьми П. сліозьми К. [10]) гиркими П. К. [11]) тогди П. тогдѣ К.

15.

Эней [1]) и самъ изъ [2]) старшиною
Анхиза добре поминавъ,
Не зрѣвъ нѣчого [3]) предь собою,
А ще зъ-за столу не встававъ.
А далѣ трошки проходився,
Прочумався, протверезився,
Пѣшовъ [4]) къ народу, хоть поблѣдъ,
Съ кишени війнявши [5]) три кѣпки [6])
Шпурнувъ въ народъ дрѣбныхъ [7]) якъ рѣпки, [8])
Щобъ тямили іого обѣдъ.

[1]) Еней П. [2]) со П. К. [3]) ничого П. К. [4]) пишовъ П. К. [5]) вынявши П. К. [6]) пивкипки П. К. [7]) дрибныхъ П. К. [8]) рипки П. К.

16.

Въ Энея [1]) жъ заболѣлы [2]) ногы, [3])
Не чувъ ни рукъ, ни головы,

Напали съ хмѣлю перелоги, [4])
Опухли очи, якъ въ совы.
Увесь обдувся, якъ барыло, [5])
Було на свѣтѣ все не мыло, [6])
Мислѣте по землѣ писавъ,
Зъ нудьги охлявъ и изнемѣгся, [7])
Въ одежѣ лѣгъ [8]) и не роздѣгся,
Пѣдъ [9]) лавкою до свѣта спавъ.

[1]) Енея П. [2]) заболѣли П. К. [3]) ноги П. К. [4]) перелоги П. К. [5]) барило П. К. [6]) мило П. К. [7]) изнемигся П. К. [8]) лигъ П. К. [9]) пидъ П. К.

17.

Прокинувшись [1]) увесь [2]) трусився,
За сердце ссало, мовъ глисты,
Перевертався и нудився,
Не здужавъ головы звести,
Поки не випивъ [3]) пѣвъ квартѣвки [4])
Съ инберомъ [5]) пѣнной горѣлки
И кухля сировцю [6]) не втеръ.
Съ пѣдлавки [7]) (sic) вилѣзъ и струхнувся,
Закашлявсь, [8]) чхнувъ и стрепенувся.
„Давайте“, крикнувъ, „пить теперъ!“

[1]) прокинувшися К. [2]) ввесь К. [3]) выпивъ П. К. [4]) пивквартивки П. К. [5]) имберомъ П. К. [6]) сыровцю П. К. [7]) съ пидлавки П. съ пидъ лавки К. [8]) закашлявъ П. К.

18.

Зобравшися всѣ панинята, [1])
Опять [2]) кружаты началы, [3])
Пилы, [4]) якъ брагу поросята,
Горѣлку такъ воны тяглы, [5])
Кололы (sic) [6]) пѣнненьку Троянцѣ [7])
Не вомпили Сициліанцѣ, [8])
Черкалы [9]) добре на захватъ.
Хто пивъ тутъ бѣлшъ [10]) отъ всѣхъ сивухи [11])

И хто пивъ разомъ три осмухи, [12])
То той Энеевѣ [13]) бувъ братъ.

[1]) паненята П. К. [2]) изновъ П. К [3]) кружати начали П. К. [4]) пили П. К. [5]) тягли П. К. [6]) тягли тутъ П. К. [7]) Троянци П. К. [8]) Сицилійанци П. К. [9]) черкали П. К. [10]) билшъ П. К. [11]) горѣлки П. [12]) пивкондійки П. [13]) Енеевѣ П.

19.

Эней [1]) нашъ роздоброхотався
И грыща [2]) вздумавъ завесты, [3])
И пьяный заразъ роскрычався, [4])
Щобъ перебѣйцѣвъ [5]) привесты. [6])
Предъ нимъ тутъ [7]) школяры [8]) спѣвали,
Халяндры цыганки скакали,
И грали въ кобзы и слѣпцы, [9])
Тутъ разни [10]) чуги [11]) було [12]) крики,
Водили въ городѣ музыки
Моторны, пьяны молодцѣ. [13])

[1]) Еней П. [2]) игрища П. К. [3]) завести П. К. [4]) розкричався П. К. [5]) перебійцивъ П. К. [6]) привести П. К. [7]) у виконъ П. К [8]) школяри П. [9]) слѣпци П. К. [10]) розны П. К. [11]) чуты П. К. [12]) були П. К. [13]) молодци П. К.

20.

Въ присѣнкахъ всѣ паны сидѣлы, [1])
На дворѣ жъ вкругъ сидѣвъ [2]) народъ,
У вѣкна [3]) де-яки глядѣли,
А иншій бувъ и вверхъ [4]) воротъ.
Ажъ ось прійшовъ [5]) и перебѣець [6])
Убранный такъ, якъ кумпанѣець, [7])
А [8]) звавсь сей [9]) молодець [10]) Даресъ,
На кулаки ставъ визивати [11])
И перебѣйцѣвъ [12]) викликати, [13])
Кричавъ опаренный, мовъ песъ.

[1]) сидѣли П. К. [2]) стоявъ П. К. [3]) викна П. К. [4]) наверхъ П. К. [5]) пришовъ П. К. [6]) перебіець П. К. [7]) кумпаніець П. К. [8]) и П. К. [9]) звався П. К. [10]) молодецъ П. [11]) викликати П. К. [12]) перебійцю П. перебійця К. [13]) вызывати П. К.

21.

А [1]) хто до мене прійде [2]) бытись, [3])
Покоштоваты [4]) стусанѣвъ, [5])
Мизкою [6]) хоче хто [7]) умитись, [8])
Кому не жаль своихъ зубѣвъ? [9])
А нуте, нуте, йдѣте [10]) швидче
Сюда [11]) на кулаки лишъ ближче,
Я бебехѣвъ [12]) вамъ надсажу,
На очи вставлю окуляры,
Сюда, [13]) поганьцы бакаляры,
Я всякому лобъ розморщу. [14])

[1]) гей П. К. [2]) зо мною выйде П. К. [3]) битись П. К. [4]) покоштовати П. К. [5]) стусанивъ П. К. [6]) мазкою К. [7]) хто хоче пасокою П. [8]) вмытись П. [9]) зубивъ П. К. [10]) йдите П. К. [11]) сюды П. К. [12]) бебехивъ П. К. [13]) сюды П. К. [14]) розможжу П. К.

22.

Даресъ довгенько дожидався,
Мовчалы [1]) всѣ, нѣкто [2]) не йшовъ, [3])
Зъ нимъ битися усякъ боявся,
Собою страхъ [4]) всѣмъ [5]) задавъ.
„Такъ вы, бачу, всѣ легкодухи,
Передо мною такъ, якъ мухи,
И пудофеты [6]) на-голо!“
Даресъ усѣмъ тутъ насмѣхався, [7])
Усѣмъ тутъ [8]) чванивсь, величався,
Ажъ слухать соромъ всѣмъ було.

[1]) мовчали П. К. [2]) нѣхто П. К. [3]) не шовъ П. [4]) страху К. [5]) всѣмъ бо собою страхъ П. [6]) пудохветы К. [7]) насмѣявся П. [8]) собою П. К.

23.

Абсестъ Троянець [1]) бувъ сердитый,
Згадавъ Энтелля [2]) козака,
Зробывся [3]) мовъ несамовытый, [4])
Чимъ дужъ дравъ вѣдтѣль [5]) драпака, [6])
Энтелля [7]) скрѣзь [8]) пѣйшовъ [9]) шукаты [10])
Щобъ все, що бачивъ, росказаты, [11])
И щобъ Дареса пѣдцковать. [12])
Энтель [13]) бувъ тяжко смѣлый, дужій,
Мужикъ плечистый и невклюжій,
Тогда [14]) вѣнъ [15]) пьяный влягся [16]) спать.

[1]) Троянець П. К. [2]) Ентелла П. К. [3]) зробився П. К. [4]) несамовитый П. К. [5]) видтиль П. К. [6]) дропака П. [7]) Ентелла П. К. [8]) скризь К. [9]) кинувся П. [10]) шукати П. К. [11]) росказати П. К. [12]) пидцьковати П. пидцковать К. [13]) Ентеллъ П. К. [14]) тогди П. К. [15]) винъ П. К. [16]) вклався П. К.

24.

Знайшли Энтелля [1]) сѣромаху,
Що вѣнъ пѣдъ [2]) тиномъ гарно спавъ,
Сіого сердечнаго [3]) тѣмаху а)
Будиты [4]) стали, щобъ уставъ.
Всѣ голосно надъ нимъ кричали,
Ногами въ силу [5]) роскачалы, [6])
Очима вѣнъ [7]) на нихъ лупнувъ:
„Чого вы? Що за вража маты [8])
Зобрались [9]) не даваты [10]) спаты?“ [11])
Сказавши и [12]) опять заснувъ [13])

[1]) Ентелла П. К. [2]) винъ пидъ П. К. [3]) сердечного К. [4]) будити П. К. [5]) всилу П. К. [6]) роскачали П. К. [7]) винъ П. К. [8]) мати П. К. [9]) зобралась П. [10]) не давати П. К. [11]) спати П. К. [12]) се П. К. [13]) в знову П.

а) И сю сердиту, пьяну птаху П.

25.

„Та [1]) встань, будь ласкавъ, [2]) пане-свату,“
Абцестъ [3]) Энтеллевѣ [4]) сказавъ.

—„Пѣдѣть 5) лишъ вы собѣ икъ кату!“
Энтель 6) на ихъ такъ закрычавъ. 7)
А послѣ бачитъ, 8) що не шутка,
Энтель (sic) 9) сказавъ, яка погудка, 10)
Проворно скочивши, здригнувсь; 11)
„Хто якъ, Даресъ! Ну, стѣйте, 12) наши,
Даресу навару 13) я каши,
Горѣлки дайте лишъ напьюсь“.

1) да П. К. 2) ласковъ П. 3) Абсестъ П. К. 4) Ентелловѣ П. К. 5) пійдить П. К. 6) Ентеллъ П. К. 7) закричавъ П. К. 8) бачить П. К. 9) Абсестъ П. К. 10) почудка П. 11) здригнувъ П. 12) стійте П. К. 13) пану Даресу зварю П. К.

26.

Примчали въ казанцѣ 1) сивухи,
Энтель 2) ии 3) разкомъ дмухнувъ,
И отъ 4) сіеи вѣнъ 5) мокрухи
Скрывившись, 6) наморщивсь, 7) зѣвнувъ,
Сказавъ: „теперъ 8) ходѣмо, 9) братця,
До хвастуна Дареса, ланця, 10
Іому я ребра полѣчу,
Зимну іого 11) я на кабаку,
На смерть зувѣчу, мовъ чортяку, 12)
Я бытися 13) іого навчу“.

1) въ казанець П. въ казанокъ К. 2) Ентеллъ П. К. 3) ѣи П. К. 4) одъ П. 5) винъ П. К. 6) скривывсь П. К. 7) наморщивсь и П. К. 8) теперь П. К. 9) ходимо П. К. 10) дратця П. 11) всіого П. 12) собаку П. К. 13) битися П. К.

27.

Прійшовъ Энтель 1) передъ Дареса,
Сказавъ іому на смѣхъ: „гай, гай!
Ховайсь, погана 2) неотеса,
Заранѣ, 3) коли хочь, 4) втѣкай! 5)
Я роздавлю тебе, якъ жабу,
Зитру, 6) зимну, 7) морозъ якъ бабу,

Що тутъ и зубы ты зытнешъ, [8])
Тебе діяволъ не пѣзнае, [9])
Зъ [10]) кѣстками [11]) чортъ тебе злигае, [12])
Уже вѣдмене (sic) [13]) не влизнешъ.“ [14])

[1]) Ентеллъ П. К. [2]) проклята П. К. [3]) зарани П. заряня К. [4]) видсѣль П. К. [5]) утѣкай П. К. [6]) зотру П. К. [7]) зомну П. К. [8]) зожмешъ П. [9]) познае П. К. [10]) съ П. К. [11]) костками П. К. [12]) злыгае П. [13]) видъ мене П. К. [14]) влызнешъ П. К.

28.

На землю шапку положивши,
По локѣть [1]) руки засукавъ
И, цупко кулаки стуливши, [2])
Дареса бытись [3]) вызывавъ.
Изъ сердця [4]) скреготавъ [5]) зубами,
Обземлю (sic) [6]) тупотѣвъ [7]) ногами
И на Дареса налѣзавъ.
Даресъ не радъ своіи [8]) лихотѣ,
Энтелль [9]) потягъ не по охотѣ
Дареса, щобъ іого вѣнъ [10]) знавъ.

[1]) локоть П. К. [2]) стулывши П. К. [3]) битись П. К. [4]) серця П. К. [5]) скриготавъ П. К. [6]) объ землю П. К. [7]) тупотавъ П. К. [8]) своей К. [9]) Ентеллъ П. К. [10]) винъ П. К.

29.

Въ се время въ рай боги збѣрались [1])
До Юпитера [2]) на обѣдъ,
Пили тамъ, ѣли, забавлялись,
Забули нашихъ людскихъ бѣдъ,
Тамъ лакоцѣны [3]) разны [4]) ѣли,
Буханчики пшеничны бѣлы,
Кислицѣ, [5]) ягоды, коржѣ [6])
И всяки разны [7]) витребеньки, [8])
Уже либонь були пьяненьки,
Понадувались, мовъ іоржи. [9])

[1]) збирались П. К. [2]) къ Зевесу въ гости П. К. [3]) лакоцины К. лигоминки П. [4]) розны П. [5]) кислици П. К. [6]) коржи П. К. [7]) розны П. К. [8]) вытребеньки П. К. [9]) іорши П. К.

30.

Ажъ [1]) ось зъ нечевья вбѣгъ Меркурій
Засапавшися до богѣвъ, [2])
Прискочивъ, мовъ котище [3]) мурій [4])
До сырныхъ въ маслѣ пирогѣвъ. [5])
„Ге, ге! оттутто [6]) загулялись,
Що вже отъ свѣта отцурались,
Діяволъ ма вамъ и стыда!
Въ Сициліи таке творится, [7])
Що вже вамъ треба подивится, [8])
Тамъ крыкъ, [9]) мовъ пѣдступа [10]) Орда“.

[1]) якъ П. К. [2]) богивъ П. К. [3]) котыще П. К. [4]) мурый П. К. [5]) пирогивъ П. К. [6]) отъ-тутъ-то П. К. [7]) творитья П. К. [8]) подивитця П. К. [9]) крикъ П. К. [10]) пидступа П. К

31.

Боги почувши зашатались,
Изъ неба виткнули носы,
Дивитися воны [1]) хватились,
Якъ жабы лѣтомъ изъ росы.
Энтелль [2]) такъ дуже [3]) храбровався,
Ажъ до сорочки весь роздягся,
Даресу совавъ въ нѣсъ [4]) кулакъ,
Даресъ извомпивъ сѣромаха,
Бо бувъ Энтель самый тѣмаха, [5])
Якъ чорноморскій злый козакъ.

[1]) дивитись на бойцивъ П. К. [2]) Ентеллъ П. К. [3]) сильно П. К. [4]) нисъ П. К. [5]) не певна птаха П. К

32.

Венеру [1]) за виски хватило,
Якъ глянула, що тамъ Даресъ,

Ѣй дуже се було не мило,
Сказала: „батечку Зевесъ,
Дай моему Даресу силу, [2])
Іому хвоста щобъ не вкрутили,
Щобъ вѣнъ [3]) Энтелля [4]) поборовъ!
Мене тогдѣ [5]) ввесь свѣтъ забуде,
Колы [6]) Даресъ живый не буде,
Або хоть буде [7]) нездоровъ".

[1]) Венерю П. [2]) силы П. К. [3]) винъ П. К. [4]) Ентелла П. К. [5]) тогди П. К. [6]) коли П. К. [7]) зроби, щобъ бувъ Даресъ П. К.

33.

Тутъ Бахусъ пьяный обизвався,
Венеру [1]) лаяты [2]) начавъ,
До неи съ кулакомъ совався
И такъ изъ пьяна ѣй сказавъ:
„Пѣди [3]) лишъ ты къ чортамъ, плюгава,
Невѣрна, пакосна, халява,
Нехай изсливне [4]) твѣй [5]) Даресъ,
Я за Ентелля [6]) самъ вступлюся,
Якъ зъ неба до іого спущуся, а)
То не заступить и Зевесъ.

[1]) Венерю П. [2]) лаяти П. К [3]) пійди П. К. [4]) изслызне П. К. [5]) твій П. К. [6]) Ентелла П. К.

а) Якъ бильше ще понатягнуся П.

а) Якъ билшъ сивухи натягнуся К.

34.

Чи знаешъ, вѣнъ [1]) якій парнище,
На свѣтѣ трохи есть такихъ,
Сивуху такъ, якъ воду, [2]) хлище,
А я кохаюсь въ парняхъ [3]) сихъ.
Та [4]) вже залье за шкуру сала,
Ни неня въ ваньвѣ [5]) не скупала,
Якъ вѣнъ [6]) Даресовѣ задасть.

Уже хоть якъ ты не вертися,
Зъ [7]) своимъ Даресомъ попростися,
Бо припада [8]) іому пропасть".

[1]) винъ П. К. [2]) брагу П. К. [3]) я въ паробкахъ кохаюсь П. К. [4]) да П. К. [5]) въ бразѣ П. К. [6]) винъ П. К. [7]) съ П. К. [8]) прійдется П. К.

35.

Зевесъ до речи сей дочувся,
Языкъ на силу повернувъ,
Вѣнъ [1]) отъ горѣлки ввесь обдувся
И грѣзно [2]) такъ на ихъ гукнувъ:
„Мовчѣть! [3]) Чого вы задрочились,
И іонъ же якъ закомезились? а)
Я дамъ вамъ заразъ тришія!
Нихто въ кулачки не мѣшайся, [4])
Конця [5]) отъ самихъ дожидайся,
Побачимъ, возьметь то чія.

[1]) винъ П. К. [2]) гримко П. К. [3]) мовчить К. П. [4]) не мѣшайтесь П. К. [5]) конца П.

а) Чи то и въ мене розходились? П. К.

36,

Венера [1]) облизьня [2]) пѣймала, [3])
Слiозьки [4]) пустила изъ очей
И, якъ собака, хвѣстъ [5]) пѣджала, [6])
Пѣшла [7]) къ порогу до дверей,
Изъ [8]) Марсомъ у куточку стала,
Зъ Зевеса добре глузовала,
А Бахусъ пѣнненьку лигавъ,
У Ганны—медова [9]) пуздерка
Утеръ трохи не пѣввѣдерка, [10])
Напивсь и тѣлко [11]) що кректавъ.

[1]) Венеря П. [2]) облизня П. К. [3]) піймавши П. К. [4]) слизки П. К. [5]) хвистъ П. К. [6]) пиджавши П. К. [7]) пишла П. К. [8]) и съ П. К. [9]) изъ Ганнимедова П. К. [10]) не зъ пиввидерка П. К. [11]) тилько П. К.

37.

Якъ межъ 1) собой боги сварились,
Въ раю попившись въ небесахъ,
Тогдѣ 2) въ Сициліи творились
Велики тяжко 3) чудеса.
Даресъ отъ страху оправлявся
И до Энтеля 4) пѣдобрався, 5)
Цибульки давъ 6) іому пѣднѣсъ (sic). 7)
Энтель отъ ляписа здрогнувся, 8)
Ажъ на ногахъ поколихнувся, а)
Трохи не попуствивъ и слѣзъ. 9)

1) мижь П. К. 2) тогди П. К. 3) дуже П. К. 4) Ентелла П. К. 5) пидбирався П. К. 6) цибульки бъ дать П. К. 7) пидъ нисъ П. К. 8) здригнувся П. К. 9) слизъ П. К.

а) Развивъ изъ пять перевернувся П. К.

38.

Розсердивсь сей 1) и разярився, 2)
Ажъ пѣну зъ рота попуствивъ,
И саме въ мѣру пѣдмостився, 3)
Въ високъ Дареса затопивъ.
Зъ очей ажъ искры полетѣлы 4)
И очи ясны соловѣлы, 5)
Сердечный у бурьянъ 6) упавъ,
Чмелѣвъ 7) довгенько тамъ вѣнъ 8) слухавъ
И землю носомъ смачно 9) нюхавъ
И дуже жалобно стогнавъ.

1) розсердився К. 2) розъярився П. К. 3) пидмостився П. К. 4) полетѣли П. К. 5) соловѣли П. К. 6) объ землю П. К. 7) чмеливъ К. 8) дуже П. К. 9) рывъ и П. К.

39.

Тутъ всѣ Энтелля 1) вихваляли, 2)
Эней съ панами реготавъ, 3)

Съ Дареса жъ дуже глузовали.
Що силою вѣнъ [4]) вихвалявсь.
Звелѣвъ Эней іого пѣдняты [5])
На вѣтеръ [6]) и [7]) поколихати,
Щобъ вѣнъ отъ ляписа прочхавсь, а)
Энтелліовѣ [8]) жъ давъ на табаку [9])
Трохи не цѣлую гривняку
За те, що такъ сей [10]) показавсь.

[1]) Ентелла П. К. [2]) выхваляли П. К. [3]) Еней П. реготавсь П. К. [4]) винъ П. К. [5]) Еней П. пидняти П. К. [6]) на вѣтрѣ П. К. [7]) щобъ П. К. [8]) Ентелловѣ П. К. [9]) кабаку П. К. [10]) винъ П. К.

а) Отъ ляпаса, и щобъ прочхавсь.

40.

Эней [1]) же симъ не вдоволившись, [2])
И ще гуляты [3]) захотѣвъ
И, цупко пѣнной напившись,
Медведѣвъ [4]) привести звелѣвъ.
Литва на трубы затрубыла, [5])
Медведѣвъ [6]) заразъ испинила, [7])
Заставила ихъ танціовать.
Сердечный звѣрь [8]) перекидався,
Плигавъ, [9]) вертѣвся и качався.
Забувъ и бжолы [10]) пѣддирать. [11])

[1]) Еней П. [2]) вдоволнившись П. К. [3]) гуляти П. К. [4]) медведивъ К. [5]) засурмила П. К. [6]) медведивъ К. [7]) зъупинала П. К. [8]) звѣръ К. [9]) плыгавъ П. К. [10]) бджолы П. К. [11]) пиддырать П. К.

41.

Якъ панъ Эней [1]) такъ забавлявся,
То лиха вже собѣ не ждавъ,
Не думавъ и не сподѣвався,
Щобъ хто зъ богѣвъ [2]) та [3]) кучму давъ.
Но те Юнона коверзнула [4])
И мѣтью [5]) зъ неба [6]) дременула, [7]) а)

Щобъ заразъ учинить ярмѣсь: [8])
Набула безъ панчѣхъ [9]) патинки, [10])
Въ Ирисины пѣшла [11]) будинки, [12])
Бо хитра се [13]) була, якъ бѣсъ.

[1]) Еней П. [2]) зъ богивъ П. зъ олимпских К. [3]) ту П. [4]) повернула П. К. [5]) митью П. [6]) таки П. [7]) коверзнула П. [8]) ярмисъ П. К. [9]) панчихъ П. К. [10]) патынки П. К. [11]) пишла П. К. [12]) будынки П. К. [13]) ся П. К.

а) И въ головѣ такъ коверзнула К.

42.

Пришла, Ирисѣ пѣдморгнула, [1])
И въ хижу пѣтягли [2]) у двохъ, [3]) а)
И на ухо щось ѣй шепнула,
Щобъ не пѣдслухавъ [4]) якій богъ [5]),
И палцемъ [6]) цупко прикрутила,
Щобъ заразъ все те [7]) изробыть, [8])
И ѣй бы принесла репортъ. [9])
Ириса низько [10]) поклонилась,
Въ рябенькій лѣтникъ [11]) нарядилась,
Побѣгла зъ неба, якъ бы хортъ.

[1]) пидморгнула П. К. [2]) потягли П. [3]) у двухъ П. [4]) пидслухавъ П. К. [5]) духъ П. [6]) пальцемъ П. К. [7]) то П. К. [8]) изробила П. К. [9]) лепортъ П. К. [10]) низко П. [11]) и въ лижникъ заразъ П. К.

а) Черкнули разомъ въ хижу въ двохъ К.

43.

Въ Сицилію якъ разъ спустилась, [1])
Троянски човны де [2]) були.
И межъ [3]) Троянокъ помѣстилась,
Которы човнювъ [4]) стерегли.
Въ кругу [5]) сердеги [6]) всѣ [7]) сидѣли
И кисло на море глядѣли,
Бо ихъ не кликали гулять,
Гдѣ [8]) человѣки ихъ гуляли.

Медокъ, сивуху 9) потягали 10)
Безъ просину 11) недѣль изъ пять.

1) пустилась П. 2) где К. 3) мижъ П. 4) човнивъ П. К. 5) въ кружку П. К. 6) сердечны П. К. 7) си П. К. 8) де П. где К. 9) сивушку К. 10) попивали П. К. 11) просыпу П. К.

44.

Дѣвчата зъ лиха горювали, 1)
Нудило тяжко молодиць,
Лишъ слинку 2) зъ голоду ковтали,
Якъ хочется 3) кому кислиць.
Своихъ Троянцѣвъ 4) проклинали,
Що черезъ ихъ такъ горювали. 5)
Дѣвки кричали на ввесь 6) ротъ:
„Щобъ имъ хотѣлось такъ гуляты, 7)
Якъ хочется имъ дѣвоваты, 8)
Коли бъ замордовавъ ихъ чортъ!“

1) горiовали П. К. 2) слюнку П. К. 3) хочетця П. 4) Тронзцивъ П. К. 5) горiовали П. К. 6) весь П. К. 7) гуляти П. К. 8) дѣвовати П. К.

45,

Троянцѣ завезли 1) зъ 2) собою
Старую бабу, якъ ягу,
Лукаву вѣдьму, злу Берою,
Всю скорчившуюся 3) въ дугу.
Ирися 4) ею 5) изробылась 6)
И, якъ Бероя, нарядилась
И пѣдступила 7) до дѣвокъ.
А 8) щобъ къ нимъ лутче примостится 9)
И предъ Юноной засталится (sic) 10),
То пѣднесла 11) имъ перѣжокъ. 12)

1) везли Троянци П. К. 2) изъ П. К. 3) искорчившуюся П. К. 4) Ириса П. К. 5) нею П. К. 6) изробилась П. К. 7) пидступила П. К. 8) и П. К. 9) примоститься П. К. 10) заслужиться П. К. 11) пиднесла П. К. 12) пирожокъ П. К.

46.

Сказала: „помагай Бѣгъ, [1]) дѣты,
Чого сумуете вы такъ?
Чи не остило вамъ сидѣты? [2])
Отце гуляють наши якъ!
Мовъ божевѣльныхъ [3]) насъ морочать, [4])
Сѣмъ годъ, [5]) якъ по морю [6]) волочать, [7])
Глузують, [8]) якъ хотять, [9]) изъ васъ.
Але зъ другими бахурують, [10])
Свои жъ жѣнки [11]) нехай горують... [12])
Коли же [13]) се водилось [14]) въ [15]) насъ?

[1]) Бигъ П. К. [2]) сидѣти П. К. [3]) божевильныхъ П. К. [4]) морочатъ К. [5]) лѣтъ П. К. [6]) морамъ П. К. [7]) волочатъ К. [8]) глузують К. [9]) хотятъ К. [10]) бахурують К. [11]) жинки П. К. [12]) горюють П. горюють К. [13]) коли П. К. [14]) водилось се П. [15]) у П. К.

47.

Послухайте лишъ, молодицѣ, [1])
Я добрую вамъ раду дамъ,
И вы, дѣвчата бѣлолици,
Зробѣть [2]) кѣнець [3]) своимъ бѣдамъ!
За горе заплатѣмъ [4]) мы горемъ!
А доки намъ сидѣть надъ моремъ?
Прiймѣмось [5]) човны попалѣмъ: [6])
Тогдѣ [7]) вже мусять [8]) тутъ остатся [9])
И нехотя до насъ прижатся: [10])
Ось такъ на лѣдъ ихъ посадѣмъ!" [11])

[1]) молодици П. К. [2]) зробить П. К. [3]) конецъ П. К. [4]) заплатимъ П. К. [5]) прiймимось П. К. [6]) попалимъ П. К. [7]) тогди П. К. [8]) мусятъ П. К. [9]) остатця П. К. [10]) прижатця П. К. [11]) посадимъ П. К.

48.

—„Спасеть [1]) же Богъ [2]) тебе, бабусю,"
Троянки въ голосъ загули,

„Такой бы [3]) рады, наймату́сю,
Мы бъ изгадаты [4]) не моглы“. [5])
И заразъ приступилы [6]) къ флоту
И принялися за роботу
Огонь кресаты [7]) и несты, [8])
Скѣпки, [9]) трѣски, солому, клотчя, [10])
И всяка зъ нихъ була [11]) охоча
Пожаръ щобъ швидче розвесты. [12])

[1]) спасетъ П. К. [2]) Богъ П. К. [3]) такои бъ К. [4]) мы изгадати П. К. [5]) не могли П. К. [6]) приступили П. К. [7]) кресати П. К. [8]) нести П. К. [9]) скипки П. К. [10]) клочья П. К. [11]) була тутъ всяка зъ нихъ П. К. [12]) розвести П. К.

49.

Розжеврѣлось и загорѣлось,
Пѣшовъ [1]) димокъ до самыхъ хмаръ,
Ажъ небо все зачервонѣлось,
Великій тяжко бувъ пожаръ.
Човны и байдаки палалы, [2])
Сосновы поромы трѣщали, [3])
Отъ трѣсковнѣ земля гула. а)
Пока Троянцѣ [4]) оглядѣлись,
Що добре ихъ Троянки грѣлись,
То часть мала човнювъ [5]) була.

[1]) пишовъ П. К. [2]) палали П. К. [3]) трещали П. К. [4]) Троянцы П. К. [5]) човнивъ П. К.

а) Горѣли діоготь и смола П. К.

50.

Эней, пожаръ такій узрѣвши,
Злякався, побѣлѣвъ, якъ снѣгъ,
И бѣгти всѣмъ туда звелѣвши,
Чимъ дужъ до човнѣвъ [1]) самъ побѣгъ.
На гвалтъ у звоны [2]) зазвонилы, [3])
По улицямъ [4]) у бубны [5]) были, [6])

Эней же на ввесь 7) ротъ крычавъ: 8)
„Хто въ Бога вѣрує, рятуйте,
Гасѣть и швидче воду лийте! а)
О 9) хто жъ таку намъ кучму давъ!“

1) човнивъ П. К. 2) дзвоны П. К. 3) зазвонили П. К. 4) улицамъ П. 5) въ клепала П. въ трещотки К. 6) били П. К. 7) Еней П. весь К. 8) кричавъ П. К. 9) а П. К.

а) Рубай, туши, гаси, лій, куйте П. К.

51.

Эней 1) отъ страху съ плигу 2) збывся, 3)
Въ умѣ сердечный 4) помѣшався
И заразъ самъ не свѣй 5) зробывся,
Скакавъ, вертѣвся и качавсь,
И изъ сіого свого задіору,
Пѣднявши 6) голову у 7) гору,
Квѣливъ 8) опаренный 9), мовъ песъ,
Олимпскихъ шпетивъ на всю губу
И неню лаявъ свою любу,
Добувсь и въ ротъ и въ нѣсъ 10) Зевесъ.

1) Еней П. 2) съ плыгу П. К. 3) збився П. К. 4) сердега П. К. 5) свій П. К. 6) пиднявши П. 7) винъ голову пиднявши въ К. 8) кричавъ П. К. 9) опареный П. К. 10) нисъ П. К.

52.

„Гей ты, проклятый старыганю, 1)
На землю зъ неба не зирнешъ,
Не чуешъ, якъ тебе я ганю,
Зевесъ, ни усомъ не моргнешъ?
На очахъ бѣльми 2) поробыл[illegible], [illegible])
Коли бъ до вѣку послѣпились,
Що не поможешъ ты минѣ?
Чи се жъ таки тобѣ не стыдно,
Що пропаду отлишь (sic) 4) не видно,
Я жъ, кажеть 5) людъ, 6) онукъ 7) тобѣ“.

1) стариганю П. К. 2) бѣльма П. К. 3) поробились П. К. 4) отъ лишь П. К. 5) кажуть П. кажутъ К. 6) люде П. К. 7) внукъ П. К.

53.

„А ты жъ зъ сѣдою бородою,
Пане добродѣю Нептунъ,
Сидишъ, мовъ демонъ, пѣдъ 1) водою
Изморщившись, старый шкорбунъ?
Коли бъ струхнувъ хоть головою
И сей пожаръ заливъ водою—
Трезубець щобъ тобѣ зломивсь!
Ты басарынки 2) любишъ браты, 3)
А людямъ въ нуждѣ 4) помогаты 5)
Не дуже, бачишъ, 6) поспишывсь".

1) пидъ П. К. 2) базаринку П. К. 3) брати П. К. 4) въ нужѣ П. 5) помагати П. К. 6) бачу П. К.

54.

И братѣкъ 1) вашъ Плутонъ поганець,
Изъ Прозерпиною засѣвъ,
Пекельный, гаспидскій 2) поганець, 3)
Ище себе тамъ не нагрѣвъ?
Засѣвъ въ 4) братерство изъ бѣсами
И въ свѣтѣ нашими бѣдами
Не погорюе ни на часъ,
Не посилкуется 5) ни мало,
Щобъ такъ палиты перестало,
И щобъ отсей 6) пожаръ погасъ."

1) братикъ П. К. 2) гаспидцькій П. К. 3) коханець П. К. 4) завѣвъ П. завивъ К. 5) посылкуется П. К. 6) оцей П. К.

55.

„А 1) ненечка моя рѣдненька 2)
У чорта десь теперъ гуля,

А може спить [3]) уже пьяненька,
Або съ хлопьятами ганя.
Теперъ ий, [4]) бачу, не до солы, [5])
Уже пѣдтикавши [6]) десь полы,
Гарцюе [7]) добре навѣсна,
Коли сама съ кимъ не ночуе,
То для когось уже швашкуе, [8])
Для сіого тяжко поспѣшна."

[1]) и П К. [2]) родненька П. ридненька К. [3]) спитъ К. [4]) ѣй П. К. [5]) соли П. К. [6]) пидтикавши П. К. [7]) фурцюе К. [8]) свашкуе П. К.

56.

„Да вже иносе (sic) [1]) що хотѣте,
Про мене те [2]) собѣ робѣть,
Мене на лѣдъ не посадѣте, [3])
Пожаръ лишъ тѣлко погасѣть, [4])
Зевередуйте по своему
И будьте ласкавы [5]) моему
Зробѣте [6]) лиховѣ кѣнець, [7])
Пустѣть [8]) лишъ съ неба веремѣю [9])
И покажѣте [10]) [11]чудесѣю,)
А я вамъ пѣднесу [12]) ралець."

[1]) да врагъ бери васъ П. К. [2]) то П. [3]) посадите П. К. [4]) погасите П. К. [5]) ласковы П. К. [6]) зробите П. К. [7]) кинецъ П. конець К. [8]) пустить П. К. [9]) веремію П. К. [10]) покажите П. К. [11]) чудасію П. К. [12]) пиднесу П. К.

57.

Тутъ тѣлко [1]) що перемолився
Эней и ротъ свѣй [2]) затуливъ,
Якъ ось изъ неба дощъ полився,
Въ годину и [3]) пожаръ заливъ.
Бурхнуло зъ неба, мовъ изъ бочки,
Що промочило до сорочки,

То драла въ ростичь [4]) всѣ дали.
Троянцѣ [5]) стали такъ, [6]) якъ хлюща,
Имъ лучилася не всипуща,
Не рады [7]) и дощу булы.

[1]) тилько П. К. [2]) Еней П. свій П. К. [3]) весь П. К. [4]) ростычь П. К. [5]) Троянци П. К. [6]) всѣ П. К. [7]) неради П. К.

58.

Не знавъ же, на яку ступиты, [1])
Эней [2]) и тяжко горевавъ,
Чи тутъ остатись, чи поплиты? [3])
Бо врагъ не всѣ човны побравъ. [4])
И мѣтью [5]) кинувсь до громады
Просить у ней собѣ [6]) порады,
Чого собою не збагне. [7])
Тутъ довго тяжко рахувалы [8])
И кѣлко [9]) не коверсовалы, [10])
Та [11]) все було, що не оне.

[1]) ступити П. К. [2]) Еней П. [3]) поплыти П. К. [4]) забравъ П. К. [5]) митью П. К. [6]) собѣ у ѣй П. К. [7]) вбагне К. [8]) раховали П. К. [9]) свилько П. К. [10]) ни коверзовали К. ни не коверзали П. [11]) да П.

59.

Одинъ зъ троянскои громады
Насупившися все мовчавъ
И дослухався [1]) до порады,
Цѣпкомъ все землю колупавъ.
Се бувъ пройдисвѣтъ [2]) и непевный
И всѣмъ вѣдьмамъ бувъ родичъ кревный,
Упирь [3]) и знахирь [4]) ворожить,
Отъ трясцѣ гарно вмѣвъ шептаты [5]) а)
И кровь [6]) мирянску [7]) замовляты
И добре греблю знавъ [8]) гатить.

[1]) дослухаючись порады П. дослухавшись до К. [2]) пройдысвѣтъ П. К. [3]) упырь П. упыръ К. [4]) знахуръ П. К. [5]) шептати П. [6]) кровъ П. [7]) христьянську П. К. [8]) знавъ гребли П. К.

а) Умѣвъ и трясцю отшептати К.

60.

Бувъ въ Шлюнскому вѣнъ изъ [1]) воламы,
Не разъ ходивъ за сѣлью [2]) въ Кримъ,
Таранью [3]) торговавъ возамы, [4])
Всѣ чумаки браталисъ съ [5]) нимъ.
Вѣнъ [6]) такъ здавався и нѣкчемный, [7])
Та бувъ розумный, якъ пѣсменный, [8])
Слова такъ сипавъ, [9]) якъ горохъ,
Уже объ чѣмъ [10]) пораховаты,
Що росказать, іому вже даты,
Ни вчѣмъ [11]) не бувъ страхополохъ.

[1]) бувавъ и въ Шлюнскому зъ П. К. [2]) силью П. К. [3]) тарани П. К. [4]) возами П. К. [5]) зъ П. [6]) винъ П. К. [7]) неникчемный П. [8]) письменный П. К. [9]) сыпавъ П К [10]) въ чимъ бачъ [11]) въ чѣмъ П. въ чимъ К.

61.

Невгесомъ всѣ іого дражнили, [1])
По нашому жъ то звавсь Охрѣмъ, [2])
Минѣ такъ люде говорылы, [3])
Самому жъ незнакомый сынъ. [4])
Сей узрѣвъ, [5]) що Эней журився, [6])
До іого заразъ пѣдмостився, [7])
За бѣлу рученьку узявъ, [8])
А [9]) вивѣвши [10]) іого у сѣнѣ, [11])
Самъ уклонивсь [12]) іому [13]) въ колѣны, [14])
Таку Энею [15]) рѣчь сказавъ:

[1]) дразнили П. К. [2]) Охримъ К. [3]) говорили П. К. [4]) винъ К. незнакомъ бувъ винъ П. [5]) побачивъ П. К. [6]) Еней П. гнѣвився П. К. [7]) пидмостився П. К. [8]) и взявъ К. [9]) и П. К. [10]) вывивши П. вывѣвши К. [11]) сѣны П. К. [12]) поклонився К. [13]) ажъ К. [14]) въ колѣни П. К. [15]) Енею П.

62.

Чого ты дуже [1]) зажурывся
И такъ надувся, мовъ [2]) индыкъ,
Зовсѣмъ охлявъ и занудився,
Мовъ по болотовѣ куликъ?
Чимъ бѣлшъ [3]) журитись, то [4]) все гѣрше, [5])
Заплутаешся въ лѣсѣ [6]) бѣлше, [7])
Покинь лишъ горе и заплюнь! [8])
Пѣды, [9]) вкладися гарно спаты, [10])
А послѣ будешъ и гадаты, [11])
Спочинь та вже тогдѣ [12]) мѣркуй."

[1]) сильно П. К. [2]) якъ П. К [3]) бильшъ П. билшъ К. [4]) журитися К. [5]) гирше П. К. [6]) въ лисѣ К. [7]) билше П. К. [8]) заплюй П. К. [9]) пиди П. К. [10]) спати П. К. [11]) гадати П. К. [12]) тогди П. К.

63.

Эней, послухавши [1]) Охрѣма, [2])
Укрывшись [3]) на полу лѣгъ [4]) спать,
Полупавъ [5]) тѣлко [6]) що [7]) очима,
Не мѣгъ [8]) ни крихты задрѣмать.
На всѣ боки перевертався,
До люлки [9]) разѣвъ [10]) три приймався,
Зъ немѣгшись (sic) [11]) мовъ и задрѣмавъ,
Якъ ось Анхизъ іому приснився,
Изъ пекла батечко явився
И сыновѣ таке сказавъ:

[1]) послухавши Еней П. [2]) Охрима К. [3]) укрившись П. К. [4]) лигъ П. К. [5]) но лупавъ П. К. [6]) тилько П. К. [7]) все П. К. [8]) могъ П. К. [9]) люльки П. К. [10]) разивъ П. К. [11]) знемигся П. К.

64.

„Прокинься, милое [1]) дитятко,
Пробуркайся и проходись,
Се твѣй [2]) прійшовъ до тебе батко, [3])

То не полохайсь, [4]) не жахнись.
Мене боги къ тобѣ послалы [5])
И такъ сказаты [6]) приказалы, [7])
Щобъ вже ты бѣлше [8]) не журывсь: [9])
Пошлють къ тобѣ [10]) щасливу долю,
Щобъ учинывъ [11]) ты божу волю
И швидче въ Римъ переселивсь".

[1]) милее К. [2]) твій П. К. [3]) батько П. К. [4]) сполохайсь П. К. [5]) послали П. К. [6]) сказати П. К. [7]) приказали П. К. [8]) билше П. К. [9]) журивсь П. К. [10]) пошлють тобѣ П. К. [11]) учинивъ П. К.

65.

„Зберы [1]) всѣ човны, що остались,
И гарно заразъ ихъ поправъ, [2])
Придержъ своихъ, щобъ не впивались,
И сю Сицилію оставъ, [3])
Пливы [4]) и не журысь, [5]) небоже,
Уже тобѣ скрѣзь [6]) буде гоже.
Та ще послухай, щось скажу,
Щобъ въ пекло ты прійшовъ [7]) до мене,
Бо дѣло есть минѣ до тебе,
Я все тобѣ тамъ покажу."

[1]) збери П. К. [2]) оправь П. К. [3]) оставь П. [4]) плыви П. К. [5]) журись П. К. [6]) скризь П. К. [7]) зайшовъ П. К.

66.

„И по олимпскому [1]) закону,
То пекла ты вже [2]) не минешъ,
Бо треба кланятись Плутону,
А то и въ Рымъ [3]) не доплывешъ.
Якусь тобѣ вѣнъ [4]) казань скаже,
Дорогу добру въ Рымъ [5]) покаже,
Побачишъ, якъ живу и я,
А за дорогу не турбуйся

И въ пекло на простець прямуйся,
Пѣшкомъ, не треба и коня."

[1]) олимпському П. [2]) вже ты П. К. [3]) Римъ П. К. [4]) винъ П. К. [5]) Рымъ П. К.

67.

„Прощай же, сывый [1]) голубочокъ,
Бо вже стае на дворѣ свѣтъ,
Прощай, дитя, прощай, сыночокъ!"
И въ землю провалився дѣдъ.
Эней [2]) съ просоня якъ схватився, [3])
Дрижавъ отъ страху и трусився,
Холодный ливея зъ іого пѣтъ. [4])
Вѣнъ, [5]) всѣхъ Троянцѣвъ [6]) поскликавши
И лагодитись приказавши,
Щобъ завтра поплысты [7]) якъ свѣтъ.

[1]) сизый П. К. [2]) Еней П. [3]) схопився П. К. [4]) пить П. К. [5]) и П. К. [6]) Троянцивъ П. К. [7]) поплысти П. К

68.

Къ Ацесту заразъ самъ махнувши
За хлѣбъ подяковавъ, за сѣль, [1])
И такъ [2]) недовго щось побувши,
Вернувся до своихъ вѣдтѣль. [3])
Весь день складались да вбѣрались, [4])
И свѣта тѣлко [5]) що дождались,
То посѣдали на човны.
Эней [6]) же ихавъ [7]) щось не смѣло,
Бо море дуже надоило, [8])
Якъ чумакамъ дощъ [9]) въ осены. [10])

[1]) силь П. К. [2]) тамъ П. К. [3]) видтиль П. К. [4]) вбирались П. К. [5]) тилько П. К. [6]) Еней П. [7]) ѣхавъ П. К. [8]) надоѣло П. К. [9]) дожчъ П. К. [10]) осени П. К.

69.

Венера [1]) тѣлко [2]) що узрѣла,
Що вже Троянцѣ [3]) на човнахъ,

Къ Нептуну на поклонъ побѣгла,
Щобъ не втопивъ ихъ на човнахъ (sic). [4])
Поѣхала въ своимъ рыдванѣ, [5])
Мовъ сотника якого панѣ, [6])
Баскими конями, якъ звѣрь, [7])
Изъ [8]) кѣнными [9]) проводниками,
Зъ тріома [10]) назадѣ козаками,
А конѣ [11]) правивъ машталѣръ. [12])

[1]) Венеря П. [2]) тилько П. К. [3]) Троянци П. К. [4]) у волнахъ П. К. [5]) ридванѣ П. К. [6]) пани П. К. [7]) звѣръ П. К. [8]) и съ П. К. [9]) кинными П. К. [10]) трома П. К. [11]) кони П. К. [12]) машталиръ П. К.

70.

На іому була бѣла [1]) свита
Изъ шаповальского сукна,
Тясомкою кругомъ обшита,
Сѣмъ кѣпъ [2]) стоялася вона.
Набакирь [3]) шапочка стрѣмѣла, [4])
Далеко дуже червонѣла,
Въ рукахъ же долгій [5]) бувъ батѣгъ, [6])
Нимъ [7]) грѣмко [8]) ляскавъ вѣнъ [9]) изъ лиха,
Скакали конѣ [10]) безъ отдыха,
Ридванъ, [11]) мовъ вихорь, [12]) въ полѣ бѣгъ.

[1]) бѣла була П. К. [2]) кипъ П. К. [3]) на бакиръ П. К. [4]) стрѣмила П. К. [5]) довгій П. К. [6]) бтигъ П. К. [7]) имъ П. К. [8]) гримко П. К. [9]) винъ П. К. [10]) конн П. К. [11]) рыдванъ П. К [12]) вихоръ П. К.

71.

Пріѣхала, заторохтѣла, [1])
Кобылячча мовъ [2]) голова.
Къ Нептуну въ хату полетѣла, [3])
Въ весну [4]) якъ зъ вирею [5]) сова,
И не сказавши ни пѣвслова, [6])
„Нехай“ каже, „твоя здорова
Бува, Нептуне, голова!“

Якъ навѣжена, [7]) прискакала,
Нептуна въ губы цѣловала,
Говорячи таки слова:

[1]) загримотѣла К. [2]) якъ П. [3]) улетѣла П. К. [4]) такъ П. К. [5]) вирію П. К. [6]) нивслова П. К. [7]) навижена П.

72.

„Коли, Нептунъ, минѣ ты дядько,
А я племенниця [1]) тобѣ,
То [2]) ты жъ минѣ крещеный батько,
Спасибѣ [3]) заробы [4]) собѣ:
Моему поможи Энею, [5])
Шобъ вѣнъ [6]) зъ ватагою своею,
Щасливо ѣздивъ по водѣ:
Уже и такъ пополякалы [7]),
На силу бабы отшепталы, [8])
Попався въ зубы бувъ бѣдѣ.“

[1]) племинниця П. [2]) да П. К. [3]) спасиби П. [4]) зароби П. К. [5]) Енею П. [6]) винъ П. К. [7]) пополякали П. К. [8]) отшептали П. К.

73.

Нептунъ моргнувши розсмѣявся, [1])
Венеру [2]) сѣсти попросивъ,
И пѣсля неи [3]) облизався,
Сувухи чарочку наливъ.
И такъ ии [4]) почастовавши,
Чого просила—обѣщавши,
Изъ нею заразъ [5]) попрощавсь.
Повѣявъ вѣтръ зъ руки Энею, [6])
Простывсь [7]) сердечненькій съ землею,
Якъ стрѣлочка по морю мчавсь.

[1]) засмѣався П. К. [2]) Венерю П. [3]) писля неи П. К. [4]) ѣи П. К. [5]) и заразъ зъ нею П. К. [6]) Енею П. [7]) простивсь Ц. К.

74.

Паромщикъ ихъ що найглавнѣйшій
Зъ Енеемъ [1]) ѣздивъ всякій разъ,

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„НИВА“

Подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ 1899 г.

52 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ).

12 ТОМОВЪ полнаго собранія сочиненій Н. В. ГОГОЛЯ, которое будетъ весьма значительно дополнено матеріаломъ, не помѣщеннымъ въ послѣднихъ изданіяхъ соч. Гоголя, и будетъ отпечатано на хорошей бѣлой глазированной бумагѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Томъ I. Біографическій очеркъ, В. И. Шенрока.—ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ. Повѣсти: Сорочинская ярмарка. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. Майская ночь, или утопленница. Пропавшая грамота. Ночь передъ Рождествомъ. Страшная месть. Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка. Заколдованное мѣсто. Томъ II. МИРГОРОДЪ. Повѣсти: Старосвѣтскіе помѣщики. Тарасъ Бульба Вій. Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Томъ III. ПОВѢСТИ: Носъ. Портретъ. Шинель. Коляска. Римъ — КОМЕДІИ. Ревизоръ. ТОМЪ IV. КОМЕДІИ: Приложенія къ комедіи „Ревизоръ“.—Женитьба.—ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ и ОТДѢЛЬНЫЯ СЦЕНЫ: Игроки. Утро дѣлового человѣка. Тяжба. Лакейская. Отрывокъ. Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи. Томъ V. Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. Томъ первый. Томъ VI. Приложеніе къ первому тому „Мертвыхъ Душъ“.—Похожденія Чичикова или Мертвыя Души. Томъ второй. Томъ VII. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. Томъ VIII. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями (продолженіе) Томъ IX. Юношескіе опыты.—Арабески Часть I. Томъ X. Арабески. Часть II. Томъ XI. Произведенія, не вошедшія въ первое изданіе „Сочиненій Гоголя“. Томъ XII. Сочиненія, относящіяся ко второй половинѣ 40-хъ годовъ, изданныя послѣ смерти автора.—ПРИЛОЖЕНІЯ: Сганарель, Дядька въ затруднительномъ положеніи.

ДАЕТЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ

одного 1900 года

своимъ подписчикамъ

БЕЗПЛАТНО

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. В. ГОГОЛЯ.

Съ портретомъ, факсимиле и автографомъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“

на годъ со всѣми приложеніями:

Безъ доставки въ СПБ. 5 р. 50 к.

Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Печковской—6 р. 25 к.; 2) Въ Одессѣ, въ книжн. магаз. (Образованіе)—6 р. 50 к.

Съ доставкою въ СПБ. 6 р. 50 к.

Съ перес. во всѣ города и мѣстн. Россіи . . . 7 р.

За границу—10 р. Разсрочка платежа въ 2 и 3½ р.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕР. ПРИЛОЖЕНІЙ“ (романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя статьи и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ „Парижскихъ модъ“ (до 300 модныхъ гравюръ по послѣднимъ фасонамъ лучшихъ мастеровъ).

12 №№ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и выкроекъ въ натуральную величину, (около 600 рисунк. и чертеж).

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1900 г., печатан. красками.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается безплатно

Требованія адресовать въ Главную Контору журн. „НИВА“. С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

хозяйственнымъ запросамъ. Поэтому только въ «Югѣ» печатается множество сообщеній изъ разныхъ уголковъ Херсон. и смежныхъ губерній: за $1^1/_2$ года изданія въ «Югѣ» напечатано болѣе трехъ тысячъ корреспонденцій.

Благодаря такому изобилію свѣдѣній, необходимыхъ для всего населенія Херсонской и смежныхъ губерній, «Югъ» получилъ широкое распространеніе, проникнувъ даже въ такіе «медвѣжьи углы», куда никакія газеты до сихъ поръ еще не заходили.

Отчасти этому способствовали: дешевая подписная цѣна на «Югъ» и льготы въ уплатѣ денегъ, какія въ другихъ газетахъ не допускаются.

Газета «Югъ» выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ. Праздничные нумера снабжены прибавленіями.

Подписная цѣна для гг. иногороднихъ на годъ 8 руб., причемъ деньги могутъ быть уплочены въ разсрочку. Желающіе получать «Югъ» въ разсрочку благоволятъ заявить о томъ письменно въ Главную Контору газеты, препроводивъ

ОДИНЪ РУБЛЬ,

а остальные семь рублей высылать ежемѣсячно: по одному рублю, по два, по три—какъ кто можетъ.

Учрежденія, оффиціальныя и вообще извѣстныя лица могутъ выписать «Югъ» на годъ

ВЪ КРЕДИТЪ.

Желающіе выписать «Югъ» въ кредитъ только посылаютъ въ контору газеты хотя-бы открытое письмо съ указаніемъ своего адреса, срока, съ котораго слѣдуетъ высылать имъ «Югъ» на годъ и времени, когда будутъ присланы подписныя деньги.

Подписываться на годъ можно не только съ 1 января, какъ подписываются на другія газеты, а съ 1 числа каждаго мѣсяца—1 число того-же мѣсяца слѣдующаго года.

Адресъ Главной Конторы газеты «Югъ»: Херсонъ, Греческая ул., домъ № 14,

Редакція газеты «Югъ» весьма интересуется жизнью деревни и ея насущными нуждами, а потому проситъ гг. читателей присылать ей свои сообщенія для помѣщенія ихъ на столбцахъ «Юга». Имена гг. корреспондентовъ составляютъ тайну редакціи. Редакція проситъ гг. корреспондентовъ писать четко и притомъ на одной только сторонѣ бумаги,—такъ удобнѣе для наборщиковъ.

2—3

два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ*.

Запросини до передплати

на третій рик виданя

ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ ВІСТНИК.

В р. 1900 „Літературно-науковий Вістник“ буде виходити під тою самою редакциєю, що й доси, в такім самім обемі і на таких самих умовах.

Редакцийний комітет складають: проф. М. Грушевський, В. Гнатюк і др. Ів. Франко.

За редакцию відповідає В. Гнатюк.

Передплата платна у Львові виносить:

В Австриї з пересилкою на чверть року	5 корон	
„ „ „ „ пів „	10	„
„ „ „ „ цілий рік	16	„
В Росиї „ „ „ „ „	8 рублів.	

В иньших державах по обчисленю пересилки.

Поодинокі книжки коштують по 2 кор.

Першого річника (1898) перші чотири книжки вичерпані; за ціну 6 зл. (6 руб.) можна дістати кн. 5—12, з додатком початків статей, що їх продовженя містять ся в сих книжках. Другий річник можна дістати по ціні передплати.

Редакция і адміністрация у Львові, ул. Чарнецкого ч. 26.

Всякі вплати для Наук. Товариства ім. Шевченка, в тім числї і передплату можна посилати також на адрес книгарні „Кіевской Старины“, Кіевъ, Безаковская 14, котра одержане грошей буде посьвідчувати сторонам друкованими квітками з книги Товариства. В такім разї інтересовані, замовляючи або рекламуючи Вістникъ або иньші книжки з нашого Товариства, зволять прислати в листї такий квітокъ, одержаний від книгарні К. Стар., і все замовлене вишлеть ся їм зараз. Надїємо ся, що таким способом зробимо нашим передплатникам у Росиї велику догідність.

З усякими рекламациями треба звертати ся не до книгарні „Кіев. Старины“, а до адміністрациї Літ.-наук. Вістника.

2) Иллюстрированный журналъ прикладныхъ знаній „Мозаика Новаго Міра“ (24 выпуска), вмѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ.

3) Журналъ „Литературные Вечера Новаго Міра“. 12 ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ книжекъ романовъ и повѣстей для семейнаго чтенія.

4) 12 переплетенныхъ книгъ ежемѣсячнаго журнала „Библіотека русскихъ и иностранныхъ писателей“, въ составъ котораго войдутъ: а) шесть переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій *Ив. Ив. Лажечникова* (т.т. 7—12); б) шесть переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій *Генриха Гейне* (т.т. 7—12).

5) Двѣ роскошно переплетенныя книги, ежемѣсячнаго иллюстрированнаго изданія „Живописная Россія“, посвященныя описанію Южнаго Поволжья и Уральской области.

Лица, желающія получить въ 1900 году при „Новомъ Мірѣ“, „Мозаикѣ“ и „Литературныхъ Вечерахъ“ за этотъ годъ всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій Ив. Ив. Лажечникова, всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій Генриха Гейне и, вмѣсто 2-хъ, четыре изящно переплетенныя книги „Живописной Россіи“, посвященныя описанію: 1) Внутренняго Нестепного пространства, 2) Донско-Каспійской области, 3) Южнаго Поволжья и 4) Уральской области, уплачиваютъ за годовое изданіе „Новаго Міра“ со всѣми вышеперечисленными приложеніями, вмѣсто 14-ти руб.,—26 рублей (заграничные подписчики 36 рублей).

Кромѣ подписки на журналъ съ приложеніями за два года, редакція „Новаго Міра“, по примѣру прошлаго года, рѣшила допустить для желающихъ замѣну объявленныхъ приложеній прошлогодними, а именно, взамѣнъ второй половины соч. Лажечникова и Гейне, желающіе могутъ получить въ 1900 году первую половину сочиненій этихъ писателей; вмѣсто же двухъ книгъ „Живописной Россіи“ за 1900 годъ,—двѣ книги того-же изданія, выпущенныя въ 1899 году, т. е. посвященныя описанію Внутренняго Нестепного пространства и Донско-Каспійской области.

Гг. подписчиковъ, желающихъ воспользоваться правомъ выбора премій, взамѣнъ объявленныхъ на 1900 годъ, просятъ заявлять о своемъ желаніи при самой подпискѣ на журналъ, излагая свое желаніе по возможности на отдѣльномъ листкѣ бумаги.

Годовая подписная цѣна „НОВОМУ МІРУ“ со всѣми приложеніями и преміями, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи—**14 р.** Роскошное изданіе—**18** рублей. За границу—**24** руб., роскошное изданіе—**28** рублей.

Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 руб., остальныя же деньги могутъ высылаться, по усмотрѣнію подписчика, ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку безплатныя преміи высылаются только по уплатѣ всей подписной суммы.

Подписка на „НОВЫЙ МІРЪ" и объявленія принимается въ конторахъ журнала, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостиный Дворъ, № 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, № 12, а также въ редакціи „Новаго Міра", въ С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 16 линія, собственный домъ, №№ 5—7.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

(32 годъ изданія)

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ ОДЕССѢ

ЕЖЕДНЕВНУЮ БОЛЬШУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ"

политическую, экономическую и литературную.

Одну изъ самыхъ большихъ и распространенныхъ на югѣ Россіи.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО

СЪ ЕЖЕДНЕВНЫМИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Стяжавъ себѣ за 31 годъ существованія „единственной русской газеты на югѣ Россіи". „Новороссійскій Телеграфъ" и впредь намѣренъ сохранить всецѣло свой обликъ, т. е. остаться независимымъ русскимъ органомъ—независимымъ какъ отъ внѣшнихъ теченій и вѣяній, такъ и отъ внутреннихъ партійныхъ поползновеній и проявленій. Независимость эта обусловливаетъ собою вѣрнѣйшее достиженіе тѣхъ цѣлей, къ которымъ должна стремиться каждая серьезная газета.

Газета, по нашему,—не прилавокъ, не мелочная лавочка съ девизомъ „чего изволите", а могущественнѣйшая каѳедра, съ которой кружокъ лицъ, воодушевленныхъ одной общей идеей, однимъ общимъ стремленіемъ къ той или иной высокой цѣли, руководитъ обширной аудиторіей (въ лицѣ читателей), открываетъ ей путь къ познанію текущихъ міровыхъ явленій и событій, освѣщаетъ ихъ надлежащимъ свѣтомъ и такимъ образомъ создаетъ обширный трудъ единомышленниковъ, твердыхъ въ своихъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ на окружающій міръ и происходящія въ немъ явленія.

„Нов. Тел." за все время своего существованія (31 годъ) игралъ именно эту роль—руководящаго органа и, конечно, всѣми силами будетъ стараться поддержать вѣковое свое значеніе и въ будущемъ году.

Изъ столичныхъ литературныхъ силъ въ газетѣ принимаютъ участіе: Н. П Аксаковъ, г-жа Барвинокъ Е. В. (псевд.), Г. И. Бутми, князь Д. П. Голицынъ (Муравлинъ), А. И. Кирпичниковъ (проф.), А. А. Коринфскій, В. С. Лихачевъ, Мордвинъ, (псевд.), Г. Т. Полиловъ, А. Сѣдой (А. П. Чеховъ), Сѣверцовъ (псевд.). Вл А. Тихоновъ, А. Ходневъ, С. Ѳ. Шараповъ и С. С. Шабишевъ. Изъ мѣстныхъ литературныхъ силъ: А. И. Алмазовъ, (проф.), Е. А. Арбенина (псевд.), А. Ф. Воеводскій (проф.), Джекъ (псевд.), П. И. Компанъ, М. А. Кривцовъ, А. А. Лебединцевъ, Г. О. Лифшицъ, Н. Н. Мальцевъ, Печоринъ (псевд.), В. М. Пуришкевичъ, М. Д. Сидоренко (прив.-доц.), И. Ф. Синцовъ (проф.), А. Ѳ. Федоровъ (проф.), Н. Е. Чижовъ (проф.), П. Н. Шейминъ (прив.-доц.), И. Л. Яворскій (проф.) и др.

ЕЖЕДНЕВНЫЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

возникли на почвѣ стремленія—выдѣлить изъ газеты рисунки и весь матеріалъ, не носящій срочнаго злободневнаго характера, но тѣмъ не менѣе представляющій глубокій интересъ для всякаго читателя. Такимъ образомъ, естественно, въ приложенія отошли: беллетристика, стихотворенія, полезныя свѣдѣнія, разныя разности и юмористически-анекдотическій элементъ съ каррикатурами.

Въ такомъ видѣ приложенія, въ количествѣ не менѣе 300 въ годъ, составятъ къ концу года два громадныхъ иллюстрированныхъ тома съ массой интереснаго чтенія, полезныхъ свѣдѣній и забавныхъ мелочей, не теряющихъ своего значенія и чрезъ десятокъ лѣтъ.

Въ настоящее время въ приложеніяхъ ежедневно безъ перерывовъ печатается романъ графа Л. Н. Толстого.

„Воскресеніе“

Всѣ новые подписчики получатъ начальныя главы романа въ отдѣльныхъ оттискахъ и, такимъ образомъ, будутъ имѣть полный романъ нашего знаменитаго писателя.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На 1 годъ—14 р., на 6 мѣс.—7 р., на 3 мѣс.—3 р. 60 к., на 1 мѣс.—1 р. 20 к.

Такса за объявленія:

На 1-й страницѣ за строку петита 20 к., на 4-й страницѣ за строку петита 10 к. за каждый разъ. Въ иллюстрированныхъ приложеніяхъ по 50 к. за строку.

Подписка на газету и пріемъ объявленій принимаются въ главной конторѣ по Ришельевской ул., въ д. Кестнера № 46.

Редакторъ-Издатель *Г. А. Липинскій.*

1—3

ОБЪ ИЗДАНІИ
КІЕВСКИХЪ
Университетскихъ Извѣстій
въ 1900 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части — 1) оффиціальную п протоколы, отчеты и т. п. 2) неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами — *критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія извѣстія въ 1900 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ **В. Иконниковъ.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVIII.

1900 г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ І-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVIII.

1900 г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900.

Дозволено цензурою. Г., Кiевъ, 14 февраля 1900 года.

Къ біографіи А. П. Стороженка.

(Свѣдѣнія изъ его формуляра, его письма и литературныя мелочи).

Исполнившееся 7 ноября минувшаго 1899 г. 25-лѣтіе со дня смерти извѣстнаго малорусскаго писателя А. П. Стороженка, умершаго 7 ноября 1874 г., вызвало въ печати нѣсколько статей и замѣтокъ, касающихся литературной дѣятельности и біографіи Стороженка. Къ сожалѣнію, однако-жъ, до сихъ поръ мы не имѣемъ полнаго собранія его сочиненій. Печатавшіеся въ 1861 и 1862 г.г. въ журналѣ „Основа" талантливые малорусскіе разсказы его были, правда, собраны въ отдѣльномъ изданіи, вышедшемъ въ С.-Петербургѣ въ 1863 г., въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: „Українські оповідання", но изданіе это давно уже составляетъ библіографическую рѣдкость. Изданная въ 1879 г. въ Одессѣ повѣсть Стороженка „Марко проклятый" также давно разошлась въ продажѣ. А между тѣмъ малорусскія произведенія Стороженка всегда находили обширный кругъ читателей и до настоящаго времени, благодаря художественному юмору и прекрасному, чисто народному языку, которымъ Стороженко владѣлъ въ совершенствѣ, сохранили ту прелесть и интересъ, которые надолго обезпечиваютъ имъ распространеніе въ публикѣ. Послѣ смерти Стороженка были, какъ мнѣ извѣстно, желающіе издать его малорусскіе разсказы, но почему-то всегда

встрѣчали затрудненія, не зная, кто изъ далекихъ родственниковъ его имѣетъ право разрѣшить новое изданіе. Только въ недавнее время потребность въ новомъ изданіи сочиненій Стороженка отчасти удовлетворена, благодаря совершенно неожиданному содѣйствію А. Суворина, извѣстнаго книгоиздателя и редактора „Новаго времени".

Это изданіе Суворина „Украиньски оповидания О. Стороженка", по всей вѣроятности, поставило его въ немалое затрудненіе. Оно перепечатано очевидно съ изданія 1863-го года, но это изданіе было напечатано господствовавшимъ въ то время малорусскимъ правописаніемъ — *кулишивкою*, а тутъ Суворину пришлось встрѣтиться съ требованіемъ „общепринятаго русскаго правописанія", къ тому же, вѣроятно, ни наборщика, ни корректора, знающихъ малорусскій языкъ, у Суворина не нашлось—и въ результатѣ появилось изданіе съ такимъ неправильнымъ правописаніемъ и съ такою массою ошибокъ, что чтеніе прекрасныхъ разсказовъ Стороженка въ изданіи Суворина крайне затруднительно. Но какъ бы то ни было, потребность въ новомъ изданіи разсказовъ Стороженка, благодаря Суворину, хотя отчасти удовлетворена. Было бы весьма желательно, чтобы и русскія произведенія Стороженка, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. романъ „Братья близнецы", разсказъ „Сотникъ Петро Серпъ" и нѣкоторые другіе, печатавшіеся въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ г.г. въ русскихъ журналахъ, нашли издателя, такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ произведеній Стороженка не лишены интереса и для настоящаго времени.

До сихъ поръ также мы не имѣемъ сколько-нибудь обстоятельной біографіи Стороженка, которой онъ, несомнѣнно, заслуживаетъ, какъ одинъ изъ видныхъ представителей малорусской литературы въ шестидесятыхъ годахъ. Едва ли впрочемъ и возможна такая біографія въ настоящее время, при крайней скудости біографическихъ матеріаловъ. Желательно поэтому, чтобы лица, близкіе къ Стороженку или случайно имѣющіе у себя матеріалы, касающіеся жизни и литературной дѣятельности его,

озаботились опубликованіемъ ихъ. Въ этихъ видахъ печатаю имѣющіеся у меня матеріалы, оставшіеся по смерти одесскаго книгопродавца В. И. Бѣлаго, предпосылая имъ нѣсколько объяснительныхъ строкъ.

Въ 1872 году умеръ въ Одессѣ книгопродавецъ Григорій Ивановичъ Бѣлый. Друзья и знакомые его пожелали почтить достойнымъ образомъ полезную дѣятельность его, какъ книгопродавца и издателя, въ особенности же его преданность и любовь къ дѣлу народнаго образованія, и порѣшили устроить въ память его народную школу на Среднемъ фонтанѣ въ 6 верстахъ отъ Одессы, гдѣ онъ раньше содержалъ народную школу на свои собственныя средства. Съ этою цѣлью братъ покойнаго, Василій Ивановичъ Бѣлый, къ которому перешелъ книжный магазинъ, предположилъ издать малорусскій литературный сборникъ, предназначивъ выручку отъ продажи сборника на усиленіе средствъ для устройства и содержанія той школы. По совѣту земляковъ, В. И. Бѣлый обратился между прочимъ и къ Стороженку съ просьбой принять участіе въ предположенномъ сборникѣ. Стороженко въ то время проживалъ въ своей усадьбѣ Тишинѣ близъ г. Бреста, состоя предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ посредниковъ и предводителемъ дворянства. Съ чувствомъ живѣйшаго участія отнесся Стороженко къ этому приглашенію Бѣлаго — и такимъ образомъ между ними завязалась весьма дѣятельная переписка. Всѣхъ дошедшихъ къ намъ писемъ Стороженка къ Бѣлому осталось 17, изъ нихъ первое отъ 13 декабря 1873 г., а послѣднее писано 21 октября 1874 г., т. е. за 16 дней до смерти Стороженка. Кромѣ этихъ писемъ, въ бумагахъ, оставшихся по смерти Бѣлаго, сохранился также „Краткій формулярный списокъ“ о службѣ его, доставленный вѣроятно, упоминаемымъ въ письмахъ А. А. Глушановскимъ, который въ сохранившемся письмѣ къ В. И. Бѣлому обѣщалъ ему добыть выписку изъ формуляра Стороженка. Приводимъ нѣкоторыя свѣдѣнія, могущія служить дополненіемъ къ біографіи Стороженка. Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ формулярѣ никакихъ свѣдѣній о воспитаніи Стороженка. Формуляръ начинается сообщеніемъ о томъ, что Стороженко вступилъ на правѣ вольно-

опредѣляющихся въ Нѣжинскій Конно-Егерскій полкъ унтеръ-офицеромъ въ 1824 г. 31 декабря. Затѣмъ изъ формуляра видно, что во время пребыванія въ военной службѣ онъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1829 г., потомъ въ усмиреніи Польскаго мятежа 1831 года, при чемъ дѣйствовалъ въ сраженіи противъ корпуса Ружицкаго, въ преслѣдованіи коего перешелъ въ Галицію и за участіе въ сихъ дѣлахъ, за храбрость и мужество награжденъ орденомъ св. Анны съ бантомъ. Потомъ во время войны 1849 г. противъ „мятежныхъ Венгровъ“ вновь находился въ походахъ и по переходѣ границы Царства Польскаго „слѣдовалъ по Галиціи чрезъ Перемышль, Ржешовъ, Тарновъ, Самборъ, Лембергъ и обратно въ Радзивиловъ“. Въ 1851 г. 13 марта онъ былъ назначенъ для особыхъ порученій при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ, а въ 1854 г. 15 іюня опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій VI кл. при министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Состоя въ этой должности, онъ не разъ былъ командируемъ по весьма важнымъ порученіямъ, какъ напр. въ Москву для открытія виновныхъ въ кражѣ у помѣщика Мусина-Пушкина до 300 тысячъ рублей, въ Рязань для изслѣдованія духовнаго завѣщанія, составленнаго помѣщикомъ Огаревымъ не въ пользу дѣтей своихъ, въ Тверь для обозрѣнія мѣстъ заключенія и т. п. Въ то-же время ему давались и иныя, такъ называемыя „секретныя порученія“, какъ напр. въ 1855 г. по предписанію министра В. Д. возложено было на него „секретное порученіе, по исполненіи коего онъ представилъ донесеніе г. министру“.—По всей вѣроятности, всѣ эти порученія исполнялись имъ успѣшно, потому что вскорѣ онъ былъ повышенъ и приказомъ по министерству В. Д. 9 іюля 1861 г., т. е. во время самаго большаго расцвѣта литературной дѣятельности Стороженка, онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V кл. при министрѣ В. Д. и командированъ приказомъ отъ 23 августа 1861 г. „въ разныя губерніи по особо возложенному на него порученію“, а 6 октября того же года въ г. Москву „по особому секретному дѣлу“. Затѣмъ въ 1864 г. онъ былъ командированъ въ распоряженіе генералъ-губернатора сѣверо-

западнаго края (М. Муравьева), а въ 1868 г. 25 мая по прошенію уволенъ отъ службы, при чемъ по всеподданнѣйшему докладу министра В. Д. Стороженку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника назначена была пенсія 1500 руб. въ годъ. На этомъ и оканчивается „краткій формулярный списокъ". Какъ извѣстно изъ біографіи Стороженка, послѣдніе годы своей жизни онъ состоялъ на службѣ въ должности Брестскаго предводителя дворянства и предсѣдателя съѣзда мировыхъ посредниковъ. Несравненно больше интереса, біографическаго и общественнаго, представляютъ уцѣлѣвшія письма Стороженка къ Бѣлому. Письма эти несомнѣнно удостовѣряютъ, что послѣ изданія въ 1863 г. „Українськіхъ оповідань" Стороженко совершенно прекратилъ свою дѣятельность, какъ малорусскій писатель, и въ послѣдніе 11 лѣтъ своей жизни ничего по-малорусски не написалъ. Присланныя имъ къ Бѣлому XI главъ изъ начатой повѣсти „Марко проклятый" и нѣкоторыя мелочи: байка „Куры та Собака", разсказъ „Вививъ дядька на сухеньке" и побасенка „Чоловикъ та жыто" были написаны имъ еще до изданія „Оповиданій". Даже повѣсть „Марко проклятый", надъ которою онъ такъ много поработалъ, которою онъ вообще былъ доволенъ, говоря въ одномъ письмѣ, что она „выношена имъ подъ сердцемъ" и ссылаясь на лестный отзывъ Гулака-Артемовскаго, даже это произведеніе, начатое имъ въ то время, „когда писалось такъ легко", осталось неоконченнымъ, не смотря на то, что авторомъ выработанъ былъ даже планъ дальнѣйшаго продолженія и окончанія повѣсти. Несомнѣнно, что должны были существовать серьезныя причины, заставившія одного изъ талантливыхъ и плодовитыхъ малорусскихъ писателей 60-хъ годовъ, прекратить литературную дѣятельность. Въ своихъ письмахъ къ Бѣлому, на неоднократные вопросы послѣдняго, Стороженко объясняетъ это, повидимому, различно. Такъ, въ письмѣ № 1 онъ объясняетъ: „когда обрушился на насъ Катонъ (т. е. Катковъ) и благонамѣреннымъ нашимъ дѣйствіямъ придалъ безобразное значеніе сепаратизма, я пересталъ писать", а изъ письма № 5 видно, что его сильно задѣла критическая статья, напечатанная въ „Современникѣ" по

поводу его „Оповиданій", а еще болѣе то, что за него не вступились земляки „восхвалявшіе Марка Вовчка". „Съ тѣхъ поръ я далъ слово прекратить писанье на родномъ языкѣ и, какъ видите, сдержалъ слово", заканчиваетъ Стороженко. Въ сущности же въ объясненіяхъ этихъ нѣтъ противорѣчія. Если принять во вниманіе служебное положеніе Стороженка въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при министрѣ В. Д., постоянно командируемаго то въ распоряженіе генералъ-губернаторовъ, то по „секретнымъ дѣламъ", а также сильное опасеніе Стороженка прослыть „неблагонамѣреннымъ", доходившее до того, что невинную байку „Куры та Собака", написанную имъ очевидно по поводу ожидаемаго освобожденія крестьянъ еще въ 1860 г., какъ и самъ онъ объясняетъ въ письмѣ № 2, онъ долго стѣснялся не только печатать, но и списывать никому не давалъ, опасаясь, что она можетъ быть отнесена кѣмъ-либо къ позднѣйшимъ событіямъ,—то станетъ вполнѣ понятно, что обвиненіе въ сепаратизмѣ, заимствованное Катковымъ изъ еврейской газеты „Сіонъ" и брошенное имъ въ лицо дѣятелей малорусской литературы, должно было произвести особенно сильное впечатлѣніе на Стороженка. Это и была первая по времени и наиболѣе сильная по дѣйствію причина, а затѣмъ уже появившаяся въ 1863 г. критическая статья и задѣтое авторское самолюбіе еще болѣе укрѣпили Стороженка въ намѣреніи его порѣшить съ малорусскимъ писательствомъ. Къ тому же справедливо признать, что и послѣдовавшая служба Стороженка, требовавшая усиленныхъ занятій и частыхъ разъѣздовъ, не благопріятствовала писательству, а въ послѣдніе годы къ этому присоединилось и нездоровье, на которое постоянно жаловался Стороженко. Какъ бы тамъ ни было, но оставивъ литературную дѣятельность, Стороженко не отрѣшился отъ малорусскихъ симпатій. Съ сердечнымъ участіемъ отнесся онъ къ намѣренію Бѣлаго издать малорусскій сборникъ и въ письмахъ своихъ постоянно интересовался литературными малорусскими новинками, присылаемыми ему Бѣлымъ, высказывалъ о нихъ свои замѣчанія, а въ одномъ письмѣ передаетъ благодарность одесскимъ землякамъ за то,

что они считаютъ его „своимъ“ и въ свою очередь проситъ поклониться „нашимъ“. Весьма интересны также сообщаемыя въ письмахъ свѣдѣнія и замѣчанія Стороженка, относящіяся къ современнымъ ему дѣятелямъ малорусской литературы, его мнѣнія о козачествѣ, о малорусскомъ переводѣ Евангелія, о причинахъ паденія „Основы“ и другія сообщенія, имѣющія, несомнѣнно, общественный характеръ.

Въ заключеніе считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу предполагавшагося Бѣлымъ малорусскаго сборника или, лучше сказать, по поводу собранныхъ имъ матеріаловъ такъ какъ изданіе сборника, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, не состоялось. Изъ всего собраннаго матеріала В. И. Бѣлый издалъ только повѣсть Стороженка „Марко проклятый“ (Одесса 1879 г.), въ которую вошли XI главъ, написанныхъ Стороженкомъ, а остальные 5 главъ были составлены издателемъ или кѣмъ-либо изъ земляковъ—этого я не могъ узнать,—но однако жъ по плану, составленному Стороженкомъ и сообщенному имъ въ письмахъ къ Бѣлому. Затѣмъ уже по смерти В. И. Бѣлаго нѣкоторые матеріалы, предназначенные для сборника были напечатаны мною въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, другіе остаются до времени въ моемъ портфелѣ. Между прочимъ во Львовскомъ журналѣ „Літературно-науковий вістник“ напечатаны мною тѣ литературныя мелочи Стороженка, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ къ Бѣлому. Что же касается писемъ Стороженка къ В. И. Бѣлому, извѣстныхъ въ печати только лишь по нѣкоторымъ, весьма краткимъ, выдержкамъ изъ нихъ, то эти письма предлагаю почти въ полномъ объемѣ вниманію читателей „Кіевской Старины“, за исключеніемъ мѣстъ, имѣющихъ частный характеръ, и съ тѣми примѣчаніями, какія мнѣ казалось умѣстнымъ сдѣлать для объясненія писемъ.

М. Комаровъ.

№ 1. *13 декабря 1873 г. Брестъ.*

М. Г. Василій Ивановичъ! Не нахожу словъ выразить Вамъ мою признательность за Ваше любезное вниманіе къ старому

дидугану присылкою книгъ, которыя доставили мнѣ истинное удовольствіе: „по нашому кажучы: полаталы мени душу".

На счетъ повѣсти, Антонъ Андреевичъ[1]) сказалъ Вамъ отчасти только правду, потому что она не окончена, а написано только XI главъ, а еще слѣдуетъ 9. Повѣсть эта въ формѣ поэмы подъ названіемъ „Марко проклятый"—отверженный скиталецъ, котораго за грѣхи не принимаетъ ни земля, ни адъ. Существуетъ у насъ поговорка „товчеться, якъ Марко по пеклу". Стало быть въ изустномъ преданіи народа должна существовать и легенда похожденій Марка, и вотъ 30 лѣтъ отыскивалъ я и собиралъ куски раздробленной легенды и кое-что собралъ. Каждый народъ имѣетъ своего скитальца: французы—вѣчнаго жида Сантенера, Испанцы—Мельмота, у нѣмцевъ и Англичанъ такъ ихъ много, что не перечтешь, у русскихъ—Кощей безсмертный, а у насъ Марко. И кажется нашъ-то Марко заткнетъ за поясъ всѣхъ скитальцевъ. Чтобы придать болѣе живости и разнообразія поэмѣ, я связалъ ее съ войною 1648 года (возстаніе Хмельницкаго). На сценѣ много историческихъ лицъ: Еремія Вишневецкій, езуитъ Залинскій, княжна Корецкая, князь Четвертинскій, Кривонисъ, Павлюга, Гуня, Свитъ и многіе другіе. Началъ я мою поэму въ то время, когда писалось такъ легко, но когда обрушился на насъ Катонъ[2]) и благонамѣреннымъ нашимъ дѣйствіямъ придали самое безобразное значеніе сепаратизма, я пересталъ писать, какое-то равнодушіе къ „ридній мови" выказалось повсемѣстно, и признаюсь Вамъ, охладѣли на столько мои порывы, что я потерялъ всякую охоту къ тому занятію, которое доставляло мнѣ немалое наслажденіе, просто не подымается рука, хоть поэма моя выношена подъ сердцемъ.

---

[1]) А. А. Глушановскій—пріятель Стороженка, который посвятилъ ему одинъ изъ своихъ разсказовъ „Чортова корчма".

[2]) Рѣчь идетъ, по всей вѣроятности, о редакторѣ Московскихъ вѣдомостей Катковѣ, выступившемъ въ 1863 г. съ страстными обличеніями малорусскаго сепаратизма, измышленнаго впервые еврейскою газетою «Сіонъ». (См. ст. «Основа и вопросъ о національности» - Сіонъ 1861 № 10.

Мнѣ кажется, если-бы кто-нибудь взялся составить сборникъ (въ духѣ хаты Кулиша), то я бы охотно передалъ XI главъ, и если землякамъ понравилось бы мое писаніе, то, можетъ быть, когда продлится вѣкъ, и докончилъ. Нашъ старый батько Гулакъ-Артемовскій, прочитавши Марка, своею рукою написалъ: „зъ роду лучшого не чытавъ и до смерти вже не прочытаю". Може старый и шутковавъ, а може й правду казавъ, не мыни се дило ришаты.

Есть у меня еще нѣсколько стихотвореній Гулака-Артемовскаго, 3 псалма, перелож. на малор. языкъ, пародія на упадокъ вѣка и мелкихъ нѣсколько. Эти стихотворенія очень бы украсили сборникъ.

Посылаю 6 р. и прошу прислать соч. 5 т. Гребенки. Ще спасыби Вамъ за Вашу ласку.

Всею душою до Васъ прыхыльный.

А. Стороженко.

Ps. Колы побачыте Ант. Андре: то поклонится та вылайте, що мовчыть.

№ 2. 13 января 1874 г. Брестъ.

М. Г. Василій Ивановичъ! Нужно отдать Вамъ полную справедливость, большой Вы мастеръ баловать старого дида Вашимъ обязательнымъ вниманіемъ. Опять присылка книгъ, весьма интересныхъ по изданію, и задушевныя строки, которыя полаталы мыни душу на новый рикъ. Спасыби Вамъ, добрый земляче, николы не забуду Вашои ласкы. Не знаю вже чымъ Васъ оддякувать и посвящаю Вамъ мою байку „Куры та собака", вылылась вона на папиръ у ти часы, якъ свята правда переважила виковичню неправду и зачарованый людъ зъ быдла зновъ ставъ людомъ. Дуже буду радъ, колы вона Вамъ подобается, никому я іи не дававъ спысовать, хоча й просылы, и до Васъ дійде першому.

Марка перепышу и Артемовского виршы и прышлю Вамъ. Продолжать Марка тяжело, не подымается рука, нужно что

нибудь особенно сильное, могучее, чтобы двинуло поэму впередъ. Бо й старый вже ставъ, морока и зъ тыею службою, подай Боже сылы и те перепысать, що напысано.

Если нужно для сборника, то можно включить Марка, будетъ листовъ на пять печатанныхъ большого формата. Если же вы думаете сборникъ составить на русскомъ языкѣ, то могу служить Вамъ повѣстью на русскомъ языкѣ.

Хотѣлось бы подольше съ Вами побесѣдовать, но времени нѣтъ, завтра открывается рекрутское присутствіе, на цѣлый мѣсяцъ мученія и дѣла много. Поневолѣ нужно отложить бесѣду на дальше, и подяковавшы Васъ ще разъ и пожелавшы усёго того, що вы добрымъ людямъ желаете, остаюсь всею душою преданный

А. Стороженко.

Куры та собака.

У якогось вельможного пана куры збунтувалысь,
Разкудкудахкалысь, розлютувалысь,
Дарма що куры, а такый гармидеръ пиднялы,
Що трохы курныкà у пень не рознеслы.
На ту добу́ де не взялась собака,
Дворôвая, не то що гультипака,
Сьмиленько пидбигла до дверей
И такъ загавкала на курей:
„Тю, дурни!.. Чы вы сказылысь
Чого се такъ вы розбисылысь?..
Невдячни!.. Чы ще мало панъ печется
Объ любенькыхъ своихъ кура́хъ?
Винъ якъ рыба объ лидъ бьется,
Щобъ вы тыхенько куњалы по куткахъ.
Чого вамъ треба оглашенымъ,
Чого бракуе навиженымъ?
Вамъ курныкъ збудувалы и сидала зробылы,
Щобъ васъ тхоры не йилы, не губылы

По мирци въ день проса высыпають,
Повнисеньке корыто воды налывають,
А тилькы заквокала курочка яка,
То заразъ и яечка пидкладають,
Бо у пана, бачъ, думонька така,
Щобъ курячый вашъ ридъ плодывся,
Благоденствувавъ и веселывся"!..
Рябко хотивъ бувъ ще брехаты,
Курамъ тымъ де що доказаты,
Якъ куры усею громадою загомонили,
Заверещалы и заголосылы:
„А щобъ вамъ благоденствие таке
До вику вичного було,
Тоди-бъ побачылы, яке
Насъ горе оплело!..
Що дня десяткамы въ поварню забырають,
Панамъ на обидъ, на вечерю прыправляють.
И рижуть, и скубуть,
И варять и печуть;
Та нехай бы тилькы панамъ,
А то и всимъ чортáмъ!..
А дворня хиба не ласа
До курячого мяса?
А вы, Рябкы,
Не грызетé наши кисткы?..
Такъ колы насъ бережуть,
Годують и стережуть,
То для тіеи тилькы справы,
Щобъ мы смачнійшъ булы въ потрави!
Та нехай бы вже хочъ мовчалы
И байдыкамы насъ не улещалы,
А то ще ту ману у вичи напускають
И тымъ благоденствіемъ докоряють"!..
На видповидь таку Рябко не ставъ уже брехаты,
Та, правду кажучы, ничого було й казаты,

И тилькы прогарчавъ: яки теперенькы чудніи куры сталы:

Бачъ, чого схотилось, щобъ йисты ихъ пересталы!

1860 р. Санжары.

О. Стороженко.

№ 3. 15 февраля 1874 г. Брестъ.

М. Г. Василій Ивановичъ! Причины замедленія въ отвѣтѣ вполнѣ достаточныя. Поздравляю и желаю отъ всей души побольше цвѣтовъ на жизненномъ пути Вашимъ новобрачнымъ.

Нездужаю,—простудился во время встрѣчи Государя и надсадился во время рекрутскаго набора; такъ чтобы по аккуратнѣй изложить все, что слѣдуетъ,—буду писать по пунктамъ.

1. Посылаю Вамъ Марка 4 главы, переписанныя мною,—можете оставить у себя, а остальныя 7 перепишите и пришлите ихъ ко мнѣ, авось, можетъ быть, когда Богъ продлитъ вѣку, да у меня сердце отойдетъ, то можно будетъ и кончить. Во всякомъ случаѣ, если будете издавать сборникъ, о которомъ пишете, то печатайте; развѣ у насъ въ литературѣ мало такихъ примѣровъ, что печатается нѣсколько главъ изъ романа. Въ арабескахъ Гоголя напечатана одна глава изъ его романа Миргор. пол. Глечикъ. [1])

2. Гулака-Артемовскаго только и нашелъ, что посылаю. Было больше, но вѣроятно прикарманили тѣ, которые брали переписывать.

3. Посылаю мой портретъ 1864 года и карточку 1872-го года. Послѣднія таки уцѣлѣли. Въ свою очередь прошу и Вашу карточку, а въ случаѣ неисполненія, также съумѣемъ процессъ съ Вами завести. Я съ нетерпѣніемъ желаю полюбоваться чертами моего любого и щырого земляка, доставившаго мнѣ такъ много утѣшеній на чужбинѣ своимъ привѣтливымъ словомъ.

---

[1]) Вѣроятно изъ романа подъ заг. „Гетьманъ“, гдѣ Миргородскій полковникъ Глечикъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ. См. соч. Гоголя изд. 10 подъ. ред. Н. Тихонравова. Т. V 1889 г. стр. 130.

4. Стороженко, о которомъ вы пишите, двоюродный мой братъ, Андрей Яковлевичъ. [1]) Былъ сначала въ Варшавѣ военнымъ генералъ-полицмейстеромъ, а потомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ. На сына сердился онъ за то, что онъ, бывши уже поруч. Семеновскаго полка, оставилъ гвардію и поступилъ студентомъ въ Дерптскій университетъ. Братъ часто мнѣ на него жаловался: „Не будетъ изъ него никакого прока“, обыкновенно говорилъ онъ, „представь себѣ, поѣхалъ онъ заграницу; я ему на вояжъ далъ 3 т.; что-же ты думаешъ?—возвратился назадъ и привезъ мнѣ тысячу, которую не одолѣлъ издержать. Ну скажи, еслибы наши батьки дали бы намъ грошей, то хиба дулю пидъ нисъ довелось имъ одъ насъ побачить, а грошей выбачай.

5. Спасыби за брошюрку. Только она очень коротка, а предметъ, о которомъ идетъ дѣло, громаденъ.

6. Лышко тяжке съ тимъ генералъ-губенаторствомъ,—розсыпалось воно зъ тимъ нещастнымъ людомъ, що тепереньки деяки не тильки зостаются, якъ А: А: Г. безъ портфеля, а и безъ штанивъ. Шутка-ли содержаніе генер.-губернаторства въ Одессѣ стоило казнѣ около 300 т.... Сколько пришлось челюстей съ зубами положить на полку?

Бачыте, коханый земляче, пишучи до Васъ и хворобу свою забувъ. Пышить, голубчику, та тилькы цуръ не титуловать мене тимъ превосходительствомъ, нехай ёму аби що мижъ нами. Бувайте здорови. Усею душою прыхильный до Васъ

А. Стороженко.

№ 4. 25 февраля 1874 г. Брестъ.

М. Г. Василій Ивановичъ! Любезное Ваше письмо отъ 20 февраля я получилъ очень скоро—22 вечеромъ. Слава Богу, что все получили исправно и остались довольны.

---

[2]) См. о немъ Кіев. Ст. 1896 г. 5, 8 и 10—Очеркъ литературной дѣятельности А. Я. Стороженко—Н. С—ка и Рус. Архивъ 1873 г. т. 2—Воспоминанія объ А. Я. Стороженкѣ—Н. Ушакова.

Здоровье мое по *трохи* поправляется, но еще не выѣзжаю. Не обвиняйте меня въ напрасныхъ жалобахъ на нездоровье,—я страдаю болѣзнію сердца, которое отъ продолжительнаго употребленія (68 лѣтъ) износилось порядочно. Если еще маюсь на свѣтѣ, то силою, данною мнѣ при рожденіи; не такъ давно еще я сгиналъ двугривенные, разгиналъ подковы и носилъ на гору 10 пудовъ. Короче—былъ когда то козакъ, а теперь *казна-що*.

Говорилъ я о сборникѣ, по случаю вашего заявленія издать оный для поддержанія или основанія школы въ память достойной дѣятельности Вашего брата. Впрочемъ, не знаю, понялъ ли я хорошо выраженное Вами въ письмѣ, и писалъ, что Марка можно помѣстить и въ 11 главахъ.

Карточку Вашу ожидаю съ нетерпѣніемъ. Гдѣ Антонъ Андреевичъ и що зъ нимъ *дієцця*?

Поправляйтесь и Вы отъ простуды, та й *бувайте* здоровы.

Всею душою Васъ любящій и уважающій

А. Стороженко.

№ 5. *8 марта 1874 г.*

М. Г. Василій Ивановичъ! Надобно вамъ отдать полную справедливость, большой вы баловникъ: ну скажите на милость, даже стали лакомить меня виноградомъ, *да якимъ солодкимъ якого у насъ и въ Варшави не знайты*. Вышло совершенно по пословицѣ: „не дорогъ твой подарокъ, а дорога твоя любовь", вниманіе. *Спасыби Вамъ, мій друже, за Вашу ласку.*

Отзывы ваши о Маркѣ еще слаще винограда, но, положа руку на сердце, съ полнымъ смиреніемъ заявляю, что особеннаго достоинства и значенія моему творенію, какъ неоконченному, не придаю и не считаю себя въ правѣ принимать незаслуженныя похвалы. Я, кажется, писалъ уже Вамъ, что Марка я выносилъ подъ сердцемъ, а между тѣмъ не кончилъ. Какая тому была причина, я Вамъ признаюсь и да останется это признаніе между нами тайной. Въ 1863 году вышли въ свѣтъ мои украинскія оповидання. Вслѣдъ за ихъ появленіемъ явилась въ Современ-

никѣ,[1]) не критическій разборъ, а просто ругня и наглая ложь. Видно было, что критикъ даже не читалъ оповиданій и не зналъ, что они въ 2 частяхъ.—Я мало обратилъ вниманія на выходку Современника, но возстали другіе, и, представьте, изъ русскихъ, между тѣмъ какъ наши: Кулишъ, Костомаровъ, Бѣлозерскій и tutti quanti, занимались восхваленіемъ Марка Вовчка, а за меня не наёршилась ни одна украинская душа. Съ тѣхъ поръ я далъ честное слово прекратить писанье на родномъ языкѣ и, какъ видите, сдержалъ слово.

Поговоримъ теперь о сборникѣ и о Маркѣ. Разскажу вамъ о планѣ поэмы и еще кой о чемъ.

По моему крайнему разумѣнію, сборникъ долженъ имѣть названіе независимое отъ какой-либо статьи въ немъ помѣщаемой. Назовите сборникъ какъ хотите: Будинокъ, Куринь, де-що, вискребки и т. п., а затѣмъ, что есть, то и помѣщается съ отмѣткою имени автора. Необходимо, чтобы сборникъ составилъ не менѣе 25-ти печатныхъ листовъ, а въ страницѣ 1500 или 1600 буквъ.

Марка печатать 9-ть главъ. 4 главы составляютъ экспозицію и 5 будетъ дѣйствія. Главы: X и XI относятся къ эпизоду, который сгруппируется изъ 5 главъ. Въ этотъ эпизодъ, кромѣ событій, описанныхъ въ X и XI глав., войдутъ слѣдующія произведенія: формированіе Павлюгою (Кобзою) загона, военнаго совѣта о нападеніи на Еремію, размѣщеніе загоновъ на позицію, к. Четвертинскій съ женою попадаютъ въ руки Павлюги, смуты въ загонѣ Вишневецкаго, извѣстія о разбитіи Хмельницкимъ подъ Корсунемъ двухъ гетмановъ, Еремія получаетъ секурсъ 3 т. кварцяного войска; нападеніе на замокъ, битва, появленіе Марка, замокъ взятъ штурмомъ, рѣзня, Еремія бѣжитъ и наконецъ смерть полк. Гуни. Слѣдующій затѣмъ эпизодъ группируется изъ 4 главъ. Въ нихъ войдутъ слѣдующія происшествія: отступленіе Ереміи, который, какъ искусный полководецъ, обманываетъ козаковъ и благополучно переправляется черезъ Днѣпръ, Богданъ Хмельницкій въ Бѣлой-Церкви, его универсалы. Паны, пораженные

---

[1]) Современникъ 1863 г кн. 8: «Русская литература», стр. 129.

паникой, разбѣгаются по своимъ замкамъ и приводятъ ихъ въ оборонительное положеніе. Хмельницкій направляетъ загоны на замки пановъ, Кривоносъ и Павлюга идутъ на Немировъ, резиденцію к. Четвертинскаго. Взятіе приступомъ Немирова, безпощадная рѣзня, убіеніе к. Четвертинскаго, бенкетъ козаковъ. Павлюга (Кобза) женится на княгинѣ Четвертинской. Эти 4 главы основаны на историческихъ фактахъ и подробностяхъ, которыя и теперь еще живутъ въ изустномъ преданіи народа.

Передамъ вамъ хоть вкратцѣ кое-что изъ этихъ преданій, разсказанныхъ мнѣ еще въ 1825 году, во время стоянки нашего полка въ Немировѣ, слѣпымъ 98 лѣтнимъ священникомъ, который на 9 году своего возраста былъ *поводатаремъ* у своего прадѣда, также слѣпого столѣтняго дѣдугана, самовидца Немировской рѣзни, козацкаго бенкета въ замкѣ и распѣвавшаго *Исаія ликуй,* когда вѣнчали Павлюгу (Кобзу) съ к. Четвертинской. Вотъ какъ прадѣдъ передавалъ ему эти интересныя продѣлки героевъ 1648 года.

„За недѣлю до Ильи пришли Вовхурянцы, а тамъ загонъ Павлюги, и осадили Немировъ. Со всей околицы въ городъ собралась шляхта, защитниковъ было довольно, и потому два штурма ляхи отразили съ большою потерею для козаковъ. Въ самый день пр. Ильи, на зарѣ, послѣдовалъ третій штурмъ, и козаки ворвались въ городъ. Кривоносъ съ своими Вовхурянцами метнулся на грабежъ и убійства по городу, а Павлюга направился къ укрѣпленному замку к. Четвертинскаго, окруженному высокою стѣною, вооруженною самопалами, гаковницами и гарматами. Да и задали же козаки лупку шляхтѣ и жидамъ! Болѣе 20 т. лоскомъ положили, не было пощады ни старому, ни малому; рѣзали мать, рѣзали и ребенка на ея груди. На третій день пришли къ Кривоносу Вовхурянцы съ донесеніемъ, что всѣхъ ляховъ и жидовъ вырѣзали,—осталась въ живыхъ только одна жидовка.

— Чому-жъ и еи не зарizалы?—спытавъ Крывонисъ.

— Тамъ така гарна, матери ій лыхо,—одказали козаки, що не пиднялась ни въ одного й рука...

— Якъ бачу, голопузи вы пуцьвирынкы, а не козакы,— скрыкнувъ Крывонисъ,—прыведить лышень іи до мене, такъ побачыте, якъ подыймается рука и на гарну.

Привели жидовку, дѣвушку лѣтъ 17-ти, стройную, поразительной красоты. Свирѣпымъ взглядомъ окинулъ ее Кривоносъ, но и жидовка безъ страха глядѣла ему прямо въ глаза. А когда Кривоносъ, выхвативши саблю, приблизился къ ней, то ея лицо освѣтилось радостною улыбкою; она быстро одною рукою сорвала съ плечъ платокъ, а другою подобрала длинную, чорную какъ гайворонъ косу и, обнаживъ нѣжную шейку, склонила голову передъ Кривоносомъ. Несчастная сама жаждала смерти: все для нея дорогое погибло, осталась только ненавистная жизнь, ожидалъ позоръ.

— Бачъ, чого схотилось,—гримнулъ Крывонисъ, вкладывая въ ножны саблю,—не буде-жъ по твоему.

Жидовка кинулась на колѣни предъ Кривоносомъ и умоляла его убить ее, но Кривоносъ впился въ нее своимъ взглядомъ и, казалось, не слышалъ ея словъ.

— Справди, гарна,—пробормоталъ онъ и, обращаясь къ козакамъ, добавилъ: одвесты въ мій куринь.

Пока Павлюга осаждалъ замокъ, вовхурянцы пьянствовали и дѣлились награбленнымъ имуществомъ, а Кривоносъ, тѣмъ временемъ, возился съ своею жидовкою, *якъ китъ зъ оселедцемъ*. Носа не вытыкалъ изъ своего куреня и не участвовалъ въ бенкетахъ товариства.

Наконецъ, загонъ Павлюги разрушилъ замковую браму и взялъ замокъ на копье. Въ замкѣ попрятались значные паны и духовенство, и въ нѣсколько часовъ все было вырѣзано вмѣстѣ съ жолнерами. Самого к. Четвертинскаго за чубъ вытащили изъ палаца и около крыльца отрубили топоромъ голову. Осталась въ живыхъ только княгиня, которую прибралъ къ рукамъ Павлюга.

Вечеромъ, того же дня, собрались въ замокъ козаки на бенкетъ. Было чѣмъ и угощать: княжескіе кухари готовили вечерю, изъ подвала замка цѣлыми бочками вкачивали въ залы мальвазію, токай, старые меды и рейнское. Когда компанія не-

много подгуляла, на Кривоноса посыпались насмѣшки и язвительные намеки за предосудительную связь его съ жидовкою. Кривоносъ самъ сознавалъ свою вину и ясно видѣлъ, что терялъ своимъ поступкомъ довѣріе товариства. И вотъ онъ рѣшился во-что-бы ни стало, снова возстановить свой авторитетъ. Онъ приказалъ разрядить жидовку въ пухъ и прахъ и привести въ замокъ.

Явилась жидовка разодѣтая въ самое роскошное платье изъ гардероба к. Четвертинской. Длинная коса до колѣнъ была распущена и голова украшалась только вѣночкомъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Чтобы лучше можно было ее разсмотрѣть, Кривоносъ поставилъ ее на столъ по срединѣ залы и самъ сталъ возлѣ нея по правой ея сторонѣ.

— Ось вамъ, паны-молодци, и жыдивка,—крикнулъ Кривоносъ, якъ бачыте, не бороню іи и не ховаю; у кого пидыйметея рука, нехай той и збавыть ій вику!

Козаки сбились около стола и любовались красотою жидовки. Мщеніемъ и кровью насытились они вдоволь, такъ что, если бы теперь привели не то красивую жидовку, а сквернаго жида или ляха, то и на того не поднялась бы ни у кого рука.

— Чого-жъ мовчыте, та зубы скалыте,—съ злобою проговорилъ Кривоносъ, подбирая лѣвою рукою косу,—рижте, стриляйте—на те и прывивъ сюды жыдивку?

— Колы доси не заризалы,—озвалысь де-яки,—дакъ нехай жыветь небога...

— Нехай жыветь, нехай жыветь!..—раздался общій говоръ козачества.

— Ну, дакъ не корить же й мене!..

Съ послѣднимъ словомъ, шваркнула изъ ноженъ сабля, сверкнула, голова жидовки на аршинъ поднялась къ верху, а трупъ, изрыгая фонтаномъ кровь, грохнулся на полъ. Толпа поспѣшно отхлынула назадъ и съ ужасомъ глядѣла на Кривоноса.

— Товарыши,—гаркнулъ Кривоносъ, потрясая саблей,—ся шабля перетяла ланцюги кохання, чы вдержатся-жъ видъ неи лядскіи кайданы?!..

— Ай, отаманъ, ай, отаманъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ. Вовхурянцы кинулись къ своему отаману, сняли его со стола и долго колыхали на рукахъ, восхваляя его геройскій подвигъ.

Бенкетъ продолжался, вино болѣе и болѣе разжигало страсти, и вотъ посыпались насмѣшки и укоризны и на Павлюгу. Не одни Вовхурянцы, а и многіе изъ загона Павлюги потребовали отъ него, чтобы онъ вывелъ передъ товариство свою коханку княгиню и расправился съ нею, какъ съ жидивкою Кривоносъ. Павлюга, не смутясь, отвѣчалъ козакамъ, что на сегодня довольно и одной жидовки, а завтра утромъ выведетъ на замковый майданъ княгиню и порѣшитъ съ нею, какъ Богъ ему на сердце положитъ.

На другой день, съ утра, замковая площадь покрылась козаками и православнымъ народомъ. Ближе къ крыльцу палаца былъ поставленъ аналой съ образами и зажженными свѣчами, а также собралось духовенство съ клиромъ въ полномъ облаченіи. Когда явились отаманы и войсковая старшина, отслужили благодарственный молебенъ за ниспосланную Господомъ побѣду, а потомъ подошелъ къ аналою Павлюга, ведя за руку к. Четвертинскую. Княгиня была въ украинскомъ костюмѣ: въ шелковой плахтѣ, малиноваго бархата шушунѣ, обшитомъ золотыми снурками, а голова украшалась парчевою кибалкою, обвитой тончайшимъ, какъ паутина, серпанкомъ.

Такой красивой пары, разсказывалъ прадѣдъ, ему не приходилось на вѣку встрѣчать. Княгиня только была очень печальна. Слезы ручьемъ лились изъ очей и обливали жемчугъ и самоцвѣты, горѣвшіе на высокой ея груди. Когда обрядъ вѣнчанія совершился, Павлюга обнажилъ свой мечъ-кладенецъ. Козаки съ искаженными отъ ужаса лицами, глядѣли на отамана, у всѣхъ похолодѣло на душѣ, каждый не забылъ еще обезглавленной жидовки.

— Паны-молодци, гаркнулъ Павлюга, указывая на молодыцю,—передъ вами не княгиня, а козачка, жинка моя, просымо поважать іи, а колы якый необачный скрывдыть іи словомъ або

поглядомъ, то я ёму отсіею шаблею также одчешу голову, якъ учора Крывонисъ одчесавъ голову жыдивци!

— Ай, отаманъ!—загудѣла толпа. Шапки полетѣли къ верху и молодыхъ ввели въ палацъ съ почотомъ, и свадьбу отпраздновали какъ слѣдуетъ по обычаю".

Не правда-ли, матеріалъ для повѣсти великолѣпенъ. Въ поэмѣ онъ далъ бы мнѣ золотые страницы.

Остальныя затѣмъ главы посвящаются преимущественно Марку. Страшный его бой съ Кривоносомъ, котораго онъ убиваетъ, а потомъ рядъ христіанскихъ подвиговъ,—истинное поклоненіе, смывающее проклятіе. Поэма оканчивается эпилогомъ.

Записался и заболтался. Возвратимся къ сборнику.

Если украинскаго матеріала не хватитъ на 25 печ. лист., то можно помѣстить статейки и на русскомъ. Можно будетъ обратиться и къ Кулишу,—вѣроятно съ нимъ знакомы,—и попросить у него какую-нибудь стат.: онъ человѣкъ запасный, а коли нѣтъ, то не долго думавши напишетъ.

Присылайте вашу Зозулю, [1])—увѣренъ что она удачна. Богъ въ помощь на рисунки къ Марку; если возможно пришлите адресы, чтобы можно было по нимъ составить понятіе. Я и самъ, какъ художникъ, кое-что маракую по этой части и даже за скульптуру получилъ въ Ак. Худ. медаль, а за проэктъ памятника Нестору лѣтоп. званіе художника.

Не думаю, чтобы можно было встрѣтить какіе-нибудь затрудненія при печатаніи Марка со стороны цензуры. Напротивъ, въ IV главѣ съ такимъ сочувствіемъ говорится о соединеніи Россіи съ Украиною. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ Вамъ лучше знать, гдѣ печатать. Вы спрашиваете меня объ условіяхъ въ случаѣ печатанія. Предоставляю это вамъ самимъ рѣшить, съ

---

[1]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, о популярной пѣснѣ П. И. Нищинскаго «Закувала та сыва зозуля», напечатанной затѣмъ въ 1886 г. въ музыкальной пьесѣ П. И. Нищинскаго подъ заг. «Вечерныци» — Кіевъ, изд. Б. Корейво.

однимъ только условіемъ, чтобы вознагражденіе было самое умѣренное и незначительное. Всѣ гонораріи, которые я получаю, не принадлежатъ мнѣ, а моимъ бѣднымъ.

Не откажите сообщить, какой эфектъ произвелъ на слушателей при чтеніи 28 страницы?

Отъ всей души благодарю за поклоны и за то въ особенности, что назвали меня—бобыля своимъ. Теперь и я попрошу Васъ поклониться *нашимъ*.

Написалъ бы я вамъ и о своемъ кумѣ, (?) котораго мнѣ Богъ послалъ въ Брестѣ, написалъ бы и о Гюпферахъ, (?) съ которыми въ 1865 г. возился въ Таврической губерніи, но утомился и дальнѣйшее писаніе отлагаю на дальше.

Карточки ожидаю съ нетерпѣніемъ да не Вашу одну, а всего Вашего семейства.

Бувайте здорови. Всею душею прихильный А. Стороженко.

Гулаку - Артемовскому очень не нравилось направленіе украинской литературы, направленной къ восхваленію *козащины*, вызванной въ краѣ бѣдствіями и преслѣдованіемъ православія, козащины, принесшей съ собою и панство, и крипатство и въ настоящемъ времени потерявшей всякое политическое и соціальное значеніе. Въ посланіи къ Пантелеймону Александровичу Кулишу Артемовскій очень мѣтко, съ свойственнымъ его таланту юморомъ, посмѣялся надъ всѣми козако-любцами минувшаго времени. Вотъ оно, переданное мнѣ авторомъ и писанное собственною его рукою.

До П. А. К.

Тай хвацька жъ то колысь була,
Ковацькая наша маты,
Эге... була, та поплыла,
Іи не вертаты.
Не слынь, Паньку, и не журысь,
Бо й слизъ пожальсь, Боже,
Наймы псалтыръ та помолысь—
Журба не поможе.

Ткны попови коповыка,
На содухы въ церкви,
Щобъ лежалы мовчака,
Въ сирій земли мертви.
Тай ты зъ попомъ хочъ у кулакъ,
Прохлыпай партесне, [1])
А щожъ робыть, що сталось такъ,
Царство ій небесне!...

Гулакъ-Артемовскій.

Это стихотвореніе будетъ золотою страницею для сборника.

№ 6. *13 марта 1874 г.*

М. Г. Василій Ивановичъ! Послѣдними письмами мы както разошлись. Едва отправилъ къ Вамъ мою обширную эпистолу, какъ получилъ отъ Васъ письмо и табакъ.

Насчетъ карточекъ мнѣ болѣе ничего не остается, какъ благодарить добрыхъ моихъ земляковъ за желаніе имѣть мое изображеніе. А что касается до окончанія Марка, то къ тому, что писалъ Вамъ въ предыдущемъ письмѣ, прибавляю: что съ 1863 г. по 1870 сильно меня понукало продолжать; не знаю, какъ смогъ я удержаться отъ этого литературнаго давленія, но съ 70 года успокоился и за послѣдніе 3 года многое даже вывѣтрилось изъ выношеннаго подъ сердцемъ.

Переводчикъ *Золотаренки* плохо владѣетъ языкомъ, „Де що про козацство и украину" тоже неудачно. Кто это Л. Б.? [2])

Антонъ Андреевичъ всегда былъ падокъ на барынь, но былъ довольно акуратенъ и въ перепискѣ съ друзьями, а теперь какъ то разбаловался. Когда увидитесь съ нимъ, пожурите, и какъ заѣдетъ ко мнѣ въ Тишинъ, ѣхавши на сенаторство въ

---

[1]) Нотное пѣніе.—Примѣчаніе въ подлинникѣ.

[2]) Въ 1874 г. издана была въ Кіевѣ книжечаа: „Ниженськый полковникъ Иванъ Золотаренко. Повисть Е. Гребинкы. Перевивъ Л. Б. Зъ додаткомъ „Де-що про козацство и Украину", которая, вѣроятно' и послана была В. И. Бѣлымъ А. П. Стороженку, какъ новинка.

Варшаву, то я приготовилъ ему наказаніе, такую ему покажу землячку, что у него и очи рогомъ полизуть.

Здоровье мое поправилось, но старость сама по себѣ есть уже болѣзнь. Не думайте, чтобы я былъ мнителенъ, я никогда о себѣ не хлопоталъ и умирать готовъ хоть сію минуту. Такова, видите, козачья натура. Поберегайте Ваше здоровье, у Васъ семейство: есть для кого жить и работать, а я вильный козакъ: жилъ-жилъ а потомъ взялъ да и умеръ!

Почтеннѣйшему Вашему семейству свидѣтельствую мой нижайшій поклонъ. Ожидаю карточекъ.

Будьте здоровы и благополучны. Всею душою преданный

А. Стороженко.

№ 7. *1 апрѣля 1874 г.*

Христосъ Воскресъ! Достойнѣйшій и многоуважаемый Василій Ивановичъ:

Желаю Вамъ всего лучшаго на свѣтѣ, въ томъ числѣ, въ особенности, здоровья и охраны отъ надувалъ. Странно, всегда и мы себя и другіе обвиняютъ тѣхъ, которыхъ надули, а не тѣхъ, которые надуваютъ. „Зачѣмъ, говорятъ, довѣрили"? Да какъ же можно жить на свѣтѣ не вѣривши...

Благодарю Васъ за совѣты лѣченія, но они мнѣ не принесутъ пользы. У меня просто аневризма въ сердцѣ, произшедшая отъ контузіи 2 маія 1829 года подъ Журжою. Въ Парижѣ мнѣ сказали медики: „старайтесь съ этимъ недугомъ жить". Вотъ я и стараюсь, хотя иногда и плохо приходится. Въ 1863 г. наши украинско-литературныя дѣла вовсе не были въ дурномъ положеніи въ отношеніи правительства. Это мнѣ достовѣрно извѣстно потому, что я былъ дѣйствительнымъ и довѣреннымъ лицомъ Валуева. Валуевъ —человѣкъ умный, и прозорливый; онъ очень хорошо понимаетъ, что наше писанье никакого вреда не могло причинить Россіи. „Основа" же прекратилась въ слѣдствіе неспособности и несостоятельности редактора Бѣлозерскаго и такихъ ярыхъ сотрудниковъ какъ Кулишъ, вооружившихъ зем-

ляковъ своими непослѣдовательными статьями противъ Котляревскаго, Гулака, Полуботка и проч. Въ 1863 году за сепаратизмъ сильно досталось Каткову и строго запрещено писать. Это произошло вотъ по какому случаю. При обыскѣ, въ Вильно, одного патріота, отыскали по 200 экземпляровъ (Московскихъ вѣдомостей о сепаратизмѣ) каждаго (3 №) номера и при нихъ, письмо еще неотправленное. Въ этомъ письмѣ писалось въ Парижъ: „Посылаю Вамъ по 200 № каждаго № для распространенія, чтобы вы могли убѣдиться, какъ быстро разлагается Россія. Въ справедливости писаннаго не сомнѣваюсь, потому что это статьи извѣстнаго публициста Каткова, человѣка преданнаго правительству и Россіи." Вотъ М. Н. Муравьевъ и поднялся на дыбы, и тогда Катковъ много грязи съѣлъ. Стегали же Каткова немилосердно въ 62 и 63 годахъ Костомаровъ и Мордовцевъ, и вовсе того не было, о чемъ разсказывалъ Вамъ докторъ Задирака. (?)

Если для сборника не хватмтъ на 25 л. то можно уменьшить число буквъ на страницахъ и листа на 2 въ толщину. Не нужно ли Вамъ статей на русскомъ языкѣ?

Съ нетерпѣніемъ ожидаю Вашихъ карточекъ. Что рисунки изъ Марка? а также Зозуля?

Всему Вашему семейству низкій поклонъ и дружескій привѣтъ. Бувайте здоровы та не лайте, що такъ пышу швыдко и не до шмыгы.

Всею душою прыхыльный А. Стороженко.

№ 8. *16 мая Брестъ.*

Многоуважаемый Василій Ивановичъ! Разъѣзды по уѣзду, для устройства помѣщеній для нашего бездомнаго духовенства съ причтами, поглотили много времени и лишили меня возможности писать къ Вамъ. Забравшись на полѣсье, во время сильныхъ и продолжительныхъ дождей и холодовъ, принужденъ былъ по недѣлѣ сидѣть на мѣстѣ. Еще на бѣду взялъ съ собою Складчину, надѣясь найти въ ней какое либо равлеченіе, но

оказалось, что эта богопротивная складчина, [1]) отвратительнѣй полѣсскаго болота. Да, надобно отдать справедливость нашимъ литераторамъ: удрали такую штуку, учинили такой позоръ, что и читатели за нихъ краснѣютъ. За то стиховъ, стиховъ, а говорятъ у насъ поэтовъ нѣтъ. Но да проститъ ихъ Богъ, если они не преподали духовной пищи, то накормили матеріально сотню другую голодающихъ.

Вы также довгенько помалчивалы; я уже безпокоился за Ваше здоровье, мнѣ даже сонъ снился, что я съ Вами видѣлся и физіономія Ваша такъ врѣзалась въ мою память, что и теперь Васъ вижу: сѣдые волосы довольно коротко острижены, глаза каріе благодушные; привѣтливая улыбка; росту средняго, немного сутуловатый. [2]) Въ сертукѣ коричневого цвѣта съ бархатнымъ чорнымъ воротникомъ. Представилъ Васъ другой мущина лѣтъ за 30, въ черномъ сертукѣ съ зеленоватыми большими глазами, немного носъ съ горбомъ.

— Прошу полюбить,—сказалъ онъ, В. И. Бѣлаго; вотъ онъ передъ Вами на лицо.

— Опоздали съ предложеніемъ,—отвѣчалъ я,—я уже давно полюбилъ В. И., какъ родного.

На этомъ меня разбудили. Я увѣренъ, что карточка Ваша будетъ похожа на Васъ, какъ видѣлъ во снѣ. Это со мною не разъ въ жизни случалось.

Спасыби Вамъ за брошюру, только она ужъ черезчуръ безцвѣтна и юмора въ ней очень мало. Такія вещи не легко писать, они рѣдко удаются.

Въ іюнѣ или іюлѣ пойдетъ мой романъ въ Русск. Вѣстникѣ „Былое не минувшее", и еще другая забавная повѣсть, которую пристроилъ въ Петербургѣ.

По возвращеніи изъ поѣздки опять хворать началъ. Здоровье очень оплошало; кости просятся на покой. На долго ли и когда поѣдете въ Петербургъ?

---

[1]) Литературный сборникъ „Складчина", изданный въ пользу голодающихъ.

[2]) Въ общемъ портретъ В. И. Бѣлаго довольно вѣрный.

Ожидаю карточки. Вылайте А: А: Глушановскаго чомъ винъ не йиде у Варшаву. Теперечки дуже великій моръ на губернаторивъ и богацько вакансій, колы Коцеба, якъ зовуть ёго у Варшави, знае его за чоловьяку чесного и розумного.

Кланяюсь Вашимъ, не забувайте старого дида, усимъ серцемъ до Васъ прыхильного А. Стороженко.

№ 9. *7 іюня 1874 г.*

Многоуважаемый Василій Ивановичъ! Изъ послѣдняго письма моего Вы знаете причину молчанія и, конечно, сомнѣнія Ваши разсѣялись. Кромѣ самой сильной благодарности и пріязни за Ваше ко мнѣ вниманіе, я другого, враждебнаго, чувства не могу къ Вамъ питать. Вотъ и теперь все хотѣлъ писать къ Вамъ, а тутъ дѣла по воинской повинности озаботили меня до такой степени, что всѣ дѣла пришлось бросить. Бѣда! все теперь валятъ на предводителей дворянства, а средствъ никакихъ не даютъ.

Что это Вы все хвораете? Дѣло другое я: мнѣ 68 лѣтъ и хоть у меня и отекли ноги, но я все еще движусь и не жалуюсь.

Валуевъ никогда не просилъ Костомарова оставить всякое участіе въ украинской литературѣ, да и никого объ этомъ не просилъ, а совѣтовалъ ему прекратить устройство школъ исключительно для одного малорус. языка. Костомаровъ былъ избранъ тогда собирателемъ доброхотныхъ приношеній на укранск. школы. Очень понятно, что въ то время устройство подобныхъ школъ могло вызвать со стороны Каткова и ком. новые нелѣпые предлоги къ сепаратизму. Вы пишете, чтобы я попросилъ Костомарова что-нибудь для сборника. Напишу ему, но предваряю, что надежда плоха. Какъ беллетристъ, Костомаровъ, очень плохъ, особенно же на малорусск. языкѣ, всѣ же его ученыя статьи теперь довольно велики, и онъ болѣе не пишетъ маленькихъ, какъ прежде. Кромѣ того лѣнивъ въ перепискѣ, и случалось

такъ, что отвѣчалъ мнѣ на письма, когда я писалъ Кожанчикову, отъ чего нѣтъ отвѣта.

О книжкѣ Нечуя [1]) ничего не слыхалъ, много обяжете приславши. Изъ Москвы получилъ пренепріятное письмо. Печатаніе моего романа *Былое не минувшее* отложено, на томъ основаніи, что въ Р. В. шелъ романъ изъ польс. револ. Крестовскаго „Двѣ силы". Водили почти годъ и ничего не вышло, еще протянули на полъгода. Бувайтежъ здоровы та не забувайте старого дида. Нызенько кланяюсь Вашымъ. Всею душою прихыльный

А. Стороженко.

№ 10. *22 іюня 1874 г.*

Многоуваемый Василій Ивановичъ! Не гнѣвайтесь за продолжительное молчаніе. Безпрестанные разъѣзды причиною тому. Ѣздилъ въ Варшаву во время пребыванія Государя, а потомъ въ Вильну, попрощался съ Потаповымъ, которой назначался Шефомъ Жандармовъ. Потомъ, какъ водится теперь со мною *занедужавъ*, а тамъ наѣхали добрые люди и, ударивши лихомъ объ землю, вспомнили былое и провели ;время незамѣтивши, какъ оно промелькнуло.

Милое Ваше вниманіе, достойнѣйшій Василій Ивановичъ, и безчисленныя одолженія такъ велики, что, право, не припомнишь за что и благодарить слѣдуетъ. Благодарю за соч. Нечуя; явленіе въ нашей родной литературѣ весьма отрадное. Благодарю и за карточки; только какъ я ни приглядывался, а сходства между ними никакого: 62 года, похожъ на нѣмца а послѣдній настоящій типъ украинскій--козарлюга хоть куда.

Жаль мнѣ Милорадовички; славная вона пани, съ душою теплою и щирою. Во время оно, когда еще волочился, я написалъ ей въ альбомъ и сравнилъ ее съ нашею матерью Украиной. Не помню всего стихотворенія, а Украину я представилъ въ слѣдующихъ очертаніяхъ.

---

[1]) Вѣроятно: «Повисти Ивана Нечуя», Т. I у Львови: 1872. (Двп московки. Причепа. Рибалка Панасъ Круть).

Була гарна наша маты,
Значна, сановита,
Сынимъ небомъ заквитчалась,
Зъ стѐпу сукню мала,
Лиса̀мы вбыралась
И стёжкою блакытною
Въ косы Днипръ вплитала.
Була гарна наша маты,
Пышно, велычаво,
Въ Случи оченькы вмывала,
Въ Чорнимъ мори нижкы
И видъ Дону до Карпата
Слала соби лижко...

—

Ваши слова да Богу въ уши. Якъ бы справди плюнулы въ хату старого дида, велыку радисть прывезлы-бъ съ собою.

Будьте здоровы и благополучны и да пошлетъ Вамъ Господь терпѣніе переносить мелкія невзгоды. Перемелется и все будетъ мука.

Пишите, не забывайте старого дида всею душою Вамъ прихильнаго.

А. Стороженко.

№ 11. *17 августа.*

Достойный и многоуважаемый Василій Ивановичъ! Душевно благодаренъ за присланные Вами *шпаргалы*, относящіеся къ Запорожскому кошу. Они очень интересны, въ нихъ проливается свѣтъ на событія, которыя были поводомъ къ уничтоженію сѣчи, до сихъ поръ еще не разъясненныя какъ слѣдовало бы, нашими историками. У Скальковскаго этотъ предметъ подернутъ тьмою, по нашему *мряковатый*. Намѣреніе мое обработать шпаргалы по возможности, кое-что разъяснить и послать на печатаніе въ Русскую Старину. Одобрите-ли такое рѣшеніе?

Марка получилъ, но при моихъ черновыхъ приложены переписанныя главы. Вѣроятно они присланы по ошибкѣ и не слѣдуетъ-ли Вамъ ихъ возвратить?

Все лѣто я хворалъ, поправлюсь и опять плохо приходится. Къ осени однакожъ мнѣ лучше, сердце успокоилось, отекъ ногъ прошелъ, осталась только худоба, но и это поправляется, есть аппетитъ и кажется прійдется еще помаяться на свѣтѣ.

Августъ у насъ прохладный и скучный; неурожай на фрукты обѣщаетъ самую непріятную осень. Докторъ мнѣ совѣтуетъ побольше ѣсть арбузы и виноградъ, который намъ въ это время въ изобиліи доставляли изъ Венгріи, а теперь и невидать и неслыхать въ привозѣ. Нельзя ли, на мой счетъ, прислать десятка два или три Алешковскихъ *кавуновъ*. Полагаю, у Васъ въ Одессѣ они дешевы и не дорого будетъ стоить доставка черезъ транспортную контору. У насъ за такой кавунъ заплатили-бы 3 р., еслибы нашелся.

Обращусь снова къ шпаргаламъ. Въ молодости у меня было призваніе къ составленію описанія „Послѣдніе дни Запор. сѣчи", но служа въ военной службѣ и не имѣя матеріаловъ подъ рукою, я не въ силахъ былъ осуществить моего желанія. Познакомившись съ Скальковскимъ, я передалъ ему мою мысль, далъ совѣтъ обратиться къ г. Воронцову и просить разрѣшенія проникнуть въ архивы Ек. Губ. правл.; вмѣстѣ съ этимъ я передалъ ему все, что у меня было собрано и написано о Запорожцахъ. Скальковскій въ предисловіи описанія Запор. Коша объ этомъ говоритъ и былъ такъ справедливъ, что не скрылъ этого обстоятельства—черта, какъ видите, весьма похвальная, не все брать на себя, а воздать коемуждо по заслугамъ.

Досвиданія, такъ пишу, бо може й справди побачимось; будьте здоровы, благополучны и незабывайте старого дида всею душою и сердцемъ, хоть больнымъ, Вамъ преданнаго.

А. Стороженко.

Всѣмъ Вашимъ мой низкій и усердный поклонъ.

№ 12 *29 августа 1874 г.*

Многоуважаемый Василій Ивановичъ! Не знаю какъ и благодарить Васъ за Ваше вниманіе; едва только заикнулся, какъ вдругъ, точно по-щучьему повелѣнію, является прекраснѣйшій виноградъ, а въ перспективѣ виднѣются Алешковскіе *кавуны*. Виноградъ дошелъ въ хорошемъ положеніи, испорченнаго оказалось на 5% не болѣе. *Дуже Васъ дякую за Вашу ласку*.

На счетъ Марка, вѣрно я не такъ ясно выразился, въ послѣднемъ письмѣ, что Вы меня не совсѣмъ поняли. Дѣло вотъ въ чемъ: первыя 4 главы, переписаны моею рукою Вамъ, въ вѣчное потомственное владѣніе. Прославши назадъ остальныя 7 главъ, вы приложили къ нимъ и копію, снятую съ нихъ. Вотъ я и спрашивалъ Васъ, и теперь спрашиваю, не по ошибкѣ ли онѣ присланы ко мнѣ и не слѣдуетъ ли мнѣ возвратить Вамъ назадъ?

На счетъ запорожскихъ шпаргаловъ, требуется отъ Васъ болѣе точныхъ инструкцій, на случай чтобы не сдѣлать промаха.

Вотъ что я намѣренъ сдѣлать: снять копію съ шпаргаловъ, по мѣрѣ силъ моихъ, обработать цитатами и поясненіями и отправить въ Рус. Старину, затѣмъ шпаргалы обратить во свояси, т. е. къ Вамъ. Такъ-ли это? Ожидаю Вашей резолюціи.

У насъ до сихъ поръ продолжается засуха; не будетъ ни капусты, ни картофеля. Изъ всѣхъ садовъ въ окрестности, одинъ мой зеленѣетъ и благоухаетъ. За то, чего же это стоитъ, по 10 бочекъ выливаютъ воды, привезенной за 1 $^1/_2$ версты, потому что въ колодцѣ едва держится вода для домашняго обихода. На дняхъ былъ въ Варшавѣ, и немало изумился, когда увидѣлъ Саксонскій садъ совершенно высохшимъ: ни травинки, ни листочка. Представьте, весь садишка состоитъ изъ 3 десятинъ. По срединѣ огромный фонтанъ съ обширнымъ бассейномъ, а шуты допустили такое безобразіе. Не знаю кого винить, но при Бергѣ этого бы не случилось.

Съ наступленіемъ осени, опять начинаю *хирѣть*. За лѣто и на подножномъ корму не совсѣмъ поправился и въ такомъ

положеніи не знаю, перезимую-ли? Каково Ваше здоровье? *Пишите, серденько.*

Свидѣтельствуя мое почтеніе всему Вашему семейству, остаюсь всею душею преданный и любящій.

А. Стороженко.

№ 13. *3 сентября.*

Друже мій мылый, Васылій Ивановычъ! Не журиться, кавуны дойшлы благополучно. Та якы й кавуны, якъ свитъ сонця тутечкы, у Брести, такыхъ не то що не смаковалы, а й не снылось никому. Вчора одного зъилы, товарыство лопало ажъ за ушамы лящало. „Тай прыятель же у васъ у Одесси", озиваются, „пошлы ёму Господь щастя и здоровъя, якъ будете пысать до ёго, то подякуйте и за насъ. Изъ 20 кавун. тилькы одынъ выбовтавсь и два луснулы, а усе жъ такы зъилы ихъ мои домочадци.—Зъ Венгрыи навозять намъ кавуны, за котры плотымо по 2 р. и бильше, и хоть воны и велыкы, та якъ Педора дурни и смаку въ ныхъ нема ныякого, якъ кажуть *съ квасомъ*. Спасыби жъ Вамъ ридный братику, втишылы Вы старого, хворого дида.

Тепереньки скажить, чы багацько я Вамъ вынен за виноградъ и кавуны, бо правду кажучы, дуже вже вы балуете старого. Чого-бъ тилькы винъ не забажавъ, такъ воно и вродытся.

Писали вы мнѣ о Евангеліи, переведенномъ на Малороссійскій языкъ. Не знаю, напечатано-ли оно по той рукописи, которую мнѣ показывалъ Никитенко (членъ Академіи наукъ), когда эта рукопись была послана для просмотра въ Академію. Переводъ хорошъ и точенъ. Были ошибки въ языкѣ, нѣкоторыя я поправилъ, но всѣхъ не могъ исправить, потому что рукопись мнѣ дали всего на 3 дня; успѣлъ только прочесть. Если у Васъ есть въ продажѣ, пришлите мнѣ одинъ экземпляръ. Евангеліе на малор. языкѣ несравненно лучше выходитъ какъ на Рус-

скомъ по той причинѣ, что наша рѣчь ближе къ церковнославянскому тексту.

Повторяю еще мою искреннюю благодарность за Ваше вниманіе. Низко кланяюсь вашему семейству и, пожелавъ вамъ всего лучшаго, остаюсь всею душею преданный и любящій

А. Стороженко.

№ 14. *14 сентября 1874 г.*

Достойнѣйшій и многоуважаемый Василій Ивановичъ! Нечего сказать, черезчуръ уже Вы балуете старого дида, годыте ёму, якъ кажуть, неначе печенои болячкы. Вчора отправывъ къ Вамъ запорожськы шпаргалы, а сёгодня получывъ гостынець—Евангеліе на Малорос. языкѣ, за которое велыке вамъ спасыби. Пробѣжавши на скоро, я вполнѣ удостовѣрился, что это переводъ не тотъ, о которомъ я Вамъ писалъ [1]). Переводчикъ присланнаго Евангелія, не вполнѣ обладаетъ знаніемъ нашего языка и совершенно не знакомъ съ лаконизмомъ украинскимъ, который очень гармонируетъ съ складомъ Евангельскаго текста. Когда будетъ у меня лишнее время, я Вамъ переведу нѣкоторыя главы, увидите тогда разницу по силѣ и точности перевода. Даже заглавіе неправильно „Святе пысьмо", скорѣе можно отнести къ живописи, чѣмъ къ тексту. Малороссъ иначе не скажетъ какъ *Св. писаніе*. Орѳографія также неправильная. Лучше бы сдѣлалъ переводчикъ, еслибы держался Кулишивкы. Впрочемъ и за этотъ переводъ спасыби; онъ очень опрятенъ, жаль только, что мы вынуждены печатать не дома, а чортъ батька зна де у Видню.

---

[1]) А. Стороженко упоминаетъ вѣроятно объ украинскомъ переводѣ Евангелія Ф. Морачевскаго, который въ началѣ 60 годовъ б. представленъ въ духовную цензуру, но не разрѣшенъ къ напечатанію, а В. И. Бѣлый писалъ ему о другомъ переводѣ, кажется П. Кулиша, но изданномъ безъ имени переводчика въ 1871 г. въ Вѣнѣ, подъ загл. Святе письмо.—Евангеліе. Перекладъ украинськый. Виденъ 1871 року. Коштомъ громадськимъ. «О послѣднемъ см. Правда 1874 № 19 и Кіевск. Телеграфъ 1875 № 28.

На счетъ портрета масляными красками нечего и думать. Здѣсь нѣтъ и изрядныхъ живописцевъ, даже и въ Варшавѣ. Фотографія всѣхъ ихъ передушила. Да кромѣ того, послѣ болѣзни *дуже такы змарнивъ*, и доси хирію, трохы поправывся, а тамъ зновъ нахыляе у могылку—не довго вже мени и вештаться по свиту.

При засвидѣтельствованіи всему Вашему семейству моего уваженія, остаюсь всею душою преданный и любящій

А. Стороженко.

№ 15. *26 сентября.*

Многоуважаемый Василій Ивановичъ! Начну и я съ Евангелія; достаточно его просмотрѣлъ. Переводъ ниже всякой критики. Переводчикъ не богословъ и не знатокъ *нашои ридной мовы*. Еслибы подобный переводъ вышелъ въ прошломъ столѣтіи, то его бы сочли еретичнымъ и сожгли бы на площади, до такой степени текстъ извращенъ; въ каждой строчкѣ ошибка, въ каждомъ почти стихѣ извращеніе. Укажу на нѣкоторыя погрѣшности:

Отъ Матѳея, глава 3. Стихъ 3. Слѣдующимъ образомъ долженъ переводиться:

3. Бо се той, про кого сказавъ пророкъ Исаія: гласъ воніющого въ пустыни [1]): Приготовьте шляхъ Господеви, выпростуйте стежки ему (Ис. 40. 3).

Смыслъ этого ст. тотъ, что п. Исаія въ пророчествѣ о приходѣ Спасителя предупреждаетъ, чтобы встрѣтить Его съ вѣрою и для воспріятія ученія уготовали путь Господу и сдѣлали прямыми стези Ему.

---

[1]) Изреченіе это, какъ вошедшее у всѣхъ славянъ въ пословицу, не слѣдуетъ переводить—и безъ перевода понятно.

Посмотрите же, что за ерунда выходитъ въ перекладѣ украинскомъ.

„3. Се ж бо той, про кого казавъ пр. Исаія, глаголючи: Голосъ покликуючого въ пустыни: Прыготовте дорогу Господню, правымы робить стежкы его".

Что выражаетъ этотъ стихъ? Исаія совѣтуетъ людямъ приготовить дорогу Господню и правымы бы сдѣлали стежкы его. Чистѣйшая ересь! Богъ приготовилъ путь Спасителю, и не людямъ, погрязшимъ *въ грѣсехъ, правымы робыть стежкы его.* Къ чему вклеилъ переводчикъ лишнія слова: „глаголючи" и другое дикое *поклыкуючого*?

Евангеліе отъ Св. Іоанна. Глава 1 (а не голова).

Стихъ 5 въ переводѣ:

И *свитло* у темряви свитыть, и *темрява* ёго не обняла. [1])

Переводчикъ не знаетъ, что на малорос. языкѣ есть слова: тьма и свитъ. Темрява никакъ не можетъ замѣнить слово тьма, а свитло свитъ. Свитло означаетъ освѣщеніе, свѣча, каганецъ, лучина. Говорятъ: „батько вернувся до-дому, якъ свитло засвитылы." Шевченко въ своей думѣ „Пустка" пишетъ: Може вернесся изнову въ пустку зимоваты, и натопымъ, и нагріемъ, и свитло засвитымъ".

Переводъ Евангел. весьма трудная вещь; это работа не одного человѣка, а цѣлаго общества. То Еванг., которое застряло въ Академіи Наукъ, весьма хорошо переведено [2]). Очень жаль, что у насъ все худшее всплываетъ на поверхность, а хорошее опускается на дно.

Брошюра Григоровича „Записки антиквара" доставила мнѣ истинное удовольствіе.

—

Потолкуемъ теперь о сборникѣ. Начнемъ съ портрета. Глаза у меня черные съ блескомъ, лицо смугловато, какъ вы-

---

[1]) Слѣдуетъ сказать: «оточила».

[2]) Очевидно, рѣчь идеть о переводѣ Евангелія на малорусскій языкъ Морачевскаго.

ражаются живописцы: „теплый цвѣтъ". Карточки у меня въ запасѣ ни одной.

Печатать Марка, полагаю, нужно IX главъ. IV главы составляютъ экспозицію, а V дѣйствіе. Это дѣйствіе необходимо, чтобы дать понятіе читателю о Маркѣ и дальнѣйшихъ событіяхъ. О географіи не безпокойтесь,—жертвую мою байку на доброе дѣло и доброму человѣку. Пошли Вамъ, Господи, всякого счастья и здоровья.

Куры та собака также разрѣшено, но съ оговоркою отъ редакціи, что басня эта написана еще во время существованія крѣпостной зависимости крестьянъ.

Стихотворенія Гулака-Артемовскаго можно печатать, а также и посланіе Кулишу, но только не припысывать фамиліи.

Немировской рѣзни не печатать. Это будетъ имѣть видъ какого то хвастовства съ моей стороны: *не написалъ, а только похваляется написать.*

Помѣщеніемъ моего портрета при сборникѣ Вы сдѣлаете мнѣ много чести, и съ моей стороны, кромѣ благодарности, болѣе ничего не остается сказать.

Здоровье мое плоховато: то поправлюсь, то снова недугъ усиливается, и такъ исхудалъ, что, какъ говорится, сталъ на себя непохожъ. Если-бы теперь пришлось мнѣ сниматься, то вышелъ бы другой человѣкъ, а не тотъ, который жилъ годъ назадъ.

Изъ Петербурга имѣю свѣдѣнія, что тамъ затѣваютъ ученое изслѣдованіе по случаю 100-лѣт. юбилея зруйнованія коша. Костомаровъ взялся, что-то пишетъ, или собирается писать.

4 книжки Гофмана и о табакѣ получилъ. Надобно Вамъ знать, что я насадилъ у себя въ (неразборчиво) гаванскаго табаку, высшаго достоинства, и хоть у меня садовникъ нѣмецъ auf Рига, но за табакомъ ухода не знаетъ. Не знаю, что выйдетъ; кажется, мы потеряли много времени и не пасынкували до сихъ поръ.

Ничего не пишете о шпаргалахъ, исправно ли они дошли до Васъ?

Доктора совѣтуютъ мнѣ побольше ѣсть винограду, но съ условіемъ, чтобы виноградъ не былъ киселъ. Кислота имѣетъ вредное дѣйствіе на почки. Къ несчастію, намъ привозятъ незрѣлый виноградъ изъ Венгріи (видите ли, не портится), такой кислый, что и здоровому человѣку вреденъ. Будьте ласкови, ридный братику, не забудьте Вашои обицянкы—Акерманьского винограду, та прысылайте бильше; а що коштоватыметь заплатымо зъ великою дякою.

Годи, щобъ ще на пошту не опизныться.

Всѣмъ Вашимъ низко кланяюсь, не хворайте и не падайте духомъ. Ще не разъ зійде сонце и передъ нашимы ворительмы.

Всею душою преданный и любящій

А. Стороженко.

№ 16. *11 октября.*

Глубокоуважаемый Василій Ивановичъ!

Прелюдіи къ введенію воинской повинности на новый ладъ отнимали всякую возможность побесѣдовать съ Вами и отвѣтить на письмо 29 сентября. Настроеніе, вслѣдствіе невзгодъ, *á ton mineur*. Пословица говоритъ: „Терпи, козакъ, атаманомъ будешъ“; крѣпитесь—перемелется и будетъ мука; у меня какое-то предчувствіе есть, что прійдетъ время, когда и *передъ нашимы воритьмы сонце зійде.*

Про недугъ мой скажу Вамъ такъ: я на берегъ, а меня опять въ воду. Поправишься, и опять плохо, сильно исхудалъ, отекъ ногъ то пройдетъ, то снова возобновляется. Страданіе сердца и при этомъ и легочный катарръ, пріобрѣтенный въ Питерѣ. Климатъ здѣшній очень мягокъ и вовсе не сырой, осень теплая, зима слабая. Въ октябрѣ у насъ было въ тѣни 18 и съ 8-го только настали ночи холодныя. Домъ у меня теплый, просторый, садъ въ порядкѣ, и цвѣтники и теперь пестрѣютъ левкоями, гвоздиками, портулакомъ, резеда наново зацвѣла, у Васъ и лѣтомъ такъ не цвѣтутъ.

Дуже дякую, друже мій, за виноградъ—давно такого не йивъ. Ось що Вамъ скажу. Якъ ставъ хырить, то по ночамъ не спалось мыни. Засну въ часъ, а въ тры розбуркаюсь и вже вставай—не влежишъ. Отъ и встанешъ тай сыдышъ до 6 або 7 часу. Якъ же прыслалы выноградъ, то тилькы прокынусь, такъ и злопаю фунта 4, и зновъ лягаю и сплю, мовъ здоровый. Ликарь казавъ, що обужуюсь одъ того, що пустый желудокъ, не зечеряю, бачыте,—апетыту нема. Може воно и такъ.

На счетъ сборника вотъ мое мнѣніе. Книжка озаглавливается:

Сборникъ.

(Можно сказать, на какой предметъ).

О статьяхъ же, которыя войдутъ въ составъ сборника, на заглавномъ листѣ нѣтъ надобности писать. Объ нихъ скажется въ оглавленіи особенномъ, какъ это всегда дѣлается для удобства къ отысканію.

Очень благодаренъ за присылку наставленій по табачной части. Теперь, по милости Вашей, у меня есть все, чтобы сдѣлаться настоящимъ плантаторомъ гаванскаго табаку. Посмотрю, что выйдетъ,—табакъ на видъ очень хорошъ.

Ище дякую за Вашу ласку до старого дидугана. Благаю Господа, щобъ и мени догодыть Вамъ, якъ догождаете вы мени.

Бувайте здоровы та ударьте лыхомъ объ землю—не пиддавайтесь лыхои годыни!

Всѣмъ Вашимъ низко кланяюсь.

Всею душою преданный и любящій

А. Стороженко.

№ 17. *21 октября 1874 г.*

Глубоко уважаемый Василій Ивановичъ! Посылаю Вамъ всего Марка, какъ получилъ отъ Васъ,—робить, що самы знаете, нехай Вамъ Господь поможе.

Прилагаю еще двѣ статейки:

1. Зъ народныхъ устъ, объясненіе присказки. Въ языкѣ подобныя разъясненія очень важны; это въ своемъ родѣ вновь открытый островъ среди океана[1]).

2. Побасенка. Написана она вотъ по какому случаю. Когда, во время оно хлопотали мы объ изданіи учебниковъ для малорос. школъ, предположили издать сборникъ для чтенія школьникамъ, содержанія доступнаго ихъ понятіямъ и вмѣстѣ поучительныхъ для странствованія по морю житейскому. Къ сборнику байка эта была очень пригодна, но годится ли для Вашего—не знаю. Пожалуста не церемоньтесь и если Вашъ Ареопагъ не признаетъ годною, то я нисколько не буду претендовать, потому что и самъ нахожусь въ сомнѣніи, *чы до чмыгы воно буде*. Если и за этимъ еще мало матеріала для сборника, то валяйте и остальныя 2 главы изъ Марка, все-жъ таки прибудетъ на одинъ печатный листъ (16 стран.).

Мы теперь сильно озабочены некрутчиной, а тутъ еще ѣдетъ начальство, потому что Государь на дняхъ проѣзжаетъ изъ Крыма въ Питеръ.

Здоровье мое плоховато; ну, положимъ, я-жъ старый, якъ собака, а Вы чого хыріете? У Васъ есть кому за Вами и доглядить и втишыть, а я одинъ, якъ палецъ, та ще жыву на дачи, неначе въ монастыры, аже и пустельныкомъ мене прозвалы. Содержу душу и тило въ чыстоти, хоть-бы и самому святоши, а не то щобъ волочиться або, нехай Богъ бороныть, ще й ялозыться.

Бувайте-жъ здоровы та не забувайте старого дида. Вашимъ нызенько кланяюсь.

Всею душою Вашъ А. Стороженко.

Вывивъ дядько на сухенькe.

Зъ народнихъ устъ.

Колысь, ще якъ Ляхы орудували Украиною и забывалы на макуху православный людъ, якесь нещасне село прогнивыло свого пана—магната. Не замыслывся магнатъ, що ёму робыты зъ непокирнымы хлопамы й звеливъ зибраты селянъ и десятого одшмагаты канчукамы.

[1]) Разсказъ этотъ печатаемъ въ концѣ письма.

Набиглы на село, неначе татары, челядынци панськи—котолупы, зигналы людей на майданъ и сталы розставляты бидолахъ въ одну стричку. Якъ вже вытяглась чымала стричка, одынъ парубокъ, мабуть спрытный, заразъ побачывъ, що не мынуть ёго канчукы, бо стоить зъ краю двадцятымъ. Озырнувся винъ у другу сторону, подовжъ стричкы, дывытся, ажъ дядько ёго стоить въ калюжи,—зраня, бачыте, дощыкъ ишовъ, такъ въ лощыну и натекла вода. Однакъ заразъ доглядився, що мынае ёго десятокъ.

— Дядьку, а дядьку!—гукнувъ до ёго парубокъ.—Чого се вы сталы въ багни,—чоботы покаляете. Выходьте на сухеньке.

— Де жъ теперечкы—озвався дядько—шукаты того сухенького, стій тамъ, де тебе доля поставыла.

— Та ничого й шукаты, ставайте, де я стою,—одказавъ парубокъ.

— Добрый у тебе племинныкъ,—озвалысь дядькы зъ мырянъ,—за дядьковымы чобитьмы забувъ й про свою шкуру.

Дядько подякувавъ племинныка, та й ставъ на ёго сухеньке мисце, а якъ дійшла до ёго черга, на тимъ сухенькимъ и завдалы ёму мокрои.

Зъ сёго прыпадку и выроилася прыказка, якъ хто кого одурыть, то й кажуть: „Вывивъ дядька на сухеньке“! А якъ трапытся чоловикъ, що чужымы рукамы жаръ загрибае, то знову кажуть: „Отсей чоловикъ выведе дядька на сухеньке“!

О. Стороженко.

ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО
И
ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ.

(Окончаніе [1]).

XVI.

Міровоззрѣніе и убѣжденія Котляревскаго. Почему его считать можно создателемъ новой малорусской литературы?

Намъ остается еще коснуться міровоззрѣнія Котляревскаго и его убѣжденій, насколько можно судить о нихъ по его Энеидѣ.

Первыя три части ея, какъ извѣстно, написаны были въ девяностыхъ годахъ XVIII вѣка, послѣднія—пятая и шестая—во второмъ десятилѣтіи XIX вѣка. Такимъ образомъ Котляревскій трудился надъ своимъ произведеніемъ около тридцати лѣтъ. Это были именно тѣ годы, когда отъ автономныхъ учрежденій старой Малороссіи почти ничего уже не оставалось въ жизни, кромѣ однихъ воспоминаній. Длились еще традиціи судовъ земскихъ, гродскихъ и подкоморныхъ, возстановленныхъ за годъ до уничтоженія гетманства (1763 г.), но эти суды дѣйствовали уже въ новой административной обстановкѣ, наступившей послѣ учрежденія о губерніяхъ, которое введено было въ лѣвобережной Украинѣ извѣстнымъ графомъ П. А. Румянцевымъ (1782 г.). Двадцать пять лѣтъ управлялъ онъ Малороссіей (съ 1765 по 1789 г.), которая при немъ, по словамъ историка ея

---

[1]) См. Кіев. Стар. № 2.

„окончательно присоединена была къ главному составу своему“ [1]), т. е. сравнена была съ другими областями Россіи. Реформа эта проведена была съ дальновиднымъ и тонкимъ разсчетомъ на тѣхъ людей, которые готовы были воспользоваться ею для своихъ личныхъ выгодъ. Румянцевъ нашелъ въ краѣ не мало такихъ людей. Приманкой для нихъ служили обыкновенно чины, дававшіе право на дворянское званіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на владѣніе крестьянами, которые окончательно закрѣпощены были въ 1783 г. Только люди благонамѣренные и, какъ выражается Румянцевъ, „болѣзнію самовладства и независимости не зараженные входили въ чины и въ дѣла“, а такъ-какъ, по его же наблюденію, и другіе „всегда имѣли сильное желаніе къ чинамъ, особливо къ жалованью“, то оказалось, что „болѣзнь самовладства и независимости“ скоро исчезла въ краѣ [2]).

Теперь вопросъ въ томъ, какъ относился нашъ поэтъ къ этому историческому процессу, котораго онъ былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ?

Чтобы найти въ Энеидѣ отвѣтъ на этотъ вопросъ, намъ необходимо знать, въ какомъ видѣ изображены въ ней Троянцы.

Недавно высказано было весьма вѣроятное мнѣніе, что „Эней и его спутники—это какъ бы козачество, бродившее по свѣту послѣ разрушенія Сѣчи“ [3]). И въ самомъ дѣлѣ, во многихъ отношеніяхъ представляютъ они сходство съ запорожскимъ козачествомъ. Въ разныхъ мѣстахъ Энеиды называются они рыцарями, козаками. И не потому только Троянцы напоминаютъ сичевыхъ братчиковъ, что пили они горѣлку такъ, „якъ брагу поросята“ (II, 18), но и потому, что были они „моторни,

Съ діявола швыдки, проворни,
Пидпустять москаля якъ разъ“. (III, 7).

Въ тѣхъ мѣстахъ, куда заносила ихъ судьба, вели они себя несдержанно, какъ моряки въ приморскихъ городахъ или

1) Исторія Малороссіи Бантшъ-Каменскаго, III, 193.

2) Исторія Россіи Соловьева XXVII, 138.

3) Кіевская Старина, 1898, сентябрь, ст. Н. Дашкевича, „Малорусская и другія бурлескныя Энеиды“, 182.

же какъ запорожцы въ городахъ Гетманщины. Добравшись до Кумской земли, они

„И тутъ не шановалысь,
А заразъ вси и потаскалысь,
Чого хотилося шукать:
Якому меду та горилкы,
Якому молодыци, дивкы,
Оскому щобъ зъ зубивъ зигнать". (III, 6).

Но эти, „гольтипаки", „ланьци" отличались и козацкими добродѣтелями. Мы видѣли, что между ними были люди, способные къ возвышеннымъ человѣческимъ настроеніямъ. Таковы были безстрашные воины и вѣрные товарищи Эвріалъ и Нызъ. Эвріалъ сознаетъ хорошо завѣтъ своего отца: „умры на поли, якъ герой" (V, 74), поэтому, когда Нызъ напомнилъ ему о его обязанностяхъ по отношенію къ матери его, онъ отвѣчаетъ ему:

„Де общее добро въ упадку,—
Забудь отця, забудь и матку,
Леты повынность исправлять". (V, 77).

Манила того и другого къ подвигамъ героизма и вѣчная память въ потомствѣ, и любовь къ родинѣ. По поводу ихъ подвиговъ поэтъ говоритъ:

„Любовь къ отчызнѣ де героить,
Тамъ сыла вража не устоить,
Тамъ грудь сыльнійша одъ гарматъ,
Козакъ тамъ чортови не братъ". (V, 94).

Любопытно знать, о какой отчизнѣ здѣсь рѣчь идетъ, когда Троянцы потеряли свою давнюю отчизну и теперь искали новой. Безъ сомнѣнія, идею отчизны они вынесли еще изъ погибшей Трои, но никогда не умирала у нихъ эта идея, являясь предъ ними въ видѣ войскового „товариства", которое, согласно съ предсказаніемъ, даннымъ Энею свыше,

„Всимъ свитомъ буде управляты,
По всихъ усюдахъ воюваты,

Пидверне всихъ соби пидъ спидъ,
И рымскіи поставыть стины,
Въ ныхъ буде жыты, якъ въ раю". (III, 138—139).

Сводя къ одному цѣлому всѣ данныя объ Энеѣ и Троянцахъ, разбросанныя въ Энеидѣ Котляревскаго, нельзя отрицать сочувствія его къ этимъ „бурлакамъ", не утратившимъ симпатическихъ качествъ въ борьбѣ съ невзгодами на морѣ и на сушѣ. Но есть въ Энеидѣ и другіе козаки, враждебные Троянцамъ. Это Латинцы, вооружившіеся противъ Троянцевъ по наущенію вельможъ царя Латина и вопреки его желанію. Поэтъ описываетъ это „посполитое рушенье", предпринятое на счетъ вельможъ.

„На конихъ сотныкы фынтылы,
Хорунжи усыкы крутылы,
Кабаку нюхавъ асаулъ,
Урядныкы зъ атаманамы
Новымы чванылысь шапкамы,
И ратныкъ всякый губу дувъ". (IV, 100).

Эта бойкая картина вызвала у поэта воспоминаніе о полкахъ козацкихъ, которые ничѣмъ по своему устройству не отличались отъ полковъ латинскихъ.

„Такъ вичноя памяты бувало
У насъ въ Гетманщыни колысь,
Такъ просто військо шыковало,
Не знавшы: стой! не шевелысь!
Такъ славные полкы козацьки—
Лубенськый, Гадяцькый, Полтавськый,
Якъ грянуть, сотнямы ударять,
Передъ себе спысы наставлять,
То мовъ метлою все метуть" (IV, 101).

Нельзя отказать этимъ словамъ въ искренности: красота козацкаго войска и его сила, видимо, захватываютъ мысль и чувство поэта. Но вотъ что странно. Съ каждымъ новымъ стихомъ измѣняется настроеніе поэта, одна за другою появляются шутливыя ноты, которыя переходятъ наконецъ въ сплошное

глумленіе надъ Латинцами. Неважное оружіе въ латинской арміи. Они,

„Держась военного обряду,
Готовылы заздалегидь
Багацько всякого снаряду,
Що сумно ажъ було глядить:
Для пуль—то галушкы сушылы,
А бомбъ—то зъ глыны налипылы“. (IV, 105).
„Не малы палашивъ, ни шабель,
У ныхъ, бачъ, Тулы не було,
Не шаблею жъ убытъ и Авель,
Полино смерть йому дало.
Соснови копыстки стругалы
И до бокивъ поначеплялы
На валяныхъ верьовочкахъ.
Изъ лыкъ плетени козубенькы,
Зъ якымы ходять по опенькы,
Булы, якъ сумы на плечахъ“. (IV, 106).

Затѣмъ началась „муштра“.

„Дивкы на пруттяхъ розъижжалы,
Ципкамы хлопцивъ муштровалы,
Стари жъ учылысь кыдать въ циль,
А бабъ старыхъ на пичъ сажалы
И на печи ихъ штурмовалы,
Бачъ, для баталіи въ прымиръ“. (IV, 103).

Все это совершенно въ такомъ же родѣ, какъ изображеніе „морковьяного“ Ляшка въ извѣстной народной пѣснѣ. Откуда этотъ тонъ, когда нѣсколькими строфами выше поэтъ въ хвалебныхъ выраженіяхъ сближаетъ латинское войско съ козацкимъ? Теперь же онъ самымъ положительнымъ образомъ утверждаетъ, что

„Такее ратнее фиглярство
Було у ныхъ (Латинцевъ) за регулярство“.(IV, 108).

Въ такомъ случаѣ, не то же ли самое было и у козаковъ? Своенравная фантазія поэта, играя юмористическими сближеніями, повидимому, упускаетъ изъ виду, что она задѣваетъ и то, что для нея самой было симпатично. Происходитъ это отчасти отъ самой природы юмористическаго смѣха, въ которомъ всегда есть нѣкоторая доля сомнѣнія въ томъ, во что вѣрятъ люди, и разочарованія въ томъ, чѣмъ увлекаются они, при чемъ нерѣдко изъ круга этихъ людей юмористъ не исключаетъ и самого себя. Въ основѣ этого міровоззрѣнія лежитъ скорбная мысль о непрочности всего того, на чемъ строитъ человѣкъ свое благосостояніе,— мысль о ничтожествѣ его предъ грозными силами судьбы, которая, какъ изъ рога изобилія, посылаетъ ему тысячи бѣдствій въ самыхъ разнообразныхъ и неожиданныхъ сочетаніяхъ.

„Бида не по деревьяхъ ходыть“, говоритъ поэтъ,
И хто жъ ѣи не скоштувавъ?
Бида биду, говорять, родыть,
Бида для насъ судьбы уставъ“. (V, 1).

Поэтому зло, назначенное судьбою,

„Слидытыме скризь за тобою,
Не утичешъ за сто морей“. (V, 97).

И это былъ пессимизъ не только поэтическій, но и сознательно историческій. Безъ всякаго сомнѣнія, Котляревскій питалъ глубокія симпатіи къ своей родинѣ, къ ея героическому прошлому, но замѣчательно, что въ воспоминаніяхъ его объ этомъ прошломъ нѣтъ выразительныхъ и яркихъ красокъ: о Сагайдачномъ, Дорошенкѣ, Желѣзнякѣ говоритъ онъ по поводу союзниковъ Турна мимоходомъ и мелькомъ (IV, 126--127), а о Богданѣ Хмельницкомъ, о которомъ любили распространяться въ стихахъ и прозѣ малорусскіе писатели XVIII вѣка, во всей Энеидѣ нѣтъ ни слова. По всему видно, что Котляревскаго, какъ и другихъ современниковъ его, подхватила новая волна жизни, которая далеко унесла ихъ изъ сферы политическихъ стремленій, одушевлявшихъ старую Малороссію, и поставила лицемъ къ лицу съ новыми задачами жизни. Нравственное величіе Котляревскаго

въ томъ и состоитъ, что онъ рѣшалъ эти задачи, какъ поэтъ-идеалистъ, не потерявшій гуманныхъ чувствъ въ тотъ вѣкъ, когда негуманныя чувства находили поддержку въ крѣпостномъ рабствѣ, которое водворялось въ краѣ, искажая здравыя общественныя понятія и лучшія благожелательныя настроенія. Не могъ Котляревскій не сознавать этого печальнаго конца малорусской исторіи съ ея кровопролитными войнами, которыя не принесли счастія народу, поэтому есть нѣкоторая примѣсь горечи и въ общихъ воззрѣніяхъ его на войну и на жестокія послѣдствія ея:

„Гуде въ Латіи дзвинъ вищовый", говоритъ онъ,
„И гасло всимъ къ війни дае...
Війна въ кровавыхъ рызахъ тутъ,
За нею раны, смерть, увичча,
Безбожность и безчоловичча
Хвистъ мантіи ѣи несутъ". (IV, 114).

Такъ, по нашему мнѣнію, получилась та сложная гамма чувствъ, которая звучитъ во всѣхъ подробностяхъ о приготовленіи Латинцевъ къ войнѣ.

Что же означаетъ этотъ кровавый образъ войны, этотъ протестъ противъ нея, вложенный въ уста миролюбиваго царя Латина:

„Не звирь я людську кровъ пролыты,
И не харцызъ, людей щобъ быты"? (IV, 91).

Откуда эти понятія? Не указываютъ ли они на тотъ путь, по которому шла мысль поэта, искавшая выхода изъ трудныхъ условій жизни въ новой политической обстановкѣ?

Мало мы имѣемъ свѣдѣній о внутренней жизни Котляревскаго, чтобы отвѣчать положительно на всѣ эти вопросы, но сопоставляя то, что извѣстно намъ объ умственныхъ теченіяхъ его времени, съ тѣмъ, что самъ онъ говоритъ въ своей Энеидѣ, можно прійти къ нѣкоторымъ заключеніямъ о задушевныхъ убѣжденіяхъ его, которыя хотѣлъ онъ перелить въ сознаніе своихъ современниковъ.

Мы видѣли изъ предыдущихъ очерковъ, что уже болѣе вѣка длилось умственное общеніе малорусскаго юга съ великорусскимъ сѣверомъ. Со временъ Петра Великаго главная сила этого общенія заключалась въ реформѣ его, которая опиралась, какъ извѣстно, на свѣтскую науку. Но въ вѣкъ Петра Великаго наука эта не выходила изъ тѣснаго круга техническихъ знаній, приспособленныхъ къ разнообразнымъ потребностямъ общественной и государственной жизни. При Елисаветѣ Петровнѣ это дѣловое, утилитарное направленіе науки смѣняется болѣе общимъ Русскихъ людей начинаетъ интересовать не та или другая отрасль знанія, а самое знаніе, какъ потребность мысли, какъ образовательная сила. При Екатеринѣ II само правительство пошло на встрѣчу этой потребности, стремясь къ обновленію русской жизни посредствомъ идей французскаго просвѣщенія. Масса французскихъ сочиненій безъ особеннаго стѣсненія переводилась въ то время на русскій языкъ. Составлялись сборники выбранныхъ мѣстъ изъ авторовъ, найболѣе извѣстныхъ, подъ заглавіями: „Духъ Вольтера", „Духъ Гельвеція", „Духъ Руссо". Особеннымъ уваженіемъ пользовался Вольтеръ, создавшій у насъ цѣлое поколѣніе „вольтеріанцевъ". Нѣтъ сомнѣнія, что эта волна просвѣтительнаго движенія коснулась и Малороссіи, тѣмъ болѣе, что въ ней издавна во всѣхъ слояхъ народонаселенія распространено было уваженіе къ просвѣщенію, а малорусское шляхетство, какъ мы знаемъ, постоянно мечтало объ учрежденіи университетовъ въ разныхъ городахъ малорусскихъ, пока наконецъ мечты эти не осуществились въ 1805 году, когда основанъ былъ университетъ въ Харьковѣ. Что касается до школъ духовныхъ, господствовавшихъ въ Малороссіи, то по составу своему это были всесословныя школы, начиная отъ кіевской академіи и до семинаріи, въ которой учился Котляревскій. Объ этой семинаріи въ біографіяхъ его существуютъ сбивчивыя показанія, поэтому нужно сказать о ней нѣсколько словъ.

Называютъ ее обыкновенно полтавской семинаріей, такъ какъ она находилась въ г. Полтавѣ, гдѣ родился Котляревскій. Основана она была спустя десять лѣтъ послѣ его рожденія, въ

1779 г. при архіепископѣ словенскомъ Никифорѣ Ѳеотоки, который жилъ въ Полтавѣ и отсюда управлялъ словенскою епархей[1]): вотъ почему и семинарія полтавская называлась въ то время словенскою[2]). Самъ Ѳеотоки, Молдаванинъ по происхожденію, получилъ образованіе въ заграничныхъ университетахъ: можетъ

1) Въ 1786 г. словенская епархія переименована была въ екатеринославскую и Херсонеса таврическаго, въ 1793 г. архіерейская каѳедра вмѣстѣ съ семинаріей перенесена была въ Новомиргородъ, а оттуда въ Екатеринославъ. Съ образованіемъ полтавской епархіи изъ бывшей переяславской переименована была и переяславская семинарія въ полтавскую только въ 1799 году, хотя до шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія оставалась въ Переяславѣ. (Полт. епарх. вѣдом. 1863 г.).

2) Не смотря на изобильную литературу о Котляревскомъ, мы не имѣемъ въ ней прочно обоснованныхъ свѣдѣній даже о томъ, въ какіе годы учился онъ въ словенской семинаріи. Въ формулярномъ спискѣ его, выданномъ изъ сѣверскаго драгунскаго полка отъ 13 февраля 1800 г., значится, что въ 1779 г. онъ поступилъ на службу въ штатъ бывшей новороссійской канцеляріи, въ 1780 г., октября 3 дня, произведенъ былъ въ подканцеляристы, въ 1781 г., іюля 12, въ канцеляристы, въ 1784 г., сентября 14, въ губернскіе регистраторы. Затѣмъ слѣдуетъ перерывъ въ службѣ, и только въ 1796 г., апрѣля 1, отмѣченъ онъ въ томъ же формулярѣ кадетомъ сѣверскаго драгунскаго полка, въ 1796 г., іюля 11, авдиторомъ, въ 1798 г., апрѣля 4, прапорщикомъ, въ 1799 г., генваря 8, подпоручикомъ, въ томъ же году, февраля 5 поручикомъ. (Изъ дѣлъ полтавскаго архива губернской земской управы). Эти подробныя документальныя даты формулярнаго списка располагаютъ думать, что Котляревскій поступилъ на службу десяти лѣтъ—дѣло, весьма возможное въ старинной служебной практикѣ. Если это такъ, то въ семинарію онъ поступилъ не раньше 1784 года, умудренный до нѣкоторой степени опытомъ самостоятельной жизни. Можно предполагать на этомъ основаніи значительную долю сознательныхъ умственныхъ порывовъ въ нашемъ поэтѣ уже въ дошкольный періодъ его жизни. Впрочемъ, всѣ эти предположенія могли бы найти фактическое подтвержденіе въ документальныхъ данныхъ архива екатеринославской Духовной семинаріи, которая ведетъ свою исторію отъ бывшей словенской семинаріи. Къ сожалѣнію, попытка наша получить эти данныя не увѣнчалась успѣхомъ.

быть, это обстоятельство имѣло вліяніе на расширеніе учебной программы въ словенской семинаріи, такъ какъ въ ней, кромѣ латинскаго и греческаго языковъ, преподавались еще французскій и нѣмецкій языки[1]). Отсюда Котляревскій вынесъ знаніе французскаго языка. Здѣсь же, по преданію, началъ онъ писать стихи, за что товарищи называли его рифмачемъ. Слѣды юношескаго размаха мысли, не охлажденной еще опытомъ жизни, видны въ первыхъ трехъ пѣсняхъ Энеиды, хотя нѣтъ никакого основанія утверждать, что она начата была на школьной скамьѣ. Одно можно сказать положительно, что Котляревскій не вынесъ изъ семинаріи того душевнаго склада, который необходимъ для духовнаго званія, поэтому и не сдѣлался лицемъ духовнымъ. Не коснулось его и вольномысліе временъ Екатерины II: нѣтъ во всей Энеидѣ ничего похожаго на отрицаніе въ области религіозныхъ вѣрованій. Тѣмъ не менѣе въ каждомъ словѣ Котляревскаго чувствуется та широта мысли, которая недоступна была поколѣніямъ предшествующимъ. Изображая рай, онъ замѣчаетъ, что въ немъ пребывали

„Люде *всякого завиту*,
По билому есть килько свиту,
Котори праведно жылы“. (III, 125).

И въ раю наслаждались они такою жизнію, о которой мечтать могутъ люди только въ поэтическихъ грезахъ своихъ:

„Не сердылыся, не гнивылысь,
Не лаялыся и не былысь,
А вси жылы тутъ любьязно:
Було въ обще все за одно“. (III, 120).

Съ высоты этихъ идеальныхъ воззрѣній на жизнь, какъ на союзъ любви между людьми, у которыхъ „въ обще все за одно“, Кот-

---

[1]) Преподавателемъ французскаго языка въ то время былъ Петръ Антонъ, а нѣмецкаго—выписанный изъ лейпцигскаго университета профессоръ Шаалъ. (Свѣдѣніе это заимствовано полтавс. епарх. вѣдомостями за 1863 г. изъ екатеринославскаго календаря за 1813 г.).

ляревскій смотрѣлъ на добродѣтели и пороки человѣческіе. Съ чувствомъ христіанскаго человѣколюбія онъ помѣщаетъ въ рай всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ.

„Се бидни ныщи, навыженни“, говоритъ онъ,
Що дурнямы счыслялы ихъ,
Старци, хроми, слипорожденни,
Зъ якыхъ бувъ людськый глумъ и смихъ,
Се вдовы бидни, безпомощни,
Якымъ пріюта не було;
Се що безъ родычивъ осталысь
И сыротамы называлысь“. (Ш, 123, 124).

Вообще же это всѣ тѣ, которые постоянно нуждались въ человѣческой помощи, поэтому и „самы людямъ помагать любылы“. (Ш, 124). Понятно, что матеріальная обезпеченность не располагаетъ людей къ подобному настроенію, и хотя, какъ говоритъ Котляревскій,

„Буваютъ всякіе паны,
Но тилькы трохы сього дыва,
Не кваплються на се воны“. (Ш, 125).

На вопросъ Энея, кто такой праведныя души, живущія въ раю, Сивилла отвѣчаетъ:

„Не думай, щобъ булы чыновни,
Або щобъ грошей скрыни повни,
Або въ якыхъ товстый жывитъ.
Не ти се, що въ цвитныхъ жупанахъ,
Въ кармазынахъ, або въ сапьянахъ;
Не ти жъ, що зъ кныгамы въ рукахъ,
Не рыцари, не розбышаки,
Не ти се, що крычать: „и пакы“,
Не ти, що въ золотыхъ шапкахъ“. (Ш, 122).

О дѣяніяхъ всѣхъ этихъ людей разсказываетъ поэтъ, изображая мученія грѣшниковъ въ аду. Мы не станемъ слѣдить за его разсказомъ, который есть ничто иное, какъ ѣдкая сатира на всѣхъ тѣхъ, кто уклонялся, по его мнѣнію, отъ праведной жизни.

Замѣтимъ только, что бичуетъ онъ пороки, какъ общенародные, такъ и сословные, при чемъ первыхъ въ общей сложности меньше, чѣмъ послѣднихъ. По нашему мнѣнію, изобличаются сословные пороки въ тѣхъ строфахъ Энеиды, гдѣ изображается утонченный половой развратъ мужчинъ и въ особенности женщинъ, гдѣ рѣчь идетъ, напримѣръ, о старыхъ холостякахъ (72), о мартоплясахъ (97), о соблазнителяхъ дѣвицъ, „що въ викна дралысь по драбынци“ (77), о сводницахъ, которыя „жинокъ одъ чоловикивъ кралы“ (92), о „честныхъ пустомолкахъ зъ молытовныкамы въ рукахъ“ (85), о „непотипахахъ зъ куделямы на головахъ“ (38), о панянкахъ, которыя бѣлятся и румянятся (83), о „мандрьохахъ, хльоркахъ и диптянкахъ, що продають себе на часъ“ (86). Мы не сомнѣваемся въ томъ, что Котляревскій могъ наблюдать весь этотъ гулящій людъ въ культурныхъ слояхъ малорусскаго народа, но думаемъ, что, сгущая краски, онъ слѣдовалъ внушенію того безпощадно строгаго нравственнаго чувства, которое часто встрѣчается у писателей юмористическаго направленія. Косвенное подтвержденіе нашей мысли мы находимъ въ томъ обстоятельствѣ, что Котляревскій принадлежалъ къ массонской ложѣ подъ титуломъ *Любовь къ истинѣ* дѣйствовавшей въ Полтавѣ около двадцатыхъ годовъ настоящаго вѣка[1]). По всей вѣроятности, онъ поступилъ въ ложу, какъ моралистъ, мечтавшій о возрожденіи современнаго ему общества. Но можно полагать, что и раньше появленія въ Полтавѣ ложи, въ которой участвовалъ Котляревскій, т. е. въ то время, когда писалъ онъ первыя три части Энеиды, нѣкоторые элементы массонской мысли были уже въ немъ подготовлены. Какъ извѣстно, массонство не отличалось высокимъ уровнемъ научныхъ знаній. То же мы находимъ въ тѣхъ мѣстахъ Энеиды, гдѣ авторъ разсуждаетъ о мудрецахъ, попавшихъ въ адъ. Одинъ изъ нихъ, по его словамъ,

„Фызыку провадывъ
И толковавъ якихъ-сь монадивъ
И думавъ, видкиль взявся свѣтъ“. (III, 97).

---

[1]) Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. А. Пыпина, 321.

Замѣчательно при этомъ, что съ этими мудрецами Котляревскій смѣшиваетъ тѣхъ лицъ духовнаго званія, которыя не исполняли прямыхъ своихъ обязанностей. На самомъ днѣ ада, говоритъ онъ, мучились

„Вси розумни фылозопы,
Що въ свити вчылысь мудровать,
Ченци, попы и крутопопы,
Мырянъ щобъ зналы научать,
Щобъ не ганялысь за грывнямы,
Щобъ не возылысь съ попадямы,
Та зналы церковъ щобъ одну". (III, 74).

Такимъ образомъ массонство могло укрѣпить только Котляревскаго въ его нравственномъ ригоризмѣ, въ его недовѣріи къ философской мудрости, опирающейся на изученіе естественныхъ наукъ, отчасти въ его оппозиціонномъ отношеніи къ духовенству, съ которымъ массоны не сходились по разнымъ религіознымъ вопросамъ. Что касается до мистицизма массонскаго, то онъ былъ совершенно чуждъ Котляревскому. Это былъ умъ трезвый и наблюдательный, сознательно направлявшій орудіе сатиры противъ соціальнаго зла, тяготѣвшаго надъ его современниками. Зло это онъ видѣлъ въ угнетеніи слабыхъ людей сильными людьми, принадлежавшими къ сословіямъ привиллегированнымъ. Таковы были

„Всякіе цехмыстры,
И ратманы, и бургомыстры,
Судьи, пидсудкы, пысари,
Яки по правди не судылы,
Та тилько грошыкы лупылы
И отбыралы хабари". (III, 73).

Таковы были паны, которыхъ въ аду за то „мордовалы,

И жарылы зо всихъ бокивъ,
Що людямъ льготы не давалы
И ставылы ихъ за скотивъ". (III, 70).

Это было самое больное мѣсто въ соціальномъ строѣ малорусской жизни, и ничто такъ не возвышаетъ нашего поэта надъ низменнымъ уровнемъ современныхъ ему понятій, какъ благородный, негодующій голосъ его противъ превращенія людей въ скотовъ. Нужно было имѣть гражданское мужество, чтобы поднять этотъ голосъ въ тотъ вѣкъ, когда, по свидѣтельству историка, во всей Россіи и отъ всѣхъ сословій послышался дружный и страшно печальный крикъ: „рабовъ“ [1])!

Итакъ, Котляревскій выдвинулъ новый вопросъ въ малорусской литературѣ, тотъ вопросъ о мужикѣ, который составлялъ злобу дня для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній до самаго освобожденія крестьянъ. Онъ далъ въ своей Энеидѣ и формулу этого вопроса:

„Мужыча правда есть колюча,
А панська на вси бокы гнуча“. (VI, 97).

Предпочиталъ онъ гнучей правдѣ колючую. Въ ней нашелъ онъ идеальную программу жизни со включеніемъ всѣхъ добродѣтелей семейныхъ и общественно-патріотическихъ, унаслѣдованныхъ малорусскимъ народомъ отъ предковъ. Подъ эту программу онъ подводилъ мелькавшую предъ нимъ жизнь съ ея неустановившимися очертаніями, съ ея хаотическимъ смѣшеніемъ стараго съ новымъ. Для этого онъ долженъ былъ раздвинуть рамки поэтическаго творчества. Въ прежнее время, согласно съ теоріей Довгалевскаго, только народные типы могли быть предметомъ поэтическаго изображенія на народномъ языкѣ. Въ Энеидѣ Котляревскаго появились люди всѣхъ сословій. Описывая адъ, онъ говоритъ, что въ немъ были

„Невирни и хрыстьяне,
Булы паны и мужыкы,
Булы и шляхта, и мищане,
И молоди, и старыкы;
Булы багати и убоги,
Прями булы и крывоноги,

[1]) Исторія Россіи Соловьева, т. XXVII, 121.

Булы видющи и слипи,
Булы и штатски, и военни,
Булы и панськи, и казенни,
Булы мыряне и попы". (III, 80).

Этотъ широкій кругъ лицъ, захваченныхъ Энеидой, привлекалъ къ ней вниманіе самыхъ разнообразныхъ читателей, поэтому Котляревскаго нужно признать создателемъ малорусской читающей публики, которая находила въ его произведеніи правдивое изображеніе жизни, приправленное здоровымъ, честнымъ смѣхомъ. Самый смѣхъ этотъ возможенъ былъ только подъ условіемъ независимой, общечеловѣческой мысли, которая требовала свободнаго поэтическаго слова. Какъ творецъ этого слова, Котляревскій по всей справедливости считается отцемъ новой малорусской литературы.

XVII.

Анализъ текста въ древнѣйшемъ спискѣ Энеиды сравнительно съ текстомъ первопечатныхъ изданій ея.

Возвращаясь къ давно оставленному нами списку Энеиды Котляревскаго, считаемъ нужнымъ прежде всего отмѣтить нѣкоторыя особенности въ правописаніи его[1]).

Списокъ—не изъ исправныхъ: встрѣчаются въ немъ искаженія текста до нарушенія смысла. Такъ, въ 36 строфѣ второй части сказано въ изданіи самаго автора, что Бахусъ „изъ Ганнимедова пуздерка утеръ трохи не пиввѣдерка", а въ спискѣ: „у Ганны-медова пуздерка утеръ трохи не пѣвведерка". Подобныя искаженія встрѣчаются въ 36, 45, 81, 120 строфахъ третьей части.

Нельзя сказать также, чтобы переписчикъ былъ особенно грамотный человѣкъ, что видно изъ начертанія слѣдующихъ

---

1) Мы получили этотъ списокъ отъ А. Н. Семенова, за что приносимъ ему искреннюю благодарность.

словъ: *вчемъ* (I, 3), *изнимъ* (I, 6), *вѣднеи* (I, 58), *вѣдмене* (II, 27), *съ травою* вм. *съ стравою* (I, 13), *криму* вм. *къ Риму* (I, 46), *съ траху* вм. *съ страху* (II, 2), *обземлю* (II, 28), *пѣднѣсъ* вм. *пидъ нисъ* (II, 37), *безъ головѣе* (III, 120), *пѣдтинами* (III, 124), *безъ толковый* (III, 47), *пѣдъ земного царя* (III, 115), *въ вѣйшли* (III, 10).

На каждой страницѣ рукописи можно видѣть смѣшеніе *и* съ *ы*, при чемъ послѣдній звукъ преобладаетъ надъ первымъ: *бурлаки* (III, 7), *якы* (III, 9), *рогамы* (I, 57), *воламы, возамы* (II, 60), *козаками, проводниками* (II, 69), *послѣдный* (III, 24), *богатымъ* (дат. мн.), *скупимъ* (дат. мн.) (III, 74), *мешкаты, знаты* (I, 46), *розизнати* (III, 10), *быты* (III, 17), *видеру* (I, 56), *были* вм. *били* (II, 50), и *былы* (III, 115), *жилы* вм. *жили* (III, 7), *терпѣли* (III, 83), *вылы* вм. *вили* (III, 84).

Буква *ѣ* употребляется, согласно съ стариннымъ малорусскимъ правописаніемъ, для выраженія звука *і* съ полнымъ безразличіемъ къ тому, откуда происходитъ это *і*:

1) *ѣ* удерживается тамъ, гдѣ стоитъ основное *ѣ*, какъ въ корняхъ, такъ и въ формахъ словъ: *хрѣнъ* (III, 83), *до вѣнця* (III, 79), *у селѣ* (I, 40) и проч.

2) *ѣ* пишется тамъ, гдѣ стоитъ *и*, какъ въ корняхъ, такъ и во флексіяхъ: *зѣмують* (I, 40), *помѣрать* (III, 38), *сыновѣ* (II, 64), *гонцевѣ* (I, 46), *лихоманцѣ* (I, 38), *кровѣ* (III, 127), *по любовѣ* (ib.), *писарѣ* (III, 47), *конѣ* (I, 61), *молодицѣ* (I, 31), *въ гостѣ* (I, 18), *кислицѣ, коржѣ*—вин. мн. (III, 29), *ѣхъ* вм. *ихъ* (III, 134), *ѣмъ* вм. *имъ* (III, 73).

3) *ѣ* вмѣсто *і* изъ *о*: *гѣрко* (I, 25), *потѣмъ* (I, 20), *тѣлко* (I, 35), *грѣмъ* (I, 41), *стѣлъ* (I, 13), *пѣлъ* (I, 26), *кѣтъ* (I, 11), *хвѣстъ* (I, 50), и *фѣстъ* (III, 38), *Бѣгъ* (II, 46): слово это встрѣчается въ рифмѣ: *неубогъ* (III, 98), *зубѣвъ* (II, 21), *мѣй* (I, 15), *свѣй* (I, 17), *твѣй* (II, 65), *вѣнъ* (I, 1) и даже *вѣна* въ открытыхъ слогахъ, вопреки произношенію, по привычкѣ писать *вѣнъ*.

4) *ѣ* вм. *і* изъ *е*: *пѣчъ* (I, 61), *лѣдъ* (II, 47), *жѣнкамъ* (I, 39), *пѣръ*—род. мн. (III, 47), *курячѣй* (III, 11), *сѣмъ* (II, 47), *на нѣмъ* (III, 27), *лѣгъ* (I, 32), *звѣвъ* (I, 44), *перевѣзъ* (III, 54).

Есть тяготѣніе къ твердому *р*: *гира* вм. *гиря* (I, 1), въ *нарадѣ* вм. *въ нарядѣ* (I, 45).

Встрѣчаются изрѣдка архаическія формы: *панюв* (III, 72), *човнюв* (III, 43, 49) и *човнѣв* (II, 50).

Займемся теперь сравненіемъ нашего списка Энеиды съ первопечатными изданіями ея.

Выписываемъ заглавіе перваго изданія ея: „Энеида, на малороссійскій языкъ перелиціованная И. Котляревскимъ. Часть I. Съ дозволенія санктпетербургской цензуры. Иждивеніемъ М. Парпуры. Въ Санктпетербургѣ, 1798 года“. Такое же заглавіе стоитъ предъ каждою частію Энеиды. Всѣхъ частей три, каждая— съ отдѣльной пагинаціей. Предъ первою частію на отдѣльной страницѣ напечатано курсивомъ въ три строки: „Любителямъ малороссійскаго слова усерднѣйше посвящается“. Это посвященіе бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на издателя. Родомъ онъ былъ изъ конотопскаго уѣзда черниговской губ., дворянинъ, сынъ значкового товарища, съ 1783 г. состоялъ канцеляристомъ въ петербургскомъ дворянскомъ банкѣ. Независимо отъ изданія Энеиды, Парпура причастенъ былъ литературѣ изданіемъ книги Антинга: „Жизнь Суворова“, а также переводомъ съ нѣмецкаго языка книгъ медицинскаго содержанія. Дослужился онъ до коллежскаго совѣтника и умеръ богатымъ харьковскимъ помѣщикомъ въ 1828 г. По духовному завѣщанію онъ оставилъ по 16 тысячъ рублей на конотопское повѣтовое училище, на черниговскую или новгородсѣверскую гимназію и на харьковскій университетъ, а также 40 тыс. руб. на конотопскую багадѣльню. Всѣ эти данныя невольно заставляютъ думать, что, издавая Энеиду, Парпура едва ли имѣлъ въ виду корыстныя цѣли.

Второе изданіе есть буквальная перепечатка перваго, только опечатки и варіанты, указанные въ первомъ изданіи, внесены въ самый текстъ поэмы. Вышло оно въ 1808 г. тоже въ Петербургѣ, напечатано въ типографіи Ивана Глазунова, вѣроятно, его же иждивеніемъ. Въ этомъ случаѣ мы не отрицаемъ корыстныхъ цѣлей.

Третье изданіе принадлежитъ самому автору. Оно вышло на другой годъ послѣ предыдущаго, т. е. въ 1809 г., и напечатано тоже въ Петербургѣ, въ медицинской типографіи. Самое рѣзкое отличіе его отъ предыдущихъ изданій заключается въ присоединеніи къ тремъ частямъ Энеиды четвертой. Въ предисловіи издатель говоритъ, что Энеида напечатана была два раза „безъ его вѣдома и согласія", что она „досталась издателямъ со многими ошибками и опущеніями, случившимися отъ переписки, а сверхъ того и издававшіе многое въ ней по своему передѣлали и почти испорченную выпустили подъ его именемъ". Въ виду этого онъ „рѣшился исправить и дополнить первыя три части" и напечатать ихъ съ присоединеніемъ четвертой.

Замѣчательно, что авторъ цѣлыхъ десять лѣтъ былъ равнодушенъ къ тому, что книга его издана была „безъ его вѣдома и согласія", и только послѣ втораго изданія онъ увидѣлъ, что она попала въ руки торговца, подобравшаго то, что не имѣло хозяина. Тогда только онъ нашелъ необходимымъ заявить авторскія права свои и, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не различилъ праваго отъ виноватаго, прибавивъ къ описанію ада строфу, въ которой помѣстилъ мацапуру, т. е. Парпуру въ адъ за присвоеніе чужой собственности. Какъ бы то ни было, но Парпура съ любовію отнесся къ изданію Энеиды, какъ одинъ изъ „любителей малороссійскаго слова". Онъ снабдилъ свое изданіе небольшимъ словаремъ къ Энеидѣ—первымъ по времени въ новой малорусской литературѣ. Впослѣдствіи воспользовался этимъ словаремъ самъ Котляревскій, приложивъ его къ своему изданію. Кромѣ того, Парпура положилъ новыя основы малорусскаго правописанія, возстановивъ основное *и* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эта буква требовалась этимологіей словъ, и ограничивъ употребленіе буквы *ѣ*, устранивъ ее въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ старинное малорусское правописаніе ставило ее вмѣсто основнаго *и*, а также вмѣсто *и* изъ *о* и *е*. Что касается до передѣлокъ въ текстѣ Энеиды, то мы сомнѣваемся, чтобы Парпура имѣлъ особенную склонность къ нимъ, такъ-какъ въ концѣ своего изданія онъ помѣщаетъ немногіе варіанты къ напечатанному

тексту—по всей вѣроятности, изъ другого списка Энеиды, бывшаго у него подъ рукою.

Обращаясь къ изданію самого Котляревскаго, мы находимъ въ немъ прежде всего добавленія, которыхъ нѣтъ ни въ нашей рукописи, ни въ изданіи Парпуры. Наиболѣе важныя изъ нихъ—это строфа 82 въ третьей части, гдѣ описываются мученія „мацапуры" въ аду, а затѣмъ четыре строфы въ первой части, гдѣ Дидона изливаетъ свое горе предъ сестрой своей Ганной. Нужны были эти послѣднія строфы для того, чтобы читатель могъ понять рѣшимость Дидоны на самосожженіе. Безъ нихъ, дѣйствительно, поступокъ ея былъ бы неожиданнымъ и, во всякомъ случаѣ, невыясненнымъ событіемъ.

Указанныя нами мѣста, очевидно, вновь сочинены авторомъ. Но есть въ изданіи автора одно дополненіе, которое подало ему поводъ упрекать прежнихъ издателей въ томъ, что они допустили въ текстѣ Энеиды нѣкоторыя „опущенія". Въ двухъ первыхъ изданіяхъ, а именно въ третьей части, не достаетъ строфъ 133, 134, 135 и 136: здѣсь рѣчь идетъ о вечерницахъ въ аду, но нѣтъ упоминанія о томъ, какъ Анхизъ, отецъ Энея, привелъ его къ дѣвушкамъ-ворожкамъ. Нѣтъ характеристики самой бойкой изъ нихъ, которая вызвалась поворожить Энею, поэтому при описаніи самой ворожбы неясно въ изданіи Парпуры, кто ворожитъ. Всѣ эти пропущенныя строфы имѣются въ нашемъ спискѣ, отсюда мы дѣлаемъ заключеніе, что Котляревскій, исправляя прежнія изданія, не только вставлялъ новое, но и возстановлялъ „опущенія" по рукописи болѣе полной и исправной. Вмѣстѣ съ тѣмъ и нашъ списокъ, совпадающій въ данномъ случаѣ съ изданіемъ автора, пріобрѣтаетъ значительную цѣнность.

Но не въ этомъ одномъ мѣстѣ представляетъ онъ сходство съ изданіемъ автора. Такихъ мѣстъ въ Энеидѣ не мало: въ первой части ея въ 3 и 36 строфѣ, во второй части въ 24 строфѣ, въ третьей въ 10, 11, 13, 14, 38, 65, 79, 87, 89, 90, 96, 100, 102, 104, 110, 111, 117, 188 строфахъ[1]). Въ боль-

[1]) Мы приводимъ только тѣ варіанты, которые отмѣчены въ нашемъ изданіи литерами, а не цифрами, т. е. составляютъ каждый изъ нихъ выраженіе, равное одному или же нѣсколькамъ стихамъ.

шинствѣ указанныхъ нами мѣстъ Котляревскій, предпочитая тексту Парпуры иной текстъ, сохранившійся въ нашемъ спискѣ, выбиралъ лучшее, но нельзя этого безусловно сказать о всѣхъ исчисленныхъ нами случаяхъ: иногда текстъ Парпуры проще и естественнѣе текста, редактированнаго самимъ авторомъ, напримѣръ, въ третьей части строфы 11, 14 и нѣкоторыя другія.

Таковы отличія нашего списка отъ изданія Парпуры. Было бы отличій этихъ больше, т. е. былъ бы нашъ списокъ болѣе похожъ на рукопись, которою пользовался Котляревскій для своего изданія, если бы первый владѣтель списка не внесъ въ него нѣкоторыхъ измѣненій и поправокъ уже послѣ того, когда появилось изданіе Парпуры. Такъ-какъ на немъ стояло имя автора, да при томъ это былъ печатный текстъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что Заградскій считалъ его болѣе исправнымъ, чѣмъ тотъ рукописный текстъ, который принадлежалъ ему. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, онъ выписывалъ изъ изданія Парпуры все то, что казалось ему лучшимъ. Такъ, на первомъ же заглавномъ листѣ нашего списка мы видимъ варіантъ изъ четырехъ стиховъ, приведенный Парпурой въ концѣ книги подъ общимъ заглавіемъ „Перемѣны“. Тамъ же помѣщена шестая строфа третьей части, тоже по изданію Парпуры, впослѣдствіи зачеркнутая, вѣроятно послѣ того, какъ вписавшій ее замѣтилъ, что она ничѣмъ почти не отличается отъ соотвѣтствующаго текста самаго списка, сходнаго въ данномъ случаѣ съ текстомъ Энеиды по изданію Котляревскаго. Всѣ эти приписки сдѣланы рукою самого Заградскаго, что видно изъ сходства почерка съ собственною подписью его на заглавномъ листѣ. Но это далеко еще не все. Въ первой части Энеиды Заградскій дѣлалъ подчистки въ своемъ спискѣ и на вытертыхъ мѣстахъ—тоже своею рукою и довольно густыми чернилами вписывалъ не только отдѣльныя слова, но и цѣлые стихи отъ одного до четырехъ изъ печатнаго изданія Парпуры. Иногда на вытертыхъ мѣстахъ можно разобрать нѣкоторыя буквы, доказывающія, что первоначально и въ нашемъ спискѣ стояли тѣ же самые стихи, что въ изданіи Котляревскаго. Особенно это замѣтно, напримѣръ, въ

строфѣ шестой, гдѣ такимъ образомъ стихи 4, 5, 6 и 7-й исправлены согласно съ изданіемъ Парпуры. Начальныя слова пятаго стиха („пошли") и шестаго („щобъ") остались не вытертыми, потому что и у Парпуры, и у Котляревскаго есть эти слова. Такія подчистки съ написаніемъ, какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и цѣлыхъ стиховъ по изданію Парпуры, встрѣчаются въ слѣдующихъ строфахъ первой части Энеиды: въ 4, 7, 9, 11, 13, 16, 17, 24, 26, 27, 28, 31, 40 и 43-й.

Но для характеристики нашего списка вотъ что любопытно. Во многихъ мѣстахъ его есть сходство съ текстомъ Парпуры и на неподчищенныхъ мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, въ изданіи Котляревскаго говорится, что послѣ того, какъ буря улеглась на морѣ, Троянцы, по приказанію Энея, начали готовить обѣдъ:

„Послали шаліовки сосновы,
Кругомъ наставили мисокъ". (I, 13).

Между тѣмъ у Парпуры и въ нашемъ спискѣ мы имѣемъ такой варіантъ:

„Поставили столы дубовы,
Багацько зъ стравою мысокъ".

Можно полагать, что въ позднѣйшей редакціи Котляревскій замѣнилъ столы шаліовками по тому соображенію, что на лодкахъ у Троянцевъ едва ли могли оказаться столы, слѣдовательно текстъ Парпуры и нашего списка въ этомъ случаѣ древнѣе текста въ изданіи Котляревскаго. Къ тому же выводу приводитъ и 30-я строфа первой части. Вся она передѣлана изъ стараго матеріала, сохранившагося въ нашемъ спискѣ и у Парпуры. Дидона замѣнена сестрой ея Гандзей и создана новая, пластическая подробность танца:

„Эней, матню въ кулакъ прибравши
И не до *солы* промовлявши"...

Оставляя въ сторонѣ анализъ подчищенныхъ мѣстъ, остановимся только на одномъ изъ нихъ. Вся 34 строфа въ нашемъ спискѣ написана рукою Заградскаго. Повидимому, переписчикъ, не разобравъ подлинника, съ котораго онъ списывалъ, поста-

вилъ своею рукою только цифру надъ строфой, а Заградскій, владѣлецъ списка, исправлявшій его, впослѣдствіи написалъ цѣлую строфу на пустомъ мѣстѣ. Такъ можно думать на томъ основаніи, что въ седьмомъ стихѣ этой строфы сперва написано было *галанци*, какъ въ первомъ изданіи Парпуры[1]), а потомъ это слова вытерто и въ замѣнъ его написано *штаны*—слово, посредствомъ котораго исправляется слово *галанци* въ томъ же первомъ изданіи. Во второмъ изданіи, а также въ третьемъ—авторскомъ тоже стоитъ слово *штаны*, а не *галанци*. Намъ представляется дѣло такъ, что слово *галанци* было въ первоначальномъ набросвѣ Энеиды, откуда оно и попало въ первое изданіе Парпуры, который, имѣя подъ рукой другой списокъ Энеиды съ словомъ *штаны*, внесъ это слово въ опечатки для замѣны слова *галанци*, а затѣмъ уже слово *штаны* очутилось во второмъ и въ авторскомъ изданіяхъ. Если догадка наша справедлива, то нельзя отказать первому изданію Парпуры, равно и нашему списку, въ томъ, что они сохранили нѣкоторые слѣды первоначальной редакціи Энеиды, впослѣдствіи уничтоженные самимъ авторомъ.

Можно подтвердить это послѣднее соображеніе еще болѣе выразительнымъ примѣромъ. Въ третьей части Энеиды, въ 52 и 53 строфахъ нашего списка, а такъ же въ изданія Парпуры, разсказывается о томъ, что видѣлъ Эней въ подземномъ царствѣ еще до переѣзда своего чрезъ рѣку Стиксъ. Видѣлъ онъ вѣдьмъ и упырей, огненныхъ змѣевъ съ крыльями, и кощеевъ, и всякихъ чудищъ сказочнаго міра, съ которыми хотѣлъ вступить въ борьбу. Но такъ какъ въ 51 строфѣ сказано, что Эней сильно струсилъ отъ тѣхъ дивъ, менѣе страшныхъ, которыхъ раньше видѣлъ, то воинственный задоръ его былъ бы явнымъ противорѣчіемъ съ страхомъ, только что обнаруженнымъ, поэтому авторъ и выбросилъ въ своемъ изданіи строфы 52 и 53, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, стояли въ первоначальномъ текстѣ

---

[1]) По объясненію словаря къ изданію Царпуры галанци—нѣмецкіе штаны.

Энеиды. Выходитъ отсюда, что нашъ списокъ и изданіе Парпуры ближе къ этому тексту, чѣмъ изданіе самого автора.

Такимъ образомъ ясно становится, что авторъ, исправляя изданіе Парпуры, исправлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первоначальный текстъ Энеиды, насколько можно судить о немъ по отраженіямъ его въ мѣстахъ, гдѣ нашъ списокъ сходится съ изданіемъ Парпуры, и оставлялъ безъ всякаго исправленія этотъ текстъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нашъ списокъ сходится съ изданіемъ самого автора.

Но есть въ нашемъ спискѣ мѣста оригинальныя, совсѣмъ непохожія на то, что мы видимъ въ изданіяхъ Парпуры и самого Котляревскаго. Встрѣчаются они во второй части Энеиды и гораздо чаще въ третьей. Нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія, поэтому мы на нихъ остановимся.

На пути изъ Карѳагена въ Италію застигла Троянцевъ буря. Тогда Палинуръ, самый мудрый изъ нихъ, послѣ обращенія къ Нептуну, говоритъ имъ:

„Бувайте, братцѣ, всѣ здоровы!
Чи ще никто зъ васъ не пропавъ“?
Теперъ куда мы, братця, пѣйдемъ“? (II, 4).

Вмѣсто второго стиха у Парпуры и у Котляревскаго стоитъ стихъ болѣе умѣстный и согласованный съ предыдущимъ и послѣдующимъ теченіемъ рѣчи:

„Отъ це Нептунъ замудровавъ“.

Троянки, огорченныя безпутнымъ поведеніемъ въ Сициліи Троянцевъ, подожгли троянскія лодки. Въ нашемъ спискѣ говорится по этому поводу: „*отъ трѣскотни земля гула*“ (II, 49), т. е. *земля* гула отъ пожара *на морѣ*. У Парпуры и Котляревскаго проще и естественнѣе: „горѣли діоготь и смола“.

Еще примѣръ:

„Теперъ Эней убравсь у пекло,
Прійшовъ совсѣмъ на *инший* свѣтъ,
Тамъ все поблѣдло и поблекло,
Зеленого ничого нѣтъ“. (III, 70).

Вмѣсто послѣдняго неяснаго и нескладнаго стиха у Парпуры и Котляревскаго стоитъ стихъ, вполнѣ соотвѣтствующій мѣсту дѣйствія: „нема ни мѣсяца, ни звѣздъ".

Изъ этихъ примѣровъ видно, что въ текстѣ нашего списка недостаетъ иногда стилистической обработки, тогда какъ присутствіе ея въ изданіяхъ Парпуры и Котляревскаго могло бы свидѣтельствовать о томъ, что даже изданіе Парпуры менѣе примитивно, чѣмъ нашъ списокъ, если бы не попадались въ немъ мѣста болѣе исправныя, чѣмъ въ изданіяхъ Парпуры и Котляревскаго. Таково, между прочимъ, юмористическое разсужденіе объ отношеніяхъ мужей къ женамъ. Въ авторскомъ изданіи читаемъ:

„Якъ чоловѣкъ и не онее,
Да коли *жиници*, бачишъ, тее,
Такъ треба угодити *имъ*". (III, 35).

Здѣсь не согласованы въ числѣ слова: *жиници* и *имъ*. Еще хуже у Парпуры:

„Хоть *чоловѣкамъ* не онее,
Та коли *жиници*, бачишь, тее,
Такъ треба угодити *имъ*".

Здѣсь *имъ* можно отнести къ *чоловѣкамъ*. Въ нашемъ спискѣ эти стихи редактированы вполнѣ грамотно и ясно:

„Хоть *человѣки* не онее,
Такъ коли, бачъ, *жинки* вже тее,
Такъ треба угодити *имъ*.

Но есть въ нашемъ спискѣ двѣ строфы, которыя безусловно ручаются за изначальность текста его не только сравнительно съ позднѣйшимъ авторскимъ изданіемъ Энеиды, но даже и съ изданіемъ Парпуры, которымъ, какъ мы видѣли, авторъ пользовался для окончательной редакціи своей поэмы. Это 105 и 106 строфы третьей части, гдѣ рѣчь идетъ о встрѣчѣ Энея съ Дидоной въ аду. Когда онъ предложилъ ей возобновить старинныя нѣжныя отношенія, то она по нашему списку отвѣчала ему такъ:

„Къ чорту убѣрайся,
На мене бѣлишь не повапляйся,
Сихей (мужъ Дидоны) *тобѣ росквасить нѣсъ*“! (Ш, 105).

Сивилла увидѣла, что нашъ искатель приключеній зашелъ ужъ слишкомъ далеко, и прикрикнула на него, и если бы не это обстоятельство, то

„*Сихей по нѣмъ бы привязався,*
Щобъ на жѣнкахъ не женихався,
До смерты вдовъ не доводивъ“. (Ш, 106).

Ни у Парпуры, ни у Котляревскаго нѣтъ ни слова о Сихеѣ, а на мѣсто стиховъ съ упоминаніемъ о Сихеѣ стоятъ безразличные стихи:

„Лишъ суньсь, тобѣ росквашу нисъ“. П.
„Не лѣзъ! бо розибью и нисъ“! К. (105 строфа).
„Що тамъ и досвѣтку дождався“. П.
„И може, той поры дождався“. К. (106 строфа).

Ясно, что текстъ нашей рукописи въ этихъ строфахъ ближе стоитъ къ первооснова Энеиды, чѣмъ у Парпуры и Котляревскаго. Замѣчательно при этомъ, что тотъ и другой издатель разошлись между собою въ варіантахъ, соотвѣтствующихъ стихамъ нашего списка. Можно полагать поэтому, что или Котляревскій пользовался не тою рукописью, которая была у Парпуры, или исправлялъ изданіе Парпуры. Вообще же намъ кажется, что, относясь неодобрительно къ изданію Парпуры, онъ пользовался этимъ изданіемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно представляло болѣе смягченную редакцію. Такъ, въ 76 строфѣ третьей части онъ, повидимому, охотно принимаетъ редакцію Парпуры въ стихѣ: „ксіондзы до бабъ щобъ не иржали“ вмѣсто: „ченцѣ до бабъ щобъ не иржали“, какъ въ нашемъ спискѣ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна 42 строфа въ третьей части. Рѣчь идетъ здѣсь о „святыхъ понурахъ“, которыя постились и молились и, по изданію Парпуры,

„Въ слухъ не лаяли людей,
Но тихо миръ пересуждали

И въ день николы не гуляли,
Въ ночи жъ було не безъ гостей".

Образъ неопредѣленный и неясный: неизвѣстно, кто эти „святи понуры" по своему общественному положенію и даже—какого онѣ пола. Нашъ списокъ разъясняетъ, въ чемъ дѣло:

„И въ слухъ не лаялы людей,
На чоткахъ миръ пересуждали,
И въ день николы не гулялы,
Родили жъ мертвыхъ все дѣтей".

Рѣзко сказано—такъ, какъ бываетъ иногда въ первомъ наброскѣ писателя, къ которому слетѣло „крылатое" слово, и онъ не успѣлъ еще ему подрѣзать крылья. Котляревскій удерживаетъ изъ наброска *на чоткахъ*, а изъ изданія Парпуры послѣдній, смягченный стихъ, избирая посредствомъ этого пріема средній путь. Такимъ образомъ, благодаря нашему списку Энеиды, мы присутствуемъ какъ бы въ стилистической лабораторіи автора, при самой обработкѣ его произведенія.

Вообще, какъ видно, Котляревскій не охотно занимался исправленіемъ своей Энеиды. Мы видѣли это отчасти изъ предыдущаго, теперь же укажемъ на стихотворные недосмотры въ его изданіи. Мы замѣтили, напримѣръ, въ 134 строфѣ его изданія отсутствіе рифмы, которая сохранилась въ нашемъ спискѣ. Положимъ, это мелочь, но вотъ что важно. Слѣдуя Осипову, Котляревскій усвоилъ восьмисложный ямбъ, при чемъ стихи рифмуются между собою такъ: въ первомъ четырехстишіи первый стихъ съ третьимъ, второй съ четвертымъ, во второмъ двухстишіи одинъ съ другимъ, въ третьемъ четырехстишіи первый стихъ съ четвертымъ, второй съ третьимъ. Получается такимъ образомъ строфа, состоящая изъ десяти стиховъ. Въ нашемъ спискѣ отдѣляется одна строфа отъ другой цифрой: такъ, по всей вѣроятности, было и у самого Котляревскаго въ первоначальной редакціи Энеиды, но въ позднѣйшей редакціи онъ, слѣдуя двумъ предшествующимъ печатнымъ изданіямъ, соединилъ по двѣ строфы въ одну, замѣнивъ безъ всякаго основанія естественную

единицу стихотворной мѣры искусственной. Такія произвольныя группы стиховъ во всѣхъ трехъ первопечатныхъ изданіяхъ Энеиды отдѣляются не цифрами, но тремя звѣздочками.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ замѣтить, что было бы большой смѣлостью съ нашей стороны на основаніи предыдущаго анализа текстовъ Энеиды возстановлять первыя три части ея въ томъ видѣ, какой онѣ могли имѣть въ первоначальной авторской редакціи этой поэмы. Думаемъ, однако же, что нашъ списокъ сохранилъ многія черты этой редакціи, утраченныя, какъ въ изданіи Парпуры, такъ и въ изданіи самого Котляревскаго.

П. Житецкій.

СМЕРТЬ МАКАРЫХЫ.

I.

Засыпала насъ зима цей рикъ снигомъ одъ щырого серця; округы, скилько окомъ докынешъ, ривный, билый степъ: ни ярочка, ни бугорочка—все зривнялося пидъ билою намиткою зимы. Тилько „чорни могылы", ци велетни степови, ци едыни свидкы давнёи бувальщыны, славнои козаччыны,—тилько-тилько що мріють. На хутори тежъ ни повиткы, ни загороды зъ-пидъ снигу не выдно. Поутушкованн бурьяномъ та гречаныцею хаты сумно чорніють зъ-пидъ билыхъ стрихъ. Все зачынено, заховано, наче навить сама надія прокынутысь по весни для нового жыття мицно заснула, або и зныкла зъ сердецъ хуторянъ. Литня та осиння доба неустаннои праци мынула... Хлибъ помолочаный, солома въ ожередахъ, и за кинцемъ важкыхъ роботъ прыйшовъ кинецъ и золотымъ мріямъ: и цей рикъ, якъ безличъ прежнихъ рокивъ, выпахана нывка не дала ни на одне зернятко бильше того, скилько потрибно симьи хлибороба, щобъ не вмерты зъ голоду, ни на одну соломыну бильше того, скилько потрибно, щобъ не замерзнуты въ хати... „Сыдить, диткы, на печи, не рыпайте хаты, не выпустить того духу, що задержався, хвалыты Бога, за довгу зиму въ хати",—умовляють матери дитей, затуляючы въ чадомъ верхъ въ груби. „Треба повитку краще утушкуваты, щобъ телычка не мерзла та меньше йила",—клопочутся батькы и ще щильнише прыправляють двери у загородахъ.

А ось насунула темна хмара зъ холодного краю, посыпавъ снигъ, а дали де узявся у Бога витеръ, пиднялася завирюха... Ще щильнише затушкувалысь хуторяне, наче въ шкаралупци зачынылыся, и сумно, темно, якъ у домовыни, стало на цёму людному та веселому хутори литнёю добою. Проспивалы перши пивни, выйшовъ сторожъ, ударывъ разъ, у-друге въ клепало, пройшовъ до царыны, повернувъ назадъ, ще разъ подавъ клепаломъ про себе звистку та й замовкъ, задримавшы у затышку пидъ чыеюсь повиткою... Хуторяне зарани сю ничъ полягалы, бо майже ни у кого не було свитла; тилько у одній хатыни, що биля млынивъ, доси не гасылы каганця. Тамъ, скотывшысь зъ подушокъ, лежыть на голому полу хвора Макарыха. Добру годыну гукае вона на чоловика, щобъ оправывъ подушкы, пидославъ пидъ бокы ряденце, пособывъ перевернутысь на другый бикъ,—Макаръ не обзывается, бо спыть, якъ зоризаный. Нарешти одъ натугы полылася кровъ зъ горла хворои, потекла по сорочци, по подушкахъ, и Тетьяна замовкла... але не замовкла та туга, що вже два мисяци хвороба гадюкою вылася пидъ серцемъ...

„Чы вже-жъ мени смерть прыйшла такъ несподивано та негадано“?—сумуе недужа. „Господы, Свята Пятныце! заступы, оограды мене! Я-жъ людына ще молода: и 40 рокивъ не прожыла на свити. Сподобы мене, Царыце Небесна, хочъ дитокъ до ума довесты!“

А двое дитокъ—хлопчыкъ 5 рокивъ та дивчынка 7, сплять першымъ мицнымъ сномъ, не думають-не гадають, що останню ничку проводять зъ ридною матирью.

Думка за думкою проносятся въ голови Тетьяны, и кожна думка гиркиша за полынь, чорниша за чорну хмару. Все жыття, якъ одынъ день, прыгадуется мымоволи, и тяжке зитхання вырывается зъ наболилыхъ грудей.

„Чы варто було стилько рокивъ побыватыся, не досыпляты, не дойидаты, щобъ такого кинця диждаты? Цилый викъ чужымъ людямъ годыла, по сусидахъ тынялася, а диждала свого кутка, свого шматка хлиба—неспособна стала никуды,—прыйшовъ часъ помыраты“.

Зъ 10-ты рокивъ довелося Тетьяни служыты, на 20-му пишла въ чуже село замижъ. Чоловикъ трапывся плохый, роботящый, зате свекруха та 5 зовыць жывцемъ йилы. Терпила вона рикъ, перетерпила другый, а на 3-ій подякувала за хлибъ-силь новій родыни та й пишла знову до чужыхъ людей. Незабаромъ прыйшовъ чоловикъ до неи, и сталы воны вдвохъ служыты та на хату гроши складаты. За 5 рокивъ заробылы воны 200 карбованцивъ, купылы у обчества за 2 видра горилкы маленькый грунтыкъ на выгони, зопьялы хатыну та й перейшлы на новеньке господарство жыты. Але скрутно було на перше хозяйство стягатысь: коженъ пудъ хлиба, коженъ оберемокъ соломы гирко доводывся, и ще 8 рокивъ неустаннои праци по чужыхъ людяхъ мынуло, покы Тетьяна та Макаръ спромоглыся хочъ поганенькымы хозяинамы статы. Тымъ часомъ Макаривъ батько померъ, и досталась теперь ёму десятына батькивщыны. Тетьяна наче на свитъ народылася: ще пыльнище стала вона на «своій» нывци працюваты, ще дужче за своимъ хозяйствомъ побываться. Черезъ якый-небудь рикъ повелыся поросята, утята, рижного заводу куры; зацвила на горбди пышна рожа, жовта гвоздыка; засяялы иконы пидъ скломъ, и тилько одного бракувало въ веселій господи невсыпущои господаркы: русявыхъ головокъ невгамовныхъ щебетунчыкивъ. За 6 першыхъ рокивъ замижжя Господь пославъ ій двохъ дочокъ, але чы можна було за чужою роботою гараздъ дитей доглядаты у наймахъ? Диты померлы малесенькымы, и Тетьяна недовго побывалася тоди за нымы; зате теперъ, диждавшы свого кутка, своеи нывы, не разъ плакала, прыгадуючы крихотни облычча своихъ дитокъ и благала Святу Пятныцю поблагословыть іи хочъ едынымъ чадомъ. Зоглянулася Св. Пятныця на слизни благання матери, и ось двое чорнявыхъ, червоновыдыхъ дитокъ ростуть, —якъ зъ воды идуть. Невже-жъ ихъ теперъ покыдаты?

— О, Господы Мылосердный! Царыце Небесна!—застогнала Тетьяна.

На сей разъ прокынувся и Макаръ. Пры свитли каганця винъ здавався ще зовсимъ молодымъ. Того, що найдужче оса-

дыло здоровья Тетьяны, винъ николы не зазнававъ: чы у наймахъ, чы у себе дома, винъ, якъ чоловикъ, знавъ тилько денну працю, зъ-позаранку лягавъ спать и, добре спочывшы, встававъ свижый, бадёрный у-ранци. Не те доводылося Тетьяни: цилисенькый день маленька, дрибна, але нагайна, робота, а ничка прыйде—хочъ пряжа, а хочъ яке дрантя, що треба полагодыты, не дадуть заснуть та вволю спочыть. И такъ изо-дня у день, зъ року у рикъ, покы здоровья не загынуло вкрай.

— Царыце Небесна! Святи Угодныкы! Охъ! тяжко дыхаты!—застогнала знову Тетьяна.

— Чого, стара, стогнешъ?—обизвався Макаръ, позихаючы.

— Спышъ, неначе вбытый! — никому и подущокъ мени оправыты,—мовыла зъ докоромъ Тетьяна.

— Ну, якъ тоби? Гирше, чы легше? Чы ба, скилько крови натекло... И звидкиль вона берется? Отъ стилько крови... Ачъ!

— Вперше бачышъ, чы що?—одказала зъ серцемъ Тетьяна. Посунь сюды подушкы... ни, не такъ... сюды... легше-бо!

— Оце горе мени зъ тобою: ще ніякъ не вгожу. Колы-бъ хочъ знаття, чы жытымешъ, чы помрешъ, а то... хто его зна... Тилько клопитъ зъ тобою!—мовывъ Макаръ, одходячы одъ лижка жинкы.

Тетьяна хотила щось видповисты, та не стало сылы. За той короткый часъ, покы чоловикъ оправывъ подушкы, зныклы и останни сылы. Вона сыдила теперъ на высоко помощеныхъ подушкахъ и тилько сумнымъ поглядомъ дывылась на Макара. А Макаръ походывъ трохы по хати, напывся воды, вызырнувъ у виконце и пишовъ довидатысь до телыци. Завирюха трохы перейшла; де-у-якыхъ хатахъ вже засвитылы. Макаръ заложывъ телыци соломы, одкынувъ трохы снигъ одъ дверей и неохоче вернувся въ хату. Спать ёму не хотилося, а робыты у-досвита тежъ не було чого; винъ сивъ, не скыдаючы кожуха, на лави и замыслывся.

Зъ тіею думкою, що незабаромъ доведется жинку ховаты, винъ давно звыкся. Що буде зъ нымъ писля смерти жинкы, якъ справлятымется винъ одынокый зъ двома дитьмы, зъ хозяйствомъ,

якъ тягтыме теперъ винъ самъ те ярмо, що було иноди не въ сылу тягты у-двохъ—про те винъ тежъ не думавъ. „То ще мае колысь буты и якось-то буде! Прыйде время—и саме жыття покаже; люде порадять и самъ винъ побачыть, якъ ёму жыты, що робыты: чы одынокому вику дожываты, чы другои дружыны шукаты“. Турбувала ёго тилько одна думка: де грошей здобуты теперъ для похоронъ жинкы? За 15 рокивъ невстаннои праци воны встыглы тилько збудуваты оселю про жыття, про смерть-же не малы часу дбаты. Одже не спытала несподивана гостя, чы уготовылы господари чымъ іи витаты, чы прыпаслы грошей на горилку, зйижу, на нову оселю-домовыну; стука въ двери, переступае поригъ, немылосердна, ось-ось наблызытся до самого лижка хворои жинкы, и що винъ тоди робытыме, де здобуде грошей, щобъ поховать та помянуть жинку?

— Охъ, колы-бъ Тетьяна ще хочъ цей тыждень протягла!—тяжко зитхнувъ Макаръ:—въ городи на тимъ тыжни ярмарокъ, продавъ-бы кожушанку за 6 карбованцивъ, доклавъ-бы ти 3 карбованци, що жинка на оплаткы наскладала, та й поховавъ-бы іи безъ клопоту...

Правда, въ загороди ще телычка йе—хиба іи продаты? Телычка тильна, а къ Велыкодню телятко прыведе, буде коровою. Легко сказать: „корова у двори“, та не легко диждаты такого щастя... Въ той день, якъ вперше обизвется телятко на загороди, вси хуторяне знатымуть, що Макаръ вже вызволывся зъ становыща голоты, що по весни винъ бильше не бигатыме, не кланятыметcя, щобъ хто заскородывъ ёго нывку, а спряжется зъ сусидомъ и выйде на поле зъ своимъ тягломъ, своею бороною... Ну, а якъ помре жинка, то може и доведется телычку продаты. Хиба у жинкы порады попытаты?—и винъ заговорывъ про це до Тетьяны.

— Телычку продавать?—скыпила Тетьяна!—Онъ яки замиры вже маешъ? Якъ глядилы, якъ ростылы телятко, та теперъ продаваты! Чы не наболило ще серце, дывлячысь на дитей, якъ воны въ сусидськи глечыкы заглядають. Та тебе швыдче правцемъ поставыть, нижъ ты спроможешся другу телыцю купыты...

— Та я жъ тилько порады у тебе пытаю. Чымъ я тебе поховаю, якъ помрешъ до масници? За кожушанку ничого безъ ярмарку не вторгую,—обизвався Макаръ.

— Вже и кожушанку продаваты? Я жалкувала до церквы іи надиваты, черезъ те и застудылася, що на торгъ пишла у юпчыни, роками зо два гроши по шагу на неи збирала, а ты мерщій на торгъ... Потривай трохы, не поспишайся! Замисть того, щобъ попыльнуваты та якыхъ ликивъ у аптеци задля хворои жинкы здобуты, ты мерщій—хозяйствечко збуваты, телычку продаваты. Не надійся, не помру сплоха, ще пожыву на твою голову,—дарма, що не хочешъ поклопотатысь.

— Охъ, ще мени про тебе клопотатысь? Всякому обрыдне два мисяци зъ хворою возытысь. Самъ топы, самъ вары, самъ за всячыною... то тобъ-то ще и дохторивъ та бабивъ зъ усёго свиту склыкать! Колы-бъ вже тебе Господь прыймавъ, або-що, а то тилько зануда.

— Зануда? За твоимы злыднямы здоровья загубыла. Не була-бъ за тобою—не лежала-бъ теперъ, якъ колода. Тоби жинка була люба, покы робыла, а якъ занедужала, то и на смитныкъ здатенъ выкынуты. Гляды! спиткае и тебе лыхая годына, згадаешъ тоди Тетьяну, не разъ пошкодуешъ, та не поможется,—докоряла стыха Тетьяна.

— Чы я тебе займаю? Лежы, колы лежышъ. Застудылася, занедужала, неспособна стала робыты,—про те я тебе не докоряю... Мени, може, тяжче доводытся, нижъ тоби лежаты,—видповивъ Макаръ, простягаючысь знову на лави спаты.

— Мени легко лежаты? Хозяйствечко чысто пропало—хиба легко мени бачыты? Ото-жъ на жердци высять непопрани мишечкы,—попріють чысто одъ земли, а я жъ на ныхъ на спилъ коноплы брала... У лёху доси огиркы поцвилы, капуста загнылася, а я-жъ и огирочкы, и капусту на одробитокъ брала. Охъ, Господы! Колы-бъ мене хочъ на одынъ день одпустыло—я бъ хочъ у лёху попрыбирала!... Коноплы мыши доси пойилы. Мабуть вже у-досвита засвитылы,—прядуть жиночкы, тилько я лежу.

— Напрялась на своёму вику—буде зъ тебе!—обизвався Макаръ, перевертаючысь на другый бикъ.

— Чому-жъ то: „буде зъ мене“? Може такы я ще одужаю, може Господь сподобыть мене ще яку сорочку спрясты!...

— Хиба на тому свити!—буркнувъ Макаръ и укрывся зъ головою, щобъ не чуть бильше жинчыныхъ докоривъ.

Але Тетьяна цёго не бачыла: все те, що накыпило на серци за довгу хворобу, все те, що передумала, пережыла вона нышкомъ за два мисяця, заворушылося теперъ, закыпило, стало прохатысь геть зъ наболилыхъ грудей.

— Ты гараздъ враждуваты та судыты мене, а якъ помру, та визьмешъ другу жинку, то побачышъ, яка зъ неи буде тоби дружына, дитямъ маты, у хозяйстви робитныця. Не шкодувала я ни здоровья, ни спокою, щобъ свого кутка диждаты, а вона не схоче готового добра и зберигаты... И хату, и телычку, и кожушанку прыдбала, а вона переведе все, розпустыть, роскыда, попсуе, бо вона-жъ не знатыме и не бачытыме, якъ воно мени все те дійшлося...—казала Тетьяна, важко переводячы духъ и що-хвылыны стыскуючы долонямы розболилый бикъ.

Макаръ не обзывався, бо зразу заснувъ. Одначе Тетьяна не стыхала: де-килька разивъ кашель перепынявъ іи ричъ на пивъ-слови, але заспокоившысь трохы, вона вела свою ричъ дали. И чымъ бильше казала вона, тымъ дужче розгоралыся очи, тымъ бильше червонилы выскы: ця останя сповидь, здавалося не тилько не втомляла іи, а навпакы—додавала жывотворну сылу вмыраючому тилу. Одъ докоривъ, одъ згадокъ про мынуле жыття, переповнене самымы недостаткамы та невстанною працею, вона перейшла до сучасного становыща, смилыво зазырнула у вичи майбудністи. О! вона ще не помре. Ій не можна ще вмыраты: мали диты, нова хата, своя коривка—ни, годи и думаты про смерть! Вона мусыть жыты—мусыть зберегты одъ поталы те, що прыдбала циною свого здоровья, працею 30 рокивъ, и вона зостанется жыты. Ій вже и за сю ничъ значно полегшало. Колы-бъ не такый питъ та не такый кашель, то вона-бъ вже и клопоталася помаленьку. И та кри-

хотна надія на жыття, що якось непрымитно прокралася въ серце недужои, росла зъ хвылыны на хвылыну: ще годына—и Тетьяна вже певна була, що одужае, що незабаромъ покыне тверде лижко, и знову закыпыть у дужыхъ рукахъ робота.

Нарешти трохы заспокоена такымы думкамы, вона заснула.

II.

Спала вона не довго: тилько що розвыднылося, хтось пидійшовъ до іи лижка, прыдавывъ за нисъ и ставъ лапаты за рукы та за ногы. Вона росплющыла очи. Передъ нею стояла баба Горпына, а трохы оддали ще де-килька жинокъ. Важкый духъ одъ чобитъ та кожушанокъ, холодный витеръ, що врывався въ одчынени двери, прычынылы ій кашель, и вкрай стомлена имъ Тетьяна, ледве переводячы духъ, одвернулася одъ непроханыхъ гостей до стинкы. Горпына перехылылась всимъ своимъ худымъ, высокымъ станомъ и зазырнула черезъ голову у вичи хворои.

— Потягло очи, вже и земля надъ губамы пала,—мовыла вона журлыво жинкамъ, що стоялы стыха та сподивалыся, що-то баба Горпына скаже.—Рукы холоднисеньки та й сама тилько-тилько що тепла,—додала вона, скыдаючы ватянку.

— Вы-бъ ій сорочку переминылы та подушкы пообтыралы,—пораяла молода московка у чоботяхъ на высокыхъ закаблукахъ, въ голубій ватянци.

— Навищо іи тревожыты? Помре, то однаково прыйдется переминяты,—мовыла Горпына, одначе одирвала одъ старои сорочкы ганчирку, умочыла въ воду и стала обтыраты окрываввлени губы, выдъ та подушкы.

Тетьяна застогнала.

— За вухомъ обитрить,—пидступыла слипенька на одно око баба.

— Волосся сплуталося—боюся, щобъ не ускубнуты,—видповила Горпына.

— Та вона вже не чуе; ось дайте я обитру.

— Де тамъ, не чуе? Адже стогне,—мовыла Горпына, вырываючы зъ рукъ слипенькои бабуси ганчирку, котру та було вже потягла до себе.

— Ось не займайте,—помре, то обмыемо тоди до-дила,—заспокоила Степаныда слипеньку бабу.

— Може вона вже и померла?— запытала пошепкы Мотря.

— Ще не вмерла, а швыдко помре: разъ пiйде теплый духъ, а въ друге—холодный. Ось прыступить, кумо Хрысте, та подывиться,—мовыла тежъ пошепкы Горпына.

Кума Хрыстя прыложыла долоню до рота хворои.

— Ай справди: разъ теплый духъ, разъ холодный. Помре незабаромъ сердешна Тетьяна; колы-бъ хочъ встыгла порядокъ якый дать.

— Треба небезпреминно, щобъ роспорядылася,—чоловикови, диткамъ, хозяйствечку якый порядокъ дала,—пидхопыла баба Мотря.

— А якъ-же, треба про все роспытатысь. Тетьянко, а Тетьяно! може-бъ ты якый порядокъ дала?—наблызылася знову до недужои Горпына.

— Та не займайте iи!—бачыте—лупнула очыма та й знову заплющыла. Iй, сердешнiй, дыхать важко, а воны про порядокъ клопочутся,—вкынула свое слово московка.

— У тебе порады про худобу пытаты, чы въ кого, якъ помре?—накынулася на московку слипенька баба.

— Яка тамъ худоба? Скилько тiеи худобы?—завважыла московка.

— Та вже хочъ и невелычка худоба, та загорёвана. Цилый викъ жинка працювала,—не дойидала, не допывала, та тобъ-то теперъ свою худобоньку на людську волю виддаваты!—мовыла Мотря.

— Що-то и казаты? Мы не роспытаемося, вона намъ не скаже, а потимъ на тимъ свити на насъ враждуватыме, що мы iи добру та не зналы, якъ ладъ даты,—додала Степаныда.

— Тетьяно, а Тетьяно!—допытувала тымъ часомъ Горпына хвору:—чому ты намъ не кажешъ, чому порады не даешъ?

Порадь чоловикови: чы ёму коривку держаты, чы може продаты, чы ёму самому хозяйнуваты, чы другои матери дитямъ шукаты?

— Я ще не помру,—обизвалася черезъ сылу Тетьяна.

— Э, куды тоби вже, сестрыце, жыты, якъ печинкы чысто потлилы!—зитхнула Горпына.

Тетьяна одвернулася.

— Не хочется помыраты? Що-жъ робыты! Якъ прыйде прызначаный часъ, то одъ смерти нихто не одкупытся: ни багатого, ни бидного, ни щаслывого, ни безталаннаго, якъ часъ ёго прыйде, смерть не мыне,—мовыла Горпына.

— Може-бъ ще яки ликы и пособылы?—запытала московка.

— Яки тамъ ликы, якъ и на выду вже почорнила!—наче ажъ розсердылася слипенька баба.

— Мала̂ Макарови и такъ втрата? Ось помре жинка, то и поховать ни́-завищо буде, не те що на ликы втрачатысь,—мовыла Степаныда.

— Господня воля—ото вси ликы!—додала Мотря.

— Розскажы, серденько, до-дила, якъ Макарови жыты, що ёму робыты безъ тебе? Чы продать коривку, чы може кожушанку, чы въ касси позычыть?—допытувала Горпына.

Тетьяна повела рукою на пичъ—тамъ спалы диты.

— Вона велыть дитей збудыты,—мовыла московка.

— Ни, то вона велыть коривку диткамъ зоставыть,—мовыла Хрыстя.

— Ни, то вона такъ, зъ досады повела...

— Тш!... стала усовищаты московка:—жинка помырае, а воны заходылыся спорытысь.

— Кажы, Тетьянко, до-дила, щобъ мы вси зналы та твою волю уволылы, щобъ ты потимъ на чоловика не враждувала, щобъ твоя душа не печалылася: продавать коривку, чы ни?—допытувала Горпына.

— Ничого не продавать...—видповила черезъ сылу Тетьяна, и дви крупни, якъ горохъ слёзыны покотылыся по выду—упалы на сорочку.

— Не велыть ничого продаваты,—пидхопылы жинкы.

— А якъ звелышъ чоловикови жыты? Чы шукаты хозяйкы якъ помрешъ, чы зъ дитьмы самому хозяйнуваты?—пидступыла слипенька баба.

Тетьяна знову повела рукою. Бабуся не побачыла и знову запытала:

— Адже бачышъ—рукою повела; тилько-тилько що не скаже: „мени однаково: якъ хоче, такъ хай и жыве, абы дитокъ до ума довивъ",—видповила за Тетьяну Хрыстя.

— Господь іи Мылосердныи зна, навищо вона рукою повела, що въ неи на думци? Колы-бъ сказала, то було-бъ найкраще,—завважыла Мотря.

— Охо-хо-хо! Царыце Небесна, Святый Мыколо, угоднык Божый! Чы жыва наша зозулечка, а чы прысвятылася бидна голивонька?—запытала увиходячы та бабуся, що вже 12 рокивъ поспиль на богомилья ходыть.—Прощай-же, прощай, сестрычко! Просты мене, просты насъ усихъ, моя горлычко! Не занось гнива на насъ на той свитъ, помолыся за наши гришни души передъ Престоломъ Господнимъ!—мовыла вона дали, прыступаючы до лижка Тетьяны та уклоняючысь навмырущій ажъ до самои земли.—Диточкы-жъ мои, чаеняточка! Вы-жъ не думаете и не гадаете, яка васъ, сыритокъ, доля чекае. Пидходьте пидъ материнське благословеніе—хай васъ ненька риднесенька на все добре благословыть!—заклопоталася бабуся.

Дивчына заголосыла на всю хату и стала злазыты зъ печи, а хлопець, зъ пырогомъ въ одній руци и шматкомъ кныша у другій, ще мицнише прытулывся до печи. Бабуся злизла на пилъ стягла хлопця зъ печи и поставыла передъ матирью поручъ зъ сестрою.

— Пидступыся и ты, Макаре, до жинкы,—ты може найбильше вынен передъ своею дружыною: хай вона тебе поблагословыть,—звернулася бабуся до Макара, котрый саме увійшовъ

Макаръ пидійшовъ слухняно до лавы.

— Просты мене, Тетьяно!—мовывъ тыхо Макаръ и, вперше за всю хворобу жинкы, заплакавъ. Тилько теперъ, въ ци ос-

танни хвылыны життя іи, серце його боляче вабылося, тилько теперъ цилкомъ зрозумивъ винъ, яке горе спиткало його. Не тилько слухняный, терплячый робитныкъ, супруга у ярми, покыдае його,—едына блызька йому на всёму просторому свити людына иде одъ його, и нихто ничымъ вже не замистыть йому того серця, що былося, болило, радило на протязи трохы не 20 рокивъ спильно зъ його власнымъ серцемъ.

— Просты мене, Тетьяно!—мовывъ винъ вдруге, прыпадаючы до жинкы.

Облычча Тетьяны перекосылося—вона шыроко одкрыла очи.

— Двери... дыхаты... простогнала вона.

— Видчынить дужче двери!—Верхъ одтулить!—заклопоталысь жинкы.

— Господы! якъ ій, сердешній, важко дыхаты!—тяжко зитхнула Хрыстя.

— Ще-бъ не важко було, якъ печинкы чысто потлилы.—

— Благословы-жъ, Тетьянко, дитокъ та чоловика!—прыступыла знову богомильна бабуся.—Глянь, Тетьянко: дружына и диточкы твои передъ тобою!

Тетьяна глянула на дитей...

— Поблагословы-жъ ихъ, галочко!—мовыла ще разъ бабуся, пидіймаючы ослабилу руку хворои.

Тетьяна зъ велыкою сылою протягла дали руку и осиныла невелычкымъ хрестомъ голивкы дитей та чоловика. Жинкы сталы утырать нышкомъ слёзы.

— Охъ! якъ-же вона важко дыха! Ачъ! наче рыбына безъ воды,—промовыла Хрыстя, зазыраючы черезъ московчыне плече на Тетьяну.—

— То вона вже кончается...

— Охъ! пропустить мене,—я боюся!—кынулася московка до дверей.

— А порядку такы не дала!—нагадала Мотря.

— Хиба доси порядку не дала?—здывувалася Горпына, тилько теперъ повернувшыся до хаты, бо, впевнывшысь, що

Тетьяна не дожыве и до вечора, вона покынула жинокъ биля хворои, а сама побигла на хутиръ чавунивъ на окрипъ добуваты, и ввесь останній часъ не була въ хати.

— А ни пары зъ устъ, ввесь часъ мовчала,—мовыла Мотря.

Горпына поставыла чавуны на лави и зазырнула у вичи Тетьяны.

— Вже одходыть! Якъ-такы можна отаке допустыты? Стилько народу було, та то и не допыталыся ничого. Колы-бъ хочъ на часыну опамяталася,—заклопоталася Горпына и прыдавыла Тетьяну злегенька за нисъ, щобъ та прокынулася ще хочъ на хвылыну для жыття та дала бажану пораду.

Замисть видпочиди Тетьяна у останній разъ зитхнула,—и вылетила душа легенькою парою зъ наболилыхъ грудей.

— Померла! Хочъ пытай, хочъ не пытай—вже не скаже ничого,—мовыла Горпына, закрываючы віи померши.

— Царство Небесне! Вичный покій!—перехрестылася богомильна бабуся и стала передъ иконамы быть поклоны.

Жиночкы тежъ повернулысь до иконъ и сталы молытысь за упокій новопреставленои рабы Божои Тетьяны.

— Чы нема у тебе пятакивъ?—звернулася Горпына до Макара.

Макаръ вытягъ зъ скрыни хустку, розвязавъ вузлыкъ, въ котрому було завъязано два карбованця бумажкамы та трохы мидякивъ, и подавъ два пятакы Горпыни.

— Чы йе окрипъ?—запытавъ хтось зъ жинокъ.

— Треба обмыты, покы тепла, а то потимъ ни ногамъ, ни рукамъ рады не дасы,—замитыла Мотря.

— Окропомъ не клопочиться: два чавуны до себе въ пичъ ще у-досвита засунула, а це ось ци чавуны наллю та посуну. Роздягайтесь, жиночкы! Вытягай, Макаре, сорочку та запаскы про смерть, та лагодысь йихать у городъ по горилку та по хусткы, а ты, Мотре, попрохай Гарасыма, щобъ сповистывъ батюшку,—почала давать порядокъ баба Горпына.

Гарасымъ згодывся не тилько сповистыть батюшку, але умовытысь про похоронъ, поторгуватысь за Вангеліе, хоругвы, за прычтъ, за коней, а ця справа була далеко не легенька, бо цилкомъ залежала одъ нáстрою панъ-отця Ардаліона; настрій же залежавъ одъ рижныхъ выпадкивъ, а найбильше видъ „характера“ тыхъ бисивъ, що доводылось батюшци выгоныты зъ „одержимыхъ“ парафіянъ. Иноди траплялося таке слухняне, покирлыве, навить дурненьке бисенятко, що досыть було батюшци добре напьястыся та трычи крыкнуты „проклинаю“, „заклинаю“, щобъ воно пидобгало хвистъ та втекло безъ висты; иноди-жъ траплявся такый упертый та лукавый, що панъ-отець ажъ упріе заклынаючы, и тилько черезъ добру годыну такыхъ проклёнивъ, що ажъ волосся пидводятся на голови, нечыста сыла покыдае свою жертву, але тутъ-то и чекае панъ-отця горе. Збентеженый зъ свого першого прыстановыща бисъ перескакуе, не довго думавшы, въ просторый утрунокъ панъ-отця и почынае тамъ хозяйнуваты, якъ у себе въ пекли. Даремно старается панъ-отець затопыты биса оковытою—нечыста сыла вырынае наверхъ, якъ пирьина и выявляется то неподобающымы словесамы, то якымы-небудь прыкрымы діяніямы. Довго дывувалыся, довго сердылыся парафіяне, але якъ прочулы одъ самого батюшкы, яка ёму прыгода трапляется, якъ розибралы, що то нечыста сыла сквернословыть устамы ихъ пастыря, що то лукавый бисъ управляе серцемъ ёго, то заспокоилысь и сталы терпляче сподиватысь того часу, колы нечыстій сыли обрыдне самій коверзуваты. Правда, якась недобра душа донесла нарешти куды слидъ, и батюшку змистылы рокивъ черезъ два, але въ той часъ, колы Гарасымъ увиходывъ у батюшчыны горныци, панъ-отець саме борыкався зъ бисомъ Солопіи, котру прывозылы за три дни до смерти Макарыхы, и Гарасымъ видразу спостеригъ по облыччю матушкы, по заплаканымъ очамъ наймычкы, а найбильше по духу одъ монопольки, що безталанному панъ-отцю Ардаліону непереливкы.

Добру годыну довелося Гарасыму посыдиты въ кухни, покы панъ-отець пообидавъ та выйшовъ.

— Чого треба? Чого прыйшовъ?—запытавъ отецъ Ардаліонъ Гарасыма.

Глянувъ Гарасымъ на батюшчынъ нисъ скоса тай зитхнувъ сердешный.

— Чого прыйшовъ?—гукнувъ вдруге батюшка.

— Макарыха Богови душу виддала, такъ найпокорнише вашои мылости прошу прыйихать.

— Яка це Макарыха? Якъ фамилія? Яка Трохымыха?—перехопывъ ричъ Гарасыма батюшка.

— Макарыха,—поправывъ Гарасымъ.

— Фамилія? Фамиліи пытаю!—крыкнувъ несвоимъ гласомъ панъ-отець.

— Хвамылія... прызвище? Та... якъ іи... тая... просты Господы, забувся...

— Якъ забувся? Якъ забувся?—ще дужче закрычавъ батюшка.—Ты въ шынкъ, по горилку прыйшовъ? Геть зъ моеи хаты, пьянюго! Выпывъ кварту, та тоди до батюшкы съ порожнимы рукамы.

— Хочъ и заприсягты, батюшечко, и рисочкы въ роти не було... И въ заводи немае горилкы дома... Хиба-бъ я...

— Геть! Вонъ!—перепынывъ отець Ардаліонъ Гарасыма и хотивъ ще ногою топнуть, та якось схытнувся.

— Ардаліоша! Ардаліоша! Не сердься-бо!—мовыла несмиливо матушка. Це мабуть, чоловиче, чы не Грабенкова померла?—звернулася вона до Гарасыма.

— Эге-жъ, эге!—зрадивъ Гарасымъ,—Грабенкова, вона.

— То-то и йе! Грабенкова!—мовывъ строго батюшка.—А де дытына? де кумы?—крыкнувъ ни зъ того, ни зъ сёго отець Ардаліонъ.

Гарасымъ настановывъ вуха...

— Де дытына?—крыкнувъ ще дужче батюшка.

— Тебе, Ардаліоша, ховаты, а не хрестыты запрохуе чоловикъ. Грабенкова, серце, померла,—заступылася за Гарасыма матушка.

— Ага! Грабенкова померла?—нарешти розибравъ батюшка.

— Эге-жъ, эге... Грабенкова, сёгодни померла... Просымо васъ найпокорнише поховаты іи.

— Не хочу я іи ховаты. Не хочу, тай край. Такъ и перекажы: казавъ батюшка, панъ-отецъ Ардаліонъ, що не хоче ховаты Грабенковои... Де вона говила? Въ манастыри. Хай-же ія и ховають монахы. Почимъ я знаю, якъ вона говила? Може вона замисть церквы, въ шынку сыдила.—Не хочу я такыхъ свыней ховаты. Свій храмъ тилько що не завалытся, прычтъ духовный тилько що зъ голоду не погыбае, а вы свои мидякы монахамъ виддаете! Скилько вы даете батюшци за требы? Шагы! А якъ я тилько прызначывъ за сповидь вашои богомерзскои души по 10 к., такъ вы вси въ манастырь побиглы говиты? Не хочу-жъ, колы такъ, васъ ховаты...

— Вашои мылости, батюшечко, прохаю, не гнивайтесь на новопреставлену—може въ неи справди не було грывеныка на сповидь. Зробить Божеську ласку—поховайте іи безъ серця.

— А скилько дадуть за похоронъ?—запытавъ трохы мылостывише отецъ Ардаліонъ.

— Звистно, люде бидни—якъ спроможутся, такъ и подякують вамъ,—мовывъ обережно Гарасымъ.

— Меньше одъ двохъ карбованцивъ не визьму, а за Вангеліе, хоругвы, прычтъ особо. Та щобъ добрыхъ коней прыслалы, чуешъ?

— Чую, чую, батюшечко. Тилько не въ гнивъ вамъ буде, що скажу: поховайте іи за полтынныччка, зробить Божеську мылость, люде бидни...

— Ты на торгъ прыйшовъ?—крыкнувъ батюшка, ажъ шыбкы въ викнахъ забряжчалы.—Два карбованци, ни копійкы меньше.

— Хай вже и два карбованци, тилько щобъ за Вангеліе, хоругвы и прычту вже не платыты...—уклонывся нызенько Гарасымъ.

— Такъ ты ще торгуватысь? Геть пишовъ! Не хочу я ніякъ васъ ховаты. Якъ собакы пропадайте! До монахивъ идить. Маршъ!—розсердывся ще дужче батюшка.

— Колы-жъ звелыте коней прысылаты?—запытавъ похмуро Гарасымъ.

— За коней пытаешъ, а про гроши мовчышъ? Знай, що у-набиръ я не ховатыму. Мени нема дила, що Грабевка, чы якъ ёго тамъ, злыдни пойилы—мени гроши щобъ булы зразу, а якъ не дадуть впередъ, то я назадъ пойиду—такъ и скажы тамъ. Чуешъ?

Грыцько все добре чувъ. Кримъ того, винъ бачывъ, що упертый бисъ Солопіи тилько що почавъ коверзуваты, и колы Гарасымъ протягне свою розмову зъ панъ-отцемъ дали, то нечыста сыла добавыть до двохъ карбованцивъ ще мирку пшеныци, кварту горилкы або крашанокъ, и бильше не змагався.

— Чую! чую!—покирлыво видповивъ Гарасымъ, и уклонывшысь нызенько батюшци и матушци, подався геть зъ кимнаты.

III.

Иванъ Крыворотько запрягъ свою шкапыну и пидйихавъ до Макаровои хаты. Макарови зоставалося тилько систы та йихаты въ городъ за покупкамы; одже довго ще не сидавъ винъ, довго блукавъ то по-надвирью, то по хати, довго роздывлявся по всихъ куткахъ, наче чого шукаючы. „Зъ чымъ йихаты въ городъ? Що продаты?"—пытавъ винъ себе, у-десяте зазыраючы у порожню хыжу. Але скилько не прыгадувавъ, скилько не дывывся—и на очи, и на думку спадала разъ-у-разъ колы не кожушанка, то телыця. Кожушанка-телычка! Телычка-кожушанка!—проносылось у голови, а на серци становылося все тяжче. Шкода кожушанкы продаваты—жинка до церквы не надивала, дочци прыберигала... а ще шкоднише телычку виддаваты...

— Чы ты у лиси заблудывся, чы голову загубывъ?—крыкнувъ ёму Иванъ.

— Зразу, зразу иду́,—мовывъ Макаръ и, нарешти ухопывшы зъ одчаемъ кожушанку, сивъ у сани.

Люде почалы вже зъ торгу розйиздытысь, проте кругъ Макара зъ новою кожушанкою на рукахъ зибралося чымало жи-

нокъ та чоловикивъ. Коженъ бравъ кожушанку, розглядавъ іи зъ усихъ бокивъ, коженъ бажавъ купыты, але дававъ „по своихъ достаткахъ“ такъ мало за неи, що Макаръ вырывавъ зъ серцемъ кожушанку и ишовъ дали. Дали обступалы ёго знову люде, знову роздывлялыся, роспытувалы, божылыся и нарешти давалы ще меньшу цину.

Вкрай розсердывшысь на купцивъ-голоту, а найбильше на саму Тетьяну, що померла не дождавшы ярмарку, Макаръ пишовъ до саней. Тамъ стара, ажъ сыва, кобыла працювала беззубымы яснами надъ оберемкомъ соломы. Макаръ штовхнувъ зъ пересердя іи въ бокы, крыкнувъ не-знать навищо: „стій, проклята!“, вырвавъ зъ роту солому, ударывъ мотузянымъ батогомъ и повернувъ оглобли до-дому. Винъ певенъ бувъ, що на хутори нихто ёго не вызволыть, бо у такыхъ людей, якъ и винъ, тилько хиба у-осены, до оплатокъ, поводытся копійчына, а дукари дбають тилько про себе,—але не зважывся и виддаваты у пивъ-цины ту кожушанку, що далася такъ гирко.

„Якось-то буде... Люде щось прырозуміють... Не зостанется-жъ Тетьяна непохованою“,—розважавъ винъ себе, покы кобыла помаленьку тюпала до-дому. „Може и батюшка поховае безъ грошей—тоди я за прыпасени гроши труну справлю, а останне—якъ Богъ дасть“!...

Але дома дожыдала ёго недобра звистка про панъ-отця Ардаліона: меньше одъ двохъ карбованцивъ за самый похоронъ батюшка не схотивъ взяты! Сивъ Макаръ край столу, схылывъ свою голову на згорнути рукы—ніякъ соби рады не дасть. Що робыть, де дистаты грошей, колы навить и въ касси немае! Звернутысь до Афанасія Петровыча Карпенка? Не позычыть и той за спасыби: доведется хочъ землю пидъ застанову виддаваты, хочъ на таки одробиткы згожуватысь, що и лито святе за ёго роботою пропаде. Куды звернутысь? Де дистаты грошей?—въ-десяте пытавъ себе Макаръ, дывлячысь, якъ жиночкы пыльнують биля бездыханного тила жинкы. И справди, жиночкы одна одну поперeжалы, одна передъ одною хапалыся выказаты у рижныхъ дрибныцяхъ свою повагу цёму тилу. Докы це тило було жыве,

кожна зъ сусидокъ хочъ и рада була зробыть яку полегкисть, та не мала часу, а иноди не знала, якъ пособыты; за часъ хворобы тилько знахорка хиба, трохы ликарь, а може трошечкы и фершалъ, а найпаче самъ Господь Мылосердный мигъ пособыты недужій. Зъ тіеи-жъ хвылыны, якъ Господь прынявъ душу, якъ Тетьяна навикы заплющыла очи, зныкла рижныця мижъ знахаркамы, ликарямы та простымы людьмы, и выступылы певни, всимъ видоми, для всихъ однакови обовязкы „жывыхъ" до „мертвои". Тетьяна, якъ жыва людына, мала своихъ вороживъ, своихъ друзякивъ; Тетьяна, якъ мрець,—однакова до всихъ: душа іи скынула ти кайданы, що прымушувалы іи иноди нышкомъ зитхаты, иноди у-голосъ тужыты, а иноди навить зло чыныты такымъ самымъ закайданенымъ людямъ на земли, якъ и вона. Тетьяна скинчыла вже свою подорожъ; терній не колотыме бильше іи нигъ, и вона не зазихатыме бильше на чуже добре, якъ на пидстилку пидъ скривавлени ногы, нихто не заважатыме ій бильше на дорози, нихто не штовхатыме іи, и вона въ свою чергу не пхатыме сусида въ канаву.

Одначе це тило, ци тяжки кайданы—не хымера, не выгадка: Господь звеливъ ёму родытыся, росты, жыты, хворуваты, за-рады цёго тила доводылося на протязи жыття не разъ крывдыты навить душею, и теперъ душа, хочъ и выйшла зъ тила, але ще не покынула ёго: тры дни литатыме вона поблызу биля ёго, дывытыметсяна ёго и пыльно стежытыме, яку пошану виддадуть ёму въ-останне люде.

Жиночкы не шкодувалы праци, але богомильна бабуся клопоталася найдужче, якъ-бы краще знарядыты новопреставлену на той свитъ. Сама вона и сорочку завьязала, сама запаскы оправыла, сама и очипокъ надила, и Макаръ, сыдючы тутъ, середъ заклопотаныхъ жинокъ, на хвылыну навить забувъ про свое горе, про те, що то пораются люде биля ёго мертвои дружыны.

— Чому ты въ городъ не йидешъ?—ажъ сплеснула рукамы баба Горпына, вносячы видра зъ водою.

— Ни зъ чымъ йихаты,—видповивъ Макаръ, пидводячы свою зажурену голову.

— Адже у тебе йе два карбованци?

— Що тыхъ два карбованци? Батюшци та прычту заплачу, а покупокъ ни-завищо справыты...

— Та вже-жъ безъ труны не обійдешся,—обизвалася наче зъ серцемъ слипенька бабуся.

— Та не обійдуся,—сумно мовывъ Макаръ.

— Вже часъ робыты труну, а у тебе ще и дощокъ нема,— нагадала знову слипенька.

— И самъ знаю, що часъ вже труну робыты, такъ немае грошей... Хиба купыть дощокъ, а батюшци десь може розстараюся?—

— Хиба самыхъ дощокъ треба? Ще въ тебе ни платкивъ, ни свичокъ, ни меду, ни горилкы,—нагадала ще разъ слипенька бабуся...

— Пиды ты зразу до Карпенка та попрохай позычыть 5 або 6 карбованцивъ. Визьмы и кожушанку зъ собою;—продавать не продавай, бо покійныця не велила, а пидъ застанову можешъ виддать,—пораяла Горпына.

— Не позычыть Карпенко, я до ёго звертався колысь, такъ не давъ,—мовывъ Макаръ.

— Не позычыть, то не пидемо красты. „На нема и суда нема“. Якъ не розстараешся ниде грошей, то и покійныця вybачыть. Що робыты, якъ нема чымъ помянуты!—помолымося за іи душу та й розійдемося,—обизвалася Мотря зъ печи, де вона збирала у мишокъ суху пашню.

— Иды-жъ швыдче до Карпенка,—пораяла вдруге Горпына, очевыдячкы не згожуючысь, якъ и вси останни жинкы зъ Мотрыною порадою: „помолытыся за душу Тетьяны та й розійтыся“...

— Карпенко саме прыйихавъ зъ города,—напевне уторгувавъ за пшеныцю,—вкынула свое слово Хрыстя.

— Уклоныся ёму, попрохай ёго гарненько, то винъ такы може уважыть хочъ на сыритъ,—додала Горпына.

Макаръ мало надіявся на Карпенка, але слухняно пидвився и выйшовъ зъ хаты.

А тымъ часомъ жиночкы скинчылы убрання новопреставленнои, пиднялы іи и перенеслы на лаву. Въ ту саму хвылыну золотый проминь зимового сонця пробывся кризь виконце надъ лавою, загравъ на парчевому очипку Тетьяны, перескочывъ дали и зупынывся на гурти жинокъ, що стоялы наче скамянили биля покійныци. Ни слова, ни зитхання не вырвалося зъ устъ жинокъ, але дывне дило! вси певни въ цю хвылыну сталы, що можна иноди людямъ розумитыся безъ сливъ, що бувають годыны, колы души жывыхъ людей еднаются безъ допомочи тила, и що теперъ саме якась невидома сыла прыкувала ихъ всихъ биля Тетьяны, пройняла, стыскала серця, видбылася въ неясній, але едыній для всихъ думци: „вси мы однакови люде, всихъ насъ чекае однаковый кинець—домовына". И зныклы пидъ вплывомъ ціеи думкы вси недобри спогады, вси недобри бажання; навить по завжды хмурому облыччю слипенькои бабуси промайнуло щось краще, нижъ навить ухмылка непорочнои дытыны.

— Сестрычкы-жъ мои! я ще доси дытыны не годувала!— опамьяталася перша Мотря.

— А я обидать не варыла!—згадала Хрыстя.

— Ходимъ уси до-дому: управылыся биля покійныци, а баба Горпына хай тутъ пораются до вечора; надъ вечиръ знову прыйдемо вси,—мовыла богомильна бабуся.

— Треба ще и бабы Горпыны запытать: може имъ сумно самымъ зоставатысь,—заклопоталася слипенька.

— Идить, идить—я не боюся, а сумуваты николы, бо дила ще багацько,—заспокоила Горпына жинокъ, котри зъ охотою побиглы зразу до-дому, де ихъ давно нетерпляче сподивалыся то голодни диты, то коровы, то свыни...

Горпыни справди николы було сумуваты: на неи цилкомъ поклався Макаръ, ій доручывъ и печыво, и варыво, и дитей, и телычку; кримъ того Горпына доброхитно взяла на себе и новый обовязокъ—здобуты грошей для Макара, якъ що винъ не розстарается у Карпенка. На витеръ пущене слово Мотрею: „помолымося та й розійдемося" не йшло у неи зъ головы. По давно заведеному звычаю ни одынъ хуторянынъ не йшовъ на

той свитъ безъ допомогы бабы Горпыны. Иноди ій доводылося де-чымъ пособыты хворому ще якый часъ пожыты на цимъ свити, иноди—часомъ ранише вмерты, але писля смерти Горпына становылася биля печи и вымагала видъ родычивъ завжды найкращого докладу до стравы, щобъ люде потимъ не судылы за помынкы. У Макара не було ще ничого уготовленого, и ця думка не давала Горпыни спокою. Чымъ вона частуватыме, що вона подаватыме на стилъ людямъ, якъ Макаръ не купыть ни меду, ни сала, ни оліи?—невже справди доведется, якъ казала Мотря, „помолытыся та й розійтыся"? „Доведется мабуть самій бигать по хутори та позычаты грошей"!—клопоталася вона сама соби, нетерпляче вызыраючы у виконце Макара.

Нарешти прыйшовъ и Макаръ.

— А що? розстарався?—накынулася на ёго Горпына.

— Не давъ,—хмуро видповивъ Макаръ.

— Не давъ!! Що-жъ винъ каже?

— У позыку, каже, не дамъ. Кожушанкы у застанову тежъ не визьму, а якъ треба грошей, то продай кожушанку, або телычку, то и я забезпеченый буду, и ты не думатымешъ про гроши.

— Скилько-жъ винъ дае?

— За кожушанку 3 карбов., а за телыцю 10 карбованцивъ.

— 10 карбованцивъ за телыцю?—скрыкнула Горпына.—Та хай винъ не дижде, проклятый, помыраты,—отаку телычку та за 10 карбованцивъ хоче взяты!—Пожды-жъ трохы, я побижу по хутори—може и настягаю яку десятку,—мовыла вона дали и побигла въ ту-жъ хвылыну зъ хаты.

Макаръ сивъ на ослинци. Недавня розмова зъ Карпенкомъ ще выразнише впевныла ёго, що кому скрутно жыты, тому ще скрутнише помыраты, але порада Мотри тежъ не сходыла зъ думкы. „Помолымося за новопреставлену та й розійдемося: хай покійныця выбачае". И справди, невже та сама Тетьяна, що стилько разивъ не дойидала, не допывала, що прыйняла стилько горя не разъ, шкодуючы потратыть якого мидяка, що за вси часы своеи хворобы не задовольныла свого бажання выпыть

чарку горилкы, не выбачыть ёму теперъ, писля смерти, колы винъ поховае іи безъ горилкы, безъ платкивъ, колы винъ не справыть обида? Макаръ глянувъ на жинку. Обмыта, прычисана, Тетьяна лежала въ билій сорочци, въ новыхъ запаскахъ.

Мицно склеплени очи, сциплени губы не зминылы звычайного выразу покирности въ іи облыччю; далеко бильше вражиння зробылы на Макара складени на грудяхъ рукы. Тилько хиба на Велыке Свято, сыдючы биля виконця та балакаючы зъ сусидкамы, складала вона такъ свои стомлени рукы. Чы не свято прыйшло и сёгодни для неи? Що-жъ то було у такимъ рази за жыття, яки-то булы будни?

Ось—прыгадуется ёму—стоить вона поручъ зъ нымъ передъ олтаремъ. Люде звелы ихъ, поставылы на рушныку, не пытаючысь „чы до любови"; ни одного слова про вирне кохання, ни однои клятвы... Проте вона дывытся смилыво у вичи молодому, облычча палае здоровьямъ, дуже тило стоить—не поколыхнется, ни одна потаенна, зрадлыва думка не промайне въ голови—вона певна, що зробыть все, що вымагатыме видъ неи жыття, вона знае, що зуміе пособыть тій дружыни, зъ котрою Господь еднае іи въ цей часъ, и благае у Мылосердного тилько—здоровья.

Ось, трохы наче зморена, зблиднила, але не меньше певна въ соби, Тетьяна наймается въ экономію за куховарку. „Чы подужаешъ двичи на день дижу выкынуты"?—пытае іи въ контори пошенкы Макаръ. „Треба тому дужаты, хто хоче свою хату маты",—весело видповидае вона, и 5 рокивъ поспиль выкыдае по 4 пуды хлиба що-дня.

А ось вона, ще бильше змарнилая, стоить передъ манисенькою трункою своеи першои дочкы. Облычча іи смутне, зъ очей ллются гарячи слёзи матери, серце болыть, щемыть за цымъ крихотнымъ тиломъ дочкы, але заревла пидъ викномъ хозяйська корова, и Тетьяна спишно вытырае слёзы и бижыть зъ дійныцею на двиръ: нема тому часу слёзамъ волю даваты, хто хоче свою хату маты!

Нарешти вона въ давно бажаній хати, въ „своій" осели. Новенька, била хата ажъ сяе на сонци; чысти, якъ слёза, виконця

наче усмихаются, молоденьки вышенькы заглядають своимы свижымы зеленымы витамы у саму хату... Чого тилько у самои господаркы побильшало зморшкивъ на выду, позатягало кари очи? чого нахылывся высокый гнучкый станъ? Похылывся станъ та й не выправлявся, але Макаръ того доси не прымичавъ. Тилько теперъ, колы смерть росправыла все тило у весь зристъ ёго, тилько теперъ, угледившы незвычайно спокійне облычча своеи дружыны, зрозумивъ Макаръ, якъ тяжко далася Горпыни и хатка, и садокъ, и половенька телыця, якымъ тягаремъ лежалы на жинци що-денни турботы...

И то-бъ то цёму замореному роботою, попсованому недоглядомъ та хворобою тилу не виддаты ще „останнёи" пошаны? вкынуты ёго у яму, якъ непотрибну ганчирку, закыдаты землею и за-рады 5—6 карбованцивъ залышыты доброго спогаду людського? допустыты, щобъ душа жинкы по земли блукала, помынокъ-панахыдъ бажала, щобъ вона на тимъ свити, якъ и на цимъ горювала? Крый Маты Божа! „Нагорювалася, натомылася, дружыно моя, на цимъ свити—пороскошуй-же та заспокойся писля смерти!—мымоволи вырвалося зъ устъ Макара.—„Не велила ты мени продавать ничого—отже продамъ, Тетьянко, и кожушанку и телычку, абы видбуты помынкы по тоби",—додавъ винъ, пидводячысь зъ ослинця и цилуючы холодный, якъ крыга, лобъ жинкы и іи згорнути рукы.

— Тры карбованци ледве настягала: на собачому хутори сами злыдни. То було жыты скрутно, а теперъ и померты по хрыстіянському звычаю неможна. Чы ты чувъ, що батюшка ще четвертака набавывъ? Оце тилько що повернулысь одъ ёго Прысчыни кумы, такъ винъ черезъ ныхъ переказувавъ, щобъ ты ще поверхъ карбованця четвертака давъ,—перебыла Горпына Макарову розмову зъ жинкою.

— Спасыби за гроши!—якось обійдусь,—видповивъ Макаръ, одходячы одъ лавы.

— Беры—не заваляются!—пораяла Горпына.

— Мени однаково ціеи троячкы мало...

— Сама знаю, що мало. Такъ куды-жъ ты?

— До Карпенка,—видповивъ вже въ синяхъ Макаръ.

Горпына сховала карбованець за платокъ, завьязала дрибни гроши у вузлыкъ, сховала ихъ за поясъ и стала знову поратысь биля печи. Теперь вона певна була, що Макаръ щось прырозумивъ, що помынкы по Тетьяни будуть до-дила, и стала наготовляты то пляшкы, то барыльце, то горщатка Макареви въ городъ. И справди, незабаромъ прыйшовъ зъ Макаромъ Карпенко оглядаты телыцю, чы немае якого зъяну.

Горпына выбигла на двиръ.

— Ось бачъ, сыну, рижокъ збытый!—мовывъ докирлыво Карпенко, запрымитывшы щось на рижку.

— То що?—засміялыся нагодывшіися чоловикы.—Хиба ты зъ рогу доитымешъ?

— Ни́чого, люде добри, сміятыся! Хочъ и не зъ рогу доитыму, а все-жъ телычка не по форми.

— Скилько-жъ винъ тоби дае за телычку?—запытавъ Макара сусида.

— 11 карбованцивъ!—зитхнувъ Макаръ.

— 11 карбованцивъ за таку телыцю?!

— Бога бійся, Опанасе!—не втерпила Горпына.

— 11 карбованцивъ дае та ще и телыцею ганблюе!—додавъ якыйсь чоловикъ.

— Я не ганблюю, я кажу тилько, що телычка не по форми...

— Горе мое тяжке, що въ мене грошей нема, а то-бъ я ціеи телыци тоби не попустывъ,—обизвався хтось зъ гурту.

— Отакъ-бы и я: зразу давъ-бы за неи 20 карбованцивъ,— мовывъ другый чоловикъ.

— Охотныкивъ багацько, а купцивъ мало. Гуртомъ не спроможетеся телыци купыть, а въ моій кышени хозяинуете,— звернувся Опанасъ до людей.—А, ты, Макаре, колы хочешъ буты сватомъ, то скынь четвертака,—мовывъ винъ до Макара...

— Це за ригъ, чы що?—запытавъ Макаръ.

— За рижокъ, за рижокъ... хочъ скынь четвертачка, хочъ одробы якый день...

— Хай ты не диждешъ помыраты!—крикнула на все село Горпына.—Чоловикови отаке горе, отакый случай трапывся, а винъ и Бога не боится.

— На все воля Господня: Макарови прыпавъ случай продаты телычку, мени—купыты, и ничымъ я Господа Мылосердного не гнивлю. Я прыйшовъ, Макаре, по твоій просьби твое добро купуваты, а колы мене люде на твоему дворыщи зобиждають, то я и пиду соби зъ Богомъ, одійду одъ гриха безъ клопоту,—мовывъ Карпенко, простягаючысь до воритъ.

— Завищо-жъ вы на мене розсердылыся, диду? Я-жъ вамъ ничого не казавъ. Чы звелыте одробыть за рижокъ, то й одроблю. Выймайте гроши, берить телыцю —хай вамъ Богъ помагае!—завернувъ Макаръ Карпенка.

— Хай буде по твоему! — згодывся Карпенко. — Тилько шукай кращого налыгача, бо цей зовсимъ плохенькый!"—

Макаръ побигъ за налыгачемъ. Карпенко вытягъ зъ-за пазухы платочокъ и ставъ одличуваты гроши. Чоловикы окружылы ёго зъ усихъ бокивъ и мовчкы дывылыся, якъ винъ выбиравъ найбильшъ потерти бумажкы. Нарешти Макаръ одвязавъ телычку и передавъ налыгача Карпенкови. Афанасій Петровычъ пидставывъ прыкрыту полою свыткы руку, взявъ налыгача, перехрестывся и вывивъ телычку зъ двору.

Довго стоявъ, довго глядивъ Макаръ ій у-слидъ, и очи затуманылысь слёзамы: остання надія диждаты коривкы—тягла, статы хозяиномъ зныкла геть зъ серця, якъ побачывъ винъ порожни ясельця.

IV.

На третій день поховалы Тетьяну. Хочъ и безридна була покійныця, проте знайшлыся таки добри люде, що потужылы надъ могылою. Богомильна бабуся такъ хороше прымовляла до „сусидочкы", що навить де-яки чоловикы нышкомъ слёзы втыралы.

Макаръ кынувъ першу горстку землы. „Важка земля тоби, дружыно моя, на груды ляже, а ще важча туга мени на серце

паде. Сумно тоби, одынокій, у домовыни буде лежаты, а ще сумнише мени зъ дитками буде безъ тебе жыты. Доведется намъ и чорну сорочку носыты и на тще-серце спаты лягаты... Та ни пошаны, ни порады, ни ласкавого словечка твоимъ сыриткамъ бильшъ не прочуты",—мовывъ смутный безъ краю Макаръ, зазыраючы у глыбоку яму, на дни котрои билила труна жинкы. Жинкы заголосылы.

— Не слидъ,—ставъ увищаты отецъ Ардаліонъ,—надъ могылою плакаты: смерть одъ Бога, и нічого надъ мерцямы голосыты.

Жинкы затыхлы и сталы закыдать горсткамы мерзлои землн труну. Незабаромъ закыдалы яму, насыпалы невелыку могылку, вкопалы крихотный дощаный хрестыкъ и пишлы на обидъ до Макара.

Зразу писдя обида панъ-отецъ Ардаліонъ и прычтъ пойихали, за ными у-слидъ розійшлася бильша частына людей, и тилько гуртокъ жинокъ зосталыся на ничъ стерегты Тетьяныну душу.

Вси хуторяне, цилкомъ задовольнени помынальнымъ обидомъ, подякувалы Макарови та Горпыни и розійшлыся по домахъ до свого хозяйства.—Выйшовъ бувъ и Макаръ до своеи загороды, видчынывъ двери, подывывся-подывывся, зачынывъ двери, завьязавъ мотузкомъ, пидійшовъ до круглыхъ яселъ, де завжды у-день стояла телычка, та й зитхнувъ, сердешный. За кымъ бильше заболило серце ёго у цю хвылыну? Чы опустила хата, чы опустиле дворыще нагнало такый сумъ,—винъ-бы и самъ и не мигъ сказаты, але добре розумивъ, що теперъ винъ бильше не хозяинъ своеи хаты, не батько для своихъ дитей, що прыйшовъ кинець не тилько ёго невелычкымъ надіямъ, але навить его самостійному жыттю. Винъ не управытся самъ зъ дитьмы малымы, винъ не вміе ни топыты, ни варыты—доведется шукаты десь другои жинкы; а хто-жъ згодытся пакуваты свои лита молоди за литнимъ та ще и бидным удовцемъ зъ двома дитьмы? Оселытся якась стара жинка въ ёго хати, поверне все жыття на свій зразокъ, докорятыме дитей кожною выпраною сорочкою,

шматкомъ спеченого хлиба, и винъ не вильный буде ничого зминыты, бо справди, чымъ заплатыть винъ цій чужій людыни, що згодытся робыты для чужыхъ дитей, на чужому хозяйстви?

Колы-бъ хочъ коривка була,—вона бъ не смила прынаймни вважаты ёго за „голоту“, вона-бъ не смила докоряты ёго „злыднямы“, „черствымъ хлибомъ“, вона вважала-бъ ёго за хозяина. И для чого винъ продавъ половеньку? Хай-бы люде розійшлыся безъ горилкы, хай-бы сусиды прыдражнылы ёго „непомынайлыкомъ“,—винъ-бы теперъ пидкладавъ своій телычци сина, винъ-бы почувавъ себе хозяиномъ хочъ у двори!

И знову досада на померщу жинку заворушылася въ серци Макара. Чому було Тетьяни не протягты ще одного тыжня, виддиждаты ярмарку? Винъ-бы продавъ телыцю за 20 карбов., видбувъ-бы похороны за 6, а за 14 купывъ соби меньшу телычку. Охъ! вмила Тетьяна працюваты, та не зумила помыраты! Осыротыть-осыротыла, та ще и хозяйство розорыла!

— Ты-бъ йшовъ до насъ, въ хату!—перебыла Горпына невесели думкы Макара.

— Въ хати душно—я буду на двори,—видповивъ Макаръ и, взявшы въ синяхъ грабли, пишовъ огрибаты солому.

Горпына вернулась знову въ хату. На́ покути, на просланному рушныку стоявъ вже розведеный водою въ мысци медъ; на столи—пыроги, холодець зъ тарани, пляшка горилкы, пляшка варенои, пшенычна паляныця и невелычка чарка, але нихто не доторкався до ціеи стравы, бо першою мусыла покуштуваты іи душа Тетьяны.

Диты блидни одъ слизъ, стомлени, сонни сыдилы на печи та береглыся, щобъ не заснуть ненарокомъ та не проспать того часу, колы ненька, обернувшысь мухою, прылетыть прощатыся. Хлопчыкъ торкавъ разъ-у-разъ сестру за рукавъ та допытувався: „чы то не душа ненькы чорніе“ то на сволоку, то на стинци.

— Ни, ни: у-день душа не литае; ось якъ стемніе, якъ засвитять свитло, тоди вона и прылетыть. Лягай теперъ спать,

Сыдорко, я тебе збужу, якъ побачу муху,—умовляла Одарка, прыголублюючы до себе сонного брата.

— Я не хочу спаты, я самъ хочу побачыты муху; я сыдитыму, ажъ покы засвитять свитло та ненька прылетыть,—змагався Сыдорко, лупаючы соннымы оченятамы.

Нарешти зимне сонечко закотылося, и Горпына засвитыла каганець. Сыдорко схопывся.

— Онъ-о-о! душа!—радисно крыкнувъ винъ, показуючы пальчыкомъ на чорну головку гвоздыка.

— Тшш... сипнула Одарка брата зъ такою сылою, що винъ знову прысивъ:—кажу тоби: ще не часъ неньци прылитаты. Якъ загуде, то я тебе збужу. Лягай, укрыйся та спы!—мовыла вона дали, и Сыдорко бильше не змагався.

— А що? заснувъ?—запытала Мотря Одарку.

— Заснувъ,—видповила дивчына и ще дужче прыкрыла брата рядномъ.

— Бидна голивонько!—зитхнула Горпына:—покынула дитокъ, хозяйствечко, чоловика, а якъ за усимъ побывалася!

— Людына—що муха; подыхне якый витеръ—и немае одъ людыны и памьяты,—обизвалася Хрыстя.

— Отакій молодыци та вмерты! Ій мабуть ще и 40 рокивъ не було,—мовыла Степаныда.

— Нашій сестри не довго смерти шукаты: застудылася, або пидвередылася,—ото тоби и край. Найпаче нашымъ хуторянамъ гирко доводытся; ликарь каже: „далеко до вашого хутора йиздыты", а фершалови ни́колы: ніякъ зайцивъ по полю не перестриляе,—додала Мотря.

— Бога рады! велыка корысть зъ тыхъ фершаливъ! Адже дававъ винъ и мени, и вамъ, и ось куми Явдоси якыхсь червоныхъ порошкивъ; занудыло одъ ихъ та й годи!—обизвалася Степаныда.

— Охъ! голубьята мои! Не пособылы-бъ Тетьяни ни ликари, ни фершалы, бо вона черезъ саме серце померла. Що сердыта була покійныця, такъ кинця и краю немае! Иноди було якъ почне Макара лаяты, такъ ажъ запинытся, ажъ зомліе! Та ось,

кумо Хрысте, вы чулы, якъ вона торикъ на все село грымала?—звернулася слипенька бабуся до Хрысти.

— Щось не зазнаю,—видповила кума Хрыстя.

— То у васъ памьять така! Не те, що я іи сужу,—хай іи Господь Мылосердный на тому свити розсудыть,—а такы сердыта вона дуже була... Мене позаторикъ трохы не была, ій-же Богу, за те, що диты слывъ натрусылы у іи садочку,—не спыняласл слипенька.

— Охъ! сестрычкы, сестрычкы!—стала увищаты богомильна бабуся. Не годытся мертвыхъ судыты: іи душа биля насъ литае, все чуе, все бачыть та печалытся. Велыкый грихъ новопреставлену лаять! Сподобывъ мене Господь на свити пожыты, де-що одъ людей прочуты; розскажу и вамъ, колы хочете, що я чула одъ одной кіянкы.

Якъ жыла десь, каже кіянка, удовыця. Въ гори, досади та печали провела вона весь викъ свій, гриха черезъ людей набралася, серце розтруила, здоровья черезъ недостаткы розгубыла, та й стала вона у Бога смерти прохаты. „Господы!"—прохала вона—„пошлы по мою гришну душу, щобъ надо мною, бидною удовою, моя недоля не знущалася". Пославъ Господь по душу янгола. Радисна та весела вылетила душа зъ тила,—хотила зразу подали одъ земли, на поклонъ до Бога летиты. „Не прыйшовъ ще часъ твій--не пущу тебе на поклонъ!"—каже ій янголъ Господень и заслонывъ передъ душею двери. Зосталася душа въ хати, литае кругомъ свого тила та розглядае ёго. А тымъ часомъ зибралыся жиночкы надъ тиломъ сыдиты. Сыдять, якъ оце, поздоровъ Боже насъ, мы сыдымо, та не добромъ новопреставлену помынають, а все лыхымъ словомъ. Одна каже: „вона мій четвертакъ на той свитъ занесла", а друга—„вона мени борошна не виддала," а третя: „вона мене такъ и такъ лаяла". А душа удовыци блызенько литае,—до самыхъ жиночокъ прыпадае и хоче сказаты имъ: „выбачайте, сестрыци! выбачайте, сусидочкы! не було у мене ни четвертака, ни борошенця, не було у мене и зла на серци, якъ я васъ лаяла,—то все горе та недостаткы

прызводылы мене и чуже добро зажываты, и лыхе слово казаты",— та не може. Вылася душа сердешна, вылася, та й стала знову янгола прохаты: „одпусты мене, янголе Господень, на небо: я-жъ и смерти затымъ у Бога прохала, щобъ мени одъ людей одійты подали".—„Не прыйшовъ ще часъ твій!"—мовывъ ій вдруге янголъ и не пустывъ зъ хаты.

Стала душа знову литаты та жиночу розмову слухаты, а жиночкы-сусидочкы одно судять, одно судять...

Ще дужче застогнала душа, ажъ объ сволокъ зъ досады бьется, а дали пролетила за пазуху, сила биля самого серця свого мертвого тила та й замовкла. И такый жаль взявъ Господня посланныка, що винъ схылывся надъ тиломъ удовыци та й самъ заплакавъ. Кынулыся жиночкы до тила—ажъ воно все слёзамы обмочене. Та й не высохлы ти слёзы, покы и поховалы: такъ янгельскымы слёзамы окроплену удовыцю и въ труну поклалы.

— Не судить—и не судыми будете!—додала до цёго розсказу Хрыстя.

— Хиба я іи судыла?—обизвалася зъ серцемъ слипенька бабуся.

— Авже-жъ, судыла!—мовыла Мотря.

— Дывысь ты! ще заведутся спорытьси. Хай краще намъ бабуся ще що-небудь розскажуть. Я ось зроду у Кіеви не була, а тамъ-же, кажуть, хороше... Чы вы и цей рикъ булы у печеряхъ?—звернулася до богомильнои бабуси Степаныда.

— Якъ-бы то не була у печеряхъ! Була и въ дальнихъ, и въ блыжнихъ, до кожного святого пидходыла, до кожнои труны прыкладалася. И чого не наслухалася, чого не набачылася за свою подорожъ—за ти часы, що побувала у Кіеви!— И любо було слухаты, якъ почала вона чыстымъ, якъ срибло, ривнымъ, якъ та течія у одлогыхъ берегахъ, голосомъ оповидаты про Кіевъ, лавру, кинець свита, праведныкивъ, мученыкивъ. Передъ слухачамы якъ на долони зъявлялыся и золоти верхы храмивъ Божыхъ, и страданія Хрыста, и жыття праведныкивъ, и некельни мукы гришныкивъ. Мыръ-мыру людей збиралось у Кіевъ

зъ рижныхъ краивъ, зъ рижныхъ земель, и ни одна звистка, ни одна новына або згадка про стародавню бувальщыну, що прынесла ця жыва течія богомольцивъ, не зныкла зъ памьяты бабуси. Хвылына бигла за хвылыною, годына за годыною, а бабуся ще не переказала всёго. Старшіи жинкы почалы вже куняты, молодши посунулысь блыжче до бабуси, але бабуся ничого не прымичала и вела свою ричъ все дали.

— Ку-ку-рику!—крыкнувъ старый пивень въ синяхъ.

— Ку-ку-рику!—обизвалося тонисенько десь якесь пизнехирятко.

— Матинко! вже други пивни спивають!—схопылася Мотря.

— Може вже и душа прылитала, а мы проглядилы,—заклопоталася Степаныда.

— Э, ни,—обизвалася Горпына:—я ввесь часъ дывылася на стину,—не було ничого.

— То вы, мабуть, не догледилы,—мовыла зъ докоромъ слипенька баба.

— Якъ-то можна, не догледила?—ажъ образылася Горпына:—хиба мени вперше душу стерегты? Адже якъ умерла Катря, то я перша прымитыла ляльку на стинци, а за Иваномъ тежъ устерегла муху, дарма що людей було, якъ у церкви.

— Та може вона и зовсимъ не прылетыть?—обизвалася Хрыстя.

— Якъ-то можна? Чого-бъ вона, хай Богъ мылуе, не прылетила?—здывувалася Горпына.

— Не схоче лялькою зъявытыся,—то перекынется мухою; а вже неодминно прылетыть сёгодни,—мовыла богомильна бабуся.

— Не схоче мухою—жинкою зъявытся,—додала Мотря.

— Э, ни! того, крый Маты Божа, Царыце Небесна, не бувае,—завважыла богомильна бабуся.

— Якъ-то, не бувае? А Ткаченкова? Цилисенькый рикъ, якъ не бильше, до дитей прыходыла. „Выйдуть“,—розсказувала мени сусидка Ткаченковои, божылася, що правда,—„диты вранци прычисани, вымыти, нагодовани: „хто васъ чесавъ, хто вамъ головкы позмывавъ, хто вамъ пырогивъ давъ?“—пытають люде

дитей.—„Маты прыходылы, чавунъ окропу нагрилы, голивкы намъ змылы, пырогивъ напеклы, локшыны наварылы“,—кажуть диты.

— Хай Богъ мылуе! Ажъ слухать сумно! То вже іи нечыста сыла зъ того свиту таскала, а хрыстіянська душа тилько у ляльку або муху обертается,—та й то прылитае на одну хвылыночку,—перепынила Мотрю Горпына.

— Охъ, Господы! Якъ-такы отіеи нещасной Тетьянкы шкода!—несподивано зитхнула слипенька бабуся.

— Чого іи шкодуваты? Чы вона на своему вику щастя зазнала, чы вона хочъ одынъ денёкъ спочывала?—запытала Мотря.

— Тымъ-то и шкода іи, що вона померла, щастя та спокою не зазнавшы. Не шкода, якъ помре така людына, що зъ долею браталася: не дурно іи на свитъ маты породыла, не дурно іи земля носыла. А якъ оце мы, такъ якъ и Тетьяна.... для чого мы родылыся, для чого жывемо, та ще въ мукахъ и помыраемо?—запытала Степаныда Мотрю...

— Для царства небесного,—съ певною вирою видповила за Мотрю богомильна бабуся.—Бидній людыни меньше спокусы, меньше прынады—меньше и гриха.

Степаныда мовчкы похытала головою,—вона добре памьятала, якъ братъ іи кравъ колысь дерево у лиси, щобъ протопыты два дни нетоплену хату; знала тежъ, що колы-бъ на той часъ трапывся карбованець у кышени, то винъ-бы не наважывся красты,—але не насмила перечыты бабуси.

— Ничого Тетьяны шкодуваты: згорнула били рученькы, заплющыла кари оченькы—заснула, заспокоилася навикы... Макара та диточокъ—сыриточокъ дуже шкода,—обизвалася вперше за всю довгу ничку баба Кузьмыха.

— Звисно, Макара дужче шкода: въ одынъ день збувся и хозяйкы, и хозяйствечка,—згодылася Мотря.

— Про хозяйку малый клопитъ: Столярыха—перша така, що хочъ и сёгодни замижъ. „Такъ вже“, каже, „обрыдло тымъ серпомъ жаты, що колы-бъ де трапывся хочъ поганенькый косаръ, то пишла-бъ замижъ“. На хозяйку швыдче розжывется,

нижъ на коривку. Такъ-же шкода тіеи половенькои!—Наче на жаль выкохавъ іи Макаръ!—мовыла Горпына.

— Не визьме Макаръ Столярыхы,—обизвалася слипенька бабуся.

— Чому?—запыталы жиночкы.

— Погана дуже та ще й косорота,—видповила слипенька.

— Ого! якъ прыйде весна, та якъ гляне Макаръ на обмазану хату сусида, та якъ побачыть, що по всихъ горбдахъ люде косять та сіють, тилько ёго хата-пустка чорніе, тилько на ёго городи бурьянъ зеленіе, то не те Столярыху,—васъ радо посватае,—засміялася Степаныда.

— Ты вже якъ ляпнешъ, то и пальци знать! Наче вже за мене и поганишыхъ нема! Подывыся въ воду на свою вроду,—образылася бабуся.

— Та я пошуткувала, воны...

— Ось цытьте, жиночкы!—спыныла Степаныду богомильна бабуся:—слухайте: десь муха гуде...

Вси замовклы видразу та сталы прыслухатысь.

— Не чуть ничого. То васъ, мабуть, кортыть кануну швыдче скоштувàты,—обизвалася спросонку Кузьмыха.

— Ще-бъ и ты почула! Трычи объ стилъ носомъ клюнула, ажъ луна по хати пишла, та ще-бъ муху устерегла,—мовыла Горпына, пыльно прыдывляючысь до кутнёи стинкы.

— Онъ-но-о, муха! На кануни сила!—показала Хрыстя.

— Погукай, Степаныдо, Макара зъ-надвору: винъ тамъ гомоныть зъ чоловикамы,—мовыла Горпына.

Степаныда грюкнула синешнымы дверыма, и Одарка схопылася.

— Вставай, Сыдорко! Душа неньки прылетила; вже на кануни сыдыть!—стала вона будыть брата.

Сыдорко пидвився, почухався и знову юркнувъ пидъ рядно.

— Сыдорко, а Сыдорко! Ненька прылетила. Сыдорко, вставай!—на-пивъ зъ плачемъ сипала Одарка брата.

— Ось не займай, дочко, дытыны,—хай ёму святи янголы снятся! Иды сама сюды та подывыся на душу своеи матинкы

риднесенькои, — звернулася до Одаркы богомильна бабуся. — И рада-бъ ненька до васъ, диточокъ своихъ, прыпасты, и рада-бъ чаечка своихъ чаенятокъ обняты, та не іи воля, не іи сыла. Обернулася вона мухою, прылетила на хвылыночку, та й полетыть вона знову одъ своихъ сыриточокъ. Ставай, дочко, та молыся Богови, щобъ святи янголы ій до престолу дорогу указувалы, а святи архангольі за іи гришну душу передъ угодныкамы Божымы заступылыся.

Жиночкы перехрестылыся, а Одарка стала поручъ зъ бабусею быть поклоны.

Увійшовъ Макаръ, за нымъ у-слидъ два чоловика. Вси взялы по ложци кануну. Муха перелетила на пырогы, и вси взялы по пырогу: на яку страву сидала муха, тіеи стравы и почыналы зразу. Вся страва була добре прыправлена, до того и часъ бувъ пизній, и жиночкы вечерялы смашно; Макарови-жъ не йшло зъ головы, що винъ пройидае телычку, и винъ ледве навить прыгубывъ чарку.

— Не журыся, Макаре! Не сумуй! Не тилько свиту, що у виконци: ось, дасть Бигъ, одбудемо сороковыны, то и засватаемо тебе. Тоби зъ дитьмы безъ хозяйкы неможна, а у насъ йе недалечко пидхожа жинка: чы попраты, чы помыты, чы на поли робыты—за дви Тетьяны управытся,—мовыла Горпына.

— Тетьяна, царство небесне, останнимы часамы зовсимъ неспособна до роботы була,—додала Мотря.

— Два мисяци ни до холоднои воды... Визьмется було хату вymесты, та й то не подужае,—згодывся Макаръ.

То-жъ-то и йе! А Столярыху катъ не визьме!—завважыла Горпына.

— Про Столярыху ничого и казать—добрый робитныкъ!—пидхопылы чоловикы.

— Макарови прыгадалася нызенька, гладка жинка, рокивъ 48, зъ маленькымы, навкосы прорызанымы очыма, тонкымы, мицно сципленымы губамы, велыкымъ горбатымъ носомъ,—серце ёго боляче защемило, и винъ мымоволи тяжко зитхнувъ.

— Не до любови, чы що?—запытала ёго Мотря.—Мынувъ, серце, часъ перебираты,—беры, яку прыйдется.

— Не пиде вона за мене,—видповивъ хмуро Макаръ.

— Пиде!—заспокоилы въ одынъ голосъ жиночкы...

А муха наче прогула останни слова: затрипала крыльцямы, пиднялася пидъ саму стелю, загула, заплакала на всю хату, прыпала до голивкы сонного Сыдорка та й зныкла навикы невидомо куды....

Л. Яновская.

Народная медицина въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавской губ.

Глава III-я.

Нервныя страданія и болѣзни органовъ чувствъ.

Содержаніе: головная боль, лѣченіе ея. Воспаленіе глазъ, ячменецъ, курячa слипота, бѣльма. Уроки, случаи,—предохраненіе и лѣченіе. Переполохъ, пидвій,—случаи, лѣченіе. Крикливицы. Перехидъ.

Головная боль.

По народнымъ понятіямъ, голова можетъ разболѣться отъ слѣдующихъ причинъ: отъ простуды вообще („застуженои кровѝ") и отъ холоднаго вѣтра въ особенности; также отъ тяжелаго хатняго воздуха, сна не во время, переутомленія, побоевъ, урокивъ, испуга („переполохъ ожыва и бье въ голову"). Разболѣвшуюся голову смачиваютъ и моютъ слѣдующими растеніями: бураковымъ квасомъ, разными видами васильковъ, напримѣръ centaurea cyanus L., освященной вербой, вишневымъ листьемъ, дивиной (verbascum thapsus или phlomoides L.), деревіемъ (achillea millifolium L.), которымъ также щекочутъ въ носу для исхода крови и облегченія головы; калиной (viburnum opulus L.), кобылячей головой, копытками (asarum europeum L.), любисткомъ (levisticum officinale. Koch.), мятой (mentha piperita L.), нехворощью (artemisia austriaca L.), очеретомъ (phragmites vulgaris. Frin.) старымъ и метелками (куницами), сырымъ зиллямъ, смородиннымъ листомъ, чепчыкомъ (thymus vulgaris или serpyllum L.) и шандрой (mar-

rubium album L.). Кромѣ того въ уши закладываютъ чеснокъ, лобъ, виски и затылокъ натираютъ рѣдькой, хрѣномъ, уксусомъ. Къ головѣ прикладываютъ въ видѣ компресса, только что вытяную изъ колодца грязь (мулъ). Къ вискамъ и затылку ставятъ горчишникъ или мушку, „на шывороти" — пьявки. Нюхаютъ нашатырный спиртъ и табакъ. Голову сжимаютъ ладонями вверхъ и внизъ и перевязываютъ починкомъ, спряденнымъ въ чистый четвергъ „навпакы". „Якъ голова болыть, треба девять разъ поспиль пидійты пидъ перенисъ" (когда священникъ выноситъ чашу въ церкви).

Глазныя болѣзни.

Глаза болятъ отъ засоренія, простуды, заразы, залѣченной золотухи („якъ золотуху загонять у вичи; якъ золотуха вступыть у вичи"). Особенно часты заболѣванія глазъ у заробитчанъ, возвращающихся изъ южныхъ губерній, „зъ Тавріи". Въ предупрежденіе болѣзни глазъ нужно ѣсть перецъ, освященный вмѣстѣ съ пасхой и носить на шеѣ шнурокъ, а въ рубашкѣ ленточку,— освященные тогда же. Покровителемъ глазъ признается св. Цимонъ. „Пывонъ очамъ, Антыпъ—зубамъ". Къ нему обращаются съ такой коротенькой молитвой: „святый велыкомученыку Пывоне, одъ глазъ сцилытелю! избавъ Господня раба одъ глазнои болизни".

При воспаленіи слизистой оболочки глазъ и вѣкъ примачиваютъ и промываютъ глаза: обыкновенной холодной водой, водой, осѣвшей на окнахъ, водой изъ градинъ, водой, принесенной изъ Козельщины, гдѣ чудотворный образъ Божьей Матери, также кіевской водой изъ дальнихъ пещеръ, вблизи Іоанна многострадальнаго, росой, собранной 23-го апрѣля, (юрською, грегорською), каковое средство упоминается въ новыхъ сборникахъ: Чернявской [1]), а также водой, освященной въ тотъ же день; мыльной водой, водой или водкой, слабо окрашенными въ голубоватый цвѣтъ синимъ купоросомъ, краснымъ церковнымъ виномъ, молокомъ

---

[1]) Обр. и пѣсни с. Бѣлозерки. Харьк. 1893 г., стр. 16 и Гринченка. Этногр. мат. II, 318.

женщины, впервые кормящей сына; то же средство примѣняютъ въ правобережной Украйнѣ[1]) и въ Бельгіи[2]),—мочей маленькаго мальчика, а по Чубинскому[3]) и Манжурѣ[4])—вообще мочей. Кромѣ воды, прикладываютъ еще къ больнымъ глазамъ: кислое молоко, яичный бѣлокъ съ квасцами, сухой тертый картофель, сердцевину тыквы (безъ сѣмянъ), оливу и баранье сало. При сильной гипереміи ставятъ по одной пьявкѣ за ухо, а механически раздражающія тѣла удаляютъ, слизывая вѣко и глазъ языкомъ. Объ этомъ опасномъ пріемѣ упоминаетъ г. Можаровскій въ журн. Фельдшеръ (1898 г., № 18, 478).

Для излѣченія ячменца (hordeolum), воспалившейся сальной желѣзки вѣка, бросаютъ въ печь тридевять зеренъ ячменя, приговаривая: „якъ сей ячминь згорае, такъ нароженому, молытвяному, хрещеному Васылю ячминець изъ глазъ исхожае". Больной прикладываетъ къ воспаленной желѣзкѣ прижженное зерно ячменя, а другое лицо спрашиваетъ: „шо ты колешъ"?—„Ячминець."—„Брешешъ" (трижды)—„Я ячминець сколю, ячминець зійде, и твоя правда до мене прыйде". Или такъ: „Въ тебе ячминець"? „Брешешъ". „Хай винъ тоби усхне"!—плюютъ и даютъ дулю. Новѣйшее средство отъ ячменца—прикладываніе къ вѣку разсыропленнаго сахара въ тряпкѣ,—нарывъ скорѣе прорветъ.

Подъ куриной слѣпотой (ночной слѣпотой, hemeralopia) разумѣется ухудшеніе зрѣнія съ наступленіемъ сумерекъ, развивающееся отъ продолжительнаго сна, дурной воды и неосторожнаго поглощенія растенія anagallis arvensis L.,—курячихъ очекъ или курячей слипоты[5]). Отъ этой болѣзни умываются освященной водой съ хрѣномъ, водой съ перезимовавшими капустными кочерыжками, непремѣнно подъ печной трубой, „верхомъ". Ѣдятъ и прикладываютъ къ глазамъ вареную теплую бычью печень.

---

[1]) Чубинскій т. I, в. I., 139.

[2]) Monseur. Fl. wal., 29.

[3]) Т. I., в. I., 139.

[4]) Сбор. Харьк. Истор.-Фил. Общества. II, 158.

[5]) Основа 1861 г., II, 206.

Бѣльмо задуваютъ сахаромъ, для чего приподымаютъ вѣко и выдыхаютъ или дуютъ чрезъ бумажную трубочку пережженный толченый сахаръ. Его засыпаютъ также освященной солью. Смѣшиваютъ еще сокъ наливающихся ягодъ калины зъ навозными червями и прикладываютъ къ бѣльму. О лѣченіи бѣльма сокомъ дождевыхъ червей упоминаетъ Арендаренко[1]). Отъ бѣльма шепчутъ такъ:

„Господы благословы, Господы поможы нароженому, молытвяному рабу Божу Степану сіе бильмо изъ ока зганяты, Матери Божои прохаты. Ишла Маты Божа горою,—стала я іи пытаты: „куды вы, Матиръ Божа, идете"?—„Иду я помочи даваты нароженому, молытвяному Степану—бильма зъ ока зганяты вылламы сколоты, граблямы сгрибаты, митлою змитаты нароженому, молытвяному, хрещеному изъ ока бильмо зганяты".

„Ишовъ старець изъ трёма торбамы, изъ трёма ципкамы, изъ трёма хортамы: одынъ чорный, другый сирый, третій билый. Чорный стежку показуе, сирый слёзу вылызуе, а билый свитъ показуе".

„Йихавъ Юрына на вороному кони. За нымъ бижыть трое сащятъ. „Куды ты, Юре, йидешъ изъ своимы сащятамы? на що тоби трое"?—„Одынъ—шептаты, другый—задыматы, а третій буде бильма здійматы. Аминь сёму слови". (Хут. Сабадашевскій, Яблоновской волости, отъ Мазняковой).

„Йиде Богъ на билимъ кони у билій сороци, у билыхъ постолахъ, у билыхъ поволокахъ. За нымъ тры псы: одынъ рябый,

---

[1]) Зап. о Полт. губ. I., 100 и Г. Баловъ. Фельдшеръ 1898 г. № 18, 487.

Свѣдѣнія о заболѣваніи и лѣченіи уха такъ невелики, что умѣщаются въ небольшомъ примѣчаніи. Для устраненія засорившей ухо сѣрки вкладываютъ въ него палочку бузины съ обмазанной воскомъ тряпочкой, вмѣсто сердцевины. Тряпку зажигаютъ. Льютъ внутрь посредствомъ бумажной трубочки, зажженной,—оливу, майское масло (у Гринченка. Мат. II, 320). Льютъ еще женское молоко, сокъ бурака, сокъ лука, освященную іорданскую воду. Закладываютъ ухо ватой съ камфарой. Причины боли: простуда и золотуха.

другый червоный, а третій чорный. Рябый иде изъ моря воды хлебтаты, червоный иде крови ссаты, а чорный иде изъ ока бильма здійматы“ [1]). (С. Литвяки, отъ Наталіи Кедевой).

Уроки.

Подъ уроками (болгарское урука) въ Малороссіи понимаютъ лихорадочное состояніе, вызванное какъ дурнымъ глазомъ (прозоромъ, соотвѣтствующимъ итальянскому mal'occhio), такъ и завистливой похвалой [2]) или вообще дурнымъ словомъ, сказаннымъ съ злой цѣлью въ недобрый часъ [3]). Къ нимъ близокъ прыстритъ,— лихорадочное и горячечное состояніе, соединенное порой съ одышкой и коликами въ боку, [4]), случающееся, впрочемъ, отъ простуды [5]) и испуга. У нѣмцевъ, славянъ и итальянцевъ одинаково есть выраженія, предупреждающіе сглазъ. Напримѣръ: unbechrien, unberufen, knoblauch, нивроку, se mal'occhio non vi fosse или fora mal 'occhiu. Повсемѣстно также изъ боязни сглаза не принято хвалить дѣтей, а, напротивъ, принято находить въ нихъ дурныя качества. Хваля дитя или даже просто проходя мимо него, въ Ирландіи, Бретани, Германіи, Португаліи, Астуріи, Андалузіи призываютъ благословеніе Божіе на дитя въ такихъ выраженіяхъ: benza te Deus, Dios lo guardia, grazia a Dio, Dio la benedica, soyez bénie de Dieu. У африканскихъ мусульманъ предохраняетъ отъ сглаза и уроковъ фраза: mach Allah [6]). И по мѣстнымъ народнымъ повѣрьямъ уроки опаснѣе дѣтямъ, чѣмъ взрослымъ, какъ видно изъ слѣдующихъ разсказовъ.

Моя дочка йихала зъ дытынкою,—колы иде жинка зъ двома дитьмы. Моя дочечка прыкутала свою дытыну, а та свою

---

1) Вар. у Номиса. Укр. прык. 161.

2) См. мои Нар. обряды и пѣсни Лубенск. у. 33.

3) Н. Ѳ. Сумцовъ. Культ. пережив. Кіевск. Стар. 1889 г., XI 315.

4) Ib. 309 и Чубинскій. Тр. эксп. I, вып. I, 134.

5) Лікі своен. 26.

6) I. Tuchmann. La fascination. Mélusine 1898, № 5, 105, 106, 107 и 1899, № 9, 197, 198.

пидчукнула. Сейчасъ наша дытына рушается и крекотыть. Дочка ёму цицькы. Дома положыла ёго доли. Такъ та дытына третёго дни Богу душу оддала" (с. Литвяки, отъ Федосіи Гузёминой).

„Йихалы чоловикъ и жинка у лисъ по груши, а друга выйшла зъ двору та й давай дытыну пидіймать и чукать. А та жинка, шо на вози и каже: „пидіймаешъ высоко—закопай глыбоко, пидіймаешъ выще—закопай глыбше. Якъ думаешъ добро соби, такъ нехай мени, а шо думаешъ мени, то нехай тоби". Йидуть назадъ у-вечери, колы ту дытыну несуть зъ двору ховать". (С. Тишки).

„Йихалы мы зъ чоловикомъ въ ярмарокъ. Набралы у Тышкахъ изъ колодязя воды у тыкву та й йидемо шляхомъ. Иде чоловикъ и жинка изъ ярмарку проты насъ. Якъ лопне та тыква, такъ и ростриснулась. А жинка та думала, шо я дытыну везу".

По народнымъ понятіямъ женщины вообще способнѣе урикать. „Якъ русява вpече, то ще легче, а якъ чорнява, та ще подума та въ землю гляне, такъ одъ тыхъ урокивъ смерть бува". Исключеніе составляютъ послѣрожденныя, „мезинкы",—тѣ не опасны и могутъ безнаказанно, даже съ пользой, переходить дорогу. Затѣмъ, дважды отлученные отъ груди и не опускающіе глазъ при выходѣ священника съ чашей, способны урикать. Такимъ образомъ, способность урикать можетъ быть и мимовольной. „Якъ чоловикъ спротывный на очи, такъ винъ тилькы подума: ось яка людына багата, чы красыва,—такъ кровъ ёму здвынется, винъ-бы й не хотивъ, винъ самъ не радъ,—сейчасъ у тіеи людыны супротывится кровъ. Винъ іи очамы сколе. Бувае, шо не може та людына ни здвынуться, ни стуснуться, лыхо іи нападе, такъ и умре, якъ бабка не одходыть". Существуютъ и предохранительныя мѣры отъ такого зла. На разсвѣтѣ слѣдуетъ выйти съ кружкой воды и, смотря на небо, проговорить: „Добры-день тоби, водо Уляно и тоби, земле Тетяно. Одмываешъ ты лугы й берегы, одмый уроженому и молытвяному, и хрещеному всяку нужду и всяку болизнь". Затѣмъ—умыться. Выходя куда-нибудь со двора, нужно умываться изъ полнаго ведра. „Уриклывымъ" слѣдуетъ закалывать иголку или двѣ въ очипокъ, платокъ, пазуху, шапку,

картузъ; также завязывать въ пазуху: соль, крошки хлѣба и кусочки угля или кирпича (печыну). При опасной встрѣчѣ надобно говорить: „Силь та печына тоби зъ лыхымы очыма. Якъ думаешъ мени добро, то нехай и тоби добро, а якъ думаешъ худо мени, то нехай и тоби самому"; или такъ: „силь тоби въ вичи, печына въ зубы, а каминь на груды". (Д. Войниха). Еще иначе: „печына тоби въ зубы, каминь у груды, деркачъ у ж..."

Діагнозъ уроковъ не представляетъ затрудненій опытной шептухѣ. Какъ только она начинаетъ шептать больной, какъ сама начинаетъ зѣвать, у ней катятся изъ глазъ слёзы и трещатъ кости. Больного смазываютъ освященнымъ саломъ, умываютъ или обрызгиваютъ со всѣхъ сторонъ („на зустричъ) освященной водой—„стритенською и іорданською", какъ и въ Волынской губ. [1]). Еще умываютъ отваромъ уже упоминавшихся: омана, переступня, живокиста и петровыхъ батогивъ (cychorium intybus L.), кульбабой (кульбахой, taraxum officinale L.), подорожникомъ (plantago major L.), буркунамы: бѣлымъ и желтымъ (Mellilotus alba и officinalis Lam.) и шепчутъ слѣдующее:

„Въ чыстимъ поли сыне море. На сынёму мори стоить чорный явиръ; на чорному явори сыдыть чорный воронъ: чорна голова, чорни очи, чорни бровы, чорни кихти, чорни нихти. И винъ крычыть—покрыкае, кихтямы—нихтямы прогрибае, урокы—урочыща одбирае. Я знимаю и одбираю зъ хаты дымомъ, зъ двора—витромъ. Идить соби на очерета та на болота, де й куры не ходять, де й дзвоны не дзвонять, де хрестьяньскый гласъ не заходыть. Тамъ вамъ пыты й гуляты, й роскошуваты, а тутъ не буты, червонои крови не пыты, жылъ не сушыты". (С. Хелебци) [2]).

„Урокы чоловичи, жоночи, парубочи, дивочи, хлопьячи, дивчачи, спытени, зйидени, вызвани, вымовлени, названи, наслани, прозорни! я васъ вышиптую, я васъ вызываю, я васъ выклыкаю на очерета, на болота одсылаю. Идить соби на очерета, на болота, на свои миста, де витеръ не віе, де сонце не гріе, де пра-

---

[1]) Бѣньковскій. Кіевск. Стар. 1896. I. Докум., 8.

[2]) Вар. заговоровъ: Чубинскій. Тр. Экспед. I., в. I., 133.; Мои Нар. обр. и пѣсни Луб. у., 33.—

ведне сонечко не сходыть, де людськый гласъ не заходыть, де люде не хрестятся. Колы буде сухый дубъ розвываться, тоди молытвяному, хрещеному Васылю будуть урокы озываться. (С. Литвяки, отъ Ганны Кириченковой). [1])

„Урокы—врочыща подумани, погадани, истритени, испытени, изйидени, насливани, насміяни, дидовы, бабыны, батьковы, матерыны, чоловичи, жоночи, хлопчачи, дивчачи, попивськи, паламаривськи, цыганськи и жыдивськи! тутъ вамъ не стояты, за плечыма не знобыты, поперека не ломыты, голинокъ и колинокъ не крутыты, симдесятъ суставъ не ломыты. Я шепчу васъ, я й вышиптую зъ твоеи головы, изъ твоихъ ушей, изъ твоихъ вязей, изъ твоихъ щелепивъ, изъ твоихъ грудей, изъ твоихъ ребиръ, изъ твоихъ рукъ, изъ твоихъ нигъ, изъ твого хребта, изъ твого жывота, изъ твоихъ жылъ, изъ твоихъ пажылъ, изъ твоихъ семыдесяты суставъ—вси урокы вышиптую. Я туды ци врокы ссылаю, де козакъ шаблею не махае, де дивка косою не мае, нарожденого, молытвяного, прычащеного раба Божія Ивана, Господь Мылосердный, на помичъ посылаю". (С. Хитцовъ).

„Урокы водяни, урокы витряни, урокы й подумани, урокы й погадани, урокы спытени, урокы зйидени! тутъ вамъ не стояты, іи косты не ламаты, тутъ вамъ не ходыты, іи косты не ломыты. Идить соби на очерета та на велыки болота, де витеръ не завивае, де й сонечко не загривае, де парубокъ конемъ не пройизжае, де дивка косы не чеше, де парни на улыци не спивають, де дивкы косамы не мають—одъ Параскы рожденои, молытвянои и хрещенои". (М. Снѣтинъ, отъ Прасковьи Лысенковой).

„Урокы-урочыща, чоловичи, жиночи, парубочи, дивочи! Идить вы соби на очерета, на болота, у свои миста, де парубокъ огню

[1]) Интересно, что въ Абруццкомъ заговорѣ, приведенномъ въ Mélusine 1898, № 5., 114, въ слѣдующихъ словахъ упоминается о дѣвичьемъ и женскомъ сглазѣ:

Sè é uocchiè de dunzelle,
Sé ne pozza casca'n dèrre.
Sé è uocchié de maretate,
N derre se n'e ccascate.

не креше, де дивка русои косы не чеше, де пивнячый гласъ не заходыть, де витеръ вербы не колыше. Пидить соби за витрамы, за дымамы и за темнымы лисамы". (М. Снѣтинъ, отъ Катерины Прыхидькиной).

„Урокы-врочыща! тутъ вамъ не буваты, тутъ вамъ не стояты— рукъ не, дбираты, пидъ груды не пидступаты, у бокы не шпыгаты, въ чересла не подаваты, у-поперекъ не рубаты, по жывоту не ходыты, коло пупа не крутыты, снигомъ не осыпаты, обмороку не даваты, не знобыты, не тошныты, на очи не наступаты, прозиръ даваты, нарожденому, молытвяному, хрещеному рабу ціи прозиры сциляты, ціи прозиры знычтожаты". (С. Мгарь).

„Урокы,-урочыща! чы чоловичи, чы жоночи, чы хлопьячи, чы дивчачи, и витряни, и огняни изсылаю, исклыкаю, иззываю изъ нароженого, молытвяного и хрещеного раба Божог о;
иззываю на, черета, на болота. Тутъ вамъ не стоять, жовтои кости не ломыть, червонои крови не сушыть, билого лыця не билыть, русои косы не сушыть, щырого серця не вьялыть" (повторять трижды). (С. Хорошки).

„Урокы витряни, урокы земляни, урокы подумани й погадани и стричени! Выклыкаю, вызываю изъ ёго очей, изъ ёго плечей, изъ ёго жовтыхъ костей, изъ ёго щырого серця, изъ раба Божого Якыма, и высылаю на очерета, на болота, куды людськый гласъ не заходыть. Составляе Матиръ Божа рабу Божому Якымови здоровья". (С. Литвяки, отъ Федосьи Гузёминой).

„Урокы-урочыща, подумани, погадани, прозирни, чоловичи, жоночи, парубочи! идить соби погуляйте, нарожденій, молытвяній раби Божій Парасци помагайте". (Д. Солоница, отъ Насти Дивизіонной).

„Урокы-врочыща! булы подумани й погадани, и наслани, й заспани, и вечирни, й прозирни, ночни, й полуничны, й свитови, й витряни. Будуть зъ витру, изъ воды, изъ праци. Стала й вышиптувать, и вызывать, и выклыкать, и на густи лиса, и на глыбоки яра одсылать". (С. Хитци, отъ Хиври Глушковой).

„Господы праведный, Господы небесный, стань мени на помочи! Чужи жинкы баранкы, Мелашка ведмедка: ведмежи лапы,

вовчи зубы, соколыни очи. Соколынымы очыма не дывлюся ведмежымы лапамы одгребуся, вовчымы зубамы одгрызуся. Хто що подумавъ и погадавъ, хай ёму самому станется зъ Мелашкы, нарожденои, молытвянои, хрещенои—зъ іи очей, зъ іи плечей, зъ жовтои косты, зъ червонои кровы, зъ русои масты; Меласци нарожденій, молытвяній, хрещеній ссылаю, выклыкаю на очерета, на болота, де сонце не сходыть, витеръ не віе". (Д. Солоница).

„Йшовъ Исусъ Хрыстосъ через трыдевять небесъ,—на святу землю ступае, урокы выклыкае одъ жовтои косты, одъ билого тила. Йшовъ Исусъ Хрыстосъ дорогою и ставъ изъ золотою палыцею стричаты, ставъ урокы збираты, на все поле розсылаты зъ твоихъ рукъ, зъ твоихъ плечей, зъ твоихъ жовтыхъ костей нарожденого, молытвяного раба Божого Ивана". (С. Литвяки).

„Урокы-урочыща, стритени и витряни, прозирни и подумани, и погадани, и люблени-прыголублени, жиночи, парубочи, хлопьячи, стричени и вричени, и супротывни! Покы вы тутъ стоялы и знобылы, и злобылы, поты я не знала и не шептала. Стала я знаты,—и Спасытеля прохаты. И покы я не знала,—и апостоливъ не звала симдесять суставомъ шептаты изъ суставцивъ, изъ головы, изъ жовтои косты, съ красной криви. Я й вышиптую, и высылаю, и вызываю туды, де дзвоны не дзвонять, де люде не говорять. Бувай здорова, Господь зъ помичю"! (С. Калайдинцы).

„Пресвятая владычице Богородыце, благословы и поможы мени! Идешъ ты золотымъ мостомъ; зустричавъ іи самъ Сусъ Хрыстосъ и спрашувавъ іи: „куды жъ ты, Матиръ Божа, идешъ?— „Иду я до врожденого и до молытвяного до раба Божого, до Захарія урокы одсылаты. Будуть урокы дидовы, и бабыны, и батьковы, и матерыны, и мужычи, и хлопьячи, и дивчачи, и пападни, и супротывни, и подумани, и погадани, и стритени, и спытани, й зйидени, и шляхомъ перейдени, и витромъ пиднесени. И покы воны знобылы, поты обморокъ у головонькы былы. И я васъ вызываю, и я васъ выклыкаю, и я васъ одсылаю, де витеръ не віе и сонце не гріе и де хрестьянськый гласъ не заходе одъ Захаріевои головы и одъ паголовы, и одъ ёго серця, и одъ ёго пасерця, и одъ ёго румяного лыця, и одъ ёго карыхъ очей, и одъ

ёго плечей, и одъ ёго рукъ, и одъ ёго ниґъ, и одъ ёго пальцивъ, и одъ ёго семыдесяты суставцивъ, и одъ ёго жовтои косты, и одъ червонои крови не буде ёго серденька нудыты и червонои крови ссаты. И я васъ вызываю и выклыкаю—идить соби, куды огонь та дымъ, то туды й лышечко за нымъ" [1]). (С. Мгарь, отъ Павла Майстренка).

„Господы мылостывый, поможы мени, и Матеръ Божая праворушныця и скорблящая, и усердная Божая маты, поможы мени си урокы одходыты. Урокы, урочыща, и витряни, и водяни, и прозирни, и часови, и мынутни, и подумани, и погадани, прылюбовани, прыменовани и стритени, и зйидени, и не я-жъ васъ вызываю, и не я выклыкаю,—самъ Господь вызывавъ и выклыкавъ, и ангеливъ на помичъ высылавъ. И матиръ Божа въ помочи стояла и си врокы збирала, на Дунай на море ссылала. Тамъ соби гуляйте и буяйте, сухе дерево ламайте. Одъ іи ручокъ, одъ іи нижокъ, одъ іи головонькы, одъ іи червонои крови, одъ жовтои косты, одъ рожденои, молытвяної, хрещенои рабы Божои Маріи". (Д. Солоница) [2]).

„Господы мылостывый, стань мени у помочи, и помошныкы Божи, станьте мени у помочи! Урокы, урочыща: чоловичи, жоночи, хлопьячи, дивчачи, подумани, погадани! тутъ вамъ не стояты, не болиты, червонои крови не пыты, серця не вьялыты, жылъ не тягты. Не я вышиптую,—Маты Божа вышиптуе, Маты Божа выклыкае, Маты Божа вызывае, де витеръ не віе, де сонце не гріе. Одъ твоихъ рукъ, отъ твоихъ ниґъ, одъ твоихъ очей, одъ твоихъ плечей, одъ твоеи головы, одъ твого нарожденого, хрещеного, дара Божого Васыля". (С. Хорошки, отъ Софіи Сысиной).

---

[1]) «Якъ шептать, то долженъ буть по сёму уроку на прыпичку огонь роскладенъ». (П. Майстренко).

[1]) И въ бретонскомъ заговорѣ, приведенномъ въ Mélusine 1899 № 9, 209, въ ст. T. E. Ernault: Dictons et proverbes bretons, болѣзнь удаляютъ въ рощу сухихъ дубовъ:

. . . Aze ma da lec'h
Barz er bod dero zes'h.

„Урокы, урочыща! я васъ изсылаю, де дивка косою не мае, парубокъ топоромъ не рубае, де птыця не литае, людськый гласъ не заходыть. И Матиръ Божа навколюшкы стояла и Бога прохала, и чоловикови на помичъ давала; ишла мосточкомъ изъ золотымъципочкомъ и ципочокъ обмывала, людямъ водыцю давала". (М. Лукомье, отъ Катерины Норовой).

„Поможы мени, Мыколай угоднықъ, и ты, скоропомошныкъ, и ты, Варвара велыкомученыця, одъ сихъ урокивъ шептать. Я ихъ вызываю и выклыкаю: чы воны йесть жиночіи, чы воны йе чоловичи, чы воны йе хлопьячи, чы воны йесть насланіи, чы воны йесть подуманіи, чы воны йе погаданіи, чы воны йе заспаніи. Тутъ вамъ не буваты и жовтои кости не ламаты, и червонои крови не ссаты, и билого тила не сушыты. Идить соби на густіи очерета, на глыбоки болота изъ нарожденого, молытвяного и хрещеного раба Божого Васыля" (повторяютъ 9 разъ) (с. Мгарь).

„Господы мылостывый, святіи отци, угоднықы печерськи, ахтырськи, манастырськи, станьте мени въ помочи одъ Ивановыхъ очей и одъ ёго головы, и одъ ёго жовтыхъ костей. Урокы, урочыща! тутъ вамъ не стояты, жовтои кости не ламаты, червонои крови не ссаты, а жылъ не тягты, а серця не въялыты. Пидить соби на огни, на дыма, на велыки степа; тамъ парубокъ на билимъ кони не йиздыть, дивка косы не чеше. Тамъ вамъ буде пыття, гуляння й хороше маслування" [1]). (С. Литвяки отъ Наталіи Кедевой).

Переполохъ.

Переполохъ есть нервное возбужденіе отъ испуга, произведеннаго грозой, пожаромъ, паденіемъ въ воду, дурными вѣстями, привидѣніемъ, выражающееся сонливостью, головными болями, лихорадочными припадками и отчасти душевными разстройствами. „Зъ переляку въ чоловика може вкынуться нечыстый духъ; бье въ голову, трощыть у середыни, у голову обморокъ забыва. Ума тронется той чоловикъ, балака, плете чого не нада". „Бува,

[1]) Произносится 4—9 разъ.

шо нечыста сыла пидъ тинь пидходыть (т. е. тѣнью) и ляка". „Прокынулась я въ-ночи,—разсказывала дѣвочка, козачка сел. Литвяковъ Лукерія Бугаева,—одчыныла двери хатни и синешни—на порози лежыть парубокъ Павло. Я кажу: „Павло! чого ты тутъ лежышъ"? Винъ мовчыть. Я ёго за руку та за ногу, воно якъ дублéне, все колышется и холодне. Очи на мене вырячывъ, дывытся пыльно. Я злякалась та у хату, трушусь, кажу: „мамо, Павло лежыть на порози". Воны выйшлы, колы нема ниде никого, ничого. Съ того часу стала я крычать у-ночи, стала въ мене голова болить, у ливый бикъ колоть. Вылывала баба". „Моя дивчына злякалася дуже: ходыла рано до баштану, и мовъ въ конопляхъ чоловикъ лежавъ. Такъ вона годъ болила: усе крычала, жахалась: мовъ іи увыжается чоловикъ, балака: „онъ чоловикъ стоить. выведить ёго зъ хаты. Вылывала жинка переполохъ; вылывавсь огонь, а не той чоловикъ. Не помоглося". (С. Литвяки).

„Повивъ чоловикъ на ничъ кони, а жинка сыдыть проты празныка Мыхайлова чуда, шые до пизна. Колы се пидійшло та й гука: „Явдохо, одчыны"! Одчыныла вона, колы воно розипнялось на дверяхъ на синешнихъ у сиряци, а вона й гука: „то ты, Петро? чого ты ще й шуткуешъ?" А воно стоить. Такъ вона пробигла по-пидъ рукою, иде видтиль,—колы нема вже на дверяхъ. Выйшла у хату, дума, шо то Петро на печи, пыта: „то ты, Петро?" Воно мовчыть. Вона знову: „чого ты зо мною шуткуешъ, хиба ты маленькый"? Та засвитыла та на пичъ—немае; пидъ пилъ—немае. Уже іи острахъ узявъ, перелякалась на викы. Колы це пивень: ку-ку-рику! Ось и Петро у хату. А вона: „то ты прыходывъ у-ночи лякать мене"?—Ни.—„Та дурышъ".—„Ій Богу ни". Та якъ занедужала, та мисяця два пролежала; йиздыла до знахаривъ, и переполохъ вылывалы, ажъ тоди одужала. И волосъ выризувалы, навхрестъ головы". (М. Снѣтинъ).

Обвѣяніе вѣтромъ и вихремъ, признаваемое Чубинскимъ особой болѣзнью „пидвіемъ" [1]), въ Лубенской народной медицинѣ

---

[1]) Тр. Эксп. I., в. I., 131.

считается однимъ изъ видовъ переполоха [1]). „Якъ витеръ и выхорь пидбижыть, то въ голови шумъ, обморокъ вдарыть. Може той чоловикъ тронуться умомъ". Опасность пидвія видна, между прочимъ, изъ слѣдующихъ народныхъ разсказовъ.

„Прыходыть жинка, просыть: „пошепчить одъ переполоху". Дывлюсь, а въ еи такъ жылы попускало пидъ груды, якъ пальци ростопырени, въ гору бье, мовъ ошалымонила, а волосся поскручувало у тры батогы. Розсказувала вона: „выхорь пидбигъ, кынувъ объ землю". (С. Литвяки, отъ Евгеніи Недѣлькиной).

„Була дивчына въ строку у Барвинщыни [2]). Строкови обидалы. Схопывсь выхорь, хто зна звидкиль и взявсь, перекынувъ мыску йимъ у крузи, де воны йилы. Та дивка выбула строкъ благополучно, прыйшла до-дому,—стала іи нападать мовъ лыхорадка: болять рукы, ногы, голова, кыне въ жаръ, зморозыть. Нанялась вона зновъ у строкъ у Тышкахъ, нерано вже, писля клечаныхъ святъ. Ходылы строкови до озера садыть бурякивъ; заболила у еи голова и все, попросылась вона у дядька до-дому, ажъ у Луку. И якъ хватыло іи, такъ ничого не тямыть, а ходыть можна. Батько и маты мучылысь зъ нею: уберется вона въ нарядъ новый, по огороду ходыть, спива, саме въ робочу пору. Писля того крычыть, гавка. На мынуту іи и легше, свитомъ, а якъ сонце пидобьется, знову іи хвата: вые, гавка, матиръ лае безподобными (sic!) словамы, крычыть: „давай мени йисты"! Паляныць тры зйисть, а все голодна. У Петривку позйида вершкы зъ молока. Такъ іи давай везты. Везуть и кормлять, бо якъ не буде йисты, не буде й сыдить, гавкатыме. Прывезлы іи у манастырь, хотилы запрычастыть—неможна: гавка, вые; хотилы воду на голови святыть,—не можна: не вдержуть. Прывезлы іи до дому, повезлы до знахаря десь за городомъ. Той знахарь шептавъ и вызывавъ переполохъ и сказавъ имъ: щобъ купылы ладану и щобъ роздалы ёго на тры церквы, и якъ спивають „иже херувымы",

---

[1]) Случаи ложной беременности, отчасти выкидыши и душевное разстройство беременной, мѣстная народная медицина склонна объяснять пидвіемъ. (См. мои Нар. Обр. и пѣсни Луб. у., 14).

[2]) Хуторъ Засульской волости.

шобъ тымъ ладаномъ кадылы и потимъ шобъ назадъ узять той ладанъ, мишать въ тымъ ладаномъ свяченои паскы и проскуры» и дарныка, и усихъ водъ: орданськои, вечирньои и стритенськои и пыть те все що-дня. Пыла вона; и возылы іи до бабы въ Высачкы и баба ій вылывала що-ранку на сходи мисяця переполохъ,—бо якъ вылывать тоди, якъ родытся мисяць, на молодыку, то переполохъ ожыватыме,—и на воску було те саме: якъ выхорь летивъ и перекынувъ мыску, а вона злякалась. Одужала вона и знову поступыла въ строкъ. Такъ-то̀ нечыстый въ неи и вселывся, и тымъ згонылы его зъ неи. Якъ выхорь летыть и крутыть писокъ,—и кынуть нижъ у ту куряву, та якъ выхорь уныччтожытся, то буде нижъ у крови. Та кровъ зъ нечыстого. (С. Тишки, отъ Пр. Кирилленковой).

Для излѣченія отъ переполоха больного поятъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ іорданской водой,—„переполохъ того боится, одъ того осида“; также: водой, освященной на головѣ больного; водой, въ которой намачивались трое сутокъ: пасха, дарникъ, всенощная просфора, пшеница, освященная на Спаса и Маковія, освященной водой съ квасцами (галуномъ), водой, которой окропляли мертвеца. Ѣдятъ кромѣ перечисленныхъ освященныхъ хлѣбовъ, еще хлѣбъ, принесенный съ перваго, такъ называемаго горячаго, погребальнаго обѣда и печеное яблоко, съ воткнутымъ въ него кусочкомъ херувимскаго ладана, причемъ также и подкуриваются херувимскимъ ладаномъ. Изъ врачебныхъ средствъ извѣстна только ландышевая настойка (convallaria majalis L.), приготовленная въ такой пропорціи: чайная ложка сушенныхъ цвѣтовъ на каждую рюмку водки. Даютъ по 3 капли такой настойки въ рюмкѣ водки или воды больному разъ въ сутки. Лучшими средствами для излѣченія переполоха признается: выливаніе и пресѣканіе. Переполохъ выливаютъ больному трижды въ мѣсяцъ, и чаще на исходѣ, т. е. на 3 и 4 четвертяхъ, „тоди переполохъ замира, а якъ вылывать на молодыку, то винъ одмолодіе“. На голову или животъ больного ставятъ миску съ холодной водой, куда льютъ растопленные въ три пріема въ печи: воскъ, смолу или олово,—

лучше послѣднія, потому что за воскъ „грихъ велыкый"; если появится лихорадочное состояніе у больного, то обязательно употреблять олово—въ водѣ получается изображеніе испугавшаго предмета, и переполохъ проходитъ. Повидимому, нашъ пріемъ выливанія переполоха, одинаково изображенный и въ ст. Г. Иванова: „Знахари, шептанія и заговоры" [1]), недоговоренъ, незаконченъ. У фламандцевъ же знахарка, выливъ свинецъ въ холодную воду, спрашиваетъ больного, если металлъ принялъ человѣческую форму: въ какую часть тѣла наславшаго болѣзнь выгнать боль? Затѣмъ нарѣзываетъ значки на вылившейся фигуркѣ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ и передаетъ такимъ образомъ боль наславшему въ его жительство [2]). Баба пресѣкаетъ переполохъ слѣдующимъ образомъ: слегка толкаетъ ножомъ въ лобъ и затылокъ больного, затѣмъ беретъ нитку красной заполочи, измѣряетъ больного отъ макушки до пятъ и наматываетъ на вѣникъ (деркачъ), кончикъ котораго отрубаетъ на сволокѣ или печкѣ, потомъ на правомъ и лѣвомъ плечѣ больного, груди и ногахъ, пресѣкаетъ деркачъ трижды навкрестъ на дверяхъ, приговаривая: „переполоше, переполошыще! я тебе прысикаю, я тебе зарубаю нарожденого, молытвяного раба Божого Семена". Потомъ забиваетъ деркачъ и нитку въ глухомъ концѣ дверей или „въ кочергахъ". Вмѣсто деркача, баба обрѣзаетъ навкрестъ волосы и ногти больного, приговаривая: „я переполохъ одбираю одъ нарожденои, молытвянои Гапкы, одъ іи рукъ, одъ іи ногъ, одъ іи очей, одъ іи главы, одъ русои косы, одъ билого лыця и одъ щырого серця. И теперъ я цей переполохъ на червону нытку збираю и на очерета, и болота я ёго ссылаю одъ нарожденои". Затѣмъ волосы и ногти баба перевязываетъ красной ниткой и замазываетъ въ глухой конецъ дверей, приговаривая: „якъ въ сёму глухому концю дверямъ не одчыняться, такъ переполохови не обзываться. Я-жъ ёго осыковымъ коломъ забываю и своимы устамы заклынаю. А цёму домови всёму амынь". Въ заключеніе

---

1) Кіев. Стар. 1885 г., XII, 737.

2) Js. Teirlinck. Le fl. flam. 109.

3) Кіев. Стар. 1885 г., XII, 737.

баба трижды плюетъ. По Иванову,[3]) дырочку дѣлаютъ на высотѣ роста дитяти; когда послѣднее переростетъ дырочку, пройдетъ болѣзнь. Въ м. Лукомьѣ дитя съ обрѣзанными волосами и ногтями подводятъ къ вербѣ или дубуи, приговаривая: „нехай дубъ тебе переросте", забиваютъ обѣзанные предметы также на высотѣ роста ребенка.

Кромѣ вышеприведеннаго, отъ переполоха есть еще такіе заговоры.

„Я сей переполохъ раби Божій Варци прысикаю и вылываю на сходи и на сповни, и на молодыку. Цей мисяць зъ небесъ исходыть, переполохъ изъ жывота и головы выходыть. Ты переполохъ, ты переполошыще! Ты болюхъ болющый и колюхъ колющый! Ты страхъ и жахъ; ты дидивъ и бабынъ, батькивъ и матерынъ, скотячый и конячый, собачый и свынячый, курячый и утячый, и гусячый, и витровый, и выхровый, огневый, гадячый, котячый, денный и ночный, и полуношный. Тутъ тоби рабы Божои не ожываты, коло серця не облягаты, рукъ, нигъ не ломыты, серця не сушыты. Покы ты тутъ ходывъ и сушывъ, поты я не знала и не прысикала и не вылывала. Теперъ прысикаю и вылываю билымы рукамы, одъ серця одбираю и святи молытвы чытаю своимы устамы, святымы молытвамы одъ рабы Божои Ганны одбираю, на очерета и на болота ссылаю. Туды люде не ходять, туды переполохы сходять зъ витрамы, зъ выхрамы. Хай гуляють, рабы Божій Ганны хай повикъ не ожывають. Я одъ рукъ и одъ нигъ одбираю, на западъ сонця посылаю."

„Винъ йесть батькивъ и матерынъ, и титчинъ, и дядькивъ, и дивчачый, и стритяный, витряный и громовый, и блыскавчынъ, и сонный, и зляканый, и вечирній, зирній. Йесть волячый, коровьячый, свынячый, овечый, ягнячый, гýсячый, утячый, курячый, ношный и витровий, и выхровый. Покы я не знала,—не шептала; якъ стала знать,—одъ переполоху шептать. И я шепчу, и вылываю, и прысикаю, и прерубаю, излываю, и на тры стороны изсылаю, де люде не ходять, де витры не віють. Господь зъ помищю". (С. Калайдинцы).

„Переполохъ чоловичый, жоночый, парубочый, дивочый хлопьячый, товарячый, кинськый, овечый, вовчый, заячый, пере-

пелячый, горобьячый, ящерыный, гадючый, курячый, утячый, гусячый, индычый, лысычый, огнённый—я тебе вышиптую, я тебе й вызываю, я тебе й выклыкаю, на темни луга одсылаю. Иды соби темнымы лугамы, буйными витрамы у чыстее поле. Тутъ тебе овси не треба" 1)! (С. Литвяки, отъ Ганны Кириченковой).

„Переполохъ подуманый, погаданый, скотынынъ, звирыный и насланый. Тутъ тоби не стоять, крови не ссать, жовтои кости не ламать, а жылъ не тягты, а серця не тошныты. Пиды соби на огни, на дыма, на велыки степа. Тамъ тоби буде пынье, гулянне и всяке маслуванне". (С. Литвяки, отъ Наталіи Кедевой).

„Переполохъ, переполошыще! Ты не жиночій, ты чоловичій, въ тебе голова здоровая Ты можешъ чоловика рострибушаты, ты можешъ оселю розирваты. Тутъ тоби не стояты, головочкы не ламаты, у жывоти не трибушаты. Иды соби за огнямы, за витрамы, за густымы дымамы, де собакы не брешуть, де люде не говорять, огни не горять". (М. Снѣтинъ, отъ Катерины Прихидькиной).

„Переполохъ курячый, гусячый и козыный, и звирыный, и воловый, и коровный, и выхровый, и витровый. Тутъ тоби не стояты, въ голови не шумиты и билого тила не ялыты, и щырого серця не нудыты. Я тебе шепчу, я тебе вылываю, я тебе вызываю,—я сей переполохъ зъ твого серця вышиптую. И тутъ тоби не стояты, пидъ груды не пидпыраты, пидъ ложечку не пидступаты, и щырого серця не нудыты нароженого, молытвяного Самсона не сушыты". (С. Хитцовъ, отъ Маріи Ганенковой).

„Переполохъ, переполошыще! батькивъ, матерынъ, чоловичый, жиночый, изляканый, истрахненый и курячый, и гусячый, и скотськый, и кинськый; и выклыкаю одъ твоихъ рукъ, одъ твоихъ ниrъ, одъ русои косы, одъ карыхъ очей, одъ билого тила, одъ щырого серця, одъ нароженои, молытвянои, хрещенои Маріи". (М. Снѣтина).

---

1) Вышиптувать 9 разъ, а якъ велыкый переполохъ, то трычи по 9.

„Переполохъ переполошный! и собачый, и звирячый, и товарячый, и свынячый, людськый, чоловичый, жиночый, хлопьячый, дивчачый! Тамъ тоби не стояты, жовтои кости не ламаты, червонои крови не пыты и серденька не сушыты; я вызываю и выклыкаю изъ очей, изъ ёго плечей, изъ ёго щырого серця. Тамъ тоби не стояты, тамъ тоби замыраты". (С. Литвяка, отъ Федосьи Гузёминой).

„Господы мылостывый, поможы мени! Маты Божа, и стань мени у помочи сей переполохъ вылываты изъ іи головонькы, изъ іи ручокъ, изъ іи нижокъ, изъ іи пальцивъ, изъ іи суставцивъ, одъ іи семыдесятъ суставъ. Не я ёго вылываю, не я выклыкаю, самъ Господь вылывавъ и выклыкавъ и Матиръ Божа въ помочи стояла, си переполохы одбирала, на Дунай на море зсылала. На Дунай на мори симдесятъ языкивъ стрепечучысь, святый мисяць на неби и Матиръ Божа на земли, и си переполохы збирала и витряны, и хлопьячи, и чоловичи, и выхрови, и блыскови, и громови, и конячи, и волячи, и собачи, и гусячи, и курячи, и гадючи, и жабьячи, и потайни и хлопьячи, и жоночи; и дивчачи, и не я йихъ вызывала, и не я своимъ духомъ подымала,—Самъ Господь вызывавъ и своимъ духомъ подымавъ одъ жовтои кости, одъ червонои крови, одъ іи голосу, одъ іи волосу и одъ рожденои, молытвянои и хрещенои рабы Божои Маріи. Аминь". (Д. Солоница).

Крикливицы.

Крикливицами, плаксивицами, а по Чубинскому-несплячкамы, крыксами называютъ въ Малороссіи безсонницу дитяти до 3-хъ лѣтъ, осложненную громкимъ крикомъ и запрокидываніемъ головки назадъ [1]). Кромѣ врожденныхъ, онѣ могутъ еще случиться, если кто поздно вечеромъ посмотритъ въ окно или нашлетъ ихъ отъ своихъ дѣтей. Въ предупрежденіе крикливецъ въ глухомъ углу въ полъ втыкаютъ иголку, а вѣникъ выбрасываютъ за порогъ, подъ колыбель ставятъ освященную воду. Въ купель кла-

---

[1]) Нар. обряды и пѣсни Луб. у., 33, 34.

дутъ: гречневую и освященную солому, также солому изъ трехъ крышъ, три ложки земли и девять росадинъ капусты, невысаженныхъ изъ росадниковъ, полевые васильки и желтый буркунъ,— если дитя худаетъ. Крикливицы ссылаютъ на улицу и вечерницы, способомъ, указаннымъ въ моихъ Нар. обр. и пѣс. Луб. у., стр. 34, или сдаютъ ихъ лѣсу или сосѣднему ребенку [1]) или курямъ [2]). Въ послѣднемъ случаѣ несутъ дѣтей подъ сидало и говорятъ: „вы, куры, били, чорни, гребенати, попеласти! изберить, извесить крыклывыци, плаксывыци вечирни и полунишни, и наслани, и подумани, и погадани. Пидить соби на огни, на дыма, на велыки степа, тамъ вы будете пыты й гуляты". (С. Литвяки, отъ Н. Кедевой).

„Крыклывыци и плаксывыци! я васъ вызываю, я васъ и выклыкаю зъ ёго очей, зъ ёго плечей, зъ ёго жовтыхъ костей, зъ ёго щырого серця. Я тебе й вызываю, я й выклыкаю, я й одсылаю и на очерета, и на болота, и на велыки лиса, и на дыку птыцю. Тамъ соби й оселыся, остановыся; тамъ соби ячить, тамъ крычить, а ты, Господы мылостывый и вси святи, станьте ёму на помощи, шобъ воно не крычало, шобъ воно й мовчало, шобъ ёму й спалося, шобъ ёму лыхо мыналося. Дай Боже ёму здоровья." (С. Литвяки, отъ Федосьи Гузёминой).

„Господы мылостывый! поможы мени си плаксывыци одходыты и денни, и вечирни, и полунишни, и свитови; и не я ихъ вызываю и не я выклыкаю. Зори зоряныци, [3]) васъ на неби тры сестрыци! и одбирайте си крыклывыци и денни, и вечирни, и наслани, и витряни, и прозирни. Матиръ Божа въ помочи стояла, си крыклывыци одбирала и дивчатамъ на вечорныци одсылала. И зори зоряныци, на неби тры сестрыци! и насылайте мени сонлывыци и дримлывыци 'дъ рожденои, хрещенои, 'дъ молытвянои Маріи." (Д. Солоница).

---

[1]) Чуб. т. I., в. I., 112.

[2]) Ивановъ. Кіев. Стар. 1885 г., XII, 738.

[3]) То же воззваніе къ зорямъ у Иванова въ сборн. Хар. И. Фил. Общества. IV., 276 и въ моихъ: Нар. обр. и пѣс. Луб. у. 34.

Перехидъ.

Перехидъ понятіе сложное. Сюда входятъ: родимецъ, eklampsia infantum, „судороги отдѣльныхъ мускуловъ или всего тѣла съ потерей сознанія и способности ощущенія, припадокъ не повторяющійся“ (Кунце. Compend. практ. мед. Кіевъ 1881 г., 96.), падучая, „билый“ несмертельный перехидъ, бывающій иногда на третьей четверти каждый мѣсяцъ, и предсмертный нервный ударъ, „чорный перехидъ навмыруще“. По народнымъ понятіямъ, перехидъ можетъ быть прирожденнымъ, наслѣдственнымъ, тихимъ и пріобрѣтеннымъ, „найденимъ“, отъ: урокъ, прозора, испуга. Въ послѣднемъ человѣкъ храпитъ, пѣнится, синѣетъ, бьется, машетъ руками и ногами. Главное, непремѣнное условіе при перехидѣ, во время припадка—полное спокойствіе больного. По народнымъ предразсудкамъ, неосторожное прикосновеніе къ рукѣ или ногѣ больного можетъ вызвать потерю члена, почему рожденное въ перехидѣ дитя оставляютъ лежать до прекращенія припадка [1]). Больного осторожно накрываютъ чѣмъ-нибудь чернымъ, также хусткой, на которой святили пасху; подъ голову подкладываютъ тряпки, которыми затыкался верхъ; снявъ съ больного рубашку, накрываютъ ее, а также и самого больного ночвами, по Чубинскому [2])—корытомъ. Перехидъ можетъ даже пройти, если видящій первый разъ больного, накроетъ его ночвами, а сверху разобьетъ новый горшокъ [3]). Надѣваютъ рубашку съ мертвеца и носятъ недѣлю: „перехидъ замира“. Если удастся носить цѣлый мѣсяцъ по рубашкѣ съ четырехъ мертвецовъ, „то перехидъ замре“. Больного смазываютъ всего саломъ, толченымъ съ кореньями любистка (levisticum officinale Koch.) и красной рожи (althaea rosea L.), а соски намазываютъ херувимскимъ ладаномъ. Больного поятъ ладаномъ съ трехъ обѣдней, свареннымъ въ водѣ, по 3 рюмки въ день, двѣнадцать дней подрядъ,—„колы-бъ тилькы люде не бачылы“. Даютъ также въ водѣ кровь пѣтуха, зарѣзаннаго на Меланки, засушенную и стертую, и отваръ цвѣтовъ горыцвита и сынецвита.

В. **Милорадовичъ.**

---

1) Обр. и пѣсни Луб. у. 19.

2) Тр. т. I., в. I., 117.

3) Ib. 117.

Къ вопросу о галицко-русской литературѣ.

(*По поводу статьи проф. Т. Д. Флоринскаго*).

Осенью истекшаго года профессоръ Т. Д. Флоринскій помѣстилъ въ газетѣ „Кіевлянинъ“ рядъ статей, посвященныхъ разбору „старыхъ толковъ“ о малорусскомъ языкѣ (нарѣчіи). Дѣйствительно, это старые толки за и противъ, которые мнѣ приходилось встрѣчать въ печати въ теченіе почти 40 лѣтъ; въ полемику эту я никогда не вмѣшивался главнымъ образомъ потому, что писатели, высказывавшіе мнѣнія, съ которыми я не былъ согласенъ, употребляли пріемы нѣсколько странные: трактуя о вопросахъ филологическихъ, литературныхъ, этнографическихъ и вообще культурныхъ, они соединяли ихъ тѣсно съ вопросами политики, до которыхъ лицамъ, интересующимся только культурными отношеніями, не было никакого дѣла; возражать такимъ писателямъ, по большей части публицистамъ, по моему мнѣнію, было невозможно съ точки зрѣнія объективно-научной, да пожалуй, подъ часъ, и не совсѣмъ безопасно. Иной характеръ носятъ статьи проф. Флоринскаго: онъ отстаиваетъ положенія, въ справедливости которыхъ онъ глубоко убѣжденъ, въ силу чего, положенія его, въ случаѣ даже несогласія съ ними, заслуживаютъ полнаго уваженія; съ другой стороны, авторъ заявляетъ на первой-же страницѣ своего сочиненія, что „правильное рѣшеніе спорнаго вопроса можетъ быть достигнуто только послѣ всесторонняго спокойнаго и безпристрастнаго обсужденія

его въ печати". Эта точка зрѣнія, вполнѣ отвѣчающая условіямъ культурнаго обсужденія, побуждаетъ несомнѣнно лицъ несогласныхъ съ нѣкоторыми положеніями проф. Флоринскаго высказать свои мнѣнія для всесторонняго обсужденія вопроса. Кромѣ этого общаго мотива, мнѣ кажется, что я поставленъ проф. Флоринскимъ въ необходимость дать объясненія чисто личнаго характера, по поводу сдѣланныхъ имъ указаній на мою дѣятельность въ качествѣ предсѣдателя Кіевскаго отдѣленія предварительнаго комитета XI археологическаго съѣзда, по моему мнѣнію, не вполнѣ справедливыхъ и нѣсколько тенденціозныхъ.

Въ первой половинѣ своей статьи проф. Флоринскій держится довольно точно заявленнаго имъ научно-объективнаго метода, и потому мы не можемъ не согласиться съ нѣкоторыми его выводами: онъ доказываетъ, что малорусское нарѣчіе (языкъ) принадлежитъ къ группѣ русскихъ нарѣчій, въ чемъ мы никогда не сомнѣвались, что, впрочемъ, вполнѣ признаютъ и тѣ писатели, съ которыми авторъ ведетъ полемику; затѣмъ, переходя къ этнографическимъ особенностямъ малорусскаго народа, проф. Флоринскій утверждаетъ, что всѣ три разновидности русскаго народа составляютъ одну этническую особь, но представляютъ и свои индивидуальныя черты; относительно „удѣльнаго вѣса" вошедшихъ въ эту особь стихій: малорусской и бѣлорусской, проф. Флоринскій находитъ неумѣстнымъ привести данныя въ своей статьѣ, но заявляетъ вообще, что его мнѣніе представляетъ „неоспоримый фактъ"; что несогласіе съ нимъ „на страницахъ ученаго журнала нужно считать, по меньшей мѣрѣ, страннымъ недоразумѣніемъ"; что люди, несогласные съ его мнѣніемъ, „не понимаютъ или не хотятъ понять истины" и т. д. Мы позволимъ себѣ замѣтить, что такой высокомѣрный тонъ по отношенію къ мнѣнію противниковъ не отвѣчаетъ условіямъ научной полемики. Правъ-ли или не правъ въ своихъ положеніяхъ проф. Флоринскій—это вопросъ открытый, пока не будутъ подведены точные итоги русской этнографіи; до того времени о „неоспоримыхъ" истинахъ разсуждать преждевременно. Полагаю, что ученые, дорожащіе раскрытіемъ истины, должны бы

воздержаться пока отъ абсолютныхъ приговоровъ и заняться собраніемъ и изслѣдованіемъ научнаго этнографическаго матеріала; такая попытка и была сдѣлана въ семидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія въ Кіевѣ Юго-Западнымъ отдѣломъ русскаго географическаго общества, но благодаря ревнителямъ, стоявшимъ на точкѣ зрѣнія проф. Флоринскаго (конечно, менѣе просвѣщеннымъ и потому болѣе склоннымъ къ мѣропріятіямъ, чѣмъ къ научнымъ доводамъ), дѣятельность отдѣла была прекращена и собираніе этнографическихъ данныхъ при помощи широкой интеллигентной публики края (въ составѣ отдѣла было до 300 членовъ) остановилось. Во всякомъ случаѣ, точные этнографическіе выводы относительно характера различныхъ разновидностей русскаго племени, еще впереди и едва-ли въ настоящее время можно безошибочно произнести приговоръ относительно „удѣльнаго вѣса“ отличительныхъ чертъ каждой разновидности. Если относительно этнографіи можно сохранять нѣкоторое сомнѣніе, то относительно другого рода научныхъ изслѣдованій намъ кажется, что проф. Флоринскій, вѣроятно увлекшись жаромъ полемики, поставилъ совершенно невозможный тезисъ. Ссылаясь на авторитетъ другого ученаго, онъ приводитъ фразу изъ его руководства, подчеркивая ее, какъ положительный выводъ: *„русскій народъ какъ въ антропологическомъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніи представляетъ единое цѣлое“*. Полагаю, что положеніе о лингвистикѣ, въ виду авторитетности цитируемаго автора, вѣроятно справедливо, но къ чему присоединено къ нему мнѣніе относительно антропологіи? вѣдь понынѣ сдѣлано такъ мало наблюденій относительно антропологическихъ признаковъ русскаго племени, что обслѣдованныя сколько-нибудь въ этомъ отношеніи мѣстности, являются лишь крошечными островками на обширной территоріи Россіи. Между тѣмъ, принявъ во вниманіе какъ громадное пространство разселенія племени, такъ и историческія данныя о русской колонизаціи, наврядъ-ли можно ожидать единства антропологическаго типа, и въ этомъ отношеніи великорусская вѣтвь вѣроятно представитъ весьма рѣзкія типическія разницы, такъ-какъ она ассимилирована путемъ бра-

ковъ и обрусенія чистокровныхъ инородцевъ, а также большое количество самыхъ разнообразныхъ племенъ и народовъ. Вѣрны-ли эти апріорныя соображенія или нѣтъ, во всякомъ случаѣ провозглашать единство антропологическаго типа при настоящемъ состояніи русской антропологической науки намъ кажется и преждевременно и не научно.

Переходя къ характеристикѣ общерусскаго литературнаго языка, проф. Флоринскій утверждаетъ, что всѣ три вѣтви русскаго племени принимали участіе въ его созданіи, хотя „въ силу историческихъ и политическихъ условій, великорусское нарѣчіе (преимущественно московскій его говоръ) заняло первенствующее положеніе въ ново-русскомъ образованномъ языкѣ". Это первенствующее положеніе такъ сильно, что слушая московскій говоръ, образованный русскій человѣкъ признаетъ въ немъ тотъ языкъ, на которомъ онъ самъ привыкъ говорить. По нашему мнѣнію, это положеніе проф. Флоринскаго совершенно справедливо, но изъ него, какъ кажется, можно сдѣлать слѣдующій выводъ: усвоеніе русскаго литературнаго языка для москвича не представляетъ никакой трудности и онъ, по мѣрѣ развитія своего умственнаго кругозора вообще, въ своемъ-же языкѣ находитъ всегда матеріалъ для выраженія своихъ понятій и представленій; но чѣмъ дальше говоръ отстоитъ отъ московскаго, тѣмъ усвоеніе литературнаго языка представляетъ все большія и большія трудности; для тѣхъ-же говоровъ, нарѣчій или языковъ (не знаю, какой терминъ употребить, чтобы не нарушить чиновной іерархіи, установленной филологами), которые, въ силу историческихъ условій минувшей жизни, представляютъ значительныя отклоненія фонетическія, морфологическія, синтаксическія и лексическія, усвоеніе русскаго литературнаго языка представляетъ серьезную и довольно трудную задачу: оно требуетъ въ первоначальномъ обученіи затраты двухъ-трехъ лѣтъ, т. е. курса сельской школы, и въ случаѣ если этимъ курсомъ кончается все образованіе (что обыкновенно и бываетъ въ массѣ сельскаго люда), не оставляетъ ни сколько-нибудь прочнаго знанія литературнаго языка, который вскорѣ забывается, ни тѣхъ эле-

ментарныхъ знаній, которыя должна-бы сообщить первоначальная школа, такъ-какъ все время ученія ушло на борьбу съ говоромъ или нарѣчіемъ. Кромѣ этого педагогическаго затрудненія можно-бы указать много другихъ въ сферахъ дѣятельности: литературной, судебной, административной и т. д., гдѣ отдаленность даннаго нарѣчія отъ литературнаго языка причиняетъ неоднократно значительныя практическія затрудненія какъ властямъ, такъ и народной массѣ; но мотивы эти повели бы насъ далеко за границы этой статьи. Впрочемъ, повидимому и нужды нѣтъ въ этомъ: профессоръ Флоринскій признаетъ, что значительная относительно разница нѣкоторыхъ нарѣчій отъ общерусскаго литературнаго языка вызываетъ „естественную, хотя и не необходимую“ потребность существованія нѣкоторой областной литературы, „прежде всего простонародной“, которая, однако, „должна довольствоваться скромною ролью подлитературы, служащей дополненіемъ къ общей, главной литературѣ“. Уважаемый авторъ пытается даже опредѣлить сюжеты этой подлитературы, за предѣлы которой она выходить не имѣетъ права. По его мнѣнію границы, эти допускаютъ въ малорусской литературѣ: художественныя литературныя произведенія, рисующія народную жизнь малороссовъ; изданія памятниковъ малорусскаго народнаго творчества; театральныя представленія и простонародныя книги, имѣющія цѣлью распространеніе просвѣщенія въ малорусской деревнѣ. Относительно малорусской литературы въ предѣлахъ Россіи мы совершенно согласны съ мнѣніемъ проф. Флоринскаго и даже находимъ его болѣе толерантнымъ и прогрессивнымъ, чѣмъ то statu quo, въ которомъ заколдована данная литература. Такъ напримѣръ, послѣдняя, указанная имъ, категорія книгъ, стремящихся къ распространенію знанія въ деревнѣ, не пользовалась за послѣдніе 25 лѣтъ правомъ гражданства. Насколько намъ извѣстно, за весь этотъ промежутокъ времени только три или четыре брошюры подобнаго рода: о раціональномъ методѣ запашекъ, о пріемахъ скотоводства и о раціональныхъ пріемахъ лѣтнихъ заработковъ въ степныхъ губерніяхъ, увидали свѣтъ и то лишь благодаря не-

имовѣрнымъ усиліямъ авторовъ, которымъ приходилось тревожить два министерства и затратить 2—3 года хлопотъ и стараній; между тѣмъ, десятки, можетъ быть и сотни, подобнаго рода книгъ, напримѣръ: практическіе совѣты о гигіенѣ при эпидеміяхъ холеры и дифтерита, о пріемахъ раціональнаго пчеловодства, нравоучительно-религіозные разсказы, житія святыхъ, популярныя книги по физической географіи и т. д., такъ и остались не изданными.

Притомъ намъ кажется, что предѣлы „подлитературы", поставленные проф. Флоринскимъ, не вполнѣ точно размежеваны: мы не знаемъ тѣхъ признаковъ, по которымъ можно-бы было опредѣлить границы простонародной и сюртучной литтературы и которые могутъ быть указаны лишь самою жизнью. По нашему мнѣнію, самый крупный пробѣлъ въ опредѣленіи проф. Флоринскаго относится къ самому существенному условію просвѣщенія народа. Во всѣхъ христіанскихъ государствахъ основнымъ источникомъ народнаго просвѣщенія считаютъ просвѣщеніе, основанное на религіозныхъ началахъ: конечно, въ народной, мало-культурной сферѣ первые лучи просвѣщенія проникаютъ изъ церковнаго ученія; общедоступная церковная проповѣдь на вполнѣ понятномъ языкѣ, житія святыхъ и, наконецъ, возможность читать святое письмо, не стѣсняясь филологическими затрудненіями, по нашему мнѣнію, составили-бы самый важный элементъ подлитературы, назначенный для просвѣщенія малорусской деревни. Конечно, существованіе такихъ произведеній въ подлитературѣ способствовало-бы значительному подъему религіознаго и нравственнаго кругозора деревни и, можетъ быть' устранило-бы тѣ предразсудки и наклонность къ сектантству, которые заслоняютъ ортодоксальное ученіе церкви. Примѣровъ подобнаго рода можно-бы привести очень много; укажемъ хотя на Бельгію, въ которой духовенство, по воспитанію французское, поставленное въ необходимость бороться въ народной средѣ съ раціоналистическими ученіями, читаетъ проповѣдь въ сельскихъ церквяхъ и издаетъ популярныя религіозныя книги на нарѣчіяхъ валлонскомъ и фламандскомъ, не смотря на то, что

языкъ литературы и образованнаго общества страны есть языкъ французскій.

Если мы готовы согласиться съ главнымъ положеніемъ проф. Флоринскаго относительно значенія малорусской литературы или подлитературы въ предѣлахъ Россіи, то совершенно расходимся съ его взглядомъ о значеніи этой литературы въ Галиціи. Здѣсь, въ силу теченія исторической жизни, интеллигентное русское общество говоритъ на своемъ нарѣчіи, пользуется имъ въ церкви, судѣ, въ административныхъ сношеніяхъ; оно получаетъ на немъ образованіе въ школахъ, сельскихъ гимназіяхъ и въ университетѣ. Очевидно для всякаго безпристрастнаго наблюдателя, что употребленіе этого языка въ культурныхъ сношеніяхъ выработалось условіями самой жизни. Конечно, среди галицкихъ писателей есть нѣкоторое количество лицъ, усвоившихъ русскій литературный языкъ, но люди эти далеко не многочислены и не особенно производительны въ научной литературѣ, да и существованіе такой группы писателей совершенно естественно: нѣтъ культурнаго общества, въ которомъ среди интеллигенціи не было-бы извѣстнаго количества людей, пишущихъ не только на томъ языкѣ, на которомъ они говорятъ, но и участвующихъ въ другихъ литературахъ. По мѣрѣ интеллектуальнаго развитія галицкой Руси, многіе литераторы усвоили нѣсколько языковъ, на которыхъ и излагаютъ свои мысли; безъ различія партіи какъ староруссы, такъ и народовцы по временамъ печатаютъ свои произведенія на языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ. На этихъ языкахъ мы встрѣчали статьи и даже цѣлыя сочиненія, какъ г. Адольфа Добрянскаго, такъ и г. Франка, проф. Шараневича и проф. Огоновскаго и т. д., но все это явленія исключительныя, не характеризующія общихъ культурныхъ потребностей страны. Большинство членовъ старорусской партіи къ несчастью, русскаго литературнаго языка не знаетъ, не можетъ на немъ ни писать, ни говорить, и потому пожеланіе ихъ не признавать своей областной литературы является лишь убѣжденіемъ теоретическимъ,—своего рода платоническою любовью, встрѣчающею боль-

тія затрудненія въ житейскомъ примѣненіи. Эта рознь теоретическаго убѣжденія съ практическимъ его примѣненіемъ отражается прежде всего на учено-литературной продуктивности этой партіи въ отношеніяхъ количественномъ и качественномъ,— достаточно сравнить для примѣра изданія „Русской Матицы", существующей уже много лѣтъ и изданія „Наукового товариства імени Шевченка", начавшаго свою дѣятельность лишь семь лѣтъ назадъ, чтобы убѣдиться въ томъ, насколько направленіе, основанное на потребностяхъ самой жизни даннаго общества, вызываетъ энергію, дѣятельность и продуктивность и насколько теоретическія соображенія, идущія наперекоръ жизни, являются элементомъ, вызывающимъ апатію и безсиліе. Нельзя же серьезно принять за общерусскій языкъ тотъ гибридный говоръ, на которомъ говоритъ огромное большинство староруссовъ, на которомъ издавались труды „Матицы" и писались поэмы г.г. Гушалевича. Дѣдицкаго и др. Для иллюстраціи языка, употребляемаго староруссами позволю себѣ привести довольно характерный эпизодъ. Одинъ заслуженный ученый, принадлежавшій къ этой группѣ, былъ избранъ профессоромъ русскаго языка и словесности въ одномъ изъ русскихъ университетовъ. Получивъ извѣщеніе о своемъ избраніи, онъ написалъ въ совѣтъ избравшаго его университета письмо съ изъявленіемъ благодарности; въ письмѣ этомъ, состоявшемъ изъ 20 строкъ, оказалось 23 ошибки въ русской лексикѣ, синтаксисѣ и правописаніи. Послѣ этого, конечно, кандидатура на каѳедру русскаго языка и словесности оказалась невозможною, и почтенный ученый получилъ другое назначеніе.

По нашему мнѣнію, весьма знаменательный фактъ представляетъ то обстоятельство, что старорусская партія за 50 лѣтъ своего существованія не произвела ни одного не только выдающагося, но даже средняго хорошаго поэта или беллетриста. Всѣ болѣе талантливые представители галицкой литературы, какъ гг. Франко, Федьковичъ, Кобрынская, Кобылянская и т. д.—представители исключительно группы народовцевъ.

Профессоръ Флоринскій особенно негодуетъ на то, что галичане пишутъ научныя статьи и издаютъ научные журналы на

своемъ разговорномъ языкѣ; онъ считаетъ эти начинанія затѣею „трудно исполнимою, лишнею, ненужною, безцѣльною, безполезною, которая, при насущныхъ силахъ галицкой интеллигенціи, не можетъ состояться и въ 100 лѣтъ"—даже причисляетъ ее къ явленіямъ отрицательнымъ и вреднымъ. Авторъ до того глубоко убѣжденъ въ справедливости своего мнѣнія, что считаетъ спорный вопросъ „безповоротно рѣшеннымъ жизнью" въ желательномъ ему смыслѣ.

Мы уважаемъ убѣжденія проф. Флоринскаго, какъ и всякое глубокое и искреннее убѣжденіе, но, тѣмъ не менѣе, не можемъ согласиться ни съ его эпитетами, ни съ его прогностикою. Конечно, созданіе научнаго языка изъ языка разговорнаго требуетъ большихъ усилій, но препятствіе это далеко не непреодолимо, что, конечно, прекрасно знаетъ проф. Флоринскій, изучившій исторію возрожденія въ XVIII и XIX столѣтіяхъ многихъ славянскихъ литературъ. При извѣстной любви автора къ преуспѣванію славянъ, онъ, несомнѣнно, относится съ сочувствіемъ къ усиліямъ, которыя предприняты были чехами, сербами, болгарами, словинцами, словаками, лужичанами для разработки ихъ литературъ; но совершенно аналогическія усилія галичанъ не только не пользуются его симпатіею, но вызываютъ въ немъ страстное отрицаніе и порицаніе. Очевидно, что кабинетныя занятія филологіею могутъ вселить духъ нетерпимости въ равной мѣрѣ, какъ занятія науками богословскими, политическими или юридическими.

Что спорный вопросъ далеко не рѣшенъ безповоротно, въ томъ мы убѣждены отзывами многихъ органовъ русской печати, мнѣніемъ проф. Ягича (см. ссылку въ концѣ статьи г. Михальчука), постановленіемъ огромнаго большинства членовъ Московскаго археологическаго общества и отзывомъ многихъ славянскихъ гостей, посѣтившихъ Кіевскій археологическій съѣздъ, съ которыми намъ довелось бесѣдовать о спорномъ вопросѣ. Во всякомъ случаѣ, при оцѣнкѣ даннаго вопроса вѣрно одно изъ двухъ мнѣній: или желаніе галицкихъ литераторовъ примѣнить свой языкъ къ научной литературѣ есть лишняя, вредная и

т. д. затѣя, впередъ обреченная на смерть, или же это дѣйствительная потребность, вытекающая изъ условій жизни Галичины. Въ первомъ случаѣ намъ не понятна страстность, съ которою относится въ данному вопросу проф. Флоринскій: все то, что лишено реальныхъ условій быта, что безповоротно рѣшено жизнью, должно неминуемо исчезнуть, не представляетъ ни для кого опасности и не можетъ вызывать ни раздраженія, ни экстренныхъ мѣропріятій; но если вѣрно второе мнѣніе, то страстное къ нему отношеніе и особенно преждевременныя мѣропріятія, не только не достигнутъ цѣли, но вносятъ лишь ненужное раздраженіе, усиливаютъ духъ протеста и все-таки не предотвратятъ того исхода, къ которому естественно стремятся потребности жизни. Къ какому рѣшенію въ будущемъ приведетъ данный вопросъ, за отсутстіемъ дара прорицанія мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ, полагаемъ, что по аналогическимъ вопросамъ люди ученые разныхъ временъ неоднократно высказывали прогнозы и гороскопы, не оправдывавшіеся въ послѣдующее время. Такъ напримѣръ, проф. Флоринскому лучше чѣмъ намъ извѣстны отзывы нѣмецкой печати по поводу возрожденія чешской литературы; такъ лѣтъ 40 назадъ одинъ, несомнѣнно весьма ученый русскій славистъ, пришелъ къ убѣжденію, что только четыре славянскія литературы:, русская, польская, чешская и сербская имѣютъ право на существованіе и что поэтому болгары не должны мечтать о своей литературѣ „лишней, вредной, безцѣльной“ и т. д., но должны усвоить литературу сербскую. Проповѣдывая страстно эту мысль, ученый славистъ чуть было не разогналъ одинъ изъ отдѣловъ славянскаго благотворительнаго комитета, котораго онъ былъ предсѣдателемъ и въ составъ котораго входили очень многіе болгары. Въ исторіи западной Руси мы встрѣтили очень характерный аналогичный фактъ. Въ началѣ XVII ст. знаменитый проповѣдникъ и ученый іезуитъ Петръ Скарга, въ пылу полемики по вопросу о церковной уніи попрекаетъ православныхъ между прочимъ тѣмъ, что они пишутъ на языкѣ, который не можетъ стать языкомъ культурнаго общества и не имѣетъ никакой будущности. „Еще не было на

свѣтѣ, говоритъ онъ, академіи, гдѣ-бы философія, богословіе, логика и другія гуманитарныя знанія преподавались на славяно-русскомъ языкѣ; съ такимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ. На этомъ языкѣ нѣтъ ни грамматики, ни риторики и быть не можетъ. Вотъ откуда у васъ невѣжество и заблужденіе". Въ настоящее время мы видимъ, насколько преждевременны были страстно высказанные гороскопы ученыхъ: и чешская, и болгарская литература существуютъ, отвѣтомъ же на предсказаніе Скарги служитъ вся русская литература.

Если проф. Флоринскій дѣйствительно убѣжденъ въ томъ, что попытка создать научную малорусскую литературу есть утопія, „осужденная жизнью и закономъ культурнаго развитія народовъ", то для насъ совсѣмъ непонятны его опасенія относительно пропаганды этой утопіи. Если его мнѣніе вѣрно, то, конечно, утопія не можетъ никого прельстить и кончится лишь тѣмъ, что утописты потратятъ нѣсколько тщетныхъ усилій, никого не увлекутъ, сами одумаются и повернутъ на другой путь культурнаго развитія; но если проф. Флоринскій ошибается (а ошибаться всѣ мы можемъ, за исключеніемъ развѣ папы), то въ такомъ случаѣ весьма странными являются провозглашаемыя имъ будто-бы непреложныя истины и тѣмъ болѣе отстаиваемыя имъ мѣропріятія о всякихъ недопущеніяхъ, пресѣченіяхъ и т. д. Споръ этотъ пока открытый, и люди науки могутъ лишь приводить аргументы pro и contra и выжидать рѣшенія вопроса отъ дальнѣйшаго теченія жизни, не вызывая практическихъ мѣропріятій, по вопросу, пока открытому.

Порицая усилія галичанъ, направленныя къ созданію литературнаго языка, проф. Флоринскій указываетъ, что языкъ этотъ искусственный, не сложившійся и переполненный словами, заимствованными по преимуществу изъ языка польскаго, или вновь созданными; въ доказательство этого положенія авторъ приводитъ списокъ до 200 словъ, яко-бы заимствованныхъ изъ польскаго языка. Разсматривая этотъ каталогъ, мы не могли не прійти къ убѣжденію, что составляя его, проф. Флоринскій не остался на высотѣ своего филологическаго образованія: въ

числѣ случайно имъ выдернутыхъ словъ замѣчается нѣсколько категорій самаго разнообразнаго характера; такъ, къ числу заимствованій изъ польскаго языка отнесены слова, несомнѣнно присущія какъ въ бытовой рѣчи малорусскаго народа и въ произведеніяхъ его народной литературы, такъ и въ западно-русскихъ литературныхъ памятникахъ XVI—XVIII столѣтій и въ языкѣ документовъ того времени; таковы напр. слова: кавалокъ, увага, камяныця, умова, докладно, зныщыты, звычайно, справа, вага, шануваты, муситы, праця, малюваты и т. д. Доказательства своенародности многихъ изъ этихъ словъ были указаны въ статьѣ г. Науменка. Ошибка проф. Флоринскаго въ этомъ отношеніи зависитъ вѣроятно оттого, что при изученіи имъ разныхъ славянскихъ языковъ, очередь еще не пришла на малорусское нарѣчіе, не смотря на то, что въ Кіевѣ, среди малорусскаго населенія, за 18 лѣтъ къ этому могло представиться довольно много удобствъ. Другую категорію словъ, будто заимствованныхъ изъ польскаго языка, составляютъ слова нѣмецкаго происхожденія, вошедшія и въ современную народную рѣчь и въ литературу минувшихъ столѣтій, какъ напримѣръ: штука, коштъ, друкарня, рахунокъ, решта, фарба, грунтъ, паперъ и т. п.; почему эти слова отмѣчены какъ польскія, для насъ не понятно; но, мы во всякомъ случаѣ, констатируемъ, что слова эти существуютъ какъ въ народной рѣчи, такъ и существовали въ западно-русской литературѣ XVII столѣтія. Наконецъ, въ спискѣ проф. Флоринскаго помѣчены многочисленныя слова латинскія, вошедшія во всѣ европейскія литературы, и въ томъ числѣ получившія право гражданства и въ русскомъ литературномъ языкѣ, какъ напримѣръ: институція, культурные интересы, эмиграція, публикація, еволюція, функція, аргументъ, интегральный и т. д. Вообще, предвзятая мысль проф. Флоринскаго о полонизаціи галицкаго литературнаго языка до того увлекла его, что онъ записываетъ въ полонизмы и чисто русскія слова, какъ напримѣръ: урядникъ, запасъ.

Мы привели эти примѣры единственно съ цѣлью указать, что укоры автора, направленные къ порицанію галицкаго ли-

тературнаго языка, основаны болѣе на субъективномъ впечатлѣніи самого автора, чѣмъ на строго продуманныхъ лингвистическихъ основахъ, вслѣдствіе чего они возбуждаютъ недоумѣніе даже среди не спеціалистовъ-филологовъ. Но допустимъ, что лексическая выкладка проф. Флоринскаго была сдѣлана нѣсколько неудачно, вслѣдствіе спѣшности газетной работы. Сущность этихъ упрековъ сводится къ тому, что галицкіе литераторы, стараясь дать литературную обработку своему нарѣчію, прибѣгаютъ для выраженія понятій болѣе высокой культурной жизни или къ образованію новыхъ словъ, или къ заимствованію ихъ изъ другихъ литературъ; да это положеніе совершенно вѣрно: при развитіи любой литературы, пріемы эти неизбѣжны;—намъ кажется, что чрезъ эту стадію развитія проходили всѣ европейскія литературы; нѣтъ, полагаю, ни одной славянской литературы, которая бы при своемъ возрожденіи не прибѣгала какъ къ образованію новыхъ словъ, такъ и къ ихъ заимствованію; причемъ въ однихъ, какъ напримѣръ, въ чешской, преобладаетъ первый методъ, въ другихъ, въ томъ числѣ въ русской, второй; этимъ и объясняется такое литературное явленіе, какъ существованіе изданія, озаглавленнаго „100,000 иностранныхъ словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ". Это крупное заимствованіе не только не можетъ быть поставлено въ укоръ русской литературѣ, но, напротивъ, возбуждаетъ чувство благодарности у всѣхъ пользующихся этою литературою, за возможность высказать вполнѣ точно свои мысли, благодаря усилившемуся, вслѣдствіе заимствованій, количественному матеріалу языка. Намъ только кажется нѣсколько страннымъ, если предъявляютъ къ другой литературѣ такія требованія пуризма, которыя считаютъ не обязательными для собственной литературы.

Конечно, какъ при образованіи новыхъ словъ, такъ и при заимствованіи ихъ, могутъ произойти ошибки, неудачныя попытки и т. п., но въ этомъ мы большой бѣды не видимъ: всякая попытка ввести въ языкъ неудачно придуманное слово, противное его духу, окажется несостоятельною; слово не привьется, не получитъ хода въ литературѣ и будетъ забыто; за то удач-

ными нововведеніями литературный языкъ обогатится и получитъ нужное для своихъ потребностей развитіе. Всякій искренній трудъ сопряженъ съ возможностью ошибаться—errare humanum est—но изъ-за неизбѣжныхъ ошибокъ нельзя порицать весь трудъ вообще, если на то не имѣется предвзятаго намѣренія.

Кромѣ сѣтованій на искуственность языка въ галицкихъ изданіяхъ, проф. Флоринскій считаетъ особымъ преступленіемъ со стороны галицкихъ литераторовъ то обстоятельство, что они употребляютъ, такъ называемое, фонетическое правописаніе; причемъ, вмѣсто критики пригодности или правильности этого правописанія, чего мы въ правѣ были ожидать отъ специалиста по славяновѣдѣнію, онъ высказываетъ лишь свое личное подозрѣніе, что правописаніе это введено исключительно для того, чтобы „съ внѣшней стороны дѣлать малорусскую книгу возможно болѣе непохожей на общерусскую“. Мы сомнѣваемся въ справедливости высказаннаго подозрѣнія, но спорить о немъ не будемъ, такъ-какъ оно относится къ области болѣе сердцевѣденія, чѣмъ науки. Вообще-же по дѣлу правописанія, сѣтованія на фонетику намъ кажутся странными: всѣ вѣдь европейскіе народы употребляютъ фонетическій, а не графическій методъ правописанія, т. е. изображаютъ знаками письма произносимые звуки, а не понятія, подобно египетскимъ гіероглифамъ, письму китайцевъ или древнихъ мексиканцевъ. Если разъ принято изображать знаками звуки, то правописаніе будетъ тѣмъ удобнѣе и логичнѣе, чѣмъ точнѣе сохранено будетъ соотвѣтствіе произносимыхъ звуковъ съ придуманными для нихъ знаками. Если придумано такое правописаніе, въ которомъ каждый звукъ изображается однимъ только начертаніемъ и каждое начертаніе изображаетъ только одинъ звукъ, то такое правописаніе можно считать образцовымъ; такое правописаніе представляетъ то большое удобство, что при изученіи грамоты, избавляетъ учащихся отъ изученія всякихъ правилъ правописанія, на которыя въ иныхъ языкахъ затрачивается много времени и лишняго труда, такъ-какъ вся теорія правописанія сводится лишь къ единствен-

ному правилу: „изображай всякій звукъ соотвѣтственнымъ знакомъ“. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ литературахъ мы встрѣчаемъ значительныя отступленія въ смыслѣ, такъ называемаго, этимологическаго правописанія. Кажется, что отступленія эти, основанныя на рутинѣ, главнымъ образомъ, произошли отъ того, что, установивъ свое правописаніе въ извѣстное историческое время, пользующіеся имъ желали норму даннаго времени сохранить неизмѣнною, между тѣмъ какъ звуковой матеріалъ каждаго живого языка подвергался съ теченіемъ времени значительнымъ перемѣнамъ. Слѣдствіемъ такого консерватизма въ этимологическомъ правописаніи и являются языки, въ которыхъ изображаются звуковыя особенности не современнаго языка, а того-же языка давно минувшей старины, чему образцовые примѣры мы видимъ, напримѣръ на языкахъ англійскомъ и французскомъ.

Выходя изъ общаго желанія сохранить основной логическій принципъ фонетическаго правописанія, естественно возрождающіяся литературы стремятся къ тому, чтобы подогнать свое правописаніе къ звуковому составу своего языка; такія поправки произведены были въ XIX столѣтіи въ правописаніи языковъ чешскаго и сербскаго, причемъ въ послѣднемъ—Вуку Караджичу пришлось натолкнуться на весьма страстные протесты рутинеровъ; такую-же попытку мы видимъ у галичанъ. Правильно-ли придумано ихъ правописаніе и отвѣчаетъ-ли оно точно звуковому матеріалу языка, о томъ компетентное слово должны высказать филологи, путемъ критическаго разбора даннаго правописанія, не вводя въ споръ стороннихъ субъективныхъ подозрѣній, не относящихся къ спорному научному вопросу.

Вообще во второй половинѣ статьи проф. Флоринскаго мы находимъ довольно много того посторонняго не научнаго матеріала, который не отвѣчаетъ положенію, высказанному имъ въ началѣ статьи о спокойномъ и безпристрастномъ обсужденіи вопроса въ печати. Увлекаясь страстностью полемики, проф. Флоринскій, по примѣру публицистовъ 60-хъ годовъ, вводитъ въ свою статью соображенія не научнаго, но политическаго характера; такъ онъ утверждаетъ, что существованіе въ Гали-

ція своей областной литературы можетъ „ослабить политическое могущество Россіи“, „вызвать паденіе образованности и ослабленіе политической мощи всего народа“, что для галицкихъ литераторовъ „ученые интересы занимаютъ едва-ли не послѣднее мѣсто, а на первомъ планѣ стоятъ извѣстныя политическія цѣли“ и т. п. Мы недоумѣваемъ, къ чему автору понадобились эти намеки въ спорѣ, касающемся исключительно филологіи и лингвистики, придающіе лишь его статьѣ не надлежащій оттѣнокъ. Вѣдь обязанности по отношенію къ государству одно дѣло, употребленіе-же въ разговорѣ и письмѣ любого говора или нарѣчія—совершенно другое; произноситъ-ли человѣкъ *ѣ* или *і*, *онъ* или *вінъ* и т. д., онъ можетъ совершенно исправно исполнять всѣ государственныя повинности, уважать предержащія власти, добросовѣстно исполнять возложенныя на него обязанности и трудиться на любомъ поприщѣ полезной дѣятельности. Государство управляется не филологами, а людьми, умудренными политическимъ опытомъ, которые требуютъ отъ гражданъ патріотизма и единодушія, а не однообразія внѣшнихъ и культурныхъ формъ быта. Если-бы на дѣло правящія власти смотрѣли съ точки зрѣнія проф. Флоринскаго, то давно, вѣроятно, былъ-бы учрежденъ особый департаментъ для руководства филологическими отношеніями страны, въ которомъ состояли-бы особые столы: прононса, правописанія, склоненій, синтаксиса и т. п., и лица, не исполняющія предписаній этого вѣдомства, подвергались-бы: внушеніямъ, штрафамъ, заключенію и другимъ невзгодамъ. Неужели такого порядка желалъ-бы авторъ? А вѣдь его намеки на мнимую политическую опасность, на *„невѣдомыя и темныя силы“*, какъ будто ведутъ по указанному пути.

Въ сужденіяхъ о галицкой литературѣ проф. Флоринскій держится не одного взгляда въ оцѣнкѣ фактовъ. Утверждая, что литература эта есть лишь пустая затѣя ничтожной кучки литераторовъ, онъ пытается даже свести статистику ея членовъ, но цифры его весьма разнообразны; въ одномъ мѣстѣ сказано, что весь контингентъ этой кучки состоитъ изъ 8—10 человѣкъ, въ другомъ уже передается цифра 10—15, въ третьемъ обозна-

чается цифрою 74. При такомъ колебаніи цифръ, мы въ правѣ думать, что всѣ онѣ произвольны и не основаны на точномъ вычисленіи; сомнѣніе это подтверждаютъ нѣкоторыя данныя, сообщаемыя самимъ проф. Флоринскимъ: такъ онъ указываетъ, что стремленіе къ областной литературѣ было перенесено въ Галицію лишь 30 лѣтъ назадъ, но сразу пустило здѣсь довольно глубокіе корни; затѣмъ авторъ передаетъ, что на нежелательномъ для него языкѣ въ Галиціи „печатаются учебники для низшихъ и среднихъ школъ, издаются газеты и журналы, появляются книги не только беллетристическаго, но и ученаго содержанія", что одно Товариство имени Шевченка издало 80 томовъ научнаго содержанія (въ теченіе 7-ми лѣтъ). Намъ кажется, что такія явленія не мыслимы при существованіи лишь кучки лицъ не только въ числѣ 8—10 человѣкъ, но хотя-бы и въ количествѣ 74, если-бы дѣятельность ихъ не находила поддержки въ мѣстномъ обществѣ и его жизненныхъ потребностяхъ: книги вѣдь не могутъ издаваться, если онѣ не находятъ ни издателей, ни сбыта; очевидно то и другое имѣется въ Галиціи, если издательская дѣятельность не только не ослабѣваетъ, но постоянно усиливается.

Одна изъ главныхъ заботъ проф. Флоринскаго состоитъ въ томъ, чтобы галицкая литература не повліяла, какъ нежелательная пропаганда, на „нашихъ украинофиловъ"; въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ у него также нѣсколько противорѣчащія другъ другу показанія. Съ одной стороны, авторъ утверждаетъ, что число „нашихъ украинофиловъ" крайне незначительно, состоитъ лишь изъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ, что усилія галицкихъ литераторовъ находятъ очень слабые отклики и сочувствіе въ предѣлахъ Россіи, что „масса образованнаго общества южной Руси, не говоря уже о простомъ народѣ, остается равнодушной къ галицкому сепаратистическому движенію потому, что „изданія Товариства имени Шевченка не имѣютъ доступа въ Россію и извѣстны очень немногимъ"; съ другой стороны, проф. Флоринскій указываетъ, что Общество им. Шевченка пользуется болѣе или менѣе значительными пожертвованіями изъ Россіи; онъ

даже собралъ поименныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ пожертвованіяхъ и утверждаетъ, что они были достаточны для основанія типографіи;—одно изъ этихъ пожертвованій онъ опредѣляетъ въ 45,000 [1]). Очевидно, что въ справкахъ автора есть нѣкоторый диссонансъ въ оцѣнкѣ статистическихъ цифръ сочувствія или не сочувствія въ южной Руси галицкой литературѣ; одно изъ двухъ:—или ей сочувствуетъ только нѣсколько десятковъ лицъ, и въ такомъ случаѣ, это явленіе настолько ничтожное, что едва-ли стоитъ обращать на него вниманіе, или цифра эта приведена произвольно, и тогда только понятны тѣ крупныя пожертвованія, о которыхъ говоритъ авторъ. Да не удивительно, что данныя проф. Флоринскаго въ этомъ отношеніи не точны и сбивчивы; въ одной изъ своихъ статей онъ заявляетъ, что за время своего пребыванія въ Кіевѣ онъ избѣгалъ сношеній съ „украинофилами“. Очень просто, что, въ такомъ случаѣ, вмѣсто точныхъ данныхъ онъ располагаетъ лишь гипотетическими произвольными цифрами, основанными на предвзятыхъ мнѣніяхъ: развѣ можно судить о большей или меньшей долѣ сочувствія къ извѣстному изданію потому лишь, что изданіе это не имѣетъ доступа къ лицамъ, желающимъ его

[1]) Въ параллель съ приведенными фактами проф. Флоринскій жалуется, что старорусская партія „не получаетъ ни откуда помощи“. Конечно, доходы партіи намъ не извѣстны, но, по нѣкоторымъ, проскользнувшимъ въ печати даннымъ, полагаемъ, что это утвержденіе не вполнѣ справедливо. Сочувствіе къ старорусской партіи довольно сильно въ нѣкоторыхъ сферахъ русскаго общества; такъ напримѣръ, мы встрѣчали въ отчетахъ разныхъ славянскихъ обществъ въ Россіи, свѣдѣнія о субсидіяхъ для изданій этой партіи; случалось намъ читать судебное разбирательство по дѣлу г-жи Ольги Грабарь; мы встрѣчали газетныя статьи по поводу ликвидаціи земельнаго банка, заведеннаго старорусскою партіею и не избѣжавшаго краха, не смотря на весьма солидную помощь, оказанную со стороны. Но, можетъ быть эти газетныя свѣдѣнія и невѣрны; во всякомъ случаѣ, ничто и никто не препятствуетъ лицамъ, живущимъ въ Россіи, удѣлять въ пользу старорусской партіи субсидіи гораздо болѣе крупныя, чѣмъ тѣ, которыя, по свѣдѣніямъ проф. Флоринскаго, были сообщены народовой партіи „нашими украинофилами“.

читать? Но если проф. Флоринскій не ошибается въ своемъ наблюденіи, то для насъ непонятны его опасенія „пропаганды“: неужели стоитъ ее вести или опасаться ея вліянія по отношенію къ нѣсколькимъ десяткамъ лицъ?

Если оставимъ въ сторонѣ цифровыя данныя, то, во всякомъ случаѣ, передъ нами на лицо фактъ, что есть какая-то группа интеллигентныхъ лицъ, болѣе или менѣе численная ad libitum, какъ въ Галиціи, такъ и въ Россіи, которая не раздѣляетъ взглядовъ проф. Флоринскаго. Такъ-какъ въ этой группѣ числятся люди интеллигентные: писатели, беллетристы, профессора[1]) и т. п., то нужно бы опредѣлить причины, почему они заблуждаются? Но на вопросъ этотъ авторъ не даетъ конкретнаго отвѣта; онъ или относится высокомѣрно къ своимъ противникамъ, предполагая какую-то, присущую имъ, innatam malitiam, или заявляетъ, что они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ „фанатизма и незнанія“. Конечно, нѣтъ ничего легче, какъ примѣнить къ своимъ противникамъ любой непріятный эпитетъ; но если всмотрѣться въ дѣло, то эпитеты эти не только сомнительны, но даже является вопросъ, къ которой изъ двухъ спорящихъ сторонъ слѣдуетъ ихъ примѣнить. Что такое фанатизмъ? Это предвзятое убѣжденіе, что данное лицо по данному вопросу обладаетъ абсолютною, непреложною, неоспоримою истиною, что всѣ, несогласные съ этою мнимо абсолютною истиною, дѣйствуютъ лишь по наущенію злого духа или по крайнему невѣжеству; что разсуждать съ ними нечего, но слѣдуетъ къ нимъ примѣнять лишь фактическія мѣропріятія, возможныя при данномъ культурномъ развитіи общества: нѣкогда—костеръ, теперь—административныя препоны и взысканія. Въ данномъ вопросѣ наврядъ-ли фанатизмомъ можно попрекнуть противниковъ мнѣнія проф. Флоринскаго, которые, заявляя свои убѣжденія, никогда не выдаютъ ихъ за абсолютную истину и желаютъ лишь свободной научной полемики и публичнаго обсужденія дѣла. О знаніи или незна-

[1]) Ем. и Ал. Огоновскіе, Смаль-Стоцкій, Грушевскій, Пулюй, Колесса, Студинскій.

нія—конечно, вопросъ открытый; но, во всякомъ случаѣ, изъ предыдущаго явствуетъ, что почтенный авторъ изслѣдовалъ въ меньшей степени малорусское нарѣчіе, его этнографическіе памятники и минувшую литературу, чѣмъ его противники.

Говоря о галицкихъ литераторахъ народовцахъ, проф. Флоринскій постоянно примѣняетъ къ нимъ эпитетъ „сепаратисты". Къ значенію этого термина у нѣкоторыхъ русскихъ публицистовъ, мы прислушались давно и привыкли въ немъ видѣть своего рода „caveant consules"; но мы убѣждены, что авторъ не придаетъ ему того значенія и желаетъ обозначить лишь литературный, по его мнѣнію, нежелательный разладъ. Во всякомъ случаѣ, даже въ послѣднемъ значеніи, намъ кажется, что эпитетъ употребленъ авторомъ неправильно: сепаратизмъ есть выдѣленіе изъ общаго цѣлаго извѣстной его части, стремящейся къ самостоятельной жизни. Но о такомъ литературномъ сепаратизмѣ галицкой литературы не можетъ быть и рѣчи по той простой причинѣ, что общерусская литература никогда не распространялась на Галицкую Русь. Общерусскій литературный языкъ сталъ слагаться только со времени Петра Великаго въ началѣ XVIII столѣтія; но въ то время Галицкая Русь находилась подъ вліяніемъ польскаго господства, не принимала участія въ созданіи этого языка и не пользовалась имъ; затѣмъ, въ 1772 году она стала провинціею Австріи, подвергалась разнымъ пріемамъ германизаціи, но никогда не пользовалась общерусскою литературою; попытки нѣкоторыхъ галицкихъ дѣятелей привить ее въ половинѣ XIX столѣтія оказались несостоятельными потому, что сами дѣятели весьма слабо владѣли общерусскимъ языкомъ и имѣли довольно скудныя понятія о русской литературѣ. Между тѣмъ, германизація, а потомъ ополяченіе все болѣе и болѣе надвигались; единственнымъ спасеніемъ своей національности народовая партія сочла литературную выработку своего-же нарѣчія и усердно принялась за нее; при этомъ не было нужды сепарарировать себя отъ чего-бы то ни было, такъ-какъ *общаго* въ Галицкой Руси не было, возникла просто самостоятельная, а не сепаратистическая дѣятельность. Можетъ быть

она идетъ не въ униссонъ съ нѣкоторыми кабинетными теоріями возможнаго объединенія, но, во всякомъ случаѣ, сепаратизмомъ ее назвать нельзя, такъ-какъ ей не отъ чего было отдѣляться. Проф. Флоринскій высказываетъ при этомъ мысль, что общерусская литература могла-бы привиться въ Галиціи, если-бы были устранены препятствія, главнѣйшее изъ которыхъ представляетъ дѣятельность народной партіи; т. е. иными словами: все было-бы хорошо, если-бы не было людей несогласныхъ съ моимъ мнѣніемъ. Мы не беремся судить, что произошло бы, если-бы не существовало извѣстныхъ жизненныхъ фактовъ; во всякомъ случаѣ, разъ они существуютъ, то аргументъ автора является обоюдо-острымъ: народовцы Галицкіе могутъ точно также сказать, что развитіе ихъ литературы пошло-бы гораздо успѣшнѣе, если-бы часть галицкаго общества не стремилась къ насажденію литературы, не привившейся къ условіямъ страны. Но пререканія подобнаго рода намъ кажутся несущественными: передъ нами на лицо фактъ, что въ Галиціи существуютъ двѣ группы, желающія дать различное направленіе своей литературѣ. Споръ между ними будетъ рѣшенъ самою жизнью,—та партія, которая лучше поняла нужды своего народа, несомнѣнно восторжествуетъ, такъ-какъ она окажется вооруженною болѣе животворною мыслью и неминуемо привлечетъ къ себѣ симпатіи своего народа и воспользуется его поддержкою.

Обсуждая литературную дѣятельность галицкихъ народовцевъ и „нашихъ украинофиловъ“, проф. Флоринскій приписываетъ имъ много разъ, по нашему мнѣнію, совершенно несправедливо, чувства какой-то особенной ненависти и вражды „къ русскому государству“, „непріязненное и пренебрежительное отношеніе и враждебныя чувства къ русской литературѣ“ и т. п. Онъ настолько проникнутъ этимъ предубѣжденіемъ, что заканчиваетъ свой трудъ и какъ-бы дѣлаетъ общій изъ него выводъ слѣдующею тирадою: „извѣстные зарубежные земляки, таящіе въ себѣ подъ прикрытіемъ науки непонятную фанатическую ненависть къ Россіи, русскому языку и русской образованности“. Мы утверждаемъ, что это положеніе автора совершенно субъ-

ективно и произвольно. Если галицкіе литераторы отстаиваютъ право на существованіе ученой литературы на своемъ нарѣчіи, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы они относились враждебно къ русской литературѣ; напротивъ того, изъ свѣдѣній приводимыхъ самимъ авторомъ, мы усматриваемъ, что лица, не раздѣляющія его точки зрѣнія по данному вопросу, довольно много потрудились на пользу общерусской литературы; что то общество имени Шевченка, котораго дѣятельность ему кажется очень вредною, въ своихъ „Запискахъ" посвящаетъ значительную и притомъ лучшую часть своего изданія, обзору и пересказамъ содержанія ученыхъ сочиненій и изданій на общерусскомъ языкѣ"; что издающаяся во Львовѣ „Историческая библіотека" вся состоитъ изъ переводовъ сочиненій русскихъ историковъ: Костомарова, Иловайскаго, Дашкевича и др. Прибавимъ, что мы встрѣчали въ галицкой литературѣ переводы произведеній лучшихъ русскихъ беллетристовъ: Тургенева, Пушкина, Достоевскаго, гр. Толстого, Чехова, Гл. Успенскаго и др. Неужели желаніе знакомить свою публику съ произведеніями русской науки и культуры, свидѣтельствуетъ о ненависти къ этой культурѣ? Намъ кажется, что проф. Флоринскій просто ошибается, отождествляя свой личный взглядъ на данный вопросъ съ интересами русской культуры и, тѣмъ болѣе, русскаго государства вообще. Мы держимся нѣсколько иного взгляда на отношенія Россіи къ славянству, чѣмъ уважаемый авторъ. Въ виду могущества Россіи какъ государства и какъ средоточія большихъ культурныхъ силъ, мы всегда смотрѣли на нее, какъ на естественную покровительницу всѣхъ славянскихъ народностей, борющихся за сохраненіе своей національной самостоятельности съ иноземнымъ натискомъ: германскимъ, мадьярскимъ, турецкимъ и т. д.; подтвержденіе нашего взгляда мы находили во многихъ фактахъ политической и культурной исторіи разныхъ славянскихъ земель. Поддерживая своимъ вліяніемъ и помощью національныя стремленія славянъ, Россія имѣетъ въ виду удовлетвореніе своей высокой миссіи. Но не думаемъ, чтобы выполненіе ея было сопряжено съ желаніемъ предписать культурный путь

каждому народу, регулировать подробности его развитія и ставить шаблонныя рамки славянскому прогрессу; полагаемъ, что такая мелочность недостойна высокаго положенія Россіи и что отсутствіе этой мелочности и вызываетъ ту благодарность и братскую симпатію, которою одушевлены славянскіе народы по отношенію къ Россіи. Гармонію эту могутъ въ нѣкоторой мѣрѣ нарушить лишь тѣ попытки нѣкоторыхъ кружковъ русской интеллигенціи, которые желали-бы a priori предписать путь развитія той или другой группѣ славянъ; и въ этомъ, по отношенію къ Галичинѣ играетъ, какъ намъ кажется, отрицательную роль та группа русскихъ ученыхъ, которая желала-бы предписать галичанамъ a priori тотъ или иной путь развитія, не предоставивъ права выбора естественному теченію мѣстной жизни. Если проф. Флоринскій замѣтилъ у нѣкоторыхъ галицкихъ литераторовъ тонъ раздраженія и неудовольствія, то тонъ этотъ относился исключительно къ указанной группѣ русской интеллигенціи, но отнюдь не ко всей Россіи; напротивъ того, мы могли-бы процитировать отзывы благодарности по адресу Императорскаго Московскаго Общества и тѣхъ органовъ русской печати, которые не сочли нужнымъ налагать регламентацію на развитіе галицкой жизни. По нашему мнѣнію, эти органы русской культуры и представляютъ настоящее, болѣе широкое и толерантное отношеніе русскаго интеллигентнаго общества къ славянству и болѣе отвѣчаютъ плодотворной роли Россіи въ данномъ вопросѣ.

Остается намъ сказать еще нѣсколько словъ pro domo sua по поводу вопроса объ XI археологическомъ съѣздѣ, изъ-за котораго сыръ-боръ загорѣлся. Въ засѣданіяхъ московскаго предварительнаго комитета принято было по предложенію проф. Флоринскаго постановленіе, что на съѣздѣ будутъ допускаться рефераты на русскомъ языкѣ, а равно на южныхъ и западныхъ славянскихъ языкахъ; но въ правилахъ съѣзда не было оговорено, имѣютъ-ли право доступа на съѣздъ нарѣчія русскаго языка. Товариство имени Шевченка и нѣкоторые галицкіе ученые, получивъ приглашенія на съѣздъ и экземпляры

правилъ съѣзда, направленные къ нимъ проф. Флоринскимъ, пришли въ недоумѣніе относительно языка своихъ рефератовъ и попросили разъясненія у Кіевскаго отдѣленія предварительнаго комитета. Замѣтивъ страстное отношеніе съ обѣихъ сторонъ къ данному вопросу, я предложилъ передать дѣло на обсужденіе центральнаго московскаго комитета, менѣе причастнаго къ областнымъ спорамъ и потому болѣе объективно относящагося къ данному вопросу и стоящаго болѣе всего на соображеніяхъ пользы русской науки и культурнаго вліянія Россіи на славянъ.

Московскій комитетъ призналъ возможнымъ допустить чтеніе рефератовъ на галицко-русскомъ языкѣ; но дальнѣйшія перипетіи спорнаго вопроса вышли изъ сферы научнаго обсужденія и перешли въ область административныхъ отношеній, которыя разсказаны въ статьѣ проф. Флоринскаго. По поводу хода этого дѣла, уважаемый авторъ помѣстилъ нѣсколько упрековъ, какъ полагаю, совершенно несправедливыхъ, по адресу какъ моему, въ качествѣ предсѣдателя кіевскаго отдѣленія предварительнаго комитета съѣзда, такъ и граф. Уваровой, какъ предсѣдателя московскаго предварительнаго комитета и всего съѣзда.

Проф. Флоринскій утверждаетъ, что запросъ въ предварительный комитетъ съѣзда былъ направленъ Товариствомъ имени Шевченка потому, что оно „разсчитывало на дѣятельную помощь предсѣдателя кіевскаго предварительнаго комитета, а черезъ него и на содѣйствіе предсѣдателя московскаго археологическаго общества“. На какомъ фактическомъ основаніи построено это утвержденіе автора, я не знаю,—мнѣ кажется, что оно относится къ области сердцевѣдѣнія. Фактически я могу положительно утверждать лишь слѣдующее: о запросѣ Товариства им. Шевченка я ровно ничего не зналъ не только тогда, когда онъ составлялся во Львовѣ, но даже и тогда, когда онъ былъ полученъ въ Кіевѣ. По странному распоряженію судьбы, полученный отзывъ Товариства имени Шевченка не былъ мнѣ показанъ какъ предсѣдателю предварительнаго комитета и безъ

моего вѣдома былъ препровожденъ къ непосредственному начальству,—я о немъ узналъ совершенно случайно, зайдя въ учрежденіе, въ которомъ онъ читался съ участіемъ лицъ, не входившихъ въ составъ комитета, и подвергался насмѣшкамъ и порицанію. Конечно, фактъ этотъ лишилъ меня возможности употребить зависѣвшія отъ меня усилія для того, чтобы предупредить или смягчить частными сношеніями угрожающій съѣзду непріятный инцидентъ. Я прекрасно понимаю, что послѣ даннаго случая мнѣ слѣдовало отказаться отъ званія предсѣдателя кіевскаго отдѣленія предварительнаго комитета, но я этого не сдѣлалъ лишь потому, что инцидентъ случился во время самаго большаго разгара приготовленій къ съѣзду, и отказъ вызвалъ-бы необходимость новыхъ выборовъ, сношеній по этому поводу съ Московскимъ предварительнымъ комитетомъ, передачу новому лицу начатыхъ работъ и завязанныхъ сношеній и остановку всѣхъ приготовленій на 1—2 мѣсяца, что несомнѣнно нанесло-бы значительный вредъ будущему съѣзду. Вслѣдствіе этого, дорожа интересами русской науки, я предпочелъ проглотить личное оскорбленіе. Теперь оказывается, что въ статьѣ проф. Флоринскаго на меня сваливается отвѣтственность за фактъ, происшедшій помимо моего вѣдома и въ тонѣ для меня лично оскорбительномъ. Да проститъ мнѣ авторъ цитату на нежелательномъ для него нарѣчіи,—я могъ-бы опредѣлить свою роль въ данномъ инцидентѣ лишь малороссійскою пословицею: „За мое жыто менежъ побыто“.—Странно, что проф. Флоринскій, жалуясь на невѣжливое будто поведеніе тов. им. *Ш.* и на не соблюденіе имъ должнаго, по его мнѣнію, этикета, игнорируетъ совершенно отсутствіе корректности лицъ, сочувствующихъ его направленію. Авторъ утверждаетъ, что Товариство им. *Ш.* разсчитывало черезъ меня повліять на гр. Уварову,—это опять область ни на чемъ неоснованныхъ догадокъ. Всѣ лица, хотя нѣсколько знакомыя съ общественною и научною дѣятельностію гр. Уваровой, не могутъ игнорировать присущихъ ей качествъ: огромной энергіи, духа иниціативы и полной самостоятельности мнѣній,—ни о какомъ вліяніи и рѣчи быть не можетъ. Если я имѣлъ основанія, изло-

женныя выше (справедливыя или нѣтъ—это вопросъ) не соглашаться съ мнѣніемъ проф. Флоринскаго, то почему-же онъ не можетъ допустить, что такія-же основанія, а, можетъ, быть, и иныя, гораздо болѣе широкія, не могли сложиться и въ убѣжденіи гр. Уваровой? Наконецъ, является недоумѣніе, какимъ путемъ я могъ оказывать вліяніе на гр. Уварову: — конечно письмами или частными разговорами; но проф. Флоринскій не читалъ моей переписки и при частныхъ разговорахъ не присутствовалъ,—слѣдовательно, содержанія ихъ онъ не знаетъ. Такимъ образомъ, его утвержденіе является лишеннымъ фактическихъ основаній личнымъ подозрѣніемъ; высказывать-же въ печати непріятныя для другихъ лицъ голословныя гипотезы, по нашему мнѣнію, не составляетъ корректнаго пріема въ полемикѣ.—

Нѣтъ ничего болѣе нежелательнаго въ научной полемикѣ, какъ сводить дѣло на личные счеты; съ крайнимъ прискорбіемъ и лишь вынужденный встрѣченными въ статьѣ проф. Флоринскаго указаніями, я счелъ необходимымъ дать вышеизложенныя поясненія. Еще болѣе рѣзкій экскурсъ въ область личныхъ отношеній сдѣланъ авторомъ по поводу дѣятельности проф. Грушевскаго. Здѣсь передается вкратцѣ его біографія, затѣмъ свѣдѣнія о его энергіи, предпріимчивости, научной большой производительности, и всѣ эти качества ставятся ему въ вину, потому лишь, что его взгляды на развитіе галицкой литературы не согласны со взглядами проф. Флоринскаго. Авторъ настойчиво утверждаетъ, что, такъ-какъ проф. Грушевскій русскій подданный, магистръ и бывшій стипендіатъ Кіевскаго университета, то онъ долженъ-бы читать лекціи и писать научные труды на общерусскомъ языкѣ, и если онъ этого не дѣлаетъ, то виною тому являются „какія-то невѣдомыя и темныя силы“. По нашему мнѣнію, все это обвиненіе противъ проф. Грушевскаго является дѣйствительно „невѣдомымъ и темнымъ“. Состоя стипендіатомъ и магистрантомъ Кіевскаго университета, г. Грушевскій оправдалъ довѣріе факультета, издавъ два крупные историческіе труды на русскомъ языкѣ: „Очеркъ исторіи Кіевской земли“ и „Барское староство“ и болѣе десяти мелкихъ историческихъ монографій;

затѣмъ, переѣхавъ во Львовъ, онъ долженъ былъ преподавать на томъ языкѣ, на которомъ, по мѣстнымъ законамъ, преподаваніе должно происходить; если-же въ своей научной и литературной дѣятельности онъ сталъ на сторону народовцевъ, то это произошло, по нашему убѣжденію, не изъ мутнаго источника „темныхъ силъ“, а изъ трезваго взгляда на потребности и стремленія мѣстной жизни. Потому намъ кажутся излишними сѣтованія проф. Флоринскаго на то, что онъ, въ качествѣ члена историко-филологическаго факультета Университета св. Владиміра, „испытывалъ чувства душевной горечи и обиды“ отъ характера дѣятельности проф. Грушевскаго. Позволю себѣ замѣтить, что я не меньше проф. Флоринскаго дорожу честью и университета св. Владиміра, и его историко-филологическаго факультета, съ которыми я связанъ и воспитаніемъ и тридцатилѣтнею служебною дѣятельностью, и тѣмъ не менѣе расхожусь съ нимъ діаметрально во взглядахъ на дѣятельность проф. Грушевскаго. Однимъ изъ мотивовъ гордости нашего факультета я считаю тѣ факты, когда его воспитанники несутъ свѣточъ науки въ славянскія земли, какъ напримѣръ, г. П. Стретьковичъ въ Бѣлградѣ и г. Третякъ въ Краковѣ. Если такое-же положеніе во Львовѣ занялъ г. Грушевскій и обнаруживаетъ на своемъ посту должную энергію и трудолюбіе, то, въ такомъ случаѣ, приготовившій его факультетъ можетъ лишь радоваться, а не скорбѣть изъ-за спеціальныхъ филологическихъ взглядовъ.

Если, оставивъ въ сторонѣ мелочи и личныя отношенія, посмотримъ на общую постановку вопроса о допущеніи галицкаго языка на археологическомъ съѣздѣ, то для насъ становится непонятною аргументація проф. Флоринскаго: онъ искренно убѣжденъ въ абсолютной истинѣ своего взгляда, въ чемъ мы не сомнѣваемся, но намъ кажется, что всякое искреннее убѣжденіе стремится къ возможно широкому гласному обсужденію своихъ тезисовъ, а не къ лишенію права голоса своихъ противниковъ. Если уважаемый авторъ дѣйствительно глубоко убѣжденъ въ своихъ положеніяхъ, то, по нашему мнѣнію, онъ долженъ-бы стремиться къ допущенію галицкаго, по его мнѣнію, искуственнаго и эфе-

мернаго языка къ гласному обсужденію и посрамить его попытки научными доводами и аргументами; тогда и недоразумѣніе было-бы порѣшено скорѣе, и истина возстановлена торжественнѣе. Всѣ-же мѣры, направленныя къ лишенію права голоса своихъ противниковъ, несомнѣнно, оставляютъ въ обществѣ впечатлѣніе сомнѣнія въ силѣ аргументовъ запрещающей стороны. Напрасно, полагаемъ, проф. Флоринскій ссылается на опасность пропаганды, на важное будто бы значеніе санкціи и оффиціальнаго признанія русскимъ ученымъ міромъ нежелательнаго для него языка. Вѣдь пропаганда публично обличенной нелѣпости никого не прельститъ, а любая санкція или признаніе не могутъ спасти завѣдомо искусственнаго направленія, точно также, какъ недопущеніе и препоны не могутъ задержать дѣйствительно жизненнаго развитія.

Разъ сойдя съ почвы научнаго обсужденія спорнаго вопроса на скользкій путь административныхъ мѣропріятій, допустивъ въ своей статьѣ эпитеты, которые читающая публика привыкла встрѣчать въ значеніи не научномъ (пропаганда, сепаратисты, темныя силы), проф. Флоринскій неминуемо долженъ былъ вызвать тѣ непріятные по его адресу эпитеты, на которые онъ жалуется въ своей статьѣ. Замѣтимъ отъ себя, что эпитеты эти, лицами знающими проф. Флоринскаго, должны быть признаны не только утрированными, но и несправедливыми. Мы, съ своей стороны, могли-бы упрекнуть почтеннаго автора лишь въ излишней страстности въ обсужденіи научнаго вопроса, которая по временамъ побудила его держаться не слишкомъ точно предѣловъ научной полемики и дѣлать экскурсы въ области чуждыя наукѣ.

В. Антоновичъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Стоимость школьнаго содержанія въ Кіевѣ и юго-зап. краѣ шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Въ началѣ 1840 года кіевскій генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ обратился къ начальству мѣстнаго учебнаго округа съ просьбою увѣдомить его, сколько именно платятъ за квартиры ученики гимназій и уѣздныхъ училищъ какъ въ г. Кіевѣ, такъ и въ прочихъ мѣстахъ? На этотъ запросъ помощникъ попечителя дѣйств. ст. совѣтникъ В. Карлгофъ далъ такой отвѣтъ: „Окружное училищное начальство не вмѣшивается въ условія родителей съ содержателями пансіонеровъ и потому положительныхъ свѣдѣній о количествѣ платы учениками за квартиры въ дѣлахъ канцеляріи попечителя не находится. Мнѣ извѣстно, однако-жъ, частнымъ образомъ, что плата эта бываетъ очень различна, смотря по состоянію родителей учениковъ и по условіямъ, на какихъ они отдаютъ дѣтей, и составляетъ въ годъ отъ 70 до 300 руб. сер., а иногда и болѣе. Въ уѣздныхъ же городахъ и мѣстечкахъ она нерѣдко не превышаетъ 4-хъ руб. сер. въ мѣсяцъ. Равномѣрно многіе родители, вмѣсто денежной платы, вознаграждаютъ содержателей пансіоновъ опредѣленнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, по условію. Въ кіевской 2-й гимназіи всѣ ученическія квартиры раздѣлены на три разряда по количеству платы, именно: къ первому разряду принадлежатъ такія, за которыя платятъ отъ 200 до 300 руб. сер. въ годъ и болѣе; ко второму разряду—отъ 120 до 200 руб. въ годъ; къ третьему—отъ 70 до 120 руб. Къ сему разряду причисляются всѣ квартиры, за которыя платятъ и менѣе 70 руб. сер. въ годъ. Это раздѣленіе квар-

тиръ можно примѣнить и ко всѣмъ прочимъ учебнымъ заведеніямъ трехъ губерній кіевскаго учебнаго округа.—Число учениковъ, платящихъ за квартиры отъ 200 до 300 руб. и болѣе, весьма незначительно, такъ что въ среднемъ числѣ едва-ли можно полагать болѣе 10 человѣкъ на каждую гимназію, а въ дворянскихъ училищахъ и того менѣе. Гораздо большее ихъ число занимаетъ квартиры втораго разряда, а еще большее и не менѣе двухъ третей всѣхъ учениковъ, платящихъ деньги за свое содержаніе, помѣщаются на квартирахъ третьяго разряда; въ числѣ сихъ послѣднихъ весьма многіе платятъ менѣе 70 рублей сер. въ годъ, особенно въ уѣздныхъ училищахъ.—Наконецъ, значительнѣйшая часть воспитанниковъ живутъ въ домахъ родственниковъ своихъ или родителей, и изъ нихъ весьма немногіе могли бы за содержаніе свое платить деньги.

Къ сему нужнымъ считаю присовокупить, что въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ воспитанники весьма недостаточнаго состоянія, напримѣръ въ Житомірской и частію Каменецъ-подольской и Винницкой; въ другихъ—воспитанники съ бо́льшими средствами для жизни, напримѣръ, въ Ровенской и Немировской. Кіевская 2-я гимназія есть средняя въ этомъ отношеніи. Само собою разумѣется, что это замѣчаніе измѣняемое и относится только къ настоящему времени. Вообще съ приблизительною достовѣрностью можно положить $^2/_5$ воспитанниковъ въ каждой гимназіи недостаточнаго состоянія до такой степени, что значительнѣйшая ихъ часть не можетъ пріобрѣсть книгъ для обученія за деньги».

Это документальное свидѣтельство можетъ служить краснорѣчивымъ опроверженіемъ обскурантныхъ толковъ, будто реформы императора Александра II, открывъ безпрепятственный доступъ къ образованію всѣмъ классамъ общества, тѣмъ самымъ породили школьный пролетаріатъ, а въ старое «доброе» время, когда гимназіи и дворянскія училища существовали спеціально для дѣтей привиллегированныхъ сословій (и при томъ, въ очень ограниченномъ числѣ и съ незначительнымъ штатомъ), бѣдняки въ школѣ были рѣдки. Въ дѣйствительности, какъ видимъ, было: несмотря на тогдашнюю дешевизну квартиръ и содержанія, несмотря на полное отсутсвіе въ то время платы за ученіе,—почти половина тогдашнихъ гимназистовъ затруднялась даже пріобрѣтеніемъ учебныхъ книгъ, которыя въ то время нужны были несравненно въ меньшемъ количествѣ, да и стоили дешевле.

Сообщилъ О. Л.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Ходатайство обывателей г. Владиміра-Волынска.* 1 сентября 1869 года 29 Владиміро-Волынскихъ купцовъ и мѣщанъ принесли Е. И. В. Великому князю Владиміру Александровичу „всеподданнѣйшее прошеніе", изъясняя, „что городъ Владиміръ-Воленскій издревле Русскій, имѣющій и теперь большое значеніе въ политическо-религіозномъ отношеніи по существующимъ въ немъ священнымъ Русскимъ древностямъ X и XII вѣковъ, основанный предкомъ Его Императорскаго Величества святымъ равноапостольнымъ Великимъ княземъ Владиміромъ, оный процвѣталъ торговлею и былъ богатъ; онъ распространялся въ былое время на весьма значительное во всѣ стороны разстояніе, и жители онаго были щастливы внутрѣ и обезпечены извнѣ; но, съ теченіемъ многихъ столѣтій со времени основанія онаго, жестокое иго татаръ, Литвы, наконецъ, Польши, подвергли городъ сей совершенному упадку. Въ царствованіе Императрицы Великой Екатерины Владиміръ возвращенъ въ 1794 году къ Россію, и мы несомнѣнно вѣримъ, что онъ не будетъ отъ нея уже оторванъ врагами"...

„Во имя Ангела, святого равноапостольнаго князя" просятъ они о принятіи того города подъ особое покровительство и исходатайствованіи провода „предположеннаго еще въ 1860 году шоссе по ближайшему существованію онаго въ Луцкѣ,... и оказать оному (Владиміру) разные выгоды учрежденіемъ ярмонокъ, пріемомъ строеній городскихъ жителей подъ застрахованіе казны или земства, *установленіемъ онаго губернскимъ городомъ*, назначеніемъ на квартированіе одного полка и подчинкою Православныхъ церквей и Еврейской молитвенной синогоги"...

Просителямъ указанъ путь ходатайства.

---

2) *Отношеніе судебныхъ учрежденій прежняго времени къ конокрадству.* Около тридцати лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ губернаторовъ юго-западнаго края доносилъ генералъ-губернатору, что, по его мнѣнію, дѣятельность мѣстной палаты уголовнаго и гражданскаго суда врядъ-ли можетъ почитаться удовлетворительною; въ подтвержденіе приводились примѣры.

Между прочимъ, удостовѣрялось, что, не такъ давно, палата съ крестьянъ, изловившихъ конокрада, присудила въ пользу потерпѣвшаго (другими словами—охотника до чужихъ лошадей)—380 рублей, не взирая на то, что преступникъ, казалось бы, достаточно изобличался присяжными показаніями двѣнадцати свидѣтелей.

3) *„Картіожная“ игра и „политическая злость“.* Въ 1848 г. г. городничій въ Брацлавѣ былъ весьма озабоченъ: два помѣщика—поляка, разговаривая съ третьимъ лицемъ по поводу какихъ-то карточныхъ споровъ съ г. исправникомъ, неоднократно возвышали голосъ, восклицая: „теперь наше время!“

Этого обстоятельства было достаточно для ихъ арестованія, «въ виду политической злости, наводящей сомнѣніе въ благонамѣрености».

Но разслѣдованіе не подтвердило первоначальныя, нѣсколько поспѣшныя, заключенія. Обнаружено только, что въ домѣ исправника происходитъ „картіожная игра“, а самое дѣло „пріобрѣтаетъ видъ картіожныхъ споровъ, съ чего произошло неугодованіе лицъ, представившихъ собою неблаговидный театръ всреди улицы“...

—

4) *Картежникъ, строгій къ самому себѣ.* 29 іюня 1859 г. въ г. Кіевѣ, къ частному приставу явился неизвѣстный ему человѣкъ, назвавшійся крѣпостнымъ помѣщика Яненка, съ запискою отъ пана, и просилъ наказать его 200 ударами розогъ.

Приставъ затруднился выполнить просьбу, такъ какъ фамилія помѣщика была ему неизвѣстна, а проситель сильно хмѣленъ, вслѣдствіе чего и оставленъ при участкѣ до вытрезвленія.

На утро задержанный, вполнѣ оправившись, чистосердечно объяснилъ чинамъ полиціи, что онъ дворянинъ М., студентъ университета, поданную вчера записку сочинилъ и писалъ самолично, послѣ сильнаго проигрыша, за который желалъ быть примѣрно наказаннымъ, дабы впредь было неповадно.

—

5) *Наказанный „переводчикъ“ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ.* Въ 1859 году изъ Австріи прибылъ въ Радзивилловъ еврей Козидой. Онъ чувствовалъ себя дурно и потребовалъ врачей, которымъ подъ величайшимъ секретомъ открылъ, что въ прямой кишкѣ у него скрыты кредитные билеты.

Не смотря на всѣ старанія, медикамъ не удавалось извлечь бумажки, и Козидой на рукахъ ихъ умеръ отъ волненія и страха.

Изъ трупа вынуто 26 фальшивыхъ сторублевокъ.

Оказалось, что Козидой былъ усерднымъ переводчикомъ и сбытчикомъ билетовъ, фабрикованныхъ въ Австріи, и къ способу, оказавшемуся для него, наконецъ, роковымъ, прибѣгалъ, вѣроятно, не разъ.

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

Что сдѣлалъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила для украшенія великой церкви Кіево-Печерской лавры? О дѣятельности м. Петра Могилы на счетъ украшенія великой церкви Кіево-Печерской лавры доселѣ мало извѣстно. Львовскій типографъ Михаилъ Слезка въ изданной имъ въ 1642 году «Цвѣтной Тріоди» въ посвященіи м. Петру Могилѣ, восхваляя митрополита за то, что онъ реставрировалъ своимъ коштомъ церковь св. Софіи (Софійскій соборъ), говоритъ: «а что ся рекло о Софіи святой, то же речи можно и о св. чудотворной церкви монастыря Печерскаго, которую также преосвященство Ваше внутрь и не внутрь муромъ и деревомъ, поновилъ» [1]). Въ іюнѣ 1643 года, по просьбѣ м. Петра Могилы, отправленъ былъ изъ Москвы въ Печерскій монастырь московскій сусальникъ Якимъ Евтихіевъ, который жилъ постоянно въ Печерскомъ монастырѣ и, по его словамъ, сдѣлалъ кіевскому м. Петру Могилѣ «листового золота съ 10,000 листовъ, да двѣ иконы обложилъ басмою», возвратившись въ Москву въ 1644 году; но для какого храма онъ украшалъ золотомъ иконы,—съ точностью неизвѣстно [2]). По другимъ извѣстіямъ, Петръ Могила вызывалъ въ Кіевъ даже греческихъ живописцевъ, которые возстановили древнюю стѣнопись Спасской на Берестовѣ церкви [3]); но о работѣ ихъ въ Кіево-Печерской лаврѣ тоже неизвѣстно.

Но есть другого рода свидѣтельства о томъ, чтó сдѣлалъ м. Петръ Могила для великой лаврской церкви,—свидѣтельства косвенныя, которыя подтверждаютъ, разъясняютъ и дополняютъ собою свидѣтельства перваго рода. Мы имѣемъ здѣсь въ виду съ одной стороны гравированные виды великой лаврской церкви до м. Петра Могилы, при немъ и вскорѣ послѣ его смерти, а съ другой—недавно изданное описаніе великой лаврской церкви у архидіакона Павла Алеппскаго, 1653 года.

На гравированныхъ видахъ великой лаврской церкви при изданіяхъ Кіево-печерской лавры—«Учительномъ евангеліи» 1623 г. и „Главизнахъ поучительныхъ Агапита діакона“ 1628 г., великая лаврская

---

[1]) „Труды Кіевск. Дух. Академіи“, апрѣль, 1897 г., стр. 514.

[2]) Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. XII, Кіевъ, 1898 г., отд. I, стр. 17.

[3]) Мои „Историко-Топографическіе очерки древняго Кіева“. Кіевъ, 1897 г., стр. 73.

церковь изображена только съ двумя куполами, большимъ на срединѣ церкви и малымъ на Предтеченскомъ придѣлѣ и съ двумя контрфорсами по сторонамъ главной западной двери [1]).

Въ такомъ же видѣ, но съ прибавленіемъ внѣшнихъ пристроекъ и обозначеніемъ трехъ алтарныхъ полукружій, изображена великая лаврская церковь и на гравированномъ видѣ Кіева и Кіево-печерской лавры у Аѳ. Кальнофойскаго, 1638 года. Эти наружныя пристройки къ великой лаврской церкви перечисляются и изображаются на видѣ Кольнофойскаго въ такомъ порядкѣ: 31., „великая Успенская церковь лавры"; 32., „часовня ихъ милостей пановъ Ельцовъ" (т. е. древній Предтеченскій придѣлъ), приставленная къ сѣверо-западному углу великой лаврской церкви; 33., «часовня св. трехъ церковныхъ учителей Василія Великаго, Іоанна Богослова и Іоанна Златоустнаго», приставленная къ серединѣ сѣверной стѣны великой лаврской церкви; 34., „часовня св. Іоанна Богослова", приставленная къ сѣверо-восточному углу великой церкви, и, наконецъ,—35., „часовня архидіакона Стефана князей ихъ милостей Корецкихъ", приставленная къ юго-восточному углу той же церкви [2]).

Въ совершенно иномъ видѣ является великая лаврская церковь на гравированныхъ видахъ ея въ лаврскихъ изданіяхъ «Панагіаріонѣ» 1655 г. и «Пречестныи каноны и акаѳисты» 1677 года. На этихъ видахъ прежнія наружныя пристройки къ великой лаврской церкви представляются уже соединенными съ нею въ одинъ общій планъ, и на церкви съ ея придѣлами виднѣются уже не двѣ только главы, какъ прежде, а шесть главъ, кромѣ алтарныхъ полукружій главнаго алтаря, заслоненныхъ западнымъ фасадомъ церкви [3]). Съ большою подробностію и обстоятельностію описывается великая лаврская церковь въ этомъ самомъ видѣ у архидіакона Павла Алеппскаго въ 1653 году. У него перечисляются еще три купола на трехъ полукружіяхъ главнаго алтаря, такъ что всѣхъ куполовъ у него насчитывается девять, а изъ придѣловъ или прямо поименовываются, или же косвенно указываются, черезъ описаніе настѣнныхъ изображеній, слѣдующіе придѣлы: направо отъ главнаго алтаря—непоименован-

---

[1]) „Кіевская Старина", іюнь, 1886 г. стр. 302 и приложеніе.

[2]) „Древнѣйшій планъ г. Кіева 1638 г. изд. Б. И. Ханенко. Кіевъ 1896". табл. III и объяснительный текстъ къ ней.

[3]) «Кіев. Старина, іюль,—1886 г., приложеніе.

ный; налѣво—жертвенникъ во имя Предтечи; на сѣверной сторонѣ—придѣльная церковь Предтечи и алтарь св. архидіакона Стефана; на южной сторонѣ—алтари трехъ святителей и Іоанна Богослова; на хорахъ—придѣлы преп. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ [1]).

Итакъ, между 1638 и 1653 гг. прежнія наружныя пристройки къ великой лаврской церкви вошли въ общій планъ расширенной присоединеніемъ ихъ великой лаврской церкви, надъ каждымъ придѣломъ написаны были свящ. изображенія, указывающія на то, чьему св. имени посвященъ извѣстный придѣлъ, и къ прежнимъ двумъ куполамъ вновь прибавлено 7 куполовъ. А все это нужно приписать м. Петру Могилѣ какъ потому, что типографъ Слезка прямо приписываетъ ему эту работу, какъ мы видѣли выше, такъ и потому, что послѣ Петра Могилы, во время козацкихъ войнъ, архимандриты Кіево-печерской лавры не столько думали объ украшеніи ея, сколько объ отысканіи надежнаго убѣжища себѣ, на случай непріятельскихъ опустошеній, въ какомъ-либо изъ великорусскихъ монастырей (напр. Брянскомъ Свинскомъ). Можно думать, что и внутреннее росписаніе стѣнъ великой лаврской церкви свящ. изображеніями, описываемое архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ, произведено тоже при м. Петрѣ Могилѣ, такъ-какъ немыслимо допустить, чтобы пробивка и надстройка семи новыхъ куполовъ въ храмѣ не сопровождалась и новымъ росписаніемъ его.

Въ заключеніе укажу на странное противорѣчіе въ показаніи мѣстоположенія придѣльныхъ пристроекъ къ великой лаврской церкви у Аѳ. Кольнофойскаго и у архидіакона Павла Алеппскаго. Но это противорѣчіе устраняется, если мы будемъ разсматривать видъ великой лаврской церкви на планѣ Кальнофойскаго съ оборотной его стороны, и притомъ въ направленіи лишь косого разрѣза вида съ юго-востока на сѣверо-востокъ, между 32 и 33 №№ (т. е. съ общей точки зрѣнія составителя плана). Слѣдовательно, здѣсь мы опять имѣемъ дѣло съ частичнымъ извращеніемъ плана Кальнофойскаго у гравера.

Н. Петровъ.

---

[1]) «Путешествіе патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка», описанное сыномъ его архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ, въ переводѣ проф. Муркоса, вып. 2., Москва, 1897 г., стр., стр. 47—53.

Рождественскіе обычаи въ Угорской Руси. Нѣкто г. Радомскій помѣстилъ въ № 1 угорско-русской газеты «Недѣля» (Недиля) статью о рождественскихъ обычаяхъ въ Марамрошѣ, представляющихъ любопытныя особенности.

День наканунѣ Рождества народъ называетъ «святымъ-вечеромъ». Къ этому дню повсюду въ угро-русской околицѣ пекутъ одинъ большой хлѣбъ—«крачуникъ» и маленькіе хлѣбцы «бобальки»,—происхожденіе которыхъ авторъ относитъ ко временамъ патріархальнымъ, когда одно уважаемое лицо—патріархъ, было главою рода. Вотъ этотъ „крачуникъ" и пекли, будто-бы, для него въ знакъ его власти. Еще и теперь въ „крачуникъ" кладутъ цѣлую головку чеснока, чтобы глава семьи былъ «здоровъ и силенъ, какъ чеснокъ». „Бобальки" же пекутъ болѣе мелкими въ знакъ того, что таковую власть имѣетъ „челядь" по сравненію съ главою. «Крачуника» никто не смѣетъ начать помимо самого домохозяина; его надо держать до „Водощь" (Богоявленія).

Наканунѣ Рождества хозяйка варитъ 9 «стравъ». Это обыкновеніе,—по словамъ г. Радомскаго,—соблюдается въ память того, что предки русскаго народа приняли вѣру Христову въ IX столѣтіи (!). Гораздо вѣроятнѣе будетъ допустить другое толкованіе,—что это совершается въ память 9 ранъ Господнихъ (заимствованіе изъ римско-католическаго исповѣданія).

Передъ вечерею хозяинъ прежде всего даетъ корма «худобыни» изъ наилучшей «паши»—«щобы и скотына знала, що днесь Великій вечеръ», а затѣмъ вноситъ въ хату охапку соломы, сколько необходимо для того, чтобы застлать полъ (въ память того, что Христосъ въ ясляхъ родился). На «крачуникъ» кладутъ горсть колосьевъ, чтобы Богъ далъ урожай и на будущій годъ.

Когда вечеря уже на столѣ, глава семьи еще не садится, но приноситъ топоръ и кладетъ его подъ столъ, а затѣмъ длинною цѣпью опутываетъ столъ и замыкаетъ ее. Этотъ оригинальный обычай, по разсказу одного старожила, возникъ будто-бы еще въ тѣ времена, когда предки наши жили, окруженные многочисленными внѣшними врагами;—тогда они на Рождество (а въ другое время ?) запирались извнутри. Въ память этого и опутывается столъ цѣпью. Замыкается же цѣпь для того, чтобы «пысокъ всякои звиркы такъ бувъ видъ скотыны замкнутый».

Покончивъ съ вышеупомянутыми предварительными дѣйствіями, глава семьи разрѣзаетъ крачуникъ со словами: «Дай, Боже небесный,

абы-сме въ здоровлю и щастю и другое ще и много Риздвивъ дочекалы!» и съ обычной молитвой садится «вечерять». Послѣ вечери являются колядники.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ послѣ вечери кладутъ на «прыпичку» раскаленный уголь на различные сорта сѣмянъ (пшеницу, жито, овесъ, бобъ), который уголь лучше всего сотлѣетъ, подъ тѣмъ лежащія сѣмена дадутъ наилучшій урожай.

Послѣ вечери дивчата «на выданню» проворно выбѣгаютъ во дворъ и прислушиваются, не лаютъ-ли собаки въ той сторонѣ, гдѣ живетъ «любко-голубикъ»; если да,—дѣвушкѣ остается лишь радоваться, т. к. въ слѣдующія «мясныци» она станетъ подъ вѣнецъ.

Если въ первый день праздника, рано утромъ, зайдетъ къ кому-либо такой человѣкъ, что не питаетъ къ нему добрыхъ чувствъ, то дивка старается переломить вслѣдъ за нимъ «ламаникъ» (продолговатый маленькій калачикъ,—спеціально пекутъ дивчата для этой цѣли), чтобы все то зло, которое онъ желаетъ этому дому, сбылось на немъ.

Изъ воспоминаній стараго полтавца. Въ № 3 «Днѣпровской Молвы» напечатаны любопытныя воспоминанія А. Конисскаго о воскресныхъ школахъ и народныхъ чтеніяхъ въ Полтавѣ, въ началѣ 1860-хъ годовъ. Исторія этихъ просвѣтительныхъ начинаній, оставившихъ благодарную память среди населенія Полтавы, еще не написана, и потому нельзя не придавать цѣны даже отрывочнымъ воспоминаніямъ объ этомъ предметѣ.

«Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ (говоритъ г. Конисскій) я жилъ въ Полтавѣ, небольшомъ въ то время и глухомъ губернскомъ городѣ. Невѣжество въ массѣ, особенно въ массѣ крѣпостного сословія, было полное. Между тѣмъ, приближалось уничтоженіе крѣпостного права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полученіе освобождаемыми крестьянами гражданскихъ правъ, сознательное пользованіе которыми невозможно для массы, темной и вполнѣ невѣжественной. Такимъ образомъ, самъ собою выступилъ вопросъ о безотлагательномъ и энергическомъ содѣйствіи народному просвѣщенію. Въ то время существовалъ въ Полтавѣ небольшой кружекъ молодыхъ людей изъ нѣкоторыхъ учителей мѣстной гимназіи, кадетскаго корпуса и женскаго института; къ нимъ примыкало и нѣсколько чиновниковъ. Этотъ-то кружокъ, по иниціа-

тавѣ А. И. Стронина, со свойственнымъ молодымъ убѣжденнымъ силамъ рвеніемъ, принялся прежде всего за открытіе воскресныхъ школъ. Первая такая школа для мальчиковъ была открыта въ 1858 г. при мужской гимназіи подъ руководствомъ Стронина. Преподавателями, кромѣ взрослыхъ, допускались и лучшіе гимназисты 6—7 кл. Въ теченіе послѣдующихъ затѣмъ двухъ лѣтъ было открыто въ Полтавѣ еще три воскресныхъ школы для мужчинъ, двѣ для женщинъ, двѣ вечернія по субботамъ для дѣтей евреевъ и одна ежедневная вечерняя для мальчиковъ: всѣ эти школы всегда были переполнены учащимися.

Спустя немного времени по открытіи первой воскресной школы, мы не могли не замѣтить, что языкъ тѣхъ руководствъ, по которымъ шло обученіе, мало, а иногда и вовсе непонятенъ для нашихъ учениковъ: почти на каждомъ словѣ приходилось переводить и объяснять; на это уходило очень много дорогого времени, котораго въ нашемъ распоряженіи было всего два часа, отъ 10—12 ч. утра. Прежде чѣмъ обсудить и рѣшить, какъ помочь этой бѣдѣ, и не полагаясь на личныя наблюденія большинства преподавателей, педагогическій совѣтъ школы рѣшилъ провѣрить наблюденіе фактами. Спрошено было 140 учениковъ. Опросъ производился слѣдующимъ образомъ: каждому ученику была прочитана по книгѣ одна изъ басенъ Крылова и подходящая къ ней басня Гребенки, и онъ былъ спрошенъ, которую лучше понимаетъ? Отвѣтъ провѣрялся тутъ-же пересказами, и затѣмъ слѣдовалъ вопросъ: на какомъ изъ языковъ этихъ басенъ онъ желаетъ продолжать ученіе. За языкъ Гребенки высказалось 123 ученика. При такихъ условіяхъ педагогическій совѣтъ школы призналъ себя обязаннымъ позаботиться о соотвѣтственныхъ учебникахъ. Прежде всего Стронинъ передѣлалъ извѣстный учебникъ Золотова, который по одобреніи его педагогическимъ совѣтомъ и цензурою, былъ напечатанъ и введенъ въ школѣ. Затѣмъ мною были составлены и изданы на счетъ Елисаветы Ивановны Милорадовичъ «Украінські прописі». Для чтенія приняты были «Оповідання Марка Вовчка», «Хата», повѣсти Квитки и «Кобзарь» Шевченка. По окончаніи года, намъ стало ясно, что то, что мы даемъ ученикамъ въ школѣ, не удовлетворяетъ возрастающей у нихъ потребности въ просвѣщеніи. Это и принудило насъ организовать библіотеку для чтенія школярами книгъ дома.

Школа и библіотека начали оказывать свое вліяніе и на неграмотныхъ: въ школу стали приходить люди пожилые, даже старики, прося „поучить ихъ чему-нибудь". Но только такъ поучить, чтобы не надо было имъ „сыдить поличъ зъ молокососамы: бо якось воно ніяково, наче соромно". Сперва явилась было мысль открыть школу исключительно для пожилыхъ, но потомъ мысль эту замѣнила другая: организовать народныя чтенія, которыя могли бы посѣщать всѣ желающіе. Мысль эта встрѣтила полное сочувствіе бывшаго тогда директора полтавской гимназіи А. С. Данилевскаго, друга Гоголя, и попечителя кіевскаго учебнаго округа Николая Ивановича Пирогова. Народныя чтенія открыты были въ большой залѣ новой гимназіи, происходили отъ 4—6 ч. пополудни по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, за плату по 3 копѣйки.

Въ чтеніяхъ, кромѣ меня, приняли участіе, какъ лекторы Н. И. Щетинская, Д. П. Пильчиковъ, А. И. Гарлинскій, А. И. Стронинъ и др.

Программа чтеній не стѣсняла насъ, нерѣдко читались стихотворенія, не бывшія еще въ печати. Обыкновенно чтеніе открывалось прочтеніемъ чего-либо изъ произведеній Шевченка, напр., „Тополя", „Наймычка", «Гамалія», „Псалмы Давыдовы"; затѣмъ популярно-научная бесѣда о физическихъ явленіяхъ природы, о какомъ-либо историческомъ событіи, о бытѣ и устройствѣ другихъ народовъ, объ устройствѣ полиціи въ другихъ государствахъ, особенно въ Англіи. Заканчивалось чтеніе какимъ-нибудь юмористическимъ разсказомъ, чаще всего извѣстнымъ предисловіемъ Гребенки къ его альманаху «Ластівка», или баснею Глѣбова «Горлыця и Горобець».

На одномъ изъ такихъ чтеній былъ прочитанъ первый актъ изъ оперетты Котляревскаго «Наталка-Полтавка» и вслѣдъ за нимъ послышались въ публикѣ такія слова: «отъ-бы було цикаво побачыть оце саме на театри!» Эта фраза и родила среди насъ мысль организовать народные спектакли. Въ Полтавѣ существовалъ тогда въ городскомъ саду большой деревянный театръ съ тремя ярусами ложъ. Не помню, кто былъ собственникомъ его, но завѣдывалъ имъ жившій въ гор. Харьковѣ г. Соколовъ. Когда получено было согласіе его на пользованіе театромъ для народныхъ спектаклей, организовавшійся кружокъ любителей рѣшилъ на праздникъ Пасхи, хорошо не помню — 1861 или 62 года, дать нѣсколько народныхъ спектаклей, поставивъ

«Наталку-Полтавку» Котляревскаго, «Шельменко, волостной писарь» и «Сватання» Квитки, а изъ русскихъ пьесъ «Бѣдность не порокъ» Островскаго. Цѣны на мѣста предназначалась отъ 1 руб. за ложу и до 10 коп. на галлереѣ. Роли были розданы, выучены, и пьеса срепетирована; но вдругъ, къ общему изумленію, полиціймейстеръ (кажется Гескетъ), а за нимъ и губернаторъ не дозволили печатать афишъ, мотивируя воспрещеніе низкими цѣнами на мѣста. Мы соглашались повысить цѣны до нормы, какую признаетъ подходящею губернаторъ, но и это не помогло. По общему полномочію, Лобода, Пильчиковъ и Щелканъ послали просьбу министру внутреннихъ дѣлъ. Только что вступившій въ управленіе министерствомъ П. А. Валуевъ уклонился отъ прямого отвѣта, а поручилъ губернатору убѣдить участниковъ въ спектакляхъ отказаться отъ этого несвоевременнаго предпріятія, такъ-какъ, молъ, народные спектакли не существуютъ еще и въ Англіи. На этомъ дѣло и кончилось. Вскорѣ наступили иныя времена»...

О собираніи народныхъ легендъ. Задавшись цѣлью издать въ одномъ изъ ближайшихъ томовъ «Этнографічного Збірника» собраніе народныхъ легендъ, редакція упомянутаго „Збірника" обращается въ XII кн. пр. г. «Літературно-Наукового Вістника» съ просьбой ко всѣмъ, кто интересуется изслѣдованіемъ нашего народнаго творчества, помочь ей въ составленіи предполагаемаго собранія своими матеріалами, записанными изъ народныхъ устъ, или записывать таковые матеріалы и присылать ихъ въ «Наукове Товариство ім. Шевченка» (Львовъ, ул. Чарнецкого, 26). Планъ изданія будетъ слѣдующій:

I. *Библейскія легенды ветхаго завѣта.* Здѣсь важно обратить вниманіе на разсказы о сотвореніи міра, возмущеніи ангеловъ, грѣхѣ Адама, Адамовой смерти, о потопѣ, а также разсказы на тему, откуда что взялось? Есть-ли какіе-нибудь разсказы о патріархахъ, Моисеѣ, Самсонѣ? Разсказы о Давидѣ и Соломонѣ, Иліи, Даніилѣ и вообще о народѣ еврейскомъ и іудейской религіи (темы: евреи—самый давній народъ, избранный Богомъ и наказанный имъ; повѣрье, что евреи нуждаются зачѣмъ-то въ христіанской крови и т. д.)

II. *Библейскія легенды новаго завѣта.* Разсказы объ Іоакимѣ и Аннѣ, св. Маріи, Рождествѣ Іисуса Христа, трехъ царяхъ, Иродѣ,

бѣгствѣ въ Египетъ, хожденіи Іисуса съ Апостолами, мученіяхъ Христовыхъ, сошествіи во адъ, смерти Богородицы, объ апостолахъ,—въ особенности о Петрѣ и Павлѣ, объ Іудѣ Искаріотскомъ (о кровосмѣшеніи съ матерью), о Лазарѣ (убогомъ и четверодневномъ), о Маріи Магдалинѣ, Пилатѣ, сотникѣ Логгинѣ, прободившемъ ребра І. Христу и т. п.

III. *Легенды о святыхъ.* Разсказы о св. Николаѣ, Юріи, Алексѣѣ, Маріи Египетской, Варварѣ, о чудотворныхъ иконахъ и чудесахъ отъ нихъ, о св. крестѣ, откуда онъ взялся и какъ онъ найденъ, о кіевскихъ угодникахъ, пустынникахъ, мученикахъ, 7-ми братьяхъ спящихъ и т. п.

IV. *Легенды о еретикахъ* (*недовиркахъ*) *и чародѣяхъ* (*чаривныкахъ*). Этотъ отдѣлъ, донынѣ почти незатронутый собирателями, можетъ дать много новаго. Важно было бы имѣть разсказы о Симонѣ волхвѣ, еретикахъ (Арій, Пелагій), магахъ и чародѣяхъ (Евладій, Твардовскій), о паписсѣ Іоаннѣ и вообще разсказы о женщинѣ, переодѣтой мужчиной, женщинѣ-монахѣ (св. Маринъ), женщинѣ-священникѣ, женщинѣ-воинѣ, женщинѣ-папѣ, вѣчномъ жидѣ и т. д.

V. *Легенды о чудовищахъ и удивительныхъ явленіяхъ.* Разсказы о людяхъ съ однимъ глазомъ, съ песьими головами, съ головами на груди, о Гогѣ и Магогѣ, о Харіонахъ (подземные люди), Рахманахъ и т. п. Затѣмъ разсказы о звѣряхъ: однорогахъ, грифахъ, слонахъ, львахъ, орлахъ (ихъ привычки и чудесная сила), о морскихъ чудовищахъ (мелюзинахъ, китахъ), объ удивительныхъ растеніяхъ (откуда берется ладанъ), каменьяхъ (діамантъ, камень-самоцвѣтъ и т. д.), о чудесныхъ странахъ (мертвое море, кипучее море и т. д.)

VI. *Легенды о кончинѣ міра.* Разсказы объ антихристѣ, его появленіи, Иліи и Енохѣ, о волѣ Шороборѣ и рыбѣ Левіаѳанъ, о земномъ пожарѣ и страшномъ судѣ.

VII. *Легенды моралистическія и философскія.* Чудесныя наказанія за различные тяжкіе грѣхи; покаяніе грѣшника, убившаго отца и матерь; наказаніе скупому, не принявшему Бога въ видѣ нищаго; наказаніе вору, грабившему покойниковъ и церкви. Чудесныя дѣянія въ отвѣтъ на трудно разрѣшимые вопросы (что такое вѣчность?—пустынникъ ловитъ птицу 100 лѣтъ; какъ Богъ управляетъ міромъ?—пустынникъ ходитъ по свѣту съ ангеломъ); къ чему приводитъ гордость собственнымъ умомъ, святостью и т. п. (легенды о пустынникахъ, подвергавшихся искушенію). Чудесное открытіе преступленій:

подъ преступникомъ проваливается земля, къ тѣлу прирастаетъ воловья кожа, надѣтая для того, чтобы испугать; корабль, на которомъ онъ плыветъ, останавливается среди моря или долженъ погибнуть въ бурю, и преступника бросаютъ въ море; воины, стрѣляющіе въ церковь, лишаются зрѣнія, ума или погибаютъ отъ своихъ же выстрѣловъ, обращающихся на нихъ.

VIII. *Шутливыя легенды и сатиры на религіозныя темы.*

При каждой записи слѣдуетъ прибавлять: гдѣ, когда, кѣмъ и отъ кого записано. О болѣе интересныхъ разсказчикахъ, знающихъ много разсказовъ, желательно записать біографическія данныя, а въ особенности о томъ, отъ кого и какимъ образомъ они пріобрѣли свѣдѣнія о сообщаемыхъ предметахъ.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ дополненіе къ суммѣ 1633 руб. 33 коп., поступившей въ редакцію на сооруженіе памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ (см. № 1 тек. года), вновь пожертвовано изъ Ростова-на-Дону Н. Я. Ященкомъ — 5 рублей, которые и отправлены въ Полтавскую городскую управу.

Текущія извѣстія.

Концертъ львовскихъ ремесленниковъ въ память Т. Г. Шевченка. 24 января во Львовѣ, въ залѣ «Народного Дому» состоялся концертъ общества «рускпх ремісників «Зоря». Залъ былъ роскошно декорированъ; на эстрадѣ устроена была могила съ крестомъ, обведеннымъ частоколомъ,—подобіе могилы Шевченка. Предсѣдатель общ. «Зоря» Нагирный въ краткой рѣчи упомянулъ объ идеалахъ Тарасовой музы. Затѣмъ, интересной новинкой было появленіе украинскаго лирныка (г. Губчака) въ сопровожденіи 12 дѣтей, въ украинскихъ костюмахъ. Дѣти проводили дѣда-лирныка до самой могилы, съ криками: «[illegible]усю, заграйте намъ»! Лирныкъ, расположившись у могилы, исполнилъ нѣсколько пѣсенъ. Вообще вечеръ прошелъ съ рѣдкимъ успѣхомъ. Къ сожалѣнію, прекрасное общее настроеніе нарушено было вконцѣ неумѣстными криками нѣсколькихъ представителей старо-русской партіи:

«pereat»! во время исполненія украинской національной пѣсни. («Русланъ», ч. 19).

Львовскій магистратъ и память Шевченка. Мы уже сообщали о ходатайствѣ Товариства ім. Шевченка во Львовѣ о разрѣшеніи назвать площадь, у которой находится зданіе Товариства, площадью Шевченка и постановкѣ на этой площади памятника нашему поэту. [1]) Въ настоящее время, по сообщенію «Літерат.-Наукового Вістника», кн. II), означенное Товариство получило на ходатайство свое отказъ на томъ основаніи, что львовскій магистратъ «уже почтилъ память Шевченка, назвавъ его именемъ улицу между ул. Зеленою и ул. Кохановского и кромѣ того, упомянутая площадь не пригодна (?) для постановки на ней памятника».

Памятникъ И. П. Котляревскому. Протопоповскій бульваръ, на которомъ будетъ поставленъ въ Полтавѣ памятникъ И. П. Котляревскому, предполагается расширить и привести въ лучшій видъ. Лицевая сторона памятника, достигающаго 11 аршинъ высоты съ цоколемъ, будетъ обращена къ Александровской улицѣ. («Южн. Кр.»).

Пожертвованія на памятникъ И. П. Котляревскому по 1 февраля с. г. достигли, по сообщенію Полтавской городской управы, 9174 р. 27 к.

Памяти П. А. Кулиша. Изъ письма А. М. Кулишъ отъ 16 янв. 1900 г. узнаемъ, что на-дняхъ присланъ на могилу П. А. Кулиша серебряный вѣнокъ изъ Австріи отъ галичанина, профессора королевскаго технологическаго института въ Прагѣ, извѣстнаго знатока физики, Пулюя, друга покойнаго Кулиша, съ надписью: «Памяти незабутного друга П. А. Куліша. Пулюй». Вдовѣ-же Кулиша отъ семьи профессора Пулюя, вмѣстѣ съ вѣнкомъ, прислана широкая красная лента съ золотою надписью «Ганні Барвінок»; вокругъ ленты золотая бахрома, а на лентѣ вышитъ золотомъ изящно букетъ цвѣтовъ. Вѣнокъ и лента очень изящной работы. («Южн. Кр.»).

---

[1]) 899 г., кн. 3, стр. 150

Къ біографія В. Н. Каразина. Въ засѣданіи Харьковскаго историко-филологическаго Общества прочитано было сообщеніе Д. П. Миллеромъ, въ которомъ онъ познакомилъ Общество съ кое-какими новыми данными, относящимися къ біографіи основателя Харьковскаго университета В. Н. Каразина. Въ 1834 г. опальный Каразинъ жилъ въ своемъ Кручикѣ и, отъ нечего дѣлать, издавалъ рукописный журналъ, предназначенный для сосѣдей и знакомыхъ. Въ одномъ изъ №№ этого журнала Каразинъ позволилъ себѣ нѣсколько замѣчаній о распоряженіяхъ тогдашняго харьковскаго губернатора кн. П. И. Трубецкаго, которому и доставилъ этотъ №. Губернаторъ обидѣлся и черезъ полицію обязалъ Каразина «не утруждать начальство посторонними бумагами», угрожая, въ противномъ случаѣ, поступить съ нимъ «сообразно существующимъ постановленіямъ». («Южн. Кр.»).

Къ дѣятельности Наукового Товариства ім. Шевченка во Львовѣ. Въ засѣданіи 26 января тек. года въ Науковомъ Товар. ім. Шевченка, кромѣ прежнихъ «наукових комісий» (археограф., этнограф. и юридич.) по предложенію проф. Барвинскаго избрана еще *язикова комісия* (предсѣдатель профес. Ол. Колесса), которая имѣетъ въ виду заняться прежде всего словарными работами, какъ-то: составить словари для практическихъ потребностей, а затѣмъ подготовлять матеріалъ для полнаго украинско-русскаго словаря, а также и иными вопросами по исторіи языка. („Руслан"., ч. 28).

Дѣятельность Львовскаго общества «Просьвіта» за 1898 и 1899 г.г. Изъ отчета видно, что за послѣдніе два года означенное общ. издало 200.000 экз. популярныхъ книжекъ, пріобрѣло 2081 нов. членовъ, такъ что со времени основанія и до конца 1899 г. Общ. имѣло 12.026 членовъ; за это время открыто народныхъ читалень 294 (а всѣхъ теперь 816). При читальняхъ обыкновенно находятся бакалейныя лавочки, ссудныя кассы и хлѣбные магазины. Въ нѣкоторыхъ читальняхъ «Просьвіти» устроены вечернія занятія для неграмотныхъ; прибавилось 5 новыхъ филій на провинціи, такъ что теперь всѣхъ филій общества 19. Библіотека общества состоитъ изъ 5541 назв. книгъ въ 6738 т. и кромѣ того имѣется особая библіотека им., нынѣ покойнаго, Фр. Ржегоржа, а также небольшой музей. Что касается матеріальнаго положенія,—

активъ равнялся (за 2 года) 283.728 гульд., а пассивъ—195.518 гульд. Какъ и въ прежніе годы, такъ и въ 1898 и 1899 г.г. Общество устраивало концертъ въ годовщину смерти Т. Г. Шевченка; кромѣ того въ 1899 г. впервые устроены были народные концерты съ рефератами. („Руслан“ и „Дѣло“).

Труппа соединеннаго товарищества малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ А. К. Саксаганскаго и Н. К. Садовскаго въ Кіевѣ. Съ 1 декабря пр. года и по 20 февраля наст., въ театрѣ Бергонье, давала спектакли лучшая малорусская труппа подъ управленіемъ А. К. Саксаганскаго и Н. К. Садовскаго. Въ труппѣ, кромѣ трехъ талантливыхъ артистовъ, братьевъ Тобилевичей—Карпенка-Карого, Садовскаго и Саксаганскаго, принимали участіе слѣд. лица: изъ женскаго персонала—г-жи Базилевская, Линицкая, Россина, Суслова, Тобилевичъ, Шевченко и др.; изъ мужскаго—гг. Васильковскій, Вороный, Дзбановскій, Кремневъ, Мова, Пискунъ, Чичорскій и др. Въ теченіе всего сезона поставлены были слѣдующія пьесы *И. К. Карпенка-Карого*: Батькова казка, Бондаривна, Лыха искра поле спалыть—сама счезне, Наймычка, Розумный и дурень и Чумакы—по *одному* разу; Бурлака, По-надъ Днипромъ, Сто тысячъ—по *два* раза; Безталанна, Мартынъ Боруля, Палывода XVIII ст.—*три* раза; Сава Чалый (новая пьеса)—*четыре* раза.

Изъ пьесъ *М. Л. Кропивницкаго* поставлены были: Дви семьи, Лымеривна, Невольныкъ, Олеся, Писни въ лыцяхъ—по *одному* разу; По ревызіи—*два* раза; Вій—*пять* разъ.

Изъ пьесъ *М. П. Старицкаго*: За двома зайцямы, Круты та не перекручуй, Не такъ склалось, якъ ждалось,—по *одному* разу; Ничъ пидъ Ивана Купайла, Ой не ходы Грыцю, Чорноморци, Якъ ковбаса та чарка—по *два* раза; Зимовый вечиръ и Сорочынскій ярмарокъ—*три* раза; Богданъ Хмельныцькій и Цыганка Аза—*четыре* раза. Кромѣ того, по *одному* разу поставлены были: Назаръ Стодоля, Сватання на Гончаривци, Гуцулы (Корженіовскаго), Шельменко-деньщикъ, Суженого конемъ не объйдешъ; по *два* раза: Запорожець за Дунаемъ, Жыдивка-выхрестка (Тогобочнаго), Нещасне кохання (Манька); *три* раза—Наталка-Полтавка, Згуба (новая пьеса П. Мырного) и Кумъ-Мирошныкъ (Дмитренка), и, наконецъ, *четыре* раза Катерына (новая пьеса А—са) и Вечерныци (Нищенскаго).

Труппа пользовалась все время вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ.

Малорусская труппа въ С.-Петербургѣ. (*Корреспонденція изъ С.-Петербурга*). Гостящее у насъ съ Рождественскихъ святокъ и подвизающееся въ большомъ театрѣ «Акваріума» товарищество малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ О. З. Суслова внесло свою лепту въ кассу общества имени Т. Г. Шевченка, любезно согласившись дать въ пользу его спектакль.

Спектакль этотъ состоялся 31 января въ залѣ Кононова, при большомъ стеченіи публики, какъ всегда на малорусскихъ вечерахъ чрезвычайно оживленной [1]). Шли «Чорноморци» съ г-жами Зарницкой (Ивга), Чарновской (Кулына), Юльченко (Маруся) и г.г. Сусловымъ (Кабыця) и Левицкимъ (Цвиркунъ). Всѣ исполнители имѣли значительный успѣхъ, но особенно хороша была г-жа Зарницкая, доказавшая своей умной, веселой и бойкой игрой, что ей по плечу не только сильно драматическія роли (ея оффиціальное амплуа). Выгодному впечатлѣнію, производимому этой артисткой, много способствуютъ ея музыкальность и умѣнье обращаться со своимъ сильнымъ голосомъ, позволяющія ей успѣшно исполнять самыя трудныя аріи.

Послѣ спектакля состоялись танцы, а въ концѣ вечера молодежь, въ благодарность за отзывчивость на ея нужды, устроила шумныя оваціи распорядителю вечера, казначею общества П. П. Катериничу и артистамъ, съ г. Сусловымъ во главѣ.

Что касается обычныхъ спектаклей вышеназванной труппы, то они имѣютъ только средній успѣхъ. Это объясняется отчасти тѣмъ, что наличнаго въ столицѣ количества малороссовъ не достаточно для наполненія каждый вечеръ театральной залы, остальная же Петербургская публика и безъ того не знаетъ, какъ ей распредѣлить остатки сезона безъ ущерба для того или иного театра и увеселенія — имъ же у насъ нѣсть числа. Къ тому же — надо сознаться — труппа г. Суслова, не смотря на присутствіе въ ней такихъ талантовъ, какъ г-жи Зарницкая, Чарновская и г. Левицкій, все же значительно слабѣе труппы Саксаганскаго и Садовскаго, равно какъ и труппы Кропивницкаго, о которыхъ Петербуржцы (даже не малороссы) и до сихъ поръ забыть не могутъ. Наконецъ, не мало мѣшаетъ болѣе значительному успѣху гостящей теперь труппы отдаленность «Акваріума» отъ центра города.

С. Н.

---

[1]) Чистый сборъ достигъ 460 рублей.

Малороссійскія пьесы М. Л. Кропивницкаго «Доки сонце зійде,—роса очи выйисть» и «Глытай, або-жъ павукъ», не шедшія около десяти лѣтъ на сценѣ, въ настоящее время разрѣшены театральной цензурой къ представленію. («Южн. Кр.»)

Лекціи профессора В. А. Мякотина въ Полтавѣ. Въ четвергъ 17 и пятницу 18 февраля, въ залѣ губернской земской управы, профессоръ В. А. Мякотинъ прочелъ двѣ публичныя лекціи на тему: «Реформы Петра Великаго въ Малороссіи». Сборъ съ лекцій поступилъ въ пользу Полтавской общественной библіотеки. (Полт. Губ. Вѣд.).

Украинская книжка въ переводѣ на молдаванскій языкъ. По сообщенію «Московскихъ Вѣдомостей» (№ 28), въ Бессарабіи издана на счетъ земства, въ переводѣ на молдаванскій языкъ, книжка г. Чикаленка «Розмова про сельске хозяйство». Книжку эту земство разсылаетъ по сельскимъ школамъ. По поводу всего этого «Московскія Вѣдомости» выражаютъ свое негодованіе. Прибавимъ, что по словамъ «Вѣд. Од. Градонач.», происходившее 19 января с. г. въ Харьковѣ годовое собраніе членовъ Харьковскаго общества сельскаго хозяйства, по предложенію совѣта, постановило: премировать большой серебряной медалью изданныя Южно-Русскимъ обществомъ печатнаго дѣла двѣ брошюры г. Чикаленка «Розмова про сельске хозяйство»: 1) «Худоба: кони, скотына, свыни та вивцы» и 2) «Чорный паръ, плодозминъ и сіяна трава».

Некрологъ. Въ концѣ января скончался во Львовѣ талантливый молодой литературный дѣятель *Левъ Турбацкій*. Покойный сотрудничалъ въ газетахъ: «Народъ», «Буковина», «Дѣло», «Громадськии Голос». Особенно много помѣщалъ онъ своихъ литературныхъ трудовъ (оригинальныхъ и переводныхъ) въ «Буковинѣ» и «Дѣлѣ».

БИБЛІОГРАФІЯ.

А. А. Папковъ. Упадокъ православнаго прихода (XVIII—XIX вѣка). *Историческая справка. Москва, 1899 г.—in 4, 1—163.*

Въ своей интересной книгѣ г. Папковъ ярко рисуетъ передъ нами картину постепеннаго разрушенія древняго приходскаго начала въ Россіи.

Въ царствованіе Петра великаго приходъ является общественною всесословною и географически опредѣленною единицею; прихожане во главѣ съ церковнымъ старостою продолжаютъ безпрепятственно пользоваться древнимъ правомъ избранія священно-служителей (6 стр.). Но затѣмъ, запрещеніе духовенству имѣть собственность; сваливаніе всей тягости содержанія духовенства исключительно на бѣдныхъ, при крѣпостномъ правѣ, прихожанъ; обложеніе прихожанъ всякого рода повинностями въ пользу духовенства; насильственное навязываніе прихожанамъ общественной благотворительности безъ личнаго участія ихъ самихъ; стремленіе образовать изъ духовенства особое кастовое сословіе; приниженное состояніе духовенства (розги, разборы, повинности)—все это лишало духовенство прежняго его авторитета, унижало его въ глазахъ прихожанъ и тѣмъ самымъ подрывало крѣпкія до сихъ поръ основы приходскихъ общинъ (во главѣ прихода всегда стояло духовенство) (4—22).

Все дальнѣйшее содержаніе интересной книги г. Папкова посвящено детальному разсмотрѣнію и освѣщенію только что высказанныхъ имъ общихъ положеній. Для этого онъ очень внимательно разсматриваетъ отношеніе правительства къ приходу въ царствованіе Анны

Іоанновны, Елизаветы Петровны (23—52), Екатерины II (53—88), Павла, Александра I (88—126) и Николая I (127—163). Это подробное, тщательное и добросовѣстное изслѣдованіе вопроса о положеніи прихода приводитъ г. Папкова къ печальному выводу, что столь необходимое для общественной жизни приходское начало постепенно падало и падало, и причиною этого паденія былъ не кто иной, какъ само правительство, издавшее цѣлый рядъ неудачныхъ законовъ.

Съ особеннымъ вниманіемъ и какъ бы даже съ грустью авторъ останавливается на печальной судьбѣ такъ сильно развившагося въ Малороссіи приходского начала, отмѣчаетъ фактъ постепеннаго его упадка подъ вліяніемъ стремленія къ искорененію какихъ бы то ни было отличій въ жизни вновь присоединенной Малороссіи и центра, говоритъ о попыткахъ борьбы со стороны малороссійскаго духовенства противъ этой нивеллировки и защиты своихъ исконныхъ правъ и преимуществъ (извѣстные пункты, присланные М—россійскимъ духовенствомъ и составляющіе дополненіе къ наказу Синода депутатамъ Екатерининской коммиссіи для составленія проэкта новаго уложенія) и о безплодности всѣхъ этихъ попытокъ (70—79). Вотъ собственныя слова г. Папкова: причиною разрушенія Малороссійскаго прихода является «изданіе неудачныхъ законовъ, при составленіи которыхъ было обращено слишкомъ большое вниманіе на цѣли узкоматеріальныя и упущено изъ виду то существенное соображеніе, что... духовно-нравственные интересы никогда не могутъ быть безнаказанно принесены въ жертву интересамъ матеріальнымъ... Подъ вліяніемъ этихъ неудачныхъ законовъ и вызванныхъ ими указовъ и предписаній, нарушилось въ Малороссіи общественное равновѣсіе и это равновѣсіе повлекло за собою разнузданность страстей среди лицъ, почувствовавшихъ себя у власти и въ фаворѣ», что дурно отозвалось на положеніи духовенства и приходовъ (76 стр.).

Для того, чтобы еще болѣе оттѣнить печальное положеніе великорусскихъ и малорусскихъ приходовъ, г. Папковъ довольно подробно знакомитъ читателя и съ блестящимъ положеніемъ, какого достигли подъ вліяніемъ покровительственнаго отношенія правительства инославные (католическіе, протестантскіе, реформатскіе...) приходы (80—88 стр.), (112—125), (149—158).

Въ царствованіе Николая I совершенно закончился процессъ постепеннаго упадка православнаго прихода: если въ правовомъ отношеніи приходъ еще и не потерялъ всего своего значенія, то, во вся-

комъ случаѣ, онъ сдѣлался „совершенно дряблымъ организмомъ", (111 стр.) и не было кому на практикѣ отстаивать и расширять это его значеніе (158 стр.).

Послѣ уничтоженія крѣпостного права и возобновленія братствъ (1864 г.) началось постепенное возрожденіе православныхъ приходовъ (163 стр.)—Таково содержаніе новой книжки г. Папкова. Мы смѣло рекомендуемъ ее вниманію всѣхъ интересующихся судьбами православнаго прихода и духовенства.

В. Дурдуковскій.

Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80 г.—1900 г.) Томъ I (до 1670 г). *С.-Петербургъ, 1899 г., in 8, стр. XXIII+536.*

Книга эта представляетъ не одинъ лишь спеціально-научный, археологическій интересъ. Она знаменуетъ крайне любопытный моментъ въ исторіи національнаго самосознанія лучшихъ представителей русскаго еврейства. Эта книга составлена не присяжными архивистами или историками, а кружкомъ любителей (исключительно евреевъ), входящихъ въ составъ историко-этнографической коммиссіи при „Обществѣ для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи", и издана на средства того же Общества. Весьма интересна исторія возникновенія среди евреевъ самой идеи—составить такую книгу. По словамъ составителей, трудъ этотъ задуманъ былъ лѣтъ восемь назадъ, когда въ самосознаніи самыхъ руководителей русскаго еврейства царила смута и хаосъ идей—общеевропейскихъ, общерусскихъ, еврейскихъ, въ смѣшеніи съ отзвуками многоразличныхъ, лично пережитыхъ, ощущеній. „Объединенная однимъ лишь смутнымъ ощущеніемъ того, что надо что-то сдѣлать, что-то выяснить, эта группа лицъ, можно сказать, ощупью набрела на мысль о занятіи исторіей евреевъ, о приведеніи въ ясность ея первоисточниковъ. Скромная въ началѣ, задача мало-помалу разросталась, цѣли множились, и въ результатѣ получилась организованная историческая работа, первымъ проявленіемъ который является настоящая книга». Исчерпавъ важнѣйшія археографическія изданія, составители убѣдились, что вошедшія туда свѣдѣнія по исторіи евреевъ составляютъ лишь незначительную часть тѣхъ необозримыхъ

матеріаловъ, которые покоятся до сихъ поръ въ архивахъ и въ частныхъ рукахъ, и принялись за накопленіе своего архива, въ который постепенно стекаются неизданные документы, копируемые въ публичныхъ архивахъ и доставляемые въ оригиналахъ частными лицами. Весьма любопытно признаніе неофитовъ-археографовъ, какое впечатлѣніе вынесли они изъ непосредственнаго знакомства съ подлинными историческими матеріалами: «Изъ всѣхъ этихъ источниковъ (говорятъ они) хлынули на насъ факты, картины, идеи—новый богатый міръ родной старины постепенно раскрывался передъ нашими глазами. И что же? Чтеніе сухихъ документовъ, ознакомленіе съ вовсе неблестящими, неказистыми событіями, съ самыми повседневными явленіями, возъимѣло на насъ то же дѣйствіе, что для Антея прикосновеніе къ матери-землѣ. Прошедшее невольно сплелось съ настоящимъ, въ старомъ мы увидѣли новое, въ новомъ старое, и жизнь во всей своей яркости, многообразіи и жестковатой непосредственности охватила насъ со всѣхъ сторонъ; мы ушли по горло во всѣ ея мелочи и изгибы, но вышли оттуда—незадолго передъ тѣмъ еще хмурые и вялые—крѣпкими, ясными; а главное—мы обрѣли ту устойчивость, то довлѣніе себѣ, которое придаетъ жизни неисчерпаемую цѣнность и богатство. Снова заговорилъ разумъ, снова зацвѣли надежды»!

Просвѣтленные историческимъ самосознаніемъ, вожаки современнаго русскаго еврейства получили возможность точнѣе опредѣлить программу для своей дѣятельности. Ихъ задачей должна быть на первомъ планѣ — дѣятельность просвѣтительная, борьба на два фронта,—„и горе намъ, если мы забудемъ про тотъ фронтъ, который обращенъ въ сторону темныхъ силъ въ самомъ еврействѣ»... Изученіе жизни своего народа и сближеніе съ нею должно содѣйствовать ея развитію,—«но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы жизнь нашей народной группы была не замкнута со всѣхъ сторонъ, чтобы сама она двигалась свободно между другими группами, и чтобы внутри ея двигалась свободно отдѣльная личность—вотъ какія передъ нами рѣяли цѣли, вотъ чѣмъ питалось наше воодушевленіе при исполненіи этого труда! Изъ предшествующаго, думается намъ, совершенно ясно, какъ далека была отъ насъ при составленіи этого свода, всякаго рода апологетическая и реабилитаціонная тенденція. Эти пути нами рѣшительно отвергаются. Да и вообще приложеніе нравственныхъ мѣрокъ къ сложной, руководимой могучими факторами, жизни народной группы является попросту нелѣпой»..

Послѣднее замѣчаніе можетъ вызвать недоумѣніе. Не сказали-ли авторы этой фразой больше, чѣмъ хотѣли сказать? Безспорно, что оцѣнивать факты давно-прошедшей жизни по мѣркѣ современныхъ нравственныхъ требованій не справедливо; но считать нелѣпостью вообще нравственную ихъ оцѣнку—и не разумно, и опасно. Смѣшно было-бы, наприм., метать громы въ козаковъ временъ Хмельницкаго за то, что они безжалостно истребляли евреевъ, но и безнравственно было-бы восхищаться ихъ жестокостями на томъ основаніи, что-де «нелѣпо приложеніе нравственныхъ мѣрокъ къ сложной, руководимой могучими факторами, жизни народной группы». Во что-бы тогда обратились уроки исторіи! Точно такъ же не ясно и двусмысленно обращеніе составителей книги къ своимъ единоплеменникамъ, для которыхъ книга предназначена: «войдите въ лабиринтъ исторіи, ознакомьтесь со всею сложною жизнью нашего народа—и вы обрѣтете ту устойчивость и ту мѣрку жизни, которая является условіемъ и залогомъ свѣтлой и плодотворной дѣятельности». Намъ думается, что исторія въ состояніи дать болѣе опредѣлительные уроки.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію самой книги, мы должны признать, что она представляетъ добросовѣстно и съ большимъ трудолюбіемъ исполненный сводъ, интересный не для однихъ только евреевъ. Въ первой части ея приведены греческія (I—III вв.) и еврейскія (II—XVIII вв.) надписи; послѣднія почти исключительно заимствованы изъ надгробій крымскихъ кладбищъ. Признаемся, мы были удивлены, не найдя здѣсь ни одной надгробной надписи изъ древнихъ еврейскихъ кладбищъ южно-русскихъ. Намъ хорошо извѣстно, что на Волыни, наприм., и до сихъ поръ сохраняются очень древнія еврейскія могильныя плиты, и что извѣстный Фирковичъ, въ бытность свою въ Луцкѣ въ должности мѣстнаго учителя, еще въ 1850-хъ г. занимался списываніемъ такихъ надгробій въ Луцкѣ, въ Острогѣ и др. мѣстахъ, при чемъ на еврейскомъ Луцкомъ кладбищѣ ему удалось отыскать надпись съ датой 1317 года. Точно такъ же въ Переяславѣ (полт. губ.) была отыскана еще болѣе древняя еврейская надпись, чуть ли не XIII в., описанная, помнится, у Пассека. Наконецъ, въ приложеніи къ II тому «Жизни князя А. М. Курбскаго на Волыни» приведены еврейскія надписи, отысканныя на кладбищѣ въ г. Ковлѣ. Но обо всѣхъ этихъ надписяхъ нѣтъ и упоминанія въ книгѣ, спеціально посвященной этому предмету.

Вторая часть книги заключаетъ *регесты*, т. е. краткія извлеченія (передача содержанія и существенныя выписки) изъ всевозможныхъ лѣтописныхъ документальныхъ, актовыхъ, книжныхъ и др. историческихъ матеріаловъ съ VI в. до Р. Х. по 1670 г. Всѣ они относятся не къ исторіи еврейскаго народа вообще, а лишь исключительно къ исторіи евреевъ на территоріи нынѣшней Россіи. Изъ нихъ болѣе 900 регестъ заимствованы главнымъ образомъ изъ разныхъ археографическихъ изданій и притомъ исключительно русскихъ; польскія же и остзейскія оставлены пока въ сторонѣ, что-бы не задерживать выхода книги въ свѣтъ. Это выдѣленіе польскихъ археографическихъ изданій, по характеру совершенно однородныхъ съ изданіями южно-русскими и западно-русскими, нельзя признать раціональнымъ. Лучше было-бы, ограничиться для 1 тома меньшимъ періодомъ времени, но не разъединять однородныхъ матеріаловъ на томъ лишь основаніи, что одни изъ нихъ изданы польскими, а другіе—русскими учеными.

Вполнѣ-ли использованъ въ регестахъ весь матеріалъ, относящійся къ исторіи евреевъ,—объ этомъ можно было бы сказать опредѣлительно лишь послѣ тщательнаго пересмотра тѣхъ 212 источниковъ, которые поименованы въ началѣ книги. Но въ самомъ спискѣ этомъ легко замѣтить неполноту: здѣсь не нашли мы, наприм., описанія Украины Боплана, хотя есть путевыя записки Эриха Лясоты и дневникъ Патр. Гордана; «Бѣдствія временъ» Егошіи использованы, а не менѣе важная лѣтопись Натана Гановера о тѣхъ же событіяхъ пропущена; Вѣстникъ Ю.-З. и Зап. Россіи (Говорскаго) поименованъ въ числѣ источниковъ, а нашъ журналъ—нѣтъ. Правда, въ самой книгѣ есть извлеченіе изъ дневника Евлашевскаго, напечатаннаго въ «Кіевской Старинѣ», но въ нашемъ журналѣ за 18 лѣтъ его существованія было помѣщено много и другихъ матеріаловъ, касающихся исторіи евреевъ. Точно также опущенъ и журналъ «Основа». За то въ спискѣ источниковъ есть нѣсколько изданій, неизвѣстно почему туда попавшихъ, напр. «Каталогъ древнимъ актовымъ книгамъ Вил. архива», дважды поименованный въ числѣ источниковъ (№ 48 и 85). Вѣдь это простой перечень актовыхъ книгъ—не больше; такіе каталоги есть и въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ, и въ Витебскомъ, и во всякомъ другомъ. Нѣкоторые источники названы неполно и неточно, наприм. № 133: «Опись актовой книги Кіев. центр. архива»; № 134: «Опись актовыхъ книгъ Кіевскаго центральнаго архива. И. М. Каманинъ». Составителю списка, очевидно, не извѣстно,

что такихъ описей напечатано доселѣ очень много и каждая опись отличается отъ другихъ номеровъ той актовой книги (по каталогу), какая въ ней описана. Есть регесты, свидѣтельствующія и о томъ, что составители не всегда понимали текстъ стариннаго документа, что и не удивительно по отношенію къ людямъ мало опытнымъ; наприм. въ регестѣ 856 разсказывается, что когда могилевскій бурмистръ и мѣщане принялись бить евреевъ, совершавшихъ религіозные свои обряды надъ р. Днѣпромъ, то послѣдніе, „желая защитить себя отъ нападенія, предлагали внести залогъ въ суммѣ 10,000 злотыхъ на короля, 5,000 на п. подскарбія и 5,000 на маршалка литовскаго». Знакомому съ языкомъ и юридическими формами того времени вполнѣ ясно, что здѣсь идетъ дѣло не о какомъ-то залогѣ, а о «зарукѣ», или „закладѣ“, на нарушителей закона.

Впрочемъ, все это незначительные промахи, легко объяснимые новизною дѣла. Въ общемъ-же, повторяемъ, слѣдуетъ признать, что сборникъ составленъ весьма старательно и добросовѣстно, и нашъ журналъ, посвященный исторіи южно-русскаго края, на территоріи котораго евреи являются давними обитателями, можетъ лишь искренно привѣтствовать то новое—исторіографическое начинаніе передовой части русскаго еврейства, первымъ плодомъ котораго является настоящая книга. По справедливому замѣчанію ея составителей, «жизнь людей должна быть солидарна»; а ничто не содѣйствуетъ такъ развитію и укрѣпленію этой солидарности, какъ именно исторія. Это положеніе имѣетъ сугубую силу въ примѣненіи къ народностямъ, издавна живущимъ на одной территоріи.

О. Л.

Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ 1 октября 1897 года по 1-е. октября 1898 года, подъ редакціей директора Коллегіи А. І. Степовича, Кіевъ, 1898, 46+278 стр.

То же съ 1 окт. 1898 г. по 1 окт. 1899 г. Кіевъ, 1899, стр. 100+254.

Нельзя не привѣтствовать обычая, установившагося, повидимому уже прочно въ Коллегіи,—опубликовывать во всеобщее свѣдѣніе свои отчеты. Но «Ежегодникъ» Коллегіи заключаетъ въ себѣ не только отчетъ: здѣсь мы встрѣчаемъ работы преподавателей и бывшихъ вос-

питанниковъ; введенъ также отдѣлъ матеріаловъ для исторіи Коллегіи; предположено ввести печатаніе переводовъ съ иностранныхъ языковъ, сдѣланныхъ воспитанниками Коллегіи, по указанію, конечно, преподавателя. Одинъ такой переводъ объ Иванѣ Жижкѣ изъ книги Леже «Nouvelles études slaves» уже приготовленъ къ печати... Несомнѣнно, въ такомъ видѣ «Ежегодникъ» можетъ сдѣлаться органомъ «Коллегіи», объединяющимъ между собой какъ преподавателей, такъ и воспитанниковъ бывшихъ и настоящихъ; онъ будетъ всегда подогрѣвать интересъ къ своей alma mater. Для насъ нѣтъ сомнѣнія, что одной изъ причинъ, почему такъ быстро рвутся связи между учебными заведеніями и его бывшими воспитанниками, является то обстоятельство, что воспитанники ничего не знаютъ и не имѣютъ возможности знать про учебное заведеніе, ихъ воспитавшее. Вѣдь время и отсутствіе сношеній рвутъ даже самыя близкія дружескія и родственныя связи!

Отчетъ о состояніи Коллегіи отличается своею обстоятельностью. Интересны въ немъ свѣдѣнія объ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, хотя, къ сожалѣнію, отчетъ не избѣгъ обычнаго, мало симпатичнаго намъ тона нѣкотораго самохвальства, всегда доминирующаго, какъ извѣстно, въ отчетахъ учебныхъ заведеній: смотрите, молъ, мы какіе!.. Въ «Отчетѣ» Коллегіи это выражено, правда, слабѣе, а все-таки частенько, нужно сказать, прорывается... Въ одной изъ своихъ статей А. І. Степовичъ говоритъ: «въ изложеніи мы старались воздерживаться, по возможности, отъ собственныхъ выводовъ и заключеній и, рѣшившись говорить больше фактами, такъ сказать, отъ лица самихъ литературныхъ произведеній, хотѣли такимъ путемъ предоставить читателямъ извѣстную свободу и возможность собственныхъ соображеній по положенному предмету («О древне-русской беллетристикѣ»). Если это положеніе относительно статей для широкой публики и можетъ быть иногда оспариваемо, то для отчетовъ оно является, по нашему разумѣнію, conditio sine qua non...

Кромѣ свѣдѣній объ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, мы находимъ свѣдѣнія о хозяйствѣ Коллегіи, о лицахъ, окончившихъ Коллегію, гдѣ каждый изъ нихъ въ настоящее время находится и т. д.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ двухъ разсматриваемыхъ нами выпускахъ «Ежегодника», на первомъ мѣстѣ отмѣтимъ тѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ югу Россіи: «О древне-русской беллетристикѣ»

А. Степовича и „Этюды по психологіи художественнаго творчества. «Ревизоръ» Гоголя. Г. Александровскаго...

Относительно южно-русской беллетристики А. I. Степовичъ говоритъ: «Жизнь южно-русскаго населенія сложилась исторически такъ странно, такъ тревожно, что порывистость ея, отсутствіе прочно установленнаго государственнаго порядка въ странѣ, порождавшее такъ сказать, общественную нервность, происходившую отъ личной необезпеченности каждаго, исключали возможность правильнаго, строго послѣдовательнаго развитія, и самый прогрессъ ставили въ зависимость отъ безконечныхъ и чрезвычайно разнообразныхъ случайностей почти безпрерывной войны, внутренней или внѣшней. Вѣчныя военныя столкновенія извнѣ, безпорядочность общественнаго строя и уклада извнутри, порождаемыя правовыми и вѣроисповѣдными неравенствами и притѣсненіями одной части населенія другою, если и не исключали возможности самобытнаго развитія хотя-бы, напр., народной поэзіи, то придавали всѣмъ общественнымъ стремленіямъ строгій характеръ практичности, насущности, пригодности для цѣлей, слишкомъ ужъ утилитарныхъ... И литература по тѣмъ-же причинамъ, отсутствовавшимъ въ сѣверной Руси,—здѣсь, въ южной, получила такой-же строгій утилитарный характеръ удовлетворенія злобѣ дня и, ставши церковно-политической, поплатилась за то отсутствіемъ художественности" и т. д. Мы думаемъ, въ данномъ случаѣ почтенный А. I. Степовичъ измѣнилъ своему обѣщанію говорить только фактами, а измѣнилъ, вѣроятно, потому, что фактовъ-то имѣется у насъ пока слишкомъ мало, чтобы говорить ими. Относительно сѣверно-русской беллетристики статья А. I. Степовича содержитъ въ себѣ любопытную группировку фактовъ, хотя склонность автора къ славянофильству дѣлаетъ для насъ нѣсколько неясными замѣчанія его относительно значенія въ исторіи русской литературы петровскаго и послѣ-петровскаго періодовъ ея.

Статья г. Г. Александровскаго о „Ревизорѣ" изслѣдуетъ интересный вопросъ, какимъ образомъ возникла безсмертная комедія Гоголя...

Кромѣ указанныхъ двухъ статей въ двухъ выпускахъ «Ежегодника» Коллегіи помѣщены: *А. Степовича*—«Первые вѣка сербской письменности» и «Очерки исторіи сербо-хорватской литературы»; *Г. Александровскаго*—«Н. А. Некрасовъ и его поэзія», «Жизнь и творчество А. С. Пушкина на югѣ Россіи» и «Отчетъ о педагогическихъ

курсахъ по русскому языку въ г. Константиноградѣ, Полтав. губ.»; затѣмъ статьи гг. Архимовича, Липскаго и Столярова по естественнымъ наукамъ и математикѣ.

Мы уже упоминали выше, что въ «Ежегодникахъ» печатаются и «Матеріалы для исторіи Коллегіи»; редакція обѣщаетъ «со временемъ помѣщать рядъ статей о болѣе замѣчательныхъ дѣятеляхъ старой Коллегіи»—И. Т. Экземплярскомъ, П. И. Житецкомъ и др. Въ лежащихъ предъ нами выпускахъ „Ежегодника“ помѣщены письма Ю. Ф. Самарина, М. Юзефовича, А. Воропова, Ив. С. Аксакова и перваго директора Коллегіи, В. В. Григорьева. Всѣ они такъ или иначе касаются Коллегіи и ея дѣлъ. Самаринъ не вѣрилъ въ возможность у насъ Коллегіи, „на манеръ англійскихъ“; Юзефовичъ стоялъ за исключительно университетскую Коллегію; Вороновъ совѣтуетъ Галагану смягчить предоставленную Коллегіи необязательность греческаго языка, чтобы министръ [графъ Толстой не смотрѣлъ на Коллегію съ неудовольствіемъ...

Печатаніе подобныхъ матеріаловъ, на нашъ взглядъ, является очень полезнымъ, и можно пожелать, чтобы отдѣлъ этотъ былъ расширенъ. Не будетъ большого грѣха со стороны Коллегіи, если она будетъ печатать матеріалы не только для исторіи Коллегіи, но и для характеристики ея учредителей и преподавателей. Кажется, впрочемъ, почтенный А. І. Степовичъ, которому, если не ошибаемся, «Ежегодникъ» обязанъ своимъ возникновеніемъ,—и имѣетъ это въ виду.

Н. В.

Розвідки Михайла Драгоманова про українську народню словесність і письменство. Т. І. (Томъ II «Збірника фільольогічної секциї Наукового Товариства ім. Шевченка). У Львові, 1899, 1—260, in 4°.

Еще въ 1897 г. Наукове Товариство ім. Шевченка постановило издать полное собраніе изслѣдованій покойнаго М. П. Драгоманова объ украинской народной словесности и литературѣ, имѣя въ виду сдѣлать болѣе доступными эти донынѣ, не устарѣвшіе, капитальныя труды, разбросанные по разнымъ журналамъ и написанные на различныхъ языкахъ. Осуществленіе этого плана Наукове Товариство поручило одному изъ ближайшихъ пріятелей покойнаго автора—Михаилу Павлику, которому и принадлежитъ трудъ собиранія, упорядоченія и

перевода произведеній, намѣченныхъ для предполагаемаго полнаго собранія, 1-й томъ котораго лежитъ передъ нами.

Полное собраніе сочиненій М. Драгоманова будетъ заключаться въ нѣсколькихъ томахъ; въ I и II томахъ помѣщены будутъ статьи, напечатанныя въ Россіи, а въ слѣдующихъ вышедшія заграницей. Не войдутъ только въ полное собраніе фолькльорные матеріалы, изданные или самимъ Драгомановымъ, или сообща съ другими учеными, какъ-то: «Историческія пѣсни малорусскаго народа», «Політичні пісьні українського народу», «Нові українські пісьні про громадські справи» и «Малорусскія народныя преданья и разсказы».

Въ I-й томъ «Розвідок» вошли слѣдующія статьи: 1) Украіна в її словесности, стр. 1—47, изъ «Вѣстника Европы», 1870, іюнь, подп. „П. Т—евъ“.

2) «Про доконечність досліду народньоі словесности в прикарпатській Руси» стр. 48—49, — изъ «Записки Ю.-З. Отдѣла Имп. Русск. Географ. Общества, т. I, за 1873 г., стр. 35—38.

3) «Про науковий дослід русько-українських народніх пословиць», стр. 48—52,—оттуда-же, «Протоколы», стр. 55—57.

4) «Промова про М. А. Максимовича, сказана на загальних зборах членів Півд.-Зах. Геогр. Тов. у Киіві 18 ст. листопада 1873», стр. 53—61,—оттуда-же, стр. 68—77.

5) «М. А. Максимович. Его літературне й суспільне значіне» стр. 62—65 («Вѣстникъ Европы, 1874, мартъ, 441—453). Въ виду того, что означенная статья въ общемъ лишь въ незначительной степени разнится отъ предыдущей, составитель отмѣтилъ въ данной статьѣ лишь отличія отъ ней.

6) «Відгук лицарськоі поэзиі в руських народніх пісьнях.— Пісні про Королевича»,—стр. 66—87,—изъ Запис. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ. т. II, за 1874 г. Вслѣдъ за этой статьей приведено резюме этой-же статьи, напечатанное въ томъ-же II томѣ Запис. Ю.-З. Отд.

7) «До питаня про сліди великоруського богатирського епоса на Украіні (Лист до Ор. Ф. Мільлера)», стр. 88—94,—изъ «Древняя и Новая Россія», Спб. 1875, № 9. Статья эта въ только что цитированномъ изданіи снабжена значительнымъ количествомъ примѣчаній Ор. Миллера, которыя составителемъ умышленно выпущены въ виду того, что суть дѣла и безъ того ясна.

8) «Замітки про систематичне видане творів української народньої словесности», стр. 95—105, — предисловіе къ «Малорусскимъ народнымъ преданіямъ и разсказамъ».

9) «Учена експедиция в західньо-руську країну», стр. 103—127,—разборъ 7 томовъ «Трудовъ этнограф.-статист. экспедиціи въ зап.-русскій край, снаряженной Имп. Русс. Геогр. Общ. Ю.-Зап. Отд.—изъ «Вѣстника Европы», 1877, мартъ, стр. 85—109, подпись „М. Т—овъ".

10) «Материяли й уваги про українську народню словесність До читача.—І. Пісьня про здобутя Азова. II. Степан Разін—козак Гарасим. III. До справи про вертепну комедию на Україні. IV. Песиголовці в українській народній словесности,—стр. 128—155, — изъ «Кіевск. Старины», 1883, декабрь, 546—559, — подпись «М. Т—овъ».

11) «Корделія-замурза. Літературно-критичний урывок», стр. 156—173, — изъ «Вѣстника Европы», 1884, ноябрь, стр. 53—71,— подпись: К. В.

12) «Дві українські інтермедиі початку XVII ст.», стр. 174—184,—изъ «Кіев. Стар.», 1883, декабрь, подп. «М. Т—овъ». Въ этой статьѣ составитель, пользовавшійся подлинникомъ, котораго лишь копію имѣлъ въ рукахъ Драгомановъ, дѣлаетъ во многихъ мѣстахъ основательныя поправки и дополненія.

13) «Найстарші руські драматичні сцени» —стр. 185—216,—изъ «Кіевской Старины», 1885, ноябрь, подпись—П. Кузьмичевскій. Переводъ произведенъ изъ экземпляра оттиска, присланнаго составителю давно, еще пок. авторомъ, гдѣ послѣдній сдѣлалъ нѣсколько исправленій. Объясненія нѣкоторыхъ словъ въ текстѣ Гавватовича, предназначенныя для журнала, какъ ненужныя и отчасти неправильныя—составитель опустилъ, прибавивъ нѣсколько своихъ замѣчаній, а также и д-ра Ів. Франка.

14) «Турецькі анекдоти в українській народній словесности», стр. 217—260,—изъ «Кіевской Старины», 1886, февр. и мартъ, подпись—П. Кузьмичевскій.

Таково содержаніе I тома предпринятаго Науков. Товариством нового крупнаго цѣннаго изданія. Для насъ, живущихъ въ Россіи, I-й томъ, кромѣ того удобства, что всѣ разбросанныя повсюду работы здѣсь сведены во едино, не представляетъ такого цѣннаго пріобрѣтенія, какъ для галичанъ. Гораздо болѣе насъ привлекаютъ

обѣщанные томы, которые будутъ заключать статьи, помѣщенныя М. Драгомановымъ въ различныхъ заграничныхъ періодическихъ изданіяхъ, а также въ отдѣльныхъ книжкахъ и брошюрахъ.

В. Д.

Обозрѣніе журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Вѣстникъ Европы, № 2; 2) Русская Мысль, №№ 1 и 2; 3) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, №№ 1 и 2; 4) Историческій Вѣстникъ, № 2; 5) Русская Старина, № 2; 6) Літературно-Науковий Вістник, №№ 1 и 2; 7) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 1; 8) Русская Школа, № 1; 9) Slovanský přehled, №№ 1 и 2; 10) Русскій Архивъ, № 2; 11) Русское Богатство, № 1; 12) Научное Обозрѣніе, №№ 1 и 2; 13) Восходъ, № 1; 14) Живописное Обозрѣніе, №№ 1 и 2.

Вѣстникъ Европы, № 1. Въ отдѣлѣ «Литературное Обозрѣніе»: «*T.* Біографическій очеркъ. Б. Гринченко, Черниговъ, 1899».

Г. Т., справедливо замѣтивъ, что въ настоящее время написать біографію Кулиша нелегко: «еще близки бытовыя условія, въ которыхъ должна была складываться эта дѣятельность, какъ съ другой стороны не легко разобраться въ сложныхъ психологическихъ мотивахъ этого характера, которые были причиной противорѣчій въ самомъ существѣ его взглядовъ», останавливается на нѣкоторыхъ утвержденіяхъ г. Гринченка о Кулишѣ, съ которыми онъ не согласенъ. Коснувшись личности Кулиша, г. Т. находитъ, что недостатокъ критики, у Кулиша развившійся тѣмъ болѣе, что ему недоставало настоящей научной школы, явился слѣдствіемъ того, что Кулишъ былъ романтикъ: «всегда въ порывахъ и увлеченіяхъ, которые овладѣвали имъ тѣмъ сильнѣе, что всегда, съ своихъ первыхъ успѣховъ, онъ былъ исполненъ крайняго самолюбія и нетерпимости». Онъ былъ человѣкъ чувства, вслѣдствіе чего терялъ мѣру и впадалъ въ ту или иную крайность. Въ исторіи обладалъ большими знаніями, но не былъ гарантированъ отъ пристрастія и преувеличенія въ виду отсутствія въ желательной степени исторической критики. Причина всѣхъ тѣхъ печальныхъ свойствъ, которыя особенно сказались къ концу дѣятель-

ности Кулиша, лежитъ «не только въ личномъ характерѣ, но и въ тѣхъ условіяхъ, которыя не давали мѣста свободному и ясному развитію общественной и исторической мысли. Но за Кулишомъ, при всѣхъ ошибкахъ и увлеченіяхъ, останется заслуга неустанной работы для историческаго знанія и для народной литературы, гдѣ, между прочимъ, онъ былъ и великимъ мастеромъ малорусской рѣчи».

Русская Мысль № 2. *Вл. Гиляровскій. Въ Гоголевщинѣ (стр. 121—130)*.

Авторъ въ началѣ настоящаго года совершилъ поѣздку на мѣсто родины Н. В. Гоголя, въ Миргородскій уѣздъ. Здѣсь ему удалось узнать отъ оставшихся въ живыхъ современниковъ Гоголя—О. З. Королевой, В. Заики, о. Романа (девяностолѣтняго старца), нѣкоторыя любопытныя подробности о самомъ Гоголѣ и герояхъ его произведеній («Ревизора»). Ему удалось фактически установить годъ, число и мѣсто рожденія: 1809 г. 20 марта въ м. Сорочинцахъ (а не 19,—какъ полагаетъ г. Шенрокъ); онъ посѣтилъ тотъ домикъ, гдѣ родился писатель (домъ Трахимовскаго, близъ Преображенской церкви), который и по сію пору сохранился въ прежнемъ видѣ; узналъ нѣкоторыя подробности о вліяніи на Гоголя С. М. Аксюковой, хорошо говорившей по-малорусски, къ которой очень часто ѣздилъ Гоголь слушать «разсказы и преданія изъ старины малорусской, изъ гетманщины»,—«самъ-же Николай Васильевичъ по-малорусски говорилъ хуже, такъ онъ часто ѣздилъ поговорить съ ней». Кромѣ того, авторъ сообщаетъ очень интересныя свѣдѣнія о Сорочинской Преображенской церкви, сооруженной гетманомъ Даніиломъ Апостоломъ въ 1732 г., о драгоцѣнныхъ историческихъ памятникахъ и реликвіяхъ въ этой церкви и въ склепѣ подъ ней (гробъ гетмана съ его останками, металлическая доска съ эпитафіей генералу Десли на трехъ языкахъ: русскомъ, латинскомъ и польскомъ); о подземномъ ходѣ изъ церкви къ подвалу, въ томъ именно дворѣ, гдѣ родился Гоголь, принадлежавшемъ также гетману Апостолу.

Въ отдѣлѣ библіографіи (стр. 47—48) данъ отзывъ о книгѣ «Матеріалы по народному образованію въ Воронежской губерніи. Сост. П. Вороновъ. Изд. Воронежскаго губ. земства».

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 1. Въ отдѣлѣ „Критика и библіографія" помѣщенъ отзывъ о 4 томѣ, вып. 2. „Исторія Россіи" Д. И. Иловайскаго («Эпоха Михаила Θеодоровича Романова»),—въ которомъ авторъ излагаетъ исторію козачества.

Въ отдѣлѣ «Современная Лѣтопись» помѣщенъ некрологъ Н. А. Лавровскаго съ приведеніемъ перечня сочиненій и статей покойнаго, немалое число которыхъ посвящено было исторіи Харьковскаго университета, Гимназіи высшихъ наукъ и Лицею кн. Безбородка, и др. вопросамъ.

То же, № 2. Въ отдѣлѣ „Критика и библіографія" обширная рецензія (еще не оконченная) (стр. 367—399) В. Иконникова на трудъ С. Θ. Платонова. *Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.* (Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ смутное время). Спб. 1899. XIII+665, съ 2-мя картами. Рецензентъ указываетъ на нѣкоторые аналогичные факты въ современной (XVI в.) Зап. Россіи (напр. стр. 398,—процессъ закрѣпленія крестьянъ).

Въ отдѣлѣ «Книжныя новости» отмѣчены книги: «Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Съ 1-го октября 1898 г. по 1 октября 1899 г. Подъ редакціею директора коллегіи П. Галагана А. І. Степовича, Кіевъ, 1899», и «Площанскій, В. М. Прошлое Холмской Руси по архивнымъ документамъ XV—XVIII вѣка и другимъ источникамъ. Духовенство. А. Холмская епархія православной и б. уніатской церкви. I. 1428—1630. Вильна 1899 г.»

Историческій Вѣстникъ № 2. *Евгеній Шумигорскій. Департаментъ бумагъ* (стр. 743—747).

Авторъ возражаетъ противъ «проекта основаній архивной реформы», составленнаго г. Самоквасовымъ и доложеннаго имъ XI археологическому съѣзду въ Кіевѣ въ докладѣ „Централизація государственныхъ архивовъ Западной Европы въ связи съ архивной реформой въ Россіи». По мнѣнію автора, осуществленіе идеи г. Самоквасова можетъ повлечь за собою окончательный разгромъ еще сохранившихся русскихъ историческихъ сокровищъ; созданіе же центральнаго государственнаго архива въ Россіи—практически невозможно и безцѣльно вообще.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» приведены сочувственные отзывы о книгахъ: «В. П. Горленко. Украинскія были. Описанія и замѣтки. К. 1899» и „Жизнь, служба и приключенія мирового судьи. Изъ записокъ и воспоминаній И. Н Захарьина (Якунина). Спб. 1900· (впервые было помѣщ. на стр. „Русской Старины)“.

Русская Старина № 2. *В. Шенрокъ. Пушкинъ и Гоголь* (*стр. 383—392*).

Авторъ отмѣчаетъ сходныя черты въ литературной дѣятельности обоихъ великихъ писателей: художественный инстинктъ и стремленіе къ реализму; и тотъ, и другой «параллельно и по одинаковымъ дорогамъ, послѣдовательно и одновременно, совершали поворотъ въ сторону сближенія ихъ творчества съ дѣйствительною жизнью»... Остановившись вкратцѣ на личныхъ отношеніяхъ Пушкина и Гоголя, авторъ заключаетъ статью свою пожеланіемъ, чтобы послѣднему, подобно Пушкину и Лермонтову, скорѣе была воздана «мѣдная хвала».

Н. К. Козминъ. Николай Полевой и его отношенія къ цензурѣ. (стр. 415—432). Авторъ приводитъ любопытные факты, касающіеся личности Н. Полевого, преимущественно какъ издателя «Московскаго Телеграфа». Особенно характерно отношеніе цензурн. комитета къ одной изъ статей С. Руссова, вызванной критическимъ разборомъ «Исторія Малой Россіи» Д. Н. Бантышъ-Каменскаго, помѣщеннымъ въ №№ 17 и 18 «Московскаго Телеграфа» 1830 г. и, какъ утверждаютъ, написаннымъ Полевымъ. Въ разборѣ между прочимъ говорилось, что «Малороссія, не сдѣлавшись донынѣ Русью, никогда не была частью древней Руси, точно такъ же, какъ Сибирь и Крымъ»: языкъ, одежда, обликъ лица, бытъ, жилище, мнѣнія, повѣрья, непріятное отношеніе къ «москалю» —свидѣтельствуетъ, по мнѣнію Полевого, объ отчужденности этого народа отъ «насъ, чистыхъ руссовъ». С. Руссовъ, совершенно расходясь во взглядахъ съ Полевымъ, оспаривалъ его мнѣнія, изложенныя въ цитированной статьѣ и приводилъ выдержки изъ послѣдней. «Замѣчанія» Руссова вызвали недоумѣніе цензурнаго комитета. «Какъ антикритика»,—статья, по мнѣнію комитета, «изложена въ самомъ благопріятномъ духѣ»; но дозволить ее напечатать было затруднительно потому, что г. Руссовъ, оспаривая мнѣнія «Московскаго Телеграфа», приводитъ подлинными словами многія мѣста изъ опро-

вергаемой имъ статьи, и «мѣста сіи, не столько сами по себѣ, но и вся означенная статья, по духу своему, можетъ имѣть вредное вліяніе на умъ читателей многихъ областей, съ XVII вѣка возвращенныхъ Россіи. Авторъ утверждаетъ, что малороссіяне, бѣлорусцы, казаки (донскіе) и прочіе—не русскіе! Видитъ въ нихъ какую-то особенную народность и мѣстность и т. д.» Послѣ долгаго засѣданія, посвященнаго разрѣшенію возникшаго мудреннаго вопроса, комитетомъ постановлено было обратиться къ министру Ливену, отвѣтившему, что «въ виду желанія Руссова опровергнуть мѣста, несогласныя съ правилами о цензурѣ» и «показать несправедливость оныхъ», рукопись г. Руссова можетъ быть дозволена къ напечатанію.

Петербургъ въ 1831—1832 г.г. (По письмамъ провинціала.) (стр. 477—490), съ предисловіемъ В. Срезневскаго.

Помѣщены 7 писемъ И. Р. Росковшенка 1831—1832 годовъ къ его университетскому товарищу Измаилу Ив. Срезневскому, сначала въ Харьковъ, затѣмъ въ Екатеринославскую губ. Предпосланныя письмамъ біографическія данныя о корреспондентѣ представляютъ цѣнный матеріалъ для біографіи И. В. Росковшенка.

Літературно-Науковий Вістник № 1. *Евшан-зілле.* Поема Миколи Вороного (стр. 1—3). Поема основана на историческомъ преданіи.

Жидівська дитина. Новеля Наталї Кобринскої (стр. 4—17). Художественная картинка изъ жизни галицкихъ евреевъ.

Перехресні стежки. Повість Івана Франка (стр. 18—38). (Продолженіе слѣдуетъ).

Героемъ повѣсти является адвокатъ-идеалистъ, поселившійся въ одномъ изъ провинціальныхъ галицкихъ городовъ. Въ повѣсти, написанной съ присущей г. Франку талантливостью, ярко обрисованы типы мѣстной бюрократіи.

Вечернiй свiт. Оповідання Бориса Грінченка (стр. 39—46).

Злодій. Різдвяне оповідане *Вячеслава Потапенка* (стр. 46—60). Исторія о томъ, какъ выдающаяся въ селѣ личность, стоящая на стражѣ интересовъ своей громады, по проискамъ темныхъ силъ теряетъ авторитетъ, превращается въ «злодія», пока наконецъ не опускается совершенно.

Чудо Пуран-Багата. Оповідане Р. Кіплінга. З англійського переклала *Г. Альбова* (стр. 61—73).

Гріх. Сцени Дагни Пшибишевської. З польского переклав Володимир Гнатюк (стр. 74—89).

Міщанин і селянин. Нарис із повісти Еміля Золя «Fécondité». З французького переклав Іван Франко (стр. 90—101).

Отрывокъ изъ послѣдняго романа Золя «Плодородіе».

Атта Троль. Сон літньоі ночі. Поема Генріха Гайне. Переклала Леся Українка. (стр. 102—112). (Окончаніе слѣдуетъ). Переводъ сдѣланъ превосходно.

Наталія Кобринська. М. Грушевський (стр. 1—23).

Біографическій очеркъ и характеристика литературной дѣятельности выдающейся галицкой писательницы. Къ статьѣ приложенъ портретъ г-жи Кобрынской.

Жіноча доля в сучасній німецькій літературі. Е. Деген. (стр. 24—30).

Авторъ излагаетъ преимущественно взгляды Гауптмана на положеніе женщины.

Людові університети. Евген Косевич (стр. 31—53).

Изложивъ вкратцѣ исторію и дѣятельность народныхъ университетовъ въ Англіи, въ Даніи, а также въ Вѣнѣ, Прагѣ и имени Ад. Мицкевича въ Галиціи, авторъ развиваетъ планъ устройства подобнаго упомянутымъ народнаго университета для украинскаго населенія Галиціи, который (университетъ) находясь въ извѣстной зависимости отъ товарыства «Просьвіта», будетъ устраивать общедоступныя лекціи по селамъ, мѣстечкамъ и небольшимъ городамъ. Первоначальныя (незначительныя, пожалуй) средства для этого уже собраны.

Із чужих літератур. 1) *Нова повість Е. Золя* «Fecondité». 2) *Соті роковини уродин Генріха Гайне.* Іван Франко (стр. 54—58).

Малюнки Івана Труша. Іван Франко (стр. 59—63).

Критическая оцѣнка художественной дѣятельности талантливаго галицко-русскаго художника І. Труша, произведенія котораго обратили на себя вниманіе художниковъ и польской прессы на выставкѣ конца 1899 г. въ залахъ львовскаго Общества изящныхъ искусствъ.—По характеру живописи, г. Трушъ прекрасный пейзажистъ.

Хроніка і бібліографія. (Стр. 64—80). Въ отдѣлахъ: «Літературні вісти і уваги», «Нові книжки», «З газет і журналів», «Персоналія», «З науки і шутки», «Із суспільного житя»,—помѣщено много очень интереснаго матеріала изъ общественно-политической и литературно-культурной жизни Галиціи и Украины.

То-же № 2. *Наш альбом* (стр. 113—120). Стихотворенія: «Молитва» Куліша, «Гіпатія» Г. Комаровой, «Недбалість» Ф. Ганнусенка, «Із поэзий» С. В., «З днів журби,»—Марка В—а.

Образки з гуцульского житя (стр. 121—137). I. *Злодія зловили* II. *Раз мати родила!*

Картинки изъ сельской жизни.

Перехресні стежки. Повість Івана Франка (стр. 138—164). (Продолженіе).

Над усіх ненормальні. Оповідане Ол. Катренка (165—182).

Із оповідань Людвіка Тома. I. *Тверді голови.* II. *Смерть.* З німецького переклав В. Стефаник (стр. 183—188).

Із посмертних оповідань Гі де Мопасана. I. *Весняним вечером* (Par un soir de printemps). II. *Батько Мільон* (Le père Millon) III. *Коло помершої* (La veillée). З французького переклала Марія Грушевська (стр. 189—203).

Атта Троль. Сон літньої ночі. Поема Генріха Гайне. Переклала Леся Українка (стр. 204—228). (Окончаніе).

Розвід в минувшости й теперешности. З поводу нового німецького кодекса. Подав П. Рондяк (стр. 81—107).

Статья о разводѣ, составленная преимущественно на основаніи статьи проф. Загоровскаго: «О разводѣ по общегерманскому уложенію», 1899 г.

Новини нашої літератури. I. Левицькый. Повисти и оповидання т. I, зъ портретомъ автора. Спб. 1899. Обстоятельная рецензія *Л. Ч.* (стр. 108—118).

II. «Страшный ворогъ». Кныжка про горилку. Написала М. Загирня. Выданне Б. Гринченка. № 45. Черныгивъ, 1900. *Іван Липа* (стр. 118—124).

Резенція на интересную брошюру М. Загирнои о вредѣ алкоголя. Рецензентъ указываетъ на нѣкоторые недочеты въ брошюрѣ,—съ точки зрѣнія медицины.

З російської України. I. *Сумний стан теперішнього українського театру. Драматичні «твори» Сластина.* Гната Хоткевича (стр. 125—135).

Разборъ крайне слабыхъ драматическихъ писаній плодовитаго молодого драматура—Сластина.

Журнал і публіка. Ів. Франко (стр. 136—146).

Любопытная статистика степени распространенія въ Галиціи и за ея предѣлами журнала «Літературно-Науковий Вістник» въ 1898 и 1899 годахъ. Оказывается, что наибольшій процентъ подписчиковъ (около $^1/_3$) составляло духовенство, затѣмъ—народные учителя.

«Хроніка і бібліографія» (стр. 147—160) по обыкновенію даетъ очень много интереснаго матеріала изъ современной жизни.

Кіевскія Университетскія Извѣстія № 1. *Протоколъ засѣданія физико-математическаго общества 28 января 1899 года.* Докладъ проф. *Н. А. Оболонскаго: Курганныя раскопки въ Херсонской губ.* (стр. 78—88). Объ этомъ см. Кіев. Стар. 1899 г., кн. 4, Археологическая лѣтопись, стр. 56.

Русская Школа № 1. Въ отдѣлѣ „Критика и библіографія" помѣщенъ сочувственный отзывъ о трудѣ В. Харламповича „Западнорусскія православныя школы XVI и начала XVII в. Отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. Казань, 1898".

Slovanský přehled № 4 (1).

Dr. Ivan Franko. Leśa Ukrajinka (Леся Українка) (стр. 161—162). (Объ этомъ см. Кіев. Стар. 1900 г., кн. 2, стр. 120—121).

Růžena Iesenská: Z nove poesie rusinské. Leśa Ukrajinka (стр. 163—169). (См. тамъ-же).

Въ отдѣлѣ «Rozhledy a zprávy» (стр. 205) упоминается вкратцѣ о литературной полемикѣ въ Россіи по поводу малорусскаго языка о постановкѣ памятника Котляревскому въ Полтавѣ, о сборахъ на построеніе украинскаго театра во Львовѣ.

То-же № 5 (2).

Въ отдѣлѣ „Rozhledy a zprávy" (стр. 244—246) приводятся данныя статистики эмиграціи изъ Галиціи,—по преимуществу русиновъ; упоминается о результатахъ археологическаго съѣзда,— «неутѣшительныхъ, не малой причиной чему послужили старанія нѣкоторыхъ русскихъ участниковъ съѣзда не допустить малорусскій языкъ на съѣздѣ»; о крупныхъ партійныхъ перемѣнахъ въ Галиціи, народномъ съѣздѣ и выработанной имъ программѣ дѣйствій.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 2 «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщена статья *А. Л.* «*Начало года въ Малороссіи*» (Изъ народно-бытовой жизни).

Авторъ знакомитъ читателей съ нѣкоторыми наиболѣе характерными обычаями, обрядами и повѣрьями, соединяемыми съ началомъ новаго года: щедрый вечиръ, щедривкы, гаданья подъ новый годъ посыпанье, голодная кутя, Іордань.

—

Въ № 3 «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщена статья *А. Л.* «*Праздникъ Срѣтенія Господня въ Малороссіи*». Авторъ, указавъ на стремленіе народа къ олицетвореніямъ явленій природы, и къ освѣщенію всей бытовой обстановки высшими религіозными, христіанскими идеями, отмѣчаетъ наиболѣе характерные факты послѣдняго: «Стричене» («зима зъ литомъ стричаеться»), «Громныци», освященіе воды на Срѣтеніе и ея примѣненіе, какъ медицинскаго средства (отъ «прыстрита»).

—

Въ № 4 «Подольскихъ Епархіальн. Вѣдомостей» помѣщена статья *А. Т.* „*Церковно-приходская школа и католики—малороссы*".

Авторъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что среди болѣе чѣмъ двухмилліоннаго населенія Подоліи—православныхъ малороссовъ есть около 20 тыс. католиковъ-малороссовъ, у которыхъ и происхожденіе, и исторія, и языкъ общи,—разница лишь въ вѣроисповѣданіи. Они живутъ и теперь, какъ и прежде, общею жизнью, общими интересами, говорятъ на одномъ и томъ-же родномъ языкѣ.

—

Въ № 6 «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» г. *Н. Я.* помѣстилъ некрологъ Николая Сильвестровича Гогоцкаго,—уроженца и дѣятеля Подоліи. Упоминается, что онъ «глубоко интересовался общеславянскимъ вопросомъ и дѣломъ православія заграницей и въ Холмской Руси». Изъ трудовъ его упоминаются между прочимъ: статья о народныхъ дѣятеляхъ въ Галиціи—«Святоюрцахъ» (Под. Еп. Вѣд. 1883, № 11), «Духовенство Подольской епархіи въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія» (въ 8 вып. «Трудовъ Подольск.

Епарх. [Ист.-Стат. Комитета»), «Замѣтка по поводу записокъ А. А. Солтановскаго («Кіевск. Стар.» 1895, кн. XI).

—

Въ 1—4 «Волынск. Епархіальн. Вѣдомостей»—продолженіе «Историко-статистическ. описанія церквей и приходовъ Волынской епархіи» (Ковельскій у.).

—

Въ №№ 63 и 64 пр. года «Полтавск. Губ. Вѣдомостей» помѣщена статья *Б. Бучневича* «*Матеріалы для исторіи соборной Успенской церкви въ г. Полтавѣ*». Авторъ, на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ старыхъ архивныхъ дѣлъ Полтавской городской полиціи за 1752—1753 годы, сообщаетъ интересныя и подробныя свѣдѣнія о постройкѣ соборной церкви въ Полтавѣ, начатой еще въ 1748 году.

—

Въ кн. 11 пр. г. «Земскаго Сборника Черниговской губерніи» начатъ печатаньемъ трудъ *О. Б.* «Женщина въ малорусскихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ» (стр. 72—75).

—

Въ 26 вып. «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», Тифлисъ, 1899 г., стр. 156—157—помѣщенъ некрологъ Н. И. Гулака. Приведены точныя свѣдѣнія о его служебной дѣятельности.

—

Въ № 1—2 январскаго ежемѣсячнаго приложенія къ газетѣ «Жизнь и Искусство» помѣщена статья *А. Л—каго*, съ приведеніемъ біографическихъ данныхъ и оцѣнкой драматической дѣятельности извѣстнаго нашего драматурга и артиста Ивана Карповича Тобилевича (Карпенко-Караго).

Подобныя же статьи помѣщены въ № 3—4 февральскаго приложенія къ той же газетѣ: В. Мировця—посвященная Николаю Карповичу Тобилевичу (Садовскому) и С. Е—ова—Афанасію Карповичу Тобилевичу (Саксаганскому). Указанныя статьи заключаютъ въ себѣ очень цѣнныя данныя для исторіи развитія украинскаго театра. Ко всѣмъ тремъ статьямъ приложены портреты артистовъ.

—

Въ № 2 журнала «Slovanský přehled» помѣщенъ некрологъ безвременно угасшаго неутомимаго дѣятеля, Франтишка Ржегоржа, принадлежащій перу Адольфа Черны (Černy).

Кромѣ біографическихъ свѣдѣній, приводятся указанія, въ какихъ изданіяхъ и что помѣщалъ покойный о галицкихъ русинахъ.

—

«Літерат.-Науков. Вістник», кн. II, сообщаетъ, что съ начала текущаго года произошли нѣкоторыя перемѣны въ области галицко-русской журналистики. Журналъ «Будучність», выходившій два раза въ мѣсяцъ начиная со второй половины 1899 г., прекратилъ свое существованіе. На мѣсто его явилось два новыхъ: «Молода Україна» (о 1-мъ № см. предыдущ. кн. Кіевск. Стар., стр. 123—4), и «Воля»—органъ укр.-русскихъ соціалъ-демократовъ, двухнедѣльный. Популярный еженедѣльный журналъ «Свобода» началъ печататься фонетическимъ правописаніемъ; редакторомъ его состоитъ д-ръ О. Охримовичъ, бывшій редакторъ «Будучности». Также и американская «Свобода» начала печатать фельетоны фонетическимъ правописаніемъ. Фельетону предшествуетъ вступительная статья «Пишім фонетикою», въ которой поясняется, отчего нѣкоторые противъ нея и почему слѣдуетъ придерживаться этого правописанія.

Вышеприведенныя извѣстія пополняются любопыт. свѣдѣніями корреспонд. Сѣв. Кур.: «Во Львовѣ съ новаго года появились два новыя изданія, посвященныя интересамъ учащейся молодежи: польскій «Promień» и малорусскій «Молода Україна». Оба изданія, призванныя служить, главнымъ образомъ, цѣлямъ научнаго и общественнаго развитія молодежи, безъ различія пола, производятъ выгодное впечатлѣніе своимъ содержаніемъ, дешевизной и внѣшностью. Интересно въ нихъ и то, что въ обоихъ изданіяхъ нѣтъ и слѣда національнаго шовинизма, который за немногими исключеніями такъ характеренъ для галицкихъ дѣятелей печати. Молодые органы по-братски привѣтствуютъ другъ друга и горячо рекомендуютъ своимъ читателямъ: «познать все, чтобы все полюбить, и полюбивши работать неустанно, горячо, всей молодой силой, всю жизнь»,—вотъ девизъ, избранный обоими изданіями.

—

Въ №№ 22, 23 и 24 львовскаго журнала «Учитель» помѣщена статья Ант. Павенцкаго «Початок і розвій шкільництва на Руси».

Отмѣтивъ лѣтописныя указанія на существованіе школьнаго дѣла на Руси еще съ XI вѣка, авторъ останавливается на ставропигійскомъ братствѣ и его школѣ, указываетъ на значеніи послѣдней для

всей Юго-Западной Руси. Въ заключеніе, авторъ въ краткихъ словахъ говоритъ о положеніи школьнаго дѣла въ Галицкой Руси въ XVIII и XIX в.в.

—

Въ № 2 за 1899 г. журнала «Zeitschrift des Vereins für Volkskunde» профес. берлинск. университета А. Брикнеръ помѣстилъ обзоръ этнографическихъ работъ у славянскихъ народовъ (кромѣ Россіи) подъ загл. „Slavische Volkskunde Übersicht periodischer Publikationen bei Böhmen, Bulgaren, Kleinrussen, Polen, Serbo-Kroaten, Slovaken, Slovenen". Изъ украинско-русскихъ изданій профес. Брикнеръ отмѣчаетъ съ большой похвалой 5 томовъ «Этнографічного Збірника», 1 томъ «Этнольогічних Материалів» и т. I. Франка «Апокріфи і легенди з українських рукописів».

—

Ор. Авдикович. Поэзия і проза. Львів, 1899. Накладом А. Хойнацького, стр. 158, in 8°. Ціна 80 кр. (Содержаніе: 1. Поэзия і проза. 2. Матвій Цьома. 3. З балю. 4. Химери. 5. Штири нові. 6. Іменини панни Зиновіі. 7. Проблеми).

Библіографическій указатель литературы о Кубанской области, Кубанскомъ козачьемъ войскѣ и Черноморской губерніи. Отдѣлъ I. Археологія, нумизматика, археографія, исторія, историческіе планы и карты, біографіи, некрологи и правительственныя распоряженія. Отдѣлъ II. Географія, этнографія, статистика, естествознаніе и медицина. Составилъ Е. Д. Фелицынъ, при участіи В. С. Шамрая. Екатеринодаръ 1899 г., 1—119—217.

Бібліотека 3-крайцарова. Выпускъ I. Коломыя. Накладомъ печатнѣ М. И. Бѣлоуса, 1899, стр. 16, in 8°. (Содержаніе: 1. На тлѣ прозрачного неба,—картина 2. И за що,—розсказъ. 3. Тельеграма зъ перебутого,—всѣ три г. Демона (псевд.).

Hanns Weber-Lutkow. Schlummernde Seelen. Geschichten aus Kleinrussland. Linz und Leipzig. 1900, 1—109. Ц. 1 fl, 20 kr.

Винклеръ (фонъ), П. И. Гербы городовъ, губерній, областей и посадовъ Россійской имперіи, внесенные въ полное собраніе законовъ съ 1649 по 1900 годъ. Спб. 1899 г. Ц. 10 р.

Словацький опришок Яношік в народній поэзиі. Подав *Володимир Гнатюк.* Львів, 1900, стр. 50, in 8°. (Відбитка з XXXI—II т. Записок).

Десять казок для діточок. Збірка з уст народа на Буковині. Чернівці, 1900, 1—40. Виданне Товариства «Руска Школа», II.

Жизнь, служба и приключенія мирового судьи. Изъ записокъ и воспоминаній. *И. Н. Захарьина* (Якунина). Спб. 1900 г., IV—IV, 1—146, in *16*°.

Збірник математично-природописно-лікарськоі секции Наукового Товариства імени Шевченка. Т. IV. Вип. II. Часть математична. Під редакциею Володимера Левицкого. У Львові, 1899. Ціна 50 кр. (Содержаніе: I. Володимер Левицкий: Причинок до теорні дробів тяглих групи модуловоі. II. Его же: Кілька уваг про форму інтерполяцийну Lagrange'а; Его же: Кліматичні відносини Тернополя. 4. Бібліогр. математическ.).

Лепкий. З житя. Збірка оповідань. Накладом українсько-руськоі видавничоі Спілки. Львів, 1899. (ч. 12). (Содержаніе: 1. Поэзия. 2. Аванз. 3. Підписався. 4. Для брата. 5. Дідусь. 6. Небіщик. 7. Хлопка. 8. Скапи).

Лихачевъ, Н. П. Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. Три части. Спбр, 1899 г. Ц. за три ч. съ атласомъ 60 р.

Людові університети. Відчит *Евгена Косевича.* Львів, 1900, ст. 23, in 8° (Відбитка з I кн. Л.-Н. Вістника).

Любка, или сватанье въ с. Рихмахъ. Оперетта въ 4-хъ дѣйствіяхъ. (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина)». Кіевъ, 1900, 1—50.

В. П. Науменко. Рѣшенъ-ли проф. Т. Д. Флоринскимъ вопросъ о книжной малорусской рѣчи? (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1900, 1—31.

Н. М. Донесеніе венеціанца Альберто Вимина о козакахъ и Б. Хмельницкомъ (1656 г.) (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1900, 1—14.

Национальна бібліотека. ч. 2. Фр. Енгельс: Людвіг Фаербах. Переклад Будового. Накладом українсько-руськоі видавничоі Спілки. 1899., Львівъ, ст. 62, in 8°. Ц. 25 кр.

Про останки первісного комунізму у Бойків-Верховинців у Скільскім і Долинськім судовім повіті. Подав. др. *В. Охримович.* Львів, 1900, стр. 16, in 8° (Одбитка з XXXI—II т. Записок).

Памятная книжка Волынской губ. на 1900 годъ. Подъ ред. Леонтьева. Житоміръ, 1900 г. Ц. 1 р. 30 к.

Пейверинтъ П.—Морозъ.—Переклавъ Гнатъ Галайда. № 6. Харькивъ, 1900 г., in 32°, стр. 1—16. Цина 2 к.

Ромзевичъ, Н. К. I. Правильное производство слова «человѣкъ». II. Замѣтка о словѣ «Русь» (Отдѣльный оттискъ изъ «Филологичесвихъ замѣтокъ»). Воронежъ, 1899, 1—16+6+1.

Романовъ Е. Р. Указатель къ неоффиціальной части «Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» съ 1839 по 1898 годъ. Могилевъ-Губернскій, 1899.

Українські козаки въ 1625—30 рр. Критично-історичні розвідки *Стефана Рудницького.* Львів, 1900, ст. 76, in 8⁰. (Відбитка з XXXI—II т. Записок).

Симони Павелъ. Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій. Вып. 1. Спб. 1899 г. Ц. 2 руб.

Синюк Іван. Образки з житя і природи. Чернівці, 1900, 1—48. Видание Товариства «Руска Школа». I.

Словарь российсько-український. Том четвертий. С—V. Зібрали і впорядкували М. Уманець і А. Спілка. Львів, 1900, 1—238 (з друкарні Наукового Товариства імени Шевченка).

Тутковскій П. Къ геологіи Луцкаго уѣзда, Волынской губ. (Оттискъ изъ «Ежегодника по геологіи и минералогіи Россіи», т. II, вып. 7). Варшава, 1899, in 4⁰, стр. 1—9.

Kontrakty Kijowskie. Szkic historyczno—obyczajowy (1798—1898). Skreslił Henrik Ułaszyn. Sptrb. 1900 r.

Успенскіе, М. Ив. и В. Ив. Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. Переводы изъ собранія И. В. Тюлина. Спб. 1900. Ц въ папкѣ 35 р.

Руский сьпіваник. Зібрав Кость *Федьків.* Другий наклад. Коштом товариства „Просьвіта". У Львові, 1900., ст. 198, in 8⁰. Ц. 4 кр.

Уілліям Шекспір. Приборкана гоструха. Комедия в 5 діях з передогрою. Переклад П. А. Куліша. Виданий з передмовою і поясненнями Др. Ів. Франка. Накладом українсько-руськоі видавничоі Спілки. Львів, 1900, I—XV, 1—117.

Украинськи письни. Зъ нотамы. Зибравъ А. Конощенко. Одесса, 1900 г., 1—136, in 16⁰. Ц. 30 к.

Юбилейный Сборникъ въ честь Всеволода Ѳедоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. Подъ редакціей Н. А. Янчука. Москва, 1900, in folio, I—XXII, 1—368 (съ портретомъ юбиляра). Цѣна 3 рубля.

Археологическая лѣтопись.

Къ вопросу о программѣ Кіевскаго Музея Древностей и Искусствъ.

Мысль о необходимости устройства въ Кіевѣ музея, давно существовавшая среди мѣстнаго общества, получила наконецъ осуществленіе—у насъ есть музей. Въ этомъ отношеніи Кіевъ опоздалъ сравнительно съ нѣкоторыми другими городами, даже небольшими, какъ европейской, такъ и азіатской Россіи, гдѣ давно уже существуютъ областные музеи, носящіе тотъ или другой характеръ. Въ однихъ изъ нихъ, наряду съ собраніями культурно-историческими, получили мѣсто и коллекціи естественно-историческія, другимъ, такихъ большинство, приданъ характеръ хранилищъ почти исключительно памятниковъ старины—таковы музеи, устраиваемые при губернскихъ архивныхъ комиссіяхъ; есть наконецъ музеи, гдѣ преобладаетъ художественная сторона, укажемъ напр., на Саратовскій Радищевскій музей.

Областные музеи, собственно говоря, и должны заключать въ себѣ собранія по всѣмъ тремъ вышеуказаннымъ отдѣламъ, должны собирать все, что такъ или иначе характеризуетъ край, въ его прошломъ и настоящемъ, не забывая при этомъ и обще-образовательныхъ цѣлей. Эти послѣднія, само собой разумѣется, немного расширяютъ программу музеевъ, раздвигая рамки за предѣлы данной области, но въ этомъ отношеніи интересно, главнымъ образомъ, лишь то, что является найболѣе характернымъ для другихъ областей, странъ, частей свѣта.

Въ большихъ центрахъ, гдѣ много научныхъ и художественныхъ силъ, гдѣ налицо и сравнительно большія матеріальныя средства, возможна и болѣе широкая постановка дѣла, выражающаяся въ спеціализаціи различныхъ отраслей знанія и искусства, путемъ устройства самостоятельныхъ музеевъ.

Такъ поставлено дѣло во многихъ большихъ городахъ за границей, въ такомъ положеніи, отчасти, находится оно и въ нашихъ столицахъ. Здѣсь мы имѣемъ музеи естественно-историческіе, историческіе и археологическіе, этнографическіе, изящныхъ искусствъ и, наконецъ, художественно — промышленные. Каждый изъ нихъ, помимо общихъ, преслѣдуетъ свои особыя цѣли, для развитія каждый требуетъ особой организаціи, для завѣдыванія—спеціалистовъ по той или другой отрасли.

При менѣе благопріятныхъ условіяхъ для такой спеціализаціи музеевъ, всѣ ихъ разновидности могутъ быть сведены къ двумъ большимъ группамъ, первую изъ которыхъ составляли-бы собранія *естественно-историческія*, вторую—*культурно-историческія*.

Намъ кажется, что г. Кіевъ именно и нужно отнесть къ числу тѣхъ городовъ, гдѣ музеи могутъ осуществиться въ только что указанной формѣ. На большее не хватитъ силъ. Что касается собраній естественно-историческихъ, то мысль о такого рода музеѣ была поднята лѣтъ десять тому назадъ въ Кіевскомъ Обществѣ Естествоиспытателей; по проекту Общества рамки музея даже были расширены за предѣлы естественно-исторической области. Впослѣдствіи, мысль эта была забыта и проектъ музея украсилъ собой очень длинный рядъ нашихъ «благихъ начинаній». Такого рода музей могли-бы вполнѣ замѣнить существующія при университетѣ кабинеты и обранія; одно время они были доступны для публики, теперь-же почему-то закрыты и кіевлянамъ придоставлены для удовлетворенія своей любознательности наѣзжающіе время отъ времени «папоптикумы»... Мы не знаемъ причинъ такого рѣшенія, но онѣ, если и существуютъ, не представляются настолько серьезными, чтобы ради нихъ совершенно закрыть доступъ. Какъ на примѣръ, укажемъ на Варшавскій университетъ, гдѣ нѣсколько разъ въ недѣлю открытъ для всѣхъ зоологическій кабинетъ, привлекающій массу публики; повидимому, это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ правильному функціонированію учрежденія [1]).

[1]) Мы имѣемъ свѣдѣнія, что по устройствѣ кабинетовъ Кіевскаго политехническаго института, предполагается открыть ихъ и для посторонней публики,—можно только порадоваться такому намѣренію; единственное неудобство, съ которымъ

Перейдемъ теперь ко второй группѣ—собраніямъ культурно-историческимъ. Для нихъ уже есть мѣсто—Музей Древностей и Искусствъ. Мы въ общихъ чертахъ и постараемся намѣтить программу его дѣятельности, поскольку таковая представляется намъ наиболѣе подходящей при мѣстныхъ условіяхъ. Отдѣлы, которые долженъ совмѣщать въ себѣ музей, по нашему мнѣнію, слѣдующіе: антропологическій, историческій, съ подраздѣленіемъ на памятники доисторическіе и историческіе, художественный, художественно-промышленный и этнографическій.

Позволяемъ себѣ нѣсколько подольше остановиться на каждомъ изъ этихъ отдѣловъ.

Въ виду того положенія, какое заняла въ послѣднее время *антропологія*, понимая этотъ терминъ въ его широкомъ значеніи когда антропологіи посвящены спеціальныя школы, когда устраиваются спеціальные антропологическіе музеи, нечего и думать поставить въ цѣломъ объемѣ этотъ отдѣлъ въ музеѣ, придавъ ему самостоятельное значеніе,—это значило-бы включить въ него и доисторическую археологію и этнографію. Роль этого отдѣла, по нашему мнѣнію, должна ограничиться болѣе скромной задачей: собирать и хранить антропологическій матеріалъ, относящійся, главнымъ образомъ къ прошлому населенію края, не исключая, конечно, и цѣлей общеобразовательныхъ, для чего въ отдѣлѣ могутъ занять мѣсто и предметы, характеризующіе физическую сторону современнаго населенія, сравнительныя коллекціи и таблицы и т. п. Составляющія необходимую принадлежность антропологическихъ музеевъ коллекціи по первобытной культурѣ какъ прошлой, такъ и современной, найдутъ себѣ мѣсто въ отдѣлахъ археологическомъ и этнографическомъ.

Одно изъ самыхъ видныхъ. если не самое видное мѣсто въ музеѣ, долженъ занять *отдѣлъ историческій*. Всѣ условія къ этому налицо: многовѣковая древность Кіева, бывшаго культурнымъ центромъ обширной области, въ зависимости отъ этого масса древностей, оставленныхъ различными народностями, жившими подолгу или бывшими временными гостями южно-русскихъ степей. Вполнѣ справедливо замѣтилъ одинъ изъ видныхъ русскихъ археологовъ, что въ Россіи, по богатству археологическихъ находокъ, первенствуютъ только Черноморское побережье, Кавказъ и Кіевская область.

придется считаться,—это удаленность института отъ наиболѣе населенныхъ городскихъ центровъ.

Уже и теперь въ музеѣ положено солидное основаніе для древне-каменной эпохи коллекціей, пріобрѣтенной у г. Хвойко, есть много предметовъ по ново-каменному вѣку и по переходной эпохѣ отъ камня къ металлу. Не заставятъ себя долго ждать памятника скифскіе и скифосарматскіе—нѣсколько коллекцій, преимущественно заключающихъ эти памятники, уже обѣщаны музею,—останется лишь дополнять ихъ; несомнѣнно, съ теченіемъ времени, можно будетъ подобрать коллекцію и типичныхъ предметовъ эпохи переселенія народовъ. Затѣмъ идутъ древности славянскія какъ языческаго періода, такъ и христіанскаго, княжескаго. Гдѣ-же ихъ и собирать, какъ не въ Кіевѣ? По отношенію къ памятникамъ велико-княжеской эпохи, Кіевъ и Кіевская область занимаютъ единственное положеніе—собраніе этихъ памятниковъ можетъ быть составлено по широкой системѣ, подобрано въ деталяхъ—матеріалъ найдется. Гораздо труднѣе будетъ идти составленіе коллекцій для послѣдующихъ вѣковъ, вплоть до настоящаго времени. Здѣсь придется считаться съ тѣмъ, довольно страннымъ на первый взглядъ, фактомъ, что чѣмъ ближе эпоха къ намъ по времени, тѣмъ меньше сохранилось памятниковъ ея матеріальной культуры, принимая, конечно, это положеніе съ нѣкоторыми ограниченіями. Но можно надѣяться, что постепенно будетъ пополняться и этотъ отдѣлъ.

Прилагая къ организаціи историческаго отдѣла тѣ цѣли, которыя должны лечь въ основу общей организаціи музея,—цѣли чисто научныя и общеобразовательныя, необходимо придется вести и собираніе въ двухъ направленіяхъ: для научнаго изученія памятниковъ старины интереснѣе всего будутъ памятники мѣстные; ихъ здѣсь, на мѣстѣ, можно собирать систематически, не оставляя безъ вниманія даже мелочей—для науки интересна каждая мелочь. Въ видахъ-же знакомства публики съ характерными особенностями памятниковъ старины и другихъ областей Россіи, а также и другихъ странъ, необходимо включить въ собранія музея и таковые, но включить съ извѣстнымъ выборомъ—мелочи для этой цѣли излишни, онѣ лишь будутъ служить помѣхой.

Слѣдя за совершенствованіемъ тѣхъ или другихъ предметовъ на цѣломъ протяженіи вѣковъ, слѣдя за успѣхами техники въ ихъ изготовленіи, мы замѣчаемъ также какъ все съ большей и большей силой проявляется на нихъ и то стремленіе къ красотѣ, которое инстинктивно чувствовалось уже человѣкомъ каменнаго вѣка, имѣв-

шемъ въ своемъ распоряженіи для проявленія этого чувства лишь кусокъ кости, да комокъ глины. Постепеннно совершенствуясь, это чувство красоты еще въ очень отдаленныя отъ насъ времена приблизилось къ современному пониманію искусства. Не отвлекаясь въ сторону, не выходя за предѣлы нашей области, мы можемъ указать на образчики искусства греческихъ черноморскихъ колоній, на нѣкоторые предметы эпохи переселенія народовъ, наконецъ, на памятники княжеской эпохи. Все это можно будетъ найти въ историко-археологическомъ отдѣлѣ и все это можетъ служить естественнымъ переходомъ къ чисто *художественному отдѣлу*. Трудно конечно опредѣлить, что́ должно войти въ этотъ отдѣлъ—все, что носитъ печать художественности, что можетъ доставить эстетическое наслажденіе, что будетъ вліять на развитіе вкуса, свое или чужое—все это желательно для отдѣла. Конечно и здѣсь систематичность, подборъ играютъ не меньшую, если не большую роль, чѣмъ въ другихъ отдѣлахъ, но осуществленіе этихъ задачъ очень трудно, требуетъ большихъ матеріальныхъ жертвъ; для примѣра возьмемъ хотя-бы устраиваемый въ настоящее время Московскій музей изящныхъ искусствъ—Кіеву еще пока нечего и мечтать о такомъ учрежденіи. Но какъ бы тамъ ни было, если будетъ хотя и небольшой отдѣлъ, посвященный искусству, составленный изъ оригиналовъ и, главнымъ образомъ, копій, онъ всетаки сослужитъ свою службу для болѣе широкихъ классовъ публики, лишенныхъ до сихъ почти совершенно возможности видѣть и изучать образчики изобразительнаго искусства и развиваться въ этомъ направленіи, результаты чего сказываются даже во внѣшней физіономіи города. Устройство художественнаго отдѣла, быть можетъ, повліяетъ также и на мѣстные художественныя силы, повліяетъ въ смыслѣ объединенія ихъ, привлеченія новыхъ, подвинетъ на болѣе интенсивную работу...

Въ тѣсной связи съ двумя предыдущими отдѣлами находится и предполагаемый къ устройству *художественно-промышленный отдѣлъ*. Если мы примемъ въ соображеніе, что въ давнее время искусство носило, главнымъ образомъ, прикладной характеръ, то отсюда ясно, что историческій отдѣлъ музея, заключая образчики подобнаго рода, этимъ самимъ составитъ какъ-бы часть художественно-промышленнаго отдѣла. То-же самое, въ извѣстной степени, относится и къ художественному отдѣлу.

Въ послѣднее время все чаще и чаще раздаются голоса за поднятіе нашихъ ремеслъ, путемъ внесенія въ нихъ элемента художественности. Сильное развитіе въ послѣднія десятилѣтія фабричнаго производства, выпускавшаго на рынокъ милліоны предметовъ, изготовленныхъ по шаблану, съ самыми жалкими намеками на красоту, имѣло результатомъ притупленіе въ массѣ стремленій къ изящному, извращеніе вкуса, полное обезличеніе тѣхъ многочисленныхъ предметовъ домашняго обихода, съ которыми намъ ежеминутно приходится имѣть дѣло и которые помимо воли дѣйствуютъ на насъ своимъ видомъ, формами, красками. Протесты отдѣльныхъ личностей противъ такого направленія промышленности переходятъ наконецъ въ болѣе обширные круги общества, художники также идутъ навстрѣчу этому движенію, принимаются мѣры и правительствомъ въ формѣ устройства художественно-промышленныхъ школъ и музеевъ. Въ виду всего этого, устройство художественно-промышленнаго отдѣла музея будетъ отвѣтомъ на насущные запросы жизни, практическіе результаты не замедлятъ сказаться. Вышеприведенныя соображенія заставляютъ поставить этотъ отдѣлъ возможно полнѣе и шире, чтобы онъ охватилъ возможно большее число отраслей индустріи. Какъ мы уже упоминали, матеріалъ для художественной промышленности прошлаго найдется въ отдѣлахъ историческомъ и художественномъ, но, помимо этого, для укомплектованія отдѣла, необходимо будетъ привлечь образчики современнаго-художественнаго производства и, по возможности, собрать демонстративныя коллекціи по техникѣ различныхъ производствъ, чтобы посѣщающій музей, кромѣ впечатлѣній отъ осмотра художественныхъ образцовъ, могъ вынесть и нѣкоторыя практическія познанія. Эти сображенія заставляютъ насъ пожелать художественно-промышленному отдѣлу возможно полнаго и разнообразнаго содержанія.

Послѣдній отдѣлъ музея, который будетъ служить необходимымъ дополненіемъ къ вышеперечисленнымъ, — *отдѣлъ этнографическій.* Само-собой разумѣется, что здѣсь придется обратить главное и почти исключительное вниманіе на внѣшнюю, матеріальную сторону народной жизни. Народъ является единственнымъ хранителемъ прошлаго: въ его постройкахъ, костюмахъ, предметахъ домашняго обихода, въ тѣхъ орнаментахъ, которыми онъ украшаетъ свои нехитрыя подѣлки, можно еще замѣтить слѣды прошлаго, они носятъ печать оригинальности, самобытности, въ нихъ сказывается характеръ народа, его отличительныя черты. Однако, новыя условія жизни, новыя потреб-

ности, не смотря на консервативность народа, постепенно вытѣсняютъ эти остатки прошлаго. Особенно въ послѣднее время нивеллировка, сказывающаяся прежде всего на матеріальной сторонѣ быта, идетъ быстрыми шагами, и недолго вѣроятно придется ждать того времени, когда наступитъ въ этомъ отношеніи полное обезличеніе народныхъ группъ. Вотъ почему необходимо теперь, пока еще не поздно, позаботиться о сохраненіи этого наслѣдія прошлаго. Этнографическій отдѣлъ, помимо чисто научнаго интереса, можетъ служить также поставщикомъ матеріала и для художника и ремесленника, такимъ образомъ, и онъ находится въ неразрывной связи съ другими отдѣлами, служа къ всестороннему освѣщенію исторіи культуры, поскольку дѣло касается матеріальной и художественной сторонъ ея. О необходимости устройства этого отдѣла можно судить по примѣру— въ музеѣ императора Александра III, посвященномъ, главнымъ образомъ, искусству, рѣшено въ послѣднее время образовать также и этнографическій отдѣлъ.

Мы коснулись въ общихъ чертахъ тѣхъ отдѣловъ, на которые, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ разбить музей; вся совокупность ихъ составитъ одно цѣлое, связанное общей идеей.

Но такому учрежденію какъ музей необходимъ еще одинъ отдѣлъ, имѣющій и самостоятельное значеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предназначенный обслуживать и дополнять также всѣ другіе отдѣлы. Имѣемъ въ виду *библіотеку*.

Самостоятельное значеніе ея ясно само собой, что же касается ея служебной роли, то мы расчленимъ ее по отношенію къ каждому изъ отдѣловъ.

Для историческаго отдѣла желательно имѣть по возможности полный подборъ литературы, касающейся мѣстныхъ древностей, а также необходимыя сочиненія общаго характера по данному предмету, руководства и справочныя изданія. Для доставленія полной возможности научнаго изученія памятниковъ мѣстной старины большую услугу можетъ оказать *археологическій архивъ*, гдѣ-бы сосредоточивались свѣдѣнія, описанія, рисунки, фотографіи и слѣпки съ предметовъ, найденныхъ въ раіонѣ, охватываемомъ музеемъ, и хранящихся въ другихъ музеяхъ и частныхъ собраніяхъ. Сюда-же могутъ быть присоединены и отдѣльные *сборники* для той или другой мѣстности, заключающіе различнаго рода матеріалы, какъ напр. планы, общіе виды, виды отдѣльныхъ построекъ и т. п., предста-

влявшіе бы въ совокупности наглядную исторію данной мѣстности. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто долженъ занять конечно Кіевъ съ его многовѣковымъ прошлымъ, матеріала для такого сборника для г. Кіева найдется достаточно, но въ настоящее время онъ такъ разрозненъ, разбросанъ, что пользоваться имъ нѣтъ никакой возможности.

Въ виду трудности устройства художественнаго отдѣла, библіотека явится существеннымъ дополненіемъ его. Здѣсь уже представляется полная возможность составить систематическіе альбомы снимковъ съ произведеній искусства, образовать отдѣлы гравюръ, рисунковъ, прибавить сюда художественные увражи, сочиненія по теоріи и исторіи изобразительнаго искусства.

Въ этомъ-же направленіи долженъ комплектоваться и отдѣлъ библіотеки, посвященный художественной промышленности.

По отношенію къ этнографическому отдѣлу, помимо печатныхъ источниковъ, должно быть организовано и коллекціонированіе рисунковъ и фотографій съ предметовъ народнаго быта, типичныхъ костюмовъ, построекъ, произведеній народнаго искусства и т. п.

Не лишнимъ будетъ въ библіотекѣ и отдѣлъ образчиковъ письма, особенно снабженныхъ заставками и вообще орнаментированныхъ.

Можно также включить въ библіотеку и *отдѣлъ памятный*, посвященный выдающимся ученымъ, писателямъ, артистамъ или общественнымъ дѣятелямъ, мѣстнымъ уроженцамъ или посвятившимъ свою дѣятельность краю.

Болѣе детальное выясненіе программы дѣятельности музея, болѣе полное распредѣленіе его на отдѣлы, прибавленіе къ намѣченнымъ нами еще новыхъ—дѣло будущаго. Пока-же и то, что предположено, для успѣшнаго выполненія потребуетъ и силъ и затратъ; польза такихъ учрежденій, какъ Кіевскій Музей Древностей и Искусствъ не требуетъ поясненій; поэтому мы и позволяемъ себѣ надѣяться, что мѣстное общество придетъ на помощь новому дѣлу и не останется глухо къ насущнымъ потребностямъ мѣстной жизни, удовлетворять которыя по мѣрѣ возможности и составляетъ задачу музея.

Н. Бѣляшевскій

Ученыя общества.

Кіевское церковно-археологическое общество въ 1899 году. Церковно-археологическое общество при кіевской духовной академіи въ отчетномъ году вступило въ 28-й годъ своего существованія. Членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ и членовъ-корресподентовъ въ немъ насчитывается теперь свыше 180.

Въ 1899 году въ состоящій при обществѣ музей поступило отъ 98 учрежденій и лицъ до 635 №№ предметовъ и книгъ, которые, вмѣстѣ съ поступленіями прежнихъ лѣтъ, составятъ цифру до 30,197 №№.

Изъ этихъ поступленій наибольшій мѣстный археологическій интересъ имѣютъ памятники церковной архитектуры, живописи, скульптуры и разной утвари церковной, найденные въ самомъ Кіевѣ. Изъ Кіево-Печерской лавры доставлены найденные вмѣстѣ съ монетами подъ поломъ на хорахъ великой лаврской церкви, такъ называемые „голосники“, глиняныя и ценинныя плитки, указывающія на способъ постройки и украшенія великой Лаврской церкви въ концѣ XI вѣка. Къ числу наружныхъ украшеній этой церкви относится также изображеніе креста на кускѣ штукатурки надъ однимъ изъ олтарныхъ оконъ ея, а складной эмальированный крестъ изъ Троицкой церкви надъ св. вратами лавры, XII вѣка, представляетъ собою единственное въ своемъ родѣ произведеніе древнерусскаго искусства по своей техникѣ. Некоторые бронзовые фрагменты изъ Кіево-Михайловскаго монастыря указываютъ на древнюю церковную утварь его, можетъ быть на паникадила и подсвѣчники, а позднѣйшая шапка или митра изъ этого монастыря, первой половины XVII в., могла принадлежать кому-либо изъ тогдашнихъ митрополитовъ, жившихъ въ Михайловскомъ монастырѣ, или Іову Борецкому, или Исаіи Копинскому. Куски ценинпаго пола и фресокъ, найденные вблизи Кіево-Подольскаго Успенскаго собора, подтверждая древность этого храма, вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтельствуютъ объ его первоначальномъ благолѣпномъ украшеніи. Къ до-татарскому періоду руской исторіи относятся поступившія въ музей спорадическія находки: бронзоваго энколпіона съ изображеніемъ Богородицы, въ Кіевѣ, въ Десятинномъ переулкѣ, на усадьбѣ Слѣсаревскихъ, и бронзоваго-же энколпіона, въ Мажаровскомъ приходѣ, константиноградскаго уѣзда, полтавской губерніи. Положительную рѣдкость представляетъ изъ себя змѣевинъ свѣтло-зеленой

арабской мѣди, инкрустированный серебромъ, греческаго происхожденія и съ греческою надписью, въ которой читается имя Анастасіи, замѣчательный по своей техникѣ. Изъ остальныхъ вещей этого отдѣла могутъ быть упомянуты: серебрянный окладъ на евангеліе XVI—XVII вв., съ Кавказа, и желѣзныя вериги изъ заднѣпровской Воскресенской слободы.

Къ болѣе рѣдкимъ монетамъ, поступившимъ въ музей, принадлежатъ: одна серебрянная сассанидская и одна мѣдная сицилійско-норманская XII в. Болѣе или менѣе цѣльнымъ характеромъ отличается кладъ польско-литовскихъ и западно-европейскихъ монетъ, относящійся ко времени отъ конца XV до конца XVI в. и найденный въ дер. Залисце, луцкаго уѣзда.

Въ отдѣлѣ рукописей интересны пять рукописныхъ тетрадей покойнаго Н. П. Чернева съ рисунками разныхъ монетъ, а также двѣ связки студенческихъ записей и конспектовъ студентовъ кіевской дух. академіи XV курса (1847—1851 гг.). Послѣднія представляютъ богатый матеріалъ для характеристики научной дѣятельности кіевской академіи того времени.

Въ отдѣлѣ гравюръ и иллюстрированныхъ изданій особенную научную цѣнность имѣютъ 138 изданій изъ библіотеки покойнаго члена Н. П. Чернева по разнымъ отраслямъ археологіи и искусства.

Въ учебное время, по воскресеньямъ, церковно-археологическій музей открытъ былъ, съ 12 до 2 часовъ по полудни, для членовъ общества, студентовъ академіи и сторонней публики, а въ случаяхъ надобности—и въ другіе дни. Учащіеся другихъ учрежденій и слушатели курсовъ иногда посѣщали музей цѣлыми группами и классами. Не мало было и почетныхъ и ученыхъ посѣтителей музея, особенно во время XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. Изъ членовъ XI археологическаго съѣзда посѣтило музей до 300 членовъ и въ числѣ ихъ—заграничные ученые. Нѣкоторые изъ ученыхъ и художниковъ занимались въ музеѣ и вновь опредѣлили нѣкоторые изъ его предметовъ.

Въ 1899 г. было 9 засѣданій общества, на которыхъ прочитанъ былъ отчетъ общества и 15 рефератовъ, изъ коихъ мѣстный археологическій интересъ имѣютъ: два реферата „Объ археологической находкѣ на хорахъ въ великой церкви Кіево-Печерской лавры“, „О дачѣ братскаго монастыря Церковщинѣ“, „Видъ стараго Кіева на планѣ Кальнофойскаго 1638 года“, „Дополнительное собраніе древ-

нихъ крестиковъ и образцовъ Б. И. Ханенко", „О расписаніи стѣнъ и вообще объ украшеніи кіевскаго Владимірскаго собора", „О книгѣ каталогѣ украинскихъ древностей коллекціи В. В. Тарновскаго", „Объ упраздненной стѣнописи великой церкви Кіево-печерской лавры", „Подготовительныя работы для исторіи кіевской дух. академіи", „О кладѣ изъ золотыхъ монетъ и вещей XI в., найденныхъ въ Кіевѣ на усадьбѣ Л. И. Бродскаго, по Екатерининской улицѣ", „Историко-археологич. очеркъ г. Брянска, орловской губ., и его отношеній къ Кіеву", „Новыя данныя для исторіи древней кіевской Воздвиженской церкви", и „Что сдѣлалъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила для украшенія великой церкви Кіево-печерской лавры". Нѣкоторыя изъ этихъ рефератовъ вошли въ составъ 2-го выпуска „Чтеній въ церковно-археологич. обществѣ", изданнаго въ 1899 году съ 5-ю таблицами фототипическихъ снимковъ (17-ти монетъ и медалей лаврскаго клада). Кромѣ того, въ 1899 году продолжала занятія комиссія изъ 5-ти членовъ по приведенію въ порядокъ и описанію стараго архива кіевской дух. консисторіи.

Денежныя средства общества простираются нынѣ до 9305 рублей. (Кіевск. Сл.).

Историческое Общество Нестора Лѣтописца. Какъ уже извѣстно читателямъ „Лѣтописи", при Обществѣ была образована особая комиссія по вопросамъ объ охраненіи, описаніи и изданіи мѣстныхъ памятниковъ старины. Комиссія представила нѣсколько дезидератъ и просила Общество обратиться по поводу ихъ въ Московское Археолог. Общество [1]). Въ засѣданіи Общества Нестора Лѣт. 12-го декабря прошлаго года эти предложенія комиссіи были заслушаны. По двумъ изъ нихъ, именно, объ изданіи брошюры, гдѣ-бы были сведены постановленія правительства, касающіяся памятниковъ старины, и объ изысканіи средствъ на описаніе и изданіе памятниковъ, Общество Нестора Лѣт. обратилось въ Московское Археолог. Общество. Въ засѣданіи 23-го января былъ доложенъ отвѣтъ Моск. Общ.—отвѣтъ не вполнѣ благопріятный. По мнѣнію Моск. Общ. изданіе вышеуказанной брошюры является дѣломъ труднымъ, а отчасти и безцѣльнымъ, въ виду того неопредѣленнаго положенія, въ какомъ находятся узаконенія по данному вопросу. Отказывается также Моск. Общ. взять

---

[1]) См. „Лѣтопись" 1899 г., декабрь

на себя и дѣло по изданію памятниковъ старины,—затрудненіе лишь въ средствахъ и Общ. совѣтуетъ обратиться за помощью къ кому нпб. изъ мѣстныхъ людей, сочувствующихъ дѣлу.

—

Въ засѣданіи Имп. Русскаго Археологическаго Общества, 21-го января, проф. Н. И. Веселовскій прочелъ рефератъ на тему «Объ окрашенныхъ костякахъ». Кости бываютъ окрашены въ разные цвѣта. Наиболѣе часто въ бурый и ярко-красный цвѣта. Встрѣчаются кости окрашенныя въ розовый, бѣлый и изрѣдка желтый (въ скиѳскихъ могилахъ) цвѣтъ. По изслѣдованіи, бурая и яркокрасная краски оказались охрою и сурикомъ; профессоръ демонстрировалъ перэдъ собраніемъ рисунокъ такого окрашеннаго костяка. По его мнѣнію, окраска костяковъ—это культъ, относящійся къ бронзовому вѣку и удержавшійся очень долго у первобытныхъ обитателей юга Россіи.

Въ послѣднемъ общемъ собраніи общества проф. Веселовскій доложилъ «О раскопкахъ въ Кубанской области лѣтомъ 1899 года». Изслѣдованію подверглась мѣстность, лежащая на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта до р. Кубани. Изъ ряда сопоставленій референтъ нашелъ, что открытыя имъ погребенія относятся къ римскому времени, къ II—III вѣкамъ послѣ Рождества Христова. Интересны предметы изъ женской могилы, открытой въ верхней части курганъ, на небольшой глубинѣ. Могила эта сохранилась по счастливой случайности, такъ какъ обыкновенно вершины кургановъ раскапываются для укрѣпленія шалашей, устраиваемыхъ здѣсь для наблюденія за садами. Изъ предметовъ отмѣтимъ: прекрасно отшлифованный каменный топоръ, женскія оружія—кинжалъ, дротики; кольчатый панцырь, сосуды съ ручками, подобные находимымъ въ Помпеѣ, и пр. (Сѣв. Кур.).

Изслѣдованія и раскопки.

Нами получены XXXI и XXXII томы (въ одной книжкѣ) «*Записок Наукового Товариства імени Шевченка*» (Львовъ, 1899 г.), заключающіе въ себѣ рефераты, предназначавшіеся для прочтенія на археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, но, за недопущеніемъ малорусскаго языка, оставшіеся не доложенными. Настоящая книжка заключаетъ въ себѣ лишь часть рефератовъ, остальные войдутъ въ XXXV и XXXVI т. тѣхъ-же «Записок». Въ небольшомъ предисловіи передана исторія не-

допущенія на съѣздѣ малорусскаго языка и перечислены рефераты; ихъ всѣхъ 30: по археологіи—4, по исторіи—9, по этнографіи и фольклору—4, по языку—6, по исторіи литературы—7.

Рефераты по археологіи, исторіи, этнографіи и фольклору и составляютъ данный томъ. Мы постараемся дать краткое резюме рефератовъ по археологіи. Всѣ они принадлежатъ проф. М. Грушевскому; вотъ ихъ заголовки: 1. Похоронне поле в с. Чехах, 2. Звенигород галицький, 3. Печатка з Ступниці коло Самбора и 4. Молотівське срібло.

Послѣдній рефератъ напечатанъ въ сокращенномъ видѣ, такъ какъ содержаніе его напечатано уже раньше (въ XXV т. Записок). Мы не будемъ здѣсь говорить о немъ—читатели «Лѣтописи» знакомы съ описаніемъ этого клада. [1])

Чисто археологическаго характера первый рефератъ проф. Грушевскаго— «*Похоронное поле въ с. Чехахъ*». С. Чехи находится въ Бродскомъ у. въ Восточной Галиціи, похоронное поле расположено вблизи села на небольшой возвышенности, среди топкой, а раньше и очень болотистой мѣстности, дающей начало р. Стыру. Раскопки производились здѣсь проф. Шараневичемъ и авторомъ; всего вскрыто до 400 могилъ, причемъ авторомъ раскопано всего 14 могилъ, но зато раскопано тщательно, относительно же раскопокъ проф. Шараневича сказать этого нельзя. Въ рефератѣ авторъ приводитъ дневникъ своихъ раскопокъ и пользуется опубликованнымъ и неопубликованнымъ матеріаломъ, добытымъ раскопками проф. Шараневича.

Господствующій похоронный типъ этого могильника—погребенія скелеты находились на небольшой глубинѣ, могилы ничѣмъ не обставлены, сверху незамѣтно никакихъ насыпей. Характерная особенность погребеній—присутствіе сосудовъ возлѣ покойниковъ; сосуды зачастую бываютъ очень миніатюрны, вылѣплены отъ руки и вылѣплены очень грубо, съ плохимъ обжигомъ и даже безъ него, такъ что вполнѣ справедливо мнѣніе автора, придающаго этимъ сосудамъ ритуальное значеніе.

Кромѣ сосудовъ, при скелетахъ найдены въ большомъ количествѣ различныя украшенія изъ бронзы (шейныя гривны, браслеты, булавки височныя кольца, пуговицы и т. п.), изъ желѣза (совершенно такихъ же типовъ), изрѣдка стеклянныя бусы и очень рѣдко серебряныя;

---

[1]) См. „Лѣтопись“ 1899 г., май—Молотовскій кладъ.

украшенія. Изъ орудій—болѣе всего встрѣчено кремневыхъ и каменныхъ, цѣлыхъ и еще чаще—обломковъ, рѣже попадались костяныя, довольно часто—желѣзные ножики. Бронзовыхъ орудій совершенно не найдено.

Выше перечисленные предметы встрѣчались въ различныхъ комбинаціяхъ: были погребенія только съ бронзовыми украшеніями, или только съ каменными орудіями, или однимъ желѣзомъ, были и такія, гдѣ бронзовыя украшенія находились вмѣстѣ съ каменными орудіями или съ желѣзными и, наконецъ, гдѣ обнаружены желѣзо и камень.

Второй похоронный типъ, встрѣченный въ могильникѣ,—сожженіе, причемъ остатки сожженія помѣщались въ урны. Предметы, найденные здѣсь, ничѣмъ не разнятся отъ предыдущихъ, такъ что можно допустить, что эти два типа существовали одновременно, у одной и той-же народности.

На основаніи находокъ въ могилахъ, проф. Грушевскій относитъ похоронное поле въ Чехахъ къ періоду, переходному отъ камня къ металлу, причемъ, однако, одни изъ похоронъ онъ считаетъ болѣе ранними, другіе—болѣе поздними.

Что касаѐтся происхожденія предметовъ, то нѣкоторые изъ нихъ нужно признать мѣстнымъ производствомъ, другіе-же носятъ слѣды иноземной культуры, какъ напр. многія изъ бронзовыхъ украшеній, аналогичныя со средне-дунайскими бронзами.

Присутствіе стекла высокой техники и связь со средне-дунайской культурой даютъ поводъ автору датировать могильникъ приблизительно началомъ нашей эры. Принимая же во вниманіе географическое положеніе могильника, его культуру и предполагаемую эпоху, будетъ натуральнымъ признать въ нарадности, оставившей могильникъ, Славянъ предъ ихъ переселеніемъ на западъ или даже —поселеніе, существовавшее какъ этапъ при переселеніяхъ Славянъ до ихъ великаго переселенія. Этому не противорѣчатъ и антропологическія данныя: преобладающій типъ—длинноголовый.

Культура могильника въ Чехахъ не стоитъ одиноко,—подобная ей обнаружена еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ, какъ въ томъ-же Бродскомъ у., такъ и на галицкомъ Подольи, въ Гусятинскомъ у. О громадномъ значеніи, какое представляетъ изученіе этой культуры, охватывающей моментъ непосредственнаго перехода отъ каменнаго вѣка къ желѣзному,—нечего говорить. Задача, которая предстоитъ

изслѣдователемъ,—болѣе тщательно прослѣдить географическое ея распространеніе. Проф. Грушевскій указалъ на аналогіи въ мѣстахъ сравнительно близкихъ,—нельзя-ли раздвинуть немного рамки, сравнить съ нѣкоторыми типами могилъ въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Чехіи и Южной Баваріи? Какъ кажется, и тамъ можно найти нѣчто аналогичное. Чѣмъ больше фактовъ, тѣмъ скорѣе можно будетъ распутаться въ вопросахъ, связанныхъ съ началомъ славянства.

Другой рефератъ проф. Грушевскаго—„*Звенигородъ Галицкій*" носитъ характеръ историко-археологическаго изслѣдованія. Обратившись сначала къ довольно старой уже литературѣ вопроса и указавъ на существованіе въ конечныхъ выводахъ двухъ мнѣній о мѣстоположеніи Галицкаго Звенигорода, по одному изъ коихъ (Надеждинъ и Неволинъ, В. Ильницкій, Шараневичъ) лѣтописнымъ Звенигородомъ былъ Звенигородъ возлѣ Львова, по другому, принятому въ польской литературѣ,—Звенигородъ надъ Днѣстромъ, авторъ, рядомъ сопоставленій и доказательствъ, рѣшаетъ вопросъ въ смыслѣ перваго мнѣнія. Для подтвержденія этого вывода отдѣльныя главы реферата посвящены тщательному разбору топографіи данной мѣстности, лѣтописныхъ свѣдѣній и археологическаго матеріала. Отдѣльная глава передаетъ въ сжатомъ видѣ исторію Звенигорода, повидимому бывшаго среди Червенскихъ городовъ въ X в. и окончательно потерявшаго свое политическое значеніе въ первую четверть XIII в. Потерю значенія авторъ объясняетъ возникновеніемъ новаго центра—Львова, обладавшаго лучшими топографическими условіями сравнительно съ Звенигородомъ, расположеннымъ въ низменной мѣстности. Въ концѣ реферата приведено описаніе археологическаго матеріала, найденнаго на мѣстѣ древняго Звенигорода. Одни изъ предметовъ, какъ каменныя орудія и нѣкоторыя бронзовыя издѣлія, относятся къ досторическому времени, но большинство носитъ типичный характеръ великокняжеской эпохи и находится въ тѣсной связи съ подобными-же предметами Кіевской земли. Сюда относятся: пряслицы, стеклянные браслеты, кольца, перстни, буссы, каменные и металлическіе крестики—тѣльники, кресты—энколпіоны, поливанныя плитки и т. п. Особый интересъ представляютъ свинцовыя вислыя печати и свинцовая пломба. Одна изъ печатей принадлежитъ кіевскому митрополиту Константину—скорѣе всего Константину II-му (3-ья четверть XII в.).

Въ небольшомъ сообщеніи—*«Печать изъ Ступницы подъ Самборомъ»* дается описаніе интересной свинцовой вислой печати съ изображеніемъ Констатина и дѣлаются предположенія о ея принадлежности.

Всѣ три реферата проф. Грушевского снабжены таблицами снимковъ съ предметовъ и рисунками въ текстѣ.

Случайныя находки.

Перечень нѣкоторыхъ находокъ изъ Юго-Западной и Южной Россіи, поступившихъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію въ 1899 году.

Кіевская губ. Переломленная надвое серебряная монетная гривна обычнаго типа, найденная въ Кіевѣ г. Тимоховичемъ.

Волынская губ. 1) Въ г. Острогѣ, въ усадьбѣ г. Кващевскаго, при устройствѣ фундамента рабочими были найдены 2 наполненные золою кувшина, разсыпавшіеся на воздухѣ, и при нихъ (?) скелетъ и 2 каменные топорика. Скелетъ и топорики относятся, быть можетъ, къ каменному вѣку и составляютъ, повидимому, остатки погребенія въ сглаженномъ курганѣ. 2) Въ с. Черницы, Острожскаго у., найденъ обрубокъ золота неправильной формы, быть можетъ, монетная гривна, $93^5/_6$ пробы, вѣсомъ 6 лот. 1 зол. (гривны клада Бродскаго вѣсомъ 33 зол. и $22^1/_4$ зол.).

Подольская губ. Около 100 серебряныхъ римскихъ монетъ времени Фаустина, Антонія, Коммода и Марка Аврелія, найденныхъ при распашкѣ близь с. Забужья, брацлавской вол. Въ коммиссію доставлено было лишь 7 экз.

Херсонская губ. Изъ хищническихъ раскопокъ въ Ольвіи пріобрѣтены за крупныя суммы, терракотовая ваза съ рельефными изображеніями (арретинскаго типа), рядъ грубо вырѣзанныхъ изъ кости фигурокъ, представляющихъ совершенную новость, женская погрудная статуя римской эпохи и блюдо изъ мрамора.

Полтавская губ. 1) Вещи изъ кургана, раскопаннаго на частной землѣ близь с. Еремѣевки, Золотоношскаго уѣзда: отличное овальное плоское блюдо изъ песчаника, обычной формы, но съ носкомъ, желѣзный топоръ и часть изоржавѣвшаго желѣзнаго копья. 2) Электровый большой (11 стм. въ діаметрѣ) предметъ въ видѣ

колокольчика и до 140 мѣдныхъ стрѣлокъ, найденныхъ при скелетѣ въ «Дзюбиной могилѣ» близъ с. Жовнино, того-же уѣзда. Подобный предметъ въ 1861 г. И. Е. Забѣлинымъ былъ найденъ въ Острой Томаковской мог. Екатеринославской губ. Курганъ этотъ заключалъ въ себѣ нѣсколько окрашенныхъ костяковъ, а сверху нѣсколько впускныхъ погребеній.

Кубанская обл. 1) Великолѣпное собраніе золотыхъ, серебряныхъ, стеклянныхъ и другихъ подѣлокъ изъ 4-хъ кургановъ, раскопанныхъ на частной землѣ крестьянъ хут. Зубова, Темрюкскаго отд. Вещи имѣютъ аналогіи въ сибирскихъ древностяхъ и въ извѣстномъ Новочеркасскомъ кладѣ. Судя по бусамъ, фибуламъ и различнымъ другимъ подѣлкамъ, зубовскія вещи должны быть отнесены ко времени II—III вв. по Р. Х. Слѣдовательно, къ этому же времени долженъ быть, приблизительно, относимъ и Новочеркасскій кладъ. Изъ предметовъ коллекціи особенное вниманіе возбуждаетъ рядъ золотыхъ бляхъ, украшенныхъ стекломъ и эмалью, и изоржавѣвшая серебряная чашка съ греческою надписью IV в. до Р. Х., гласящею о пожертвованіи ея храму Аполлона на Фасидѣ (р. Ріонъ). Очевидно, чашка эта была похищена изъ храма и служила варвару.

2) Грубой работы золотая овальная фибула, украшенная гнѣздами изъ стекла и золотыми кружками. Найдена въ Екатеринодарѣ.

3) Перечеканенная золотая пантикапейская монета, найденная въ с. Греческомъ.

4) Мѣдное зеркало съ изображеніемъ рыбъ въ волнахъ, 2 серьги въ видѣ вопросительнаго знака и 2 бубенчика, найденные при случайной раскопкѣ кургана въ ст. Кавказской. Вещи должны быть отнесены приблизительно къ XIV в.

Разныя извѣстія.

Въ январѣ состоялся въ Петербургѣ III-й Съѣздъ Русскихъ Зодчихъ. Изъ рефератовъ, касающихся историческихъ памятниковъ, отмѣтимъ докладъ проф. Н. В. Султанова объ охраненіи памятниковъ древности. Докладчикъ напомнилъ, что при открытіи съѣзда многими делегатами были высказаны пожеланія, чтобы наше зодчество разрабатывало бы свои національные элементы. Пожеланія эти, повидимому, совпали съ направленіемъ многихъ зодчихъ, чему служитъ

доказательствомъ архитектурная выставка. На ней не мало художественныхъ проектовъ исполненныхъ въ древне-русскомъ стилѣ. Безспорно авторовъ этихъ проектовъ вдохновляли наши древніе историческіе памятники, въ которыхъ зодчій можетъ черпать неистощимый матеріалъ для своихъ трудовъ. Къ сожалѣнію, памятники у насъ не только плохо сохраняются, но приходятъ въ разрушеніе и гибнутъ. Гибнутъ они и подъ ударами всесокрушающаго времени, и отъ стихійныхъ и атмосферныхъ вліяній, гибнутъ также и отъ невѣжества любителей современнаго церковнаго великолѣпія. Заботиться о памятникахъ некому, и хотя дѣйствующій законъ возлагаетъ заботу о поддержаніи и сохраненіи памятниковъ древности на министерство внутреннихъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе, законъ остается мертвой буквой и въ жизни не примѣняется. Руское общество не можетъ оставаться равнодушнымъ и видѣть, какъ памятники старины одинъ за другимъ исчезаютъ съ лица земли, а потому Н. В. Султановъ предложилъ съѣзду обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою исходайствовать пересмотръ тѣхъ статей нашего законодательства, которыя касаются охраны древнихъ памятниковъ и принять мѣры, которыя обезпечивали бы дѣятельность ученыхъ учрежденій и обществъ для охраны памятниковъ старины.

Съѣздъ зодчихъ по докладу проф. Султанова постановилъ ходатайствовать передъ правительствомъ о принятіи мѣръ по охранѣ памятниковъ древности. Но министерство внутреннихъ дѣлъ, оказывается, предупредило это ходатайство, оно какъ мы слышали, обратило вниманіе на разрушеніе древнихъ памятниковъ и рѣшило возложить заботы по охранѣ и реставраціи ихъ на мѣстные строительные органы и пригласить для совмѣстной работы съ ними губерскія архивныя комиссіи, археологическія общества, городскія и земскія общественныя управленія и общества любителей старины. При этомъ само министерство будетъ относить въ свои смѣты извѣстныя суммы на поддержаніе древнихъ памятниковъ. (Сѣв. Кур.).

Московское археологическое общество обратилось въ Воронежскій статистическій комитетъ съ предложеніемъ прислать депутатовъ для участія въ дѣятельности предварительнаго комитета по XII археологическому съѣзду, въ программу котораго входитъ изученіе «мѣстности по Дону» и въ частности Воронежской губерніи. Между

членами Воронежскаго губернскаго статистич. комитета, принимавшими участіе въ трудахъ археологич. съѣздовъ, такое предложеніе вызвало желаніе, въ видахъ лучшей подготовки къ Харьковскому съѣзду, организовать въ г. Воронежѣ спеціальное учрежденіе для изученія губерніи въ археологическомъ отношеніи. Подобное учрежденіе, въ видѣ *«Воронежской архивной коммиссіи»*, могло-бы въ бодущемъ послужить также къ упорядоченію архивнаго дѣла въ губерніи и научной разработкѣ мѣстныхъ древнихъ актовъ. Желаніе любителей мѣстной старины, по преимуществу учителей среднихъ учебныхъ заведеній г. Воронежа, конечно, не останется безъ удовлетворенія, какъ со стороны воронежскаго губернатора, къ которому они обратились съ просьбой о ходатайствѣ его подѣлу объ открытіи арховной коммиссіи, такъ и археологическаго института, стоящаго во главѣ архивныхъ коммиссій, и г. министра внутреннихъ дѣлъ; но это дѣло можетъ затормазиться вслѣдствіе недостатка необходимыхъ матеріальныхъ средствъ. (Итор. Вѣстн.).

—

Переходъ музея В. В. Тарновскаго къ Черниговскому земству, не смотря на то, что музей находится еще въ Кіевѣ, вызываетъ уже пожертвованія. Въ земскомъ сборникѣ Черниговской губ. за прошлый годъ (№№ 11 и 12) находимъ извѣстія, что А. Я. Конисскій препроводилъ въ губернскую управу 100 руб. на устройство въ Черниговѣ музея В. В. Тарновскаго. Въ пользу музея поступило отъ полковника К. М. Оберучева 11 листовъ постовыхъ вѣдомостей, писанныхъ частью или вполнѣ рукою Т. Г. Шевченка. Отъ А. М. Кулишъ—вещи покойнаго Кулиша и принадлежащіе ему три офорта Шевченка съ автографами.

Въ № 11 Сборника Б. Гринченко помѣстилъ замѣтку о своей поѣздкѣ въ Кіевъ, въ сентябрѣ прошлаго года, для приведенія въ порядокъ описи музея В. В. Тарновскаго.

—

Г-жа В. В. Каменская, живущая въ Бахмутскомъ уѣздѣ, приноситъ въ даръ Имп. Эрмитажу въ С.-Петербургѣ нѣсколько античныхъ вещей, найденныхъ при раскопкахъ одного кургана въ Бахмутскомъ уѣздѣ (Приднѣпр. Кр.).

—

Вышелъ отдѣльнымъ оттискомъ (изъ протоловъ Имп. Русскаго Археолог. Общ. за 1897 г.)—«Отзывъ о трудѣ профессора Владиміра Бонифатьевича Антоновича Археологическая карта Кіевской губерніи, удостоенномъ Имп. Русскимъ Археологич. Обществомъ золотой медали, учрежденной въ память графа А. С. Уварова», представленный графомъ Алексѣемъ Бобринскимъ (Спб. 1900). Въ отзывѣ дана оцѣнка и разборъ даннаго труда и помѣщены подробный обзоръ и перечисленіе археологическихъ работъ проф. Антоновича.

Іому слуга бувъ найвѣрнѣйшій,
По нашому вѣнъ [2]) звавсь Тарасъ.
Сей, сидя на кормѣ, хитався,
Бо ажъ по нѣльзя [3]) нахлистався
Горѣлочки, коли прощавсь.
Эней [4]) велѣвъ іого приняты,
Щобъ не пустивсь на дно нiряты [5])
И въ лучшемъ мѣстѣ бы проспавсь.

[1]) Энеемъ К. [2]) винъ П. К. [3]) по саме нильзя П. К. [4]) Еней П. [5]) ныряти П. К.

75.

Но видно, вже пану Тарасу
Написано такъ на роду,
Що тѣлко до сіого вѣнъ [1]) часу
Терпѣвъ на свѣтѣ семъ бѣду,
Бо росхитавшись, бризнувъ въ воду,
Пѣрнувъ [2]) и, не спитавшись [3]) броду,
На вѣринки [4]) вѣшла [5]) душа.
Эней [6]) хотѣвъ, щобъ окошилась
Бѣда и бѣлшъ [7]) не продолжилась,
Щобъ не пропали всѣ съ коша.

[1]) щобъ тилько до сіого вонъ П. К. [2]) нырнувъ П. К. [3]) спытавши П. К. [4]) ввыринки П. К. [5]) пишла П. К. [6]) Еней П. [7]) бильшъ П. билшь К.

Конець второй части.

ЧАСТЬ ТРЕТАЯ.

1.

Эней [1]) сподарь посумовавши,
На силу трохи вгамовавсь,
Поплакавши и поридавши,
Сивушкою почастовавсь,
Но все таки іого мутило
И коло серденька нудило, [2])
Небѣжчикъ [3]) часто щось вздыхавъ,
Вѣнъ [4]) моря такъ уже боявся,
Що на богѣвъ [5]) не поваплявся [6])
И батковѣ [7]) не довѣрявъ.

1) Еней П. 2) крутило П. К. 3) небнжчикъ П. К. 4) винъ П. К 5) богивъ П. К. 6) полагався П. К. 7) батькови П. К.

2.

А вѣтры зъ заду все трубыли [1])
Въ потилицю іого човнамъ,
Помчалися [2]) зо всеи сылы
По чорнымъ пѣнявымъ водамъ.
Гребцѣ [3]) и весла положили
Та [4]) сидя люлечки курыли [5])
И кургѣкали [6]) пѣсеніокъ [7])
Козацкихъ, [8]) гарныхъ, [9]) запорозкихъ, [10])

A яки знали, то [11]) московскихъ [12])
Выгадовали бреденіокъ. [12])

[1]) трубили П. К. [2]) що мчалися П. К. [3]) гребци П. К. [4]) да П. [5]) курили П. К. [6]) курникали П. кургикали К. [7]) пѣсеньки П. [8]) козацьки П. [9]) гарны П. [10]) запорозьки П. запорожскихъ К. [11]) то й П. [12]) московски П. [13]) брѣденьки П. бриденіокъ К.

3.

Про Сагайдачного спѣвали,
Либонь спѣвали и про Сѣчь,
Якъ въ пикенѣры [1]) выбѣрали, [2])
Якъ мандровавъ козакъ всю нѣчъ, [3])
Полтавску [4]) славылы [5]) шведчину,
И неня якъ свою дитину
Зъ двора проводыла [6]) въ походъ,
Якъ пѣдъ [7]) Берденью (sic) [8]) воіовалы, [9])
Безъ галушокъ якъ [10]) помѣралы [11])
Колысь, [12]) якъ бувъ голодный годъ.

[1]) пикинеры П. К. [2]) набирали П. К [3]) ничъ П. К. [4]) полтавську П. [5]) славили П. К. [6]) проводила П. К. [7]) пидъ П. К. [8]) Бендери П. Бендерью К. [9]) пидступили П. [10]) якъ безъ галушокъ П. [11]) помирали П. К. [12]) колись П. К.

4.

Не такъ то дѣется все хутко,
Якъ швидко кажуть намъ казокъ, [1])
Эней [2]) нашъ пливъ [3]) хоть дуже хутко, [4])
Да [5]) вже [6]) вѣнъ [7]) плававъ не деніокъ.
Довгенько по морю щось чялялись [8]) (sic)
И [9]) сами [10]) о свѣтѣ не знались, [11])
Не знавъ Троянець ни одинъ,
Куда, [12]) про що и якъ швандують, [13])
Куды се такъ воны мандрують, [14])
Куда [15]) ихъ мчить [16]) Анхизовъ [17]) сынъ.

[1]) скочить у човнокъ П. [2]) Еней П. [3]) плывъ П. К. [4]) прудко П. К. [5]) та К. [6]) вже-жъ П. К. [7]) винъ П. К. [8]) шляли П. шлялись

К. [9]) а П. [10]) самы П. К. [11]) знали П. [12]) куды П. К. [13]) швындують П. швендюють К. [14]) мандрують К. [15]) куды К. [16]) мчить К. [17]) Анхизивъ П. К.

5.

Оттакъ поплававши не мало
И поблудивши по морямъ,
Якъ ось и землю видно [1]) стало,
Побачилы кѣнець [2]) бѣдамъ.
До берега якъ разъ пристали,
На землю зъ човнѣвъ [3]) повставалы [4])
И сталы [5]) тута отдихать. [6])
Ся Нумелей [7]) земелька звалась,
Вона Троянцямъ сподобалась,
Далось и ий [8]) Троянцѣвъ [9]) знать.

[1]) видко П. [2]) конець П. кинець К. [3]) зъ човнивъ П. зъ човнывъ К. [4]) позбѣгали П. повставали К. [5]) стали К. П. [6]) отдыхать П. К. [7]) Кумскою К. [8]) ѣй П. К. [9]) Троянцивъ П. К.

6.

Розгардіяшъ [1]) ставъ Троянцямъ,
Опять [2]) забули горювать: [3])
Бувае [4]) щастье [5]) скрѣзь [6]) поганцямъ,
А добрый [7]) мусить [8]) погибать. [9])
И тутъ воны не шановались,
А заразъ всѣ и потаскались,
Чого хотѣлося, шукать—
Якому меду да горѣлки,
Якому молодицѣ, [10]) дѣвки,
Оскому щобъ зъ зубѣвъ [11]) зогнать.

[1]) розгардіашъ П. К. [2]) изновь П. [3]) горіовать П. К. [4]) и всюды П. [5]) счастье П. [6]) есть П. скризь К. [7]) добры П. [8]) мусять П. мусить К. [9]) пропадать К. [10]) молодици П. К. [11]) зъ зубивъ П. К.

7.

Бурлакы [1]) всѣ [2]) булы моторны,
Тутъ познакомились у часъ, [3])

Зъ діявола швидки, проворны,
Пѣдпустять [4]) москаля якъ разъ.
Зо всѣми мѣтью [5]) побратались
Посватались и покумались,
Мовъ зъ роду тутечки [6]) жилы. [7])
Хто мавъ къ чему [8]) яку кибету, [9])
Такого той шукавъ бенкету, [10])
Всѣ веремѣю [11]) пѣднялы. [12])

[1]) бурлаки П. К. [2]) си П. К. [3]) той часъ К. заразъ П. [4]) пидпустять П. К. [5]) митью П. К. [6]) тутечка П. К. [7]) жили П. К. [8]) чому П. К. [9]) хибету П. К. [10]) бенькету К. [11]) веремію П. К. [12]) пидняли П. К.

8.

Гдѣ [1]) досвѣтки, где (sic) [2]) вечерницы, [3])
Або вѣсѣлье [4]) где [5]) було,
Дѣвчата где [6]) и молодицѣ, [7])
Кому родины надало,
То тутъ Троянцѣ [8]) и вродились,
И лишь [9]) гляды, [10]) то й заходились
Коло жѣнощинъ (sic) [11]) ворожить,
И чоловѣковъ [12]) пѣдноивши, [13])
Жѣнокъ, [14]) куда хто знавъ, повѣвши, [15])
Давай по чарцѣ зъ ними пить.

[1]) де П. где К. [2]) де П. [3]) вечирници П. вечерници К. [4]) весѣлья П. весилья К. [5]) де П. [6]) де П. [7]) молодици П. К. [8]) Троянци П. К. [9]) лишъ К. [10]) гляди П. К. [11]) жинокъ тамъ П. [12]) чоловѣкивъ П. К. [13]) пидпоивши П. К. [14]) жинокъ П. К. [15]) повивши П. К.

9.

Якы [1]) були до картъ охочы, [2])
То не сидѣли дурно тутъ,
Играли часто до пѣвночы [3])
Въ вѣзка, [4]) въ пары, [5]) у лавы, вжгутъ, [6])
У панфиля, [7]) въ вѣзка [8]) и въ кепа,
Кому жъ изъ нихъ була дотепа,

То въ грошѣвь [9]) грали въ сѣмъ листѣвъ. [10])
Тутъ всѣ по волѣ забавлялись,
Пили, игрались, [11]) женихались,
Нихто безъ дѣла не сидѣвъ.

[1]) якижъ П. К. [2]) охочи П. К. [3]) нивночи П. К. [4]) въ носка П. К. [5]) пари П. [6]) въ джгутъ П. въ жгутъ К. [7]) у панхвиля П. памфиля К. [8]) въ визка П. въ возка К. [9]) въ гроши П. К. [10]) листивъ П. К. [11]) играли П. К.

10.

Эней [1]) одинъ не веселився,
Іому не мило все було,
Іому Плутонъ та [2]) батко снився,
И пекло въ голову въ вѣйшло. [3]) (sic).
Оставивши своихъ гуляты, [4])
Пѣшовъ [5]) скрѣзь [6]) по поляхъ шукаты, [7])
Щобъ хто [8]) дорогу показавъ,
Куда у [9]) пекло [10]) мандроваты, [11]) а)
Щобъ розизнати, роспитаты, б)
Бо въ пекло стежки вѣнъ [12]) не знавъ.

[1]) Еней П. [2]) да П. [3]) ввiйшло П. К. [4]) гуляти П. К. [5]) пишовъ П. К. [6]) скризь П. К. [7]) шукати П. К. [8]) хто бы П. [9]) до К. [10]) пекла К. [11]) мандровати К. [12]) вѣнъ П. К.

а) Куды у пекло шляхъ надыбать,
б) Щобъ розглядѣти и розвѣдать П.

11.

Ишовъ, ишовъ, ажъ зъ русыхъ кудрѣвъ [1])
Въ три ряды капавъ пѣтъ [2]) на нѣсъ, [3])
Якъ ось забачивъ щось и узрѣвъ, [4])
Густый пройшовши дуже [5]) лѣсъ:
На нѣжцѣ курячѣй [6]) стояла
Та [7]) хатка, дуже обветшала,
И вся вертѣлася кругомъ.
Вѣнъ до тіи [8]) прійшовши хаты,

Хозяина [9]) ставъ викликаты, [10])
Прищулившися [11]) пѣдъ [12]) вѣкномъ. [13])

[1]) що ажъ изъ чуба П. кудривъ К. [2]) питъ П. К. [3]) нисъ П. нысъ К. [4]) изъ-за дуба П. узривъ К. [5]) уже П. [6]) нижцѣ курячій П. К. [7]) тамъ П. то К. [8]) винъ П. К. тои П. [9]) господаря П. [10]) выкликати П. К. [11]) и прищулився П. [12]) нидъ П. К. [13]) викномъ П. К.

12.

Эней [1]) стоявъ и дожидався,
Щобъ війшовъ [2]) зъ хаты кто [3]) нибудь,
У дверы [4]) стукавъ, добувався,
Хотѣвъ бувъ хатку зъ нѣжки [5]) спхнуть,
Якъ війшла [6]) бабище старая,
Крива, [7]) горбатая, сухая,
Заплѣснявѣла, [8]) вся въ шрамахъ,
Ряба, сѣда, [9]) безъ зуба (sic), [10]) коса,
Росхрѣстана, [11]) простоволоса,
И, якъ въ намистѣ, [12]) вся въ жовнахъ.

[1]) Еней П. [2]) вышовъ П. выйшовъ К. [3]) хто П. К. [4]) двери П. К. [5]) нижки П. К. [6]) вышла П. выйшла К. [7]) крыва К. [8]) заплѣснѣвивша П. заплѣснявила К. [9]) сыва, ряба П. сѣда, ряба, К. [10]) безъ-зуба П. беззубаК. [11]) розхристана П. росхристана К. [12]) намысти П. намыстѣ К.

13.

Эней, [1]) таку узрѣвши [2]) цяцю,
Не знавъ изъ ляку, где [3]) стоять, [4]) (sic)
И думавъ, що свою всю працю
На вѣки тута потерявъ.
Якъ ось до іого пѣдступила [5])
Яга ся и заговорила,
Роззявивши [6]) свои уста: [7])
„Гай, гай же! слихомъ [8]) послыхати,
Анхизенка у вѣчь [9]) выдаты, [10])
И якъ забрѣвъ [11]) ты въ сѣ [12]) мѣста? а)

1) Еней П. 2) побачивъ П. узривши К. 3) де П. 4) стоявъ П. К. 5) пидступила П. К. 6) роззвывши К. 7) свій страшный ротъ П. 8) слыхомъ П. К. 9) къ вичи П. увичь К. 10) видати П. К. 11) забривъ К. 12) си К.

а) Якій жъ тебе принѣсъ къ намъ чортъ? П.

14.

„Давно тебе я дожидаю
И думала, що вже пропавъ,
Я все дивлюсь да вызираю, 1)
Ажъ ось коли ты причвалавъ.
Минѣ вже росказалы 2) зъ неба,
Чого тобѣ пилненко 3) треба,
Отець твѣй 4) бувъ у мене тутъ“.
Эней 5) сіому подивовався
И бабы сучои спитався, 6)
Якъ вѣдьму злую сю зовуть? 7) а)

1) выглядаю П. 2) уже сказали П. росказали К. 3) пильненько П. пилненькоК. 4) твій П. К. 5) Еней П. 6) спытався П. 7) зовуть К.

а) Якъ, нененько, тебе зовуть? П.

15.

„Я Кумская 1) зовусь Сивилла,
Ясного Феба попадя, 2)
При іого храмѣ посѣдѣла, 3)
Давно живу на свѣтѣ я,
У Шведчину я дѣвовала,
А Татарва якъ набѣгала,
То вже я замужемъ була,
И перву 4) сарану зазнаю,
Колись 5) бувъ трусъ, якъ изгадаю, 6)
То вся здрыгнусь, 7) якъ бы мала.“

1) паночку П. 2) попадья П. К. 3) посывѣла П. 4) першу 5) колижъ П. К. 6) нагадаю К. 7) издригнусь П. К.

16.

„На свѣтѣ всячину я знаю,
Хоть никуда [1]) и не хожу,
И [2]) людямъ въ нуждѣ помогаю,
Я имъ на звѣздахъ ворожу.
Кому—чи трасцю [3]) отгадати, [4])
А отъ наушниць [5]) пошептаты, [6])
Або и волосъ изогнать, [7])
Шепчу—уроки [8]) прогоняю,
Переполохи [9]) выливаю,
Гадюкъ умѣю замовлять".

[1]) никуды П. К. [2]) а П. [3]) трясьцю П. трясцю К. [4]) одогнати П. К. [5]) отъ заушинъ П. отъ заушниць К. [6]) чи пошептати П. К. [7]) изигнать К. [8]) и кори П. [9]) и перелоги П.

17.

„Теперь [1]) ходѣмо [2]) у [3]) каплицю,
Тамъ Фебовѣ [4]) ты поклонись
И обѣщай іому телицю,
А послѣ гарно помолись,
Не пожалѣй лишь золотого
Для Феба [5]) свѣтлого, святого, [6])
Та и минѣ що [7]) перекинь,
То мы тобѣ таки щось скажемъ,
А може въ пекло [8]) трактъ покажемъ,
Иди, утрись и бѣлшъ [9]) не слинь".

[1]) теперъ К. [2]) ходимо П. К. [3]) лишь въ К. [4]) Хвебовѣ П. Фебови К. [5]) Хвеба П. [6]) ясного К. [7]) тожъ П. [8]) въ пекло й П. [9]) більшъ П. билшъ К.

18.

Пришли въ каплицю передъ Феба, [1])
Эней [2]) поклоны быты [3]) ставъ,
Щобъ изъ блакитнаго Фебъ [4]) неба
Іому всю ласку показавъ.

Сивиллу тутъ замордовало
И очи на лобъ пѣзганяло, [5])
И дибомъ [6]) волосъ ставъ сѣдый,
Клубкомъ изъ рота пѣна былась, [7])
Сама жъ вся корчилась, кривилась,
Мовъ духъ вселився въ неи злый.

[1]) Хвеба П. [2]) Еней П. [3]) бити П. К. [4]) Хвебъ П. [5]) позгоняло П. позганяло К. [6]) дыбомъ П. К. [7]) билась П. К.

19.

Тряслась, кректала, побывалась, [1])
Якъ бубонъ, синя стала вся, а)
На землю впала и [2]) качалась [3])
У берлозѣ, [4]) якъ [5]) порося.
И чимъ [6]) Эней [7]) молився бѣлше, [8])
То все Сивиллѣ було гѣрше, [9])
А послѣ якъ перемоливсь,
Зъ Сивиллы тѣлко [10]) пѣтъ [11]) котився,
Эней [12]) же на ии [13]) дивився,
Дрижавъ [14]) отъ страху и трусивсь.

[1]) подымалась П. побивалась К. [2]) упавши на землю К. [3]) валялась П. [4]) якъ у берлозѣ П. [5]) мовъ К. [6]) що П. [7]) Еней П. [8]) бильше П. билше К. [9]) гирше П. К. [10]) только П. тилько К. [11]) пить П. К [12]) Еней П. [13]) на неи все П. ѣи К. [14]) дрожавъ К. П.

а) Якъ сопуха чернѣла вся П.

20.

Сивилла трохи очуняла,
Отерла пѣну на губахъ
И до Энея [1]) проворчала
Приказъ отъ Феба [2]) въ сихъ словахъ:
„Така богѣвъ [3]) олимпскихъ [4]) рада,
Що ты и вся твоя громада
Не будете по смерть въ Риму,
Но що тебе тамъ [5]) будуть [6]) знати,
Твое именния [7]) выхваляты, [8])
Но ты не радуйся сiому“.

[1]) Енея П. [2]) Хвеба П. [3]) богивъ П. К. [4]) олимпськихъ П. [5]) всѣ П. [6]) будутъ К. [7]) имя твое П. [8]) тамъ величати П. выхваляти К.

21.

„Ище ты выпьешъ добру повну,
По всѣхъ усюдахъ будешъ ты,
И долю гѣрку, [1]) невгомонну
Готовсь [2]) не разъ свою клясты.
Юнона ще не вдоволнилась, [3])
Еи [4]) злоба щобъ окошилась
Хотя бъ на правнукахъ твоихъ,
Но послѣ будешъ жить по пански,
И люде всѣ твои троянски
Забудуть [5]) всѣхъ сихъ бѣдъ своихъ."

[1]) гирьку П. К. [2]) готовъ П. [3]) вдоволилась П. [4]) ѣи П. К. [5]) забудутъ К.

22.

Эней [1]) похнюпивсь, [2]) дослухався,
Сивилла що іому верзла,
Стоявъ, за голову узявся,
Не по іому ся рѣчь була.
„Трохи мене ты не морочишъ,
Не росчовпу, що ты пророчишъ",
Эней [3]) Сивиллѣ говоривъ.
Діяволъ знае, хто въ [4]) васъ бреше,
Трохи [5]) минѣ було бъ [6]) не легше,
Якъ бы я Феба [7]) не просивъ".

[1]) Еней П. [2]) похнюпывсь П. [3]) Еней П. [4]) зъ П. К. [5]) трохи бъ П. К. [6]) було П. К. [7]) Хвеба П.

23.

„Да [1]) вже, що буде, то и буде,
А буде те, що Бѣгъ [2]) намъ дасть,
Не ангели жъ, [3]) такіе жъ люде,

Колись намъ буде [4]) всѣмъ пропасть!
До мене будь лишъ ты ласкава,
Услужлива [5]) и не лукава,
Мене до батька проведы, [6])
Я проходився бъ рады [7]) скукы [8])
Побачиты [9]) пекельны муки,
А ну! на звѣзды погляды". [10])

[1]) та П. К. [2]) Богъ П. К. [3]) не духи мы П. [4]) треба П. К. [5]) послушненька П. [6]) проведи П. поведи К. [7]) ради П. К. [8]) скуки П. К. [9]) побачити П. К. [10]) погляди П. К.

24.

„Не першій я та й не послѣдный [1])
Иѣду у [2]) пекло [3]) на поклонъ,
Орфей [4]) уже [5]) якій [6]) негѣдный, [7])
Та [8]) що жъ іому зробывъ [9]) Плутонъ.
А Геркулесъ якъ увалився,
Дакъ [10]) такъ у пеклѣ росходився,
Що всѣхъ чортякъ [11]) порозганявъ. [12])
А ну, черкнѣмо [13]) для [14]) охоты,
Тобѣ я дамъ на двѣ овхоты, [15])
Да [16]) ну жъ, кажи, щобъ вже я знавъ".

[1]) послѣдній П. К. [2]) иду П. К. до К. [3]) пекла К. [4]) Орхвей П. [5]) хоть П. [6]) бувъ [7]) не дуже гидный П. негидный К. [8]) да П. [9]) зробивъ П. К. [10]) то П. К. [11]) чортивъ П. [12]) порозгонявъ П. [13]) геркнимъ П. К. [14]) а для П. К. [15]) якоись лихоты П. [16]) та П.

25.

—„Огнемъ, якъ бачу ты играешъ",
Іому Яга дала отвѣтъ,
„Ты пекла, бачу, [1]) ще не знаешъ,
Не милъ тобѣ уже десь [2]) свѣтъ.
Не люблять [3]) въ пеклѣ жартоваты, [4])
По вѣкъ [5]) тобѣ дадутся [6]) знаты, [7])
Оттѣлко [8]) нѣсъ [9]) туды посунь.
Тобѣ тамъ буде не до чмиги, [10])

Якъ пѣднесуть 11) изъ оцтомъ 12) фиги, 13)
То заразъ вхопить 14) тебе лунь".

1) видно П. 2) сей П. 3) не любятъ К. 4) жартовати П. К. 5) отъ-тамъ П. 6) дадуться П. 7) знати П. К. 8) отъ-тилько П. оттилько К. 9) нись П. К. 10) шмиги П. 11) пиднесуть П. пиднесутъ К. 12) оцьтомъ П. 13) хвиги П. 14) вхопитъ К.

26.

„Коли жъ сю маешъ ты охоту
У батка въ пеклѣ побувать,
Минѣ дай заразъ за роботу,
То я пріймуся мусовать, 1)
Якъ намъ у пекло 2) довалитись
И тамъ на мертвыхъ подивитись:
Ты знаешъ, дурень не бере,
А хто хоть трохи въ насъ 3) тямущій,
Умѣе жить по правдѣ сущій,
То той хоть зъ батька, то здере".

1) мудровать П. 2) до пекла К. 3) у насъ хоть трохи хто К.

27.

Покѣль 1) же що, то ты послухай
Того, що я тобѣ скажу,
И головы собѣ не чухай,
Я въ пекло стежку покажу:
Въ лѣсу великому, густому,
Непроходимому, пустому,
Якеесь дерево росте,
На нѣмъ 2) кислицѣ 3) не простіи 4)
Ростуть, 5) якъ жаръ, все золотіи, 6)
А деревце те не товсте."

1) покиль П. К. 2) на немъ П. на ніомъ К. 3) кислици П. К. 4) простыи П. простые К. 5) ростутъ К. 6) золотыи П. золотые П.

28.

„Изъ дерева сіого зломиты 1)
Ты мусишъ гѣльку 2) хоть одну,

Безъ неи бо ни [3]) пѣдступиты [4])
Не можно [5]) передъ [6]) сатану,
Безъ гѣльки [7]) и назадъ не будешъ, [8])
Изъ [9]) тѣломъ душу [10]) ты погубышъ, [11])
Плутонъ тебе закабалить. [12])
Иди жъ да пильно [13]) приглядайся,
На всѣ чотыры [14]) озирайся, [15])
Где [16]) деревце те заблищить". [17])

[1]) зломити П. К. [2]) гильку П. К. [3]) и К. [4]) пидступити П. К. [5]) тобѣ нельзя П. [6]) предъ П. [7]) гильки П. К. [8]) будишъ П. [9]) и съ П. [10]) и душу съ тѣломъ К. [11]) погубишъ П. К. [12]) закаббалитъ К. [13]) тилько П. [14]) чотыри П. К. [15]) озырайся К. [16]) де П. [17]) заблещить К.

29.

Зломивши жъ заразъ убѣрайся, [1])
Якъ мога швидче утѣкай,
Не становись, не оглядайся
И уши [2]) чимъ [3]) позатыкай. [4])
Хоть будуть [5]) голосы [6]) крычаты, [7])
Щобъ ты оглянувся, прохаты, [8])
Гляды, [9]) не озирайсь, [10]) бѣжи:
Воны щобъ тѣлко [11]) погубыты, [12])
То будуть все тебе маниты, [13])
Оттутъ [14]) себе ты покажи".

[1]) убирайся П. К. [2]) уха К. [3]) чѣмъ П. [4]) позатикай К. [5]) будуть К. [6]) голоса К. [7]) кричати П. крычати К. [8]) прохати П. К. [9]) гляди К. [10]) не озирайся да П. не озырайсь К. [11]) тилько П. К. [12]) погубити П. К. [13]) манити П. К. [14]) отъ-тутъ П.

30.

Яга тутъ чортъ зна где [1]) дѣвалась,
Эней [2]) остався тѣлко [3]) самъ,
Іому все яблонь [4]) привижалась, [5])
Покою не було очамъ.
Шукать еи [6]) Эней [7]) попхався,

Втомивсь, засапавсь, спотикався, [8])
Потѣмъ [9]) прійшовъ пѣдъ [10]) якійсь [11]) лѣсъ,
Коловсь сердечный объ терниньня, [12])
Пошарпався ввесь объ шепшинья, [13])
Було таке, що [14]) рачки лѣзъ.

[1]) де П. К. [2]) Еней П. [3]) тилько П. К. [4]) яблоня Ц. К. [5]) здавалась П. К. [6]) ѣи П. К. [7]) Еней П. [8]) спотыкався П. К. [9]) покиль П. поки К. [10]) пидъ П. К. [11]) темный П. К. [12]) тернину П. К. [13]) шепшину П. К. [14]) а де коли и П.

31.

Се лѣсъ густый бувъ несказанно,
И сумно все въ іому було,
Щось вило [1]) тамъ безъ перестанно [2]) (sic)
И страшнымъ голосомъ ревло.
Еней, [3]) молитву прочитавши
И шапку цупко [4]) пѣдьвязавши, [5]) (sic)
У лѣсъ въ середину пѣшовъ, [6])
Ишовъ и утомивсь чимало,
На дворѣ жъ вже тогдѣ [7]) смеркало,
А яблонѣ [8]) ще не найшовъ. [9])

[1]) выло П. К. [2]) безперестанно П. К. [3]) Еней П. [4]) дуже П. [5]) пидвязавши П. К. [6]) пишовъ П. К. [7]) тогда К. тогди вже на дворѣ П. [8]) яблуни П. К. [9]) знайшовъ П. К.

32.

Уже вѣнъ [1]) начинавъ боятись,
На всѣ чотыры [2]) озиравсь,
Трусивсь, та нѣкуда [3]) дѣватись,
Далеко дуже [4]) въ лѣсъ забравсь.
А дуже [5]) ще іого злякало,
Якъ щось у вочахъ [6]) засіяло,
Оттутъ [7]) то берега пустивсь, [8])
Та якъ же послѣ удивився,
Пѣдъ яблунею [9]) опинився,
За гѣльку [10]) заразъ ухвативсь.

[1]) винъ П. К. [2]) чотыри П. К. [3]) никуды П. К. [4]) тяжко П. К. [5]) гирьше П. гирше К. [6]) очахъ П. [7]) отъ-тутъ П. К. [8]) сердега опустивсь П. [9]) якъ пидъ кислиціой П. якъ пидъ кислицей К. [10]) гильку П. К.

33.

И не подумавши ни мало,
Напьявсь, за гѣльечку [1]) смикнувъ,
Ажъ деревце те заблищало, [2])
И [3]) заразъ гѣльку [4]) отчахнувъ, [5])
И давъ чимъ дужъ изъ лѣсу драла,
Що ажъ земля пѣдъ [6]) нимъ стогнала, [7])
Бѣгъ такъ, що самъ себе не чувъ,
Бѣгъ швидко, не остановлявся,
Увесь объ колючки порвався, [8])
Якъ чортъ, у репяхахъ весь бувъ.

[1]) гиленьку П. гилечку К. [2]) затрещало П. затрѣщало К. [3]) винъ П. [4]) гильку П. К. [5]) одчахнувъ П. [6]) подъ П. К. [7]) дрожала П. К. [8]) подрався П. К.

34.

Прибѣгъ къ Троянцямъ, утомився [1])
И отдихаты [2]) простягнувсь,
Якъ хлюща, потомъ ввесь [3]) облився, [4])
Трохи, трохи не захлинувсь. [5])
Велѣвъ [6]) зъ бычнѣ [7]) волѣвъ [8]) пригнаты, [9])
Зъ вѣвцями цапа [10]) припасаты [11])—
Плутону въ жертву принесты [12])
И всѣмъ богамъ, що пекломъ правлять [13])
И грѣшныхъ съ праведными [14]) давять, [15])
Щобъ гнѣву ихъ не навесты. [16])

[1]) засапався П. [2]) отдыхати П. К. [3]) весь К. [4]) обливався П. [5]) захлебнувсь П. К. [6]) звелѣвъ П. К. [7]) зъ хлѣва П. зъ бычни К. [8]) воливъ П. К. [9]) пригнати П. К. [10]) цапивъ зъ вивцями П. К. [11]) готовати П. [12]) принести [13]) правятъ К. [14]) тормошать да П. тормошатъ и К. [15]) давлять П. давятъ К. [16]) навести П. К.

35.

Якъ тѣлко [1]) темна та пѣдхмурна [2])
Изъ неба зъ слизла (sic) [3]) чорна нѣчъ, [4])
Година жъ стала балагурна, [5])
Якъ звѣзды повтѣкалы [6]) прѣчь, [7])
Троянцѣ [8]) все затормошались, [9])
Завешталися, [10]) захватались [11])
На жертву приганять [12]) бѣкѣвъ. [13])
Дяки съ попами позбѣрались, [14])
Зовсѣмъ служити всѣ прибрались,
Огонь роскладенный горѣвъ.

1) тилько П. К. 2) нахмурна К. та сумрачна, темна П. 3) злизла П. сслизла К. 4) ночь П. К. 5) дуже певна П. 6) повтѣкали К. повтекали звѣздки П. 7) прочь П. К. 8) Троянци П. К. 9) заворушились П. К. 10) совалися и П. 11) камешились П. закамешились К. 12) пригонять П. К. 13) быкивъ П. К. 14) позбирались П. К.

36.

Пѣпъ [1]) заразъ взявъ вола за рогы, [2])
У лобъ обухомъ зацѣдивъ
И, взявши [3]) голову межъ [4]) ногы, [5])
У черево нѣжъ [6]) засадивъ,
И винявъ тельбухи съ кишками,
Росклавъ гарненько ихъ рядками
И пилно [7]) кендюхъ розглядавъ,
Пошли (sic) [8]) Энею [9]) боже (sic) [10]) волю
И всѣмъ Троянцямъ добру долю,
Мовъ по звѣздамъ все вѣщовавъ.

1) пипъ П. К. 2) роги П. К. 3) сунувъ П. 4) мижъ П. К. 5) ноги П. К. 6) ему нижъ въ пузо П. нижъ въ черево К. 7) тилько П. пильно К. 8) послѣ П. К. 9) Енею П. 10) божу П. К.

37.

Якъ тутъ зъ скотиною возылись [1])
И харамаркалы [2]) дяки,

Якъ вѣвцѣ [3]) и цапи [4]) дрочились,
Въ рѣзницяхъ мовъ ревли быки,
Сивилла тутъ где [5]) не [6]) взялася,
Запѣнилася, [7]) затряслася [8])
И галасъ заразъ пѣдняла: [9])
„Къ чортамъ всѣ [10]) швидче утѣкайте, [11])
Мене зъ Энеемъ [12]) оставляйте, [13])
Не ждѣть, [14]) щобъ тришія дала!“

[1]) возились П. К. [2]) харамархали П. харамаркали К. [3]) вивци П. К. [4]) цапы П. К. [5]) де К. [6]) ни К. [7]) запѣнилась и вся П. [8]) тряслася П. и трясласи К. [9]) пидняла П. К. [10]) вы П. К. [11]) всѣ изгиньте П. К. [12]) Енеемъ П. [13]) тутъ покиньте П. К. [14]) не ждить П. К.

38.

„А ты“, мовляла ко Энею, [1])
„Моторный, смѣлый молодецъ,
Прощайся зъ юрбою [2]) своею,
Ходѣмъ [3]) у пекло, где [4]) отецъ.
Насъ вѣнъ [5]) давно вже ожидае [6])
И, може, безъ тебе скучае,
А ну, пора чемчиковать, [7])
Возьми на плечи зъ [8]) ххѣбомъ клунокъ, а)
Нехай іому лихій парсунокъ, [9]) б)
Якъ голодомъ намъ помѣрать. [10]) в)

[1]) и къ Енею П. [2]) юртою П. [3]) ходимъ П. К. [4]) тамъ П. К. [5]) твій П. К. [6]) дожидае П. К. [7]) чипчиковать (sic) П. К. [8]) съ К. [9]) прасунокъ К. [10]) помирать К.

а) Возьми въ дорогу хлѣба, соли,
б) Щобъ не дойти до гѣркой доли:
в) Изъ голоду не помирать. П.

39.

„Не йды [1]) въ дорогу безъ запасу,
Бо фѣстъ [2]) отъ голоду [3]) пѣджмешъ [4])
И де, где [5]) иншого ты часу

Ни [6]) крыхты [7]) хлѣба не вбачнешъ. [8])
Я въ пекло стежку протоптала,
Я тамъ не разъ, не два бувала,
Я знаю тамошный [9]) народъ,
Дорожки всѣ и [10]) уголочки,
Всѣ закамарочки, [11]) куточки [12])
Уже не першій [13]) знаю годъ".

[1]) не йди П. К. [2]) хвистъ К. [3]) на що-серце хвистъ П. [4]) пидгнешь П. надмешъ К. [5]) де П. [6]) и П. К. [7]) крихты П. К. [8]) найдешъ П. К. [9]) тамошній П. К. [10]) всѣ П. К. [11]) закоморки П. [12]) всѣ куточки П. [13]) не первый П. К.

40.

Эней [1]) въ сю путь якъ разъ зибрався, [2])
Шкаповы чоботы обувъ, [3])
Пѣдтикався, [4]) пѣдперезався [5])
И поясъ цупко пѣдтягнувъ, [6])
А въ руки добру взявъ гирлигу [7])
Оборонять [8]) сѣдую [9]) фигу, [10])
Якъ лучится где, [11]) отъ собакъ,
А послѣ за руки взялися,
Прямцемъ до пекла поплелися,
Пѣшлы [12]) у гостѣ [13]) до чортякъ.

[1]) Еней П. [2]) зобравса П. [3]) набувъ П. К. [4]) пидтыкався П. К. [5]) пидперезався П. К. [6]) пидтягнувъ П. К. [7]) дручину П. К. [8]) обороняти К. [9]) злу К. сѣду П. [10]) личину П. К. [11]) де П. [12]) пишли П. К. [13]) у гости П. на прощу К.

41.

Теперъ я [1]) думаю, гадаю,
Трохи не годѣ [2]) вже писать,
Изъ роду пекла я не знаю,
Не смѣю [3]) жъ далебу [4]) брехать.
Хиба, читатели, пождѣте, [5])
Вгамуйтесь трохи, не гоните, [6])

Пѣду [7]) я до людей старыхъ,
Щобъ ихъ о [8]) пеклѣ роспитаты [9])
И попрошу ихъ росказаты, [10])
Що чули отъ дѣдѣвъ [11]) своихъ.

[1]) же П. К. [2]) годи П. К. [3]) вмѣю П. К. [4]) далеби П. К. [5]) пождите П. К. [6]) галите К. [7]) пиду П. К. [8]) объ Ц. [9]) роспытати П. К. [10]) росказати П. К. [11]) дѣдивъ П. К.

42.

Виргилій же—нехай царствуе!
Розумненькій бувъ чоловѣкъ,
Нехай не вадить, [1]) якъ не чуе,
Да [2]) вдавный [3]) дуже живъ вѣнъ вѣкъ.
Не такъ теперъ и въ пеклѣ стало,
Якъ въ старыну [4]) колись бувало,
То вѣнъ не такъ [5]) и пописавъ. [6])
Я, може, що-нибудь прибавлю,
Перемѣню и що оставлю,
Писну [7])—якъ отъ старыхъ чувавъ.

[1]) вадитъ К. [2]) бо П. та К. [3]) въ давній П. вдавній К. [4]) въ старину П. К. [5]) и якъ покійникъ П. К. [6]) написавъ П. К. [7]) пысну П.

43.

Эней зъ [1]) Сивиллою хватались,
До пекла швидче щобъ прійты, [2])
И дуже пилно [3]) приглядались,
До пекла [4]) дверы [5]) якъ найты. [6])
Якъ ось передъ якуюсь гору
Прійшлы [7]) и въ ней глибоку [8]) нору
Найшлы [9]) и вскочилы [10]) туда. [11])
Пѣшли [12]) пѣдъ [13]) землю темнотою,
Эней [14]) все мацався [15]) рукою,
Щобъ не ввалитися куда. [16])

[1]) Еней П. съ К. [2]) прійти П. К. [3]) пильно П. К. [4]) туда щобъ [5]) двери П. К. [6]) найти П. К. [7]) прійшли П. К. [8]) глубоку П. К. [9]) найшли

П. К. [10]) вскочили П. К. [11]) туды П. К. [12]) пишли П. К. [13]) пидъ П. К. [14]) Еней П. [15]) щупався П. К. [16]) куды П. К.

44.

Ся улиця вела у пекло,
Була вонюча и кална, [1])
У ий [2]) и въ день було якъ [3]) смеркло,
Отъ дыму вся була чадна.
Жила зъ сестрою тутъ дремота, [4])
Сестра же звалася зѣвота,
Поклонъ ий [5]) первый [6]) отдалы [8])
Тѣмасю [8]) нашему [9]) Энею [10])
Зъ іого старою попадею
И послѣ далѣ провелы. [11])

[1]) грязна П. К. [2]) у ней П. К. [3]) мовъ П. К. [4]) дрѣмота П. К. [5]) си П. К. [6]) перве П. первы К. [7]) отдали П. К. [8]) тѣпахѣ П. тѣмасѣ К. [9]) нашому К. [10]) Енею П. [11]) провели П. К.

45.

А далѣ [1]) смерть до артикулу
Имъ воздала [2]) косою честь,
Въ передѣ [3]) стоя калявуру, [4])
Якій [5]) у ѣи мосцѣ [6]) есть:
Чума, война, харцизство, голодъ, [7])
Короста, трясця, парши, холодъ, [8])
За сими жъ [9]) тутъ стоялы [10]) въ рядъ—
Кѣрь, [11]) вѣспа, [12]) шолудѣ, бешиха
И всѣ мирянски, [13]) знаешъ, лиха,
Що насъ безъ милости морять. [14])

[1]) потимъ П. К. [2]) отдала П. [3]) напередъ П. К. [4]) калавуру П. К. [5]) яки П. [6]) мосци П. К. [7]) холодъ П. К. [8]) голодъ П. К. [9]) за нею жъ П. [10]) стояли П. К. [11]) коръ П. корь К. [12]) виспа П. К. [13]) міряпски П. К. [14]) морятъ П. К.

46.

Еще [1]) жъ не все тутъ окошилось,
Ище брила [2]) ватага лихъ,

За смертію слѣдомъ [3]) валилось,
Жѣнокъ, [4]) свекрухъ и мачухъ злыхъ,
Вѣтчимы [5]) шли, тестѣ [6]) скупяги,
Зятѣ [7]) и свояки мотяги, а)
Сердиты шурины, браты,
Зовицѣ, [8]) невѣстки, [9]) ятровки,
Що все гризутся [10]) безъ умовки,
И всяки тутъ булы [11]) каты.

[1]) ище П. К. [2]) брѣла К. брела К. [3]) у слѣдъ П. [4]) жинокъ П. К. [5]) вотчимы П. К. [6]) тести П. К. [7]) зяти К. [8]) зовыци П. К. [9]) братовы П. [10]) грызутся П. К. [11]) були П. К.

а) Були и наши побродяги П.

47.

Якіесь [1]) злиднѣ [2]) ще стоялы, [3])
Жовалы [4]) все въ зубахъ папѣръ, [5])
Въ рукахъ каламарѣ [6]) держалы, [7])
За уха [8]) жъ настромлялы пѣръ:
Се все десяцки [9]) та соцкіе,
Началники, [10]) пьявки людскіе
И всѣ прокляты писарѣ, [11])
Исправники всѣ ваканцовы, [12])
Судьи да стряпчи безъ толковы, (sic) [13])
Повѣренны, секретарѣ. [14])

[1]) якіись П. [2]) злыдни П. К. [3]) стояли П. К. [4]) жовали П. К. [5]) папиръ П. К. [6]) каламари П. К. [7]) держали П. К. [8]) уши П. [9]) десятски К. [10]) начальники П. К. [11]) писари П. К. [12]) ваканціовы П. [13]) безтолковы П. К. [14]) секретари П. К.

48.

За сими шли [1]) святы понуры,
Що не дивилися [2]) на свѣтъ,
Смиреннои [3]) булы [4]) натуры,
Складалы [5]) руки на живѣтъ, [6])
Умылно [7]) Богу все молились,
На тиждень днѣвъ [8]) по три [9]) постилысь [10])

И въ слухъ не лаялы [11]) людей,
На чоткахъ [12]) миръ [13]) пересуждали
И въ день николы не гулялы, [14])
Родили жъ мертвыхъ все дѣтей. а)

[1]) йшли П. [2]) дивились и П. К. [3]) смиренненькои П. [4]) були П. [5]) складали П. К. [6]) живитъ П. К. [7]) умильно П. К. [8]) дни К. [9]) по три дни П. [10]) постились П. К. [11]) лаяли П. К. [12]) но тихо П [13]) міръ К. [14]) гуляли П. К.

а) Въ ночи жъ було не безъ гостей П. К.

49.

Насупротивъ сихъ окаянниць [1])
Кварталъ бувъ цѣлый [2]) волоцюгъ,
Мандріохъ, куровъ, [3])ярижниць, пьяныць, [4])
И бахуровъ [5]) на цѣлый плугъ
Зъ [6]) обстриженными головами,
Зъ [7]) пѣдрѣзанными [8]) пеленами,
Стоялы пліохи [9]) наголо,
И панночокъ фильтификетныхъ,
Лакеевъ [10]) гарныхъ и дотепныхъ
Багацко [11]) дуже [12]) щось було.

[1]) окаянныхъ П. окаянницъ К. [2]) була ватага П. [3]) моргухъ, мандріохъ К. [4]) фиглярокъ притаманныхъ П. пьяницъ К. [5]) бахуризъ П. К. [6]) съ П. [7]) съ П. [8]) пидрѣзанными П. пидризанными К. [9]) воны стояли П. стояли фліорки К. [10]) ласкавыхъ П. [11]) багацько П. К. [12]) вельми П.

50.

И молодицѣ [1]) молоденьки,
Що выйшлы [2]) замужъ за старыхъ,
Що всякій разъ [3]) булы раденьки
Потѣшить [4]) парнѣвъ [5]) молодыхъ,
И тѣ тутъ молодцѣ [6]) стоялы, [7])
Що недотепнымъ помагалы [8])
Для ихъ [9]) наслѣдство [10]) росплодить,
А дѣты [11]) гуртовы [12]) крычалы, [13])

Своихъ паиматокъ [14]) проклиналы, [15])
Що не дали на свѣтѣ жить.

[1]) молодици П. К. [2]) вышли П. [3]) часъ П. К. [4]) принадить П. [5]) хлопцивъ П. парнивъ К. [6]) молодцы К. дядины П [7]) стояли П. К. [8]) помагали П. К. [9]) нихъ П. К. [10]) сѣмейку К. семейку П. [11]) дѣти К. [12]) маленьки дѣты тамъ П. [13]) кричали П. К. [14]) паньматокъ П. К. [15]) проклинали П. К.

51.

Эней хоть силно [1]) тутъ дивився
Такѣй [2]) великій [3]) новинѣ, [4])
Та вже отъ страху такъ трусився,
Мовъ сидя охляпъ на конѣ.
Побачивши [5]) ище изъ далѣ, [6])
Яки тамъ дива плазовалы, [7])
Кругомъ куда ни поглядышъ, [8])
Злякавсь, къ Сивиллѣ прихилився,
Хватавсь за полы [9]) и тулився,
Мовъ отъ кота въ коморѣ [10]) мышъ.

[1]) Еней П. сильно П. К. [2]) такой П. такій К. [3]) великой П. [4]) новынѣ П. К. [5]) побачивши жъ П. К. [6]) издали К. [7]) плазовали П. К. [8]) поглядишъ П. К. [9]) за плахту П. за дергу К. [10]) въ засѣцѣ П.

52.

Тутъ вешталися [1]) великаны,
Мавки, вѣдьми и [2]) упирѣ, [3])
Арапы чорны, злы, [4]) поганы,
Зъ рогами, мовъ булы [5]) турѣ, [6])
Верблюды зъ страшнимы [7]) горбами
И гадъ изъ острыми жалами,
Кипѣли, [8]) корчились, повзлы, [9])
Огненны [10]) изъ [11]) крылами зміи,
Въ пѣвъ [12]) локтя бѣлы [13]) кощеи, [14])
На курячихъ ногахъ козлы.

[1]) вертѣлися тутъ П. [2]) русалки, вѣдьмы П. [3]) упыри П. [4]) и П. [5]) були П. [6]) тури П. [7]) страшными П. [8]) шипѣли П. [9]) повзли П. [10]) огненныя П. [11]) зъ П. [12]) съ пивъ П. [13]) бѣгали П. [14]) кощіи П.

53.

Зъ ненаскихъ [1]) же булы Горгоны,
Кантавры, [2]) грифы, Біярей,
Химеры, карлы, геріоны [3])
И жовтыхъ бугскихъ тма [4]) ужей.
Эней [5]) хотѣвъ тутъ показатись,
Що будто вѣнъ [6]) не зна боятись,
Трощить було задумавъ чудъ,
Но за руки іого вхопила [7])
Сивилла и отговорыла, [8])
Шобъ не заходивъ дурно въ трудъ.

[1]) ненаски П. [2]) кентаври П. [3]) гарпагоны П. [4]) тьма П. [5]) Еней П. [6]) винъ П. [7]) схопила П. [8]) отговорила П.

54.

И въ далнѣйшій [1]) путь потаскала, [2])
Не баскалився бъ [3]) та [4]) ишовъ,
И такъ то швидко [5]) поспѣшала, [6])
Эней [7]) не чувъ ажъ пѣдошовъ, [8])
Хватаючися за ягою.
Якъ ось узрѣли предъ собою
Чрезъ рѣчку въ пекло перевѣзъ. [9])
Ся рѣчка Стиксомъ называлась,
Сюда [10]) ватага душъ збѣралась, [11])
Щобъ хто на той бѣкъ [12]) перевѣзъ.

[1]) Сивилла въ дальшій К. [2]) таскала К. [3]) не скалився бы П. [4]) да К. [5]) швиденько П. К. [6]) мандровала П. [7]) Еней П. [8]) пидошовъ П. К. [9]) перевозъ П. перевизъ К. [10]) сюды П. К. [11]) збиралась П. К. [12]) бикъ П. К.

55.

И перевѣзникъ [1]) тутъ явився,
Якъ цыганъ [2]) тварью смуглый [3]) бувъ,
Отъ сонця ввесь [4]) вѣнъ [5]) попалився

И губы, мовъ арапъ, [6]) отдувъ.
Очища въ лобъ позападали,
Сметаною позапливали, [7])
А голова вся въ ковтунахъ,
Изъ рота слина все котилась,
Якъ клоччя, [8]) борода избилась, [9])
Всѣмъ задававъ собою страхъ.

[1]) перевозчикъ П. К. [2]) циганъ П. К. [3]) смуглой твари П. смуглой церы К. [4]) весь П. К. [5]) винъ П. К. [6]) пузырь П. [7]) позаплывали П. К. [8]) клочье П. повстка К. [9]) скомшилась П. К.

56.

Сорочка связана [1]) узлами,
Держалась всилу [2]) на плечахъ,
Посплѣтованна [3]) мотузками,
Якъ рѣшето, була въ дѣркахъ, [4])
Замазанна була на палець,
Засаленна, [5]) ажъ капавъ смалець,
Обутый въ драны постолы,
Въ дирки [6]) онучи волочились,
Зовсѣмъ, хоть вижми, [7]) помочились,
Пошарпаны штаны булы.

[1]) звязана П. К. [2]) въ силу П. К. [3]) попричепляна П. К. [4]) въ диркахъ П. К. [5]) запалена П. [6]) изъ диръ П. К. [7]) выжми П. К.

57.

За поясъ лико [1]) отвѣчало,
На іому висѣвъ гаманець,
Тютюнъ, и люлька, и кресало,
Лежали губка, кременець.
Харономъ перевозчикъ [2]) звався,
Собою дуже величався,
Бо и не вшутку [3]) бувъ божокъ.
Зъ крючкомъ веселцемъ [4]) погрѣбався, [5])

По Стиксу [6]) прудко човномъ [7]) мчався,
Легкій бувъ човенъ, якъ стружокъ. [8])

[1]) лыко П. К. [2]) перевизчикъ П. [3]) бо й не на шутку П. [4]) весельцемъ П. [5]) погрибався П. К. [6]) по Стиксови П. К. [7]) якъ стрилка П. К. [8]) пушокъ П. К.

58.

На ярмарку [1]) якъ слобожане,
Або на красному торгу
До рыбы товпятся [2]) миряне, [3])
Було на сіому такъ лугу.
Душа товкала душу въ боки
И скрыготали, [4]) якъ [5]) сороки,
Той пхавсь, той сунувсь, иный [6]) лѣзъ,
Всѣ мялися, перебѣрались, [7])
Кричалы, [8]) спорились [9]) и рвались,
И всякъ хотѣвъ, іого щобъ вѣзъ [10])

[1]) на ярмальцѣ П. [2]) товплятся П. К. [3]) міряне П. К. [4]) скриготали К. щекотали П. [5]) мовъ П. К. [6]) иншій П. инчій К. [7]) перебирались П, К. [8]) кричали П. К. [9]) спорили П. К. [10]) визъ П. К.

59.

Якъ гуща въ сировцѣ играе,
Шипять, [1]) якъ киснуть [2]) буряки,
Якъ противъ сонця рѣй [3]) гуляе,
Гулы [4]) сѣ [5]) такъ небораки,
Харона плачучи прохали,
До іого руки протягали, [6])
Щобъ взявъ зъ собою на каюкъ,
Но сей плачу того дайдуже, (sic) [7])
На прозбы уважавъ [8]) байдуже, [9])
Злый зъ сина [10]) бувъ старый диндукъ (sic). [11])

[1]) шипатъ П. К. [2]) кваснутъ К. [3]) рій П. К. [4]) гули П. К. [5]) си П. К. [6]) простягали П. К. [7]) байдуже П. К. [8]) винъ глядѣвъ П. [9]) не дуже П. К. [10]) сына П. К. [11]) дундукъ П. К.

60.

И знай що все весломъ махае
И въ морду тиче [1]) хочъ кому,
Отъ каюка всѣхъ отганяе, [2])
А по выбору своему,
По трошечку въ човенъ сажае
И заразъ човенъ отпихае, [3])
На другій перевозить [4]) бѣкъ, [5])
Кого жъ не возьме, якъ затнется,
Тому сидѣти доведется
Небѣсь [6]) и цѣлый може вѣкъ.

[1]) тыче П. К. [2]) одганяе П. [3]) одпихае П. [4]) перевозитъ К. [5]) бикъ П. К. [6]) не бойсь П. гляди К.

61,

Эней въ кагалъ сей якъ убрався,
Щобъ зъ ближитися (sic) [1]) къ порому,
То съ Полинуромъ [2]) повстрѣчався,
Штурмановавъ [3]) що при іому.
Тутъ Полинуръ преднимъ [4]) (sic) заплакавъ,
О [5]) долѣ [6]) злѣй [7]) своѣй [8]) балакавъ,
Що черезъ рѣчку не везуть. [9])
Но баба заразъ розлучила,
Энею въ батка [10]) загвоздила, а)
Щобъ довго не базѣкавъ [11]) тутъ.

[2]) зближитися П. К. [2]) Палинуромъ П. К. [3]) що штурманомъ бувъ П. [4]) Палинуръ предъ нимъ П. К. [5]) про П. К. [6]) долю П. К. [7]) злу П. К. [8]) свою П. К. [9]) везутъ К. [10]) въ батька К. [11]) базикавъ П. К.

а) Енея къ батьку потащила П.

62.

Попхались къ берегу поближче,
Пришли на [1]) самый перевѣзъ, [2])
Гдѣ [3]) засмалціованный [4]) дѣдище [5])

Вередовавъ, мовъ [6]) въ пеклѣ [7]) бѣсъ,
Крычавъ, [8]) мовъ будто [9]) навѣженный, [10])
И кобенывъ [11]) народъ крещеный, [12])
Якъ водится [13]) въ шинкахъ у насъ:
Досталось родичамъ сердечнымъ,
Не дуже лаявъ словомъ гречнымъ,
Нехай вже носять [14]) въ добрый часъ.

[1]) нидъ К. [2]) перевизъ К. [3]) де П. где К. [4]) засмальціованный П. К. [5]) дѣдыще П. К. [6]) якъ П. К. [7]) греблѣ П. К. [8]) кричавъ П. К. [9]) будьто К. [10]) навиженный П. К. [11]) кобенивъ П. К. [12]) хрещеный П. К. [13]) водиться П. [14]) зносять П. зносятъ К.

63.

Харонъ, гостей такихъ узрѣвши,
Оскѣлками [1]) на нихъ [2]) дививсь, [3])
Якъ быкъ скаженый заревѣвши,
Запѣнявився [4]) и зазливсь: [5])
„Вѣдкѣль [6]) такіе [7]) се мандріохи?
И такъ уже васъ тутъ не трохи—
Якого чорта вы прійшлы?
Бачъ, [8]) треба [9]) хаты холодиты, [10])
Васъ треба такъ опроводиты, [11])
Щобъ вы и мѣсця не знайшлы. [12])

[1]) оскилками К. [2]) на нихъ изкоса П. [3]) подививсь П. [4]) запѣнивсь дуже П. К. [5]) озливсь П. К. [6]) видкиль П. К. васъ К. [7]) такіи П. К. [8]) хиба П. [9]) щобъ П. [10]) холодити П. К. [11]) опроводити П. К. [12]) найшли П. К.

64.

„Геть прѣчь [1]) вѣдсѣль! вбѣрайтесь [2]) къ чорту,
А то [3]) потилишника [4]) дамъ,
Побью всю пику, [5]) зубы, морду,
Що [6]) не пѣзна [7]) васъ чортъ и [8]) самъ!
И іонъ же якъ захрабровалы, [9])
Живы [10]) сюда [11]) примандровалы, [12])

Бачъ, гирявы, чого хотять! 13)
Не дуже я на васъ похваплюсь, 14)
Тутъ зъ мертвыми ось не управлюсь,
Що такъ надъ шіею 15) стоять.“ 16)

1) прочь П. пречь К. 2) вбирайтесь видциль П. К. 3) я вамъ П. К. 4) потыличника П. потылишника К. 5) пыку П. К. 6) ажъ П. К. 7) позна П. пизна К. 8) дѣдько П. К. 9) захраброваля П. К. 10) що и живы П. 11) сюды К. 12) примандровали П. К. 13) хотятъ К. 14) покваплюсь П. К. 15) такъ и надъ шіею П. 16) стоятъ К.

65.

Сивилла бачить, що не шутка,
Бо дуже сердится 1) Харонъ,
Эней же бувъ собѣ плохутка, а)
Дала старыганю поклонъ.
„Та ну, на насъ лишъ придивися“,
Сказала, „дуже не гнѣвися,
Не самы мы пришли 2) сюда, 3)
Хиба жъ мене ты не пѣзнаешъ, 4)
Що такъ кричишъ на насъ, гукаешъ,
Отсе 5) невиданска 6) бѣда! 7)

1) сердився П. 2) прійшли П. 3) сюды П. К. 4) пизнаешъ П. К. 5) оце П. К 6) невиданы П. К. 7) бѣды П. К.

а) И щобъ не здѣлалась попудка П.

66.

„Ось глянся, 1) що отце 2) такее,
Утихомирся, 3) не бурчи,
Ось деревце, глянь, 4) золотее,
Теперъ 5) же, коли хочъ, 6) мовчи!“
А далѣ 7) дрѣбно 8) росказала,
Кого у пекло 9) провожала,
До кого, якъ, про що, зачимъ.
Харонъ же заразъ схаменувся,
Разѣвъ 10) съ чотыры 11) погребнувся
И каючкомъ причаливъ къ нимъ.

[1]) глянься П. К. [2]) оце П. К. [3]) утихомирься П. [4]) бачь П. К. [5]) теперь П. К. [6]) хочь П. К. [7]) потимъ все П. К. [8]) дрибно П. К. [9]) до пекла К. [10]) развивъ П. К. [11]) чотыри П. К.

67.

Эней [1]) съ Сивиллою своею
Не мешкавши [2]) въ човенъ [3]) въ вѣйшлы (sic), [4])
Калною [5]) рѣчкою сѣею [6])
На той бѣкъ [7]) въ пекло поплилы. [8])
Вода въ росколины лилася,
Що ажъ Сивилла пѣднялася, [9])
Эней [10]) боявсь, щобъ не втонуть,
Но панъ Харонъ нашъ потрудився,
На той бѣкъ [11]) такъ перехватився,
Що нѣльзя [12]) окомъ измигнуть. [13])

[1]) Еней П. [2]) швиденько П. не мѣшкавши К. [3]) въ човничокъ П. [4]) войшли П. ввійшли К. [5]) кальною П. К. [6]) сіею П. К. [7]) бикъ П. К. [8]) поплыли П. К. [9]) пиднялася П. К. [10]) Еней П. [11]) бикъ П. К. [12]) нельзя П. К. [13]) измыгнуть П. К.

68.

Приставши висадывъ [1]) на землю,
Копѣйку взявъ вѣнъ [2]) за труда, [3])
За праціовиту [4]) свою [5]) греблю,
И що [6]) сказавъ, иты [7]) куда. [8])
Прійшовши (sic) [9]) вѣдсѣль [10]) гѣнъ [11]) издвое, [12])
Побравшись за руки обое,
Побачили, що ось лежить [13])
У бурьянѣ бровко моругій, [14])
Тры [15]) головѣ [16]) мавъ песъ сей мурый,
Вѣнъ [17]) на Энея [18]) загарчавъ.

[1]) высадивъ П. К. [2]) узявъ копѣйку П. [3]) труды П. К. [4]) праціовиту(ю) П. [5]) винъ П. [6]) ище П. [7]) ити П. К. [8]) куды П. К. [9]) пройшовши П. К. [10]) видцпль П. К. [11]) гонивъ П. К. [12]) зъ двое П. К. [13]) лежавъ П. К. [14]) мургурый П. [15]) три П. К. [16]) головы П. К. [17]) винъ П. К. [18]) Енея П.

69.

Загавкавъ рѣзко [1]) въ [2]) три языки,
Уже бувъ кинувсь и кусать,
Эней [3]) пѣдьнявъ [4]) тутъ крыкъ [5]) великій,
Хотѣвъ чимъ дужь [6]) назадъ втѣкать,
Но [7]) баба хлѣбъ бровку шпурнула
И горло глевтякомъ заткнула,
То вѣнъ [8]) за кормомъ и погнавсь,
Эней [9]) же зъ бабою старою—
То сякъ, то такъ, попѣдъ [10]) рукою
Тихенько отъ бровка укравсь. [11])

[1]) гризно К. [2]) загавкавши на три языки П. [3]) Еней П. [4]) пиднявъ П. К. [5]) крикъ П. К. [6]) дужъ П. К. [7]) ажъ П. К. [8]) винъ П. К. [9]) Еней П. [10]) попидъ П. К. [11]) убравсь П. К.

70.

Теперъ Эней [1]) убравсь у [2]) пекло,
Прійшовъ совсѣмъ на иншій свѣтъ,
Тамъ все поблѣдло и поблекло,
Зеленого ничого нѣтъ. а)
Тамъ тѣлко [3]) туманы велики,
Тамъ чути [4]) жалобные [5]) крики,
Тамъ мука грѣшнымъ не мала.
Эней [6]) зъ Сивиллою глядѣлы, [7])
Якіи [8]) муки тутъ [9]) терпѣлы, [10])
Якая кара всѣмъ була.

[1]) Еней П. [2]) ввалився въ П. убрався въ К. [3]) тилько П. К. [4]) чутны П. К. [5]) жалобныи П. [6]) Еней П. [7]) глядѣли П. К. [8]) яки П. [9]) тутъ муки всѣ П. [10]) терпѣли П. К.

а) Нема ни мѣсяца, ни звѣздъ П. К.

71.

Смола тамъ въ безднѣ [1]) клекотѣла
И грѣлася и въ [2]) казанахъ,
Живыця, [3]) сѣрка, нефть кипѣла,

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

хозяйственнымъ запросамъ. Поэтому только въ «Югѣ» печатается множество сообщеній изъ разныхъ уголковъ Херсон. и смежныхъ губерніи: за $1^1/_2$ года изданія въ «Югѣ» напечатано болѣе трехъ тысячъ корреспонденцій.

Благодаря такому изобилію свѣдѣній, необходимыхъ для всего населенія Херсонской и смежныхъ губерній, «Югъ» получилъ широкое распространеніе, проникнувъ даже въ такіе «медвѣжьи углы», куда никакія газеты до сихъ поръ еще не заходили.

Отчасти этому способствовали: дешевая подписная цѣна на «Югъ» и льготы въ уплатѣ денегъ, какія въ другихъ газетахъ не допускаются.

Газета «Югъ» выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ. Праздничные нумера снабжены прибавленіями.

Подписная цѣна для гг. иногороднихъ на годъ 8 руб., причемъ деньги могутъ быть уплочены въ разсрочку. Желающіе получать «Югъ» въ разсрочку благоволятъ заявить о томъ письменно въ Главную Контору газеты, препроводивъ

ОДИНЪ РУБЛЬ,

а остальные семь рублей высылать ежемѣсячно: по одному рублю, по два, по три—какъ кто можетъ.

Учрежденія, оффиціальныя и вообще извѣстныя лица могутъ выписать «Югъ» на годъ

ВЪ КРЕДИТЪ.

Желающіе выписать «Югъ» въ кредитъ только посылаютъ въ контору газеты хотя-бы открытое письмо съ указаніемъ своего адреса, срока, съ котораго слѣдуетъ высылать имъ «Югъ» на годъ и времени, когда будутъ присланы подписныя деньги.

Подписываться на годъ можно не только съ 1 января, какъ подписываются на другія газеты, а съ 1 числа каждаго мѣсяца—1 число того-же мѣсяца слѣдующаго года.

Адресъ Главной Конторы газеты «Югъ»: Херсонъ, Греческая ул., домъ № 14,

Редакція газеты «Югъ» весьма интересуется жизнью деревни и ея насущными нуждами, а потому проситъ гг. читателей присылать ей свои сообщенія для помѣщенія ихъ на столбцахъ «Юга». Имена гг. корреспондентовъ составляютъ тайну редакціи. Редакція проситъ гг. корреспондентовъ писать четко и притомъ на одной только сторонѣ бумаги,—такъ удобнѣе для наборщиковъ.

2—3

два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ*.

Запросини до передплати

на третїй рик виданя

ЛЇТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ ВІСТНИК.

В р. 1900 „Лїтературно-науковий Вістник“ буде виходити під тою самою редакциєю, що й доси, в такім самім обемі і на таких самих умовах.

Редакцийний комітет складають: проф. М. Грушевський, В. Гнатюк і др. Ів. Франко.

За редакцию відповідає В. Гнатюк.

Передплата платна у Львові виносить:

В Австриї з пересилкою на	чверть року	5	корон
„ „ „ „	пів „	10	„
„ „ „ „	цїлий рік	16	„
В Росиї „ „ „	„ „	8	рублїв.

В иньших державах по обчисленю пересилки.

Поодинокі книжки коштують по 2 кор.

Першого річника (1898) перші чотири книжки вичерпані; за ціну 6 зл. (6 руб.) можна дістати кн. 5—12, з додатком початків статей, що їх продовженя містять ся в сих книжках. Другий річник можна дістати по цїнї передплати.

Редакция і адміністрация у Львові, ул. Чарнецкого ч. 26.

Всякі вплати для Наук. Товариства ім. Шевченка, в тім числї і передплату можна посилати також на адрес книгарнї „Кіевской Старины“, Кіевъ, Безаковская 14, котра одержане грошей буде посьвідчувати сторонам друкованими квітками з книги Товариства. В такім разї інтересовані, замовляючи або рекламуючи Вістникъ або иньші книжки з нашого Товариства, зволять прислати в листї такий квітокъ, одержаний від книгарнї К. Стар., і все замовлене вишлеть ся їм зараз. Надїємо ся, що таким способом зробимо нашим передплатникам у Росиї велику догідність.

З усякими рекламациями треба звертати ся не до книгарнї „Кіев. Старины“, а до адмініїстрациї Лїт.-наук. Вістника.

2) Иллюстрированный журналъ прикладныхъ знаній „Мозаика Новаго Міра“ (24 выпуска), вмѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ.

3) Журналъ „Литературные Вечера Новаго Міра“. 12 ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ книжекъ романовъ и повѣстей для семейнаго чтенія.

4) 12 переплетенныхъ книгъ ежемѣсячнаго журнала „Библіотека русскихъ и иностранныхъ писателей“, въ составъ котораго войдутъ: а) шесть переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій *Ив. Ив. Лажечникова* (т.т. 7—12); б) шесть переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій *Генриха Гейне* (т.т. 7—12).

5) Двѣ роскошно переплетенныя книги, ежемѣсячнаго иллюстрированнаго изданія „Живописная Россія“, посвященныя описанію Южнаго Поволжья и Уральской области.

Лица, желающія получить въ 1900 году при „Новомъ Мірѣ“, „Мозаикѣ“ и „Литературныхъ Вечерахъ“ за этотъ годъ всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій Ив. Ив. Лажечникова, всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій Генриха Гейне и, вмѣсто 2-хъ, четыре изящно переплетенныя книги „Живописной Россіи“, посвященныя описанію: 1) Внутренняго Нестепного пространства, 2) Донско-Каспійской области, 3) Южнаго Поволжья и 4) Уральской области, уплачиваютъ за годовое изданіе „Новаго Міра“ со всѣми вышеперечисленными приложеніями, вмѣсто 14-ти руб.,— 26 рублей (заграничные подписчики 36 рублей).

Кромѣ подписки на журналъ съ приложеніями за два года, редакція „Новаго Міра“, по примѣру прошлаго года, рѣшила допустить для желающихъ замѣну объявленныхъ приложеній прошлогодними, а именно, взамѣнъ второй половины соч. Лажечникова и Гейне, желающіе могутъ получить въ 1900 году первую половину сочиненій этихъ писателей; вмѣсто же двухъ книгъ „Живописной Россіи“ за 1900 годъ,—двѣ книги того-же изданія, выпущенныя въ 1899 году, т. е. посвященныя описанію Внутренняго Нестепного пространства и Донско-Каспійской области.

Гг. подписчиковъ, желающихъ воспользоваться правомъ выбора премій, взамѣнъ объявленныхъ на 1900 годъ, просятъ заявлять о своемъ желаніи при самой подпискѣ на журналъ, излагая свое желаніе по возможности на отдѣльномъ листкѣ бумаги.

Годовая подписная цѣна „НОВОМУ МІРУ“ со всѣми приложеніями и преміями, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи—**14 р.** Роскошное изданіе—**18** рублей. За границу—**24** руб., роскошное изданіе—**28** рублей.

Изъ столичныхъ литературныхъ силъ въ газетѣ принимаютъ участіе: Н. П Аксаковъ, г-жа Барвинокъ Е. В. (псевд.), Г. И. Бутми, князь Д. П. Голицынъ (Муравлинъ), А. И. Кирпичниковъ (проф.), А. А. Коринфскій, В. С. Лихачевъ, Мордвинъ, (псевд.), Г. Т. Полиловъ, А. Сѣдой (А. П. Чеховъ), Сѣверцовъ (псевд.). Вл А. Тихоновъ, А. Ходневъ, С. Ѳ. Шараповъ и С. С. Шабишевъ. Изъ мѣстныхъ литературныхъ силъ: А. И. Алмазовъ, (проф.), Е. А. Арбенина (псевд.), А. Ф. Воеводскій (проф.), Джекъ (псевд.), П. И. Компанъ, М. А. Кривцовъ, А. А. Лебединцевъ, Г. О. Лифшицъ, Н. Н. Мальцевъ, Печоринъ (псевд.), В. М. Пуришкевичъ, М. Д. Сидоренко (прив.-доц.), И. Ф. Синцовъ (проф.), А. Ѳ. Федоровъ (проф.), Н. Е. Чижовъ (проф.), П. Н. Шейминъ (прив.-доц.), И. Л. Яворскій (проф.) и др.

ЕЖЕДНЕВНЫЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

возникли на почвѣ стремленія—выдѣлить изъ газеты рисунки и весь матеріалъ, не носящій срочнаго злободневнаго характера, но тѣмъ не менѣе представляющій глубокій интересъ для всякаго читателя. Такимъ образомъ, естественно, въ приложенія отошли: беллетристика, стихотворенія, полезныя свѣдѣнія, разныя разности и юмористически-анекдотическій элементъ съ каррикатурами.

Въ такомъ видѣ приложенія, въ количествѣ не менѣе 300 въ годъ, составятъ къ концу года два громадныхъ иллюстрированныхъ тома съ массой интереснаго чтенія, полезныхъ свѣдѣній и забавныхъ мелочей, не теряющихъ своего значенія и чрезъ десятокъ лѣтъ.

Въ настоящее время въ приложеніяхъ ежедневно безъ перерывовъ печатается романъ графа Л. Н. Толстого.

„Воскресеніе“

Всѣ новые подписчики получатъ начальныя главы романа въ отдѣльныхъ оттискахъ и, такимъ образомъ, будутъ имѣть полный романъ нашего знаменитаго писателя.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На 1 годъ—14 р., на 6 мѣс.—7 р., на 3 мѣс.—3 р. 60 к., на 1 мѣс.—1 р. 20 к.

Такса за объявленія:

На 1-й страницѣ за строку петита 20 к., на 4-й страницѣ за строку петита 10 к. за каждый разъ. Въ иллюстрированныхъ приложеніяхъ по 50 к. за строку.

Подписка на газету и пріемъ объявленій принимаются въ главной конторѣ по Ришельевской ул., въ д. Кестнера № 46.

Редакторъ-Издатель *Г. А. Липинскій.*

1—3

ОБЪ ИЗДАНІИ
КІЕВСКИХЪ
Университетскихъ Извѣстій
въ 1900 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части — 1) оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами — *критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія извѣстія въ 1900 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ,* а съ пересылкой *семь рублей.* Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ **В. Иконниковъ.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIX.

1900 г.

АПРѢЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900.

Дозволено цензурою Г. Кіевъ, 20 марта 1900 года.

Характеристика польскихъ и южно-русскихъ литературныхъ теченій послѣдней четверти XVII вѣка, въ связи съ общимъ направленіемъ тогдашней французской литературы.

При изученіи польской литературы послѣдней четверти XVII столѣтія, мы встрѣчаемся съ тѣмъ общимъ убѣжденіемъ изслѣдователей, что это время было временемъ упадка мысли и оригинальной инициативы литературныхъ сюжетовъ, подчиненныхъ опредѣленному шаблону и выраженныхъ въ языкѣ узаконеннаго жанра. Объясненіе этому явленію дается различное. Прежде всего іезуиты и теократизмъ. „Іезуиты, стоящіе во главѣ религіи и просвѣщенія, говоритъ г. Сырокомля, *злонамѣренно* останавливаютъ развитіе умовъ и пресмыкаются предъ вельможами“ [1]). „Сыны Лойолы, говоритъ г. Пекарскій, ввѣренную имъ молодежь образовывали не какъ будущихъ гражданъ, а какъ подпору католицизма, какъ слугъ и орудіе іерархіи, духовенства, какъ монаховъ. Безъ устали внушалось молодому поколѣнію, что наука не есть главная цѣль пребыванія ихъ въ школѣ, но только средство, способъ къ достиженію вѣчнаго спасенія, то-есть, другими словами, къ интересамъ ордена и іерархіи“ [2]). „Изъ такого предосудительнаго правовѣрія явилось

---

[1]) Кондратовичъ (Сырокомля). Исторія польской литературы. Пер. Кузьмичевскаго. М. 1860 г., т. 1, стр. XVIII.

[2]) Отечеств. Зап. 1862 г., кн. 2. «Представители кіевской учености въ половинѣ XVII столѣтія, стр. 559.

одностороннее направленіе мышленія, теократическій взглядъ на всѣ предметы, а въ сердцахъ учащихся, вмѣсто живой вѣры и поэзіи, образовались педантизмъ, одеревенѣніе, непониманіе прекраснаго"[1]). Такого-же представленія держатся Maciejowski[2]) и Łukaszewicz[3]), а также историки — Лелевель, Шайноха и Бобжиньскій. Спасовичъ, въ совмѣстной съ Пыпинымъ работѣ— „Исторія славянскихъ литературъ", выставилъ другое объясненіе литературнаго упадка Польши въ данное время. „Во всей европейской исторіи, говоритъ онъ, вѣкъ XVII и первая половина XVIII представляютъ время переходное, а потому весьма безцвѣтное и мало характерное". Опередившая во многихъ отношеніяхъ, и по учрежденіямъ, и даже по образованности, западно-европейскія государства, Польша пошла по діаметрально-противоположному направленію, къ застою, окостенѣнію, упадку. Наибольшая свобода для каждаго члена шляхетскаго народа достигнута, идеалъ осуществленъ, остается только оберегать пріобрѣтенное. Всѣ силы и способности поглощаетъ жизнь общественная, но она безъ задачъ; внѣ ея мало интересуютъ наука и искусство, разсматриваемыя, какъ развлеченія. Консерватизмъ въ отношеніяхъ повелъ и къ консерватизму въ идеяхъ, къ возврату къ церковному, къ религіи, основанной на авторитетѣ, приложенной къ шляхетскому народоправству, главнымъ дѣломъ считающей обрядность и не признающей одного только вольномыслія"[4]). Этому также въ значительной мѣрѣ содѣйствовало іезуитское воспитаніе, печать котораго „на всемъ этомъ періодѣ лежитъ тяжелымъ камнемъ"[5]). Какъ можно судить отсюда, взглядъ Спасовича выдвигаетъ въ качествѣ факторовъ литературнаго упадка соціальное разложеніе польской жизни. По мнѣнію Mecherzińsk'аго[6]), послѣднее обстоятельство дѣйстви-

---

[1]) Ibidem, стр. 560.

[2]) Piśmienitstwo polskie, t. II, 69—70.

[3]) Historya szkół w Koronie i w W. X. Litewskim. I. 235, 252—253, 276.

[4]) Исторія славянскихъ литературъ. СПБ. 1881, т. II, стр. 518.

[5]) Ibidem, стр. 520.

[6]) Historya wymowe w Polsce, t. III.

тельно играло крупную роль въ умственной жизни Польши. „Разстройство жизни общественной сопровождалось, говоритъ онъ, такимъ-же самымъ разстройствомъ жизни умственной“. „Съ ослабленіемъ внутренняго согласія и порядка, а вмѣстѣ—съ развратомъ обычаевъ, падали, вслѣдствіе этого, моральные устои, и всевозможные пороки—излишество, безнаказанность, иностранщина—вторгнулись также въ литературу. Извѣстное въ это время присловіе: wolno w Polsce jak kto chce, стало одинаково девизомъ и основаніемъ писателей“. Mecherziński указываетъ еще „другую причину“ литературнаго упадка, которая уже implicite содержится въ первой. Это—„подражаніе“ (naśladowanie) принятымъ образцамъ въ литературѣ и жизни, и сопровождающія его зараза худыми манерами и общее развращеніе [1]). При этомъ онъ отчасти указываетъ на вліяніе подобныхъ теченій заграницей и на содѣйствіе этому іезуитскаго образовательнаго режима [2]). Такого-же мнѣнія держатся Bartoszewicz, Wiszniewski и Bentkowski. Zelęski въ своемъ сочиненіи „Czy jezuici zgubili Polskę?“, задачей котораго было совершенно оправдать іезуитовъ, причину упадка литературы видитъ всецѣло въ соціально-политическихъ и историческихъ условіяхъ польской жизни этого времени [3]). Іезуиты были причастны этому, поскольку были сынами своего вѣка [4]). Нужно замѣтить, что сочиненіе іезуита Zelęsk'аго, не смотря на свою тенденцію, представляетъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній и приводится нами не по правилу—audiatur et altera pars, а какъ мнѣніе литературнаго работника, знакомаго при томъ почти со всей литературой даннаго вопроса.—Частныя положенія, какія онъ приводитъ въ оправданіе вышеуказаннаго общаго объясненія, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ группамъ: a) бурное время въ политической жизни Польши, которое увлекало умы въ водоворотъ политическихъ событій [5]); b) „вольность мысли,

---

1) str. 6—7.
2) str. 9.
3) str. 283—285.
4) str. 300.
5) str. 285.

рѣчи и образованія" въ Польшѣ, которая „перешла въ анархію", выдвинувшую на передній планъ магнатовъ и устранившую народъ [1]); с) частыя путешествія заграницу [2]), слѣдствіемъ чего являлась придавленность національнаго самосознанія и ослабленіе чувствительности къ интересамъ окружающей жизни [3]); наконецъ, d) общее настроеніе Западной Европы, въ которой происходила борьба монархизма съ народоправствомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, развивались „лесть и угодничество" [4]).

Въ приведенныхъ мнѣніяхъ изслѣдователей, какъ можно судить, не заключается прямого противорѣчія другъ другу. Въ каждомъ изъ нихъ можно видѣть только большую или меньшую фиксацію того или другого объясненія. Даже Zelęski, который стремится отвергнуть вліяніе іезуитовъ на данную эпоху, признаетъ громадное образовательное значеніе ихъ [5]) и поэтому, хотя остается при своемъ мнѣніи, но не разрываетъ связи съ другими. Если принять во вниманіе разнородность тенденцій и точекъ зрѣнія каждаго изъ изслѣдователей, то общій взглядъ ихъ можно принять, какъ установившееся пока воззрѣніе въ научной разработкѣ даннаго явленія. Для насъ, конечно, имѣетъ значеніе не литература in sich, а отраженіе въ ней общественнаго самосознанія,—и если въ разстройствѣ послѣдняго видятъ главную причину литературнаго упадка, то это насъ уполномачиваетъ ближе всмотрѣться въ характеръ литературы, чтобы точнѣе опредѣлить направленіе общественнаго самосознанія [6]).

---

[1]) str. 278 и 279.

[2]) Ibid.

[3]) str. 286—289.

[4]) str. 277.

[5]) «Сколько, говоритъ онъ, именъ, заслуженныхъ въ литературѣ: Krüger Oswald, математикъ и астрономъ; Тильковскій Войцѣхъ, философъ, историкъ, математикъ и богословъ; Перковичъ Томашъ и Пентковскій Гаспаръ, историки церковные; Моровскій Янъ, философъ и богословъ» и т. д. Czy iezuici zgubili Polskę? Kraków. 1883. Примѣчаніе къ str. 282; ср. также str. 281—283 и прим.

[6]) «Литература тогдашняя, говоритъ Mecherziński, представляетъ наивѣрнѣйшее отображеніе своего общества: такимъ-же сказывается

I.

Въ исторіи политики и литературы отдѣльнаго государства или народа нерѣдко приходится считаться съ тѣмъ явленіемъ, что наибольшее напряженіе политическихъ или литературныхъ силъ влечетъ за собой послѣ общій упадокъ, иногда даже граничащій съ совершеннымъ исчезновеніемъ народа съ общеисторической сцены дѣятельности. По издавна сложившейся привычкѣ, на рубежѣ „расцвѣта" и „упадка" находятъ предѣльную точку развитія народа въ томъ или другомъ отношеніи, послѣ чего онъ начинаетъ слабѣть, чахнуть, замираетъ или просто „вырождается". Но само собою понятно, что уже по закону сохраненія энергіи, наибольшее напряженіе силъ въ одномъ отношеніи не можетъ исчезнуть безслѣдно, оно должно проявиться въ какой-либо другой области,—и если „предѣльное" напряженіе общественныхъ силъ создало наибольшее государственное могущество, то, по естественному ходу вещей, это напряженіе переходитъ въ сферу соціальныхъ или чисто-общественныхъ стремленій, развитіе которыхъ часто оказывается гибельно для государственной организаціи. Обращаясь-же къ литературѣ, мы видимъ, что она стоитъ въ связи съ общимъ ходомъ государственнаго и общественнаго развитія, но выражается своеобразно въ зависимости отъ того, къ государству или къ обществу она стоитъ въ прямомъ пропорціональномъ отношеніи. XVI вѣкъ былъ золотымъ въ польской литературѣ, которая стояла въ прямомъ отношеніи къ развитію польскаго государственнаго могущества въ Европѣ. Мысль общества въ это время какъ-бы успокаивалась на политическомъ стремленіи Польши и, довольная національными побѣдами, спокойно отдавалась творчеству. Но наибольшее развитіе государственнаго могущества

разстройствомъ, упадкомъ здоровой мысли, напыщенностью, также болѣе предана празднымъ спорамъ и многословію *съ похвалой дворянамъ*, какъ народъ въ своей жизни общественной». Historya wymowe w Polsce, t. III, str. 7—8.

выдвинуло соціальные вопросы и, какъ историческій прецедентъ всякаго соціальнаго броженія, вопросъ объ отношеніи интеллигенціи къ народу. Послѣдняя четверть XVII столѣтія представляетъ переживаніе уже кризиса этого броженія, когда послѣднее проникло въ аристократическую среду и произвело въ ней раздѣленіе. Обѣднѣніе части шляхты и усиленіе нѣкоторыхъ фамилій магнатства, чрезъ участіе въ политическихъ превратностяхъ Польши, дало толчокъ самой аристократіи отстаивать свои дворянскія права и вести борьбу за свое соціальное равенство. Само собою понятно, что въ бытовыхъ условіяхъ жизни, при нервномъ отыскиваніи особенностей интеллигенціи, дающей прерогативы общедворянской жизни, литературѣ, какъ спокойному творчеству мысли, не было мѣста. Лучшія силы или совсѣмъ были устранены, или увлечены были въ жизненную борьбу.

Характеристической чертой этого времени стало то, что литературу начинало замѣнять ораторство. Среди рукописей Имп. Публич. Библіотеки польскаго отдѣла находится значительное количество сборниковъ рѣчей, сказанныхъ то въ какихъ-нибудь торжественныхъ случаяхъ, то въ оффиціальныхъ, собраніяхъ, на сеймикахъ и сеймахъ. Сборники эти встрѣчаются то самостоятельно—напр., „Mówy róznych osob“ [1]), „Rózny mówy...“ [2]), mówy, listy...“ [3]) etc.,—то въ болѣе обширныхъ и самыхъ разнообразныхъ по содержанію собраніяхъ [4]). Эго обстоятельство говоритъ о томъ, что рѣчамъ въ то время придавали большое значеніе и дорожили ими. Дѣйствительно, въ цѣломъ рядѣ литературныхъ дѣятелей послѣдней четверти XVII в., перечисляемыхъ Mecherzińsk'имъ и Wiszniewsk'имъ, мы видимъ больше ораторовъ, нежели писателей [5]). Если принять во вниманіе, что

---

[1]) Р. И. П. Б. Польск. F IV № 235.

[2]) Р. И. П. Б. Польск. Q IV № 104.

[3]) Р. И. П. Б. Польск. F IV № 95.

[4]) Р. И. П. Б. Польск. F IV №№ 253 и 254.

[5]) Станиславъ Бенёвскій, воевода Черниговскій († 1675), извѣстный ораторъ не только среди поляковъ, но и малороссійскихъ

рѣчь служила тогда въ Польшѣ прерогативомъ personae gratae и разсчитывала на популярность, то будетъ понятно не только то, почему она играла крупную роль, но и всѣ ея особенности, начиная отъ т. н. макаронизмовъ съ welemowstw'омъ и панигиризмомъ и кончая діалектикой, praznym sporom и т. д. Въ домашнемъ обиходѣ польской жизни рѣчь служила показателемъ образованія, благородства, шляхетства и eo ipso становилась въ рядъ средствъ борьбы за сословныя права и преимущества, играла, слѣдовательно, роль въ борьбѣ за шляхетское существованіе. Чѣмъ напряженнѣе велась эта борьба, тѣмъ больше старались придать виртуозности рѣчи,—и въ пору, когда

козаковъ; Криштофъ Пацъ (1647—1684) извѣстенъ и какъ писатель, и какъ ораторъ; Станиславъ Скаршевскій, каштелянъ войницкій—«wymowy gładkiej»; Павелъ Полоцкій, каштолянъ каменецкій—писатель; Андрей Максимиліанъ Фредро—каштелянъ львовскій, потомъ воевода подольскій († 1679)—на сеймѣ элекційномъ 1674 г. первый высказался за Яна Собѣскаго; Янъ-Станиславъ Збонскій, бискупъ варминьскій († 1698 г.); Антоній-Станиславъ Щука, референдарій-потомъ подканцлеръ коронный; Станиславъ-Гераклушъ Любомирскій, маршалокъ великій коронный, староста спискій († 1702), «неотступный товарищь Яна Собѣскаго",—участвовалъ съ нимъ въ походахъ и тѣмъ пріобрѣлъ популярность; Андрей Лончинскій, подкоморій новогродскій; Криштофъ Гнинултовскій; Янъ Кжицкій, подкоморій калишскій; Пенензекъ, воевода сандомірскій; Станиславъ Яблоновскій, воевода русскій; Андрей Моргитынъ, извѣстный своимъ сочувствіемъ, политикѣ Людовика XIV; Андрей Хризостомъ Залускій, бискупъ варминьскій, одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени; его богатая библіотека теперь доминируетъ среди польскихъ рукописей И. П. Библіотеки.—Всѣ эти литературные дѣятели ораторскаго шаблона не всегда являются панигиристами, преданными «welemowstwu» и «praznym sporom». У нихъ можно найти довольно цѣнныя мысли для даннаго времени,—но дѣло въ томъ, что эти мысли высказываются не столько съ цѣлью дѣйствительнаго проведенія ихъ въ жизнь, сколько въ качествѣ показателей образованности и широкаго умственнаго кругозора оратора. Ср. Hist. wym. w Polsce t. III, str. 187—212.

„w Polsce stalo wolno jak kto chce“ и поддерживать магнатскіе прерогативы было довольно затруднительно, вниманіе стало цѣпляться за внѣшнія выраженія внутренняго достоинства и благородства,—и стремленіе подчеркнуть послѣднее сказалось прежде всего на салонныхъ манерахъ и на испещреніи языка латинскими фразами, служившими conditio sine qua non образованнаго человѣка [1]). Аналогичное этому явленію можно указать у насъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., во время наиболѣе рельефнаго выдѣленія дворянства изъ другихъ сословій. Французскій языкъ въ разговорѣ и салонные принципы въ манерахъ стали у насъ существенными требованіями дворянскаго самосознанія. Въ этомъ заключался показатель образованія и чистокровности. Правда, у насъ воспитателями были Вольтеръ, Руссо, Дидро—представители французской освободительной литературы, а не іезуиты, но ихъ идеи равенства и свободы свободно уложились въ рамки самой тяжелой поры крѣпостного права, ограничиваясь атмосферой салоннаго обихода. Различіе въ учителяхъ и воспитателяхъ, конечно, сказалось, такъ-какъ у насъ французскимъ жаргономъ говорили о высшихъ проявленіяхъ человѣческаго духа, а въ Польшѣ на латинскомъ діалектѣ строили самые сложные силлогизмы, съ ссылкой на историковъ юристовъ и т. д. Но это различіе не общественнаго, а школьно-историческаго характера. Всматриваясь ближе въ аналогичные пункты, мы увидимъ одно и то-же соціальное стремленіе—ярче провести черту между образованной аристократіей (интеллигенціей) и „дикимъ“ демосомъ.

Этотъ общій выводъ можетъ быть значительно дополненъ и развитъ анализомъ соціальныхъ устоевъ общаго литературнаго теченія. Мы обратимъ вниманіе на публицистику и исторіографію. „Съ упадкомъ просвѣщенія, говоритъ Спасовичъ, извелся рядъ великихъ наблюдателей, которые-бы умѣли пони-

---

[1]) Французскіе послы—„Charnaseus (Charnace), Memmus, Bussus wybornie mówili po lacinie; nie mogli ich tu wszyscy wychwalić“. Это замѣчаніе относится еще къ первой половинѣ XVI вѣка. Korzon. Dola i niedola Jana Sobieskiego. Kraków, 1898 r. t. I, str. 15.

мать жизнь общества во всѣхъ ея разнообразныхъ до безконечности явленіяхъ, но за то появилось великое множество разсказчиковъ, которые описываютъ, съ точки зрѣнія *своей партіи, своего кружка*, тѣ событія земскія и государственныя, въ которыхъ они сами принимали непосредственное участіе. Этихъ разсказчиковъ такъ много, что съ помощью ихъ можетъ быть нагляднымъ образомъ воспроизведенъ бытъ Польши, во всей поразительной пестротѣ" [1]). Само собою понятно, что при такой постановкѣ литературной критики текущихъ событій, въ ней проявлялась только пестрота вкусовъ, стремленій и желаній, понятная и привлекательная для однихъ, непонятная и отталкивающая для другихъ. Литература, такимъ образомъ, не была чѣмъ-либо объединяющимъ общественныя стремленія и сосредоточивающимъ ихъ въ опредѣленныхъ идеалахъ, а наоборотъ—средствомъ, дифференцирующимъ соціальныя влеченія польской предводительствующей среды и санкціонирующимъ партійные интересы въ историческомъ развитіи польскаго общественнаго самосознанія. Какъ показатель соціальной безпочвенности, можетъ служить, приведенное Спасовичемъ въ исторіи славянскихъ литературъ, стихотвореніе Іеронима-Веспасьяна Коховскаго.

Niechaj kto tam chce z fizyki
Mądry dyskurs wiedzie,
My zaś wolem ssać kufliki
Przy długim obiedzie;
U nas w taniec iść mieniony
Przyjemne gonitwy...
Kto zwyciężył nieprzyjaciół,
Stawiaj obeliski,
Ja się wolę wcisnąć za stół,
Gdzie gęste kiełiszki;
Sam mi Krymski han nie srogi
Z swojemi tatary...

---

[1]) Исторія славянскихъ литературъ, т. II, стр. 543.

Chociaż leży tam pod Wilnem
Moskal o tej dobie,
Wnetże mu ja będę silnym,
Gdy podpiję sobie.

Здѣсь, подъ покровомъ „удальства воина", „рѣшительности и развязности въ обращеніи", „сноровки ловить на лету всѣ удовольствія жизни" [1]), скрывается полная пустота обще-соціальнаго интереса, разочарованіе въ общихъ задачахъ жизни и нервное обереганіе своихъ личныхъ склонностей и привычекъ предъ судомъ „безсмысленной толпы". А между тѣмъ, это былъ видный писатель того времени; онъ стоялъ близко къ политическимъ теченіямъ и еще при Янѣ Казимірѣ съ большинствомъ шляхты противодѣйствовалъ французской партіи; написалъ въ защиту Любомирскаго—Kamień świadectwa, а при Янѣ Собѣскомъ онъ своимъ сочувствіемъ австрійской политикѣ сталъ настолько близокъ двору, что получилъ титулъ королевскаго historiographus privilegiatus, данный ему за его Klimaktery (climacterae) [2]). Поэзія Вацлава Потоцкаго, создавшаго „хотинскую битву" (1621 г.), по выраженію Бобжиньскаго, представляетъ „добродушныя бездѣлушки, фантастическія повѣсти" [3]) и конечно не идетъ дальше живописной обрисовки образовъ героевъ, прославившихъ старое время. Если обратимъ вниманіе на „талантливаго" [4]) создателя современныхъ записокъ (Pamiętnike), Яна Хризостома Пассека, то увидимъ, что не смотря на ту наглядность воспроизведенія физіономіи своего вѣка, которая „можетъ надолго служить неисчерпаемымъ матеріаломъ для

---

[1]) Истор. Слав. Лит., т. II, стр. 538.

[2]) Прославляя въ commentarium'ѣ 1684 г. вѣнскую осаду, онъ, по выраженію Бобжиньскаго, «поднялся до возвышенной лирики... съ болѣзненнымъ чуствомъ затронулъ нравственный и политическій упадокъ народа». Очеркъ Исторіи Польши. Пер. Карѣева, т. II, стр. 230.

[3]) Ibidem.

[4]) Спасовичъ. Ист. Слав. Лит., т. II, стр. 548.

историка и романистовъ" [1]), онъ все же всюду сохраняетъ уголъ зрѣнія вояки [2]), побывавшаго подъ начальствомъ Чарнецкаго на войнѣ и въ Швеціи, и въ Польшѣ, и въ Литвѣ, побившаго въ ссорѣ Мазепу и наконецъ сдѣлавшагося любимцемъ Яна Казиміра и Собѣскаго. Широкая жизненная опытность дала богатый матеріалъ для записокъ, но она не сообщила живой интегрирующей связи всѣмъ переплетающимся жизненно-общественнымъ явленіямъ и не дала опредѣленной идеи соціальнымъ воззрѣніямъ историка-публициста. Всѣ другіе писатели являются на аренѣ современной литературной дѣятельности Польши, какъ выразители политическихъ стремленій той или другой партіи въ Польшѣ. Лаврентій Рудовскій, напр., описывавшій событія отъ вступленія на престолъ Яна Казиміра до Оливскаго мира (1648—1660 гг.), смотрѣлъ всецѣло съ точки зрѣнія австрійскихъ политическихъ убѣжденій и, слѣдовательно, сколько подъ угломъ самодержавія, столько съ тенденціей габсбургскихъ династическихъ интересовъ, предъ которыми раболѣпствовалъ и готовъ былъ пожертвовать всею Польшею [3]). Ко всему этому нужно прибавить, что на общемъ фонѣ литературнаго и бытового проявленія польской жизни доминировали іезуиты и церковность [4]). Въ высшемъ и сред-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Tygodnik illustrowany 1879 г.; ср. Ateneum 1878 г, Іюль.

[3]) Ист. Слав. Лит., т. II, стр. 542.

[4]) «Нѣкогда церковь не находила столько преданности», какъ теперь. «Лишая наслѣдства собственныхъ дѣтей, ее засыпали пожертвованіями и вкладами; казалось, что вся земля перейдетъ въ ея владѣнія, и тѣ-же самые сеймы, которые въ 1658 г. изъ изгнанія изъ Польши аріанской секты дѣлали пожертвованія Богу, увидѣли себя принужденными ограничить пожертвованія имѣній въ церковь". „Вся Польша приняла видъ одного монашескаго лагеря. Въ болѣе образованныхъ слояхъ общества всѣми заправляли іезуиты"... Очеркъ исторіи Польши, т. II, стр. 226—227. Іезуиты содержали 4 collegia nobilia—въ Варшавѣ, Острогѣ, Львовѣ и Витебскѣ,—и 55 среднихъ школъ, хотя о народномъ воспитаніи орденъ почти не заботился и

немъ слоѣ „всѣ нуждались въ монахѣ, который-бы съ ними ѣлъ, пилъ, проводилъ время и братался,—и находили его въ орденахъ нищенствующихъ бернардинцевъ, францисканцевъ и капуциновъ, которые широко распространились теперь по всей Польшѣ и ни образованіемъ, ни имуществомъ, ни высокомѣріемъ не поражали бѣднаго шляхтича, владѣвшаго одной полосой или деревней" [1]). Монашескія идеи, въ связи съ общими философско-религіозными абстракціями, по обычному порядку вещей, являются замѣстителями пустоты общественныхъ интересовъ, чтобы дать мысли безобидное и безопасное упражненіе, необходимое для салоннаго развлеченія.—Говорить объ общихъ задачахъ польскаго дворянства и народа тѣмъ болѣе не удобно, что всѣмъ памятна была буря, произведенная Маріей Людвикой, женой Яна Казиміра, и Любомирскимъ, отстаивавшимъ Польшу отъ посяганій Людовика XIV. Теперь-же богатые фамиліи уже вошли въ тѣсное общеніе съ Франціей. Съ одной стороны „częste malżęske związkie z francuzami", [2]) надѣленіе, въ видахъ политическихъ, лучшихъ польскихъ фамилій имѣніями во Франціи [3]) связывали интересы французской жизни съ идеалами и стремленіями части магнатства; съ другой—блестящее положеніе французскаго двора въ Европѣ, [4]) при могущественномъ политическомъ значеніи Людовика XIV [5]), привлекало къ нему всѣхъ, кто стремился достигнуть придворнаго чина или дворян-

---

элементарныхъ школъ не заводилъ. Пыпинъ и Спасовичъ. Ист. Слав. Лит., т. II, стр. 522.

[1]) Бобжиньскій. Очеркъ Ист. Польши, т. II, стр. 227.

[2]) Zelęski. Czy jezuici zgubili Polskę? str. 289, примѣч. 1.

[3]) Іосифъ Залускій и Янъ Красовскій, «великіе вельможи двора», были надѣлены имѣніями въ Лотарингіи и Бургундіи. Ibidem.

[4]) Iasniał na ten czas dwór Ludwika XIV całym blaskiem pozyczonego swiatła. Ibid.

[5]) Ibid. «Въ рукахъ французскаго монарха, говоритъ Zelęski, находились судьбы всей Европы» стр. 277—288; ср. Трачевскій. Международная политика Людовика XIV. Ж. М. Н. Пр. 1888 г. № 1.

ства [1]), словомъ, выдѣлиться изъ окружающей среды и занять господствующее положеніе. Въ политическихъ и соціальныхъ убѣжденіяхъ получалось полное разногласіе. Въ то время какъ партія, усвоившая себѣ политическую программу Людовика XIV, не только болѣе или менѣе сочувственно относилась къ французской политикѣ въ Польшѣ и противилась войнѣ съ Турціей, но мало-по-малу лишалась связи съ національными и соціальными стремленіями окружающей среды, такъ что подъ конецъ царствованія Собѣскаго ей „nie było co robić w Polsce" [2])—другая партія, увлеченная папскими и католическими идеями освобожденія христіанъ отъ невѣрныхъ, попала въ сѣти габсбургскихъ династическихъ интересовъ и играла подъ дирижерство двора Леопольда. Нейтральной-же части, не имѣющей опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, оставалось являться то нарушителями старой „wiary i swiętej cnoty" [3]), то „śmiałemi doktrynami i całem zachowaniem niezmiernie wolnem" [4]) производить внутреннее броженіе и проводить въ общественную жизнь мелкую обособленность партійныхъ стремленій. [5]) Это послѣднее обстоятельство имѣло крупное значеніе въ общественно-государственномъ функціонированіи польской жизни. До извѣстной степени оно служитъ показателемъ мозаической пестроты магнатско шляхетныхъ интересовъ и конгрессивнаго характера польскаго парламентаризма [6]).

---

[1]) Zelęski, str. 289. Андрей Морштынъ, подскарбій коронный, распродалъ свои имѣнія въ Польшѣ, переселился во Францію, закупилъ тамъ богатыя имѣнія и «служилъ монархическимъ стремленіямъ Людовика XIV». Сынъ его сдѣлался генераломъ французскихъ войскъ.

[2]) Лучшая молодежь въ значительномъ количествѣ эмигрировала заграницу. Ср. Zelęski, str. 289.

[3]) Ibid, str. 290.

[4]) Ibidem.

[5]) «Упадокъ высшей политики, говоритъ Zelęski, передалъ политическую дѣятельность въ единоличныя руки выдающихся магнатовъ и ихъ женъ», str. 289.

[6]) Н. Карѣевъ. Историческій очеркъ польскаго сейма. М. 1888, стр. 10.

Въ бытовыхъ же условіяхъ его жизни оно сказывалось полной апатіей, побуждающей „пить горькую“, какъ описываетъ стихотвореніе въ записи конца XVII вѣкѣ, найденное нами въ польской рукописи И. П. Библіотеки. F. II, № 63.

Ciebie piie szlachta z pany,
Piie Burmistrz y z mieszczany.
Gardzi żebrak odrapany,
Że nić ma w mieszku pity.
J król piie małwazye, [1])
Senat, zdiawszy ferezye, [2])
Liquor [3]) Rynski smakuią.
I Dworzane, iako w Kanie,
Tylko na stoł hasła stanie,
Wszyscy iey deferuią...
I Rycerstwo piie czerstwo,
Stroiąc sobie z tąd szyderstwo,
Że skrzywdzone w Hybernie.
Czuiąc w winie smak w Lublinie...
J w Piotrkowie sąd nie minie,
Radzi sie tam zabawią.
Choc zwąlniona ich spraweczka,
Darowna ią wesprze beczka,
Że Dekretu poprawią.
Przy offierze w naszey wierze
Trzy kroc wino w kielicz bierze,
Kapłan offiaruiący.

. . . .

Piią mniszy sobie w ciszy—
Nikt tam krzyku nie usłyszy.
Milcz Bracie, milcz' Przeorze,
Pelnią mniski, ssą kieliszki

---

[1]) Вино «Мальвазія».

[2]) Верхняя одежда.

[3]) Названіе вина простого, рыночного.

Każda do swey towarzyszki,
W ciszosci y pokorze.

. . . .

Piią chorzy, bo Doktorzy,
Wiedząc, iże zdrowie sporzy,
Pozwalą dla żołądka.
Piią starzy, seredaczy
I do. . . . . częc koiarzy,
Wyrzydaiąc do szcządka.
I niewiastki też go lubią,
I zagadki winne skubią,
Ale kształtnie y skrycie.

. . . .

Piią kupcy, bo nie głupcy,
Powróciwszy z Lipska, z Lubczy,
Jak swe towary słożą... [1])

П. Гавриловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

---

[1]) Въ рукописи это стихотвореніе — на двухъ языкахъ, — латинскомъ и польскомъ, идущихъ параллельными столбцами. Польское стихотвореніе съ надписью — Proza Winu Polska; латинское — Prosa libera Patri Bacoso. Мы выписываемъ здѣсь польское стихотвореніе только по частямъ.

Вторая кіевская гимназія[1]

1852—1861.

„Память наша,—сказалъ гдѣ-то Шопенгауэръ,—похожа на сито, которое отъ времени и употребленія становится все грубѣе, такъ что чѣмъ больше мы старѣемся, тѣмъ скорѣе ускользаетъ изъ памяти все то, что мы ей довѣряемъ, и, напротивъ, остается то, что утверждено въ ней въ ранніе годы".

Оттого-то и мои воспоминанія, чѣмъ дальше простирались въ глубину времени, тѣмъ были отчетливѣе и становятся все смутнѣе по мѣрѣ приближенія къ настоящему.

Но будемъ продолжать.

Еще въ 1851 году, прослуживши Немировской гимназіи 8 лучшихъ лѣтъ моей жизни и узнавши, что во 2-й Кіевской гимназіи, за смертію учителя русской словесности Николаевскаго, открылась вакансія, я отправился къ помощнику попечителя М. В. Юзефовичу проситься о переводѣ. Хотя впредь до пріисканія преподавателя туда былъ приглашенъ профессоръ А. И. Селинъ, но я, по совѣту инспектора Гренкова, рискнулъ попытать счастья.

Прихожу къ генералу и прошу лакея доложить о себѣ.

— Пожалуйте!—буркнулъ тотъ, не глядя на меня и указывая жестомъ по направленію къ двери, ведущей на балконъ.

---

[1]) Продолженіе. «Кіевская Старина" за 1890 и 1895 годы.

Его П—во только-что окончилъ завтракъ. Придерживая шпаженку, я отвѣсилъ поклонъ и вытянулся въ струнку подъ самой стѣнкой.

— Здравствуйте! что скажете?—спросилъ генералъ, вытирая ротъ салфеткой.

— Осмѣливаюсь утруждать В. П—во покорнѣйшею просьбой о перемѣщеніи меня изъ Немировской гимназіи во 2-ю Кіевскую на вакансію учителя Русской словесности.

— Откуда вы взяли вакансію? Тамъ читаетъ профессоръ.

— Я полагалъ, В. П—во, что профессоръ Селинъ исправляетъ эту должность временно, за неимѣніемъ въ виду лица, которое-бы заняло вакансію.

— Да кто вамъ сказалъ, что профессоръ преподаетъ временно?—спросилъ генералъ, возвысивъ голосъ.

— Мнѣ казалось,—отвѣтилъ я смиренно,—что двѣ должности, профессорская и учительская въ такой многолюдной гимназіи, какъ 2-я кіевская, въ одномъ лицѣ несовмѣстимы: одно исправленіе ученическихъ сочиненій, я знаю это по опыту, это такой трудъ...

— Не разсуждать!—зычнымъ голосомъ крикнулъ генералъ: смотрите, пожалуйста, онъ хочетъ, чтобы я промѣнялъ профессора университета на какого-нибудь учителишку!

Разумѣется, послѣ такого комплимента мнѣ оставалось только поскорѣй унести ноги отъ этого непривѣтливаго господина.

И только черезъ годъ послѣ этой неудавшейся попытки, благодаря содѣйствію того-же Гренкова и его пріятеля, всемогущаго въ округѣ А. А. Лазова, я наконецъ вырвался изъ ежевыхъ рукавицъ Зимовскаго и, оставивъ навсегда жидовское мѣстечко, содѣлался обитателемъ богоспасаемаго града.

Прибывъ на мѣсто въ концѣ августа 1852 года, я счелъ долгомъ немедленно явиться къ Михаилу Владиміровичу, Доложили.

— Просятъ въ бесѣдку, пожалуйте!—сказалъ мнѣ тотъ-же самый невѣжа-лакей, отворяя двери въ садъ.

Вхожу въ бесѣдку. Мой генералъ сидитъ, какъ богъ-Панъ, окруженный пышной растительностью.

— А, здравствуйте! вы уже пріѣхали?

И онъ протянулъ мнѣ руку, съ которой я рѣшительно не зналъ, что дѣлать—брать или не брать?

— Прошу садиться!

„Что за притча?"—подумалъ я, не вѣря своимъ ушамъ, „что за метаморфоза такая?" А ларчикъ просто открывался: узнавъ объ увольненіи профессора и о моемъ назначеніи на его мѣсто, онъ спросилъ Лазова:

— Алексѣй Алексѣевичъ, что все это значитъ?

— Самъ уволилъ и самъ назначилъ другого,—отвѣтилъ тотъ.

„А - а,—сообразилъ генералъ:—значитъ, съ этимъ учителишкой нужно быть деликатнѣй—онъ извѣстенъ самому Бибикову.

Директоромъ 2-й гимназіи былъ въ то время богатый малороссійскій панъ Н. А. Ригельманъ,[1]) который до того числился на службѣ въ канцеляріи генералъ-губернатора и, отъ нечего дѣлать, путешествовалъ по славянскимъ землямъ, да пописывалъ въ московскихъ славянофильскихъ журналахъ. Бибиковъ на подобныхъ субъектовъ смотрѣлъ глазами Наполеона I, называвшаго ихъ идеалогами, т. е. людьми негодными для практической дѣятельности, и потому, когда открылась вакансія директора во 2-й гимназіи, послѣ отставки пр. Богородскаго, онъ предоставилъ ее Ригельману, изъ чего между прочимъ можно заключить, какъ легко смотрѣли на многотрудныя обязанности педагога вершители нашихъ судебъ.

По пріѣздѣ въ Кіевъ я не засталъ директора на службѣ: онъ прохлаждался въ своихъ имѣніяхъ, собирая дани многи съ крестьянъ своихъ, хотя ученіе въ гимназіи давно уже началось [2]). Обязанности директора, въ его отсутствіе, исполнялъ инспекторъ

---

[1]) Это не единственный директоръ изъ помѣщиковъ: въ Волынской гимназіи былъ Трофимовскій, въ Черниговской—Бугаевскій, въ Каменецъ-Подольской—Вощининъ.

[2]) Каникулы наши въ то время продолжались всего одинъ мѣсяцъ: съ 22-го іюня по 22-е іюля.

Н. М. Гренковъ. Переночевавъ у своего земляка Т. И. Пристюка, тогда учителя 1-й кіевской гимназіи, я на другой-же день, по его указанію, занялъ довольно удобную квартиру у его сослуживца Ѳ. А. Токарскаго и немедленно приступилъ къ преподаванію своего предмета.

Такъ-какъ предмѣстникъ мой, А. И. Селинъ, былъ не нашъ братъ, чернорабочій учитель, а восторженный пѣнкосниматель профессоръ, то мнѣ, на первыхъ порахъ, было довольно трудно управляться съ многолюдными классами[1]). Новые мои слушатели совершенно отвыкли отъ гимназическаго способа преподаванія; имъ видно пришелся по вкусу университетскій способъ чтенія лекцій; роль ихъ круглый годъ была совершенно пассивная: наслаждаясь краснорѣчіемъ обожаемаго Александра Ивановича, они никогда не отдавали ему отчета въ томъ, насколько ими усвоено прослушанное. Понятно, что мои „уроки", послѣ профессорскихъ лекцій, пришлись имъ не по-нутру. Пользуясь пріятельскими отношеніями къ директору и къ помощнику попечителя и опираясь на свой авторитетъ, какъ профессора, Александръ Ивановичъ знать не хотѣлъ никакой программы, безусловно обязательной для обыкновенныхъ смертныхъ, т. е. учителей, которые не смѣли отступать ни на іоту, и потому мнѣ пришлось вколачивать весьма поверхностные обрывки свѣдѣній своихъ учениковъ въ предѣлы гимназическаго курса. А тутъ еще вернувшійся изъ деревни директоръ, недовольный увольненіемъ профессора, помимо его желанія, не переставалъ настаивать, чтобы я познакомился съ Александромъ Ивановичемъ и поучился у него преподаванію русской словесности, но я шелъ своей дорогой, слѣдуя собственному методу, выработанному самостоятельной 10-лѣтней практикой.

Результаты моего преподаванія, какъ показали годичныя, а особенно окончательныя испытанія, превзошли мои ожиданія.

Въ качествѣ контролирующаго ассистента на экзаменахъ въ VII классѣ присутствовалъ и мой антагонистъ Селинъ, кото-

---

[1]) Въ V классѣ въ двухъ отд. 115 ч. въ VI—82, въ VII—58.

рый тоже остался совершенно удовлетвореннымъ отвѣтами моихъ учениковъ. Всѣ 58 человѣкъ получили отмѣтки удовлетворительныя, не смотря на то, что по предписанію Бибикова, по русскому языку требовалась отмѣтка 4.

Послѣ этого директоръ предоставилъ мнѣ полную свободу дѣйствія относительно моего преподаванія. Но помимо моихъ служебныхъ обязанностей, Николай Аркадьевичъ нашелъ другой поводъ надоѣдать мнѣ. Кіевская жизнь, послѣ Немировской дешевизны (квартира со столомъ 10 р.), показалась мнѣ довольно дорогой, и вотъ къ моимъ услугамъ подвернулся съ предложеніемъ выгодной кондиціи польскій помѣщикъ маркизъ Яяевскій, который за приготовленіе сына въ университетъ, чрезъ ксендза Коризну, предложилъ мнѣ квартиру съ полнымъ содержаніемъ и тысячу рублей гонорару. Заниматься я долженъ былъ всѣми предметами, за исключеніемъ новыхъ языковъ и математики. Прежде чѣмъ согласиться на такія заманчивыя условія, я пожелалъ поближе познакомиться съ будущимъ воспитанникомъ, насколько онъ подготовленъ для того, чтобы черезъ годъ поступить въ университетъ.

И что-же оказалось? По русскому языку онъ не годится и въ 3-й классъ, исторіи не начиналъ вовсе, по латыни—ни бельмеса. Мыслимо ли было въ теченіе какихъ-нибудь девяти мѣсяцевъ приготовить къ вступительному экзамену въ университетъ такого невѣжественнаго юношу? Я, конечно, отказался наотрѣзъ, и этимъ отказомъ нажилъ себѣ не мало хлопотъ. Пріятель маркиза, директоръ, не давалъ мнѣ проходу, уговаривая меня принять кондицію. Всѣ мои доводы о невозможности этой нелѣпой сдѣлки на него не дѣйствовали. Какъ только попадусь ему на глаза:

— Что-жъ вы, еще не надумались?

— Нѣтъ, Н. А—чъ, не могу.

— Странно! Квартира со столомъ и больше чѣмъ вдвое противъ казеннаго жалованья плата,—очень странно!

— Да вѣдь поймите же, г. директоръ, что я долженъ буду, въ ущербъ моей службѣ, употребить вдвое больше времени на

приготовленіе одного субъекта противъ того, что я употребляю для гимназіи, гдѣ у меня не одинъ ученикъ, а 250 человѣкъ. А что запоете мнѣ, если я, ради кондиціи, стану манкировать своими прямыми обязанностями, и все-таки никакого толку изъ моихъ занятій съ этимъ паничемъ не будетъ?

Но такіе доводы на г. директора не дѣйствовали. „Странно"— да и только. Не успѣвъ уговорить меня черезъ директора, маркизъ обратился къ Юзефовичу; но тотъ ему сказалъ, что ни одинъ уважающій себя наставникъ не согласится быть гувернеромъ ни за какія деньги: для этого существуютъ разные проходимцы, французы и нѣмцы. Не найдя ни одного охотника на лакомую приманку, панъ Ячевскій приглашаетъ профессоровъ давать частные уроки; тѣ, конечно, согласились, и юноша, съ помощію Ставровскаго и К°, черезъ годъ поступилъ въ университетъ!

Нашъ Рагельманъ оставался славянофиломъ и въ должности директора, а по выходѣ въ отставку былъ даже предсѣдателемъ славянскаго благотворительнаго комитета. Впрочемъ, надо признаться, наши крѣпостники--славянофилы, часто игнорируя нужды своихъ русскихъ славянъ, не только оставляли ихъ безъ всякой помощи, но эксплоатируя ихъ трудъ, изъ одной лишь моды благодѣтельствовали чужимъ, гораздо меньше нуждавшимся и болѣе обезпеченнымъ. Получая громадный доходъ изъ своихъ имѣній, Николай Аркадьевичъ для *меньшей братіи* своей ровно ничего не сдѣлалъ. По крайней мѣрѣ не слышно было, чтобы онъ завелъ для своихъ крестьянъ хоть одну школу, хоть одну больницу. При всемъ своемъ богатствѣ, онъ былъ страшно скупъ. Желая опровергнуть циркулировавшее въ Липкахъ такое о себѣ мнѣніе, Ник. Арк. сталъ по воскресеньямъ приглашать учителей на обѣды, раздѣливъ весь учебный персоналъ на группы, по пяти человѣкъ за одинъ разъ. Былъ и я однажды на такомъ обѣдѣ и нашелъ, что мой простой столъ, приготовляемый крѣпостной кухаркой Токарскаго, несравненно питательнѣе и вкуснѣе поварскихъ бульоновъ и соусовъ г. директора. Дѣло въ томъ, что амфитріонъ нашъ получалъ изъ имѣній провизію въ такомъ

изобиліи, что одному человѣку израсходовать ее впродолженіе мѣсяца было невозможно, и вотъ, когда она начинала портиться, Н. А. нашелъ средство употреблять ее въ дѣло, приглашая учительство на обѣды.

Поздней осенью 1852 года Кіевъ праздновалъ великое событіе—отъѣздъ Д. Г. Бибикова заграницу въ четырехмѣсячный отпускъ, изъ котораго онъ уже не возвратился, перейдя на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Четырнадцатилѣтнее свое владычество надъ Юго-Западнымъ краемъ (1838—1852) онъ самъ охарактеризовалъ въ рѣчи, обращенной къ дворянству трехъ губерній во время выборовъ, случайно совпавшихъ съ этимъ отъѣздомъ. Сознавая свою мощь, сановный ораторъ, въ сжатомъ видѣ, представилъ, конечно, съ своей точки зрѣнія, блестящіе результаты своей дѣятельности во ввѣренномъ ему краѣ; но дальнѣйшій ходъ событій въ жизни этого края далеко не оправдалъ смѣлыхъ выводовъ грознаго администратора.

Бибиковъ въ роли попечителя учебнаго округа, не задаваясь никакими педагогическими вопросами, не интересуясь никакою наукой, требовалъ отъ наставниковъ средне-учебныхъ заведеній Юго-Западнаго края только одного, чтобы они польскихъ дѣтей сдѣлали русскими, преданными Царю и отечеству. Въ силу такихъ требованій, педагоги очутились въ исключительномъ положеніи: къ ихъ дѣятельности чисто научнаго свойства примѣшивались требованія, не имѣвшія ничего общаго съ наукой. Но что́ сдѣлали наши гимназіи для русскаго дѣла въ ополяченномъ краѣ? Заключалась-ли хоть малая доля правды въ широковѣщательныхъ донесеніяхъ разныхъ Зимовскихъ, Яковлевыхъ и др. обрусителей? А вѣдь донесеніямъ этимъ Д. Г—чъ вѣрилъ безконтрольно, награждая ихъ крестами и деньгами. Мало того, на основаніи подобныхъ донесеній, онъ вводилъ въ заблужденіе правительство на счетъ вѣрноподданническихъ чувствъ польскаго населенія. Такъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1848 годъ, онъ между прочимъ доносилъ:

„Въ учебныхъ заведеніяхъ сталъ развиваться русскій языкъ, русскія начала и желанія служить, почему учебныя заведенія не представляютъ никакой опасности, и послѣдствія эти важны въ настоящее время, а въ будущемъ слѣдуетъ ожидать самыхъ прочныхъ результатовъ въ отношеніи образованія польскаго юношества."

А будущее, увы! зло насмѣялось надъ этимъ пророчествомъ дальновиднаго администратора... Жаль, что онъ не дожилъ до злополучнаго 1863 года!

Да, не добромъ помянули Бибикова наши педагоги.

„Не говоря уже о его гордости и надменности, въ этомъ человѣкѣ не было никакого чувства, а какая-то убійственная холодность и равнодушіе къ судьбѣ ближняго". [1])

Одинъ изъ учителей Кіевской гимназіи, обремененный большимъ семействомъ, рискнулъ попросить у попечителя прибавки къ весьма скудному жалованью.

„Вишь чего старый захотѣлъ,—пошутилъ Д. Г—чъ:—а если-бы я велѣлъ тебѣ всыпать 25 горячихъ, попросилъ-бы ты прибавки?

Ошеломленный такой жестокой шуткой педагогъ чуть было не рехнулся тутъ же въ пріемной. Шатаясь какъ пьяный, вышелъ онъ на свѣжій воздухъ и, стоя на крыльцѣ между двумя часовыми, долго не могъ прійти въ себя, повторяя безсвязно услышанныя имъ отъ генерала слова: „всыпать... 25?.. мнѣ? Я—солдатъ? Нѣтъ... вотъ и шпага и треуголка... Я коллеж...

Когда огорченный старикъ отправился искать сочувствія своему горю къ генералу штатскому, то сей послѣдній утѣшалъ его такой сентенціей:

„Такъ вамъ и нужно! Не лазьте по пустякамъ къ Генералъ-Губернатору, минуя ближайшее начальство. Что-жъ, что вы коллежскій совѣтникъ? По моему крайнему разумѣнію, учителямъ не слѣдовало бы давать такихъ большихъ чиновъ. Ну, скажите

---

[1]) См. «Старая и Новая Россія» 1878. № 12. Характеристика Титова.

на милость, къ чему послужилъ вашъ чинъ? И что за важная птица—учитель? C'est un metier"!

Жалованья, правда, прибавили классику,но лучше-бы съ голоду пропасть, чѣмъ испытать такое тяжкое униженіе за 23-хълѣтнюю усердную и безпорочную службу.

О, tempora, o mores!—повторялъ, идучи домой униженный и оскорбленный наставникъ юношества.

Суровый бибиковскій режимъ заразилъ маніей величія и другихъ администраторовъ—отъ смотрителей уѣздныхъ училищъ до помощника попечителя включительно. Вотъ тому доказательство:

Помимо просьбъ о перемѣщеніи, каждый проѣзжавшій черезъ Кіевъ учитель обязательно долженъ былъ явиться къ начальнику въ полной парадной формѣ и для того долженъ былъ везти съ собой, на почтовой перекладной за 200—300 верстъ, мундиръ, шпагу и треухъ.

Разъ Бибикову вздумалось зайти въ общую ученическую квартиру 2-й гимназіи. Дежурнымъ надзирателемъ въ тотъ день былъ высокопарнѣйшій надзиратель Софроній Семеновичъ Гриценко. Обойдя помѣщеніе квартиры, Д. Г—чъ обратился къ нему съ нотаціей на счетъ замѣченныхъ безпорядковъ въ дортуарахъ и прибавилъ въ заключеніе:

— Слышите-ли вы?

Гриценку слѣдовало безмолвно поклониться или отвѣтить по-солдатски: „слушаю-съ, В. В—во!"—и дѣлу конецъ. Но у Софронія была неудержимая страсть къ риторикѣ; его угораздило прибавить: „слушаю, В. В—во, съ уваженіемъ"!

— А развѣ ты можешь слушать меня безъ уваженія?—закричалъ генералъ, сильно напирая на помертвѣвшаго отъ страха надзирателя. Тотъ—шагъ назадъ, а Бибиковъ—два впередъ, да загналъ бѣднягу въ самый уголъ, такъ что дальнѣйшее отступленіе стало невозможнымъ.

„Въ эту ужасную минуту,—разсказывалъ потомъ Софроній Семеновичъ:—я завидовалъ существованію ничтожнаго мышенка, готовъ былъ спрятаться въ мышиную норку, провалиться сквозь полъ, исчезнуть съ лица земли.

За нѣсколько часовъ до своего отъѣзда Д. Г—чъ показалъ примѣръ повиновенія начальству на гимназистахъ. Послѣ маршировки на университетскомъ плацу, съ инспекторомъ Гренковымъ во флангѣ, онъ скомандовалъ дѣтямъ:

— Ложись!—и обѣ гимназіи, какъ одинъ человѣкъ, полегли. —Храпи! спи! вставай!—и все въ точности исполнено.

— Вотъ какъ нужно повиноваться начальству!—обратился онъ поучительнымъ тономъ къ представителямъ дворянства трехъ Юго-Западныхъ губерній, присутствовавшихъ при муштрѣ въ мундирахъ.

Начальникомъ края назначенъ волынскій губернаторъ, князь Илларіонъ Илларіоновичъ Васильчиковъ.

Въ этой же прощальной рѣчи своей къ дворянству Бибиковъ выразился о своемъ преемникѣ такими словами:

„Вмѣсто меня вступаетъ въ управленіе тремя губерніями кн. Васильчиковъ. Это человѣкъ благороднѣйшихъ чувствъ; онъ исполнитъ превосходно всѣ тяжелыя обязанности того тяжкаго бремени, которое я несу 15 лѣтъ“.

Къ Васильчикову перешло и номинальное управленіе Кіевскимъ учебнымъ округомъ; говорю номинальное потому, что въ сущности дѣлами округа продолжали заправлять прежніе воротилы: Юзефовичъ и Лазовъ. За три года своего управленія округомъ князь былъ только одинъ разъ во 2-й гимназіи, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Кіевъ. Вь сопровожденіи помощника, онъ обошелъ классы, отнесся къ нашему педагогическому персоналу весьма ласково и благосклонно, такъ что мы увидѣли въ немъ болѣе именитаго посѣтителя, чѣмъ начальника. Суровый бибиковскій режимъ миновалъ навсегда; забитое и загнанное учительство вздохнуло свободнѣе; директоры насъ перестали пугать попечителемъ какъ букой; даже громовержецъ Михаилъ Владиміровичъ долженъ былъ измѣнить свое обращеніе съ подчиненными на болѣе вѣжливый тонъ. Гуманное отношеніе князя къ личности каждаго служащаго сдерживало буйные инстинкты власть имущихъ, не знавшихъ до того никакого удержу.

Попечительство кн. Васильчикова не ознаменовано ни однимъ важнымъ распоряженіемъ ни по учебной, ни по воспитательной части. Назначенія на должности, перемѣщенія, увольненія, награды шли не отъ попечителя, а отъ Юзефовича и Лазова; онъ только подписывалъ то, что ему подкладывали. Тѣмъ не менѣе въ его управленіе округомъ случилось событіе, по поводу котораго князь проявилъ свою самостоятельность: это увольненіе директора Немировской гимназіи Зимовскаго. Въ концѣ 1852 года съ Зимовскимъ опять случилась, такъ называемая, непріятная исторія: его опять побили. Дим. Гавр. за оскорбленіе дѣйствіемъ наградилъ въ первый разъ потерпѣвшаго орденомъ Анны 2-й степени, не смотря на то, что директоръ былъ кругомъ виноватъ, вызвавши своимъ жестокимъ обращеніемъ дикій поступокъ ученика Вольскаго; тутъ Егору Яковлевичу не мало помогли своимъ предстательствомъ Юзефовичъ и Могилянскій.—Теперь-же князь не принялъ отъ побитаго никакихъ объясненій и, отвергши заступничество Могилянскаго, велѣлъ Зимовскому подать въ отставку. И по дѣломъ!

Педагогическій персоналъ первыхъ годовъ моей Кіевской службы, *до попечительства Пирогова*, состоялъ изъ немалаго числа антиковъ, какихъ въ настоящее время уже не встрѣтить. Собственно говоря, гимназіей управлялъ не Ригельманъ, съ которымъ ни ученики, ни наставники не имѣли никакого дѣла, а инспекторъ *Н. М. Гренковъ*, находившійся безотлучно въ гимназіи и вѣдавшій самостоятельно какъ дисциплинарной, такъ и учебной частью въ заведеніи. Дѣйствительный студентъ педагогическаго института, родомъ изъ Тамбова, гдѣ онъ получилъ первоначальное образованіе въ мѣстной семинаріи, Николай Михайловичъ въ 1835 году поступилъ въ должность учителя математики и физики въ первую гимназію и нѣкоторое время, за неимѣніемъ профессора, читалъ лекціи математики въ университетѣ Св. Владиміра, а въ 1837 году послѣ Павла Іеропеса, былъ назначенъ инспекторомъ во 2-ю кіевскую гимназію. Во все время своего инспекторства вплоть до увольненія отъ службы при Пироговѣ, Н. М—чъ слылъ ревностнымъ поклонникомъ

розги. У него заведенъ былъ такой порядокъ: впродолженіе цѣлой недѣли взысканія съ учениковъ производились только за шалости, не касаясь ихъ лѣни, а въ субботу надзиратели выписывали изъ классныхъ журналовъ наставленныя за всю недѣлю учителями единицы и нули, и всѣхъ лѣнтяевъ, коихъ число доходило иногда до 30 человѣкъ, оставляли по окончаніи уроковъ для расправы. Обычай этотъ, по всей вѣроятности занесенъ инспекторомъ изъ тамбовской семинаріи, гдѣ, какъ и въ другихъ духовныхъ училищахъ того времени, существовали *субботки* (subbativa).

При всемъ томъ, нужно отдать справедливость неусыпной дѣятельности Николая Михайловича, успѣвавшаго водворять порядокъ въ такой многолюдной гимназіи, какою была въ то время 2-я кіевская. Въ ней числилось болѣе 700 человѣкъ, изъ коихъ 200 помѣщались въ общей квартирѣ при гимназіи, что при безучастномъ отношеніи г.г. преподавателей къ поведенію учениковъ внѣ класснаго времени, дѣлало службу инспектора весьма тяжелою; помощники же его, надзиратели, не оказывали ему ни малѣйшей помощи. Отвѣтственность за дисциплину, поэтому, всецѣло ложилась на инспектора. Каждый учитель, отбывши свои часы въ гимназіи, спѣшилъ на уроки въ другія заведенія, нисколько не заботясь о томъ, что творилось въ гимназіи во все остальное время, какія тамъ малыши претерпѣвали истязанія за тѣ единицы, которыя наставлены ими въ классныхъ журналахъ зря, безъ должнаго вниманія къ отвѣтамъ ученика и къ его слезнымъ оправданіямъ своей неуспѣшности.

Старѣйшимъ между преподавателями былъ учитель русскаго языка *Ѳ. В. Березницкій*, товарищъ Гренкова по педагогическому институту, человѣкъ не безъ способностей, извѣстный даже въ печати составленнымъ имъ учебникомъ ариѳметики, но сильно зашибавшій хмелемъ. Во все продолженіе своей кіевской службы, я ни разу не видѣлъ его совершенно трезвымъ; полупьяное состояніе у него было нормальнымъ; такимъ онъ являлся и на уроки. Ученики такъ привыкли къ этому, что совершенно мирились съ самыми безобразными его выходками.

Замѣчательно, что Ѳедоръ Васильевичъ года два почти ежедневно занимался съ дочерьми памятнаго Кіеву строителя милліонныхъ башенъ крѣпости печерской Клименка; вѣроятно, и тамъ къ нему привыкли.

— Господа!—обращался онъ къ ученикамъ,—у меня малина поспѣла, приходите ко мнѣ въ садъ да приносите съ собой побольше сахару!

Ученики шли къ нему въ садъ и несли сахаръ.

Учителемъ латинскаго языка и старшимъ надзирателемъ общей ученической квартиры былъ *И. Д. Юскевичъ-Красковскій*, бывшій во время оно и моимъ учителемъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи при директорѣ Тимковскомъ, которому покойникъ былъ обязанъ весьма полезными совѣтами по части преподаванія латинскаго языка. На долю Ивана Даниловича выпала скромная доля педагога въ такое время, когда трудъ воспитателя юношества цѣнился не по достоинству, низводимый на степень поденной работы за весьма скудное вознагражденіе. О немъ будетъ еще рѣчь впереди.

Учитель математики и физики *Д. О. Бѣлоусовъ*, собутыльникъ Березницкаго, тоже любилъ приношенія учениковъ, главнымъ образомъ ромомъ и виномъ; но любя горькое, не отказывался и отъ сладкаго. Ученикъ V класса, получивъ на экзаменѣ двойку, пошелъ къ нему на домъ переэкзаменоваться, захвативъ съ собой головку сахару. Оставивъ въ передней сахаръ, онъ вошелъ въ пріемную и сталъ просить г. учителя выдать записку къ инспектору съ переводною отмѣткой. Димитрій Осиповичъ, заглянувъ въ переднюю и усмотрѣвъ тамъ голову сахару, не переэкзаменовывая, немедленно написалъ на бумажкѣ требуемую отмѣтку и вручилъ ее просителю. Ученикъ разсыпался въ благодарности и, уходя, беретъ принесенный сахаръ.

— А что жъ-это вы?—спрашиваетъ наставникъ.

— А это папаша велѣлъ купить для дому,—отвѣчалъ проказникъ.

— Ахъ ты подлецъ!—выругался наставникъ.

Въ первый годъ послѣ перемѣщенія моего изъ Немирова у меня жили два пансіонера V и VI класса. Одинъ изъ нихъ, Грохольскій, никакъ не могъ получить у Бѣлоусова удовлетворительную отмѣтку, а малый довольно способный.

Спрашиваю товарищей, что мнѣ дѣлать съ Бѣлоусовымъ?

— Очень просто,—отвѣчаютъ,—пригласи его на чай, да купи сперва бутылку ямайскаго—и дѣло въ шляпѣ.

Дѣйствительно, ромъ отлично подѣйствовалъ: послѣ чаю мои питомци должны были отвесть своего наставника на квартиру, взявши его подъ руки, какъ архіерея. Затѣмъ передъ подачей инспектору мѣсячныхъ вѣдомостей я долженъ былъ купить еще бутылку и вторично пригласить на чай Б.

Второй преподаватель математики *Маврикій Павловичъ Байеръ*—аккуратнѣйшій и честнѣйшій учитель, занимавшійся съ учениками безвозмездно, даже внѣ класснаго времени—явленіе, сколько я помню, исключительное между математиками, угнетавшими учениковъ вымогательствомъ частныхъ уроковъ. Какъ нѣмецъ, онъ былъ большой формалистъ. При немъ находились во всякое время карманные „списочки", гдѣ были записаны мельчайшія подробности относительно отвѣтовъ каждаго ученика. Жаль только, что своимъ кропотливымъ усердіемъ онъ не только не возбуждалъ въ ученикахъ любви къ своему предмету, но требованіемъ буквальнаго заучиванья учебника отбивалъ охоту къ изученію его. Вѣчно недовольный дѣйствіями надзирателей и критически относясь къ распоряженіямъ инспектора, неугомонный нашъ Маврикій постоянно твердилъ о необходимости введенія въ число предметовъ гимназическаго курса особой науки, которую онъ называлъ „моралами". Впродолженіе всей своей службы во 2-й гимназіи онъ постоянно имѣлъ богатыхъ пансіонеровъ и при своей скупости сколотилъ порядочный капиталецъ. Въ концѣ своей службы онъ женился и послѣдніе годы жизни вѣчно нуждался въ деньгахъ и умеръ почти нищимъ.

До Пирогова законоучителемъ во 2-й гимназіи былъ о. *Ѳедоръ Мисловскій*, настоятель Георгіевской церкви и большой пріятель Березницкаго и Бѣлоусова. Но у о. Ѳедора былъ еще

одинъ домашній другъ, товарищъ его по академіи, приснопамятный Викторъ Ипатьичъ Аскоченскій. Овдовѣвъ дважды и трижды перемѣнивъ службу, онъ былъ окончательно уволенъ въ отставку и, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, пріютился у о. Ѳедора. Живя у него на полномъ иждивеніи, В. И. постоянно на его счетъ приглашалъ гостей, а во дни храмового праздника, имениnъ своихъ и хозяина, собиралъ такое множество духовенства—и бѣлаго, и чернаго, иногда даже съ архіереемъ во главѣ, что нашему батюшкѣ каждый пріемъ обходился не менѣе ста рублей. Случалось и мнѣ посѣщать своего сослуживца „не ради рома и арака", а совсѣмъ съ другою цѣлію. Дѣло въ томъ, что къ Аскоченскому, великому знатоку церковнаго пѣнія, приходилъ иногда знаменитый въ то время теноръ, студентъ духовной академіи Чумачевскій. Они-то вдвоемъ весь вечеръ услаждали мой слухъ превосходнымъ исполненіемъ духовныхъ концертовъ, дуэтовъ, отрывковъ изъ оперъ и т. п. Иногда Чумачевскій приводилъ съ собой еще двухъ студентовъ; тогда формировался цѣлый хоръ. Наконецъ, пребываніе Виктора Ипатьевича у пріятеля стало ужъ черезчуръ накладно для него, и онъ, пожертвовавъ единовременно нѣкоторой суммой для предпринятаго В. И—чемъ путешествія въ Петербургъ, освободился отъ засидѣвшагося у него гостя. Получивъ субсидію, Аскоченскій началъ издавать свою, исполненную мракобѣсія, „Домашнюю бесѣду".

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ Кіевскомъ учебномъ округѣ просвѣщали русское юношество два брата грекосы, выходцы изъ турецкой провинціи, воспитанники смирнской семинаріи—*Павелъ* и *Николай Христофоровичи Іеропесы*. Старшій изъ нихъ Павелъ былъ нѣкоторое время инспекторомъ 2-й гимназіи, потомъ лицея кн. Безбородка, а младшій—Николай Христофоровичъ былъ сперва младшимъ профессоромъ въ гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, а потомъ учителемъ греческаго языка во 2-й кіевской гимназіи. Этотъ Н. Х—чъ любилъ часто вспоминать, какъ они съ братомъ учились въ смирнскомъ университетѣ: „оба мы хорошо учились и кончили

заведеніе—братъ Павелъ кандидатомъ, а я—дѣйствительнымъ студентомъ, потому что у меня по чистописанію не вышли кандидатскіе балы".

На урокахъ Николай Христофоровичъ иногда пускался въ филологическія тонкости. Однажды онъ сталъ превозносить богатство русскаго языка въ сравненіи съ греческимъ:

„По гречески слово γίγνω—значитъ родить; для всѣхъ людей и животныхъ существуетъ одно это слово и человѣкъ—родилъ, и собака—родилъ, и корова—родилъ, и свиня—родилъ, а по-русски говорятъ: собака—окотенился, корова—опоросился, свиня—отелился: очень, очень богаты русскій языкъ".

Николая Христофоровича Іеропеса смѣнилъ *В. В. Ѳедоровъ*, человѣкъ несомнѣнно умный, основательно знавшій древніе языки, не исключая, разумѣется, и родного языка еврейскаго; обладалъ сверхъ того чисто жидовскою изворотливостію и пронырствомъ. Онъ ловко обошелъ не только такого недальновиднаго господина, какимъ былъ нашъ директоръ, но успѣлъ провесть и нѣкоторыхъ попечителей, не исключая и самого Пирогова. Всѣ видѣли въ немъ недосягаемое для другихъ учителей совершенство.

— Отчего у васъ, господа, такъ много единицъ и двоекъ наставлено въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ и классныхъ журналахъ? Посмотрите у г. Ѳедорова—одни пятерки!—не переставалъ приставать директоръ къ преподавателямъ.

Но ему наконецъ заявили, что греческій языкъ „во первыхъ, предметъ необязательный; во-вторыхъ, къ Ѳедорову шли только такіе ученики-добровольцы, у которыхъ и по всѣмъ другимъ предметамъ имѣлись отмѣтки не менѣе $4^1/_2$,—значитъ только самые способные, какихъ въ каждомъ классѣ не болѣе пяти-семи человѣкъ; старались же они получить и по-гречески высшую отмѣтку изъ-за того, что за это при выпускѣ давался чинъ XIV класса. Очевидно, съ полдюжиной учениковъ и притомъ самыхъ способныхъ, заниматься несравненно легче и пріятнѣе, чѣмъ съ 60-ю или 80-ю. Но не смотря на очевидность такого факта, Ѳедоровъ сумѣлъ пустить пыль въ глаза начальству блистательными успѣхами своихъ учениковъ.

Учитель географіи—*Ѳ. В. Коленко*, сынъ Новгородъ-Сѣверскаго казначея, одинъ изъ пяти братьевъ, изъ коихъ только старшій не попалъ въ педагоги; и онъ нисколько не сожалѣлъ объ этомъ, оставаясь всю жизнь дѣлопроизводителемъ въ управленіи Шостенскаго порохового завода при нѣсколькихъ генералахъ-начальникахъ; тамъ онъ нажилъ громадное состояніе. Нашъ Ѳедотъ былъ третьимъ сыномъ казначея Василія Ивановича. Обремененный большимъ семействомъ, онъ принужденъ былъ давать много частныхъ уроковъ по всему Кіеву и умеръ въ ранніе годы отъ истощенія силъ.

И. М. Звонниковъ—изъ Кіево-Подольскихъ старожиловъ, преподавалъ большею частью въ параллельныхъ классахъ русскій языкъ и географію, имѣлъ тоже не менѣе 40 уроковъ въ недѣлю въ разныхъ частяхъ города. Живя въ домѣ родителей на Кирилловской улицѣ, онъ обыкновенно приходилъ на службу съ пятикопѣечной булкой въ карманѣ и, обѣгавъ городъ, возвращался домой въ 9 часовъ вечера. Затѣмъ, свободное отъ такой каторжной работы время, т. е. праздники и каникулы, онъ употреблялъ на изученіе латинскаго языка, подъ руководствомъ своего бывшаго профессора, А. К. Деллена. Латынь дала ему возможность сдѣлать карьеру: Кн. Ширинскій—Шихматовъ, перейдя въ Московскій округъ, потянулъ его за собой и сдѣлалъ Окружнымъ инспекторомъ. Такое небывалое повышеніе смутило и самого Звонникова, такъ что по пріѣздѣ въ Москву, онъ просилъ попечителя дать ему болѣе скромную должность, и тотъ назначилъ его директоромъ Ярославской гимназіи. Прослуживъ 37 лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку, поселился въ Острѣ, гдѣ года черезъ два умеръ.

Другой учитель русскаго и славянскаго языка *Ковалевскій*, переведенный изъ Бѣлой Церкви, человѣкъ отъ природы робкій и какой-то загнанный, обладая при томъ неказистой наружностью, былъ вѣчнымъ мученикомъ безжалостныхъ мальчиковъ, (сей возрастъ жалости не знаетъ,—сказалъ Крыловъ), получая въ прибавку послѣ каждаго урока выговоръ директора за неумѣнье удержать порядокъ въ классѣ. Сознавая свое безсиліе

укротить маленькихъ звѣрьковъ, онъ нерѣдко плакалъ во время уроковъ. Не надѣясь наконецъ ни на защиту инспектора, ни на строгія взысканія за учиненныя ему пакости, онъ однажды, выбившись изъ силъ, палъ на колѣни предъ образомъ Божіей Матери и обратился съ мольбой къ защитницѣ всѣхъ скорбящихъ: „Матерь Божія!—взмолился наставникъ:—накажи ихъ, негодныхъ!" А негодяи все-таки продолжали дѣлать ему всевозможныя пакости: то воробья выпустятъ во время урока, то зазвонятъ на послѣдней скамьѣ въ колокольчикъ, то заведутъ машинку съ веселой музыкой.

Про этого горемыку-педагога ученики сочинили такіе стишки:

Колокольчикъ звенитъ—
Ковалевскій бѣжитъ,
Садится за столъ
И объясняетъ глаголъ:

Глаголъ есть такая часть рѣчи,
Что Ковалевскій упалъ съ печи,
Ударился о-полъ
И выскочилъ глаголъ.

Не нашелъ этотъ злосчастный труженикъ счастья и по выходѣ въ отставку: избавившись отъ мучительства дѣтей и отслуживши благодарственный молебенъ, онъ недолго пользовался свободой: черезъ годъ онъ ослѣпъ и окончилъ жизнь въ богадѣльнѣ.

Учитель латинскаго языка въ параллельныхъ отдѣленіяхъ *И. С. Семяновскій*, одинъ изъ трехъ братьевъ, хорошо мнѣ знакомыхъ: старшій былъ городовымъ врачемъ въ Винницѣ, второй—вдовый священникъ Покровской церкви на Подолѣ.

Мой коллега Иванъ Степановичъ жилъ въ церковномъ домѣ, вмѣстѣ съ матерью, сестрой и священникомъ о. Василіемъ. Каждый изъ членовъ этого благодушнаго семейства имѣлъ свои собственныя средства, и потому никто изъ нихъ не былъ въ тягость другимъ, внося въ общую складчину на продовольствіе извѣстную сумму. Жили они между собоой очень дружно, не зная никакихъ развлеченій. И. С. зналъ только одну въ Кіевѣ улицу, ведущую изъ Подола въ гимназію, одно занятіе—уроки латинскаго языка. Это патріархальное семейство принадлежало каѳедральному протоіерею Кіево-Софійскаго собора о. Стефану,

оставившему своимъ дѣтямъ въ наслѣдство, вмѣсто обезпеченнаго состоянія, органическій порокъ сердца, сократившій жизнь всѣхъ четырехъ дѣтей: и самъ онъ, и всѣ дѣти его умерли скоропостижно.

Преподаватель французскаго языка въ низшихъ классахъ, сынъ польскаго эмигранта *Лабенскій* служилъ для дѣтей такою же мишенью всевозможныхъ проказъ, какъ и Ковалевскій.

При началѣ каждаго учебнаго года, съ перваго же урока онъ приказывалъ ученикамъ 1-го класса запастись тетрадями, въ которыя они должны были вписывать тянувшееся цѣлый годъ спряженіе глаголовъ avoir и être (не зная еще ни одной буквы по-французски). Неимѣніе тетради влекло за собой наказаніе, причемъ г. учитель покушался даже на остроуміе: „тéтрадь нема, глóва пýста—на колýна, пожалýста!"

Урокъ обыкновенно начинался у него перекличкою, при чемъ каждый разъ у него въ классѣ оказывался „новый ученикъ". Дѣло въ томъ, что у Лабенскаго находился карманный списокъ учениковъ, который онъ ежедневно свѣрялъ во время перемѣнъ съ класснымъ журналомъ. Операцію эту онъ производилъ, застромивъ перо за ухо и водя обѣими руками по журналу и списку, отмѣчая крестиками фамилію, причемъ въ концѣ неизбѣжно оказывался „новый ученикъ", котораго онъ и вносилъ въ свой списокъ; но этотъ „новый ученикъ" сидѣлъ уже второй годъ въ томъ же классѣ. Такое недоразумѣніе происходило отъ того, что надзиратель, приготовляя классный журналъ на будущую недѣлю и помѣщая фамилію по алфавиту, иногда по ошибкѣ пропускалъ какого-нибудь ученика въ срединѣ и записывалъ его въ концѣ. Этотъ-то субъектъ и оказывался „новымъ ученикомъ". Окончивъ перекличку, учитель занимался пересмотромъ тетрадей, что, при многолюдствѣ классовъ, продолжалось болѣе получаса, послѣ чего для упражненія въ чтеніи (а это самое важное для 1-го класса) оставалось нѣсколько минутъ.

Нечего говорить, что пользы отъ такого преподаванія не было ни малѣйшей.

Въ высшихъ классахъ французскій языкъ преподавалъ *Малэрбъ*—родомъ полякъ, получившій образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и потому обладавшій знаніемъ русскаго языка, вслѣдствіе чего и преподаваніе у него шло довольно успѣшно.

Учитель нѣмецкаго языка *Сигизмундъ* пользовался заслуженною извѣстностію въ Округѣ. Составленная имъ грамматика употреблялась во всѣхъ гимназіяхъ. Какъ преподаватель, онъ однако-жъ не могъ похвалиться успѣхами своихъ учениковъ: не обладая здоровьемъ, онъ часто пропускалъ уроки, и скоро по болѣзни вышелъ въ отставку.

Второй учитель нѣмецкаго языка *Гаазе*—тупоумное и упрямое созданіе, доставлявшее не мало возни съ учениками Инспектору, надоѣдая ему своими жалобами на ихъ проказы. Ученикъ VI класса Ш—ій выкинулъ ему такое колѣнце: когда нѣмецъ, по окончаніи уроковъ выходилъ изъ класса, онъ схватилъ его за хвостики фрака и одинъ изъ нихъ остался у него въ рукахъ. Инспекторъ страшно разсвирѣпѣлъ. (Директоръ въ то время былъ въ деревнѣ). Призвавъ Ш—аго въ инспекторскую комнату, онъ объявилъ ему, что исключитъ изъ гимназіи съ оповѣщеніемъ по Округу. 20-лѣтній юноша, какъ оказалось, былъ шкодливъ, какъ котъ, а трусливъ, какъ заяцъ: онъ ударился въ слезы, прося замѣнить исключеніе какимъ-нибудь другимъ наказаніемъ, напр., заключеніемъ на двѣ недѣли въ карцерѣ. Но инспекторъ вопросъ о наказаніи поставилъ иначе: или исключеніе, или розги. Послѣ долгихъ упрашиваній ученикъ наконецъ согласился на розги, подъ условіемъ, чтобы о наказаніи не знали товарищи. Инспекторъ беретъ листъ бумаги, кладетъ передъ Ш—мъ на столъ и диктуетъ ему просьбу о томъ, чтобы его высѣкли. Послѣ этого раба Божія повели въ сторожку и всыпали ему 25 горячихъ. Хотя онъ подъ розгами и силился не кричать, искусавши языкъ до крови, но товарищи провѣдали какимъ-то способомъ о его позорномъ наказаніи и выгнали его изъ класса: какъ, дескать, ты подлецъ, позволилъ себя высѣчь?

Вопросъ: какъ рѣшился Гренковъ, въ противность уставу, допускавшему тѣлесныя наказанія только въ трехъ низшихъ классахъ, наказать розгами ученика VI класса? Да, рѣшился, ничто-же сумняшеся; значитъ, это практиковалось не въ одной 2-й гимназіи, а то же самое, какъ мы видимъ, продѣлывалось и у Зиновскаго и у Китченка, не говоря уже о кадетскихъ корпусахъ и духовныхъ училищахъ.

Попечитель фонъ-Брадке сильно настаивалъ въ Министерствѣ на томъ, чтобы это позорное наказаніе распространить еще на IV и V классы. „Находясь въ нѣжномъ возрастѣ отъ 12 до 16 лѣтъ, ученики этихъ классовъ, естественно (?), не могутъ понимать собственной пользы и надлежаще управлять своими поступками",—писалъ онъ Министру въ 1837 году. Да, жестокіе, сударь, нравы были у моихъ современниковъ!

Ученикъ Щ—скій былъ не послѣднею жертвой этихъ жестокостей. Благодаря безтактности того же безтолковаго Гаазе, у него случилась на урокѣ въ V классѣ новая исторія. Спрашиваетъ онъ ученика Шварца урокъ, а тотъ отвѣчаетъ: „не знаю".

— Ну, то имѣешь едыныцу! порѣшилъ учитель.

— За что же единицу?

— Ну, то имѣешь нулъ!

Шварцъ подбѣгаетъ къ каѳедрѣ и даетъ нѣмцу пощечину. Наказаніе послѣдовало жестокое въ присутствіи Юзефовича и жандармовъ; затѣмъ опредѣлено отдать Шварца въ барабанщики.

Отбарабанивъ положенный срокъ, онъ принялся за ремесло своего отца—единственнаго въ то время въ Кіевѣ зубнаго врача—и сталъ вставлять зубы искусственные, тогда какъ прежде онъ умѣлъ лишь выбивать натуральные. Братъ новаго дантиста, впослѣдствіи извѣстный акушеръ, находился въ то время въ VII классѣ.

Старѣйшій аборигенъ 2-й кіевской гимназіи *И. Я. Краснокутскій* началъ свою службу учителемъ чистописанія и рисованія въ 1836 году. Выслуживъ пенсію, онъ оставался на службѣ по найму до 1863 года только учителемъ одного чистописанія; купилъ себѣ на Жилянской улицѣ $2\frac{1}{2}$ десятины земли за 250

рубл., выстроилъ домъ и развелъ садъ. За 30 лѣтъ своей службы онъ никого не научилъ ни чистописанію, ни рисованію, за то лучшіе сады въ Кіевѣ, съ превосходными берами разныхъ сортовъ обязаны своимъ существованіемъ школѣ фруктовыхъ деревъ Ивана Яковлевича. Настроивъ себѣ домовъ, выростивъ и устроивъ судьбу полдюжины дѣтей, все изъ доходовъ своего сада, онъ безвозмездно уступилъ городу значительную часть своего сада подъ нынѣшнюю Маріинско-Благовѣщенскую улицу; образовавшіяся же по обѣимъ сторонамъ новой улицы усадьбы (самая большая изъ которыхъ принадлежитъ Обществу Краснаго Креста), проданы за 25 тысячъ. Распредѣливъ эту сумму между дѣтьми по духовному завѣщанію, онъ умеръ на 90 году своей жизни.

Иванъ Яковлевичъ былъ человѣкъ стариннаго покроя. Служебный его костюмъ—какого-то пѣгаго цвѣта вицмундиръ, суконный съ форменными пуговицами жилетъ, панталоны съ желтыми пятнами и яко-бы бѣлый галстухъ, который занашивался до того, что дѣлался почти желтымъ. Подтруниванья сослуживцевъ и нетонкіе намеки начальства позаботиться о своей внѣшности—на него не дѣйствовали, а извѣстный буффонъ Березницкій продѣлалъ съ нимъ такую шутку: однажды на большой перемѣнѣ, въ сборную учительскую комнату сторожъ передалъ пакетъ на имя И. Я. Краснокутскаго. Вынимаетъ И. Я. перевязанныя веревочкой очки, надѣваетъ съ подобающею важностію на носъ и читаетъ: „М. Г. Слава объ изяществѣ вашего костюма, сшитаго всегда со вкусомъ, по послѣдней парижской картинкѣ, дошла до Петербурга; вслѣдствіе чего честь имѣю обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою осчастливить и мою фирму заказомъ, и проч. Съ почтеніемъ Альшвангъ“.

Окончивъ чтеніе и окинувъ всѣхъ присутствующихъ поверхъ очковъ сердитымъ взглядомъ, И. Я. передалъ инспектору письмо, а тотъ и радъ стараться, сейчасъ же приступилъ къ разслѣдованію. Но Березницкій остановилъ его: „это я, Н. М., пошутилъ“.

Учитель рисованія *Алексѣевъ*, по свидѣтельству художника Іордана (Р. Старина 91 года), еще въ академіи „подвергался

пагубной страсти пьянства, за что не разъ сидѣлъ въ карцерѣ". Изъ академіи художествъ онъ попалъ въ одно изъ дворянскихъ училищъ Кіевской губерніи и тамъ женился. Директоръ 2-й гимназіи (тогда губернской) проф. Богородскій перемѣстилъ его въ Кіевъ, поближе къ своей резиденціи. Семейная жизнь этого горемыки, начавшая благодѣтельно вліять на него послѣ столичнаго безпутства, съ перемѣщеніемъ въ Кіевъ, погибла безвозвратно.

Съ этого времени три-четыре дня каждаго мѣсяца, а иногда и цѣлую недѣлю, получивъ 1-го числа жалованье, Алексѣевъ пилъ безъ просыпу и являлся на службу въ самомъ жалкомъ видѣ: въ затасканномъ вицмундирѣ, съ налитыми кровью глазами, весь трясущійся, разслабленный. Какое тутъ могло быть преподаваніе—объ этомъ никто не заботился; хорошо, что ученики, изъ жалости къ учителю, сидѣли смирно и не дѣлали ему никакихъ пакостей. Всѣ сослуживцы его чуждались, не съ кѣмъ ему было слова сказать. Замѣтивъ, что я къ нему отнесся участливо, къ чему этотъ отверженникъ не привыкъ, онъ сразу какъ-то прильнулъ ко мнѣ и сталъ навѣщать меня, каждый разъ прося водочки. Я ставилъ на столъ графинчикъ съ двумя-тремя рюмками очищенной; самъ себѣ наливая, онъ осушалъ сткляницу и уходилъ отъ меня всегда довольный и веселый въ свою „Швейцарію".

Наканунѣ Пасхи, получивъ отъ своей хозяйки Елисаветы Григорьевны двѣ превосходно испеченныя бабы, я вспомнилъ бѣднягу Алексѣева, которому, подумалъ я, и разговѣться вѣрно нечѣмъ, порѣшилъ пожертвовать ему на бѣдность одну бабу. Жилъ онъ въ концѣ Фундуклеевской улицы наискось противъ анатомическаго театра въ т. н. Швейцаріи, гдѣ обыкновенно ютились студенты-медики, въ домикѣ подъ деревянной крышей (такихъ домовъ теперь и слѣда не осталось). Вхожу въ первую комнату—за столомъ ничѣмъ неприкрытымъ, сидитъ сѣдоусый кавалеръ, протянувъ впередъ свою деревяшку, а противъ него женщина нищая; на столѣ шкаликъ, стаканъ и полба, сильно засохшая. Я въ другую комнату—и мнѣ представилась такая картина: на обшарпанномъ диванѣ возлежитъ самъ хозяинъ въ

засаленномъ халатѣ, надѣтомъ на голое тѣло, по столу и по полу разсыпана мука, надъ диваномъ виситъ „китара", а по комнатѣ бѣгаетъ хрюкая и повизгивая, поросенокъ.

— Не правда-ли, Михаилъ Корнѣевичъ, вѣдь это натура! заливаясь добродушнымъ смѣхомъ, отозвался художникъ.

Н. М. Гренковъ, въ ожиданіи директорства, порѣшилъ было представить Алексѣева къ увольненію, но я упросилъ его пообождать съ этимъ, пока я спишусь съ И. М. Сошенкомъ, который около 10-ти лѣтъ, уйдя отъ Зимовского, оставался безъ службы, и ссорясь съ батюшками изъ-за нелѣпыхъ антихудожественныхъ требованій. Инспекторъ согласился. И вотъ, получивъ 75 рублей пособія, да выручивъ столько-же за разыгранную въ лотетрею картину, Алексѣевъ былъ готовъ къ переселенію въ Новгородъ-сѣверскую гимназію. Денегъ ему, конечно, я на руки не далъ, а сдѣлавъ ему приличный костюмъ, сдалъ его на руки студенту Каменецкому, который взялся довезти его до мѣста и тамъ водворить на пріисканной для него квартирѣ. И. М. Сошенко, пріятель Шевченка, поступилъ на его мѣсто и прослужилъ во 2-й гимназіи до самой смерти—до 1877 года. [1])

По выходѣ въ отставку Н. А. Ригельмана, Гренковъ вступилъ въ исправленіе должности директора, а мнѣ предложилъ исполнять обязанности инспектора, на что я согласился подъ условіемъ—не совершать субботнихъ сѣкуцій, которыя остались за нимъ. Старые аборигены-учителя были обижены такимъ предпочтеніемъ имъ пришельца, сравнительно молодого человѣка, и повели было противъ меня интригу. Но мое quasi-инспекторство продолжалось недолго, такъ-какъ, съ назначеніемъ новаго директора, инспекторомъ назначенъ завѣдующій землемѣрскимъ училищемъ подполковникъ *И. Я. Монаховъ.* Гренкову на сей разъ не удалось попасть въ директоры; тутъ и пріятель Лазовъ не могъ ничего подѣлать, потому что крупныя назначенія по

---

[1]) Желающимъ ближе ознакомиться съ недюжинною личностью этого художника рекомендуемъ его «Біографич. очеркъ» 1877 г.

Округу, въ попечительство кн. Васильчикова съ княгиней Екатериной Алексѣевной, совершались въ кружкѣ аристократіи въ Липкахъ, къ обществу которой поповичъ Гренковъ не принадлежалъ; тамъ фигурировалъ инспекторъ 1-й гимназіи Е. П. Стеблинъ-Каменскій, хотя самъ не аристократъ, но женатый на аристократкѣ. Нашъ Николай Михайловичъ долженъ былъ уступить насиженное мѣстечко своему великосвѣтскому сопернику и занять его мѣсто—инспектора 1-й гимназіи.

Вступивъ въ должность директора, Егоръ Павловичъ сейчасъ-же отмѣнилъ сѣченіе по субботамъ и вообще сильно ослабилъ бразды правленія, уже черезчуръ натянутыя Гренковымъ.

Стеблинъ-Каменскій свысока относился къ своимъ новымъ сослуживцамъ и очень небрежно къ своимъ обязанностямъ. Приходилъ онъ въ гимназію только на большой перемѣнѣ—побесѣдовать съ преподавателями, и никогда не заглядывалъ въ классы. Стараясь поддержать связи съ обитателями Липокъ, но не имѣя на то матеріальныхъ средствъ, онъ промышлялъ счастливой игрой въ карты, такъ-какъ казеннаго жалованья, по его словамъ, не хватало даже на жалованье прислугѣ.

Съ назначеніемъ Могилянскаго директоромъ Лицея кн. Безбородка, ему предложена была вакансія инспектора казенныхъ училищъ, и только тогда Гренкову удалось получить директорство во 2-й гимназіи, которое принадлежало ему, по праву долголѣтняго служенія этому заведенію, еще прежде. Сдѣлавшись самовластнымъ распорядителемъ судебъ нашей гимназіи, Н. М. нашелъ въ ней, за весьма короткое свое отсутствіе, многое измѣнившимся. Безучастное отношеніе Стеблина-Каменскаго къ своимъ обязанностямъ и слишкомъ слабый надзоръ за учащимися инспектора Монахова не могли не повліять на состояніе дисциплины въ заведеніи, вслѣдствіе чего суровый режимъ недавняго прошлаго возобновился еще въ сильнѣйшей степени.

И. Я. Монаховъ, переименованный изъ подполковника въ коллежскіе совѣтники, получилъ первоначальное образованіе въ заведенной Аракчеевымъ для солдатскихъ дѣтей школѣ Кан-

тонистовъ, откуда за отличные успѣхи былъ отправленъ въ Петербургское училище топографовъ, по окончаніи котораго вернулся въ Кіевъ и получилъ должность преподавателя въ землемѣрскомъ училищѣ. Хотя самъ Иванъ Яковлевичъ прошелъ суровую школу, но на учениковъ любилъ дѣйствовать больше убѣжденіемъ и внушеніемъ, чѣмъ тѣлесными наказаніями, при чемъ постоянно приводилъ имъ въ примѣръ своего сына, воспитанника 1-й гимназіи, отличившагося, по его мнѣнію, безукоризненною нравственностію; это тотъ самый Монаховъ, который впослѣдствіи сталъ знаменитымъ артистомъ императорскихъ театровъ. Но мораль инспектора до того иногда надоѣдала ученикамъ, что иной забіяка готовъ былъ подвергнуться самому строгому взысканію, чтобы избѣжать этой морали. Юношей живого темперамента И. Я. терпѣть не могъ и не прощалъ имъ ни малѣйшей шалости, не смотря на ихъ выдающіяся способности и отличные успѣхи въ наукахъ.

Нѣкоторые воспитанники, достигшіе впослѣдствіи извѣстности на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности, были имъ гонимы и преслѣдуемы за строптивость: такъ, извѣстный этнографъ Чубинскій не вылазилъ изъ карцера и долженъ былъ выйти изъ VI класса; нынѣшній директоръ Батумской гимназіи А. И. Стояновъ лишенъ былъ золотой медали, благодаря аттестаціи инспектора.

И. Я. Монаховъ, человѣкъ по характеру мягкій и добродушный, но упрямый и неподатливый, не могъ удовлетворить требованіямъ Гренкова, человѣка крутого и прямолинейнаго, не допускавшаго ни оправданій, ни компромиссовъ, а потому И. Я., тяготясь своею службою и сожалѣя о военномъ мундирѣ съ жирными эполетами, которому онъ измѣнилъ, промѣнявъ его на скромный костюмъ педагога, перешелъ въ кадетскій корпусъ преподавателемъ землемѣрія; тамъ его скоро сдѣлали генераломъ.

Помощниковъ у инспектора было шестеро: три по гимназіи и столько-же по общей квартирѣ. Кромѣ того въ общей квартирѣ былъ еще одинъ, т. н. старшій надзиратель, вѣдавшій учеб-

ную часть. Должность эту послѣдовательно занимали: Юскевичъ-Красковскій, Чалый и И. Ф. Хильчевскій.

В. Г. Садковскій, смѣнившій пьянчужку Вульфа, былъ прежде становымъ приставомъ въ Радомысльскомъ уѣздѣ и потому обладалъ всѣми качествами полицейскаго сыщика. По тогдашнему взгляду на обязанности надзирателя, отъ него большаго и не требовалось. Живя въ гимназіи, онъ являлся на службу съ первымъ звонкомъ и наблюдалъ за учениками до прихода учителей. Шныряя безпрерывно по корридору и по классамъ, онъ прекращалъ ссоры, предупреждалъ драки, разнималъ дерущихся мальчугановъ, защищая слабосильныхъ отъ взрослыхъ буяновъ и т. п. Мальчики скромные и почтительные пользовались его особеннымъ благоволеніемъ, а къ дерзкимъ грубіянамъ онъ питалъ неумолимую строгость, рапортуя инспектору о самыхъ ничтожныхъ проступкахъ, даже преувеличивая ихъ. По размѣщеніи учениковъ по классамъ, для Садковскаго начинались болѣе спокойныя занятія: внесеніе въ штрафной журналъ проступковъ, опаздываніе и небытность въ гимназіи какъ учениковъ, такъ и преподавателей.

Л. П. Косницкій—лѣнивое, неповоротливое глупое созданіе, не приносившее заведенію ни малѣйшей пользы. Инспекторъ Монаховъ имѣлъ обыкновеніе, за болѣзнію какого-нибудь учителя, посылать въ классъ надзирателя для соблюденія тишины; но Косницкій своей смѣшной фигурой возбуждалъ только шумъ при своемъ появленіи. Однажды, не будучи въ состояніи справиться съ IV классомъ, онъ прибѣжалъ къ инспектору съ жалобой. И. Я. съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ убѣдилъ учениковъ сидѣть смирно и, должно быть, на тотъ разъ подѣйствовалъ на нихъ: ученики присмирѣли. Но Косницкій снова прибѣжалъ въ инспекторскую:

— Какъ Вамъ,—говоритъ, угодно, И. Я—чъ, а я не могу быть въ классѣ.

— Да почему же Вы не можете? Кажется, они сидятъ тихо.

— Да, они тихо сидятъ, но если-бъ вы видѣли, какъ они на меня смотрятъ... Какъ вамъ угодно, а я не пойду къ нимъ.

Дѣло въ томъ, что проказники, послѣ наставленія, дѣйствительно перестали галдѣть, но сговорившись, устремили на него глаза всѣ до одного человѣка; такого присматриванья, магнетически дѣйствовавшаго на блюстителя тишины—онъ не могъ выдержать. Иногда, впрочемъ, при воцарившейся тишинѣ, Косницкій начиналъ кунять, тогда съ задней скамьи раздавались стихи:

Что вы спите, Левъ Петровичъ,
Вѣдь пріѣхалъ Юзефовичъ! и пр.

Лысый Козловскій съ учениками не имѣлъ никакихъ сношеній; онъ все время сидѣлъ въ инспекторской и пересчитывалъ собранныя за право ученія деньги.

Другіе три надзирателя дежурили въ общей ученической квартирѣ:

Высокопарнѣйшій *Софроній Семеновичъ Гриценко*, слушавшій Димитрія Гавриловича „съ уваженіемъ“.

Г—ій, sic dictus *Гичка*, которому воспитанники не разъ по ночамъ устраивали кошачьи концерты.

П. И. Романовскій—Сова, главный директорскій агентъ и поставщикъ по части построенія форменной одежды, бѣлья, отопленія, освѣщенія общей квартиры; человѣкъ пронырливый, который, по словамъ его сослуживца Гриценка, на семь саженъ видѣлъ, что подъ землею дѣлается.

Прожилъ я у Токарскаго на Кузнечной улицѣ съ небольшимъ годъ и затѣмъ переселился на Васильковскую улицу, вмѣстѣ со своими пансіонерами и своимъ Санчо-Пансой Ефимомъ. Это былъ большой оригиналъ, человѣкъ, впрочемъ, высокой честности, отставной николаевскій солдатъ и кавалеръ. Какъ у Токарскаго, такъ и на новой моей квартирѣ меня часто посѣщали студенты-пѣвцы, между которыми первенствующую роль игралъ извѣстный знатокъ пѣсенной литературы Степанъ Даниловичъ Носъ. Его постоянно сопровождалъ симпатичный юноша Сережа Пристюкъ, братъ моего товарища Тимоѳея, находившагося тогда въ Черниговѣ инспекторомъ гимназіи. Гости

мои иногда запѣвались за полночь и не разъ оставались у меня ночевать. Посѣщалъ меня еще одинъ студентъ-медикъ, мой бывшій ученикъ по Немировской гимназіи, Зиневичъ. Окончивъ гимназію въ 1846 г. и поступивъ въ университетъ, онъ впродолженіе 8 л. не могъ добиться званія лѣкаря, такъ что я засталъ его въ 1852 году 32-хъ-лѣтнимъ студіозомъ. Мало даровитый отъ природы и страшно близорукій, онъ кромѣ того подпалъ подъ опалу у пр. анатоміи Вальтера, часто вымещавшаго на студентахъ свои неудачи въ любовныхъ похожденіяхъ: по жалобѣ его метрессъ соперники профессора были прижимаемы на экзаменахъ. Но этотъ ученый мужъ былъ не волокита только, но и мстительный господинъ, любившій наушничество. Между студентами нашелся претендентъ на руку его сестры—студентъ Эргардтъ, который впослѣдствіи и женился на ней. Съ нимъ у Зиневича были свои счеты; заподозривъ его въ наушничествѣ, Зиневичъ далъ ему пощечину, обозвавъ его жидомъ, и тѣмъ вооружилъ противъ себя Вальтера, который три года сряду обрѣзывалъ его на окончательномъ экзаменѣ—на препаратѣ, котораго З., по своей близорукости, не могъ приготовить.

Войдя въ положеніе бѣдняка неудачника, я черезъ знакомыхъ профессоровъ повліялъ на Вальтера, и онъ далъ слово не вредить ему больше.

Этотъ Зиневичъ однажды зимой зашелъ ко мнѣ на чай прямо изъ анатомическаго театра. Сидимъ мы съ нимъ за самоваромъ и балагуримъ. Въ передней послышался сильный стукъ и затѣмъ сердитое ворчанье, харьканье и отплевываніе моего вѣрнаго слуги.

— Что тамъ случилось, Ефимушка?—спрашиваю его.

— Онъ принесъ въ комнату стерву!—отвѣчаетъ Ефимъ, указывая на гостя, не переставая плеваться.

Дѣло въ томъ, что Зиневичъ изъ анатомическаго театра притащилъ подъ шинелью мерзлую человѣческую ногу, которую ему препарировали для экзамена товарищи, и онъ, идя на квартиру, зашелъ ко мнѣ и поставилъ ее за дверьми въ передней;

нога оттаяла и упала на полъ. Понесъ онъ на другой день эту драгоцѣнную ногу на экзаменъ. Началось испытаніе: „Укажите мнѣ такой-то нервъ, такой-то мускулъ“ и т. д. Зиневичъ скальпелью указываетъ; наконецъ, по своей близорукости, вмѣсто требуемаго нерва мертвой ноги онъ пырнулъ скальпелью въ здоровую руку профессора; кровь брызнула фонтаномъ, и Вальтеръ наглядно убѣдился въ близорукости испытуемаго.

— Довольно!—сказалъ онъ, задерживая текущую кровь.— Теперь я дѣйствительно вижу, что вы очень близоруки.

И тутъ-же товарищи поздравили Зиневича лѣкаремъ.

До открытія повсемѣстно по всей Россіи женскихъ гимназій и прогимназій, немногіе институты благородныхъ дѣвицъ были единственными заведеніями, удовлетворявшими потребностямъ образованія русской женщины. Въ Кіевѣ въ 50-хъ годахъ, кромѣ института и училища графини Левашовой, существовали два частные пансіона: г-жъ Залѣской и Ганфъ, находившіеся подъ наблюденіемъ директора 1-й гимназіи Любимова, который появлялся туда только на торжественные акты. Образованіе, получаемое въ этихъ частныхъ училищахъ, было, какъ извѣстно, весьма жалкое. Содержательницы ихъ взялись за воспитаніе дѣвицъ не по призванію, а изъ цѣлей спекулятивныхъ. Главными предметами въ нихъ считались: французскій яз., музыка и танцы, а главнѣйшимъ—„наука страсти нѣжной, которую воспѣлъ Назонъ“.

Въ началѣ 1854—55 года меня пригласили преподавать русскую словесность дѣвицамъ 3-го высшаго класса въ пансіонъ г-жи Ганфъ. Мои ученицы круглый годъ во время моихъ уроковъ занимались щипаніемъ корпіи, и потому большихъ успѣховъ отъ моего преподаванія трудно было ожидать. Все напоминало тогда о томъ, что тамъ далеко на югѣ льется кровь моихъ соотечественниковъ: по улицамъ безпрерывно двигались нестройныя массы сѣраго люду новобранцевъ, сопровождаемыхъ плачущими женщинами; по дворамъ вездѣ слышались грубые голоса унтеровъ, обучающихъ рекрутъ.

Мнѣ становились невтерпежъ подобныя сцены, и я бросилъ квартиру къ великому огорченію хозяйки-вдовицы и постарался отыскать домъ, гдѣ не было солдатъ. Въ тѣ времена солдатскихъ казармъ не было: войска размѣщались по частнымъ домамъ.

Въ слѣдующемъ учебномъ году меня пригласилъ В. Я. Шульгинъ преподавать русскій языкъ и словесность въ училищѣ гр. Левашовой. Въ это время вездѣсущая княгиня Екатерина Алексѣевна пріискивала между кіевскими педагогами подходящаго преподавателя русской словесности для своей дочери, и вотъ, въ сопровожденіи своего адъютанта Селецкаго и инспектора Института, она неожиданно явилась ко мнѣ на урокъ; но такъ какъ у меня въ ту пору былъ сильнѣйшій насморкъ, какъ извѣстно весьма неблагопріятствующій краснорѣчію, то чтеніе мое Ея Сіятельству не понравилось, и я не удостоился приглашенія на уроки Сіятельной ученицы. Но мнѣ почти въ томъ-же мѣсяцѣ случился не менѣе выгодный урокъ у предсѣдателя Казен. Палаты Кобылина, а у княгини занялъ уроки извѣстный святоша, учитель 1-й гимназіи Богатиновъ, который по своему благочестію болѣе пришелся ко двору, сдѣлавшись въ домѣ княгини почти домашнимъ человѣкомъ.

18 февраля 1855 года по Кіеву пронеслась печальная вѣсть о кончинѣ Государя Николая Павловича... Когда я въ этотъ памятный для Россіи день пришелъ въ обычный часъ на урокъ въ Левашовскій пансіонъ, то засталъ все населеніе его поголовно плачущимъ. Постоявъ нѣсколько минутъ у своего учительскаго стола и не дождавшись конца рыданію своей аудиторіи, я ушелъ въ Софійскій соборъ учинить присягу на вѣрную службу новому Императору, Александру II.

Со вступленіемъ на престолъ Царя-Освободителя, въ общественной атмосферѣ нашего Отечества почуялось новое вѣяніе духа жизни. Съ арены государственной дѣятельности сошли долго до того царившіе администраторы; суровость Николаевскаго режима съ военной дисциплиной смѣнилась болѣе мягкимъ управленіемъ гражданскаго персонала. Клейнмихели, Бибиковы, Дубельты, не

соотвѣтствовавшіе гуманному направленію новаго царствованія, замѣнены другими лицами.

Въ то-же время соединеніе должности Генералъ-Губернатора и попечителя учебнаго округа въ одномъ лицѣ признано несовмѣстимымъ. Попечителемъ назначенъ къ намъ кяхтинскій градоначальникъ, женатый вторымъ бракомъ на дочери знаменитаго декабриста кн. Трубецкаго, Н. Р. Ребиндеръ.

Вскорѣ послѣ вступленія въ должность нашъ новый начальникъ отправился въ Петербургъ, въ сопровожденіи чиновника особыхъ порученій Л. И. Кулжинскаго. Въ департаментѣ Министер. Народн. Просвѣщ. онъ узналъ, что помимо его вѣдома, министръ Норовъ назначилъ директоромъ Новгородсѣверской гимназіи нѣкоего Ардаліона Каллистратова, вытѣсненнаго за негодностію изъ какого-то другого вѣдомства. Ребиндеръ вломился въ амбицію и заявилъ министру, что если Каллистратовъ останется директоромъ, то онъ выйдетъ въ отставку.

„Ну, давайте намъ своего кандидата,—сказалъ министръ,—и мы его назначимъ вмѣсто Каллистратова“!

Застигнутый врасплохъ, Николай Романовичъ, никого въ округѣ еще не зная, недоумѣвалъ, какъ ему быть, а поставить на своемъ во что бы то ни стало хотѣлось. Кулжинскій, уловивши благопріятную минуту, поспѣшилъ вывести начальника изъ затрудненія, предложивши въ директоры гимназіи себя самого. „Быть по сему!“ порѣшилъ попечитель, и Кулжинскій, прозябавшій 11 лѣтъ въ должности столоначальника канцеляріи попечителя, отправился управлять гимназіей на мѣсто Каллистратова, а сей послѣдній долженъ былъ занять его мѣсто—чиновника особыхъ порученій. Нечего сказать, промѣнялъ попечитель кукушку на ястреба!

Очутившись на посту, не имѣющемъ ничего общаго съ градоначальствомъ Сибирскаго городка, нашъ новый попечитель не могъ сразу оріентироваться и на первыхъ порахъ не зналъ, какъ ему быть. Ревностно, но неумѣло принялся онъ за дѣло: бѣгалъ по гимназіямъ съ французскими учебниками въ карманѣ, задавалъ ученикамъ довольно странные вопросы, на которые тѣ не

знали, что отвѣчать; заставлялъ малышей 2-го и 3-го класса рѣшать ариѳметическія задачи на французскомъ языкѣ или дѣлать переводы съ французскаго на нѣмецкій языкъ и т. п. фокусы.

Ища сближенія съ ученымъ сословіемъ, онъ завелъ у себя вечера исключительно для профессоровъ университета и учителей гимназій. Вечера эти долженствовали носить семейный характеръ. Приглашенные на эти вечера имѣли случай видѣть многострадальнаго старца съ длинною сѣдой бородой, возвращеннаго изъ Сибири послѣ 30-лѣтней каторги. Но, къ сожалѣнію, эти „семейные вечера" продолжались недолго. Прекратились они какъ-то сами собой за отсутствіемъ гостей, которые перестали посѣщать любезнаго хозяина потому, что почувствовали себя въ положеніи весьма щекотливомъ, такъ что, не смотря на превосходный кяхтинскій чай, они должны были лишить себя удовольствія бывать у г. попечителя. Дѣло въ томъ, что нашъ либеральный начальникъ, подъ предлогомъ сближенія съ педагогическимъ персоналомъ, сталъ у каждаго изъ гостей выпытывать и вывѣдывать обо всемъ, что вовсе не относилось къ педагогіи. Значитъ, не смотря на новыя вѣянія и на близкое родство съ декабристомъ, кяхтинское градоначальничество взяло верхъ надъ попечительствомъ, полицейская жилка дала себя почувствовать на посту, который не долженъ-бы имѣть ничего общаго съ полицейскими замашками. Къ прискорбію, не всѣ педагоги оставили попечителя; нашлись и такіе, поддавшись искушенію, въ родѣ выкреста Ѳедорова, ханжи Богатинова и еще нѣкоторыхъ учителей, которые продолжали пить у попечителя чай, „свидѣтельствуя на други своя ложно". Престижу попечительской власти не мало вредилъ и вывезенный Николаемъ Романовичемъ изъ Сибири Губеръ, смѣнившій всемогущаго въ округѣ А. А. Лазова: опутавъ начальниковъ заведеній ненужными формальностями, онъ еще больше уронилъ достоинство попечительской власти.

Оговорами наушниковъ объясняется неравность обращенія Николая Романовича съ педагогами. Тотъ самый учитель, ко-

тораго онъ еще вчера осыпалъ похвалами, приглашая на интимную бесѣду въ свой кабинетъ, вдругъ ни съ того, ни съ сего попадалъ подъ опалу. Получивъ доносъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на чистоту, какъ подобаетъ человѣку прямому и правдивому, т. е. пригласить къ себѣ обвиняемаго и потребовать отъ него объясненія, нашъ попечитель прибѣгалъ къ способу, который практикуется агентами тайной полиціи. Около мѣсяца онъ производилъ повальный обыскъ: бѣгая по улицамъ, онъ каждаго встрѣчнаго спрашивалъ; „знаете ли вы такого-то NN? Что онъ за человѣкъ? Что вы за нимъ замѣтили?“ Если случалось ему попасть на человѣка, знающаго опальнаго субъекта съ хорошей стороны, онъ не желалъ съ нимъ долго разговаривать, а искалъ другого, отъ котораго ему хотѣлось непремѣнно услышать что-либо дурное—такого онъ выслушивалъ со вниманіемъ и одобреніемъ. Неизвѣстно, до какой несправедливости въ отношеніи своихъ подчиненныхъ дошелъ-бы въ своей подозрительности нашъ кяхтинскій городничій, если-бы его пребываніе у насъ продлилось долѣе; но онъ не пробылъ въ Кіевѣ и полныхъ двухъ лѣтъ. Осенью 1859 года онъ оставилъ насъ, получивъ другое назначеніе, а въ 1865 году, послѣ смерти жены, изъ любви къ дѣтямъ, принялъ православіе и скоропостижно скончался отъ истощенія силъ, въ званіи сенатора.

Вторая гимназія до 1850 года собственнаго зданія не имѣла и послѣ своего открытія въ 1836 году помѣстилась въ домѣ Гербеля, а потомъ въ д. Киселевскаго (что́ нынѣ Дегтерева—уголъ Крещатика и Анненковской улицы). Затѣмъ, едва успѣла занять выстроенное собственно для нея зданіе, гдѣ нынѣ помѣщается 1-я гимназія, какъ приказано-бы ей оттуда убраться опять въ наемное помѣщеніе—домъ бывшій Козлова, гдѣ нынѣ Военный окружный судъ, а въ построенномъ для нея зданіи помѣстился неранжированный кадетскій корпусъ, впредь до окончанія нынѣшняго корпуснаго зданія. Въ 1853-мъ году для 2-й гимназіи начали постройкой другой собственный домъ, уже довольно скромныхъ размѣровъ. Между тѣмъ въ томъ же 53 году неранжированныя роты кадетскаго корпуса водворены

въ собственномъ помѣщеніи, а тутъ случился пожаръ, отъ котораго сгорѣло зданіе 1-ой гимназіи, вслѣдствіе чего она перешла въ оставшееся свободнымъ, послѣ выхода корпуса, вовсе не для нея построенное зданіе; а возобновленное послѣ пожара бывшее зданіе 1-й гимназіи въ Липкахъ поступило въ духовное вѣдомство.

Еще не вполнѣ оконченный домъ для 2-й гимназіи директоръ Гренковъ, ревностный блюститель казенныхъ интересовъ, поспѣшилъ занять. Жертвой такой поспѣшности былъ, во-первыхъ, самъ директоръ, схватившій тифъ; затѣмъ больница общей ученической квартиры переполнилась тифозными воспитанниками, и только благодаря пріѣзду въ Кіевъ министра Норова, поднявшаго весь медицинскій факультетъ, съ Мерингомъ во главѣ,—изъ 30 человѣкъ заболѣвшихъ тифомъ, только одинъ ученикъ умеръ.

Хотя гимназія водворилась въ собственномъ помѣщеніи, но зданіе не было принято дирекціей формально. Главный строитель его, окружной архитекторъ П. И. Шлейферъ, чтобы скрыть нѣкоторые дефекты своего дѣтища, затѣялъ передачу зданія во время болѣзни директора Гренкова; но инспекторъ Монаховъ наотрѣзъ отказался отъ пріема, вслѣдстіе чего мнѣ, тогда еще учителю, предписано было управляющимъ округомъ М. М. Могилянскимъ принять оное на законномъ основаніи, хотя въ такомъ распоряженія законность вовсе отсутствовала. Не желая вооружать противъ себя начальство, я принялъ на себя обязанность, ко мнѣ вовсе не относившуюся. Тому же управляющему округомъ Могилянскому я обязанъ назначеніемъ меня инспекторомъ 9 августа 1858 года.

М. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПЕРЕДЪ ВОЛЕЮ.

Драма въ 5 діяхъ.

(*Діется въ 1860 и 1861 рокахъ*).

ЛЫЦЕДІИ:

Арыстархъ Рафаиловычъ Пидгайный, багатый помищыкъ.
Орыся, ёго дочка, панна.
Шкорупськый, помищыкъ, старый панъ.
Пани Шкорупська, ёго жинка.
Деревъянка, бидный помищыкъ.
Гордецька, помищыця.
Буба } іи дочкы, панны.
Кука }
Помпеенко, старый панъ, багатый помищыкъ.
Ёго сынъ, юнкеръ.
Головацька, помищыця.
Сынъ іи, хлопець 10-ты рокивъ.
Макарюкъ, на мылыци, бидный помищыкъ.
Перепичка, панъ, багатенькый помищыкъ.
Завойко, помищыкъ.
1-й студентъ.
2-й студентъ.
Панычъ.

Панна.
1-й пидпанокъ.
2-й пидпанокъ.
Становый прыставъ.
Диброва Петро Петровычъ. Капельмейстеръ.

Крепакы Пидгайного:

Юрко, скрыпачъ, молодый хлопець.
Бухветчыкъ.
Вартоломей, отаманъ.
Дося, горнышна.
Нянька.
Сохвія.
Прохоръ.
Баба Репыха.
Яшка, башмашнык.
Потапъ.
Сылыхвонъ.
Мокрына.
Хведько, хлопець.
Палажка.
1-й и 2-й чоловикы.

Васылына, крипосна Перепичкы.
Васыль, *Семенъ*, *Остапъ* — бродягы.
1-й и 2-й перевожчыкы.
Пысарь.
Десятныкъ.

Паны, поромщыкы, кучери, музыкы, слугы и народъ.

ДІЯ 1-я.

Пися обида. Зало. Столы покрыти скатерками, скризь посуда, пляшкы, ножи, вылкы, чаркы, стаканы. Зъ правого боку фортепіано, биля нёго пюпитръ. Обстанова багата и роскишна.

Ява 1-я.

Сылыхвонъ, Потапъ, Дося и други слугы збирають посуду зъ столивъ, скатеркы, пляшкы и инче.

Сылыхвонъ. Ну, й сыла гостей сёгодня до насъ зйихалось!

Дося. Ще тилькы це панночка наша прыйихалы зъ учення и вже такый бенкетъ, а що-жъ то буде, якъ замижъ выдаватымуть?

Сылыхвонъ. Справжнихъ панивъ сыдило за столомъ мабутьне меньшъ якъ на пивъ-сотни; а-що полупанкивъ та пидпанкивъ...

Дося. Одніеи птыци попоризано ажъ страшно вымовыть... (*Понеслы ложкы и вылкы.*)

Потапъ. Цыплятъ мало не сотню перевелы, десятка зо два каплунивъ, гындыкивъ...

Сылыхвонъ. А поросятъ хиба мало?

Потапъ. Трое телятъ, пьятеро ягнятъ...

Сылыхв. А скилько горилкы выпыто та винъ усякыхъ? Шампанського мабуть пляшокъ десятка зо два?... Бухветчыкъ одныхъ недопыткивъ позлывавъ пляшокъ зъ чотыри...

Потапъ. Мени на шампанськое такъ хочъ и наплювать, а отъ до солодкого йиства то разъ-у-разъ такъ и верне мени рота: здается, колы-бъ моя воля, то и въ день, и въ-ночи тилько одне солодке и йивъ-бы, тилько солодкымъ и годувався-бъ.

Сылыхв. А въ мене гостець солодкого зовсимъ не прыйма: якъ зйимъ хочъ шматочокъ меду, заразъ и губы пухнуть, и нисъ набряка...

Потапъ. Кому ты оце натякаешъ? Хто позавчора у кладовій варення трыскавъ, що ажъ за вухамы лящало?...

Сылыхв. Такъ то-жъ варення, а я тоби кажу про медъ...

Потапъ (*дражныть ёго*). „Про медъ"!.. Бачывъ я, якъ ты и медъ трыскавъ.

Сылыхв. Сёгодня бухветчикъ зновъ укравъ тры срибныхъ ложкы.

Потапъ. Та ну?

Сылыхв. Передавъ жинци, а та вже потырыла ихъ додому.

Потапъ. Сылу винъ перекравъ панського добра!

Сылыхв. Що-разу якъ тилько зйидутся гости на обидъ, чы на балъ, винъ заразъ що-небудь и пидцупе... Отъ мы зъ тобою такъ дурни!...

Потапъ. Чого дурни?... И мы навчымось колысь...

Ява 2-я.

(*Ти-жъ и два пидпанкы*).

1-й пидпанокъ (*Гука*). Гей, подай вогню! (*Сылыхвонъ подае сирнычокъ*).

2-й пидпанокъ. И мени! (*закурюють*).

1-й пидпан. А ловки у Пидгайного цыгары!

2-й пидпан. У Помпеенка кращи!

1-й пидпан. Мы зъ тобою сёгодня ни разу и не чокнулысь.

2-й пидпан. Невже? Такъ давай чокнемся. (*Налываютъ выно и чокаются*).

1-й пидпан. (*пье*). Яке це выно?

2-й пидпанок. Та що тамъ розбирать, не однаково хиба? (*пьють*).

1-й пидпан. Чуешъ? Пидхожу я сёгодня до пыкатого Шкорупського та й кажу: „дозвольте зъ вамы чокнутысь?“ А винъ зареготавъ зъ-горда та й каже: „хочъ и не треба!“ Ну, постривай-же. Будешъ ты прохаты, щобъ я тебе на выборахъ пиддержавъ... Я-жъ тебе пиддержу: замисць одного—два чорняка покладу!..

2-й пидпан. А я маю зуба на самого пана-хозяина. Ты бачывъ, якъ винъ мене прывитавъ?

1-й пидпан. Ни, а якъ?

2-й пидпан. „Лыбонь, каже, я васъ у-перше бачу“?... Чы чуешъ, винъ мене у-перше бачыть!... И торикъ бувъ у нёго на полюванни, и позаторикъ на Велыкдень, и ще давнищъ на Риздво... А винъ мене у-перше бачыть!... По загряныцяхъ що-года гасае, такъ вже винъ нашого брата не добача, велыке цабе!... Ну, постривай, я тоби колысь зибью пыху!... Чванытся тымъ, що жинчыне добро мотае...

1-й пидпан. Я зъ нымъ сёгодня и зовсимъ не прывитався, нехай буде вдячный мени за те, що я прыйихавъ до нёго...

2-й пидпан. А знаешъ, що я тоби скажу? Що не говоры, а дочка у нёго—гарненька.

1-й пидпан. Що, колы-бъ ты бувъ трохы молодчый?

2-й пидпан. Колы-бъ же-то, вона-бъ моихъ рукъ не мынула!

1-й пидпан. Невже?

2-й пидпан. Вирь мени!... (*Зитхнувъ*). Давай зъ досады выпьемъ.

2-й пидпан. Давай! (*Выпываютъ*).

2-й пидпан. Якъ-бы мени хочъ пьять годъ зъ плечей.... Одначе я бильшъ сюды а ни ногою,—калачемъ мене не заманыть! „Винъ мене у-перше бачыть“!...

1-й пидпан. А якъ попросыть прыйиздыть?

2-й пидпан. Хиба що попросыть. Ты куды звидци?

1-й пидпан. До Малышевськыхъ, тамъ завтра панна Пазя именынныця. А ты куды?

2-й пидпан. А я до Радышевськыхъ, сегодня тамъ панахыда.

1-й пидпан. Писля завтра у Назаровыхъ крестыны!

2-й пидпан. Прохалы?

1-й пидпан. Ни.

2-й пидпан. Пойидешъ.

1-й пидпан. Пойиду. Бува якъ не пойиду, щобъ не розгнивалысь?

2-й пидпан. Такъ мы тамъ мабудь зустринемось. Пойиду и я мабуть до Малышевськыхъ, тамъ сёгодня буде венгерське, а у Радышевськыхъ на вына скуповато.

1-й пидпан. Хиба? Такъ и я краще пойиду до Малышевськыхъ! (*побиглы*).

Потапъ. Що то воля?

Сылыхв. Та ще й панська: куды скортило, туды й пойихавъ!

Ява 3-я.

Ги-жъ и бухветчыкъ.

Бухветчыкъ. Вы й доси бабляетесь биля посуды, все зъ розсказнямы, а дила хочъ й не пытай; а бухветчыкъ подавай за васъ одвитъ. Ножи та вылкы и доси не вычыщени, самувари и доси не настановлены, а хто вынenъ?—бухветчыкъ!—Сёгодня изъ столу ажъ тры срибныхъ ложкы украдено; звычайно, що це пидцупыла ота голота—пидпанкы, котра не мае свого прытулку, та тилько вештается по панахъ та пидцуплюе усячыну... Тамъ пообида, тамъ повечеря... Треба буде панови доложыть про ложкы, а то ще подумають на кого зъ насъ... Ну-жъ, воловодьтесь шпарчій... Успіете видлежаты бокы, якъ панъ у загряныцю пойидуть!.. Хто оту пляшку вже спорожнывъ, адже вона повна була?

Сылыхв. Тутъ заразъ прыбигло двое полупанкивъ, ось ти... якъ бо ихъ? Перченко та Репченко. Выпылы та й майнулы!..

Бухветчыкъ. Ну, и вйилыся-жъ мени оти полупанкы: не то що все повыпывають, а й повылызують. (*Потапъ и Сылыхвонъ пишлы зъ посудою*). Була новнисенька пляшка, якъ вже зъ-за столу повставали, а теперъ тилько на денци.

Сылыхв. (*ввиходе и бере зновъ посуду*). Чы панъ до Риздва выйидуть у загряныцю, чы писля Риздва?

Бухветч. А тоби що?

Сылыхв. Та я про Соньку хотивъ спытаты, чы й іи визьмуть зъ собою, якъ торикъ Дуньку?

Бухветч. Яка вона тоби Сонька, яка? Сохвія Мыколаевна, а не Сонька. „Сонька!“ Колы панъ іи прыблызылы до себе, такъ вже вона тоби стала не Сонькою, а Сохвіею Мыколаевною,—розуміешъ? Тебе прыблызять—и ты будешъ не Сылыхвономъ, а... Якъ твого батька звуть?

Сылыхв. Даныломъ.

Бухветч. Стало быть, тебе велычатымуть тоди: Сылыхвономъ Даныловычомъ. Бува часто такъ, що иноди и самъ чоловикъ не вгада, чымъ винъ завтра буде. Прымеромъ, сегодня заснувъ Грышкою чы Ванькою, а завтра прокынувся Грыгоріемъ Васылёвычемъ, або-жъ Иваномъ Семеновычемъ!..

Сылыхв. (*Идучы*) Хотивъ-бы я завтра прокынутысь Даныловычемъ.

Бухветч. (*Самъ*). Не ти вже часы настають, не ти, якъ колысь... Першъ паны пылы выно такъ, що бильшъ половыны ёго зоставалось у стаканахъ, та чаркахъ, а теперъ... Отъ и пожывляйсь теперъ зъ недопыткивъ! (*Пишовъ*).

Ява 4-я.

Два студента проходятъ.

1-й студентъ. Куды ты мене завизъ? Я тебе пытаю, куды це ты мене завизъ?

2-й студентъ. А хиба що?

1-й студентъ. Це якась дыка, варварська сторона!.. Тутъ не люде жывуть, а людоиды, звирякы!..

2-й студентъ. Правда, що цей кутокъ можна смилыво назвать медвежачымъ, сюды ще не скоро досягне проминь свита. За те-жъ тутъ панночкы яки гарненьки, чудо!..

1-й студентъ. Бабій ты й бильшъ ничого!.. Ни, я сюды бильшъ ни ногою; тутъ прывселюдно бьють людыну по морди, кровъ спускають!.. Отой, що на мылыци панокъ—Макарюкъ, винъ ударывъ свого лакея такъ, що той кровью умывся... Я не знаю, якъ не кынувся на нёго?.. Це варварство, инквызыція!...

2-й студентъ. Ты городянынъ, и тебе дывують сельски видносыны, а мы до того прызвычаилысь.

1-й студентъ. Я не хочу прызвычаюватысь, не хочу тутъ дали зоставатысь; я задыхаюсь въ цій атмосфери!.. Йидемъ мерщій звидци!.. Будь проклято и село, колы въ нёму таке звирство коится!.. (*Хутко идуть*).

2-й студентъ. Ходимъ попрощаемось.

1-й студентъ. Не пиду, нема мени зъ кымъ тутъ прощатысь! (*Пишлы*).

Ява 5-я.

Дося и бухветчыкъ.

Дося. Дывиться, дядю, яку стричку подарувала мени панночка?

Бухветч. А ты-жъ поцилувала ихъ у ручку?

Дося. А вже-жъ.

Бухветч. Вумныця.

Дося. Воны не давалы рукы, а я такы поцилувала!

Бухветч. Двичи вумныця! Именно—не дае, а ты наважайся поцилуваты и таки неодминно поцилуй. Вумныця! Бачыла, якъ я разъ-у-разъ панови цилую ручку, а потимъ у плече? Вумныця, по дядькови пишла.

Дося. Я-жъ такъ, якъ и вы...

Бухветч. Паны дуже люблять, щобъ имъ ручкы цилувать. Часомъ провынышъ, воны наважаются тебе вдарыты, вже

й замахнутся, а ты ухопы ихъ за ручку, поцилуй, и заразъ серце у ныхъ одійде!..

Дося. А якъ панночка ловко говорять по-простому—й не забулы!..

Бухветч. Чого-жъ бы воны забулы? на те воны людына!

Дося. У ныхъ и кныжкы йе таки, зъ котрыхъ воны чытають по-простому... До всихъ двирськыхъ витаются, та такъ хороше.

Бухветч. По маменьци пишлы. И покійныця, царство имъ небесне, таки-жъ булы ласкави та прыятни. Не дожылы побачыты свою едыначку зрослою.

Дося. Скилько тоди литъ панночци було, якъ пани померла?

Бухветч. Годъ шисть, або симъ! Зъ тіеи добы все у насъ пишло шкереберть...

Дося. Вы тежъ, дядю, за покійною панею прыйшлы у прыдане, якъ наши татко?

Бухветч. А вже жъ!... Насъ трыста двадцять семей сюды перегнано зъ Полтавщыны; тутъ була земля пустопорожня. У нашыхъ панивъ було багато земли, по всихъ губерняхъ,—бильшъ двадцяты тысячъ десятынъ було.

Дося А у пана хиба не було своихъ людей та земли?

Бухветч. Це бъ-то у цёго пана, у папаши нашои панночкы, у Пидгайного?

Дося. Эге-жъ?

Бухветч. Було ще за батькивъ де-що, та й те загуло! (*дае ій пляшкы*). Несы оци пляшкы до бухвету, бо якъ набижать—повылызують... (*Дося пишла*). Свое загуло, а це вже годивъ зъ десятокъ жинчыне мота та ніякъ не промота... Ажъ досада тебе бере, що отакъ марно добро пропада. Бачучы, що вси таскають, вси пожывляются, иноди и самъ зъ пересердя потягнешъ яку дурныцю: чы ложку срибну, чы салхветку... Бо то тилько й твого. По загранычяхъ що года йиздыть, у карты грае, зъ дивчатамы воловодытся... Отъ вже Соньку накынувъ окомъ, а чы на довго? Горпыну залышывъ, якъ и Домку, або Прыську;

Дуньку десь загряныцею кынувъ... Ненажерлывый!... Гараздъ хочъ за те, що переставъ павозыты чужыхъ, а то булы тутъ: и хранчужанкы, и аглычанкы, и всяки!.. И не потрапышъ бувало, якъ имъ и годыты...

Ява 6-я.

Орыся и бухветчыкъ.

Орыся. Здрастуйте, Сафронъ Васылёвычъ!

Бухветч. Якый я вамъ „Васылёвычъ?" Сахронъ та й годи.

Орыся. Я васъ ще й не бачыла, якъ пожываете?

Бухветч. (*лове руку*). Подоввольте-бо! Та такы-жъ дозвольте.

Орыся. Ни, не треба, не хочу....

Бухветч. За вищо жъ вы гниваетесь на мене?

Орыся. Я не гниваюсь... Мени такъ не подобается.

Бухветч. (*цилуе ій руку*). А мы завжды повынни...

Орыся. Пожалуста, бильшъ такъ не робить, а то я й справди гниватымусь...

Бухветч. Такъ було и ваши маменька кажуть, царство небесне, вичный покій ихъ душеньци. „Не треба, кажуть, не смій цилувать"... А я все-такы не одійду, докы не поцилую имъ обохъ ручокъ.

Орыся. Мама доброю була до васъ?

Бухветч. И, Боже мій! До кого воны не булы доброю?.. Анголъска душа. Вы манéньки булы, не гараздъ памьятаете мамашу?... То булы благодушна душечка!

Орыся. Отакою и я буду до васъ, тилько просю въ памьять моеи мамы бильшъ николы не цилуйте мени рукъ (*иде до викна*). А якъ гарно въ сели,—куды не кынешъ окомъ, скризь краса!...

Бухветч. (*на бикъ*). Не вже й справди розгнивалась?... Ни, ни, не вирю!... Якъ-то можна, щобъ я гнивався, якъ мени ручкы цилуватымуть?.. Манижытся!... (*Пишовъ*).

Ява 7-я

Гордецька, Буба и Кика.

Гордецька (*до Орыси*). Щаслыви вы, Орысю, що йидете зъ папою загряныцю.

Орыся. Хто вамъ це сказавъ, що я йиду? Папа самъ йиде.

Гордецька. А чому-жъ бы вамъ не пойихать?

Буба. Побувать въ Парыжи?

Кика. Въ Вѣни, въ Берлыни?

Орыся. Папу я тилько стиснyла-бъ... Та и колы-то ще винъ йиде: у генвари, або у феврали, а у насъ теперъ ще сентябрь. Я висимъ рокивъ не була дома и теперъ хочу пожыть въ сели, а на той рикъ може и мени скортыть въ Европу?

Буба. А мени село такъ спротывило!...

Кика. Я вже не разъ казала мами, що рада за першого женыха выйты, хто-бъ винъ не бувъ, тилько-бъ швыдче зъ села. (*Пишлы*).

Ява 8-я.

Шкорупській, Шкорупська и Деревьянка.

Шкорупській. Це вже щось тутъ не по моему зативають; якый ще тамъ концертъ? И такъ музыка ревла и пивчи горло дерлы за обидомъ, що й доси у вухахъ лунае.

Деревьянка. Дочка-жъ пана Пидгайного скинчила науку, ну отцеви и кортыть похвастатысь передъ гостямы, якъ вона гра на фортепіани. Це похвально и нравоучытельно для другыхъ.

Шкорупськый. Скризь ты носышся зъ своимъ нравоучытельствомъ, якъ дурень зъ пысаною торбою!.. Найкращый нравоучытель—черево... Найилысь гости—и одпусты ихъ додому; а концертъ—це вже насыліе...

Шкорупська. Та замовчы-бо, старый воркотуне! Тоби тилько-бъ видлежуваты бокы.

Шкорупськый. И найкраще. Чоловикъ чымъ бильшъ спыть, тымъ меньшъ гришыть. У мене наймудрищый звычай: якъ тилько гости скинчылы обидъ, гукну на слугъ, щобъ гостямъ заразъ коней подавалы, а самъ на бокову. И гости вже знають, що имъ нічого засыжуватысь, заразъ за шапкы и геть зъ двору. А я заразъ звелю позачынять виконныци та повыгоняты мухъ; потимъ скыну зъ себе геть все чысто, зостанусь якъ маты вродыла, клычу двохъ покоёвокъ, щобъ пьяткы чесалы, а моя Мынодора Порхвыровна у головци мени ськае.

Шкорупська. Е чымъ хвалытысь!

Деревьянка. Пьяткы чесать и въ голови ськать—це було голивне дило ще за предкивъ нашыхъ, блаженои памьяты. О, благословенна старына, згадаешъ тебе и тилькы зитхнешъ!.. Именно-що жыття було: ни печали, ни воздыханія... А ловко спытся пидъ лоскитъ пьятокъ.

Шкорупськый (*до жинкы*). Мыдосю, якъ ты думаешъ, чы не пойихаты намъ оце заразъ до-дому?

Шкорупська. Неловко... Адже прохалы зостатысь?...

Шкорупськый. То-то що прохалы. Хотивъ-бы я теперъ буты краще на мисци непроханыхъ... (*Сида*). Ничого робыть... Та колы-бъ вже швыдче почыналы?

Деревьянка. Може звелить податы вамъ файку?

Шкорупськый. Яку ще тамъ „файку“ выдумавъ? Люлька, або трубка, а то ще файка!.. А ну, гукни. Та нехай и тоби подадуть. Я зъ собою беру завжды тры-чотыри люлькы, докы одну докурю, щобъ друга вже була набыта. Ты Вахштабъ курышъ?

Деревьянка. Ни, Жукова.

Шкорупськый. Покынь Жукова, куры Вахштабъ. Я сорокъ тры рокы курю тилько Вахштабъ и ненавыдю того, котрый куре Жукова.

Деревьянка. Та я можу и Вахштабъ... Гей! Кырыло! Люльку твоёму панови и мени. (*Слуга подае люлькы*).

Ява 9-я.

Гордецька, Буба и Кика.

Гордецька. И добре вона гра? (*Сида*).

Буба. Слухать можна.

Кика. У кого йе охота.

Буба. Ну, це вже ты, Кико, зъ заздрощивъ кажешъ!

Кика. Пожалуста, не выгадуй, Буба!.. Безъ всякыхъ заздрощивъ кажу, що вси іи таланты въ іи багатстви.

Гордецька. Годи вамъ сперечатысь. Звисно що багатство кожного дме и паддае пыхы.

Ява 10-я.

Помпеенко, сынъ его Юнкеръ и ще гости.

Помпеенко (*розгниваный*). Якый я старець? Я тебе пытаю: якый я старець?

Юнкеръ. Та це-жъ, тату, виршъ такый.

Помпеенко. Якый у чорта виршъ? Тыче на мене рукою и каже: „старець!"

Шкорупськый. Що вчынылось?

Помпеенко. Пани Головацька мене зневажыла; вывела проты мене свого сына и каже: „промовляй"! Той показуе отакечкы пучкою на мене и каже: „старець!" Якый я старець? У мене 10 тысячъ десятынъ земли, а я „старець?" Старець зъ торбамы ходыть, а я помищыкъ!..

Юнкеръ. Кажу-жъ вамъ, що то виршъ такый Ломоносова:

„Науки юношей пытають,
Отраду старцямъ подають!.."

Деревьянка. Це правда, що у господына Ломоносова йе такый виршъ. Старець означа: ветхый чоловикъ, преклонныхъ, або почтенныхъ литъ. А то ще йе и такый виршъ:

„О ты, что въ горести напрасной
На Бога ропщешь человѣкъ!.."

Помпеенко. Та воно справди! А хто жъ то такый той Ломоносовъ?

Деревьянка. Господынъ Ломоносовъ—то такый заслуженный чоловикъ и кавалеръ.

Помпеенко. А!.. А я думавъ... Ну, якъ що йе, то... Тилько до чого винъ той виршъ склавъ?

Деревьянка. Для вразумленія и назыданія.

Шкорупськый (*до жинкы*). Ну, Помпеенка ни якымъ виршомъ не вразумышъ, бо винъ зъ роду-вику ни однои кныжкы не прочытавъ.

Шкорупська (*до нёго*). Та годи бо тоби!..

Шкорупськый (*Тыхо*). Малограмотный дворяныnъ.

Ява 11-я.

Головацька зъ сыномъ.

Головацька (*до Помпеенка*). Вы безъ прычыны, Помпей Дорофеевычъ, розгнивалысь на мого Васю.

Помпеенко. Та то выйшло якось... Воно непорозуминня... Выбачайте мени. (*На бикъ*). Заслуженный чоловикъ и кавалеръ вирши склада,—за для чого?..

Ява 12-я.

Макарюкъ (на мылыци), за нымъ слуга.

Макарюкъ. Антуанъ, трубку! (*Слуга подае*). Ты, ты въ постолахъ? Хиба я тоби не прыказувавъ надить чоботы?

Антонъ. Захарко прыбигъ у поле: „кыдай, гука, плуга та швыдче иды зъ паномъ йихаты, надивай лирвею...“

Макарюкъ. Запорю!..

Антонъ. Хрестъ мене побый, винъ ничого не казавъ за чоботы. „Надивай, каже, лирвею!“..

Макарюкъ. Запорю, на смерть запорю!.. (*Сивъ*).

Ява 13-я.

Панна и панычъ.

Панна (*зъ квиточкою въ руци*). Чого вы бажаете оцій квиточци?

Панычъ. Бажаю ій увесь викъ цвисты и пышатысь красою.

Панна. А вгадайте, на кого я загадала?

Панычъ. Ни, не вгадаю.

Панна. Ця квиточка—це я.

Панычъ. Гараздъ, що я не побажавъ ій завьянуты!..

(*Силы и нышкомъ розмовляють*).

Ява 14-я.

Завойко, Перепичка и Васылына.

Завойко (*на порози*). Це буде всимъ зневага, велыка зневага!..

Перепичка. Кого я тымъ зневажу, кого? Паніи наши знають все, ихъ ничымъ не здывуешъ; панночкы-жъ настилько наивни, що ничого не знають; а у тебе, якъ и въ другыхъ, на кого тутъ не гляну,—йе своя Васылына; а у инчого дви, або й тры!.. Тилько вы ховаетесь зъ своимы, а я не ховаюсь. Не знаю, що чесницъ? Слухайте, господа дворяне, тверези—не пьяни! Хочъ я и пидъ чаркою, одначе не на стилько, щобъ забутысь: хто я и де я!.. Вы може сподиваетесь видъ мене дебошу, чы скандалу?.. Я знаю, де можна дебошырыть, а де й зась!. Дозвольте мени вамъ ныженько уклонытысь и попрохаты пробачення... Оце биля мене моя Васылына, моя крипостна, моя... Паны и паніи добре знають, хто вона мени, а панночкамъ не треба знаты... А все-жъ я ій не дозволю систы въ вашимъ прысутствіи: дысцыплына, субордынація и мордобытіе!.. Я хочу Васылыну просвитыты на щотъ музыкы, бо вона у мене дурна, якъ вивця,—вона тилько и чула, якъ чередныкъ грае на зубовій дудци *метелыцю*, а свынаръ на выграни „чоботы...“

Ява 15-я.

Пидгайный и Орыся.

Пидгайн. (*веде Орысю пидъ руку*). Не соромся, доню, и покажы гостямъ, що отець не даромъ объ тоби клопотався! (*Пидводе до фортепіано*).

Орыся. Я не соромлюсь... а тилько за для чого це?

Пидгайн. Я такъ того хочу.

Орыся. Хиба? (*Глянула на Васылыну*). Ахъ, яка-жъ чудова украинська одежа!.. А сорочка якъ гарно вышыта! (*Пидходе до Васылыны*). Хто вамъ такъ гарно вышывавъ?

Васылына. Я сама.

Перепичка (*Васылыни*). Ручку, ручку швыдчъ панни поцилуй!..

Васылына (*лове руку Орыси*). Подозвольте...

Орыся. Ни за що на свити! Такъ поцилуемся. (*Цилуется зъ Васылыною и потимъ иде до фортепіано*).

Перепичка (*до Завойка*). Бачывъ?

Завойко (*до нёго*). Така и іи маты була!

Пидгайн. Заграй-же намъ, Орысю,—мы хочемо слухаты. (*Сида. Орыся розгорта ноты и гра щось классычне; гости все бильшъ сходятся и сидають. Вси слухають зпершу тыхо, а потимъ почынають по-тыху гомониты*).

Помпеенко (*до сына*). Та колы-жъ вона гратыме?

Юнкеръ. Вона жъ вже грае.

Помпеенко. Чортъ батька-зна що брынькае!..

Завойко. Колы-бъ заграла Варшавського марша, а це щось...

Шкорупськый. Стоило зоставатысь, щобъ отаку нисенитныцю слухаты?..

Деревьянка. Музыка для слуха вразумытельна и назыдательна!.. (*Орыся скинчыла, почынаются оплески*).

Юнкеръ. Папенька, плещить-бо!

Помпеенко. Хиба треба? (*Плеще*).

Шкорупськый (*плеще*). А може воно и справди щось путяще?..

Завойко. А все-такы нема ничого кращого, якъ Варшавськый маршъ, або: „Ой не ходы Грыцю"... (*Плеще*).

Перепичка (*до Васылыны*). Ну, якъ тоби?

Васылына. На мени чогось усе тило терпне, неначе я на неби.

Пидгайн. Гей, поклычте сюды капельмейстера и Юрка.

Шкорупськый. А це ще що буде?

Шкорупська. Та мовчы-бо.

Завойко. У, Юрко здорово гра Варшавського марша, або Кармалюка.

Помпеенко. Послухаемъ ще Юрка.

Шкорупськый. А писля Юрка, може увійде свынаръ та заграе: „Свыня въ рипи, поросята въ моркви?..“ (*Регоче*).

Шкорупська. Та й невгомонный же ты!

Ява 16-я.

Капельмейстеръ и Юрко зъ скрыпкою.

Пидгайн. Ну, Петро Петровычъ, похвастайте намъ вашымъ ученыкомъ!

Диброва (*Кланяючысь панамъ*). О, зъ гордостію скажу, що маю кымъ похвастаты. (*До Юрка*). Уклонысь панамъ! (*Юрко кланяется*).

Панна (*зъ квиточкою*). Якый красавець!

Буба. Крипакъ и така импозантна фыгура!..

Кика. Ему прыставъ-бы гусарськый мундыръ!.. Ментикъ, долманъ, чикчири!..

Диброва (*Пидводе Юрка до фортепіано*). Панно Орысю! Колысь, якъ вы ще булы моею ученыцею, я постеригъ у васъ талантъ музыкальный и не помылывся. Дозвольте доручыты вашій ласци ось другый талантъ!

Орыся (*Не дывлячысь на Юрка*). Чы не про нёго мени татко говорылы?

Диброва. Певно про нёго. Проаккомпанируйте ёму серенаду Шуберта. (*Росклада ноты на пюпитри*). Уклонысь, Юрку, панночци. (*Юрко кланяется*).

Орыся (*глянула на Юрка*). Ты... давно граешъ?.. Якъ твое имня? (*на бикъ*) Ахъ, що за очи!..

Юрко (*глянувъ на неи и затремтивъ*). Давно граю?..

Диброва. Хиба ты не розумієшъ, про вищо тебе пытають? Панночка пытають: чы давно ты на скрыпци граешъ и якъ твое имня. Кажы: чотыри рокы якъ граю, а имня—Юрко.

Юрко. Ходимъ звидци, ходимъ...

Диброва. Ц—съ! (*Тыхо ёму*). Ты ошаливъ, чы що?..

Юрко. У мене щось голова... въ очахъ... Тикаймо!..

Диброва (*ёму*). Опамьятайся! (*До панны*). Засоромывся бидный хлопець зовсимъ. Промовте до нёго слово, щобъ винъ набрався смилосты. (*До Юрка*). Опамьятайся!

Орыся. Не соромся, Юрку... Ну, прылагодься, заразъ гратымемъ... Чого ты такый?

Юрко. Я не знаю... не втямлю ничого...

Орыся. Заспокойся. Ну, почнемо?

Юрко. Почнемо. (*Грають. Юрко чымъ дали, все бильшъ забувается и виддается цилкомъ музыци. Вси навкругы затыхають*).

Помпеенко (*тыхо*). Хочъ и не розумію, такъ почуваю!

Деревьянка (*деклямуе*). „О, ты, что въ горести напрасной
На Бога ропщешь человѣкъ!..“

Кика. Скилькы экспрессіи!.. Яка техныка!..

Шкорупськый. Теперъ вже и я не шкодую, що зоставсь.

Перепичка. Чого ты, Васылыно, плачешъ? Годи, не соромъ мене!..

Васылына. Не можу!.. Нибы маты мене докоряе, нибы батько клене!.. (*Выбигла*).

Панна (*Зъ квиточкою*). Яка роскишна и чула душа у Шуберта!

Завойко. Чортъ ёго батька зна! Лыбонь це ще краще видъ Варшавського марша! (*Оплескы*).

Пидгайн. (*Пидійшовъ до Дибровы и стыска ёму руку, а Юрка хлопа по плечу*). Браво, браво!..

Диброва (*до Юрка*). Кланяйся!

Юрко. Кому?

Диброва. Кланяйся панамъ. Ты такы очмаривъ?.. (*Тымъ часомъ панны пидійшлы до Орыси и витають іи*).

Юрко. Швыдчъ ходимъ... душно!..

Пидгайн. (*до гостей*). Прошу всихъ въ садъ,—тамъ чека нась чай и кофе. (*Гости росходятся*).

Шкорупськый (*до жинкы*). Николы не сподивався, щобъ у мужыка така чулисть була!.. (*Пишлы*).

Юнкеръ. Зостанемось, папенька, на вечеръ, певно и въ вечери гратымуть?

Помпеенко. Отъ и кажы писля цёго, що у скрыпци нема языка. (*Пишлы*).

Перепичка (*до Завойка*). Васылына, якъ корова, реве, та й у мене оказалысь очи на мокримъ мисци!.. (*Пишлы*).

Диброва. О, теперъ и мы ходимъ.

Орыся (*до Юрка*). Якый у тебе дужый и слухняный смычокъ!.. Честь вамъ, Петро Петровычъ! Честь и слава!..

Юрко. Такъ вже певно николы не заграю!..

Диброва. Винъ сёгодня якыйсь непрытомный!.. Визьмы-жъ ноты!.. (*Пишовъ*).

Орыся. Кажешъ, не заграешъ вже такъ? Чому-жъ то?

Юрко. Не заграю!..

Орыся. Чого ты такый?..

Юрко (*глянувъ ій въ вичи*). А вы на вищо таки?

Орыся. Яка-жъ я?

Юрко. Не вмію вымовыть...

Орыся (*дае ноты*). Визьмы оци ноты, передывысь, у вечери гратымемъ.

Юрко. Такъ вже николы не заграю!.. (*Бере ноты*).

Орыся. Черезъ що-жъ то?

Юрко. Никόлы, никόлы!.. (*Пишовъ хытаючысь*).

Зависа.

ДІЯ 2-я.

Черезъ рикъ. Збоку невелычкый домокъ, вкрытый гонтою зъ ганкомъ, зъ трёма викнамы; зъ другого боку, на другимъ плану, людська кухня; на останнимъ плану—задній фасадъ панськыхъ

хоромивъ, зъ балкономъ и террасою. Навкругы дому садъ, дали село, дали перелисочкы и поле.

Надъ вечиръ.

Ява 1-я.

Репыха и Орыся. (Выходять крадькома зъ хоромивъ до саду).

Орыся. Оглянься навкругы, щобъ не постереглы.

Репыха. Не бійтесь, нема никого. Дытына тамъ у саду,— нихто не побачыть.

Орыся. Ну, ходимъ вже!

Репыха. Досю треба задобрыты, щобъ держала языка за зубамы... Осьдечкы и вона. (*До Доси*) Ну?

Ява 2-я.

Ти-жъ и Дося.

Дося (*иде зъ сада*). Не выдно никого.

Репыха (*до Орыси*). Ходимте-жъ мерщій!..

Орыся. Досю! Ты вміешъ держаты языка на прыпони?.. Мовчатымешъ, то й тоби краще буде.

Дося. Про вищо? (*Репыха и Орыся пишли въ садъ*). Куды це воны пишлы? Яка-жъ це болисть у панночкы, що бабу Репыху клыкалы? (*Оглядается*). А може вже?.. Панночка велять мени держать языка на прыпони... Ой, щось це не даромъ! А ну, пиду за нымы назырци... (*Пишла въ садъ*).

Ява 3-я.

Вартоломей и тры хлопци (идуть видъ ворить).

Вартоломей. Я-жъ скилько разивъ наказувавъ вамъ, щобъ не спалы?.. Бачъ, яку правылу соби взялы!..

Два хлопци. Мы, дяденька, ій-Богу не спалы! То гедзъ росполохавъ телятъ, воны й побиглы въ горохъ!..

Вартол. Якый гедзъ? Гедзъ тилько у Спасивку сиче скотыну. Ось я вамъ задамъ гедза!..

Два хлопци. Ій-Богу, дяденька, мы не спалы!..

Вартол. Ходимъ, ходимъ до конюшни!..

Два хлопци. Ій-Богу, дяденька, мы не вынни.

Вартол. А хто-жъ вынен? Хто, пытаю, вынен? (*До третёго*). А ты чого мовчышъ?

3-й хлопецъ (*Хведька*). А що я казатыму? Все одно, бытымете!

Вартол. И бытыму, тебе бытыму!..

Хведька. Та мене-жъ...

Вартол. Бо ты й вынен!

Хведька. Та я-жъ.

Два хлопци. Авже-жъ, винъ! Мы ёму кажемо: „давай, Хвѐдька, навернемо телятъ на стерни, щобъ въ горохъ не вперлысь...“ А винъ каже: „чортъ ёго поберы, горохъ: хиба винъ людськый? винъ панськый!..“

Хведька. Це-бъ то я отакечкы казавъ?

Вартол. Ахъ ты, харцызе! То ты такый?

Два хлопци. Винъ, дяденька, васъ лаявъ, ще такъ погано лаявъ: у батька-матиръ!.. И казавъ на васъ: „барыло“.

Хведька. Я казавъ?

Два хлопци. Та ты-жъ. Каже: „Вартоломей—Кутломей!“ Це у ныхъ, дяденька, йе така собака коштрюбата, Кутломеёмъ дражнять...

Вартол. Такъ ты такый, сучый сыну!

Хведька. Колы вирыте имъ, такъ быйте мене!..

Два хлопци. А не казавъ ты, що дяденька: „катъ, парло, котолупъ?..“

Вартол. (*вхопывъ Хведьку за вухо*). Ахъ ты-жъ, чортивъ вылупку! Я-жъ тоби заразомъ покажу: и ката, и парла, и кутломея!.. (*Повивъ до конюшни*).

Ява 4-я.

Дося (*бижыть зъ саду*). Та невже-жъ це я бачыла своимы очыма? Мабуть я сплю, мабуть це мени у сни ввыжается?..

Ява 5-я.

Мокрына и Дося.

Мокрына (*зъ людскои кухни*). Чого це ты, небого, все въ садъ бигаешъ? що тебе напало?

Дося. Не пытайте, не пытайте, бо все ривно ничого не допытаетесь, мовчатыму,—якъ камьяна, якъ нима!.. Не заступайте-бо мени дорогы, пустить!..

Мокрына (*стала проты неи*). То ты такъ зо мною? Це ты й титци риднiй не скажешъ? Спасыби! диждалась честы видъ небогы!..

Дося. Ой, Боженьку! Я зô страху й забула, що вы мени титка!.. Ой, выбачте мени!.. Тилько жъ вы, тётю, Бога рады, никому а ни словечка. Ой! страшно и вымовыты!..

Мокрына. Кажы вже швыдче!

Дося. Оцимы власнымы очыма бачыла, щобъ мени свита сонця не вздриты!..

Мокрына. Що бачыла, що?

Дося. Заразъ баба Репыха прыходыла, бачылы?

Мокрына. Чого-жъ то вона?

Дося. Чы насъ нихто не пидслуха?

Мокрына. Ну, ну?

Дося. Прыходыла ото вчора надъ вечиръ баба Репыха до панночкы, и почалы воны вдвохъ шепотиты; я й насторôжыла вуха, якъ мене дядё бухветчыкъ повчалы, щобъ завжды насторожувала вуха... Шепотять, та й шепотять... А дали пишлы кудысь у-двохъ. Зовсимъ вже пизно панночка повернулысь до дому, та таки слаби, що й на ногахъ не встоять.

Мокрына. Ну, ну, розсказуй дали!

Дося. Стривайте-бо! А оце теперъ, якъ прыйшла зновъ баба Репыха, послалы мене въ садъ подывытысь, чы нема тамъ кого. Вертаюсь я зъ саду, ажъ воны обыдви вже идуть мени на зустричъ...

Мокрына. Ну, ну?

Дося. Воны въ садъ, и я за нымы назырцемъ. Доходять до рички,—бачу, зупынылысь; и я соби оддаля зупынылась. Ажъ

дывлюсь: баба Репыха похылылась у кущъ и подае панночци дытыну. Памьятаете, казала я вамъ, що панночка Юрка покохалы, не вирылы?

Мокрына. Ну, ну, ну?

Дося (*оглянулась*). Богъ пославъ панночци сына!

Мокрына (*жахнулась и ажъ прысила*). Сына?..

Дося. Щобъ я свита сонця не вздрила!

Мокрына. Сына?!..

Дося. Эге-жъ. Репыха подала имъ дытыну, а понночка почалы іи годуваты... Сама бачыла своимы очыма.. Цытьте! Ондечкы панночка вертаются въ хоромы.

Мокрына. Хи, сердешна! Ледве йде. Бачышъ, що то страхъ,—винъ пересылюе усяку болисть!...

Дося. Прысядьте! (*прысидають за плотомъ*).

Орыся. (*Ледве переступа*). Лыбонь нихто не постеригъ?.. Охъ, въ очахъ темніе!.. (*хытаючысь пишла въ хоромы*)..

Мокрына. А де-жъ дытя?

Дося. Певно, Репыха взяла до себе!

Мокрына. И ты вповаешъ, що якъ мы мовчатымемъ, то други не довидаются?

Дося. Нехай довидаются, нехай и плещуть, абы не мы.

Мокрына. Авже-жъ! Почнуть языкаты, вирь мени! У насъ народъ бузувирный! Глянь, хто ото крадется по-пидъ плотомъ? Бигты мерщій захожуватысь вечерю варыты!... (*побигла*).

Дося. Справди щось сюды надходе.

Ява 6 я.

Юрко и Дося.

Дося. Юрку, ты?

Юрко (*пидходе*). Якъ бачышъ.

Дося. Вернувся?

Юрко. Никуды втикаты безъ бумагы.

Дося. Панночка звелилы-жъ тоби, щобъ не вертався, докы сами тебе не розшукають; тебе-жъ, бороны Боже, тутъ закатують!.. Ой, що-жъ це буде?

Юрко. Що буде, того не обмыну!

Дося. Та ты-жъ и не знаешъ ничого. Адже панночка вже маты!

Юрко. Що, що ты сказала? Маты?..

Дося. Вчора сына породыла...

Юрко. Сына?.. Що-жъ теперъ?... Вона хвора, дуже хвора? Кажы, кажы!..

Дося. Хвора, а тилько-жъ и терпляча на вдывовыжу....

Юрко. Бидна, бидна мученыця, безщасна!.. Досю, я звиръ, лютый звиръ!... Досю, я мушу іи побачыты!... (*Ламае рукы*).

Дося. Я заразъ пиду, шепну панночци!..

Юрко. Стривай! Може не треба? Хвора, сполохается! Досю, я зтеряюсь!.. Хто-жъ мене порадыть?.. Одна ще надія... Чы капельмейстеръ дома?

Дося. Ёму здорово погиршало, мабуть скоро й помре. Винъ пытавъ про тебе, де ты.

Юрко. Пиду до нёго,—винъ мене, якъ батько, порадыть.

Дося. Змарнивъ ты якъ, ажъ почорнивъ!

Юрко. Голодъ—не титка! За трое день охлявъ та знемигся, хочъ жывымъ пропадай. Якъ сказала мени Орыся втикать, я й махнувъ—не взявшы навить и хлиба шматка; тилько водою и жывъ... Пиду до Петра Петровыча!.. (*Пишовъ у домокъ*).

Дося. Охъ, на чимъ воно все це окошытся? Не знаю, чы розсказаты дядькови бухветчыку? Мовчатыму, а якъ допытуватымуть—прызнаюсь. Звисно, дядько,—грихъ имъ не сказаты!.. (*Пишла въ хоромы*).

Ява 7-я.

Сохвія и Палажка.

Сохвія. Куды це Юрко и справди подився? Трое день и очей въ село не наверне.

Палажка. А що тоби до Юрка?

Сохвія. Казала тоби не разъ.

Палажка. Казышся ты видъ жыру, отъ що я тоби скажу —казышся!

Сохвія. Спытай у мого серця, чы ёму до жырування?

Палажка. Ты-жъ панська полюбовныця, чы зручно-жъ тоби объ Юркови думаты? Ты повынна знаты одного пана.

Сохвія. А панъ хиба тилько мене одну зна?

Палажка. Мало чого... Винъ на те панъ, ты въ ёго воли

Сохвія. Я панова полюбовныця не по своій охоти, а Юрка я покохала своею волею.

Палажка. Мало кого тамъ не покохала!...

Сохвія. Цыть!.. Чуешъ? (*Кризъ викна домка чутно мелодію на скрыпици*). Це винъ грае, винъ! Ій-Богу винъ!... Бачъ, капостный, винъ у двори, а я думала: змандрувавъ!.. Чуешъ, якъ жалибно выграе?

Палажка. Я ненавыдю жалибныхъ; колы-бъ пидъ ногу загравъ.

Сохвія. Охъ, якъ-же въ мени все сколошкалося, немовъ всю мене пожежою поняло!..

Палажка. Почны хвыгли-мыгли строить!..

Сохвія. Затаила-бъ въ соби духъ и слухала-бъ ёго безъ краю, безъ втомы!..

Палажка. Годи тоби шпандёрыть!

Сохвія. Вже замовкъ.... на вищо такъ скоро переставъ грать?

Палажка. Тынды-рынды!.. Ходимъ вже!

Сохвія. Паланю, выклычъ сюды Юрка.

Палажка. Отакои! Чого жъ я потёпаюсь у хвыгель: щобъ тамъ по шыи надавалы?

Сохвія. Бачышъ, яка ты? А скилько я тоби передавала канхветивъ и всякыхъ ласощивъ? А ты онъ яка!

Палажка. Вже тоби якъ чого замарудытся,—неначе малій дытыни! Ну, вже пиду. (*Пишла у домокъ*).

Сохвія (*сама*). Скажу ёму прямо, що не можу безъ нёго жыты: нехай або свата, або такъ бере... Виддалы-жъ панъ першыхъ своихъ полюбовныць замижъ, нехай и мене виддадуть. Хроську виддалы за Грышку лакея, Хыму за кучера Карпушку, Лукерію за...

Ява 8-я.

Мокрына и Сохвія.

Мокрына (*хутко вбигла*). Сохвіе, що я чула, що я чула?..

Сохвія. Вы завжды почуете ось стилько, а наговорыте онъ скилько!..

Мокрына. Думаешъ, скажу тоби? А що, кортыть! Отъже ни за що не скажу!

Сохвія. И я вамъ не скажу.

Мокрына (*цикаво*). Про вищо? Невже й ты чула! видъ кого-жъ?

Сохвія. Що треба було, те й чула, а видъ кого—хиба не однаково?

Мокрына. Росплескалы вже! И бачыла? А мени, Господы, якъ кортыть побачыты... Давай побижымо та хочъ у викно зазырнемъ?

Сохвія. Куды побижымо?

Мокрына. До бабы Репыхы. Дытына тамъ!..

Сохвія. Дытына?

Мокрына. Не манижся, ты знаешъ и я знаю... Побижымо-жъ та хочъ глянемо!.. (*Потягла Сохвію*).

Палажка (*выходе*). Не насмила поклыкаты Юрка, постояла въ синяхъ трохы та й вернулася... Де-жъ це Сохвія? Чы не капостна дивка—втикла! Бачъ, яку дурочку зъ мене встругнула!.. Я-жъ тоби виддячу, постривай! (*Пишла*).

Ява 10-я.

Диброва и Юрко.

Диброва. Бачышъ, зновъ блукавъ десь ажъ трое день, схудъ та змарнивъ... И що въ тебе за натура така? Забривъ кудысь и байдуже ёму, що тутъ объ нимъ пеклуются... Сёгодня зовсимъ невдало гравъ на скрыпци: хапанына якась, а не грання, неспокій, раптовисть... И смычкомъ нибы зовсимъ не твоя рука водыла... Чымъ мы передъ паномъ похвастаемо?

Юрко. Болыть моя душа, мозокъ болыть!.. Лыбонь я вже не людына, а манія!...

Диброва. Що таке? Це вже щось нове выгадуешъ!.. Чы не про волю знов почавъ марыты? Пожды, хлопче, потерпы..., Дасть Богъ, прыйде вона!..

Юрко. Ни, вже воли мени не диждаты!

Диброва. Чому-жъ то такъ?

Юрко. Колы сподиваются нашого пана до дому?

Диброва. Якъ не сёгодня, то завтра.

Юрко. Справди?

Диброва. Позавчора прыйшовъ лыстъ до управляющого, щобъ цымы днямы дожыдалысь.

Юрко. Такъ раптово?

Диброва. Пора ёму й вернутысь. Більшъ пивъ-року якъ зъ дому выйихавъ,—можна изйиздыты свитъ вдовжъ и впоперекъ. Та що це зъ тобою?

Юрко. Осьдечкы вона, смерть моя, вже передъ моимы очыма!..

Диброва. Смерть?... Що це ты?..

Юрко. Не счувсь и не зоглянувсь я, якъ погыбель вхопыла вже мене за горло!..

Диброва. Чы ты не стерявся часомъ?

Юрко. Охъ, краще-бъ я стерявся, щобъ разомъ позбутысь всёго и все забуты!

Диброва. Ховаешся зъ чымсь видъ мене?

Юрко. Сховаюсь видъ людей, а чы сховаюсь видъ Бога? (*Ламае рукы*). А—а!.. Та на мылость же Божу, рады усёго найсвятійшого, покажить мени людыну юныхъ литъ зъ палкымъ серцемъ, зъ чулою душею, людыну, котра, уздрившы ваблыву красу дивочу, почувшы ридну душу, щобъ не закохалася на викы, до забуття, не вважаючы, чы ривня та краса ёму, чы ни? Покажить, благаю васъ, таку мени людыну, и тоди я—злочынець, харцызъ, песыголовець!..

Диброва (*жахнувся*). Такъ ось воно що? А я-жъ тебе скилько разивъ допытувавъ, скилько разивъ остерегавъ!

Юрко. Яка сыла на свити може остерегты серце?

Диброва. И вона тебе коха?

Юрко. О, колы-бъ ни, було-бъ ще пивъ-горя! Колы-бъ не кохала, чы стала-бъ матирью?

Диброва. Якъ? Що таке?!..

Юрко. Вчора породыла сына!

Диброва. Та це-жъ... Що-жъ оце таке?

Юрко. Смерть моя, погыбель!.. Якъ бачыте, я стою на краю прырвы: назадъ ходу нема, прыходытся плыгать у бакету!..

Диброва. Остается одне: свитъ за очи.

Юрко. Я й пишовъ бувъ та, якъ бачыте, вернувся!..

Диброва. Треба ратуватысь якось!.. Ахъ ты-жъ, бидолага, бидолага!..

Юрко. Памьятаете той ментъ, якъ гравъ я зъ нею серенаду Шуберта? Памьятаете,—выйшовъ я тоди зъ хоромивъ, мовъ пьяный, мовъ зачарованый...

Диброва. Такъ, такъ!..

Юрко. Якъ тилько зустрився я уперше зъ іи поглядомъ, якъ тилько почувъ уперше іи промову, видтоди мовъ заморокомъ якымсь мене оповыло, мовъ выхремъ закрутыло мене.... Видтоди очи мои скризь шукалы тилько іи одну, одну тилько іи воны скризь бачылы, одну тилько іи й хотилы бачыты,—вона одна заступыла мени весь ридъ и весь мыръ... Думкы про неи одну заволодилы всіею моею истотою!.. Якось разъ писля сумнои безсоннои ночы, пишовъ я ранкомъ въ садъ и ставъ пробыраться въ гущыну, щобъ десь далеко видъ людськыхъ очей повыснуты на котрійсь гиляци. Звернувшы зъ стежкы въ кущи, почувъ я—хтось голосно вымовывъ мое имня. Я зразу пизнавъ той дорогый, незабутній поклыкъ. Чую—кляче у-друге. Обернувся я и весь затремтивъ: вона, якъ янголъ, стояла передо-мною и такъ ласкаво та хороше дывылася мени въ вичи. Дали забалакала до мене такъ прывитно та чуло, немовъ ридна маты. Ото й почала мене роспытувать про отця, про неньку, про ридъ... Колы довидалась, що батько мій померъ, промовыла: „а въ мене мама померла!“ Тутъ раптомъ очи мои залылысь слёзамы, и я, ры-

даючы, упавъ передъ нею навколюшкы... Вона пидвела мене, вытерла мои очи своею хусточкою и стала заспокоювать. Черезъ невелыку годыну сказала: „пора до дому!“ Мени звелила зостатысь и прыстояты трохы, щобъ хто не постеригъ... Ось вамъ початокъ мого талану, а край вы знаете. Теперъ вы бачыте, якый стоить передъ вамы выродокъ, бузувиръ!.. Никчемный пиднижокъ, негидный рабъ, червякь мерзенный—видважывся закохатысь у панну и самъ вподобавсь панни!.. Та на вищо-жъ Господь давъ цёму рабови таке палке, таке-жъ чуле серце, якъ и вильній людыни?

Диброва. „На вищо“?.. Вика, друже, мынають, якъ люде здіймаючы рукы до неба, пытають: „на вищо и за вищо? За чіи грихы й провыны?“ А видповидь, якъ кажуть: „все въ хмари гуде та на землю не йде“!...

Юрко (*махнувъ рукою*). „Симъ бидъ—одынъ одвитъ!“ Що-жъ, нехай панъ прыйиздыть. Я волію прыйняты найтяжчу кару, я того заслужывъ и я мушу самъ у всимъ прызнатысь. Такъ прямо и скажу: „Пане! Хотилы вы выховаты зъ вашого пидданка щось надзвычайне, пророкувалы, що колысь той пидданокъ своимъ музыкальнымъ таланомъ дывуватыме мыръ и тымъ наддасть вамъ пыхы, але вы помылылысь. Пидданокъ вашъ здывуе васъ нечуванымъ злочынствомъ, винъ ужалыть васъ въ самисиньке серце!“...

Диброва. Цыть! ты здуривъ, ошаливъ!.. А панна якъ?... Про іи соромъ ты байдуже?

Юрко. О, Боже мій!... Такъ, такъ, я ошалилый, я божевильный!.. Радьте-жъ, радьте мене, що мени подіяты?...

Ява 11.

Ти-жъ и Дося.

Дося. Юрку! Иды, тебе панночка клычуть.

Юрко. Справди?.. (*Зрадивъ*). Я іи ще побачу!... (*Хутко пишовъ*).

Диброва (*самъ*). Якъ-же винъ мене стревожывъ!.. Та що-жъ я ёму поражу?... Охъ, горе, горе! глыбоке ты, якъ море,—тымъ таке й ненажерлыве!.. Треба щось вдіять. (*Пишовъ въ домокъ*).

Ява 12.

Сохвія (*идучы зъ саду*). Мокрына божылась, що панночка вже маты, але дытыны такъ-такы мы й не бачылы,—певно Репыха выховуе!.. Такъ овдечкы де вси думкы Юркови, а я марыла?.. Не судылось певно мени щастя, мабуть мене маты проплакала!...

Ява 13-я.

Сохвія и Вартоломей зъ хлопцямы.

Вартоломей. А, здрастуйте! якъ здоровьячко? Чы ще пидскакуете, скажемъ, Сохвіе та ще й Мыколаевно?.. (*До хлопцивъ*). Геттье по своимъ мисцямъ! (*Хлопци пишлы*).

Сохвія. (*до Вартоломея*). Я маю до васъ дило.

Вартол. А я до васъ. Выходыть дило на дило, якъ шапка на голову!... Ге-ге-ге!..

Сохвія. Колы пана сподиваются до дому?

Вартол. Ага, скучылы?

Сохвія. Ще-бъ не скучыла? За кымъ же мени й скучать?

Вартол. Тошно и хорменно по всій правыли. Ачъ, по всій вашій лыци такъ и выдко, якъ те скучання, неначе патёкамы по тенесахъ розновзлося: и сюды и туды... Але видъ скучання вы на мои очи ще покращалы,—велыка втиха буде панови, якъ побачать васъ.

Сохвія. А може воны знайшлы соби тамъ кращу?

Вартол. Де, у загряныци? Та въ свити нема такои, якъ вы! Вы, сказать прямо, первосортня фыгура!.. Слухайте, Сохвіе, скажемъ ще й Мыколаевно! Якъ панъ прыйидуть,—будь ласка, попрохайте у ныхъ, щобъ подарувалы мени дубкивъ десятка зо два на сволокы до новои хаты. Скажить, що, мовлявъ, Вартоломей такъ старается, такъ старается!.. Якъ воны теперъ до васъ ...алають, то все за для васъ зроблять.

Сохвія. А якъ я не зумію выпрохаты?

Вартол. Хто, вы? Якъ вы не зуміете, то хто-жъ у насъ зуміе? Управляющый ще въ суботу видобравъ лыста, що панъ мають отъ-отъ прыбуты; на мою думку воны не сёгодня, то завтра въ-ранци прыбудуть.

Сохвія. Хотила-бъ я пойихаты имъ назустричъ?

Вартол. Невже? Отъ ловко вы прыдумалы!.. Иидьте, ій-Богу, йидьте!.. Ондечкы, якъ-разъ кони запрягають, котри идуть на пидставу панови; заразъ и йидьте. Не забудьте-жъ про дубкы. Скажить: такъ Вартоломей старается, такъ старается!..

Сохвія. Такъ я пойиду. (*Иде до конюшни*).

Вартол. Стійте, не такъ! Давайте руку. (*Сохвія дае*). И другу. (*Хутко цилуе ій рукы*). Ось якъ треба!

Сохвія (*вырыва рукы*). Що це вы, дядьку, зъ якои речи?.. Не треба!

Вартол. А я кажу, що треба. Скажете, що я не почытую васъ? Я цилую ручку тилько панови нашому, попови та попади, якъ и бухветчыкъ нашъ; а я, якъ бачыте, ще й вамъ. Ну, й краса-жъ вы,—прямо малёвана-пысана!...

Сохвія. Годи вамъ улещатысь...

Вартол. Глядить-же, попрохайте за дубкы. Скажить: такъ Вартоломей старается, такъ старается...

Сохвія. Скажу, скажу. (*Пишла*).

Вартол. Якъ прыдывывся я до неи гарненько, такъ вона зовсимъ выходыть дивка хвасоныста!.. Мовлявъ, хочъ кому оскомыну зибье!..

Ява 14-я.

Якивъ и Вартоломей.

Якивъ. Слухай ты, котолупе! На вищо ото ты Степанового хлопчыну, Хведьку, такъ одшмагавъ, що ажъ кровъ позакипала?

Вартол. За дило. Ежелы когда загадаю тоби яку службу, такъ ты сповняй іи по всій хворменій правыли.

Якивъ. И тоби не грихъ отакъ знущатысь?

Вартол. Ты мени не пипъ и не дякъ, то й не тоби я сповидатымусь.

Яквъ. Воно-жъ дытя ще. А колы-бъ твого хлопця такъ сполосуваты?

Вартол. Чого ты оце уйидаешся?

Яквъ. Такъ спысавъ, що й прысисты хлопець не може...

Вартол. Нехай телятъ не пуска въ шкоду.

Якивъ. Не одынъ-же винъ пасе,—ихъ тамъ ажъ трое... Такъ тимъ двомъ ничого, а все на одному окошылось?

Вартол. Мени николы розбыраты, хто зъ ныхъ бильшъ вынень, я видшмагавъ того, на котрого моя думка впала; той вынень, котрого першого мое око постерегло.

Якивъ. Але-жъ панъ не дозволывъ тоби такъ катувать?

Вартол. А ты спытай пана, якъ прыйиде, чы дозволывъ?

Якивъ. И спытаю!

Вартол. Спытай, спытай! Може звелять мени спысаты той опытъ на твоій спыни.

Якивъ. Нехай звелять,—не первына.

Вартол. Охъ, и постараюсь-же я спысать,—я вже добре насталывъ на тебе зубы!

Якивъ. Гей, Вартоломею, людойиде! Забруднывъ ты душу твою крывдою велыкою; схаменысь, чоловиче, бо буде тоби лыхо!

Вартол. Що ты мене полохаешъ? Що ты почавъ мени аказвысты чытать? Геть!..

Якивъ. Ховатымешъ ты колысь видъ людей очи!..

Вартол. Я панськый наказъ сповняю по всій хворменній правыли. Ты мене волею полохаешъ? Не буде воли!..
Та скоришъ у мене на долони волося выросте!..

Якивъ. Згадаю я тоби тоди вси смугы, котри ты позначывъ на моимъ тили,—воны у мене вси переличени й закарбовани; поставлю я ихъ тоби передъ очыма, якъ свичы!..

Вартол. Мени на все оте, що ты белькочешъ, наплювать! Отъ ыродъ, прычепывся. И колы ты, сатано, дійдешъ до розуму?

Якивъ. Якъ до такого, якъ у тебе́, то не варто и доходыты.

Вартол. Якый-же у мене розумъ?

Якивъ. Базарный!..

Вартол. Мелы, бисе,—чортъ тебе второпа!.. Та другый-бы на твоему мисци, бувшы такымъ майстромъ, що и чоботы пошыешъ и ботыкы, та ще трохы й грамоты утнешъ, такъ винъ онъ-якъ старався-бъ догодыты панови... Скилько разивъ и панъ казалы: „колы-бъ Яшка не пьянствувавъ, то я его озолотывъ-бы!..“

Якивъ. Нехай-бы тебе панъ озолотывъ, хочъ до пупа, а дали посеребрывъ—ловкый выйшовъ бы болванъ!

Вартол. Самъ ты болванъ! Правдывый сатана—ыдолъ! Тьфу! (*Пишовъ*).

Якивъ. Якъ земля тилько держыть отакого гаспыда! (*Пишовъ у другый бикъ*).

Ява 15-я.

Юрко (*йдучы зъ хоромивъ*). Сердешна Орыся,—якъ тинь!.. Каже, щобъ я швыдче ишовъ зъ села, а куды я пиду? Воливъ-бы я краще загынуты тутъ, биля неи!.. Та куды-жъ мени прямувать? Цилкомъ замороченый я!..

Диброва (*у викни*). Юрку! я тебе жду!

Юрко. Га? Хто мене?.. А, це вы, Петро Петровычъ? (*Пишовъ въ домокъ*).

Ява 16-я.

Вартол. (*выходе зъ людськои, зъ полумыскомъ и ложкою*). Оце такъ галушечкы. Тутъ лыбонь йистыметься ще смачнишъ, нижъ у хати; тутъ, сказать, и воздухы и не вйидаются мухы. (*Йисть*). У литку николы не зйисы до путя въ хати, а на двори краще йистся. (*Йисть*). Чы далеко-жъ то Сонька зустрине пана? Колы-бъ выпрохала у пана дубкы. Куховарко! А всыпь мени ще.

Ява 17-я.

Мокрына (*выходе зъ людськои*). Невже ще йистымете? Пьятый полумысокъ? (*Пишла*).

Вартол. Хто багато робе, той багато и йисть. Всыпъ, всыпъ. А юшка яка смашна, що ажъ ложку хочется облызать. Ба такы й облыжу. (*Лыже ложку*).

Ява 18-я.

Якивъ, Вартоломей, потимъ Прохоръ.

Якивъ. Ты мыстець и ложкы лызать, а я думавъ, що тилько тарилкы?

Вартол. Чого прылизъ? Дай, рады Бога, хочъ пойисты до-путя.

Якивъ. А хиба мени не треба вечеряты? Трискай, трискай!..

Прохоръ (*подае Вартоломееви пляшку*). Пожалуйте.

Вартол. Справный ты, Прохоре! Тебе-бъ тилько за горилкою й посылать.

Прохоръ. Ге, що вы думаете? Горилка—це найкращый кинь, безъ батога везе!..

Вартол. (*Выпывъ*). На-жъ й тоби чарку! (*Дае*).

Прохоръ. Горилыця—мученыця! (*Выпывъ*). Ныстеметна жывыця,—такъ все въ середыни й зворушыла. (*Почына йисты*).

Вартол. (*до Якова*). Може й тебе почастувать?

Якивъ (*сплёвуе*). Не частувавъ ранищъ, не частуватымешъ и до вику!

Вартол. Невже не дождусь такои честы?

Якивъ. Щобъ ты знавъ.

Вартол. (*пидносе*). Та ну вже, пый!

Прохоръ. Пый-бо, Якове! И чого-бъ ото я куражывся?

Вартол. Пый, кажу!

Якивъ. Колы такъ прылыпаешъ, то давай я самъ себе почастую.

Вартол. Ни, пый зъ моихъ рукъ

Якивъ. Не пытыму!

Прохоръ. И ненавыдю я, колы людына почне пышатысь, мовъ свыня на мотузци!..

Вартол. Ну на, почастуйся самъ.

Якивъ. Будьмо здорови! (*Взявъ пляшку и вылывъ зъ неи горилку до долу*).

Прохоръ. Глянь, сказывся чоловикъ!

Вартол. Виддай сюды!

Прохоръ. Дай, краще я допью! Грихъ розлывать горилку,—вона-жъ зъ хлиба святого!..

Якивъ (*виддае пляшку*). На, вылыжы подонкы!

Прохоръ (*бере пляшку*). Першъ, Якове, я тебе мавъ за розумного, ажъ бачу що ты адіётъ!.. Пысаный адіётъ!..

Якивъ. Бачывъ, Вартоломею, якый я? (*Пишовъ*).

Вартол. По всій хворменій правыли марзавецъ!..

Прохоръ. Ось трошкы въ ямку набигло. (*Прыпада и пье*).

Вартол. Ну й ты свыняка, зъ калюжи прямо хлебчешъ?

Прохоръ. Воно ничого... Земля свята, а морду можна обмыть,—на вищо-жъ добро пропадатыме? Отъ и шабашъ. А теперъ пиду вмыюсь. (*Пишовъ*).

Вартол. Яки йе люде ненажерлыви!.. Куховарко! А всыпъ мени ще галушокъ. (*Мокрына взяла мыску*). Неначе й найився, а ще кортыть. (*Мокрына подае*). Ловка страва-галушкы!.. (*Мокрына пишла*).

Ява 19-я.

Юрко и Диброва.

Диброва. Ховай-же краще документъ и зъ Богомъ въ путь. Теперь ты вже не Юрко, а отставный Губернскый Регыстраторъ Петръ Петровичъ Диброва. Тилько не забудь казаты, що тоби 25 годивъ. Цыфру чотыри я переправывъ на два, а пьять пиякъ не переправышъ на едыныцю, або й на тры.

Юрко. То це прыходытся брехнею жыть?

Диброва. А що-жъ: „не можна черезъ тынъ—лизь по-пидъ тынъ“. Мени документа не треба, Богъ и безъ нёго скоро вже мене прыйме...

Юрко. Господь зъ вамы, що це вы кажете?

Диброва. Правду, хлопче, кажу... Не гай часу. Та грошей даремно не розцвындрюй.

Юрко. Чымъ я вамъ за вашу ласку виддячу?

Диброва. Згадаешъ добрымъ словомъ, отъ и виддяка. Якъ дійдешъ до чужого села, наймай пидводу до Днипра, а за Днипромъ въ Херсонщыни та Катерынославщыни прыстроишся десь въ оркестръ и жытымешъ, якъ и люде!.. Иды!

Юрко. Прощайте! (*До хоромивъ*). Прощай, моя свята мученыце, моя скрухо!..

Вартол. (*до Юрка*). А куды ты, Юрку? Зновъ у байбузы?

Юрко (*здрыгнувъ*). Вартоломей?

Диброва (*до Вартоломея*). Оце вже не твое дило. Я маю право посылать своихъ ученыкывъ, куды схочу. (*Юрко пишовъ*).

Вартол. Та звисно... Я не то що, а...

Диброва. Ото-жъ и по розмови!.. (*Пишовъ въ домокъ*).

Вартол. Не хоче капальмейстеръ зо мною прыятылювать и проты бухветчыка надыма губу.. Ну, та якъ ты до насъ не дуже, то намъ на тебе хочъ и наплювать!.. (*Дойшовъ*). Ажъ ось колы неначе вдовольныв̆ся. Куховарко, визьмы посудыну. (*Мокрына взяла*). Теперъ хочъ и до дому довидатысь, мабуть и жинка чогось зварыла на вечерю... Докы дійду, воно тамъ у середыны утрусытся, такъ йиство на йиство не завадыть. (*Пишовъ*).

Мокрына (*сама*). Чортивъ кабанюка, цилисенькый день триска та горлянку дере!.. Перемыю хутчій посуду та збигаю до Ренышыной хаты. (*Пишла въ хату. Хвылыну нема никого на кону*).

Ява 20-я.

Петро (*Верхы выйиздыть на двиръ*). Гей, чы чуете, челядынци й скарбовыкы! Мерщій сходьтесь, збирайтесь, панъ йидутъ, панъ йидуть!.. Збирайтесь вси!.. (*Чутно дзвинкы й бубенчыкы, стукъ колесъ*).

Вартол. (*бижыть засапавшысь*). Що тутъ за гвалтъ?

Петро. Чуете-жъ, панъ йидуть!

Вартол. Та невже? Отъ тоби и повечерявъ у друге!.. (*Крычыть и метушытся*). Гей, вы! Чы вси вы на своихъ мисцяхъ?.. Чому биля воритъ хвынари не засвичени? Я-жъ казавъ, я-жъ наказувавъ... Що за народъ бузувирный!.. Прохоре, де ты? Забувъ свое дило? Хвынари!..

Прохоръ. Не забувъ, а несподивано!.. (*Побигъ*).

Вартол. Хай въ хоромахъ свитять свитло!.. Де повари, лакеи?.. (*На бикъ*). А бухветчыкъ, лыбонь, у попа въ гостяхъ? Треба за нымъ послать... Гей, самувари ставляйте!.. А-ну жыво, хутко!.. Не грымны на васъ, не тюкны, то и вухомъ не поворухнете!.. Тилько жрать вамъ, та бокы видлежуваты!.. Я-жъ вамъ казавъ, я-жъ вамъ наказувавъ!.. Старалыся-бъ такъ, якъ я що-дня стараюсь!..

Ява 21-я.

Пидгайный и Вартоломей.

Пидгайн. (*зъ хоромивъ*). Гей, Вартоломею!..

Вартол. Чы ба, панъ вже й дома!.. Тутъ пане. Здравія желаемъ! (*Уклонывся и поцилувавъ руку*).

Пидгайн. Порядкуешъ?

Вартол. Такъ тошно!.. Стараюсь, щобъ все по хворменій какуратности!..

Пидгайн. Де управляющый?

Вартол. Позавчора пойихалы на ярмарокъ,—казалы, що якъ не въ недилю, то въ понедилокъ вернутся.

Пидгайн. Въ хозяйстви все благополучно?

Вартол. Слава Господеви! Такъ вже все благополучно, якъ краще й не треба.

Пидгайн. А въ дому якъ?

Вартол. По всій хворменій правыли...

Пидгайн. Гей, нянько! Позвать мени няньку!

Ява 22-я.

Ти-жъ и Нянька

Нянька. Я тутъ, ваша мылость! *(Тымъ часомъ сходятся двирськи, кланяются, цилують Пидгайному руку).*

Пидгайн. Де панна? Невже такъ рано лягла спаты? чы може... въ гости куды пойихала?

Нянька. Ни, воны дома...

Ява 23-я.

Ти-жъ и Диброва.

Диброва (*зъявляется на ганку*) Арыстархъ Рафаиловычъ прыйихавъ!.. (*Тремтыть*).

Нянька. Воны трошкы нездужають.

Пидгайн. Якъ?.. Ну, стара кочерго! ты мени одвитъ дасы за все! Ковальскымы щыпцямы звелю тоби останни зубы повысмыкуваты.

Ява 24-я.

Ти-жъ и Орыся.

Орыся (*пересылюе себе*). А, татусь, зъ щаслывымъ поворотомъ... А я гуляла въ саду, чую—якыйсь лементъ.

Пидгайн. Здравствуй, здравствуй, моя пташко, моя провынціалочко!.. Якъ же ты тутъ безъ мене? Чого неначе млява?

Орыся. Отъ, выгадкы!.. Пропасныця трусыла, теперъ кынула... (*Цилуется*).

Пидгайн. Що-жъ, посылала за ликаремъ?

Орыся. Ни... Писля трёхъ пароксызмивъ перестала трусыть.

Нянька (*на бикъ*). Сердешна, ледве на ногахъ стоить.

Орыся. Я така рада, що вы прыйихалы, що хочъ и заразъ пишла-бъ у танець.

Пидгайн. Справди? (*цилуе іи и голубыть*). А мени сказалы...

Орыся (*тревожно*). Що?

Пидгайн. Але-жъ я теперъ цилкомъ заспокоився... Радію, втихо моя, моя лялечко, що ты не хвора... Та яка-жъ ты гарненька. Нянько! скоришъ мени чаю.

Нянька (*иде шепочучы*). Боже, змылуйся надъ намы!

Пидгайн. Ну, моя провинціалочко! Замисць танцивъ я за чаемъ хочу послухаты твое грання... Я багато прывизъ тоби новыхъ нотъ.

Орыся. Гараздъ, заграю.

Пидгайн. Прывизъ тоби ще одну новыну. (*До людей*). Идить по своихъ мисцяхъ. (*Люде пишлы*). Мы, серденько, на зблыженни велыкои реформы.

Орыся. Я чытала де-що...

Пидгайн. Треба намъ зважыты и обмиркуваты ти видносыны, въ яки незабаромъ мусымо статы зъ тымы, котрыхъ до цёго часу жыття и смерть въ нашій влади, въ нашій воли, треба выробыты таки умовы, котри-бъ допомоглы намъ не опынытысь раптомъ въ безвыходнимъ и фальшывимъ становыщи.

Орыся. Найкраще заздалегидь проявыты людскисть и мылосердіе.

Пидгайн. Такъ, такъ... Гей, Вартоломею!

Вартол. (*зъявляется*). Я тутъ, пане.

Пидгайн. Тутъ повынна буты у подвирьи Сохвія.

Вартол. Такъ тошно, воны тутъ.

Пидгайн. Нехай иде зъ двору... Ни, посадовы іи въ лёхъ!

Вартол. Сохвію, стало буть?.. Мыкола...

Пидгайн. Я по двичи не загадую!

Вартол. Слухаю, пане. (*На бикъ*). Отъ тоби и дубкы!.. (*Пишовъ*).

Пидгайн. Та заразъ поклычъ до мене Юрка.

Диброва (*скрыкнувъ*). Юрка? Ахъ! (*Захытався и впавъ*).

Орыся (*зъ лякомъ*). Боже мій!..

Пидгайн. Що, що таке?

Орыся. Не знаю... Тамъ, Петро Петровычъ...

Пидгайн. Що тамъ трапылось?

Прохоръ (*пидбигъ до Дибровы*). Погане дило, пане. Господынъ капольмейсторъ...

Пидгайн. (*хутко иде до домка*). Що зъ вамы, Петро Петровычъ? Розступитесь, дайте витру... (*Пидійма Диброву зъ Прохоромъ, Орыся и двирськи навкругы*).

Диброва (*ледве промовля*). Слава Богу, що диждавъ... Прыйихалы... Життя мене покыдае... Путь пройдено... Наставъ финалъ... А Юрка... Його я пославъ по ликаря,—не гнивайтесь...

Пидгайн. Вы малы на те право, за вищо-жъ гниватысь.

Диброва. Спизнытся ликарь... Арыстархъ Рафаиловычъ, простить... не догодывъ...

Пидгайн. Я завжды бувъ вамы довольный.

Диброва. Свитъ въ очахъ гасне... Де панна Орыся?.. Не бачу...

Орыся (*пидходе*). Я тутъ, Петро Петровычъ.

Диброва. Вповайте на Бога... Арыстархъ Рафаиловычъ, Юрко... Талантъ надзвычайный... Рады таланта, Богомъ заклынаю... Талантъ... (*Помырае*).

Пидгайн. Перомъ тоби земля, невтомный робитныку... Однесить-же небижчыка въ кимнату та прыберить його въ Божу дорогу. Вартоломею! Заразъ послать до попа, щобъ ударывъ у дзвинъ по помершому; дякъ щобъ заразъ ишовъ чытаты псалтыря. Скажы, щобъ трое день по селу не чутно було ни спиривъ, ни танцивъ, бо це преставылась правдыва и щыра душа!.. (*Иде*).

Орыся (*падае батькови на плече*). Охъ, я слизъ здержаты не можу!...

Пидгайн. Поплачъ, поплачъ... Винъ стоить того, щобъ його оплакаты!..

Зависа.

ДІЯ 3-я.

Садъ. Зъ правого боку бесидка густо заросла выноградомъ, по середыни тополева дорижка, зъ ливого боку на першимъ плану прычилокъ панського будынку. Внызу у подвальнимъ этажи невелыке виконце зъ зализнымы гратками.

Ява 1-я.

Сохвія, Палажка и Хлопець.

Сохвія (*у викни*). Бигай та скажы моій сестри Присьци, що я вже четвертый день сыжу въ лёху замкнена.

Хлопець. Заразъ побижу. (*Побигъ*).

Сохвія. Невже Мокрына мени набрехала про панночку? За вищо-жъ вона пидвела мене пидъ панській гнивъ? Пиды, роспытай іи, Палазю!

Палажка. Не пиду. Годи вже тоби зъ мене дурочку строить, не пиду!

Сохвія. Кажу-жъ тоби, що такъ любо панъ зо мною розмовлявъ, якъ зустрила я его на велыкимъ шляху, такъ прыгортавъ, цилувавъ, мылувавъ!.. Теперъ мене закынуто въ лёхъ, якъ злодійку, або душогубку!..

Палажка. Ось до речи, Якивъ иде,—его попрохай; а мене бильшъ и не клычъ до себе, не згожусь я тоби ни на яку послугу, бо боюсь!.. Прощай! (*Побигла*).

Ява 2-я.

Якивъ и Сохвія.

Якивъ (*пидходе до викна*). Сыдышъ пташко-кинарко? А чому-жъ голосно не спиваешъ? Мене тежъ позавчора посадовылы, потимъ ослобонылы. Ослобонылы и не былы,—отъ такъ штука! Вартоломей и лозы намочывъ, и зубамы скрыпивъ... Що-жъ воно оце означа, що завжды былы, а теперъ не бьють? Загадка, та ще и не проста! А тебе за вищо держать?

Сохвія. Не знаю, мени зовсимъ не втямкы!

Якивъ. А я тоби скажу за вищо: панська ласка до порога, розумієшъ? Сёгодня ты люба, а завтра геть зъ очей!.. Вчора капольмейстора поховалы,—чула? Пивчи спивалы, музыкы гралы... Вси булы зодягнени въ чорне, брузументы... Сумно, такъ сумно було!.. Пивчи и музыкы плакалы, зъ двирськыхъ де-хто тежъ плакавъ... А спытай, чого воны плачуть? Неначе на цимъ свити краще, чы що? Я не плакавъ, не змигъ... Ще видтоди, якъ виддалы мене въ обученіе у городъ, такъ ще видтоди выбыто зъ мене вси слёзы. Дома я бувъ у матери одынчыкъ, пестованый; а хозяинъ попався мени катюга! Охъ, скилько винъ сылы зъ мене взявъ, ажъ страшно згадать!.. Мене двичи зъ петли вырятовувалы... Спасыби, одынъ пидмайстерный навчывъ. Каже: „выпый, Яшка, и не буде такъ бійка дошкулять!“ Зъ того разу я почавъ пыть, зъ чотырнадцяты литъ пью... Чымъ бильшъ мене хозяинъ бывъ, тымъ бильшъ я пывъ. Вернувся я зъ обученія и думавъ покынуть горилку, ажъ и тутъ за грубыянство мене зразу выхворостылы такъ, що зъ мисяць прокачався... Видтоди я що дня залываю за галстукъ. Давно залываю; мене бьють, деруть, а я залываю за галстукъ!.. А теперъ ни вчора, ни позавчора мене не былы. Правда загадка?

Сохвія. А панъ вчора бувъ на кладовыщи?

Якивъ. Бувъ. Такый сумный!.. Помремъ вси... И я помру, и панъ помре!.. Може панъ того и сумовавъ?.. Сумуй не сумуй, а не одвертышся. Я згоденъ хочъ и заразъ рукы скласты. Нема мени кого покыдаты, нема за кымъ и жалкуваты... И за мною нихто не пожалкуе. Стало буть кругомъ квытъ. Тилько одна думка ще цикавыть мене: що буде, якъ люде й справди дождутся воли? Подуріють, показятся!.. Хотивъ-бы я хочъ одынъ день дыхнуты волею, а тоди вже и вмерты!..

Сохвія. Вы чулы про панночкынъ грихъ?

Якивъ. Про якый грихъ?

Сохвія. Невже вы ничого не чулы?

Якивъ. Ни!..

Сохвія. А панна не хвора?

Якивъ. Здоровисенька,—сёгодня іи бачывъ. Правда що вчора на кладовыщи іи не було...

Сохвія. Де заразъ панъ?

Якивъ. Пойихавъ до кого-сь у гости, ще вчора на ничъ.

Сохвія. Якове, зробить мени одну ласку, я знаю—у васъ щыра душа!..

Якивъ? Горе мени зъ тіею душою. Отъ колы-бъ мени Вартоломеева душа.

Сохвія. Зробыте?

Якивъ. Зроблю дви, або й тры. Кажы, яку?

Сохвія. Мени треба бачыты бабу Репыху. Нате вамъ ось карбованця, виднесить Репыси и скажить, щобъ заразъ прыйшла сюды.

Якивъ. Чы ты не чарувать часомъ задумала пана? Я не згоджуюсь на таку послугу. Правдою все зроблю, а брехнею ни. Мій вхвалъ такый: по правди робы, по правди й очи вылизуть.

Сохвія. Бороны мене Боже, чаруваты!.. Ни, мени треба правды довидатысь про одне дило.

Якивъ. Гляды, не обдуры мене. Пиду и заразъ прытаскаю тоби Репыху. Слухай, Сохвіе! Ты може хочешъ втикты, такъ я тоби и безъ бабы дамъ пораду: сокыра, або терпугъ— и па воли!

Сохвія. Спершу треба зъ бабою порадытысь!

Якивъ. Якъ знаешъ. А я тоби и шляхъ покажу, куды и якъ втикаты. Ну, пиду по бабу. (*Взявъ карбованця и пишовъ*).

Ява 3-я.

Дося (*иде черезъ садъ*). Що це и доси не выдко Репыхы? Видколы панночка іи дожидають... Може дытя заслабло? Якъ на голкахъ мы зъ нянькою день и ничъ. И колы цёму край буде?

Сохвія. Здрастуй, Досю!

Д о с я. Цуръ тоби, якъ злякала!

С о х в і я. Пидійды блыжче.

Д о с я. Чого?

С о х в і я. Боишся?

Д о с я. Кого?

С о х в і я. Вартоломея.

Д о с я. Ну, це ще хто його зна, хто тутъ старшый—чы Вартоломей, чы мій дядько бухветчыкъ?

С о х в і я. Чы вже панъ довидався про панночкынъ грихъ?

Д о с я. Про якый грихъ? Слухай, Сохвіе! Я тоби не титка Мокрына,—отъ що. У мене языкъ коротчый... Може бувъ грихъ, а теперъ його нема!

С о х в і я. Хиба панночка задавыла дытыну?

Д о с я. Тыпать тоби ца языка, бешыха тоби на мордяку!.. Ачъ, зъ якого краю забигла!.. (*Хутко пишла*).

С о х в і я. Ага!.. Йе грихъ, йе!..

Я в а 4-я.

Вартоломей и Сохвія.

В а р т о л. Такъ онъ яка новына: Юрко втикъ! Я такы завжды, якъ гляну було на нього, заразъ такъ и подумаю: втиче! И отъ на мое и вийшло!

С о х в і я. Вартоломею!

В а р т о л. А дали якъ? (*Одвертается*).

С о х в і я. Це вы такъ зо мною поводытесь?

В а р т о л. А ты-жъ хто така? (*Дывытся*). А, я й не пизнавъ вашого свынятельства, выбачайте!.. (*Кланяется*). Така прымитна парсона, а я й шапкы не знявъ... Ще разъ выбачайте!

С о х в і я. Такои честы диждалысь?

В а р т о л. Кому честь, а кому й по потылыци. Я ій рукы цилувавъ, а вона онъ якъ мени виддячыла!.. Що ты таке панови наплела, що воны тебе зненавыдилы,—га? Дубкы выпрохала? я тебе теперъ тежъ ненавыжу!.. Я тоби дубкивъ по викъ не забуду!..

Сохвія. Воно мабуть и завжды такъ, що пры лыхій годыни й прыятели стають ворогамы!..

Вартол. Ну-ну, ты мени такого не кажы!.. Докы ты була пановою полюбовныцею, доты я тебе й почытувавъ, а теперъ якъ ты панови спротывылась, то й я тобою гыдую, по всій хворменій правыли гыдую!.. Ось постривай, завтра мы тебе зодягнемо у пистреву спидныцю та въ лычакы, обмажемо косу смолою, ще й пирьямъ прысыплемо, якъ колысь Присьци, та й гайда на хутиръ гындычатъ та гусятъ доглядаты.

Сохвія. Та швыдчъ удавлюсь, нижъ дамся на знущання!.. Не диждете!..

Вартол. Побачымо. Будуть тоби дубкы не разъ гыкатысь! (*Пишовъ*).

Сохвія. О, ыроде, выпортку чортячый!

Ява 6-я.

Якивъ, згодомъ Репыха.

Якивъ. Сохвіе, плачешъ?

Сохвія. Не до плачу мени. Де баба Репыха?

Якивъ. А я, Сохвіе, выпывъ... Осьдечкы и видьма повзе.

Репыха (*Выходе*). Самъ ты видьмакъ.

Якивъ. Дывы, дывы, якъ очи вырячыла!.. Хочешъ мене стрискаты? Чортового батька, вгрызешъ!..

Репыха. Скаженымъ бувъ змалку, такимъ зоставсь и до останку.

Якивъ. Я не гадючого кодла, то-жъ гадюка миняе шкуру... Пиду бунтовать!.. Бый шкуру барабанную, на те вона и шкура! Пидмочуй та дужчъ выколочуй!.. (*Пишовъ*).

Репыха (*Сохвіи*). Це-жъ за вищо на тебе напасть? Була полюбовныцею, теперъ стала колодныцею?..

Сохвія. Лыхо не по деревахъ ходыть, а по людяхъ... Рятуйте мене, бабусю!

Репыха. У чымъ-же ты провынила?

Сохвія. Скажете вы мени правду?

Репыха. Чы людську правду, чы Божу? У котрій хати правда стоить за порогомъ, тамъ ій и па языци нема мисця... Божу-жъ правду кажуть тилько одному Богови...

Сохвія. Мени вы скажете правду?

Репыха. Яку зручно, таку й скажу.

Сохвія. Скажить мени про панночкынъ грихъ.

Репыха (*жахнулась*). Якый грихъ?

Сохвія. Де панночкына дытына?

Репыха. Ты певно збожеволила? Цуръ тоби, пекъ!.. Тикаты видъ тебе мерщій!..

Сохвія. Ага, ховаете очи?.. Мокрына казала!..

Репыха. Бодай Мокрыни послипыло!.. Брехня, симсотъ-десять сотъ разъ брехня!..

Сохвія. Докажу я, на всихъ докажу, не выховаетесь!..

Репыха. Навиженна, непрыторена!.. На тоби твого карбованця, хай ему врагъ! Брехня, симсотъ-десять сотъ разъ брехня! (*Кынула въ викно гроши и пишла*).

Сохвія. Йе, йе грихъ,—я певна въ тимъ!.. Швыдчь вызволытысь треба зъ лёху!..

Ява 8-я.

Прохоръ и Сохвія.

Прохоръ (*Подае въ викно Сохвіи пырігъ*) На! Сестра прыслала тоби пырога, тилько никому не кажы, що я прынисъ,—чуешъ?

Сохвія. Дядьку Прохоре! Чы памьятаете вы, що я була до васъ доброю?

Прохоръ. Памьятаю и николы не забуду. Добра я николы не забувавъ. Ты завжды мене частувала... молодця!

Сохвія. Я дамъ вамъ пять карбованцивъ, ось нате карбованця на завдатокъ. (*Дае*).

Прохоръ. (*Дывытся на гроши*). Справди, карбованець.

Сохвія. Допоможить мени утикты звидци.

Прохоръ. Хи!.. (*Ажъ прысивъ зо страху*) Втикты? Таке страшне кажешъ.. Пять карбованцивъ дасы?

Сохвія. Прынесить мени сокыру, або терпуга.

Прохоръ. Я прынесу сокыру, або терпуга, а ты вызволышся, потимъ якъ тебе упіймають—выкажешъ на мене?

Сохвія. Щобъ я не диждала святого прычастя, щобъ мене земля не прыняла, колы выкажу!..

Прохоръ. Дасы, кажешъ, ще пять карбованцивъ, чы зъ оцымъ пьять?

Сохвія. Дамъ шисть ще!..

Прохоръ. Ого! Колы такъ,—стій!.. Я заразъ прынесу и сокыру и терпуга!.. Та якъ же ты втечешъ? Я цилый викъ збираюсь у бигà и вже скилькы разивъ зовсимъ бувъ зибрався, а отъ ни разу не втикъ. Якъ люде втикалы, дакъ и мене що-разу пидмовлялы, а я такы не втикъ... Разъ умовылы такы, й я зайшовъ зъ нымы ажъ за село... Колы це раптомъ неначе що поперебывало мени ногы, ей-ей!.. Не можу зъ мисця ступыты!.. Чы не штука—скажешъ? Упавъ на шляхъ та й кажу: що хочте робить зо мною, а дали не пиду. Воны вылаялы мене гарненько, ще й быть хотилы, та не було часу... Воны пишлы, а я полежавъ-полежавъ на шляху та якъ схоплюсь, акъ дремену назадъ, въ село!.. Отаке бува зъ людыною!.. Гляды-жъ—симъ цилковыхъ!.. (*Пишовъ*).

Сохвія. Вызволюсь и всихъ выведу на свижу воду!.. И Вартоломееви утру носа.

Ява 9-я.

Репыха и Орыся (проходять въ бесидку).

Репыха. Кажу-жъ вамъ, що такъ и галаснула „докажу, на всихъ докажу!"..

Орыся. Що, жъ, нехай доказуе... Не сёгодня—завтра выявытся... Бабусю! Якъ тилько смеркне, прынесы мени сына; якъ я ёго не бачу, то мени ввыжается, нибы винъ померъ, або занедужавъ...

Репыха. Не бійтесь, жывисенькый-здоровисенькый!..

Орыся. Я хочу ёго бачыты. Зъ учорашнёго вечора не бачыла ёго и скучыла,—прынесы!..

Репыха. Охъ, лыбонь слидкують вже де-котри.

Орыся. Що буде, то буде—прынесы! Я не можу такъ довго ёго не бачыты!..

Репыха. Ваша воля... Зустричайте жъ насъ въ кинци дорожкы, на мистку! (*Пишла*).

Орыся. (*Сама*) Ни, треба все це скинчыть и якъ найскорищъ: я мушу все выявыты отцеви—нехай судыть мене... Дали терпиты нестача здоровья... Надломалысь мои сылы, знемоглась я, знервнычалась... Де-жъ сылъ визьму для боротьбы зъ тымъ, що попереду мене чека?.. Може отець вже догадуется, може и винъ мучытся?.. О, певно! Учора обмовывся: „якъ-бы, каже, було тому правда, що мени про тебе набрехалы“.. И такъ страшно и жалибно глянувъ на мене!.. Догадуется, певно догадуется!.. Ну, що-жъ, нехай!.. Колы-бъ Репыха швыдче прынесла сына; мій сынъ буде зо мною и я зразу оздоровшаю, и страхъ, и соромъ одлыне видъ думокъ... Що я вчынила соромлывого, що вдіяла страшного?.. Хиба серцемъ любыть грихъ, хиба серцемъ любыть соромъ?.. Ни, я не грипша! ни, я не преступна... Тилько покохала я не ривню, и хиба въ тимъ мій соромъ, хиба въ тимъ мій грихъ?.. Чый судъ справедлывищый и чьёго суда я повынна страшытысь—людського, чы Божого? Я-жъ не задавыла мого дытяты и не струила, и не видреклась я видъ нёго, и не кынула ёго въ прырву, якъ слипе щеня!.. Бога-жъ я тымъ не прогнивыла!.. А людськый судъ?.. Нехай люде судять, нехай отець мене судыть,—Богъ за мене! Ухылятысь и выховуватысь дали нема змогы!.. Я повынна швыдчъ прызнатысь, щобъ жыты вкупи зъ сыномъ, рады сына!.. Йе ще у мене тяжкый обовьязокъ: я мушу Юрка обороныты видъ отця,—надъ нымъ отець може проявыты свою владу въ страшенній сылы!... Ось передъ чымъ я обезсылюю, падаю духомъ... А може отець пожаліе мене, пожаліе мого сына, може змылуется надъ Юркомъ?.. Я-жъ одна у отця!... Одна!... (*Заплакала*). Охъ, таточку-жъ мій риднесенькый, пожалій же свою безщасну едыначку!.. Де-жъ ты барышся? Прыбудь же мерщій до-домоньку, пожалій ты свою доненьку!..

Ява 10-я.

Дося и Орыся.

Дося (*вбигае зъ хоромивъ*). Панночко! Панъ прыйихалы зъ гостей и таки сердыти. Мабуть багато грошей програлы!...

Орыся. Прыйихалы?.. Досю! На вищо ты розсказала людямъ? Не добра ты!..

Дося. Я-жъ тилько Мокрыни.

Орыся. Не хороше ты зробыла!..

Дося. Воны-жъ мени титка.

Орыся. Не хороше, не хороше!.. (*Прыслухается*). Таткивъ голосъ... (*На бикъ*). Чы теперъ прызнатысь, чы згодомъ?.. (*До Доси*). Досю! Бижы до бабы Репыхы, скажы щобъ швыдчъ несла мени сына!...

Дося. Ще-жъ рано, постережуть... Нехай, якъ смеркне!..

Орыся. Ни, пора! Ходимъ до мистка, може вже вона несе? (*Пишлы*).

Ява 11-я.

Пидгайный и Вартоломей.

Пидгайн. (*На балкони*). Такъ въ городи Юрка нема?

Вартолом. Нема!.. Я завжды думавъ, що Юрко неодминно втиче; було гляну на нёго та й кажу соби: втиче!..

Пидгайн. Не повынно-бъ?.. Гмъ! (*Помовчавъ*). А ты набрехавъ мени, що въ хозяйстви все благополучно!

Вартол. Якъ? Благополучно, именно благополучно по всій хорми и какуратно...

Пидгайн. Адже вилъ рябый здохъ?

Вартол. Тошно, що одійшовъ... Богъ ёго зна, зъ чого винъ: чы павука зйивъ, чы такои росы вхопывъ?

Пидгайн. И лошыця що одъ каплоухои?

Вартол. Тошно... росчахнулась... ожеледь... пидскобзнулась... Куповалы цыгане, давалы девьять карбованцивъ, такъ управляющый не продалы.

Пидгайн. А лошакъ видъ буланои?

Вартол. А, лошакъ?.. То вже звисно... Проты нёго й чоловикъ сылы ни которои... Ежелы не злюбыть, зведе усяку товарыну, хорменно зведе...

Пидгайн. Що ты варнякаешъ?

Вартол. Це вже кого завгодно спытайте... На те винъ хозяинъ.

Пидгайн. Якый хозяинъ?

Вартол. Домовый, стало быть. Сказать прямо, не злюбывъ лошака и затырывъ ёго у ясла... Я скилько разивъ казавъ управляющому: убыйте, кажу, пожалуста сороку. Высилабъ на бантыни сорока—не посмивъ-бы...

Пидгайн. Про яку ты мени сороку торочышъ, чортова ворона.

Вартол. Та я хочъ и прысягну!.. Не прыступе тоби, ни за що не прыступе, якъ сорока выситыме на бантыни.

Пидгайн. Не мишало-бъ тебе повисыты на бантыни, щобъ трохы одтухъ...

Вартол. Я старався, ночей не досыпавъ, хлиба не дойидавъ...

Ява 12-я.

Ти жъ и Яковъ.

Яковъ. (*За лаштунками*) Бый кожухъ—буде теплищъ, бый мужыка—буде дурнищъ!.. (*Побачывъ Пидгайного*). Здравія желаемъ, зъ похмилля помыраемъ! Вы панъ нашъ, а мы пидданкы ваши; а колысь прыйде воля и усмихнется доля!.. А докы воли нема, пане, звелить Вартоломіёви спустыть мени кровъ, бо бунтуе!.. Бый шкуру барабанную!..

Пидгайн. Зновъ назюкався?

Вартол. (*Тыхо*). Винъ тутъ безъ вашои мылости що дня напывався, та все про волю бекавъ, бунтовавъ!.. Прыкажить всыпать ёму 25-ть.

Пидгайн. Чы не свербыть у тебе спына?..

Вартол. (*тыхо*). Винъ бунтарь!..

Пидгайн. Мовчы!

Яккивъ. Ваше высокоблагородіе! Кажуть, що Юрко втикъ? И добре зробывъ!... Це я ёго навчывъ втикать: втикай, кажу, и шабашъ!.. Торикъ Дмытро втикъ, Петро каларнытыстъ, я й тихъ навчывъ. Втикайте, кажу, хлопци!..

Пидгайн. (*Вартоломею*). Скажы, щобъ ёго взялы звидци!

Якивъ. И щобъ выхворостылы!

Вартол. Гей, визьмить ёго! (*Два чоловика пидбигають до Якова и беруть ёго*).

Якивъ. Бый шкуру барабанную!.. Вартоломею! Я й тебе навчу, якъ втикаты!.. Барынъ!.. Прыкажить Вартоломееви, щобъ лозы намочывъ та видличывъ.

Пидгайн. Замкнить ёго зновъ въ лёхъ!

Якивъ. А быть и не треба? Отъ такъ штука: ведуть и не бьють!.. Я такъ не согласенъ!.. (*Его повелы*). Бый шкуру!... (*Спива*).

Куды мене поведете?
Пидъ лотокы.
А що мени постелыте?
Снипъ осокы!...

Пидгайн. (*до Вартоломея*). Визьмы двохъ чоловикъ и йидь шукатѣ Юрка. Тилькы я тоби Вартоломею, забороняю ёго быть, -чуешъ? Щобъ ты и пальцемъ ёго не зачепывъ! (*Пишовъ у хоромы*).

Вартол. (*Здывовано*). Щобъ и пальцемъ?.. Що воно таке? Лыбонь це и нашъ панъ, а нибы не нашъ!.. Яшку не звелилы быть, Юрка щобъ и пальцемъ не зачепыты... (*Пишовъ дывуючысь*).

Ява 13.

Прохоръ и Сохвія.

Прохоръ (*дае Сохвіи терпуга*). На, вызволяйся! Тилько пам'ятай, що висимъ карбованцивъ,—чуешъ? (*Пишовъ*).

Сохвія. Колы-бъ швыдче вже смеркало... (*Почына пылять гратки и прыслухатысь*). Охъ, клята неволе! умицны мои

сылы, допоможы вызволытысь, а воля насталыть мій розумъ и загартуе помсту!.. (*Смеркае. Въ аллеи зъявляются Репыха, Орыся и Дося. У Орыси дытына на рукахъ. Дося иде въ хоромы, а Орыся и Репыха въ бесидку*).

Ява 14-я.

Репыха и Орыся.

Орыся (*сида у бесидци*). Мое анголяточко, мое немовляточко! О, колы-бъ змогло промовыты,—ты-бъ найкраще и найщырше порадыло твою маму!.. (*Туле дытыну до серця*). Охъ, якъ же хороше мени зъ тобою, мій едынчыку!.. Якымъ чаривнымъ тепломъ зогриваешъ ты мене!.. На вищо-жъ я зъ тобою, моя дытыно, такъ надовго розризняюсь, на вищо виддаю тебе чужымъ людямъ, въ чужу хату?.. Чому жъ ты, мій сыночку, мусышъ буты не въ своій, а въ чужій хати? Осьдечкы-жъ и наша хата, а тебе въ ній нема!.. Голубьяточко мое! Тулю тебе до серця и серце трипоче, радіе, сповняется сыламы й надіямы!.. Та чы довго-жъ я ще крадькома тулытыму тебе до лоня, выховуватыму по закуткахъ таемныхъ?.. Охъ, не сыла-жъ моя бильшъ розризнытысь!..

Репыха. Не сыла, та мусыте!..

Орыся. Та я-жъ зтеряюсь безъ тебе, занедужаю, помру, Колы ще хочъ на день розризнюсь зъ тобою!.. Та що-жъ я за мать буду, колы видъ тебе видречусь? Нехай-же иде сюды отець, нехай вси идуть, я пры всихъ голосно вымовлю, що ты мій сынъ!

Репыха. Що бо вы говорыте? А соромъ, а глумъ?

Орыся. Я швыдче переможу соромъ и глумъ, нижъ розлучення зъ моимъ сыномъ!

Репыха. Розлучення легче перемогты, нижъ те, що воно и доси не хрещене? Колы-бъ ёго намъ у хрестъ увесты? А то якъ, бороны Боже, обминыть у ночи!..

Орыся. Хто обминыть?

Репыха. Не знаете, хто? Я цилисеньки ночи не сплю та все стережу, всю колысочку хрестыкамы та божкамы обвишала...

Орыся. Я не пойму, про вищо вы кажете?

Репыха. Адже розсказують, що отутъ десь неподалечку, та черезъ якыйсь тамъ случай не вспилы дытыны охрестыты,— все бачте видкладалы зо дня-на день,—ажъ воно прыйшло якъ-разъ о-пивночи, якъ вси хатни поснулы та й переминыло... У ранци дывлятся, ажъ замисць дытыны—лежыть въ колысци немовъ кошеня, або немовъ цуценя, щось таке... А цытьте, що воно? Чуете, нибы щось стукнуло? (*Прыслухаются*).

Орыся. То вамъ вчулося!..

Сохвія. (*Вылазыть кризъ викно*). У бесидци панна и Репыха!.. А що то у панны на рукахъ? Дытына!.. (*Побигла въ хоромы*).

Репыха. Давайте вже мени парубка, пора намъ и до дому. Хто ёго зна, якъ мы греблю перейдемъ, що вже зовсимъ стемнило, а воно не хрещене... У до-свита знову прыйдемо въ гости, а теперъ проведить насъ до мистка.

Орыся. Пождить ще!..

Ява 15 я.

Ти-жъ, Пидгайный и Сохвія.

Сохвія. (*Показуе*) Ондечкы, въ бесидци!

Орыся. (*Побачыла*) Татко?!.

Репыха. Давайте мерщій дытыну!

Орыся. Пизно вже! (*Репыха зныка*).

Пидгайн. (*До Орыси*). Такъ тому правда?

Сохвія. Бачыте, пане, що я не сплетныця!..

Орыся. Сохвіе, геть звидци!.. Мижъ батькомъ и дочкою полюбовныця не свидокъ!.. (*Сохвія зныка*).

Пидгайн. Такъ ось воно що?

Орыся. Я передъ вамы зъ усіею моею провыною!..

Пидгайн. Такъ ось якъ ты виддячыла за выховання и все пеклування! А де-жъ герой цёго срамотнёго роману, де винъ? Сховала? О, хамъ, гадына!.. Я-жъ на нёму помщусь за весь мій соромъ!..

Орыся. Я одна вынна! Помщайтесь на мени одній!.. Клянусь могылою матери—одна я вынна!..

Пидгайн. Не смій тревожыть праха твоеи матери. Твоимъ гыдкымъ вчынкомъ ты заплямыла ёго на викы.

Орыся. Вы булы завжды святи передъ моею мамою не тилько писля іи смерты, а й пры жызни?

Пидгайн. Ты сміешъ мене докоряты? Геть зъ очей моихъ!

Орыся. Правомъ батька, сылою державця, чы владою рабовладильця вы корыстуетесь, що прогоняете мене?

Пидгайн. Ты... ты найлютищій мій ворогъ!.. Ты потаскуха!.. (*Вхопывся за голову*).

Орыся. Потаскуха?!. Вы осмиляетесь такъ ображаты мене? Вы потаскухою мене звелычалы... А хиба въ мене нема сылы й права сказаты вамъ, що то неправда? Ни, йе Богъ—моя сыла и право! Я не потаскуха!.. Вертаю вамъ це слово!.. Що я непокирлыва, невдячна, своевольна—все це може й правда, тилько я не потаскуха!.. Я не виддала мого дытыны людямъ, не видреклась видъ нёго, не струила ёго и не задавыла,—совисть моя свитла передъ Богомъ...

Пидгайн. О, краще-бъ ты не родылась на свитъ Божый!..

Орыся. Вамъ про це зручнишъ знаты!... Ну, сыну, женуть насъ,—ходимъ, пора!.. (*Дытына начына пхыкать*).

Пидгайн. А, цей мени пыскъ!.. Стій, куды ты? Дытынячымъ плачемъ згвалтуешъ всю двирню!.. Ничъ вже!

Орыся. Теперъ мени и въ-ночи вси шляхы выдни!

Пидгайн. Такый соромъ, такый позоръ!..

Орыся. Не плачъ, сыну! Дамо слёзамъ волю, якъ опынымось на простори—мижъ небомъ та землею. Прощайте, тату.. на викы... (*Захыталась и вхопылась за стовбъ; дытына падае зъ рукъ*).

Пидгайн. (*Пидхоплюе дытыну*). Божевильна, ты вбьешъ дытыну!.. Що зъ нею? Гей, нянько!.. Нянько, скорій сюды!..

Ява 16-я.

Ти-жъ и нянька.

Нянька. Я тутъ, ваша мылость.

Пидгайн. Визьмы ось цёго... вылупка!.. (*Дае ій дытыну*). Це ты, ты вынна! Це ты такъ доглядила!.. (*Пиддержуе Орысю*).

Нянька. (*Взяла дытыну*). А вже-жъ що я! Хто-жъ бильшъ и выненъ, якъ не я? Я була що-разу вынна и за покійну пани, котру выглядила и выпестыла. Вы мене й за неи докорялы, а теперъ...

Пидгайн. Мовчы! Прынесы мерщій воды... (*Нянька побигла и черезъ мытъ вертается зъ шклянкою зъ водою*) Вона не дыше!.. Ось до чого своя воля довела!.. (*До няньки*). Жыва, дыше... Мерщій постиль прыготуй!..

Нянька. Такъ-бы и спочатку, а то хвору, немощну дытыну дорикаты почалы... Ій и такъ сердешній тяжко!..

Пидгайн. Мовчы, беззуба!.. Тебе годылось-бы провчыты!.. Доглядила?

Нянька. Треба-жъ вамъ на комусь злисть зирвать, а то и йижа не така смашна буде,—то зирвить на мени...

Пидгайн. А, замовчы!.. За ликаремъ треба-бъ... Прыйдется прывселюдно выявыты хатній соромъ!.. А покы що, за бабкою якою послаты? Яка у насъ бабка найкраща?

Нянька. Яка-жъ, якъ не Репыха? Найкорыстнищи ликы будуть, якъ вы прыголубыте іи й пожаліете.

Пидгайн. Вчы, вчы мене!.. Поможы несты!.. (*Несуть Орысю*) О, такый каламутъ! о, таке поворыще!.. (*До няньки*) Та хочъ никому не розбовтуй!..

Зависа.

ДІЯ 4-я.

Писчаный берегъ Днипра. Кущи, лозы, дали очереты. Въ глыбыни рыбальскый куринь и неводы; блыжче прымистъ до порома).

Ява 1-я.

Васыль и Семенъ.

Васыль. (*Пидплыва до берега*). Дно, дно! Я намацавъ ногою дно, ставай смилыво!

Семенъ. (*Пидплыва*). Невже переплывлы! Слава Господеви!.. (*Выходе на беригъ и важко дыха, дали сида; на ногахъ у нёго пута*).

Васыль. (*Выходе зъ воды*). Спочынь, докы я знайду каменюку; розибьемо кайданы та й заразъ майнемъ, бо тутъ довго засыжуватысь не безпечно. Генъ-генъ тамъ, у плавняхъ, спочынемо та на всю ничъ и дремонемъ у Херсонщыну. Мени тутъ уси шляхы знаёми. (*Шука*).

Семенъ. (*Ледве дыха*). Охъ, якъ серце стука. На середыни якъ пидхопыло мене быстрею,—я ажъ злякавсь... Думаю, закрутыть, потягне на дно,—тутъ мени жаба и пыть дасть... Почавъ вже „отчу-нашу́“ проказуваты. А що воно за курени?

Васыль. (*Несе каменя*). Рыбальски. А ну, попробуемо ланцюга, чы мицно загартованый? (*Почына розбывать*).

Семенъ. Може-бъ не тутъ, а дали, що курени блызько?..

Васыль. Та промижъ рыбалокъ нашого брата-бурлачни́ сыла; а що въ Херсонщыни та въ Бессарабіи, такъ тамъ однымъ нашымъ братомъ тилько и роблять. У рыбалокъ тилько ничого не зачипай, такъ и воны тебе не зачеплять; а пидцупышъ що—бытымуть, доженуть и виддубасять!.. Воны завжды на ничъ биля куриня кладуть окраецъ хлиба, а часто й кулишу зоставляють, щобъ якый мандривець погодувався...

Семенъ. И що воно зъ тымъ човномъ сталося, що винъ розвалывся?

Васыль. То не човенъ, а душогубка проклята! Лытвынкы кынулы якъ никчемную, а мы поласалыся на неи. Докы за водою плывлы—держалося, а якъ повернулы проты воды—такъ и розвалылося. За себе я певенъ бувъ, що вырятуюсь, а за тебе, що ты въ зализахъ—страхъ боявся!

Семенъ. Ге, я ще змалку здорово плаваю. Якъ бувъ ще за пидпасыча биля панського яливныка, то якъ прыженемъ було яливныкъ на тырло, то я якъ улизу въ ставокъ, та плаваю ажъ до полудня... Я можу й горылыци, и зъ вымахомъ, и бокаса́, и стовбуна... А що пурынаю, такъ бувало черезъ увесь ставокъ перепирну!..

Васыль. А за що це тебе спуталы?

Семенъ. Хотилы у москали запакуваты, а я и втикъ.

Васыль. А я, братъ, вже шостый разъ втикаю. Пять разивъ втикавъ все весною, а це попробувавъ ще въ осены. Мени дома не сыдытся... (*Розбывъ ланцюгы*). Готово! Иды-жъ, ланцюже, къ чортамъ на вырынкы!.. (*Жбурля въ ричку*). Якъ тилько весною вазеленіе по проталынахъ травыця, якъ тилько защебече жайворинокъ, то такъ мене и занудыть мандривка. Хотилы мене батько оженыты и дивчыну вже посваталы, и таку дивчыну акуратну... Завтра-бъ намъ до винця йихаты, такъ я й пишовъ у-вечери до неи. Сыдымо мы соби, балакаемо, ажъ чую хтось спива:

> Та немае въ свити гиршъ никому,
> Якъ бурлаци молодому...

Мене неначе щось невыды́ме такъ раптомъ и видсунуло видъ неи. Глянувъ на дивчыну и нибы вже то не та, а якась друга... Дывывсь, дывывсь я на неи, а дали и кажу: „гарна ты дивчына, та не тоби я женышына". Тоди прожогомъ видъ неи. Оглянувся вже, якъ наша дзвиныця ледве мая́чила... Отаке! Пора намъ пидгодуваться та й мандрувать дали. А де-жъ твоя торба?

Семенъ. На-жъ тоби—згубывъ! Отъ и пиджывылысь пырогамы, що маты далы на дорогу. Певно, мотузка перервалась и торба пишла на дно.

Васыль. У мене тилько и йе шматокъ цвилого сухаря та ложка. (*Выйма сухарь и ложку*).

Семенъ. Та й у мене зосталася тилько ложка, та голодный жывитъ.

Васыль. (*Грызе сухарь*). А добрячый сухарь,—якъ брусъ! скилько у води мокъ—и не розмокъ. Мабуть винъ позаторишній? Посёрбаемо хочъ водыци замисць борщу. Ов-ва! (*Маца въ кышени*). И соли нема, а ни дрибка!

Семенъ. Безъ соли не кортитыме пыты и згага не пектыме.

Васыль. На-жъ и тоби половыну, пиджывысь. (*Перебыва каменемъ сухаря и дае*). Я вже не вперше такъ обидаю. (*Бере зъ рички ложкою воду и зайида сухаремъ*). А правда, тутъ смачна вода?

Семенъ. На воли и вода смачнища видъ борщу.

Васыль. Ця ричка тече зъ вильного краю, черезъ те и вода въ ній солодка. А цыть! Що воно гупотыть?

Семенъ. (*Пиднявсь*). Сюды бижыть щось киньмы!..

Васыль. Въ шелюгы мерщій, за мною!... (*Побиглы въ шелюгы*). Падай на землю!.. (*Помовчавшы, пидводе голову*). Що воно? Трое коней, а одынъ тилько вершныкъ? Стій, це нашъ чоловикъ, ей-ей нашъ!.. А ну, гукну! Остапе! О, оглянувся. Винъ и йе—Остапъ. Остапе! Куды поспишаешь, чы не на ярмарокъ?

Остапъ. (*Гука*). А ты-жъ хто такый?

Васыль. Прыдывысь.

Остапъ. Невже Васыль? Ты зновъ втикъ?

Васыль. А ты по якому былету?

Остапъ. Стривай, розскажу,—ось тилькы коней прыпну.

Васыль. Щось мени и кони ци по знаку.

Ява 2-я.

Остапъ. Здоровъ! Давно тутъ?

Васыль. Оце свиже переплывлы, бачъ и доси не обсохлы.

Остапъ. (*На Семена*). А цей звидкы?

Семенъ. Зъ Благодыровои.

Остапъ. По воли?

Семенъ. Ни, навздогинци за волею.

Остапъ. Стало быть, намъ по дорози? Ну, здоровъ! (*Чоломкаются*).

Васыль. Чы йиство у тебе йе яке?

Остапъ. Два хлиба и чотыри тарани.

Васыль. А мы голодни!

Остапъ. Я васъ пидгодую. (*Хутко пишовъ за лаштункы*).

Семенъ. Выдко, що Остапъ друзяка.

Васыль. Въ неволи найщырше товарышування.

Остапъ. (*Вертается зъ окрайцемъ хлиба и двома таранямы*). Нате, годуйтесь. Колы-бъ ты знавъ, Васылю, якъ я ускочывъ бувъ у капканъ.

Васыль. Невже? (*йисть*). Оце такъ хлибъ!

Семенъ. И тарань ловка.

Остапъ. Прокрадався я въ ваше село, щобъ побачытысь зъ жинкою та дитьмы, та наризався на самого пана. Бачу—не перелывкы. Упавъ на вколюшкы и ставъ прохаты, щобъ помылувавъ... Такъ винъ гукнувъ на людей и звеливъ забыты мене у зализа. Э, думаю, колы ты такъ зо мною, то я-жъ тоби не пиддано̂къ. У-ночи продеръ стриху въ лёху, въ якый мене замкнулы, та въ конюшню,—бачу стоять гарни кони, такъ я замисць однiи конякы—зачепывъ ажъ трое. Пройиздю поузъ хоромы, ажъ це панъ кризь викно й пыта: „а хто то йиде?“ „Це я, кажу, пане. Спокойной вамъ ночи, прыятного сна!“ Та якъ дремену... Вже свитаты почало, якъ я прыпынывъ коней, дойиздячы до Днипра. А оце тилько що переплывъ...

Васыль. Що-жъ ты теперъ робытымешъ зъ киньмы?

Остапъ. А те, що оце заразъ вси трое сядемо та й пойидемо, а тамъ десь коней продамо, и будуть у насъ гроши. Колы товарышувать, то товарышувать по правди!

Васыль. Оце—але!

Семенъ. Отъ спасенна душа!..

Остапъ. И ничого бильшъ и часу гаяты,—пидгодувалысь такъ и гайда. (*Пишлы*).

Ява 3-я.

Юрко и два гребця.

Юрко. (*Зійшовъ зъ човна*). Спасыби, що перевезлы. Ось вамъ и плата за перевизъ. (*Дае гроши*).

1-й гребець. Два семыгрывенныка, чы не малувато?

Юрко. Такъ-же, договорылысь.

1-й гребець. Що-жъ що договорылысь? Мало чого не бува... Договорылысь! Договоръ договоромъ... А правда, Андрію, що малувато?

2-й гребець. Ще-бъ не малувато?.. Воно якъ що той... неначе такъ що й зовсимъ малувато.

Юрко. Скилько-жъ вамъ набавыть?

1-й гребець. Скилько-жъ?.. У такимъ, скажемо, выпадку, то вже коженъ мусыть тямыты... Бачыте, выходыть такъ, що мы оце перевезлы, а щобъ якъ пиде дило на опытъ, то й не знаемо, кого перевезлы?.. Звисно, опаска бере... Чы такъ, Андрію?..

2-й гребець. Авже-жъ... И опаска и началство... Якъже можна?.. Недзя!..

Юрко. Скилько-жъ, пытаю, набавыть?

1-й гребець. Набигають бува, началныкы, и беруть опытъ: „Што реблята, не перевозылы какого-такого?..“ А мы й не знаемо!

2-й гребець. Эге-жъ... А мы и не знаемо. Звисно, якъбы мы зналы.

Юрко. Я жъ вамъ сказавъ, що я чыновныкъ.

1-й гребець. А чого-жъ воно неначе не выдко, щобъ вы булы чыновныкъ. Чы правда, Андрію?

2-й гребець. Не выдко... Выходыть, скилько не вдывляйся, а не выдко...

Юрко. Вы грамотни?

1-й гребець. Богъ мылувавъ...

2-й гребець. Безъ надобности!..

Ю р к о. Якъ-же вы розберете мій документъ?

1-й г р е б е ц ь. Тамъ йе печати: одна зверху, друга зисподу.

2-й г р е б е ц ь. Безъ печативъ не можна. Началство прыказуе, щобъ по печатяхъ...

Ю р к о. Такъ мы й до вечора не порозуміемось. Кажить, скилько вамъ набавыть?

1-й г р е б е ц ь. А що, Андрію, якъ мы оце звьяжемо ёго та й повеземо назадъ?

2-й г р е б е ц ь. А такы звьяжемо.

Ю р к о. Що, звьяжете? (*Гризно*). Та якъ вы сміете?

1-й г р е б е ц ь. (*Несмилыво*). Ану, Андрію, берысь за нёго.

2-й г р е б е ц ь. (*тыхо*). Може у нёго падстолетъ захованный, або шпага?..

Ю р к о. Ану-ну попробуйте.

1-й г р е б е ц ь. Якъ самы не подужаемо,—гукнемо ондечкы до куренивъ,—рыбалкы допоможуть.

Ю р к о. И я гукну,—побачымо кому допоможуть?

1-й г р е б е ц ь. Андрію, чы гукать?

Ю р к о. Гукайте, гукайте!

2-й г р е б е ц ь. А що якъ воно справди чыновныкъ?

Ю р к о. Ну, гукайте-жъ, або я гукну?

1-й г р е б е ц ь. Може й справди?

2-й г р е б е ц ь. (*Тыхо*). Ще щобъ не креснувъ бува по зубахъ?

1-й г р е б е ц ь. Та вже дайте намъ якого тамъ грывеныка...

Ю р к о. Не стоило-бъ даваты... (*Дае*). Соромъ вамъ отакечкы робыть, соромъ!.. А ще й людьмы звутся.

1-й г р е б е ц ь. (*До другого*). Тикаймо.

2-й г р е б е ц ь. Прощавайте!..

Ю р к о. А якъ васъ звуть?

1-й г р е б е ц ь. (*Видступа до човна*). Якъ звуть?

2-й г р е б е ц ь. (*Сивъ въ човенъ*). Худчій Мытрохване!.. (*Колы першый гребецъ сивъ*). Ни, брате, не покурышъ!.. (*Хутко поплывлы*).

Юрко. Ачъ, дряпижныкы!.. (*Помовчавъ*). Докы бувъ на тимъ боци, хапався переплысты, а переплывшы, почуваю, якъ сумъ и отчай обступа мене... Одынокый, видкынутый далеко видъ усёго дорогого и ридного. И навкругы тутъ такъ сумно: писокъ, шелюгы, верболозъ... Витеръ гуде!.. А той беригъ якый зеленый, якъ тамъ сонечко ясно свите!.. Ондечкы й шляхъ, котрымъ я йихавъ, генъ повывся пидъ гору; а тамъ дали мижъ вербамы то счезне, то зновъ стежечкою заманячіе... Село Писчане мріе, генъ Ганивка... У Покотыловій тилько крыла витрячкивъ маячáть... А наше село тамъ десь далеко нибы потонуло въ сыній имли. Я тутъ вольный, а душа моя немовъ закута въ тяжки кайданы!.. Та чы пережыву-жъ я розлучення зъ Орысею? А сына мого я й не бачывъ!.. Я тутъ стеряюсь, помру!.. (*Ухопывся за голову*).

Ява 4-я.

Пысарь и десятныкъ.

Пысарь. Треба поспишаты до порома, бо вже ондечкы наблыжается. А докы що, зробымо й на цимъ боци опросъ.

Десятныкъ. Вы лыбонь зовсимъ залылы слипы!.. Намъ же велено не зъ сёгобочныхъ опыты брать, а зъ тогобочныхъ.

Пысарь. Мовчы! (*Пидходе до Юрка*). А позвольте васъ спытать, хто вы будете?

Юрко. Якъ? А вамъ на вищо?

Пысарь. Желаю спросыть.

Десятн. (*Тыхо до пысаря*). Та не чипайте! (*На бикъ*). Прыйдется тягты ёго до Днипра та голову змочыть... (*До пысаря*). Не чипайте-бо!

Пысарь. (*Десятныкови*). Ц-сь!.. Мовчать! (*До Юрка*). Хто вы такый-и яке ваше званіе?

Юрко. Я чыновныкъ.

Десятн. О, бачыте!

Пысарь. (*До Десятныка*). Ц-съ! (*До Юрка*). Чыновныкъ! Ого-го! Которого класса?

Юрко. Класса?.. Хиба вамъ не однаково!

Десятн. Та не прысикуйтесь.

Пысарь. Не розсуждай! Розсужденіе положено власти, сиречъ мени, а подчиненому едыное повыновеніе! (*До Юрка*). Я тежь чыновныкъ. Якый на васъ чынь?

Юрко. Той... губернскій регыстраторъ.

Пысарь. (*Радисно*) Невже? И азъ въ тимъ же чыни обритаюсь. Губернскихъ регыстраторивъ не багато чыслытця на лыце, лыбонь на всю Россію насъ тилько двое и йе. Позвольте зъ вамы почоломкатысь. (*Чоломкаются*).

Десятн. Ну, якъ що той, то... (*До Юрка*). Доброго здоровьячка! (*Простяга руку*).

Пысарь. Осады подчыненіе и безмовствуй! (*До Юрка*). Де прохожденіе службы совершалы?

Юрко. Тамъ, де треба було.

Пысарь. А именно?

Юрко. Служывъ у Полтави... Годи вже балакаты, мени николы.

Пысарь. А знавалы вы тамъ тытулярного совитныка Ныкодыма Трыхвоновыча Кулябку?

Юрко. Ни, не знававъ!

Пысарь. Не може быть. То бувъ чоловикъ—ума палата! А знавалы вы коллежскаго ассесора Тымохвія Васылывича Жарка?

Юрко. Не знававъ.

Пысарь. И Жарка не знавалы? Та хто-жъ Жарка не знававъ? Мала дытына знала... А знавалы вы?

Десятн. Оцдечкы вже поромъ нидходыть. Ходимте, я вамъ трохы намочу голову, бо вы вже здорово росхыталысь.

Пысарь. Пиды, намочы соби мордяку! Мовчы пивстоловый истуканъ!.. (*До Юрка*). А позвольте заглянуть у вашъ документъ?

Юрко. (*Выйма корбованыця и дае*). Ось вамъ.

Пысарь. Ага!.. Теперь выдко, хто вы... (*Одходыть зъ Десятныкомъ*).

Ява 5-я.

До прымиста пидходе поромъ, зъ берега сунувъ людъ; на пороми гра музыка.

Кучеръ. Ондечкы нашъ панъ, а за нымъ цила юрба панивъ.

Завойко. (*Гука зъ порома*). Чы кони йе?

Кучеръ. Йе, пане!

Завойко. А скилько троёкъ?

Кучеръ. Чотыри, пане!

Завойко. И хургонъ йе?

Кучеръ. А якъ-же! Карета, натычанка, довгуша, шарабанъ и дви пидводы прости.

Завойко. О, розмистымось вси! Панивъ въ окопажи, а музыкъ на просту пидводу.

Юрко. (*Вдывляется*). Панъ Завойко! Колы-бъ мене не прымитывъ? (*Одвертается*). Пиду пидводу пошукаю! (*Иде*).

Завойко. (*Бижыть зъ порома*). Юрку, пидожды... Я тебе ще здалеку пизнавъ. (*За Завойкомъ идуть паны, дали музыкы, народъ. Пысарь и десятныкъ промижъ народомъ ходять и беруть хаповыну*).

Юрко. Охъ, халепа! (*На бикъ*). Треба буты смилищымъ. (*До него*). Помыляетесь... Вы мене не знаете.

Завойко. Що, я помиляюсь? (*До гостей*). Панове! Я васъ потишу дывомъ, якого вы ще й не чулы. Гей, а подайте сюды скрыпку! Ось хто намъ заграе!.. (*Прыносять скрыпку*). На, грай мени заразъ варьяціи: „Ой не ходы, Грыцю"... Або Варшавського марша заграй... Оцей, панове, грае—такъ грае!

Юрко. Кажу-жъ, що вы помыляетесь.

Завойко. Винъ такъ грае, що я ажъ плакавъ!..

Юрко. Выбачайте, мени мема часу бавытысь...

Завойко. Ни, Юрку, я тебе не пущу!.. (*Хапа его за руку*). Ты мени заграешъ. Не хочешъ грать Грыця, грай Кармалюка. (*спива*).

Повернувся я зъ Сибири—
Нема жъ мени доли;
Ой здается не въ кайданахъ,
А все у неволи.

Юрко. Що це за напасть?

Деревьянка. (*Зъ пидвязанымъ окомъ*). Слухай, не чипайбо кожного!.. Може бъ на два ока и мени винъ здався за Юрка...

Завойко. Та хиба-жъ це не Юрко?

Деревьянка. (*До Юрка*). Выбачте ему, винъ трохы пидпылый!.. Зъ-пьяну трохы мени ока не выбывъ!..

Завойко. Юрку, це ты, чы не ты? Прызнайся!

Юрко. Це напасть!

Завойко. Ну, похожый же на Юрка, якъ колесо на колесо!..

Деревьянка. (*До Юрка*). Знаете, якъ кажуть: звернить дурни́ пьяному... Выбачайте,—мы вси „елыко можаху"!..

Помпеенко. (*Гука виддаля*). Ходимъ, ходимъ,—пора йихать!..

Завойко. Отъ штука!

Помпеенко. Йидемъ, йидемъ, а то я такый, що розгниваюсь и заразъ назадъ голобли поверну!..

Завойко. (*До Юрка*). Ну й схожый же зъ Юркомъ якъ дви крапли горилкы!.. Ты граешъ на скрыпци?

Юрко. Зъ роду-вику не гравъ!..

Помпеенко. Огъ-же я вернусь на порома!

Завойко. Ну, якъ що такъ, то выбачайте! Гей, музыкы! Грайте марша!.. Трумъ, трумъ, трумъ!.. (*Бере пидъ руку Деревьянку*). Ходимъ, канцуре, я тоби друге око пидобью!.. (*Пишлы. Музыка грае*).

Пысарь. (*Пидходе до Юрка зъ десятникомъ*). Онъ якъ наше дворянство гуляе! И такъ юрбою цилую осинь и зиму видъ одного до другого йиздять: полюють, у картъ грають, бенкетують!..

Юрко. А скилько буде звидцы до Павлыша?

Пысарь. До Павлыша? Заразъ вамъ выщытаю. (*Личыть на пальцяхъ*).

Поромщыкъ. (*Гука*). А ну, сходьтесь до порома, хто йиде на той беригъ, сходьтесь, бо заразъ рушымо!

Юрко. Заразъ рушать?.. (*Иде до порома*).

Пысарь. Куды жъ вы? До Павлыша онъ куды. Ходимъ тамъ за горбомъ йе корчма... Пидводу наймете. До Павлыша буде... (*Знов̆ личыть*).

Ява 6-я.

Вартоломей иде видъ куринив̆ зъ двома чоловикамы.

Вартол. Пидгодувалысь у рыбалокъ, теперъ пойидемо дали. А стійте, чы то не Юрко?

Чоловикы. Винъ и йе. (*Хутко подходять до Юрка*).

Вартол. Здоровъ будь, Юрку.

Юрко. (*Зъ лякомъ*). Варта... Чого вамъ треба?

Вартол. Тебе намъ треба, хорменно тебе. А давайте путо, замкнемо ёго!

Юрко. Якъ смієшъ!.. Я вильный чоловикъ!

Пысарь. (*До Юрка*). Оборонымо! (*До Вартоломея*). По-якому праву?

Юрко. (*Пысареви*). Ось, прочытайте мій документъ! (*Дае бумагу и карбованця*).

Пысарь. (*Зглянув̆ у документъ*). Такъ, вирно и безпелеречно! Отставный губернскій регыстраторъ!..

Вартол. Помылуйте, винъ нашъ биглый!

Пысарь. Мовчать! Ты хто такый?

Вартол. Началство ёго! Я отаманъ!

Пысарь. Иды-жъ отаманувать до свого пана, а тутъ я началство! Забью тебе у кайданы и пошлю такымъ этапнымъ путемъ, що ты въ тры рокы не дійдешъ до свого села.

Десятн. Мы, братъ, це можемо!

Вартол. Якъ, мене, началство?

Пысарь. Я тоби покажу начальство! Прысинався до губернского регыстратора. Ты знаешъ, що насъ тилько двое на всю Россію!.. (*Розмовляя зъ Юркомъ*).

Вартол. (*До чоловиковъ*). Штука?!

Чоловики. Дывына!

Вартол. Дви дывыны! Одна, що начальство на начальство наперлось, а вдруге, що думалы, що то Юрко, ажъ то не Юрко!..

Ява 7-а.

Зъ горы иде Перепичка зъ Васылыною и кучеромъ; его тягне за полу Завойко.

Перепичка. Пусты-бо, а то вылаю!

Юрко. (*На бикъ*). Панъ Перепичка! Нова халепа!..

Завойко. Йидемъ-бо до мене.

Перепичка. Не пойиду, пусты!...

Завойко. Все тилько зъ своею Васылыною возытся!

Перепичка. Кажу жъ тоби, що не маю часу.

Завойко. Теперь я розгнивався на тебе, такъ що вже мы зъ тобою розбрато-брато на викы вични!.. (*Пишовъ*).

Перепичка. Про мене, якъ соби хочешъ. Скорій, скорій, Васылыно. Чы ты налывку взяла? Свырыде, несы покупкы до порома. Отъ тоби й здрастуй, поромъ вже погналы. (*Гука*). Пидожды! Вернысь до берега!.. Га? Скилько? А дули зъ макомъ не хочешъ? Беры семыгрывенного!.. Га? Ни, пивъкарбованця не дамъ!.. Свырыде, забирай покупкы до корчмы, пождемо до завтра... (*Свырыдъ пишовъ*). Чого намъ хапатысь, хиба надъ намы капа? (*Побачывъ Юрка*). Знаёма людына!...

Юрко (*на бикъ*). Теперъ вже никуды!

Перепичка (*До Юрка*). Ты це куды? Васылыно, пизнаешъ?

Пысаръ. Це губернскій регыстраторъ!

Перепичка. Це тоби, пысарю, въ перепою регыстратыть въ очахъ. Винъ пидданный мого сусида, пана Пидгайного.

Юрко. Помыляетесь, пане!..

Вартол. И намъ здалось зпершу, що це нашъ Юрко....

Перепичка. Це винъ и йе!

Пысаръ. (*до Юрка*). Дайте вашъ документъ...

Юрко (*дае*). Ось.

Пысаръ (*чыта*). Губернскій регыстраторъ въ отставкѣ, Петръ Петровычъ Диброва.

Перепичка. Диброва? Ха—ха—ха!

Вартол. Це бъ то нашъ капольмейстеръ? Такъ винъ вже пьятый день якъ померъ?!..

Юрко. Померъ?!.

Перепичка (*до Вартоломея*). А ты въ погоню?

Вартол. Та оце жъ насъ трое.

Перепичка. Такъ и берить ёго.

Вартол. Давайте швыдчъ путо!

Перепичка. Хочъ ты, Юрку, и гарный музыка, а втикать вась... Подзвоны жъ за те кайданамы. Дысцыплына, субордынація и повыновеніе властямъ прыдержащимъ! Ходимъ, Васылыно! (*Пишлы*). (*На Юрка надиваютъ пута*).

Пысаръ. Я думавъ, що ты справди губернскій регыстраторъ, а ты рабъ, смердъ... Выходыть, що тилько я одынъ на всю Россію и воставсяI..

Зависа.

ДІЯ 5-я.

Кимната Орыси.

Ява 1-я.

Орыся и нянька.

Орыся (*пыше биля столу, нянька качае люльку*). Напысала отцеви все, що пидсказало серце, все, на що навивъ мене розумъ, дали терпиты не сыла... Я повынна розшукать Юрка и обрятуваты ёго. Може винъ де въ тюрми уже? Винъ такый не хытрый! Може вже упіймалы и знущаются надъ нымъ?.. Ни,

такъ дали не слидъ... Винъ мій мужъ передъ Богомъ и передъ моимъ сыномъ и мусыть буты моимъ мужомъ и передъ людьмы. Няньцо! Якъ тилько татко прыйидуть до дому, вы однесете ёму отъ-сей лыстъ.

Нянька. Воны зновъ мене проженуть и не дадуть ніякои видповиди.

Орыся. Тоди я сама пиду до нёго.

Нянька. И васъ не допустять на очи. Хиба я ихъ не знаю? Отакъ було воны и зъ покійною панею, вашою мамою, якъ розгниваются на ныхъ, то цилый мисяць, або и бильшъ, слова до ныхъ не промовлять. А спытайте, за вищо розгниваются?.. Було мама ваша плачуть, плачуть, ажъ занедужають... Краще-бъ винъ, кажуть, мене вылаявъ, або побывъ, а то мовчыть.

Орыся Прытерпила моя мама?..

Няняка. И—и! Мабуть и вамъ не краща доля судылася. Поласалыся мама ваша на мундыръ та на чорни вуса... Выйшлы замижъ проты воли своихъ родытеливъ. Нигде правды диты: папаша ваши булы красыви на всю округу. Ото-жъ якъ скоро поженылысь, то щось въ годъ жылы дуже гарно, такъ гарно, що й сказать... Тыхо, любо та хороше. Все було цилуются та мылуются. Було ухоплять ихъ папашъ на рукы та й носять по кимнатахъ, якъ дытыну... Бо такы дытыною й булы, наврядъ чы було й шистнадцять годивъ, якъ ихъ винчалы... На другый рикъ мамаша ваша пойихалы погостюваты до родытеливъ. Охъ, краще-бъ було имъ не йиздыты! Воны гостюють тамъ, а папаша тутъ бенкетують та въ карты грають... Найбильшь любылы у картъ граты... А що воны тыхъ грошей попрогравалы!.. И хто ихъ тилько не обдыравъ?.. Бувало день и ничъ музыка реве, пивчи деруть горлянку!.. Наклыкають парубкивъ та дивчатъ... Огоди чортъ пиднисъ Луньку—красыва була! ну й вподобалась панови... Ажъ ось прыйихалы пани до дому, якъ разъ воны тоди важки ходылы вамы. Панъ зпершу прыховувалы Луньку, а дали якось все й выяснылося... Видтоди почалысь сваркы, слёзы, доржання!. Писля Луньки, зъявылась Пашка, дали Мотря... Та

всихъ ихъ и не переличышъ!.. И почалы ваша маты побыватысь. Було прыбижать у спальню, ухоплятся за груды та якъ закрычать: охъ, серце, серце!.. Ажъ ось и вы знайшлыся,—папаша нибы трохы схаменулысь; але черезъ скилько мисяцивъ зновъ пишло по-старому. Скилько разивъ хотилы мама кынуты папашу, такъ родытели ихъ, стало быть ваши дидушка и бабушка, якъ почнуть стыдыты ихъ та вговорюваты: „Хиба, кажуть, можна законъ ламать? Нихто тебе не сылувавъ, сама пишла за нёго; а колы пишла, дакъ и жывы". А дидушка ще було й додатуть поговирку: „бачылы очи що куповалы!.." онъ-що. Якъ тамъ, кажуть, ни жытымешъ зъ мужомъ, та все-жъ у закони; а покынешъ ёго, то таке тоби прызвыще прылиплять, що мы того сорому не пережывемъ!.."

Орыся. Выходыть: хочъ жывцемъ пропадай, а жывы зъ чоловикомъ, котрый надъ тобою знущается, зневажае?..

Нянька. А вже-жъ. И въ церкви промовляють, якъ винчають, щобъ жона боялася мужа.

Орыся. Боятысь тоди, якъ йе за що боятысь.

Нянька. Хто ёго зна, якъ тамъ воно означа!.. Законъ вже такый.

Орыся. Ни, нянько, колы чоловикъ лама прысягу и жону миняе на другыхъ, то жона мае владу кынуты мужа.

Нянько. Ни, недзя, законъ!..

Орыся. Тилько що мама дуже любыла папу й не могла ёго кынуты; певно, вона дуже шанувала своихъ родытеливъ, не хотила ихъ зобидыты и прынесла себе въ жертву...

Нянька. Може й такъ... А тилько що проты закону ниякъ не можна—велыкый грихъ!.. Почалы ваша мама хворити та сохнуты... Найбильшь жалувалысь на серце, що все воно имъ нимило... Якось у-литку взялы вони васъ за ручку й пишлы въ садъ проходытысь....

Орыся. Це я прыгадую... Якыйсь трапывся надзвычайный выпадокъ: мама плакала дуже, потимъ хутко повела мене въ домъ...

Нянька. Панъ бавывся зъ Хроською у бесидци, а воны й побачылы... Якъ убиглы пани въ спальню, ухопылыся за серце, та немовъ замерлы... Видтоди вже воны и не всталы зъ лижка... А черезъ тыждень и Богу душу виддалы. Царство небесне, вичный покій ихъ душечци...

Орыся. Вы таки новыны мени розсказалы, про котри мени й въ думкахъ не верзлося.. И писля цёго я мушу почытуваты мого отця?

Нянька. О, що це вы кажете? А якъ же жъ?

Орыся. За вищо?

Нянька. Та Господь зъ вамы, воны-жъ вамъ отець!...

Орыся. Винъ доконавъ мою матирь, винъ!.. Ни, бильшъ нема мени за що ёго почытуваты!.. Вы жахаетесь.. Жахаетесь того, що не вміете всёго того розумомъ обсягнуты, про вищо заразъ розсказалы мени А може й краще воно?.. Бо колы-бъ вси люде заразомъ прозрилы и змоглы зрозумиты, що йе промижъ ныхъ таки, у котрыхъ пидъ овечою шкурою ховается звиряча душа та жорстоке серце, то певно на свити вчынывся-бъ велыкый гвалтъ...

Нянька. Та мабуть такы оце чы не кинець свита?

Орыся. Може й справди мы на зблыженни нового стовпотворення!..

Нянька. А якъ ховалы паню, зъ якою пыхою, такъ неначе у казци я те чула, або у сни бачыла. Вси музыкы, пивчи и двирськи булы зодягнени у чорне зъ билымы брозументамы. А попивъ-попивъ, то лыбонь ажъ шисть ихъ було!.. Зъ усіи околыци позъиздылысь паны, вси дывувалыся... Якъ прынеслы на кладовыще, постановылы домовыну биля склепу, заразъ одынъ пипъ вынявъ зъ кышени бамажечку и почавъ чытать; довго, довго щось чытавъ, а паны все слухалы та хыталы головамы... У мене ажъ ногы зомлилы стоючы... Якъ проспивалы: „со святымы!..“ папаша якъ прыпалы до домовыны, якъ почалы голосыты!.. Ледве, ледве ихъ видирвалы видъ трувы. Все кричалы: „просты мене, Мархвинько!..“

Орыся. Яке лыцемирство!.. Яка малёвныча забавка по чуттяхъ, яке лжыве повожденне!... (*Зарыдала и впала на подушкы*).

Нянька. Отакои! Чого-жъ плакаты? Не тревожте вже ихъ кисточокъ!.. Вы думаете, легко ихъ душеньци, якъ вы оце голосыте?.. Нехай имъ на тимъ свити полегкисть та спокій!..

Орыся. А таткови на цимъ?

Нянька. Не кажить такъ, голубонько! Може папаша каются, отъ—якъ каются!.. Почимъ знать?..

Ява 2-я.

Ти жъ и Дося.

Дося. Панночко! Тамъ прыйшовъ до васъ Якивъ башмашныкъ?

Орыся. Чого ёму?

Дося. Каже: „Пиды, скажы, щобъ дозволылы доступыты“...

Орыся. Пьяный певно?

Дося. Ни, не выдко, щобъ... Балака якъ-слидъ.

Орыся. Впусты ёго. (*Дося пишла*).

Нянька. А я-бъ не пустыла, завжды чортъ-зна що варняка, про волю то що... Ажъ боляче слухаты!.. Що ёго сердешного пополупылы за ту волю, отъ же не кается!.. Запекла людына! На мою думку, ни яка скотына не выдержала-бъ стилько бійкы, скилько ёго полосувалы.

Орыся. Що це вы кажете? Невже ёго такъ багато былы?

Нянька. Хиба тилько ёго?

Ява 3-я.

Ти жъ и Якивъ

Якивъ. Панночко! Позвольте промовыты до васъ слово. Якъ мы пиддани ваши, бо мы за вашою мамашою прыйшлы. у прыдане, то надъ намы найвыща воля ваша. Такъ подозвольте мени постраждать,—я волію прыйняты всю кару!..

Орыся. Яку кару?

Я к и в ъ. За Юрка! нехай мене панъ закатають на смерть, а Юрка нехай помылують.

О р ы с я. Ни, Якове, коженъ чоловикъ повыненъ самъ несты кару за свою провыну.

Я к и в ъ. Якъ теперъ Юрка упіймалы...

О р ы с я. (*Зъ страхомъ*). Хто це вамъ сказавъ?

Я к и в ъ. Заразъ Прохоръ прыйихавъ зъ городу й бачывъ своимы очыма, що Юрка вже ведуть.

О р ы с я. Ведуть?

Я к и в ъ. Въ зализахъ ведуть.

О р ы с я. (*Крычыть*). Въ зализахъ? Спасыби, спасыби вамъ, Якове, за ваше добре серце... Але не вы, а я мушу захыстыты Юрка. Чы далеко ёго ведуть?

Я к и в ъ. Ось-ось скоро и въ двиръ уведуть...

О р ы с я. Досю! Бижы назустричъ и скажы, щобъ Юрка заразъ сюды велы. Скажы, що я такъ велю,—я господыня!

Я к и в ъ. Именно господыня, наша прырожденна господыня.

О р ы с я. Скажы, що якъ воны посміють не послухаты мене, то буде имъ горе!—Чуешъ?

Д о с я. Чую, панночко! (*Хутко пишла*).

Я к и в ъ. А вже-жъ!.. Першъ усёго васъ повынни слухаты. Звелилы бъ вы мени що завгодно зробыть—васъ послухаю, вамъ скорюсь и все зроблю; а щобъ надо мною показувавъ владу Вартоломей, чы бухветчыкъ?.. (*Пада на вколюшкы*). Ще разъ благаю, подозвольте за Юрка постраждаты! Нехай влиплять мени 750 лозъ и буде якъ-разъ десять тысячъ. Я вси удары переличывъ, все у мене закарбовано!..

О р ы с я. Встаньте, Якове! (*Пидводыть его*). У васъ добре серце, благородна душа... Я дуже вдячна вамъ за вашу щырисгь; але жертвы вашои я не прыйму. Въ Юрковій провыни половына провыны моеи, й мы мусымо вдвохъ одбуваты кару!..

Я в а 4-я

Ти-жъ и Дося.

Д о с я (*вбигае*). Ведуть, ведуть Юрка!

Ява 5.

Ти-жъ, Юрко (въ зализахъ), Вартоломей, два чоловика и де-хто зъ двирни.

Орыся. Геть заразъ ланцюгы!..

Якивъ (*Вартоломеєви*). Ты чуешъ, катюго! Панночка, прырожденна твоя господыня, прыказують зализа зняти?

Вартол. Щобъ не втикъ...

Юрко. Пидіймы, Вартоломею, очи до горы та глянь людямъ въ вичи. Хиба я зугаренъ втикты? Ты хотивъ показаты надо мною свою волю и сылу!...

Орыся. Здіймить заразъ зализа!

Вартол. Ежелы што... (*До людей*). Одимкнить. (*Здіймають зализа*).

Орыся. До мене, Юрку! Ты мій мужъ,—я це прывселюдно кажу. Не сховався ты?.. Та все ривно я скоро сама бъ тебе видшукала.

Юрко. Не хытрый я... зразу впизналы...

Ява 6-я.

Ти-жъ и Сылыхвонъ

Сылыхвонъ. Панъ прыйихалы!

Орыся. Прыйихавъ?.. Стій, Юрку, тутъ биля мене.

Ява 7-я.

Ти-жъ и Пидгайный.

Пидгайн. (*входыть*). А, впіймалы? Зачимъ прывелы ёго въ хоромы? Въ холодну ёго!... (*Люде кыдаются на Юрка*).

Орыся Стійте! (*Заступа Юрка*). Ёго тутъ мисце, биля мене.

Пидгайн. Що? Ты смієшъ такъ казаты? Ведить ёго въ холодну!

Орыся (*хапае кинжалъ*). Ни, не поведете! Тату, схамениться! Кого кажете весты? Мужа вашои дочкы, батька мого сына?—Не попущу!..

Пидгайн. Винъ мій пидданный? Винъ мій найлютищый ворогъ!.. Берить ёго!..

Орыся. А ни зъ мисця! Я, ваша прырожденна господыня, велю вамъ не чипать Юрка!

Пидгайн. Такъ ты ось якъ? Ты тутъ господыня, а не я?.. (*Пидбига до Юрка и хоче его вхопыты*).

Якивъ (*кыдается ему въ ногы*). Пане! Быйте мене, а Юрка помылуйте!.. Вбыйте мене!..

Пидгайн. (*видкыда ногою Якова*). Геть! (*Бье Юрка по щоци*). Рабъ гыдкый, мерзенный!..

Орыся. Ахъ! Карай мене Боже!... (*Заносыть кинжалъ надъ батькомъ и падие мертвою*).

Пидгайный. На батька?!..

Юрко. Що зъ нею? (*Прыпада*). Мертва!.. Померла!.. Вона померла!..

Пидгайн. Померла? Не може буть!.. (*Прыпада до Орыси*). Не дыше!.. Холоне!.. (*Схопывся*). Що жъ це?..

Нянька. Це кара Господева!.. Убылы жинку, убылы дочку, убыйте-жъ ще й онука!.. (*Кыдается до люлькы, бере дытыну и пидносыть до него*). А потимъ и насъ всихъ закатуйте!..

Пидгайн. Боже! гнивъ Твій праведный и кара Твоя занадто мала... (*Схопывся за голову*).

Ява 8-я.

Ти-жъ и бухветчыкъ.

Бухветчыкъ. Становый прыйихавъ, каже: по „неотложному дилу!"

Ява 9-я.

Ти-жъ и становый.

Становый. Прошу прощенія! Чиновникъ отъ министерства приглашаетъ васъ пожаловать завтра, въ 10-ть часовъ

утра, въ церковь для присутствованія при чтеніи Высочайшаго Манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

Пидгайный. Свершилось!.. Ахъ, чому вы не зъявылысь хвылыною ранишъ,—я може не бувъ-бы прычыною смерты моеи едынои дочкы!..

Становый. Неужели?...

Крестьяне (*впалы на виколюшкы*). Боже Мылосердный! Ты вглянувся надъ намы биднымы! (*Прыпадають лыцемъ до доливкы*).

Юрко. На вищо мени теперъ воля?.. (*Ламае рукы*). Орысю, Орысю!.. (*Хапае кинжалъ*) Не хочу, не можу я безъ тебе жыты!..

Пидґайн. (*одійма у него кинжалъ*). Ты мусышъ жыты за для твого сына и мого онука!..

Юрко (*прыпада до трупа*). Охъ, Орысю, Орысю!...

Зависа.

Л. М. Кропивницкій.

ПО ПОВОДУ ОДНОГО НАУЧНАГО ОТКРЫТІЯ.

Русская ученая критика прошла почти полнымъ молчаніемъ и оставила незамѣченнымъ весьма любопытное и оригинальное „ученое“ открытіе, сдѣланное еще года 2—3 тому назадъ, въ 1897 и 1898 гг. Между тѣмъ это открытіе столь важно, оно до такой степени подрываетъ все то, что до сихъ поръ сдѣлано было какъ европейскими, такъ и русскими историками-экономистами и историками-статистиками, до такой степени идетъ въ разрѣзъ и съ ихъ выводами, и съ усвоенными ими методами изслѣдованія, что оставить его безъ оцѣнки, особенно на страницахъ журнала, посвященнаго главнымъ образомъ исторіи, было-бы крупнымъ и существеннымъ пробѣломъ. Спѣшимъ, хотя и нѣсколько поздно, исправить допущенный критикой промахъ, и это тѣмъ болѣе, что открытіе касается мѣстности, близкой къ южной Россіи и основано на изслѣдованіи одного изъ такихъ документовъ, которые были нерѣдки и въ южной Руси и могли-бы послужить въ свою очередь для ряда, быть можетъ, такихъ-же новыхъ „научныхъ“ открытій...

Среди рукописей Московскаго архива Министерства Юстиціи было найдено описаніе одной небольшой области, расположенной между Припятью и Бугомъ (верховьями р. Нурца) и носившей названіе „*берестейскаго староства*“. И изданіе этого описанія вмѣстѣ съ другими документами Литовской метрики, и изученіе его были поручены администраціей архива приватъ-до-

центу Московскаго университета, г. Довнару-Запольскому, который не только выполнилъ порученіе, данное ему, но и сдѣлался авторомъ указаннаго крупнаго открытія. Онъ изучилъ, видимо тщательно, изданный имъ документъ и какъ въ предисловіи къ первому тому «документовъ Московскаго архива Министерства Юстиціи» (Москва 1897 г.), такъ затѣмъ въ болѣе полномъ видѣ на страницахъ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій" (1898 г., № 2) изложилъ это, сдѣланное имъ, „научное" открытіе.

И дѣйствительно, имъ найдена, въ бѣдной, лѣсистой и болотистой мѣстности сѣверо-западной Руси, область, гдѣ, какъ онъ самъ говоритъ и въ предисловіи, и въ статьѣ, плотность населенія въ XVI в. была почти такой-же, какъ и въ настоящее время, гдѣ на одну квадратную *версту* приходилось около 10 семей или, по его разсчетамъ, около 51 души, гдѣ развитіе экономическое достигло такой сильной степени, что городское населеніе составляло уже болѣе половины всего населенія (51,7%), а на долю сельскаго приходилось только 48,3% и гдѣ, наконецъ,—и это наиболѣе крупное открытіе,—процентъ лицъ, занятыхъ промыслами и ремеслами въ городахъ, равнялся почти 70% (sic) всего городскаго населенія [1]).

Очевидно, что въ лицѣ берестейскаго староства мы имѣемъ страну, которая въ XVI вѣкѣ, въ 1566 г., выработала такія отношенія въ своей средѣ, которыхъ напрасно мы искали бы не только въ XVI, но даже и въ XVIII в. въ большей части европейскихъ странъ. То, что говорятъ намъ изслѣдователи европейскихъ отношеній, что сообщаютъ намъ данныя экономическія и статистическія и Германіи, и Франціи, и даже Англіи до половины XVIII в., показываетъ, что цѣлая пропасть раздѣляла ихъ отъ области берестейской. Плотность населенія въ этихъ странахъ возростала, какъ извѣстно, очень медленно и слабо, и лишь въ XVIII в. начала замѣтно увеличиваться; городское населеніе лишь въ XVIII только вѣкѣ нѣсколько уси-

---

[1]) Предисловіе, стр. XV—XVI; статья въ *У. Изв.*, стр. 16, 18, 31 и *сл.*

лилось на счетъ сельскаго, но еще во Франціи во время революціи, по даннымъ, собраннымъ конституантой, колебалось (смотря по мѣстностямъ) между 12—22%, оставляя за сельскимъ населеніемъ преобладающую роль (въ видѣ 78—88%). Занятія промыслами и ремеслами поглощали сравнительно небольшое количество рукъ, и въ Англіи къ началу XVIII в., не говоря о XVI в., количество занятыхъ промыслами и ремеслами составляло едва 11,7% всего населенія и поднялось до 50% только во второй половинѣ XVIII в., въ эпоху сильнаго промышленнаго и торговаго развитія Англіи, созданія въ ней первыхъ проявленій капиталистическаго хозяйства.

Европейскіе изслѣдователи, а за ними и русскіе, отсюда заключили, что измѣненія въ отношеніяхъ какъ между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, такъ и между населеніемъ и лицами, занятыми исключительно ремесленно-промысловой дѣятельностью, всецѣло обусловливались измѣненіями въ экономическомъ развитіи и ростѣ каждой данной страны, прогрессомъ и улучшеніями въ производствѣ, развитіемъ и расширеніемъ торговыхъ сношеній, усиленіемъ спроса на произведенія промышленности, послѣдовательнымъ подъемомъ культуры страны, ея богатства и проч., и проч.; увѣрены они были, что гдѣ нѣтъ на лицо указанныхъ условій, гдѣ жизнь населенія складывается подъ вліяніемъ одного земледѣльческаго труда, гдѣ царитъ еще натуральное хозяйство, тамъ немыслимо преобладаніе городского населенія надъ сельскимъ, еще менѣе возможно значительное развитіе ремеслъ и промысловъ, поглощеніе ими значительнаго количества рукъ. Теперь, благодаря открытію, сдѣланному г. Довнаромъ-Запольскимъ, очевидно, оказываются несостоятельными всѣ такого рода соображенія и выводы европейской исторической науки. Съ помощью выводовъ изъ данныхъ берестейскаго староства, г. Д.-З. показываетъ всю фальшь и несостоятельность европейскихъ изслѣдователей.

Какъ видитъ читатель—„открытіе" безспорно крупное, подрывающее все сдѣланное раньше, требующее полнаго пересмотра всѣхъ прежнихъ выводовъ европейской исторической науки.

Въ виду этого настоятельно необходимо подробнѣе взглянуть на ученые аргументы и научныя основанія, приводимые г. Д.-З. въ подкрѣпленіе его важнаго открытія.

Начнемъ съ вывода автора о плотности населенія староства. Въ „описаніи“ даны лишь свѣдѣнія о количествѣ земли подъ усадьбами, огородами, сѣнокосами и пахатью каждаго города и каждаго изъ селъ, входившихъ въ составъ староства. Г. Д.-З. произвелъ подсчетъ всему количеству такого рода земель. Сдѣлать большаго онъ не могъ, и не могъ потому, что во 1-хъ,—какъ самъ онъ говоритъ, въ описаніи имѣются только одни господарскія земли, а данныхъ о частновладѣльческихъ земляхъ нѣтъ; во 2-хъ,—скажемъ мы отъ себя,—въ описаніи нѣтъ, за немногими исключеніями, означенія ни количества выгоновъ, болотъ и т. п., ни, въ особенности, пространства земли, занятаго лѣсами и т. д. [1]).

Въ виду отсутствія данныхъ о частныхъ владѣніяхъ, географическая карта, по словамъ г. Д.-З., не можетъ дать точной цифры квадратныхъ верстъ, и онъ думаетъ, что даже обращаться къ ней „нѣтъ особенной надобности“ (стр. 1 статьи): достаточно „цифръ фактически занимаемой каждымъ селеніемъ или городомъ земли“, такъ какъ, „принявъ въ разсчетъ эти данныя, мы получимъ ту площадь, которая была заселена и находилась въ пользованіи у населенія“ (ib.). Такимъ образомъ,

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ селахъ не означено пространство земель въ застѣнкахъ (документы 242, 244 и др.). То-же во многихъ деревняхъ можно сказать о лѣсахъ, пространство которыхъ не дано въ Берестьѣ (стр. 229), въ с. Прилукѣ (259), въ с. Старое и др. (стр. 263), въ с. Ляховци (стр. 302—303), въ с. Малая Рита (стр. 305), въ с. Медведка (стр. 313, относительно сѣнокосовъ), въ с. Радешъ (стр. 315—16), Збуражъ (стр. 323), въ Рутѣ Великой (325 стр.), въ войтовствѣ Прилуцкомъ (стр. 327, озера стр. 328), и т. д., и т. д. Размѣры пущъ также не даны. «Пуща двора киевецкаго, которое ачъ ест немало, нижли на тотъ часъ, яко для достатечнишое вѣдомости о широкости тоеи пущи зморгована, ани граница певная описана быти не можетъ» (стр. 335). Число такихъ примѣровъ можно привести изъ описанія не мало.

вслѣдъ за сознательнымъ исключеніемъ всего того, что касается частныхъ владѣній, г. Д.-З. такимъ-же—мы не знаемъ, сознательнымъ ли—способомъ обошелъ всѣ данныя о неизмѣренныхъ земляхъ господарскихъ въ видѣ пущъ, островов, озеръ, пустошей и т. д., и затѣмъ опредѣлилъ *территорію* староства, т. е. ту единицу, которая должна была послужить ему точкой опоры для вычисленія *плотности* населенія. Другими словами, г. Д.-З. создалъ *новый* статистическій пріемъ и рѣшилъ, что достаточно взять не всю, а часть территоріи [1]), чтобы опредѣлить плотность населенія, существовавшую въ 16 вѣкѣ въ изученной и проштудированной имъ описи берестейскаго староства. Ясно, что всѣ тѣ пріемы, которые для такой же цѣли употреблялись и употребляются статистиками, оказались негодными, и отсюда негодными оказались и оказываются ихъ выводы. Отсюда же, напр., нужно отнынѣ признать, что когда статистики увѣряютъ насъ, будто въ Архангельской губерніи приходится всего 14 душъ на одну квадратную *милю*, то это ошибка, такъ какъ необходимо лишь исчислять количество земли, занятой селами и городами, земли, находящейся въ пользованіи этихъ селъ и городовъ, и имъ руководиться при вычисленіи плотности населенія въ губерніи, такъ какъ только тогда получится „правильный“ и „научный“ выводъ, и мы поймемъ, что плотность населенія Архангельской губ. уравняется съ плотностью населенія Кіевской, напр., губерніи, какъ и староства берестейскаго и нынѣшнихъ с.-з. губерній.

Таковъ тотъ новый научный статистическій методъ, радикально противоположный общеупотребительному, при помощи котораго подготовлена почва для перваго изъ ученыхъ открытій г. Д.-З.

Другимъ элементомъ является населеніе области,—населеніе городское и сельское, исчисленное г. Д.-З. въ 5599 семей или въ 28000 душъ обоего пола. Исчисленіе это, въ еще большей

---

[1]) Г. Д.-З. прямо даже заявляетъ о томъ, что въ его исчисленіе территоріи не вошли господарскія земли (пущи и др.), а сосчитаны лишь земли, находивш. въ фактическомъ пользованіи членовъ семей (стр. 4 статьи).

мѣрѣ, чѣмъ исчисленіе территоріи, является у автора послѣдствіемъ совершенно новыхъ „научныхъ“ пріемовъ. Въ полную противоположность со всѣми современными историками-статистиками, пришедшими къ заключенію (вѣроятно, ошибочному съ точки зрѣнія г. Д.-З.), что для исчисленія количества душъ въ семьѣ даже цифра 4, какъ коэффиціентъ, является слишкомъ высокой, г. Д.-З. находитъ коэффиціентъ въ $5^1/_{10}$ душъ на семью [1]) совершенно правильнымъ и естественнымъ, и это до такой степени, что даже не считаетъ нужнымъ и необходимымъ выяснить, почему онъ принимаетъ такую, а не иную цифру. Этого мало. Рядомъ съ новымъ статистическимъ пріемомъ у автора идетъ и новый ариѳметическій пріемъ исчисленія населенія.

Система записей владѣльцевъ домовъ и дворовъ, принятая ревизорами, состояла въ томъ, что они обыкновенно отмѣчали одинъ дворъ за другимъ, какъ они слѣдовали другъ за другомъ, по мѣсту нахожденія (напр. въ городахъ по улицамъ). Отсюда, во первыхъ, записи одного и того же владѣльца могли повторяться два и большее количество разъ въ той или другой улицѣ или въ нѣсколькихъ улицахъ, во-вторыхъ, при записи только дворовъ отмѣчалась главная семья и дѣлались не всегда опредѣленныя сообщенія о другихъ семьяхъ и ихъ количествѣ въ каждомъ данномъ дворѣ. Отсюда, съ одной стороны, трудности исчисленія числа семей въ виду возможности ошибокъ при зачисленіи одной и той-же семьи два или большее число разъ въ счетъ общаго количества семей, а, съ другой, возможности дать лишь minimum числа семей.

Г. Д.-З. въ своей статьѣ, правда, отмѣчаетъ этотъ послѣдній фактъ и указываетъ, вполнѣ вѣрно, что въ селахъ на дворъ приходилось нерѣдко по 2—3 семьи и большее ихъ число. Онъ противополагаетъ затѣмъ села городамъ, гдѣ, по его вѣрному же замѣчанію, число односемейныхъ дворовъ преобладало въ сильной степени надъ многосемейными [2]),

---

[1]) Г. Д.-З. не говоритъ прямо о коэффиціентахъ въ 5,1 но изъ словъ его, что 5599 семей равно 28000 душъ обоего пола, коэффиціентъ этотъ вытекаетъ самъ собою.

[2]) См. статью въ Ун. Изв., стр. 9—10, 11.

но,—и это, вѣроятно, тоже новой статистическій пріемъ,—совершенно умалчиваетъ о томъ, были-ли у каждаго владѣльца только одинъ дворъ или огородъ, или онъ могъ владѣть и большимъ числомъ ихъ. Между тѣмъ, разсматривая описи городовъ берестейской области, мы постоянно почти сталкиваемся съ случаями владѣнія однимъ лицомъ то двумя, то тремя дворами, огородами и т. д. Иногда одно и то-же лицо отмѣчено, какъ владѣющее двумя, изрѣдка тремя дворами смежными [1]), въ большинствѣ случаевъ разбросанными въ разныхъ мѣстахъ. Такъ, напр., въ г. Берестьѣ нѣкто „Ильяшъ Скиба" владѣлъ дворомъ на рынкѣ, двумя дворами надъ гостинцемъ Теребунскимъ, 2 дворами въ улицѣ подлѣ церкви Михайловской; нѣкто Станиславъ Конвиссаръ—2 дворами на рынкѣ, дворомъ въ улицѣ Налазки, дворомъ—надъ гостинцемъ Теребунскимъ и т. д.

Въ м. Воинъ не трудно замѣтить, что по 6 дворовъ и огородовъ приходилось на 1 владѣльца, по 5—на 5 владѣльцевъ, по 4—на 7, по 3—16, по 2—44 [2]). Согласно тому историко-статистическому методу, который примѣняется къ вычисленію числа населенія въ томъ или иномъ европейскомъ городѣ или въ той или иной области, напр. Германіи въ XIV и др. стол., на основаніи подобныхъ нашему описанію или ревизіи документовъ, всѣ такіе случаи повторенія владѣній однихъ и тѣхъ-же лицъ тщательно исключаются изъ счета, по понятной причинѣ. Г. Довнаръ-Запольскій избралъ иного рода методъ, и вотъ какой. Онъ беретъ, напр., опись города Берестье, сосчитываетъ по описи подрядъ и всѣ дворы, и всѣ волоки и такимъ образомъ получаетъ число всѣхъ дворовъ въ 1135. Засимъ присчитываетъ къ нимъ то число семей, которыя являлись добавочными въ данномъ дворѣ, и даетъ цифру всѣхъ семей, равную по его исчисленію 1239. Методъ, какъ

---

[1]) Выраженіе, напр., часто повторяющееся въ описи: Иванъ Коваль владѣетъ $1^1/_2$ пруговъ усадьбы и вслѣдъ за тѣмъ: тотъ-же Иванъ опять $1^1/_2$ пр. усадьбы (см. Берестье, стр. 206, 209, 210, 211, 212 и т. д. и т. д.

[2]) Документы, стр. 370 и сл.

видимъ,—методъ простого подсчета, но оригинальнаго, такъ какъ дворовъ въ Берестьѣ (вмѣстѣ съ предмѣстьемъ) въ описи значится всего 862, огородовъ только безъ усадьбы—157, а сидѣвшихъ на волокахъ—85 семей, т. е. фактически насчитывалось въ городѣ меньше дворовъ, чѣмъ сколько исчислилъ г. Д.-З. Но и это количество еще очень значительно, такъ какъ изъ него необходимо исключить: 1) дворы и огороды, находившіеся во владѣніи однихъ и тѣхъ же лицъ, т. е. около 123 дворовъ и огородовъ [1]); 2) мѣста подъ церквами, костелами, площадью, типографіей и проч.,—всего 18 и 3) одинъ пустой дворъ. Такимъ образомъ вмѣсто 1019 владѣльцевъ дворовъ и огородовъ въ Берестьѣ получается всего 877 владѣльцевъ или семей; прибавляя добавочныя семьи [2]), мы получимъ всего 890 семей. Причислять сюда и 85 семей, сидѣвшихъ на волокахъ, тоже трудно, если слѣдовать старому статистическому методу, такъ какъ среди владѣльцевъ волокъ не мало такихъ, которые отмѣчены уже раньше въ числѣ владѣльцевъ дворовъ [3]), и едва 57 остается такихъ, которыя можно принять за отдѣльныя семьи. Такимъ образомъ, число всѣхъ семей въ Берестьѣ составляетъ 1239, по методу г. Д.-З., и всего около 947 семей, по методу обыкновенному, статистическому, или принимая по 5,1 даже на семью, (цифру г. Д.-З.)—не 6500 душъ, какъ онъ увѣряетъ въ предисловіи къ документамъ (стр. XVI), а всего около 4900 д. (de facto гораздо менѣе).

Совершенно по тому же методу произведено г. Д.-З. вычисленіе семей и въ другихъ городскихъ поселеніяхъ староства: вездѣ оно значительно увеличено противъ того ихъ дѣйствительнаго числа, какое могутъ получить обыкновенные смертные, знакомые съ пріемами исчисленія по даннымъ описей семей...

---

[1]) Такъ какъ они находились во владѣніи однихъ и тѣхъ же лицъ: Яско Олифировича, Михно Калиховича, Серафѣна Новосельскаго, Станислава оптикаря, Станислава Андреевскаго, Станислава Корѣиссара, Ильяша Скибы и т. д. Док., стр. 204 и сл.

[2]) 9 въ самомъ городѣ и 4 въ предм. за Мухавцемъ.

[3]) Около 28 семей.

По специфическому методу, составленному г. Д.-З., въ м. Ломазы насчитано городскихъ семей 706, къ которымъ присоединены 196 семей на волокахъ, а всего 902 семьи (статья, 17 стр.); въ Воинѣ—495 городскихъ и 251 на волокахъ, а всего 746; въ Милейчицахъ—684 городскихъ и 234 на волокахъ, всего 918 семей; въ Дивинѣ—350 городскихъ и 134 на волокахъ и т. д. По старому, общепринятому методу, между тѣмъ, получаются цифры совершенно иного рода. Въ м. Дивинѣ, путемъ исчисленія повторяющихся однихъ и тѣхъ же владѣльцевъ, сумма собственно городскихъ семей всего 210, громадное количество сидитъ въ то-же время и на волокахъ. Въ числѣ владѣльцевъ волокъ, которые не имѣли-бы въ городѣ двора, мы едва насчитываемъ 18. Въ м. Ломазы—городскихъ семей всего 435, а почти всѣ сидящіе на волокахъ—суть владѣльцы и дворовъ, т. е. значатся въ числѣ 435 городскихъ семей. То-же и въ Воинѣ, гдѣ всего имѣлось 254 гор. семьи и гдѣ большинство владѣльцевъ полуволокъ были и владѣльцами дворовъ и т. д. Отсюда общая сумма городскихъ семей, исчисленная по методу г. Д.-З. въ 3786, падаетъ, при примѣненіи статистическаго метода, почти до 2400 семей.

Если-бы теперь мы приняли цифру, данную г. Д.-З. относительно количества сельскихъ семей [1]), и для селъ исчислили-бы общую сумму семей въ 4314, то оказались-бы на далекомъ разстояніи отъ блестящаго открытія о преобладаніи городского населенія надъ сельскимъ въ берестейскомъ староствѣ, такъ какъ вмѣсто 51,7% —для городского населенія получили-бы всего 35,7%. Что и эта послѣдняя цифра весьма сомнительна,—не

[1]) Семьи въ селахъ исчислены г. Д.-З. съ гораздо большей точностью, чѣмъ городскія. Ошибки въ счетѣ ничтожны. Такъ, по Кобылянскому войтовству ошибка всего въ 2 семьи, опущенныя при счетѣ; въ Сичавскомъ—3 (тоже опущенныхъ) и т. д. Здѣсь г. Д.-З. считалъ владѣльцевъ 2 дворовъ за единицу и откинулъ перечень семей въ нѣсколькихъ селахъ волости полѣсской (док., стр. 323—327), какъ повторяющихся въ соотв. селахъ въ описаніи. Но впрочемъ не всѣ семьи повторяются,—около 30 семей не значатся въ описи тѣхъ же селъ.

чего и говорить. Вѣдь у насъ вовсе не имѣется данныхъ о населенности селъ владѣльческихъ, о количествѣ семей, сидѣвшихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ! Впрочемъ, цифру въ 51,7% для городовъ можно получить и при данныхъ, опредѣленныхъ путемъ обыкновеннаго ариѳметическаго метода. Для этого стоитъ только помножить сумму городскихъ семей на 100 и раздѣлить на сумму не *всѣхъ* семей староства, а лишь *ѳднихъ сельскихъ*. Быть можетъ и это возможно съ помощью какого-нибудь новооткрытаго метода?

Считаемъ излишнимъ останавливаться подробно на томъ открытіи, какое сдѣлано г. Д.-З. въ 1897 г. въ предисловіи къ изданію документовъ Литовской метрики относительно ремесленниковъ. Мы видѣли, что число этихъ послѣднихъ исчислено въ количествѣ 70% всего городского населенія. Если теперь взять цифру количества городскихъ семей, какъ оно исчислено г. Д.-З., т. е. 4871, то окажется, что въ 6 городахъ староства насчитывалось до 3410 семей,—другими словами, 1 семья ремесленниковъ работала на $1^{2}/_{5}$ семьи городской или 2 семьи ремесленниковъ почти на 3 семьи городскихъ. Очевидно, что жители тогдашнихъ городовъ староства были очень зажиточными людьми, если могли давать средства существованія почти цѣлой ремесленной семьѣ! А, можетъ быть, для издѣлій ремесленниковъ существовалъ и рынокъ, и они вывозили свои продукты и за предѣлы староства, въ другія страны? Вѣдь, при 51,7% городского населенія это вещь мыслимая. Къ сожалѣнію, о торговлѣ г. Д.-З. ничего нигдѣ не говоритъ. Но (опять къ сожалѣнію) въ описи отмѣчено весьма небольшое количество ремесленниковъ. Не всѣ семьи отмѣчены, какъ занятыя ремесломъ (шевскимъ, кушнерскимъ, малярнымъ, шапочнымъ, сапожнымъ и т. д.). Не болѣе въ общей сложности 10% ремесленниковъ мы насчитываемъ для дѣйствительнаго городского населенія того времени. Если г. Д.-З. исчислилъ ремесленниковъ въ 70%, то, очевидно, у него были какія то основанія для этого, о которыхъ онъ, къ сожалѣнію, ничего намъ не говоритъ. Но, разъ мы обращаемся къ точному перечню городскихъ населеній, разъ принимаемъ

даже 15,4% для земледѣльческаго населенія въ городахъ, какъ опредѣлилъ то г. Д.-З., и его же 9,8% для служекъ, конюховъ, бояръ [1]); разъ отчисляемъ 10%, какъ завѣдомыхъ ремесленниковъ, то, спрашивается, изъ кого же состояли остальные 60% яко бы ремесленниковъ. Цифры такого рода мы не могли получить иначе, какъ включивши въ число ремесленныхъ семей не только семьи, но и госпитали, церкви, костелы, пляцы замковые и т. д., и т. д.

Къ счастью, г. Д.-З. избавилъ насъ отъ затрудненій, созданныхъ въ его предисловіи. Предисловіе это было написано имъ, какъ резюме его изслѣдованія о берестейскомъ староствѣ. По крайней мѣрѣ, мы можемъ вывести это изъ одной фразы, находящейся въ его предисловіи [2]). Въ своемъ изслѣдованіи, помѣщенномъ въ Ун. Изв., г. Д.-З. уже, къ удивленію, ни однимъ словомъ не вспоминаетъ о выведенныхъ имъ 70% ремесленнаго населенія, а, напротивъ, повидимому, уже склоняется къ предположенію, что количество ремесленниковъ было относительно не велико. Какой изъ двухъ противоположныхъ выводовъ г. Д.-З. признаетъ самымъ правильнымъ—мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. И это тѣмъ болѣе, что по даннымъ г. Д.-З. въ его статьѣ, въ гор. Берестьѣ уже насчитывается имъ всего около 13,8%, въ Ломазы—4,2%, въ Милейчицахъ—6,4%, въ Воинѣ—6,7%, въ Дивинѣ—1,2%, въ Пещаткѣ—около 2,6%. А эти процентныя отношенія, вѣдь, не даютъ же 70%? Но и цифры ремесленниковъ исчислены г. Д.-З. не точно, такъ какъ и здѣсь онъ посчиталъ иногда 2 и 3 раза одну и ту-же ремесленную семью, напр., доктора Мордухая, Греся теслю и др. въ Берестьѣ и т. д. Въ Берестьѣ насчитывалось не 172, а всего около 136 рем. (считая въ томъ числѣ, по г. Д.-З., и докторовъ

---

1) Документы, стр. XVI.

2) Ів., стр. VI, прим. 2. «Опытъ *научной* разработки документовъ предлагается въ очеркѣ быта берестейскаго староства въ XVI в., *печатаемомъ въ настоящее время* въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ».

(sic), и органистовъ, и рыболововъ); въ Дивинѣ—не 6, а всего три коваля [1]), въ Ломазахъ не 38, а всего 23 и. т. д.

Таковы тѣ выводы, тѣ открытія, которые представлены г. Д.-З. и въ его ученомъ предисловіи, и въ его научномъ изслѣдованіи,—выводы и открытія, разрушающіе всѣ тѣ заключенія, къ какимъ пришла европейская наука. И эти выводы добыты имъ при помощи своеобразныхъ методовъ, являющихся не менѣе разрушительными и для существующихъ и выработанныхъ методовъ во всемъ, что касается исчисленія населенія, его плотности, отношеній городского населенія къ сельскому и т. д.

Мы не беремъ на себя смѣлости рѣшать вопросъ о томъ, на чьей сторонѣ въ данномъ случаѣ истина. Предоставляемъ самому читателю сдѣлать выводъ о томъ, какіе методы и какіе выводы научны,—выводы-ли и методъ г. Д.-З., или работниковъ въ европейской и русской литературѣ.

И. Лучицкій.

[1]) Изъ того, что коваль живетъ съ сыновьями, еще не слѣдуетъ, чтобъ оба сына его были тоже кузнецами, какъ, видимо, думаетъ г. Д.-З. въ своей статьѣ.

Къ Археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Въ настоящее время отпечатаны и разосланы протоколы засѣданій Предварительнаго Комитета по устройству съѣзда, имѣвшихъ мѣсто въ Москвѣ, въ январѣ наст. года. Объ этихъ засѣданіяхъ мы своевременно уже сообщали [1]), а потому въ данномъ случаѣ сдѣлаемъ лишь небольшія дополненія и приведемъ названія вопросовъ и запросовъ, заявленныхъ въ комитетѣ и помѣщенныхъ вмѣстѣ съ протоколами. При этомъ оговариваемся, что въ нашемъ спискѣ вопросовъ и запросовъ будутъ помѣщены только имѣющіе общій характеръ или относящіеся къ южно-русской старинѣ.

Главная роль по подготовкѣ съѣзда на мѣстѣ, въ Харьковѣ, несомнѣнно будетъ принадлежать проф. Д. И. Багалѣю. Съ основными его положеніями о подготовительныхъ работахъ, археологическихъ экскурсіяхъ, устройствѣ выставокъ и т. п. читатели знакомы. Укажемъ здѣсь еще на пожеланіе проф. Багалѣя о снаряженіи экспедиціи съ цѣлью обслѣдованія археографическихъ памятниковъ въ губ. Харьковской и Полтавской, по примѣру такой-же экспедиціи г. Плохинскаго въ Черниговскую губ., совершенной по порученію Археографической комиссіи Московскаго Археологич. Общества, на желательность продолжить изслѣдованіе городища у д. Лихачевки, Богодуховскаго уѣзда, начатое И. И. Зарѣцкимъ, и стоянки каменнаго вѣка у

---

[1]) См. «Археологич. Лѣтопись», февраль наст. года.

Рай-Городка, а также выяснить и обслѣдовать Бѣлгородскую черту и Украинскую линію.

Сообщеніе проф. Багалѣя, затрогивая цѣлую массу вопросовъ, уже на засѣданіяхъ предварительнаго комитета вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній, намѣчавшихъ пути къ осуществленію указанныхъ цѣлей съѣзда или служившихъ дополненіями къ поставленнымъ дезидератамъ.

По очень важному вопросу о составленіи археологическихъ картъ, изъявили готовность составить таковыя: по Харьковской губ.—проф. Багалѣй, по Черниговской и Полтавской—проф. Самоквасовъ, по Воронежской—Л. М. Савеловъ, по Курской—В. К. Трутовскій и по Кубанской области—В. М. Сысоевъ, въ случаѣ отказа Г. Д. Фелицина, къ которому предположено обратиться. По вопросу о выясненіи пограничныхъ линій, среди другихъ заявленій, укажемъ на высказанное проф. Миклашевскимъ о столбцахъ и книгахъ Бѣлгородскаго стола въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи съ планами и чертежами,—ихъ очень желательно было-бы видѣть на выставкѣ съѣзда. Проф. Самоквасовъ указалъ на важность обслѣдованія 14 Донецкихъ городищъ, описанныхъ у Пассека; былъ поднятъ затѣмъ вопросъ объ осуществленіи полной инвентаризаціи каменныхъ бабъ, причемъ проф. Кочубинскій предложилъ обратиться за собираніемъ свѣдѣній къ народнымъ учителямъ, а проф. Анучинымъ и проф. фонъ-Штерномъ были указаны уже имѣющіеся цѣлые альбомы снимковъ съ каменныхъ бабъ.

Въ засѣданіи комитета было также доложено письмо проф. Н. П. Дашкевича, съ предложеніемъ, не найдетъ-ли удобнымъ Харьковскій комитетъ разослать въ раіоны, которые будутъ признаны подходящими, приглашенія къ собиранію остатковъ стараго козацкаго эпоса (думы), какіе могли уцѣлѣть до настоящаго времени, и свѣдѣній о послѣднихъ кобзаряхъ; а равно старинныхъ историческихъ легендъ и преданій (мѣстныхъ).

Существеннаго вопроса общей организаціи археологическихъ съѣздовъ касается письмо проф. Н. П. Кондакова, съ предложеніемъ установить для Харьковскаго съѣзда опредѣлен-

ную программу его занятій, въ формѣ общей задачи, и ограничить предѣлами ея содержаніе имѣющихъ быть заявленными вопросовъ, запросовъ и рефератовъ на съѣздѣ. Предложеніе это служитъ какъ-бы отвѣтомъ на высказываемыя нареканія по поводу отсутствія на съѣздахъ ясно поставленныхъ задачъ, или же, если такія задачи и ставятся, то на отступленія отъ нихъ, имѣвшія послѣдствіемъ сведеніе къ минимуму научныхъ результатовъ съѣздовъ. Такое положеніе зависѣло главнымъ образомъ отъ недостаточности критической оцѣнки рефератовъ, предлагаемыхъ для доклада. Вотъ что, напр., говоритъ по этому поводу одинъ изъ обозрѣвателей послѣдняго кіевскаго съѣзда [1]: „За рѣдкими исключеніями, рефераты были полною неожиданностью для бюро и членовъ съѣзда, являлись не отвѣтами на заранѣе поставленные вопросы, а случайными и очень спеціальными работами, которыя извлекались передъ самымъ отправленіемъ изъ старыхъ бумагъ или набрасывались во время съѣзда. Ихъ обычная черта—небрежность обработки, скудость содержанія, ненаучность пріемовъ. Во всей ихъ совокупности немыслимо уловить какую-нибудь идею, послѣдовательность и планъ". Вторая часть предложенія проф. Кондакова и имѣетъ въ виду исключить изъ съѣздовъ эту случайность преподносимыхъ публикѣ рефератовъ. На практикѣ, конечно, провести идею цѣльности съѣзда довольно трудно, но многое можно сдѣлать; повидимому, и самъ комитетъ по устройству Харьковскаго съѣзда „принялъ къ свѣдѣнію" заявленіе проф. Кондакова, такъ какъ въ правилахъ будущаго съѣзда находимъ существенное измѣненіе параграфа о рефератахъ, которые теперь будутъ докладываться лишь послѣ предварительнаго одобренія ихъ Ученымъ Комитетомъ съѣзда.

Вопросовъ и запросовъ, уже теперь заявленныхъ,—очень много; если-бы и третья часть ихъ такъ или иначе была рѣшена, съѣздъ исполнилъ-бы свое назначеніе. Но какъ будетъ въ

1) W.—«Нѣсколько словъ по поводу XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ». Русская Мысль, 1899 г., декабрь.

дѣйствительности—трудно предсказать: бывшіе примѣры не очень баловали насъ въ этомъ отношеніи.

Вопросы и запросы разбиты на группы по тѣмъ отдѣламъ, къ какимъ относятся по содержанію; этой системѣ послѣдуемъ и мы, упомянувъ, что изъ общихъ вопросовъ поставленъ только одинъ—*А. С. Раевскаго*—проектъ сѣти археологическихъ учебныхъ заведеній и ихъ нармальнаго учебнаго плана. Заявленъ также и одинъ запросъ общаго характера—*Н. И. Златоверховникова*—Какимъ способомъ можно было-бы осуществить изданіе карты кургановъ по губерніямъ, и не объявить-ли кургановъ заповѣдной собственностью? Общіе вопросы—больное мѣсто нашихъ съѣздовъ; каждый изъ послѣдующихъ съѣздовъ даетъ ихъ все меньше и меньше, хотя съ развитіемъ изслѣдованій, съ накопленіемъ матеріала должно было-бы быть наоборотъ. Фактъ этотъ представляется намъ необъяснимымъ. Неужели „гробокопательство" въ тѣсномъ смыслѣ, безцѣльное коллекціонерство отодвигаютъ на задній планъ существенные запросы науки въ формѣ научныхъ обобщеній? Плохо, если изъ за деревьевъ лѣса не видно...

Но обратимся къ вопросамъ и запросамъ [1]). Начнемъ съ *первобытныхъ древностей*.

В. Б. Антоновичъ. Вопросъ: Характеръ предметовъ бронзоваго вѣка, находимыхъ въ бассейнѣ Дона и въ лѣвой половинѣ бассейна Днѣпра, и отношеніе ихъ къ бронзовой культурѣ Кавказа. Запросы: 1. Стоянки и мастерскія каменнаго вѣка въ бассейнѣ Дона и въ лѣвой половинѣ бассейна Днѣпра и ихъ характеристика. 2. Что заключаютъ курганы съ каменными бабами, находящіеся въ придонскихъ степяхъ? 3. Типы и топографическое распредѣленіе городищъ въ бассейнѣ Дона. *Д. И. Багалѣй*. Запросы: Топографія городищъ Донецкаго бассейна по Книгѣ Большого Чертежа и современнымъ развѣдкамъ. *Н. Е. Брандербургъ*. Вопросъ: Слѣды Печенѣговъ на Днѣстрѣ.

---

[1]) *Вопросы*—темы, на которыя поставившія ихъ лица обѣщаютъ дать на съѣздѣ отвѣты въ формѣ рефератовъ; *запросы*—темы, на которыя желательно получить разъясненія.

Н. И. Веселовскій. Запросы: 1. Каменныя бабы ближайшаго къ Харькову раіона или одной Харьковской губ. и ихъ описаніе. 2. Майданы; ихъ обслѣдованіе, раскопки и описаніе. *В. А. Городцовъ.* Запросъ: Отношеніе днѣпровской культуры Трипольскаго типа къ дюнной неолитической культурѣ Европейской Россіи. *Е. Н. Мельникъ.* Вопросы: Мегалитическіе памятники въ Новороссійскомъ краѣ. Запросы: 1. Типы славянскихъ кургановъ въ бассейнѣ лѣвыхъ притоковъ Днѣпра: Сулы, Псла, Воркслы и Орели. 2. Находятся-ли курганы славянскаго типа на территоріи бывшаго Тмутараканскаго княжества? 3. Возможно-ли установить погребальные типы кочевниковъ въ курганахъ южныхъ степей отъ Днѣпра до Дона. 4. Типы кургановъ каменнаго вѣка въ томъ-же раіонѣ. 5. Опредѣлить характеръ предметовъ каменнаго вѣка на этой-же территоріи. *Ѳ. Г. Мищенко.* Вопросъ: Скиѳскіе курганы и извѣстія древнихъ о скиѳахъ. *Д. Я. Самоквасовъ.* Вопросъ: Нельзя-ли по археологическимъ и историческимъ даннымъ признать кладбищемъ скиѳскихъ царей эпохи Геродота и послѣдующихъ столѣтій непрерывный курганный могильникъ, расположенный на протяженіи 50 вер. между с. Константиновкою и г. Глинскомъ, Роменскаго у. Полтавской губ. *А. А. Титовъ.* Запросъ: Курганы близь р. Ворсклы, Полтавскаго у., не имѣютъ-ли сходства, по содержимому въ нихъ, съ курганами близь рѣки Ворсклы, Ростовскаго у., Ярославской губ., разрытыми гр. А. С. Уваровымъ и П. С. Совельевымъ въ 50-хъ годахъ?

Довольно много намѣчено интересныхъ вопросовъ, а еще больше запросовъ, по отдѣлу *древностей историко-географическихъ и этнографическихъ. В. Б. Антоновичъ* поставилъ запросъ: Мѣстоположеніе лѣтописныхъ городовъ въ Донскомъ бассейнѣ: Шарукань, Сугровъ, Балинъ, Донецъ. *Д. И. Багалѣй.* Вопросы: Старинныя карты южной Россіи изъ Флоренціи. Запросы: 1. Составить коллекцію старинныхъ видовъ и плановъ г. Харькова. 2. Описать остатки въ Харьковской и Полтавской губ. нѣкогда знаменитой „Украинской линіи". *Н. Е. Бранденбургъ.* Запросъ: Не могутъ-ли быть достовѣрно указаны мѣста битвъ на Калкѣ

и Каялѣ? *А. И. Бунинъ* предложилъ цѣлый рядъ запросовъ по исторической топографіи княжескаго періода; за недостаткомъ мѣста, приводимъ лишь нѣкоторые изъ нихъ: 1. Къ какому времени можетъ быть отнесено существованіе и затѣмъ запустѣніе городовъ, отъ которыхъ остались цѣлые ряды городищъ по рр. Сѣверному Донцу, Пслу и Деснѣ? 2. Гдѣ находился валъ Половецкій, упоминаемый въ лѣтописяхъ подъ 1223 г.? *В. В. Ивановъ.* Запросъ: О картахъ Слободской Украины и Харьковскаго Намѣстничества. *И. М. Каманинъ.* Запросъ: О происхожденіи русскаго козачества вообще и запорожскаго въ частности. *В. Ѳ. Миллеръ.* Вопросъ: Къ вопросу объ Аллахахъ. *Ѳ. Г. Мищенко.* Вопросъ: Пріемы этнографіи у древнегреческихъ историковъ. *С. Ѳ. Платоновъ.* Запросъ: Нельзя-ли составить подробную карту путей XVI—XVII вв. между Окой, лѣвыми притоками Днѣпра, Дономъ и Сѣвернымъ Донцомъ? *А. И. Соболевскій.* Запросы: 1. Кто были *севрюки*, упоминаемые въ актахъ XVII и начала XVIII вв., имѣющихъ въ виду Черниговскую область? 2. Почему въ Москвѣ XVI—XVII вв. называли жителей южной Россіи *черкассами*? Нѣтъ ли связи между этими названіями и тожественнымъ съ нимъ названіемъ сѣверныхъ кавказскихъ горцевъ? *В. М. Сысоевъ.* Вопросы: 1. Каменныя бабы, найденныя въ предѣлахъ Кубанской области. 2. Сводъ историческихъ данныхъ о Тьмутараканскомъ княжествѣ. 3. Обзоръ распространенія кургановъ въ Кубанской области. Запросъ: Географическое распространеніе и значеніе каменныхъ бабъ. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Вопросы: 1. О нѣкоторыхъ памятникахъ старины Ахтырскаго у. Харьковской губ. 2. Мѣстныя названія Харьковской губ., какъ матеріалъ для изученія старины. 3. Архаическія черты въ орнаментѣ писанокъ. *М. Г. Халанскій.* Вопросъ: О древне-русскихъ переводахъ географическихъ терминовъ и названій.

Мы покончили съ отдѣлами, самыми изобильными по числу; остальные, за нѣкоторыми исключеніями, даютъ гораздо меньше матеріала для того или другого рода изысканій; въ связи съ этимъ и вопросовъ выдвигается меньше.

Вообще на съѣздахъ *отдѣлъ памятниковъ искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики* бываетъ слабо представленъ. Если по отношенію къ двумъ послѣднимъ его подотдѣламъ обстоятельство это и не заслуживаетъ особой печали, то слѣдуетъ очень пожалѣть, что исторія нашего искусства привлекаетъ къ себѣ такъ мало вниманія. Особенно это относится къ памятникамъ южно-русскаго искусства, область эта—непочатый еще уголъ. Изъ заявленныхъ къ Харьковскому съѣзду, мы можемъ указать на вопросъ *М. П. Истомина*—Къ исторіи стѣнописи въ Кіево-Печерской Лаврѣ; запросъ *Д. И. Багалѣя*—Нѣтъ-ли въ Академіи Художествъ, среди ея метрикъ со свѣдѣніями о храмахъ и о др. древнихъ зданіяхъ, матеріаловъ, относящихся къ Харьковской и сосѣднимъ епархіямъ? *Е. К. Рѣдинъ* предложилъ вопросы: 1. Памятники искусствъ и древности церквей въ Харьковской губ. 2. Матеріалы къ исторіи древне-русскаго искусства. О нѣкоторыхъ древнихъ лицевыхъ рукописяхъ. 3. Русскія лицевыя рукописи Козьмы Индикоплова въ связи съ византійскими. *В. В. Сусловъ*, кромѣ нѣскольких запросовъ, поставилъ два вопроса: 1. Двевне-русское военное и гражданское зодчество и 2. Старинное рѣзное дѣло на Руси.

Отдѣлъ, озаглавленный *бытъ домашній, хозяйственный, общественный, юридическій и военный*, затрогивая вопросы чисто историческіе, довольно богатъ по количеству и разнообразію темъ. *Д. И. Багалѣй* заявилъ вопросы: 1. Цехи и братства въ лѣвобережной и Слободской Украинѣ; 2. Исторія города Харькова: планъ и источники труда; важнѣйшіе моменты его исторической жизни. Запросы Д. И. Багалѣя имѣютъ характеръ обращеній съ просьбой о доставленіи предметовъ на выставку и различныхъ указаній, напр.: не можетъ-ли кто указать, гдѣ хранятся считающіеся теперь утерянными экстрактъ о Слободскихъ полкахъ, фамильныя записи Квитокъ, Тевяшовыхъ, Лесевицкихъ и вообще мемуары, касающіеся Харьковскаго края; нѣтъ-ли портретовъ харьковскихъ дѣятелей въ нашихъ столичныхъ хранилищахъ и т. п. *В. В. Ивановъ*. Вопро-

св: 1. Беземельные Слободской Украины. 2. Новѣйшіе матеріалы по этнографіи и обычному праву Харьковской г. *Е. И. Ивановъ.* Вопросы: 1. Внутреннее состояніе Слободской Украйны наканунѣ преобразованія въ губернію. 2. Черты изъ исторіи землевладѣнія въ Слободской Украинѣ. *Н. А. Максимейко.* Вопросы: 1. Исторія землевладѣнія въ Слободской Украйнѣ. 2. Исторія землевладѣнія у донскихъ козаковъ. *Д. П Миллеръ.* Вопросы: 1. Цехи въ старой Гетманщинѣ. 2. Повинности мѣщанъ въ Малороссіи XVIII ст. 3. Сельскіе ремесленники въ старой Малороссіи. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Вопросы: 1. О выдѣленіи въ заговорахъ древнѣйшихъ бытовыхъ мотивовъ. 2. О литературныхъ нравахъ южно-русскихъ ученыхъ XVII ст. Въ ряду другихъ вопросовъ и запросовъ *В. Н. Сторожева,* отмѣтимъ вопросъ общаго характера—Что сдѣлано губернскими учеными архивными комиссіями для сохраненія и разработки источниковъ по исторіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XVIII и XIX вв., и такого-же характера запросъ: Основные моменты экономической исторіи Россіи до реформы 19 февраля 1861 года.

По отдѣлу *древностей церковныхъ* укажемъ на вопросы: *А. С. Лебедева*—Свѣдѣнія объ архіереяхъ Бѣлгородской епархіи, и *В. М. Сысоева*—Остатки запорожской церковной старины въ предѣлахъ Кубанской области. Запросы по этому отдѣлу: *Д. И. Багалѣя*—Нѣтъ-ли въ библіотекѣ Св. Синода описаній церковныхъ древностей, относящихся къ епархіямъ: Харьковской, Курской, Воронежской, Полтавской и др. (присылка этихъ описей была вызвана запискою московск. митроп. Филарета въ 1853 г.)? *В. Т. Георгіевскаго*—Памятники древне-русскаго литургическаго шитья золотомъ, шелками и пр., *С. Ѳ. Платонова*—Церковныя древности въ Екатеринославской губ. Проявляется-ли въ нихъ западное вліяніе и въ чемъ именно? *Н. В. Покровскаго*—Бытовыя особенности христіанской иконографіи въ Малороссіи.

По отдѣлу *памятниковъ языка и письма. Д. И. Багалѣй.* Вопросъ: О неизданныхъ сочиненіяхъ Сковороды. Запросъ: Сохранились-ли богослужебныя книги западно-русской печати, нѣкогда взятыя изъ Харьковской епархіи? *А. А. Кочубинскій.*

Вопросъ: Роль малорусскаго языка въ старѣйшей письменности Румынъ. Запросъ: Тувемность малорусскаго языка. *И. М. Каманинъ.* Запросъ: Особенности письма Слободской Украйны. Далѣе идутъ вопросы: *А. В. Лонгинова:* Значеніе Траяна въ русской исторіи, русскомъ правѣ и русской поэзіи, *В. Ѳ. Миллера:* Пересмотръ вопросовъ, вызываемыхъ личностью Иліи Муромца и былинами о немъ, *М. Г. Халанскаго:* 1. О происхожденіи имени и прозвища Иліи Муромца и 2. Сказаніе о Маркѣ Проклятомъ въ малорусской народной поэзіи.

По отдѣлу *древностей классическихъ, восточныхъ, византійскихъ и западно-европейскихъ.* Вопросы: *Д. В. Айналова*—Гдѣ и какъ была принимаема св. кн. Ольга въ Царьградѣ, *В. М. Сысоева*—Обзоръ древне-греческихъ колоній на восточномъ берегу Азовскаго и Чернаго морей, и его-же запросъ—Исторія Босфорскаго царства. *Г. М. Халанскаго*—О Руссахъ и русскомъ князѣ Иліасѣ въ германскомъ эпосѣ. *Э. Р. фонъ-Штерна*—Точное опредѣленіе раіона культурнаго вліянія греко-римскаго міра на народы юга Россіи по совокупности археологическихъ и историческихъ данныхъ.

Отдѣлъ *археографическій,* бывшій на Кіевскомъ съѣздѣ однимъ изъ болѣе содержательныхъ, обѣщаетъ быть такимъ-же и на Харьковскомъ; среди вопросовъ и запросовъ, мы находимъ такіе, которые служатъ какъ бы продолженіемъ поднятыхъ на послѣднемъ съѣздѣ. *Д. И. Багалѣй.* Запросы: Какіе матеріалы по исторіи Слободскихъ полковъ Харьковскаго края, въ болѣе позднее время, сохранились въ архивахъ Минист. Иностр. Дѣлъ, Главнаго Штаба въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и др. хранилищахъ? 2. Нѣтъ-ли документовъ, касающихся Харькова и его края, въ провинціальныхъ хранилищахъ и у частныхъ лицъ? *М. Н. Быловъ.* Вопросъ: Главнѣйшіе архивы Воронежскихъ губернскихъ учрежденій. *С. Е. Звѣревъ.* Вопросъ: Монастырскіе архивы Воронежской губ. *В. Т. Георгіевскій.* Запросъ: о мѣрахъ къ охраненію старинныхъ архивовъ отъ уничтоженія. *И. М. Каманинъ.* Вопросы: 1. Возможна-ли, при централизаціи управленія архивами, централизація, общая въ государствѣ, исто-

рическаго материала? 2. Что должны заключать въ себѣ областные архивы и общій государственный? 3. Нужны-ли особые губернскіе центральные архивы для болѣе новыхъ дѣлъ? *А. С. Раевскій.* Вопросъ: Обзоръ попытокъ упорядочить архивъ Новороссійскаго генералъ-губернаторства. *В. Н. Сторожевъ.* Запросы: 1. О порядкѣ храненія и уничтоженія документовъ по исторіи Россіи XIX в. 2. Должны-ли быть абсолютно публичными архивы русскихъ органовъ самоуправленія XIX в.

Изъ вышеприведенныхъ вопросовъ, заявленныхъ къ Харьковскому съѣзду, можно судить объ обширности территоріи, охватываемой послѣднимъ, такъ какъ сюда входятъ: Лѣвобережная Украина, Слободская Украина, часть Новороссіи и области Донская и Кубанская. Въ научномъ отношеніи территорія эта представляетъ громадный интересъ: она была ареной, гдѣ сталкивались восточное и западное культурныя теченія,—очень важно уяснить границы этихъ теченій, ихъ взаимоотношенія, вліяніе одного на другое; въ связи съ этими выясненіями находится и рѣшеніе другихъ вопросовъ археологіи, по отношенію къ другимъ областямъ. Предшествующіе археологическіе съѣзды: Кіевскіе, Одесскій и Тифлисскій, значительно подвинули изученіе древностей нашего юга,—Харьковскій съѣздъ долженъ заполнить собой пробѣлъ, и пробѣлъ значительный, чтобы, наконецъ, весь югъ вошелъ въ сферу научнаго вліянія съѣздовъ. Въ виду обширности области, и въ виду сравнительно небольшого числа мѣстныхъ изслѣдованій, вліяніе это, главнымъ образомъ, въ видѣ возбужденія интереса, дастъ, путемъ подготовительныхъ къ съѣзду изслѣдованій, извѣстную долю матеріала и подвинетъ дѣло суммированія и научной обработки уже имѣющихся данныхъ. Но, въ виду именно вышеуказанныхъ причинъ, большаго отъ съѣзда, по отношенію къ мѣстнымъ памятникамъ старины, нельзя и требовать.

Б.

Документы, извѣстія и замѣтки.

За что былъ оштрафованъ сотникъ Д. Дараганъ „держаніемъ на пушкѣ"? [1]). Въ полкахъ Гетманщины существовалъ особый разрядъ козаковъ, которые отправляли свою войсковую службу „стрѣлецкимъ искусствомъ", т. е. охотились за дичью и поставляли ее ко двору гетмана, который, въ свою очередь, отправлялъ добытую „дичину, звѣрину и птаство" въ Петербургъ къ Высочайшему Двору. Но служба этихъ козаковъ охотниковъ, ихъ особыя права и обязанности не были опредѣленно регламентированы, самое число ихъ не было опредѣлено и часто было неизвѣстно полковому начальству Надо полагать, что „войсковую должность стрѣлецкимъ отправлять искусствомъ" стремились козаки ради того, чтобы, „въ томъ стрѣлецкомъ званіи щитаясь, быть свободными отъ другихъ употребленій". Такъ полагала и Войсковая Генеральная Канцелярія, предлагая гетману гр. К. Г. Разумовскому назначить надъ всѣми стрѣльцами, въ какомъ бы полку они ни жили, одного командира, подчиненнаго непосредственно Войсковой Генеральной Канцеляріи. Такое предложеніе признано было неудобнымъ и, по приказанію гетмана, въ февралѣ мѣсяцѣ 1756 г. затребованы были отъ Войсковой Генеральной Канцеляріи свѣдѣнія относительно имѣющихся въ данное время въ полкахъ стрѣльцовъ: „изъ какого они званія, изъ выборныхъ-ли козаковъ, или изъ подпомощниковъ, когда и кѣмъ и по какому указу или опре-

---

[1]) Матеріаломъ для настоящей замѣтки послужило Дѣло 1756 г. Ген. Войск. Канц. „Объ оштрафованіи сотника Кропивянскаго Димитрія Дарагана за то, что онъ, опредѣля козаковъ в стрелци, от служебъ ихъ уволилъ".

дѣленію къ той должности опредѣлены, или издавна стрѣлецкаго званія были и суть, и сколько ихъ гдѣ находится".

Это требованіе о составленіи вѣдомости стрѣльцамъ повторено было особымъ письмомъ Андрея Безбородка къ генеральному обозному, который, отправляя изъ Глухова въ Петербургъ „для представленія въ надлежащое мѣсто привезенную отъ полку Лубенскаго дичину, имянно: лося одного, олемовъ двохъ, сугаковъ пяти, козъ четирохъ, а дрофъ трохъ", писалъ, что такая доставка изъ полковъ дичины „малымъ числомъ" происходитъ исключительно отъ «нерадѣнія стрѣльцовъ, при полкахъ состоящихъ и подъ собою не имѣющихъ страху".

Согласно ордеру гетмана, Войсковая Генеральная Канцелярія потребовала отъ полковниковъ „учинить объ онихъ стрѣльцахъ справки" и при этомъ „въ крѣпкихъ термѣнахъ ордеровала", чтобы стрѣльцы «все тое, что ими звѣрины и птаства ни получено будетъ, съ того ничего себѣ и въ полкахъ и сотнахъ и малѣйше не оставляя, отсылали въ Глуховъ къ отсылкѣ въ подлежащее мѣсто".

Очевидно, полковники сами не знали, кого именно признать за стрѣльцовъ и какое число ихъ показать въ требуемыхъ вѣдомостяхъ. Нѣкоторые изъ полковниковъ, очевидно, не сочувствовали такому выдѣленію стрѣльцовъ въ особый разрядъ съ освобожденіемъ ихъ отъ обыкновенныхъ козачьихъ нарядовъ. Стремившіеся-же къ такому освобожденію козаки обращались непосредственно въ Войсковую Генеральную Канцелярію съ соотвѣтствующими просьбами. По поводу одной изъ такихъ просьбъ, поданныхъ четырьмя козаками Миргородскаго полка, Генеральная Канцелярія въ октябрѣ мѣсяцѣ 1755 г. предписала Миргородскому полковнику испытать искусство просителей и затѣмъ, освободивъ ихъ „отъ прочихъ нарядовъ и посылокъ", приказать имъ всячески стараться о добычѣ „той дикой звѣрины и птаства, а паче дроховъ": „понеже вамъ не безъизвѣстно", писала В. Г. Канцелярія, „яко *по прежнимъ давнимъ обычаямъ* и нынѣ отъ его ясновельможности ежечасно требуется присылки дичины, звѣрины и пташства въ домъ его ясновельможности, откуда та дичина къ высочайшему двору Е. И. В. представляется, чего для и людей къ добычи оной дичины искусныхъ надобно". При этомъ требовалось прислать именную вѣдомость тѣхъ козаковъ стрѣльцовъ, „кои къ добытію оной дичины употребляются".

Надо думать, что въ каждой сотнѣ были козаки, свою службу козачью отправлявшіе „стрѣлецкимъ искусствомъ," но, не зачисляемые въ особый разрядъ, они освобождались отъ другихъ нарядовъ просто по личному усмотрѣнію ближайшихъ начальниковъ, сотниковъ и полковниковъ, которымъ они и доставляли свою добычу. Настойчивое требованіе Войск. Генер. Канцеляріи, вызванное ордеромъ гетмана и особыми письмами изъ Петербурга къ генеральному обозному, относительно учета стрѣльцовъ и представленія именной вѣдомости ихъ вызвало въ полкахъ собираніе справокъ. Эти то справки и показали, что ближайшее начальство и сами стрѣльцы не имѣли опредѣленнаго представленія о служебномъ положеніи стѣльцовъ. Собираніе же справокъ представило лишній поводъ начальствующимъ лицамъ свести и личные свои счеты. Переяславскій полковникъ Семенъ Сулима при этомъ случаѣ подвелъ Кропивянскаго сотника Димитрія Дарагана подъ весьма чувствительное наказаніе.

Сотникъ этотъ донесъ, что въ его сотнѣ „точно опредѣленныхъ стрѣльцовъ, кромѣ нѣкоторыхъ козаковъ самихъ охотниковъ, не имѣется". Но Полковая Канцелярія не повѣрила сотнику: „содержуя въ томъ его сотника Дарагана репортѣ сумнительство", она назначила особыхъ ревизоровъ, которые и должны были изслѣдовать число стрѣльцовъ въ Кропивянецкой сотнѣ и составить имъ именную вѣдомость. Оказалось въ этой сотнѣ шесть стрѣльцовъ, при чемъ всѣ они изъ выборныхъ козаковъ и одинъ изъ нихъ состоитъ въ „стрѣлецкой должности съ 1731 г., другой съ 1740, третій съ 1742, четвертый съ 1752 г. и два съ 1753 г. Сами-же они показали ревизорамъ, что „въ оніи стрелци определени отъ сотника Дарагана и употребляются сотникомъ къ добычи звѣрини и дичини всегда, и что когда нѣ получатъ въ добичь, то все отдавали ему сотнику, а сколко чего отдано, за давность упомнить не могутъ; общенароднихъ же службъ по очередѣ зъ другими сотни Кропивянской козаками (кромѣ военнихъ походовъ) не отбуваютъ".

По всей вѣроятности, такъ это дѣло обстояло и въ другихъ сотняхъ: освобождаемые на извѣстное время, на извѣстную очередь отъ другихъ нарядовъ, козаки, извѣстные своимъ охотничьимъ искусствомъ, доставляли свою „добичь" сотнику, который уже въ дальнѣйшемъ распоряженіи этою добычью проявлялъ такое или иное личное усмотрѣніе и, слѣдовательно, и личный свой взглядъ на самую „службу" стрѣльцовъ.

Полковникъ Сулима, донося Генеральной Канцеляріи о произведенномъ имъ разслѣдованіи по рапорту сотника Дарагана, возбудившему „сумнительство", обвинилъ послѣдняго въ томъ, что онъ, опредѣливъ козаковъ въ стрѣльцы, уволилъ ихъ отъ другихъ службъ козачьихъ и пользовался ихъ „искусствомъ" исключительно для личныхъ своихъ надобностей.

Генеральная Войсковая Канцелярія въ іюнѣ мѣсяцѣ предписала полковнику Сулимѣ оштрафовать сотника Дарагана „держаніемъ на пушкѣ чрезъ три дни въ каждый день по три часа".

Дараганъ, узнавши объ этомъ, обратился въ Генеральную Канцелярію съ просьбою объ овобожденіи его отъ этого штрафа, такъ какъ не показалъ онъ стрѣльцовъ особо отъ другихъ козаковъ только потому, что «оніи прежде не назывались стрелцами, но означано по ревизіяхъ ихъ козакамы всегда, и они съ того козачого званія охотятся и добичь дичины исправляютъ». Ордеромъ отъ 29 ноября къ полковнику Сулимѣ, дѣйствительно, штрафъ, наложенный на Дарагана, былъ отмѣненъ.

Скоро послѣ этого случая Димитрій Дараганъ совсѣмъ оставилъ свой сотницкій урядъ, добившись назначенія на свое мѣсто сына своего Петра, какъ видно это изъ имѣющагося у меня гетманскаго универсала, даннаго въ Петербургѣ 9-го февраля 1759 г. Новый Кропивянскій сотникъ Петръ Дараганъ и присягу принималъ въ томъ же февралѣ 17 дня въ Петербургѣ, въ церкви Рождества Пресв. Богородицы, гдѣ священникомъ состоялъ землякъ его Алексѣй Доброниэкій.

Ал. Андр.

Къ біографіи А. П. Стороженка. Среди почитателей таланта покойнаго А. П. Стороженка имѣетъ широкое распространеніе ни на чемъ не основанное мнѣніе, будто онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ графа Муравьева въ Вильнѣ въ эпоху 1863 г. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, А. П. Стороженко никогда при графѣ Муравьевѣ не служилъ, а состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при Министрѣ Внутр. Дѣлъ. Въ концѣ 1864 года или въ началѣ 1865 года онъ былъ посланъ въ сѣверо-западный край, когда возстаніе было уже подавлено, для изученія положенія православныхъ

храмовъ и древнихъ его пастырей. Объ его дѣятельности тамъ авторъ книги „Виленскіе Очерки 1863—1865 гг.", А. Н. Мосоловъ, разсказываетъ слѣдующее: „Въ Минской губерніи дѣлу закрытія католическихъ монастырей противодѣйствовалъ бискупъ Войткевичъ, посылавшій однако начальнику края, при каждомъ торжественномъ случаѣ, письменное поздравленіе, почерпнутое, по большей части, изъ стариннаго письмовника. Для устраненія его вліянія, въ минскую губернію посланы были дѣйствительный статскій совѣтникъ Стороженко и адъютантъ В. Ѳ. Самаринъ. Первый изъ нихъ, г. Стороженко, извѣстный въ нашей литературѣ, по возвращеніи оттуда составилъ нѣсколько краснорѣчивыхъ описаній этого довольно дикаго, болотистаго и своеобразнаго края, представилъ отчетъ о состояніи православныхъ храмовъ и древнихъ монастырей и написалъ, напечатанное впослѣдствіи, сочиненіе: Сонъ въ Несвижѣ.

Несвижъ— богатое мѣстечко Слуцкаго уѣзда, древняя резиденція фамиліи Радзивилловъ. Тамъ донынѣ сохранился старинный замокъ, гдѣ жили причудливые владѣльцы Несвижа и княжествъ Слуцкаго, Мира и Олыки. Подъ впечатлѣніемъ старины, авторъ засыпаетъ въ древнемъ замкѣ, гдѣ ему отвели помѣщеніе, и переносится во время сна въ минувшее. Изображенные на стѣнахъ Радзивиллы выходятъ изъ портретныхъ рамокъ и подымаютъ страшный шумъ. Они распоряжаются въ своемъ замкѣ, но никто не является на ихъ зовъ, кромѣ стараго дворецкаго; они требуютъ отцовъ бернардиновъ—имъ отвѣчаетъ дворецкій, что ихъ разослали по другимъ монастырямъ; они собираются ѣхать къ королю въ Варшаву—имъ говорятъ, что его уже нѣтъ; хотятъ въ изступленіи взяться за оружіе—имъ напоминаютъ, что Муравьевъ въ Вильнѣ, и скорбные Радзивиллы уходятъ къ утру въ свои рамки.

Г. Стороженко читалъ свое сочиненіе въ разныхъ кружкахъ и вездѣ оно было встрѣчено съ любопытствомъ и участіемъ, такъ-какъ въ немъ довольно живо изображено польское чванство и прошлое польское величіе въ сравненіи съ печальною дѣйствительностью». Помощниками у Муравьева въ 1863 г. по политической части были Черевинъ и Павловъ.

А. С.

Портретная икона Чацкихъ въ м. Боремлѣ. Въ сѣверо-западномъ углу Дубенскаго у., недалеко отъ Австрійской границы, на р. Стырѣ, находится м. Боремель. Нынѣ это ничтожное мѣстечко, наполненное евреями, а когда-то (въ XV—XVI вв.) это былъ городъ, съ замкомъ, гнѣздо волынскихъ князей Буремскихъ, вѣроятно, изъ рода мѣстныхъ удѣльныхъ князей. Когда этотъ княжескій родъ угасъ, Боремель перешелъ во владѣніе князей Порыцкихъ, затѣмъ Конецпольскихъ, Загоровскихъ и, наконецъ, въ 1694 г., достался Чацкимъ, которые построили здѣсь огромный дворецъ и развели при немъ роскошный садъ, устроенный извѣстнымъ нѣкогда на Волыни садовникомъ, англичаниномъ Маклеромъ. Въ 1830-хъ годахъ владѣльцемъ Боремля былъ губернскій маршалокъ Михаилъ Чацкій, двоюродный племянникъ извѣстнаго Ѳаддея Чацкаго. Когда вспыхнуло польское возстаніе и въ концѣ марта 1831 года генералъ Дверницкій съ десятитысячнымъ корпусомъ вторгнулся со стороны Замостья въ предѣлы Волыни, то онъ прежде явился въ Боремель и здѣсь, во дворцѣ Мих. Чацкаго, встрѣтилъ радушный пріемъ, при чемъ панъ маршалокъ и самъ присоединился къ повстанцамъ. Но черезъ нѣсколько дней сюда же, къ Боремлю, явился отрядъ подъ начальствомъ генерала Ридигера, нанесъ пораженіе Дверницкому, отрѣзалъ его отъ Замостья и заставилъ искать спасенія въ сосѣдней Галичинѣ. Туда же, вмѣстѣ съ Дверницкимъ, бѣжалъ и Чацкій, а его дворецъ, садъ и другое имущество подверглись опустошенію. Съ тѣхъ поръ владѣлецъ Боремля не возвращался въ предѣлы Россіи, имѣнія же его были конфискованы.

Хотя Чацкій былъ католикомъ, но онъ оставилъ по себѣ память въ мѣстной православной церкви тѣмъ, что пожертвовалъ сюда образъ св. Ѳеклы, при чемъ, по обычаю того вѣка, чертамъ лица святой и окружающихъ ее ангеловъ художникъ придалъ сходство съ женой и дѣтьми жертвователя. Никто изъ мѣстныхъ жителей не придавалъ этому никакого значенія, и икона, въ изящной золоченой рамкѣ, спокойно оставалась на видномъ мѣстѣ въ церкви. Но въ январѣ 1840 года Дубенскій земскій исправникъ неожиданно получилъ отъ генералъ-губернатора Бибикова запросъ: «вслѣдствіе дошедшаго до меня свѣдѣнія, что въ м. Боремлѣ, въ тамошней приходской церкви, находится портретъ помѣщицы Чацкой и ея дѣтей, въ видѣ иконы изображенный, предписываю вашему в—дію удостовѣриться: какой портретъ графини

Чацкой и дѣтей ея находится въ церкви и по какому случаю? Если окажется, что портретъ этотъ дѣйствительно изображенъ въ видѣ иконы, то увѣдомить меня: можетъ-ли быть эта икона подъ благовиднымъ предлогомъ вынесена изъ церкви, и о послѣдующемъ донести». Въ отвѣтъ на это исправникъ рапортовалъ: «Дубенскаго уѣзда, въ м. Боремлѣ, въ тамошней Троицкой церкви, находится икона св. Θеклы, въ позолоченой рамкѣ. Сія икона дѣйствительно имѣетъ сходство съ умершей женой бывшаго владѣльца м. Боремля, Чацкаго, какъ сіе удостовѣряютъ знающіе лично Чацкую; находящіяся же на оной иконѣ изображенія въ облакахъ трехъ ангеловъ имѣютъ съ дѣтьми Чацкаго сходство, въ особенности одно изображеніе имѣетъ точное сходство съ лицомъ старшей дочери Чацкаго, лично мнѣ извѣстной. Сію икону пожертвовалъ Чацкій въ оную церковь во время владѣній его онымъ имѣніемъ, и она поставлена на мѣстѣ стоявшей тамъ иконы тоже св. Θеклы, которая снята и поставлена на другомъ мѣстѣ. Сія же икона, сооруженная Чацкимъ, написана вовсе не такъ, какъ изображаются православной церкви святители (sic!); то я полагаю, подъ предлогомъ симъ могла-бы она быть вынесена изъ церкви, а прежнюю икону возобновить на своемъ мѣстѣ. По вынесеніи же изъ церкви поясненной иконы, и предоставить оную прихожанамъ продать, и деньги употребить на церковь».

Такъ-какъ въ то время волынскій епископъ Иннокентій въ концѣ января 1840 г. былъ перемѣщенъ на каθедру Орловскую, а преемникъ ему не былъ еще назначенъ, то генералъ-губернаторъ Бибиковъ обратился съ письмомъ къ Литовскому архіепископу Іосифу Сѣмашку, наблюденію котораго временно была подчинена Волынская епархія. Изложивъ обстоятельства дѣла по донесенію исправника, Бибиковъ писалъ: «Признавая неприличнымъ имѣть въ православной церкви неудобную икону, я имѣю честь сообщить о семъ на ваше благоусмотрѣніе съ тѣмъ, не благоугодно-ли будетъ приказать эту икону вынести изъ церкви». Отвѣтъ архіепископа намъ не извѣстенъ, но иконы въ Боремельской церкви теперь нѣтъ. Интересно было-бы знать, какая постигла ее дальнѣйшая судьба.

О. Л.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. *а) Ходорковскій скелетъ.* При производствѣ работъ въ строеніяхъ доминиканскаго монастыря, въ 1861 году, рабочіе, разыскивая кладъ, къ ужасу своему, наткнулись на замурованный въ стѣнкѣ костякъ.

Скелетъ найденъ въ сидячемъ положеніи, со связанными веревкою руками. Благодаря сохранившимся сухожиліямъ шеи, голова еще держалась на плечахъ.

Слухи объ этой таинственной находкѣ дошли до высшаго начальства окольными путями лишь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ.

На мѣсто командирована особая коммиссія, которой пришлось удовольствоваться разсказами одного священника; прочіе свидѣтели выбыли или недовѣрчиво отмалчивались.

Настоятель православнаго храма высказалъ предположеніе, что это «отнюдь не слѣдъ человѣческой мести, или жертва ксендзовскаго фанатизма», а вѣроятнѣе всего «казусъ неудавшагося затворничества какого-нибудь доминиканца».

б) Нужды, не присвоенныя европейскимъ жителямъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, проживавшій въ юго-западномъ краѣ Кавказскаго корпуса подпоручикъ въ отставкѣ подалъ Его Величеству всеподданнѣйшее прошеніе по дѣлу о неправильномъ его задержаніи и взятіи подъ стражу помѣщикомъ с. Дольска. Жалобщикъ изъясняетъ, что томился въ заключеніи «болѣе до трехъ мѣсяцевъ, терпя холодъ, голодъ и всѣ нужды, не присвоенныя европейскимъ жителямъ»...

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

Приворотныя средства. 1) Въ Малороссіи распространено однолѣтнее растеніе—*любка.* Нѣкоторыя особенности въ устройствѣ корня этого растенія дали поводъ употреблять его, какъ средство заставить полюбить другъ друга. Корень бываетъ двоякій: оканчивающійся отростками на подобіе пальцевъ (мужской полъ) и просто въ видѣ сердца, безъ отростковъ (женскій). Нужно накопать такихъ корней, высушить, настоять на водкѣ и дать выпить «парубкови й дивчыни» поровну, приговаривая: «Любылыся въ лисныхъ лугахъ ціи цвиточкы, и вы, диточкы, въ своихъ хатахъ любиться, якъ ціи цвиточкы въ лугахъ».

Нѣкоторые видоизмѣняютъ эти чары такимъ образомъ. Накопавъ обоего вида корней, сушатъ каждый полъ отдѣльно и въ тѣни. Женщина даетъ выпить мужчинѣ настоя изъ «женскаго пола», а сама выпиваетъ настой «мужского пола». Затѣмъ смѣшиваетъ оба настоя и пополамъ выпиваетъ съ предметомъ своихъ обожаній. Вѣрятъ, что средство это хорошее: привлекаетъ мужчину къ женщинѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Копать корни нужно во время цвѣтенія, и среди дня, одному или одной. Выкопанные на новолуніе—будутъ дѣйствовать сильнѣе.

2) Найти въ лѣсу растущіе бокъ-о-бокъ дубъ и березу. Затѣмъ въ 12 часовъ ночи пойти туда и топоромъ отрубить кору такъ, чтобы лезвіе топора затронуло сразу кору дуба и березы, при чемъ нужно три раза сказать: «Якъ цей дубъ зъ березою въ корени ридно жывуть, не розлучно, такъ щобъ и (имя рекъ) жылы й не тужылы, и щобъ тоди тилько розлучылысь, якъ цей дубъ зъ березою въ корени».

Отрубленную кору взять и пойти не оглядываясь; кору отварить и дать пить тому, кому желаешь. При кипѣніи нужно приговаривать: «кыпы, кыпы, не розризняйся; въ купи порослы, пожылы и помрете; такъ щобъ и (имя рекъ) вкупи до смерти жылы и не розлучалысь, такъ якъ той дубъ зъ березою». (Городища-Лѣсные, Черкас. уѣзда).

3) По заходѣ солнца съ ножемъ въ рукахъ выйти на дворъ, стать лицомъ къ востоку и воткнуть немного ножъ въ землю, говоря: «Я цей нижъ не въ землю стромляю, а прямо тоби (имя рекъ) въ серце; зъ пидъ серця въ жылы, зъ пидъ жылъ въ пажылы; у тебе пажылъ симдесятъ и симъ,—щобъ воны затрусылыся за до мене вси; щобъ тоби не дало ни йисты, ни пыты, ни спать, ни лежать, ни ходыть, ни сыдить, ни безъ менє жыть».

Затѣмъ вонзить ножъ въ землю до половины, а затѣмъ и до рукоятки, сопровождая эти манипуляціи упомянутыми словами, по три раза. Оставить ножъ на всю ночь, а на другой день до восхода солнца вынуть его изъ земли. Когда придетъ предметъ сердца, этимъ ножемъ отрѣзать хлѣба и дать ему съѣсть. (С. Мельныки, Черкасскаго уѣзда).

Сообщ. **А. Гр. Хатемкинъ.**

Своеобразныя молитвы. Весною прошлаго года по дѣламъ службы мнѣ пришлось остановиться на ночевку у мѣстнаго священника с. Бурковецъ о. Евгенія М. Я завелъ разговоръ о правильномъ усвоеніи крестьянами молитвъ, при чемъ выразилъ сомнѣніе, чтобы обыкновенныя молитвы въ правильномъ видѣ циркулировали среди населенія. О. Евгеній согласился со мною, посѣтовалъ на непочтительность и дикость прихожанъ, а также и на то, что при всемъ стараніи научить правильно молиться прихожанъ не мыслимо,—хоть немного, да перевернутъ на свой ладъ.

— Кстати, у меня служитъ старуха изъ Войтовецъ (Сквир. у.). Какъ то разъ я заставилъ ее проговорить молитвы, извѣстныя ей. Я не могу вамъ выразить своего изумленія, какое охватило меня, когда она начала «проказывать» молитвы. Это что-то такое, что я при всемъ желаніи не расхохотаться—просто за боки взялся... Да вотъ, коли интересуетесь, то прочтите,—я записалъ дословно".

Вотъ что я прочиталъ:

Десятеро Боже прыказаніе. Азъ есть Господь Богъ твій, котрый тебе вывивъ изъ земли Гыпельской, изъ дому неволи. Перше.—Не будешъ маты иначыхъ богивъ, окроме неларемне. Трейте.—Святкую недилоньку святу. Четверте.—Шануй отця и матирь свою. Пяте.—Не убый. Шосте.—Не украдь. Сёме.—Не въ чужу лазь. Восьме.—Не будь свидкомъ фальшывымъ напротывъ блыжнёго свого черезъ дорогу. Девяте.—Не пожадай жоны чужои, а ни жаднои речи.

Симъ сокраментивъ: первее—крещеніе; вторе—мыромъ помазаніе; трейте—вхарыста, то-есть тило и кровъ Господа Нашого подъ особомъ хлиба и вына; четверте—покута; пяте—маслосвятые; шосте—капланство и малженство.

—

Симъ грихивъ головныхъ: пыха и нечыстота, гнивъ и заздристь, обжорство и лынывство до хвалы Божіей.

—

Спала я вирую Марця мисяца, во святому гради Офтемъ Элемськимъ...

—

Этимъ исчерпывается все понятіе «бабуси» о молитвахъ. Оказалось, что она эти молитвы каждый день шепчетъ, а также научаетъ имъ и прислуживающую у батюшки «дивчынку», не смотря на запрещенія батюшки. На мой вопросъ, гдѣ она выучила эти «молытвы», баба отвѣтила:

— «А такъ у Войтовцяхъ уси молятся, то й мене такъ навчылы. Онъ батюшка регочутся зъ мене, якъ я начну ци молытвы проказувать. А про те, якъ мене вдома вчылы, то я й буду такъ молытьси».

Сообщ. А. **Гр. Хатемкинъ.**

О пѣсняхъ про волю. Въ январьской книжкѣ Кіевской Старины за текущій годъ мой однофамилецъ, г. Вл. Корниловичъ, помѣстилъ пѣсню про волю, весьма похожую на ту, которая помѣщена была мною въ октябрьской книжкѣ Кіевской Старины за 1898 годъ. Обѣ пѣсни записаны со словъ лирниковъ—мною въ Грубешовскомъ уѣздѣ, Люблинской губ., г. Вл. Корниловичемъ—въ Острожскомъ у., Волынской губ. Не смотря на дальность разстояній, отдѣляющихъ эти мѣстности, пѣсни близки между собою не только по содержанію, но имѣютъ даже почти тождественныя нѣкоторыя строфы, какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго.

Начало пѣсни:

Грубешовской:	*Острожской:*
Летила зозуленька— Зачала куваты: Зачекайте, добри люде, Щось маю сказаты...	Ой летила зозуленька черезъ нови села, Та й прынесла новыноньку панамъ невеселу. Сила соби край виконця, та й стала куваты: Збирайтеся вся громада, щось маю казаты...

Обращеніе пановъ къ паньщинѣ:

Вертайсь, вертайсь, паньщыноньку, Ходь ще до насъ въ гости!..	Вернысь, вернысь, паньщыноньво, Хочь намъ до вечеры!..

Окончаніе пѣсни:

Подякуймо Пана Бога, Ще й наши Царыци: Закопалы паньщыноньку На сухи границы!..	Дай же Боже та здоровье Нашій Царивни, Що вона насъ поривняла Зъ панамы наривни.

М. И. Корниловичъ.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ дополненіе къ суммѣ 1638 рублей 33 коп., поступившей до сихъ поръ въ редакцію на сооруженіе памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ (см. № 3-й), вновь пожертвовано: гг. Чеплевскимъ—2 руб. 50 коп., Чикомъ—50 коп., Богдановичемъ—2 р., Далецкимъ—1 р., Фридландомъ—2 р., Клебановымъ—3 р., Склезневымъ—1 р., Гинзбургомъ—1 р. и Еноховичемъ—1 р., всего *14 руб.*, что вмѣстѣ съ прежними составитъ 1652 руб. 33 коп., которые и отправлены въ Полтаву.

Текущія извѣстія.

Начало украинско-русскаго народнаго университета. Мы уже отмѣтили (февраль, стр. 75—76) стремленіе галицкой интеллигенціи къ устройству въ Галичинѣ народнаго университета для русскаго населенія, подобно тому, какъ это съ недавняго времени дѣлается для польскаго. Теперь, какъ сообщаютъ галицкія газеты (Буковина, Руслан), вышеуказанныя стремленія начинаютъ осуществляться. Стараніями филіи Товариства «Просвіта» въ Коломыѣ, съ конца февраля начался рядъ популярно-научныхъ лекцій (первая серія) по естествознанію, а именно: «Заразливі хороби», «Море и его чудеса», «Вороги людского здоровля», «Будова людского тіла». Всѣ эти лекціи будетъ излагать проф. Раковскій, сопровождая чтеніе демонстрированьемъ при помощи скіоптикона.

27 февраля состоялась первая лекція на тему «Заразливі хороби». По сообщенію «Руслана» (ч. 50) изложена она была прекрасно, и собравшаяся сравнительно въ большомъ количествѣ (около ста душъ) публика, мѣщане и крестьяне, получила, очевидно, полное удовлетвореніе.

Слѣдуетъ надѣяться, что примѣру проф. Раковскаго послѣдуютъ и другіе галицко-русскіе представители различныхъ отраслей науки.

Лекція объ историческомъ значеніи козачества. 14 марта Д. И. Эварницкій прочелъ въ С.-Петербургѣ, въ Соляномъ городкѣ, публичную лекцію для усиленія средствъ Общ. имени Т. Г. Шевченка. Лекторъ

указалъ, что запорожскіе козаки имѣли громадное значеніе въ жизни нашего отечества. Запорожцы держали въ своихъ рукахъ нити почти всѣхъ политическихъ событій XVI, XVII и начала XVIII вѣка и почти на всемъ пространствѣ всей территоріи юго-западной Россіи. Лекторъ сильно недоумѣваетъ по поводу взгляда историковъ, и въ числѣ ихъ знаменитаго исторіографа С. М. Соловьева, которые въ оцѣнкѣ роли и дѣятельности южно-русскаго козачества совершенно сходятся съ польскими историками, т. е. совершенно не видятъ въ дѣятельности козаковъ никакой пользы, но усматриваютъ въ нихъ огромный вредъ для государства и общества. Для великорусскаго историка эти войны козаковъ противъ Польши—нарушеніе государственнаго принципа и существующаго въ государствѣ порядка. Теперь, когда прошло болѣе 120 лѣтъ со времени уничтоженія Сѣчи, лекторъ считаетъ возможнымъ спокойно взглянуть на значеніе запорожцевъ и снять съ нихъ незаслуженныя имена грабителей, жестокихъ пьяницъ, безчеловѣчныхъ разбойниковъ, а слѣдуетъ оцѣнить въ нихъ то, что было въ нихъ честнаго, достойнаго и безупречнаго, такъ какъ они были рыцари въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, въ особенности рыцари Христовой вѣры. (Сѣв. Кур. 74).

Къ собиранію свѣдѣній объ архивахъ. Императорское московское археологическое общество, имѣя въ виду важное въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ значеніе свѣдѣній объ архивахъ и вообще о собраніяхъ дѣлопроизводствъ прошлыхъ лѣтъ, хранящихся въ различныхъ учрежденіяхъ, а также для составленія особаго обзора объ архивахъ для представленія его къ ходатайству прошлаго XI археологическаго съѣзда предъ правительствомъ о реорганизаціи нашихъ архивовъ, обратилось чрезъ губернаторовъ къ представителямъ мѣстныхъ правительственныхъ и сословныхъ учрежденій, съ просьбой о присылкѣ отвѣтовъ по выработанному имъ вопросному листу. Всѣхъ такихъ вопросовъ предложено для разрѣшенія учрежденіямъ 24.

Премія Императ. Одесск. Общ. истор. и древностей. 14 ноября 1889 г. истекло *50-лѣтіе дѣятельности Императорскаго одесск. общества исторіи и древностей.* Для ознаменованія этого событія дума

постановила въ то время ассигновать 500 р. на премію за лучшее сочиненіе по вопросамъ, касающимся исторіи или древностей юга Россіи, съ тѣмъ, чтобы присужденіе преміи было предоставлено означенному Обществу, а расходы на напечатаніе сочиненія, удостоеннаго преміи, были приняты на счетъ города. Не смотря на то, что прошло уже больше 10 лѣтъ, никакихъ сочиненій для соисканія этой преміи представлено не было. Въ виду этого Общество постановило ходатайствовать передъ думой о разрѣшеніи присудить премію за лучшій печатный трудъ по исторіи или археологіи южной Россіи, вышедшій въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, согласно оцѣнкѣ особо избранной Обществомъ коммиссіи. (Югъ, № 574).

Къ дѣятельности Товариства ім. Івана Котляревского во Львовѣ. 18 февраля с. г. на засѣданіи Товариства ім. Івана Котляревского составлена *літературна секция* подъ предсѣдательствомъ проф. Ол. Барвинского. Постановлено издавать, немедленно, двѣ серіи драматическихъ произведеній, изъ которыхъ одна предназначена для крестьянъ. Съ этой цѣлью обратились къ профессору О. Колессѣ съ просьбой пересмотрѣть всю существующую донынѣ украинскую драматическую литературу. Обсуждался также вопросъ объ устройствѣ публичныхъ лекцій изъ области нашей и чужой драматической литературы («Руслан, ч. 34).

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка. 1) *Въ Галиціи.* Въ память XXXIX годовщины смерти Т. Г. Шевченка устроены были литературно-музыкально-вокальные вечера: въ м. Николаевѣ надъ Днѣстромъ —25 февраля, въ г. Коломыѣ—1 марта (устраивала гимназическая молодежь); тамъ-же, 9 марта, устроенъ торжественный вечеръ филіей Общ. «Просвіта», при участіи Золочевскаго мѣщанскаго хора и членовъ читальни «Просвіта» изъ Струтина; послѣдніе сыграли драму «Правда все горою». Въ Бережанахъ 4 марта устроенъ былъ вечеръ гимназической молодежью въ залѣ театра. Программа послѣдняго составлена очень интересно: кромѣ номеровъ музыкально-вокальныхъ съ участіемъ гимназическаго хора и оркестра, прочтенъ былъ рефератъ на тему «Голосы европейськои критики про Шевченка». Въ Черновцахъ—13 февраля вечеръ устраивала мѣщанская читальня. На вечерѣ присутствовало болѣе 300 лицъ, не только мѣщанъ, но и

значительное количество интеллигенціи. Между прочимъ прочтенъ былъ рефератъ о жизни и произведеніяхъ Шевченка. 2 марта устроенъ былъ торжественный вечеръ въ Самборѣ, въ русско-народномъ театрѣ. Кромѣ музыкально-вокальныхъ номеровъ исполнена комедія въ 1-мъ дѣйствіи Гавалевича: «Нивïшні».

2) Въ Пшибрамѣ, въ Чехіи, украинско-русское горное Общество «Ватра» устроило въ концѣ марта вечеръ при участіи извѣстныхъ галицкихъ пѣвцовъ гг. Гушалевичей.

3) *Въ Россіи.* 26 февраля, въ день смерти поэта, отслужены были панихиды: въ Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ и въ Кіевѣ— въ Софіевскомъ соборѣ, при огромномъ стеченіи молящихся.

Въ г. *Александровскѣ*, Екатериносл. г., 5. марта устроенъ былъ литературно-вокальный вечеръ. Успѣхъ вечера превзошелъ всѣ ожиданія. Хоръ изъ 25 лицъ составленъ былъ г. Костянецкимъ преимущественно изъ мастерового и рабочаго люда. Мѣстный художникъ г. Павловъ изготовилъ портретъ Тараса Григорьевича. На вечерѣ прочитаны были нѣкоторыя произведенія Т. Г. Шевченка. Чтеніе чередовалось съ хоровымъ пѣніемъ и пѣніемъ солистовъ (г. Дерій),—преимущественно произведеній Шевченка, положенныхъ на музыку г. Лысенкомъ, и нѣкоторыхъ малорусскихъ пѣсенъ. Въ заключеніе мѣстный поэтъ Т. Л. Полищукъ, тоже изъ мастеровыхъ,—прочелъ небольшое стихотвореніе «На смерть Шевченка»,—собственнаго сочиненія, встрѣченное бурными аплодисментами публики. Сборъ полностью поступилъ въ пользу мѣстной народной библіотеки и Благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ, въ С.-Петербургѣ. (Днѣпровская Молва, № 11).

Въ тотъ-же день, въ г. *Елисаветградѣ* устроенъ былъ литературно-музыкально-вокальный вечеръ. Участвовали: г.г. Карпенко-Карый, Марковъ, Дишъ и др. представители мѣстной интеллигенціи. Хоръ исполнилъ между прочими номерами: «Заповитъ», «Коломыйку», «Закувала та сыва зозуля». Прочтены были два реферата: «Геніальный горемыка»—по ст. Н. И. Стороженка, и «Поэзія Шевченка» Н. И. Костомарова.

Въ г. *Екатеринодарѣ.* 26 февраля почитатели Т. Г. Шевченка чествовали память поэта вечеринкой, происходившей въ помѣщеніи Общества взаимопомощи. На вечеринкѣ присутствовало свыше тридцати человѣкъ представителей мѣстной интеллигенціи. Ужинъ сопро-

вождался пѣніемъ и приличествующими случаю рѣчами. (Кубанск. Обл. Вѣдомости, № 46).

Въ *Кіевѣ*, въ залѣ Литературно-Артистическаго Общества, состоялся 18-го марта литературно-музыкальный вечеръ. Послѣ краткаго вступительнаго слова о поэтѣ, сказаннаго г-жей О. Косачъ, исполнены были многія произведенія Шевченка. Въ литературномъ отдѣленіи принимали участіе: г-жи Никольская, М. Старицкая, г. г. Вороный, Сафоновъ и М. П. Старицкій; въ музыкально-вокальномъ—г-жи Александровская, Зотова; г. г. Орловъ и Семенцовъ. Хоръ подъ управленіемъ Н. В. Лысенка прекрасно исполнилъ: «Встае хмара зъ-за Лиману», «О, мылый Боже Украины!», «Иванъ Гусъ» и др. Интересной новинкой явилось талантливое исполненіе прибывшимъ изъ Харькова бандуристомъ Гнатомъ Галайдою нѣсколькихъ номеровъ произведеній эпическаго творчества, какъ напр., историческая дума «Буря не Чорнимъ мори» и нѣкоторыя народныя пѣсни...

Въ *С.-Петербургѣ*, по примѣру прошлаго года, Общество имени Т. Г. Шевченка явилось организаторомъ состоявшагося 4-го марта обычнаго Шевченковскаго вечера—«роковынъ». Программа концерта, привлекшаго, какъ всегда, массу публики, была составлена болѣе интересно и оригинально, чѣмъ въ предыдущіе годы, хотя и въ этотъ разъ литературная часть оказалась, къ сожалѣнію, очень несложной, ограничившись традиціоннымъ вступительнымъ словомъ г. Мордовцева и 3 стихотвореніями, прочитанными артистомъ находящейся здѣсь малорусской труппы г. Сусловымъ. Въ вокальной части вечера особенно заинтересовалъ публику Гнатъ Галайда, великолѣпно исполнившій, аккомпанируя себѣ на бандурѣ, думу собственнаго сочиненія «Буря на Чорномъ морѣ» и нѣсколько пѣсенъ кобзарскаго репертуара, между прочимъ извѣстную пѣсню «про Явтуха». Исполнителю—еще совсѣмъ молодому человѣку—пришла удачная мысль загримироваться кобзаремъ, благодаря чему его пѣніе произвело еще болѣе сильное впечатлѣніе и усилило иллюзію.—Остальные участники были также въ ударѣ и пѣли новыя интересныя вещи, что дало позможность безъ напраженія и скуки прослушать все первое отдѣленіе, длившееся безъ перерывовъ болѣе двухъ часовъ.

Во второмъ отдѣленіи г-жа Хмара, съ присущимъ этой пѣвицѣ мастерствомъ, исполнила извѣстный романсъ «Садокъ вышневый». Пѣніе было иллюстрировано тремя живыми картинами, поставленными

оригинально и со вкусомъ. Не слѣдовало только разбивать романсъ на части, иллюстрируя отдѣльно каждую изъ нихъ, т. к. все это вызываетъ неизбѣжные въ такихъ случаяхъ значительные перерывы, нарушающіе цѣльность впечатлѣнія.

Наконецъ, въ послѣднемъ отдѣленіи были даны «Вечорныци» Нищенскаго, прошедшія, что называется, безъ сучка и задоринки и окончательно упрочившія за г. Черемховичемъ, руководящимъ много уже лѣтъ хоровой частью Шевченковскихъ вечеровъ, репутацію талантливаго и опытнаго дирижера. Вообще Шевченковскіе вечера съ каждымъ годомъ становятся все популярнѣе среди Петербургской публики, такъ что устроителямъ ихъ слѣдовало-бы позаботиться о прiисканіи на будущее время помѣщенія, болѣе обширнаго, чѣмъ залъ Павловой, напоминающій своими размѣрами и обстановкой клубную сцену средней руки.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Hanns Weber-Lutkow. Schlummernde Seelen. Geschichten aus Kleinrussland. *Linz und Leipzig. 1900. Oesterreichische Verlagsanstalt. 109 стр. Ц. 1 гульд. 20 кр. или 2 марки.*

Въ нѣмецкой литературѣ оригинальныя беллетристическія произведенія изъ малорусскаго, точнѣе галицкаго, быта являются не впервые. Заслуженной извѣстностью пользуются имена гг. Захеръ-Мозоха и особенно Францоза, произведенія котораго проникнуты глубокимъ сочувствіемъ къ страдающимъ и обездоленнымъ. Въ появившейся теперь книгѣ ранѣе неизвѣстнаго писателя г. Вебера-Люткова „Дремлющія Души, разсказы изъ Малороссіи" къ сожалѣнію очень не много чертъ, дающихъ право пріурочить ихъ къ Малороссіи. Кромѣ указанія въ заглавіи на Малороссію, имѣютъ украинскій характеръ имена дѣйствующихъ лицъ, иногда, впрочемъ, невѣрно передаваемыя (Дымитръ, Грегоръ), нѣкоторыя особенности жилищъ, одежды и кой-какіе обычаи; къ Малороссіи пріурочиваетъ книгу также исполненное любви и почитанія упоминаніе о «Кобзарѣ» Т. Г. Шевченка и мастерски разсказанное содержаніе «Наймычки». Всѣ герои разсказа «Дымитръ», «Иванъ» и «Настя» представляютъ описанія равнинныхъ пейзажей, селъ, барскихъ усадебъ, кладбищъ и другихъ частностей, гдѣ типическіе малорусскіе элементы вовсе не отмѣчены. Къ какой части Малороссіи относятся разсказы, авторъ не говоритъ; надо полагать, что къ Западной, точнѣе къ Галицкому Подолью, такъ какъ на это указываютъ нѣкоторыя подробности: таково взаимное привѣтствованіе посредствомъ реченія «Хвала Іисусу

Христу!..», таковы глубокіе земные поклоны крестьянъ при встрѣчѣ съ паномъ, цѣлованіе колѣнъ послѣдняго «съ природной покорностью», цыганскій оркестръ въ селѣ, право евреевъ (у нихъ сохранились пейсы) пріобрѣтать крестьянскія поля и усадьбы, что по русскимъ законамъ не допускается.

Рядомъ съ реальными украинскими чертами, встрѣчаются другія, вымышленныя, вовсе несвойственныя какой-бы то ни было части Малороссіи. Таково, напр., описаніе образа жизни крестьянина—отъявленнаго пропойцы. Онъ никогда не работаетъ, женѣ и дочери подъ страхомъ безжалостныхъ побоевъ запрещаетъ хоть сколько-нибудь трудиться. Часть его поля заросла бурьяномъ, другая въ арендѣ у еврея, и все же онъ ежедневно въ шинкѣ, ежедневно напивается допьяна; авторъ не указываетъ, откуда для этого берутся средства. Когда онъ обѣдаетъ дома, въ своей жалкой *курной* избѣ, то на глиняный полъ ставится миска, наполненная водкой; кругомъ нея разсаживаются хозяинъ, его жена и малолѣтняя дочь; они вмакаютъ въ водку большіе куски хлѣба и жадно проглатываютъ ихъ; потомъ отецъ всовываетъ голову въ миску и, какъ собака, лакаетъ остатки... Если эти частности напоминаютъ бытъ ирокезовъ или бушменовъ, то описаніе похоронъ, не лишенное поэзіи, отличается не меньшей фантастичностью. У окончательно обнищавшаго помѣщика Барскаго, предающагося непробудному пьянству, умерла жена. Грубо сколоченный изъ еловыхъ досокъ гробъ съ намалеваннымъ на крышкѣ чернымъ крестомъ поставили на подставку изъ ельника на простомъ возу, въ который запряжена пара украинскихъ воловъ; за возомъ идетъ полупьяный Барскій, за нимъ шествуютъ помнящіе Барскаго молодымъ благодѣтелемъ села немногіе пожилые крестьяне въ бѣлыхъ кожухахъ и черныхъ шапкахъ; за ними слѣдуютъ укутанныя въ бѣлые платки крестьянки, ведя за руку ребятишекъ; не слышно ни плача, ни жалобъ. „По выходѣ изъ села, начинается исполненіе крестьянами похоронной пѣсни—простое, суровое, монотонное, какъ-бы безъ связи съ содержаніемъ; казалось, что всѣ пѣвцы утомлены“. Содержаніе этой пѣсни въ прекрасныхъ стихахъ автора преисполнено глубокаго отчаянія, безгранично-пессимистическаго отношенія къ жизни. „Тяжело скитаться по свѣту, легко отправляться въ послѣдній путь“... „Было-бы Божьимъ благословеніемъ никогда не зарождаться“... „Каждый часъ причинялъ мнѣ скорби, муки и страданья“... „Послѣ дней,

всегда преисполненныхъ несчастья, я ночью томился безъ сна изъ-за чужой скорби, которая горше собственной"... «Страстно жаждалъ я злата и суетнаго богатства,—теперь лишь гробъ и бѣлый саванъ составляютъ все мое достояніе, и все же я удаляюсь богаче монарха"... „Прекратите молитвы и звонъ колоколовъ, чтобы для меня наступило вѣчное молчаніе, тихій покой: глиной буду я и пепломъ, горсточкой лишь праха"!.. За строфами, пропѣтыми крестьянами, слѣдуютъ другія такія же, исполненныя самимъ Барскимъ; третьи поются дѣтьми. На кладбищѣ священникъ (исповѣданіе не указано) произноситъ молитвы, и гробъ предается землѣ.

Давая широкій просторъ своей фантазіи въ этихъ и другихъ подробностяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ украинской дѣйствительностью, авторъ имѣлъ-бы право назвать свои разсказы малорусскими, если-бы выведенныя имъ лица изъ крестьянской среды отличались тѣми типическими особенностями характера, воззрѣній и привычекъ, которыя характеризуютъ украинскаго простолюдина; въ невѣжественной средѣ, къ которой принадлежитъ большинство дѣйствующихъ лицъ въ разсказахъ г. Вебера-Люткова, эти особенности должны сказываться особенно ярко. Съ этой точки зрѣнія посмотримъ, каковы главныя дѣйствующія лица разсказовъ.

Возвратившійся послѣ отбыванія воинской повинности Дымитръ служилъ конюхомъ у еврея Исаака, отнявшаго хату, усадьбу и поля у его отца, пріобрѣвшаго потомъ и имѣніе раззорившагося помѣщика Барскаго, который пріютилъ бездомнаго Дымитра. Несчастный не знаетъ, куда удалились его отецъ и сестра Маринка; вскорѣ ему сообщаютъ, что послѣдняя въ городѣ сдѣлалась проституткой.

У вялаго, безвольнаго и необщительнаго Дымитра жажда мести еврею сплетается съ мечтами о дочери послѣдняго, Леѣ; онъ видѣлъ ее лишь мелькомъ, но все-же онъ страстно любитъ ее, и думы объ обладаніи ею постоянно его преслѣдуютъ. И вотъ, при случайной встрѣчѣ, насильно овладѣваетъ онъ дѣвушкой, потерявшей сознаніе; послѣ этого онъ сразу становится къ ней вполнѣ равнодушнымъ,—онъ оставляетъ ее и въ слѣдующіе дни даже не вспоминаетъ о ней. Но вотъ она ночью является къ нему съ проклятіями и угрозами—онъ вторично творитъ надъ нею насиліе. И что-же? Послѣ этого ему какъ-бы слышится издали голосъ сестры, полный любви и благодарности, а на яву дважды насильственно опозоренная имъ Лея тутъже на мѣстѣ преступленія начинаетъ выражать ему свою любовь—

онъ отвѣчаетъ ей громкимъ хохотомъ... Проходитъ опять нѣсколько дней, и при новой встрѣчѣ онъ съ презрѣніемъ отвергаетъ страстную любовь, которую выражаетъ ему Лея; когда-же она по его винѣ падаетъ въ прудъ и, утопая, хватается за него руками, онъ отталкиваетъ ее: на его глазахъ она тонетъ, но онъ и не пытается спасти ее,—его лишь глубоко радуетъ сознаніе, что самъ онъ остался живъ; съ восторгомъ ощущаетъ онъ прелести жизни и окружающей природы. Онъ вспоминаетъ о лежащей на днѣ Леѣ и вслѣдъ затѣмъ засыпаетъ крѣпкимъ глубокимъ сномъ. Проснувшись, онъ сначала чувствуетъ страхъ и раскаяніе, но скоро его успокаиваетъ мысль, что вѣдь и самъ онъ подвергался крайней опасности и что она сама виновна въ своей смерти; ему кажется, что судьба распорядилась вполнѣ справедливо, и весь онъ отдается злорадостному чувству. Видъ старика еврея, оплакивающаго дочь съ глубокимъ отчаяніемъ, его не трогаетъ; вопли еврея кажутся ему лаемъ собаки; Дымитръ вспоминаетъ слышанный имъ когда-то завѣтъ: „Дѣти, любите другъ друга", вспоминаетъ онъ свое безрадостное дѣтство, отсутствіе любви къ нему ближнихъ, и кажется ему смѣшнымъ горе стараго еврея, такъ какъ оплакиваніе смерти человѣка ему представляется чѣмъ-то нелѣпымъ. Въ ту-же ночь бросаетъ онъ службу, уходитъ изъ села и становится бродягой; подъ часъ онъ зарабатываетъ мелочь, чтобы прокормиться, но большей частью существуетъ подаяніемъ. Попадаетъ онъ въ городъ и здѣсь случайно встрѣчаетъ сестру-проститутку, уже похоронившую отца. Шутя спрашиваетъ онъ Маринку, не предпочтетъ-ли она жить честнымъ трудомъ? Громко смѣясь, она отвѣчаетъ рѣшительнымъ отказомъ; весело шутя и смѣясь прощается онъ съ нею, безмѣрно радуясь, что кораллы и платья его жизнерадостной сестры богаче тѣхъ, которыя принадлежали теперь уже мертвой Леѣ. «И тутъ впервые сознаЛъ онъ, что есть высшее существо, мудро распредѣляющее счастье и несчастье между земными существами. Съ тихой благодарностью поднялъ онъ глаза къ небу».—Этимъ кончается разсказъ.

Во второмъ разсказѣ крестьянскій парубокъ Иванъ глубоко оскорбленъ предпочтеніемъ, которое среди танцевъ нравящаяся ему дивчына Ганя оказываетъ другому болѣе богатому танцору Васылю. Онъ выпиваетъ въ шинкѣ 2 рюмки водки и начинаетъ думать о томъ, что его обираетъ отчимъ; онъ хочетъ совершить дѣло, которое показало-бы, что онъ умѣетъ постоять за себя, добиваться цѣли, что онъ силенъ и независимъ; онъ хочетъ имѣть деньги, чтобы до-

биться расположенія Гани. Онъ идетъ домой, чувствуетъ колебанія, ужасъ, но все-же убиваетъ проснувшихся отчима и родную мать, наполняетъ свои карманы червонцами. Съ сердцемъ, преисполненнымъ радостью и гордостью по поводу удавшагося вполнѣ предположенія, онъ весело взираетъ на звѣздное небо — «ему казалось, что въ душной хатѣ остались всѣ прежніе годы со скорбями, униженіями и воплями, что теперь предстоитъ ему будущее, чистое и яркое, какъ звѣзды». Самоувѣренно приглашаетъ онъ Ганю танцовать съ нимъ, она не рѣшается отказать ему, оставляетъ Васыля и танцуетъ съ Иваномъ, бросающимъ горсть червонцевъ музыкантамъ-цыганамъ. Съ упоеніемъ танцуетъ Иванъ, крѣпко цѣлуетъ онъ Ганю; обоими все болѣе овладѣваетъ страсть, и удалившись въ близкій лѣсокъ, они отдаются другъ другу. Но среди страстныхъ объятій Иванъ вдругъ вспоминаетъ объ убитыхъ, видитъ ихъ съ разрубленными черепами — онъ устраняетъ объятія Гани, не отвѣчаетъ на ея ласки, все шепчетъ: «какъ безобразно, какъ безобразно»! Прійдя домой, онъ чувствуетъ страшное утомленіе; одѣтый бросается онъ на постель, и крѣпкій сонъ овладѣваетъ имъ. Ему снится дѣтство, снятся ласки матери, ему кажется, что онъ съ нею бродитъ по какой-то заросшей пустоши, среди страшнаго шума раздаются крики: «убійца, убійца!», онъ видитъ палача и всѣ приготвленія къ казни... Съ ужасомъ призываетъ онъ мать и видитъ ее съ разсѣченнымъ черепомъ. Онъ просыпается среди бѣла дня; хорошо помнитъ онъ событія минувшей ночи, понимаетъ, что жизни его конецъ, и только жалѣетъ, что его повѣсятъ, а не обезглавятъ. Онъ тщательно одѣвается, прихорашивается, а затѣмъ идетъ къ толпѣ, собравшейся въ спальнѣ убитыхъ, и спокойно отдается людямъ, которые вяжутъ его и уводятъ.

Въ послѣднемъ разсказѣ Настя, дочь пропойцы, объ оригинальныхъ трапезахъ котораго мы уже упоминали, растетъ совсѣмъ заброшенная. До 15 лѣтъ ея одежда состоитъ изъ измятаго соломеннаго брыля отца и дырявой рубахи, потомъ мать даетъ ей взамѣнъ старую споднuцу и изорванную кацавейку. Часто достаются ей жестокіе побои со стороны отца и матери, не знаетъ она ласки, ничьихъ не видитъ заботъ о себѣ. Никогда она не работаетъ; по цѣлымъ днямъ она одинока, ребячески забавляется на берегу сажалки или же о чемъ-то безсознательно мечтаетъ. Возмужавши, она очень хорошѣетъ; ее встрѣчаетъ нѣмецъ помѣщикъ Альбертъ; онъ уводитъ ее въ свой замокъ, и дѣвушка, не имѣя представленія о стыдѣ, без-

сознательно отдается ему. Скоро она начинаетъ измѣняться: въ ней просыпается женственность, является стыдъ, потребность любви — она все больше привязывается къ Альберту. Онъ даритъ ей красивыя городскія платья, обѣдаетъ съ нею за господскимъ столомъ; сначала это очень стѣсняетъ ее, она даже убѣгаетъ въ отцовскую хижину; но здѣсь мать встрѣчаетъ ее жестокими побоями за то, что она вернулась съ голыми руками, и вотъ она возвращается въ замокъ и вполнѣ отдается новой жизни, увлекается нарядами, богатой обстановкой, барскими обѣдами. Въ ней просыпается сознаніе прошлаго и настоящаго; она начинаетъ помогать въ хозяйствѣ, быстро успѣваетъ въ домашнихъ работахъ, выказываетъ большую любознательность; затвердивши немногія нѣмецкія слова, она проситъ Альберта, чтобы ее научили читать. Быстро усваиваетъ она грамоту и съ увлеченіемъ читаетъ «Кобзарь» Шевченка, разсказываетъ возлюбленному содержаніе «Наймычки». Проходитъ годъ, и она счастлива среди барской обстановки. Но вотъ однажды, во время катанія въ прекрасномъ экипажѣ, когда встрѣчные крестьяне со словами «Христосъ Воскресъ!» низко кланялись ей, какой-то нищій въ лохмотьяхъ хочетъ вскочить къ ней на сидѣнье. Это ея отецъ; кучеръ бьетъ его кнутомъ, а онъ съ рыданіями и мольбой взываетъ къ ней: «Настя, Настуня, Настусенька, развѣ ты не узнаешь отца?» Но вотъ онъ падаетъ съ подножки и попадаетъ подъ колесо экипажа. Настя выпрыгиваетъ изъ экипажа и съ воплями: «отецъ мой, мой милый отецъ!» бросается къ раненному и въ своемъ экипажѣ хочетъ отвезти его въ родную хату. Дорогой онъ умираетъ. По прибытіи на мѣсто она на полу обмываетъ и прибираетъ трупъ, пріодѣваетъ его, а затѣмъ, утоливши голодъ, валится на грязный, мокрый глиняный полъ рядомъ съ трупомъ и немедленно засыпаетъ крѣпкимъ сномъ. Похоронивши отца, она испуганно, какъ-бы безсознательно, отвергаетъ предложеніе Альберта возвратиться къ нему; опять на ней крестьянская одежда, опять она живетъ прежней безсознательной дѣтской и автоматической жизнію, опять полное бездѣйствіе, пьянство, крайняя нужда и голодъ. Въ концѣ концовъ она однажды, желая ради забавы столкнуть собаку въ сажалку, сама падаетъ въ нее и погибаетъ.

Мы нарочно передали содержаніе трехъ разсказовъ г. Вебера-Люткова, чтобы показать, какъ далеки выведенныя имъ «Дремлющія Души» по своимъ душевнымъ свойствамъ и нравственнымъ воззрѣ-

ніямъ отъ психологіи и унаслѣдованной этики малорусскаго крестьянина. Скажемъ больше: мы затруднились-бы пріурочить героевъ г. Вебера къ какой-бы то ни было европейской національности. Это не дремлющія души, а полуидіоты или маніаки, которыхъ чувства, дѣйствія и мысли не только въ дремотномъ состояніи, но и послѣ пробужденія напоминаютъ звѣря; они представители вырожденія или атавизма и въ качествѣ таковыхъ лишены этнографическихъ особенностей того или иного современнаго народа—это патологическія особи среди современныхъ культурныхъ поколѣній. У нихъ и въ средѣ, ихъ окружающей, мы не видимъ тѣхъ чертъ, которыя свойственны народнымъ массамъ какъ въ Малороссіи, такъ и въ другихъ странахъ современной Европы. Міровоззрѣніе этихъ массъ характеризуется уваженіемъ къ трудовому началу; послѣднее является у нихъ главнымъ источникомъ этическихъ и соціальныхъ взглядовъ, а между тѣмъ, не только герои г. Вебера-Люткова, но и вся среда, ихъ окружающая, отличается глубокимъ презрѣніемъ и ненавистью къ труду. Прибавимъ еще пессимизмъ, которымъ въ разсказахъ отличается міровоззрѣніе крестьянъ, пессимизмъ, который, вмѣстѣ съ звѣрскими страстями въ половыхъ отношеніяхъ, является источникомъ душевныхъ и нравственныхъ побужденій къ убійствамъ и другимъ преступленіямъ, источникомъ ощущеній, испытываемыхъ виновниками post factum. Все это черты, лишь крайне рѣдко проявляющіяся въ крестьянской средѣ, но зато излюбленныя беллетристами-декадентами. Къ числу послѣднихъ примыкаетъ Г. Веберъ-Лютковъ какъ по сюжетамъ своихъ произведеній, такъ и по отношенію своему къ описываемымъ общественнымъ явленіямъ, по своимъ воззрѣніямъ, ярко отмѣченнымъ пессимизмомъ и стихійнымъ антисемитизмомъ, по предпочтенію, которое онъ, при выборѣ содержанія, отдаетъ животнымъ проявленіямъ человѣческой природы. А жаль: авторъ, несомнѣнно, отличается талантливостью, онъ умѣетъ оживлять для читателя даже выведенныя имъ неестественныя дремлющія души, характеристики его мѣтки, иногда онъ даетъ глубокій психологическій анализъ; изложеніе отличается прекраснымъ языкомъ, иногда большимъ изяществомъ, мѣстами даже художественностью; разсказы его читаются легко и съ интересомъ.

В. Б.

Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. IV. Царствованіе Александра I (съ 1810 по 19 ноября 1825 г). *Журналы по дѣламъ Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ. СПБ. 1899.*

Порядокъ изданія архивныхъ матеріаловъ въ настоящей четвертой части четвертаго тома сохраненъ прежній, о чемъ нельзя не пожалѣть и не повторить высказанныхъ нами раньше пожеланій [1]; редактировалъ этотъ томъ по-прежнему I. Ф. Штендманъ.

Изъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Малороссіи, можно отмѣтить слѣдующіе:

1) Рѣшеніе по дѣлу объ имѣніи, купленномъ коллежскимъ ассесоромъ Михаиломъ Мартыновскимъ у наслѣдницъ маіорши Евфросиніи Скоропадской.

2) Рѣшеніе по дѣлу объ отыскиваемомъ княгинею Идаліею Сапѣга отъ графовъ Потоцкихъ дополненіи придaнной суммы.

3) Рѣшеніе по дѣлу о раздѣленіи между греко-россійскими и греко-уніатскими церквами суммы 200.000 злотыхъ, завѣщанной покойнымъ уніатскимъ оффиціаломъ Примовичемъ на устроеніе и содержаніе въ городѣ Житомірѣ миссіи и семинаріи и оспариваемой его наслѣдниками.

4) Рѣшеніе по дѣлу о крестьянахъ, спорныхъ между помѣщиками Базилевскими и опекуномъ малолѣтнихъ Неклюдовыхъ, ротмистромъ Донецъ-Захаржевскимъ.

5) Рѣшеніе по дѣлу объ утвержденіи навсегда раздѣла имѣнія между наслѣдниками князя Ксаверія Любомирскаго.

Наиболѣе интересное первое дѣло, какъ образчикъ судебной волокиты того времени.

Въ 1817 году въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривалось рѣшеніе Сената по дѣлу объ имѣніи, купленномъ коллежскимъ ассесоромъ Михаиломъ Мартыновскимъ у наслѣдницъ маіорши Евфросиніи Скоропадской, урожденной Закревской.

Евфросинія Скоропадская была дочь генеральнаго обознаго Іосифа Закревскаго († 1769 г.) и жены его, Анны, урожденной Разумовской, которые имѣли, кромѣ Евфросиніи, вышедшей замужъ за Скоропадскаго въ 1761 г., еще четырехъ сыновей—Андрея, Григорія, Кирилла и Алексѣя, и двухъ дочерей—Софію и Марину. Въ

[1]) См. Кіевск. Стар., 1898 г., апрѣль.

1772 г. Скоропадская предъявила искъ въ Батуринскомъ земскомъ судѣ къ братьямъ о выдѣлѣ ей части изъ оставшагося по смерти родителей имущества, такъ-какъ «отецъ ея, принявшій фамилію Закревскихъ, до женитьбы своей не имѣлъ никакого имѣнія», а все имущество было пріобрѣтено путемъ пожалованія не столько отцу, сколько матери, Аннѣ Закревской, какъ сестрѣ братьевъ Разумовскихъ [1]), и потому можетъ считаться материнскимъ, въ доказательство чего приводился универсалъ гетмана Разумовскаго отъ 17 января 1752 г. на м. Салтыкову Дѣвицу въ Нѣжинскомъ полку *«съ людьми* и со всѣми угодіями». Отвѣтчики доказывали, что ихъ отецъ и до женитьбы на Аннѣ Разумовской имѣлъ недвижимую собственность; женившись, продолжалъ округлять свое земельное владѣніе, такъ что все оставшееся по смерти родителей имущество—отцовское, а такъ-какъ Евфросинія выдана замужъ при жизни отца и получила отъ него приданое, то она и не имѣетъ правъ на наслѣдство. Батуринскій земскій судъ призналъ право Евфросиніи Скоропадской на наслѣдство, но, принявъ во вниманіе, что у нея, кромѣ четырехъ братьевъ, имѣется еще двѣ сестры—графиня Софія Апраксина и Марина Нарышкина,—постановилъ выдѣлить ей седьмую часть. Отвѣтчики этимъ не удовлетворились, и началась судебная волокита черезъ генеральный судъ, малороссійскую коллегію и сенатъ.

Между тѣмъ истица Скоропадская 19 сентября 1799 г. умерла, составивши незадолго передъ смертію завѣщаніе, на которомъ подписался въ качествѣ свидѣтеля и ея сынъ, Петръ. Она раздѣлила оставшуюся часть ея недвижимаго имущества, а равно право на седмую часть наслѣдства, согласно рѣшенію Батуринскаго земскаго суда, между двумя своими дочерьми, Евфросиніей и Софьей (изъ которыхъ послѣдняя вскорѣ вышла замужъ за прапорщика гвардіи Михаила Корбія), въ равной части. На это распоряженіе матери выразилъ свое согласіе и другой ея сынъ, Михаилъ.

Такъ какъ процессъ очень затянулся, то произошли новыя осложненія, а именно: Алексѣй Закревскій, сыновья умершаго Григорія Закревскаго и одна изъ дочерей Кирилла Закревскаго, Марья, по мужу Раздеришина, помирились съ двумя дочерьми Евфросиніи Скоропадской, удовлетворя ихъ деньгами; часть спорнаго имущества, именно—м. Салтыкова Дѣвица, продана въ 1794 г. Кирилломъ

[1]) Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ. Т. I, стр. 64

Закревскимъ его-же дочери Еленѣ и ея мужу Николаю Романовскому, а с. Дорогинка продана въ 1783 г. Андреемъ Закревскимъ коллежскому ассесору Константину Селивановичу.

Въ виду этихъ осложненій все дѣло по жалобамъ сторонъ было передано Сенатомъ для новаго разсмотрѣнія въ Нѣжинскій земскій повѣтовый судъ, а потомъ перешло въ генеральный судъ и снова въ сенатъ.

Между тѣмъ 19 ноября 1804 г. умерла Софья Корбіева, продавши незадолго до смерти свое право на часть спорнаго наслѣдства Василію Селецкому и Мартыновскому.

Эти новыя осложненія повели къ тому, что дѣло побывало на разсмотрѣніи въ Глуховскомъ земскомъ повѣтовомъ судѣ, въ черниговскомъ губернскомъ правленіи и еще разъ въ Сенатѣ.

Когда умеръ и Мартыновскій, то сынъ его лейбъ-гвардіи уланскаго полка корнетъ Михаилъ Мартыновскій подалъ всеподданнѣйшее прошеніе о новомъ пересмотрѣ дѣла, такъ-какъ согласно послѣднему рѣшенію Сената,—доставшееся ему отъ отца имѣніе отбирается въ пользу наслѣдниковъ первоначальныхъ отвѣтчиковъ, братьевъ Закревскихъ, и онъ остается безъ всякихъ средствъ, вслѣдствіе чего состоялось Высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ всего дѣла въ Государственномъ совѣтѣ.

Государственный совѣтъ постановилъ 19 ноября 1817 г. большинствомъ девяти голосовъ противъ пяти, что маіорша Евфросинія Скоропадская, урожденная Закревская имѣла право на седмую часть имущества, принадлежавшаго ея родителямъ, Іосифу и Аннѣ Закревскимъ, такъ - какъ послѣдніе обязаны этимъ имуществомъ «содѣйствію» знатныхъ родственниковъ Анны Закревской.

14 августа 1818 г. это рѣшеніе государственнаго совѣта, разрѣшавшее всѣ происшедшія осложненія и утверждавшее всѣ совершенныя разновременно завѣщанія, купчія крѣпости, уступочныя записи и проч., было Высочайше утверждено, и такимъ образомъ положенъ конецъ дальнѣйшей волокитѣ.

Н. С.

Очерки Малороссіи. *«Приходская библіотека», издаваемая подъ ред. В. И. Шемякина. Сборникъ для народнаго чтенія С.-П-бургъ. 1899.*

Немногіе знаютъ объ этомъ, въ общемъ полезномъ, изданіи. «Приходская библіотека» имѣетъ пока шесть отдѣловъ: церковный, историческій, географическій, литературный, сельско-хозяйственный и музыкально-пѣвческій; третій отдѣлъ состоитъ изъ 10 книгъ,—девять носятъ общее заглавіе «Русская земля»; эти книги составлены гг. Поддубнымъ, Рудневымъ, Благовидовымъ и Лупповымъ. Очеркъ родного намъ края заключаетъ въ себѣ разнообразные отрывки, характеризующіе природу, населеніе и промыслы Малороссіи, обнимающей, по не вполнѣ точному опредѣленію составителя, слѣдующія мѣстности: губерніи Подольскую, часть Черниговской (къ югу отъ Десны), часть Курской (къ югу отъ рѣки Сейма), часть Воронежской (къ западу отъ рѣки Дона), Екатеринославской и Херсонской, т. е. около 10,670 квадр. миль. Въ книжкѣ (224 стр.) находимъ извѣстное стихотвореніе А. Толстого «Ты знаешь край»..., Пассека «Малороссійскія степи», Афанасьева-Чужбинскаго «Днѣпръ и Днѣпровскіе пороги», Гоголя «Украинская ночь» и «Лѣтній день», Кольцова «Ночлегъ чумаковъ», Козлова «Кіевъ и его святыни», за которыми слѣдуетъ описаніе достопримѣчательностей Кіева, Кіево-печер. и почаевской лавры, Полтавы (съ отрывками изъ поэмы Пушкина и солдатскихъ пѣсенъ). Но наиболѣе интересными, безъ сомнѣнія, представляются очерки, характеризующіе бытъ, нравы, занятія и промыслы Малороссовъ, напримѣръ—малороссійскія села и хутора, хаты; домашняя утварь, одежда и утварь; повѣрья и суевѣрія, народные обычаи при крестинахъ, свадьбахъ и похоронахъ; земледѣліе и его враги, разведеніе свекловицы и табака; садоводство, пчеловодство, отхожіе и домашніе промыслы.

Въ главѣ о народной словесности помѣщены то въ изложеніи, то въ небольшихъ отрывкахъ малорусскіе сказки, думы и пѣсни. Любопытно, что это полу-оффиціальное изданіе считаетъ болѣе удобнымъ не пользоваться произвольно составленнымъ оффиціальнымъ малорусскимъ правописаніемъ, а если пользуются, то по недосмотру; въ книгѣ читаемъ: «якій день на Благовіщення, такій и на Великъ день» или:

Пане гетьмане Хмельницкій,
Батьку Зиновъ нашъ Чигиринскій!
За що ти на насъ такий гнивъ положивъ? и т. д.

Можно только пожалѣть, что подобная книга не появилась и на понятномъ и родномъ для Малоросса языкѣ. Очень и очень многое не пойметъ въ рѣчи «Очерковъ» самъ нашъ «хлиборобъ», если это изданіе В. И. Шемякина дойдетъ до его хаты.

Къ недостаткамъ книги надо причислить, во 1-хъ, невсегда точныя и удачныя опредѣленія; во 2-хъ, значительную нерашливость составителя въ изложеніи сообщаемыхъ свѣдѣній,—какъ будто онъ куда-то торопился, стараясь поскорѣе сбыть работу съ рукъ. Для образца приводимъ «немногое изъ многаго» въ этомъ родѣ, роняющее цѣнность книги. «Запорожскою сѣчью», опредѣляетъ составитель, «называлось товарищество воинственныхъ козаковъ старыхъ временъ; они брили всю голову, оставляя на макушкѣ лишь одну прядь волосъ, которая называлась чубомъ»,—вотъ и все, что мы узнаемъ изъ книги о Запорожьѣ. Расхваливая ростъ малороссовъ, по какой причинѣ именно малороссами наполняются гренадерскія и кавалерійскія части войскъ, составитель говоритъ, что малороссъ «на морозѣ работать не привыкъ; точно также не любитъ онъ и подниматься рано съ постели» (стр. 34), а на стр. 63—читаемъ, что малороссъ встаетъ на работу часа въ 3 утра. „Въ степяхъ", сообщаетъ составитель, „нѣкоторыя змѣи достигаютъ величины 3-хъ и болѣе саженъ" (стр. 29). Оказывается, что особенно Гедеонъ Балабанъ вмѣстѣ съ другими были создателями такъ называемой «литовской церковной уніи 1595-го года» (стр. 67) и т. д. Опечатокъ въ книгѣ очень много; цѣна—дешевая: немалый томикъ (одинъ)—30 коп., а всѣ десять книгъ очерковъ «Русской земли»—3 р. 20 коп.

И.

Брошюры Благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ: *№ 2) Про городыну. О. Степовыка. СПБ. 1899. ц. 5 к.; № 3) Молодыча боротьба. Г. Барвинокъ. СПБ 1899. ц. 1 к.*

Въ ноябрьской книгѣ «Кіев. Стар.» минувшаго года мы имѣли случай отмѣтить выходъ въ свѣтъ первой брошюры изданія вышеупомянутаго общества («Корыстни звирятка» О. Степовыка). Теперь передъ нами двѣ слѣдующія брошюры, изъ коихъ первая принадлежитъ перу того-же г. Степовыка и отличается присущими этому способному популяризатору достоинствами—легкимъ, удобопонятнымъ

изложеніемъ и чистымъ народнымъ языкомъ. По содержанію эта брошюрка значительно интереснѣе «Корыстнихъ звирятокъ», т. к. затрагиваетъ вопросы, болѣе важные въ крестьянской жизни, трактуя о культурѣ огородныхъ растеній и болѣе или менѣе доступныхъ для селянъ средствахъ къ поднятію на надлежащую высоту этой весьма выгодной отрасли сельскаго хозяйства.

Что касается брошюры г-жи Барвинокъ, то она представляетъ собою дословно записанный разсказъ словоохотливой деревенской бабы о житьѣ-бытьѣ, выпадающемъ на долю малосостоятельныхъ крестьянокъ. Автору, или—вѣрнѣе—стенографу, вполнѣ удалось сохранить въ своей записи народную рѣчь, но, къ сожалѣнію, онъ оставилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, во всей неприкосновенности, всѣ шероховатости довольно безсвязнаго и безтолковаго повѣствованія разсказчицы. Благодаря этому, читать разсказъ чрезвычайно утомительно, а пересказать его—даже послѣ довольно внимательнаго прочтенія—представляется почти невозможнымъ. Кромѣ того, самый разсказъ, за исключеніемъ одного-двухъ мѣстъ, на столько безсодержателенъ, что не можетъ заинтересовать не только тѣхъ читателей, которыхъ должны были имѣть въ виду издатели, но даже и этнографа. Вслѣдствіе этого представляется вполнѣ непонятнымъ, что побудило общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ выпустить въ свѣтъ эту книжку.

С. Н.

Береженого Богъ береже. *Оповидання селянына про скотську чуму. Черкассы, 1899 г.*

Книга эта предназначена для деревни. Простымъ народнымъ языкомъ, въ формѣ бесѣды, авторъ знакомитъ своего читателя съ заразными болѣзнями скота, которыя составляютъ для крестьянина, незнакомаго съ самыми элементарными мѣрами предупрежденія повальныхъ болѣзней скота, истинное несчастье. На простыхъ и ясныхъ примѣрахъ авторъ выясняетъ то, какимъ образомъ передается зараза отъ одного животнаго къ другому и какъ предупредить передачу заразнаго начала другому животному. Такъ постепенно подходитъ авторъ къ главной темѣ своей бесѣды—чумѣ. Мѣры предупрежденія, которыя рекомендуются авторомъ, какъ напр. изолированіе,—вполнѣ доступны

и могутъ принести большую пользу крестьянину, который въ подобныхъ случаяхъ часто прибѣгаетъ къ суевѣрнымъ пріемамъ. Книга написана популярно и несомнѣнно принесетъ большую пользу простому народу въ смыслѣ установки правильнаго взгляда на заразныя болѣзни.

Отъ души-же пожелаемъ ей успѣха среди сельскаго населенія.

Обозрѣніе епархіальныхъ Вѣдомостей южныхъ епархій 1899 г.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской Епархіи (Ковельскій уѣзд.). №№ 1—4, 6, 7, 11—12, 13, 16.

О достоинствѣ перваго источника польской исторіи-лѣтописи анонимнаго автора Галла (№ 10). Переводъ статьи, помѣщенной въ Allgemeine Zeitung. Авторъ признается недостовѣрнымъ.

Ѳ. Делекторскій. Правда о русско-католическихъ и русско-польскихъ отношеніяхъ (№№ 9—12). Положеніе католичества при Екатеринѣ, Павлѣ I, Александрѣ I, Николаѣ I.

Тенденціозная статья съ той основной идеей, что католицизмъ, и раньше и теперь, пользуется лучшимъ положеніемъ, чѣмъ православіе. Много некрасивыхъ выходокъ противъ поляковъ.

Ф. Краткое описаніе памятниковъ древности, поступившихъ въ Волынское древнехранилище отъ 1 авг. 1894 г. по 1 ноября 1898 г. (№№ 1—14, 16—21). Памятники вещественные.—Рукописи.—Старопечатныя книги.—Современныя изданія [1]).

Г. К. Историческое и общественное значеніе Почаевской Лавры (№№ 19, 21, 23—24, 25, 26, 27, 28, 30, 31, 32).

Базиліане въ Почаевѣ и ихъ отношеніе къ Лаврѣ.—Свѣтлыя стороны базиліанской эпохи.—Историческая заслуга почаевской обители; значеніе ея, какъ религіозно-просвѣтительнаго центра.—Просвѣтительное вліяніе Почаевской Лавры.—Миссіонерское вліяніе.—Средства Лавры въ теченіе XIX в.—Бытъ монашествующихъ.

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1900 г., № 2, Археологич. Лѣтопись, стр. 135.

Древняя Жидичинская архимандрія на Волыни (№№ 22, 23—30).

Исторія архимандріи отъ начала Жидичина (по мнѣнію автора съ X в.). Предполагаемое важное миссіонерское значеніе Жидичинскаго монастыря.—Цвѣтущее состояніе монастыря въ XIII в.—Состояніе его въ XIV и XV вв.—Препятствія, тормозившія правильный ростъ обители: враги внѣшніе и католицизмъ.—Топографія Жидичина и его окрестностей.—Колонизація Жидичинскихъ грунтовъ, ихъ богатства.—Настоятели древняго періода монастыря.—Переходная эпоха въ исторіи Жидичинской архимандріи (XVI вѣка): состояніе монастыря при Борзобогатыхъ-Красенскихъ, К. Конст. Острожскомъ, Балабанахъ.

Св. Димитрій, Митрополитъ Ростовскій (№ 29).

Очеркъ составленъ на основаніи собственныхъ трудовъ Димитрія Ростовскаго, Синодальнаго житія (Арсенія Мацѣевича) и трудовъ: преосв. Филарета, Шляпкина и Пыпина (Истор. р. литер., т. II).

Малорусское происхожденіе святителя (сынъ козака Туптало).—Воспитаніе въ Кіево-Братской школѣ, постриженіе, посвященіе въ санъ іеромонаха.—Литературные труды Димитрія.—Дѣятельность Димитрія въ Ростовѣ.—Характеристика Димитрія.

О. Ф. Волынь на XI археологическомъ съѣздѣ въ г. Кіевѣ (№№ 33, 34, 35 и 36).

Отчетъ о выставкахъ древностей Волынскихъ и рефератахъ, читанныхъ на съѣздѣ и имѣющихъ отношеніе къ прошлому Волыни.—Отрицается, высказанный графиней П. С. Уваровой, упрекъ Волынскому Епарх. начальству въ запрещеніи доставлять церковныя древности на выставку. XI съѣздъ, по мнѣнію автора, имѣлъ огромное значеніе для изученія прошлаго Волыни.

Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости.

Д. Щегловъ. Изъ бумагъ преосвященнаго Анатолія, бывшаго Архіепископа Могилевскаго (№№ 8—9).

Уроженецъ Подоліи, воспитанникъ Кіевской Академіи, пріятель извѣстнаго В. Гречулевича, оставилъ по смерти много рукописей и бумагъ; Д. Щеглову досталось описаніе народныхъ христіанскихъ обычаевъ Подоліи. Описаніе затрогиваетъ общеизвѣстные обычаи, соединенные съ праздниками и повседневной жизнью подолянина-малоросса.

Д. Щегловъ. Новыя данныя о митрополитѣ Гавріилѣ Банулеско-Бодони (№ 18, 19, 20).

(Составлено на основаніи труда прот. В. Жмакина, см. «Русскій Архивъ, 1898, 11—19).

Дѣятельность Банулеско въ Бессарабіи, Екатеринославѣ; два дѣла въ архивѣ св. Синода, относящіяся ко времени управленія Екатеринославской епархіей; Банулеско въ качествѣ Кіевскаго митрополита; въ Одессѣ.

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости.

С. Потѣхинъ. Новыя ученія въ Кіевской штундѣ (№ 2).

— О возникновеніи новаго толка, подъ названіемъ субботниковъ, отвергающихъ празднованіе воскреснаго дня и замѣняющихъ его субботой.

А. Войтковъ. Изъ епархіальной хроники прошлаго столѣтія.

— Описаніе прибытія въ Кіевъ митрополита Кіевскаго Гавріила Кременецкаго (1770—1783), встрѣча кіевлянами и первое время пребыванія на новой каѳедрѣ.

Л.—Пасха въ Малороссіи (№№ 8—9). Статья представляетъ собою описаніе народныхъ обычаевъ, соединенныхъ съ праздникомъ Пасхи; составлена по печатнымъ источникамъ и новыхъ матеріаловъ не заключаетъ.

П—ій. Образовательныя средства православнаго духовенства Подольской Украйны во второй полов. XVIII и въ началѣ XIX в. в. (№№ 8—9),—историческая замѣтка по поводу 75-лѣтняго юбилея Уманскаго духовнаго училища.

Кромѣ общаго, довольно поверхностнаго обзора духовнаго просвѣщенія того времени, замѣтка содержитъ также историческій очеркъ Уманскаго духовнаго училища, слишкомъ краткій и потому мало содержательный.

А. Бѣлгородскій. Къ столѣтію возстановленія Кіево-Братскаго монастыря (29 мая 1799—24 мая 1899 г.). Историческая справка о состояніи монастыря за послѣднее столѣтіе.

С. Потѣхинъ. Штундисты с. Дзенгелевки, уманскаго у. и моя бесѣда съ ними (№ 13). Обычная миссіонерская статья, отмѣчающая новое направленіе въ штундизмѣ—«раціоналистическое толстовство». Впрочемъ, кромѣ голаго сообщенія, что штундисты «завели письменныя сношенія съ Ясной Поляной», статья не указываетъ, въ чемъ собственно выражается «толстовство штундистовъ».

М. Пятницкій.—Кіево-Печерскій монастырь, его свв. подвижники и церковно общественное значеніе, по даннымъ «Кіево-Печерскаго Патерика» (№ 15). Церковно-историческій очеркъ, рисующій картину внѣшней исторіи Кіево-Печерской лавры, ея внутренняго устройства и просвѣтительно-миссіонерской дѣятельности иноковъ. Очеркъ составленъ, какъ видно изъ заглавія, почти исключительно по даннымъ «Кіево-Печерскаго Патерика»; къ другимъ источникамъ авторъ очерка прибѣгаетъ рѣдко, кромѣ «Житія пр. Ѳеодосія», написаннаго Несторомъ, поэтому очеркъ не можетъ претендовать на полноту и обстоятельность.

Свящ. Василій Липковскій.—Псаломщики и церковныя школы (№ 17). Статья представляетъ собою довольно странный проектъ поднятія церковно-приходскихъ школъ путемъ обязательнаго привлеченія сельскихъ псаломщиковъ. Аргументомъ въ пользу такого привлеченія, по мысли автора, служитъ, между прочимъ, то обстоятельство, что «у дьяка начали свое образованіе и митрополитъ Іосифъ Сѣмашко и поэтъ малорусскій Тарасъ Шевченко [1]) Въ общемъ проэктъ свящ. Липковскаго изобилуетъ странностями и противорѣчіями, претенціозными вылазками противъ «тлетворнаго западнаго вѣтра", культурной школы, скопированной съ западныхъ образцовъ", «противныхъ (?) вліяній» и т. д.

Протоіерей Василій Липковскій.—Къ исторіи причтовыхъ помѣщеній (№№ 18—19). Статья содержитъ между прочимъ нѣкоторыя бытовыя черты изъ жизни малороссійскаго духовенства; впрочемъ тонъ автора и отсутствіе ссылокъ на источники, изъ которыхъ онъ заимствовалъ сообщаемыя данныя, заставляетъ относиться къ нимъ подозрительно.

Состояніе штундизма въ Кіевской епархіи за 1898 годъ, дѣятельность миссіи и уѣздные миссіонерскіе съѣзды (№№ 23—24). Статья содержитъ цифровыя данныя о состояніи штундизма въ Кіевской губ. въ 1898 г., общій обзоръ направленій, существующихъ среди штундистовъ, и предлагаетъ рядъ мѣръ къ борьбѣ со штундизмомъ.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости.

П. В. Праздникъ преполовенія и рахманскій Великодень (№ 20—21). Пріурочиваніе къ празднованію преполовенія—рахманскаго Великодня. Легенда о рахманахъ.

---

[1]) См. Кіевск. Стар., 1899 г., кн. 12, стр.

В. Петрушевскій. Богослужебное пѣніе Галицко-русскихъ церквей (№ 22).

Нѣкоторыя отличія богослужебнаго пѣнія Галицко-русскихъ церквей отъ таковаго въ Россіи.

Свящ. Н. Д. Къ вопросу о томъ, что читаетъ нашъ народъ? (№ 20). „Листъ Божій“, «Сонъ Богородицы».

Е. С. Церковно-іерархическія отношенія Подоліи къ Кіевской и Галицкой митрополіямъ. (Историческій очеркъ). (№ № 45—46). Побужье и Понизье въ древности.—Учрежденіе первыхъ епархій.—Краткія историческія свѣдѣнія о Подоліи до XVIII в. включительно.—Церковно-іерархическія отношенія восточной и западной Подоліи въ XVI в.—Галицкая каѳедра и ея замѣстители.—Епископы въ Подоліи.—Переяславская епархія.

Въ отдѣлѣ «Изъ епархіальной жизни» —*«Желательный порядокъ снесенія старыхъ упраздняемыхъ церковныхъ зданій* (№ 46),—см. Кіев. Стар. 1900, № 1, Археологическая лѣтопись, стр. 52—53.

С. Историческая справка о св. Троицкой церкви мѣстечка Пикова, Винницкаго уѣзда. (По поводу ея 200-лѣтія).

Время основанія.—«Фундушъ».—Перенесеніе ея въ въ 1749 г. на другое мѣсто.

А. Л. Церковно-народное празднованіе Рождества Христова (№ 51).

Приготовительныя дѣйствія церкви къ уразумѣнію смысла празднованія Рождества Христова.—Черты народнаго празднованія и соединенные съ послѣдними обычаи.—«Кутя», колядованье.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости.

Священникъ Николай Пирскій. Мѣстечко Соколка (№№ 15 и 18). Историческій и церковно-статистическій очеркъ.

Иванъ Яновскій. Епископы Переяславля Русскаго и предѣлы ихъ епархіи, со времени учрежденія въ г. Переяславлѣ каѳедры и до перенесенія этой каѳедры въ г. Сарай—съ XI—XIII ст). (Историко-біографическій очеркъ) (№ 22).

Обстоятельное, на основаніи многихъ печатныхъ источниковъ, изслѣдованіе о переяславской епархіи.—Распространеніе христіанства въ предѣлахъ древняго Переяславскаго княжества; первая епископія; епископы съ XI и до начала второй половины XIII стол.—Территорія древней Переяславской епархіи (города и населенныя мѣстности).

Священникъ Григорій Прихожій. Село Ивановка и его храмы (№№ 25—26).

Историческія свѣдѣнія отъ возникновенія села и до нашихъ дней.—Современное состояніе прихода; священно и церковно-служители с. Ивановки, въ хронологическовъ порядкѣ.—

Въ свѣдѣніяхъ о бытѣ прихожанъ замѣтны преувеличенія.... «о какихъ-либо суевѣріяхъ и антирелигіозныхъ обычаяхъ среди Ивановцевъ не можетъ быть и рѣчи»; прихожане отличаются «полной благонадежностью и добропорядочностью, нѣтъ проявленія той грубости и жестокости, которыя царили въ семьѣ въ дореформенный періодъ», отличаются благочестіемъ, между тѣмъ, какъ только что говорилось о томъ, что отхожіе промыслы (къ колонистамъ нѣмцамъ въ Екатериносл. и Тавричес. губ). дурно вліяютъ на религіозно-нравственныя понятія молодежи; населеніе читаетъ вообще «книги религіозно-нравственнаго содержанія и отчасти—*историческія*»... (?)

Свящ. Александровскій. Дубенская икона Божіей Матери въ Красногорскомъ женскомъ монастырѣ и крестный ходъ съ нею въ с. Антиповку и обратно (№ 29).

Нѣкоторыя свѣдѣнія о красногорскомъ монастырѣ; о происхожденіи названія иконы «Дубенской».

М. Короповъ. Къ исторіи Александро-Невской церкви с. Матвѣевки, Золотоношскаго уѣзда (№№ 29 и 30).

Происхожденіе названія села (будто-бы на мѣстѣ города Кизиля или Кизивера); время основанія его; первый храмъ и послѣдующіе; описаніе внутренности современнгао храма. Приводятся археологическія указанія въ пользу существованія нѣкогда древняго города или мѣстечка, на мѣстѣ нынѣшней Матвѣевки.

Ставропольскія Епархіальныя Вѣдомости.

Систематическій каталогъ древнехранилища, учрежденнаго при Ставроп. церк. археолог. Общ., за четыре года его существованія.—Иконы, кресты, священныя изображенія, предметы богослужебныя, книги, картины, альбомы, документы, монеты, медали, археологическіе предметы,—всего 91 № и 323 названія.

Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости.

О благотворительномъ обществѣ изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ въ Петербургѣ (№ 18).

О задачахъ общества съ прибавленiемъ «Извлеченiя изъ Устава Общества».

П. А. Т. Одесская старокладбищенская церковь (№№ 23 и 24). Исторiя построенiя.—Церковь.—Священно- и церковно-служители.—Причтъ.—Жертвователи. (Очеркъ снабженъ нѣсколькими фотографiями).

Труды Кiевской Духовной Академiи.

Ст. Т. Голубевъ. Къ исторiи Кiевской Трехсвятительской церкви за вторую половину XVII столѣтiя (№ 1) [1].

С. Т. *Голубевъ.* Неизвѣстное полемическое сочиненiе противъ папскихъ притязанiй въ юго-западной Россiи (1633 г.) (№ 1).

Рѣчь идетъ объ открытомъ г. Голубевымъ сочиненiи: «Римъ или римская столица имѣетъ-ли какое касательство до политическихъ правъ короны Польской и великаго княжества Литовскаго?—краткiя разсужденiя, поднесенныя въ 1633 г. государственнымъ чиномъ коронацiи». Въ этомъ сочиненiи, какъ показываетъ анализъ его, произведенный проф. Голубевымъ, проводится мысль о независимости Польской Короны отъ папскаго престола въ дѣлахъ государственныхъ. Эта основная мысль мотивируется данными, почерпнутыми изъ исторiи и законодательства (древнихъ статутовъ). Разсматриваемое полемическое сочиненiе г. Голубевъ приписываетъ перу Адама Киселя и мѣстомъ его изданiя считаетъ Кiевъ, въ частности Кiево-Печерскую типографiю.

Ѳ. М. Ильинскiй. Большой катихизисъ Лаврентiя Зизанiя (№ 3). Катихизисъ Лаврентiя Зизанiя, разсматриваемый со стороны плана, метода, эрудицiи и языка.

П. А. Лащкаревъ. Дача Кiево-братскаго монастыря. Церковщина, (№ 3). Исторiя дачи и бывшаго въ ней гнилецкаго монастыря.

Н. И. Петровъ. Отчетъ церковно-археологическаго общества при Кiевской Духовной Академiи (№ 3). Составъ общества, приращенiя музея и библiотеки, занятiя членовъ.

Д. Сцѣпуро. Виленское Св.-духовское братство въ XVII и XVIII в. (продолженiе) (№ 4, 6, 8, 9). Продолжается изображенiе внѣшняго положенiя братства въ XVII в., начало внутренняго состоянiя братства

---

[1]) См. Кiевск. Стар. 1899, кн. II, стр. 94—96.

и постепенный упадокъ до прекращенія его историческаго существованія (1633—1794).

М. Ѳ. Ястребовъ. Высокопреосвященный Диматрій Муретовъ (біографія). Библіографическая замѣтка (№ 5). Излагается съ критическими замѣчаніями содержаніе труда съ выше-указаннымъ названіемъ протоіерея Николая Смирнова.

Н. И. Петровъ. О росписи стѣнъ и вообще объ украшеніи Кіевскаго Владимірскаго собора (№ 5, 6 и 7). Говорится о всѣхъ тѣхъ безпорядкахъ, при какихъ велась постройка собора; въ неприглядныхъ чертахъ изображается дѣятельность проф. Прахова; оцѣнивается съ церковно-археологической точки зрѣнія живопись собора.

Н. И. Петровъ. Археологическая находка на хорахъ въ великой церкви Кіево-Печерской лавры (№ 6 и 7). Излагается исторія этой находки и описываются главнѣйшія монеты; приложены очень хорошіе снимки важнѣйшихъ экземпляровъ находки.

Жизнь и подвиги святителей Христовыхъ и чудотворцевъ Кіево-Братскихъ молитвенниковъ, святыхъ: Ѳеодосія Полоницкаго—Углицкаго, архіепископа Черниговскаго, Димитрія Туптало, митрополита Ростовскаго, и Иннокентія Кульчицкаго, епископа Иркутскаго (кн. 9).

Краткія свѣдѣнія.

Профессоръ Петръ Александровичъ Лашкаревъ (№ 9).

Некрологъ. Свящ. *Ѳ. Титовъ. Слово, сказанное при погребеніи заслуженнаго экстра-ординарнаго профес. Кіевской Духовной Академіи* П. А. Лашкарева, 30 августа 1899 г. (№ 9).

Рѣчи, произнесенныя при погребеніи профессора П. А. Лашкарева (Ст. Голубевымъ, студ. Луценкомъ, А. Глаголевымъ, студ. Леонидовичемъ) (№ 9).

С. Голубевъ. Историко-топографическія изысканія и замѣтки о древнемъ Кіевѣ. I. *Существовала-ли въ Кіевѣ на старомъ городѣ церковь св. Никиты, относимая къ великокняжеской эпохѣ?* (№ 12).

На основаніи документальныхъ данныхъ, авторъ приходитъ къ тому выводу, что церкви св. Никитѣ, пріурочиваемой къ нагорной части Кіева и относимой къ великокняжеской эпохѣ, здѣсь не существовало.

О росписаніи стѣнъ и вообще объ украшеніи Кіевскаго Владимірскаго собора. (Окончаніе) (№ 17).

Разсказывается о ходѣ работъ по украшенію храма съ 1885 года и до окончанія ихъ въ 1896 г.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Вѣстникъ Европы, № 3; 2) Русская мысль, № 3; 3) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 3; 4) Историческій Вѣстникъ, № 3; 5) Русская Старина, № 3; 6) Літературно-Науковий Вістник, № 3; 7) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 2; 8) Русская Школа, № 2; 9) Biblioteka Warszawska, №№ 2 и 3; 10) Ateneum, №№ 2 и 3; 11) Przewodnik naukowy i literacki, №№ 2 и 3; 12) Slovanský přehled, № 3; 13) Русскій Архивъ, № 3; 14) Русское Богатство, № 2; 15) Научное Обозрѣніе, № 3; 16) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 1—2 и 3; 17) Записки Императорскаго Харьковскаго Университета, № 1; 18) Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 1; 19) Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, № 2; 20) Книжки Восхода, № 2; 21) Живописное Обозрѣніе, № 3; 22) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 1.

Русскій Архивъ № 3.

Н. Башкирцева. Изъ Украинской Старины (стр. 321—354). Авторъ помѣщаетъ свои воспоминанія,— «хронику, задуманную для себя и своихъ», въ значительной степени разбавленыя свѣдѣніями изъ печатныхъ источниковъ. Помимо исторіи развитія Чугуева (родина автора), г-жа Башкирцева даетъ интересныя свѣдѣнія о военныхъ поселеніяхъ въ данной мѣстности, о родѣ Донцовъ-Захаржевскихъ, Шидловскихъ, Балавенскихъ, фонъ-Клугенъ, Павловыхъ, Норовыхъ, Дуниныхъ. Такъ какъ Балавенскіе находились въ родственныхъ отношеніяхъ съ Квитками (Основянскими), то имѣются кое-какія данныя и объ этомъ родѣ.

Русская Старина № 3.

Запорожская сѣчь на Дунаѣ (стр. 768). Рескриптъ генералу-отъ-кавалеріи Михельсону. Отъ 20 іюля 1807 г. Въ виду его интереса, перепечатываемъ цѣликомъ.

По разнесшимся въ Новороссійскомъ краѣ слухамъ объ учрежденіи на Дунаѣ Запорожской Сѣчи, возникли между крестьянами разныя безпокойства, непокорность и бѣгство въ Молдавію. Цѣлыя

селенія оставляютъ мѣста ихъ жительства и вооруженною рукою, противясь дѣйствію земской полиціи, прорываются за границу.

Узнавъ о безпорядкахъ сихъ изъ донесеній мѣстныхъ начальствъ и находя, что учрежденіе сіе произведетъ въ пограничныхъ губерніяхъ между крестьянами вредныя послѣдствія, поручаю вамъ заведеніе на Дунаѣ Сѣчи остановить и все, что доселѣ было по сему предмету сдѣлано, отмѣнить, давъ знать отъ себя пограничнымъ нашимъ начальствамъ, что учрежденія таковаго нынѣ въ Молдавіи не существуетъ и принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ строгія мѣры, дабы какъ прежніе бѣглые изъ Россіи въ Молдавію были отыскиваемы и высылаемы, такъ и вновь бѣгущіе были выдаваемы и къ поселенію тамъ никакъ не допускались.

Историческій Вѣстникъ кн. 3.

Д. П. Миллеръ. Арестъ и ссылка В. Н. Каразина (стр. 1047—1053). Авторъ разсказываетъ о злоключеніяхъ основателя Харьковскаго университета, въ концѣ 1820 г., отбывшаго 6-мѣсячное заключеніе въ Шлиссельбургской тюрьмѣ по совершенно неосновательному подозрѣнію въ томъ, что онъ написалъ пасквиль, послужившій причиной бунта въ казармахъ л.-гвардіи Семеновскаго полка. По освобожденіи изъ заключенія Каразинъ отправленъ былъ въ свое имѣніе, гдѣ надъ нимъ установленъ былъ полицейскій надзоръ. И лишь въ 1826 г. послѣдовала резолюція съ разрѣшеніемъ жить въ Москвѣ,—«буде желаетъ; но съ тѣмъ, чтобы воздерживался отъ всякаго сужденія, къ нему не принадлежащаго».

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 1159, 1163, 1173, 1183) помѣщены рецензіи на «Матеріалы по исторіи русской картографіи. Вып. I. Карты всей Россіи и южныхъ ея областей до половины XVII стол. Кіевъ, 1899»; «Проф. Д. Багалѣй. Удаленіе профессора И. Е. Шада изъ Харьковскаго Университета. Харьковъ, 1899 г.; «Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи П. Т. I. Спб. 1899», «Козаки: донцы, терцы, кубанцы, уральцы. Очерки изъ исторіи и стародавняго казацкаго быта. Составилъ К. Абаза. Спб. 1899».

Вѣстникъ Европы № 3.

Александра Ефименко. Котляревскій въ исторической обстановкѣ, (стр. 320—339). Авторъ задался цѣлью освѣтить историческую почву южно-русскихъ отношеній, намѣтить историческія условія, которыя опредѣлили художественную личность Котляревскаго, а также и современныя отношенія къ этой личности. Особенно любопытны страницы, посвященныя описанію состоянія и значенія школы въ Малороссіи до Котляревскаго, а также наглядному установленію непосредственнаго духовнаго родства, связывавшаго автора «Энеиды» съ его темными предшественниками,—дьяками и «спудеями», авторами виршъ—орацій.

Журналъ Министерстерства Народнаго Просвѣщенія № 3.

Въ отдѣлѣ «Книжныя новости» (стр. 189—192) даны отзывы о книгахъ: «Д. И. Багалѣй. Удаленіе профессора И. Е. Шада изъ Харьковскаго университета. Харьковъ, 1899»; «Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80—1800 г.) Т. I. Спбр. 1899»; «Матеріалы для исторіи такъ-называемой Австрійской или Бѣлокриницкой іерархіи. Издалъ Н. Субботинъ. М. 1899.»

Кіевскія Университетскія Извѣстія № 2.

Отдѣлъ «Критика и библіографія». *П. Владиміровъ.* Научное изученіе апокрифовъ—отреченныхъ книгъ въ русской литературѣ во второй половинѣ настоящаго столѣтія (стр. 45—94).

Обстоятельный критико-библіографическій обзоръ трудовъ по изученію апокрифовъ, среди которыхъ отмѣчены труды въ этой области гг. Сумцова («Кіев. Стар.», 1887 г.), Франка («Памятки украінсько-русскоі мови і літератури», т. I) и мног. друг. Въ приложеніи къ статьѣ (стр. 94—109) помѣщены тексты апокрифовъ о 12-ти пятницахъ, хожденіи Пресвятыя Богородицы съ Михаиломъ Архангеломъ по мукамъ и др.

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета № 1.

Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго Университета. Томъ II. (1815—1835). (Стр. 31—126). (Продолженіе слѣдуетъ). Введеніе и первая глава объ Университетскомъ самоуправленіи.

Варшавскія Университетскія Извѣстія № 1.

Ѳ. И. Леонтовичъ. Къ исторіи административнаго строя Литовскаго государства (Окончаніе) (стр. 81—104). Дворы пашные, фольварки, ловецкіе дворы-станы, путевые дворы; составъ дворовъ господарскихъ и панскихъ, дворовая челядь, ея службы и работы.

Книжки Восхода № 2.

С. Дубновъ. Внутренняя жизнь евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ въ XVI вѣкѣ. Историко-культурные очерки (стр. 3—27) (Продолженіе слѣдуетъ).

Авторъ взялся выполнить интересную тему—опредѣленіе формъ еврейской культуры въ Польшѣ и Литвѣ въ XVI вѣкѣ. Имъ намѣчены къ изслѣдованію области внутренней жизни евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ: 1) воспитаніе и обученіе; 2) домашній и семейный бытъ; 3) религіозный бытъ; 4) общинная жизнь въ тѣсномъ смыслѣ; 5) *отношеніе евреевъ къ окружающему населенію;* 6) *экономическій бытъ* (роды занятій и пр.); 7) нравы, обычаи и повѣрья массы; 8) разговорный языкъ и собственныя имена евреевъ; 9) книгопечатаніе; 10) свѣтскія знанія.

Въ данномъ № авторомъ разсмотрѣнъ первый пунктъ (воспитаніе и обученіе), и онъ пришелъ къ тому выводу, что «каковъ-бы ни былъ уровень грамотности и религіознаго образованія еврейской массы въ XVI вѣкѣ, онъ во всякомъ случаѣ былъ значительно выше уровня образованія тогдашней польской, а тѣмъ болѣе русской массы»... «польская и русская народная масса была сплошь безграмотна»!

М. Кулишеръ. Прошлое и настоящее («Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи т. I. Спб). (стр. 46—70). Обстоятельный разборъ I тома «Регестъ».

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи № 1.

Б. Д. Гринченко. Народные спектакли (стр. 27—90). Г. Гринченко, располагая новыми свѣдѣніями о сельскихъ спектакляхъ, доставленными ему нѣкоторыми лицами, а также дополнивъ эти свѣдѣнія данными, помѣщенными уже въ періодическихъ изданіяхъ, даетъ читателю крайне интересный матеріалъ, свидѣтельствующій объ отношеніи къ спектаклямъ самого народа. Собраны отзывы о пье-

сахъ: «Наталка-Полтавка», «Сватання на Гончаривци», «Шельменко—Деньщикъ», «Черноморци» (Кухаренка), «По ревызіи», «Помырылысь», «Пошылысь у дурни», «Дай серцю волю» (последнія 4 пьесы г. Кропивницкаго), «Розумный и Дурень», «Сто тысячъ» (г. Карпенко-Караго), «За двома зайцямы» (г. Старицкаго), «На кожумякахъ» (И. С. Левицкаго), «Гласный» (Козловскаго) и мног. др.

Помимо этого, статья г. Гринченка важна еще тѣмъ, что въ ней указываются, какія именно пьесы изъ существующаго уже репертуара могутъ быть поставлены съ пользой для зрителей изъ народа.

Н. П. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка (стр. 91—113) (Продолженіе слѣдуетъ). Слѣдствіе начатое въ 1729 и оконченное въ 1731. Полковая старшина должна была составить списки селъ, ихъ владѣльцевъ и количества посполитыхъ, которыми владѣлъ тотъ или другой изъ старшины по ревизіи 1726 года.

Въ отдѣлѣ «Разныя извѣстія и корреспонденціи» (стр. 136—141) «Изъ Глухова» между прочимъ сообщается о поставленныхъ въ октябрѣ мѣсяцѣ малорусскихъ пьесахъ для народа—«Сватання на Гончаривци», «Назаръ Стодоля» и «Наталка-Полтавка».

Biblioteka Warzawska № 2.

A. Brückner. Slowianie i niemcy (стр. 197—231). Авторъ, восходя къ отдаленнѣйшимъ временамъ, къ первоначальной исторіи племенъ славянскаго и нѣмецкаго, отмѣчаетъ, замѣтныя уже въ тѣ доисторическія времена, крупныя отличія въ бытѣ, типѣ и характерахъ обоихъ племенъ; слѣдитъ за первыми шагами послѣднихъ на исторической сценѣ; говоритъ о возникновеніи Руси кіевской путемъ норманскаго нашествія, приводитъ аргументы въ пользу того, что не только названія дружинниковъ, но и названія князей (Рюриковичей)—норманскія; культъ Перуна—отъ скандинавскаго Перимъ-тора.

Slovanský přehled № 6 (3).

Въ отдѣлѣ „Rozhledy a zprawy" (стр. 277) удѣлено мѣсто экономическому положенію галицкихъ русиновъ и эмиграціи въ Бразилію, а также довольно обширному доброжелательному отзыву о новомъ галицкомъ періодическомъ изданіи—„Молода Україна".

Przewodnik naukowy i literacki № 2.

Korespondencya Jósefa Bohdana Zaleskiego. (Продолженіе) (стр. 97—110). Переписка съ различными лицами, относящаяся къ концу 1844 и началу 1845 гг., проникнутая, какъ всегда, горячей любовью къ Украинѣ, ибо, какъ онъ заявляетъ,—„Ja slowianin, Ukrainiec“ (стр. 109). Изъ писемъ видно, что Залѣсскій собирался писать о значеніи Украины въ отношеніи Польши и всего славянства (стр. 105), о нарождающейся украинско-русской литературѣ (стр. 100).

J. Horoszkiewicz. Pamiętnik o stroju narodowym w Rzeczy pospolitej polskiej. (Продолженіе) (стр. 155—162). Продолженіе описанія жупана на основаніи различныхъ письменныхъ источниковъ, до времени Станислава-Августа. По мнѣнію автора, покрой жупана клиномъ сохранился съ отдаленныхъ временъ и употребляется по-нынѣ въ краковскихъ бѣлыхъ сукманахъ и въ черныхъ—на Руси.

Въ отдѣлѣ «Kronica literacka» (стр. 187—192) данъ отзывъ о книгѣ С. Голубева «Кіевскій Митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники», т. II. Кіевъ, 1898.

Тоже № 3.

Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego (стр. 213—228) (Продолженіе) (см. Кіев. Стар. № 1 и 2). Корреспонденція относится къ марту мѣсяцу 1845 года. Очень любопытно письмо Залѣсскаго къ племяннику—Людвику Янковскому, которое въ значительной степени посвящено опредѣленію отношеній со стороны Залѣсскаго и вообще поляковъ—къ Украинѣ: «Польша много задолжала Украинѣ»—«Любите тамъ (на Украинѣ) народъ и будьте всегда наготовѣ оказывать ему справедливость, полнѣйшую справедливость». Залѣсскій одобряетъ то, что „wy szanujecie tam przeszłość domową“;—собираніе преданій, сказокъ, пѣсенъ и т. п.; литературное украинское движеніе и усилившійся интересъ къ нему, труды и поѣздки Шевченка и Кулиша (о чемъ ему писалъ раньше племянникъ)—«cieszą mnie i pobudzają do spółdziałania». Залѣсскій сильно тоскуетъ на чужбинѣ: «Jeżdżą tam insi po Ukrainie, a Ukraina jezdzie tu po mnie».

J. Horoszkewicz. Pamiętnik o stroju narodowym w Rzeczy pospolitej polskiej (стр. 270—279) (Продолженіе). Авторъ переходитъ къ разбору историческихъ данныхъ о происхожденіи *кунтуша*, который, по его мнѣнію, возникъ въ средѣ славянскаго племени, а затѣмъ подвергался всевозможнымъ видоизмѣненіямъ и усовершенствованіямъ.

Въ отдѣлѣ «Kronika literacka» (стр. 303—304) данъ отзывъ о книгѣ «Michał Czaykowski (Sadyk—Pasźa), zarys biograficzny. Napisał Fr. Rawita—Gawroński. Peterb. 1900».

Літературно-Науковий Вістник № 3.

Наш альбом. Стихотворенія: Із посмертних поезий А. Козловського (229—230), Із поезий Василя Пачовського (230—231), На народній мотив, Осипа Шпитка (231), Поезия двацятого віку, В. Дом—ого (232), Із теки сільськоі учительки, Меляніі Були (232—234), Фантазия, Остапа Людкевича (234).

Малюнки Гната Хоткевича: 1) *Біла береза* (стр. 235—240), II. *Якъ тітка Майстриха глечика скидала* (стр. 240—245), III. *Шлях альтруізму* (стр. 245—252).

Художественныя жизненныя картинки: первая съ оттѣнкомъ романтизма, третья—на чисто психологической основѣ, вторая—живой этнографическій снимокъ неудачнаго медицинскаго пріема «титкы Майстрыхы».

Перехресні стежки. Повисть Івана Франка (253—272).

Продолженіе.

За плахту. Оповіданне О. Я. Кониського (273—280).

Із образків Евгена Мандичевського (стр. 281—292): 1. Зі сходом сонця. 2. На весну. 3. Непоправна. 4. В сьвіт.

Недурные психологическіе этюды.

Із оповідань Гната Потапенка (з передмовою М. Г.) І. Шестеро. З российського переклав Григорій Коваленко (стр. 294—343).

Із мадярських поетів. Переспіви П. Грабовського (стр. 344—348). Прекрасные переводы нѣкоторыхъ произведеній Эмиля Абраня, Александра и Кароля Кишфалуди, Іосифа Левай, Андрея Сабова, Іосифа Этвеша, Александра Петевфи.

Панько Олелькович Куліш. Огляд його діяльности. Написав Осип Маковей (стр. 161—183) (Продолженіе слѣдуетъ). Авторъ, дѣля дѣятельность П. А. Кулиша на три періода: 1840—1855, 1855—1864, 1864—1897,—даетъ оцѣнку дѣятельности его въ первый періодъ, оканчивая 1847 годомъ. Авторъ, ознакомившись обстоятельно со всѣми обстоятельствами жизни и дѣятельности Кулиша, приходитъ къ тому выводу, что «коли й можемо докоряти йому за деякі помилки, то рівночасно повинні ми сим докоромъ обділити і всіх тих, що його виховували, що жилы з ним, що мали вплив на него».

Наші товариства. І. *Наукове Товариство імени Шевченка.* М. Грушевського, стр. 184—200. Авторъ разсказываетъ исторію возникновенія (въ 1873 г.) и развитія общества имени Шевченка, о его дѣятельности издательской до 1892, когда оно реформировано было въ «Наукове Товариство», объ организаціи и дѣятельности въ этотъ послѣдній періодъ до послѣдняго времени, о матеріальныхъ средствахъ. Статья снабжена портретами основателей общества: А. Кониссказо, Е. Милорадовичъ, Д. Пильчикова, М. Жученка, С. Качалы, перваго предсѣдателя общества К. Сушкевича; приложена фотографія дома Наукового Товариства.

Новини нашоі літератури. Михайло Коцюбинський: В путахъ Шайтана і іньші оповідання. Л. Крушельницького (стр. 201—206).

Сочувственный отзывъ о произведеніяхъ г. Коцюбинскаго.

М. Ф. Сластин. «Приймак», драма въ 4-х діях і 5-ти одмінах. Г. Хоткевича (стр. 207). Указываются перлы въ послѣдне-испеченномъ драматическомъ произведеніи пользующагося извѣстной (отрицательной) славой г. Сластина.

Хроніка і бібліографія (стр. 208—228). По обыкновенію, много интереснаго матеріала по всевозможнымъ вопросамъ современной культурной жизни въ Галичинѣ и Украинѣ.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Русская печать о Шевченкѣ въ 39-ю годовщину смерти его. Въ № 115 газ. „Сѣверный Курьеръ" помѣщена статья г. К. „*Т. Г. Шевченко*", въ которой отмѣчаются основныя черты характера Шевченка— любовь „до меньшого брата", стремленіе къ пріобрѣтенію роднымъ ему народомъ свободы и независимости. Между прочимъ авторъ указываетъ на то, что земляки Шевченка «не дали дешеваго изданія произведеній Шевченка, доступнаго по цѣнѣ народу» (sic!).

На это въ № 116 той же газеты послѣдовала поправка со стороны Д. Л. Мордовцева, гдѣ послѣдній указываетъ на то, что автору вышеуказанной статьи неизвѣстно о новомъ дешевомъ изданіи «Кобзаря» въ 1899 г. редакціей «Кіевской Старины», такъ какъ подобное изданіе 1894 года оказалось распроданнымъ.

Въ № 764 газ. «Приднѣпровскій Край» въ статьѣ «Тарасъ Григорьевичъ Шевченко» помѣщена краткая біографія поэта. Къ статьѣ

приложенъ портретъ Шевченка, въ сюртукѣ, приложенный къ изданію произведеній Шевченка, написанныхъ имъ на русскомъ языкѣ.

Въ № 766 той же газеты помѣщена краткая сочувственная статейка Аф. Глечика *«Памяти Шевченка»*. (Вмѣсто стихотворенія). Здѣсь же помѣщены: тотъ же портретъ, что и въ № 764, и кромѣ того снимки могилы Т. Г. Шевченка и памятника на могилѣ,—оба исполнены Н. В. Копытько осенью 1899 года.

Подобная сочувственная статейка помѣщена въ № 9 «Днѣпровской Молвы» подъ заглав. «Памяти великаго украинскаго поэта».

Въ № 51 «Одесскаго Листка» помѣщена статья стараго журналиста *«Двѣ годовщины»*. (Памяти Т. Г. Шевченка). Въ этой статьѣ, въ общемъ состоящей изъ эксцерптовъ изъ февральской книжки «Кіевской Старины» за текущ. годъ (статьи В. Беренштама и Оберучева), высказываются пожеланія, чтобы кто-либо изъ почитателей поэта собралъ во-едино все то, что написано о немъ у насъ и заграницей въ русинскихъ изданіяхъ: „Въ такую книгу могли-бы войти и интересныя письма Шевченка къ кн. Репниной, С. Аксакову, Костомарову и др. Опубликованію писемъ почему-то противился до сихъ поръ собственникъ произведеній поэта г. Беренштамъ". Очевидно, послѣднее голословное и далекое отъ истины утвержденіе заимствовано изъ № 7 «Днѣпровской Молвы» (статья Конисскаго). (При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что г. Беренштамъ уже десятки лѣтъ не состоитъ собственникомъ произведеній поэта).

Въ приложеніи къ № 48 газ. «Одесскій Листокъ» помѣщенъ хорошо исполненный портретъ Т. Г. Шевченко, въ кожухѣ, въ барашков. шапкѣ.

Новыя галицко-украинскія изданія. Въ предыдущемъ № (стр. 182) мы сообщали о появленіи въ свѣтъ новыхъ галицко-украинскихъ періодическихъ изданій: „Молода Україна" и „Воля". Въ настоящее время, по сообщенію «Літерат.-Науков. Вістника», кн. III, появились еще два изданія: 1) «Богословскій Вѣстникъ»—подъ редакціей о. Дионізия Дорожинського и 2) Провідник «Рільничих кружків» (Dodatek do Przewodnika «Kółek rolniczych»). Послѣднее выходитъ два раза въ мѣсяцъ.

Въ № 63-мъ газеты «Сынъ Отечества» помѣщена обширная статья подъ заглавіемъ „Малорусская Литература". Авторъ, хорошо ознакомленный съ литературной продукціей въ области мало-

русской литературы за минувшій годъ, отмѣчаетъ то отрадное явленіе, что „общество, пережившее столѣтній юбилей возрожденія своей литературы, стало менѣе равнодушнымъ къ ея развитію; малороссійскія книжки начали расходиться въ необычайномъ до сихъ поръ количествѣ, а вслѣдъ за этимъ поднялась и продуктивность малорусскихъ авторовъ...» Отмѣтивъ затѣмъ энергичную дѣятельность «Наукового Товариства імени Шевченка», «Видавничої Спілки» (во Львовѣ) и др. частныхъ издательствъ въ Галиціи и въ Россіи, авторъ обращается къ изящной малорусской литературѣ,—останавливается съ особеннымъ удовольствіемъ на произведеніяхъ Ів. Франка, а также Василя Стефаныка («Синя книжочка»), Стефана Ковалива, Леси Украинки, Наталіи Кобрынской, Ольги Кобылянской и многихъ писателей послѣдняго поколѣнія. Любопытно отношеніе автора къ научной малорусской литературѣ. Придерживаясь вполнѣ здраваго взгляда относительно недостатковъ въ созидаемой научной литературѣ, являющихся повтореніемъ того же, „что продѣлали и мы—великороссы, обзаводясь академіей наукъ и университетами почти при поголовной безграмотности массы“, авторъ самый фактъ зарожденія отдѣльной малорусской науки считаетъ стоящимъ въ противорѣчіи съ ясно намѣтившейся тенденціей общеміровой (!) науки. «Позволительно спросить,—восклицаетъ онъ,—кто же будетъ изъ иностранцевъ учиться малороссійскому языку для знакомства съ малорусской наукой, когда въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ не особенно хорошо и съ русскимъ (великорусскимъ) языкомъ и литературой?»

Въ № 107 газеты «Сѣверный Курьеръ» помѣщена обстоятельная корреспонденція о Буковинѣ, въ которой освѣщаются взаимныя отношенія различныхъ національностей, населяющихъ Буковину.

Въ № 116 газеты «Сѣверный Курьеръ» помѣщена очень интересная корреспонденція изъ Львова, въ которой вполнѣ отчетливо очерчены различные моменты въ развитіи національныхъ стремленій галицко-русской интеллигенціи, начиная со второй половины текущаго столѣтія. Изложивъ обстоятельно постепенное развитіе народнаго самосознанія, корреспондентъ, дойдя до настоящаго времени, указываетъ

на то, что малороссійское движеніе въ Галичинѣ изъ чисто-націоналистическаго превращается въ народное.

Ukrainica въ мадярской этнографіи. Въ изданіяхъ Мадярскаго Общества этнографіи (Madyar néprajzi Társaság) при угорскомъ національномъ музеѣ (M. Nemzeti Muzeum), подъ общ. заглавіемъ Ethnographia, состоящихъ изъ X томовъ, помѣщено не мало статей, касающихся украинско-русскаго народа. Отмѣтимъ слѣдующія: Изъ жизни угорско-русскихъ пастуховъ (II); старинныя украинскія пороховницы, съ иллюстраціями (VI); мѣстныя названія Берегской столицы (X); о бачванскихъ русинахъ (II); галицко-русскія сказанія о королѣ Матвѣѣ (IV); о вѣрованіяхъ русиновъ въ долинѣ рѣки Nogy' Ag въ Маромо-рошскомъ округѣ (VI); разборъ мнѣнія о гунскомъ названіи Днѣпра—var (VIII), о „бабѣ—Довіи“ у русиновъ и гуцуловъ; объ украинскихъ народныхъ свадебныхъ обрядахъ (VI); о библейскихъ сказаніяхъ русиновъ въ Талаборской долинѣ,—Talabor völgy (VIII); замѣтки объ имени „orosz“ (русскій) (VIII); старорусскія слова въ мадярскомъ языкѣ (VIII); галицкіе разсказы о сотвореніи міра (V); появленіе русиновъ въ Угорщинѣ (II); русинская хата (VII); народныя вѣрованія въ Мараморошѣ (XI); русинскіе народные разсказы (VIII); украинско-русская этнографія (VII); русинскіе народные обычаи (VI).

Въ № 11 «Днѣпровской Молвы» помѣщена статья Льва Маціевича: „*Письма о Галиціи.* 1. *Вопросъ о раздѣлѣ Галиціи*“. Авторъ, хорошо ознакомленный съ даннымъ вопросомъ, приводитъ интересныя цифровыя данныя для нагляднаго убѣжденія въ томъ, что стремленія галицкаго украинскаго общества къ раздѣленію Галиціи на два лагеря вполнѣ естественны и цѣлесообразны.

Въ № 8 „Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ помѣщена статья свящ. Н. Д. „Черты изъ религіозной жизни народа“, въ которой, между прочимъ, упоминается о существующихъ среди подолянъ суевѣріяхъ: заговорахъ, шептаніяхъ и т. п.

Недавно появилась на шведскомъ языкѣ книга «Polska Skalder» (польскіе поэты), изданная Альфредомъ Енсеномъ. Вступленіе посвящено „школѣ украинской“.

Въ № 10 „Днѣпровской Молвы“ помѣщена статья *Ник. Б.* „Малорусскій поэтъ и этнографъ И. И. Манжура“. (Біографическая замѣтка). Въ этомъ же номерѣ г. Ник. Б. помѣстилъ нѣкоторыя стихотворенія Манжуры, нигдѣ не напечатанныя, съ примѣчаніями, характеризующими поэта, а именно: 1) Сіялныкъ (переспивъ). 2) Кобзарь (зъ Роберта Прутца). 3) *** (Поздравленіе съ днемъ ангела нѣкоего Николая). 4) Вирочци Б—вой. 5) По мисяцю. 6) Счастя зъ вирья прылитало.... 7) Поздравленіе съ новымъ годомъ.

Въ №№ 5—7 „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ помѣщена статья подъ загл.«Очеркъ исторіи мелкаго дворянства Овручско-Житомірскаго въ эпоху польскаго режима (XII—XVIII вв.)».

Статья, написанная преимущественно на основаніи печатныхъ источниковъ: Архивъ Ю.-З. Россіи, Описи актовыхъ книгъ Кіевск. Центр. Архива, Dr. Antoni (Rolle), Opowiadania historyczne и др. Содержаніе статьи слѣдующее:—Природа Кіевскаго полѣсья и отличительныя историческія черты его населенія.—Происхожденіе русскаго дворянства на Полѣсьи: земяне и бояре; ихъ служебныя обязанности въ XV—XVIII вв.—Борьба мелкой шляхты съ старостинскимъ урядомъ за свои привиллегіи; междуусобныя ссоры шляхтичей.—Религіозный бытъ околичной шляхты: ревность къ православію, борьба съ католичествомъ и уніею; суевѣрія.—Родовыя отношенія. Общественное и частное землевладѣніе.—Копный судъ.—Отношенія семейныя и сословныя: браки, разводъ, отношеніе къ крестьянамъ.

Въ этихъ же номерахъ слѣдуетъ продолженіе историко-статистическаго описанія церквей и приходовъ Ковельскаго уѣзда.

Въ № 7 «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщена статья подъ заглавіемъ «Сырная седмица» (масныця).

Описаніе празднованія масляницы, а также обычаевъ, обрядовъ и игръ, сопровождающихъ это празднованіе; объясняется происхожденіе «колодія»: въ древности, лицамъ, не успѣвшимъ до масляной всту-

пить въ бракъ, надѣвали на ноги колодки—небольшіе куски дерева, украшеннаго лентами.

Въ иллюстрированномъ приложеніи къ № 8631 «Новаго Времени» (стр. 10) помѣщенъ портретъ Т. Г. Шевченка: „Снимокъ съ малоизвѣстнаго портрета". Шевченко снятъ до пояса—въ пиджачной лѣтней парѣ; опоясанъ широкимъ шерстянымъ поясомъ, со стальной застежкой; безъ шапки, лѣвый глазъ закрытъ.

Молода Украіна, ч. 2. Некрологъ: *А. Шахнович* (з портретомъ); *Евген Косевич*. Молодїж і полїтика; *Льонгін Цегельский*. М. П. Драгоманов, його думки, дїяльність і значіне; *Прометей Ясенко*. Картини з наук природних; *Василь Пачовсьский*. З пісень болю; *Антін Крушельницький*. Непотріб; *Михайло Галущинський*. Українська молодїж в р. 1899; *Іван Мороз*. З Чернівців; *Володимир Старосольский*. Студентські рухи в Росиї; Дрібні замітки.

Барвинокъ Ганна. Молодыча боротьба. Изданіе благотворит. Общ. изд. общеполезн. и деш. книгъ. № 2. С.-Петерб., 1900, 1—20. Ц. 1 к.

Бачинський Юліян. Моя переписка з Михайлом Драгомановим. Накладом автора. З друкарні В. А. Шийковского стр. 1—70. (Додаток до «Україии-irredenta»). У Львові, 1900.

Бачинський Юліян. Україна-irredenta. Друге видане. Накладом автора. З друкарні В. А. Шийковского. У Львові, 1900, стр. 1—186.

Богоявленскій С. К. Нѣкоторыя статистическія данныя по исторіи русскаго города XVII ст. (Оттискъ изъ 1-го тома „Труды археографич. коммиссіи» Имп. моск. археологич. общества). Москва, 1899. Тип. А. Снегиревой, in 8⁰, 24 стр.

Варчин Ю. Цвѣты и бодякй. Образки и оповѣдання. Часть друга. (Бібліотека для рускои молодежи пôдъ редакціею Юліяна Насальского. Выпуск XXIV. Том XXXVIII). Коломыя, 1899. Зъ печатнѣ І. Брука і сиѣлкы. Ст. 142, мал. 8⁰. Ціна 35 кр. Зміст: 1) Христосъ Воскресъ. 2) Добри дѣти вѣнець, а лихи конець. 3) Ялôка. 4) Легкій зарôбокъ. 5) Контрамасъ. 6) Вовки. 7) Моя кобылка. 8) Шлуль и

Малка. 9) Я щастя нѣколи не мала. 10) Красши робочи руки, якѣ чорни брови. 11) Выборець.

Гамченко С. Древній поселокъ и могильникъ въ урочищѣ «Стугна» близъ с. Студеница, Житомірскаго уѣзда Волынской губ. Кіевъ, 1899, 1—93. Тип. Корчакъ-Новицкаго.

Герıарт Гауптман. Візник Геншель, драма вь 5 актах. Переклав Антін Крушельницький. Львів, 1900. Накладом українсько-руської видавничої Спілки (ч. 13). З друкарні В. А. Шийковського. Стр. 140, 8⁰. Ціна в оправі 1 г. 80 кр.

Грушевський М. Розвідки і материяли до історії України-Руси. Ш. Відбитки з „Записок наукового Товариства ім. Шевченка" р. 1898—99 і «Жерел до историї України-Руси» т. II. У Львові, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Зміст: 1) Похоронне поле в с. Чехах.—2) Анти. Уривок з історії України-Руси.—3) Звенигород галицький, історично-археольогічна розвідка.—4) Описи Ратенського староства з 1500—1512 р.—5) Економічний стан селян у Перемишльскім старостві в середині XVI на основі описей королівщин. 6) Надання магдебурського права місточку Дідову (в Киівщині).—7) До історії „руського обряда" в Старій Польщі.—8) Примітки до історії козаччини.—9) Хмельницький и Хмельнищина. Історичний ескіз.

Дикаревъ М. А. Замѣтки по исторіи народной ботаники I. Москва, 1899. Тип. Товар. А. А. Левенсонъ. 8 д., 35 стр. (Оттискъ изъ «Этнографич. Обозрѣнія» XL—XLI).

Живі Струни*. 5. *Владислав Оркан. Ніч. Драма въ однім акті. Переклад А. Крушельницького з передмовою В. Старосольського. З друкарні В. А. Шийковського. Львів. 1900. Стр. 24, 8⁰. Ціна 30 сотиків (25 коп).

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Т. XXXIII. Накладом Товариства. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. Львів, 1900 р. Ціна 3 короны. Зміст: 1) Бронзові мечі з Турецького повіту (Галичина) з рисунком, подав М. Грушевський. Ст. 1—4; 2) Про наголос в українсько-руській мові, студия д-ра Володиміра Охримовича (продолженіе слѣдуетъ). Стр. 1—64. (Этотъ рефератъ предполаг. прочесть на XI археологич. съѣздѣ въ Кіевѣ); 3) Варианти на декотрі Шевченкові твори, подав Олександер Кониський. Стр. 1—16; 4) Miscellanea: а) Замітки про гетьмана Сагайдачного, О. Щуровський; б) Як австрийський уряд був запікавився Бойками, под В. Гнагюк; в) Петро Лашкарьов (некрольог); г) Митрофан Дикарів (некр. звістка); 5)

Наукова хроніка: 1) Огляд західно-европейської літератури по культурній і політичній історії, историї літератури й штуки за 1898 рік, подае др. М. Кордуба. III. Нові часи; 2) Огляд часописей за 1898 р.: Часописи видані поза Україною. Стр. 1—54.—6) Бібліографія (рецензиї й справозданя) Стр. 1—46. З Товариства, стр 1—5.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. XXXIV. Накладом Товариства. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. Львів, 1900 р. Ц. 3 корони. Зміст: 1) Сторінка з історії сільского духовенства (по самбірським актам XVI в), написав Михайло Грушевський. Стр. 1—82. (Реф. предпол. прочесть на XI археол. съѣздѣ въ Кіевѣ); 2) Де-які причинки до поправнійшого видання поезий Тараса Шевченка, написав Юліян Романчук. Стр. 1—32. 3) Miscellanea: а) Петиция до митрополіта й полеміка із-за неі, подав В. Гнатюк; б) Про збірник пісень Бодянського, под. Ол. Маркевич; в) До історіі вірші на Вкраіні, под. др. І. Франко. Стр. 1—14; 4) Наукова хроніка: Огляд часописей за 1899 рік—часописі українсько-руськi, подав. Ст. Томашівський. Стр. 1—8; 5) Бібліографія (рецензиі й справозданя). Стр. 1—58.

Збірник математично-природописно-лікарської секциі Н. Т. ім. Шевченка. Т. V. Випуск II. *Часть лікарська.* Під редакциею д-ра Евгена Озаркевича. У Львові, 1899. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. Ціна 2 корони. Зміст: 1) Проф. др. Іван Горбачевський: Причинки до пізнання виживи сільскоі людности галицького Поділя. Стр. 1—16; 2) Др. Осип Дакура: Клінічні спостереженя що до подаваня уроферину. Стр. 1—8; 3) Др. Михайло Кос: Про скіаскопію (з 1 літ. картою). (Стр. 1—9; 4) Михайло Олійник: Про нападову гемогльобінурию. Стр. 1—4; 5) Др. Володимир Янович: Цілковите виліченне вовка за помічю kalium hypermangonicum. Стр. 1—2; 6) Справозданя. Стр. 1—43.—7) Термінольогічна частина. Стр. 1—6.

Зробек Яков, парох Вертелки. *Мала парохія.* Накладом автора на цѣль будовы церкви въ Вертелцѣ. Жовква, 1899.

Казачка. Сборникъ національныхъ пѣсенъ. Изд. 3-е книгопр. Т. Кузина. Спб. 1899. Тип. Дома призр. малолѣтн. бѣдныхъ и М. Козлова, 16 д. 93+III стр.

Казки Андерсена. Пята часть. Видане Руського Товариства педагогічного. Ч. 76. У Львові 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Стр. 80, in 8°. Ціна 25 кр. Зміст: 1) Стокроть. 2) Соловейко.

3) Садочок. 4) Шийка фляшки. 5) Хоробний жовнір олований. 6) Калічка. 8) Неімовірне.

Кониссkій А. Я Объ изученіи личности Т. Г. Шевченка. Оттискъ изъ газеты-журнала «Днѣпровская Молва». Екатеринославъ, 1900, 1—16, in 16.

Коцюбінський Михайло. В путах Шайтана і іньші оповіданя. Накладом украінсько-руськоі видавничоі Спілки. З друкарні Науков. Тов. ім. Шевченка. Львів, 1900. Стр. 154, 8⁰. Ціна в оправі 1 г. 60 кр. Зміст: 1) В путах Шайтана. Стр. 3—20. 2) На віру. Стр. 21—106. 3) Цінояв. Стр. 107—164.

Переклали *А. Кримского.* Видане Руського Товариства Педагогічного Ч. 77. Львів, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Стр. 48, 8⁰. Ціна 20 кр. Зміст: 1) Дбай про конець діла. Арабська казка; 2) Софійчині пустоти. Оповідане графині Сегюр.; 3) Казка про горбуна (з 1001 ночі). 5) Записки куропатви. 6) Історія горця з оливками (з 1001 ночі). 7) Незабудька. (Легенда).

Левицький Володимир. 1) *Причинок до теориі дробів тягли́х і групи модуловоі.* Стр. 8. 2) *Кліматичні відносини Тернополя.* Стр. 8 (Відбитка із Збірника мат.-прир.-лік. секциі. IV. Зош. II).

Макаровськый Мыхайло. Наталя, або дви доли разомъ. (Съ біографіей Макаровскаго). Выдання Б. Гринченка. № 46. У Чернигови, 1899. Зъ друкарни Губ. Земства, 1—35. Ц. 5 к.

Масловичъ, В. Г. Сказка про Харька, основателя Харькова, про его дочь Ганку и батрака Явива. (Писано въ 1815). Изд. 2-ое Н. В. Масловича. Харьковъ, 1899. Тип. „Печатное дѣло" кн. К. Гагарина., 8 д., 40 стр. Ц. 25 коп.

Образки з історії Украіни-Руси. Видане Руського Товариства Педагогічного. Ч. 78. У Львові, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Стр. 48, 8⁰. Ціна 25 кр. Зміст: Передне слово.—1) Петро Конашевич Сагайдачний.—2) Богдан Хмельницький.—3) Гетьман Петро Дорошенко.—4) Гетьман Іван Мазепа.—5) Козак Антін Головатий.

Оповіданя для дітий. Видане Руського Товариства Педагогічного. Ч. 71. Львів, 1899. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Стр. 74, 8. Ціна 20 кр. Зміст: 1) Кучерява голова.—Малий Австраліець. Переклав. В. Вр. 2) Глогорожечка. 3) Вивірка. 4) Два народи. 5) Барабанчик. 6) Сто й оден брат і баба чарівниця. 7) Бабусина казка. 8) Над пропастию смерти.

Перетцъ. Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII вѣковъ. XV—XXII. Санктпетербургъ, 1899. Типогр. Императорск. Академіи наукъ, стр. 71—156.

Платоновъ Іоаннъ. Черниговскіе каѳедральные соборы и ихъ достопримѣчательности. Изд. 2-е. Черниговъ. Тип. Губернск. правленія. in 8°. 43 стр.

Проскурниковъ. Изъ исторіи Слободской Украины. Городъ Короча при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ. (Отд. отт. изъ №№ 222—223 «Харьковск. Вѣдомости за 1899). Харьковъ, 1900.

Розенфельдъ, А. Языкъ Святославова изборника 1073 года (Отт. изъ «Рус. Филолог. Вѣстника»). Варшава, 1899. Тип. Варш. Учеб. Округа, in 8°, 45 стр.

Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-filozoficzny. Serya II. Tom XIII. (Ogólnego zbioru tom trzydziesty ósmy). W Krakowie, 1899, 1—394, in 8°. Содержаніе: *A. Prochaska.* Geneza i rozwój parlamentaryzmy za pierwszych Jagiellonów; *F. Piekosiński.* O źródlach heraldyki ruskiej; A. Lewicki. Unia florencka w Polsce и др.

Романчук Юліян. Де-які причинки до поправнійшого виданя поезий Тараса Шевченка. Стр. 32, 8°. (Відбитка из XXXIII т. Записок).

Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Второго тома выпускъ третій (съ начала изданія—шестой). За-загрàчить. Спбр. 1899. Отъ 633 столбца до 952. Цѣна 60 к.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изд. 5-ое коммиссіи народныхъ чтеній въ Кіевѣ. Кіевъ, 1899. Тип. университета Св. Влад., in 8°., 70 стр., 1 портретъ и 1 рисунокъ. Ц. 15 коп.

Смирновъ С. И. Водокрещи. Матеріалы для исторіи крещенскихъ обрядовъ въ древней Руси. Свято-Троицкая Сергіева Лавра. 1900, 1—17. Цѣна 15 коп.

Степовыкъ О. Про городыну. Изданіе благотворительнаго Общества изд. общеполезн. и дешев. книгъ. № 3. Спб., 1—60, Ц. 5 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. проф. Къ исторіи изданій малорусскихъ историческихъ пѣсенъ. Спб. 1899. Ц. 20 к. (Отт. изъ Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Академіи Наукъ).

Тарасъ Бульба, или измѣна и смерть за прекрасную панну (Составлено по Н. В. Гоголю). Изд. книгопр. А. Д. Сазонова. Москва, **1899**, Тип. Д. Бончъ-Бруевича. 16 д., 198 стр.

Труды приднѣпровской метеорологической сѣти. Свѣдѣнія о состояніи свекловичныхъ плантацій въ связи съ погодой. Съ 1-го по 15 іюня н. ст. 1899 г. (Годъ изданія II, № 5). (Отт. изъ «Университетск. Извѣстій» за 1899 г.) Кіевъ, 1899, тип. Корчакъ-Новицкаго 8 д., 5 стр. и 2 таблицы.

Фоминъ II. Начальное народное образованіе въ Харьковской губерніи, съ 15 картограммами (Харьковск. губернск. земская управа). Харьковъ, 1899. Тип. Зильберберга. in 8°, 2+344+312+36+XIII.

Чикаленко Е. Розмова про сельске хазяйство.—3-тя кныжка. Сіяни травы, кукуруза та бурякы (зъ малюнкамы). Одесса, 1900, тип. Южно-Русск. О-ва Печатн. дѣла, 1—48, in 16°. Цина 8 коп.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1900 годъ. Книга первая. *Сто девяносто вторая.* Издана подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. Москва, 1900, стр. I—VIII+1—920. Ц. 5 р. Содержаніе: Исторія Русской Церкви *Е. Е. Голубинскаго.* Періодъ второй—отъ нашествія монголовъ до митрополита Макарія (включительно). (Первая половина тома).

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга тринадцатая. Издана подъ редакціею М. Н. Ясинскаго. Кіевъ, 1899. Тип. Имп. Унив. св. Влад., стр. 1—241, 1—143+карта. Цѣна 3 р.

Янсонъ Ю. Э. проф. Сравнительная статистика населенія. (Составъ населенія: брачность, рождаемость, смертность, механическое движеніе населенія). Спб. 1900. Ц. 2 р.

Археологическая лѣтопись.

Засѣданія обществъ.

Въ засѣданіи *Общества любителей изученія Кубанской Области*, происходившемъ 28 января, предсѣдателемъ общества В. М. Сысоевымъ былъ представленъ отчетъ о поѣздкѣ въ Москву на предварительный комитетъ по устройству Харьковскаго Археологическаго Съѣзда. Для того, чтобы старина Кубанской Области была возможно полнѣе представлена на съѣздѣ, докладчикъ предложилъ учредить на Кубани отдѣленіе предварительнаго комитета.

В. М. Сысоевъ заключилъ свой докладъ слѣдующими словами: „Если членамъ нашего общества и даже постороннимъ лицамъ будетъ угодно, согласно предложенію московскихъ и харьковскихъ ученыхъ, образовать на Кубани отдѣленіе предвариетльнаго комитета по устройству археологическаго съѣзда, то можно указать слѣдующее. Члены предварительнаго комитета будутъ считаться членами археологическаго съѣзда. Они должны организовать бюро комитета, который будетъ руководить всѣмъ дѣломъ. Особенно важно было бы привлечь въ составъ комитета представителей отъ Ставропольской губерніи и Донской области, чтобы совмѣстными силами вести дѣло. Членовъ комитета слѣдовало бы просить указать тѣ вопросы или запросы, разрѣшеніемъ которыхъ каждый желаетъ заняться. Кромѣ того слѣдуетъ выработать программу для собиранія матеріала на выставку. Я съ своей стороны думаю, что Кубанское козачество можетъ представить на выставку въ особенности то, чѣмъ дорожатъ старики—остатки за-

порожской старины: запорожскую одежду, вооруженіе, картины, прочіе предметы, пѣсни и т. д. Кромѣ того, имѣя въ виду этнографическую выставку, можно собрать предметы, характеризующіе жизнь козаковъ на новыхъ мѣстахъ, ихъ одежду и домашнюю обстановку. Пояснить все это рисунками, діаграммами и т. п. Что касается археологіи, то здѣсь можно организовать собираніе рисунковъ древнихъ памятниковъ, описаніе ихъ и производство раскопокъ, составить подборъ археологическихъ предметовъ и коллекцій. На первую очередь здѣсь можно было бы обратить особенное вниманіе на запорожскія церковныя древности, на каменныхъ бабъ и монеты Босфорскаго (Пантикапейскаго) царства".

Предложеніе это было принято. Затѣмъ предсѣдатель сообщилъ, что начальникъ Кубанской области сочувственно отнесся къ мысли объ учрежденіи комитета. Кромѣ того, онъ сообщилъ, что, по соглашенію съ секретаремъ Кубанскаго статистическаго комитета, онъ внесетъ на обсужденіе послѣдняго вопросъ о совмѣстной дѣятельности въ этомъ направленіи. (Куб. Обл. Вѣд.).

—

Общее собраніе Кіевскаго Общества любителей древностей и искусствъ состоялось 4-го марта, въ зданіи музея. Вице-предсѣдателемъ общества Б. И. Ханенко былъ доложенъ отчетъ за прошлый годъ. Изъ отчета видно, что дѣятельность правленія общества была сосредоточена на постройкѣ зданія музея; зданіе вчернѣ готово, но еще не закончено; однимъ изъ дефектовъ зданія является отсутствіе удобной лѣстницы во второй этажъ; лѣстница можетъ быть устроена лишь съ возведеніемъ второй, проектированной, части музея или главнаго зала, поэтому правленіе общества занято въ настоящее время выработкой проекта и смѣты этого послѣдняго. Затѣмъ, были перечислены главныя пожертвованія, представленъ краткій проектъ положенія о музеѣ и доложены отчетъ о приходѣ и расходѣ за прошлый годъ и смѣта на будущій. Вице-предсѣдателемъ былъ поднятъ вопросъ объ измѣненіи устава общества, введеніемъ въ число членовъ—членовъ корреспондентовъ. Въ концѣ засѣданія произведены выборы членовъ правленія, ревизіонной коммиссіи и общества. Въ прошломъ году въ Обществѣ состояло 146 членовъ.

—

Въ засѣданіи Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца, 12-го марта, проф. *В. Б. Антоновичъ далъ характеристику новаго ежегод-*

ника—*«Swiatowita»*, посвященнаго доисторической археологіи, начавшаго выходить съ прошлаго года въ Варшавѣ, подъ редакціей Э. Маевскаго.[1]) Ежегодникъ является очень содержательнымъ изданіемъ, преслѣдующимъ, помимо научныхъ, и цѣли популяризаціи. Каждый томъ распадается на нѣсколько отдѣловъ, заключающихъ въ себѣ оригинальныя статьи, археологическое обозрѣніе, разборы и отчеты, свѣдѣнія о музеяхъ, корреспонденціи и мелкія извѣстія. Территоріально ежегодникъ посвященъ, главнымъ образомъ, Привислинскому краю, но помимо этого, тутъ имѣются также свѣдѣнія о древностяхъ Галичины и южной Россіи. Такъ, въ 1-мъ томѣ мы находимъ небольшую статью С. Глогера о раскопкахъ въ с. Городницѣ, надъ Днѣстромъ, на Покутьи, имѣвшихъ цѣлью изслѣдованіе могильника, относимаго къ II—III в. по Р. Х., съ погребеніями подъ плитами, въ сопровожденіи росписныхъ сосудовъ (стр. 67), обстоятельный разборъ труда проф. Антоновича—Археологическая карта Кіевской губ., сдѣланный К. Хамцомъ (стр. 135), и замѣтку о печальномъ фактѣ продажи мѣстныхъ древностей въ иностранные музеи, именно, о продажѣ гг. Пржибыславскими Вѣнскому музею цѣнной коллекціи древностей, собранныхъ въ Восточной Галичинѣ (стр. 159). Во II-мъ томѣ помѣщены извлеченія изъ работы В. Дыметрыкевича, давшаго полную картину смѣны культурныхъ эпохъ въ Галичинѣ (стр. 155), и Г. Оссовскаго, раздѣлившаго Галичину, по находкамъ, на три археологическіе округа: 1) западный или краковскій, 2) средне-восточный или львовскій и 3) юго-восточный или покутско-подольскій (стр 165). Среди корреспонденцій, здѣсь помѣщены двѣ изъ Юго-западнаго края: о находкѣ клада золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ предметовъ въ Заславскомъ у., Волынской губ. (стр. 104), и о находкахъ каменныхъ орудій у сс. Федоровки и Тростянца, Брацлавскаго у., Подольской губ., и амфоръ и сосудовъ въ с. Скиткахъ, Липовецкаго у., Кіевской губерн. (стр. 106—107). Ежегодникъ съ внѣшней стороны не представляетъ желать ничего лучшаго, одно изъ достоинствъ его—многочисленные рисунки и карты какъ въ текстѣ, такъ и на отдѣльныхъ таблицахъ.

—

[1]) Вотъ полное заглавіе ежегодника: Swiatowit. Rocznik, poświęcony archeologii przeddziejowei i badaniom pierwotnej kultury polskiej i słowiańskiej, wydawany staraniem Erazma Maiewskiego. Warszawa. T. I.—1899 г. T. II—1900 г.

6-го марта, въ засѣданіи *Церковно-археологическаго общества* при Кіевской Духовной Академіи, *проф. Н. И. Петровымъ* было сдѣлано сообщеніе о новыхъ поступленіяхъ въ церковно-археологическій музей. Между послѣдними слѣдуетъ отмѣтить двѣ серебряныя римскія монеты Антонина Пія и Фаустины Старшей, найденныя въ с. Узинѣ или Темберщинѣ, Васильковскаго у. Кіевской губ., и деревянную раскрашенную статую архистратига Михаила, присланную изъ Ольвіополя, Херсонской губерніи. Статуя представляетъ арх. Михаила въ воинскомъ облаченіи, со шлемомъ на головѣ. На груди его—полустертая надпись: „Кто яко Богъ!“ Въ правой рукѣ архангелъ держитъ дискъ, на которомъ, сравнительно въ позднее время, написана икона св. великом. Варвары, во имя которой освященъ Ольвіопольскій храмъ. Правая рука статуи опущена внизъ и оконечность ея отбита. Прототипомъ статуи можно считать еще древне-византійскія изображенія арх. Михаила. Таково, напр., мозаичное изображеніе архангела на сводѣ алтаря св. Софіи Константинопольской, VI вѣка, съ державою въ лѣвой рукѣ и со скипетромъ въ правой. Въ древней Руси, въ дотатарскій періодъ, архангелъ Михаилъ изображался иногда съ сферою или державою въ лѣвой рукѣ и поднятымъ мечемъ—въ правой (энколпіонъ въ собраніи Б. И. Ханенко, № 55). На Ольвіопольской статуѣ архангелъ Михаилъ, вѣроятно, первоначально представленъ былъ со скипетромъ въ правой рукѣ и съ державою—въ лѣвой, но впослѣдствіи держава превращена была въ икону св. великомуч. Варвары. Подобная статуя арх. Михаила, повидимому, такой же работы, съ небольшими лишь варіантами, но безъ надписи на груди, находится въ музеѣ І. А. Хойновскаго въ Кіевѣ и получена имъ изъ церкви с. Мотовиловки, Васильковскаго у., Кіевской губерніи.

Случайныя находки.

Въ посадѣ Турлаки, отстоящемъ отъ Аккермана въ 5—6 верстахъ, въ усадьбѣ мѣстнаго священника Е., находится насыпной курганъ средней величины. 14 января, говоритъ „Одесскій Листокъ“, рабочіе, исправлявшіе дорогу, пролегающую черезъ виноградный садъ, который окружаетъ курганъ съ трехъ сторонъ, принуждены были для этой цѣли снести западный край кургана и совершенно случайно

наткнулись на интересную находку. Сначала попадались кости, принадлежавшія 6—7 человѣческимъ скелетамъ, судя по найденнымъ тутъ же черепамъ. Затѣмъ, на глубинѣ около $1^1/_4$ аршина отъ уровня сада, было открыто около 15 фунтовъ старинныхъ серебряныхъ монетъ, находившихся, надо полагать, въ кожанномъ мѣшкѣ, который не избѣгнулъ вліянія времени. Монеты не одинаковыя и принадлежатъ различному времени (между ними есть не мало древне-римскихъ и, можетъ быть, греческихъ). Въ настоящее время часть этихъ монетъ передана въ аккерманское полицейское управленіе для отсылки археологическому Обществу съ тѣмъ, чтобы послѣднее болѣе точнымъ образомъ опредѣлило эпоху, къ которой относятся найденные монены и цѣнность ихъ, какъ древне-историческаго памятника. Владѣлецъ сада намѣренъ въ непродолжительномъ времени предпринять раскопку загадочнаго кургана.

Музеи и собранія древностей.

Въ херсонскомъ археологическомъ музеѣ полученъ транспортъ древностей, добытыхъ почетнымъ членомъ херсонской ученой архивной коммиссіи І. Я. Стемпковскимъ путемъ раскопокъ кургановъ Тираспольскаго уѣзда. Присланная коллекція почти исключительно состоитъ изъ вещей татаръ джучидовъ, не позже XIV столѣтія. Обращаетъ на себя вниманіе нарядъ какой-то древней красавицы: золотыя серьги съ такими-же подвѣсками, въ видѣ ягодъ кизиля; серебряный ручной браслетъ, неспаянные концы котораго украшены выцарапанными по металлу грубыми изображеніями мужскихъ лицъ; металлическое круглое зеркальце съ ушкомъ посрединѣ. Ткани, въ которыя была одѣта покойница, истлѣли.

Отъ народнаго учителя Я. З. Балана, изъ м. Братолюбовки, Александрійскаго уѣзда, поступило на храненіе въ тотъ-же музей небольшое круглое металлическое зеркальце, найденное кладоискателями въ могилѣ. Зеркальце это, въ кожанномъ чехлѣ, лежало при покойникѣ вмѣстѣ съ заржавленными желѣзными ножницами. Такія находки нерѣдки въ древнихъ маленькихъ могилахъ, которыми усѣяна южно-русская степь. Доставленное въ Херсонскій музей зеркальце имѣетъ на оборотной сторонѣ выпуклыя грубыя изображенія четырехъ

прыгающихъ антилопъ изъ вида сайгъ (Colus tataricus), животныхъ, родственныхъ козамъ, съ острыми, слегка изогнутыми рогами. Сайга и понынѣ еще водится въ степяхъ Азіи и восточной Россіи. Сходныя изображенія намъ извѣстны на монетахъ Абдулла-хана, темника Мамая, властвовавшаго въ нашихъ степяхъ отъ 1363 до 1367 г.; отчасти по этому, отчасти по другимъ соображеніямъ, найденное зеркальце предположительно можно отнести къ той-же эпохѣ. Очень жаль, что зеркальце было извлечено изъ могилы невѣждами, которые разбили его на куски и не позаботились, конечно, сохранить остальныя, лежавшія тамъ вещи и черепъ покойника, ознакомиться съ устройствомъ могилы и т. д. („Югъ“).

—

Въ Кіевскій музей древностей и искусствъ передана Имп. Археологической Коммиссіей довольно большая коллекція древностей, пріобрѣтенная у мѣстнаго торговца Богданова. Подборъ коллекціи случайный, интересныхъ предметовъ немного.

Разныя извѣстія.

Историческое Общество Нестора Лѣтописца обратилось къ своимъ членамъ *съ циркулярнымъ предложеніемъ* сообщить обществу указанія или свѣдѣнія о памятникахъ старины до конца XVIII вѣка по губерніямъ Кіевской, Подольской, Волынской, Черниговской и Полтавской: о монастыряхъ, церквахъ, замкахъ и старинныхъ зданіяхъ или объ ихъ остаткахъ, объ утвари и оружіи, о памятникахъ искусства, о рукописяхъ и старопечатныхъ книгахъ, а также о частныхъ коллекціяхъ вещественныхъ памятниковъ древности и документовъ, такъ равно указать свѣдущихъ лицъ, къ которымъ можно было бы обратиться за собираніемъ свѣдѣній объ упомянутыхъ памятникахъ. Указанія и свѣдѣнія эти необходимы для предполагаемаго Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ изданія описанія и снимковъ памятниковъ мѣстной старины

—

Въ послѣднемъ, XI-мъ, томѣ «*Записокъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества*» помѣщенъ цѣлый рядъ статей и замѣтокъ (вышедшихъ и оттисками) *А. А. Спицына*, большей частью имѣющихъ

отношеніе къ южно-русскимъ древностямъ. По этимъ работамъ видно, что въ распоряженіи автора имѣется громадный матеріалъ, собранный съ такой тщательностью, что даже не пропущены и мелкія газетныя замѣтки о различнаго рода находкахъ, раскопкахъ и т. п. Авторъ много потрудился надъ сведеніемъ сырого матеріала и въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ мы должны поставить его *«Обозрѣніе нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи»*.

Въ данномъ томѣ, наряду съ другими, мы находимъ такія обозрѣнія для *Кіевской, Подольской и Волынской губ.* Обширностью отличается обозрѣніе *Кіевской губ.*, оно занимаетъ 30 страницъ. Здѣсь, въ сжатомъ видѣ, данъ обзоръ всему, что до сихъ поръ было найдено, причемъ приведена и подробная литература. Каждый видъ памятниковъ старины занимаетъ надлежащее мѣсто. Авторъ начинаетъ свой обзоръ съ палеолетическаго періода, переходитъ затѣмъ къ неолиту, къ полямъ росписныхъ урнъ, къ курганамъ съ окрашенными костяками, перечисляетъ находки мѣдныхъ и бронзовыхъ предметовъ. Указавъ, что далѣе въ свѣдѣніяхъ о кіевскихъ древностяхъ имѣется огромный пробѣлъ, такъ какъ отъ мѣднаго или бронзоваго вѣка слѣдуетъ переходъ къ памятникамъ не раньше II—I в. до Р. Х., авторъ отмѣчаетъ чрезвычайное разнообразіе памятниковъ отъ I в. до Р. Х. и до IV в. послѣ Р. Х.; достаточно указать, что имъ описано здѣсь 12 погребальныхъ типовъ. Древности послѣдующихъ вѣковъ, отъ III—IV до IX—X, за отсутствіемъ кургановъ, которые можно было-бы, по мнѣнію автора, отнести къ этому періоду, распредѣляются имъ, по типамъ наиболѣе характерныхъ находокъ, на послѣдовательныя эпохи: римскихъ фибулъ, готскихъ фибулъ и подѣлокъ съ эмалью. Собственно-русскія древности Кіевской губ. до IX в. слѣдуетъ отыскивать, повидимому, исключительно въ поляхъ урнъ, о которыхъ, впрочемъ, прибавляетъ авторъ, имѣются пока лишь небольшія и отрывочныя свѣдѣнія. За полями урнъ идутъ курганы съ сожженіемъ, относимые къ X в., отчасти, быть можетъ, и къ IX в., и, наконецъ, курганы съ погребеніями XI—XIII вв. Интересно здѣсь отмѣтить мнѣніе автора о началѣ Кіева; вотъ его слова: «Начало Кіева, какъ города, относится повидимому, къ IX в. Въ многочисленныхъ мѣстныхъ коллекціяхъ древности мы между кіевскими находками отмѣтили только 2 предмета, относящіеся ко времени II—IV вв., да и тѣхъ мѣстное происхожденіе сомнительно. Всѣ осталь-

ныя вещи не восходятъ ранѣе IX—X в. Найденныя въ Кіевѣ римскія монеты, конечно, не доказываютъ существованія здѣсь современнаго имъ значительнаго поселенія». Что касается послѣдующихъ періодовъ, то и они вошли въ обзоръ въ видѣ-ли указаній на литературу, въ видѣ-ли перечисленія мѣстъ находокъ; такъ это напр. сдѣлано по отношенію къ курганамъ кіевскихъ кочевниковъ. Заканчивается обзоръ спискомъ музеевъ и собраній, гдѣ хранятся древности Кіевской губ. Обзоръ г. Спицына—первая работа въ этомъ направленіи; Археологическая карта проф. Антоновича заключаетъ сырой матеріалъ, другіе обзоры или очень стары, или носятъ отрывочный характеръ, или не обладаютъ достаточной полнотой. Если съ нѣкоторыми положеніями обзора г. Спицына можно и не соглашаться, если, вѣроятно, впослѣдствіи нѣкоторые виды древностей потребуютъ другой группировки и дополненій, то, во всякомъ случаѣ, въ обзорѣ мы имѣемъ первый систематическій сводъ всего, что до сихъ поръ извѣстно, а о значеніи такихъ сводовъ какъ для уясненія современнаго состоянія вопроса, такъ и для направленія дальнѣйшихъ изслѣдованій, смѣемъ думать, нечего распространяться.

По плану обзора Кіевской губ. составлены обзоры *Подольской и Волынской губ.* Губерніи эти обслѣдованы еще очень слабо, а потому и обзоры ихъ невелики, но и они исчерпываютъ весь имѣющійся матеріалъ.

Кромѣ «Обзоровъ», А. А. Спицынъ постепенно издаетъ и обработанныя имъ *«Свѣдѣнія 1873 г. о городищахъ и курганахъ»*. Свѣдѣнія эти явились результатомъ вопросовъ, разосланныхъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ чрезъ Губернскіе Комитеты по волостямъ Европейской Россіи. Хотя въ общемъ свѣдѣнія эти не всегда точны и полны, но и они даютъ извѣстный матеріалъ и указанія, а для нѣкоторыхъ губерній матеріалъ является и довольно обильнымъ, укажемъ, напр., на Волынскую губ., для которой, на основѣ такихъ свѣдѣній, въ 1888 г. изданъ Импер. Археолог. Комиссіей цѣлый «Сборникъ топографическихъ свѣдѣній о курганахъ и городищахъ». Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ свѣдѣнія для Смоленской губ. и Области Войска Донского. Для послѣдней свѣдѣнія распредѣлены по округамъ: Черкасскому, 1-му и 2-му Донскимъ, Усть-Медвѣдицкому, Донецкому и Хоперскому.

Благодаря исчерпывающей полнотѣ данныхъ, имѣющихся у А. А. Спицына, для него стало возможнымъ приступить къ монографіямъ тѣхъ или другихъ погребальныхъ типовъ. Такую монографію—*«Кур-*

ганы съ окрашенными костяками» мы и находимъ въ послѣднемъ томѣ «Записокъ». Указавъ прежде всего на значеніе этихъ кургановъ, относящихся въ глубокой древности и имѣющихъ очень широкое распространеніе, и давъ характеристику отношенія къ нимъ нашихъ археологовъ, при раскопкахъ которыхъ большинство найденныхъ сосудовъ, камней и скелетовъ оставляются на мѣстѣ, отчеты неточны и кратки, опредѣленіе найденныхъ костей животныхъ заимствуется у рабочихъ, вещи описываются поверхностно, авторъ разбиваетъ всю огромную площадь распространенія этихъ кургановъ на 9 районовъ: терскій, кубанскій, таманскій, крымскій, екатеринославскій, бѣлозерскій, кіевскій, нижне-донской и средне-донской, и опредѣляетъ особенности погребеній для каждаго изъ этихъ районовъ. По этимъ особенностямъ ихъ можно свести къ 4-мъ большимъ группамъ: первая—кавказская, отличающаяся богатствомъ и разнообразіемъ находокъ, вторая, куда входятъ районы крымскій, екатеринославскій и оба донскіе, третья—бѣлозерская и четвертая—кіевская, рѣзко отличающаяся отъ остальныхъ группъ, и относящаяся, по мнѣнію автора, къ числу болѣе позднихъ. Что касается происхожденія этихъ кургановъ, то вотъ мнѣніе автора: «Безъ сомнѣнія, наблюдаемые въ курганахъ съ окрашенными костяками обряды погребенія не составляютъ мѣстнаго явленія. Всего естественнѣе думать, что они распространились окружнымъ путемъ изъ Ассиріи, или-же прямымъ изъ Малой Азіи, вмѣстѣ съ какою-нибудь передвинувшеюся народностью, или, быть можетъ, одновременно съ распространеніемъ того или другого вѣроученія». Очень желательно, чтобы авторъ, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, далъ и фактическія обоснованія этого положенія, пока-же оно поставлено лишь въ видѣ тезиса. Вторая часть работы, скажемъ къ слову, занимающей 81 страницу, состоитъ изъ сжатаго изложенія имѣющагося матеріала, который расположенъ здѣсь по областямъ и губерніямъ. Свой трудъ авторъ считаетъ лишь вступленіемъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, онъ говоритъ: «Всѣ свои сужденія мы основываемъ на сравнительно маломъ матеріалѣ, притомъ же только русскаго происхожденія, между тѣмъ какъ очевидно, что наши окрашенные костяки представляютъ лишь отрывокъ огромнаго культурнаго теченія, овладѣвшаго въ нѣдрахъ глубокой древности всѣми народами средней полосы восточнаго материка. Да и на русской почвѣ предстоитъ еще много работы надъ этими древностями; ихъ необходимо сопоставить съ погребеніями въ нашихъ дольменахъ, въ

закавказскихъ каменныхъ ящикахъ, въ кіевскихъ поляхъ урнѣ съ росписными сосудами и въ волынскихъ курганахъ каменнаго вѣка».

Въ небольшой статьѣ — *«Курганы кіевскихъ торковъ и берендѣевъ»*, А. Спицынъ, опредѣливъ сначала мѣстность, занятую въ XI—XII вв. торками, каковой онъ считаетъ пространство между теченіемъ Днѣпра и нижнимъ теченіемъ Роси, омываемое посрединѣ Россавой, даетъ описаніе погребальнаго типа, пріурочиваемаго имъ торкамъ. Это извѣстныя погребенія съ конемъ, обнаруженныя здѣсь въ 17-ти пунктахъ. [1]) Могилы берендѣевъ или берендичей авторъ видитъ въ пока еще мало изслѣдованныхъ курганахъ по близости Бѣлой Церкви, гдѣ также при гробахъ помѣщаются остовы лошадей.

Среди мелкихъ замѣтокъ, А. Спицыну принадлежитъ одна — *Къ вопросу о происхожденіи такъ-называемыхъ готскихъ фибулъ*. Благодаря послѣднимъ находкамъ въ Кіевской и Полтавской губ., является возможность возстановить самый древній типъ фибулъ—въ видѣ человѣческихъ фигуръ съ сомкнутыми ногами, со сложенными на груди руками и съ таліей, обращенной въ дужку фибулы; авторъ даетъ описаніе дальнѣйшихъ превращеній фибулы, поясняя описаніе рисунками.

—

«Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя Импер. Моск Археолог. Обществомъ», за 1899 г. За истекшій годъ здѣсь были помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки, относящіяся къ южной Россіи. Въ отдѣлѣ самостоятельныхъ статей: *Н. Петрова*—О золотой медали князя К. К. Острожскаго (№ 3—4—5) и *В. А. Городцова* —Назначеніе глиняныхъ площадокъ въ доисторической культурѣ трипольскаго типа (№ 11—12). Въ послѣдней статьѣ авторъ, изложивъ обстоятельства находокъ площадокъ на правомъ берегу Днѣпра въ окрестностяхъ м. Триполья, приходитъ къ конечному выводу, что глиняныя площадки представляютъ остатки жилищъ, но не постоянныхъ, а временныхъ, служившихъ для зимнихъ стоянокъ богатаго и высоко культурнаго (sic) племени, переживавшаго конецъ кочевого и начало осѣдлаго, земледѣльческаго быта. Мнѣніе это авторъ строитъ на доказательствахъ, мало убѣдительныхъ, а иногда и фактически не

---

[1]) Н. Е. Бранденбургъ, раскопавшій много кургановъ этого типа, въ рефератѣ, прочитанномъ на Рижскомъ съѣздѣ—„Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ могилъ Кіевской губерніи, въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками погребены остатки убитыхъ лошадей?“, склоняется къ мнѣнію, что племя это—печенѣги.

вполнѣ точныхъ; для примѣра укажемъ на утвержденіе, что площадки располагаются по окружности и въ центрѣ обширныхъ круговъ — въ дѣйствительности такой правильности въ расположеніи не было обнаружено. Такъ что, по нашему мнѣнію, кочевой бытъ насельниковъ, на которомъ настаиваетъ авторъ, находится подъ большимъ сомнѣніемъ. Въ отдѣлѣ хроники: *Ан. С.* — Къ вопросу о доисторическихъ письменныхъ знакахъ (№ 3—4—5); здѣсь помѣщенъ рисунокъ знаковъ, найденныхъ на стѣнѣ пещеры въ усадьбѣ Зайцева по Кирилловской ул. въ Кіевѣ. Въ отдѣлѣ — «Засѣданія обществъ» — о докладѣ Е. К. Рѣдина и Н. А. Федоровскаго: «Могильникъ кургана слободы Сеньково, Купянскаго у.» (№ 3—4—5).

Въ послѣднемъ выпускѣ этого изданія находимъ извѣщеніе редакціи о прекращеніи изданія. Мы можемъ только пожалѣть объ этомъ, но насъ удивляетъ, что въ такомъ центрѣ, какъ Москва, не нашлось силъ продолжать этотъ единственный періодическій органъ по археологіи, вѣдь за матеріалами и средствами остановки не было.....

—

Въ «Подольскихъ губ. Вѣдомостяхъ» помѣщена замѣтка о намѣреніи *г. Гульдмана* возобновить печатаніе въ названной газетѣ его труда — «*Памятники старины Подоліи*». Трудъ этотъ раздѣленъ на 15 главъ или отдѣловъ: 1) находки каменныхъ издѣлій; 2) находки мѣдныхъ, бронзовыхъ топориковъ и стрѣлъ; 3) находки старинныхъ монетъ; 4) находки старинного оружія и вообще древнихъ вещей; 5) находки костей; 6) пещеры; 7) слѣды мегалитическихъ сооруженій (мегалиты, дольмены); 8) насыпные валы; 9) городища; 10) курганы; 11) каменныя бабы; 12) изображенія на камняхъ и скалахъ; 13) древнія монастырища; 14) фигуры (придорожные кресты, столбы, и т. п). и 15) церковныя древности—храмы, монастыри, иконы. Печатанніе было пріостановлено на 9-й главѣ; г. Гульдманъ обѣщаетъ закончить ее и перейти къ слѣдующей. Съ своей стороны, несмотря на нѣкоторую своеобразность распредѣленія отдѣловъ, пожелаемъ автору благополучно закончить прерванный трудъ — какъ сборникъ матеріаловъ, онъ имѣетъ несомнѣнное значеніе.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

но и характернымъ бытовымъ картинамъ заграничной жизни. Въ главнѣйшихъ культурныхъ европейскихъ странахъ (во Франціи, Германіи, Австріи, Италіи и Англіи) «Южное Обозрѣніе» имѣетъ своихъ собственныхъ корреспондентовъ. Одинъ изъ корреспондентовъ «Южнаго Обозрѣнія» въ настоящее время отправился въ Америку, откуда и будетъ постоянно корреспондировать; нѣсколько его очерковъ съ дороги были уже помѣщены въ газетѣ. На Всемірную выставку въ Парижѣ также будетъ отправленъ собственный корреспондентъ «Южнаго Обозрѣнія».

Особенное вниманіе обращено редакціей на событія внутренней жизни Россіи. переживающей въ настоящее время чрезвычайно важный моментъ замѣны старыхъ общественно-экономическихъ формъ новыми, болѣе приспособленными къ требованіямъ эпохи. Всѣ, сколько нибудь значительныя событія внутренней жизни Россіи, обсуждаются редакціей въ отдѣльныхъ передовыхъ статьяхъ и въ мелкихъ замѣткахъ подъ рубрикой «Наша печать», гдѣ читатель получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность ознакомиться съ воззрѣніями наиболѣе вліятельныхъ органовъ русской прессы на текущія событія.

Интересы нашего Юга, его промышленности, сельскаго хозяйства, земской жизни, городского самоуправленія изучаются и разсматриваются въ отдѣльныхъ руководящихъ статьяхъ подъ общимъ заглавіемъ «Областныя дѣла» и въ корреспонденціяхъ изъ провинціи (Херсонъ, Елисаветградъ, Николаевъ, Ялта, Аккерманъ и др.)

Жизни Одессы редакціей отводится весьма значительное мѣсто Въ рядѣ передовыхъ статей «Наши дѣла», редакція стремится уяснить читателямъ значеніе крупныхъ вопросовъ городской жизни, непосредственно касающихся интересовъ обывателей г. Одессы. Ежедневная хроника городской жизни Одессы, составляемая самымъ тщательнымъ образомъ, даетъ полный и подробный отчетъ о всѣхъ событіяхъ дня. Редакція, пристально и внимательно слѣдя за ростомъ общественнаго сомосознанія и частной иниціативы въ Одессѣ, даетъ однако мѣсто лишь такимъ статьямъ и стороннимъ сообщеніямъ, которыя чужды какихъ бы то ни было личныхъ или узко-партійныхъ вліяній.

Отдѣлъ фельетоновъ редакція находитъ нужнымъ разнообразить какъ можно болѣе. Культурная и соціально-политическая жизнь Западной Европы, новости науки и техники, новости русской и иностранной литературы—обо всемъ этомъ сообщается читателямъ, по возможности, въ систематическомъ и общедоступномъ изложеніи. Кромѣ того въ фельетонахъ даются переводы беллетристическихъ произведеній наиболѣе выдающихся иностранныхъ писателей, а также оригинальныя художественныя изображенія русской жизни.

По мѣрѣ необходимости въ газетѣ печатаются иллюстраціи, какъ въ самомъ текстѣ, такъ и въ отдѣльномъ Воскресномъ Приложеніи.

Подписная цѣна на газету «Южное Обозрѣніе»:

Въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 руб„ 6 мѣс. 3 р. 50 к., 3 мѣс. 1 руб. 80 коп., 1 мѣс. 60 коп. На города (съ пересылкой) на годъ 8 руб., 6 мѣс. 4 руб., 3 мѣс. 2 руб., 1 мѣс. 70 коп.

Допускается разсрочка платежа.

Отдѣльные №№ продаются по 3 коп.

Требованія адресуются: Въ Одессу, въ главною контору газеты «Южное Обозрѣніе», Главная улица, домъ Михайловой.

Редакторъ и издатель *В. Н. Маракуевъ.*

3—3

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОРГАНЪ

ИСКУССТВО

и

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Иллюстрированное Изданіе,

предпринятое съ Высочайшаго соизволенія

Императорскимъ Обществомъ Поощренія Художествъ

(съ октября 1898).

безъ предварительной цензуры, подъ редакціей Н. П. СОБКО,

съ офортами, ксилографіями, фотогравюрами, хромотипіями, исполненными въ первоклассныхъ заведеніяхъ и подъ руководствомъ лучшихъ мастеровъ.

Подписная цѣна въ годъ за 12 выпусковъ и 24 особыхъ прибавленій (въ общемъ до 100 стр. текста и свыше 500 снимковъ въ текстѣ и отдѣльно): безъ дост. 8 р.; съ дост. 9 р.; съ пер. 10 р.; за гран. 12 р.—Затѣмъ:

1) Допускается разсрочка взносовъ по 2 р. и по 3 р. въ теченіе первыхъ 4-хъ мѣсяцевъ съ начала подписного года, т. е. съ октября мѣсяца.

2) Наложеннымъ платежемъ журналъ высылается лишь по присылкѣ переводомъ не менѣе 2 руб. на почтовые расходы, сверхъ подписной цѣны.

3) Иногородные подписчики, во избѣжаніе излишнихъ проволочекъ въ доставкѣ подписки черезъ книжные магазины, благоволятъ обращаться преимущественно въ Главную Контору: С.-Петербургъ, Мойка, 83 (д. И. О. П. Х.).

4) Книгопродавцамъ дѣлается уступка отъ 40 до 60 коп. съ годового экземпляра, смотря по роду подписки.

3—3

1900 годъ.

XXXII годъ изд. XXXII годъ изд.

„ЗЕМСКІЙ СБОРНИКЪ Черниговской губерніи".

Вышла январская книжка.

Содержаніе. Распоряженія Правительства: Объ измѣненіи существующаго порядка распредѣленія суммъ, поступающихъ въ уплату поземельныхъ сборовъ.—О разрѣшеніи Новоузенскому земству назначить пенсію изъ уѣздныхъ земскихъ суммъ бывшему предсѣдателю уѣздной управы.—Земское и городское хозяйство: Осушеніе болота Трубайло въ 1895—1899 г.г. —Земскія извѣстія. Монографіи, матеріалы и свѣдѣнія: Народные спектали—Б. Д. Гринченко.—Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка—подъ ред. Н. П. Василенко. Мѣстная хроника: Журналъ засѣданія общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ Черниговской губерніи 10 августа 1899 г. (съ приложеніями). Разныя извѣстія и корреспонденціи: Изъ Глухова.—Ал. Литвинова. Объявленія.—Приложенія—Доклады Губернской Управы: О перестраховаціи рисковъ.—Объ устройствѣ кассы взаимопомощи для всѣхъ служащихъ въ земствѣ.

Подписная цѣна съ пересылкою 4 руб. въ годъ.

(*Для служащихъ въ Черниговскомъ Земствѣ 2 рубля*).

Подписка принимается въ городѣ Черниговѣ, въ Черниговской Губернской Земской Управѣ.

Пилавъ [4]) огонь великій страхъ.
Въ смолѣ сѣ [5]) грѣшники сидѣлы [6])
И на огнѣ пеклись, горѣлы, [7])
Хто якъ за вѣщо [8]) заслуживъ,
Перомъ [9]) не можно написаты, [10])
Не можно и въ сказкахъ [11]) сказаты, [12])
Якихъ було багацко [13]) дивъ.

[1]) въ пеклѣ П. К. [2]) все П. К. [3]) живиця П. К. [4]) палавъ П. К. [5]) сей П. К. [6]) сидѣли П. К. [7]) горѣли П. К. [8]) за вищо П. К. [9]) пѣромъ П. [10]) написати П. К. [11]) казкахъ П. К. [12]) сказати П. К. [13]) багацько П. К.

72.

Панювъ [1]) за те тамъ мурдовалы [2])
И жарилы [3]) во всѣхъ бокѣвъ, [4])
Що людямъ льготы не давалы [5])
И ставили ихъ за скотѣвъ. [6])
За те воны [7]) дрова возили,
Въ болотахъ очеретъ косилы, [8])
Носилы [9]) въ пекло на пѣдпалъ (sic). [10])
Чорты за ними приглядалы, [11])
Желѣзнымъ [12]) прутьямъ [13]) пѣдганялы, [14])
Коли якій изъ [15]) нихъ приставъ. [16])

[1]) панивъ П. К. [2]) мордовали П. К. [3]) жарили П. К. [4]) бокивъ П. К. [5]) давали П. К. [6]) скотивъ П. К. [7]) вони П. К. [8]) косили П. К. [9]) носили П. К. [10]) пидпалъ П. пидъ палъ К. [11]) приглядали П. К. [12]) залѣзнымъ П. Ж. [13]) прутьемъ П. К. [14]) пидгоняли П. пидганяли К. [15]) зъ П. К. [16]) пристававъ П. К.

73.

Огненнымъ [1]) пруттямъ [2]) оддиралы [3])
Кругомъ на спину и живѣтъ
Себе що самы [4]) убывалы, [5])
Якій [6]) остывъ нашъ бѣлый свѣтъ.
Гарячимъ діогтемъ заливалы, [7])
Ножами пѣдъ [8]) боки стрикалы, [9])

Щобъ не хватались [10]) умѣрать, [11])
Робылы [12]) разные [13]) ѣмъ [14]) муки,
Товкли у мужчиряхъ [15]) ихъ руки,
Не важились щобъ убывать. [16])

[1]) огненной П. [2]) пугою тамъ П. прутьемъ К. [3]) драли П. отдирали К. [4]) сами П. К. [5]) убивали П. К. [6]) акимъ П. К. [7]) заливали П. К. [8]) пидъ П. К. [9]) штиркали П. К. [10]) хапались П. К. [11]) умирать П. К. [12]) робили П. К. [13]) розныи П. К. [14]) имъ П. К. [15]) мужчирахъ П. К. [16]) убивать П. К.

74.

Богатымъ та скупимъ [1]) зливали
Кипяче золото у ротъ,
А брехунѣвъ [2]) тамъ заставлялы
Лизать горячихъ сковородъ.
Яки жъ изъ роду не женились
Та по чужихъ куткахъ живились,
Таки повѣшенны [3]) за [4]) крюкъ,
Зачепленны [5]) за грѣшне тѣло,
На свѣтѣ що грѣшило смѣло
И [6]) не боялося сихъ [7]) мукъ.

[1]) скупымъ П. К. [2]) брехунивъ П. К. [3]) повѣшены П. К. [4]) на К. [5]) зачеплены П. зацеплены К. [6]) а П. [7]) и П.

75.

Всѣмъ старшинамъ тутъ безъ розбору,
Панамъ, пѣдпанкамъ [1]) и слугамъ
Давалы [2]) въ пеклѣ добру хліору,
Всѣмъ по заслузѣ, мовъ [3]) котамъ.
Тутъ всякіе [4]) булы [5]) цехмистры,
И ратманы, и бургомистры,
Судьи, пѣдсудки, [6]) писарѣ, [7])
Яки по правдѣ не судыли, [8])
Та тѣлко [9]) грошики лупилы [10])
И отбирали хабарѣ [11]).

[1]) пидпанкамъ П. К. [2]) давали П. К. [3]) якъ П. К. [4]) всякія П. [5]) були П. К. [6]) пидсудки П. К. [7]) писари П. К. [8]) судили П. К. [9]) тилько П. К. [10]) лупили П. К. [11]) хабари П. К.

76.

И всѣ розумны [1]) филозопы,
Що въ свѣтѣ вчились мудровать,
Ченцы, [2]) попы и крутопопы,
Мирянъ [3]) щобъ знали научать,
Щобъ не ганялись [4]) за гривнями,
Щобъ не качались [5]) съ [6]) попадями,
Та знали бъ [7]) церковъ щобъ одну,
Ченцѣ [8]) до бабъ щобъ не иржали,
А мудрецы [9]) звѣздъ не щитали, [10])
Булы [11]) въ огнѣ на самѣмъ [12]) дну.

[1]) разумны П. [2]) ченци П. К. [3]) мірянъ К. [4]) гонялись П. К. [5]) возились П. К. [6]) зъ П. К. [7]) знали К. [8]) ксіондзы П. К. [9]) мудры П. К. [10]) щобъ не впимали П. К. [11]) були П. К. [12]) самомъ П. К.

77.

Жѣнокъ своихъ що не держалы [1])
Въ рукахъ, а волю имъ дали, [2])
По весѣльяхъ ихъ одпускали,
Щобъ часто въ приданкахъ [3]) булы [4])
И до пѣвночы [5]) тамъ гулялы, [6])
И въ гречку де-колы скакалы, [7])
Таки сидѣли у [8]) шапкахъ
Изъ [9]) превеликими рогами,
Зъ зажмуренными и [10]) очамы, [11])
Въ кипячихъ съ сѣркою [12]) котлахъ. [13])

[1]) жинокъ П. К. держали П. К. [2]) дававъ П. [3]) въ перезвахъ П. [4]) бувавъ П. [5]) пивночи П. К. [6]) гуляли П. К. [7]) скакали П. К. [8]) всѣ въ К. [9]) и съ П. К. [10]) всѣ П. К. [11]) очами П. К. [12]) сѣркой П. К. [13]) казанахъ П. К.

78.

Батьки, яки синѣвъ [1]) не вчилы, [2])
А гладилы [3]) по головахъ, [4])
И тѣлко [5]) знай що ихъ хвалилы, [6])
Кипѣли въ нефтѣ [7]) въ казанахъ,
Що черезъ нихъ [8]) сини [9]) въ ледащо
Пустилися, пѣшли [10]) въ нинащо
И [11]) послѣ чубилы [12]) батькѣвъ, [13])
И всею силою бажалы, [14])
Батьки щобъ швидче умѣралы, [15])
Щобъ имъ принятись до замкѣвъ. [16])

[1]) сынивъ П. К. [2]) вчили П. К. [3]) гладили П. К. [4]) головкахъ П. [5]) тилько П. К. [6]) хвалили П. К. [7]) нефти П. К. [8]) ихъ П. К. [9]) сынки П. К. [10]) пишли П. К. [11]) а П. К. [12]) чубили П. К. [13]) батькивъ П. К. [14]) бажали П. К. [15]) умирали П. К. [16]) замкивъ П. К.

79.

И тѣ булы тамъ лагоминцѣ, [1])
Пѣддуровалы [2]) що дѣвокъ,
Що въ вѣкна дрались по дробынцѣ
Пѣдтемный, [3]) тыхій вечерокъ,
Що будуть [4]) сватать ихъ, брехалы, [5])
Пѣдманіовалы, [6]) улещалы, [7])
Поки добрались до кѣнця, [8])
Поки дѣвки отъ перечосу а)
До самого товстѣлы носу, б)
Що сором послѣ до вѣнця.

[1]) лигоминци П. К. [2]) пиддуривали П. К. [3]) пидъ темный П. К. [4]) будутъ К. [5]) брехали П. К. [6]) пидманивали П. К. [7]) улещали П. К. [8]) конця П. кинця К.

а) Тогда дѣвки обманъ познали,
б) Да ба!—уже товстеньки стали П.

80.

Булы [1]) тамъ купчики проворны,
Що ѣздилы по ярмаркамъ [2])

И на аршинець не пѣдборный [3])
Поганый продавалы [4]) крамъ.
Тутъ [5]) всякые [6]) булы пронозы,
Перекупки и шмаровозы,
Жиды, мѣняйлы, шинкарѣ [7])—
И тѣ, що фиги - [8]) миги [9]) возять, [10])
Що въ боклагахъ гарячій носять, [11])
Тамъ всѣ пеклися крамарѣ. [12])

[1]) були П. К. [2]) ярмалкамъ П. [3]) не пидборный П. К. [4]) продавали П. К. [5]) тамъ П. [6]) всякіи П. всякіе К. [7]) шинкари П. К. [8]) хвиги П. [9]) мыги П. К. [10]) возятъ К. [11]) носятъ К. [12]) крамари П. К.

81.

Палыводы [1]) и волоцюги,
Все зводныки [2]) и всѣ плуты,
Ярыжники и всѣ пьянюги,
Обманщики и всѣ моты, [3])
Всѣ ворожбыты, [4]) чародѣи,
Всѣ гайдамаки [5]) и [6]) злодѣи,
Шевцѣ, [7]) кравцѣ [8]) и ковалѣ, [9])
Рѣзницкій, ткацкій, шаповалскій, а)
Бондарскій цехъ и коновалскій б)
Кипѣлы [10]) въ пеклѣ всѣ въ смолѣ.

[1]) паливоды П. К. [2]) зводники П. К. [3]) Вмѣсто этихъ двухъ стиховъ, приведенныхъ по изданію Парпуры и изданію Котляревскаго, въ рукописи одинъ стихъ: «ярижники и всѣ моты», [4]) ворожбиты П. К. [5]) гайдомаки П. [6]) и всѣ П. [7]) шевци П. К. [8]) кравци П. К. [9]) ковали П. К. [10]) кипѣли П. К.

а) Цехи рѣзницкій, коновальскій,

б) Кушнирскій, ткацкій, шановальскій. П. К.

82.

Тамъ всѣ невѣрны и крестяне, [1])
Булы [2]) паны и мужики,
Булы дворяне [3]) и мѣщане—

И молоды, и старыки, [4])
Булы [5]) богаты и убогы, [6])
Прямы булы [7]) и крывоногы, [8])
Булы [9]) видющи и слѣпы,
Булы [10]) и штатски и военны,
Булы [11]) и пански и казенны,
Булы [12]) миряне [13]) и попы.

[1]) христьне П. К. [2]) були П. К. [3]) шляхтяне П. були тутъ шляхта К. [4]) старики П. К. [5]) були П. К. [6]) убоги П. К. [7]) були П. К. [8]) крывоноги П. К. [9]) були П. К. [10]) були П. К. [11]) були П. К. [12]) були П. К. [13]) міряне П. К.

83.

Гай! гай! Та нѣгде правды дѣты, [1])
Брехня жъ наробить [2]) лиха бѣлшъ, [3])
Сидѣлы [4]) тамъ скучны} піиты,
Писарчуки поганыхъ вѣршъ, [5])
Великіе [6]) терпѣлы [7]) муки,
Завязанны [8]) булы [9]) имъ [10]) руки,
Мовъ у татаръ терпѣли плѣнъ.
Оттакъ [11]) и нашъ братъ попадется,
Що пише, не остережется:
Якій же втерпить [12]) іого хрѣнъ? А)

[1]) дѣти П. К. [2]) наробитъ К. [3]) бильшъ П. билшъ К. [4]) сидѣли П. К. [5]) виршъ П. К. [6]) великіи П. [7]) терпѣли П. К. [8]) завязаны П. [9]) були П. К. [10]) имъ звязаны були и К. [11]) отъ-такъ П. К. [12]) втерпитъ К.

А) Якусь особу мацапуру
Тамъ жарили на шашлыку,
Горячу мѣдь лили за шкуру
И роспинали на быку.
Натуру мавъ винъ дуже бридку,
Крививъ душею для прибытку,
Чужее отдадавъ въ печать,
Безъ сорома, безъ Бога бувши,
И восьму заповѣдь забувши,
Чужимъ пустився промышлять. К.

84.

Эней [1]) отъ сихъ якъ [2]) отступився
И далѣ трохи одійшовъ, [3])
То на друге вѣнъ [4]) нахопився,
Жѣночу [5]) муку тутъ найшовъ.
Въ другѣмъ [6]) зовсѣмъ [7]) сихъ караванѣ
Пѣджаровалы, [8]) мовъ [9]) у банѣ, [10])
Отцѣто [11]) галасъ исправлялы, [12])
Що ажъ кричали на чѣмъ свѣтъ,
Гарчалы, [13]) выли [14]) и пыщалы [15])
Послѣ [16]) кутѣ [17]) якъ бы [18]) живѣтъ.

[1]) Еней П. [2]) яхъ вицциль К. [3]) одойшовъ П. К. [4]) то на другее П. К. [5]) жиночу П. К. [6]) въ другимъ К. П. [7]) зо всѣхъ П. [8]) пиджаріовали П. К. [9]) якъ П. К. [10]) бани П. [11]) оцѣ-то П. К. [12]) исправляли П. К. [13]) гарчали П. К. [14]) выли П. К. [15]) пищали П. К. [16]) писля П. К. [17]) кути П. К. [18]) мовъ на П. К.

85.

Дѣвки, бабы и [1]) молодицѣ [2])
Клялы [3]) себе и ввесь [4]) свѣй [5]) рѣдъ, [6])
Клялы [7]) всѣ жарты, вечерницѣ, [8])
Клялы [9]) и жизнь, и бѣлый свѣтъ,
За те имъ такъ тамъ задавалы, [10])
Що черезъ чуръ тутъ [11]) мудровалы [12])
И верховодилы [13]) надъ всѣмъ.
Хоть человѣки [14]) не онее,
Та коли, бачъ, жѣнки вже [15]) тее,
Такъ треба угодити имъ.

[1]) тамъ дѣвки, бабы П. [2]) молодици П. К. [3]) кляли П. К. [4]) весь К. [5]) свій П. К. [6]) ридъ П. К. [7]) кляли П. К. [8]) вечерници П. К. [9]) кляли П. К. [10]) задавали П. К. [11]) черезъ мѣру П. К. [12]) мудровали П. К. [13]) верховодили П. К. [14]) чоловѣкамъ П. чоловѣкъ и К. [15]) жинци, бачишь П. жинци, бачишъ К.

86.

Булы [1]) тамъ чесны богомолки, [2])
Що зналы [3]) ввесь святый законъ,
Молилися безъ остановки
И были [4]) сотъ по пять поклонъ:
Якъ въ церквѣ межъ людьми стоялы [5])
И головами все кивалы, [6])
Якъ же булы [7]) на самотѣ,
То молитовники ховалы, [8])
Казилысь, бѣгали, скакалы, [9])
И гирше [10]) дещо въ темнотѣ.

[1]) були П. К. [2]) пустомолки П. К. [3]) знали П. К. [4]) били П. К [5]) стояли П. К. [6]) хитали П. К. [7]) були П. К. [8]) ховали П. К. [9]) казились П. казылись К. скакали П. К. [10]) гирьше П.

87.

Булы [1]) и тіи тамъ панянки,
Що наряжались на показъ,
Мандрохи, [2]) фліорки и дыптянкы, [3])
Що продають [4]) себе на часъ.
Сѣ [5]) въ сѣрци [6]) и смолѣ кипѣлы [7])
За те, що жирно дуже ѣлы, [8])
И що ихъ не страшивъ и пѣстъ, [9])
Що все прикушовалы [10]) губы
И скалилы [11]) бѣленьки зубы,
И часто [12]) пѣднималы [13]) фѣстъ. [14]) а)

[1]) були П. К. [2]) мандріохи П. К. [3]) дыптянки П. К. [4]) продають К. [5]) си П. К. [6]) въ сѣрцѣ П. К. [7]) кипѣли П. К. [8]) ѣли П. К. [9]) пистъ П. К. [10]) прикушували П. К. [11]) скалили П К. [12]) дуже К. [13]) волочили К. [14]) хвистъ К.

а) Да и не давали старшимъ мѣстъ П.

88.

Пеклысь [1]) тутъ гарны молодицѣ, [2])
Ажъ жаль було на нихъ [3]) глядѣть,

Чорнявы, повны, мылолицы, [4])
И сѣ [5]) тутъ мусѣлы [6]) кипѣть,
Що замужъ за старыхъ ходилы [7])
И имъ живѣтъ укоротилы, а)
Щобъ послѣ гарно погулять
Изъ парубками [8]) поводитись,
На свѣтѣ весело нажитись
И не голоднымъ умѣрать. [9])

[1]) неклись П. К. [2]) молодици П. К. [3]) ихъ П. К. [4]) милолицы П. К. [5]) си П. К. [6]) мусили П. К. [7]) ходили П. К. [8]) паробками П. К. [9]) умирать П. К.

а) И мышакомъ ихъ покормили П. поморили К.

89.

Якіесь мучились тамъ птахи а)
Съ куделями на головахъ,
Се честные не потѣпахи, б)
Булы [1]) тендѣтны [2]) при людяхъ,
А безъ людей? Не можно знаты, [3])
Себе чимъ [4]) зналы [5]) забавляты, [6])
Про те то знае ихъ лакей: в)
Имъ тяжко въ пеклѣ докорялы, [7])
Смолы на щоки налѣплялы, [8])
Щобъ не дурылы [9]) тутъ [10]) людей.

[1]) були жъ П. були К. [2]) смирненьки П. тендитны К. [3]) знати П. К. [4]) чѣмъ П. [5]) мали П. К. [6]) забавляти П. К. [7]) докоряли П. К. [8]) налѣпляли П. К. [9]) дурили П. К. [10]) такъ П. К.

а) Тамъ мучилися и вдовици П.

б) Що бѣгали на вечерници П.

в) Про те лишъ знали до дверей П. К.

90.

Бо щоки терли манѣею [1])
И [2]) блейвасомъ и нѣсъ, [3]) и лобъ,
Щобъ краскою хоть не своею

Причаровать собѣ [4]) кого бъ, [5])
Изъ рѣпы пѣдставлялы [6]) зубы,
Ялозылы [7]) и [8]) смалцемъ [9]) губы,
Щобъ пѣдвесты [10]) на грѣхъ людей,
Бундучили [11]) якіесь бочки,
Мостилы [12]) въ пазусѣ [13]) сорочки, [14])
Въ которыхъ не було грудей. а)

[1]) маніею [2]) а П. К. [3]) нисъ П. К. [4]) къ себѣ П. [5]) народъ П. [6]) пидставляли П. К. [7]) ялозили П. К. [8]) все П. К. [9]) смальцемъ П. К. [10]) пидвести П. К. [11]) пиндючили П. К. [12]) мостили П. К. [13]) пазуси П. [14]) платочки П. К.

а) Все жарты имъ булы да смѣхъ (sic) П.

91.

За сыми по ряду шкварчалы [1])
Въ роспаленныхъ сковородахъ
Стары бабы, що все [2]) ворчалы, [3])
Базѣкалы [4]) о всѣхъ дѣлахъ,
Все тѣлко [5]) старыну [6]) хвалилы, [7])
А молодихъ товклы [8]) та былы, [9])
Не думалы [10]) жъ, яки булы, [11])
Ище якъ самы [12]) дѣвовалы [13])
Та [14]) съ хлопцями якъ хурцовалы [15])
Та й по дитинцѣ привелы. [16])

[1]) шкварчали П. К. [2]) старыи бабы, що П. [3]) ворчали П. К. [4]) базикали П. К. [5]) тилько П. К. [6]) старину П. К. [7]) хвалили П. К. [8]) товкли П. К. [9]) били П. К. [10]) думали П. К. [11]) були П. К. [12]) сами П. К. [13]) дѣвовали П. К. [14]) да П. К. [15]) гарціовали П. К. [16]) привели П. К.

92.

Вѣдіомъ же тутъ колесовалы [1])
И всѣхъ шептухъ и ворожокъ
И жилы ихъ [2]) чорты моталы [3])
И безъ витушки [4]) на клубокъ,
На припѣчкахъ [5]) щобъ не оралы, [6])

У комены щобъ не лѣталы, [7])
Не ѣздили бъ на упиряхъ, [8])
И щобъ дощу не продавалы, [9])
Въ ночѣ [10]) людей щобъ не лякалы, [11])
Не ворожили бъ на бобахъ.

[1]) колесовали П. К. [2]) зъ нихъ П. К. [3]) мотали П. К. [4]) вытушки П. К. [5]) припечкахъ П. К. [6]) орали П. К. [7]) лѣтали П. К. [8]) упырахъ П. К. [9]) продавали П. К. [10]) въ ночи П. К. [11]) лякали П. К.

93.

А звѣдницямъ таке робылы, [1])
Що цуръ іому вже и казать,
На грѣхъ дѣвокъ що пѣдводилы [2])
И симъ учились промышлять,
Жѣнокъ [3]) отъ чоловѣковъ [4]) кралы [5])
И волоцюгамъ помогалы [6])
Рогами людскій лобъ квѣтчать, [7])
Щобъ не своимъ не торговалы, [8])
Того бъ на откупъ не давалы, [9])
Що треба про запасъ держать.

[1]) зводницямъ П. К. робили П. К. [2]) пидводили П. К. [3]) жинокъ П. К. [4]) чоловѣкивъ П. К. [5]) крали П. К. [6]) помогали П. помагали К. [7]) вѣнчать П. квѣчать К. [8]) торговали П. К. [9]) давали П. К.

94.

Эней [1]) тамъ бачивъ щось [2]) не мало
И всякихъ грѣшниць у смолѣ,
Якъ съ кабанѣвъ [3]) топили [4]) сало,
Такъ шкварилися у котлѣ. [5])
Були тамъ [6]) свѣтски [7]) и черницы, [8])
Були дѣвки и молодицѣ, [9])
Паньи булы [10]) и [11]) панночки,
Були въ свиткахъ, булы [12]) въ чоботахъ, [13])
Булы и въ плюндрахъ [14]) и ребронтахъ, [15])
Булы [16]) всѣ грѣшны жѣночки. [17])

[1]) Еней П. [2]) щось бачивъ тамъ П. [3]) кабанивъ П. К. [4]) топыли П. К. [5]) си на огнѣ П. си въ огнѣ К. [6]) и П. К. [7]) свѣцьки П. К. [8]) черници П. К. [9]) молодици П. К. [10]) були и паньи П. К. [11]) й П. [12]) були П, К. [13]) були въ ребронахъ П. въ охвотахъ К. [14]) въ намѣткахъ П. въ дульетахъ К. [15]) шиньіонахъ П. въ капотахъ К. [16]) були П. К. [17]) жиночки П. К.

95.

Но се булы [1]) все осужденны,
Яки померли не теперъ, [2])
Безъ суду жъ не паливъ [3]) пекельный [4])
Огонь, недавно хто умеръ.
Сѣ [5]) всѣ булы [6]) въ другѣмъ [7]) загонѣ,
Якъ бы лошата або конѣ, [8])
Не знавши, попадуть куда.
Эней, [9]) на первыхъ надивившись [10])
И о бѣдахъ ихъ пожурившись,
Пѣшовъ [11]) въ широки [12]) ворота.

[1]) були П. К. [2]) теперь П. К. [3]) палывъ П. К. [4]) пекельны П. [5]) си П. К. [6]) були П. К. [7]) въ другимъ П. К. [8]) кони П. К. [9]) Еней П. [10]) подивившись П. К. [11]) пишовъ П. К. [12]) другіи П. другіе К.

96.

Эней, ввѣйшовши [1]) въ сю кошару, а)
Побачивъ тутъ [2]) багацко [3]) душъ,
Вмѣшавшися межъ сю ватагу, [4]) б)
Мовъ [5]) межъ гадюки [6]) чорный ужъ.
Тутъ разны [7]) душі похожали,
Все думалы, [8]) та все гадали,
Куда то за грѣхи ихъ впруть—
Чи въ рай ихъ пустять [9]) веселитись,
Чи, може, въ пекло посмалитись,
И за грѣхи ихъ [10]) носа втруть. [11])

[1]) ввійшовши К. [2]) тамъ П. К. [3]) багацько П. К. [4]) отару К. [5]) якъ К. [6]) промижъ гадюкъ мовъ П. [7]) розны П. К. [8]) думали П. К. [9]) пустятъ К. [10]) имъ П. К. [11]) втрутъ К.

а) Ввійшовши же въ якусь свѣтлицю П.

б) Вмѣшавсь якъ разъ мижъ ихъ станицю П.

97.

Було имъ вѣлно [1]) розмовляты [2])
Про всякіи [3]) свои дѣла,
И думаты, [4]) и мирковаты, [5])
Яка душа, где, [6]) якъ жила.
Богатый тутъ на смерть гнѣвився,
Що [7]) зъ грошами [8]) не разлѣчився, [9])
Кому и скѣлко [10]) треба дать,
Скупій [11]) же [12]) жалковавъ, [13]) нудився,
Що вѣнъ [14]) на свѣтѣ не нажився,
И що не вспѣвъ и погулять.

[1]) власно П. вильно К. [2]) розмовляти П. К. [3]) всякія К. [4]) думати П. К. [5]) мирковати П. мизковати К. [6]) де К. [7]) що винъ П. К. [8]) зъ гришми П. К. [9]) розличився П. К. [10]) килько П. К. [11]) скупый К. [12]) а бѣдный П. [13]) тосковавъ П. К. [14]) винъ П. К.

98.

Сутяга толковавъ указы
И що то значить нашъ статутъ,
Росказововавъ свои проказы,
На свѣтѣ що робывъ [1]) сей плутъ.
Мудрець же физику [2]) провадивъ
И [3]) толковавъ якихсь монадѣвъ [4])
И думавъ, вѣдкиль [5]) взявся бѣгъ. [6])
А мартоплясъ крычавъ, [7]) смѣявся,
Росказововавъ и присягався, [8])
Що вѣнъ по смерть бувъ не убогъ. а)

[1]) робивъ П. К. [2]) хвизики П. [3]) знай П. [4]) монадивъ П. К. [5]) видкиль П. К. [6]) свѣтъ П. К. [7]) кричавъ П. К. [8]) дивовався П. К.

а) Що добре знавъ панивъ дурить П. жинокъ К.

99.

Судья тамъ признавався смѣло,
Що зъ кузиками [1]) за мундиръ

Таке переоначивъ [2]) дѣло,
Що [3]) може бъ навѣстивъ Сибѣрь, [4])
Та [5]) смерть избавила косою,
Що [6]) катъ легенькою рукою
Плечей іому не покропивъ.
А лѣкарь скрѣзь [7]) ходивъ зъ ланцетомъ,
Зъ слабительнымъ, изъ [8]) пармацетомъ, [9])
И [10]) чванивсь, що [11]) людей моривъ.

[1]) гудзиками П. К. [2]) переоначивъ праве П. [3]) и П. [4]) Сибирь П. К. [5]) да П. К. [6]) щобъ П. [7]) скривь П. К. [8]) и П. К. [9]) спармацетомъ П. К. [10]) да П. [11]) якъ П. К.

100.

Ласощохлисты [1]) похожалы, [2])
Всѣ ѳичики (фирчики?) [3]) и паничи
На пальцахъ [4]) ногтыки [5]) кусалы, [6])
Росприндившись, [7]) якъ павичи.
Все очи въ гору пѣднимали, [8])
По свѣту бѣлому [9]) здыхалы, [10])
Що рано ихъ побрала смерть,
Що трохи славы учинили, а)
Не всѣхъ на свѣтѣ подурыли,
Не всѣмъ успѣли носа [11]) втерть.

[1]) лясощохлисты К. тамъ дармоѣды П. [2]) похожали П. К. [3]) фертики П. К. [4]) пальцяхъ П. К. [5]) нохтики П. ногтики К. [6]) кусали П. К. [7]) росприндывшись П. К. [8]) пиднимали П. К. [9]) нашему П. нашому К. [10]) вздыхали П. К. [11]) морду К.

а) Не всѣмъ що головы вскружили П.

101.

Мъты, картіожники, пьянюги
И ввесь [1]) проворный, честный родъ,
Лакеи, конюхи, всѣ слуги,
Всѣ кухарѣ [2]) и скороходъ, [3])
Побравшись за руки ходили

И о плутняхъ все говорылы, [4])
Якы [5]) робили, якъ жилы, [6]) } а)
Якъ панѣй [7]) и панѣвъ [8]) дурылы, [9])
Якъ по шинкахъ въ ночѣ [10]) бродилы, [11])
И якъ зъ кишень хустки [12]) тяглы.

[1]) весь П. К. [2]) кухари П. К. [3]) ввесь набродъ П. [4]) говорили П. К. [5]) яки К. [6]) жили К. [7]) панiй П. паней К. [8]) панивъ П. К. [9]) дурили П. К. [10]) въ ночи П. К. [11]) ходили П. К. [12]) платки К.

а) Эти два стиха въ изданiи Парпуры переставлены одинъ на мѣсто другого, причемъ первый стихъ читается такъ: «И якъ робили, якъ жили".

102.

Тамъ призиглiованки [1]) журились,
Що нѣкому вже пѣдморгнуть, [2])
За ними бѣлшъ [3]) не волочились,
Тутъ ихъ заклекотѣла путь. а)
Бабы тутъ бѣлшъ [4]) не ворожилы, [5]) б)
Уже ни вчѣмъ ихъ не просилы,— в)
Яки жъ дѣвокъ охочы [6]) быть, [7])
Зубами зъ сердця [8]) скреготалы, [9])
Що наймички ихъ не вважалы [10])
И не хотѣли имъ служить. [11])

[1]) придзиглiованки П. К. [2]) пидморгнуть П. К. [3]) бильшъ П. К. [4]) бильшъ К. [5]) ворожили К. [6]) охочи П. К. [7]) бить П. К. [8]) серця П. серца К. [9]) скреготали П. К. [10]) вважали П. К. [11]) годить П. К.

а) И смѣтьемъ ихъ засыпанъ путь,
б) Тутъ бильше щобъ не ворожили,
в) Людей бы добрыхъ не дурилы. П.
в) И простодушныхъ не дурили К.

103.

Эней [1]) узрѣвъ свою Дидону
Осмалену, мовъ головня,
Якъ разъ по нашому закону

Предъ нею шапочку изнявъ;
„Здорова! глянь, [2]) де ты взялася?
И ты, сердечна, приплелася
Изъ Карфагены [3]) ажъ сюда!
Якого бѣса испеклася? [4])
Хиба на свѣтѣ нажилася?
Чортъ мавъ тобѣ гдесь и [5]) стыда!“

[1]) Еней П. [2]) будь П. [3]) Карпагена П. [4]) ты спеклася П. К. [5]) тогдѣ П.

104.

„Яка заліотна [1]) молодиця,
Та глянся, вмерла залюбки,
Румянна, повна, бѣлолыца, [2])
Хто гляне, то лизне губки. а)
Теперъ [3]) зъ тебе яка урѣха?
Нихто не гляне и для смѣха,
На вѣкъ теперъ [4]) пропала ты!
Я, далебѣ, [5]) въ тѣмъ [6]) не виною,
Що такъ розъѣхався [7]) зъ [8]) тобою:
Минѣ приказано втекты. [9])

[1]) моторна П. смашная К. [2]) бѣлолиця П. К. [3]) теперь П. К. [4]) теперь П. [5]) далиби П. [6]) въ томъ П. въ тимъ К. [7]) роздякувавсь П. [8]) съ П. К. [9]) втекти П. К.

а) Хто прежъ глядѣвъ, лызавъ губки П.

105.

„Теперъ же, коли хочъ, злигаймось [1])
И иумо жить такъ, якъ жилы, [2])
Тутъ закурѣмъ, [3]) заженихаймось,
Вже не розлучимсь николы. [4])
Ходи лишъ, [5]) я тебе [6]) милую, [7]) а)
Прижму до сердця, поцѣлую!“ б)
Іому жъ Дидона на отрѣзъ
Сказала: „къ чорту убѣрайся, [8])

На [9]) мене бѣлшъ [10]) не повапляйся, [11])
Сихей тобѣ росквасить нѣсъ! в)

[1]) злыгаймось П. К. [2]) жили П. К. [3]) закуримъ П. К. [4]) николи П. К. [5]) ходи К. [6]) тебе я К. [7]) помилую К. [8]) убирайся П. К. [9]) до П. [10]) бильшъ П. К. [11]) не прихиляйся П. не женихайся К.

а) Чи бачъ, якъ я тебе шаную,
б) Що коли хочъ, и поцѣлую П.
в) Лишъ сунсь, тобѣ росквашу нисъ. П.
в) Не лѣзъ! бо розибью и нисъ. К.

106.

Сказала [1]), чортъ зна [2]) де пропала,
Эней [3]) не знавъ що и робыть, [4])
Коли бъ Яга не закрычала, [5])
Що годѣ довго говорыть,
То бъ, може, [6]) тамъ й [7]) застоявся,
Сихей по нѣмъ бы привязався а)
И ребра бъ, може, [8]) полѣчивъ, [9])
Щобъ на жѣнкахъ [10]) не женихався,
Надъ мертвыми не поглумлявся, [11])
До смерты [12]) вдовъ не доводивъ. б)

[1]) сказавши К. [2]) вѣсть П. [3]) Еней П. [4]) робить П. К. [5]) закричала П. К. [6]) то може бъ К. [7]) такъ бы П. [8]) щобъ хто и ребра К. [9]) поличивъ К. [10]) съ жинками щобъ П. щобъ съ вдовами К. [11]) надглумлявся П. наглумлявся К. [12]) до смерти П.

а) Що тамъ и досвѣтку дождався П.
а) И може, той поры дождався К.
б) Жинокъ любовью не моривъ К.

107.

Эней [1]) съ Сивиллою попхався
Въ пекелную [2]) подалѣ глушь, [3])
Якъ на дорозѣ повстрѣчався
Зъ громадою знакомыхъ душъ,
Тутъ всѣ зъ Энеемъ [4]) обнимались,

Чоломкались и цѣловались,
Побачивши князька свого,
Тутъ всякъ смѣявся, реготався,
Эней [5]) до всѣхъ ихъ доглядався,
Знайшовъ зъ Троянцѣвъ [6]) ось кого.

[1]) Еней П. [2]) пекельную П. К. [3]) глушъ П. К. [4]) Енеемъ П. [5]) Еней П. [6]) Троянцивъ П. К.

108.

Педька [1]), Терешка, Шелифона [2]),
Панька, Охрѣма [3]) и Леска [4]),
Харка [5]), Олешка и [6]) Сазона [7]),
Пархома [8]), Іоська [9]) и Феска [10]),
Стецка [11]), Ониська [12]) и Панаса [13]),
Свирыда [14]), Лазаря, Тараса [15]),
Булы [16]) Денисъ, Остапъ, Овсѣй [17])
И всѣ Троянцѣ [18]), що втопились,
Якъ на човнахъ зъ нимъ волочились,
Тутъ бувъ [19]) Вернигора Мусѣй [20]).

[1]) Грицька П. [2]) Опанаса П. [3]) Охрима К. [4]) Харка П. Харька К. [5]) Леська К. Ероху П. [6]) Ермоленка П. [7]) Сисіона К. Власа П. [8]) Кузьму П. [9]) Иска К. Пархома П. [10]) Феська К. Яцька П. [11]) Стецька К. Омельку П. [12]) Сидора П. [13]) Опанаса К. Евхима П. [14]) Потапа П. [15]) Трохима П. [16]) були П. К. [17]) Евсѣй П. [18]) Троянци П. К. [19]) и самъ П. [20]) Муйсѣй П. К.

109.

Жидѣвска [1]) школа завелася,
Великій крыкъ [2]) всѣ пѣднялы, [3])
И [4]) реготня где [5]) не [6]) взялася,
Тутъ всяку всячину верзлы [7]),
Згадалы, чортъ знае [8]), колишне,
Балакалы [9]) уже и лишне,
Эней [10]) и самъ тутъ [11]) росходивсь [12]),
Щось балагурылы [13]) довгенько,

Хоть изишлися [14]) и раненько,
Такъ [15]) панъ Эней [16]) нашъ опѣзнивсь [17]).

[1]) жиливска П. К. [2]) кракъ П. [3]) пидняли П. К. [4]) де П. [5]) тутъ П. де К. [6]) ни П. [7]) верзли П. К. [8]) зна самъ П. [9]) балакали П. К. [10]) Еней П. [11]) самъ тута П. [12]) розходивсь П. [13]) балагурили П. К. [14]) изошлися К. [15]) да П. К. [16]) Еней П. [17]) опизнивсь П. К.

110.

Сивиллѣ се не показалось,
Що тамъ [1]) пахолокъ застоявсь,
Що дитятко такъ розбрехалось,
Уже о свѣтѣ вѣнъ [2]) не знавсь, а)
На іого грѣзно [3]) закрычала [4]),
Залаяла, запорощала,
Що ажъ Эней [5]) ввесь [6]) затрусивсь,
Троянцѣ тожъ всѣ дременулы, б)
Куда хто запопавъ, махнулы, [7])
Эней [8]) за бабою пустивсь.

[1]) такъ П. К. [2]) и о свѣтѣ К. [3]) грizно П. К. [4]) закричала П. К. [5]) Еней П. [6]) весь К. [7]) и въ ростичъ хто куды К. махнули П. К. [8]) Еней П.

а) И по пустому забавлялось П.

б) Троянци тоже [9]) всѣ здригнули П. К. [9]) такъ же К.

111.

Ишли и, якъ бы [1]) не збрехаты [2]),
Трохи не цару добрыхъ гѣнъ [3]), а)
Якъ ось побачили и хаты
И ввесь [4]) Плутоновъ [5]) царскій дѣмъ [6]),
Сивила палцемъ [7]) указала
И такъ [8]) Энеевѣ [9]) сказала:
„Оттутъ [10]) и панъ Плутонъ живе
Изъ [11]) Презерпѣною [12]) своею,
До ихъ-то на поклонъ зъ гильею [13])
Теперъ [14]) я поведу тебе“.

[1]) якъ бы мнѣ П. [2]) збрехати П. К. [3]) гинъ К. [4]) весь П. К. [5]) Плутонивъ П. К. [6]) димъ К. домъ П. [7]) пальцемъ П. К. [8]) зра-

дѣвъ П. [9]) Енееви П. Энееви К. [10]) отъ-тутъ П. К. [11]) и съ П. К [12]) Прозерпиною П. К. [13]) гиллею П. К. [14]) теперь П. К.

a) Долиной, полемъ и лѣскомъ П.

112)

И тѣлко [1]) що пришлы [2]) къ воротамъ,
У [3]) двѣръ пустилися чвалать,
Якъ баба бридка [4]), криворота—
„Хто йде"? ихъ стала окликать,
Мерзене чудо се стояло
И было [5]) пѣдъ [6]) дворомъ [7]) въ клепало,
Якъ въ нашихъ [8]) водится дворахъ,
Обмотанна [9]) вся лапцюгами,
Гадюки вилися клубками
На головѣ и на плечахъ.

[1]) тилько П. К. [2]) прійшли П. К. [3]) и въ П. К. [4]) брыдка К. [5]) било П. К. [6]) пидъ К. близъ П. [7]) воротъ П. [8]) панскихъ П. паньскихъ К. [9]) обмотана П. К.

113.

И ся [1]) безъ всякого обману
И щиро, безъ обенякѣвъ [2]),
Робыла [3]) грѣшнымъ добру шану,
Ремнями драла, якъ [4]) быкѣвъ [5]),
Кусала, грызла [6]), бычовала [7]),
Крышила, шкварыла [8]), щипала,
Топтала, дряпала, пекла,
Порола, корчила, пыляла [9]),
Вертѣла, рвала, шпиговала
И кровъ изъ тѣла ихъ пила.

[1]) вона П. К. [2]) обенякивъ П. К. [3]) робила П. К. [4]) мовъ П. К. [5]) быкивъ П. К. [6]) гризла П. К. [7]) бичовала П. К. [8]) кришила, била и П. шкварила К. [9]) товкла П.

114.

Эней [1]), бѣдняжка, излякався,
Увесь, якъ крейда, побѣлѣвъ

И заразъ у Яги спитався,
Хто ѣй такъ мучить [2]) извелѣвъ? [3])
Вона іому все росказала
Такъ, якъ сама, здорова, знала,
Що въ пеклѣ есть судья Эахъ [4]):
Хоть вѣнъ [5]) на смерть не осуждае,
Та мучити повелѣвае,
И якъ звелить [6]), и мучять [7]) такъ.

[1]) Еней П. [2]) мучити П. К. [3]) велѣвъ П. К. [4]) Оякъ П. Эакъ К. [5]) винъ П. К. [6]) звелитъ К. [7]) мучать П. мучатъ К.

115.

Ворота сами отчинились [1]),
Не смѣвъ нихто [2]) ихъ задержать,
Эней [3]) зъ [4]) Сивиллою пустились,
Щобъ Прозерпинѣ честь отдать
И пѣднести [5]) ий [6]) на болячку
Ту суту золоту [7]) гѣльячку [8]),
Що силно [9]) такъ вона бажа.
Но къ ней [10]) Энея [11]) не пустилы [12]),
Прогналы [13] и трохи не былы, [14])
Бо хирѣла ся [15]) госпожа.

[1]) одчинились П. К. [2]) ни хто К. [3]) Еней П. [4]) съ П. К. [5]) пиднести П. К. [6]) ѣй П. К. [7]) суто-золоту П. К. [8]) гиллячку П. К. [9]) сильно П. К [10]) ѣй П. К. [11]) Енея П. [12]) пустили П. К. [13]) прогнали П. К. [14]) трохи и не били П. К. [15]) ихъ П. К.

116.

А далѣ вперлися въ будинки [1])
Пѣдъ земного [2]) (sic) сіого царя,
Ни гичь, ни гарыля [3]) пилинки [4]),
Було въ нихъ [5]) чисто, [6]) якъ зоря,
Цвяхованны [7]) булы [8]) тамъ стѣны
И вѣкна [9]) всѣ зъ морскои пѣны,
Шумиха [10]), олово, свинець,

Блищалы [11]) мѣди тамъ и крицѣ [12]),
Всѣ убраны булы [13]) свѣтлицѣ [14]),
По правдѣ [15]) панскій бувъ дворець.

[1]) будынки П. К. [2]) пидземного П. К. [3]) гарпля К. було не видно ни П. [4]) пилынки П. К. [5]) було все К. [6]) а все въ нихъ свѣтло П. [7]) цвяхованы П. К. [8]) були П. К. [9]) викна П. [10]) шумыха П. К. [11]) блищали П. К. [12]) крыци П. К. [13]) були П. К. [14]) свѣтлици П. К. [15]) и въ правду П.

117.

Эней [1]) зъ Ягою розглядалы [2])
Всѣ дива тамъ, яки булы,
Роты свои порозявлялы [3])
И очи на лобы пьялы [4]),
Промежъ [5]) собою все зглядались,
Всіому дивились, осмѣхались,
Эней то цмокавъ, то свиставъ, а)
Отъ тутъ то души ликовалы, [6])
Що въ свѣтѣ праведно [7]) живалы [8]),
Эней [9]) и сихъ тутъ навѣщавъ.

[1]) Еней П. [2]) розглядали П. К. [3]) пороззявляли П. К. [4]) пяли К. [5]) промижъ П. К. [6]) ликовали П. К. [7]) праведно въ міру П. К. [8]) живали П. К. [9]) Еней П.

а) Еней на радощахъ скакавъ П.

118.

Сидѣлы [1]), руки поскладавши,
Для нихъ все праздники булы [2]),
Люльки курылы [3]) полягавши,
Або горѣлочку пилы— [4])
Не тютюнкову и не пѣнну,
Но третіопробну, перегѣнну [5]),
Настоянную на бодянъ [6]),
Пѣдъ [7]) челюстами [8]) запѣканну [9]),
Изъ ганусомъ и до калгану,
Въ ий [10]) бувъ и перець, и шапранъ.

[1]) сидѣли П. К [2]) були П. К. [3]) курили П. К. [4]) пили П. К. [5]) перегинну П. К. [6]) бадянъ П. [7]) пидъ П. К. [8]) челюстями П. [9]) запѣкану П. запикану К. [10]) ней П. К.

119.

И ласощѣ [1]) все тѣлко [2]) ѣлы [3]),
Сластіоны, коржики, стовпцѣ [4]),
Вареничкы пшеничны, бѣлы,
Пухки съ кавяромъ [5]) буханцѣ [6]),
Частникъ [7]), рогѣзъ [8]), паслѣнъ, кислицѣ [9]),
Козелцѣ [10]), тернъ, глѣдъ [11]), полуницѣ [12]),
Крутые [13]) яйця съ [14]) сировцемъ
И дуже вкусную [15]) яечню [16]),
Якусь нѣмецку [17]), не тутешню,
А запивалы [18]) все пивцемъ.

[1]) ласощи П. К. [2]) тилько П. К. [3]) ѣли П. К. [4]) стовпци П. К. [5]) кавьяромъ П. К. [6]) буханци П. К. [7]) часникъ П. К. [8]) рогизъ П. К. [9]) кислици П. К. [10]) козельци П. козелци К. [11]) медъ П. глидъ К. [12]) полуныци П. К. [13]) крутыи П. К. [14]) зъ П. К. [15]) смачную П. К. [16]) яешню К. [17]) нѣмецьку П. К. [18]) запивали П. К.

120.

Велике тутъ [1]) було роздолье
Тому, хто праведно живе,
Такъ якъ велике [2]) безъ головье (sic) [3])
Тому, хто грѣшну жизнь веде.
Тутъ тѣшився той тутъ (sic) до поту, а)
Хто мавъ къ чому яку охоту, б)
Тутъ чистый бувъ розгардіяшъ,
Лежи, спи, ѣжъ [4]), пій [5]), веселися,
Кричи, [6]), мовчи [7]), танцюй, крутися,
Рубайся [8])—такъ [9]) дадуть [10]) палашъ.

[1]) великее П. [2]) великее П. [3]) незгодье П. безголовье К. [4]) грай П. [5]) да П. К. [6]) мовчи П. [7]) кричи П. [8]) рубайсь П. К. [9]) такъ и П. К. [10]) дадутъ К.

а) Хто мавъ къ чому яку охоту,
б) Все даромъ бравъ, не тративъ поту. П.
а) Хто мавъ къ чому яку охоту,
б) Тутъ утѣшався тимъ до поту. К.

121.

Ни чванились, ни величались,
Нихто не знавъ тутъ мудровать,
Крый, боже! щобъ не догадались [1])
Братъ съ [2]) брата вчѣмъ (sic) [3]) покепковать
Ни сердилися, ни [4]) гнѣвились,
Ни каялися (sic) [5]) и не былись [6]),
А всѣ жилы [7]) тутъ люблязно [8]),
Тутъ всякій гласно [9]) женихався,
Ревнывыхъ [10]) ябедъ не боявся,
Було вобще [11]) всіо [12]) заодно. а)

[1]) щобъ хоть запкались П. [2]) зъ К. [3]) въ чѣмъ К. [4]) не сердились и не П. [5]) лаялися П. К. [6]) бились П. К. [7]) жили П. К. [8]) любязно К. якъ браты П. [9]) властно П. [10]) ревнивыхъ П. К. [11]) въ обще К. [12]) все К.

а) Не мали ни якой бѣды. П.

122.

Ни холодно було, ни душно,
А саме якъ безъ сѣряка [1]),
И весело тамъ и [2]) не скучно,
На великодныхъ [3]) якъ святкахъ.
Коли іому [4]) що захотѣлось,
То тутъ, мовъ [5]) зъ неба, и вродилось: [6])
Оттакъ то [7]) добры [8]) тутъ [9]) жилы. [10])
Эней [11]), се зрѣвши, дивовався
И тутъ Яги своей спитався [12]),
Зъ якихъ [13]) сѣ [14]) праведны булы.

[1]) такъ, якъ въ сирякахъ П. К. [2]) и такъ не скучно П. К. [3]) великодних П. [4]) кому П. К. [5]) якъ К. [6]) изъ неба народилось П. [7]) тутъ П. [8]) добре П. [9]) всѣ П. [10]) жили П. К. [11]) Еней П. [12]) спытався П. К. [13]) яки П. К. [14]) се П. К.

123.

„Не думай, що [1]) булы [2]) чиновны“,
Сивилла сей дала отвѣтъ,
„Або що грошей скринѣ [3]) повны,
Або въ якихъ товстый живѣтъ [4]).
Не тѣ се, що въ цвѣтныхъ луданахъ [5]),
Въ кармазинахъ, або въ сапянахъ [6]),
Не тѣ жъ, що съ чотками [7]) въ рукахъ,
Не рыцарѣ, [8]) не розбѣшаки [9]),
Не тѣ се, що крычать [10]): „ипаки“,
Не тѣ, що въ золотыхъ шапкахъ.

[1]) щобъ П. К. [2]) були П. К. [3]) скрини П. Ж. [4]) живитъ П. К. [5]) жупанахъ П. К. [6]) сапьянахъ П. К. [7]) книгами П. К. [8]) рыцари П. К. [9]) розбишаки П. К. [10]) кричать П. кричатъ К.

124.

„Се бѣдны нищи, навѣжены [1]),
Що дурнями щисляли [2]) ихъ,
Старцѣ [3]), крывы [4]), слѣпорожденны,
Зъ якихъ весь [5]) людскій бувъ [6]) и смѣхъ,
Се—що съ порожными [7]) сумками
Жилы [8]) голодны пѣдтинами (sic) [9]),
Собакъ дражнилы [10]) по дворахъ,
Се тѣ, що „бѣгъ [11]) дасть“ получалы [12]),
Се тѣ, якихъ випровожалы [13])
Въ потилицю [14]) и по плечахъ“.

[1]) навижены П. К. [2]) счисляли П. К. [3]) старци П. К. [4]) хромы П. К. [5]) бувъ П. К. [6]) глумъ П. К. [7]) порожними П. К. [8]) жили П. К. [9]) пидъ тынами П. К. [10]) дражнили П. К. [11]) бигъ П. К. [12]) получали П. К. [13]) выпровожали П. К. [14]) потылицю П. К.

125.

„Се вдовы бѣдны, безпомощны, [1])
Якимъ притиву [2]) не було,

Се [3]) дѣвы честны, непорочны,
Которымъ [4]) пупа [5]) не дуло,
Тутъ [6])—що безъ родичивъ [7]) остались
И [8]) сиротами назывались,
А послѣ въбгались [9]) и въ окладъ,
Се [10]—що проценту не лупилы [11]),
Що людямъ помогать любылы, [12])
Хто чимъ [13]) богатъ, то тѣмъ и радъ".

[1]) безпомочны П. К. [2]) пріюту П. К. [3]) и П. [4]) якимъ К. [5]) спидници К. горба П. [6]) и П. се К. [7]) родычивъ П. [8]) да П. [9]) втерлись П. вбгались К. [10]) и П. [11]) лупили П. К. [12]) любили П. К. [13]) чѣмъ П. К.

126.

„Тутъ также старшина правдыва [1]),
Бувають [2]) всяки [3]) и паны [4]),
Но тѣлко [5]) трохи сіого дыва [6]),
Не кваплятся [7]) на се воны.
Бувають [8]) вѣйсковы [9]) значковы
И сотники, и бунчуковы,
Яки правдиву жизнь велы [10]),—
Тутъ люде всякого повѣту [11]),
По бѣлому есть сколько [12]) свѣту,
Которы праведны [13]) булы. [14])

[1]) правдива П. К. [2]) бувають К. [3]) всякіи П. [4]) станы П. [5]) тилько П. К. [6]) дива П. К. [7]) кваплются П. К. [8]) бувають К. [9]) війсковы П. К. [10]) вели П. К. [11]) завѣту К. [12]) скилько П килько К. [13]) праведно П. К. [14]) жили П. К.

127.

„Скажи жъ, моя голубка сиза",
Еще [1]) Эней [2]) ии [3]) спитавъ [4]),
„Чомъ [5]) батька я свого Анхиза
И ввѣчь и [6]) досѣ [7]) не видавъ
Ни згрѣшными [8]), ни у Плутона?
Хиба іому нема закона [9]),

Ґуда іого щобъ засадить“?
—„Вѣнъ [10]) божои“, сказала, „кровѣ [11]),
И по Веневинѣй [12]) любовѣ [13]), а)
Где [14]) схоче, буде тамъ и жить“.

[1]) ище П. К. [2]) Еней П. [3]) яги П. К. [4]) спытавъ П. [5]) що П. [6]) и въ вичи П. К. [7]) доси К. [8]) зъ грѣшными П. съ грѣшными К. [9]) загона П. [10]) винъ П. К. [11]) крови П. К. [12]) Венериній К. [13]) любови К. [14]) де П. К.

а) И выбира все по любови П.

128.

Базѣкавши [1]) зійшлы [2]) на гору,
На землю сѣлы отдыхать,
Бо [3]) потѣлы [4]) саме въ пору,
Тутъ принялися розглядать,
Анхиза щобъ не прогуляты [5]),
Обридло бо и такъ шукаты [6]), а)
Анхизъ же бувъ тогда [7]) въ низу б)
И, похожавши по долинѣ,
Объ маленькой [8]) своій [9]) дитинѣ в)
Водивъ по мѣзку [10]) коверзу. г)

[1]) бнлакавши П. базикавши К. [2]) зойшли П. К. [3]) и П. К. [4]) попотѣвши П. К. [5]) прогуляти П. К. [6]) шукати К. [7]) тогди К. [8]) маленькій К. [9]) своей К. [10]) мизку К.

а) А даромъ тутечки не хляти П.
б) Анхизъ тогди въ яру ґулявъ П.
в) Любимои своей дитины П.
г) Съ часу на часъ все дожидавъ П.

129.

Якъ глянувъ [1]) въ гору [2]) не нарокомъ,
И тамъ синка свого [3]) узрѣвъ,
Побѣгъ старый непрямо [4]), бокомъ,
И ввесь отъ радости згорѣвъ,
Хватавсь зъ синкомъ [5]) поговорыты [6]),
О всѣхъ спитаты [7]), роспроситы [8])
И повидатись хоть часокъ,
Энеечка [9]) свого обняты [10]),

По батковски [11]) поцѣловаты [12]),
Іого почуты [13]) голосокъ.

[1]) глядь П. К. [2]) у гору П. на гору К. [3]) свого сынка П. К. [4]) не просто К. [5]) зъ сынкомъ П. К. [6]) поговорити П. К. [7]) спитати П. К. [8]) роспросити П. К. [9]) Енеечка П. [10]) обняти П. К. [11]) по батьковскій П. К. [12]) поцѣловати П. К. [13]) почути П. К.

130.

„Здоровъ, синашу, [1]) ма дитино“,
Анхизъ Энеевѣ [2]) сказавъ,
„Чи сежъ тобѣ таки не стыдно,
Що долго [3]) я тебе такъ [4]) ждавъ?
Ходѣмъ [5]) лишень къ моѣй [6]) господѣ,
Тамъ поговорымъ на свободѣ, [7])
За тебе будемъ мюрковать“. [8])
Эней [9]) стоявъ, якъ мовъ [10]) дубына, [11])
Котилась зъ рота тѣлко [12]) слина, [13])
Мерцвя (sic) бо нѣльзя цѣловать. а)

[1]) сынашу П. К. [2]) Енеевѣ П. Энееви К. [3]) довго П. К. [4]) тутъ П. К. [5]) ходимъ П. [6]) къ моій П. къ моей К. [7]) поговоримъ П. К. о пригодѣ П. [8]) мирковать П. К. [9]) Еней П. [10]) такъ якъ П. такъ мовъ К. [11]) дубина П. К. [12]) тилько П. К. [13]) пѣна П. К.

а) Не смѣвъ мерцьвя поцѣловать К.

а) И самъ не знавъ, що и начать П.

131.

Анхизъ, побачивши [1]) причину,
Чого сыночокъ сумовавъ,
И самъ хотѣвъ обнять [2]) дитину,
Та ба! уже не въ ту попавъ.
Принявся [3]) заразъ [4]) научаты [5])
И тайносты [6]) іому казаты, [7])
Якій Энеевъ [8]) буде [9]) плѣдъ, [10])
Якіи дѣты [11]) будуть [12]) бравы, [13])
На свѣтѣ зроблять [14]) скѣлко [15]) славы,
Якимъ-то хлопцямъ буде дѣдъ.

[1]) сю бачивши П. К. [2]) хотѣвъ обнять свою П. [3]) принявсь П. К. [4]) іого щобъ П. К. [5]) научати П. К. [6]) тайности П. К. [7]) сказати П. К. [8]) Енеивъ П. [9]) бувъ и П. [10]) плидъ П. К. [11]) дѣти К. [12]) будутъ К. [13]) жвавы К. [14]) зроблятъ К. [15]) скилько П. К.

132.

Тогдѣ [1]) то въ пеклѣ вечорницѣ [2])
Лучились, бачишъ, якъ на те,
Дѣвки булы [3]) где [4]) молодицѣ, [5])
И тамъ робылы [6]) не пусте:
У [7]) ворона собѣ играли,
Весѣлныхъ [8]) пѣсеніокъ [9]) спѣвалы, [10])
Спѣвалы [11]) тутъ и веснянокъ, [12])
Палилы [13]) клоччя, [14]) ворожилы, [15])
По спинѣ лещатамы [16]) были, [17]) а),
Загадовалы [18]) загадокъ. [19])

[1]) тогди П. К. [2]) вечерници П. К. [3]) були дѣвки П. К. [4]) да П. К. [5]) молодици П. К. [6]) робили П. К. [7]) и П. [8]) весѣльны П. вѣсѣльныхъ К. [9]) пѣсеньки П. [10]) спѣвали П. К. [11]) спѣвали П. К. [12]) веснянки П. коладокъ К. [13]) палыли П. палили К. [14]) клочья П. клочье К. [15]) ворожили П. К. [16]) лещатами К. [17]) били П. К. [18]) загадовали П. К. [19]) загадки К.

а) У жмурки грали, въ ладки били П.

133.

Тутъ заплетали джерегелы, [1])
Дробушечки на головахъ,
Скакалы [2]) по полу вегеры, [3])
Въ тѣснои бабы по лавкахъ.
И [4]) въ коменъ [5]) суженыхъ питалы, [6])
У вѣконъ хатьнѣхъ [7]) пѣдслухалы, [8])
Ходилы [9]) въ пѣвнѣчь [10]) по пусткахъ, [11])
До свѣчки ложечки палылы, [12])
Щетину [13]) изъ свиньи смалылы, [14])
Або жмурились по куткахъ. [15])

[1]) джерегели К. [2]) скакали К. [3]) вегери К. [4]) а К. [5]) комин К. [6]) питали К. [7]) у хатнихъ виконъ К. [8]) пидслухали. К. [9]) ходили К. [10]) въ пивничъ К. [11]) по пусткамъ К. [12]) палили К. [13]) щетыну К. [14]) смалили К. [15]) по куткамъ К.

134.

Сюда [1]) Анхизъ привѣвъ [2]) Энея
И межъ дѣкокъ сихъ посадивъ,
Мовъ неука и дуралея
Принять до гурту ѣхъ [3]) просивъ,
И щобъ обомъ имъ услужилы, [4])
Якъ знають, [5]) такъ поворожилы, [6])
Чи будеть у Риму синокъ, а)
Чи вѣнъ [7]) хоть трохи уродливый,
Къ чому и якъ Эней щастливый,
Щобъ всѣхъ спитались [8]) ворожокъ.

[1]) сюды К. [2]) прививъ Анхизъ К. [3]) ихъ К. [4]) услужили К. [5]) знають К. [6]) поворожили К. [7]) винъ К. [8]) спитались К.

а) Що стрѣнится зъ іого сынкомъ К.

135.

Одна дѣвча була гостренька
И сама уже пресуха, а)
Швидка, гнучка, хвѣстка, [1]) простенька, [2])
Була [3]) зъ діявола лиха. [4])
Вона тутъ тѣлко [5]) и робыла, [6])
Що всѣмъ гадала, ворожила,
Могуща въ дѣлѣ тѣмъ [7]) була,
Чи брехеньки яки сточиты, [8])
Кому именья [9]) приложиты, [10])
То такъ якъ разъ и додала.

[1]) хвистка К. [2]) порскненька К. [3]) було К. [4]) лихе К. [5]) тилько К. [6]) робила К. [7]) тимъ К. [8]) сточити К. [9]) имення К. [10]) приложита К.

а) И семе ухо при хихе К.

136.

Привѣдница ся зъ разъ шепнула а)
И примостилась къ старыку, [1])
Іому шептала [2]) бѣля [3]) уха
И завела зъ нимъ рѣчь таку:
„Ось я синковѣ [4]) загадаю,
Поворожу и попытаю,
Іому, що буде, [5]) роскажу.
Я ворожбу такую знаю,
Хоть що, по правдѣ отгадаю
И вже николы [6]) не збрешу.“

[1]) старику К. [2]) шепнула К. [3]) биля К. [4]) сынкови К. [5]) будетъ К. [6]) николи К.

а) Привидця заразъ ся шептуха К.

Въ изданіи Парпуры нѣтъ строфъ 133, 134, 135 и 136-й.

137.

И заразъ въ горщичокъ наклала [1])
Вѣдіомскихъ [2]) всякихъ разныхъ [3]) травъ,
Яки на Константина [4]) рвала,
И те гнѣздо, що ремезъ клавъ,
Васильки, папороть, шевлѣю, [5])
Петровъ [6]) батѣгъ [7]) и конвалѣю, [8])
Любистокъ, просерень, [9]) чебрець,
И все се налила [10]) водою
Погожею, непочатою,
Сказавши скѣлькись и словець.

[1]) наклали П. [2]) видіомскихъ П. К. [3]) розныхъ П. разныхъ всякихъ К. [4])на Йвановъ вечиръ П. [5]) шевлію П. К. [6]) Петривъ П. К. [7]) батигъ П. К. [8]) конвалію П. К. [9]) проскурень П. [10]) налили П.

138.

Горщокъ сей, черепкомъ накрывши, [1])
Поставила іого на жаръ, [2])

И тутъ Энея [3]) присадивши, [4])
Щобъ огоніокъ вѣнъ [5]) роздувавъ,
Якъ розигралось, [6]) зашипѣло,
Запарылось, [7]) заклекотѣло,
Ворочалося зъ верху въ низъ,
Эней [8]) нашъ настороживъ [9]) уха,
Мовъ человѣчій голосъ слуха,
Те чуе и [10]) старый Анхизъ.

[1]) накрыли П. накрыла К [2]) поставили П. [3]) Енея П. [4]) присадили П. присадила К. [5]) винъ П. К. [6]) розгорѣлось П. розигрѣлось К. [7]) запарилось П. К. [8]) Еней П. [9]) насторшивъ П. К. [10]) и чуе те П.

139.

Якъ сталы [1]) роздувать пѣлнѣйше, [2])
Горщокъ той дуже булкотавъ, [3])
Почулы [4]) голосъ вѣразнѣйше, [5])
И вѣнъ [6]) Энею [7]) такъ казавъ: [8])
„Энею [9]) годѣ [10]) вже журитись,
Отъ іого мае росплодитись
Великій и завзятный [11]) рѣдъ, [12])
Всѣмъ свѣтомъ буде управляты, [13])
По всѣмъ [14]) усюдамъ [15]) воіовати, [16])
Пѣдверне [17]) всѣхъ собѣ на спѣдъ.“ [18])

[1]) стали П. К. [2]) пильнѣйше П. К. [3]) клекотавъ П. К. [4]) почули П. К. [5]) выразнѣйше П. К. [6]) винъ П. К. [7]) Енею П. [8]) сказавъ П. К. [9]) Енею П. [10]) годи П. К. [11]) завзятый К. дуже сильный П. [12]) ридъ П. К. [13]) управляти П. К. [14]) всѣхъ П. К. [15]) усюдахъ П. К. [16]) воевати П. К. [17]) пидверне П. К. [18]) пидъ спидъ П. К.

140.

„И рымскіе [1]) поставыть стѣны,
Въ нихъ буде жить, якъ у раю,
Велики зробить перемѣны
Во всѣмъ [2]) окружнѣмъ [3]) тѣмъ [4]) краю,
Тамъ будеть жить и [5]) поживаты, [6])

Покѣль [7]) не будеть [8]) цѣловаты [9])
Ноги святои [10]) постола.
Но вѣдсѣль [11]) часъ тобѣ [12]) вбѣратись, [13])
Изъ панотцемъ своимъ прощатись, [14])
Щобъ голова тутъ не лягла".

[1]) римскіи П. К. [2]) всимъ П. К. [3]) окружнимъ П. К. [4]) тимъ П. К. [5]) буде жить да П. К. [6]) поживати П. К. [7]) покиль П. К. [8]) будуть П. будутъ К. [9]) цѣловати П. К. [10]) якоись П. чиеись К. [11]) видсѣль П. видсиль К. [12]) ты сейчасъ П. [13]) вбирайся П. вбираться К. [14]) прощайся П. прощаться К.

141.

Сіого Анхиву не бажалось,
Щобъ попрощатися зъ синкомъ, [1])
И въ голову іому не клалось,
Щобъ съ [2]) нимъ такъ бачитись мельчкомъ, [3])
Та [4]) ба! вже нѣчимъ [5]) пособыты, [6])
Энея [7]) треба отпустыты, [8])
Изъ пекла вивесты [9]) на свѣтъ.
Прощалися и обнимались, [10])
Слѣзми [11]) гѣркими [12]) обливались,
Анхизъ крычавъ, [13]) якъ въ Мартѣ кѣтъ. [14])

[1]) сынкомъ П. К. [2]) зъ П. К. [3]) мелькомъ П. К. [4]) да П. К. [5]) ничимъ П. К. [6]) пособити П. К. [7]) Енея П. [8]) видпустити П. К. [9]) вывести П. К. [10]) цѣловались П. [11]) слизьми П. К. [12]) гирькими П. К. [13]) кричавъ П. К. [14]) китъ П. К.

142.

Эней [1]) зъ Сивиллою старою
Изъ пекла бѣглы [2]) навпростець, [3])
Эней [4]) ворочавъ головою,
Поки ажъ не сховавсь отець.
Прійшовъ къ Троянцямъ помаленьку,
Где [5]) имъ велѣвъ себе [6]) пождать,
Троянцѣ [7]) покотомъ лежалы [8])

И на досвѣтѣ [9]) добре спалы, [10])
Эней [11]) и самъ уклався спать.

[1]) Еней П. [2]) бѣгли П. К. [3]) напростець П. К. [4]) сынокъ П. К. [5]) де П. [6]) себе велѣвъ П. [7]) Троянци П. К. [8]) лежали П. К. [9]) на разсвѣтѣ П. на довильѣ К. [10]) спали П. К. [11]) Еней П.

Конецъ третей часты.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIX.

1900 г.

МАЙ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 28 апрѣля 1900 года.

Изъ исторіи малорусской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX вѣка.

Библіографическія справки.

I.

Наша старинная журналистика до сихъ поръ еще такъ мало разработана и такъ мало извѣстна, что самое бѣглое и даже случайное знакомство съ нею всегда даетъ много новыхъ и цѣнныхъ фактовъ. Детальное изученіе ея въ значительной степени перестроитъ установившіяся и общепринятыя представленія о самомъ ходѣ нашего литературнаго развитія, но до этого, конечно, еще очень далеко. Въ послѣднее время интересъ къ ней несомнѣнно поднялся очень сильно: въ ученой литературѣ можно указать рядъ самыхъ разнообразныхъ изслѣдованій, основанныхъ на ея матеріалѣ. Увеличиваясь количественно и улучшаясь качественно, эти разрозненныя пока попытки сольются, несомнѣнно, впослѣдствіи въ болѣе широкій и опредѣленный потокъ.

Не предугадывая его общаго направленія, помѣтимъ пока въ самыхъ общихъ чертахъ—одно изъ очень любопытныхъ, но совсѣмъ еще не затронутыхъ теченій, пробивавшихся черезъ пески и тину нашихъ старыхъ повременныхъ изданій.

Малороссійскія повѣсти Гоголя не создали интереса къ Малороссіи въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, а, наоборотъ,

сами шли на встрѣчу уже вполнѣ опредѣлившемуся и сложившемуся интересу. Не даромъ въ 1829 г. Гоголь писалъ матери изъ Петербурга: „здѣсь такъ занимаетъ всѣхъ все малороссійское“ (Кулишъ, V, 82).

Въ погонѣ за „мѣстнымъ“ и „историческимъ“ колоритомъ, свѣжестью и своеобразіемъ красокъ, непосредственностью и цѣльностью жизни, русскій романтизмъ 20-хъ и 30-хъ годовъ широко раздвинулъ литературный горизонтъ своихъ поклонниковъ—„отъ Перми до Тавриды, отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды, отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая“. Малорусское прошлое и настоящее давало слишкомъ много оригинальныхъ, глубоко захватывающихъ, поэтическихъ чертъ, чтобы романтикъ ими не воспользовался. „Гетьманщина“ и малорусскій мужикъ на много лѣтъ захватили себѣ прочную позицію въ поэзіи „хладнаго Сѣвера“, дали матеріалъ для многочисленныхъ романовъ, балладъ, думъ, поэмъ и пѣсенъ.

Но тамъ шелъ свой процессъ подъема народнаго самосознанія, литературной демократизаціи, идеализаціи прошлаго. Близость настроеній, общность интересовъ и взглядовъ привела къ литературному сближенію. Одни цѣликомъ уходятъ въ русскую литературу, сохраняя однако симпатіи къ своей родинѣ и пропагандируя ее въ новой общественной средѣ; другіе продолжали работать на „родной нивѣ“, принимая участіе и въ трудѣ сосѣдей.

Русскія произведенія на малорусскія темы и малорусскія произведенія въ русской журналистикѣ—обычное явленіе для 20-хъ и 30-хъ годовъ. Такому литературному обмѣну много способствуютъ—Нарѣжный, Квитка, позднѣе Шевченко, Бодянскій и мн. др.

Пора собрать и систематизировать факты этого знаменательнаго международнаго „эндосмоса и экзосмоса“. Сдѣлать это можно только постепенно—и не единичными усиліями, конечно. Для начала работы мы укажемъ то, что намъ удалось пока розыскать при изученіи журналовъ и альманаховъ 20-хъ и 30-хъ

годовъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ *собственно малорусскія* произведенія, но мы отмѣтимъ и нѣкоторыя малоизвѣстыя отраженія Малороссіи въ русской поэзіи.

Въ „Литературномъ Музеумѣ на 1827 г.“ В. Измайлова Ѳ. Глинка помѣстилъ стихотвореніе: „Набѣгъ запорожскихъ козаковъ изъ Сѣчи на Волынь — изъ истор. 17 вѣка“ (стр. 232—234).

Изъ Сѣчи скачутъ на коняхъ,
И смерть за ними въ торокахъ,
И саблей зеркальныхъ размахи
Въ веселомъ воздухѣ горятъ,
И громко, подъ напѣвъ, свистятъ
За козаками—*сиромахи*!
Куда, дорогою пустынь?..
„Къ панамъ—въ богатую Волынь“!..
Легки ихъ кони удалые;
Межъ ними есть и пожилые,
И юноши цвѣтущихъ лѣтъ,
И горемычные, съ усами,
Подъ буркой съ смурымъ башлыкомъ!
И вотъ къ *Полѣсью*, все лѣсами,
На *Степань* тянутся тайкомъ;
За *Горень* [1]), къ *Дубну* по дорогѣ,
Минуя, съ башнею, *Клевань*.
Ужъ на Волынѣ быть тревогѣ:
Бѣжитъ наѣздъ—готовьте дань!

Они нападаютъ на богатый замокъ „пана подчашаго“.

Шумитъ въ горахъ и на Подолѣ,
Гроза все ближе—и кипитъ,
И пыльный столпъ бѣжитъ, бѣжитъ,
И затрезвонило все поле
Подъ звонкимъ топотомъ копытъ:
Летятъ, примчались... Крикъ и пламень,

[1]) Вездѣ правописаніе оригинала.

И рвутся въ замокъ—все въ огнѣ:
Трещитъ заросшій мохомъ камень...
И вотъ развалины однѣ
Дымятся въ утреннемъ разсвѣтѣ!..
Но гдѣ жъ сама, о *Сѣча*, ты?
Тебя давно ужъ нѣтъ на свѣтѣ!
Прошли, какъ страшныя мечты,
Дѣла, набѣги грозной Сѣчи,
Затихъ раскатъ ея степей,
Все стало сказкой,—ужъ и рѣчи
Объ ней давно нѣтъ у людей!..

Въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1830 г. помѣщены: „Малороссійская мелодія“ барона Дельвига (стр. 65—66).

Я-ль отъ стараго бѣжала,
Въ полночь травы собирала,
Травы съ росами мѣшала,
Все о волѣ чаровала...

и „Малороссійская пѣсня“ И. П. Котляревскаго (стр. 68—69):

Ой мати, мати, сердце (sic) не вважае...

Рядъ малорусскихъ произведеній мы разыскали въ чрезвычайно рѣдкой теперь (въ особенности, въ полномъ видѣ) „Молвѣ“ 1832 и 1833 гг.

Въ № 37 (стр. 145) перваго года напечатано стихотвореніе „Хмара“, подписанное неразгаданнымъ нами псевдонимомъ „—нъ—чь“:

Надходыла хмара—якъ въ мори човнокъ
Плыве по небесному шляху;
Я марно шукаю на неби зирокъ,
Все сумно и повно все страху.
Надходылы думкы, якъ хмара. Чоломъ
Понурывсь нашъ хлопець безмовный,
Винъ дурно надежды шукае кругомъ.
Все сумно... Не плачъ, бездомовный!..

Якъ тамъ-то, далéко, за сынимъ Днипромъ
Рыбалка на мори гуляе,
Човнокъ іого хвыли лыжуть кругомъ,
Надъ хвылями мавка спивае.
Такъ діется зъ нами! Терпите же: горе,
Якъ хмара минае, а сердце—якъ море.

Въ № 82 (стр. 315—6) помѣщена „галиційская красно-русская пѣсня“, съ нѣкоторыми лексическими разъясненіями:

Уже три дня и три недѣли,
Якъ мого мужа комары зъѣли,
Тай ще кажуть люде, што я не журюся,
А я журюся—пôду утоплюся,
Утоплюся нынѣ—нынѣ,
Въ червонôмъ винѣ—винѣ...
Ахъ, ахъ! зажурыла'мъ ся,
Скрыпками, дудками надсадила'мъ ся,
Тай ще кажуть люде, што я не журюся,
А я журюся—пôду—удушуся,
Удушуся нынѣ—нынѣ,
Въ пуховôй перинѣ—п'ринѣ.
Ахъ, ахъ! Зажурыла'мъ ся,
Скрыпками, дудками надсыдила'мъ ся,
Тай ще кажуть люде, што я не журюся,
А я журюся—пôду—завѣшуся,
Завѣшуся нынѣ—нынѣ,
Хлопцеви на шиѣ—шиѣ.

Другая „красно-русская (галиційская) пѣсня“ напечатана въ № 89 1832 г. (стр. 353). Первая строфа и первое примѣчаніе замѣнены точками, за которыми слѣдуетъ:

А ты любишь Парашку,
Зъ мене чинишъ играшку,—
Парашку, Парашку,
Зъ мене чинишъ играшку.

Присяй Богу не люблю
И любити не буду,—
Не люблю, не люблю,
И любити не буду.
Только тебе едную
Надъ все життя милую,—
Едную, едную,
Надъ все жыття милую.
Ты, дѣвчино бѣлява,
Будь на мене ласкава,—
Бѣлява, бѣлява,
Будь на мене ласкава.
Ты, дѣвчино хороша,
Дай же бузѣ [1]) безъ гроша,—
Хороша, хороша,
Дай же бузѣ безъ гроша.
Ты, дивчино бѣленька,
Будь для мене миленька,—
Бѣленька, бѣленька,
Будь для мене миленька.

Въ 1833 г. № 65, на стр. 259—260 кѣмъ-то „сообщены“ „украинскіе анекдоты“.

„Въ разныя времена и въ разныхъ странахъ повторяется иногда одно и то-же происшествіе, какъ одна и та-же мысль приходитъ сама собою въ разныя головы. Таково событіе, случившееся на Украинѣ, въ 18** году. Козакъ, по имени *Грицько Сѣромаха*, бывшій долго въ походѣ и плѣну у французовъ, возвратился, наконецъ, на родину; радостно спѣшитъ къ своей *хатѣ*; нетерпѣливо ждетъ увидѣть свою *любую* жинку; стучитъ въ дверь; *любая Ганна* отпираетъ и, увидѣвъ его, кидается не въ объятія къ нему, но опрометью вонъ изъ *хаты*. Изумленный *Грицько* долго ждалъ свою дражайшую половину, но не могъ дождаться и отправился поискать ее по селу. Куда ни являлся

[1]) Бузѣ—поцѣлуй.

онъ, вездѣ его встрѣчали такимъ же привѣтомъ. Разсудивъ, что это не даромъ, онъ пошелъ къ священнику просить объясненія такихъ нѣжностей и узналъ слѣдующее: За долгою своею неявкою онъ попалъ въ число убитыхъ, и его возлюбленная Ганна, еще цвѣтущая лѣтами, не разсудила вѣчно вдовствовать. Подвернулся къ ней видный казакъ *Петро,* и она сочеталась съ нимъ вторичнымъ бракомъ. Народъ, видя *Грицька,* бесѣдующаго съ священникомъ, смекнулъ, что онъ не мертвецъ, и пересталъ его пугаться; собрался только поглядѣть на него, а съ нимъ вмѣстѣ явилась и *Ганна,* и, узнавъ своего стараго друга, безъ памяти кинулась къ нему на шею. *Грицько* пожелалъ возобновить свои прежнія права. Между тѣмъ пришелъ и *Петро.* Священникъ шутя спросилъ *Ганну,* кого она хочетъ въ мужья. *Ганна* въ недоумѣніи, поглядѣвъ пристально не одинъ разъ то на того, то на другого, сказала, наконецъ, со всѣмъ простодушіемъ малороссіянки: „що жъ, *отче святый! И Грыцько гарный, и Петро гарный! Нехай мынь обыдва"!*

Другой анекдотъ—изъ военнаго быта (стр. 250). „Недавно въ Кіевѣ (помнится въ 1830 году) было землетрясеніе. Много, разумѣется, объ немъ толковали въ народѣ, какъ о новости самой любопытной. Между прочимъ одинъ офицеръ спросилъ у солдата, пришедшаго со смѣны: „слышалъ-ли ты землетрясеніе"? „Никакъ нѣтъ-съ, Ваше Благородіе!" отвѣчалъ воинъ.—„Что-жъ ты, спалъ въ это время?"—„Никакъ нѣтъ-съ, Ваше Благородіе: я стоялъ на часахъ"!

Въ № 99, стр. 393—4 помѣщено нѣсколько „малороссійскихъ виршей" А. Боды-Варвынца, т. е. Бодянскаго. Первая—„До пана здателя слухивъ":

Колы такъ дуже люблять Ваши Слухы,
Такъ къ имъ летять, якъ отъ до меду мухы:
Мій Батечку! Не пожалѣй папиру—
Пусты си Виршы съ Слухамы по міру:
А ось людьци найдуцьця,
Що геть зъ ихъ посмѣюцьця!

„Козацкая пѣсня“, слѣдующая затѣмъ, составлена „по случаю возстановленія Малороссійскихъ Козацкихъ полковъ 6 мая 1831 года“:

Ой нуте, Брацьця! Гей, Братыща!
Якъ мога лусомъ за спысыща!
Сѣдлайте коней вороныхъ,
Якъ зміивъ отъ лыхыхъ!
Швыдчій одгострюйте шаблюкы!
По пари пистолетивъ въ рукы!
Козацькы шапкы на бакыръ!
Вже годи кажный буть мугыръ!
Нумъ бороныты Украину,
Якъ матирь подобае сыну!
Скорѣй ходимо на Ляхивъ,
Да станемъ быть всѣхъ шляхивъ!
Ще не забулы мы Богдана,
Козацкого свого Гетьмана,
Якъ зъ військомъ винъ ихъ тормошывъ,
Якъ ихъ, де не піймавъ, душывъ...
Дамося знать свою уроду:
Всѣхъ къ чорту зъ мосту прямо въ воду!..

Подписана внизу дата „20 мая 1831, Переяславль“.

Два другія стихотворенія 1831 г.—„Епитафія Богдану Хмѣльницкому“ и „Сухая ложка“ (Апологъ):

Богдане! Батьку нашъ! ось де ты спать уклався!..
Спы, Тату!.. Бо свое ты вже опрацёвавъ...
Спасеть Бигъ! Насъ, дѣтей своихъ ты не цурався!
Да тилько жаль, що ты не довго пановавъ!..

„Апологъ“ очень кратокъ:

„Ащо, Корнѣю, якъ? Чія бере?
Що Панъ Судьдя тобѣ сокоче“?
—„А вже-жъ не що: бачъ вырвы хоче“!—
„Э, дать: сухая ложка ротъ дере“!

Большой литературный интересъ представляютъ „шпыгачкы, або по Московському эпиграммы“ Грыцька Основьяненка. („Молва“, 1833, № 120, стр. 477—478). По указанію А. Е. Крымскаго онѣ не вошли ни въ одно собраніе сочиненій Основьяненка.

Приводимъ ихъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ напечатаны, съ полнымъ соблюденіемъ орѳографіи оригинала.

I.

Пысатьци.

Тарасъ [1]) нашъ—хытра голова!
Винъ кныжку порядывся [2]) пысаты,
А гроши заразъ ставъ сбираты.
Злупывъ!.. А кныжка-жъ де?.. „Овва“!

II.

Жиноча натура.

Не спытця Хымци въ день и въ ничь:
Бажа новои крипко юпкы.
И що жъ?.. „Недужа!“—Тай на пичь.
Охъ, жалко жиночкы—голубкы!
Крычыть: „Умру, мерщій купуй!“
Потапъ, хочъ чухае чупрыну,
Купывъ прокляту винъ юпчыну—
И Хымка встала.—Не здывуй,
Що хитри жиночкы селянськи:
Десь такъ не вміютъ жинки паньски?

---

[1]) Повидимому, направлена противъ Н. Полевого, котораго въ началѣ 30-хъ годовъ обвиняла въ томъ же вся русская журналистика.

[2]) Порядывсь?

III.

Отъ лыхо.

И не карай насъ, Боже, гиршымъ,
Якъ слухаты Стецьковы вирши!

IV.

Злодію.

Видкиль Охримъ розумный ставъ?
Такы про все въ кныжкахъ винъ пыше.
„Чужымъ умомъ Охримъ нашъ дыше:
„Свого ничого не напысавъ,
„Зъ чужыхъ повыкрадавъ".

V.

Щырая любовь.

—„Скажи мени ще разъ, Улясю—любко,
Що любышь ты мене, моя голубко"!—
—„А якъ же?—Ще я не дурниша всихъ:
„У тебе, душко, грошей михъ"!

VI.

Старовына.

„Не такъ у насъ було, якъ я дывлюся!"
Казавъ мыни учора мій дидуся:
Потягъ зъ казны вашъ пысарь тры алтына—
Въ Сибирь!.. Та ще и видвичала спына.
А нашъ Отаманъ сто рубливъ укравъ—
И правъ,
А дали й головою ставъ".

Мы считаемъ очень характернымъ для этого періода самый фактъ участія малорусскихъ писателей въ русской передовой журналистикѣ начала 30-хъ годовъ (какъ „Телескопъ“ съ „Молвою“ Надеждина). Эти дружественныя литературныя отношенія скоро рушились: передовая печать дѣлалась все болѣе и болѣе западнической, полемика противъ славянофиловъ обострялась и постепенно переходила отъ нихъ на защитниковъ малорусской самобытности: украинофилъ былъ понятъ, какъ разновидность славянофила. Не трудно подмѣтить, напр., много общаго въ страстной полемикѣ Бѣлинскаго противъ славянофильства— и малорусской литературы. За то малорусскимъ писателямъ широко открыли свои двери органы славянофиловъ, представителей „оффиціальной народности“, даже реакціонеровъ и обскурантовъ (вродѣ Бурачка съ его „Маякомъ“)...

Вл. Каллашъ.

Народная медицина въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавсой губ.

Глава IV.

Заразныя болѣзни.

Грызь и ея лѣченіе. Ревматическая боль поясницы, срываніе боли. Лихорадка, олицетвореніе ея, лѣченіе: питье, рвотное, амулеты, передача болѣзни, угощеніе духовъ, заговоры. Повальныя заразительныя болѣзни.

Грызъ.

Въ народѣ встрѣчается только такое краткое описаніе грызи или ревматизма: „почне ломыть руку, або ногу, покы зробытся грызь“. Бываетъ она отъ трудовъ, переутомленія и урокъ. Отъ нея бабы совѣтуютъ слѣдующія мѣры: найдя какую-нибудь кость, взять ее полой или платкомъ, обвесть вокругъ больного мѣста и положить обратно въ то-же положеніе, въ которомъ кость прежде лежала; также совѣтуютъ перевязать больной членъ намиткой или путомъ, которыми раньше перевязывались ноги мертвеца, приговаривая: „цей мертвый замира, нехай раби Божій Маріи грызь одбира“, или ниткой, спряденной въ чистый четвергъ обнаженной женщиной на порогѣ и „навпакы“ („опачыною ныткою“), „весильною жычкою“, т. е. красною заполочью, которою бываетъ обернута свадебная шишка въ знакъ цѣломудрія молодой, служащею украшеніемъ родственницъ молодой [1]), и еще той связкой (шнуркомъ или лычкомъ),

---

[1]) «Красять ридъ, покраса».

на которую нанизывалась соленая рыба, при чемъ слѣдуетъ произнесть: „не разъ, не два, не тры“ и завязать узелъ. Растираютъ больное мѣсто: наваромъ старой мѣди въ молокѣ, сѣрными веществами, стертыми съ саломъ, мозгомъ изъ костей, мочей, летучей мазью (linimentum volatile), семибратней кровью (tubipora chamissionis), солью (ропомъ), скипидаромъ („шпыгынаремъ“), водкой, настоянной на одномъ изъ слѣдующихъ веществъ: перцѣ, горчицѣ, калганѣ, имбирѣ, муравьяхъ, живокостѣ (simphytum officinale L.), коровьякѣ (datura stramonium L.). При ревматическихъ страданіяхъ ногъ, послѣднія ставятъ въ теплую ванну, съ примѣсью калиновыхъ, ольховыхъ, дубовыхъ однолѣтнихъ побѣговъ или засушенной въ мѣшкѣ на печи муравьиной кучѣ. Обкладываютъ больные члены: клочьями или глиной, намокшими въ соли, скотскимъ навозомъ, а по Енгалычеву [1]) овечьимъ и козьимъ каломъ. Къ икрамъ ставятъ 7 пьявокъ. Лучшимъ средствомъ отъ ревматизма народъ признаетъ грызеніе [2]), состоящее въ томъ, что баба беретъ больное мѣсто въ ротъ и жуетъ довольно больно зубами. Грызть съ успѣхомъ могутъ лишь первенцы, послѣдніе—мезинецъ, мезинка, какъ значится и у Гринченка [3]), и незаконнорожденные. Грызя, приговариваютъ и шепчутъ: „грызь, грызь! ты не грызы и не ломы; и кровы не бунтуй“, „не ты мене грызешъ, а я тебе грызу. Тьфу, тьфу и я тебе загрызаю“, „я тебе, дубе, зйимъ зъ корыннямъ, зъ насиннямъ“.

---

[1]) Домашн. лѣчебникъ II, 155.

[2]) Грызеніе распространено не между одними только крестьянами,— имъ часто пользуются лица другихъ состояній, можетъ быть по пословицѣ: «якъ лыхо, то спытаешъ пня и колоды». Напримѣръ, по предъявленіи евреемъ Б. искового требованія, отвѣтчица, бабка с. Матяшовки, возразила, что считаетъ свой рублевый долгъ погашеннымъ, такъ какъ нѣсколько разъ грызла плечо истца, сидѣвшаго въ ваннѣ. Оцѣнка отвѣтчицей своего труда оказалась умѣренной, какъ и вообще гонораръ шептухи: паляница съ солью, немного фруктовъ, 2—5 коп. За нѣсколько визитовъ—платокъ въ 20 коп. Если паціентъ умеръ—ничего. Знахари получаютъ больше—и до 2 руб. съ больного.

[3]) Этногр. мат. II, 320.

„У мене зубы щучыны. Я не тило грызу, а я грызь загрызаю. Тутъ тоби не стояты, суставивъ не грызты. А въ сёго грызю девять зубивъ, а зъ девяты—восьмы, зъ восьмы—симъ, зъ сёмы—шисть, зъ шесты—пять, зъ пяты—чотыри, зъ чотырёхъ—тры, а зъ трёхъ—два, а зъ двохъ до одного, а одъ одного—ни до одного“ [1]).

„Ты, грызь—грызыще! А въ грызи два зуба, а въ мене одынъ,—я й тымъ загрызу. Ты, грызь, выхова, ты, грызь, и трудовна и прыстритна. Тутъ тоби, грызь, не стояты, суставивъ не крутыты и жылъ не сушыты. Я тебе выгрызаю, одъ рабы Божои Маріи одганяю“. (Хут. Тарновщина, отъ Соф. Писаренковой).

„Грызь, грызь! подумана, погадана, испытана, изйидена, чоловича, жоноча, парубоча, дивоча! одна грызь, дви грызи, тры грызи, чотыри грызи, пять грызей, шисть грызей, симъ грызей, восимъ грызей, девять грызей нарожденного, молытвяного Васыля“.

„Грызь—грызыще! тутъ тоби не стояты, жовтои косты не грызты и серденька не сушыты и червонои кровы не пыты. Иды соби на очерета и на болота, и на велыке купья. Тамъ соби оселыся, тамъ соби остановыся, тамъ соби болы, тамъ соби й грызы, а Матиръ Божа прыступае, свои слова посылае: шобъ давъ Господь мылосердный на здоровья чоловикови“. (С. Литвяки, отъ Ф. Гузёминой).

Боль поясницы.

Боль поясницы, „поперечна болисть“ по брошюрѣ Ліки своен. (П, 31) зависящая отъ ревматизма, разрыва волоконъ спинной мышцы и иногда отъ причинъ, неясныхъ для самой медицины, по мнѣнію народа есть по преимуществу болѣзнь старости, наслѣдіе долгой трудовой жизни. Кромѣ переутомленія, поднятія тяжести, признаютъ, впрочемъ, что „поперекъ“ болитъ и отъ простуды, и отъ урокъ. Въ предупрежденіе этой

---

[1]) Вар. въ концѣ: «шобъ тутъ тоби грызю не було ни одного».

болѣзни, услышавъ первый весенній громъ, опираются поясницей о плетень, „пидпыраютъ тынъ“, и первую горсть сжатаго хлѣба жница затыкаетъ себѣ за поясъ. Заболѣвшую поясницу парятъ въ теплой ваннѣ или на „черини“, для чего печь смазываютъ, настилаютъ гречневой соломой, поливаютъ квасомъ, а сверху кладутъ больного; также растираютъ больное мѣсто: пескомъ, сокомъ рѣдьки и хрѣна, керосиномъ, скипидаромъ съ нашатырнымъ спиртомъ. Поперекъ еще срываютъ. Операція эта производится различно. Женщина ведетъ большимъ пальцемъ руки по спинному хребту больного или, положивъ ногу на спинной хребетъ, продвигаетъ пяту такъ, чтобы ощупать, „перелычыть“ всѣ позвонки, или крѣпко крутитъ, приподымаетъ и мнетъ кожу на поясницѣ, давитъ въ поясницу кулаками и колѣнями. Отъ этихъ мѣропріятій развивается значительная теплота.

Лихорадка.

Народъ склоненъ признавать лихорадку духомъ и въ настоящее время, не только прежде, какъ видно изъ устныхъ и письменныхъ свидѣтельствъ. Не рѣдко приходится слышать отъ крестьянокъ, что „лыхорадка бува одъ того, що лыхый духъ уберется въ середыну та й трясе“, „лыхорадкы нехрещеного царя Ырода дочкы; кожна жыве въ болоти“. Ихъ бранятъ: „трясешъ! бодай ты болотомъ трясла“! „Йе мижъ имы плясовыця, та що одсикла Ивану Предтечи голову. Хто ёго почыта, до того вона не прычепытся“. Другіе опредѣляютъ лихорадку кратко: „воно зло“. Съ такими устными народными опредѣленіями согласны и слѣдующія письменныя олицетворенія лихорадокъ: заклинательная формула на греческомъ языкѣ, хранящаяся въ Луврскомъ музеѣ, направлена, между прочимъ, на демоновъ лихорадки [1]). Грузинамъ лихорадка представляется худымъ, блѣднымъ существомъ [2]). По великорусскимъ народнымъ понятіямъ, лихорадки выгоняются изъ ада. Онѣ уродливы, голодны, нападаютъ на ви-

---

[1]) I. Tuchmann. La fascination. Mélusine 1898, № 5, 111.

[2]) Вѣст. Европы 1868 г. II, 565.

новатаго. Бабы смываютъ отъ нихъ притолоки водой съ разными снадобьями: солью, золой изъ семи печей, землянымъ углемъ и чернобыльникомъ. Костромскіе крестьяне называютъ февральскую лихорадку „кумаха"[1]). Лихорадки—простоволосыя женщины, крылатыя сестры [2]). Бѣлоруссы считаютъ ихъ: Иродовыми дочками, дочерями царя Яшнецкаго [3]). Малоруссы олицетворяютъ лихорадку старухой, живущей въ лѣсу, или дѣвицей [4]). Однажды крестьянинъ слышалъ, какъ три лихорадки сговаривались войти въ людей,—одна съ ложкой гороха [5]). Такъ-какъ въ программу лихорадки входятъ еще другія заболѣванія, кромѣ маларіи, а именно: тифъ, гриппъ, бронхитъ, воспаленіе легкихъ [6]), то симптомы этихъ болѣзней, а также и самой маларіи, народъ считаетъ отдѣльными видами лихорадокъ и насчитываетъ этихъ видовъ: 7, 12, 9, 25, 74, 77 и до 99 [7]), давая имъ по симптоматическимъ и этіологическимъ основаніямъ слѣдующія названія: поганка, титка, пропасныця, напрасныця, трясця, трясовыця гнитуха, которая ломаетъ кости и морозитъ, но не трясетъ, корчій (у черноморцевъ), жарка, (одъ неи млосно), витрова, водяна, переполошна, прозирна. По Далю еще: пидтынныця, гноева, степова, веретынныця, бывающая отъ пряденія. Причинами болѣзни, кромѣ указанныхъ, бываютъ еще: сонъ весной на землѣ, вообще слишкомъ продолжительный сонъ, невоздержанность въ пищѣ: кислое питье, овощи, незрѣлые фрук-

---

1) Сахаровъ. Сказ. рус. народа, 1885 г. 6, 31, 32.

2) Даль. О пов. 37, 80.

3) Романовъ. Бѣлор. Сб. V., 100—102.

4) Сумцовъ. Культ. Переж. въ Кіевск. Стар. 1889. XI, 306; Манжура. Сб. Харьк. Ист.-Фил. Общ. II, 140; Чубинскій. Тр. Эксп. I., в. 1, 221.

5) Сумцовъ. Этногр. Обозр., кн. XXII., 129.

6) Можаровскій въ Фельдш. 1898 г., № 18, 478.

7) На свити 77 рикъ, 77 виръ, 77 суставивъ и 77 прекрасныхъ дивыцъ». «Ихъ 77 душъ». «Лыхорадокъ 77 и имя йе усимъ». Кромѣ этихъ устныхъ свидѣтельствъ, см. также перечисленные сборники и соч., также Ивановъ. Кіев. Стар. 1885., XII, 739.

ты, свѣжая рыба, излишества пасхальнаго стола, главнымъ же образомъ уроки: „наслата зъ людей, зъ очей—найшвыдче".

Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ отъ лихорадки считается полынь (artemisia absintium L), котораго корни, собранные до первого грома, пьютъ настоянными на водкѣ или пополамъ съ молокомъ, или просто скусываютъ верхушки растенія. Народомъ замѣчено дѣйствіе полыня на нервы: „полынь дурный, нисля ёго спиваютъ у лыхорадци". Его употребляютъ во всей полтавской губ. и у великороссіянъ [1]). Также полезными отъ лихорадокъ признаются: настой корней аира (acorus calamus L.), выкопанныхъ до перваго грома,—средство указанное у Арендар. [2]) Богдановича [3]), руты полевой (fumaria officinalis), указанной въ Зап. Ю. З. Отдѣла Геогр. Общ. I., 123, оришкивъ, петрова батога (cichorium inthybus L.), ромашки (matricaria chamomilla L.), деревія (achillea millefolium L.), чернобыля (artemisia vulgaris L.), марьянки, цмина (carum carvi L.), очистка (sedum acre L.), черця, соняшныка, подсолнечника (helianthus anuus L.), настояннаго на водкѣ въ количествѣ 2-хъ верхушекъ (макушекъ) на бутылку. Даютъ пить: взрослому 1/4 рюмки, дѣтямъ по 20 капель, или настояннаго на чаѣ изъ цвѣтовъ и сѣмянъ, по три ложки въ день. О лѣченіи подсолнухомъ упомянуто у Сумцова [4]) и въ журналѣ „Фельдшеръ" 1898 г. № 18, 490. Пьютъ также: отваръ листьевъ бозя, бузка (syringa vulgaris L.), указаннаго у Богдановича [5]) и вербовой коры. Послѣдняя, вмѣстѣ съ ивовой, дубовой, вишневой, осиновой, сливной корой, полынемъ, ирнымъ корнемъ и горечавкой (gentiana), показана у Енгалычева. Домашн. Лѣчебн. II, 62. Кромѣ перечисленныхъ растеній, больные лихорадкой принимаютъ еще внутрь, воду съ горстью сажи и табака, воду черезъ чубукъ, а въ Кiев-

---

1) Арендаренко. Зап. о Полт. губ., I., 37. Сумцовъ. Культ. переж. Кіев. Стар. 1889. XI, 308.

2) Зап. I, 37.

3) Свѣдѣн. о Полт. губ. 54.

4) Культ. переж. Кіев. Стар. 1889 г. XI, 308.

5) Свѣд. 54.

ской и Бѣлорусскихъ губ.—водку [1]); воду съ „трыдевятью жарынкамы“ (угольками съ огнемъ), воду съ солью и глиной, счищенной съ четырехъ оконъ навкрестъ, воду послѣ собаки, напоенной черезъ порогъ, воду съ собачьимъ пометомъ, приготовленную такимъ образомъ, что въ миску льютъ воду чрезъ сито, въ которое положенъ этотъ пометъ; воду, въ которой вымыли кота, намочили толченую таранью голову, стерли „жовна“, т. е. известковыя жерновки, отложившіяся въ желудкѣ рака въ періодъ линянія, или вкинули паутину въ видѣ пилюль. Съѣдаютъ также сухари хлѣба, взятаго съ горячаго обѣда, т. е. перваго похороннаго, и лина, сжареннаго на воскѣ. Вѣроятно нѣкоторыми изъ этихъ средствъ стремятся вызвать рвоту у больного и тѣмъ прекратить лихорадку, такъ какъ „иногда при употребленіи рвотныхъ средствъ прекращается приступъ, особенно если лихорадка начинается при разстройствахъ желудка“ [2]). Съ тою же цѣлью, между прочимъ, больные цѣлуютъ собачій калъ черезъ платокъ, затѣмъ знахарка умываетъ ихъ „навхрестъ навпакы рукою навыдли“, т. е., оборотомъ руки, приговаривая: „поганый гисть, хай оце йисть“. Другой способъ лѣченія—подкуриванье больного различными веществами: остатками святочнаго стола: пасхи, хрѣна, яичной скорлупы („шкалярущи“), пшеницей, освящаемой съ пасхой, ладаномъ и смирной. Подкуриваютъ также волосами, какъ въ Индіи [3]), конской мычкой и копытомъ, сушенымъ слѣпнемъ (зинськымъ щенямъ, Spalax tiphlus Pall.), а въ Харьковской губ. еще летучей мышью [4]), кровью пѣтуха, зарѣзаннаго на Меланки, собранною на глину; скорлупой „лелечыхъ“ (аистовыхъ) яицъ, ремезовымъ (aegithalus pendulinus. L.) гнѣздомъ,—средствомъ, упоминаемымъ у Арендаренка [5]) и Гринченка [6]); сушеной жабой, найденной въ колеѣ,

---

[1]) Сумцовъ. Культ. пережив. XI-я кн. Кіев. Стар. 1889 г. 306, 308.

[2]) Кунце. Сотр., 557.

[3]) Ковнеръ. Ист. мед. въ Кіев. Ун. Изв. 1878., III, 117.

[4]) Сумцовъ Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1889 г., IX, 306.

[5]) Зап. I. 89.

[6]) Этн. мат. II, 315.

раздавленною лягушкой, сушеной щукой, выпрыгнувшей изъ воды въ челнъ рыбака, также рыбкой, найденной внутри другой рыбы, слинявшей чешуей змѣи, „гадючымъ лыновыщомъ“, какъ и въ Харьковской губ. [1]), рогами жуковъ, мертвыми пчелами въ Екатеринославской губ. [2]); первой сжатой горстью ржи, заткнутой жницей за поясъ, помеломъ, стружками кочерги, хватокъ, лопаты, тряпками, которыми затыкаютъ трубу, уксусомъ съ глиной и спиртомъ, настояннымъ на калганѣ. Слѣдующее народное средство противъ лихорадки—ношеніе амулетовъ, столь распространенное у дикарей и въ древности, когда кусочки матеріи, камни, стекла съ надписями, символическими знаками, также узлы (наузы)—считались сильнѣйшими средствами противъ духовъ [3]); также предохраняли отъ болѣзней: статуи, изображенія, въ томъ числѣ искаженныя фигурки съ ногами и колѣнями наоборотъ, символы, аттрибуты боговъ, камни съ надписями и рисунками, а у христіанъ—священныя изображенія [4]). Мѣстной народной медицинѣ извѣстны какъ предохраняющіе отъ лихорадки предметы, касающіеся религіи, такъ и амулеты вообще. Больные лихорадкой надѣваютъ на шею крестики или „божечкы“, висящіе около иконы Исачковской Божьей Матери, также бусы, называемыя „око Божои Матери“, пріобрѣтаемыя въ Кіевѣ, и восковые крестики изъ свѣчи, поставленной больнымъ и снятой послѣ херувимской. Въ качествѣ амулетовъ носятъ привязаннымъ подъ рукой или въ пазухѣ куриное яйцо отъ 3—9 дней. „Воно (зло, нечыстый духъ) чысто зйисть билокъ, останется тильки жовтокъ“, „вона (лихорадка) зйисть його—останется тильки шкарупа“, которую и выбрасываютъ на перекрестокъ. Пленку аистовыхъ яицъ, изъ которыхъ уже вышли птенцы, наматываютъ себѣ на пальцы. Носятъ живую мышь, живую или засушенную жабу на шеѣ въ платкѣ или мѣшочкѣ. „Жыва крычыть, покы не

[1]) Сумцовъ. Культ. пережив. въ Кіев. Стар. 1889 г., III., 665—667.

[2]) Манжура. Сбор. Харьк. И.-Фил. Общ. 1892 г., II, 158.

[3]) В. Миллеръ. Рус. Мысль. VII, 66—89.

[4]) Mélusine 1899 №№ 8, 9, p. 179, 194.

здохне". Тѣ-же средства показаны у Арендаренка [1]), Гринченка [2]) и Иванова [3]). Въ Чехіи носятъ шкуру змѣи, убитой на св. Георгія, что имѣетъ связь съ культомъ змѣй у Грековъ и Римлянъ [4]); носятъ на шеѣ живого кузнечика. „Пропасныця спротывытся и выне". Носятъ еще шнурокъ, на которомъ была повѣшена черепаха, 9 дней и смолу, вынутую изъ четырехъ колёсъ, навкрестъ, 9 дней, затѣмъ кидаютъ черезъ голову на распутьи. Лихорадку хотятъ ужаснуть, и съ этой цѣлью больного внезапно окачиваютъ во время припадка холодной водой. „Вона злякается и выскочыть зъ чоловика"; заснувшему больному пускаютъ за спину зеленую водяную лягушку, какой пріемъ извѣстенъ и въ Кіевской губ. [5]) Если испугъ не помогаетъ, то лихорадку думаютъ умертвить такимъ образомъ: больной идетъ на разсвѣтѣ на кладбище, беретъ на старой, или лучше новой, могилѣ три горсти земли, приговаривая: „добрывечиръ вамъ, мощи! дайте постелю, бо найихалы гости"—и, завязывая землю въ узелъ, кладутъ себѣ на ночь въ изголовье или за пазуху, а на другой день, или черезъ три дня, относятъ землю на могилу; возвращаются не оглядываясь. По Иванову [6]), этой землей подкуриваются. Смыслъ этого пріема тотъ, что вещи, прикасавшіяся къ мертвецу, получаютъ умерщвляющее значеніе [7]). Лихорадку топятъ, для чего больная идетъ къ рѣкѣ на разсвѣтѣ въ одной рубашкѣ, купается, бросаетъ рубашку въ воду и возвращается нагой. Особенно полезно купанье въ Чистый четвергъ. Тотъ-же смыслъ умерщвленія болѣзни заключаютъ въ себѣ, вѣроятно, и слѣдующіе пріемы съ бѣльемъ и одеждой: больная ставитъ съ вечера подъ верхъ мазницу, въ полночь

1) Зап. I, 98.

2) Мат. II, 315.

3) Кіев. Стар. 1885 г., XII, 741.

4) Сумцовъ. Культ. пережив. въ Кіевск. Стар. 1889 V., стр. 665—667.

5) Сумцовъ. Культ. пережив. въ Кіев. Стар. 1889. XI, 307.

6) Кіев. Стар. 1885. XII, 74.

7) Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1889, XII, 593.

подходитъ и, объявивъ: „оце я тоби, мазныце, кыдаю лыхорадку й сорочку“, скидаетъ черезъ порогъ рубашку и уходитъ голая, а потомъ забрасываетъ рубашку на крышу или дривотню до 3-хъ дней; или больная кладетъ свою рубашку подъ верхъ и наваливаетъ камнемъ до сутокъ, а затѣмъ или затыкаетъ ею верхъ, или вѣшаетъ „на захидъ сонця, бо туды лыхорадкы сходять“. Чрезъ сутки рубашку моютъ, накуриваютъ херувимскимъ ладаномъ и надѣваютъ. Голаго больнаго загоняютъ вѣникомъ въ сажъ, приговаривая: „якый гисть, така тоби й честь.“ Бросивъ вѣникъ, возвращаются, не оборачиваясь. Рубашку относятъ въ „прыгрубныкъ“ подъ верхъ и наворачиваютъ камнемъ, оставляя тамъ до 9 дней, а больному несутъ въ сажъ чистую одежду. Примѣняютъ передачу болѣзни и такими способами: больной накручиваетъ на хлѣбѣ въ полѣ „тры накруткы у глупу ничъ“; больного ведутъ къ вербѣ съ веревкой на шеѣ, подгоняя деркачемъ,—деркачъ вѣшаютъ на вербу, а веревкой подвязываютъ дерево; больной, навязавъ на шнуркѣ тридевять узловъ и опоясавъ себя имъ, приближается спиной („задкы“) къ дереву и, проговоривъ: „васъ 77, нате вамъ гостынецъ усимъ!“, привязываетъ къ дереву шнурокъ, не осматриваясь.—„Тоди вона отстряне; больная, срѣзавъ ногти и волосы навхрестъ и, поймавъ живого рака, кладетъ ихъ въ клешню, заворотивъ въ бумажку, потомъ пускаетъ рака на рѣчку, приговаривая: „плывы раче, за водою, беры трясцю за собою“. Больная плюетъ и возвращается, не оглядываясь. То-же средство въ рукописи Чепы въ Кіев. Стар. 1892 г., 1., 128. На палочкѣ нарѣзываютъ 77 черточекъ и, отнеся на перекрестокъ или въ рѣку, говорятъ“: васъ 77, оце вамъ плата всимъ. Для угощенія лихорадки отрѣзывается край перваго вынутаго изъ печи хлѣба, или отсчитывается 77 зеренъ пшена, которыя завертуютъ въ паутину или въ яйцо, или такъ завязываютъ въ пазуху, и больная идетъ къ рѣкѣ на зарѣ, становится спиной къ рѣкѣ и, бросая черезъ себя хлѣбъ или пшено, приговариваетъ: „Добры-день вамъ, таточкы-голубочкы! васъ 77 и нате вамъ пшона усимъ. Одъ мене рожденои, молы-

твянои, хрещенои Маріи одречиться; [1]) возвращается не озираясь. Больная въ припадкѣ озноба покупаетъ въ корчмѣ водку, и оставивъ на столѣ, уходитъ, говоря: „постойте, поклычу титку;“ или одѣвается дома парадно, садится за столъ, ставитъ водку и, проговоривъ: „выпыймо, титусю!“, отпиваетъ; погодя пьетъ опять, покуда не покончитъ. Не должна скидать одежды до окончанія припадка. Заговариваютъ лихорадки такъ:

„Титкы, титкы! васъ 77, нате снидаты всимъ. Всяке зилля бездилля, клыче бугай на весилля.“ (С. Волчекъ).

„Поганокъ симдесятъ симъ и йе вамъ мисто усимъ. И идить вы на очерета, на болота и въ свои миста.“ (М. Снѣтинъ).

Иды соби на очерета, на болота та на свои миста, де витеръ не віе, де сонце не гріе, де праведне сонечко не сходыть, де людськый гласъ не заходыть; де люде не хрыстятся. Трясы соби очеретамы, болотамы, та своимы лыстамы“. (С. Литвяки, отъ Анны Кириченковой).

„Лыхорадка! ты прозирна, ты й водяна, ты й витряна, подумана й погадана. Пиды соби на воды, на витры, на огни и на дыма! Тутъ тоби у голови не стоять, жовтои кости не ламать. Пиды ты соби на огни, на дыма, на велыки степа. Тамъ тоби буде хороше гулять и людей морськыхъ знобыть“. (с. Литвяки, отъ Н. Кедевой).

„На гори на Голгохви стоявъ дубъ венерськый. Пидъ тымъ дубомъ сыдило симъ мученыкивъ: Архистратый Михаилъ, Гаврыилъ, Урыилъ, Меѳодымъ, Сызонтій, Клементій, Иванъ Предтеча—и выдилы дыво престрашне, чудное: и выйшло зъ моря 17 женъ, просто нагіе, роспоясавше, роспущени волоса. Пидійшовъ къ имъ Иванъ Предтеча, начавъ ихъ пытать: хто вы таки? куды вы йдете? —Мы йдемо у градъ Хрыстовый людей мучыты, кровъ пыты, тило томыты, смерты предаваты. Та де[2]) имъ Иванъ Предтеча своею тростю по ихнимъ головамъ, по сто ранъ заклынающыхъ.— „Ой, Иванъ Предтеча! хто ваши буде имена нарычаты, або хто буде надъ головою воду чытаты,

---

[1]) Или: оце вамъ закуска (на кашу) усимъ.

[2]) Вмѣсто: давъ.

то мы до того не прыкоснемося во викы виковъ аминь"[1]). (С Мгарь, отъ Емченковой).

„Ишло 77 напрасныць и силы на марганахъ, и вкрылыся вафоромъ. Прыходе святый Васыль и пытае: „шо есть вы за люде?"—„Мы йе не люде, а врагови диты. Насъ послано по свитамъ и по людямъ червону кровъ пыть, биле тило знобыть, а жовту кость ломыть. Хто насъ буде почытать, такъ мы въ ёго по викъ не будемъ бувать. Раба Божа Александра насъ почытае, мы въ іи не будемъ бувать, червонои іи крови не будемъ пыть и билого тила знобыть и жовтои косты ломыть. Святого Васыля буде почытать,—винъ враговськыхъ дитей не буде до неи допускать,—нарожденои, хрещенои и молытвянои рабы. Божои Александры буде спасать". (Хут. Тернавщина, отъ Софіи Латенковой).

„Ишовъ святый Кырыло и Мефодій, и Сафоній, и зострича Господь Самъ".—„Куды вы идете?"—„На золотый мистъ. А на золотому мосту тры евзы."—„Куды жъ вы йдете?"—„На мыръ хрещеный".—„Чого жъ ты йдешъ?"—"Сыпать и кыдать, и трясты, и пекты, и знобыть, и глобыть, и кровъ пыть, и кисть ломыть и лыхорадкою трусыть. Святый Кырылъ и Мефодій, и Сафоній, берить золотую плить, дротяну нагайку, посичить ій тило, порубить, огнемъ спалить, витромъ роспустить. Господы мылостывый! нащо-жъ мое тило сикты и огнемъ палыть? Якъ будете вы воскресный Богъ чытать, Илью прохать,—не буду я васъ нападать—ни сыпатыму, ни кыдатыму, крови вашои не пытыму и кости не ломытыму. Ихъ 77 и гостынци усимъ. Якъ подаркы давалы, тоди титкою звалы, а посли прачамы й мечамы вбывалы, щобъ вона на мыръ не ходыла. Господь зъ помичь, а я зъ духомъ". (С. Калайденцы).

„Ишовъ святый Порфирій у свій манастырь и зострычае 77 прекрасныхъ дивыць; ну и спрашуе: „шо вы за прекрасни дивыци?" —„Мы царя Ирода дочкы".—„Куды вы йдете"?—"Мы идемо

1) Вар. въ рукописи XVIII в. (Кіев. Стар. 1898 г., I, Документъ 10).

въ мыръ кости ламать и въ огонь бросать, и йижу одбирать." Винъ ихъ ударывъ трёма вдарамы. Воны одъ ёго убижалы и воны ёму исказалы: „хто буде твое имя спомынать,—и того будемъ убигать, а хто буде твое имя забувать,—и того будемъ нападать. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь! (С. Литвяки, отъ Ганны Кириченковой).

„Ишовъ святый Оврамъ велыкымы дорогамы и його сынъ святый Мусій, и воны зострички́ють трыдевять дивокъ и пытають ихъ: „що вы за люде?" —„Мы идоловы дочкы".—„Кудывы йдете?" —„У село людей мутыты, биле тило ялыты, а червону кровъ пыты." Оврамъ каже: „беры жъ ты, святый Мусій, зализни ципы та жены ихъ за зализни ворота та побый погоны и потомокъ потломы". Воны просятся: „святый Оврамъ, не бый, не гоны и потомку нашого не тломы!" Хто буде сю молытву знаты, не буде сею болизню погыбаты" [1]).

Холера.

Народъ признаетъ холеру Божьимъ наказаніемъ и изображаетъ такими чертами: „Ногы и рукы судомыть, искорчыть усёго на кузубъ часа на два. Бува й така, що не корчыть, а тилько кисткы лама. Якъ не личыть—помре, а якъ ликъ—то й викъ". Отъ нея пьютъ: сокъ рѣдьки, водку, настоянную на деревіѣ, полынѣ, петровыхъ батогахъ, сокиркахъ (delphinium consolida L.), полевыхъ василькахъ, чеснокѣ, перцѣ; также тертый земляной уголь; жалятъ больного жгучей крапивой, подъ колѣнями, грудь и подошвы смазываютъ дегтемъ, особенно же растираютъ всего: перцовкой, настойкой крапивы, нашатырнымъ спиртомъ.

Дифтеритъ.

Дифтеритъ большею частью называютъ обкладомъ, потому что онъ соединенъ съ опуханіемъ желѣзъ; искажаютъ также и

---

[1]) Варіанты, весьма отдаленные съ упоминаніемъ имени св. Аврааму, у Иванова въ Кіев. Стар. 1885 г., XII, 740; у Чепы (Ib. 1892 г., I, 127) и въ Сбор. Харьк. И.-Ф. Общ. 1892 г., IV, 278.

самое названіе болѣзни: дёхтерыкъ. Къ горлу прикладываютъ: ржаную муку, разжаренную на сковородѣ, льняныя припарки, бузину съ камфорой, оливу съ камфорой, овечью шерсть съ сѣрой, масло или смалецъ съ скипидаромъ или съ каломъ чернаго кабана. Дифтеритъ распространился въ Малороссіи недавно; въ сороковыхъ годахъ онъ еще не былъ извѣстенъ, что видно изъ умолчанія Арендаренка объ этой болѣзни. О другихъ эпидеміяхъ почти ничего не говорятъ въ народѣ. Скарлатинъ не отличаютъ отъ кори, какъ прежде не различали ихъ и въ наукѣ [1]), и совѣтуютъ пить липовый цвѣтъ, ѣсть медъ и смотрѣть на красное отъ обѣихъ болѣзней: „Виспу треба сколювать, прыбывать, шобъ не було“.

В. Милорадовичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

1) Флоринскій. Домашн. медиц. 164.

Характеристика польскихъ и южно-русскихъ литературныхъ теченій послѣдней четверти XVII вѣка, въ связи съ общимъ направленіемъ тогдашней французской литературы.

(Окончаніе *).

II.

Представленная картина польскаго общественнаго самосознанія будетъ значительно неясною, если мы не представимъ общихъ условій общественной жизни Западной Европы, къ которой принадлежала, по своимъ образовательнымъ традиціямъ, Польша [1]). Это тѣмъ болѣе необходимо, что, какъ замѣчено въ одной рукописи 1696 г., хранящейся въ И. П. Библіотекѣ,—„Jak pszczola ogrody... obleciawszy, co naywyborniejszą, sobie wybiera, no swoię słodką robotę kwiecia, tak Polska nasza obszedszy postronne Państwa, Krolestwa, Xięstwa i Rzeczypospolite miasta i obozy, przypatrzywszy się monarchom albo jednowladcom, albo absoluto Dominio arystokracyom, albo panowaniu wielu Rządowi demokracyom, albo rządom pospolitstwa co nalepsze sobie wytrala prawa i zwyczaie“...[2]) Можетъ быть здѣсь и преувеличено

---

*) См. Кiев. Стар. 1900 г. № 4.

[1]) Jagic. Archiv für Slavische Philologie. Unter Mitwirkung von A. Brückner, J. Gebauer u. s. w. Berlin 1892. Supplement-Band, seit 220.

[2]) Р. И. П. Б. О.II № 1. Другой такой же экземпляръ—О II № 10.

широкое знакомство Польши съ зап.-европейскою жизнью, однако извѣстно, что въ первой половинѣ XVII вѣка избранная часть польскаго юношества получила образованіе въ Болонскомъ университетѣ, какъ показываютъ имена студентовъ-поляковъ въ открытой Bersohk'омъ Mathias'омъ рукописи [1]). Во второй половинѣ XVII вѣка, которая была благопріятна для литературы французской и наоборотъ—временемъ упадка ея въ Италіи, польская молодежь, говоритъ Mecherziński, отправлялась за наукой во Францію, откуда все болѣе и болѣе выплывала иноземная зараза,—и на ряду со старыми латинизмами, входили въ рѣчь еще болѣе вредные галлицизмы. [2]) Кромѣ того, судя по образовательному заграничному tournée Яна Собѣскаго и инструкціи, данной опекунамъ его Орховскому и Гаварецкому, [3]) можно полагать, что еще въ первой половинѣ XVII вѣка Францiя и Парижъ привлекали къ себѣ преимущественное вниманіе польскаго высшаго слоя; [4]) во второй же половинѣ XVII вѣка такое вниманіе было тѣмъ интенсивнѣе, что дворъ Людовика XIV, стянувшій всѣ лучшія литературныя силы въ Версальскій дворецъ, [5]) становился не только предметомъ грезъ и мечтаній польскаго высшаго

---

[1]) Kwartalnik Historyczny. 1896 r. X str. 143—146.

[2]) Historya wymowe w Polsce. t. III, str. 7.

[3]) T. Korzon Dola i niedola Jana Sobieskiego. Kraków 1898 r. t. I str. 11.

[4]) Изъ двухлѣтняго заграничнаго путешествія Яна Собѣскаго на Францію пришлось больше года, отъ 9 апрѣля 1646 г. до 1 мая 1647. При этомъ Францію проколесилъ онъ «отъ сѣвера къ югу» чрезъ Calais до Perpignon, Marseill, Montpellier, папскаго Авиньона и прилежащей Sobaud. Если принять во вниманіе, что Янъ Собѣскій проѣхалъ также Австрію, Германію, Голландію, гдѣ онъ изучалъ architecturam militarem, и Англію, на что онъ употребилъ только одинъ годъ, то вниманіе къ Франціи выдѣлится довольно выпукло. Ср. Korzon. Dola i niedola Jana Sobieskiego. t. I. str. 12 и 14.

[5]) Іоганъ Шерръ. Всеобщая исторія литературы, пер. Вейнберга. М. 1883. т. II стр. 235; ср. Zelęski. str. 277; Dupuy. Histoire de la litterature Française au XVII siecle. Paris. 1892.

тона, [1]) но и въ дѣйствительности, какъ мы уже замѣтили выше, связывался съ Польшею тѣсными узами. Къ тому же, произведенія выдающихся писателей Франціи находили себѣ достаточный пріютъ въ Польшѣ. Въ библіотекѣ, напр., Яна Собѣскаго мы находимъ произведенія Декартеса, Гассенди, Паскаля и „великаго“ янсениста Арнода, также драматическія сочиненія Корнелля и Мольера. [2]) Словомъ—тѣхъ писателей, которые главнымъ образомъ характеризуютъ литературное движеніе Франціи второй половины XVII вѣка. Въ эпоху же Людовика XIV, при ближайшемъ взаимоотношеніи дворовъ французскаго и польскаго, знакомство съ французскими литературными теченіями создавалось ipso facto, такъ какъ французскіе „поэты писали не для своего народа, но для версальскаго кружка, и Людовикъ XIV былъ не только ихъ меценатомъ, но и ихъ Аполлономъ, который раздавалъ лавровые вѣнки и пенсіи и за то льстиво прославлялся на всѣ лады холопства“ [3]).

На Франціи и сосредоточимъ свое вниманіе. Основаніемъ для этого, кромѣ вышеуказанной связи, въ политическомъ и образовательномъ отношеніи Франціи и Польши, служитъ еще и то обстоятельство, что къ этому времени Франція заняла первенствующее образовательное значеніе во всей Западной Европѣ. «Италія, говоритъ Lotheissen, превосходила своимъ искусствомъ,

---

[1]) «Wpływ kobiet zawsze przeważny na domowe stosunki, wychowanie i wyobrażenia. To wszystko opierając się o dwór lunewilski i wersalski sciągalo tam roje Polaków i polek». Rzut oka na stan relig. obycz. Polski XVIII w. Dodatek do Czacu. t. VIII, str. 303—304; cp. Zelęski. str. 289.

[2]) Korzon. t. I str. 15.

[3]) Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Т. II. стр. 235 .«Похвалы самовозвеличенія, говоритъ Dupuy, не надоѣдали: фиміамъ льдона наполнялъ ноздри. Онъ (Людовикъ) охотно повторялъ стихи, гдѣ онъ прославляется. «Sans avoir ni voix, ni musique, il se plait à chanter, dans ses particuliers, les endroits des prologues d'opera le plus à sa louange». Histoire de la litterature Française au XVII s: p. 291.

своей высшей культурой, своей богатой поэзіей, Испанія имѣла преимущество въ прозѣ, какъ и въ политикѣ и войнѣ, Германія выдѣлялась въ религіозныхъ спорахъ и въ порядкѣ управленія, во Франціи образовалась тогда такая богатая жизнь во всѣхъ областяхъ, какъ ни въ какой другой странѣ того времени.“ [1]) Это богатство жизни сказалось прежде всего въ тѣхъ двухъ крупныхъ и при томъ діаметрально противоположныхъ теченіяхъ, которыя проходили въ двухъ важнѣйшихъ литературныхъ центрахъ Франціи—Портъ-Роялѣ, съ его янсенитскими убѣжденіями и реформаціонными стремленіями, и въ Версальскомъ дворцѣ—центрѣ католическо-іезуитскихъ и монархическихъ тенденцій Людовика XIV. Оба эти направленія литературныхъ движеній, стоя въ связи съ политическими и соціальными ожиданіями времени, въ свое время сыграли крупную роль во всей Западной Европѣ и даже служили legislateur du gout высшаго общественнаго слоя.

Тенденціи французской литературы времени Людовика XIV всецѣло могутъ быть сведены къ Боссюэтовскому восклицанію: „o rois, vous êtes des Dieux.“ „Въ царствованіе Людовика XIV., говоритъ Dupuy, эта гипербола принята литературой и по принципу, и по сюжету.“ [2]) Король видѣлъ въ такомъ направленіи литературы, продолжаетъ Dupuy въ другомъ мѣстѣ, главную гарантію своихъ начинаній и своей славы. Онъ самъ говорилъ, что литература болѣе его прославитъ, чѣмъ все царствованіе. „Le plus sûr chemin de la gloire est celui que montre la raison“. [3]) „Прежде всего, говоритъ Шерръ, требовалась „корректность“ и гладкость, вся литература сдѣлалась формальной и условной, дворъ былъ Парнасомъ, а французская академія (Academie française)... выдавала патенты на безсмертіе или осуждала на гибель.“ [4]) Можетъ быть Шерръ въ общей характеристикѣ и сгустилъ краски, однако мелкіе факты проявленія именно такого

---

[1]) Geschichte der französischen Literatur im XVII Jahrhundert. Wien. 1877. B. 1. s. 4.

[2]) Histoire pe la litterature Française. p. 290.

[3]) Jbid. p. 291.

[4]) Всеобщая исторія литературы. Т. II. стр. 236.

дворцоваго режима сказываются довольно рельефно. Расинъ, напр., получаетъ званіе исторіографа и титулъ „gentilhomme du roi“, вмѣстѣ съ „личнымъ секретарствомъ“ Людовика XIV, послѣ сближенія съ m-me Maintenon и расположеніемъ въ свою пользу г-жи Монтэспнанъ. [1]) „По мѣрѣ того, говоритъ г. Веселовскій, какъ высшее парижское общество пріобрѣтало внѣшній лоскъ и утрачивало прежніе суровые, воинственные вкусы, по мѣрѣ того, какъ знаменитые салоны и въ особенности „Hôtel de Rambouillet“, старались привить аристократическимъ кругамъ утонченныя манеры, изящество рѣчи, галантность въ обращеніи съ дамами, увлеченіе граціозными по формѣ, хотя иногда бѣдными внутреннимъ содержаніемъ мадригалами или сонетами, а также чувствительно героическими романами дѣвицы Скюдеры, Кальпренеда и др.,—мѣнялся и обликъ тѣхъ героевъ, которыхъ значительная часть публики того времени хотѣла видѣть на сценѣ.“ [2]) Можно съ увѣренностью сказать, что подъ вліяніемъ такого направленія литературной оцѣнки, Расинъ, говорившій въ предисловіи къ Andromaque—„Пирръ не читалъ нашихъ романовъ, онъ былъ неистовъ по натурѣ, не всѣ герои рождены быть селадонами,“ впослѣдствіи героевъ Atalie, Bojazet, Britannicus,—Юнію, Аталиду или Арсію, „не смотря на ихъ римскія, мнимо-турецкія или греческія имена“, изобразилъ „дочерьми придворныхъ Людовика XIV или принцессами королевской крови, которыя хорошо знаютъ утонченный языкъ модныхъ салоновъ, зачитываются литературными произведеніями новой школы, изучили въ совершенствѣ требованія приличія и правила этикета.“ [3]) Такія же метаморфозы происходили и въ публикѣ, что испыталъ на себѣ тотъ же Расинъ. Его пьеса „Plaideurs“, въ началѣ не имѣвшая успѣха, такъ что публика во время представленія „смѣявшаяся отъ души“, стала тяготиться мыслью, что „смѣялась не по правиламъ,“—пьеса эта стала пользоваться значительною по-

---

[1]) Веселовскій. Жанъ Расинъ. Вѣстникъ Европы 1899 г. октябрь, 614 стр.

[2]) Вѣст. Европы. 1899. Сентябрь, стр. 76—77.

[3]) Вѣст. Евр. 1899 г., октябрь, 623—624 стр.

пулярностью, послѣ того какъ ее посѣтилъ Людовикъ XIV со свитой и нашелъ ее веселою. По той же простой причинѣ, что пьесы Мольера ставились не на сценѣ Hôtel de Bourgogne, а въ Пале-Роялѣ, самъ Мольеръ, не смотря на блестящій талантъ, не пользовался такою популярностью, какъ Расинъ. Если же взять во вниманіе разрывъ Расина съ Мольеромъ, какой произошелъ послѣ перваго успѣха Расина на сценѣ Hôtel de Bourgogne, [1]) то можно вѣрить, что французская литература временъ Людовича XIV часто совпадала съ влеченіями инстинкта самосохраненія и съ значительною интенсивностью играла на струнахъ лично-эгоистическихъ, честолюбивыхъ стремленій. Это вполнѣ сказалось на проповѣди, проникнутой всецѣло панигиризмомъ къ высокопоставленнымъ лицамъ. Не говоря уже о Боссюэтѣ, о характерѣ проповѣди котораго мы вскользь уже замѣчали, рельефно выразились указанныя черты и на Бурдалу, который считался „le plus célébre et le plus grand predicateur de son temps“ [2]). Уже одно то обстоятельство, что онъ достигъ блестящаго положенія только послѣ того, какъ въ 1670 г. произнесъ панигирическую рѣчь предъ королемъ [3])—должно было впослѣдствіи выработать изъ него натуру, вполнѣ подчиняющуюся придворному этикету. Дѣйствительно, онъ былъ скорѣе создателемъ изящнаго языка, чѣмъ проповѣдникомъ строгой морали. Bossuet писалъ о немъ m-me de Luenes: „мы сдѣлали рѣчь, которая обворожила нашъ народъ“, а Фенелонъ, отказываясь отъ строгости діалоговъ для краснорѣчія въ мемуарахъ о занятіяхъ Академіи, заключилъ свои разсужденія такой замѣткой: „стиль

---

1) Веселовскій. Жанъ Расинъ. Вѣстн. Европы 1899 г., октябрь, 582 стр.

2) Memoires cecrets et inédits de la cour de Erançe sur la fin du regne de Louis XIV par le marque de Sourches. Paris, 1836. t. II. 1686 a. p. 192.; ср. Lotheissen. Geschichte der französischen Literatur im XVII Jahrhundert. B. III., seit. 350.

3) Dupuy. Histoire de la litterature Française au XVII siecle, p. 432. «Это (рѣчь) окончательно расположило въ его пользу, говоритъ Dupuy, и онъ остался внѣ спора».

отца Bourdaloue превосходитъ всѣ другія и, можетъ быть, достигнетъ такого совершенства, что нашъ языкъ способенъ быть образцомъ. [1]) Насколько „отецъ Bourdaloue“ отвѣчалъ придворному настроенію и его потребностямъ, можно судить по восторженному отзыву m-me Sevigne: „очень часто, говорила она, дыханіе спиралось тѣмъ величайшимъ вниманіемъ, какое привязывалось къ силѣ и правдивости его бесѣдъ, и я не переводила дыханія, пока ему не угодно было окончить.“ [2])—Не отрицая литературнаго значенія произведеній Bourdaloue, мы хотимъ отмѣтить только направленіе или тонъ, какого вообще держались литературные дѣятели. Если мы обратимъ вниманіе на общій характеръ французской литературы Людовика XIV, то причины, обусловливающія такое направленіе, будутъ совершенно понятны. Тотъ т. н. псевдоклассицизмъ, который съ прямолинейностью проникалъ почти всѣ формы литературныхъ произведеній—драму, поэзію, романъ, [3])—и служилъ почти всецѣло источникомъ литературныхъ сюжетовъ, сколько создавался старыми традиціями итальянской и испанской школъ, [4]) столько, и еще болѣе, поддерживался соціальнымъ складомъ французской жизни. „Французская литература, говоритъ Lotheissen, не печалилась еще о народѣ и не могла, слѣдовательно, говорить о немъ. Она знала только воззрѣнія и идеалы аристократическаго общества и, ограничиваясь ихъ кругомъ, старалась придать имъ значеніе. Но эти идеалы не имѣли никакого высшаго полета; они были условными словами и имѣли искусственное значеніе“. [5]) Народный духъ и струя живой жизни были устранены совершенно [6]) и поэтому

---

[1]) Dupuy. Histore de la litterature française au XVII s., p. 432.

[2]) Jbid. p. 432. А молодой принцъ Конде писалъ—„молчаніе—вотъ врагъ, когда проповѣдникъ подымаетъ плечи“...

[3]) Lotheissen. Gesth. der. französ. Liter. im. XVII Jalrh. B. I, s. 353. «Въ поэзіи, въ лирикѣ, въ эпосѣ, въ романѣ... націонализировались классическія произведенія; ср. Ibid. Band III seit., 5.

[4]) Lotheissen. B. II., s. 25—59.

[5]) Lotheissen. B. 1., s. 352.

[6]) Ibid., s. 353.

не могла разрушить ту мертвечину, которую романисты одѣвали въ античную одежу. [1]) Всѣ, такимъ образомъ, понятія и манеры, продиктованныя французскимъ псевдо-классицизмомъ и профильтрованныя королевскимъ дворомъ, вытекали изъ требованій аристократизма и аристократіи; они полагали грань между высшимъ слоемъ и народомъ,—грань, которая увеличилась, благодаря абсолютизму Людовика XIV, [2]) и строго поддерживалась дворянствомъ, опасающимся потерять свой престижъ благородства и смѣшаться съ народомъ. [3])

Въ этихъ послѣднихъ выводахъ относительно французскаго литературнаго направленія мы видимъ очень близкія точки со прикосновенія съ соціальными устоями и литературными теченіями польской общественной жизни. Они говорятъ о томъ, что Польша не была одинокою въ специфическомъ характерѣ проявленія своей общественно-литературной жизни. Она до извѣстной степени жила духомъ своего времени,—и насколько глубоко проникъ въ жизнь этотъ духъ, можно судить по южно-русскимъ литературнымъ теченіямъ, которыя питались соками польскихъ школьныхъ принциповъ.

III

Южно-русская литература занимала второстепенное мѣсто въ обще-польской государственной культурѣ и шла позади литературнаго движенія Польши. Ей приходилось только перерабатывать то, что уже было нажито Польшей [4]). Еще въ началѣ XVII в.

---

[1]) Lotheissen. B. III., s. 4—6 и B. 1, s. 353.

[2]) Lotheissen. B. III., s. 5—6; cp. B. II., 25—59.

[3]) Lotheissen. B. I., s. 351—353; B. II., s. 15—19; B. III., s. 2—6.

[4]) См. *Терновскій*. «Южно-русское проповѣдничество XVI и XVII в. (по латино-польскимъ образцамъ)»—рядъ статей въ «Руководствѣ для сельск. паст.» 1869 г.; *Его-же* —«Характеристика южно-русской проповѣди въ связи съ проповѣдью западно-европейской и польской». Руковод. для сельск. пастыр. 1875 г.; —*Пекарскій*. «Предста-

Мелетій Смотрицкій въ Экзотезисѣ (1629 г.) говорилъ, обращаясь къ православному проповѣднику: „цѣлуй Бессія, который научаетъ тебя произносить съ каѳедры. Хорошо мнѣ извѣстно, что безъ него скрипѣли-бы твои колеса, какъ у возницы безъ мазницы. Одинъ на каѳедру съ Оссоріемъ, другой съ Фабриціемъ, третій съ Скаргою, а иные и съ другими проповѣдниками римской церкви, безъ которыхъ вы ни шагу, а все-таки, по вашему, эти наставники еретики, вы-же, которые не можете безъ нихъ имѣть собственныхъ проповѣдей, — вы православные!“ [1]) Подчиненіе польскимъ литературнымъ типамъ непосредственно сказывается во второй половинѣ XVII вѣка въ проповѣдническихъ образцахъ или лучше—кодексахъ: „Ключѣ разумѣнія“ Іоанникія Голятовскаго и „Огродкѣ Маріи Богородицы“—Антонія Радивиловскаго. „Въ Ключѣ цитуются Бароній, Белларминъ, Корнелій Аланиде, Ѳома Аквинатъ, Іаковъ Тиринъ, Каллистъ-папа, Граціанъ, Анзельмъ Кентерберійскій, Мартинъ Бѣльскій, Григорій Туронскій, Винкентій (авторъ „Зерцала историч.“), Іоаннъ de Combeuse, Іаковъ de Vorahenée, Nicolas Delira, Lois Granette, Ѳома Бизій и др. [2]) Раздѣленія на ѳемы, экзордіумы, нарраціи, конклюзіи — все это стоитъ въ прямой риторической связи съ принципами польскаго kaznodziejstwa. „Отличительными чертами польской проповѣди XVII ст., говоритъ Сумцовъ, были: многословіе, пустословіе, заимствованіе изъ древнихъ классическихъ писателей: Овидія, Виргилія, Плинія и другихъ, приведеніе именъ языческихъ боговъ и героевъ, крайне натянутыя сравне-

вители кіевской учености XVII ст.» Отеч. Зап. 1862 г., кн. 2, 3, 4; *Максимовичъ.* Соч. т. II, стр. 666—723; *Ѳ. Сумцовъ.* Іоанникій Голятовскій. Кіевская Старина 1884 г. и отдѣльно К. 1885; *Его-же.* Иннокентій Гизель. Кіев. Старина 1884 г.; *Порфирьевъ.* Исторія русской словесности. Т. I, ч. 2, стр. 602—646; *Житецкій.* «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в.» Кіев. Стар. 1888 г. (рядъ статей); *Шляпкинъ.* Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709). Спб. 1891 и др.

[1]) *Сумцовъ.* Іоанникій Голятовскій. Кіевск. Стар. 1884 г., стр. 184.

[2]) *Терновскій.* Руковод. для сельск. пастыр. 1869, стр. 590.

нія и сближенія,—напримѣръ (сравненіе Бога съ крылатымъ пѣтухомъ), вставка свѣдѣній по астрологіи, геральдикѣ, ботаникѣ, архитектурѣ, неумѣстные каламбуры и шутки" [1]). У Іоанникія Голятовскаго, въ его „Наукѣ о сложеніи казаній" находимъ такое замѣчаніе: „конецъ чинячи тоеи моеи працы, даю тебѣ такую раду: читай книги, и що хорошее вычитаешь, нотуй себѣ и до своего казанья апликуй; до того уважай,—кто? що чинилъ? на якимъ мѣсцѣ? зъ кимъ? для чого? якимъ способомъ? которого часу? Если книги будешь читати и часто казанья повѣдати, до того, если тыи циркумстанціи, околичности будешь уважати и концепты до нихъ чинити, латво въ недѣлю, и въ свято, и на погребъ и на инших оказіяхъ казане учинишь." Ясно отсюда, что характеръ польской проповѣди въ южной Руси получилъ законодательную регламентацію. Въ настоящее время устанавливаютъ польское вліяніе и на Московскую Россію [2]). Мы и не будемъ входить въ разборъ южно-русской литературы, потому что это не входитъ въ нашу задачу и уже сдѣлано въ вышеперечисленныхъ трудахъ. Мы остановимъ вниманіе на характерѣ теченій малорусской литературы.

Въ этомъ отношеніи сами собой выдѣляются т. н. миринизмы южно-русской проповѣди и отдаленность отъ дѣйствительной, текущей жизни проповѣдническихъ сюжетовъ. Миринистическія требованія даже узаконяются Іоанникіемъ Голятовскимъ. „Нужно читать, говоритъ онъ, исторіи и хроники о различныхъ панствахъ и странахъ, что въ нихъ дѣлалось и что теперь дѣлается. Нужно читать книги о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ, зельяхъ, камняхъ и различныхъ водахъ, которыя находятся въ моряхъ, рѣкахъ, колодцахъ и иныхъ

---

[1]) Кіевск. Стар. 1884 г. № 2, стр. 184 ср. Maciejowski. Pismienitstwo Polskie II, str. 554—556.

[2]) *Шляпкинъ*. Св. Дим. Ростовскій и его время., стр. 52—165; *В. Перетцъ*. „Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII в." Изв. отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Наукъ 1899, т. IV, кн. 3.

мѣстахъ, и узнавать ихъ природу, свойство и особенности, и отмѣчать для себя, и прилагать къ своей проповѣди, которую хочешь говорить" [1]). Слѣдуя этому правилу, вносили въ проповѣдь всякаго рода фантастическій и миѳологическій элементъ, начиная отъ легендъ и сказочныхъ чудесъ и кончая непонятными аллегоріями, сравненіями, уподобленіями [2]). Такой характеръ проповѣди сколько стоялъ въ связи съ маринизмомъ западно-европейскимъ—итальянскимъ и французскимъ [3]), проникшимъ въ то время въ значительной мѣрѣ въ Польшу [4]), такъ—въ связи съ мѣстными условіями жизни. Предписанія—треба читати книги о звѣряхъ, о птахахъ, гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ, зельяхъ, камняхъ и разныхъ водахъ,—вмѣстѣ съ самымъ прямолинейнымъ выполненіемъ этого на практикѣ [5]), вскрываетъ недостатокъ живого жизненнаго интереса, съ одной стороны, и желаніе поддержать престижъ образованія проповѣдника—съ другой. Въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе совѣты Іоанникія Голятовскаго. „Можешь пріохотить людей къ слушанію, когда будешь обѣщать имъ показать въ проповѣди какую-либо новость, которой они не видали и не слыхали, или какое-нибудь необычайное диво" [6]). Дальше онъ поясняетъ это

---

[1]) Ключъ, л. 519; ср. Руков. для сельск. паст. 1869, стр. 465.

[2]) Терновскій. Южно-русское проповѣдничество XVI и XVII в. Руков. для сел. п. 1869 г, стр. 465—478. Въ словѣ изъ текста: се лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многихъ во Израили (Лук. 2, 34), назвавъ І. Христа камнемъ многоцѣннымъ и краеугольнымъ, положеннымъ въ основаніе церкви, Голятовскій примѣняетъ къ нему названіе разныхъ драгоцѣнныхъ камней: карбункула, асписа, шифера, хризолита, берилла, агата, аметиста, смарагда, топаза и магнита. Порфирьевъ. Исторія русской литературы. т. І. ч. 2, стр. 625.

[3]) Lotheissen. Geschichte der französischen Literatur. B. I., seit. 308—326.

[4]) Mecherziński. Histor. wymowe... t. III., str. 7.

[5]) См. Терновскій. Руковод. для сельск. паст. 1869 г., стр. 578—590.

[6]) Ключъ, л. 516.

примѣрами. „Если-бы ты говорилъ проповѣдь въ недѣлю 14-ю, имѣя въ виду проповѣдывать и въ недѣлю 15-ю, то, окончивши первую проповѣдь, скажи: православные христіане! приглашаю вашу милость на слѣдующую недѣлю въ церковь; буду раздавать вамъ одежды, чтобы вы были охотны къ благочестію и къ слушанію Слова Божія. Сказавъ это, сойди съ каѳедры. А когда придетъ недѣля 15, положи на проповѣди тему: друже, како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія брачна (Мѳ. XXII), и говори такъ: Православные христіане! Обѣщалъ я вамъ сегодня раздавать одежды; исполняю свое обѣщаніе; даю каждому изъ васъ одежду брачную, безъ которой никто не можетъ войти на бракъ небесный, упоминаемый у евангелиста Матѳея“ и проч. Такихъ маневровъ въ южно-русской проповѣди конца XVII в. достаточно [1]). Они свидѣтельствуютъ о разобщеніи проповѣдника съ народомъ. Объ этомъ говорятъ и выборъ проповѣдническихъ сюжетовъ [2]), и предписанія слѣдовать извѣстнымъ шаблонамъ [3]), и, наконецъ, самый характеръ проповѣди. „Въ надгробныхъ проповѣдяхъ, говоритъ І. Голятовскій, обращай вниманіе на гербъ умершаго... на фамилію... на имя... на возрастъ. Читай въ книгахъ и замѣчай себѣ: какъ долженъ жить священникъ? какъ воинъ? какъ женщина? какъ дѣвица? что они должны соблюдать и исполнять? и доказывай, что покойники именно то соблюдали и исполняли, что требовалось ихъ званіемъ и состояніемъ [4]). Побужденія такого „доказыванія“ совершенно понятны.

---

[1]) Руковод. для сельск. паст. 1869 г., стр. 628—634.; ср. Руковод. для сельск. паст. 1875 г., стр. 322—324; Порфир. Исторія русской литературы т. I ч. 2, стр. 621—635; Сумцовъ. Кіевск. Стар. 1884 г. № 2 и 3 и др.

[2]) Ibidem.

[3]) «Изъ слова на св. великомуч. Георгія, говоритъ Голятовскій, ты можешь составить другое слово на св. Димитрія, Прокопія, Евстафія и др. мучениковъ; та же будетъ тема; тотъ же экзордіумъ, та же наррація и конклюзія; только тамъ, гдѣ я говорю о св. Георгіѣ, ты называй Димитрія, Прокопія и др.».

[4]) Ключъ, л. 521—523.

Это общее, какъ во Франціи, такъ и въ Польшѣ—отыскиваніе популярности. Въ Польшѣ проповѣдники, ради популярности, усматривали во всемъ свѣтѣ, старомъ и новомъ, въ Палестинѣ или Турціи, Римѣ, Греціи—польскіе обычаи, порядки и особенности [1]). Во Франціи—героевъ классической древности изображали королевскими придворными съ ихъ утонченными манерами. Въ южной Руси, находящейся подъ сильнымъ впечатлѣніемъ судовъ, польская судебная практика переносилась въ область абстракцій. „Христе Спасителю"! такъ заключаетъ Антоній Радивиловскій слово на день Іоанна Богослова, „когда изъ сей плачевной юдоли мы будемъ присылать къ Тебѣ молебныя *жалобы*, пріими ихъ въ твою небесную *канцелярію, запиши* въ *книги* живота вѣчнаго, утверди *печатью* Твоею, св. Іоанномъ, чтобы, ставши предъ *судомъ* Твоимъ, и имѣя *при своихъ жалобахъ* Твою *печать*, мы могли-бы получить себѣ *надлежащую справу*, и по Твоему Божественному *декрету*, достигли бы царствія Твоего небеснаго [2]).

Имѣя въ виду, что нравственно-назидательный элементъ въ проповѣдяхъ былъ незначителенъ [3]), съ другой стороны,—что бытовыхъ условій жизни проповѣдь касалась мало [4]), мы имѣемъ основаніе думать, что въ области южно-русскаго общественнаго самосознанія аристократическія тенденціи, понимаемыя въ смыслѣ образованія и благородства, играли крупную роль. Если обратить вниманіе на духовенство, то увидимъ, что въ то время какъ общественные интересы оно затрагиваетъ только вскользь [5]), къ богословско-полемическимъ вопросамъ оно обнаруживаетъ чрезвычайно напряженную чувствительность. Когда въ 1668 г. въ Вильнѣ вышло сочиненіе іезуита Павла Боймы—„Stara wiara, albo jasne pokazanie, iż ci, co w dysuniej

---

1) Bartoszewicz. Historya literatury polskiej., str. 369—370.

2) Огродокъ Маріи Богородицы, стр. 568 и 58.

3) Сумцовъ. Іоанникій Голятовскій. Кіевск. Стар. 1884 г. № 2 стр. 191.

4) Сумцовъ. Кіев. Стар. 1884 г. № 3, стр. 565—588.

5) Ibid.

trwaią, starey wiary nie maią",—Барановичъ писалъ Гизелю: „спорный вопросъ, поднятый Боймой, не такой пустой, чтобы православные могли безъ вреда для себя не отвѣчать на него, потому что онъ явно упрекаетъ насъ, будто у насъ *не много такихъ, которые умѣли-бы разсуждать правильно*". Посылая въ 1670 г. Софоновичу первую часть своей „Новой мѣры", Барановичъ просилъ въ письмѣ Софоновича, Гизеля и всѣхъ игуменовъ „пересмотрѣть этотъ ночей стоившій трудъ" и „приложить своего огня, если у кого есть что-либо древнее, достопримѣчательное, то вынуть изъ ноженъ мечъ и сразиться съ Боймой"... [1]) Въ этомъ воззваніи мы видимъ, насколько духовенство оберегало свои интересы. Если къ этому прибавить, что проповѣдь составляла главное выраженіе литературной дѣятельности южной Руси, при церковномъ характерѣ образованія,—и что остальная литература, заключающаяся въ поздравленіяхъ и виршахъ, за исключеніемъ безстрастныхъ поэтовъ, прославляющихъ церковныя событія, направлялась къ царямъ и „высокопоставленнымъ" лицамъ, то характеръ южно-русской литературы обрисуется довольно ярко. Обнаруживая, съ одной стороны, складъ южно-русской аристократіи, съ другой—отстаивая классовые права подъ ферулой общеправославныхъ стремленій, она проявляла ту же обособленность партійныхъ или сословныхъ интересовъ, какъ во Франціи и въ Польшѣ. „Исторія южно русской науки и литературы второй половины XVII вѣка, говоритъ Сумцовъ, свидѣтельствуетъ, что научный прогрессъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ самое плодотворное проявленіе умственной дѣятельности, если онъ не основывается на національной почвѣ и не вытекаетъ изъ всеобщаго, общественнаго и народнаго, прогресса національнаго". Такой приговоръ совпадаетъ съ нашимъ выводомъ, но только одной половиной. Какъ справедливо указалъ Житецкій въ своемъ сочиненіи—„Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія

---

[1]) Кіевск. Старина 1884. № 3, стр. 566.

въ XVIII в.“ [1]),—южно-русская рѣчь не была въ рабскомъ подчиненіи книгѣ; она обнаруживаетъ мѣстами очень близкую связь съ національными особенностями современнаго языка. Слѣдовательно, разрывъ съ національностью—сомнителенъ. Но съ другой стороны, этимъ далеко не доказывается живость и чуткость южно-русской литературы къ современнымъ общественнымъ интересамъ,—и филологическая экспертиза Житецкаго, стремящаяся доказать и этотъ тезисъ [2]), какъ бы глубоко ни проникала въ морфологію и физіологію языка, остается конечно не убѣдительною тамъ, гдѣ дѣло касается соціально-политическаго направленія стремленій литературныхъ дѣятелей той или другой эпохи. Жизнь среди народа, гдѣ демократическія интересы иногда одерживали полную побѣду надъ аристократіей, заставляла прислушиваться и приглядываться къ этому дикому, но сильному демосу, волны котораго порой бурно вздымались противъ аристократическихъ тенденцій, смывая и сглаживая съ лица земли вельможныхъ пановъ. Считаться съ народнымъ впечатлѣніемъ было необходимо, по той простой причинѣ, что отъ него часто зависѣла сила и значеніе. Но снисходя къ народу въ оборотахъ рѣчи, литературные дѣятели этого времени далеко устранялись отъ него въ выборѣ литературнаго матеріала, полагая книжностью содержанія грань между интеллигенціей и народомъ.

Отсутствіе живого общественнаго интереса и здѣсь выражалось въ такихъ же рѣзкихъ формахъ, какъ и въ Польшѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее стихотвореніе записи XVII в. [3]).

---

[1]) Кіевская Старина 1888 г. №№ 1—9 и 12.

[2]) Кіевская Старина 1888 г. № 12., стр. 410—412. «Можно ли утверждать, говоритъ Житецкій, что представители южно-русскаго просвѣщенія были равнодушны къ тому, что внесъ и вноситъ народъ въ христіанское вѣроученіе изъ своей національной жизни? Можно-ли сказать, что они стояли въ сторонѣ отъ этой жизни, какъ посторонніе зрители грозныхъ и многознаменательныхъ событій ея»?—

[3]) В. Перетцъ. Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII в. Извѣстія отд. рус. языка и слов. И. А. Н. 1899, т.

Середъ поля шырокого церковка стала,
Тамъ попадья до церкви людій звабляла.
Пшышлы люде до церкви Богу ся молыты,
А попъ пошедъ до корчмы горилочку пыты.
Пошлы люде до корчмы попа выбавляты:
„Пора тоби, батюхно, обидню спиваты.
„Чы забылъ си, батюхно, що недиля нынн?
„Быты чортомъ, не попомъ, пасты тоби свыни.
Тамъ попадья передъ людьмы попа оскаржала:
„Ещемци я таковего бачка не выдала,—
„Препилъ рызы и патрохель, къ тому вси уберы,
А до того все домовство, коныкы и волы".
Тамъ попадья просыла, щобы попа былы;
Былы попа кіямы, обухамы былы.
Былы попа кіямы, былы обухамы,
Казалы му утикаты до церквы зъ кныгамы.
Попъ, утикаючы, зронилъ черевыки—
Обадва му зъ ногъ спадалы, бо были велыки.
„Змылутеся, мужове, пустите зъ душою,
„Не розлучайте вы мене зъ мдю попадёю!
Да не буду, не буду до корчмы ходыты—
Буду за васъ и за себе Бога се молыты" [1]).

Въ представленномъ очеркѣ мы хотѣли показать, что характеристическія черты польскихъ и южно-русскихъ литературныхъ теченій обусловливались переживаніемъ особаго момента соціальнаго развитія,—момента практическаго разрѣшенія вопроса объ отношеніи интеллигенціи къ народу, который стоялъ на очереди и въ современной европейской цивилизаціи. Понятно,

IV, кн. 3 стр., 895. Печатаемъ ихъ не въ польской, а въ русской транскрипціи.

[1]) Насколько глубоко проникла эта слабость въ малорусское духовенство и народъ, можно видѣть у Голубева и Перетца; см. Малор. вирши и пѣсни въ зап. XVI—XVIII в. Изв. О. Р. Я. и С. т. IV, кн. 3 895—896.

что при слабой государственной регламентаціи общественныхъ отношеній въ Польшѣ и въ южной Руси, этотъ моментъ соціальнаго броженія выражался въ болѣе рѣзкихъ формахъ и привелъ къ болѣе чувствительнымъ результатамъ, чѣмъ во Франціи или другой европейской „державѣ“.

П. Гавриловъ.

НА ЗЕЛЕНЫЙ КЛЫНЪ!

Комедія у 5 діяхъ.

ДІЕВИ ЛЮДЕ:

Я к и в ъ—селяныпъ, рокивъ 80, балакае зъ прыдавцемъ, разъ-у-разъ люлька въ зубахъ.

Г н а т ъ—зять ёго—прыймакъ.

К у л ы н а—дочка Якова, жинка Гната.

Н о с ы к ъ—селяныпъ, рокивъ 75.

М ы х а й л о—школяръ, унукъ Носыка.

Т р о х ы м ъ—парубокъ, молодый Марьи.

С о х в і я—удова.

Г а н н а } —дочкы іи.
М а р ь я }

Я в д о х а—жинка, литъ 40.

И в а н ъ И в а н о в ы ч ъ—пысарь.

В о р о т ы л е н к о—прыстаркуватый парубокъ,—недавно повернувся въ село зъ мандривкы.

К и н д р а т ъ—парубокъ, молодый Ганны.

С т а р ш ы н а.

Д е с я ц ь к ы й.

Л ю д е.

Ж и н к ы.

Д и в ч а т а.

О н у х р і й—наймытъ, пастухъ Гнативъ.

Діется за нашыхъ часивъ.

ДІЯ І.

Биля Яковои хаты, у садку. На першимъ пляни: справа—прычилокъ Гнатовои хаты, посередыни ворота,—за нымы черезъ кинъ—лиса, у якій колодязь. За лисою садокъ и частына двора. По предкону справа до лива—прохидъ, вулыця.—День.

Ява I.

Воротыленко та люде.

Вор. Вирьте Богови, кажу вамъ по правди, по чыстій совисти: гиршого жыття, якъ тутъ, ниде немае... Разъ—тысненіе.

1 чолов. Про тысненіе ничого вже й казаты...

Вор. Вдруге—убожество...

2 чолов. Сами злыдни—куды не подывышся.

Вор. А дали братця, вирьте по совисты, буде ще тиснише, ще скрутнише...

1 чолов. Вже-жъ не якъ: мыру намножытся, а земли не прыбавытся.

Вор. Того-жъ я васъ и прысоглашаю теперъ выходыть на Зеленый Клынъ. Перебувавъ я на своему вику по рижныхъ краяхъ,—надывывся, якъ, де нашъ братъ-мужыкъ жыве—та кращого мисця за Зеленый Клынъ не бачывъ. Про той Клынъ и въ кныжкахъ пышуть, и въ газетахъ поблыкують; адже, якъ звистно, братця, наши мужыкы—темный народъ: ти кныжкы до ныхъ не доходять.

1 чолов. Що зъ тыхъ кныжокъ? Отъ, якъ ты своимы очыма бачывъ, розсказавъ намъ, напутывъ насъ, такъ мы теперъ и розибралы, якый то Клынъ, та якъ до ёго дійты.

2 чолов. Зразу 20 посемействъ згодылысь иты.

Ворот. 20 посемействъ выйде, а бильша частына селянъ зостанется тутъ, у цёму тысненіи, у цій бидности. И, вирьте Богови, болыть моя душа за ныхъ.

1 чолов. Сами вынни...

2 чолов. Боятся, бачъ, рушать, остерегаются...

Вор. Неймовирный народъ! Все боятся, що ихъ одурять та що до лыха прызведуть... Ну... яка, сказаты, корысть мени обманюваты людей? Хай-бы сказалы: «бачъ, людей пидмовляе, а самъ зостается!» А то-жъ я першый спродався, першый взявъ билетъ. Була поганенька хатына, бувъ клаптыкъ грунта, и те продавъ. Може мени и гирко було продаваты, може не одну слёзу зморгнувъ, якъ побачывъ, що новый хазяинъ увійшовъ въ мою оселю.

1 чолов. Кому не шкода свого кутка покыдаты? Хай вже Господь того покарае, хто прызводыть людей до такого горя.

Вор. (*звертаючысь до Ивана*). Ну, чого напрыкладъ тоби, Иване, не выйты зъ трёма сынамы на Зеленый Клынъ? Невже не обрыдло доси купованымъ хлибомъ дитей годуваты та якому-небудь Гнату за упругъ земли передкы цилуваты?

1 чолов. Боже сохраны! Одъ самого Гната треба безвисти тикаты!..

2 чолов. Розорывъ людей въ край!

3 чолов. Треба-жъ було зъ когось потягты ти грошi, що винъ за 6 рокивъ въ банкъ наскладавъ.

1 чолов. Хиба-то винъ грошi у банкъ клавъ? То винъ нашъ кривавый питъ на проценты оддавъ...

Люде. Правда! правда!

Вор. Сами вынни, братця! Якъ такы можна допустыты, щобъ одынъ чоловикъ, одна душа—570 десятынъ въ свои рукы захопыла!

Люде. Вроди за уповномошного, щобъ винъ роспытався про цину, строкы та рижни умовы...

1 чолов. А винъ найнявъ всю землю на свое имья... Отъ теперъ винъ и замышляе всимъ селомъ, якъ схоче...

Ворот. (*до Ивана*) Бачъ, Иване! Циле обчество не вдіе ничого зъ Гнатомъ, а ты зостаешся у такому пекли. Выходь, брате! Хочъ за-рады дитей выходь. Я тоби и купця знайду на твою земельку...

Иванъ. Купець тутъ одынъ—Гнатъ. Хочъ за-дешево, а купыть. Не объ тимъ я клопочуся, не того я боюся.

Вор. Не бійся ничого! По правди, по чыстій совисти кажу тоби: гирше, чымъ тутъ, жыття, ниде немае.

Иванъ. Воно-то такъ... не медъ тутъ пьемо, а, бува, ще у гирше вскочу?

Олексій (*що ввесь часъ слухавъ пыльно розмову Вор. зъ Иваномъ*). А чы не помандруваты, хлопци, и меня зъ вамы?

1 чолов. Иды, иды, Олексію! Краще буде, чы ни, а гирше не буде.

2 чолов. И въ пекли гирше не буде: незабаромъ Гнатъ чысто задавыть.

3 чолов. Теперъ вже насъ не задавыть—не досягне на Зеленый Клынъ.

Олек. Я охочый теперъ иты, такъ баба не хоче...

Вор. „Пытай бабу про борщъ, а не про дощъ!"

1 чолов. Баба щось тямыть!..

2 чолов. Не слухай бабы!

Ворот. Якъ ты пидешъ, то и меньчый твій братуха, и буде родына на новому мисци. Не бійся ничого,—кажу тоби по правди, по чыстій совисти: я той Зеленый Клынъ и вдовжъ, и впоперекъ сходывъ—знаю, де-якый струмочокъ протикае, де-яка рослына проростае. А степу того, степу—якъ море!

Люде. Иды, Олексію! Не слухай Ивана! то така людына, що и батькови ридному виры не пойме...

Иванъ. А вже-жъ и батюшка умовлялы вчора людей не выходыты.

Люде. Ще-бъ панъ-отець прысоглашавъ людей выходыты? Зъ чого винъ и жытыме, якъ никого буде ни хрыстыты, ни ховаты?

Вор. Батюшци велыкый уронъ выйде видъ того, що парафія зменьшытся—ничого ёго и слухать, а мени яка корысть обманюваты васъ?

Олек. (*до Вор.*). Такъ Гнатъ згодытся, кажешъ, купыть мою землю?

Вор. Ку́пыть, ку́пыть!

Олек. Скилько тоби завдатку давать?

Вор. По 3 карбованця видъ чоловика, та по 1 карбованцю видъ дытыны та бабы.

Иванъ. Куды-жъ воно ци гроши пидуть? Воротыленку за клопоты, чы що?

Вор. Мени? Хиба на мени хреста немае? Я свои кревни гроши выстрачую на маркы, а то-бъ я схотивъ зъ людей брать за клопоты...

1 чолов. Винь тыхъ грошей переславъ на Зеленый Клынъ мабудь чы не зъ-тысячу?

Ворот. Вирьте совисти: пивъ-скрыни самыхъ квыткивъ зъ почты...

Олек. Ось на 3 карб. за мене, 2—за дитей, а 1 карб. за бабу (*дае*).

Ворот. Я тоби сёгодни и росписку дамъ...

Люде. Отъ и слава Богу,—ще одынъ йе... Иды бо й ты Иване!

Иванъ. Ни, мабуть.

Вор. Неймовирный чоловикъ. Тоби хочъ прысягайся, хочъ божыся—виры не поймешъ! Хто-жъ я тоби такый? обманщыкъ? твоею троячкою хочу пожывытысь?..

Люде. Вольному воля... Може ёму Гнатъ золоту труну справыть... (*Иванъ ображеный иде геть*).

Ворот. Вы вже, братця, дайте Гната на мою ручъ: я зъ нымъ побалакаю! Я ёму прыгадаю вси мошенства,—якъ винъ

прыбывся сюды рубець на рубци и якъ шахрайствамы насмоктався нашои крови.

Люде. На тебе вся надія.

Ява 2.

Ти-жъ и Якивъ.

Якивъ (*выходыть зъ хаты*). А що, бисъ вашому батькови, дошкулылы, оводы? напала дроковыця? Мабудь и я старистью задеру хвистъ та подрочуся за вамы ажъ на Клынъ!

Вор. Вамъ, диду, и тутъ добре: маете свій кутокъ, свій шматокъ, ще й людямъ пособляете!

Якивъ. Сто купъ чортивъ твоему батькови зъ твоимъ шматкомъ та куткомъ! За тымъ зятькомъ собачымъ вже и мени неможна на свити жыты.

Ворот. А на вищо ёму волю далы? Чому спочатку не прыкрутылы?

Якивъ. Хай ёго нечыста сыла скрутыть. Хиба я знавъ, яка сатанюка въ ёму сыдыть? Колы вже мыръ, обчество не вдіе ёму ничого, такъ куды вже мени одынокому злыгаться зъ нымъ! Навыдурювавъ въ мене векселивъ, сто купъ чортивъ ёго батькови, заграбывъ мою батькивщыну у свои рукы—незабаромъ и мене зъ хаты выжене.

1 чолов. Вамъ того не буде, а намъ и теперъ жыття немае.

2 чолов. За 6 рокивъ ёго аренды—чысто хазяйства збулыся...

Якивъ. Попсувавъ людське жыття, якъ той шашель поточывъ, щобъ ёму червы утрунокъ поточылы... треба тикать звидсиль, та й край!

Люде. Отсе и тикаймо, диду! На край свиту тикаймо—спасыби Воротыленку, що напутывъ насъ...

Ява 3.

Ти-жъ и Гнатъ та пысарь.

Гнатъ. Здорови булы, господа переселенци! По диламъ якымъ до мене?

Вор. Дило наше коротеньке, Гнату Трохымовычу...

Якивъ. Не велычай ёго, сто купъ чортивъ ёго батькови, по батюшци...

1 чолов. Цытьте-бо, диду, хай Воротыленко каже.

Вор. Якъ тоби самому звистно, люде ци выходять на переселеніе и имъ та земля, що воны наняли у тебе, безъ надобности.

Гнатъ. Воны вже ту землю передалы другымъ арендаторамъ.

Вор. Передалы, и нови арендаторы тоби вже и задатокъ внеслы.

Гнатъ. Ну?

Вор. Такъ ось люде прохають твоеи ласкы, щобъ ты имъ повернувъ по 4 карбованця видъ десятыны, що тоби воны внеслы впередъ за аренду.

Гнатъ. Грошей я не верну.

Ворот. А мы такъ думаемъ, що ты, якъ совистный чоловикъ, не схочешъ двичи зо одну и ту-жъ десятыну брать.

Гнатъ. Дурень думкою багатіе!

Ворот. Гнате Трохымовычу! Громада тоби не дурень!

Якивъ. Ачъ! чортъ-бы вбывъ ёго батька! Оголывъ, обибравъ людей, та ще й лается!

1 чолов. Цытьте, диду!

Вор. Ты, Гнате Трохымовычу, послухай, що я тоби скажу по правди, по чыстій совисти. 6 рокивъ тому назадъ люде выбралы тебе за уповномошного, бо ты доводывся зятемъ Якову.

Якивъ. А, щобъ винъ не диждавъ, сто купъ чортивъ ёго батькови!

Пысарь. Вамъ, диду, може тутъ и дила немае?

Якивъ. Матери твоій ковинька! Тоби чы й е, чы немае дила, а я—тутъ хазяинъ! Я, якъ схочу, то утру носа твого кырпатаго! Мій зять обмошеннычавъ все село, нанявъ на свое имья ту землю, що селяне доручылы ёму наняты для всёго обчества, та ще мени и дила немае?

Люде. Погодить трохы, диду!

Якивъ (*махнувъ рукою, иде въ хату*).

Ворот. Невже ты, Гнате Трохымовычу, завладившы 570 десятынамы и совисть загубывъ?

Гнатъ. Я загубывъ? А ты мабудь знайшовъ іи? Ха! ха! ха! Гляды лышень, щобъ ты зъ тымы троячкамы, що зъ людей збираешъ, часомъ и головы не загубывъ!..

Пысарь. Це вы напрасно конфузыте чоловика: винъ на гроши роспыскы дае...

Вор. Я на ти троячкы роспыскы даю, а ты взявъ за 570 десятынъ 2000 карбованцивъ, та жодного документа не давъ...

Люде. Правда, правда! Воротыленко хочъ и бере гроши, такъ роспыскы дае...

Гнатъ (*передражнюючы*). Роспыскы, роспыскы!..

Пысарь. Роспыскы по хворми...

Гнатъ. А я не хочу ни роспысокъ давать, ни грошей вертать. Я не сылувавъ никого землю брать, не сылувавъ и теперъ кыдаты: схотилы — взялы; не схотилы — покынулы, побиглы за Воротыленкомъ на Зеленый Клынъ—мени ще краще.

1 чолов. Бодай тоби такъ хотилось помирать, якъ намъ хочется кыдать свои нывы! Горе, лыхая годына та недостаткы женуть насъ на той Клынъ!

Гнатъ. Чого видъ моеи души вамъ треба? Грошей я вамъ не верну, бо по закону задатку я не повыненъ вертаты. Не гайте мене, бо мени ще скрутнишъ, нижъ вашому Воротыленку зъ ёго троячкамы. (*До пысаря*) Выймайте, Иванъ Ивановычъ папиръ та пышить завдаточну Матвію.

Олексій. Я здатенъ продать тоби мою ныву.

Гнатъ. Огъ и добре. Иды-жъ сюды! Пышить-же Иванъ Ивановычъ, поперед запродажню Олексіеви... Кулыно, несы 2 дзыглыкы! (*Кулына выносыть*).

Гнатъ. Пышить, та й проказуйте, щобъ и мы зъ Олексіемъ чулы... (*Сидае, за нымъ сидае пысарь. Олексій выступае до столу. Люде стоять зажурени*).

Пысарь (*почынае пысать*). 1899 года, апрѣля 8 дня, я ныжеподпысавшыйся...

Я к и в ъ (*выходе зъ хаты*). Чого вы стоите на ногахъ, щобъ воны вамъ посохлы! Антыхрысты сыдять, а воны стоять.

1 ч о л о в. (*до людей*). Якъ, хлопци? Будемъ сидать, чы будемъ тикать?.. (*Люде мовчать зажурени*).

П ы с а р ь. Олексій Гаврыловычъ Горленко...

2 ч о л о в. Ты, Гнате, намъ хочъ по 3 карбованця верны.

П ы с а р ь. Продаю свій участокъ земли...

1 ч о л о в. Визьмы, Гнате, по 1 карб. одъ десятыны, а ти намъ верны...

П ы с а р ь. Находящейся въ урочищѣ...

В о р о т. Люде прохають тебе вернуть имъ по 3 карбованця.

П ы с а р ь. Мѣрою, примѣрно одна десятына.....

1 ч о л о в. Хочъ-бы по 2 карбованця вернувъ.

В о р о т. Явы божеську мылость—верны, Гнате Трохымовычу, хочъ по 2 карбаванця: имъ путь далекый—кожна копійка у прыгоди стане.

П ы с а р ь. Помежныкы сёго участка—земля крестьянина...

Я к и в ъ. Чы ты оглухъ, щобъ тоби позакладало, чы онимивъ, щобъ тоби заципыло... Чого ты сыдышъ, щобъ ты камнемъ сивъ нерухомымъ,—чого людямъ не видмовляешъ ничого?

П ы с а р ь. Кузьмы Тарасовыча Грушкы—зъ одной стороны...

Я к и в ъ. Заплюйте оттій собаци дворовій, отому голодранцю, тому прыймаку собачому очи та ходимте до Земського правды шукаты...

Л ю д ы. Ходимте, братця!

В о р о т. Може ты такы, Гнате Трохымовычу, надумався?

Г н а т ъ. Мидного шага не верну!!!

Я к и в ъ. Хай-же ти мидни шагы тоби болячкамы повыступаютъ! Ходимте до Земського! Иды и ты, Олексію, зъ намы!

О л е к с і й. Хай, мабудь, моя купча пидожде. (*Идуть*).

Ява 4.

Гнатъ та пысарь.

Г н а т ъ. Невже воны пидуть до Земського?

Пысарь. Безъ вниманія...

Гнатъ. А може йе такый законъ, що я повыненъ вернуты?

Пысарь. Никотораго закону. Задаточна сумма вполни прыпадлежитъ вамъ, хоча наемъ и не состоявся. Окромя того, воны не пійдутъ, бо Воротыленко ихъ не допустыть.

Гнатъ. Не допустыть? Гм... и що воно за людына, отой Воротыленко? Морока ёго розбере! Иноди я слухаю ёго та тилько дывуюсь самъ соби: яка ёму охота оттакый клопотъ на себе брать, яка ёму корысть зъ тыхъ переселенцивъ? А иншый разъ, якъ зазырну ёму у вичи, якъ подывлюся, якъ ти очи бигають и сюды, и туды, ажъ до неба пидводятся, такъ и не те подумаю.

Пысарь. Да... чоловикъ—що орихъ: роскусы спервоначалу, а потомъ и скушай....

Гнатъ. Отъ-же люде ёго слухають. Вчора я такъ, на смихъ сказавъ Воротыленку: „набираешъ новобранцивъ, а Олексія и не пидмовышъ", колы вже сёгодня Олексій земельку продае—мабуть походывъ Воротыленко вчора биля ёго.

Пысарь. Да, да... вамъ зъ переселенцивъ достаточна польза. И особенно, ежели вы познакомитеся краще зъ Воротыленкомъ. Не совитую вамъ зъ нымъ сварытыся.

Гнатъ. 20 десятынъ земли, та 2 грунта прыкупывъ—онъ якъ! Ще колы-бъ Иванову нывку... я вже Воротыленку натякнувъ на Ивана.

Пысарь. Да, да... для денежнаго чоловика переселенци выгодна штука. Уменьшится, правда, народонаселенія!

Гнатъ. То що? абы корыто, а свыни будутъ. А знаете, Иванъ Ивановычъ, яка теперъ мени въ голову думка засила? Не одгадаете? Сохвіину леваду купыть!

Пысарь. Не продасть!

Гнатъ. То-жъ то и горе мое, що не продае. Вже я прохавъ, вже я умовлявъ—не вдію нычого, уперлась: „не продамъ своеи матерызны", та хочъ ты іи печы—одно товче... А я безъ тіи левадкы, якъ звязаный: кругомъ куплени грунты, а посередыни—ота левада!

Пысарь. Да... выходыть, земля не по хвормы.

Гнатъ. То-жъ то йе! Думавъ вже я, думавъ,—цилу ничъ продумавъ, та ничого и не прыдумавъ. Може вы що-нѐбудь прырозуміете? Вы на те мытець! Ось подумайте: якымъ-бы чыномъ оту капостну бабу звидсиль подали? Я вже хотивъ Воротыленку слово закынуты, 25 карбованцивъ не пошкодую, ій Богу.

Пысарь. Трудненько! Отъ, колы-бъ іи на Зеленый Клынъ.

Гнатъ. Тю... у! Зъ 6 дочкамы? Що се вы?

Пысарь. Трудненько! треба подуматы... Одначе, я думаю, возможно...

Гнатъ. Ну?

Пысарь. Праве слово, возможно.

Гнатъ. Голубчыку! Повирьте: проклята левада у печинкахъ сыдыть—черезъ неи вся земля не по хвормы...

Пысарь. Да, правыльной, стало буть, хвормальности не иміется...

Гнатъ. То-жъ то йе! Якъ на мою натуру, то я здатенъ и 30 карбованцивъ вамъ за труды дать.

Пысарь (*протягуе руку*). Иде! 30 карбованцивъ та могорычъ.

Гнатъ. О? Вже щось надумалы. По очахъ бачу, що надумалы! Ну й голова! Ну й голова! Покы до могорычу, пропустымо по чарчыни заразъ... За-для хвантазіи? Идёть? (*Пишлы въ хату*).

Ява 5.

Марья (сама).

Марья (*выходыть зъ видрамы до колодязя*). Никогисинько.. (*озырается*)... Отъ-бы! А ёго нема! (*Выгляда*). Казавъ, що буде йты поузъ Гната.. И, Господы, якъ я ёго кохаю!.. А винъ?... (*замыслюется*) Дурна я проты ёго... Винъ—то про кныжкы, то про людей... то про таке, що й не второпаю... А запальный, ажъ кыпыть... Ой, Господы, Господы! (*По паузи тыхо спива, а дали смилывище*).

Зеленая лищынонько, чомъ не горышъ та все курышся?
Ой, молодая, та дивчынонько! чого плачешъ, чого журышся?
Якъ бы-жъ я була сухою, я-бъ горила,—не курылася:
Ой, якъ бы знала, що за нымъ я буду,—не плакала-бъ и,
не журылася!

Ява 6.

Марья и Трохымъ.

Трохымъ (*пидкрадается*). Чы ба! Онъ хто? А я соби думаю, якый-то соловейко не въ пору!

Марья. Трохыме! Голубчыку!... А я все ждала...

Трохымъ. Задéржалы...

Марья. Уси до тебе, и ты до всихъ!.. а до мене й часу нема...

Трохымъ. Ремствуешъ? Якъ-бы я на баловство яке часъ тратывъ, чы тамъ на яку втиху... ну, то ще-бъ нарикаты можна, а ты сама знаешъ, що всяке обчеськé лыхо мене за печинкы бере...

Марья. Такъ те-жъ лыхо не свое, а чуже...

Трох. Не говоры такого: не чуже, а свое! Хиба-жъ селяне не ридни намъ? Одно обчествó, одна симья... Тилько разомъ, дружно и можна видъ напастныкивъ боронытысь... Та й то визьми: колы сусидня хата горыть, то треба іи гасыты, а то за нею пиде й все село...

Марья. Господы, якый ты розумный!.. А тилько-жъ и мени хочется зъ тобою постояты, побалакаты... бо такъ нудно...

Трох. Ни! Ще може й обрыдну... адже-жъ цилый викъ будешъ зо мною балататы, якъ Богъ поможе...

Марья (*прыпада*). Не обрыднешъ! Зотлію видъ щастя!

Трох. Зозулько моя! (*Обнима*).

Марья (*лукаво*). А Ганна вже подала рушныкы... Такъ маты казалы, щобъ ждалы другои пары... Щобъ разомъ весилля.

Трох. То чы не засылать сватывъ и мени,—якъ думаешъ?

Марья (*соромлыво*). Це-жъ тоби думаты?.. Я тилько кажу, що маты-бъ теперъ охитниши...

Трох. Ну, такъ я заразъ и пиду...

Марья. Постій-бо ще... Хочъ хвылынку...

Трох. Краще урваты хвылынку на дило: до матери, до старостивъ... щобъ заразъ... та ще онъ про того вертыхвоста роспытать: збунтувавъ циле село и зъ пысаремъ щось шахрують... Ну, я—не я, колы не досвидчу цёго мошенства!

Ява 7.

Ти-жъ и Явдоха.

Явдоха. Ахъ, голубьята... злетилысь до крыныци побуркотаты...

Трох. Це я пытавъ, чы маты іи дома?

Явдоха. А може й мени зайты слово закынуты?

Трох. Що-жъ, будьте ласкави! (*пишовъ*).

Марья. Матери тилько до вечора дома не буде... (*Пишла зъ видрамы*). Не дзвонить, тилько, титочко!

Явдоха. Пары зъ вустъ не пущу... Я тилько до Кулыны на леваду... (*пишла черезъ ворота въ садокъ*).

Ява 8.

Якивъ, Носыкъ, Мыхайло.

Носыкъ. Эге, аге... и въ Святому Пысаніи сказано: „не мечить бисерю“...

Якивъ. Чортъ-бы вбывъ ёго батька, ничого не вдіешъ—пропалы людськы гроши. Воротыленко каже, що не вартъ и до Земського ходыты, бо и Земській не вдіе ничого. Тривай-же, сто купъ чортивъ твоёму батькови,—я тоби виддячу (*до Мыхайла*). Сидай тутъ на прызьби та пышы. (*Самъ сидае на колоди, курыть люльку*.

Носыкъ (*заходыть, показуе Мыхайлу другый дзыглыкъ*). Эге, эге... Ось дзыглыкъ, папиръ, ось перце, ось чорныло. Не хапайся, не поспишайся!

Якивъ. Почынай!

Носыкъ. Слухай, Мыхайлыку, пыльно слухай, та спысуй. (*до Якова*). Винъ у мене, хвалыть Бога, не-абы якый... эге, эге... грамота, чыстопысаніе, всячеськи наукы ёму у дило пишлы.

Якивъ (*нетерпляче*). Пышы. Одказую все свое имущество, всю свою худобу, писля смерты моеи, хрещеныци своій Ганни Тымохвіевни. Хай вона та диты іи пожывуть те, що я прыдбавъ за свій викъ. Хай вона бере и коривъ, и воливъ, и коня, и овець, и все те, що въ хати и биля хаты, а та дворова собака, мій зятёкъ, чортъ-бы вбывъ ёго батька...

Носыкъ. Ось слухай-бо, Якове,—не въ гнивъ тоби буде, що скажу: не годытся, не подоба у тастаменти своему духовному таки богомерзськи слова вжываты. Слово—тежъ гострый мечъ,—нымъ пронзаются серця.

Якивъ. Чіе серце? Оттого харцызныка; оттото катюгы? (*до Мыхайла*). Пышы дали: И одказую свое поле—15 десятынъ, свій синокисъ и гай свій хрещеныци моій Ганни Тымохвіевни, а тыхъ векселивъ, що выдурывъ у мене мій зять, Гнатъ, щобъ не зыскать, бо винъ самъ мошеныкъ, и ти векселі мошенськи, бо я грошей у ёго, голодранця поганого, ни колы не бравъ и не повыненъ виддаваты.

Носыкъ. Эге, эге... не повыненъ.

Ява 9

Кулына, а за нею Явдоха (надходять зъ-заду).

Якивъ. И я ёго проклынаю; и колы-бъ у мене не болилы ногы та поперекъ, то я-бъ ёго ще у вязныцю заперъ, бо прысягну, що то винъ колысь покравъ въ экономіи зализни зубкы зъ боринъ.

Кулына. Тату! Бога бійтеся; отаке запысуваты!

Якивъ. А дочци своій, Кулыни Яковлевни, запысую те, у чимъ стоить: щобъ не брала ни одежи, ни полотна, ни пряжи, бо вона тежъ нестоюща ничого.

Кулына. За вищо вы гниваетесь на мене? Чы мени змагатыся зъ чоловикомъ?

Якивъ (*до Мыхайла*). Пышы вже. Чы довго ты тамъ перевертатымешъ?

Носыкъ. Неможна такъ, погоды. Эге, эге... земелькою прытрусыть. (*Трусыть, обережно перевертае папиръ*).

Якивъ. Одпысую все хрещеныци своій, Ганни Тимохфіевни. Та щобъ ёго, отту дворову собаку, оттого прыймака бисового, щобъ до моеи труны не допускалы, бо винъ и до прычастія иде зъ цыгаркою въ зубахъ, и пятныци не держыть, якъ той бусурманъ поганый.

Носыкъ. Эге, эге... А ты, Мыхайлыку, не помыляйся, де „еръ", де „еры" та змягчай, змягчай.

Мыхайло. Адже я, диду, напысавъ: „пятьници не дерьжить".

Носыкъ. Эге... эге—по науци.

Якивъ. Чорты батька-зна що верзешъ. Пышы такъ, якъ я проказую: „пятныци не держыть".

Носыкъ. Безъ гнива, безъ серця...

Якивъ. Весь хлибъ, все борошно, що по кухвахъ та засичкахъ одпысую тежъ людямъ.

Кулына. То-бъ то вже намъ зъ голоду пропадаты (*плаче*).

Якивъ. А колы та прыблуда, та дворова собака пидъ тыномъ пропадатыме, то щобъ нихто шматка хлиба не подавъ. Такъ и пропысуй: Якивъ забороняе пособляты Гнатови, або годуваты ёго,—хай ёго червы такъ пойидять, якъ винъ людей йисть; хай винъ такъ по правди пропаде, якъ по правди жывъ; хай ёму отти проценты, що винъ зъ людей дере, болячкамы повыступають (*встае*). Оце и край! Давай духовну.

Носыкъ. Погоды, погоды, ще треба пидпысаніе зробыты и волостну печатку...

Якивъ. Ну, такъ ходимъ до волосты!

Кулына (*плачучы, йде въ хату*).

Явдоха (*наблыжается до дверей, щобъ пидслухаты, а колы почула, що йдуть, видскочыла и потягла до воритъ*).

Ява 10.

Явдоха, Гнатъ та пысарь.

Гнатъ (*у двери*). Ну, вже завела! Геть соби зъ своимъ батькомъ... тутъ дило, а тутъ тоби баба—не люблю!

Пысарь. Н-да... бабское дило особъ стаття... (*глянувшы*). А генъ и Явдоха!

Гнатъ. Це ты, Явдохо? Отъ и добре. А йды, иды сюды! Давно хотивъ я съ тобою побалакаты.

Явдоха (*наблыжаючысь*). Иду, иду, серденько. На вищо я тоби, голубе мій, здалася?

Гнатъ. А скажы мени: якъ ты на суди показувала?

Явдоха. Колы?

Пысарь. По дилу Кисленка та Гната Трохымовыча.

Явдоха. Мои голубьята! Я не була й на суди.

Пысарь. Якъ, не була? Оце штука! А кого я трычи за рукавъ сипавъ?

Явдоха. Такъ, такъ, була... вбигла на часыночку, та й побигла зразу до-дому, бо у мене саме хлибъ у печи допикався, а вже той святый хлибець, якъ передержышъ у печи...

Гнатъ. Такъ, такъ... балакай, замовляй зубы! Ты була на суди до самого кинця и показала, нибы-то не чула, щобъ Кисленко лаявъ мене.

Явдоха. Бо такы не чула, серденько! Не чула, хай я прахомъ розсыплюся передъ тобою, не чула! хай свята земля розступытся передо мною.

Гнатъ. Ты-жъ мени сама казала, якъ землю наймала, що Кисленко мене мыройидомъ называвъ.

Явдоха. Называвъ, называвъ, серденько. Що казавъ—то казавъ, того и таиты не хочу. Чы винъ мени братъ, чы винъ мени сватъ, щобъ я ёго покрывала?

Гнатъ. А дворовою собакою не называвъ?

Явдоха. И дворовою собакою, та ще скаженюкою, матинко, называвъ. „Нема, каже, жыття тому нещасному диду Якову че-

резъ ту дворову собаку"; „передушытб", каже „ота скаженюка всю громаду, все обчество".

Гнатъ. Ось бачъ!

Явдоха. А щобъ винъ тебе якъ лаявъ, або поносывъ.... такъ, хай я оце й до-дому не дійду, колы що чула. Не те що..., а хочъ запрысягну, хочъ Вангèліе зразу цилуватыму.

Гнатъ. Ты-жъ ось и теперъ кажешъ, шо винъ мене „скаженюкою" называвъ?

Явдоха. Называвъ,—не хочу й гриха на душу брать,—не хочу й брехаты. А щобъ винъ тебе якъ лаявъ...

Гнатъ. Пфу! Лыстопадна, оглашенна баба! Чуете, Иванъ Ивановычъ!

Пысарь (*ходыть весь часъ по кону, миркуючы про себе*). Не перебаранчайте, Гнате Трохымовычу, моихъ разсужденіивъ. Комбынація одна прыйшла въ голову.

Гнатъ (*до Явдохы, строго*). Якъ-же ты смила показаты на суди, що не чула, що винъ мене лаявъ?

Явдоха. Бо такы не чула, серденько! Хай мене завійна визьме, колы я що чула. Хай я святои недиленькы не дижду, хай мене свята пятинка покарае!

Гнатъ (*роспалывшысь*). Ты мени казала, що винъ мене и злодіемъ называвъ!

Явдоха. Обзывавъ злодіемъ, серце, обзывавъ. „Цей", каже „злодій середъ билого дня у обчества аренду выкравъ".

Гнатъ. Чого-жъ ты всихъ ёго сливъ та на суди не переказала?

Явдоха. Не пыталы мене, серце, то и не казала. Колыбъ мене запыталы такъ, якъ оце ты, поздоровъ тебе Боже, мене пытаешъ, то я-бъ и сказала. А то поклыкавъ тилько мене суддя, та й пыта: „Чы ты чула, що Кисленко Гната лаявъ?.." А я кажу: „ни", бо—хай мене посудомыть, хай мени хата згорыть, колы я опричъ цихъ сливъ, що тоби переказала, яку лайку чула...

Гнатъ. Лукава баба! Тоби Кисленко мишкомъ пшеныци вуха позакладавъ, такъ ты и не чула...

Явдоха. Охъ, мени горенько! Хто тоби це набрехавъ? Хай я передъ тобою прахомъ розсыплюся, колы брешу: одну-однымъ мирочку пшеныци насыпавъ, та й ту лопаткою счеркнувъ...

Гнатъ. Чуете, Иванъ Ивановычъ! Чуете, яке правосудіе? Миркою пшеныци купують соби свидкивъ!! А я-жъ тоби полтынныка зъ аренды за вищо збавывъ? Зарады того, щобъ ты за мене на суди руку потягла, а ты опъ якъ! Давай-же теперъ того полтынныка назадъ,—черезъ тебе я трохы не зостався на суди вынуватымъ.

Явдоха. Ты вынуватый? Крый маты Божа, Царыця Небесна! Того николы не було, и до вику не буде, щобъ ты зостався вынуватымъ. Мало у тебе заступныкивъ та порадныкивъ? Поздоровъ Боже Ивана Ивановыча—воны самы тебе зъ пекла вывволять!

Гнатъ. Иванъ Ивановычъ! Годи-бо вамъ бигать: послухайте, що Явдоха каже. Кумедія зъ нею, ось идить сюды! (*тягне Ивана*).

Пысарь (*осторонюючысь*). Дозвольте-бо, не перебаранчайте моихъ розсужденіивъ...

Гнатъ. Бачъ, яке правосудіе! Ну, йды! И-къ вечору,—щобъ булы гроши!

Явдоха (*идучы*). Розсердывся, розгнивався, а за вищо?

Гнатъ (*у слидъ*). И-къ вечору—гроши!

Пысарь. Тее... Дозвольте, Гнате Трохвымовычу! Одна комбынація! Авдотія Мыхайловна, вернится—сидайте! Вы, Гнате Трохвымовычу, зостаетеся пры своёму законному основанію сердытыся на свою сусидку, я-же—сторонній чоловикъ и даже одчасти благожелатель весьма поважаемои Авдотіи Мыхайловны.

Явдоха. Голубе мій! Я-жъ у твоеи сестры бабувала.— Такого гарненького хлопчыка пославъ їй Господь.

Пысарь. Достаточно знаю: це мій крещеныкъ. И вотъ въ благодарность за ваши труда хочу одкрыть вамъ одынъ секретъ. Тилько секретъ цей...

Явдоха. Не скажу никому, пидъ огнемъ, пидъ зализомъ мовчатыму. Ось Гнатъ сердытся на мене за те, що я на суди

мовчала, а я зроду така небалакуча. Въ мене и маты булы и весь ридъ такый... Я и небози своiй наказую разъ-у-разъ: „гляды, дочко!!..

Пысаръ. Про вашу небогу и ричъ моя...

Явдоха. Я согласна, согласна! Хай Богъ помагае. Якъ що парубокъ пидхожый, не ледачый, не пьяныця...

Пысарь. Конечно, конечно... тилько це описля. Теперъ скажить мени: вы свою небогу дуже любыте?

Явдоха. Боже мій! Де-бъ то не любыты? Що у людей по 6 ридныхъ дитокъ, та й то вопы въ ныхъ кохаются, а у менежъ вона одна одыначка, сестрына сыриточка,—души въ ній не чую. У неи заболыть пальчыкъ, а у мене—серце. У неи—голивонька, а у мене душа охолоне...

Гнатъ. Що це за розмова? И къ чому вона?

Пысарь. Сказавъ вамъ: комбынація (*до Явдохы*). А багацько втрачаетесь на неи?

Явдоха. Охъ! и не пытайте! Чы повирыте, мои голубьята, самыхъ спидныць цей рикъ на 3 карб. зносыла,—ось, щобъ я луснула, колы брешу. Колы-бъ моя воля, то я-бъ оти спидныци и носыть заборопыла.

Пысарь. Ну, я вамъ зразу пособлю, Авдотія Мыхайловна (*вытягае бумагу*). Бачылы цю бумагу?

Явдоха. Що-жъ воно за бамага!

Пысарь. Видгадайте!

Явдоха. Про спидныци.

Пысарь. Ни, краща... Далеко краща...

Явдоха. Про землю пидъ зализныцю.

Пысарь. Краща!

Явдоха. Охъ, моя матинко! Про кытаянцивъ!

Пысарь (*здывовано*). Про якыхъ кытаянцивъ?

Явдоха. Невже не знаете? Незабаромъ звидкилясь прывезуть багацько кытаянцивъ: на кожну хату по кытаянцю.

Пысарь. На-вищо?

Явдоха. Щобъ робылы. Тамъ-же, кажуть, таки робочи, таки хлиборобы, що кращыхъ не зискать, а йидци таки, що и за кошеня не зйидять... Та невже такы вы не чулы...

Пысарь. Ахъ! такъ, такъ... я и забувся... Адже ця бамага ще краше за кытаянцивъ...

Явдоха. Охъ, моя матинко!

Пысарь. Це не бамага, а щастя...

Явдоха. И, Господы!..

Пысарь. Тилько прохаю васъ, Авдотія Мыхайловна, ни слова никому не переказуваты. Це я вамъ тилько за-рады хрещеныка...

Явдоха. Та побый мене сыла Божа! хай передо мною земля розступытся... Моя и маты була, мій и ридъ увесь...

Пысарь. Достаточно знаю и покладаюся на васъ. Сидайтежъ та слухайте бамагу. Слухайте и вы, Гнате Трохымовычу, бо и вы не чулы сёго цыркуляра...

Явдоха (*сидае*). Моя й матинко, цвинкуляръ.

Пысарь (*чытае*). Конфинціальный, секретный правительственный циркуляръ и предписаніе волостному правленію Новинской волости за № 20 (*одкашлюется, чытае дали выразно. Гнатъ здывованный. Пысарь ёму моргае*). У выду того, що на Амурскій край, а равно и Зеленый Клинъ переселяется только мужескій полъ и при томъ въ вполни достаточномъ количестви и даже зъ излышкомъ, объявляется, що за недостаткомъ женьскаго полу изъ дивыць, присоглашаются туды на Зеленый Клынъ, дивыци зъ такымъ рощотомъ, що *за кожну дивыцю казна выдае родителямъ по сто рублей серебромъ*.

Явдоха (*сплескуе рукамы*).

Пысарь (*чытае*). А дивыци присоглашаются сочетаться *немедля* законнымъ бракомъ зъ вполни дасточными женыхамы, при чемъ дается имъ по 2 китаянця для всяческыхъ роботъ...

Явдоха. И, голубьята мои! Оттаке щастя!

Пысарь (*чытае*). У случаи-же зъ дивыцямы прибуде маты ихъ ридна, котра состоить у вдовстви, то женыхъ, окромя вышепрописанныхъ 100 рублей, обязуется пидпыскою при волостномъ правленіи давать вдовствующей свекруси ежемисячне пропитаніе и подобающе содержаніе въ одежи...

Явдоха. А кытаянцивъ свекруси вже и нема: хай сама робыть.

Пысарь (*дочытуе*). И по одному кытаянцю.

Явдоха (*зъ одчаемъ*). И, голубьяточкы-жъ мои! Про самыхъ дочокъ прописано, а про небогъ—ничого.

Пысарь (*ударяе себе по лоби*). Отъ тоби и разъ! Я и забувся, що у васъ дочкы немае. Ахъ, досада, досада!

Явдоха. Може воно можна зъ небогы на дочку перепысаты. Не дурно кажуть: „не то маты, що на свитъ породыла, а то, що выгодувала; а я-жъ за нею побывалася, я-жъ на неи утрачалася...

Пысарь. Ни, ни, це невозможно. Колы-бъ можна було, то-бъ я зъ своею сестрою та матирью всихъ своихъ небогъ вырядывъ.

Явдоха. А сестрыця ваши пійдуть?

Пысарь. Немедля.

Явдоха. Отtаке людямъ щастя: по 100 карбованцивъ, ще й по 2 кытаянци. Це, якъ-бы Сохвія дизналася...

Пысарь. О! я такъ и знавъ! Зразу побижыте до Сохвіи зъ секретнымъ циркуляромъ, и тоди я пропавъ: вона якъ рушыть зъ своима 6 дочкамы, то ни моій сестри, ни маминьци не буде мисця.

Явдоха. Боже бороны, щобъ я ій сказала.

Пысарь. Одже голову пидъ закладъ виддамъ, що скажете Сохвіи... У неи дивочои одягы до-ката, то вамъ зручно, щобъ вона спродувалася.

Явдоха. Нýжна мени іи одяга! У мене самои, абы носыла! Прощайте!

Пысарь. Глядить-же, прохаю васъ, про циркуляръ ни слова.

Явдоха. Ни, ни, ни! Никому! (*швыдко йде зъ кону повзъ хату*).

Ява 11.

Гнатъ та пысарь.

Гнатъ. Ха—ха—ха! Ажъ теперъ я розибравъ. Та й штуку жъ вы пидвелы.

Пысарь. Комбынація—ха—ха—ха! Я такъ и знавъ, що клюне! Побигла на село, и въ хату не зайшла... Теперъ можна и запыть циркуляръ...

Гнатъ. Зъ дорогою душею. У волость?

Пысарь. Резонъ!

Гнатъ (*рушають, обнявшысь*). Та й голова-жъ у васъ, Иванъ Ивановычъ, голова! Буде кумедія!

Зависа.

ДІЯ II.

Въ Сохвіиній хати.

Ява 1.

Де-килька дивчатъ, Ганна, Марья, Киндратъ.

Ганна (*вышываe молодому сорочку*) Киндратъ (*сыдыть повзъ Марью, зтыха перемовляется зъ нею.*) Марья (*прыбирае въ скрыни*). Дивчата (*спивають весильнои*).

Ой, матинко, та не гай мене!
Ой, матинко, выряжай мене!
Щобъ зи стежкы та не збыться,—
Одъ козака не згубыться.
Глянь, маты, на мій посадъ:
Вси друженькы у косахъ сыдять,
А що я-жъ не росчисана
Биленькымы рученькамы,
А що я-жъ не змывана
Дрибненькымы слизонькамы...
Бильше мене та не мытымешъ,
Билыхъ ручокъ не томытымешъ,—
Змые мене та свекрушенька,
Козакова та матусенька,
А заплете та зовыченька,
Козакова та сестрыченька!

Марья. Спивайте, спивайте, сестрычкы!

Дивка 1. Не спивается! Я, якъ згадаю, що вы обыдви замижъ идете, то такый жаль визьме, що наче й гласу не потягну.

Дивка 2. Оттакъ и мени досадно: и гулять, ій-же Богу, не хочется.

Дивка 3. Ни зъ кымъ-бо буде и гулять: найкращыхъ парубкивъ Воротыленко на Зеленый Клынъ позабирае, а дивчата замижъ повыходять.

Дивка 1. Горенько, якъ стане на сели сумно!

Киндратъ. Не довго сумоватымешъ—вже й до тебе заглядають староcты.

Дивка 2. Пидешъ у-осéны замижъ.

Дивка 3. Або на Зеленый Клынъ.

Дивка 1. Боже бороны! Батько булы разъ натякнулы про Клынъ, такъ мы зъ матирью якъ почалы голосыты на всю хату, такъ воны ухопылысь за голову, выбиглы зъ хаты, та одъ тіеи поры вже и не згадують про переселеніе.

Дивка 3. Попоплакала сёгодня и Мотря: вже Воротыленко умовывъ іи Олексія переселятыся.

Дивка 1. Хиба тилько сама Мотря плаче? Все село тужыть! Де-жъ? Жылы, жылы, стягалыся на хозяйствечко, не рикъ, не два за нымъ побывалыся, а теперъ у 2 тыждни спродатыся та иты у таку далечыну...

Дивка 2. Та куды не зайды—скризь руйно, клопитъ та журъ!

Марья. Тилько я и не плачу. Ну, що весело та хороше на серци, такъ и сказать не можу!! Ни такы, дивчата, вже я вамъ давно кажу: „я щастлыва", а вы все виры не ймете.

Ганна. Сказано: велыкого щастя зазнала на своему вику!

Марья. А хиба це не щастя, що я замижъ иду? Хиба-бъ мене маты виддала за Трохыма, колы-бъ твоему Киндратови не спалося на думку тебе посватать? До вику ни! Маты и плювалы, и крычалы, зъ хаты выганялы Трохыма, а якъ заславъ

Киндратъ старостивъ та засватавъ тебе, отъ воны зразу и розмиркувалы сами соби: якъ мается утрачатысь на саме Ганныне весилля, то краще за однымъ заходомъ здыхатысь и Марьи... Зразу сёгодня й згодылысь за Трохыма: «и хорошый, и прыгожый, и такый-сякый сыночку! Ну, и сватывъ прыннялы...

Дивка 1. Ну, и чудна ты, ій-же Богу.

Марья. А хиба неправда? Та колы-бъ трапылося на сей часъ ще 4 дурни, щобъ засваталы останнихъ сестеръ, то воны бъ зъ радистью вси шисть паръ за одынъ стилъ завелы. Не знаете матери! То-жъ такы шисть разивъ людей склыкаты, шисть разивъ частуваты, а то одынъ разъ утратытысь, та й край.

Ганна. Ну, й дурна, ну, й дурна! Ажъ крутытся! Невже отъ-тоби не прыкро, що тебе за моимъ короваемъ замижъ виддаватымуть?

Марья. Хиба мени не однаково, якъ те весилля одбуватымуть? Горилкы я не пью: чы два цебра, чы одынъ на мою пайку упаде—мени байдуже. Мена—абы швыдче замижъ.

Ганна. Ну, що такій дурци казаты? (*Дивчата сміются*).

Марья. Найпаче хочется мени молодиты. Якъ то хороше по селу у квиткахъ та кисныкахъ ходыты! А кругъ тебе дружечкы спивають. Та вси на тебе дывлятся, та вси тебе витають... А у мене теперъ таке убранния, що не соромъ и дукарци надить. А все черезъ те, що я щастлыва.

Ганна. Та задавысь ты зъ своимъ щастямъ! Ще не бачыла, яке воно и на масть, а вже выхваляется.

Киндратъ. Пожды, пожды,—ось Трохымъ засадыть тебе за букваръ, то ажъ тоди розскажешъ намъ про свое щастя.

Марья. Цуръ ёму, букварeви! Я тилько слухатыму, якъ винъ самъ чытатыме. А винъ-же такый ловкисенькый, якъ що цикаве чытае.

Ганна. А ще кращый, якъ лютуе!

Киндратъ. О, винъ сердытый! сёгодни зустривъ ёго— ишовъ въ городъ—такый роспаленый, якъ сатана.

Марья. Бо такы сердять ёго вси: и тамъ не такъ, и тутъ неправда. „Самый, каже, Гнатъ прызведе мене колысь до гриха".

Ганна. Сказано—Трохымъ твій святый та Божый! Скризь неправда, вси дурни, тилько, бачъ, винъ одынъ по правди жыве, винъ одынъ—розумный!

Марья (*скыпившы*) Та вже-жъ розумнійшый за твого!.... (*опамьятавшись, що трохы не вылаяла Киндрата, нападается на Ганну*). Ты мени не кажы ничого! Я знаю, що тоби досадно: тебе маты заздалегидь та потроху замижъ знаряжалы: все дешевеньке та поганеньке куповалы, а мене—мени хочъ въ одынъ тыждень скрыню наскладалы, за те все до-ладу, все гарне.

Ганна. Я думаю, якъ трохы не за-дурно скупылы все у переселенцивъ.

Марья. Ото-жъ и переселенци пидскочылы, тымъ, що я щастлыва... Йе у тебе така плахта, якъ оце? Або юпка, або ось сорочкы?

Дивчата. Ай справди—ловки!

Марья. Спасыби переселенцамъ: я-бъ и до вику такыхъ не пошыла.

Дивка 2. Купыла и я соби дви сорочкы.

Дивка 1. Колы-жъ задурно виддаютъ!

Киндр. Кому щастя, а кому горе! Мій хрещеный батько все чысто продавъ та, каже, не выручывъ и третёи частыны тыхъ грошей, що затратывъ на хазяйство.

Марья. Хтось ёго тягне на той Зеленый Клынъ!

Киндр. А колы тутъ неможна жыты.

Марья. Неможна жыты! Адже Трохымъ каже: „Наши селяне—що та отара: цуцыня гавкне—воны хочъ у прырву"; воно такъ и йе! Жылы, жылы люде на своій батькивщыни, де взявся якыйсь Гнатъ, сипнувъ одного, другого—вси навтикача!

Кондр. Твій Трохымъ тямыть стилько, скилько и ты! Рыба шукае, де глыбче, а людына—де краще. А Воротыленко каже, що краще краивъ Зеленого Клына ниде немае.

Д и в к а 1. Ажъ 20 посимействъ выходять на Клынъ.

Д и в к а 2. 25: 5 сёгодня запысалося.

М а р ь я. Охъ! гараздъ, мои сестрычкы, що у матери сынивъ бигъ-дастъ, а то воны поволоклы-бъ и насъ на Клынъ.

К и н д р а т ъ. А поволоклы-бъ!

М а р ь я (*замыкае скрыню и дывытся на неи*). Ось подывиться, сестрычкы, на мою скрыню та прыривняйте іи до Ганнынои. Хиба-бъ мени маты на ярмарку таку купылы? И до вику, ни. Це, поздоровъ Боже, переселенцивъ! Хрыстя за 3 карбованця продала. Фу-фу! Яка я щастлыва! Ажъ до самои стели! (*стрибае, цилуе дивчатъ*). Спивайте-бо! (*Почынае, за нею дивчата, весильнои*).

Я в а 2.

Ти-жъ та Сохвія.

(*Сохвія вносыть якыйсь пакунокъ въ платку. Марья кыдается зразу до пакунка*).

М а р ь я. Матусенько! Це мени? Покажить-бо!

С о х в і я (*видпыхае*). Геть! Погыбели на васъ немае! Що вы мени допеклы, що вы мени досадылы!... За яки грихы терплю я кару Божу? Печуся, клопочуся та й кинця не бачу! (*кыда пакунокъ*).

(*Марья хоче розвьязаты*).

С о х в і я. Геть! не займай!

М а р ь я. Я тилько краёчокъ розвьяжу...

С о х в і я. Геть! бо дамъ по потылыци!

Г а н н а. Чого вы такы сердыти? на кого вы розсердылыся?

С о х в і я. На кого разсердылася? 6 дочокъ—6 болячокъ, та ще-бъ не сердытыся! Чы я збудуся, чы я перебуду оцей клопитъ собачый? Людямъ Господь посылае по 12 сынивъ, та люде выходять у чужи краи, та люде беруть земли, скилько окомъ докынуть, та люде хлибця прысиваютъ, та люде скотынку заводять,—ни за топлывомъ, ни за пашнею не клопочутся, а у мене

—ни помишныка, ни робитныка, ни сыночка, ни порадночка! Працюй, клопочысь, весь викъ збирай шагъ до шага, нытка до нытки... Купуй, та шый, та складай, а воно, те зилля погане, ти дивкы паскудни, пидуть замижъ, потягнуть за собою все збижжя, все добро чужымъ людямъ на корысть, на прыбутокъ.

(*Марья тымъ часомъ розвьязала пакунокъ, роздывляется на покупку, прымиряе передъ дзеркаломъ*).

Ганна. Мы, мамо, служымо—на себе заробляемо.

Сохвія. На себе заробляемо! А на хазяйство хто робытыме, хто ёго содержуватыме? (*До Марьи*) Покынь, бо ій-же Богу, бытыму. (*До Ганны*) Яка мени корысть зъ того, що вы скрыни понакладаете та й пойидете зъ двору? Чымъ вы мени видячыте за те, що я васъ доглядала, годувала, хазяйство за-рады васъ збувала? Була коривка... Де вона? Всёго збулася, знищыла, до злыднивъ дожылася, а теперъ пишла до тіеи цяцькованои свахы, до тіеи... (*Угледившы, що Марья надила очипокъ*). Колы ты, собача дочко, не скынешь очипка... (*стягае очипокъ*).

Марья. Ой, ой, ой! не тягнить за волосся, ій-же Богу—скыну! (*скыдае*).

Ганна. Чого-жъ вы до Кондратовои матеры ходылы?

Сохвія. Хиба до неи? До тіеи Трохымовои!

Марья. Ой, леле! Чого вы до ихъ ходылы?

Сохвія. Вылаяты добре.

Марья. За вищо?

Сохвія. За те, щобъ не пидіймала на глумъ, щобъ не сміялася зъ мене, якъ зъ дуркы! Вже колы спиткала мене лыхая годына посвататысь зъ нею, заручыть тебе за того божевильного, за того прышелеповатого, за сына іи поганого, то хай вона те чувствуе та хочъ весильнымъ подарункомъ мени догодыть.

Марья. А то що?

Сохвія. Замисть того, щобъ уготовыть мени чоботы додила, на заказъ, вона купыла якись шкарбанци (*сердыто*). Та колы тилько вона не прынесе мени кращыхъ чобитъ, такъ я, ось хрестъ кладу, не виддамъ тебе й замижъ! Я не подывлюся

на те, що сынъ кныжкы чытае, не подывлюся на те, що винъ такый велыкорозумный—заплюю очи, та й край! Вже Столярыха клышоногу дочку виддавала, то й то-жъ такы ій зять купывъ чоботы за 3 карбованци зъ четвертакомъ... Цуръ ёму—такому весиллю! Яка мени корысть, якый прыбутокъ? Самыхъ сорочокъ поклала въ скрыню бильше десятка, 6 ряденъ, 4 юпкы—лышенько! А винъ, той недойидокъ котячый, весильного подарунка не справыть до-дила. На ярмарку, сама бачыла, 2 семыгрывенныка выкынувъ на якусь кныжку у зеленій палитурци, а свекруси, бачъ, не спроможется чобитъ купыты.

Марья. Матусенько! (*хоче цилуваты*).

Сохвія. Геть!! Инши дивчата хорошыхъ хазяинивъ знаходять, про стару матиръ пеклуются, щобъ вона старистью хороше походыла, щобъ було де хороше погостюваты, а якъ моимъ дочкамъ, такъ абы чорни бровы,—дарма, що борода трохы не до колинъ.

Киндратъ. У мене нема ніякои.

Марья. Трохымови тежъ тилько 24 рикъ пишовъ.

Сохвія. Малый козарлюга!

Ганна. Адже и батькови було 24 рокы, якъ женылыся.

Сохвія. Що ты мени батька тулышъ! Батько свекруси червони чоботы купывъ, ще й квитчастый платокъ давъ на додачу.

Марья. Матусенько! И вамъ Трохымъ сапьянци купыть. Выбыватымете горлыци, ажъ луна пійде...

Сохвія. Жартуй, жартуй, собаче зилля! Дожартуешся на свою голову. Я тоби покажу, якъ замижъ иты!!

Марья. Не виддавайте—я пидожду.

Сохвія. Докы я васъ годуватыму, докы держатыму? Покы и голову обйисте? Люде будуть на Зеленому Клыну чысте золото та срибло копаты, а я буду по засичкахъ вамъ борошно вымитаты? Зима прыйде—треба чымсь отопыть, 6 коровъ прогодувать. Золійныкивъ не надасы, хлиба не напечешъ! Гнатъ вже дае 300 карбованцивъ за леваду.—Якъ набавыть ще 100, то продамъ, та й край! Буде зъ мене!

Марья. Якъ разъ! продасте! Абы лякать! Винъ 100 карб. не набавыть, а вы за 300 не виддасте.

Ява 3.

Ти-жъ, Явдоха на дверяхъ.

Явдоха. Кумо Сохвіе, кумо Сохвіе!

Сохвія. Чого? (*иде до Явдохы, и воны обыдви идуть зъ кону*).

Ява 4.

Ти-жъ, безъ Сохвіи.

Марья (*кыдается до пакунка, вытягае звидтиль рижну одижъ*).

Ганна А що? Дострыбалася? Похвастала щастямъ?

Марья (*показуе платокъ*). А це хиба не щастя? Ось гляньте, якый ловкисинькый?

Ганна. Цей платокъ мени буде.

Марья. Сподивайся! У тебе ажъ 7, а у мене тилько 5!

Ганна. Мени зразу замижъ иты, а тоби—„за Мыколы, та й николы!“.

Марья. Такъ, такъ, галочко! Хай за Мыколы, хай николы, а платка цёго я тоби не дамъ! (*Ховае въ скрыню*)

Дивка 1. А бува маты насправжкы розсердылыся на Трохыма?

Киндратъ. Гляды, Марье, щобъ не було такъ, якъ у казци кажется: „по вустахъ текло, та въ ротъ не попало“.

Ганна. И що вона соби дума? Наче матерынои вдачи не знае? Воны, якъ що надумають, то зроблять.

Марья (*часъ-одъ часу бильше зажурюется*). Не дай, Господы, воны справди видкынутся черезъ чоботы. Пійду я краще до Трохыма та поражуся. (*Бижыть зъ кону и зразу вертается зъ чобитьмы*).

Марья (*показуе чоботы*). Охъ, сестрыно! Хиба я не щаслыва? Дывиться, яки чоботы! (*Ильга зъ радосты*).

Ганна. Де ты ихъ и здобула такъ на швыдку?

Киндратъ. Украла десь...

Марья. Охъ! яка-жъ я щастлыва!

Ява 5.

Ти-жъ та Трохымъ.

Киндр. Бачъ, хто ій чоботы давъ!

Трох. Я прыйшовъ до-дому, колы маты хвалятся, що прыходыла титка Сохвія та наробыла шелесту на всю хату черезъ чоботы, такъ я зразу мерщій до Степаныды—спасыби, продала за 4 карбованци.

Марья. Де ты бувъ? Я вже тебе выглядала, выглядала...

Трох. Все николы, серце, було: то свои клопоты, а то ходывъ въ городъ.

Марья. Чого?

Трох. Хотивъ добыться правды про того Воротыленка та дизнатыся, куды воно справди ти троячкы идуть?

Киндр. Ну?

Трох. Не добывся ничого. Попрохавъ ще батюшку, щобъ пойихавъ до Земського, або-що...

Киндр. Ты за чужымъ клопотомъ и свого не бачышъ: трохы, трохы и молодои не прогавывъ...

Марья. Годи, годи—бильше ніякого клопоту не буде—чоботы йе. (*Спивае и танцюе*).

Оце-жъ тіи чоботы,
Що зять давъ и т. д.

Ява 6.

Ти-жъ, Сохвія, Явдоха, жинкы.

Сохвія. Купуйте! Купуйте! Що кому забажается, що кому подобается, те и купуйте. Самы и цину складайте—не хочу и гриха на душу браты, не хочу зайвыхъ грошей зъ людей правыты.

Явдоха. Я вже вамъ казала, кумасю, не продавайте никому квитчастого настильныка—я дамъ добри гроши за ёго...

Жинка 1 (*мнется*). Ніяково якось и купуваты...

Жинка 2. Колы-бъ вы хочъ прызналыся, що це вамъ на думку спалося спродуватысь?

Сохвія. Хай вже про те, голубочко, я сама знатыму—купуйте безпешно, ни объ чимъ не клопочиться, не турбуйтеся!

Жинка 3. Сонъ такый прыснывся, чы трапылася якась несподиванка?

Сохвія. Сонъ, матинко, сонъ прыснывся.

Жинка 1. Я-бъ охоча подушкы купыты, якъ що продажни?

Сохвія. Продажни, продажни: по манисинькій подущци зоставлю, а бильши продамъ.

Жинка 2. И стилъ продажній?

Сохвія. За карбованця виддамъ. (*Ганна та Марья стоять, наче окамъянили. Дивчата, Киндратъ, Трохымъ тежъ здывовани*).

Ганна (*торкае матиръ*) Мамо! Що це таке?

Сохвія (*видпыхае Ганну*). У мене дви зайвыхъ кожушанкы йе:—купуйте! (*Показуе кожушанку*). (*Ганна та Марья тягнуть Явдоху на передъ кону*).

Ганна. Титочко, риднесенька! скажить хочъ вы намъ, що це таке? Пьяни воны, чы збожеволилы?

Явдоха. Ни, ни, не клопочиться, дивчатка, воны щось гарне надумалы.

Сохвія. Ця крыта--добрисинька.

Явдоха. За крыту я зразу 5 карбованцивъ дамъ.

Сохвія. Берить, берить!..

Ганна. Мамо! Опамьятайтеся! И къ чому це воно?

Жинка 1. А дижечкы, кочергы, хваткы та всяке хазяйствечко?

Сохвія. И те продаю! Хату та леваду вже продала, слава Богу—ось и гроши. (*Показуе платочокъ*). 100 карбованцивъ, якъ одна копієчка завдатку, а 200 завтра дасть!..

Ганна (*зъ одчаемъ*). Людочкы! Чы я сплю, чы я марю? Мамо! Скажить-же намъ хочъ словечко? Що це за знакъ, що вы надумалы?

Явдоха (*одпыхае Ганну одъ матери*). Не клопочы матерынои головы. Левадку та хату продалы, а вона за ка-зна чымъ жаліе.

Киндратъ. Титко Сохвіе! А де-жъ буде той грунтъ, що вы обищалыся мени одризаты.

Сохвія. Иды ты къ бисовому батькови зъ твоимъ грунтомъ! Нетреба мени такыхъ зятивъ—голодранцивъ!

Ганна. Матинко! Риднесенька! Що-бо вы кажете? (*Кыдается до матери*).

Сохвія. Не чипляйся, не вьязны, не заважай! (*Ганна плаче*). (*До людей*). Прыдывляйтесь, розглядайте, що кому треба, що кому до-вподобы. Ось скрыня, накажы мене Господь, 3 карбованци позавчора Хрысти дала, теперъ за 2 зъ четвертакомъ виддаю.

Марья (*якъ несамовыта*). Людочкы! Рятуйте! (*прыпада до скрыни*). Матинко! Нене моя! Риднесенька. Не дамъ скрыни!

Явдоха. Тебе хтось пытатыме? Пусты скрыню—я гроши даю.

Марья Не дамъ, не дамъ! Людочкы, рятуйте! (*Ганна плаче въ голосъ*).

Сохвія (*стягае Марью*). Геть! пусты, навиженна! Не дасть людямъ и роздывытысь.

Марья. Ой, не дамъ, не дамъ! Боже мій, не дамъ! (*Знову на скрыню*). (*Вси дивчата плачуть*).

Трох. Перестань-бо, Марье, заспокойся! Одгуляемо весилля и безъ тіеи скрыни.

Явдоха (*видпыхаючы Марью, котра держыть скрыню обома рукамы*). Одгуляють, одгуляють весилля, хто жывый дижде, ажъ на Зеленому Клыни!

(*Ганна и вси въ одынъ голосъ*). На Зеленому Клыни??

Марья (*пада зомлила*).

Явдоха (*котыть скрыню*).

Зависа.

ДІЯ III.

Въ волости.

Ява 1.

Пысаръ самъ. Перебирае бумаги, спиваючы триндолку.

Ява 2.

Пысаръ та Гнатъ.

Гнатъ. А що, Иванъ Ивановычъ, якъ наши дила?

Пысарь. Якъ сажа била! Прысудылы арендаторамъ немедля вамъ сплатыты.

Гнатъ. Огъ, спасыби! Таке спасыби, що онъ яке! А я, по правди сказать, трохы боявся, що намъ на цей разъ увирвется нытка, бо Трохымъ вчора щось довго балакавъ зъ арендаторамы; а вже де винъ замишается, тамъ не сподивайся добра!

Пысарь. Не було ёго зовсимъ на суди, слава Богу, а то може и була-бъ яка каламутня.

Гнатъ. Що-жъ воно за знакъ, що ёго не було?

Пысарь. Времени не було: диловъ набравъ на шыю: то въ городъ бигае, то до батюшкы... Къ тому-жъ сердешни дила.

Гнатъ. Такъ, такъ—це винъ того и нисъ похнюпывъ, що боится Сохвіиного переселенія! Ха!—ха!—ха!

Пысарь. Знаете,—страждаетъ невозможно. И я попросывъ Воротыленка прыдержаты ёго розными розговорами про цей предметъ, покы судъ одійде. Зъ тымъ тилько забалакай про переселеніе...

Гнатъ. О! Воротыленко на те майстеръ.

Пысарь. А все-жъ такы на суди и безъ Трохыма порядочна катавасія була.

Гнатъ. Не хотилы платыты?

Пысарь. Куды вамъ? Гвалтъ, крыкъ пиднялы: „мы не станемо платыты до Спаса—у насъ умовы такы булы". „Мы

и Земському жалитымемся, и сее, и тее!“ Одначе, старшына... добре того на хрестынахъ... (*показуе на глотку*) якъ закрычыть, якъ стукне по столу... Я, не бувшы дуракомъ, и соби: „протоколъ составлю за буйство у присутственномъ мисти“, а суддя тымъ часомъ резолюцію: „поелыку не имѣется арендныхъ документовъ, то арендатори повынни платыть гроши, колы звелыть Гнатъ Трохымовычъ“. Взялысь, одно слово, дружно!

Гнатъ. Спасыби! Та й звеселылы-жъ вы мене цією звисткою! Грошей треба до заризу, а тутъ-же й взять ихъ ниде. Нарочыто бигавъ у збанокъ—не дають. Чы повирыте? А тутъже Попельныкы виддаются въ аренду: не добуду грошей—обчество визьме. Попельныкы зъ-пидъ носу!

Пысарь. Теперъ гроши будуть: хочъ може трохы и на протывозаконномъ основаніи, а все-жъ такы прысудылы...

Гнатъ. Ого! Це все за течією плывсты, то до-дому не вернешся. Плывешъ, плывешъ за водою—такы колысь повернешъ човенъ проты воды.

Пысарь Ишъ, до якои хвилософіи сягаете?

Гнатъ. А вы думаете, якъ малограмотный, то вже и не розбираю ничого? Одже сёгодни, напрыкладъ, надійшовъ я до зборни, чую—радятся селяне, якъ-бы Попельныкы взять у аренду: крычать, спорятся—завелы таке, якъ на ярмарку; а я тымъ часомъ до пана: „не виддавайте, пане, никому Попельныкивъ—въ вечери завдатокъ прывезу“. Панъ пообищався.

Пысарь. Яке-жъ у васъ намереніе Попельныкы взять? Зъ усадьбою, чы ни?

Гнатъ. Зъ усадьбою, зъ небелью, зъ усякымъ обхожденіемъ. Тамъ, знаете, габынетъ пана бильшый за волость.

Пысарь. Ого, заживете паномъ! Земля тамъ, правда, плохенька, вытощена, одначе розберуть по необходымости всю до сажня, ще й добри гроши дадуть. Ловко идуть ваши дила, Гнате Трохымовычу, ловко.

Гнатъ. А малограмотный! Онъ штука! Ніякихъ тамъ наукъ не проходывъ: тилько, тилько що печатне розбираю та свою хвамылію змію пидпысаты, все зъ своеи головы!

Пысарь. Удывытельно! удывытельно! Во всякомъ рази и вамъ грамота не помишала-бъ нидъ якый случай!

Гнатъ. На биса вона!

Ява 3.

Ти-жъ та Трохымъ.

Трохымъ (*увиходе въ шапци*). Де старшына?

Пысарь. Шапку здiймы у прысутственномъ мисти.

Трохымъ. Старшына де, пытаю?

Пысарь. Нема старшыны. Шапку здiймы, кажуть тоби!

Трохымъ. Опохмеляется? Хай прочуня—я ёму очи протру, знатыме, якъ ихъ на суди горилкою залываты. Зъ якои се речи сёгодни такъ зарани судъ одiйшовъ? Боялыся, щобъ де-хто не наспивъ на судъ? Однаково—не мынется побалакаты зо мною.

Пысарь. Безъ расужденiя. Здiймай шапку,—або маршъ!

Трохымъ. Ты ще смiешь мене выганяты. Чы я въ твоiй господи? Для обчества, для мене будувалася ця волость, чы за для такыхъ перевертнивъ, якъ ты, або ота прыблуда. (*Показуе на Гната*).

Гнатъ. Ты, слухай, не смiй!

Трохымъ. Що, не смiй? Ты не смiй грошей правыты зъ людей не въ строкъ!

Гнатъ. Я зъ тебе и не правлю.

Трох. Я знаю, що зъ мене не правышъ, бо ты певенъ, що я тоби однаково не заплачу. А зъ якои речи судъ прысудывъ остальнимъ арендаторямъ тоби теперъ платыты? Хиба мы на рижныхъ умовахъ землю у тебе бралы?

Пысарь. Судъ прысудывъ,—значыть, була на це рацiя.

Трох. Яка рацiя? Що Гнатъ хрестывъ дитей у засидателя, що суддя вынуватый Гнатови 200 карбованцивъ, що Гнатъ тебе та старшыну частуе що-дня монополькою?

Гнатъ. Та почастуйте ёго, Иванъ Ивановычъ, по потылыци: вы-жъ тутъ начальство?..

Пысарь (*грыма*). Ты, слухай—не дуже!..

Трохымъ. А спробуй, спробуй пальцемъ торкнуть! (*До Гната*). Пидпышы оце условіе.

Гнатъ. Яке условіе?

Трох. Условіе на те, на якыхъ умовахъ наняли мы землю у тебе. Тутъ проставлена цина, строкы—уси умовы, тоби тилько пидпысать. Зъ переселенцивъ ухватывъ ты по 4 карбов. зъ десятыны, зъ цыхъ арендаторивъ хочешъ гроши правыты, колы тоби на думку спаде— одно слово, зъ тобою безъ условія не можно обійтыся. Пидпысуй!..

Гнатъ. Якый ты мени начальныкъ? Зъ якои речи я-бъ тоби пидпысувавъ условіе? Мени Памфылъ Сыдоровычъ все свое иминя довиряе, мене мала дытына въ городи знае, а я стану тоби пидпыску робыть. Ніякыхъ твоихъ условіёвъ я знать не хочу: заплаты мени гроши, колы я звелю—отъ тоби и условіе...

Пысарь. Пысаты и пидпысуваты условіе спустя цилый мисяць опосля словесного договору—це явне попущеніе и на протывозаконномъ основаніи...

Гнатъ. Я не пидпышу: мени нема дила до строкивъ, мени теперъ небходыми гроши.

Пысарь. И резонъ. Составлена хвормальна резолюція пры волостномъ правленіи.

Трох. Пры волостномъ правленіи? А скажы мени, куды дилыся опекуньски гроши за Сергіевыхъ сыротъ въ того правленія? Скилько заплатылы, а скилько проставылы за покривлю того волостного правленія? Хто пидпысався за давно померлыхъ селянъ на прыговори у цёму самому правленіи? А прызнайся, що ты людямъ казавъ, та скилько Гнатъ могорычу поставывъ, якъ оббиралы цёго старшыну-пьянюгу? А що? Може думаешъ, у мене свидкивъ на це все немае? Та вы мени якъ допечете, якъ увирвется терплячка, то вашого волостного правленія и памьяты не зостанется... Роскасырують, розженуть васъ у одынъ день. Вси будете у тюрми гныты. И ты, мошенныкъ (*на Гната*), що волостну печатку у кармани носышъ, та куды схочешъ, туды и прыкладаешъ, и ты (*на пысаря*), що за

мерцивъ пидпысуешъ, и старшына—пьяныця, и засидатель твій кумъ.

Пысарь. Ось дозвольте, Трохыме Гаврыловычу! Ніякого резону нема намъ спорытысь. Всячески сплетни, непорозуминня.

Трох. Бачъ! Зразу и помягчавъ! Хай-же Гнатъ пидпыше условіе, та и чортъ зъ вамы: у мене и своихъ турботъ досыть...

Гнатъ. Я не пидпышу. Яке це правосудіе? Тутъ никоторого правосудія немае? Мени прысужено получыть немедля 300 карбованцивъ, а я мушу видказатысь. На лыха тоди и судъ здався? Судъ на те, щобъ зыскать гроши тоди, якъ моя необходымость.

Трохымъ. На Попельныкы збираешъ гроши? Эге, годи вже про Попельныкы думать: мы простереглы, що ты до пана подався, та за тобою у слидъ зъ завдаткомъ прыйшлы!!.

Гнатъ. Попельныкы наняли?

Трох. Наняли, наняли.—А що? не до-вподобы?

Гнатъ. Винъ-же мени обищався нанять.

Трох. Мало чого ты не обищався? Беры-жъ швыдчъ условіе та пидпысуй.

Гнатъ. Я сказавъ: не пидпышу. Мало того, що аренду зъ рукъ вырвалы, ще хотять мене знищиты. Не пидпышу.

Трох. Ну, зъ тобою, бачу, добромъ ничого не вдіешъ. Доведется попередъ волость роскасыруваты. (*Складае условіе, ховае въ карманъ*).

Пысарь. Знаете що, Гнате Трохымовычу? Пидпышить вы це условіе... Воно не въ тимъ дило, що намъ небезпечно: хай ревизія хочь сёгодни пожалуе до насъ въ полнимъ состави, а такъ за-рады людей, своихъ однообщественныкивъ... (*шепоче Гнатови на ухо*) пидпышить условіе.

Гнатъ. Давай условіе.

Трохымъ. Хай-же попередъ пысарь прочытае. (*Гукае въ сины*). Люде!

Ява 4.

Ти-жъ та люде.

Трох. Гнатъ пидпыше те условіе, що я вамъ написавъ; теперъ не турбуйтеся про гроши ажъ до Спаса.

Люде. О! до Спаса мы уготовымо. Мы такъ и умовлялыся, щобъ на Спаса.

Чолов. 1 Мы бъ заплатылы и теперъ зъ радистью, такъ горе наше,—немае грошей.

Чолов 2. Ни за вищо теперъ и рукъ зачепыть. Весна—заробитку ниде немае, а туть ще переселенци пидскочылы.

(*Гнатъ та пысарь весь часъ цієи розмовы балакають. Выдно що пысарь умовляе Гната*).

Чолов. 1. Одно слово—велыке спасыби, що згодылыся одстрочыты цей платижъ.

Трох. Годи вже дякуваты: не дароване.

Пысарь. Во всякомъ случаѣ Гнатъ Трохымовычъ робыть велике снисхожденіе. (*Протягае руку за условіемъ*).

Люде. Спасыби имъ...

Трох. (*Зъ розвернутымъ условіемъ въ рукахъ. Сердыто*). За ви що: „спасыби"? Яке снисхожденіе?

Пысарь. Судъ прысудывъ. (*Держыть протягнуту руку*).

Трох. Якый судъ? Кому ты бакы забываешь? Чы передъ тобою диты мали, чы зъ-за угла прыбыти? Мовчы краще та не згадуй про той судъ. Чытай швыдчъ условіе та хай той (*на Гната*) пидпысуе.

Гнатъ. Ты, слухай, не грымай. Якъ я твое прохание уволывъ...

Трох. Колы я тебе прохавъ?

Гнатъ. Не хочу-жъ, колы такъ, и пидпысуватысь. Якъ яка-небудь свыня...

Трох. Що-о-о-о?

Пысарь. Дозвольте-бо, Гнате Трохымовычъ.

Люде (*до Трохыма*). Ось годи-бо, пожалуйста. (*До Гната*). Пидпышить условіе.

Трох. Хай тилько не пидпыше—я ёго не до Земського,—у „зъѣздъ“ потягну.

Люде. Та Господь зъ нымъ, зъ тымъ Земськымъ та „зъѣздомъ“!

Люде. На вищо намъ той „зъѣздъ“? Гнатъ Трохымовычъ и такъ згожуется пидпысаты.

Трох. Нихто не пытае ёго згоды. Винъ повыненъ це зробыты, бо винъ обищався дать условіе, якъ ще землю наймалы.

Гнатъ. Ничого довго товкуваты: якъ хто недоволенъ мною, хай кыда аренду та выбувае зъ гурту.

Люде. Хто-бъ тамъ выбувавъ, якъ кожному земли треба.

Трох. Якого клопоту боитеся вы? Васъ цила громада, циле село, у васъ сыла! Проты васъ одынъ чоловикъ, и вы не здатни захыстытысь видъ ёго. На тому тыжни вы выгнали своимъ громадскимъ судомъ нещасного конокрада, що хотивъ пожывытысь чужою шкапыною, а такому злодієви, що середъ билого дня обкрадае васъ, що знысщуе дитей вашыхъ, що грабуе останни злыдни ваши ,вы виддаете родыми нывы та тикаете сами на Сибиръ?

Гнатъ. Иванъ Ивановычъ! Що це таке? Поклычте старшыну. Це бунтъ! Винъ людей бунтуе, проты начальства направля.

Пысарь. Лыхословыты у прысутственному мисци не дозволяется по закону.

Трох. А суды таки, якъ вы сёгодни вчынылы, дозволяются?

Люде. Та годи-бо, Трохыме! Иды соби зъ Богомъ. Мы и самы тутъ управымося безъ тебе, бо ты людына, не въ гнивъ тоби буде, молода та необачна.

Трох. Крепакы паскудни! Чы такъ свое право здобувають? Будьте-жъ вы прокляти, колы такъ. Лазьте на вколюшкахъ пидъ ворогамы! Годуйте кривью дитей вашыхъ отыхъ пьявокъ ненажерлывыхъ! (*Кыда условіе у вичи людямъ, иде геть*).

Ява 5.

Безъ Трохыма.

Пысарь. Треба напысаты протоколъ.

Гнатъ. Це бунтъ! Невже немае такого закона, щобъ ёго покараты? Треба старшыни сказаты, щобъ ёго хочъ у холодну засадывъ!

Люде. Носпокійный такы парубокъ!

1 чол. Сёгодни начепывся на Воротыленка, ниби то винъ умовывъ Сохвію продать леваду та выходыть на Зеленый Клынъ.

2 чолов. И прытаскало-жъ ёго на нашу голову.

3 чолов. Ось условіе. Хай Иванъ Ивановычъ прочытають, а вы пидпышить.

Гнатъ. Ни, шкода, выбачайте! Колы така зневага, колы якый-небудь сирякъ, яке-небудь чортъ-зна що—сміе мене такъ поносыты, прылюдно зневажаты, то я знайду засобъ виддячыты вамъ всимъ. Мене зъ громады выгоныты! Ачъ, що надумавъ, до чого кныжкы довелы! Ни однієи десятыны, колы такъ, не дамъ вамъ въ аренду—чужымъ людямъ до останнёго упруга найму.

Люде. Хиба-жъ мы у чимъ вынни? Мы-жъ никому-ничого. Охота була тому Трохымови суперечку заводыты. Пидпышить, будь ласка, условіе.

Пысарь (*тыхо до Гната*). Воно, положымъ, чувствительная образа и многое другое вообще непріятное, однакоже во всякомъ рази—Трохымъ небезпечна людына, и я, якъ сердешный вашъ прыятель, совитую пидпысаты це условіе.

Гнатъ. Чытайте, що винъ тамъ напысавъ (*ходыть сердыто по кону*). Ну, я ёго колысь попаду. Не мыне винъ моихъ рукъ. Мене выгоныты зъ громады? А!! Чытайте! Хай я вже зроблю людямъ таку ласку, тилько... хай памьятають.

(*Пысарь одкашлюется, хоче чытать условіе*).

Ява 6.

Ти-жъ, Сохвія, Явдоха.

Сохвія. И, Господы, якого багацько людей! Здорови булы! Ось пропустить мене блыжче до столу (*до людей*). (*До пысаря*). Заждить трошечкы, будь ваша ласка. Ослобониться на хвылынку одъ всякыхъ диловъ та дайте мени билетъ.

Пысарь. Якый?

Сохвія. На переселеніе, на Зеленый Клынъ.

Пысарь. На Зеленый Клынъ?? Хиба замижъ вдруге пишла та сынивъ-соколивъ прыдбала?

Сохвія. Годи-бо жартуваты. Николы мени, ій-же Богу, николы. Все чысто покынула та побигла. Люде вже обрядылыся, а у мене и билета доси немае.

Пысарь. Та чого-жъ ты хочешъ видъ мене?

Сохфія. Билета-жъ, кажу вамъ. Ось кума Явдоха звистни, вчора трычи прыбигала въ волость та все никого не застану.

Явдоха. Трычи, матинко, трычи. Втрете вже смеркомъ прыходыла.

Пысарь. Та скажы мени, Бога рады, на якои морокы тоби билетъ здався?

Сохвія. Кажу вамъ: на переселеніе иду. Невже не чулы? Я вже чысто спродалася. Та вы-жъ сами пысалы и документъ на леваду. Хиба забулы?

Гнатъ. Отъ, пропала жинка! Шашиль голову чысто поточывъ. Куды тоби зъ шистю дочкамы та на Зеленый Клынъ иты?

Сохвія. На те вже моя воля, моя охота. Дайте билетъ— не барить мене, бо мени и такъ николы: сёгодни ще иты въ экономію за рощотомъ. Ганна та Марья дома, а тыхъ чотырёхъ, собачыхъ дочокъ, ніякъ не доклычусь... Охъ! вже и сонечко на обидъ звернуло!.. Дайте-бо билетъ... Господы, якъ душно! бигла—и духу не переводыла. (*ростибается*).

Г н а т ъ. Прызнавайся краще по правди, на вищо тоби билетъ, то може швыдче дадуть.

С о х ф і я. Ій-же Богу, на переселеніе, на Зеленый Клынъ иду.

Я в д о х а. Правда, правда...

П ы с а р ь. Отъ такъ штука! Зъ шистю дочкамы на переселеніе. Ха—ха—ха! Чы ты часомъ, голубко, на старисть— не того?

С о х в і я. И, вредни яки! Наче справди не знають, чого я иду на Зеленый Клынъ. Хай-бы вже други дывувалыся, а то ще и воны ману пускають. Годи-бо дратуваты мене—давайте швыдче билетъ, бо черезъ мене и людямъ угайка.

П ы с а р ь. Одже не дамъ, покы не прызнаешся, чого на Клынъ идешъ.

С о х ф і я (*лукаво*). А цвинкуляръ! Ота бамага!

П ы с а р ь. Якый цвинкуляръ? Яка бамага? Не знаю, не чувъ. А вы, Гнате Трохымовычу, не чулы часомъ такого циркуляру, щобъ Сохвіи на Зеленый Клынъ выходыты?

Г н а т ъ. Не чувъ.

С о х в і я. Годи-бо, годи,—заходылыся биля мене... И дурять мене, наче я справди дурка яка. (*До пысаря*). А маменька ваши та сестрыця чого на Зеленый Клынъ подалыся?

П ы с а р ь. Що це тоби на думку спалося? Маминька мои, а равно и сестрыця дома благоденствують и ніякого намиренія не иміють выйиздыть. Гляды, чы не посміявся зъ тебе хто-небудь. Не дамъ я тоби билета и скажу, щобъ тоби посемейного спыска не выдавалы.

С о х в і я. Ну, на вищо мене дурыты? Абы угайка! Тутъ и такъ николы. Ось настановить вухо, я вамъ щось таке скажу, що перестанете сміяться зъ мене, якъ зъ дуркы.

П ы с а р ь (*настановляе ухо*). Сто карбованцивъ за дочку??

С о х в і я. И по два кытаянци...

П ы с а р ь. Ха—ха—ха! Чы вы чулы таку штуку? На Зеленому Клыни казна выдае по 100 карбованцивъ на дочку ще й по два кытаянци.

Г н а т ъ. Ха—ха—ха! По два кытаянци.

Люде. Оце прямо штука! И де вона таку новыну пидхватыла?

Люде. То-бъ то казна повынна ій шисть сотъ карбованцивъ даты та ще дванадцять кытаянцивъ.

Люде. Ого-го! Не мало!!

Сохвія (*до людей*). Чого вы сміетеся, навиженни? (*До пысаря*). Чому вы такъ радіете? Хай-бы вже ти (*на людей*) зубы продавалы, а то ще и воны за бокы берутся. Вы-жъ сами и цвинкуляръ про це чыталы.

Пысарь. Я?? Циркуляръ?

Сохфія. Авже-жъ, вы. Тилько вы хотилы, бачте, щобъ ця бамага була пидъ секретомъ, щобъ я вашій маминьци та сестри шляху не перебигла.

Пысарь. Ты чула, якъ я такый циркуляръ чытавъ?

Сохвія. То що, що я не чула? Я не чула—люде чулы. Ничого зъ мене дуркы робыты. Ось кума Явдоха до остання словечка мени все переказалы.

Пысарь. Ось якъ вы, Авдотія Мыхайловна!

Гнатъ. Явдохо! Такъ ты онъ якъ?

Явдоха. Я казала? Колы я казала? Та щобъ я святои пятныци дождала! та щобъ мени рукы, ногы *не* повсыхалы! щобъ я до-дому дійшла, колы я, голубьята мои, що ій казала!

Сохвія. Ты не казала мени про цвинкуляръ, про бамагу? Ты не казала? Рятуйте мою душеньку! Ты-жъ божылася, ты-жъ прысягалася!

Явдоха. Та щобъ передо мною свята земля *не* розступылася, щобъ я передъ вамы прахомъ *не* розсыпалася!

Сохвія. Ой Господы! Царыце Небесна! Свята Пятинко! Та побый мене сыла Божа, колы ты не казала мени на моему дворыщи про цей цвинкуляръ...

Явдоха. Не казала, щобъ мене *не* заципыло! не згадувала, щобъ мене правцемъ *не* поставыло, щобъ надо мною вороны *не* кракалы!

Сохвія. Охъ, слухайте, людочкы, якъ вона божытся: до кожного слова *не* прыклада... Забожыся мени зразу, якъ слидъ!

Явдоха. Не казала, не казала и божыться не хочу. Це вона зъ своеи головы выгадала.

Сохвія. Я выгадала? Я выгадала? Лыходійко! Ворогъ мій клятый! Це ты-жъ мене одурыла, ты-жъ мене прызвела!

Пысарь. Гей! не лютуй у прысутственномъ мисци.

Гнатъ. Идить до-дому—тамъ помырытесь.

Сохвія. А що-бъ же надъ тобою сонце не свитыло! (*Вытягае хустку*). (*До Гната*). Вертай-же, колы такъ, мою левадку. Ось твои гроши...

Гнатъ. Тю...у! Зъ просонку, чы що? Зъ якои речи я-бъ вертавъ тоби левадку? Вненъ я, що казна не дасть тоби кытаянцивъ... Ты продала—я купывъ, и край!

Сохвія. Боже-жъ мій! Я думала на Зеленый Клынъ выходыть, того и продала.

Гнатъ. Нема мени никоторого дила до твоихъ думокъ.

Сохвія. И голубчыку, и братику, и сыночку мій риднесенькый, беры грошы...

Гнатъ. Удвое вертай гроши—не визьму.

Сохвія. Змылосердься, Гнатыку! Визьмы краще душу мою, покрай мое сердце—тилько верны левадку. Це-жъ моя матерызна, це-жъ мій прысивочокъ, мій затышочокъ, мое багатство, дитокъ надія... Прызвелы мене ворогы люти мои, розорылы, розорылы всю мою худобоньку. Побійся хоть ты Бога, верны левадку та хату (*плаче*)...

Гнатъ. Одвьяжыся видъ мене. Сказавъ: не верну!

Пысарь. Сама соби наробыла лыха.

Люде. Кумедія!

Сохвія (*плаче, потимъ кыдается на Явдоху*). Це ты мене погубыла! Ты мене прызвела! Де цвинкуляръ, де бамага??

Пысарь. Тыше! тыше!

Явдоха. Та щобъ мене...

Сохвія. Не божыся! (*Кыдается быты*).

Ява 6.

Ти-жъ та Старшына.

Старшына (*заспаный, зъ кухлемъ сыровцю на порози*). Добра штука сырозець на похмилля! (*Угледившы Сохвію*). Це що? Пьяна баба бунтуе? У холодну іи на тры дни.

Зависа.

ДІЯ IV.

Въ Яковій хати.

Ява 1.

Якивъ та Носыкъ.

Якивъ (*стругае дошку биля готовои вже труны*). Дожывся до краю—неможна дали жыты. Выкравъ, чортъ-бы вбывъ ёго батька, духовне; восьме духовне выкравъ. Не вдіешъ ничого,—лягай у домовыну, та й край!

Носыкъ. Сутужни часы наступылы; проте, братику, воны, дастъ Бигъ, перейдутъ. Эге, эге, все лыхе перебуде, завирюхою перейде, та й розгодынытся.

Якивъ. Де тамъ у бисового батька розгодынытся? Пропало все! Наплодылося антыхрыстивъ-бусурманивъ, забралы воны всю сылу до своихъ рукъ—не вдіешъ ничого. Оце й труну вже уготовывъ соби. Бачъ! яки сухи дошкы!

Носыкъ. Эге, эге... суха дубына, лежатыме десяткы литъ нетлинно...

Якивъ (*пошепкы*). Сёгодни у-досвита я знову добывся до коморы: набравъ сала, конопель, пшона та й рознисъ людямъ по селу; а у ночи наберу мишокъ пшеныци для Спырыдоновои удовы. Оттакъ-то! дожывся! довивъ зятекъ на старисть! До крадижкы прызвивъ: зъ-пидъ замка мушу свое у себе красты, якъ

схочу кому пособыты. Восьме духовне выкравъ! А? Зъ-за пазухы у ночи вытягъ.

Ява 2.

Ги-жъ та Трохымъ.

Трох. Здорови бубы, диду! Кому це труна така простора?

Яkивъ. Вже не кому, якъ мени.

Трох. Чы не надумалы вы часомъ у труну видъ Гната сховатысь?

Якивъ. А де-жъ одъ ёго, гаспыда собачого, заховатысь?

Трох. (*докирлыво*). Диду, диду! якый же зъ васъ и козакъ? Замисть того, щобъ ворогивъ своихъ у домовыну класты, або хочъ безъ висти ихъ заганяты, якъ було козакы татаривъ заганялы, вы мерщій у труну лизете.

Якивъ. Матери ёго ковинька! Симъ-сотъ болячокъ на пупъ, колы не козакъ! Я, якъ бувъ такымъ цуценямъ, якъ ты, то було якъ выйду на могылу та запалю свою люльку-грушивку, та якъ моргну на дивку,... а парубка якого було якъ угиллю —ажъ пирья сыплется... А теперъ черезъ того прыймака собачого, черезъ ту дворову собаку, черезъ саму досаду немочный ставъ. Скилько вже разивъ намирявся быты ёго, такъ ни— не подужаю!

Носыкъ. Эге, эге... Досада сокрушае здоровья, скорочуе вику... А чы неможна було-бъ, братця, ёго ублаготворыты!

Якивъ. Кого? Отого шыбеныка, отого пройдысвита, отого антыхрыста? Та ёго килкомъ не влучышъ, не вдіешъ ему ничого. Все село розжене и къ бисовому батькови зныщыть, обдере всихъ до краю.

Трох. Одже, диду, не всихъ: хай пивъ села выйиде за прыводомъ Воротыленка на Зеленый Клынъ, хай вы ляжете у домовыну,—зостанутся таки люде, що може и прыборкають цю шулику.

Якивъ. Кажу тоби: не вдіешъ ничого. Я пятнадцять рокивъ змагався зъ нымъ, та й не вдію ничого. Треба або тикаты ввидциль, або прямо помыраты. Онъ якъ!

Носыкъ. Ось побачыте, братця, що я ёго ублаготворю.

Трох. Не вамъ, диду, ёго ублаготворяты. (*До Якова*). Не знаете, колы Гнатъ буде дома?

Якивъ. Чорты ёго батька знають, колы ёго нечыста сыла прытаскае. Казала Кулына, лыбонь винъ вже зъ Воротыленкомъ злыгався, проби вчора у волости и могорычъ пыли; обшахра и того на дорогу.

Трох. Ну, то ще вылами пысане: хто кого обшахрае? Здается мени, що ихъ двохъ одна маты породыла, одна и выгодувала, и колы одынъ 18, то другый безъ 2-хъ 20!.. Прощайте! навидаюсь пизнише до Гната.

Носыкъ. Ты тилько, сыну, не дуже грымай на Гната, не дуже строго ёго... Эге, эге... безъ гнива, безъ серця... Ублаготворяй ёго всяческымы словесамы, то краще буде.

Трох. Тамъ побачымо! Прощайте!

Ява 3.

Якивъ та Носыкъ.

Носыкъ. Ни, ось побалакаю-бо я зъ нымъ,—спробую ублаготворыты всяческымы словесамы, а найпаче иносказаніями... Людына, бачъ,—що та садовына. Эге, эге, безъ догляду и найкраща щепа на кыслыцю переведется...

Якивъ. Єго купъ чортивъ твоему батькови! Ачъ! анахтемськи ногы,—не держать—такъ и пидгынаются (*кыда стругать; сидае*).

Носыкъ. Эге, эге, сядь та спочынь трохы. (*Якивъ сида*).

Носыкъ. Я надіюся очыстыты душу ёго одъ тернія. Въ недилю Господь допомигъ мени ублаготворыты Воротыленка. Эге... эге... ублаготворывъ. Той хотивъ бувъ уже вертаты людямъ ихъ завдаткы. А я пишовъ до ёго, побалакавъ зъ нымъ та й ублаготворывъ. На те, бачъ, йе тры наукы: Граматыка, Хиромантыка и Хрыстоматыка.

Якивъ (*пидводытся, знову стругае*).

Носыкъ. Граматыка—тоненька, не бильше якъ у два пальци завтовшкы. (*Показуе на пальцяхъ*). Хиромантыка—паль-

цивъ у 3 (*показуе*), а хрыстоматыка—ажъ 5: одну мени Мыхайлыкъ прочытавъ двичи; другу—у голубій палитурци—купывъ у недилю, а третѣи я ще не бачывъ. Такъ оть, колы-бъ Гнатъ ти наукы прослухавъ...

Ява 4.

Ти-жъ та Гнатъ.

Гнатъ. А що? Похвасталы духовною? Ха—ха—ха! Схотилы передъ людьмы страмытысь! Теперъ смиху на все село. Де-жъ ваша духовна?

Якивъ. Сто купъ чортивъ твоему батькову! Хиба я девьятои не напышу? Та я тебе, прыймакъ собачый, усёго ришу! Пидъ тыномъ пропадешъ! Поклычу Воротыленка, то винъ мени таке духовне утне, що ажъ у носи закрутыть.

Гнатъ. Воротыленка? Дожыдайте! Винъ вамъ напыше духовне! Якъ разъ. Та це мій першый прыятель, колы хочете знать. Таки ще дила встругнемо! Я вчора гулявъ зъ нымъ трохы не до свиту; сёгодни винъ до мене прыйде.

Якивъ. Вже и того обкрутывъ, щобъ тебе завійна скрутыла!

Гнатъ. Зъ якои речи? Кажу вамъ—це мій першый прыятель! Колы-бъ мы ранише зъ нымъ познакомылыся, то мы-бъ не таки комерціи зъ нымъ завелы. (*До Носыка*). Я-бъ доси, диду, и вашу ныву купывъ. Ха—ха—ха!..

Носыкъ. Може, може... Эге, эге... може и купывъ-бы доси. Тилько послухай мене, що я тоби казатыму.

Гнатъ. Послухаемо...

Носыкъ (*натхненно*). Друже мій любезный, Гнате Трохымовычу, або по-простому, Гнате! Може Господь надилывъ тебе и велыкымъ розумомъ; може ты такый верховодець, що колы-бъ тилько твоя воля, то ты-бъ всимъ мыромъ заволодивъ; може твои очи далеко сягаютъ ажъ за окіаны; може ты высоко думкою литаешъ...

Гнатъ. Ну-те, ну-те...

Носыкъ. Отже орелъ ще выще литае, ще дали очыма сягае, про-те винъ не бильше, якъ хыжа птыця. Эге... эге...

Гнатъ. И къ чому це воно?

Носыкъ. Тривай,—послухай мене дали,—я коротенько. (*Пидкреслююча пытанне*). Скилько, на твою думку, вовкъ подужа овець задавыты?

Гнатъ. Скилько трапытся у кошари.

Носыкъ. Эге, эге... скилько трапытся у кошари. (*Пидкреслююча знову*). А скилько вовкъ, на твою думку, зъ тыхъ задавленыхъ овець зйисть?

Гнатъ (*смiется*). Якъ попадется гладка, то и однiеи не подужа...

Носыкъ. Эге, эге... не подужа. (*Натхненно*). Брате мiй, Гнате Трохымовычу, подумай-же теперъ та скажы мени: чы не гирша за хыжого орла, за лютого вовка та людына, що, не маючы, спасыби Богови, ни голоду, ни холоду, наважуется передушыты все село, всихъ своихъ сусидивъ, своихъ братывъ?

Гнатъ. Онъ куды вы велы! Се-бъ-то я, по вашому, вовкъ?

Носыкъ. Не гнивайся, не сердься—я безъ сваркы, безъ зла на серци; я хочу тилько, брате, тоби посвитыты. Эге, эге... посвитыты! Иноди, бачъ, иде людына темною добою, не бачыть ничого: и другого пхае въ калюжу, и самъ ногы ламае, а якъ прысвитять ёму добри люде, то винъ и пройде свою путь благополучно.

Гнатъ. Ну-те! ну-те! (*смiется*). Каганець, чы свичку прынеслы для мене?..

Носыкъ. Свичка, лямпа, або лыхтаръ якый-небудь—за-для очей тилесныхъ, а для очей духовныхъ—навука.

Гнатъ. Нагадай кози смерть...

Носыкъ. Ось тривай бо, послухай—я тоби коротенько. Йе, бачъ, тры наукы: Граматыка, Хиромантыка и Хрыстоматыка.

Гнатъ. Хай воны вамъ выказятся вси тры заразомъ. На якои морокы здалыся мени оти ваши наукы? На вищо воны и вамъ прыгодылыся? Чы вы хочъ одну десятынку прыкупылы

до батькивщыны через ти навукы, пошану людьску здобулы? Овва! Якъ дисталы видъ батька 8 десятынокъ, такъ зъ тымъ и помрете; якъ бигалы по выгону маленькымъ хлопчыкомъ Иваномъ, такъ Иваномъ и посывіете. А я—пятнадцять рокивъ тому назадъ бувъ Якововымъ прыймакомъ, Кулыныным чоловикомъ, не мавъ ступня земли за собою, а теперъ безъ ученыхъ навукъ вашыхъ ставъ Гнатомъ Трохымовычемъ, довиреннымъ Памфыла Спырыдоновыча, маю пятьдесять десятынъ земли, чотыры грунты, та ще и иры капитали у збанку,—то лехко и безъ навукы комерціи весты.

Якивъ. Бодай тебе нечыста сыла свитъ за очи завела! На чому ты нажывся? на чому прыдбавъ ту землю та грунты? Зъ кого ты повитягавъ, бодай тоби кышкы повытягало, оти капиталы? Чы ты працювавъ, чы гирко робывъ? А! щобъ вже ты такъ по-правди пропавъ, якъ по правди багативъ! Може и Сохвіина левада по правди куплена?

Носыкъ. Эге, эге... не по-правди.

Гнатъ. Лайтесь, лайтесь! Я знаю, що вамъ досадно на мои достаткы дывытысь. Ще-бъ не досадно було бачыты на старисть, що прыймакъ багатіє, що прыймакъ на всю околыцю „парсона“, а васъ наче нема, наче не було на свити! То було, хто не зайде въ хату—Якова пытае; кому чого треба—у Якова прохае, а теперъ все Гнатъ Трохымовычъ, та Гнатъ Трохымовычъ! Та иде Якивъ до церквы—люде чы помитылы, чы ни, а якъ йиде Гнатъ Трохымовычъ шарабаномъ,—такъ шапкы зъ головъ, якъ ти груши зъ дерева...

Яковъ (*зъ серця плюнувъ*).

Носыкъ. Хай Богъ помагае! Хай Богъ помагае! Багатій сыну, здобувай одъ людей пошану, абы „мзда по трудахъ твоихъ була“.

Гнатъ. Ха—ха—ха! Яки жъ-то труды? На поденщыну ходыты, чы полову на торгу продаваты, а чы такъ, якъ ваши стародавни дукари, по шагу—по копійци на проценты виддаваты та по чверть уируга пидъ застанову браты? Гай! Гай! Ти часы вже мынулы. Теперъ годи личыты шагамы, теперъ... на

комерческомъ основаніи, якъ каже Памфылъ Спырыдоновычъ, теперъ—здобувай видразу сотни або тысячи.

Якивъ. Болячокъ, щобъ воны тоби не переводылыся!.. Не круты цыгаркы, щобъ тоби ногы, рукы покрутыло... Не воняй табакомъ надъ труною—адже, бачыщь, я самъ не курю...

Гнатъ. А я курытыму!

Якивъ. Сто купъ...

Носыкъ (*спыняе*). Одійды, брате, одъ гриха... Уступы сыльный слабому, велыкоумный—малоумному, и згыне зъ свиту Божого суперека! Визьмы свою труну—я пособлю перенесты іи до клуни,—однаково сёгодня не ублаготворышъ ёго (*берутъ труну*).

Якивъ (*несучы труну*). Килкомъ бы ёго ублаготворыты!

Носыкъ. Эге... эге... Чы то-бъ то: хай я ще завтра коротеньке иносказаніе.

Ява 5.

Гнатъ самъ.

Гнатъ. Отгакъ-бы и давно! А! що увирылыся, що упеклыся мени оти диды! Докы воны и тынятымутся по селу, докы Господь ихъ триматыме на земли? Тутъ и такъ повна голова диловъ всякыхъ,—а тутъ ще и воны. Здается-жъ и не займаю ихъ: видъ старого стилько лайкы перетерпивъ, що ажъ самъ соби дывуюся; одъ того божевильного Носыка вже добрый визъ иносказаніивъ переслухавъ,—такъ ни: мало, бачъ, и сёго; „жывы въ одну шкуру, по нашому, по стародавнёму". „И людей не займай, и зъ людей не нажывайся"! Опадуть собакы—не обороняйся, а порвутся чоботы—деры зъ себе шкуру на лымарщыну. А! бодай васъ зъ такымъ жыттямъ, зъ такою навукою! Поздоровъ Боже Воротыленка—отъ прямо вчытель: зъ чорного зробыть тоби биле, а трохы згодомъ, круть-верть, слово-два, и знову тоби биле стане чорнымъ. Куды схоче, туды все село верне: хоть цобъ, хоть цабе! Каже, що то все черезъ навуку до такого розуму дійшовъ. Бреше! То все голова (*ходыть по кону*). Прямо

голова! Я такъ думаю, що винъ и Ивана Ивановыча за поясъ заткне, ій-Богу!

Ява 6.

Трохымъ та Гнатъ.

Трохымъ. Втрете прозьбою прохаю тебе—верны Сохвіину левадку. Посміявся зъ дурнои бабы, та й буде зъ тебе.

Гнатъ. А ты де такый аблакатъ взявся? Яке тоби дило до тіеи левадкы?

Трох. Ты-жъ добре знаешъ, що я заручывся зъ Марьею—у цю недилю весиляя.

Гнатъ. „Беры, брате у одній лёли, абы була до любови"! Чы може и тоби, якъ Кондратови, Сохвіина дочка безъ тіеи левады не до пары?

Трох. Кондратови може та левадка и цикава, а мени вона безъ надобносты,—я не про себе клопочусь: шкода тіи нещаснои удовы, що ты зныщывъ... адже божеволіе!

Гнатъ. Онъ якъ! Бачъ, якый ты жалистлывый? Одже сердься, чы ни—а я тоби не вирю!

Трох. Прыгадай часы свого парубоцьтва. Хыба тоби не боляче було дывытысь на слёзы твоеи дивчыны?

Гнатъ. Выгадкы! На бабськи слёзы якъ дывытыся, то ніякыхъ и справъ неможна робыты... То все м рныця!..

Трох. Якъ для кого. Верны-бо, Гнате, левадку: вси селяне поверталы все те, що покупылы у неи, тилько ты доси хаты та левады не вертаешъ.

Гнатъ. Про мене, хай ти люде хочъ озолотять, а я що купывъ, того не вертаю. Я Сохвіи не клыкавъ; сама вона прыйшла, сама набылася, сама цину склала на свое добре—хай на себе й жаліе.

Трох. Годи про те згадувать, якъ воно скоилася ця продажа, щобъ не заводыть и суперечкы. Прохаю тебе: визьмы гроши та верны документъ на левадку.

Гнатъ. Хочъ и прыемно мени дуже бачыты, що ты схаменувся, помяхчавъ та скынувъ зъ тебе трохы зайвои пыхы,

проте не можу я угодобыты твою прохань, бо безъ Сохвіиноі левадкы вся земля моя выйде не по хворми. Тоби, бачъ, боляче дывытыся на слёзы твоеи молодои, а мени у-двое болячише дывытыся на Сохвіину левадку, що вризуется у середыну моеи земли.

Трох. Визьмы-бо, Гнате, гроши.

Гнатъ. Не визьму!

Трох. Ще разъ прохаю тебе: визьмы гроши.

Гнатъ. Ще разъ кажу тоби: не визьму.

Трох. (*тыхо, зъ прытыскомъ*). Слухай, Гнате! Я головы не пошкодую, розуміешъ? Въ каторгу пиду, а ты... грабованнямъ не покорыстуешся...

Гнатъ. Ха—ха—ха! Не хмурься такъ, не злякаешъ...

Трох. (*ще тыхше пидступа*). Гей! Не смійся!.. Колы чоловику и каторга не страшна...

Гнатъ (*видступа, переляканно*). Та що-ты? Бога бійся...

Трохымъ. Давай документъ! (*Хапае Гната за комиръ*).

Гнатъ (*переляканно*). Богъ зъ тобою! Богъ зъ тобою!—Я хотивъ тилько тебе подратуваты...

Трох. Ну, не жартуй у-друге... (*одпускае*). Трохы, трохы до гриха не довивъ. Бачъ: ажъ тремчу весь!

Гнатъ. Немылосердный ты... Що-жъ це?.. Душа за лопуцёкъ?.. Напався... А за-вищо? Ка-зна за що—за клапоть земли... Пфу!!

Трох. (*выймае гроши*). Ось тоби гроши.

Гнатъ. Немае, брате, пры мени документа: винъ такъ и зостався у пысаря.

Трох. Колы-жъ ты мени ёго дасы?

Гнатъ. Прыходь надъ-вечиръ, пысарь тымъ часомъ прынесе.

Трох. А ты не збрешешъ?

Гнатъ. Якый неймовирный!

Трох. Гляды-жъ!

Гнатъ. Ій-же Богу!

Трох. Ты-жъ забожывся. Гляды!

Гнатъ. Прыходь у-вечири!

Трох. Ну, добре (*пишовъ*).

Ява 7.

Гнатъ самъ.

Гнатъ. Ачъ! проклятый! Трохы жызни не ришывъ. Отъ и жывы, и орудуй пры такыхъ порядкахъ! (*гукае въ двери*). Онухрій! Онухрій! (*тыша*). Нема! И де винъ запропастывся? Тутъ треба-бъ заразъ по начадство... щобъ прыйшло... а ёго нема Кулыно! Кулыно!

Ява 8.

Гнатъ та Кулына.

Гнатъ. Де тебе таскае лыхая годына? Тутъ мене трохы не вбыто!

Кулына. Изнову зъ батькомъ завився?

Гнатъ. Зъ батькомъ! Що мени твій батько? Разъ дамъ по потылыци, то й простягнется. Страшный мени твій батько! Точнисинько, якъ та собака, що на витеръ гавка... Трохымъ напався за леваду.

Кулына. Я-жъ тебе благала, я-жъ тебе прохала: верны Сохвіи левадку. Колы-бъ ты побачывъ, якъ вона, сердешна, за тіею левадою побывается, колы-бъ ты почувъ, якъ дивчата плачуть... Киндратъ вже одкынувся одъ Ганны, а Мотря черезъ журбу зъ нигъ валытся. Невже мы безъ тіеи левады не прожывемо? Чы намъ зъ неи хлибъ йисты? Наскуповувавъ и такъ, слава Богу,—абы жыви... На вищо ще тая левада здалася? (*стыха*). Може черезъ твои грихы Господь насъ и дитокъ залышывъ... Двойко було, та й ти померлы...

Гнатъ (*ходыть весь часъ стурбованый, пры останнихъ словахъ Кулыны зупыняется гнивно*). Ачъ! Чоловика трохы не вбылы, чоловика гвалтомъ грабують, а вона дитьмы клопочется! Потрибни тоби оти диты? Лементу, плачу та гыдоты забажалося?

Ничымъ бȣвытыся—покдады цуценя у колыску, та й гойдай до схбчу...

Кулына (*перелякано*). Чы ты пры своему уми, хай Богъ мылуе?—Куды-жъ ты все оте хочешъ нагарбаты, на той свитъ? Не заберешъ, а заберешъ хыба людськи слёзы... тилько, щобъ одъ ныхъ не захлынутысь и тутъ!

Гнатъ. Говоры! (*вбига Марья*).

Ява 9.

Ти-жъ и Марья.

Марья (*вбига несамовыто*). Ой, проби! Рятуйте! Маму ледве одрятувалы... зиялы зъ бантыны... и теперъ крычать, що не встережуть... Дядечку, лебедыку, пожалуйте и помылуйте! Не сыротить насъ! (*хапае его руку, цилуе*).

Гнатъ. Що се? Шо ты?.. Отъ тоби и комерція зъ самашедшымы! Збожеволіе, дурна баба... до бантыны лизе, а тоби—клопить!

Кулына (*обнима Марью*). Заспокойся, заспокойся, дытыно! Гнатъ Трохымовычъ не зобидыть... у ёго добре серце...

Гнатъ. Цыть мени!.. Яка ты мени жинка? Яка ты мени помишныця? На чоловика напасть... а вона зъ серцемъ...

Марья (*зновъ до Гната*). Ой, дядечку, лебедыку! Не зазихайте! Вамъ Господь давъ и спаможе... ще бильше...

Гнатъ (*перебыва*). Именно Господь давъ, такъ мени-бъ що, по твоему, и жбурлять на-бикъ, те, що Господь дарує?..

Марья. Ой лелечко, ой ненечко! Не зазихайте на наши слёзы, на наше горе!.. Тамъ-же такый лементъ та плачъ стоить... все село збиглось!.. Що мы кому учынылы, чымъ чужымъ пожывылысь? Працюемо та горюемо, ажъ сорочка на тили подается... За вищо-жъ одурено бидну маму? Пидвелы штуку... Оманылы, ошукалы... та и грабують...

Кулына. Поверны, прошу тебе, левадку Сохвіи... Аджежъ и видъ Бога, и видъ людей проходу не буде... Мало ще хыба ремства й безъ того! На вищо-жъ намъ брать ище сыритськый той жаль.

Гнатъ. Чысто вымучать,—выканючать... оци бабы—навожденіе діявольске, та й годи! (*Вагается*).

Марья. У кого-жъ правдонькы намъ шукаты? Де намъ подитысь? Ой, проби, рятуйте!

Гнатъ (*зновъ обуряется*). Рятуйте! А якъ твій... ученый отой мудрагель... мало не вбывъ оце мене, такъ мене й не рятуйте...

Кулына. Та Бога бійся,—винъ-же не пры соби бувъ зъ теи-жъ прычыны... бачыть, що семья загыбае...

Гнатъ. Ачъ, заступныця! Свята та Божа! Яка ты мени жинка? Гадюка—онъ що!

Марья (*пада на вколюшкы*). Богомъ святымъ заклынаю васъ, зглянытесь!

Гнатъ. Що це за наказаніе?... Зійдить зъ очей моихъ!

Кулына. Ходимъ! Не визьмешъ ёго! (*Пишлы*).

Марья. Ай! Пропащи, пропащи!! (*Выйшлы*).

Ява 10.

Гнатъ и потимъ Онухрій.

Гнатъ. Стій!.. Що се?.. Невже вырвать це серце и кынуть имъ у вичи?... Скавчать, плачуть... У, кодло чортове, зъ слёзамы!.. По селу ще гвалтъ... Ну й напасть!. И що ёго?.. Гей, Онухріе, Онухріе!

Онухрій. А що тамъ? (*за кономъ*).

Гнатъ. Де тебе чорты носють?

Онухрій. Віявъ.

Гнатъ. Сюды мерщій!.. (*До себе*). Невже вернуты? Зъ такымъ зусыллямъ прыдбавъ... и все по закону... и хвыгура, стало буть... и такъ-бы то на̀-тоби!

Онухрій (*ввиходыть*). Що скажете?...

Гнатъ. Бижы... заверны ихъ... стій-бо! (*до себе*). Этъ, дурныця! Начхавъ!.. (*Онухрію*). Бижы мерщій и поклычъ до мене старшыну, пысаря й Воротыленка... Щобъ заразъ въ одну хвылыну прыйшлы! Побачымо!.

(*Зависа*)

ДІЯ V.

Въ Яковій хати.

Ява 1.

Гнатъ самъ.

(*Гнатъ ходыть стурбованый по кону, заглядаючы у виконця*).

Гнатъ. Ну, що ты скажешъ? Оттакы прыятели... и Кулына вже вернулась нима нимою... та чортъ зъ нею!.. А тыхъ нема! Сонце вже на полудень звертае, а ихъ доси нема!.. Ось, ось Трохымъ прыйде, а ихъ чортяка таскае десь! Це прямо свавольство!

Ява 2.

Гнатъ, пысарь та Воротыленко.

Гнатъ. Ну, хвалыты Бога! Въ-сылу васъ диждався!

Ворот. Не моглы, праве слово, не моглы...

Пысарь. Опосля велыкыхъ трудовъ предались отдохновенію и не моглы раньше ни въ какомъ рази явытысь.

Гнатъ. Сидайте-жъ. Гараздъ, що хочъ одъ серця трохы одійшло, а то бувъ-бы вылаявъ...

Пысарь. Экстерни дила? (*Сидае*).

Гнатъ. Тутъ таки дила (*до Ворот.*)! Ось сидайте, пожалуста!

Пысарь. Оказія яка?

Гнатъ. Тутъ така оказія, що трохы жызнію не постраждавъ.

Ворот. та пысарь. Ну?

Гнатъ. Ій-Богу! Не знаю, якъ и жывый зостався.

Пысарь. Значыть лычно васъ касающая?

Ворот. (*заспокоившысь, сидае*). Нуте, нуте, яка вамъ прыгода була?

Гнатъ. Трохымъ трохы не вбывъ...

Пысарь. Онъ якъ! Уголовщына!

Ворот. За вищо?

Гнатъ. За Сохвіину левадку—будь вона проклята!

Пысарь. Понятно, понятно... наречёный женыхъ. А свидкы булы?

Гнатъ. То-жъ то и горе мое, що не було на той часъ никого.

Ворот. Жалько, жалько...

Пысарь. Отъ досада! Це дійствытельно, знаете, бувъ чудовый случай рукы ёму прыкоротыты: хвормальна уголовщына, покушеніе на смертоубыйство—вирна тюрма!

Гнатъ! Ось бачыте—самъ парубокъ у рукы давався, а мы прогавылы... Колы-бъ вы булы справжни прыятели, то вы-бъ душею почувствовалы, яке мени тутъ лыхо...

Пысарь. Чувствовалы, чувствовалы и сугубо пылы...

Ворот. Пылы прямо на пропале! Пылы такъ, що якъ-бы оце вы прыказалы подать монопольки, то сказалы-бъ вамъ велыке спасыби. Трищыть голова на похмилля...

Гнатъ. Кулыно! Подай сюды закусыты! У васъ трищыть зъ похмилля, а у мене ббертомъ иде одъ думбкъ. Оце-жъ винъ прыйде незабаромъ знову за документомъ.

Пысарь. Явытся? Расчудесное дило! Отъ, колы-бъ узявся васъ, Гнате, трощыты! Разчудесне-бъ дило! Значыть, господынъ Воротыленко, нашъ визитъ къ кумушкѣ отлагается на опосля... избіенія.

Гнатъ. Боже бороны! Я васъ не выпущу. Кулыно! чы ты тамъ скоро?

Ворот. Якъ що винъ прыйде, то не мыне винъ нашыхъ рукъ...

Гнатъ. То есть колы-бъ Гнатій Трохымовычъ не мынувъ ёго рукъ, та пры свидкахъ?...

Пысарь. Для дила полэытельно...

Гнатъ. Одначе мени цёго не кортыть...

Ворот. Ёго не довго роспалыты; слово-два—и готовъ: розсатаніе, якъ та чортяка.

Пысарь. Обязательно розгарячытся...

Гнатъ. Колы-бъ тилькы не дуже... а для прыкладу... (*Кулына уносыть горилку, выно, оселедци и заразъ выходыть геть*).

Гнатъ. Кушайте, пожалуста! (*налываe*)..

Пысарь. Перва чарка—за ваши сынякы... Ха, ха!! Теперъ надо обсудыть планъ страженія... (*Пье налыту Гнатомъ чарку*). Когда винъ иміє намерѐніе прыйты?

Гнатъ (*налываe Ворот*). Просымо!

Ворот. Успиховъ въ дилахъ!

Гнатъ. Я ёму веливъ прыйты надъ вечиръ.

Пысарь. И чудесно! Къ тому времени мы прыготовымъ вповни надежныхъ свидителивъ, зачинымо ихъ въ сумежній хати (благо—Яковъ отсутствуе въ доми) и предоставымъ господыну Трохыму повную свободу...

Гнатъ. Стійте... Що-жъ ты... повну свободу! Такъ винъ и убье мене...

Пысарь. Разчудесно! тоди, певно, каторга... и здыхаемось ёго на викы!

Гнатъ. Та що-жъ вы? А мени-жъ яка корысть...

Ворот. Не безпокойтесь, Гнате Трохымовычу, въ такій биди не трудно пособыты. За ваше здравіе! Прыятели ваши разъ проштрафылыся, а въ-друге будуть справни...

Пысаръ. Пустяшне дило!

Гнатъ. Треба ёго такъ упекты, щобъ ажъ до гарячого зализа довесты!

Пысарь. Це не трудна комбынація! Чарка—за ваше!.. винъ ошаліе въ одынъ ментъ!

Гнатъ. За ваше здоровье (*закусюе*). А чы не можна ёго ажъ на Сибиръ загнать?

Пысарь. Возможно: допустыть тилько нанесеніе ударовъ зъ членовредытельствомъ (*пье*).

Ворот. Щобъ прыбывъ до полусмерты? Ха—ха—ха! Оце такъ порада! (*пье*).

Гнатъ. Що вы справди таке радыте? то членовредытельство... то цилу смерть!

Пысарь Для обческой пользы...

Гнатъ. Цуръ ёму и пекъ такій пользи!.. Я здатенъ, даймо, прыкынутысь и повалятысь якый мисяць у больныци, щобъ здыхатысь...

Ворот. (*зитхаючы*). Охъ, винъ и мени достаточно попортывъ: посемействъ 5 зовсимъ одбывъ одъ переселенія, а решту—уговорывъ одложыть свій выхидъ на тры дни... И сёгодни бигавъ чогось до батюшкы!

Пысарь. Теперъ ще у ёго сердешни дила, всяка трыньтрава въ голови, а якъ сочетается законнымъ бракомъ, війде у лита, тоди видъ ёго не буде ніякыхъ секретивъ... Трищыть проклята голова! (*Налываe*; *пье*). Успиховъ въ дилахъ...

Гнатъ. Правда, правда, черезъ ёго найбильше неможна ніякои комерціи весты, всимъ селомъ каламутыть... Ну, та теперъ винъ вже не выкрутытся зъ нашыхъ рукъ—я ёго доведу до краю! Вынця покуштуйте!

Пысарь. Нема никоторого резону и мылувать ёго. Сказать-бы: людына безъ понятія, невежественный чоловикъ, а тожъ—грамотный, и весьма дуже грамотный!

Гнатъ. Ото-жъ грамота и пыхы ёму надала. Вже де грамота замишается—тамъ не сподивайся добра!

Ворот. Э, ни, це вы напрасно—теперъ, скажу вамъ, неграмотній людыни—шагъ цина!

Пысарь. Въ настояще времья безъ грамоты, якъ безъ рукъ (*налываe вына*). „Ученіе—свѣтъ, неученіе—тьма". „Навука—це добра штука".

Гнатъ. Хай вона сказытся, та навука, якъ вона мени вже увирылась. Вчора вы (*до Ворот.*) торочылы про науку, сёсегодни въ-ранци дидъ Носыкъ чытавъ акахвыстъ тій навуци, теперъ Трохымъ трохы не задавывъ мене черезъ неи, анахтемську. А, щобъ вона вамъ зъ лыця земли счезла!

Ворот. Не согласенъ, не согласенъ, и согласія свого, по викъ-вичный не дамъ! (*Налываe выно*).

Пысарь (*Гнату*). Та й вы самы жалилысь, що колы-бъ вамъ ще наука...

Гнатъ. Этъ, пустяковына! На биса вона мени здалася та навука теперъ? Абы голову не знать чымъ забываты. Адже не дарма кажуть: „рыба смердыть одъ головы“ (*пье*). Иванъ Ивановычъ? У васъ е готова цыгарка?

Борот. Ось у мене табакъ йе. (*Выймае портъ-сыгаръ*). Ось и бамажка... (*шукае по карманахъ*). Представте —бамажкы не взявъ...

Гнатъ. Не турбуйтесь! Бамагы у мене до ката! Воно и турецькый табакъ десь йе, та не хочется шукаты. (*Выймае зъ рижныхъ карманивъ документы, векселн, то що*). Ось де навука! (*Показуе вексель*). Давъ 75 карбованцивъ на 3 мисяци— взявъ вексель на 100!! Тю... у! скилько бамажокъ завелось по карманахъ! Що то комерческа людына! Кушайте вынце! Допывайте! Я, знаете, бильше монопольку вжываю! Десь тутъ була духовна (*шукае по карманахъ*)—саме бамага на цыгаркы! Ха—ха—ха! Ось вона!.. (*Одрывае клапоть, за нымъ одрываютъ вже осоловили Ворот. та пысарь. Вси крутять цыгаркы*)

Пысарь. Однакоже... и безъ наукы невозможна... Пыща духовная. (*Налывае и выпывае*).

Ворот. И я те-жъ кажу.

Гнатъ. Абы гроши, то всякъ и навукою тіею мени поклоныгся. Не курытся! (*Кыда цыгарку, робыть другу, за нымъ и Воротыленко рве папиръ*). Прыривняемо теперъ мене хочъ до васъ, завзятыхъ грамотіивъ... Ну?

Ява 3.

Ти-жъ, та старшына.

Старшына. Печатка де?

Гнатъ. А! Господынъ старшына! Протверезылыся? Просымо до столу! Чудесный свидокъ! (*Тягне его*).

Старшына. Неможна, невозможно! Печатку швыдче давайте,—прыйихавъ Земськый!

Пысарь. Земськый?

Ворот. Чого?

Старшына. Батюшка зробывъ сёгодни якесь донесеные, а винъ певно у-слидъ выйихавъ на дознаные. Давайте печатку!

Ворот. Не знаете, про що... яке дознаные?

Старшына. Не знаю. Печатку!

Гнатъ. Иванъ Ивановычъ! Де печатка?

Пысарь. Десь у васъ, въ кармани. (*До старшыны*). А мене пытавъ Земськый?

Старшына. Ни, ще не пытавъ. Отъ, Боже мій! Не гайте мене, Гнате Трохымовычу!

Гнатъ. Морока іи знае, де вона диласяся? Позавчора я іи прыкладавъ до прыговору, вчора тежъ кудысь, здается, прыкладавъ... Не найду!

Стар. Отъ, пропаду черезъ чортъ-зна-що—черезъ печатку.

Ворот. А мене не пытавъ?

Старшына. На вищо було брать ту печатку?

Гнатъ. Була необходымисть. Кулыно! (*Кулыно на дверихъ*). Не бачыла ты печаткы?

Кулына. Яка-жъ вона?

Старшына. Кругленька мидненька зъ деревянымъ держальцемъ...

Кулына. Хто ёго зна! Я вчора чымсь такымъ горласту бальзанку затыкала...

Старш. Де-жъ вона?

Кулына. Мабуть загубылася, бо назадъ прывизъ Гнатъ бальзанку, вже зъ пробкою.

Гнатъ. Самошедша! Що ты наробыла? Це-жъ волостна печатка!

Кулына. Мени клопитъ! (*Зныкае*)

Старшына (*хапается за голову*). Пропавъ я! Черезъ чортъ-зна-що, черезъ печатку пропадать мушу! (*выбигае геть*).

Ява 4.

Безъ старшыны.

Пысарь. Плохая може выйты штука!

Гнатъ. Для кого?

Пысарь. Для старшыны, а ровно и для васъ.

Гнатъ. Я жъ тутъ у чимъ вcase? Що прыкладавъ самъ печатку? А якъ мени небходымисть якый прыговоръ швыдче узакбныты, а старшына на похмилля головы не зведе? Що-жъ? Такъ я-бъ ото повыненъ черезъ старшыну, або черезъ ту печатку, дило теряты?

Пысарь. Конечно, одначе—все-жъ такы...

Гнатъ. Безъ печаткы мени не сподручно...

Воротъ. Якъ вы думаете, Иванъ Ивановычъ, яке це донесеніе?

Пысарь. Пустяшне якесь донесеніе, бо въ противномъ случаи понадобывся-бъ первымъ я...

Воротъ. И я такъ думаю. Вирно на щотъ...

Ява 5.

Ти-жъ та Явдоха.

Явдоха. Чы тутъ Воротыленко? Иды швыдче—старшына клыче: лыбонь прыйшовъ цвинкуляръ тебе арештуваты.

Воротъ. Що-о-о?

Явдоха. Тамъ люде крычать, крычать биля волосты... Вже въ твоій скрыни троячокъ шукалы...

Явя 6.

Ти-жъ та десяцькый.

Десяцькый. Воротыленко!. Въ волость!

Воротъ. Ось колы мени край! (*иде геть*).

Десяцькый (*до пысаря*). И про васъ Земськый помынався...

Пысарь (*стурбовано*). Про мене?.. Правда, пры претыколахъ... я требуюсь... только я въ нетрезвомъ выди;—доложы, що я въ служебнимъ отсутствіи...

Гнатъ. Та й я васъ и не пущу; ще-жъ Трохымъ прыйде.

Я в а 6.

Гнатъ та пысарь.

Г н а т ъ. Отъ такъ штука! Догрався! поличыть теперъ троячкы у вьязныци. Я такъ и думавъ, що чымсь поганымъ скинчытся, та все не надіявся, що винъ такый необережный. Було-бъ ёму давно звидсиль тикаты!.. Отъ вамъ и навука! Грамоту пройшовъ, а попався... Шкóда чоловика! Се-бъ то нашъ сёгодняшній бенкетъ пропавъ? Та чого вы нисъ похнюпылы?

П ы с а р ь. Не въ бенкети дило.

Г н а т ъ. А у чимъ? Хиба и ваша душа не на мисци? Ха-ха-ха!

П ы с а р ь. И не въ души дило... Ваши купчи можутъ пропасты... не смійтесь!

Г н а т ъ. Мои купчи? Го-го!!

П ы с а р ь. И весьма возможно! Ежели зроблять хвормальне дознаніе и выявытся, що Воротыленко пидмовлявъ людей на переселеніе съ своекорыстною цилею, а опысля по настоятельнымъ вашымъ просьбамъ и даже съ уплатою за труды, то ваши купчи можутъ скасыруваты.

Г н а т ъ. Що вы кажете? Це розбій! Це грабижъ! Я купывъ! Я гроши заплатывъ—я не видповидаю за мошенство якогонебудь Воротыленка. Купывъ 40 десятынъ ораного поля, 4 грунты, та тобъ-то теперъ ихъ назадъ виддаваты?

П ы с а р ь. Сохвіина левада може и не війде въ те чысло, бо Сохвія не запысана къ щастію въ чысло переселенцивъ, и, выходыть, буцимъ вона продала леваду по доброхотному соглашенію.

Г н а т ъ. Що вы мене Сохвіиною левадою дратуете? Я капыталъ поклавъ на чыслѐннисть земли, и нихто не прыневолыть мене вертать ту землю! На вищо тоди и законы? Вы велыкоумни граматыкы повынни булы-бъ знаты, що йе таки самошедши законы, щобъ мое добро, куплене за мои власни гроши, та у мене грабуваты... Чы вы й сами законивъ не знаете?

Пысарь. Достаточно знаю...

Гнатъ. Такъ, мабуть, якъ и Воротыленко! Ха-ха-ха! Отъ ваша и навука, отъ ваша и граматыка! Одного за троячку арештувалы, а другый може за семыгрывенныкы седитыме. Ха-ха-ха!

Пысарь. Я семыгрывенныкивъ ніякыхъ не бравъ.

Гнатъ. Не бравъ? Воротыленко мени самъ прызнавався, що зъ кожнои троячкы вамъ по семыгрывенныку упало.

Пысарь. Врётъ онъ, анахтыма! протестуюся—я не бравъ!

Гнатъ. Годи, годи! Хыба я кому скажу? Ха-ха-ха!! Боже бороны, щобъ я кому сказавъ. (*Курыть*)Ха-ха-ха! А все-жъ такы ловко выйшло. Неграмотный чоловикъ, безъ усякои навукы, сылу земли пріобривъ, а велыкоумни граматыкы за троячкы, або й семыгрывенныкы... (*показуе кудысь рукою*) гайда! (*сміется*). Правда?

Ява 8.

Ти-жъ, Трохымъ, Сохвія.

Сохвія (*радисно*). Голубчыку, братику мій! Сыночку мій риднесенькый! Вызволывъ ты мене зъ ямы... Уже була пидняла й руку... Хай тебе Царыця Небесна окрые!

Трохымъ. Я угледивъ, що Иванъ Ивановычъ пійшовъ до тебе, та побигъ мерщій за Сохвією ажъ на хутиръ... Ось твои гроши; хочъ личы, хочъ не личы—все до копійкы.

Гнатъ (*кыда цыгарку, робыть и закурюе другу*). Яки гроши? Ты у мене не позычавъ.

Сохвія. Це за левадку, Гнатыку, гроши.

Гнатъ. За леваду я грошей не визьму назадъ.

Пысарь (*робыть цыгарку*). Продано, и кинець.

Трох. Ты-жъ обищався, Гнате, вернуть документа!

Пысарь. Приневоленый обстоятелтствамы чоловикъ може и клятвопреступыты.

Сохвія. Ой, Боже-жъ мій!

Трох. Ты-жъ божывся, Гнате!

Гнатъ. Божывся, а теперь одбожусь... (*сміется*).

Трох. Годи жартивъ! Хыба я тебе теперь... Эй, схаменыся! Та я побожывся, що не пійду звидсиль, покы чы одъ жывого, чы одъ мертвого не здобуду документа?

Гнатъ. Чуете? Иванъ Ивановычъ!

Пысарь. Погроза! Самоуправленіе! Я протоколъ составлю!

Трохымъ. Хочь 10 протоколивъ—я не пійду звидциль съ порожнимы рукамы. Вертай купчу!

Гнатъ. А цёго не хочешь? Ха-ха-ха! (*показуе дулю*).

Трохымъ. Мыройидъ проклятый! Пьянюго! Докы ты каминемъ лежатымешъ на души моій? Докы ты пытымешъ кровъ нашу? Одного мошенныка, кажуть, вже арештувалы, а зъ тобою я самъ росправлюся (*кыдается на Гната*). Виддавай документъ!

Гнатъ. Иванъ Ивановычъ! Свидкивъ! Давыть! Кулыно! (*борытся зъ Трохымомъ. Пысарь бижыть до дверей*).

Пысарь. Эй, хто тамъ! Люде!

Сохвія. Ой, пропала-жъ я!

Ява 9.

Ги-жъ, Кулына, Носыкъ, Якивъ.

Трохымъ (*борючысь зъ Гнатомъ*). Головы не пошкодую!.. На Сыбиръ пійду! За всихъ селянъ отвичу!! Виддай документъ, мошенныкъ, злодій!

Гнатъ. Не виддамъ! Свидкивъ!

Носыкъ (*разбороняючы*). Ось годи-бо годи! Яки неублаготворымы... Ось слухайте. . Я—коротенько! иносказаные...

Якивъ. Такъ, такъ, Трохыме! Налягай! Давы за глотку собаку! Не выпускай жывого, сто купъ чортивъ ёго батькови!

Трохымъ. Сказавъ: убью!

Кулына. Виддай, Гнате, виддай документъ! Ай, ай! нижъ у Трохыма за халявою!

Сохвія. Бога рады! Христа рады!

Гнатъ. Иванъ Ивановычъ! Рятуйте!

Пысарь. Ищу бумагы! Уголовщына! Де бумага, де чорныло? (*хапае недокурену бумагу*).

Трох. Эй, зарижу! (*выхопляе нижъ*)

Яквиъ. Такъ ёго! такъ!

Кулына. Проби! Гнатыку! Трохымыку!

Пысарь. Стойте! Стойте, господа! Да документъ на левадку на цыгаркы спалылы!

Гнатъ та Трохымъ кыдають одынъ одного, бижать до тіеи бумажкы, котру пысарь держыть въ рукахъ.

Гнатъ. Брешешь! то духовна! (*Розгляда*).

Пысарь. Документъ на левадку, собственноручно пысанный мною одъ 8 чысла.

Гнатъ (*збирае клапти*). Це духовна.

Пысарь. Запродажня.

Сохвія. Ой, Маты Божа!

Трохымъ (*прочытавъ клапоть*). Ха-ха-ха! Такъ и йе! Запродажня!

Якивъ (*до Гната*). А що? пожывывся, чортъ-бы взявъ твого батька?

Гнатъ. Брешете вы вси: спалылы духовну, а ось запродажня! (*показуе бумажку и кладе на стилъ*).

Пысарь. Къ сожалинію, запродажня скурена, а духовна въ цилости!

Гнатъ (*якъ несамовытый*). Брешете—духовну спалылы! (*Збирае клапти*)

Трохымъ. Лодарь собачый! Хочъ-бы навчывся чытаты свои мошенськи бамагы.

Якивъ (*бере духовну*). Колы духовна, значыть моя! Чортового батька теперъ выколупаешъ... у людей сховаю, у батюшкы...

Трохымъ. Одвивъ якось Господь одъ гриха—убыты хотивъ, якъ собаку!

Сохвія. И, Боже, мій Боже! Що зъ цёго буде?

Якивъ (*до Сохвіи*). А ты теперъ грошей ёму не вертай.

Сохвія (*радисно*). То-бъ то и левадка, и гроши мои?

Гнатъ (*кыда клапти бамагы*). Це здырство! Це грабижъ! Виддай гроши!

(*Сохвія ховае гроши за пазуху*).

Трохымъ (*вырываючы гроши у Сохвіи*). Не поганьтеся, мамо! (*Кыда гроши*) На! поличы й подавысь!

Гнатъ (*личыть гроши. Вси дывлятся*).

Якивъ. А що? злякався? Щобъ тебе за жывитъ ухопыло!

Ява 10.

Ти-жъ та Марья.

Марья (*кыдается на груды Трохымови*). Сонечко мое ясне! Правдонько моя щыра! Все-жъ, якъ казавъ, такъ и сталося!

Ява 11.

Ти-жъ та Явдоха.

Явдоха (*засапавшысь*). Матинко! Ще цвинкуляръ когось арештувавъ!

Гнатъ. Це васъ за семыгрывенныка.

Пысарь (*до Гната*). Ни, васъ за прыговоръ.

Якивъ. Обохъ, сто купъ чортивъ вашому батькови! Обохъ у вьязныцю!

Ява 12.

Ти жъ, десяцькый, люде.

Десяцькый. Иванъ Ивановычъ, Гнате,—до волосты!

Якивъ. А що? Догралыся?

Люде (*спочатку за кономъ дуже гомонять, потимъ врываются въ хату*).

1 чолов. У волость, мошенныкы!

2 чолов. Мыройиды пр̂оклятi!

3 чолов. Бый ихъ!!...

(*Люде тягнуть обохъ*).

Зависа.

Л. Яновская.

Походъ козаковъ въ Сѣверную Россію въ началѣ XVII в.

Въ 1612 году 21 августа явился къ Москвѣ гетманъ Карлъ Хоткевичъ съ польскими и литовскими людьми, съ венграми да „черкасами“ на помощь полякамъ. Бояре и воеводы Д. М. Пожарскій и князь Д. Т. Трубецкой три дня упорно сражались, и 25 августа „восходящее солнце застало уже гетмана на дорогѣ къ Можайску.“ [1]) Ушли-ли туда и „черкасы“, пришедшіе съ нимъ? Какъ видно изъ дальнѣйшаго—нѣтъ, или по крайней мѣрѣ—не всѣ. „Когда дѣло уладилось подъ Москвою, пришли дурныя вѣсти съ сѣвера: малороссійскіе казаки; или черкасы, отдѣлившись отъ Хоткевича, подошли нечаянно (неожиданно?) къ Вологдѣ и взяли ее.“ [2]) Это было 22 сентября. „Разорители православной вѣры пришли на Вологду безвѣстно изгономъ, городъ взяли, людей всякихъ посѣкли, церкви Божіи поругали, городъ и посады выжгли до основанія.“ [3]) Затѣмъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ ихъ у Соловьева разсказывается слѣдующее: [4]) „Съ тою же чудесною быстротою (?) (какъ Лисовскій) дѣйствовали на отдаленномъ сѣ-

---

1) Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Спб. 1894. т. VIII, стр. 1032.

2) Тамъ-же, стр. 1034.

3) Тамъ-же,—донесеніе Вологодскаго архіепископа Сильвестра Пожарскому.

4) Соловьевъ, т. IX, стр. 1069.

верѣ козаки Малороссійскіе: *такой войны*, говоритъ лѣтописецъ, отъ начала міра не бывало; не понимали Русскіе люди, куда и какъ пробирались черкасы. Изъ Вологодскаго уѣзда пошли они въ поморскіе города (?), воевали Вагу и Тотемскіе мѣста и Устюжскія (?), потомъ пошли въ Двинскую землю къ морю (?), шли мѣстами непроходимыми, Богъ знаетъ гдѣ они не были (!), и—вышли въ Новгородскомъ уѣздѣ къ Сумскому острогу. Нигдѣ не могли (?) остановить ихъ; только въ Заонежскихъ погостахъ побили ихъ много, а Олончане (?) добили и послѣднихъ; воевали они Московскую землю все проходомъ, говоритъ лѣтописецъ, подъ городами и по волостямъ (подъ волостями?) нигдѣ не стояли (?), земли много запустошили, но и сами всѣ пропали же." Такъ изложенъ этотъ походъ у Соловьева. На самомъ же дѣлѣ, движеніе это изображено неправильно; совершенно пропущены нѣкоторыя крупныя станціи; затѣмъ о „чудесной быстротѣ" врядъ-ли можно говорить, если принять во вниманіе, что походъ козаковъ продолжался цѣлыхъ полтора года.

Если справимся объ этомъ походѣ у другихъ историковъ, то не найдемъ тамъ никакихъ точныхъ указаній. Такъ, *Голиковъ*. (Дѣянія Петра В., Дополн., т. II, стр. 419)—„сихъ блудящихъ безъ памяти злодѣевъ", еще до Вологды заставляетъ побывать въ Торопцѣ, Новгородскомъ, Углицкомъ и Пошехонскомъ уѣздахъ. *Берхъ* (Царствов. царя Мих. Θеод., ч. I, стр. 93—94), назвавъ ихъ шайкою разбойниковъ, состоявшею изъ польскихъ бродягъ, козаковъ и сподвижниковъ Тушинскаго Самозванца, и смѣшивая ихъ съ ворами-козаками, выводитъ непосредственно съ Ваги и ведетъ къ Холмогорамъ; встрѣтивъ ихъ затѣмъ „скитающимися" около Романова, Углича и Торопца, проводитъ ихъ „пространными пустынями" и „едва проходимыми мѣстами" до Олонца. *Арцыбашевъ* совершенно уже смѣшалъ тѣхъ и другихъ козаковъ; во главѣ отряда („шайки") онъ ставитъ атамана Баловня, который, начавъ съ Пошехонья, Бѣжецкаго, Кашинскаго, Новгородскаго, Бѣлозерскаго и Каргопольскаго уу., приходитъ въ Важскій уѣздъ, съ отрядомъ въ числѣ 7000 (!) чел., и затѣмъ, побывавъ подъ Холмогорами и Архангельскомъ, черезъ

Поморье проникаетъ къ Олонцу; здѣсь же, по Арцыбашеву, Баловень находитъ свою кончину,—вмѣсто московской висѣлицы.

Недавно Н. Ардашевъ, [1]) воспользовавшись въ архивѣ Министерства Юстиціи столбцами Разряднаго приказа по Московскому столу, отчасти столбцами же Бѣлозерскаго уѣзднаго суда и книгами разряднаго приказа, а также нѣкоторыми писцовыми книгами, въ которыхъ заключаются важныя хронологическія и топографическія указанія, включая сюда и изъ печатнаго матеріала все, что только можно было собрать изъ лѣтописныхъ сборниковъ, собраній актовъ и мѣстныхъ изданій сѣверныхъ губерній, возстановилъ съ достаточными подробностями упомянутый походъ и его обстановку.

Послѣдуемъ теперь за авторомъ и отмѣтимъ постепенно всѣ извѣстные намъ нынѣ пункты, посѣщенные украинскими козаками въ теченіе полуторагодоваго ихъ странствованія на сѣверѣ.

Осадивъ и разоривъ Вологду, черкасы явились къ Спасо-Прилуцкому монастырю (въ 5 верстахъ отъ города, въ 2-хъ отъ посада). Здѣсь они „братью и служекъ, и крестьянецъ многихъ посѣкли и въ церкви Божія милосердія образы ободрали, и казну монастырскую безъ остатковъ поимали", а нѣкоего подвижника Галактіона, жившаго подъ Вологдой, „схватили живаго въ веригахъ и начали его бить нещадно и за цѣпь влачить по землѣ, и мечами сѣкли, и деревомъ ударили по головѣ, и оставили еле живаго. [2])

25 сентября черкасы ушли отъ Вологды и пошли вверхъ по Сухонѣ къ Тотьмѣ, опустошая по пути волости, сжигая деревни и убивая людей... Въ Тотьмѣ имъ было оказано сопротивленіе въ лицѣ тотьмичей, уѣздныхъ и посадскихъ людей и стрѣльцовъ; былъ даже въ Тотьмѣ „острогъ стоячій" (стѣна изъ

---

[1]) Журн. Мин. Народн. Просв. 1898 г., іюнь, стр. 225—262 «Изъ исторіи XVII вѣка».

[2]) Дѣйствительно, на третій день послѣ этого онъ скончался (впослѣдствіи на мѣстѣ его кельи былъ основанъ монастырь «Галактіонова пустынь», нынѣ Спасо-Каменскій Duховъ монастырь).

«стоячихъ острожинъ»,—бревенъ), а межъ стѣнъ—8 башенъ. Но козаки этимъ не смутились: „дворы, лавки и церкви пожгли и людей посадскихъ и уѣздныхъ посѣкли“...

Отъ Тотьмы „черкасы и литовскіе люди“ измѣнили направленіе и двинулись прямо къ сѣверу, къ Вельску (на р. Вагѣ, лѣвомъ притокѣ Сѣв. Двины). Явившись къ Вельску, „погостъ разорили, крестьянъ посѣкли, въ храмѣ Ивана Милостиваго кадила и книги, колокола и образа пограбили и сосуды церковные прибили, и благословенныя и храмосвятныя грамоты взяли“. Отсюда непосредственно обратились на Важескій Богословскій монастырь, „стояли тамъ и многихъ въ монастырѣ старцевъ и бѣльцовъ посѣкли, а иныхъ многихъ мучили и монастырскую казну денежную и платье, и церковные сосуды, и паникадила, и свѣчи мѣстныя, и ризы камчатыя, и поручи съ жемчуги—то все пограбили, и съ образовъ серебряные оклады и гривны поимали, и кельи въ монастырѣ, и въ волостяхъ дворы пожгли, и хлѣбъ въ монастырѣ, и въ деревняхъ коньми окормили, а досталь въ попранье подъ ноги сыпали и рогатый скотъ побили, и лошади обводили“. Это было въ концѣ сентября или въ первыхъ числахъ октября. Около этого времени дошли въ Москву слухи, что „черкасы, которые съ гетманскаго побою разбѣжались“, пришли въ Вологду, посады пожгли и людей многихъ посѣкли. Немедленно, 4 октября, бояре и воеводы, князь Пожарскій и князь Трубецкой, отправили грамоту въ Яренскъ (на р. Вычегдѣ, прав. притокѣ Сѣверной Двины), къ мѣстному воеводѣ, посадскимъ и уѣзднымъ старостамъ съ предостереженіемъ—жить мирно, съ осторожностью, „чтобъ черкасы безвѣстно не пришли и дурна какого надъ городомъ не учинили, и вымьскихъ мѣстъ не повоевали“. Но грамота эта достигла Яренска лишь 27 ноября.

Тѣмъ временемъ черкасы измѣнили направленіе своего движенія къ югу, „въ устюжскія мѣста“, и пришли къ Соли-Вычегодской, [1]) гдѣ, какъ всегда, посадъ разорили, дворы посад-

---

[1]) Нынѣ Сольвычегодскъ, почти у мѣста сліянія Суховы съ Вычегдой.

скіе пожгли, а жителей, съ женами и дѣтьми, предали смерти. „Повоевавъ „устюжскія мѣста“, они опять повернули къ западу, по направленію къ Новгороду, и въ первыхъ числахъ декабря появились въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, подъ стѣнами Кириллова монастыря. Ничего не успѣвъ здѣсь, они изъ-подъ Кириллова монастыря, мимо Бѣлозерска, пошли къ сѣверу, прямо къ Каргополю (на озерѣ Лача, откуда вытекаетъ Онега), опустошивъ нѣсколько окрестныхъ волостей, а 12 декабря, ночью, произвели нападеніе на Каргопольскій посадъ, разорили его, но острога взять не могли. На другой день осада также была неудачна; то-же самое было и на третій день, не смотря на то, что къ острогу приступали съ „щитами“ [1]) съ огнемъ, зельемъ и смолою“. [2])

Лишь только пришли черкасы къ Каргополю, ихъ *полковникъ* Григорій Васильевичъ (сотникъ Григорій Черкашенинъ,—какъ предполаг. г. Ардашевъ), съ товарищами, отправилъ „воровскую грамотку“ Каргопольцамъ, въ которой излагалось, что ихъ послалъ „государь Владиславъ Жигимонтовичъ со многою ратью въ Каргополь и въ поморскіе города, за ихъ выслугу, воевать“, потому что каргопольцы „государю, крестъ цѣловавъ, измѣнили“, и на этомъ основаніи должны заплатить имъ сполна со всего Каргопольскаго уѣзда „данныя и оброчныя деньги и мелкіе всякіе денежные доходы“ за прошлые 1611 и 1612 года. „А только вы намъ денежные доходы заплатите сполна по прежнему, и мы—писали они,—на томъ присягаемъ и крестъ цѣлуемъ, что вашихъ храмовъ и дворовъ въ посадѣ и въ уѣздѣ не будемъ палить и грабить и крестьянъ сѣчь“. Одновременно же съ этимъ дальновидные черкасы отправили посланца крестьянина съ письмомъ къ нѣкоему пану Песоцкому, который оставался, очевидно, гдѣ-то неподалеку отъ Кириллова монастыря, съ просьбой явиться къ нимъ на подмогу и затѣмъ, осадивъ соединенными силами Кар-

---

1) «Щиты», служившіе для защиты нападавшихъ отъ выстрѣловъ, устраивались на саняхъ и во время приступа подкатывались къ укрѣпленію.

2) Все вмѣстѣ назыв. «примёты», т. е. воза съ горючими матеріалами, при помощи которыхъ старались поджечь укрѣпленіе.

гополь и забравши оттуда артиллерію, вмѣстѣ двинуться къ Кириллову монастырю. Но каргопольцы перехватили посланца и письмо у него отобрали.

Послѣ троекратныхъ неудачныхъ приступовъ, видя тщетность своихъ усилій, черкасы 13 декабря по-утру, зажегши посадъ, повернули снова къ югу, по направленію къ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю.

Тѣмъ временемъ туда, 10 декабря явился (неизвѣстно откуда) панъ Песоцкій съ 700 „черкассъ и съ ними панъ Лаврикъ (двоюродн. братъ Песоцкаго) да панъ Марко“ (Маркъ Поздяковъ, есаулъ—какъ предполагаетъ г. Ардашевъ), разоряя обычно все по пути. Самъ Песоцкій, схвативъ въ одной деревнѣ мѣстнаго попа, Павла Семенова, бьючи его разспрашивалъ о монастырской казнѣ, о городской крѣпости и артиллеріи, а кромѣ того послалъ за отрядомъ черкасъ, дѣйствовавшихъ подъ Каргополемъ, съ повелѣніемъ вернуться сюда, чтобы вмѣстѣ подъ Кирилловымъ монастыремъ промышлять.

Въ ночь на 11 число Песоцкій, приставивъ къ монастырскимъ стѣнамъ лѣстницы, бросился на штурмъ... Два часа длился жаркій бой, но нападающіе были съ значительнымъ урономъ отбиты: 100 душъ полегло у стѣнъ монастыря, въ томъ числѣ и панъ Песоцкій, убитый на приступѣ изъ пушки, и братъ его панъ Лаврикъ и много другихъ пановъ. Отступивъ отъ монастыря на юго-востокъ къ Кубенскому озеру въ количествѣ 600 душъ, черкасы не оставили мысли посчитать монастырскую казну—они лишь поджидали прихода отряда изъ-подъ Каргополя.—„Не устояли отъ насъ Москва (sic!) и Великій Новгородъ и иные многіе города, а Кириллову монастырю отъ насъ не устоять!“

13 декабря въ Бѣлозерскій уѣздъ изъ Обонежской пятины явились „Наливайкова полку литовскіе люди и черкасы, и русскіе воры, человѣкъ съ 500“. Паника объяла всю округу: Каргополь, Бѣлозерскъ, Кирилловъ монастырь, Вологда, Устюжна Желѣзнопольская (на р. Мологѣ)—все пребывало въ постоянной тревогѣ. Крестьяне бѣжали по острогамъ, иные разбѣгались по

лѣсамъ, и такое положеніе вещей продолжалось до лѣта слѣдующаго, 1613 года.

Лѣтомъ этого года шведскому воеводѣ въ Новгородѣ, Якову Пунтусову надо было осадить отказавшійся въ повиновеніи г. Тихвинъ (на р. Сяси, впадающей въ Ладожское оз.) Не будучи въ состояніи справиться собственными силами, Яковъ Пунтусовъ обратился съ предложеніемъ союза къ черкасамъ, бродившимъ съ цѣлью грабежа неподалеку. Послѣдніе не замедлили явиться; ихъ было около трехъ тысячъ; полковники у нихъ были: „большой полковникъ Барышполецъ да полковникъ Сидорко"; съ ними были и литовскіе люди, три конныя роты, съ ротмистрами Халаймомъ Ивановичемъ, Шпиколовскимъ и Яницкимъ,—всѣхъ около 500 душъ. Явившись въ такомъ составѣ къ Тихвину въ Петровъ постъ, они простояли безуспѣшно „съ нѣмецкими людьми" до осени, отъѣзжая отъ монастыря для однихъ лишь кормовъ. Во время этого стоянія черкасы задумали выяснить условія свои съ Пунтусовымъ... Полковники Барышполецъ и Сидорко поѣхали въ Новгородъ къ нему, и онъ сулилъ имъ сукна, камки, а также деньги, собранныя съ новгородцевъ, но за то предлагалъ литовскимъ людямъ и черкасамъ идти на Двину, къ Архангельску. Полковники, раскинувъ умомъ, денегъ взять не захотѣли, потому что „Яковъ ихъ заневолитъ себѣ служить", и ни суконъ, ни камокъ, ни денегъ у него не взяли. Между тѣмъ наступила осень, не стало кормовъ, и черкасы съ нѣмцами разстались. Говорили, что у нихъ произошла ссора съ нѣмцами, и черкасы „для того, что имъ король (шведскій) гроши не далъ, отошли отъ Якова Пунтусова, все браняся". Литовскіе же люди съ упомянутыми ротмистрами пошли въ Новгородъ, къ Пунтусову. Изъ подъ Тихвина черкасы ушли въ два пріема: первая партія около 7 сентября, направившаяся въ Бѣлозерскій уѣздъ, а затѣмъ 12 сентября и полковники Барышполецъ и Сидорко съ остальными, туда же.

Опять вся область отъ Вологды и до Каргополя объята была страхомъ.—Черкасы расположились повсюду въ ожиданьи

зимняго пути, чтобы какъ только рѣки станутъ и снѣгъ падетъ, отступить къ Кириллову монастырю, къ Каргополю и къ Бѣлоозеру. Въ особенности ихъ плѣнялъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь: „либо мы Кирилловъ монастырь возьмемъ, либо свои головы прикладемъ".

Съ наступленіемъ зимы черкасы первымъ дѣломъ попробовали было незамѣтно двинуться къ Каргополю; но это имъ не удалось... А тѣмъ временемъ они выпытали, что въ Холмогорахъ острогъ не додѣланъ, и гарнизона тамъ всего лишь 50 человѣкъ, а заморскаго узорчатаго товару много. Полковники, учиня раду, пошли къ Холмогорамъ, посуливъ своимъ полчанамъ, что тамъ будетъ золота и серебра, и бархатовъ, и суконъ дорогихъ много, а острога совсѣмъ нѣтъ, только три посадца...

Разохоченные черкасы, предвкушая богатую добычу, выступили въ концѣ ноября по направленію къ Холмогорамъ. А тѣмъ временемъ тамъ происходили приготовленія; воевода Двинской, князь Пронскій, достроилъ острогъ, привезъ изъ Архангельска пушки и „зелье", пригласилъ оттуда же на помощь сотню стрѣльцовъ.

Подходя уже къ Холмогорамъ, черкасамъ пришлось наткнуться на Елецкій острогъ. Потерпѣвъ здѣсь маленькую неудачу, они 6 декабря прибыли въ Холмогоры. На третій день началась правильная осада. Въ качествѣ вспомогательнаго матеріала осаждающіе приготовили 16 штурмъ (назначеніе ихъ то-же, что и щитовъ), 16 возовъ соломы и бересты, облитыхъ смолой, вѣниковъ, также облитыхъ смолой и саломъ,—по двѣ штурмы и по два воза съ каждой сотни. „Полковникъ большой" у нихъ—Барышполецъ, есаулы—Марко Поздяковъ, черкашенинъ, да Вышенскій, а Сидорку отставили вслѣдствіе раны, полученной имъ въ осадѣ 8 декабря. Въ войскѣ у нихъ, повидимому, было около 1200 душъ [1]), въ томъ числѣ 300 „бойца" (стрѣлковъ), съ длинными пищалями, на литовскихъ бахматахъ (особая порода лошадей), „а иные 300

[1]) Черкасъ и русскихъ людей съ пахолками, въ томъ числѣ донцовъ—козаковъ 100, новгородскихъ татаръ 30, да нѣмцевъ, новгородскихъ сидѣльцевъ, 3.

человѣкъ—съ малыми булгаками (пулгаками?) и въ саадакахъ (сагайдакахъ)—мелкіе пахолки, а ставятъ ихъ въ полку, чтобы люднѣе казалось". Собравши „коло", всѣ присягали на томъ, что, „имъ всѣмъ подъ Холмогорами помереть"... Однако уже на другой день утромъ съѣхались „на думу" сотники и рѣшили: „идти Двиною внизъ къ морю и прониматься въ Новгородъ къ Якову Пунтусову"... Такъ они и сдѣлали, и черкасы Барышпольцева полка пошли внизъ Двиною, къ Архангельску, а еще раньше, изъ-подъ Холмогоръ, ушелъ внизъ по Двинѣ и на Вагу сотникъ Фетко (Федько?), „а съ нимъ пошло литвы и черкасъ 300 человѣкъ". По уговору, и тѣ и другіе должны были сойтись подъ Каргополемъ.

Уйдя изъ Холмогоръ, черкасы думали было незамѣтно напасть на Архангельскъ, но архангелогородцы предупредили ихъ... Поэтому они къ городу не подступали, а пошли къ морю, къ Никольскому Корельскому монастырю. „Монастырь и монастырскіе соляные промыслы и вотчины разорили до основанія, казну монастырскую забрали, людей посѣкли, а иныхъ жгли и мучили". Отсюда пошли берегомъ моря по зимней проѣзжей дорогѣ въ Ненокоцкій посадъ, затѣмъ въ посадъ Луду, Уну,—всюду все уничтожали, церкви грабили, дворы жгли, варницы соляныя разоряли; подступили наконецъ къ Сумскому острогу Соловецкаго монастыря. Здѣсь стрѣльцы Сумскіе не мало побили черкасъ, которые не осмѣливались уже осаждать Соловецкаго монастыря, а повернули въ Заонежскіе погосты. 2 января 1614 г. Барышполецъ съ полкомъ да Сидорко (получившій, надо полагать, снова прежній чинъ) пришли въ Шунгинскую и Толвуйскую волость двумя дорогами. Не смотря на болѣе чѣмъ двухнедѣльную осаду этихъ острожковъ, взять ихъ штурмомъ или изморомъ не удалось. Отсюда, изъ Шунгинской волости, черкасы, по совѣту нѣкоторыхъ шведовъ, обратились къ послѣднимъ съ предложеніемъ услугъ. Яковъ Пунтусовъ, въ отвѣтъ на это, прислалъ „Сидору" королевскія грамоты, „чтобы нѣмцамъ и черкасамъ согласитвся и соединиться въ одно на русскихъ людей". Въ виду этого черкасамъ предложено было идти на Олонецъ и

тамъ поджидать „нѣмецкихъ людей“. 29 января пришелъ сюда передовой отрядъ черкасъ и нѣмцевъ, въ 800 душъ. Олонецкій голова Страховъ да атаманы и есаулы съ козаками дали солидный отпоръ пришельцамъ, но, узнавъ, что еще приближается непріятель, оставили Олонецъ на произволъ судьбы, который тотчасъ-же заняли черкасы съ союзниками. Тогда „государевы люди“, встревоженные приходомъ неожиданнаго въ той мѣстности врага, послѣ многихъ и долгихъ отписокъ въ Разрядъ, составили въ первыхъ числахъ марта союзъ изъ Барай-Мурзы Кутюмова и головы съ татарами, казаками и др., напали на черкасовъ у Олонца и побили ихъ въ конецъ (до 1000 душъ легло на мѣстѣ), а сотника Ѳетка взяли въ плѣнъ и отправили въ Москву. Союзники же, которые стояли въ Корельскомъ уѣздѣ „на лежѣ“, въ количествѣ 100 пѣшихъ да 200 конныхъ, явились на помощь..... на другой день послѣ бою.

Теперь у черкасовъ осталось всего лишь 300 человѣкъ во главѣ съ Сидоркомъ да пахолковъ съ 200; Барышполецъ же „нынѣ съ черкасами въ ряду, а не полковникомъ, потому что его полкъ весь побитъ въ Олонцѣ“. Послѣ олонецкаго погрома у черкасъ была рада, „и полковники и черкасы приговорили, чтобы отдать на сотника Ѳетку (вымѣнять)—а тотъ Ѳетко у нихъ честенъ, *умѣетъ многимъ языкамъ,* а прежъ сего бывалъ у черкасъ же въ полковникахъ—полонянина князя Матвѣя Прозоровскаго“. Черкасы хотѣли было писать на Тихвину къ воеводамъ объ этомъ размѣнѣ, но, узнавъ, что Ѳетко сосланъ въ Москву, оставили свое намѣреніе...

Послѣ Олонецкаго пораженія прислалъ Пунтусовъ черкасамъ грамоты съ предложеніемъ идти къ нему, Якову, въ Новгородъ. Но черкасы отказались,—не хотѣли обратиться въ гражданъ новгородскихъ, а ему отписали, съ упрекомъ, что „за ихъ службу, что ему служили подъ Тихвиною, велѣлъ имъ „лежать“ въ Корельскомъ уѣздѣ до травы!“

Вмѣсто Новгорода, они съ полковникомъ Сидоркомъ отправились въ Соломенскую волость,—„опасаясь государевыхъ людей приходу“. Въ случаѣ-же тамъ не окажется корма людямъ и

конямъ, то они пойдутъ подъ Корелу (г. Кексгольмъ), въ Корельскія волости и будутъ тамъ стоять до травы, а оттуда, черезъ Лифляндію, направятся въ Литву.

Но не осуществились ихъ планы, ибо „государевы люди вездѣ дороги залегли“,—немыслимо было пройти, да и снѣга были велики. Поворотивъ отъ Олонца назадъ, они прошли за Онегу въ Шуйскую волость и 10 марта произвели нападеніе на Никольскій Шуйскій монастырь... Расположившись затѣмъ на Тулмозерѣ (Туломъ-озеро), черкасы снова обращаются къ шведамъ, и воевода Анцмукъ Михайловъ и съ нимъ 200 человѣкъ съ артиллеріею являются на Тулмозеро въ серединѣ марта. Отсюда предполагали идти подъ Бѣлозерскъ, подъ Кирилловъ монастырь и Каргополь.....

На этомъ прекращаются извѣстія о судьбахъ черкасовъ, исколесившихъ почти всю Сѣверную Россію, прошедшихъ ее вдоль и поперекъ. „Что ихъ туда завело?“—спрашиваетъ авторъ,— „Непримиримая-ли ненависть къ великорусскому племени, или погоня за золотомъ и серебромъ, за дорогими камками и всякими узорочьями торговыхъ городовъ? Ненасытная-ли жажда крови и истребленія, или призывъ и посулы Якова Пунтусова, „новгородскаго сидѣльца?“ Манилъ-ли буйную волю широкій просторъ беззащитного края, или гнало ихъ отчаяніе затравленнаго звѣря?..“ Врядъ-ли надо предполагать столько разнообразныхъ побужденій, когда весь ходъ дѣла ясно показываетъ, что главнымъ мотивомъ въ этомъ движеніи на сѣверъ была простая погоня за счастьемъ и наживой... Впрочемъ, въ концѣ концовъ, авторъ и самъ это признаетъ: „сдѣлали это безъ какой-либо опредѣленной цѣли, безъ выдержаннаго плана: кинулись, увлекаемые жаждой легкой добычи и наживы“. Вотъ въ этомъ заключается, какъ намъ кажется, и рѣшеніе вопроса.

В. Д.

Выборное начало въ средѣ Волынскаго духовенства въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, столь знаменитыхъ въ исторіи рускаго самосознанія, старообрядцы во всеподданнѣйшемъ адрессѣ, поднесенномъ Александру II, писали: „въ новизнахъ твоего царствованія любезная нашему сердцу старина слышится“.

Большою въ то время новизною, вводимою со всею осторожностью и постепенностью, считалось выборное начало въ средѣ духовенства. Вотъ что писалъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1866 г. оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. Д. А. Толстой: „Вмѣстѣ съ съѣздами, мало-по-малу и съ соблюденіемъ необходимой осмотрительности, распространяется въ нѣкоторыхъ епархіяхъ выборный порядокъ назначенія благочинныхъ. Въ 11 епархіяхъ предварительный выборъ на благочинническія мѣста предоставляется самому духовенству. Тотъ-же порядокъ допускается по временамъ, въ видѣ опыта, еще въ 8 епархіяхъ (въ числѣ названныхъ епархій находится и волынская). Избранные кандидаты получаютъ утвержденіе въ должности отъ преосвященныхъ, которые, такимъ образомъ, ничего не теряя изъ предоставленной имъ власти, своимъ довѣріемъ къ духовенству даютъ ему новое побужденіе къ добросовѣстному исполненію долга—избраніемъ на благочинническое служеніе лицъ, вполнѣ достойныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и готовыхъ съ усердіемъ и пользою пещись о ввѣряемыхъ имъ интересахъ церквей“.

Такова была новизна, съ осмотрительностью прививавшаяся въ 60-хъ годахъ къ духовной средѣ. Но въ этой новизнѣ слышится всѣмъ знакомая, далекая старина.

Не будемъ погружаться въ глубь вѣковъ для доказательства этой истины. Достаточно напомнить, что выборное начало въ средѣ южно-русскаго духовенства всегда было сильно. Проще сказать, оно было дѣломъ столь естественнымъ, что иного порядка опредѣленія къ духовнымъ должностямъ никто себѣ и представить не могъ. Уже самое назначеніе того или другого лица священникомъ на извѣстный приходъ могло состояться не иначе, какъ по предварительномъ избраніи его „громадою" и послѣ одобренія этого избранія мѣстнымъ помѣщикомъ. Когда въ концѣ прошлаго вѣка противъ священника с. Андреевичъ, Овручскаго уѣзда, Стефана Бобровницкаго возбуждено было, по жалобѣ мѣстной громады, слѣдственное дѣло и когда по слѣдствію взведенныя противъ него обвиненія отчасти подтвердились, то епископъ Варлаамъ 25 августа 1798 года положилъ не иную, а именно слѣдующую резолюцію: „на мѣсто Б. другаго избрать" (Арх. волын. дух. конс. дѣло № 453).

Такой-же порядокъ предварительнаго избранія соблюдался и при назначеніи въ должность благочиннаго. Этого основного порядка, составлявшаго одну изъ существенныхъ принадлежностей южно-русскаго церковнаго устройства, не могли сокрушить и всѣ тѣ отступленія отъ древне-церковныхъ уставовъ, какія допускались во время болѣе чѣмъ двухвѣковаго господства уніи. По крайней мѣрѣ, въ самый годъ возсоединенія уніатовъ мы наталкиваемся въ старыхъ архивныхъ дѣлахъ на фактъ предварительнаго избранія духовенствомъ благочиннаго.

Ямпольскій (нынѣ мѣстечко Ямполь, Кременецк. у. Вол. губ.) благочинный Стрѣхинъ, вызванный наряду съ другими изъ Кіевской епархіи съ цѣлью возсоединенія уніатовъ и устроенія православныхъ приходовъ на Волыни, уѣхалъ домой и не возвратился. Объ этомъ дошло до свѣдѣнія епископа браславскаго и подольскаго Іоанникія, завѣдывавшаго возсоединеніемъ и волынскихъ уніатовъ до назначенія на Волынь въ 1795 году

епископа Варлаама. Онъ тотчасъ же издалъ на имя староконстантиновскаго благочиннаго слѣдующее „приказаніе“: „Предписывается тебѣ учинить слѣдующее: съѣхавъ во оный Ямпольскій уѣздъ и собравъ тамошнее священство, велѣть имъ, вмѣстѣ съ тобою, нынѣ-же избрать единогласно изъ-межъ себя двухъ священниковъ достойныхъ, ученыхъ, знающихъ совершенно россійскій языкъ и во всемъ способныхъ къ отправленію должности благочиннаго, въ кандидаты, представить намъ для разсмотрѣнія и утвержденія“. Собравшееся подъ руководствомъ Бочковскаго духовенство избрало въ кандидаты на должность благочиннаго Дверницкаго и Коцовскаго, при чемъ достойнѣйшимъ признавало перваго; но такъ-какъ онъ отъ предлагаемой чести отказался, то епископъ Іоанникій въ своемъ „приказаніи“ уже на имя Коцовскаго писалъ слѣдующее: „хотя изъ представленныхъ намъ кандидатовъ болѣе рекомендованъ Дверницкій, нежели вы, но какъ поелику онъ отказался, то и быть вамъ благочиннымъ“.

Такимъ образомъ то, что въ 60-хъ гг. допускалось въ Волынской епархіи въ видѣ опыта, безбоязненно практиковалось еще въ концѣ XVIII вѣка, тотчасъ по возсоединеніи уніатовъ. Епископъ Іоанникій, ничего не теряя изъ предоставленной ему власти, довѣрялъ духовенству избраніе достойныхъ кандидатовъ въ должность благочиннаго и затѣмъ любого изъ нихъ утверждалъ.

Но не одинъ Іоанникій такъ дѣйствовалъ. Епископъ Даніилъ, правившій Волынской епархіей послѣ Варлаама,—человѣкъ, по воспоминаніямъ старожиловъ, суроваго, деспотическаго нрава, сильно заискивавшій предъ мѣстными магнатами, но свысока и надменно относившійся къ рядовому сельскому духовенству, а въ минуты гнѣва и раздраженія, дѣйствовавшій даже палкою по плечамъ своихъ подчиненныхъ,—и тотъ не рисковалъ пренебречь древнимъ обычаемъ и отступить отъ изстари установившагося порядка избранія благочинныхъ.

30 сентября 1811 г. благочинный Погольскій, житомірскаго у., за неисполнительность былъ удаленъ отъ должности.

Вслѣдъ затѣмъ изъ волынской консисторіи послѣдовалъ въ мѣстное духовное правленіе указъ: „о избраніи кандидатовъ въ благочиннаго общими того вѣдомства священно-церковно-служителей голосами". Выборы происходили 11 мая 1812 г.

Приводимъ текстъ избирательнаго акта (съ сохраненіемъ его орѳографіи): „Выборъ. Мы ниже подписавшіись вѣдомства Благочиннаго іерея Григорія Погольскаго священно и церковнослужители добровольно избыраемъ священниковъ селъ Ивановичъ—Василія Немозовскаго, и Вильска—Іосифа Житинскаго, поведеній честныхъ, добропорядочныхъ и ни въ какихъ подозрѣніяхъ и штрафахъ ни бывающихъ, въ кандидаты на мѣсто выше писаннаго Благочиннаго іерея Григорія Погольскаго и изъ тѣхъ кандидатовъ имѣть себѣ благочиннымъ желаемъ, въ чемъ своеручно подписуемся". Слѣдуетъ 10 подписей священниковъ и подъ особымъ заголовкомъ „Церковныки" 9 подписей причетниковъ. На рапортѣ житомірскаго духовнаго правленія по этому предмету еп. Даніилъ положилъ такую резолюцію: „Села Ивановичъ свящ. В. Немоловскому, яко ученому и *избранному*, быть благочиннымъ".

Изъ обстоятельствъ настоящаго дѣла выясняется, что не однимъ только священникамъ предоставлялось право выбора благочиннаго, но что въ столь серьезномъ актѣ принимали участіе и церковники, или, по тогдашнему, „дьяки". Если даже эти истинные пасынки духовнаго сословія не были устранены отъ такого дѣла, то можно судить, какъ прочно и глубоко коренилось въ то время выборное начало въ средѣ Волынскаго духовенства. И вотъ однако то, что казалось тогда столь незыблемымъ, было впослѣдствіи, очевидно, разрушено, если въ 60-хъ гг. приходилось вводить его вновь и то лишь въ видѣ опыта. Но введенная съ 60-хъ годовъ система выбора благочинныхъ просуществовала не долго. Съ 80-хъ годовъ вновь перешли къ системѣ назначенія по усмотрѣнію консисторіи и епархіальнаго архіерея.

В. Храневичъ.

ЗЛОДІЙ.

Давно вже пивничъ пивни прокрычалы. Спыть село Трепилья; тилько осинній дрибный дощыкъ торохкае въ викна, та и винъ якось линыво йде: то прытыхне, нибы задримае, то прыпустытся раптово, наче прокынется. На двори темно, хочъ очи повыколюй, и тыхо, нибы на кладовыщи; собакы, й ти поховалысь въ солому, дарма що вовкы бродять кругомъ села и нюхають, видкиля-бъ сперты вивцю або порося. Воны, якъ и люде, дуже люблять поросяче мьясце, и якъ-бы тилько поросята та не булы таки горлати и не крычалы, якъ навижени, на все село тоди, якъ вовкъ схопыть въ зубы, то вже давно-бъ и не нюхавъ старый Снижко поросячого холодцю зъ хриномъ. А старый дуже ласый до теи стравы,—пиднесы ты ёму холодцю зъ поросятыны,—весь зйисть, ще й мыску вылыже; а зъ начынкою якъ трапытся—тилько кисточкы зоставыть; пидставъ локшыну зъ свыныною—и ту не помылуе, а якъ ще пидъ рукы попаде пляшка съ горилкою, то тоди мабуть и жывого пидсвынка зйивъбы. Не дали, якъ учора, на хрыстынахъ у зубатои Парасকы нашъ Грыцько (такъ звалы Снижка) йивъ, йивъ борщъ зъ сомыною, ажъ поясъ роспустывъ, а потимъ, якъ подалы зъ ковбасою капусту, то якъ прынявсь, такъ бильшъ, якъ пивъ макитры самъ сперъ: думалы, що й жывитъ розсядется -и ничого! Теперъ спыть соби дома на печи въ гарячимъ проси. Спыть. Скризь тыхо и снытся ёму, наче Пераска пидносыть

ёму повну мыску варенои поросятыны, а паръ зъ неи йде, нибы съ трубы, и зверху вся полыта буряковымъ квасомъ зъ хриномъ.

„Годуйтесь, будьте ласкави,“ —прыпрошуе Параска и пидносыть здорову чарку горилкы. Винъ выпывъ, утерся полою, потимъ выбравъ шматокъ мняса, де бильше було хрину, видкусывъ и ставъ жувать. Ну, та й хринъ! ажъ въ носи закрутыло,— и Грыцько чхнувъ на всю хату и проснувсь; потимъ въ другый—третій разъ, та такъ здорово, що розбудывъ и жинку.

— А, бодай тебе! обизвалась до ёго Мотря.—Злякавъ мене такъ, що ажъ коло серця похолонуло. И чого ты такъ розичхавсь?

— Та, мабуть, просо въ нисъ попало,—обизвавсь Грыцько и ставъ лапать по печи рукамы, покы не налапавъ кысета зъ тютюномъ; зачепывъ рукавомъ чымало проса, и воно посыпалось зъ печи до-долу.

— Ну й якого ты биса соваешся по печи, нибы той кабанъ въ сажи,—вызвирылась на ёго Мотря.

Грыцько мовчкы вытеръ сирныкъ, закурывъ люльку и ставъ потроху смоктать. Пидъ викномъ загавкавъ Сирко и ставъ кыдаться до воритъ.

— Грыцьку, а Грыцьку! Отъ-же, мабуть, щось въ двори пораеться, що Сирко такъ надсидается. Злизъ бы ты зъ печи та выйшовъ на двиръ—потюкавъ: може звирюка до кошары пидійшла, або злодій до коней пидкопуется.

— Та якый чортъ въ таку темну ничъ та й по дощу полизе красты,—пробурчавъ Грыцько.

— А по твоему, то злодіи ходять, якъ мисяць свитыть ясно?

— Та й иды ты къ лыхому зъ своимъ мисяцемъ. Ну вже, и вйидлыва ты, якъ оса! Сирко дурный бреше, а вона вже дума, що повенъ двиръ злодіивъ! Отъ якъ Барбосъ загавка, тоди друге дило: я заразъ схоплюсь зъ печи, бо винъ даромъ рота не роззявыть. Лягай, краще, Мотре, та спы и другымъ сну не перыбывай.

Мотря прытыхла, тилько не надовго. Сирко знову кынувсь до воритъ, а за нымъ и Барбосъ загавкавъ.

— Та злизь ты зъ печи,—бачышъ якъ собакы валують. Чы хочешъ долежатысь, покы все зъ коморы та зъ клуни выкрадуть,—прыстае до ёго Мотря.—Я-бъ сама пишла, та боюсь, а то-бъ тебе не просыла.

Грыцько мовчыть; собакы все дужче и дужче гавкають.

— Та встанешъ ты, сто чортивъ на твою голову! Чы ты хочешъ, щобъ я тебе за чупрыну стягла!

— Та чого вы, мамо, лаетесь?—обизвалась Катря (вона ще якъ першый разъ Сирко загавкавъ, проснулась и все прыслухувалась). Ось я заразъ встану та й выйду,—нехай соби тато лежать. Може справди вовкы до кошары добираюгся,—я погукаю та нацькую собакъ на ихъ.

— Пиды, пиды, дочко,—обизвався Грыцько,—не бійся: якъ що тее, то й я выйду до тебе; та вже за однымъ заходомъ и до клуни навидайсь.

Катря назула на босу ногу чоботы, накынула батькивъ кобенякъ зъ видлогою та й выйшла зъ хаты.

— Катре, а Катре!—крыкнувъ ій на-здогинъ Грыцько:—пидкынешъ за однымъ разомъ и пашни воламъ и конямъ.

— Добре, тату,—одказала вона ёму зъ надвору.

— А смилыва, катова дивка,—другого й парубка за поясъ заткне; не така, якъ ты, стара прытыка, вся въ мене—промовывъ старый до старои.

Катря выйшла, пидизвала до себе Сирка и Барбоса и въ пивъ-голоса обизвалась:

— Маркіяне, де ты?

— Ось тутъ, моя Катрусю,—и до неи изъ-за прычилка пидійшовъ высокый парубокъ, взявъ іи за рукы и хотивъ прыгорнуть до себе.

— Ни, Маркіяне, ходимъ пидъ повитку, а то маты побачать.

Пидъ повиткою воны посидалы, и Маркіянъ прыгорнувъ до себе дивчыну и ставъ цилувать свою мылу Катрусю; и куды тилько винъ іи не цилувавъ: и въ губы, и въ щокы, и въ очи; видлога спала у неи зъ головы, и винъ давай іи цилувать въ шыйку и въ косу, а вона, якъ та голубка, прыгорнулась до

ёго, обняла рукамы ёго голову и впылась губамы въ ёго губы, та ,такъ, що й одстать одынъ отъ другого не можуть. Забула Катря и за коней, и за воливъ, и за все въ свити; якъ-бы не пивень, то сыдилы-бъ наши голубьята, покы-бъ не выйшовъ батько. Та на ихъ щастя, якъ разъ надъ головою сыдивъ на бантыни билый пивень. Слухавъ винъ, слухавъ, якъ воны цилуются, та й дума: „цилуются парубокъ зъ дивчыною,—/ чого жъ я зиваю? Треба й своихъ дивчатъ побудыть!“ та якъ закрычыть на все горло: Ку—ку—ри—ку! Маркіянъ и Катря зъ переляку такъ схопылысь, нибы ихъ хто окропомъ облывъ.

— Иды, голубчыку, до-дому, а то батько выйдуть, застануть,—сказала вона парубкови,—та не йды въ ворота, а по-за клунею та черезъ тынъ.

Маркіянъ ще на-останци прыгорнувъ Катрю и пишовъ до клуни. Катря нагнала ёго и попросыла пидкынуть паши худоби. Маркіянъ ще разъ поцилувавъ свою Катрусю, и розійшлысь— винъ въ загороду, а вона въ хату.

— Ну, що?—пыта батько.

— Та щось було коло клуни. Я якъ выйшла, а воно черезъ тынъ та такъ и подалось на выгинъ.

— И то вже четвертый разъ цієи осены,—сказавъ Грыцько,— и що-бъ воно таке?

— Та що-жъ,—отказала Мотря,—якъ не злодіи!

— Та, мабуть, що злодій,—промовывъ и Грыцько, и зновъ ставъ закурювать люльку.—И ты, Катре, не боялась?—заговорывъ до неи батько.

— Ни, тату.

— А якый винъ зъ себе: высокый, чы ни?—допытувавъ Грыцько.

— Высокый, тату.

— Отъ-же я трычи бачывъ все высокого,—сказавъ Грыцько; потимъ трохы згодомъ пытае:—Катре, чы не Маркіяномъ ёго звуть?

У биднои Катри зъ переляку и серце перестало быться, не може и слова вымовыть.

— Якъ що Маркіяномъ, то вже ничого балакать,—сказавъ Грыцько,—таке ёго щастя; скажы, нехай завтра старостивъ прысыла.

Катря кынулась на пичъ и давай цилувать батька. Просо такъ и шуршыть зъ печи; тилько вже Мотря не лае—не до проса, и дума вона,—а про кого? Та про кого жъ бильшъ, якъ не про злодія.

В. Чыгрынець.

Документы, извѣстія и замѣтки.

„Опасная болѣзнь“ въ Переяславскомъ полку въ 1750 году. Ирклѣевскій сотникъ Требинскій въ октябрѣ мѣсяцѣ 1750 г. донесъ въ полковую Переяславскую канцелярію о происшедшихъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ двухъ случаяхъ смерти отъ какой-то, на взглядъ сотника, подозрительной болѣзни. У козачьей жены Ганки Захарченковой въ с. Скородистикѣ ночью «зесвербѣла щока лѣвая», а на другой день «выйшолъ красный пузырь, и опухла, тако-жъ и въ животу болѣти стало». На шестой день она умерла, «опухъ же, который на ей былъ, и пузырь красный по умертвіи поховались».

Присутствовавшій на погребеніи Ганки Захарченковой братъ ея Данило Богданецъ, на другой день послѣ похоронъ заболѣлъ и черезъ 6 дней умеръ, при чемъ сестра его такъ показала въ сотенномъ правленіи о его болѣзни: «на шіи де выбѣгъ пузырь и когда тотъ пузырь, по его требованію, раздавила жена его, то тотъ пузырь былъ червоный». Мѣстные обыватели припомнили и обратили вниманіе на то обстоятельство, что въ роду этихъ Богданцовъ и другіе умирали отъ такихъ же болячекъ, а именно: «тому де 15 лѣтъ, якъ старшому Богданцю Семену выбѣгъ такій-же пузырь на руцѣ, 3-го дня умре; да у сестры де ихъ Тетяни, тому-жъ будетъ назадъ 25 лѣтъ, збѣгъ пузырь на плечу и умре-жъ 8 дня».

Сотникъ Ирклѣевскій эти разговоры мѣстныхъ обывателей помѣстилъ въ своемъ доношеніи, чѣмъ и побудилъ полковую Переяславскую Канцелярію усмотрѣть извѣстную опасность въ томъ, что «з пузырей двѣ души умерли». Полковая Канцелярія немедленно предписала сотнику учредить въ с. Скородистикѣ строжайшій ка-

рантинъ: «не токмо тѣ домы жилые двохъ умершихъ отъ пузырей душъ, но и все село Скородистикъ рогатками и караулами на время заключить и тихъ всѣхъ бывшихъ у погребенія сродниковъ въ особыхъ хатахъ содержавъ, не выпуская никуда къ сообщенію впредь до указу, и денно и ночно наблюдать, что надъ ними чиниться будетъ, и такъ въ село, яко и изъ того села проходить и ѣздить людямъ запретить, а кождихъ сутокъ чрезъ опредѣленнихъ смотрителей при караулѣ съ опасностію осматривать».

Сотникъ Требинскій, очевидно, не ожидалъ такого безпокойства и поспѣшилъ увѣдомить 28-го сентября, что хотя-де предписаніе Полковой Канцеляріи относительно карантина имъ и исполнено, но «никакой опасности и больныхъ ни единой души не имѣется, и въ с. Скородистикѣ, да и въ Заяринѣ, гдѣ оной Данило Богданецъ жилъ, ни едина душа не умерла и никакой хоробы не явилося».

Полковая Канцелярія разрѣшила карантинъ снять, а сотникъ Требинскій, увѣдомляя о полученіи имъ указа объ этомъ, еще разъ повторялъ, что въ указанной мѣстности «ни единой души не заболѣло и не умерло».

Полковая Канцелярія, повидимому, своевременно донесла обо всемъ въ Войсковую Генеральную Канцелярію, но эта послѣдняя, усмотрѣвъ въ описанномъ случаѣ особую «опасность», сдѣлала выговоръ полковнику Сулимѣ за то, что онъ не далъ знать объ этомъ случаѣ немедленно по полученіи рапорта отъ сотника и самъ собственною властію, безъ представленія о томъ Генеральной Канцеляріи, разрѣшилъ снять карантинъ.

«Понеже въ предобереженіе отъ такова зла самонужнѣйшій Е. И. В. интересъ и малѣйшаго времени о таковихъ случаяхъ въ представленіяхъ, куда по командѣ надлежитъ, упускать не должно», Генеральная Канцелярія, по приказанію гетмана, опредѣлила полковника Сулиму за такой его «поступокъ предосудить и найкрѣпчайше притвердить, дабы онъ впредь въ такихъ самонужнѣйшихъ и интересныхъ дѣлахъ рачительнѣйшее имѣлъ прилежаніе и безъ упущенія и малѣйшаго времени и осмотрительнѣе по своей должности поступалъ».

Мало того, генеральная Канцелярія, не смотря на увѣренія мѣстнаго начальства, что никакой опасности нѣтъ, все-таки, «для лучшаго освидѣтельствованія и примѣчанія, нѣтъ-ли въономъ селѣ

Скоропадистику и Заяринѣ какова въ опасной болѣзни сумнительства», командировала войсковаго канцеляриста Михайла Исаевича въ г. Нѣжинъ за городовымъ лѣкаремъ, съ которымъ вмѣстѣ и должны они были заняться такимъ освидѣтельствованіемъ. Командированнымъ лицамъ дана была строгая и обстоятельная инскрукція. О такомъ своемъ распоряженіи Генеральная Канцелярія дала знать и въ Кіевъ въ Генералъ-Губернаторскую Канцелярію, въ вѣдомствѣ которой въ извѣстныхъ отношеніяхъ находились гг. Нѣжинъ и Переяславъ, имѣвшіе у себя особыхъ россійскихъ комендантовъ.

Генералъ-Губернаторская Канцелярія въ свою очередь сочла нужнымъ послать въ заподозрѣнное мѣсто капитана Антона Наковальнина и полковогo лѣкаря Пугина, предписавъ имъ поступать «по общему съ тамошнею старшиною и канцеляристомъ согласію». Командировку эту получили они 25-го Ноября, и 2-го Декабря Наковальнинъ представилъ уже рапортъ о томъ, что-де и надобности никакой въ поѣздкѣ ихъ не было, что еще 11-го Ноября Исаевичъ и Нѣжинскій городовой лѣкарь пріѣзжали и производили освидѣтельствованіе подозрительныхъ мѣстъ, по которому ничего и не оказалось. Объ отсутствіи всякаго «сумнительства» доставилъ и Наковальнинъ свидѣтельство отъ Ирклѣевской сотенной старшины. Такимъ образомъ «красный пузырь», отъ котораго умерло двое душъ въ с. Скородистикѣ, разрѣшился такою сложною перепиской, выговоромъ полковнику и командировками особыхъ коммиссій изъ Глухова и изъ Кіева.

Гвардіи капралъ Думитрашко въ побывкѣ на родинѣ въ г. Переяславѣ Извѣстно, что малороссійская старшина въ прошломъ столѣтіи, раньше пріобщенія своего къ россійскому дворянству, усиленно заботилась о закрѣпленіи за собой разныхъ чиновничьихъ званій. Молодые люди получали званія полковыхъ или войсковыхъ канцеляристовъ, бунчуковыхъ товарищей, не неся никакой дѣйствительной службы. Должности сотниковъ переходили отъ отца къ сыну и помимо всякихъ выборовъ, по представленіямъ полковыхъ канцелярій.

Но весьма многіе изъ малороссіянъ предпочитали мѣстнымъ чиновнымъ званіямъ чины россійскіе и за ними стремились въ столицы. И «гвардіи капралъ» малороссіянинъ, являясь на родину, изобра-

жалъ изъ себя уже нѣкоторымъ образомъ персону среди своихъ сверстниковъ, носившихъ мѣстныя войсковыя званія.

Такой то гвардіи капралъ Степанъ Думитрашко, пріѣхавши въ г. Переяславъ на Рождественскіе праздники, своимъ важничаніемъ нанесъ горькую обиду мѣстной полковой старшинѣ, которая и задумала его хорошенько проучить, возбудивъ по незначительному поводу цѣлое «дѣло», по размѣрамъ переписки весьма обширное.

Въ праздничный день въ январѣ мѣсяцѣ 1766 г. былъ Думитрашко въ приходской Никольской церкви и очень былъ обиженъ тѣмъ, что священникъ Герасимъ Калѣновичъ не выслалъ ему послѣ обѣдни просфоры, т. е. не оказалъ ему того вниманія, какое обыкновенно оказывается почетнѣйшимъ лицамъ изъ присутствующихъ въ церкви. Встрѣтившись затѣмъ со священникомъ въ полковой канцеляріи, въ «прихожой избѣ», Думитрашко безцеремонно обругалъ его за такое непочтеніе къ «гвардіи капралу».
Священникъ пожаловался полковой старшинѣ, которая, призвавъ Думитрашка въ присутственную комнату, предложила ему, «яко пріезжому, въ сылу Права розд. 4, артикула 29», извиниться передъ священникомъ, не выходя изъ присутствія. Но Думитрашко, «цепляясь, яко-бы арестуется не по командѣ», нашумѣлъ и вышелъ изъ присутствія, снявъ съ себя палашъ и бросивъ его передъ старшинами съ угрозами, что де они отвѣтятъ за такое незаконное задержаніе гвардіи капрала. Съ тѣмъ онъ и уѣхалъ изъ города.

Переяславская Полковая Канцелярія, спустя двѣ недѣли, отправила палашъ въ Малороссійскую Коллегію при весьма обстоятельномъ доношеніи о поступкѣ Думитрашка. Малороссійская Коллегія отнеслась къ этому поступку весьма серьезно и предписала Полковой Канцеляріи «показаннаго гвардіи капрала Думитрашка сыскавъ, приказать (ему) священника Калѣновича въ обидѣ его всеконечно удовольствовать, объявивъ при томъ, что ежели онъ, Думитрашко, окажется въ томъ упрямымъ, то имѣеть быть по командѣ его изъ Малороссійкой Коллегіи писано съ требованіемъ о поступленіи съ нимъ по военнымъ артикуламъ»; „въ случаѣ жъ оказанія упрямства его, задержать подъ карауломъ его, Думитрашка, при Полковой Канцеляріи». Присланный же палашъ велѣно было возвратить Думитрашку за роспискою.

Между тѣмъ Думитрашко успѣлъ уже подать своему военному начальнику кн. Волконскому жалобу на Переяславскую полковую стар-

шину, которая по злобѣ на отца его незаконно его арестовала, обвинивъ его въ какой-то обидѣ священника и заставляя кланяться этому священнику въ ноги.

По письму кн. Волконскаго, гр. Разумовскій потребовалъ по этому дѣлу объясненія отъ Малороссійской Коллегіи, которая и увѣдомила его о своихъ по этому дѣлу распоряженіяхъ. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, какой результатъ имѣли эти распоряженія и принесъ ли гвардіи капралъ требуемое отъ него извиненіе предъ Калѣновичемъ. Палашъ его въ концѣ концовъ былъ выданъ 31 марта отцу его Ивану Думитрашку, согласно просьбѣ этого послѣдняго.

Смѣна доисторическихъ эпохъ въ Галичинѣ. [1]) Д-ръ Владиміръ Деметршкевичъ, секретарь Антропологической Коммиссіи Краковской Академіи Наукъ, собравъ и критически изучивъ имѣвшійся до настоящаго времени матеріалъ, т. е., всѣ доисторическіе памятники, найденные въ Галичинѣ, разбросанные по разнымъ музеямъ, мѣстнымъ и иностраннымъ, а также всѣ свѣдѣнія о находкахъ, имѣвшіяся въ литературѣ, постарался распредѣлить этотъ матеріалъ хронологически, прибѣгнувъ для этой первой попытки къ сравнительному методу по отношенію къ памятникамъ сосѣднихъ странъ. Оказалось, что въ Галичинѣ встрѣчаются остатки всѣхъ тѣхъ доисторическихъ эпохъ и разнообразныхъ цивилизацій, какія смѣняли другъ друга и въ сосѣднихъ краяхъ.

Самые древніе слѣды человѣка, относящіеся къ т. н. палеолитическому періоду, открыты въ окрестностяхъ Кракова и указываютъ на извѣстную связь съ Моравіей.

Во второй половинѣ каменнаго вѣка, т. е. въ неолитическую эпоху, было густо заселено главнымъ образомъ порѣчье *Вислы*, заселено бѣднымъ населеніемъ, сжигавшимъ своихъ покойниковъ и хоронившимъ пепелъ въ урнахъ.

Вдоль Сана, который со временъ глубокой древности служилъ дорогой изъ-за Карпатъ на сѣверъ и, насколько можно судить по на-

---

[1]) Въ ежегодникѣ „Swiatowit", т. II, помѣщено извлеченіе изъ отчетовъ о засѣданіяхъ естественно-математическаго отдѣленія Краковской Академіи Наукъ, подъ заглавіемъ „Badania nad dobą przedhistoryczną Galicyi". Въ виду интереса, какой представляетъ эта сжатая характеристика доисторическихъ древностей Галичины, мы сочли умѣстнымъ помѣстить ея переводъ. Н. Б.

ходкамъ, былъ въ нѣкоторомъ родѣ этнографической границей, жило въ эпоху каменнаго вѣка населеніе, хоронившее покойниковъ въ гробахъ, въ скорченномъ положеніи—самый древній погребальный типъ.

На востокъ отъ Сана могилы обыкновенно снабжены характерными насыпями—курганами. Нѣкоторые курганы заключаютъ въ себѣ могилы каменнаго вѣка, но большая часть ихъ относится къ позднѣйшему доисторическому времени.

Самая восточная часть края, между Збручемъ, Серетомъ и Днѣстромъ, была населена въ неолитическую эпоху племенемъ, хоронившимъ своихъ покойниковъ въ скорченномъ положеніи въ каменныхъ гробахъ, устроенныхъ въ формѣ ящиковъ изъ камней, имѣющихъ аналогію съ т. н. дольменами сѣверной Европы.

Подъ конецъ каменнаго вѣка эта часть Восточной Галичины была занята длинноголовой народностью, пришедшей съ Востока, впослѣдствіи сильно разросшейся, употреблявшей характерную раскрашенную посуду, обожженную до степени терракоты, и отличавшуюся спеціально ей присущимъ символическимъ погребальнымъ ритуаломъ, по которому въ урну помѣщался только кусочекъ кости отъ сожженнаго покойника. Позже народность эта, какъ кажется, переселилась далѣе на югъ, оставивши намъ въ огромной пещерѣ въ Бильчѣ, гдѣ жило цѣлое поселеніе, засыпанное обваломъ скалы, нѣчто вродѣ доисторической Помпеи.

Многочисленные и богатые памятники бронзоваго вѣка, а также предшествовавшаго ему переходнаго чисто-мѣднаго періода и не менѣе рѣдкіе предметы послѣдующаго ранняго желѣзнаго періода, называемаго гальштадскимъ, имѣютъ въ отношеніи типовъ большое сходство съ современными имъ находками въ сѣверной Венгріи и чаще всего встрѣчаются по естественнымъ дорогамъ—рѣкамъ, идущимъ отъ Карпатъ. Это обстоятельство позволяетъ допустить, что въ бронзовую эпоху, т. е. до V вѣка до Р. Х., по обѣимъ сторонамъ указанной горной цѣпи господствовала однородная культура, основанная или на общности происхожденія населенія или по крайней мѣрѣ на сношеніяхъ, вызванныхъ очень оживленной мѣновой торговлей.

Знакомство съ желѣзомъ и техникой производства желѣзныхъ издѣлій проникло въ Галичину двумя независимыми путями: съ запада и юга, при посредствѣ т. н. гальштадской культуры, и съ востока, при посредствѣ т. н. скифской цивилизаціи. Типичные памятники, относящіеся къ группѣ эллинско-скифскихъ древностей поло-

вины перваго тысячелѣтія до Р. Х., открыты въ нѣсколькихъ пунктахъ Восточной Галичины, возлѣ Збруча.

Отъ послѣдующихъ эпохъ, близкихъ уже къ историческому времени, когда желѣзныя издѣлія широко распространились, добытый до сихъ поръ археологическій матеріалъ непропорціонально уменьшается, по всей вѣроятности вслѣдствіе пренебрежительнаго отношенія къ этого рода памятникамъ при ихъ открытіи, такъ что задача археолога чѣмъ ближе мы подходимъ къ историческимъ временамъ, все болѣе и болѣе затрудняется, не смотря даже на помощь, какую оказываетъ свѣтъ исторіи сосѣднихъ южныхъ странъ, вступившихъ уже тогда въ область исторіи. Особенно западная Гал чина, начиная съ желѣзнаго вѣка, погружается въ все большій и большій мракъ.

Ко времени IV вѣка до Р. Х., когда въ сосѣднихъ краяхъ, на югѣ и западѣ, господствовала т. н. культура «La Tène», принесенная съ запада переселеніями кельтскихъ племенъ, относится одна находка этого типа въ Западной Галичинѣ.

Отъ слѣдующей т. н. римской эпохи, остались слѣды нѣсколькихъ поселеній вдоль Сана. Рѣка эта, также какъ и Дунаецъ, опредѣляетъ, судя по находкамъ римскихъ монетъ, направленіе римскихъ торговыхъ путей, шедшихъ изъ закарпатскихъ странъ на сѣверъ.

Мы не имѣемъ до сихъ поръ ни одной могилы, ни одного городища, научнымъ образомъ изслѣдованныхъ, относящихся къ болѣе позднему періоду, т. е. къ т. н. эпохѣ переселенія народовъ и къ послѣдней эпохѣ доисторическаго времени, эпохѣ уже чисто славянской или хробатской. Такъ что, за отсутствіемъ матеріала, археологія объ этомъ періодѣ не можетъ ничего сказать.

Въ лучшемъ положеніи находится дѣло въ восточной части края.

Въ т. н. эпоху «La Tène», около 200 г. до Р. Х., появляется на среднемъ Днѣстрѣ, въ Восточной Галичинѣ, кельтское племя Бастрановъ, прибывшее, какъ кажется, съ средняго Дуная, принесшее съ собой специальную кельтско-этрусскую культуру, къ остаткамъ которой относится богатый кладъ золотыхъ предметовъ, найденный въ Михалковѣ на Днѣстрѣ,[1]) и много другихъ находокъ въ Восточной Галичинѣ.

Племя Бастрановъ, находясь на востокѣ въ сосѣдствѣ съ скифо-сарматскими племенами, рано познакомилось съ греко-варварской культурой и стилемъ издѣлій, что сказалось и на разныхъ памятни-

---

[1]) Объ этомъ кладѣ см. „Археолог. Лѣтопись" наст. года, февраль.

кахъ, между прочимъ и на нѣкоторыхъ предметахъ Михалковскаго клада.

Въ послѣдующую, т. н. римскую эпоху, когда границы римской провинціи Дакіи распространились частью и на Карпаты, появляется очень живое вліяніе римской культуры на Восточную Галичину. Отъ этой эпохи остались слѣды поселеній и могилы съ сожженіями и съ погребеніями и съ чисто римскимъ инвентаремъ.

Отъ племенъ, которыя въ эпоху переселенія народовъ переходили чрезъ восточную часть края и въ сосѣднихъ странахъ оставили въ землѣ многочисленные и богатые клады, состоящіе изъ драгоцѣнностей, въ Восточной Галичинѣ мы можемъ отмѣтить лишь два памятника: одинъ золотой, другой серебряный.

Къ послѣдней доисторической эпохѣ, предшествующей распространенію христіанства въ Восточной Галичинѣ, относятся кромѣ ряда городищъ, еще мало изслѣдованныхъ, также многочисленные курганы, заключающіе погребенія съ бронзовыми и серебряными украшеніями, типы которыхъ указываютъ на оживленныя сношенія, существовавшія между племенемъ, населявшимъ Восточную Галичину, и племенами, жившими въ теперешнихъ губерніяхъ Подольской и Волынской и даже далѣе на сѣверъ.

Въ концѣ авторъ упоминаетъ о т. н. «бабахъ», встрѣчающихся также и въ Восточной Галичинѣ. Согласно съ современной научной теоріей, онъ считаетъ ихъ надгробными памятниками племени тюрско-татарскаго происхожденія, относящимися ко времени до и послѣ Р. Х.

Для наглядности топографическаго распредѣленія памятниковъ и для объясненія своихъ выводовъ авторъ изготовилъ археологическую карту (еще не изданную), на которой отмѣтилъ около 500 мѣстностей, гдѣ открыты доисторическіе памятники.

Предполагавшееся въ 1860 году изданіе украинскихъ сборниковъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ П. А. Кулишъ, довольно уже поработавшій на нивѣ украинской словесности и заявившій о себѣ такимъ прекраснымъ изданіемъ, какъ «Записки о Южной Руси» въ двухъ томахъ, пришелъ къ мысли о необходимости приступить къ болѣе или менѣе систематическому изданію украинскихъ сборниковъ, кото-

рые замѣняли-бы пока-что отсутствовавшій въ тѣ годы спеціальный южно-русскій журналъ. Съ этой цѣлью онъ составилъ обширное и очень душевно написанное объявленіе, въ которомъ хотѣлъ принципіально освѣтить необходимость для Украины найти болѣе живой способъ выраженія своей національной задачи, а именно: если не настало еще время, думалъ онъ, издавать періодическій органъ, то есть полная возможность выпускать въ свѣтъ отдѣльные сборники—альманахи, какъ это всегда бываетъ въ извѣстные моменты въ дѣлѣ періодической прессы, какъ это между прочимъ было и въ русской литературѣ въ концѣ прошлаго столѣтія, передъ началомъ издательства Карамзинымъ «Вѣстника Европы». Изъ этого предложенія П. А. Кулиша осуществился только изданный имъ въ 1860 году альманахъ «Хата», а въ 1861 году сталъ уже выходить въ свѣтъ журналъ «Основа», и слѣдовательно—на нѣкоторое время вопросъ о сборникахъ самъ собою явился не на очереди.

Такъ-какъ объявленіе П. А. Кулиша о предположеніи издавать украинскіе сборники намъ не приходилось видѣть въ печати, то мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ познакомить теперь читателей съ полнымъ текстомъ его, пользуясь тѣмъ случаемъ, что вдова покойнаго П. А. Кулиша любезно предоставила въ наше распоряженіе автографъ этого объявленія, помѣченнаго карандашемъ *ноябрь* (конечно 1859 года).

Объявленіе объ изданіи съ 1860 года Украинскихъ сборниковъ.

Въ настоящее время, когда всякое гражданское общество ищетъ прочности своего существованія въ самопознаніи, какъ въ необходимомъ средствѣ къ исправленію старыхъ ошибокъ своихъ и предотвращенію новыхъ, Южная Русь, простирающаяся отъ предѣловъ царства Польскаго до Кавказа и отличающаяся отъ прочихъ племенъ славянскихъ своеобразнымъ языкомъ, такъ называемымъ украинскимъ, не осталась равнодушною къ великому и спасительному дѣлу самопознанія. Она выразила отличительныя черты своего прошедшаго и настоящаго многими томами чисто ученыхъ и беллетристическихъ произведеній на сѣверно-русскомъ и на своемъ родномъ, украинскомъ языкахъ. Если-бы вычислить количество печатныхъ листовъ, имѣющихъ предметомъ своимъ нашу Украину, то оказалось бы столько, что, обращенные въ томы, они одни наполнили-бы огромныхъ размѣровъ книжный шкапъ. Но эта библіотека не только не исчерпала предмета, напротивъ,—только представила намекъ о его

необъятности. По этимъ первымъ опытамъ разныхъ писателей, занимавшихся изслѣдованіемъ Южной Руси или ея изображеніемъ, чувствуется, что рудники, на которые набрело наше пытливое поколѣніе, доставятъ, послѣ насъ, работу милліонамъ другихъ, безъ сомнѣнія болѣе могущественныхъ и счастливыхъ дѣятелей. При такомъ сознаніи, естественно приходитъ въ голову мысль о работахъ систематическихъ, производимыхъ не разъединенными личностями, а цѣлыми обществами ученыхъ и литераторовъ, и эта мысль тревожитъ умы не однихъ литературныхъ дѣятелей по предмету изслѣдованія и изображенія русскаго Юга, говорящаго украинскимъ языкомъ,—она слышится безпрестанно въ читающемъ обществѣ. Ведя обширную переписку съ земляками на всѣхъ концахъ Имперіи, я могу сказать, что едва-ли не каждое новое письмо содержитъ въ себѣ вопросъ или намекъ объ южно-русскомъ или украинскомъ журналѣ; и гдѣ соберется три человѣка, цѣнящихъ во что-либо родное слово, между ними непремѣнно услышите толки объ украинскомъ журналѣ. Этого мало. Во время моего путешествія по Волжскому краю, я много разъ встрѣчался съ военными и штатскими чиновниками, которые, будучи заброшены судьбою въ глубокую сѣв. Русь или отправляясь на службу въ Сибирь и на Амуръ, освѣдомлялись у меня, какъ у жителя столицы: «А что-же украинскій журналъ»? Южная Русь или Украина какъ-будто потеряла свои этнографическіе предѣлы и раскинулась колоніями отъ южнаго моря до сѣвернаго и отъ моря Варяжскаго до Вост. Океана. Что же въ самомъ дѣлѣ Украинскій журналъ? когда онъ явится въ свѣтъ?—спрашиваемъ и мы другъ у друга—и никто не можетъ дать отвѣта. Необходимость отдѣльнаго литературнаго органа для выраженія сущности южно-русскаго человѣка въ его прошломъ и настоящемъ чувствуется въ сильнѣйшей степени; многіе предлагаютъ служить этому предпріятію деньгами, другіе готовы взяться за перо, прервавъ чисто практическую дѣятельность. Все ждетъ, все жаждетъ украинскаго журнала, а украинскій журналъ не существуетъ, и одинъ Богъ знаетъ, когда будетъ существовать. Здѣсь не мѣсто указывать причины такого страннаго явленія —и когда же? Во 2-ой половинѣ XIX вѣка, провозглашенной вѣкомъ свободнаго просвѣщенія народовъ, основаннаго на самопознаніи. Украинскаго журнала нѣтъ, хотя многіе изъ насъ не призадумались-бы рискнуть для его основанія своимъ состояніемъ. Что-же дѣлать намъ, людямъ пишущимъ, людямъ положившимъ всю свою жизнь на изученіе род-

наго края, людямъ, купившимъ свои познанія не только цѣною лучшихъ лѣтъ жизни, но и тяжкими страданіями? Неужели сидѣть у моря и ждать погоды? Нѣтъ, это роль слишкомъ жалкая. Мы живы,—слѣдовательно должны дѣйствовать. Послѣ насъ—не будетъ насъ: будутъ люди, да не мы,—говоритъ наша родная пословица. Мы должны сдѣлать дѣло своего поколѣнія, а слѣдующее поколѣніе сдѣлаетъ предназначенное ему дѣло. Мы не имѣемъ возможности издавать журнала,—станемъ издавать сборники. Пусть хоть въ сборникахъ предки наши найдутъ слѣды нашего существованія и матеріалы для дальнѣйшей работы.

Мнѣ скажутъ, можетъ быть, на это люди благоразумные: кто-же мѣшаетъ Вамъ печатать обработанные Вами матеріалы въ этомъ множествѣ *сѣверно-русскихъ* періодическихъ изданій, вмѣсто того чтобы заводить отдѣльные сборники? На это я отвѣчаю не разсужденіемъ, а примѣромъ. Недавно случилось мнѣ послать одну изъ моихъ работъ въ «Русскую Бесѣду», журналъ, какъ извѣстно, издаваемый людьми честными и благородно мыслящими. Я пользуюсь, сверхъ того, еще лестнымъ для меня и довольно близкимъ знакомствомъ его настоящаго редактора. Но работа моя, подъ заглавіемъ «Климентій», уменьшена въ объемѣ на два печатныхъ листа. Что это значитъ? Это значитъ, что для той части населенія Руси, или для которой издается «Русская Бесѣда», эти два листа, занятые выписками изъ стихотворца временъ Мазепы, не интересны, и я совершенно былъ согласенъ. Скажу болѣе: въ послѣднія десять лѣтъ литературной моей дѣятельности у меня накопилось листовъ на полтораста (печатныхъ) разнаго рода сочиненій. Спрашивается: почему все это не только не напечатано въ сѣверно-русскихъ журналахъ, но даже и не показано сѣверно-русскимъ журналистамъ? Потому что это труды слишкомъ спеціальные, интересные собственно для насъ Украинцевъ, знающихъ родной языкъ и родной народъ. Судя по себѣ, я долженъ предположить, что у другихъ подобныхъ мнѣ литературныхъ дѣятелей, сдѣлавшихъ спеціальнымъ предметомъ своихъ работъ Южно-Р. Украину, тоже лежатъ подъ спудомъ груды бумагъ, обнародованіе которыхъ, можетъ быть, составляетъ насущную потребность современнаго украинскаго общества, для того, чтобы посредствомъ самопознанія уразумѣть ошибки своего прошедшаго и предохранить себя отъ подобныхъ ошибокъ въ будущемъ. Вотъ простой человѣческій смыслъ литературнаго предпріятія, являющагося по необходи-

мости въ формѣ сборниковъ. Этихъ сборниковъ будетъ неопредѣленное количество; они будутъ выходить въ неопредѣленные сроки и каждый будетъ имѣть особое заглавіе. Я намѣренъ составить ихъ изъ собственныхъ трудовъ своихъ въ разныхъ родахъ. Но предполагая въ себѣ извѣстную односторонность взгляда на предметъ изученія, столь обширный и разнообразный, я приглашаю другихъ подобныхъ мнѣ литературныхъ дѣятелей войти со мною въ литературное товарищество. Книги, составленныя изъ сочиненій разныхъ авторовъ, имѣютъ важное преимущество передъ работою одного ума. Я желалъ-бы явиться передъ читающее украинское общество не одинъ, а въ обществѣ другихъ земляковъ, любящихъ по-моему свою родину и уважающихъ прилагаемое къ ней литературное дѣло. Я прошу каждаго, кому дорого то, чѣмъ дорожу и для чего живу я, можетъ быть, слабѣйшій изъ всѣхъ будущихъ моихъ сотрудниковъ, удостоить меня своего довѣрія доставленіемъ мнѣ всякаго рода сочиненій и матеріаловъ, относящихся къ прошедшей и настоящей жизни нашей Украины во всѣхъ отношеніяхъ, объ условіяхъ же вознагражденія за труды войти со мною въ особыя письменныя сношенія. Надѣюсь, что наши совокупныя усилія дадутъ будущему украинскому журналу (для котораго настанетъ-же, наконецъ, время) болѣе очевидную законность существованія, нежели какія-бы то ни было предвидимыя и непредвидимыя обстоятельства. П. Кулишъ.

Мелочи изъ архивовъ Юго-Западнаго Края. а) *Къ борьбѣ съ пьянствомъ въ Кіевской губ. въ 60 хъ годахъ.* Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ юго-западномъ краѣ замѣтны попытки борьбы съ пьянствомъ, подтачивавшимъ народное здоровье и хозяйство. Населеніе начинаетъ сознавать весь вредъ, причиняемый неумѣреннымъ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ, и, въ результатѣ, кое-гдѣ возникаютъ общества трезвости.

Подобное общество образовалось, между прочимъ, въ 1861 году въ Алексопольскомъ пѣхотномъ полку, квартировавшемъ въ Сквирскомъ уѣздѣ. Нижніе чины стали довольствоваться пивомъ, даже въ великіе праздники. Содержатель мѣстнаго чарочнаго откупа, естественно, усмотрѣлъ въ этомъ нарушеніе правъ своихъ и интересовъ:

полиція завалена жалобами и просьбами о закрытіи новаго общества, дѣлающаго существенный подрывъ торговлѣ. Но гражданское начальство отнеслось къ трезвенникамъ сочувственно: главный начальникъ края нашелъ дѣйствія нижнихъ чиновъ *похвальными*, и просителю въ его ходатайствѣ отказано.

Прошло всего три года.

Крестьяне 5 Мирового участка Каневскаго уѣзда, спрошенные своимъ посредникомъ, не видятъ-ли вреда отъ пьянства—рѣшительно заявили о желаніи бросить употребленіе спиртныхъ напитковъ. Тогда имъ предложено, въ видахъ сокращенія пьянства, *наблюдать* другъ за другомъ, принимая къ тому мѣры, какія признаютъ лучшими. Мужички, не долго думая, приставили къ шинкамъ караульныхъ, положивъ взыскивать штрафъ съ однообщественниковъ, которые не устоятъ передъ соблазномъ. Главноуправляющій Богуславскимъ имѣніемъ и акцизъ забили тревогу, и Посреднику не осталось ничего другого, какъ наказать чрезмѣрно ретивыхъ трезвенниковъ. Убѣжденный, однако-же, въ искренности желанія сельчанъ избавиться отъ кабака, онъ ходатайствуетъ предъ начальствомъ о разрѣшеніи заняться выработкою устава Общества трезвости.

Въ этомъ была усмотрѣна, противная циркулярамъ, «понудительная мѣра *къ сохранію трезвости* и *воздержанія*», а потому на ходатайствѣ положена резолюція: «Полагаю оставить безъ послѣдствій, ибо пьянство въ селеніяхъ уменьшается *само собою*»...

б) *Случай въ Каменной-Греблѣ.* 23 Декабря 1846 года Сквирскій уѣздный Стряпчій доносилъ Генералъ-Губернатору:.. «въ селеніи Каменной Греблѣ, вотчинной Графа Эстергазія, евреи, пьянствуя, произносили богохульныя слова на крестъ съ распятіемъ, близъ селенія на дорогѣ стоящій; порицали христіанскую вѣру и били дручьемъ тотъ крестъ, съ поврежденіемъ даже краски и другихъ знаковъ, на томъ крестѣ имѣющихся. Каковое дѣйствіе увидя тамошній шляхтичъ Тхоревскій доставилъ сихъ евреевъ къ тамошнему священнику, но сей, взявъ 30 серебряныхъ гривенниковъ на поправленіе креста, евреевъ отпустилъ на поручительство».

По свѣдѣніямъ Земскаго Исправника, евреи собрались изъ разныхъ мѣстъ для какого-то «заговора», проводили время въ пьянствѣ и, послѣ полуночи, избрали изъ среды своей трехъ человѣкъ, поручивъ имъ поруганіе креста...

Дѣло передано Губернатору на распоряженіе и чѣмъ окончилось, неизвѣстно.

Сообщилъ **Алексѣй Мёрдеръ**.

Варіанты пѣсни о дѣвицѣ-воинѣ. Баллада о дѣвицѣ-воинѣ, распространясь съ востока по греческимъ, романскимъ и славянскимъ [1]) землямъ, зашла и на Украину въ образцахъ, близкихъ къ чехо-моравскимъ (Антоновичъ и Драгомановъ. Истор. пѣсни малор. нар., т I, Кіевъ 1874, № 69, стр. 314—327). Здѣсь эта пѣсня поется въ числѣ «петривокъ» въ Маѣ и Іюнѣ на томъ только основаніи, какъ разъяснилъ покойный профессоръ Потебня (Объясн. малор. и сродн. пѣс., т. II, Варшава 1887 г., 698), что въ нѣкоторыхъ варіантахъ дѣвица тонетъ подобно тому, какъ и въ другихъ петривкахъ. По содержанію-же своему эта, навѣянная со стороны, пѣсня не имѣетъ ничего общаго ни съ страстными, колоритными петривками, поющими о любви въ обстановкѣ короткой лѣтней ночи (см. мои Народ. обр. и пѣс. Луб. у. Харьковъ. 1897 г., 62, 83—94), ни съ малорусской исторіей и дѣйствительностью вообще. Только плѣненіе дѣвицы татариномъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ придаетъ пѣснѣ историческое значеніе и объясняетъ появленіе ея среди историческихъ пѣсенъ сборника Драгоманова и Антоновича. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ записаны были мною въ Лубенскомъ уѣздѣ болѣе подробные варіанты пѣсни, чѣмъ приведенные печатные образцы; въ девяностыхъ-же годахъ обнаружилось, что она умираетъ. Дивчата знали только начало, а молодицы совсѣмъ позабыли. Такимъ образомъ исчезли наиболѣе поэтическіе образчики, судя по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ. Такихъ отрывковъ и варіантовъ записано мною 16. Одинъ изъ нихъ поетъ о гибели дѣвицы въ татарскомъ или турецкомъ плѣну, другіе о гибели—въ морѣ или рѣкѣ при переправѣ, такъ что и въ этой балладѣ, какъ и вообще въ поэзіи Лубенскаго уѣзда, сказывается близкое родство съ народными пѣснями кіевскими и бѣлорусскими:

---

[1]) Словацкій варіантъ пѣсни о дѣвицѣ-воинѣ переведенъ на малорусскій языкъ Метлинскимъ. (Амвросій Могила. Думки и писни. Харьковъ. 1839 г., 149).

1.

Загадано [1]) у громади,
А щобъ булы кони у наряди [2]):
У кого йе кони, то готуйте [3]),—
У кого немае, той купуйте
У кого йе сыны—наряжайте,
А въ кого немае—наймайте.
Та зажурылась бидна вдова,
Що кинь вороненькый, а сына нема.
Немае сына ни наймытка,
Тилько одна дочки Катерыночка [4]),
Та й та въ військо выряжается [5]),
Зъ своею ненькою прощается.
Якъ выряжала та й научала [6]):
«Не йидь-же ты, доню, попередъ війська [7]),
Попереду війська не поспишайся,
А позаду війська не зоставайся [8]).
А Катерыночка не послухала
Попереду війська пойихала.—

---

[1]) Заказано, въ моравскомъ варіантѣ: zakzaali...

[2]) А шобъ булы кони воронiи,
А шобъ булы хлопци молодiи;
А шобъ булы кони сывогрыви,
А шобъ булы хлопци чорнобрыви (с. Новаки, х. Круглякъ).

[3]) Годуйте.

[4]) Тай та на улици челядыночка. (Новаки).

[5]) У городи військо убырается,
Попереду війська наряжается. (Новаки).

[6]) А выряжаючы, маты навчала (с. Тарандинцы).

[7]) Шо по заду війська розбой бижыть,
А попередъ війська огонь горыть. (с. Крутой Берегъ).
Попереду війська огонь горыть,
А позаду війська вода́ бижыть. (с. Тарандинцы).

[8]) А йидь-же ты, доню, по-мижъ панамы,
По-мижъ червоными короговамы,
По-мижъ голубымы жупанамы. (с. Тарандинцы).
Иды, доню, мижъ короговамы
Та межъ синимы жупанамы. (Новаки).

Довелося Катериночци ричку бресты,
Ричку бресты, а Дунай плывсты,
А Катериночци передъ весты.
А Катериночка побоялася
Та въ густи лозы заховалася.
Десь узявся туреченко [1])
Та на вороному коныченьку;
Та взявъ коныченька за поводы,
А Катериночку за билу ручку.
Повивъ коныченька у станыцю
А Катериночку у свитлыцю [2]).
Ой, вы слугы молодесеньки
Та берить-же ножи гостресеньки,
Та рубайте теренъ колючесенькый,—
Печить Катерынку молодесеньку [3]).

2.

Заказано у громади,
Щобъ булы конькы у наряди:
У кого кони йе, шобъ сидлалы,

---

[1]) поповыченко. (с. Калайдинцы).

[2]) Повивъ коня на скамныцю,
А Катериночку у свитлыцю.
Дае коню сина и овса,
А Катериноци меду й вына.
Шо Катериночка не йисть, не пье—
Выйде за ворота—слезамы лье. (с. Калайдинцы).
А Катериночка меду не пье
Та все дрибненькимы лье (с. Волчекъ).
Одно робыть: слезамы лье (с. Бересточь).

[3]) Этотъ варіантъ, записанный въ м. Снѣтинѣ отъ Уляны Выборной, отличается отъ кіевскаго (Антоновичъ и Драгомановъ. Историч. пѣсни, 314) и бѣлорусскихъ (Зап. Импер. Геогр. Общества. 1873 г. V, № 43, 258; Романовъ. Бѣлор. сб. Витебскъ 1886 г. I и II, № 60, 33) какъ робостью снѣтинской героини, спрятавшейся въ рѣшительную минуту въ кусты, такъ и особенно трагическимъ концемъ, если только снѣтинская пѣсня закончена. Изъ новаковскихъ-же и тарандинцовскихъ приведенныхъ отрывковъ видно, что лубенское полковое знамя было красное, что старшина ходила въ голубыхъ и синихъ одеждахъ и что сборы сотенъ предъ походомъ происходили въ Лубнахъ.

У кого немае—куповалы;
У кого сыны йе—наряжайте,
У кого немае, то наймайте.
Ой обизвалася бидна вдова,
Шо въ мене кинь йе, а сына нема;
Тилько одна дочка Катерыночка,
Та й та у Полщу изъ військомъ выряжается,
Своеи матинкы пытается:
«Ой, матинко моя, порадь мене,
А де мени зъ військомъ становыться»?
Не становысь, доню, попередъ війська,
Та стань ты, доню, посередъ війська.
Дочка Катерынка не послухала
Та попередъ війська пойихала;
Свою косу русу роспустыла
Та й усе те військо закрасыла [1]).

3.

Начало настоящаго варіанта тождественно съ первымъ, съ 12-й же строки поется пѣсня такъ:

А ии маты выряжае и прыгрущае:
«Йидь же ты, дочко Катерыночко, та до війська,
Та не йидь-же ты, дочко, ни попереду війська
И не оставайсь, дочко, позаду війська,
А йидь-же ты, дочко, посередъ війська.
Дочка Катерыночка не послухала—
Попереду війська потюпала [2]).
Дойихала до сынего моря,—
Набралася Катерыночка горя:
Довелося ричку Дунай плывсты [3])

---

[1]) Этотъ, очевидно неоконченный варіантъ записанъ мною отъ молодицы с. Мацковецъ Федосіи Кононенковой.

[2]) Йихалы море, йихалы друге (с. Бересточь).
Йихалы поле, йихалы двое—
На третему поли—Дунай бресты (с. Духовая)

[3]) Ой, якъ довелося у плывъ плывсты
А Катерыночци передъ весты.
Вси козаченькы перейихалы,

А Катерыночци передъ весты.
Дочка Катерыночка передъ повела,
Передъ повела—съ коня сплывла.
Прыбигъ кинь до вдовыного дворочка,
Вдарывъ копыточкомъ, заиржавъ голосочкомъ.
Выходыть бидна вдова,
Пытается вороного коня:
«Коню-жъ мій воронесенькый!
Де-жъ моя дочка Катерыночка»?
—Твоя дочка утонула,—
Зъ коныка изорнула [1]).

Сообщилъ **В. Милорадовичъ**.

Текущія извѣстія.

Чествованіе памяти Н. И. Костомарова. 7 апрѣля исполнилось 15 лѣтъ со дня смерти Н. И. Костомарова. Въ Кіевѣ, 1-го апрѣля, отслужена была въ Софіевскомъ соборѣ панихида. Нѣкоторыя газеты посвятили статьи памяти Н. И. Костомарова, напр. въ «Сынѣ Отечества» (№ 96) статья *X.* «Н. И. Костомаровъ», въ которой въ общихъ чертахъ опредѣляется личность Костомарова, какъ историка; въ томъ же № той же газеты, въ отдѣлѣ «Хроника» приведена біографія и указаны историческіе труды Н. И. Костомарова; «Орловскій Вѣстникъ» говоритъ о значеніи Костомарова въ развитіи русской исторіографіи; «Жизнь и Искусство», № 28, обширная статья В. Ми-

---

А Катерыночка зосталася,
Середъ Дунаечка скупалася.
Середъ Дунаечка купыночка,
А на тій купыноньци Катерыночка.
Ой якъ дойшлы слухы до неньки.
Шо дивка Катруся втонула,
А плахта сынятка изорнула:
Не жаль мени плахты та сынятки,
А жаль мени дочкы Катерыночкы (с. Духовая).

Послѣднія 5 строчекъ примѣшаны изъ другой петривки.

[1]) Записана въ м. Снѣтинѣ отъ Прасковьи Лысенковой.

ровця «Николай Ивановичъ Костомаровъ», въ которой приведена довольно обстоятельная біографія, указаны важнѣйшіе его историческіе труды, опредѣлена заслуга Костомарова, какъ историка; отмѣченъ его глубокій патріотизмъ,—любовь къ родному краю, народу и литературѣ; въ № 15 еженедѣльн. иллюстрир. приложенія къ газетѣ «Сынъ Отечества» помѣщенъ портретъ Н. И. Костомарова въ старости.

Памятникъ И. П. Котляревскому. Въ настоящее время уже окончательно въ Полтавѣ рѣшенъ вопросъ о мѣстѣ постановки памятника творцу Энеиды и Наталки-Полтавки. Въ мартѣ мѣсяцѣ коммиссіей по постановкѣ памятника осматривалось мѣсто по Протопоповской улицѣ, гдѣ она пересѣкается Ново-Полтавской, и заключеніе ея въ пользу этого мѣста передано уже для исполненія. Бульваръ предполагается расширить на счетъ проѣздовъ и привести въ лучшій видъ, а балаганы для проажи фруктовъ уничтожить. Такимъ образомъ, лице поэта и самъ памятникъ, достигающій 11 аршинъ высоты съ цоколемъ, будетъ обращенъ къ Александровской улицѣ. Относительно-же самаго дня торжества открытія памятника ничего пока неизвѣстно.

Состояніе могилы И. П. Котляревскаго. Старое городское кладбище въ Полтавѣ, открытое въ началѣ прошлаго столѣтія, пришло уже въ значительное разрушеніе, и хотя для этой надобности, около 30 лѣтъ тому назадъ, отведено новое кладбище, но въ старомъ все-таки иногда погребаютъ умершихъ. Памятники и кресты на немъ, никѣмъ не оберегаемые, подвергаются частому хищенію со стороны любителей чужой собственности и идутъ на топливо. И среди нихъ, на южномъ углу кладбища, стоитъ одиноко памятникъ незабвеннаго писателя нашего Ивана Петровича Котляревскаго, забытый и заброшенный всѣми.

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка. Въ дополненіе къ сообщенію въ предыдущемъ № (стр. 14—17) о чествованіи памяти Т. Г. Шевченка, добавляемъ, что, кромѣ упомянутыхъ мѣстностей, чествованія еще происходили:

I. *Въ Галичинѣ*:

Въ Бурштынѣ 19 марта устроенъ былъ бурштынскими русинами музыкально-вокальный вечеръ.

Во Львовѣ состоялся 14 марта въ залѣ «Народного Дому» концертъ, устроенный обществомъ «Просьвіти» и «Львівського Бояна» и др. народныхъ обществъ. Въ концертѣ принималъ участіе извѣстный артистъ Мышуга.

23 марта, въ зданіи школы им. Сташица, устроенъ былъ вечеръ «в честь поетів Тараса Шевченка і Адама Міцкевича» учениками правительственной учительской семинаріи. Программа вечера составлена была наполовину изъ произведеній Шевченка и наполовину изъ произведеній Мицкевича, исполненныхъ въ формѣ декламаціи и пѣнія хоромъ.

Здѣсь же, 21-го марта, въ залѣ «Народного Дому» устроенъ былъ литературно-музыкальный вечеръ «рускою академічною молодю».

Въ Перемышлѣ, 23 марта, въ залѣ магистрата, устроенъ былъ вечеръ обществомъ «Перемиский Боян», при участіи обществъ: «Руска Бесіда», «Філія Просьвіти», «Народний Дім», «Товариство руских женщин», «Селянська Рада», «Бурса ім. св. Николая і св. Кирила» и «Спілка».

Здѣсь-же, 5 апрѣля, въ зданіи гимназіи, устроенъ былъ вечеръ гимназической молодежью. На вечерѣ присутствовалъ митрополитъ о. К. Чеховичъ, каноники-народовцы и огромное количество русской и польской публики. Номера декламаціи и хоровые (подъ управленіемъ композитора О. Кишакевича) удались какъ нельзя лучше. Прекрасно были прочтены рефераты: гимназистомъ VIII-го класса І. Кобаса: «Шевченко и молодіж» и учителемъ Прыймою, подтвердившимъ цитатами изъ «Кобзаря», какъ поэтъ любовно относился ко всѣмъ народамъ, въ томъ числѣ и къ польскому.

Въ Станиславовѣ, въ залѣ Общества им. Монюшка, 21 марта, состоялся торжественный литературно-музыкально-вокальный вечеръ, устроенный соединенными силами украинско-русскихъ обществъ: «Станиславівський Боян», «Товариство руских женщин», «Філія Просьвіти», «Руска Бесіда», «Шкільна поміч», «Філія руского Товариства педагогічного.» Въ вечерѣ принимали участіе проф. Колесса, Корнило Устиянович, извѣстная артистка С. Проскурницкая, д-ръ Билинскій и другіе.

Въ Теребовлѣ, 12 марта, въ залѣ магистрата, устроенъ былъ обществомъ «Міщанська Читальня» музыкально-вокальный вечеръ. Читали и пѣли преимущественно произведенія Шевченка, Мицкевича, Лисенка и Франка.

Въ Тарнополѣ, въ залѣ „Gwiazdy", 1 марта, въ 1 ч. дня, Обществомъ «Народна Бібліотека» прочтены были двѣ публичныя лекціи въ память 39 роковинъ смерти Т. Г. Шевченка, а именно: «Про значінне Шевченка для руского люду»,—В. Загайкевичемъ и «Про розвій україньско-рускої народної літератури» —д-ромъ Даниловичемъ. Здѣсь-же, 17 марта, въ залѣ „Gwiazdy" филія „Просьвіти" устроила „віче господарське і вечерниці в память XXXIX роковин смерти Т. Шевченка". Программа „віча": 1) „О коммасації грунтів і еі користи" (рефер. В. Короля); 2) „З пасічництва: практичне поучене о виробі соломяних улиів і штучної вощини (о. Н. Михалевича).

Въ Черновцахъ, 10 марта, устроенъ былъ вечеръ соединенными силами украинско-русскихъ обществъ: «Буковиньский Боян», «Руска Бесіда», «Народний Дім», «Союз», «Руска Рада» и «Руска Школа».

Въ Яворовѣ, въ залѣ „Сокола", состоялся 12 марта музыкально-вокальный вечеръ съ участіемъ оркестра изъ Махнова. На вечерѣ присутствовала яворовская (малорусская) интеллигенція, окрестное духовенство и огромная масса мѣщанъ и крестьянъ.

Въ Городкѣ, въ залѣ Ресурси, 21 марта, состоялся при участіи „Львівського Бояна" концертъ.

Въ Самборѣ, 29 марта, устроено было филіей «Просьвіти» торжественное „народне віче". Въ программу, состоящую изъ литературно-вокальныхъ номеровъ, вошли между прочимъ рефераты: «Тарас Шевченко—поет», «Тарас Шевченко—патріот».

Въ Вашкивцяхъ, на Буковинѣ, состоялся 18-го февраля въ читальнѣ „Рускоі Бесіди" литературно-вокальный вечеръ.

II. *Въ Россіи*:

Въ Полтавѣ, 19 марта, состоялся вокально-литературно-музыкальный концертъ. Ярко освѣщенный залъ губернской управы былъ биткомъ набитъ самой разнообразной публикой; на эстрадѣ съ одной стороны находилась прекрасная копія съ портрета Шевченка художника Рѣпина, окруженная живыми цвѣтами и тропическими растеніями; съ другой же стороны выдѣлялся на пьедесталѣ бюстъ поэта, обвитый крепомъ и задрапированный блѣдной зеленью и сухими

пальмовыми листьями. Вечеръ открылся пѣніемъ «Заповіта», очень хорошо исполненнаго хоромъ подъ управленіемъ г. Юрьева—Псковца. Затѣмъ былъ прочитанъ отрывокъ изъ біографіи Шевченка, характеризовавшій его какъ поэта и художника. Многочисленные номера разнообразной программы были исполнены съ большимъ одушевленіемъ и покрывались оглушительными аплодисментами. На первое мѣсто по задушевности и вдумчивости исполненія надо поставить игру г-жи М. Д. Онацевичъ, исполнившей „Priluda" и „Schant sans paroles" Н. Лысенка на народные мотивы. Очень сильное впечатлѣніе произвелъ смѣшанный хоръ любителей, исполнившій—„Туманъ хвылямы лягае"—муз. Н. Лысенка. Слабы были номера сольного пѣнія. Въ общемъ можно только порадоваться моральному успѣху этого традиціоннаго вечера, тѣмъ болѣе, что часть сбора предназначалась въ помощь голодающимъ въ Херсонской губерніи. Надъ устройствомъ вечера особенно много потрудился Г. И. Маркевичъ, съ большимъ умѣніемъ прочитавшій „Чернеця" и организовавшій хоръ. («Ж. и Иск.»)

Въ Екатеринодарѣ, 16 марта, въ обществѣ любителей изящныхъ искусствъ состоялся литературно-вокальный вечеръ, посвященный памяти Т. Г. Шевченка; кромѣ хоровыхъ и sol'ныхъ номеровъ было прочитано нѣсколько стихотвореній Шевченка. Вечеръ открылся рефератомъ Л. М. Мельникова о главныхъ мотивахъ поэзіи Т. Г. Шевченка и закончился разсказомъ Н. Н. Каневецкаго, который прочелъ самъ авторъ. (Куб. Обл. Вѣд. № 59).

Эпиграфы Т. Г. Шевченка. У вдовы Кулиша сохраняются два евангелія, подаренныя Шевченкомъ покойному Пантелеймону Александровичу. На одномъ изъ нихъ, подаренномъ въ 50-хъ годахъ, написано:

Не погасай, мое свѣтило,
Туманъ душевный разгоняй,
Живи меня твоею силой
И путь тернистый, путь унылый,
Небеснымъ свѣтомъ озаряй.
Пошли на умъ твою святыню,
Святымъ нантіемъ напой—
Да провѣщаю благостыню,
Что заповѣдана тобой!

Шевченко.

На другомъ евангеліи—поэтическое стихотвореніе, которое вызывало удивленіе у покойнаго Кулиша, какъ могъ человѣкъ безъ образованія написать подобную вещь, подъ которой и Пушкинъ не устыдился-бы подписаться:

Безъ малодушной укоризны
Пройти мытарства трудной жизни,
Измѣрять пропасти страстей,
Понять на дѣлѣ жизнь людей,
Прочесть всѣ черныя страницы,
Всѣ беззаконныя дѣла—
И сохранить полетъ орла
И сердце чистой голубицы -
Ecce homo!

Шевченко.

Указывая на эти два *стихотворенія* «Московскія Вѣдомости» сочли своимъ долгомъ пожурить Тараса Шевченка за то, что онъ писалъ на своемъ языкѣ, а не по-русски.

(Літерат.-Науковий Вістник, кн. IV).

Къ дѣятельности Наукового Товариства ім. Шевченка во Львовѣ. 12 марта состоялось засѣданіе *этнографічної комісиї* Наук. Тов. ім. Шевченка подъ предсѣдательствомъ проф. Ол. Барвинскаго, на которомъ постановлено издать въ текущемъ году два или, при возможности, три тома этнографическихъ матеріаловъ, въ которые, между прочимъ, войдутъ: «Материяли з Гуцульщини» (окончаніе), собранные В. Шухевичемъ; «пісні з Бачки» (угорскихъ Русиновъ)—собранныя В. Гнатюкомъ, и «пісні з Струтина (долинського повіту), з напівами»,—др. Колесою. Кромѣ того обсуждался вопросъ о снаряженіи этнографической экспедиціи въ буковинскую Гуцульщину, Бойкивщину и на Подолье, причемъ, по всеобщему соглашенію, была признана необходимость соединить съ этнографическими изысканіями также археологическія и археографическія. (Руслан, ч. 61).

20 марта состоялось общее собраніе Наукового Товариства імени Шевченка. Собраніе предсѣдателемъ Товариства снова брало проф. М. Грушевскаго. Затѣмъ Ол. Барвинскій, указавъ на значительно усилившееся развитіе Товариства и на количество пріобрѣтен-

ныхъ научныхъ пособій, необходимыхъ для научныхъ и литературныхъ работъ, внесъпредложеніе о необходимости основать при науковомъ Товариствѣ *Народнаго Музея,* въ который поступали-бы разсѣянные повсюду богатства по археологіи, архитектурѣ, скульптурѣ, живописи и вообще всевозможные этнографическіе матеріалы. Собираніемъ этихъ богатствъмогла-бы заняться экспедиція, которую предположено отправить вънѣкоторые пункты Галичины (см. выше), а кромѣ того можно обратиться къ землякамъ съ просьбой присылать подобные предметы въ музей Товариства.

Послѣ собранія состоялось засѣданіе всѣхъ секцій, занявшихся обсужденіемъ текущихъ вопросовъ и выборами новыхъ дѣйствительныхъ членовъ. Завѣдываніе секціями осталось въ рукахъ тѣхъ-же лицъ, что и въ минувшемъ году. Ол. Барвинскій выразилъ сожалѣніе, что нѣкоторые выдающіеся ученые на Украинѣ не избраны въ дѣйствительные члены, хотя раньше они состояли членами Товариства. Но администрація секцій и нѣкоторые члены при рѣшеніи этого вопроса стояли на той точкѣ зрѣнія, что кромѣ научной извѣстности съ ихъ стороны необходимо также и активное участіе въ научныхъ работахъ и изданіяхъ Общества. (Руслан. ч. 68).

Лекція проф. Эварницкаго. 16 марта, въ Петербургѣ, въ залѣ городской думы, проф. Эварницкій прочелъ вторую лекцію (о первой — см. предыдущій №, стр. 12—13) въ пользу общества имени Т. Г. Шевченка, на тему: «Уманская рѣзня и причины, вызвавшія это событіе въ правобережной Украинѣ». Указавъ на то политическое состояніе, въ которомъ находилась правобережная Украина подъ владычествомъ Польши послѣ Андрусовскаго договора, лекторъ объяснилъ, какія причины вызвали въ правобережной Украинѣ народное движеніе, извѣстное подъ именемь гайдамащины. Обрисовавъ затѣмъ своеволія и издѣвательства польскихъ конфедератовъ надъ украинскимъ народомъ и православною вѣрою послужившими толчкомъ къ возстанію—гайдамащинѣ, лекторъ подробно и художественно разсказалъ о возникновеніи гайдамащины, ихъ предводителяхъ—атаманахъ Желѣзнякѣ и Гонтѣ, о взятіи гайдамаками гор. Умани и кровавой ихъ расправѣ съ поляками и евреями и о дальнѣйшей судьбѣ гайдамащины и ея атамановъ; при этомъ лекторъ обратилъ вниманіе слушателей на то, что гайдамащина была не простымъ набѣгомъ шайки

разбойниковъ ради грабежа, а это было осуществленіе народной мести за угнетеніе его и попраніе вѣры отцовъ. Слушателей собралось не менѣе того, какъ на первую лекцію, хотя замѣтно было отсутствіе молодежи, въ пользу которой и читалась лекція. (Спбр. Вѣд. № 76).

30 и 31 марта, въ Екатеринославѣ, въ аудиторіи народныхъ чтеній, прочтены были проф. Эварницкимъ, двѣ лекціи:—первая: о древностяхъ и о остаткахъ запорожской старины, сохранившихся въ частныхъ музеяхъ и на мѣстахъ бывшихъ запорожскихъ Сѣчей; вторая—по археологіи (Приднѣпровскій Край № 800).

Печальное явленіе. Въ № 48 „Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей" помѣщена статья Марка Непытая: «Жыве кыдаемъ, а мертвого шукаемъ». Авторъ, отмѣтивъ утѣшительное явленіе: стремленіе козачества къ просвѣщенію, обращаетъ вниманіе на слѣдующее печальное явленіе. «Школа учитъ русскому языку, на ряду съ этимъ станицы переполняются пришлымъ народомъ изъ великорусскихъ губерній,—вездѣ, значитъ, слышенъ русскій языкъ. И вотъ «бывшій» черноморецъ бросаетъ свой языкъ, свое родное и переходитъ на новинку. Но Боже! Боже! каковы результаты этого перениманія: и смѣшно, и плакать хочется, наблюдая ихъ. Бѣдный хохолъ *сочиняетъ* совершенно новый языкъ, смѣшивая въ кучу и малороссійскія и русскія слова, такъ что въ общемъ получается „междурусско-малорусскій языкъ"? Получаются, напримѣръ, такія прелести въ этомъ новообразованномъ языкѣ: «Мы ёздили по нидъ лёсомъ, а дощыкъ капотёть, та й капотёть, а въ кибёгки була дёричка, такъ витеръ сылно дуёть; та на косогори колёсо посклизнулось, а наша кибётка и перевертёласа»!

Коверкая свой родной языкъ и превращая его въ безобразную, лакейскую смѣсь нелѣпыхъ членораздѣльныхъ звуковъ, козакъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, покидаетъ свои родныя пѣсни, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отражается прошлая жизнь его дѣда, отца и т. п. Все это замѣняется пошлымъ, безсодержательнымъ кабацкимъ матеріаломъ въ родѣ слѣдующаго: »Распраклятая машина: гдѣ ты милаго втащила»? «Охъ напрасно, Машка, крячешь, и машиною пыхтишь!»; «Охъ ты пташка канарейка какъ ты жалабна паешь!».

Вся бывшая Черноморія, по словамъ автора, начиная отъ Ейска и кончая Екатеринодаромъ и Таманью, насыщена этими ужас-

ными пѣснями. Одну единственную станицу ему пришлось встрѣтить, гдѣ онъ за два года не слыхалъ, чтобы молодежь пѣла пошлыя пѣсни. Это ст. Ирклієвская. Тутъ приходилось ему слышать пѣсни съ самымъ священнымъ для черноморца содержаніемъ, какъ-то: «Гакнемо зъ гакивныць», «Гей у мене бувъ коняка», «Ревуть, стогнуть горы, хвыли», «Хлопче, молодче,»! и многія другія родныя пѣсни. Всѣмъ этимъ ст. Ирклієвская обязана урядику Федору Чернышу, который, состоя инспекторомъ, уже почти пять лѣтъ, каждую зиму научаетъ человѣкъ тридцать молодыхъ козаковъ пѣть родныя пѣсни, а эти ученики, распѣвая ихъ на улицѣ, научаютъ другихъ.

Награда за научный трудъ. Профессоръ кіевскаго университета В. Б. Антоновичъ за составленіе археологической карты кіевск. губ. удостоенъ медали русскаго археологическаго общества, учрежденной въ память графа А. С. Уварова («Кіевская Газета»).

Пріобрѣтеніе цѣннаго историческаго альбома. Профессоръ харьковскаго университета Д. И. Багалѣй, занимающійся составленіемъ исторіи города Харькова, въ числѣ цѣнныхъ историческихъ документовъ разыскалъ у одного изъ мѣстныхъ обывателей альбомъ разныхъ акварельныхъ картинъ, на которыхъ изображены виды города, рисовавные сто лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время управа пріобрѣла этотъ рѣдкій альбомъ за сто рублей для городского музея.

БИБЛІОГРАФІЯ.

А. А. Папковъ. *Очеркъ исторіи западно-русскихъ православныхъ братствъ.—Св. Троицкая Сергіева Лавра Собственная типографія. —1900 годъ, in 4⁰,—1—LXIV+291+22+XXXIX.*

Въ настоящее время жизненныя обстоятельства особенно выдвинули вопросъ о ненормальности современнаго приходскаго строя,—съ нѣкоторыхъ поръ начали раздаваться голоса о необходимости возвратиться назадъ къ древне-приходскому началу. Книга г. Папкова, посвященная очерку исторіи западнорусскихъ братствъ, въ дѣятельности которыхъ особенно пышно расцвѣла древняя приходская община, является такимъ образомъ какъ нельзя болѣе кстати. Впрочемъ, и помимо этого случайнаго обстоятельства, усиливающаго интересъ къ книгѣ г. Папкова, она имѣетъ полное право на вниманіе къ себѣ и потому, что является первымъ опытомъ возможно полной и систематической исторіи братствъ,—а такая исторія—трудъ давно желанный и необходимый. Къ сожалѣнію только нужно замѣтить, что книга г. Папкова еще разъ убѣждаетъ въ томъ, что еще не пришло время писать полную исторію братствъ. Самъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ заявляетъ, что его изслѣдованіе написано только на основаніи обнародованныхъ документовъ,—что еще много есть неразработанныхъ источниковъ для исторіи братствъ въ различныхъ архивахъ центральныхъ (Вильна, Кіевъ, Витебскъ) и частныхъ (м—ри, церкви...) нашихъ и галицкихъ (Львовъ и др.); самъ авторъ сознаетъ «все несовершенство выпускаемаго въ свѣтъ труда... и рѣшается на такой шагъ въ виду отсутствія... въ русской исторической литературѣ всеобщей исторіи братствъ».

Не вдаваясь въ подробный анализъ книги г. Папкова, мы считаемъ необходимымъ только вкратцѣ ознакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ ея. Подробный анализъ содержанія мы считаемъ совершенно излишнимъ, такъ-какъ сама-то книга ничего существенно новаго и интереснаго не представляетъ, а является простымъ объединеніемъ доселѣ обнародованныхъ матеріаловъ.

Книга г. Папкова раздѣляется на введеніе и пять главъ. Введеніе (1—LXIV) посвящено характеристикѣ положенія православія и русской народности въ Литвѣ до XVII в. Здѣсь авторъ очень подробно говоритъ о распространеніи христіанства, о постепенномъ возвышеніи Литвы, о ея тяготѣніи къ Россіи и постепенномъ обрусѣніи, объ усиленіи Москвы и Польши, о насильственномъ водвореніи католичества въ предѣлахъ Литвы велик. кн. Ягайломъ (въ 1386 г.), о правительственныхъ мѣрахъ, направленныхъ во вредъ православію и русской народности, о мужественной защитѣ древнихъ народныхъ началъ жизни знатными древними родами (Слуцкіе, Острожскіе, Сапѣги, Сангушки, Ходкевичи и др.), о люблинскомъ сеймѣ 1569 г. и послѣдовавшихъ за нимъ усиленныхъ гоненіяхъ на православныхъ,—о разъединеніи древней русской митрополіи и появленіи въ Литвѣ іезуитовъ,—объ измѣнѣ православію многихъ епископовъ (Гедеонъ Балабанъ, Діонисій Збруйскій, Кириллъ Терлецкій, Ипатій Потѣй) и насильственномъ введеніи уніи, о попыткахъ борьбы со стороны православныхъ и о началѣ болѣе энергичной дѣятельности братствъ. Указавши положеніе православія и русской народности въ Литвѣ до XVII в. и доведя свое повѣствованіе до того пункта, съ котораго начинается особенно энергичная дѣятельность братствъ, г. Папковъ очень кратко касается предшествовавшей исторіи собственно братствъ. Начало нашихъ знаменитыхъ братствъ онъ видитъ въ такъ называемыхъ медовыхъ братствахъ, существовавшихъ еще въ XII в. Нельзя не пожалѣть и не попенять на автора за то, что въ дальнѣйшемъ своемъ изложенія этой исторіи онъ совершенно опускаетъ четыре столѣтія (съ XII—по XVI) и не говоритъ совсѣмъ ничего о состояніи братствъ за. этотъ періодъ. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, было-бы несравненно болѣе важно и интересно вмѣсто растянутаго очерка положенія православія въ Литвѣ до XVII в., которое всякому болѣе или менѣе образованному человѣку извѣстно, прослѣдить постепенное развитіе братствъ, показать, какимъ образомъ изъ медовыхъ братствъ вышли знаменит. братства, подробно воспроизвести тотъ путь, который

привелъ медовыя братства къ постепенному расширенію своей, первоначально очень скромной, программы дѣятельности. Въ изложеніи нашего автора замѣчается скромный, непонятный пропускъ: послѣ рѣчи о медовыхъ братствахъ XII в. онъ прямо говоритъ объ особенномъ усиленіи ихъ въ XVI—XVII в. в.

Первая глава (1—65 стр.) труда г. Папкова посвящена характеристикѣ эпохи преобразованія западно-русскихъ церковныхъ братствъ. Очертивши въ нѣсколькихъ словахъ дѣятельность князей К. Острожскаго и Курбскаго на пользу православія, въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи онъ довольно подробно останавливается на исторіи преобразованія братствъ: говоритъ о преобразованіи Львовскаго братства при участіи ант. патріарха Іоакима (былъ на Украинѣ въ 1586 г.) и константиноп. Іереміи (въ 1588—89 г.г.), излагаетъ уставъ этого братства, характеризуетъ его общее устройство и останавливается на изображеніи его просвѣтительной дѣятельности (школа, типографія). Затѣмъ онъ приходитъ къ исторіи преобразованія Виленскаго Троицкаго братства (1584—1588 г. г.),—касается вкратцѣ сношеній этого братства съ Львовскимъ братствомъ и отношеній къ нему короля Сигизмунда III (далъ милостивую грамоту). Изложивши исторію преобразованія двухъ важнѣйшихъ братствъ, г. Папковъ переходитъ къ исторіи другихъ мелкихъ братствъ, которыя въ это время (особенно послѣ Брестскаго собора 1596 г.) начали во множествѣ появляться. Тутъ отмѣчаетъ онъ небольшія братства въ с. Уличѣ, въ г. Люблинѣ (въ 1586 г. ихъ утвердилъ патріархъ Іоакимъ), въ г. г. Замостьѣ, Красноставѣ, Могилевѣ, Брестѣ, Минскѣ, Оршѣ, Львовскія братства и т. д. Весь конецъ первой главы книги г. Папкова содержитъ въ себѣ характеристику дѣятельности братствъ отъ 1592 по 1600 годъ, когда православію наиболѣе угрожала унія, когда сторонниками уніи и врагами православія являлись не только іезуиты, но и измѣнники епископы, съ митр. Рогозою во главѣ. Особенно въ этомъ отношеніи онъ отмѣчаетъ героическую дѣятельность Виленскаго братства, которому пришлось выдержать наиболѣе тяжкую борьбу съ уніей за православіе. Восхваляя въ концѣ этой главы дѣятельность братствъ на пользу православія, г. Папковъ замѣчетъ, что «въ этотъ сравнительно короткій періодъ времени (1586 г.— 1600 г.) братства настолько окрѣпли и организовались, что для нихъ была уже не страшна та борьба, которая имъ предстояла... когда уніатскимъ митр. сдѣлался Ипатій Потѣй, одинъ изъ создате-

лей уніатскаго дѣла въ западной Россіи и наиболѣе ревностный гонитель православія и церковныхъ братствъ» (65 стр.).

Вторая глава (66—114 стр.) разсматриваемаго сочиненія г. Папкова: «Братство, какъ мощная защита православія—вплоть до возстановленія православной іерархіи въ 1620 году (1600—1620 г.)» имѣетъ своею задачею обрисовать эту борьбу братствъ съ уніею и митр. Ипатіемъ Потѣемъ. Въ это время, особенно послѣ Люблинской уніи, православнымъ жилось очень тяжело,—ихъ угнетали и обижали уніаты во главѣ съ м. Потѣемъ. Въ эту то тяжелую годину братства явились не только мощною защитою православія, но и хранителями національнаго народнаго самосознанія. Тяжела была эта борьба сравнительно малочисленныхъ и почти безправныхъ братствъ съ многочисленными врагами, на сторонѣ которыхъ стояло и которымъ помогало польское правительство. Къ счастью братства избрали вполнѣ подходящій и надежный путь для борьбы: они не только строили церкви и монастыри и укрѣпляли такимъ образомъ православную вѣру, но и будили въ массѣ здоровыя національныя чувства, устроя общественныя школы, гдѣ объединялись передъ наукою и утверждались для борьбы съ страшными врагами вѣры и національности дѣти и богачей, и бѣдняковъ, и вельможъ, и простыхъ смертныхъ.—Очень важную роль въ этой великой борьбѣ играли и братскія типографіи, которыя ежегодно выпускали не мало церковныхъ, полемическихъ и апологетическихъ книгъ.

Въ третьей главѣ своего сочиненія («Охранительная дѣятельность православныхъ братствъ въ послѣдніе годы царствованія короля Сигизмунда III (1620—1632 гг.)», нашъ авторъ повѣствуетъ о томъ, какъ путешествовалъ на Украину іерус. патріархъ Өеофанъ, который хвалилъ устройство братствъ, благословилъ дѣятельность ихъ и сдѣлалъ ихъ ставропигіальными,—какъ своими грамотами этотъ патріархъ далъ большую поддержку изнывавшимъ борцамъ и пробудилъ въ нихъ необыкновенный подъемъ религіознаго и національнаго духа, выразившійся въ основаніи такъ называемыхъ юношескихъ братствъ (Кіевское, Львовское, Луцкое и др.).

Наиболѣе энергичная и плодотворная дѣятельность братствъ началась съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ ихъ сталъ знаменитый Кіевскій митр. Петръ Могила. Объ этой усиленной дѣятельности братствъ авторъ говоритъ въ четвертой главѣ своего труда: «Оживленная дѣятельность православныхъ братствъ въ эпоху м. Петра Могилы

(1632—1647 г.)» (стр. 160—198). Въ это время дѣятельность братствъ достигла наибольшаго развитія, своего въ нѣкоторомъ родѣ апогея: число братствъ значительно увеличилось (въ одной Львовской епархіи ихъ было больше 20), они получили гораздо болѣе силы и значенія, благодаря конфирмаціи ихъ универсалами короля Владислава (1633 г.),—съ этого времени братства дѣлаются непремѣнными органами церковно-епархіальной жизни православныхъ. Не забылъ авторъ отмѣтить и глубокое просвѣтительное значеніе, какое имѣли для всего края учрежденныя Петромъ Могилою и др. дѣятелями школы.

Въ послѣдней (пятой) главѣ г. Папковъ набрасываетъ краткую картину «жизни и дѣятельности братствъ во второй половинѣ XVII и въ XVIII в.в.» (199—291). Послѣ бурнаго періода Хмѣльницщины, послѣ раздѣла Украины между Россіею и Польшею, братства по прежнему защищаютъ и охраняютъ православную вѣру и національность, но ихъ дѣятельность теперь ужъ не имѣетъ прежняго значенія и прежней шири. Іезуиты и уніаты теперь еще сильнѣе угнетаютъ и притѣсняютъ ихъ, вслѣдствіе чего часть братствъ совсѣмъ прекращаетъ свое существованіе, а часть (Львовская, напр.), измѣняетъ православію и переходитъ въ унію.

Такъ въ кратцѣ можно передать содержаніе интересной книги г. Папкова.

Въ заключеніе нашей замѣтки мы съ сожалѣніемъ повторяемъ, что еще далеко время, когда можно будетъ написать полную, всестороннюю и вполнѣ объективную, вполнѣ научно безпристрастную исторію западно-русскихъ братствъ. Книга г. Папкова, не смотря на выдающееся трудолюбіе автора и на обиліе изученныхъ имъ матеріаловъ, только подтверждаетъ наше мнѣніе: этой книгѣ не достаетъ прежде всего того, что украшаетъ обыкновенно изслѣдованіе, написанное по вполнѣ ужъ исчерпанному матеріалу,—недостаетъ полноты изслѣдованія и равномѣрности освѣщенія различныхъ сторонъ историческаго прошлаго нашихъ братствъ. Вслѣдствіе этого, на ряду съ детально изслѣдованнымъ вопросомъ, встрѣчаются не рѣдко и вопросы съ чуть-чуть намѣченнымъ разрѣшеніемъ. Кромѣ того не вездѣ автору удается вполнѣ соблюсти строго объективное отношеніе къ событіямъ: горячее сочувствіе къ горестной судьбѣ православныхъ часто заставляетъ его сильно сгущать краски при изображеніи враговъ православія. Наконецъ, вообще вся эта книга не

имѣетъ въ себѣ того духа живого, который, являясь результатомъ полнаго, всесторонняго и детальнаго изученія предмета, такъ увлекаетъ насъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ,—сочиненіе это во многихъ мѣстахъ производитъ впечатлѣніе непереработанныхъ авторомъ и чисто внѣшнимъ, механическимъ образомъ связанныхъ обрывковъ изъ различныхъ бывшихъ у него подъ руками пособій. Однако все это объясняется сравнительною новизною и трудностью принятой на себя авторомъ задачи и все это съ избыткомъ искупается несомнѣнною полезностью книги, какъ справочнаго изданія. Надо отдать честь автору,—онъ много потрудился и собралъ въ своей книгѣ почти все, что было до него написано о братствахъ. Нельзя, поэтому, строго винить его, если по мѣстамъ не онъ владѣлъ матеріаломъ, а матеріалъ руководилъ имъ.—

Отъ души желаемъ автору не оставлять начатаго труда на пол пути, а вслѣдъ за изученіемъ обнародованнаго матеріала приступить къ изученію не вполнѣ еще изслѣдованныхъ архивныхъ данныхъ, чтобы въ будущемъ написать столь необходимую полную, безпристрастную и обстоятельную исторію нашихъ братствъ.

В. Дурдуковскій.

Етнографічний збірник. *Видае етнографічна комісия наукового Товариства імени Шевченка: Т. VI. Галицко-руські анекдоти. Зібрав Володимер Гнатюк. У Львові, 1899, I—XII, I—370, I—III.*

Не смотря на то обстоятельство, что среди нашего народа существуетъ огромное количество анекдотовъ, составляющихъ наиболѣе популярный отдѣлъ народной словесности, издано ихъ донынѣ не особенно много, въ особенности мало существуетъ спеціальныхъ сборниковъ. Обыкновенно такой матеріалъ печатается лишь при случаѣ, среди другихъ матеріаловъ, напримѣръ, въ «Вінок Русинам на обжинки», «Твори В. Навроцького», т. I, Библіотека Онишкевича, т. III (здѣсь перепечатаны анекдоты изъ «Вінка»), въ различныхъ календаряхъ и журналахъ (среди послѣднихъ выдающееся мѣсто занимаетъ американская «Свобода»), въ «Етнографічнім збірнику», въ сборникахъ: Рудченка, Драгоманова, Чубинскаго, Манжуры, Ястребова Гринченка, въ русскомъ сборникѣ Аѳанасьева, въ польскихъ—Кольберга и Zbiór wiadomości и др; только въ 1898 г. издалъ Б. Д. Грин-

ченко первый довольно значительный сборникъ анекдотовъ подъ загл. «Веселый оповидачъ. Двисти оповиданнивъ. У Черниговп 1898 г.» Литературныхъ обработокъ анекдотовъ, за исключеніемъ статьи М. Драгоманова «Турецкіе анекдоты въ Украинской словесности» (Кіевск. Старина, 1886, кн. 2 и 3), тоже не было. Въ прошломъ году появились двѣ крупныя работы въ этой области, обѣ въ «Сборникѣ Харьк. Филологическ. Общества, кн. IX, 1899»,—статьи А. Пельтцера «Происхожденіе анекдотовъ въ русской народной словесности» и проф. М. Сумцова „Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ".

Работа г. В. Гнатюка, составляющая VI т. «Етнографічного збірника», является наиболѣе крупной донынѣ и наиболѣе цѣнной въ области анекдотической литературы, не только какъ самый полный сборникъ анекдотовъ, но въ особенности какъ научный трудъ, въ которомъ для каждаго мелкаго анекдота подобраны съ образцовой тщательностью всѣ существующіе гдѣ-либо въ славянской и инославянской литературѣ параллели, по чрезвычайно огромному количеству изданій. Всѣ матеріалы г. Гнатюкъ раздѣлилъ на три отдѣла: анекдоты о разныхъ общественныхъ слояхъ, разныхъ народахъ и историческіе анекдоты, съ добавленіемъ къ послѣднимъ мюнхгавзіадъ, небылицъ и анекдотовъ о дурняхъ.

Первый отдѣлъ (стр. 1—162) заключаетъ въ себѣ анекдоты, подраздѣляемые на слѣдующія рубрики: селяне («мужики»,—мужчины и женщины), слуги, жебраки (нищіе), калiки, злодiи, ремiсники, школярi, попи, пани,—всего 335 номеровъ, значительное большинство которыхъ записано въ послѣдніе годы въ Галиціи, въ Бучацкомъ и др. повѣтахъ. Во второмъ отдѣлѣ, заключающемъ 230 номеровъ, анекдоты подраздѣляются на загальнi характеристики, русини (бойки, гуцули), поляки, москалi, чехи, нiмцi, жиди, цигани.

Наконецъ, въ послѣднемъ (стр. 273—370) помѣщено 12 номеровъ «Історичн. споминів»—о различныхъ предметахъ; 42 номера анекдотовъ о Канёвскомъ (Николаѣ Потоцкомъ), 25 номеровъ «Мюнхгавзиад, небылиць,—гри слів» и 34 номера о дурняхъ.

Въ заключеніе, въ дополненіи къ сборнику помѣщены составленные І. Франкомъ около 70 параллелей къ изданнымъ г. Гнатюкомъ анекдотамъ.

Таково содержаніе VI тома, по истинѣ достойнаго занять первородное мѣсто среди другихъ этнографическихъ работъ въ данной

То-же. *Т. VII. Галицькі народні казки.* (№ 26—27). Зібрав Осип Роздольский. У Львові, 1899, III—IX, I—168.

Настоящій VII т., заключающій богатое собраніе сказокъ, собранныхъ г. Роздольскимъ въ одномъ изъ уголковъ бродскаго повѣта, является продолженіемъ труда этого автора, помѣщеннаго въ I томѣ Етнографічного збірника (25 номеровъ сказокъ). Спеціалисты могутъ найти здѣсь, среди знакомыхъ, общеизвѣстныхъ сказочныхъ мотивовъ, нѣкоторые довольно рѣдкіе, какъ напр. въ (№ 31)—о нерожденномъ (вынутомъ изъ утробы матери) царевичѣ и лошади, о бракѣ воробья съ мышью (№ 59), о стрѣлкѣ и грифѣ (тамъ-же), музыкѣ, которая не можетъ перестать играть, потому что герой забылъ волшебное слово (тамъ-же) и др.

Всѣхъ сказокъ въ этомъ томѣ помѣщено 51; онѣ снабжены, какъ и въ I т., въ концѣ каждаго номера обстоятельными параллелями. Трудъ г. Роздольскаго займетъ почетное мѣсто среди немногочисленныхъ сборниковъ нашихъ сказокъ.

В. Д.

Окрестности Кіева „Пустыни". *Сборникъ автотипій съ фотографій Н. Бобира. Изданіе заведенія графическихъ искусствъ А. Л. Гудшонъ. Кіевъ, 1900 г.*

Это изящное изданіе, состоящее болѣе чѣмъ изъ семидесяти снимковъ самой разнообразной величины, снабженныхъ посильными, очень краткими, къ сожалѣнію, объясненіями, удовлетворило давно уже въ обществѣ назрѣвшей потребности имѣть въ рукахъ альбомъ изображеній тѣхъ чудныхъ окрестностей, которыми по справедливости давно уже гордится «матерь городовъ русскихъ». Кто изъ кіевлянъ не любовался когда-нибудь такими чудными уголками, какъ привѣтливая Китаевская пустынь, уютный Голосѣевъ, Ѳеофанія, уединенная и дѣйствительно пустынная Николаевская пустынь, живописное Межигорье и т. п.? Теперь они имѣютъ возможность любоваться у себя дома художественно сдѣланными воспроизведеніями этихъ чудныхъ уголковъ, гдѣ душа усталаго горожанина находитъ возможность успокоиться отъ треволненій будничной суеты и найти отраду въ созерцаніи вѣчно юныхъ красотъ Божьей природы... Жаль только, что среди изображеній разсматриваемаго альбома имѣется

нѣсколько слишкомъ ужъ мелкихъ; зато, впрочемъ, есть сдѣланныя и въ листъ (альбома) вполнѣ отчетливо и изящно.

Указанный альбомъ является уже второю крупною художественною работою (изъ извѣстныхъ намъ) заведенія А. Л. Гудшонъ и подобно первой (Пушкинскій сборникъ университета Св. Владиміра. Цѣна 6 р), свидѣтельствуетъ о томъ, что это заведеніе заслуживаетъ самой широкой извѣстности и при благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ сдѣлаться однимъ изъ украшеній Кіева.

А. С—чъ.

Часопись Правнича. *Розвідки правничі секциї історично-фільозофічноі наукового Товариства ім. Шевченка. Редактор д-р Кость Левицкий. Рочник IX. У Львові, 1899, стр. 1—168.*

Юридическій журналъ „Часопись Правнича", въ объемѣ нѣсколько меньшемъ «Записок наукового Товариства», выходящій подъ редакціей д-ра К. Левицкаго уже 9-ый годъ,—по одной книжкѣ въ годъ, начиная съ 1889 г. (въ 1892 и 1893—пробѣлъ,)—содержитъ очень много интереснаго матеріала; такъ, напр. въ кн. II,—помѣщена статья Н. Шухевича—О договорах Руси з Греками; въ кн. V. —Гр. Зацерковного—разборъ очерковъ семейнаго права Литовской Руси въ половинѣ XVI в. М. Буданова; тамъ же: К. Левицкого—«Правда Руска. Памятник законодатний права руского з XI віку» и др.

Въ недавно вышедшемъ IX томѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ статья *Иринарха Черкасского*—«Спадщина в украінському праві звичайовому», стр. 1—166, составленная на основаніи преимущественно печатныхъ матеріаловъ: «Трудовъ этн.-стат. экспед. т. VI», «Трудовъ коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ т. IV и V» и статьи Ѳ. Рыльскаго «Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія «Кіевская Старина», 1890 г.

Послѣ общаго обзора, касающагося семейнаго имущества и нормъ наслѣдственнаго права, авторъ обстоятельно разсматриваетъ два рода наслѣдственнаго права—наслѣдства «по звичаю» (по закону) и по завѣщанію. Изслѣдуя первый случай, авторъ говоритъ объ общемъ порядкѣ наслѣдства, о распаденіи семьи при жизни отца и раздѣлѣ наслѣдства, о роспаденіи семьи и хозяйства послѣ смерти отца, о наслѣдствѣ солдатъ, «материзнѣ» (имущество, составляю-

щее собственность матери, какъ напр. одежда, рушныки, скатерти, радна, полотна, скрыня, а также и недвижимое имущество), о правонаслѣдованіи супруговъ, родственниковъ (родителей), о правѣ родового выкупа. Во второмъ случаѣ,—авторъ подвергаетъ разсмотрѣнію условія, какимъ завѣщающій долженъ удовлетворять, формы завѣщаній, цѣль и содержаніе послѣднихъ, кто дѣлитъ наслѣдство?

Въ общемъ статья читается съ огромнымъ интересомъ.

Изъ другихъ статей, непосредственный для насъ интересъ представляетъ статья д-ра Станислава Днистрянського «Заручини в Австрийськім праві» (стр. 1—23). Авторъ разсматриваетъ понятіе заручинъ, какъ юридическаго акта, приводитъ всѣ тѣ условія, съ соблюденіемъ которыхъ заручины могутъ состояться, излагаетъ поводы, дающіе законное основаніе порвать заручины.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить очень богатый и разносторонній отдѣлъ библіографіи, содержащій разборы юридическихъ трудовъ по исторіи и философіи права, по каноничному, частному и уголовному праву.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 4; 2) Русская Старина, № 4; 3) Вѣстникъ Европы, № 4; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 4; 5) Земскій Сборникъ Черниговской губ., № 2; 6) Літературно-Науковий Вістник, № 4; 7) Kwartalnik Historyczny, № 1; 8) Ateneum; 9) Przewodnik naukowy i literacki, № 4; 10) Slovanský přehled, № 7 (4); 11) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 4; 12) Biblioteka Warszawska, № 4; 13) Книжки Восхода, № 3; 14) Историческій Вѣстникъ, № 4; 15) Живописное Обозрѣніе, № 4; 16) Wisła, № 1.

Русскій Архивъ № 4.

И. Дубасовъ. Изъ тамбовскихъ былей (стр. 421—433). Упоминаніе, между прочимъ, о колонизаціи Тамбовскаго края малороссами

въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, напр. въ Шацкомъ уѣздѣ, село Новодмитріевское (Елань); поселокъ въ «Чураевскомъ бору». Проявленіе колонистами энергіи на новыхъ мѣстахъ.

Русская Старина № 4.

Записки Михаила Чайковскаго (Мехметъ-Садыкъ паши). Главы LXII—LXIV. Переводъ В. В. Тимощука (стр. 219—236). Продолженіе записокъ, печатавшихся въ «Русской Старинѣ» въ 1898 году. Формировка второго козачьяго полка подъ начальствомъ Чайковскаго.—Вступленіе въ Молдавію.—Дѣйствія Чайковскаго въ Добруджѣ.

Вѣстникъ Европы № 4.

Въ отдѣлѣ «Литературное обозрѣніе» (стр. 827—832) данъ обстоятельный отзывъ на книгу: «А. А. Папковъ. Братства. Очеркъ исторіи западно-русскихъ православныхъ братствъ, Свято-Троицкая Сергіева Лавра. 1900».

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 4.

Въ отдѣлѣ «Современная Лѣтопись» — *В. Перетцъ*: «*Императорское общество любителей древней письменности. Труды и изданія общества за 1898-99 годъ*» (стр. 33—75). Изъ рефератовъ, читанныхъ въ обществѣ, посвященныхъ исторіи литературы, критикѣ и изслѣдованію памятниковъ и искусству, къ намъ имѣютъ отношеніе: о вновь открытомъ (К. В. Харламповичемъ) печатномъ экземплярѣ переводной статьи князя А. М. Курбскаго. «Отъ другіе діалектики Иона Спангенбергера, о силогизме вытолковано» — извѣстной доселѣ лишь въ рукописяхъ; о «Логикѣ» жидовствующихъ и «тайная тайныхъ» или Аристотелевы врата» (рефер. г. Соболевскаго) (между прочимъ изслѣдована рукопись XVI в., названная въ «Указателѣ» преосв. Саввы «Метафизикою на южно-русскомъ нарѣчіи»); о зависимости древней Руси отъ Византіи въ области искусства (реф. проф.

Кондакова); о службѣ малороссійскихъ козаковъ во Франціи въ 1646 году (реф. А. В. Половцева).

Земскій борникъ Черниговской губерніи № 2.

Рѣчь О. М. Бѣлозерскаго на полугодовой тризнѣ по П. А. Кулишу, въ день Пантелеймона, 27 іюля 1897 г. (стр. 22—27).

Въ своей рѣчи ораторъ передаетъ свои интересныя наблюденія надъ личностью Кулиша, указываетъ на то, что Кулишъ «въ теченіе своей долгой жизни въ своей душѣ переносилъ нѣсколько боговъ»: бога свободы (особенно политической), бога человѣчности и др.; но, мѣняя боговъ, онъ всегда оставался неизмѣннымъ эстетикомъ; его призывъ былъ всегда: «Культурі служімо». Въ концѣ ораторъ говоритъ объ огромномъ значеніи Кулиша для украинской литературы вообще, и исключительномъ—для галичанъ.

Вообще рѣчь О. М. Бѣлозерскаго представляетъ интересный матеріалъ для біографіи и оцѣнки личности Кулиша.

Въ «Приложеніяхъ» — «Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка» (стр. 1—48). Вновь перепечатана часть, помѣщенная въ № 1 «Сборника» и продолженіе далѣе.

Літературно-Науковий Вістник № 4.

Наш альбом. Із поэзий Миколи Чернявського (стр. 1—4): І. Бескет, II. Зірками блискучими падаемо ми, III. Не бажа душа спокою, IV. Шляхи, V. Все віщує буть весні, VI. Море, VII. Сьогодня високо над мною, VIII. Непримітний і убогий, IX. В діброві, X. Сон, XI. Люблю, коли лампада, XII. У осени, XIII. Зорі.

Вічний календар. Оповідане Грицька Коваленка (стр. 5—20). Сатирическое произведеніе, основой котораго является изобрѣтенный однимъ генераломъ «вічний календар», долженствующій спасти отъ всякихъ бѣдствій Россію.

У наймах. Оповідане Михайла Яцкова (стр. 21—50). Грустная повѣсть о дивчинѣ Оленѣ, служившей въ наймахъ у односельчанина, вѣчно обижаемой хозяевами, пока наконецъ ее не уложили въ могилу.

Перехресні стежки. Повість Івана Франка (стр. 51—71). (Продолженіе).

Із оповідань Гната Потапенка: I. Октава, II. Тайна (нарис), III. Проклята слава (Із консерватор. споминів). З российського переклав Григорий Коваленко (стр. 92—120).

Девять сліпих. Диальоги Джордана Бруно. Переклав Іван Франко (стр. 121—128).

Панько Олелькович Куліш. Огляд його діяльности Написав Осип Маковей (далі) (стр. 1—28). Авторъ, разсматривая дѣятельность Кулиша въ первый періодъ, разбираетъ произведенія его: «Цыганъ», «Мыхайло Чарнышенко», «Чорна рада», «Украинскія преданія».

Із чужих літератур (Нові сили в сучасній літературі. I. Ада-Негрі). Евгенія Дегена (стр. 29—41). Критическій обзоръ литературной дѣятельности.

Джордано Бруно. З німецького переклав Іван Франко (стр. 42—51). Литературно-біографическій очеркъ жизни и дѣятельности Дж. Бруно по поводу исполнившагося недавно трехсотлѣтія со дня его смерти.

Хроніка і бібліографиія (стр. 52—64). По обыкновенію, цѣнный матеріалъ для исторіи текущей культурной жизни Галичины и Украины.

Kwartalnik Historyczny № 1.

L. Finkel. Memoryał Antoniego hr. Pergena, pierwszego gubernatora Galicyi, o stanie kraju (стр. 24—43). Изложеніе содержанія интересной капитальной рукописи—меморіала Пергена, перваго губернатора Галиціи (1772—1773 гг.), заключающаго въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) положеніе, жители и продукты края вообще, 2) дворянство, 3) религія и духовенство, 4) города и городскіе промыслы, 5) крестьянское сословіе, 6) евреи.

Документъ этотъ хотя и мало даетъ данныхъ совершенно новыхъ, но какъ историческій памятникъ имѣетъ огромное значеніе.

Въ отдѣлѣ Miscellanea: A. P—ska. «Dokument graniczny Czerwono-Ruski z 1352 r.» (стр. 51—54). Этотъ документъ, списанный съ книги земской Перемысской (Т. 155, стр 395—398), касается пожалованія княземъ Львомъ села Боляновицъ нѣкоему Петру Сурмѣ.

Этому документу предпослана исторія утвержденія юрид. права на владѣніе с. Боляновицы, заимствованная изъ судового акта 1606 г.

Въ отдѣлѣ «Recenzye i Sprawozdania» (стр. 64—143) даны отзывы о книгахъ: «Болсуновскій К. Сфрагистическіе и геральдическіе памятники юго-западнаго края, Кіевъ, 1899»; «Матеріалы по исторіи русской картографіи. Вып. I. Карты всей Россіи и ея южныхъ областей до половины XIII ст. В. Кордта. Кіевъ, 1899 г.»; «Иностранные карты и атласы XVI и XVII в., относящіеся къ Южной Россіи. Изслѣдов. Вас. Ляскоронскаго. Кіевъ, 1898».

Въ отдѣлѣ «Kronika» (стр. 160—175)—извѣстія: I. О засѣданіяхъ академій, научныхъ обществъ, о съѣздахъ; II. О коллекціяхъ, находкахъ, открытіяхъ; III. О научныхъ экскурсіяхъ, юбилейныхъ торжествахъ; IV. Некрологи; V. Конкурсы и награды. Много цѣннаго матеріала, касающагося юга Россіи и Галичины.

Въ отдѣлѣ «Sprawozdania z posiedzeń Towarystwa Historycznego» (стр. 184—185) изложено содержаніе реферата др. Фридерика Папье на XXI общемъ собраніи историческаго общества во Львовѣ подъ загл. «Litwa w ostatniem dwunastoleciu Kazimierza Jagiellończyka».

Ateneum.

Ksawery Chamiec. Starożytności przedhistoryczne na XI zjezdzie archeologicznym w Kijowie (стр. 105—135). Авторъ даетъ отчетъ о рефератахъ по доисторической археологіи, разсматривая ихъ въ послѣдовательномъ, возможно хронологическомъ, порядкѣ, соотвѣтственно тѣмъ періодамъ культуры, къ которымъ разсматриваемые имъ доклады пріурочиваются. Изложены доклады: г. Армашевскаго «О стоянкѣ человѣка палеолитической эпохи на Кирилловской улицѣ, въ Кіевѣ»; г. Покровскаго «О раскопкахъ г. Хвойки въ Кіевскомъ у.»; проф. Антоновича «О каменномъ вѣкѣ на Волыни»; г. Бранденбурга «О туземномъ населеніи кіевской земли»; г. Городцева «О необходимости установленія названій и составленія системы описанія доисторической керамики»; г. Нидерле «О времени переселенія славянъ съ сѣвера черезъ Карпаты въ Венгрію»; г. Пагодина «Объ отношеніи племени индо-европейскаго къ финскому» и др.

Przewodnik naukowy i literacki, № 4.

J. Boroszkiewicz. Pamiętnik o stroju narodowym w Rzeczypospolitej polskiej. (Продолженіе). (Стр. 382—388). Кунтушъ; извѣстія о немъ у польскихъ писателей прежнихъ временъ.—Происхожденіе кунтуша, по мнѣнію автора,—путемъ эволюціи, изъ народнаго платья; давность его существованія.—Опанча; два ея вида.—Бекеша; покрой ея.

Slovansky prehled, č. 7 (4).

František Řehoř. Masopust na haličké Rusi (Z pozostalých rukopisu). стр. 322—327).

Описаніе празднованія въ Галицкой Руси «мясныць»; загальный тыждень, крывый тыждень, пущання; колодка, времяпрепровожденіе на масляницѣ. Матеріалъ собранъ во многихъ мѣстностяхъ и снабженъ параллелями и ссылками на произведенія различныхъ изслѣдователей.

Въ отдѣлѣ «Umĕni, vĕda» (стран. 343—345) данъ отзывъ о книгѣ: «Проф. Т. Флоринскій: Нѣсколько словъ о малорусскомъ языкѣ (нарѣчіи) и новѣйшихъ попыткахъ усвоить ему роль органа науки и высшей образованности. Кіевъ, 1899.». Отмѣчено изданіе (стр. 345): «Гуцульщина. Написав проф. Володимир Шухевич. Ч. І, (Материяли до украиньско-руськои етнольогиі, т. ІІ). Львів, 1899».

Въ отдѣлѣ «Rozhledy a zpráwy» (стр. 350—351) отмѣчены: споръ о малорусскомъ языкѣ (отвѣтъ проф. Флоринскому г. Науменка); общее собраніе Товариства Просвіта»; количество русиновъ въ галицкихъ среднихъ школахъ; смерть А. Турбацкаго.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 22 газеты «Восходъ г. С. Гинзбургъ помѣстилъ статью «Сіонъ» и «Основа» (Вниманію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»).

Статья эта вызвана письмомъ въ редакцію С.-Петербургскихъ Вѣдомостей Homo, помѣщеннымъ въ № 68 этой газеты, въ которомъ авторъ, между прочимъ, бросилъ упрекъ евреямъ—въ раздуваніи племенныхъ антипатій и, въ частности, въ томъ, что «евреи въ лицѣ своего литературнаго органа «Сіона», будучи злы на украинофиловъ за обличеніе еврейской эксплоатаціи южно-руссовъ, первые пустили

въ ходъ обвиненіе украинофиловъ въ «сепаратизмѣ» и тѣмъ дали поводъ заподозрить чисто культурно-національное стремленіе въ зловредномъ, антигосударственномъ направленіи», (фактъ, засвидѣтельствованный А. Пыпинымъ и В. Д. Спасовичемъ въ „Исторіи славянскихъ литературъ" (стр. 380—381, 2-е изд.). По поводу этого упрека г. Гинзбургъ и берется, въ интересахъ истины, возстановить дѣйствительный характеръ этого инцидента. Съ этой цѣлью, приведя невинные отрывки изъ № 10 «Сіона» (статья: «Основа» и вопросъ о національностяхъ») и заявивъ далѣе, что «сепартизмъ—слово, которое никогда «Сіономъ» не употреблялось», авторъ ссылается на отзывы объ указанномъ инцидентѣ, сказанные въ 1861 году лучшими и найболѣе вліятельными изъ органовъ русской печати»: „Русскій Вѣстникъ, „Русская Рѣчь", „Время", „Русское Слово", „Русскій Инвалидъ», „Сынъ Отечества", и даже юмористическая «Искра».
Мы очень сомнѣваемся, чтобы дѣйствительно пальму первенства въ этомъ спорѣ можно было отдать «Сіону».

—

Кружкомъ польскихъ литераторовъ и ученыхъ Варшавы, Львова и Кракова подготовляется къ печати подробное историко-статистическо-географическое описаніе областей и земель, входившихъ въ составъ бывшаго польскаго королевства. Изданіе это предполагается въ шести частяхъ: I—Привислянскій край, II—сѣверо-западный край, III—юго-западный край, IV—Галиція, восточная и западная, V—Познань, VI томъ будетъ заключать дополненія. Изданіе это будетъ снабжено картами, планами, видами мѣстностей и портретами историческихъ дѣятелей. Первые три тома этого обширнаго труда выйдутъ въ свѣтъ одновременно, въ началѣ будущаго года, такъ какъ большая часть необходимыхъ матеріаловъ уже собрана и въ настоящее время подготовляется къ печати. Выйдетъ въ свѣтъ трудъ этотъ въ Варшавѣ. Послѣдніе три тома выйдутъ къ концу 1901 г. Карты, планы, рисунки и портреты исполнены будутъ въ одномъ изъ лучшихъ заведеній въ Лейпцигѣ. Матеріальная поддержка для выхода въ свѣтъ этого изданія будетъ оказана кружкомъ представителей высшаго польскаго общества, живо интересующихся всѣмъ, относящимся къ вопросамъ польской старины и археологіи.

—

Въ № 75 «Кіевской газеты» помѣщена статья «Памяти Т. Г. Шевченко», въ которой указывается на значеніе произведеній Шевченка для малорусскаго народа и литературы и на отношеніе къ другимъ великимъ народнымъ поэтамъ.

—

Въ № 12 «Русской музыкальной газеты» помѣщена статья, посвященная оцѣнкѣ музыкальной и композиторской дѣятельности и ея характера Николая Витальевича Лисенка. Авторъ статьи *(К. Н.)*, воздавъ достойныя похвалы красотамъ пѣсеннаго матеріала, собраннаго Ник. Вит. и помѣщеннаго въ изданныхъ имъ шести томахъ «Збірників українських пісень», въ 6 сборникахъ для хора (6 десятковъ) и въ другихъ изданіяхъ («колядки, щедровки, веснянки купальскі пісні), останавливается на талантливой дѣятельности Ник. Витальевича какъ композитора въ его операхъ («Наталка Полтавка», «Черноморцы», дѣтская опера «Коза — дереза»), въ романсахъ на слова Шевченка (до 50 номеровъ) и другихъ поэтовъ (Гейне и др.), въ рапсодіяхъ на мотивы украинскихъ пѣсенъ („Сюита G-dur"), нѣкоторые «Гавоты , chansons sans paroles и пр. „Н. Витальевичъ замѣчательно овладѣлъ проникновеніемъ въ духъ народного творчества» —говоритъ авторъ.—Поэтому его собственныя мелодіи иногда настолько близко подходятъ къ народной пѣснѣ по своимъ поворотамъ, по своей структурѣ, что Н. В. представляется не только композиторомъ, но народнымъ пѣвцомъ, кобзаремъ Украйны»!... и нынѣ малороссы къ славному имени своего давняго *кобзаря-поэта* могутъ прибавить не менѣе славное имя *кобзаря-музыканта* Николая Вит. Лисенка...

—

Въ №№ 7—9 «Днѣпровской Молвы» помѣщена статья А. Я. Конисскаго „Объ изученіи личности Т. Г. Шевченка" [1]).

Авторъ, отмѣтивъ предварительно нѣкоторыя критическія изслѣдованія произведеній Шевченка, по преимуществу въ Галичинѣ, указываетъ на то обстоятельство, что во всей этой обширной литературѣ мало или даже совсѣмъ не было затронуто изученіе личности Шевченка, *какъ человѣка*, по причинѣ разбросанности во мног. перв. изданіяхъ главнаго матеріала — «Дневника» Шевченка и его писемъ. На основаніи этого матеріала г. Конисскій касается нѣкоторыхъ характерныхъ сторонъ личности Т. Г. Шевченка, какъ-то: органическая ненависть къ двоедушію, чувство сознанія достоинства человѣка, доброта, гуманность, всепрощающая любовь, великое христіанское терпѣніе, религіозность, вѣра въ свою идею, необычайная скромность.

—

Въ №№ 24, 25, 26, 27, 28, 29 «Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» идетъ продолженіе печатанія труда г. Гульдмана «Памятники старины Подоліи», 8 главъ котораго было напечатано въ 1898

[1]) Издана отдѣльнымъ оттискомъ въ Екатеринославѣ, 1900, стр. 1—16.

году въ той же газетѣ (см. Археологич. Лѣтопись тек. года, № 4, стр. 67). Въ указанныхъ №№ авторъ даетъ подробное описаніе Каменецкой крѣпости—замка (точнѣе г. Каменца), со времени его основанія и до 1793 года.

—

Въ № 13 газеты журнала «Днѣпровская Молва» помѣщена статья проф. Н. Сумцова «О кобзаряхъ и лирникахъ». (Къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ).

Указавъ на значеніе кобзы, или бандуры, для малорусскаго народа въ XVI и XVII стол., авторъ отмѣчаетъ кобзарей, извѣстныхъ во второй половинѣ нашего столѣтія (Остапъ Вересай, Андрій Шутъ, Павло Братыця, Прокипъ Дубъ и пр.). Надо предполагать, что въ районѣ лѣвобережной Малороссіи, въ особенности среди крестьянъ Харьковской губ., находится еще значительное число кобзарей. Въ виду того, что скудные остатки кобзарства исчезаютъ съ каждымъ днемъ, желательно приведеніе ихъ въ извѣстность и обслѣдованіе въ подробностяхъ. Съ стой цѣлью авторъ предлагаетъ цѣлую программу для собиранія свѣдѣній о кобзаряхъ, ихъ личности, мѣстожительствѣ, соціальномъ положеніи, духовномъ ихъ богатствѣ, отношеніи къ лирникамъ; быть можетъ существуютъ, какъ въ прежнее время, кобзарскія школы...

—

Въ № 13 «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщена статья свящ. *Н. Д.* «Иконы древняго письма у нашихъ крестьянъ». Авторъ отмѣчаетъ 9 иконъ стараго письма съ сложными композиціями, видѣнныхъ имъ въ домахъ крестьянъ, которыя, по его мнѣнію, нужно признать копіями древнихъ русскихъ иконъ византійскаго письма. Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ мѣстности, въ которой ему удалось констатировать присутствіе упомянутыхъ рѣдкихъ иконъ.

—

Въ № 6 и 7 «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщена статья священника Г. И. Сорокина «Изчезнувшія села Новороссійскаго края».

Авторъ, на основаніи лично имъ собраннаго матеріала отъ оставшихся еще въ живыхъ старожиловъ, сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ исчезнувшихъ селахъ въ бывшей Новой Сербіи, какъ-то: Плоское, Красный—Кутъ, Уховка, Лагери, Водяная, Богданка Гутницкая, Лозоватка, Знаменка, Рудая.

—

Въ № 794 газеты «Приднѣпровскій Край» помѣщена статья «Главные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченка (Извлеченіе изъ чтенія А. Н. Лисовскаго на вечерѣ въ память Т. Г. Шевченко).

Авторъ, анализируя произведенія Шевченка, указываетъ на главные мотивы въ поэзіи его: сентиментализмъ, героическая стихія и пророческая, затѣмъ на національный характеръ поэзіи его—культъ счастья, счастья спокойнаго созерцанія, внутренней независимости и свободы, а также останавливается на опредѣленіи значенія произведеній Шевченка, какъ откровенія для своего времени, и вліянія ихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

—

Въ одномъ изъ февральскихъ №№ газеты «Сибирскаго Листка», издающейся въ Тобольскѣ, помѣщена статья г. Грабовскаго, посвященная памяти Т. Г. Шевченка. Авторъ говоритъ, между прочимъ, о вліяніи музы Шевченка въ Галиціи, куда съ произведеніями Шевченка проникли лучшія вѣянія освободительной эпохи, вызвавши возрожденіе русской части населенія на національной почвѣ; затѣмъ вліяніе произведеній Шевченка отразилось съ особой силой на произведеніяхъ такихъ талантливыхъ бытописателей, какъ Франко, а въ послѣднее время—Бордулякъ, Стефанинъ и др. «Въ этомъ отношеніи»,—говоритъ авторъ,—«писатели галичане стоятъ неизмѣримо выше россійскихъ украинцевъ, усвоившихъ слабыя стороны музы батька Тараса, вродѣ иделизаціи прошлаго, и все еще упражняющихся въ словосочиненіи псевдо-историческаго и псевдо-националистическаго свойства».

—

Въ № 2 журнала «Lud» помѣщены между прочимъ статьи: Jósef'a Schnaidera. Z kraju Huculów, Bron. Kryczyński: «Śpiewy haitkowe z Podhorza», Dr. St. Fliasz—Radzikowski «Styl zakopiański».

—

Въ 1 № журн. Hist.-filos. Klasse» статья Olaf'a Brach„ Weitere Studien von der Slovakich-kleinrussichen Sprachgrenze in westl. Ungarn. Videnskabselskabels Skrifter.

—

Богословский Вістнык. Ч. I. Розправи: Церков въ ювилею (II). Біблійний потоп (Свящ. Дорожинскаго). О способі ізбранія і поставленія в діяконьскій і сьвященический чин із мірских лиц в XVI ст. на южной Руси (Свящ. А. С. Петрушевич).

Ч. 2. Круковский. Krytyczny rozbiór kazań i homilij Hipacyusza Pocieja Metropolity Kijowskiego, Halickiego i całej Rusi.—Др. Бартошевский, пропові̇ди похоронні.

Ч. 3. Аналекта. Роспятіе.—Участь сина сьвященника в похоронах своіх родичів.

Ч. 4. Начерки наук духовних. Проповідь на нед. Воскресеня Христового (Іпатий Потій, митрополит всеі Руси).

Молода Украина, ч. 3. Зміст: *Володимир Старосольскій.* Злука молодіжі; *Льонгін Цегельский.* М. П. Драгоманов, його думки, діяльность і значіне; *Стеван Чарнецький.* З літних ночий; *Володимир Темницький.* Де що про-українські гімназіи; *Теофіль Мелень.* Джордано Бруно; *Степан П.* Згадки; *Михайло Голущинський.* Науковый рух в тов. «Академична Громада» у Львові. *Володимир Старосольский.* Студенчеські рухи в Росиі.

Молода Украина, ч. 4. Зміст: *Стефан Томашівский.* Про самоосьвіту, *Льонгін Цегельский.* М. П. Драгоманов, його думки, діяльність і значінє; *Остап Людкевич.* Наші співака а народня справа и др.

Учитель, ч. 7. Зміст: *Ант. Павенцкий.* Початокъ і розвій шкільництва на Руси; *Василь Ратальський.* Про фізичне вихованє;—значіння матери в вихованю дітий.

Въ № 162 газ. «Сѣверный Курьеръ» въ отдѣлѣ „Славянская жизнь" подробно изложена исторія учрежденія и развитія «Наукового Товариства імени Шевченка», его дѣятельности, въ особенности съ 1892 года, упоминается также о дѣятельности общества „Просвіта".

Одобренныя малорусскіе изданія. Брошюры О. Степовыка: „Корыстни звірятка" и „Про городыну", изданныя въ прошломъ году Петербургскимъ Благотворительнымъ Обществомъ изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ, а также печатающаяся тѣмъ же Обществомъ брошюра Немоловскаго «Про пчильныцтво—«одобрены Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имущ. для библіотекъ низшихъ с.—хозяйств. и садовыхъ школъ, находящихся въ тѣхъ губ., гдѣ мѣстное крестьянское населеніе говоритъ на малорусскомъ нарѣчіи»

Малорусскія пьесы, дозволенныя драматическою цензурою къ представленію (по 1 февраля 1900 г.): 1) Дви доли. Мелодрама у 5 діяхъ. Ѳ. Т. Заремба; 2) За зраду. Драма у 5 діяхъ и 6 одминахъ. Д. А. Туманенко. 3) За сиротою—Богъ съ калитою или два жребія на смерть. Малороссійская мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ на русскомъ языкѣ, сочиненіе Н. М. Качинскаго; 4) Загублени. Драма въ

5 діяхъ и шести одминахъ Л. П. Громова; 5) Злодій. Драма въ пяти діяхъ. Одарки Романовой; 6) Передъ волею. Драма у 5 діяхъ (діется в 60 и 61 рокахъ). М. Л. Кропивницкаго; 7) По паньски. Этюдъ у одному акти. Свиридовича Тугого (короля). 8) Побачымось на тимъ свити (Або любыла до загыну). Драма въ 3 діяхъ. Ивана Степанченка; 9) Хвауст. Драма зъ спивамы и танцамы. Переложывъ для малорусскои сцены С. Ф. Сарматовъ (Опеньковскій). Музыка зъ украинськыхъ писень.

Археологическая лѣтопись.

Замѣтка о собиранiи и сохраненiи антропологическаго матерiала при раскопкахъ.

Сохраненіе и изученіе антропологическаго матеріала, добытаго при раскопкахъ, нужно считать одинаково существенной частью раскопокъ, какъ и полученіе археологическаго матеріала. Только совокупность двухъ этихъ матеріаловъ и параллельное изученіе ихъ могутъ дать полную характеристику типа племени даннаго могильника. До сихъ поръ въ Россіи мало обращали вниманія на антропологическій матеріалъ, его брали только отчасти, съ большими выборками, да и теперь очень часто раздаются вопросы: «что-же именно брать при раскопкахъ?» Отвѣтъ на такой вопросъ можетъ быть совершенно категорическій: все, т. е. весь костякъ, всѣ кости изъ одной общей могилы; всѣ кости представляютъ цѣнный антропологическій матеріалъ, интересный въ томъ или другомъ отношеніи. Такая постановка раскопокъ и практикуется и во Франціи, и въ Германіи, и въ другихъ странахъ и по возможности ей нужно слѣдовать и при нашихъ раскопкахъ. Тутъ, правда, мы сталкиваемся съ практическими неудобствами: костный матеріалъ представляетъ очень громоздкую вещь, очень неудобную и для пересылки и для сохраненія и очень большая часть его можетъ остаться безъ обработки и лежать, занимая мѣсто, безъ утилизаціи долгое время. Поэтому приходится указывать на болѣе существенную часть антропологическаго матеріала. Какъ наиболѣе важнымъ матеріаломъ конечно является черепъ съ нижней челюстью,

дальше—всѣ такъ назыв. длинныя кости, т. е. кости плеча и предплечья (лучевая и локтевая), кости бедра и голени (большая и малая берцовыя кости); какъ черепъ является важнымъ матеріаломъ для опредѣленія типа племени, такъ всѣ длинныя кости представляютъ важный матеріалъ для опредѣленія роста, кромѣ, конечно, и того значенія, которое онѣ имѣютъ сами по себѣ, какъ цѣнный антропологическій матеріалъ; дальше, очень интереснымъ въ антропологическомъ отношеніи является тазъ съ крестцовой костью. Эти всѣ кости и составляютъ главнымъ образомъ антропологическій матеріалъ, желательный для сохраненія. При раскопкахъ общихъ могилъ, гдѣ въ одной могилѣ сложено нѣсколько скелетовъ, такъ что всѣ кости перепутаны, очень интересно опредѣлить число всѣхъ погребеній, находящихся въ данной общей могилѣ. Тутъ черепа не даютъ по большей части числа погребеній, какъ кости разрушающіяся очень сильно; по большей части наиболѣе сохраняются кости пятки—пяточная и таранная (calcaneum и astragalus); эти кости, какъ лучше сохраняющіяся, даютъ наибольшее число погребеній; тогда при раскопкахъ общихъ могилъ, если нельзя сохранить всѣхъ костей, слѣдуетъ выбирать всѣ calcaneum и astragalus и сохранять ихъ.

Главнымъ образомъ, при раскопкахъ и сохраненіи антропологическаго матеріала, не слѣдуетъ руководиться никакими побочными соображеніями, въ родѣ того: «зачѣмъ брать два черепа одинаковаго вида?» Не нужно допускать никакой выборки матеріала, а брать все. Если нельзя брать всего выкопаннаго матеріала—череповъ, костей, то слѣдуетъ брать всѣ цѣльные черепа и только очень немного поврежденные и всѣ цѣльныя длинныя кости. При исключительно интересныхъ погребеніяхъ или находкахъ важны всѣ обломки черепа и костей, такъ какъ, если черепъ сохранился въ обломкахъ, то эти обломки легко возстановить и черепъ можетъ стать матеріаломъ вполнѣ годнымъ для изученія. Точно также, при затрудненіи пересылки, упаковки, изъ длинныхъ костей можно брать только вполнѣ цѣлыя кости, у которыхъ оба конца не повреждены. Изъ длинныхъ костей большій интересъ представляютъ плечевая, бедро, локтевая и большая берцовая, меньшій интересъ представляютъ лучевая и малая берцовая, которыя можно брать только когда онѣ совершенно цѣлы.

При раскопкахъ надо соблюдать извѣстныя предосторожности: иногда черепъ и скелетъ отъ влажности становятся очень мягкими, ихъ тогда очень легко прямо раздавить въ рукахъ. Черепа и всѣ

кости въ такихъ случаяхъ осторожно вынимаютъ изъ земли, или кости только освобождаютъ сверху, чтобы допустить свѣжій воздухъ; черепъ же слѣдуетъ вынимать изъ земли съ прилегающей къ нему землей и, не вычищая внутренняго кома земли, оставить его тутъ-же на воздухѣ подсохнуть; на воздухѣ кости очень быстро твердѣютъ и тогда становятся вполнѣ крѣпкими и только въ рѣдкихъ случаяхъ требуютъ особеннаго фиксированія. Обыкновенно совѣтуютъ оставлять черепа 2—3 дня на воздухѣ, чтобъ они окончательно просохли и тогда уже ихъ можно упаковывать для отправки; передъ отправкой, когда черепа высохнутъ, очень легко вычистить весь внутренній комъ земли, который наполняетъ черепъ. Всѣ выпавшіе зубы слѣдуетъ по возможности вставлять на свои мѣста и чѣмъ-нибудь тамъ фиксировать, всѣ выпавшіе слѣдуетъ подбирать.

Всегда всѣ руководства особенно обращаютъ вниманіе на помѣтки череповъ; совѣтуютъ сейчасъ-же наклеивать этикетки и на черепъ и на нижнюю челюсть съ тѣмъ-же номеромъ и заносить въ дневникъ раскопокъ; потомъ, по возможности въ скоромъ времени, писать окончательный подробный этикетъ на черепъ; проще, мнѣ кажется, мѣтить на самомъ черепѣ и всѣхъ костяхъ карандашемъ, а еще лучше даже чернильнымъ карандашемъ, просто номеръ съ указаніемъ на мѣсто погребенія, по этому номеру можно легко въ дневникѣ раскопокъ отыскивать при какихъ условіяхъ былъ найденъ черепъ, какія вещи его сопровождали; тѣмъ же номеромъ слѣдуетъ мѣтить и остальныя кости, чтобы было указаніе, что кости и черепъ принадлежатъ одному и тому же скелету, такъ какъ представляютъ интересъ извѣстныя сопоставленія черепа со скелетомъ.

Когда черепа окончательно высохнутъ, ихъ завертываютъ въ бумагу и укладываютъ въ сѣно и солому, но не очень большими партіями. Особенно старательно надо упаковывать разбитые черепа, представляющіе особый интересъ, тутъ всѣ подобранные осколки должны быть тщательно завернуты, занумерованы и упакованы вмѣстѣ.

А. Покровскій.

Къ Археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Г. Харьковъ, въ лицѣ своихъ ученыхъ и вообще интеллигентныхъ силъ, энергично взялся за дѣло подготовки будущаго съѣзда.

20-го марта состоялось засѣданіе членовъ организованной совѣтомъ Харьковскаго университета комиссіи для подготовительныхъ работъ по устройству съѣзда. Ректоромъ университета было сдѣлано предложеніе объ избраніи предсѣдателя, секретаря и казначея комиссіи. По произведенной баллотировкѣ предсѣдателемъ избранъ проф. Д. И. Багалѣй, а секретаремъ проф. Е. К. Рѣдинъ.

26 марта состоялось засѣданіе подготовительной комиссіи по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.

Въ началѣ предсѣдатель комиссіи проф. Д. И. Багалѣй обратился къ членамъ съ обширной рѣчью, въ которой благодарилъ за честь избранія въ предсѣдатели и указалъ на обширность задачъ, предстоящихъ къ выполненію, и на условіе успѣха дѣятельности комиссіи — общую, дружную, совмѣстную работу. «Программа археологическихъ съѣздовъ, говорилъ онъ далѣе, очень широкая и каждый изъ насъ несомнѣнно найдетъ у себя какія-нибудь точки соприкосновенія съ ея многочисленными отдѣлами. Намъ нужно трудиться всѣмъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности, дабы достичь тѣхъ результатовъ, какихъ достигали предварительные комитеты въ другихъ университетскихъ городахъ, гдѣ есть и богатыя археологическія коллекціи, и археологи-спеціалисты и гдѣ, наконецъ, какъ то было въ Кіевѣ, Москвѣ, сами города являютъ изъ себя археологическіе музеи. Намъ же нужно добывать все это изъ земли, изъ кургановъ, собирать по крупицамъ отъ частныхъ лицъ. Для этого нужно много неустанной энергіи, труда. Но, господа, результаты нашей дѣятельности могутъ оказаться въ высшей степени благотворными: мы можемъ широко открыть завѣсу, которая доселѣ закрывала нашъ край; мы вскроемъ могилы, мы заставимъ заговорить этихъ нѣмыхъ свидѣтелей нашего отдаленнаго прошлаго, мы соберемъ коллекціи тѣхъ вещественныхъ памятниковъ, которые лучше всѣхъ описаній рисуютъ бытъ народностей, населявшихъ нашу область и сосѣднія территоріи и, быть можетъ, наконецъ, намъ удастся закрѣпить ихъ за собою и положить начало въ Харьковѣ музею мѣстныхъ древностей въ широкомъ смыслѣ этого слова. Я не говорю уже о тѣхъ благотворныхъ результатахъ, которые, навѣрное, будетъ имѣть съѣздъ для подъема интереса общества къ его культурному прошлому—такія послѣдствія имѣли всѣ прежніе областные археологическіе съѣзды и харьковскій, конечно, не будетъ изъ нихъ исключеніемъ».

Затѣмъ предсѣдателемъ была прочитана программа дѣятельности комиссіи, принятая единогласно, и началось обсужденіе отдѣльныхъ пунктовъ ея. Рѣшено образовать рядъ подкомиссій: доисторическихъ древностей, историко-церковныхъ, этнографическихъ и археографическихъ. Работавшая ранѣе уже специальная комиссія по устройству этнографической выставки при археологичелкомъ съѣздѣ вошла въ своемъ составѣ въ общую комиссію, и отъ нея поступили на утвержденіе програмны по собиранію вещей для выставки и просьба объ исходатайствованіи средствъ на совершеніе экскурсій членами этнографической подкомиссіи по селамъ Харьковской губ. уже лѣтомъ этого года и на покупку вещей. Большіе дебаты вызвалъ вопросъ о мѣрахъ и способахъ по устройству небольшихъ волостныхъ этнографическихъ выставокъ въ предѣлахъ на первыхъ порахъ одного Харьковскаго уѣзда. Для полученія необходимыхъ справокъ и свѣдѣній по этому поводу разрѣшеніе програмны подкомиссіи и вопросъ объ экскурсіяхъ и указанныхъ выставкахъ отложены до ближайшихъ засѣданій комиссіи. На выраженное нѣкоторыми членами пожеланіе устройства и въ другихъ центрахъ территоріи, подлежащей специальному обслѣдованію XII съѣзда,—подготовительныхъ комиссій—предсѣдателемъ доложено, что устройство такихъ комиссій имѣется въ виду, согласно постановленію московскаго предварительнаго комитета: въ Курскѣ, Воронежѣ, Черниговѣ, Екатеринославѣ, Полтавѣ, Екатеринодарѣ; этимъ комиссіямъ будутъ разосланы програмны изученія и изслѣдованія различныхъ древностей и памятниковъ, выработанныя харьковской подготовительной комиссіей.

Для успѣха дѣятельности комиссіи рѣшено пригласить войти въ составъ ея нѣкоторыхъ лицъ, извѣстныхъ своими археологическими трудами, имѣющихъ коллекціи и вообще могущихъ быть полезными въ различныхъ отношеніяхъ; выборъ ихъ будетъ произведенъ въ слѣдующее засѣданіе.

—

31-го марта состоялось засѣданіе той-же комиссіи. Все засѣданіе почти исключительно было посвящено обсужденію програмнъ по собиранію какъ свѣдѣній о различныхъ памятникахъ древности области, подлежащей специальному обслѣдованію, такъ и самихъ памятниковъ для выставокъ, что будутъ устроены при съѣздѣ. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ прочелъ програмны: *для собиранія этнографическихъ матеріаловъ къ выставкѣ*, *для собиранія писанокъ и свѣдѣній о нихъ*,

для собиранія свѣдѣній о кобзаряхъ и лирникахъ. Программамъ предпослано общее введеніе о значеніи этнографическихъ выставокъ и музеевъ. «Въ западной Европѣ, говоритъ проф. Сумцовъ, даже въ такихъ глухихъ ея мѣстахъ, какъ Галиція, находятся этнографическіе музеи, въ которыхъ съ большей или меньшей тщательностью собраны разные предметы народнаго быта—модели, рисунки домашнихъ построекъ и утвари, музыкальные инструменты, мѣстный крестьянскій костюмъ, дѣтскія игрушки и пр. Въ этихъ музеяхъ сберегаются, между прочимъ, такіе предметы, которые вышли или выходятъ изъ народнаго житейскаго обихода, не смотря на значительное прежнее распространеніе и историческую ихъ давность, не смотря даже на ихъ художественное изящество, выходятъ потому, что не удовлетворяютъ уже практическимъ запросамъ текущаго дня. Въ этнографическихъ музеяхъ люди науки и художники находятъ пищу для удовлетворенія своей любознательности. Музеи эти служатъ, впрочемъ, пособіемъ для широкаго и разносторонняго изученія мѣстной народной жизни. У насъ, въ Россіи, этнографическіе музеи чрезвычайно рѣдкое явленіе, и составленіе ихъ сопряжено съ большими задрудненіями. Весьма немногіе интересуются у насъ мѣстной народной жизнью; особенно мало людей съ сравнительно-этнографическими познаніями. Приходится потому ограничиваться самыми скромными запросами и по крупицамъ собирать этнографическій матеріалъ, почти исключительно при содѣйствіи малочисленной сельской интеллигенціи, точнѣе, тѣхъ немногихъ ея представителей, которые, заброшенные въ сельскую глушь, не ушли всецѣло въ заботы о пропитаніи, но сохранили еще въ душѣ интересъ къ успѣхамъ просвѣщенія».

При археологическомъ съѣздѣ будетъ устроена этнографическая выставка. Успѣхъ ея зависитъ отъ того вниманія, которое окажетъ общество дѣлу устройства ея—сообщеніемъ полезныхъ свѣдѣній, присылкой самихъ вещей. Эту этнографическую выставку предполагается превратить въ постоянное мѣстное учрежденіе—этнографическій музей Малороссіи. Просятъ вещи и всякія свѣдѣнія, запросы о программахъ направлять въ университетъ, въ комиссію по устройству археологическаго съѣзда проф. Д. И. Багалѣю.

Проф. Д. И. Багалѣй прочелъ программы *по древностямъ первобытнымъ и историческимъ*, а проф. Е. К. Рѣдинъ—*по древностямъ церковнымъ.* И по этимъ древностямъ предположено устройство вы-

ставокъ; всякія свѣдѣнія о нихъ, а равно памятники весьма цѣнны; Харьковъ доселѣ не имѣетъ еще музея мѣстныхъ древностей, памятниковъ мѣстной старины въ широкомъ смыслѣ этого слова; нужно надѣяться, что археологическій съѣздъ въ Харьковѣ, вызвавъ интересъ въ мѣстномъ обществѣ къ родной старинѣ, положитъ основаніе этому музею.

Всѣ вышеназванныя программы, по обсужденіи ихъ, были приняты, ихъ рѣшено отпечатать и широко распространить, разославъ народнымъ учителямъ и сельскимъ священникамъ.

Прочитаны были вопросы для описанія архивовъ, разосланные московскимъ археологическимъ обществомъ во всѣ архивы имперіи. Рѣшено обратиться къ обществу съ просьбой—предоставить комиссіи всѣ полученныя обществомъ матеріалы по архивамъ Харьковской губ. для приведенія въ систематическій порядокъ и приготовленія особаго доклада въ видѣ изслѣдованія матеріаловъ указанныхъ архивовъ. Заслушано было письмо И. П. Щелкова, въ которомъ сообщаются весьма интересныя свѣдѣнія о подземныхъ ходахъ г. Харькова и о нѣкоторыхъ древностяхъ Харьковской губ. В. П. Бузескулъ, А. П. Красновъ, В. И. Савва сообщили дополнительныя свѣдѣнія по тому-же предмету. Рѣшено указанныя свѣдѣнія о ходахъ напечатать въ газетахъ съ просьбой сообщить комиссіи дополненія, разъясненія по поводу тѣхъ-же ходовъ, кому они извѣстны.

По предложенію проф. А. П. Краснова рѣшено обратиться въ съѣздъ земскихъ начальниковъ Харьковскаго уѣзда съ просьбой оказать содѣйствіе по устройству этнографическихъ выставокъ въ волостяхъ, а по предложенію А. П. Кадлубовскаго—рѣшено обратиться съ просьбой оказанія помощи и содѣйствія въ трудахъ комиссіи къ Нѣжинскому филологическому институту и состоящему при немъ историко-филологическому обществу.

—

Результаты предстоящаго археологическаго съѣзда уже начинаютъ сказываться. Въ музей изящныхъ искусствъ и древностей Харьковскаго университета уже начинаютъ поступать пожертвованія древностей для пополненія его коллекцій, весьма еще бѣдныхъ собственно мѣстными памятниками старины. Такъ, отъ учителя купянскаго духовнаго училища поступилъ обломокъ весьма интереснаго каменнаго молотка и глиняный горшокъ, весьма древняго происхожденія, съ любопытнымъ орнаментомъ. Императорская архео-

логическая коммиссія высылаетъ музею: кремневыя издѣлія, бронзовыя и желѣзныя наконечники стрѣлъ, бронзовую пряжку и обломокъ костяной праслицы, а также семь золото-ордынскихъ монетъ— вещи изъ находокъ въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губ., близъ с. Райгородка.

Можно надѣяться, что и впредь коллекціи музея будутъ рости и къ съѣзду будутъ представлены въ болѣе или менѣе богатомъ составѣ, какъ матеріалъ, который можетъ составить интересъ и для пріѣзжихъ ученыхъ, и вообще для изслѣдователей старины. («Харьк. Вѣд.»).

Ученыя общества.

Въ № 6 Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей за нст. годъ помѣщенъ *Отчетъ о состояніи Волынскаго Церковно-Археологическаго Общества въ 1899 году.* Кромѣ участія въ XI Археолог. съѣздѣ, дѣятельность общества или правильнѣе—стоящаго во главѣ его Распорядителенаго Комитета выразилась главнымъ образомъ въ организаціи, по примѣру 1898 года, экскурсіи для изслѣдованія памятниковъ волынской старины, преимущественно церковной. Въ экскурсіи этой приняли участіе каѳедральный протоіерей Н. Н. Трипольскій и О. А. Фотинскій. Совмѣстно обоими экскурсантами посѣщены были г. Новоградволынскъ и м. Корецъ и затѣмъ отдѣльно г. Фотинскимъ: м. Гоща, с. Дорогобужъ, Рясники, м. Горингродъ, с. Бабинъ, г. Острогъ, м. Межиричи, с. Привитовъ, монастыри: Дерманскій, Городищенскій и Любарскій, г. Овручъ, м. Искорость, с. Потаповичи и Бехи. Главною цѣлью экскурсіи было обозрѣніе древностей церковныхъ. Попутно г. Фортинскимъ изслѣдованы были Взвягельское (Новоградволынское) городище лит. періода, курганы и городища с. Дорогобужа и вообще топографія этого б. удѣльнаго города Волынской земли, по Горыни первобытныя древности м. Искорости—древняго Коростеля древлянской земли. Въ силу кратковременности экскурсіи и недостатка денежныхъ средствъ, изслѣдованія эти носили только внѣшній характеръ и лишь выяснили необходимость болѣе детальныхъ изслѣдованій, путемъ систематическихъ раскоповъ. Особенно желательно-бы съ точки зрѣнія церковной археологіи, произвести такія изслѣдованія въ с. Дорогобужѣ, гдѣ на полуразрушенной на-

сыни, примыкающей къ городищу удѣл. періода, было очевидно старое кладбище и вѣроятно храмъ, гдѣ каменная церковь сохранила слѣды древнѣйшей кладки XI—XII вв., хотя подвергалась позднѣйшимъ перестройкамъ,—и въ с. Чекнѣ, Дубенскаго уѣзда, на большой возвышенности, служившей въ XV—XVI вв. подножіемъ монастыря во имя Честнаго Креста, гдѣ видны въ рѣчныхъ размывахъ рѣки Стыри слѣды стараго фундамента, кафель и находятся другіе памятники церковные—остатки нѣкогда высокочтимаго монастыря, разрушеннаго сначала татарами и потомъ уніатами. Особенное вниманіе экскурсанта было также обращено на безусловно древнѣйшій памятникъ церковнаго зодчества на Волыни, Овручскій храмъ св. Василія. Зданіе, не смотря на X вѣковую давность, не подвергаясь почти никакимъ передѣлкамъ, сохранилось до нынѣ въ значительной своей части и реставрація его представляется вполнѣ возможною и врядъ-ли очень много потребовала бы средствъ. Съ благословенія Его Высокопреосвященства открытъ уже сборъ пожертвованій для этой цѣли. Понятно, что реставрація должна вестись не мѣстными силами, а при участіи вполнѣ компетентныхъ спеціалистовъ. Особенно желательна умѣлая реставрація древнѣйшихъ фресокъ, сохранившихся здѣсь, чтобы не повторилась съ нами вандальская исторія реставраціи фресокъ Кіево-Кирилловскаго монастыря. Въ значительной степени сохранили старинный отпечатокъ въ архитектурѣ своей также каменные храмы XVI—XVII вв. м. Гощи и м. Корца. За то въ нихъ не сохранилось почти никакихъ другихъ остатковъ старины. Съ сожалѣніемъ приходится упомянуть о варварскомъ истребленіи цѣликомъ или частью фресокъ Городищенскаго монастыря, хотя происхожденія позднѣйшаго (XVIII в.), но какъ по художественному достоинству своему, такъ и по сюжетамъ своимъ и какъ историческій памятникъ запад. вліянія лицевыхъ библій на церковную живопись въ уніатскую эпоху, вполнѣ заслуживавшихъ лучшей участи. Въ архитектурѣ храмовъ монастырскихъ Дерманскаго, Городищенскаго и Любарскаго никакихъ почти остатковъ старины не замѣчается. За то въ нихъ найдены чрезвычайно любопытные памятники древняго письма и печати. Особенное богатство въ этомъ отношеніи представляетъ Дерманскій монастырь. Не вдаваясь въ подробности, достаточно сказать, что въ монастырской библіотекѣ хранятся 26 нумеровъ древнихъ рукописныхъ книгъ, восходящихъ къ XIV—XV вв., нѣкоторыя изъ нихъ съ подписями кн. К. И. и К. К. Острожскихъ,

Мелетія Смотрицкаго и др.; среди нѣсколькихъ сотенъ старопечатныхъ книгъ на разныхъ языкахъ попадаются такія библіографическія рѣдкости, какъ Дерманскій Октоихъ 1610 г., Рохмановское учительное евангеліе 1618 г. и много книгъ съ автографами и замѣтками на поляхъ Мелетія Смотрицкаго, могущими дать богатый матеріалъ для характеристики эрудиціи, научныхъ интересовъ и вообще для біографіи этого виднаго дѣятеля церковной исторіи Волыни. Здѣсь же хранятся нѣкоторыя крайне интересныя старинныя иконы, рѣдчайшій крестъ съ медальоннымъ изображеніемъ кн. К. И. Острожскаго и др. памятники. Къ сожалѣнію, для охраненія этихъ научныхъ богатствъ монастырь не имѣетъ ни достаточно средствъ, ни свѣдущихъ людей. Многія книги полуистлѣли отъ сырого, непровѣтриваемаго помѣщенія; любопытные иконы и портреты найдены на чердакѣ, въ пыли, среди всякаго хлама. Въ 1896 г. въ монастырскомъ архивѣ имѣлось шесть сундуковъ съ разнаго рода старинными актами; нынѣ сохранился изъ нихъ только сундукъ № 4, а прочіе исчезли неизвѣстно куда. Такова судьба и всѣхъ памятниковъ старины въ нашихъ глухихъ монастыряхъ и сельскихъ церквахъ. Иногда по недостатку средствъ, иногда по невѣжеству гибнутъ они, иногда попадаютъ въ руки частныхъ коллекціонеровъ-любителей или въ музеи иногородные. Централизація этихъ памятни-въ общемъ Волынскомъ музеѣ, въ рукахъ людей свѣдущихъ и интересующихся памятниками старины—единственное средство для сбереженія въ будущемъ того, что еще успѣло сохраниться отъ прежнихъ вѣковъ.

Нѣсколько любопытныхъ актовъ найдено въ библіотекѣ Городищенскаго монастыря. Въ библіотекѣ Любарскаго женскаго монастыря хранится множество разнаго рода ученыхъ богословскихъ трактатовъ, писанныхъ въ разныхъ монастыряхъ Волыни и смежныхъ съ нею мѣстностей Россіи монахами-базиліанами и не безъинтересныхъ для исторіи духовнаго просвѣщенія на Волыни. Во всѣхъ трехъ осмотрѣнныхъ монастырскихъ библіотекахъ нѣтъ и слѣда какихъ-либо каталоговъ или описей и полное исчезновеніе книгъ и рукописей ничѣмъ не можетъ быть проконтролировано. Изъ осмотрѣнныхъ экскурсантами приходскихъ храмовъ наиболѣе вниманія заслуживаютъ старый деревянный храмъ с. Дорогобужа, храмъ м. Межирича—величественный памятникъ архитектуры XVI—XVII вв., наше старинное аббатство съ башнями и бойницами, валами и рвами,—и осо-

бенно староместная церковь г. Острога. Это любопытнѣйшій памятникъ деревянной церковной архитектуры XVI в., сохранившій всѣ черты стариннаго зодчества и внутри увѣшанный массою иконъ стариннаго письма, крайне любопытныхъ по своему содержанію. Въ высшей степени желательно, чтобы при предстоящей въ близкомъ будущемъ реставраціи этого храма не былъ искаженъ его современный типъ, что къ сожалѣнію столь обычно на Руси.

Результатомъ экскурсіи было возбужденіе ходатайства, увѣнчавшагося уже успѣхомъ, о передачѣ въ Волынское Древлехранилище предметовъ, намѣченныхъ экскурсантами.

Изъ приращеній Древлехранилища въ отчетномъ году слѣдуетъ отмѣтить рукописи и старопечатныя книги Загоровскаго монастыря, пріобрѣтенную въ г. Овручѣ коллекцію древностей неолитической эпохи и коллекцію каменныхъ орудій изъ Кременецкаго у., пожертвованную П. И. Тиховскимъ.

Что касается издательской дѣятельности Общества, то здѣсь можно указать на рѣшеніе распорядительнаго комитета приступить къ изданію 2-го выпуска „Волынскаго Историко-Археологическаго Сборника“, для котораго намѣченъ уже рядъ статей.

Изслѣдованія и раскопки.

Въ теченіи 1897—99 гг.. *М. К. Якимовичемъ* былъ отрытъ и изслѣдованъ цѣлый рядъ *дюнныхъ стоянокъ каменнаго вѣка* на правомъ берегу р. Уши, вблизи впаденія ея въ Припять, въ Радомысльскомъ у. Кіевской губ.

Стоянка, давшая болѣе всего предметовъ, находится у с. Заполья, затѣмъ, слѣды стоянокъ замѣтны у сс. Черевача и Рутичъ и у д. Губино. Всѣ эти стоянки почти соприкасаются одна съ другой.

На стоянкѣ у Заполья найдено нѣсколько сотъ отбивныхъ кремневыхъ орудій. Здѣсь имѣются отлично подправленные наконечники стрѣлъ: треугольные, сердцевидные, ромбическіе, овальные, съ стержнями и трапецовидные, отбивные ножики, $2^1/_2$—7 смт. длиною, скребки, много начатыхъ работой орудій. Изъ орудій производства найдены отбойники изъ кварцита. Шлифованныя каменныя орудія встрѣчены лишь въ обломкахъ, это были молотки со сверлинами изъ сланца. Найденъ также одинъ камень для растиранія зе-

ренъ. Изъ глиняныхъ издѣлій попадались черепки сосудовъ, разной формы пряслицы, иногда орнаментированныя, и пряслицы изъ черепковъ.

Какъ это всегда бываетъ, на тѣхъ-же дюнахъ выдуваются вѣтромъ и предметы другихъ эпохъ. Здѣсь, на берегу Уши, найдены: часть мѣднаго кованнаго копья, бронзовая игла 6 стм. длиной и небольшое бронзовое долотцо. Кромѣ того, тутъ-же собрана цѣлая серія скифскихъ бронзовыхъ стрѣлъ и нѣкоторыя бронзовыя украшенія. Изъ желѣзныхъ предметовъ найдены: стрѣлы, главн. обр. ромбической формы, игла 6 стм. длины, ножики. Имѣется также довольно много бусъ—стеклянныхъ и изъ композиціи.

Данная часть Кіевской губ. еще очень мало изслѣдована въ археологическомъ отношеніи; изслѣдованія г. Якимовича дали нѣсколько новыхъ фактовъ—они очень пригодятся, какъ дополненіе къ уже имѣющимся.

Часть собранной коллекціи г. Якимовичъ предназначилъ для Кіевскаго Музея Древностей и Искусствъ.

Случайныя находки.

Съ наступленіемъ весны открылся сезонъ раскопокъ на городищѣ Княжа Гора и открылся довольно удачно. Въ результатѣ—большая партія древностей, привезенная въ Кіевъ скупщиками въ первыхъ числахъ апрѣля. Кромѣ желѣза, разныхъ мелкихъ издѣлій изъ бронзы, серіи сосудовъ, въ этой партіи находился и цѣлый небольшой кладъ серебряныхъ украшеній, найденный въ юго-западномъ углу городища въ очень плотной, каменистой почвѣ. Въ кладѣ находились: 12 гладкихъ височныхъ колецъ, одно такое же кольцо изъ электрона, перстень съ орнаментированнымъ ромбическимъ щиткомъ, перстень (сильно попорченый) съ гнѣздомъ для камня, 8 серегъ кіевскаго типа, изъ которыхъ у 7-ми шарики сплошные бисерные, у одной филигранной работы и у одной ажурные, пара крупныхъ шестилучистыхъ серегъ, сплошныхъ бисерныхъ, съ такими-же небольшими конусами посрединѣ, и наконецъ одинъ колтъ, съ ажурнымъ ободкомъ кругомъ, украшенный на одной сторонѣ двумя птицами, а на другой—плетенымъ орнаментомъ. Всѣ предметы клада носятъ слѣды продолжительнаго ихъ употребленія.

Независимо отъ клада найдена еще золотая пятилучистая серьга—чудный образецъ тонкой филигранной работы XII—XIII в.

Музеи и собранія древностей.

Музей при Житомірской публичной библіотекѣ. Помимо своего прямого назначенія какъ книгохранилища, библіотека даетъ пріютъ и нѣкоторымъ другимъ предметамъ, куда послѣдніе стекаются по причинѣ отсутствія въ Житомірѣ общественнаго музея. Среди другихъ предметовъ, здѣсь имѣется также и небольшое археологическое собраніе, которое время отъ времени пополняется новыми поступленіями.

Такъ, въ 1899 г. сюда поступило нѣсколько предметовъ каменнаго вѣка, числомъ 25, найденныхъ преимущественно въ Овручск. у. Вол. губ. Находки эти въ разное время сдѣланы были крестьянами. Нѣкоторымъ предметамъ пришлось пролежать довольно долго въ какой-нибудь скрынѣ или боднѣ, и владѣльцы, особенно же владѣлицы разставались съ ними весьма неохотно, считая полезнымъ держать эти древности вмѣстѣ съ деньгами, мукой и т. п., «щобъ гроши (або мука) не переводылысь».

Образовавшаяся, путемъ пріобрѣтенія такихъ находокъ, коллекція состоитъ: изъ кремневыхъ долотъ разной величины, молотовъ, преимущественно діоритовыхъ, съ просверленными отверстіями, отчасти цѣлыхъ, отчасти разбитыхъ и недодѣланныхъ, а также пряслицъ изъ шифера и краснаго песчанника, одного очень изящнаго топорика и каменнаго грузила.

За исключеніемъ прекрасно сохранившагося молота, найденнаго въ с. Корчевкѣ Житомірск. у., да трехъ кремневыхъ долотъ и молотка изъ с. Татариновки, с. Васьковичей и хут. Соловьева, всѣ остальныя находки сдѣланы въ с. Болсунахъ и въ с. Михайловкѣ Овручскаго у., при чемъ, кажется, можно утверждать съ нѣкоторой вѣроятностью, что въ Михайловкѣ существовала въ доистор. время мастерская орудій полированнаго камня и пряслицъ. Наводятъ на такое предположеніе найденные тамъ разбитые предметы, а также куски камней, подвергшіеся, повидимому, обработкѣ, но затѣмъ брошенные недодѣланными; довольно интересенъ молотъ съ отбитымъ, на высотѣ отверстія, верхнимъ концомъ и слѣдами попытки просверлить новое отверстіе въ другомъ мѣстѣ.

Въ коллекцію одновременно съ каменными поступили и два желѣзныхъ орудія: мотыка и сѣкира. Послѣдняя, найденная въ с. Болсунахъ, весьма типичной формы западно-европейскихъ орудій этого рода, эпохи не позже VIII вѣка.

Въ музеѣ хранятся еще и другіе предметы древности изъ губерніи Волынской (обломки стеклянныхъ браслетовъ, бусы, жернова краснаго песчанника изъ Овр. у. и. т. п.), губерніи Подольской (мѣдныя иконки и такіе же крестики, между которыми иные могутъ быть отнесены, кажется, къ XVI в.), изъ Галиціи (бронзовый ножикъ, обломки глиняной посуды изъ могильника въ Бильче-Злоте; характерное ушко сосуда, представляющее стилизованную баранью голову, желѣзное долото и др.).

Для полноты нужно упомянуть еще о коллекціи видовъ разныхъ мѣстностей Волыни, имѣющихъ историческое значеніе (преимущественно литографіи), а также о коллекціи нумизматическихъ находокъ на Волыни (преимущественно польскія монеты). [1])

Разныя извѣстія.

Мы уже сообщали о возникновеніи *въ Воронежѣ ученой архивной комиссіи.* [2]) По словамъ «Южн. Кр.» въ Воронежѣ основывается еще одно ученое учрежденіе, также находящееся въ связи съ будущимъ Харьковскимъ съѣздомъ, именно, *Церковно-археологическій комитетъ.* Програма дѣятельности церковно-археологическаго комитета уже разработана: его члены займутся обработкой церковно-историческаго архивнаго матеріала, будутъ наблюдать за тѣмъ, чтобы не погибали памятники старины, слѣдить за исправнымъ веденіемъ церковныхъ лѣтописей и т. п. При комитетѣ открывается музей, куда будутъ собраны предметы церковной старины со всей епархіи.

Въ Кіевѣ, въ зданіи музея древностей и искусствъ, открыта *Историко-археологическая выставка*, размѣщенная въ трехъ залахъ и галлереѣ нижняго этажа. Выставка представляетъ изъ себя повтореніе, хотя значительно уменьшенное, выставки, бывшей въ музеѣ во время прошлаго археологическаго съѣзда.

---

[1]) Вышеприведенныя свѣдѣнія любезно сообщены намъ Я. В. Яроцкимъ.

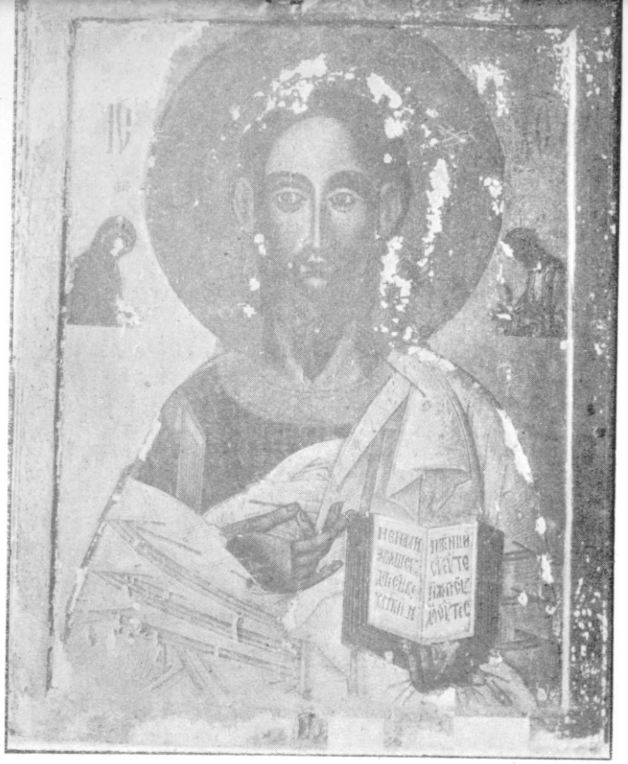
[2]) См. „Лѣтопись“ н. г. мартъ.

Харьковскимъ городскимъ управленіемъ пріобрѣтенъ для городского музея старинный альбомъ акварелей, изображающихъ разные виды изъ окрестностей Харькова и типы мѣстныхъ обывателей. Альбомъ этотъ былъ разысканъ проф. Д. И. Багалѣемъ у г. Свичеревскаго, отъ котораго и купленъ городскою управою за 100 руб. Всѣ картины исполнены неизвѣстнымъ художникомъ, очевидно съ натуры и помѣчены 1800 годомъ. (Хар. Губ. Вѣд.).

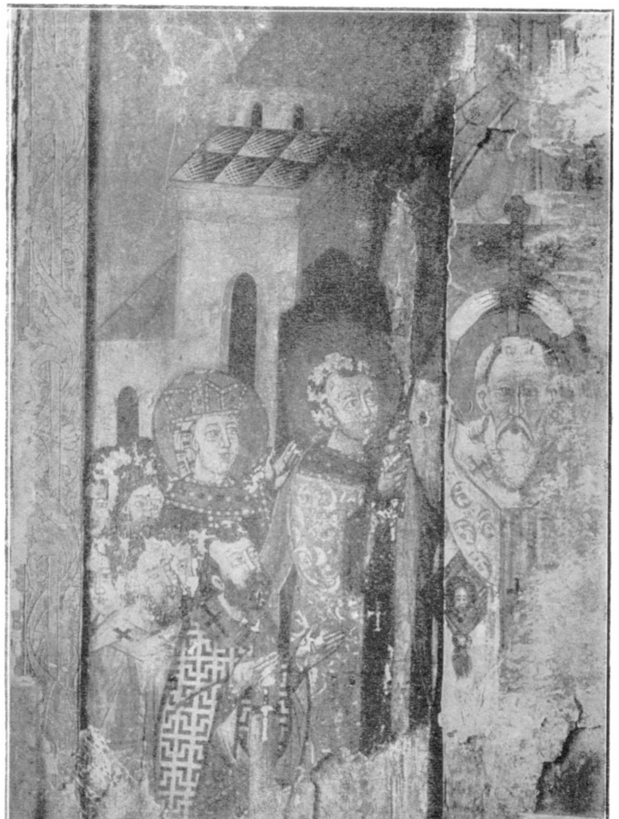
Къ рисунку.

Въ № 14 журнала «Искусство и художественная промышленность» помѣщена статья *Е. М. Кузьмина—XI Археологическій съѣздъ въ Кіевѣ.* Въ этой статьѣ авторъ, отмѣтивъ всѣ рефераты, правда очень немногочисленные, касавшіеся искусства, подольше остановился на двухъ—М. Н. Истомина—Главнѣйшія черты иконографіи на Волыни отъ XVI до XVIII вѣковъ и Фрески XVII и XVIII вѣка въ храмахъ и костелахъ юго-западной Россіи и отголоски прошлаго въ нихъ». Переходя затѣмъ къ обзору выставокъ и бросивъ довольно поспѣшное замѣчаніе по адресу доисторическихъ памятниковъ, что «врядъ-ли они представляютъ интересъ для многихъ, кромѣ тѣхъ, кто ихъ нашелъ», авторъ обращаетъ главное вниманіе на памятники искусства. Здѣсь надо отмѣтить одно замѣчаніе, также не вполнѣ вѣрное; авторъ говоритъ: «Вообще-же надо сказать, что на выставкѣ весь періодъ времени до XVII столѣтія—въ художественномъ отношеніи не имѣлъ особенно выдающихся представителей». Но на выставкѣ было достаточно предметовъ хотя-бы княжескаго періода, какъ напр. золотыхъ и серебряныхъ украшеній тонкой ювелирной работы, съ эмалью и чернью, крестовъ, образковъ и т. п. (коллекціи Ханенко, Тарновскаго, Чернева), носящихъ всѣ признаки искусства и искусства совершеннаго. Въ видѣ исключенія авторъ указываетъ на одну каменную рѣзную иконку этого періода.

Но, повидимому, въ этой части своей статьи авторъ поставилъ цѣлью поближе ознакомить публику съ иконографической выставкой, заключавшей въ себѣ предметы главнымъ образомъ XVI—XVII вѣковъ. Вполнѣ справедливо мнѣніе автора, что система подраздѣленія выставленныхъ иконъ, принятая г. Истоминымъ, не выдерживаетъ критики. Иконы раздѣлены на четыре группы: 1. иконы съ отпечаткомъ византійской композиціи, 2. иконы, носящіе отпеча-



1.

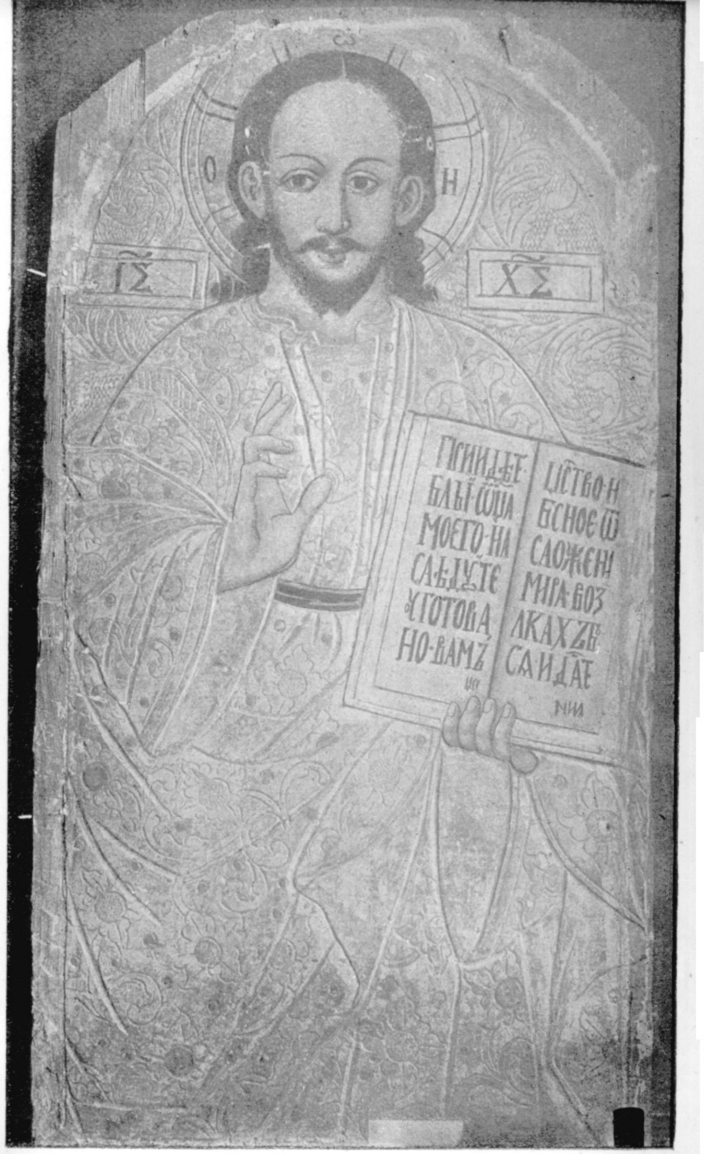


2.

4.

1. Икона Спасителя изъ Дубенской Крестовоздвиженской пустыни, вѣроятно начала XVI в.
2. Икона Воздвиженія изъ той-же пустыни.
3. Икона Спасителя XVII в. изъ той-же пустыни.
4. Царскія врата XVI—XVII в. изъ разобранной Введенской церкви въ г. Ковелѣ.
5. Шитый воздухъ 1598 г.

3.



5.

9 мѣс.—9 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб.; За границу: 12 мѣс.—14 руб., 9 мѣс.—10 руб. 50 к., 6 мѣс.—7 р., 3 мѣс.—3 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб. 25 коп.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го Апр., 1-го Іюля, 1-го Октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ годовой цѣны журнала. Подписка принимается: въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Б. Никитская, Шереметевскій пер. д. гр. Шереметева 2—3 кв. 28. Въ СПБ. въ кн. мг. Н. П. Карбасникова, Въ Кіевѣ: въ кн. мг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ: кн. мг. Н. П. Карбасникова. Въ Вильнѣ въ кн. мг. Н. П. Карбасникова. Новые подписчики и всѣ желающіе пріобрѣсти начало романа Г. Сенкевича „Крестоносцы" благоволятъ уплачивать 1 р. 50 к. съ пертсылкой. При редакціи находится магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ: (Б. Никитская, д. Вельтигуевой) съ пріемомъ подписки на всѣ журналы, газеты и словари Брокгауза и Гранвти. Кн. маг. принимаетъ на коммиссію постор. изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, принимаетъ на себя составленіе народн. и другихъ библіотекъ на какія угодно суммы, даетъ справки по открытію народныхъ и школьныхъ библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Продолжается подписка на 1900-й годъ.

Редакторъ-Издатель *В. М. Лавровъ.*

Историческій очеркъ мѣстности, составлявшей Прилуцкій полкъ. Прилуцкій полкъ занималъ оба бéрега р. Удая, начиная отъ устья рч. Перевода къ сѣверу до его истока, а равно и оба берега рч. Лисогора и оба же бѐрега верховій рч. Ромна. По пространству своей площади Прилуцкій полкъ былъ однимъ изъ трехъ (кромѣ Прил—аго, Гадяцкій и Полтавскій) наименьшихъ *полковъ* старой Малороссіи. Указанная выше мѣстность имѣла уже населеніе и въ в. княжескій періодъ: о Прилукѣ говоритъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи („и ѣдучи къ Прилуку городу"), а о Переволочнѣ лѣтопись упоминаетъ въ 1092 г. („и взяша три града Пѣсоченъ, Переволоку, Прилукъ"); весьма вѣроятно, что лѣтописный Серебряной (1174 г.) есть теперешнее Срѣбное. Несомнѣнно, что были тутъ въ древности и другія поселенія, для которыхъ извилистое теченіе Удая представляло защищенныя мѣста на возвышенностяхъ, окруженныхъ водою и болотами [1]). Много при этомъ помогали и поросшіе лѣсами глубокіе *яры*, находящіеся къ востоку отъ Удая. Пространство на западъ отъ Удая было степное и потому тутъ поселеній не было, вѣроятно, до XVI вѣка. Запустѣвшая послѣ Батыевого разоренія Южная Русь лѣваго берега Днѣпра снова стала заселяться не позже нач. XV в. При спорѣ Московскаго государства съ Польшею за „Путивльскій рубежъ" въ 1638 г., поляки говорили, напр., что „волость" Роменская поселена при Казимірѣ Ягеллонѣ (1447—1492), а волость Торговицкая—при королѣ Александрѣ (1492—1506 [2]). Другихъ поселеній въ бассейнѣ Удая

---

[1]) Типъ такихъ защищенныхъ Удайскими болотами мѣстностей представляютъ собою м.м. Переволочное и Монастырище.

[2]) Дворцовые Разряды, II, 899.

и верхней Сулы, существовавших въ XV в., поляки при этомъ не указывали потому, вѣроятно, что другихъ замѣтныхъ поселеній въ этой мѣстности тогда еще не было. Удайскіе берега еще и въ полов. XVI в. были настолько пустынны, что тутъ были лишь *уходы*, отчасти Остерскихъ „козаковъ", а отчасти Каневскихъ мѣщанъ. Въ 1559 г. царь сообщалъ Польскому королю: „а ныне писалъ къ намъ исъ Чернигова наместникъ нашъ, дьякъ Ружевъскій, что твои Остренскіе козаки, пришедъ на наши Черниговские ухожаи, *на Удаи*, многіе борти выдрали, изымали нашого сына боярского"... [1]) Почти въ то же время (1578 г.) король Стефанъ Баторій писалъ князю Вишневецкому, старостѣ Каневскому и Черкасскому, чтобъ мѣщанъ Каневскихъ отъ Байбузы, который *въ земли ихъ Каневскіе* и въ рѣку Сулу и *Удой* вступается и отнимаеть на себя, боронилъ и въ обиду не давалъ, и земель, и рѣкъ и угодей Каневскихъ займать не допущалъ". [2]) Но въ томъ же 1578 г. Стефанъ Баторій выдаетъ тому же Байбузѣ грамоту на ту же самую територію: „за заслуги и дѣльность въ речахъ рыцарскихъ шляхетного Михайла Грибуновича Байбузы далисмо ему въ староствѣ нашемъ Черкасскомъ и Каневскомъ *пустыню ко осаженю людьми* назвaную реку Сулу, *реку Удай* и реку Солоницу, зъ рѣчками и озерами..." [3]) Но эта пустыня не долго побыла у Байбузы, такъ какъ въ 1582 г. она была у послѣдняго отнята кн. Александромъ Вишневецкимъ, который всѣ Посульскія и Поудайскія земли „привернулъ до замку своего Черкасскаго" и забралъ все что получалъ Байбуза отсюда: „меды, рыбу, зверину". [4]) Грамотою 1590 г. Сигизмундъ III земли эти утвердилъ за Александромъ Вишневецкимъ, успѣвшимъ помириться съ Байбузою, которому король далъ при этомъ земли по р. Пслу [5]). Вотъ съ этого времени Поудайскія земли и стали заселять Вишневецкіе, какъ это видно изъ споровъ происходившихъ въ 1638 г. между поляками и Московскими боярами за Путивль-

[1]) Книга посольск. метр. вел. кн. Литовск., I, 168.

[2]) Дворцов. Разряды, II, 903.

[3]) Литовск. метрика въ Моск. архивѣ м—ва юстиціи, выписки изъ которой получили мы отъ Ф. Д. Николайчика, за что и приносимъ ему большую нашу благодарность.

[4]) и [5]) Тамъ-же.

скій рубежъ, причемъ первые говорили, что бассейнъ Удая и верхней Сулы „позасѣдали Польскіе и Литовскіе люди до перемирныхъ лѣтъ (т. е. до 1619 г.) и поставили на тѣхъ земляхъ шесть городовъ: Варву, Журавку, Куренку, Многой, Снѣтинъ, Синецъ" [1]). Это свѣдѣніе пополняется и поясняется очень интереснымъ, недавно найденнымъ, документомъ [2]), идущимъ отъ тѣхъ же поляковъ, въ которомъ говорится, что бассейнъ Удая засе-

---

[1]) Переписка между Россіею и Польшею, Н. Н. Бантышъ-Каменскаго. М. 1862. Ч. III, стр. 103.

[2]) Въ связкахъ разныхъ польскихъ и друг. документовъ 1632—1668 г.г., находящихся въ т. наз. Tidöu Samlingen Шведскаго государственнаго архива въ Стокгольмѣ, Н. В. Молчановскій (занимаясь въ этомъ архивѣ въ началѣ 1899 г.) встрѣтилъ тетрадку безъ даты, озаглавленную такъ: Miasta i słobode, kture na gruncie W—a Czernihowskiego erectae przez Koreckiego y x. Wiszniewieckich osadzone». Здѣсь перечислены слѣдующія поселенія „старой и новой осады": Городище-Вороново, городъ Прилука (домовъ 800; къ нему селъ и хуторовъ, „dawney osady" до 40) городище Городня, городище Сребрне, город. Бурылове, слобода Варва, слобода Журавка, мѣстечко Куренка, гор. Паробково (?), городище Многинское, мѣстечко Снятинъ, г. Сенча, городъ Лохвя(ица?) слобода Пессала (Безсалы ?), городище Чернечье (?), слобода Новое Лозовое, городище Zyerne, мѣстечко Переволочна, слобода Бѣлошапка, городъ Пирятинъ, городище Хлебель Пусте (?), городище Повстинское, городъ Лубны».

Въ документѣ говорится, что все это осажено на Черниговскихъ грунтахъ «za czasu impostoror», т. е. самозванцевъ, а другіе позже, лишь нѣсколько лѣтъ назадъ. Однако (добавлено въ документѣ), инквизицію трудно было сдѣлать, ибо не допускали силою.

Тутъ же, отмѣчено особо, что кн. Острожскій, панъ Краковскій, распоряжаясь Переясловскими грунтами, осадилъ на Черниговскомъ грунтѣ: замокъ и городъ Быковъ (домов. 400), слоб. Воронки, слоб. Красношапку, слоб. Державкрай, замокъ и городъ Миргородъ (500 домовъ).

Можно думать. что документъ этотъ происхожденіемъ своимъ обязанъ тому же «спору за Путивльскій рубежъ», когда поляки старались доказать, что бассейнъ Удая заселенъ ими. Время составленія этого документа объясняется указаніемъ на *W—wo Czernihowskie*, возникшее послѣ Поляновскаго перемирія.

ленъ *во время самозванцевъ* (za czasu impostorow) т. е. въ концѣ XVI и самомъ началѣ XVII в.в.—Быстрѣе двинулась колонизація Удайскаго бассейна, когда сталъ тутъ распоряжаться Іеремія Вишневецкій и сдѣлалъ Прилуку однимъ изъ центровъ лѣвобережныхъ своихъ имѣній. При немъ указываются слѣдующія тянувшія къ Прилукѣ поселенія: Монастырище, Галка, Городня, Гмировка, Ичня, Иваница (Jwania), Голенка, Красный Колядинъ (Krasne), Корибутовъ, Липовое, Крапивна, Самборъ, Сокиренцы, Срѣбное, Талалаевка [1]). Названныя здѣсь поселенія могли возникнуть въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XVII в., т. е. уже послѣ самозванцевъ.

Возстаніе Хмельницкаго и первыя его побѣды взволновали и лѣвобережное Поднѣпровье; Іеремія Вишневецкій увидѣлъ, что въ „Заднѣпріи" ему оставаться нельзя и поспѣшилъ отсюда уйти. Его уходъ окончательно освободилъ лѣвобережную Украину отъ поляковъ; освободилась при этомъ и Прилуччина. Это было въ 1648 г., а въ слѣдующемъ, 1649-мъ году, въ „реестрахъ" Войска Запорожскаго Прилуцкій полкъ уже значится въ составѣ 20-ти сотенъ.

Прилуцкіе полковники. Тимофей Носачъ, 1649. Федоръ Кисель (?). Иванъ Шкуратъ, 1651. Якимъ Самко, 1652. Яковъ Воронченко, 1654, 56, 57. Петръ Дорошенко, 1657—58. Яковъ Воронченко, 1659. Федоръ Терентьевичъ Терещенко, 1559, 62. Лазарь Горленко, 1661. Дмитрій Чернявскій, 1662, 63. Данило Андреевичъ Песоцкій, 1663—64. Лазарь Горленко, 1664—68. Иванъ Щербина (Кошевой), 1668—69. Иванъ Маценко, 1669. Семенъ Третякъ, 1671. Лазарь Горленко, 1672—77. Иванъ Маценко, 1677 Федоръ Молчанъ, 1678. Дмитрій Чернявскій, 1679. Лазарь Горленко, 1680—87. Иванъ Стороженко, 1687—92. Дмитрій Лазаревичъ Горленко, 1692—708. Иванъ Яремовичъ Носъ, 1708—1714. Игнатъ Ивановичъ Галаганъ, 1714—39. Григорій Игнатовичъ Галаганъ, 1739—63. Иванъ Даниловичъ Тарновскій, 1772. Александръ Яковлевичъ Якубовичъ, 1773—81.

Первымъ Прилуцкимъ полковникомъ былъ **Тимофей Носачъ**, показанный на этомъ урядѣ въ *реестрахъ* 1649 г. [2]). Вторымъ

---

[1]) Podole, Wołyn, Ukraina, Al. Przezdzieckiego, I, 41—44.

[2]) Реестра Войска Запор., изд. Бодянскаго, 304.

полковникомъ называется **Федоръ Кисель**, но называетъ его только одна *Исторія Русовъ*, почему можно полагать, что это лицо вымышлено авторомъ этой книги [1]). **Иванъ Шкуратъ**, показанъ въ спискѣ Максимовича, съ обозначеніемъ: „изъ сотниковъ Прилуцкихъ, убитъ въ 1651 г., въ Берестецкомъ сраженіи". Максимовичъ не говоритъ, откуда взято имъ свѣдѣніе о Шкуратѣ, но можно думать, что оно заимствовано изъ какого нибудь Густынскаго помянника [2]). **Якимъ Самко** показанъ Прилуцкимъ полковникомъ у Величка (I, 119), который говоритъ, что послѣ побѣды Хмельницкаго при Батогѣ, когда поляки побѣжали изъ лѣвобережной Украины, на правый берегъ, то нѣкоторыхъ изъ нихъ, бѣжавшихъ изъ Прилуки къ Конотопу, по приказу Самка *полковника Прилуцкаго*, Яско Воронко, *бывшій полковникъ* Прилуцкій, у Подлипнаго нагнавши, головки имъ поотрубовалъ". Другихъ свѣдѣній о томъ, чтобы Самко былъ Прилуцкимъ полковникомъ—нѣтъ... Здѣсь же, у Величка, мы находимъ и другое свѣдѣніе, нигдѣ болѣе неупоминаемое, что будто бы Воронченко былъ полковникомъ Прилуцкимъ раньше 1652 г.

---

1) Прилуцкіе Кисели, изъ числа которыхъ нѣкоторые занимали и полковые уряды, родоначальникомъ своимъ называютъ сотника Журавскаго Ивана Киселя, занимавшаго этотъ урядъ въ к. XVII или нач. XVIII в. *(Дѣло Полт. двор. арх., № 624)*. Нѣтъ сомнѣнія, что Прилуцкіе Кисели помнили бы полковника Федора Киселя, если бы онъ существовалъ и не упустили бы случая назвать его своимъ родоначальникомъ, какъ назвали Киселя Гадяцкіе родоначальникомъ своимъ извѣстнаго Кіевскаго воеводу Адама Киселя, *сынъ* де котораго Иванъ былъ Грунскимъ сотникомъ и убитъ въ Шведскую войну. *(Дѣло Полт. двор. арх., № 849)*.

2) Сочин. Максимовича, I, 732. Шкураты несомнѣнно были старые Прилучане: въ актѣ 1688 г. упоминается „п. Иванъ Шкуратенко, тов. войск., обыватель Прилуцкій". По акту 1715 г., Анастасія Ивановая Шкуратовая съ сыномъ своимъ Федоромъ Шкуратомъ, отдали Густынскому м—рю свой садъ въ с. Боршной. Наконецъ, Прилуцкій протопопъ Мих. Трифановскій былъ женатъ на Агафьѣ «Шкуратовнѣ». (*Докум. Густынск. м—ря, въ Кіевск. центр. архивѣ*). Очень вѣроятно, что всѣ эти лица составляли потомство полковника Шкурата

Въ первый разъ Воронченка встрѣчаемъ на полковничествѣ въ декабрѣ 1654 г. [1]). Повидимому, Воронченко пробылъ полковникомъ до весны 1657 г. Сохранился его „листъ“, писанный 28 іюня 1656 г. и заключающій въ себѣ приказъ Красноколядинскому сотнику—недопускать Краснянскимъ сотнянамъ „пустошить лѣсъ славетного п. Ивана Багатого, арендара на тотъ часъ Краснянскаго“ [2]) (т. е. Красноколядинскаго). Весною 1657 г., вмѣсто Воронченка, полковникомъ назначенъ былъ извѣстный впослѣдствіи **Петръ Дорошенко**, состоявшій до того „при боку“ Хмельницкаго, отъ котораго, слѣдовательно, получилъ онъ и полковничій урядъ. Незадолго до этого Хмельницкій посылалъ „козака Дорошенка“ къ Шведскому королю съ своимъ „листомъ“ [3]), изъ чего можно видѣть, что Дорошенко былъ довѣреннымъ лицемъ у освободителя Малороссіи. Полковникомъ Дорошенко пробылъ не болѣе года. Ставъ на сторону Выговского, когда тотъ задумалъ снова возвратиться къ Польшѣ, Дорошенко тогда же лишился полковничества: Прилуцкіе полчане били челомъ царю—дать имъ другого полковника, вслѣдствіе чего Ромодановскій „велѣлъ быть въ Прилуцкомъ полку въ полковникахъ на Петрово мѣсто Дорошенка Якову Воронченку, до указу великого государя“ [4]). Но и на этотъ разъ Воронченко не долго оставался полковникомъ; въ 1658 г., когда Выговскій уже открыто сталъ на сторону Польши, Воронченко снова пересталъ быть полковникомъ и мѣсто его занялъ столь извѣстный впослѣдствіи Лазарь Горленко, старый козакъ Прилуцкій, записанный уже въ „реестрѣ“ 1649 г. [5]) Очень можетъ быть, что и Воронченко былъ заподозрѣнъ въ измѣнѣ, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ его зятьевъ Захарій Шійкевичъ служилъ у Выговскаго „подпискомъ“ [6]). На

---

1) Акты Ю. и З. Россіи, X, 198.

2) Подлинный листъ, полученный отъ гр. Г. А. Милорадовича, находится въ собр. В. В. Тарновскаго.

3) Акты Ю. и З. Р., Ш, 572.

4) Тамъ-же, IV, 149.

5) Тамъ-же, IV, 250. Реестра В. Запор. 1649 г., изд. Бодянск., стр. 305.

6) Тамъ-же, IV, 100. О Шійкевичѣ см. Опис. Старой Малор., II, 304.

этотъ разъ Ворончевко совсѣмъ оставилъ войсковую службу и поселился въ Кіевѣ, гдѣ у него на Подолѣ былъ свой домъ около Братскаго монастыря. Здѣсь онъ и умеръ въ 1679 г. Сыновей у него не было, а оставшіяся двѣ дочери были замужемъ, одна за Шійкевичемъ, а другая—за однимъ изъ грековъ-торговцовъ, Иваномъ Грекомъ, который, попавши впослѣдствіи въ козацкую старшику (вѣроятно при помощи тестя), звался уже Яномъ Христофоровичемъ [1]).

Ворончевка на полковничьемъ урядѣ замѣнилъ **Федоръ Терешенко**, котораго встрѣчаемъ въ полов. 1659 г., когда вмѣсто Выговскаго гетманомъ сталъ Юрій Хмельницкій [2]). Въ это же время встрѣчаемъ мы снова и Дорошенка въ числѣ полковниковъ того же Хмельницкаго; черезъ него послѣдній велъ переговоры съ Трубецкимъ о тѣхъ „статьяхъ", на основаніи которыхъ Хмельницкій принималъ булаву [3]). При Хмельницкомъ Дорошенко находился и тогда, когда тотъ присягалъ въ Переяславѣ, въ октябрѣ, на вѣрность царю. Въ числѣ подписей на присяжномъ листѣ находится подпись и Дорошенка съ добавленіемъ „бывшій Прилуцкій полковникъ". Настоящимъ Прилуцкимъ полковникомъ въ это время былъ Федоръ Терешенко, какъ видно, неграмотный: за него росписался полковой писарь Василій Севастьяновъ [4]), котораго ниже встрѣтимъ подъ именемъ Себастіановича. Терешенко пробылъ полковникомъ до 1661 г., когда полковникомъ снова показывается Лазарь Горненко [5]), но не надолго, такъ какъ въ 1662 г. Терешенко снова замѣняетъ его [6]). Въ это время, какъ извѣстно, сталъ стремиться захватить булаву Самко; о томъ же думалъ и Брюховецкій; началась усиленная интрига, а вмѣстѣ съ нею и частая мѣна полковниковъ. Этимъ слѣдуетъ объяснить, что въ нач. 1663 г. вмѣсто Терешенка полковникомъ является **Дмитрій Чернявскій.** Это былъ

---

[1]) См. ниже, полковые судьи.

[2]) Акты Ю. и З. Р., IV, 252.

[3]) Тамъ же, 254—257.

[4]) Т. ж., 272—273.

[5]) Т. ж., V, 57.

[6]) Т. ж., V, 115.

несомнѣнный сторонникъ Самка, какъ видно изъ акта, записаннаго въ ратушныя Прилуцкія книги въ мартѣ 1663 г., о покупкѣ Чернявскимъ дома въ Прилукѣ, у Густынскаго монаха Федора Гостиловича. Въ этомъ актѣ говорится, что покупка дома состоялась при содѣйствіи „его мил. п. Іоакима Самка, гетмана Войска его царского величества Запорожского", который въ этотъ моментъ находился на Иченскомъ съѣздѣ; тутъ партія Самка присягнула ему „на гетманство" и сговорилась ка́къ дѣйствовать противъ Брюховецкаго. Но трудно было бороться съ Брюховецкимъ, послѣ того какъ онъ заручился благорасположеніемъ русскаго боярина, присланнаго на *черную раду* въ Нѣжинъ. Брюховецкій безъ труда побѣдилъ своихъ противниковъ, изъ которыхъ главнѣйшіе были казнены, а второстепенные отправлены въ Москву; въ числѣ послѣднихъ былъ и Дмитрій Чернявскій, у котораго имѣніе было отобрано, а самъ онъ сначала, въ сентябрѣ 1663 г., отвезенъ былъ въ Москву, а затѣмъ сосланъ въ Сибирь „на Лену" [1]). На мѣсто Чернявскаго Брюховецкимъ былъ поставленъ **Данило Песоцкій**, выбранный конечно изъ того „гультяйства запорожскаго", изъ котораго Брюховецкій набралъ въ этотъ моментъ новыхъ полковниковъ взамѣнъ старыхъ, имъ тутъ же уничтоженныхъ. Песоцкій пользовался, повидимому, особымъ довѣріемъ, у новаго гетмана, такъ какъ ему, въ числѣ трехъ, Брюховецкій поручилъ присутствовать при казнѣ, въ Борзнѣ, Самка, Золотаренка и друг. [2])

Песоцкій пробылъ на полковничествѣ только до слѣдующаго года, когда, при нашествіи Яна-Казиміра на Малороссію онъ присоединился къ полякамъ [3]). Вмѣсто Песоцкаго поставленъ былъ полковникомъ снова Горленко. На этотъ разъ Горленко пробылъ полковникомъ не менѣе двухъ лѣтъ. Какъ видно, Горленко успѣлъ заслужить особое довѣріе и расположеніе у Брюховецкаго, который давалъ ему важныя порученія; такъ въ январѣ 1665 г., Брюховецкій посылалъ Горленка въ Кіевъ, чтобы онъ, вмѣстѣ „съ царскими ратными людьми, промыслъ надъ не-

[1]) Разрядн. книги, II, 940 и 1033. Акты Ю. и З. Р., VIII, 54.

[2]) Истор. Россіи, Соловьева, изд. Т-ва О. П., III, 115.

[3]) Самовид., изд. Бодянск., 42.

пріятели чинилъ", причемъ тогдашній Кіевскій воевода Чаадаевъ съ этой помощью гетмана настолько грубо обошелся, что и въ городъ не пустилъ Горленковыхъ козаковъ [1])... Въ маѣ того же года, Горленко былъ посланъ отъ гетмана въ Москву съ плѣнными поляками, причемъ полковнику дана была подробная „информація" что̀ говорить и о чемъ просить въ Москвѣ [2]). Очень можетъ быть, что Горленко былъ посланъ въ Москву для собранія свѣдѣній о томъ—какъ будетъ тамъ принятъ гетманъ, самъ собиравшійся въ это время въ Москву. Какъ извѣстно, Брюховецкій отправился въ сентябрѣ въ царскую столицу, окруженный первостепенною старшиною, которая была тамъ награжена жалованьемъ, имѣніями и „дворянствомъ". Получилъ „дворянство" въ Москвѣ и Горленко, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Прилуцкое село Ольшану [3]). На этотъ разъ Лазарь Горленко оставался полковникомъ до 1668 г., когда его замѣнилъ **Иванъ Щербина.** Слѣдуетъ догадываться, что Горленко сначала былъ заподозрѣнъ Брюховецкимъ послѣ замѣченнаго сближенія его съ Прилуцкимъ воеводою Загряжскимъ [4]), а, между тѣмъ, въ это время, (въ нач. 1668 г.) Брюховецкій, вмѣстѣ съ старшиною, рѣшилъ изгнать изъ Украины всѣхъ Московскихъ воеводъ. Подозрѣніе противъ Горленка еще болѣе усилилось, когда до Брюховецкаго, повидимому, дошли слухи, что тайна совѣщанія его съ старшиною была Горленкомъ передана Нѣжинскому протопопу Семену Адамовичу, а отъ послѣдняго она сообщиилась Нѣжинскому воеводѣ Ржевскому, который и принялъ свои мѣры противъ готовившагося нападенія... [5]) При такихъ подозрѣніяхъ Горленко не могъ быть не смѣщенъ. Вмѣсто него полковникомъ былъ назначенъ „Ивашко, что былъ напередъ сего на кошу атаманомъ" [6]). Въ этомъ извѣстіи прозвище новаго полковника не указано, но несомнѣнно, что это былъ **Иванъ Щербина,** который, дѣйствительно, въ 1664 г. былъ кошевымъ атаманомъ [7]),

1) Интересныя объ этомъ свѣдѣнія тамъ же, 250, и 251.

2) Тамъ же, 281.

3) Грамота на Ольшану напечат. въ Кіевск. Ст. 1887., февр., 263.

4) Тамъ же, VII, 17.

5) Т. ж., VII, 89, 90.

6) Т. ж., VII, 109, 150.

и котораго Прилуцкимъ полковникомъ называетъ одна жалоба Сокиренскаго козака гетману Скоропадскому [1]).

Какъ увидимъ ниже, Щербина сталъ преслѣдовать Горленка, и послѣднiй, спасаясь отъ его „налогу", долженъ былъ удалиться изъ Прилуки и искать прiюта и защиты на Запорожьи. Во время волненiй на Украинѣ, послѣдовавшихъ за смертью Брюховецкаго, Щербина держалъ сторону Дорошенка [2]); а когда надъ послѣднимъ сталъ превозмогать Многогрѣшный, то Щербина, затворившись въ своей Прилукѣ, пробовалъ отсидѣться, надѣясь, что его патронъ побѣдитъ Московскаго сторонника. Но Дорошенко скоро разочаровалъ своихъ прiятелей и Щербина, сдавши Многогрѣшному Прилуку, „совсѣмъ полкомъ царскому величеству въ винахъ своихъ добилъ челомъ". Прилуцкая старшина однако-жъ была не довольна своимъ полковникомъ, можетъ быть изъ-за Горленка, и поспѣшила пожаловаться на него новому гетману, который тогда же замѣнилъ Щербину Прилуцкимъ есауломъ **Иваномъ Маценкомъ**, но Щербину оставилъ при себѣ [3]). Узнавъ объ этой перемѣнѣ, Горленко поспѣшилъ поздравить прежняго своего есаула и „кума" съ новымъ урядомъ. Вотъ это письмо. „Мой ѕѣло ласкавый прiятелю, пане полковнику Прилуцкiй, мой ласкавый пане и куме... Хотя чрезъ всѣ тѣ времена не моглъ есми за великимъ шалоумствомъ Ивашковымъ (Щербины), который яко не желающiй добра вамъ и намъ, разнствiе межъ нами починилъ, и я по нуждѣ, не для чего иного, толко отъ его налогу и злого намѣренiя ко мнѣ, изъ Прилуки выѣхалъ есмь, а онъ на достойность нашу и заслугу Войску Запорожскому наступати хотѣлъ, и его Богъ въ невѣдѣнiи наказалъ и вручилъ урядъ полковничества тебѣ, прiятелю моему... Прямое же дѣло тебѣ, прiятелю твоему похваляю, что оставя

---

[1]) Т. ж., V, 227. Сокиренскiй козакъ, жалуясь въ 1720 г. гетману на своего тогдашняго полковника Галагана, писалъ: „прошу милосердiя на зятя моего, котораго *за бывшаго еще полковника Щербину*, принялъ въ мой козацкiй домъ"... Русск. Арх. 1875 г., I, 322. Иногда въ актахъ Щербина назывался *Кошевымъ*, напр. Акты Ю. и З. Р., VIII, 61.

[2]) Актъ Ю. и З. Р., VII, 151.

[3]) Акты Ю. и З. Р., VIII, 60, 61.

ты весь обманъ Дорошенковъ, а къ Многогрѣшному нынѣ подлегаешъ"...[1]).

Маценко пробылъ полковникомъ до 1671 г., когда его замѣнилъ **Семенъ Третякъ**,[2]) который будучи въ 1663 г. полковникомъ Кіевскимъ, сосланъ былъ вмѣстѣ съ другими противниками Брюховецкаго въ Сибирь[3]). Оттуда онъ былъ возвращенъ по ходатайству новаго гетмана въ 1670 г. и поставленъ Прилуцкимъ полковникомъ, кажется, не раньше 1671 г., когда Многогрѣшный подозрѣвая въ измѣнѣ чуть не всѣхъ полковниковъ восемь изъ нихъ замѣнилъ новыми[4]). Интересно, что одновременно съ полковничествомъ Третяка, Лазарь Горленко поставленъ былъ полковымъ судьею. Поставленіе старыхъ полковниковъ, послѣ ихъ смѣщенія, на младшіе полковые уряды въ к. XVII в. изрѣдка еще встрѣчается, такъ какъ въ это время полковники еще не имѣли той сильной власти, которая дѣлала немыслимымъ пониженіе въ должностяхъ лицъ, занимавшихъ полковничьи уряды.

Третякъ, будучи ставленникомъ Многогрѣшнаго, былъ смѣщенъ вмѣстѣ за низложеніемъ своего патрона, и въ 1672 г. Прилуцкимъ полковникомъ является прежній Лазарь Горленко, при чемъ урядъ полкового судьи занимаетъ бывшій полковникъ Иванъ Маценко[5]). На этотъ разъ Г-ко пробылъ полковникомъ до 1677 года, когда потерялъ урядъ за участіе въ заговорѣ Рославца, при чемъ, впрочемъ, участіе это было мало доказано[6]). Смѣщеніе Горленка произошло, какъ можно догадываться, не безъ нѣкотораго участія полковой старшины; по крайней мѣрѣ, извѣст-

---

[1]) Т. же., VIII, 182. Письмо писано 26 октября 1669 года.

[2]) Подпись его на одной изъ купчихъ Густынск. м-ря. *Ркпсь*.

[3]) Сибирь и Каторга, Максимова III, 113. Истор. Россіи, Соловьева, III, 115.

[4]) Актъ Ю. и З. Р., IX, 792. О возвращеніи Третяка изъ Сибири тамъ же, 240.

[5]) Лѣтоп. Величка II, Семенъ Третякъ въ 1674 г. находился на правомъ берегу Днѣпра, гдѣ, по порученію Самойловича, старался направлять власть имѣвшихъ людей къ мысли о подчиненіи послѣднему правобережной Украины. А. Ю. и З. Россіи, XI, 440.

[6]) Акты Ю. и З. Россіи XIII, 23. Ср. Ригельманъ, II, 155.

ный впослѣдствіи Иванъ Носъ въ этотъ моментъ изъ рядоваго „войскового товарища“ дѣлается полковымъ *обознымъ*... (См. ниже). Вмѣсто Горленка полковникомъ былъ поставленъ снова **Маценко**. Но и на этотъ разъ Маценко пробылъ полковникомъ всего годъ и въ 1678 г., вмѣсто его, поставленъ былъ **Федоръ Лукьяновичъ Молчанъ**. Это былъ одинъ изъ тѣхъ искателей приключеній, какихъ во втор. полов. XVII в. на Украинѣ было немало. Извѣстныя намъ свѣдѣнія о Молчанѣ приведены раньше [1]). Къ нимъ нужно добавить, что послѣ смѣщенія Молчана съ компанейскаго полковничества, онъ въ 1677 г. является въ Прилукѣ полковымъ есауломъ (см. ниже, о Носѣ), а въ апрѣлѣ слѣдующаго года избирается—Прилуцкимъ полковникомъ, можетъ быть, въ виду готовившагося похода противъ турокъ. Полковничество Молчанъ получилъ по слѣдующему универсалу: „поневажъ панъ Иванъ Маценко, бывшій полковникъ вашъ Прилуцкій, доброволне извеняся своего старшинства и за оное намъ подяковалъ, и старшина вашего полку, тутъ въ Батуринѣ бувшая, зъ товариствомъ певнымъ, за позволеніемъ нашимъ, згодливыми голосами своими на той полковницкій урядъ пана Федора Мовчана обволали и надъ себе вынесли, теды и мы его, п. Мовчана, знаючи быти у Войску Запорожскомъ заслужоного, годного и до дѣлностей рыцарскихъ способнаго мужа, цале на томъ старшинствѣ потвержаемъ“ [2]). Вслѣдъ за тѣмъ Молчанъ пошелъ съ своимъ полкомъ въ походъ на правый берегъ Днѣпра, и здѣсь участвовалъ въ защитѣ Чигирина отъ осаждавшихъ турокъ и татаръ. За эту службу М—нъ получилъ отъ царя похвальную грамоту [3]). Тамъ, подъ Чигириномъ М—нъ, вмѣсто Прилуцкаго, получилъ Стародубскій полкъ, конечно по его собственному желанію, такъ какъ въ Стародубщинѣ онъ имѣлъ маетности. Но не удалось М—ну утвердиться въ Стародубщинѣ: осенью 1678 г. онъ „проливъ кровь, животъ свой скончалъ“, тамъ же подъ Чигириномъ [4]). Вмѣсто М—на былъ назначенъ, только наказнымъ, Лазарь Гор-

---

[1]) Опис. Стар. Малороссіи, I, 19—20.

[2]) Кіевск. Стар. 1885 г., январь, 63.

[3]) Истор. Мал. Россіи, изд. 1842 г., II, примѣч. 132.

[4]) Акты Ю. и З. Россіи, XIII, 677 и 719.

ленко, занимавшій въ это время урядъ полкового судьи и тоже находившійся съ полкомъ подъ Чигириномъ. Вѣроятно, Самойловичъ не хотѣлъ давать Горленку полковничій урядъ, продолжая подозрѣвать его въ соучастіи съ Рославцомъ. „Цѣлое" полковничество получилъ тамъ же, на походѣ, **Дмитрій Чернявскій**, который начальствовалъ надъ Прилуцкимъ полкомъ, когда Самойловичъ со всѣмъ козацкимъ войскомъ изъ-подъ Чигирина пришелъ къ Кіеву, для его защиты отъ турокъ [1]). Скоро однакожъ Чернявскій долженъ былъ уступить свой урядъ тому же Лазарю Горленку, который, значитъ, успѣлъ добиться у гетмана прощенія. Можно думать, что Самойловичъ простилъ Г—ка послѣ того, какъ одинъ изъ сыновей послѣдняго, Дмитрій, женился на родной племянницѣ гетманши, дочери брата ея Захара Голуба [2]). Не смотря на свою стародавнюю службу въ полку и на занимаемый высшій въ немъ урядъ, Горленко сохранялъ и въ это время въ отношеніяхъ къ своимъ полчанамъ ту простоту, которая когда то была обычнымъ явленіемъ въ военно-козачьемъ быту и которая при Самойловичѣ стала уже рѣдка. Для характеристики въ этомъ отношеніи Горленка, можемъ привести любопытное рѣшеніе Прилуцкаго полкового суда по жалобѣ Лазаря Горленка на своего полчанина, рядоваго козака, за клевету. Въ 1684 г. полковой судья Янъ Христофоровичъ, съ другими урядниками, разобралъ словесную жалобу своего полковника Горленка на козака Петра Валька за захватъ части полковничьяго грунта, при чемъ „Валько примовками ущипливыми началъ озлословляти п. полковника, менуючи, якобы сыломоцю (насиліемъ) посѣдалъ людскіе грунта". Судъ согласилъ полковника на миръ съ его полчаниномъ съ тѣмъ условіемъ, что если Валько „потомъ еще важится (осмѣлится) на грунтъ п. полковника вступать и въ лозы (спорный участокъ представлялъ собою лознякъ) увязовать албо лживыми обмовляти той гай якими словами, теди варовали

---

[1]) Кіевск. Синопсисъ, изд. 1823 г, стр. 159. Вмѣстѣ съ полковничествомъ Чернявскій получилъ отъ Самойловича, въ томъ-же 1679 г., с. Ряски. Повидимому, гетманъ хотѣлъ особенно отличить Чернявскаго, такъ какъ въ это время маетности раздавались еще скупо.

[2]) О прощеніи Горленка Самойловичемъ, см. Кіевск. Стар. 1887 г., окт., 219.

теперешнимъ постановленіемъ Валкови десять талеровъ дати, а гай п. полковниковъ собѣ приняти" [1]). Такія отношенія между полковникомъ и полчанами, когда первый изъ нихъ при имущественныхъ спорахъ съ послѣдними, обращался къ суду вмѣсто того, чтобы рѣшить споръ тою *силомоцю*, о которой говоритъ Валько, были уже не возможны у полковниковъ Мазепинскаго времени... Впрочемъ, Лазарь Г—ко, очень склонный ко всякой интригѣ, особой склонности къ стяжанію, повидимому, не имѣлъ, что видно изъ того, что онъ за все свое полковничество не присвоилъ ни одной маетности, владѣя только Ольшаною, полученною въ 1665 г. отъ царя.

Кончилъ Горленко жизнь свою трагически во время того самаго Крымскаго похода, когда низложенъ былъ и Самойловичъ. Въ этомъ походѣ Горленко съ своимъ полкомъ находился въ отрядѣ гетманича Григорія Самойловича, который шелъ впереди главнаго войска. Вѣсть о низложеніи отца на Коломакѣ гетманичъ получилъ, находясь гдѣ-то около Кодака у р. Суры. Вѣсть объ арестѣ гетмана произвела въ полкахъ общее волненіе; повидимому, и у рядоваго козачества Самойловичъ не пользовался любовью Прилуцкій полкъ тоже „взбунтовался", и въ этомъ бунтѣ погибъ старый его полковникъ ужасною смертью: его живого бросили свои же козаки въ огонь [2]). Тутъ же погибшій—былъ и похороненъ. Мѣстная лѣтопись говоритъ, что Горленко былъ похороненъ между Кодакомъ и Самарою, „гдѣ и могилу знатную высыпано надъ нимъ, въ которой лѣтъ десять лежалъ; а когда Господь Богъ направилъ сердце его мил. п. Дмитрію Горленку, за вѣдомостью гетманскою, будучи съ полкомъ своимъ на томъ же мѣстцу, откопалъ тѣло милого п. родича своего и почесне допровадилъ до монастыря Густынѣ, идѣ же положися въ склепѣ р. 1697, сент. 15" [3]).

---

[1]) Румянц. опись, которою нѣкогда мы пользовались въ Полтавѣ, когда она тамъ хранилась въ Казенной Палатѣ.

[2]) Гордонъ (Tagebuch, II, 198) говоритъ, что «die Kosaken bei einem Aufstande den Obristen von Priluk, einen alten Mann Namens Lazar, ermordet hätten. Die hätten diesen Obristen, da er noch gelebt, in einen heissen Ofen geworfen».

[3]) Лѣтоп. Густынск. м—ря. М. 1848. Стр. 64.

У Лазаря Горленка, отъ двухъ женъ, было четыре сына: Петръ, Иванъ, Степанъ и Дмитрій, изъ которыхъ старшій умеръ раньше отца. Отъ второй жены Лазаря происходили, повидимому, Степанъ и Дмитрій. По смерти Лазаря вдова его, Ефросинья, съ сыномъ Степаномъ за подтвержденіемъ маетности обратились въ Москву, гдѣ была получена главная изъ нихъ—с. Ольшана. „И ихъ царское величество пожаловали за службы мужа ея, Ефросиніи, а Степанова отца, Лазаря Горленка, повелѣли имъ вышепомянутымъ селомъ Ольшаною и двумя мельницами вешняками и со всѣми къ нимъ принадлежащими угодіи, которыя въ прежней жалованной грамотѣ написаны, такожъ и купленными ихъ грунтами и мельницами, въ уѣздѣ Прилуцкомъ обрѣтающимися со всѣми угодіи, буде спору не будетъ, владѣть и всякіе порядки употреблять" [1])... Эта грамота указываетъ, что Лазарь Горленко, кромѣ Ольшаной, не имѣлъ другой населенной маетности и что, слѣдовательно, наслѣдство его было не велико [2]). Да и это наслѣдство раздѣлено было между сыновьями, повидимому, неровно, благодаря стараніямъ мачихи.

Одинъ изъ внуковъ Лазаря, сынъ Ивана—Акимъ, въ жалобѣ своей Скоропадскому, поданной въ 1712 г., пишетъ о дѣлежѣ дѣдовскаго наслѣдства слѣдующее: „ускаржаюся на бабусю мою еи мил. панѣю Лазаревую въ таковой справѣ: небожчикъ дѣдусь мой, блаженной памяти Лазарь, по женитвѣ отца моего, частю не хотячи раздражати еи, панеи бабусѣ, яко жоны своей второй,

---

[1]) *Малороссійскіе Эмигранты*, статья *Де-Пуле*, Вѣстникъ Европы 1872 г., май, 65.

[2]) Де Пуле, пользовавшійся фамильными бумагами Горленковъ, говоритъ, что «по смерти Лазаря, имѣніе Горленовъ (*sic*) было одно изъ богатѣйшихъ въ Малороссіи», но указывая при этомъ на «хутора, мельницы, лѣса, сады, поля», авторъ, повидимому, больше руководствуется своими догадками, чѣмъ фактами. Вообще слѣдуетъ сказать, что статья Де-Пуле о Горленкахъ заключаетъ въ себѣ немалую путаницу свѣдѣній отъ неумѣнія автора усвоить и объяснить ихъ по незнакомству его съ исторіей Малороссіи. Указаніе кн. Дабижи (Кіевск. Стар. 1887 г. окт., 212) на другія маетности, кромѣ Ольшаны, принадлежавшія будто бы Лазарю Горленку—невѣрно; это были *урядовыя* села.

а отца моего мачехи, частю тежъ откладаючи до того часу, когда конечній и совершенній подѣлъ всѣмъ сыномъ своимъ, такъ зъ первою своею жоною, зъ которою и отца моего сплодилъ, яко тежъ и зъ сеею второю сполженнимъ, мѣлъ учинити, такъ барзо мало зъ чимъ отца моего отправилъ (изъ дому послѣ женитьбы), же если-бы не съ тестевщины, яко всѣ Прилучане того добре свѣдоми, то отнюдь и наймизернѣй бы не можно было прожити отцу моему. А понеже, яко же тая безвѣстно надходящая смерть тое намѣреніе ему покойному п. дѣдусеви скуткомъ исполнити не допустила, яко то не въ дому, лечъ въ походѣ военномъ и то неестественнѣ, но нужно и безвременнѣ отъ безчеловѣчныхъ збойцовъ пострадавшему, отецъ мой засъ покойный любо заразъ скоро по смерти небожчика дѣдуся хотѣлъ правне упоминатися у еи панеи бабусѣ, а своей мачехи, о свою отчизну, якожъ и поѣхалъ былъ уже до Батурина, до права (т. е. въ судъ), однакъ бывшій полковникъ Димитрій его завернулъ за упрошенемъ подъ такою кондиціею, же сами доброволне, безъ правнихъ алтеркацій, мѣли слушне, безъ жадной его кривди, подѣлитися отчизною. Однакожъ и тогда не толко подѣлу не чинили, лечъ еще еи милость панѣ бабуся розгнѣвавшися на отца моего, и легованный уже грунтикъ, т. е. ставокъ зовемій Калишевку, на сторону продала, а отецъ мой послѣднею уже хоровалъ болѣзнію и не моглъ болшъ що чинити, бо въ тоей уже болѣзни и временное свое скончилъ житіе" [1])... Далѣе Акимъ Горленко говоритъ, что такимъ образомъ „бабуся" совсѣмъ ничего ему не дала. А „бабуся" эта умерла въ 1713 г., т. е. тогда, когда вліятельный ея сынъ лишился прежней власти и когда наслѣдствомъ „дѣдуся" безъ труда подѣлились падчерица его Агафья Раковичъ и тотъ же внукъ Акимъ Горленко [2]). Во

[1]) Подлинникъ жалобы въ Моск. Румянц. музеѣ, въ числѣ бумагъ Н. А. Маркевича.

[2]) См. у Де-Пуле, стр. 75, гдѣ эти свѣдѣнія изложены впрочемъ неясно. Здѣсь имѣется свѣдѣніе, что падчерица Лазаря Агафья, добиваясь въ судѣ наслѣдства своего вотчима, утверждала, что его наслѣдство въ дѣйствительности принадлежало ея матери («бабусѣ»

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIX.

1900 г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 31 мая 1900 года.

ПАМЯТИ ПРОТОІЕРЕЯ В. Я. ГРЕЧУЛЕВИЧА.

(*По поводу тридцатилѣтія со дня его смерти*).

---

1 іюня настоящаго года исполняется 30 лѣтъ со дня смерти протоіерея Василія Яковлевича Гречулевича, замѣчательнаго духовнаго дѣятеля подольской епархіи, много и благотворно потрудившагося на поприщахъ общественномъ и литературномъ. Съ грустью приходится замѣтить, что въ теченіе этихъ тридцати лѣтъ не появилось ни сколько-нибудь полной біографіи его, ни даже просто какихъ-нибудь новыхъ данныхъ о немъ, и тѣмъ болѣе—не дано до сихъ поръ надлежащей оцѣнки его дѣятельности. Въ виду этого, считаемъ не лишнимъ возобновить въ памяти нашихъ читателей хоть нѣкоторыя черты изъ жизни и дѣятельности этого почти забытаго, замѣчательнаго человѣка, надѣясь на то, не послужитъ-ли настоящая замѣтка поводомъ для появленія въ печати новыхъ, болѣе подробныхъ свѣдѣній о немъ.

В. Я. Гречулевичъ родился 1791 г. въ с. Игнатовкѣ, Гайсинскаго у. Дѣтскіе годы жизни его въ родительскомъ домѣ почти для насъ неизвѣстны. Родители его были люди небогатые, но это была образцовая священническая семья, религіозная, высоконравственная, проникнутая сознаніемъ религіозно-нравственныхъ народныхъ интересовъ; здѣсь-то, въ колыбели своего дѣтства, В. Я. и получилъ задатки тѣхъ чувствъ и убѣж-

деній, которыя питали его въ теченіе всей послѣдующей его жизни. Десяти лѣтъ В. Я. опредѣленъ былъ въ Шаргородское уѣздное училище, основанное преосвящ. Іоанникіемъ вмѣсто закрытой при Шаргородскомъ монастырѣ базиліанской школы, и, по окончаніи этого училища въ 1810 г., поступилъ въ подольскую духовную семинарію, которую и окончилъ въ 1814 г. Какъ лучшій изъ воспитанниковъ В. Я. назначенъ былъ тогда-же учителемъ латинскаго, славянскаго и русскаго языковъ, географіи, ариѳметики и рисованія въ Шаргородскомъ отдѣленіи семинаріи, а въ 1817 г., когда семинарія была реформирована и основано было вновь уѣздное училище въ м. Шаргородѣ, онъ опредѣленъ былъ учителемъ Шаргородскаго училища. 1820 г. В. Я. оставляетъ духовно-учебную службу и принимаетъ санъ священника. Съ этого времени начинается новый періодъ самой разнообразной и плодотворной его дѣятельности.

Какъ разъ въ это время скончался преосвящ. Антоній, и такъ какъ подольская каѳедра осталась незамѣщенною, то В. Я. долженъ былъ отправиться для рукоположенія въ г. Острогъ, гдѣ въ то время помѣщалась каѳедра волынскаго епархіальнаго архіерея; преосвященнымъ волынскимъ Стефаномъ онъ рукоположенъ былъ во священника въ с. Аннополь, Брацлавскаго уѣзда, гдѣ и священствовалъ до самой смерти; ставленную грамоту о. В. Я. получилъ уже отъ вступившаго въ управленіе подольскою епархіею архіепископа Ксенофонта.

Съ первыхъ шаговъ священства В. Я. обращаетъ на себя вниманіе епархіальнаго начальства своимъ практическимъ умомъ и административными способностями. Онъ опредѣленъ былъ сначала присутствующимъ Брацлавскаго духовнаго правленія, а затѣмъ скоро и первоприсутствующимъ, освобожденъ былъ при этомъ отъ подвѣдомственности мѣстному благочинному и непосредственно подчиненъ Консисторіи.

1823 г.,—всего на третій годъ своего священства,—онъ назначенъ былъ благочиннымъ и состоялъ въ этой должности до конца своей жизни. Уважая дарованія В. Я., относясь къ нему съ особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ, епархіальная

власть возлагала на него очень важныя порученія, требовавшія полнаго довѣрія со стороны поручавшихъ и большого административнаго такта со стороны исполнителя. Такъ, В. Я. былъ главнымъ дѣятелемъ въ раскрытіи слѣдствіемъ дѣла, надѣлавшаго въ свое время много шуму въ Подоліи,—о ереси капитана Савицкаго, ненормальнаго мистика, называвшаго себя Христомъ, Утѣшителемъ, духомъ святымъ, воплощеннымъ на землѣ, и обѣщавшаго своимъ послѣдователямъ устроить на землѣ царство; благодаря участію въ разслѣдованіи этого дѣла мягкой, гуманной личности В. Я., рѣшеніе Сената по этому дѣлу не было слишкомъ строго, что вполнѣ соотвѣтствовало настоящему положенію дѣла. Особенно полезною была дѣятельность Василія Яковлевича во время извѣстнаго польскаго возстанія, когда онъ назначаемъ былъ то слѣдователемъ, то депутатомъ въ слѣдственныхъ коммиссіяхъ, относившихся къ этому возстанію, особенно въ дѣлахъ, касавшихся различныхъ столкновеній польскихъ помѣщиковъ съ духовенствомъ. Въ этомъ случаѣ В. Я. очень умѣло распутывалъ всѣ такія дѣла и, склоняя къ снисхожденію однихъ и къ уступкамъ другихъ, мирилъ такимъ образомъ между собою враждующихъ и прекращалъ такъ почти всѣ дѣла. Епархіальная власть высоко цѣнила заслуги В. Я. и осыпала его наградами. Въ 1827 г. онъ получилъ набедренникъ, 1830 г. Высочайше награжденъ скуфьею; 1832 г. произведенъ въ санъ протоіерея; 1838 г. пожалованъ камилавкою, 1843 г. наперснымъ крестомъ, 1849 г.—орденомъ св. Анны 3-й степени, 1855 г.—орденомъ Анны 2-й степени, 1861 г. получилъ корону на тотъ-же орденъ, 1868 г. награжденъ палицею и, наконецъ, 1869 г.—орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Такимъ образомъ, о. Гречулевичъ получилъ всѣ награды, какія только доступны для епархіальнаго бѣлаго духовенства,—отъ набедренника до ордена св. Владиміра 3-й степени. Вообще, административную дѣятельность В. Я. епархіальная власть признавала настолько полезною, что онъ оставался въ должности благочиннаго даже и тогда, когда за старостію лѣтъ его на священническое мѣсто въ с. Аннополь назначенъ былъ одинъ изъ сыновей его.

Но не одною своею административною дѣятельностью остался памятнымъ для Подоліи Василій Яковлевичъ. Неся на себѣ много обязанностей по духовно-административной службѣ, отнимавшихъ у него много силъ и времени, о. Гречулевичъ во все время своего долголѣтняго священства образцово исполнялъ и свои чисто-пастырскія обязанности.

С. Аннополь и до настоящаго времени сохранило христіански-гуманное направленіе, какое заложено было покойнымъ, и даже сосѣдніе крестьяне и теперь вспоминаютъ его добрымъ словомъ—черезъ 30 лѣтъ послѣ его смерти. Эти добрыя воспоминанія, живущія въ народѣ, служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ его полезной пастырской дѣятельности и являются лучшимъ вѣнкомъ на его могилу. Но послѣ Василія Яковлевича осталась и болѣе реальная память: въ видѣ литературныхъ трудовъ его. Рѣдкій праздничный или воскресный день проходилъ безъ того, чтобы В. Я. не сказалъ устнаго или письменнаго слова. Обыкновенно поученія свои излагалъ онъ на малорусскомъ языкѣ и „это,—по словамъ некролога покойнаго,—возбуждало въ его прихожанахъ большую внимательность къ слушанію церковной проповѣди“ [1]). Къ сожалѣнію, намъ извѣстны тѣ лишь проповѣди покойнаго, которыя были напечатаны еще при его жизни; всѣ же рукописи о. Василія, оставшіяся послѣ его смерти, взяты были сыномъ его, преосвящ. Виталіемъ, еп. Могилевскимъ, намѣревавшимся, какъ кажется, издать ихъ. Но смерть преосвящ. Виталія, случившаяся въ 1884 г., не дала осуществиться этому благому намѣренію, и мы даже не знаемъ, гдѣ находятся въ настоящее время эти цѣнныя рукописи.

Первыми явились въ печати въ 1849 г. „Проповѣди на малороссійскомъ языкѣ“. Этотъ первый опытъ литературной проповѣди на малорусскомъ языкѣ обратилъ на себя вниманіе, и „Проповѣди“ быстро расходились; епархіальное начальство рекомендовало выписку ихъ подвѣдомственному духовенству. Въ 1857 г. вышло второе изданіе проповѣдей—въ исправленномъ видѣ, а 1860 г.—начали выходить отдѣльные оттиски пропов-

[1]) „Подольскія Епарх. Вѣд.“, 1870 г.

дей по нѣскольку въ каждомъ. Всѣхъ проповѣдей въ сборникѣ—59: на праздники Господніе—12, на воскресные дни—20, на праздники Богородичные—7, на праздники святыхъ—10 и на случайныя темы—10. Кромѣ того въ 1856 г. напечатаны въ Петербургѣ новыя проповѣди о. Гречулевича: „Бесѣды катехизическія на символъ вѣры и молитву Господню". Его-же „Бесѣды катехизическія на 9 блаженствъ евангельскихъ" выдержали два изданія,—послѣднее 1859 г. Въ 1858 г. напечатаны были „Бесѣды о семи спасительныхъ таинствахъ", а въ 1859 г.—маленькая брошюра „О должностяхъ родителей и дѣтей".

Какъ видно уже по этимъ заглавіямъ, содержаніе проповѣдей о. Василія Г—ча весьма разнообразно; онѣ обнимаютъ весь катихизисъ и 60 другихъ главнѣйшихъ проповѣдническихъ темъ. Уже одно разнообразіе содержанія и количество проповѣдей вызываютъ глубокое уваженіе къ трудолюбію автора. Знакомство съ внутренними достоинствами этихъ произведеній оставляетъ самое лучшее впечатлѣніе. Нужно было глубоко знать народъ, его духъ и характеръ, нужно было прекрасно владѣть его языкомъ, чтобъ съ такою экспрессіей, кратко, просто и ясно высказать въ понятной для всѣхъ формѣ самую суть въ затронутыхъ вопросахъ православно-хпистіанской догматики и морали. Излагая трудныя для популярнаго изложенія, высокія религіозныя истины, авторъ часто пользуется чисто-народными выраженіями, которыя искони созданы были самимъ народомъ и живутъ среди него параллельно съ книжными терминами; но больше религіозная терминологія состоитъ здѣсь изъ выраженій славянскихъ, которыя близко срослись съ малорусскимъ языкомъ и вошли въ него, какъ органическая часть его. Въ общемъ языкъ проповѣдей о. Василія Гречулевича—чистый малорусскій съ нѣкоторыми иногда специфическими особенностями Подольскаго говора.

Въ своей литературной дѣятельности о. Василій Гречулевичъ руководился однимъ искреннимъ желаніемъ возможно успѣшнѣе и полнѣе содѣйствовать религіозно-нравственному просвѣщенію своей паствы. Для осуществленія этой высокой

цѣли о. Василій Г—чъ считалъ необходимымъ качествомъ проповѣди—ея народность. „Аще неблагоразумно слово дадите языкомъ, како уразумѣется глаголемое?—говоритъ онъ словами ап. Павла.—Аще убо не увѣмъ силы гласа, буду глаголющему иноязычникъ, и глаголющій мнѣ иноязычникъ (1 Кор. XIV. 9. 11)". И далѣе въ предисловіи къ своимъ „Проповѣдямъ" о. Гр—чъ подробнѣе развиваетъ общую мысль о возможности уразумѣнія и о вліяніи проповѣди лишь подъ условіемъ понятнаго выраженія ея на родномъ языкѣ. „Истина неоспоримая,—говоритъ онъ,—что для успѣха проповѣди необходимо, со стороны нашей, говорить народу на языкѣ, для него совершенно понятномъ, близкомъ сердцу, родномъ. И сія-то истина, если гдѣ, то особенно въ Малороссіи, давно-бы уже должна быть приведена въ исполненіе. Но, къ сожалѣнію, доселѣ еще, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ почти не видно опытовъ проповѣди на малороссійскомъ языкѣ. Наши служители слова Божія, получая образованіе въ семинаріяхъ и академіяхъ и привыкая въ нихъ къ литературному русскому языку, не могутъ или не хотятъ въ послѣдствіи времени отвыкнуть отъ усвоеннаго ими способа выраженія; и вотъ иные изъ нихъ проповѣдуютъ народу слово Божіе на языкѣ, если не вовсе для него непонятномъ, то по крайней мѣрѣ весьма мало вразумительномъ, какъ-бы пренебрегая роднымъ языкомъ пасомыхъ,—языкомъ, на которомъ (по исчисленію извѣстнаго народоописателя Шафарика) говорятъ тридцать милліоновъ православныхъ. Оттого-то такіе проповѣдники, почти всегда бывая для своихъ слушателей нѣкоторымъ образомъ „иноязычниками" (1 Кор. XIV. 11), не приносятъ надлежащей пользы своимъ проповѣдываніемъ". Указывая затѣмъ причины безуспѣшности проповѣди, о. Г—чъ говоритъ: „считаю не излишнимъ сдѣлать замѣчаніе, что, если иногда сельскіе проповѣдники слова Божія слабо дѣйствуютъ на умы и сердца прихожанъ, то это происходитъ не столько отъ недостатка дара убѣжденія, сколько отъ воззрѣнія говорящаго на слушающихъ. Вообще, наши священники имѣютъ о народѣ, среди котораго живутъ, слишкомъ общія, такъ сказать,

книжныя понятія. Самодѣятельная жизнь его, въ значеніи этнографическомъ, составляетъ для нихъ предметъ, посторонній ихъ слушанію. Между тѣмъ, живая рѣчь народа, идущая отъ сердца къ сердцу, ведетъ свое происхожденіе отъ всего, что когда-либо было испытано народомъ въ его прошедшемъ, и образуется по мѣрѣ развитія особеннаго, свойственнаго только извѣстному племени, характера: нравы, обычаи, склонности и самыя заблужденія народа суть прямые выводы изъ его многовѣковаго существованія; а все это напечатлѣно въ складѣ его ума, въ его понятіяхъ, чувствахъ и въ способѣ выраженія чувствъ и понятій. Чтобъ говоритъ убѣдительно съ человѣкомъ, надобно болѣе или менѣе знать человѣка: чтобъ говорить убѣдительно съ народомъ, надобно войти въ духъ его жизни. Попади на ту струну, которая чувствительнѣе прочихъ въ душѣ извѣстнаго племени,—и ты овладѣешь его вниманіемъ. А это дается только тому, кто сроднился со своими слушателями, принявъ близко къ сердцу все, чѣмъ они живутъ, чему радуются и отъ чего страдаютъ. Врачъ не прежде возможетъ уврачевать недугъ болящаго, какъ узнавъ всѣ обстоятельства, которыя произвели этотъ недугъ: какъ-же можно врачевать недуги душевные, не вѣдая, при какихъ обстоятельствахъ они развивались? Для яда нужно противоядіе: а какъ его составить, не изслѣдовавъ свойствъ самаго яда? Все это я клоню къ тому, что, если какой-либо дѣятель на поприщѣ духа человѣческаго, то тѣмъ паче проповѣдникъ слова Божія долженъ содержать въ умѣ нравственный образъ тѣхъ, на кого направлена его дѣятельность". Указывая въ частности на свою собственную пастырскую дѣятельность, о. Г—чъ замѣчаетъ: „поставленный Господомъ священнодѣйствовать благовѣствованіе Божіе (Рим. IV. 16) въ одномъ изъ сельскихъ приходовъ православной Подольской епархіи, гдѣ малороссійскій языкъ у народа во всеобщемъ употребленіи, я всегда живо сознавалъ приведенную выше истину и, при помощи Божіей, въ теченіе тридцати-шести-лѣтняго моего служенія Церкви Христовой, и въ званіи приходскаго священнослужителя, и въ санѣ первоприсутствующаго

Духовнаго Правленія (Брацлавскаго), а до нынѣ окружнаго Благочиннаго,—вполнѣ убѣдился въ великой пользѣ для нашихъ прихожанъ проповѣданія слова Божія на общепонятномъ для нихъ языкѣ малороссійскомъ. Это возбудило во мнѣ искреннѣйшее желаніе распространить, сколько можно далѣе, испытанную пользу, и я рѣшился изъ многихъ поученій, говоренныхъ мною разновременно, хотя нѣкоторыя привести въ извѣстность посредствомъ печати... Говорю это, какъ человѣкъ, стремящійся къ указываемой имъ цѣли. Вижу цѣль, жажду ея достигнуть, и, не надѣясь на собственныя силы, указываю на нее другимъ. Можетъ быть, другіе, ободренные примѣромъ моего усилія— если не успѣха,—сдѣлаютъ больше моего. Тогда возблагодарю Господа и за самое помышленіе о той пользѣ, которую желалъ я принести моимъ ближнимъ".

Такъ думалъ этотъ почтенный труженикъ и самъ въ дѣйствительности осуществлялъ то, въ истинности чего глубоко убѣжденъ былъ. Его проповѣди служатъ самымъ лучшимъ свидѣтельствомъ искреннихъ стремленій его всѣми силами содѣйствовать религіозно-нравственному просвѣщенію своей паствы. Въ дѣятельности своей неутомимый труженикъ всегда встрѣчалъ дѣйствительную поддержку и даже поощреніе со стороны архипастырей подольскихъ; имъ посвящалъ онъ свои проповѣдническіе труды, они-же содѣйствовали распространенію трудовъ его въ епархіи, рекомендуя выписку проповѣдей его духовенству или-же просто разсылая ихъ по приходамъ епархіи.

Полезная дѣятельность о. Василія Яковлевича была весьма продолжительна. Онъ умеръ 80-ти лѣтъ отъ роду, не доживъ всего лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ до 50-лѣтія своего служенія въ священномъ санѣ. Брацлавское духовенство, любившее и уважавшее покойнаго, собиралось торжественно отпраздновать пятидесятилѣтіе его священства. Но 1 іюня 1870 г. исполняя свои служебныя обязанности, о. В. Я. скончался въ с. Демковкѣ отъ старческаго удара. Общее сочувствіе къ покойному самымъ трогательнымъ образомъ выразилось при его погребеніи. По всему пути отъ с. Демковки до Аннополя, на разстояніи пят-

надцати верстъ, смертные останки его сопровождаемы были многочисленнымъ духовенствомъ и массами народа изъ окрестныхъ селъ; широко извѣстенъ былъ въ окрестности о. Гречулевичъ, и вездѣ извѣстіе о его смерти вызывало глубокую, неподдѣльную скорбь. Погребеніе совершилось 3-го іюня; тлѣнные останки покойнаго положены въ фамильномъ склепѣ въ селѣ Аннополѣ.

А. Лотоцкій.

Вторая кіевская гимназія[1])

Попечительство Н. И. Пирогова.

1858—1861.

> Попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ: онъ долженъ не приказывать, а убѣждать. *Пироговъ.*

Знаменитая статья нашего славнаго хирурга „Вопросы жизни“ выдвинула его на педагогическое поприще, и если онъ своими либеральными взглядами на воспитаніе юношества смутилъ нашихъ рутинныхъ охранителей и вынужденъ былъ прежде времени оставить свой постъ, то это только показываетъ, что наше общество еще не дозрѣло тогда для воспріятія идей геніальнаго мыслителя, опередившаго своихъ современниковъ, и что никакія усилія общественнаго дѣятеля, подобнаго Пирогову, не въ состояніи пробить дубовую кору невѣжества и непотизма: одинъ—въ полѣ не воинъ...

Прибытіе Н. И—ча въ Кіевъ ничѣмъ особеннымъ въ лѣтописяхъ кіевскаго учебнаго округа не ознаменовано. По случаю его пріѣзда не было ни особенныхъ приготовленій къ его встрѣчѣ, ни мундирныхъ представленій новому начальнику. На другой день послѣ пріѣзда онъ представился Генералъ-Губер-

---

1) См. Кіев. Ст. № 4.

натору и болѣе никого не удостоилъ своимъ посѣщеніемъ. Спустя мѣсяцъ, правитель канцеляріи Губеръ напомнилъ ему, что слѣдовало-бы побывать у митрополита Исидора и, зная хорошо, что для подобныхъ визитовъ Н. И. тяжеленокъ на подъемъ, прибавилъ:

— Сегодня, в. П—во, высокоторжественный день; владыка служитъ въ Софійскомъ соборѣ, а послѣ обѣдни къ нему обыкновенно заходятъ почетнѣйшія лица съ поздравленіемъ, то и Вамъ будетъ кстати зайти къ нему.

Мотнувъ, въ знакъ согласія, головой, Н. И. велѣлъ подать мундиръ, наскоро облачился и на пѣтушкѣ отправился въ Софійскій соборъ.

По окончаніи молебствія, входитъ Попечитель къ Митрополиту, и едва показался въ дверяхъ пріемной, какъ кн. Васильчиковъ поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, взялъ его подъ руку и подведя къ Преосвященному, отрекомендовалъ: „извѣстный Пироговъ"!

— А—а, вотъ и кстати,—промолвилъ владыка:—у меня и просьба къ Вамъ есть.

— Позвольте узнать, въ чемъ она заключается?

— У Васъ имѣется вакансія цензора, а у меня есть въ виду достойнѣйшій кандидатъ на эту должность—нѣкто Кулжинскій изъ Нѣжина.

Ни слова не отвѣтивъ на рекомендацію митрополита, Пироговъ посмотрѣлъ на потолокъ, потомъ на висящіе по стѣнамъ портреты архіереевъ, сдѣлалъ два шага назадъ, тихонько вышелъ изъ залы, сѣлъ на дрожки и вернулся домой.

Для того чтобы объяснить такое, нѣсколько странное, поведеніе Попечителя, нужно знать, кто такой былъ рекомендуемый кандидатъ. И. Г. Кулжинскій, воспитанникъ Черниговской Семинаріи, пройдя учительскія должности въ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ училищахъ, дослужился до директорства въ Немировской гимназій, затѣмъ, какъ мы уже знаемъ [1]), помѣ-

---

[1]) См. «Кіевская Старина» за 1885 г. Немировская гимназія.

нявшись мѣстами съ инспекторомъ лицея Зимовскимъ, ушелъ отъ Экеблада въ Тифлисъ и, вышедши по болѣзни въ отставку на всегда поселился въ Нѣжинѣ и занялся на досугѣ писаніемъ разныхъ статеекъ, во вкусѣ редактора „Маякъ“, обскуранта Бурачка и К°. Въ то время черезъ Нѣжинъ проходилъ московскій почтовый трактъ, по которому постоянно проѣзжали разныя именитыя особы—генералы, губернаторы, архіереи. Домишко Ивана Григорьевича находился вблизи почтовой станціи, и ему всегда давали знать о пріѣздѣ каждаго важнаго сановника; онъ тотчасъ облачался въ мундиръ, нацѣплялъ свою аннушку на шею и спѣшилъ представиться. Скучающая отъ утомительной ѣзды на почтовыхъ особа была не прочь поболтать съ униженно-почтительнымъ и неглупымъ старикомъ, пока подадутъ лошадей—и вотъ завязывалось „знакомство на большой дорогѣ“, которое при случаѣ было очень и очень полезно. Познакомившись такимъ-же манеромъ съ митрополитомъ Исидоромъ, Кулжинскій и попалъ подъ его протекцію. Но Пироговъ зналъ Кулжинскаго отлично по сотрудничеству его въ „Маякѣ“ и на просьбу владыки сдѣлать такого гуся цензоромъ не могъ найтись что̀ сказать и безмолвно удалился. Конечно, такъ рѣзко могъ поступить съ его высокопреосвященствомъ только „извѣстный Пироговъ“.

Еще большимъ оригиналомъ выказалъ себя Н. И—чъ во время пріѣзда въ Кіевъ Министра Народнаго Просвѣщенія Ковалевскаго. Недѣли за двѣ до его прибытія, директоръ 1-й гимназіи Делленъ и правитель канцеляріи Губеръ совѣтовали Попечителю выѣхать на встрѣчу Министру, если не на границу Округа, то хоть въ Нѣжинъ.

— Это зачѣмъ? отвѣтилъ имъ Пироговъ: въ Нѣжинѣ есть директоръ Лицея и гимназіи—онъ и встрѣтитъ его.

Не смущаясь неудачей, непрошенные совѣтники напомнили Н. И—чу о необходимости приготовить для Министра приличное помѣщеніе на время его пребыванія въ Кіевѣ.

— Это зачѣмъ? возразилъ опять Попечитель: въ городѣ есть весьма хорошая гостинница—тамъ онъ и остановится.

Не смотря, однако-жъ, на такой категорическій отказъ, Делленъ, помимо его распоряженія, приготовилъ для Министра квартиру въ зданіи 1-й гимназіи.

Наконецъ утромъ одного дня изъ Нѣжина получена эстафета, что Министръ прибудетъ въ Кіевъ вечеромъ. Пироговъ прочелъ эстафету и нисколько не стѣсняясь, въ 12 часовъ, послѣ доклада, какъ онъ обыкновенно это дѣлалъ ежедневно, отправился верхомъ на дачу, за пять верстъ отъ города по житомірскому шоссе, и вернулся оттуда только на другой день утромъ. Но съ представленіемъ къ Министру не спѣшилъ, а тотъ, не дождавшись его, первымъ рѣшился нанести ему визитъ. Входитъ Министръ въ переднюю—тамъ, по обыкновенію, никого не было; въ залу—тоже никого нѣтъ; дверь въ кабинетъ полуотворена—онъ туда—и застаетъ хозяина за бритьемъ. Увидавъ Министра въ зеркалѣ, Н. И. кивнулъ ему головой и, не оборачиваясь, продолжаетъ свое бритье. Министръ, дождавшись конца операціи, любезно поздоровался съ хозяиномъ, который, надѣвши вицмундиръ, повелъ его по гимназіямъ на экзамены по группамъ.

Опять таки не слѣдуетъ забывать, что такъ поступить съ Министромъ могъ только „извѣстный Пироговъ“.

Намъ, людямъ, Николаевскихъ временъ, воспитаннымъ въ правилахъ строжайшаго чинопочитанія и мундирныхъ представленій начальству, показалась непривычной необыкновенная простота обращенія Н. И—ча съ подчиненными. Кто-бы ни пришелъ къ нему—директоръ-ли гимназіи, профессоръ, учитель или студентъ, онъ былъ неизмѣнно одинаковъ. Въ пріемную къ нему входили безъ доклада: войдешь, бывало, въ переднюю—никого нѣтъ, въ кабинетъ дверь всегда полуоткрыта—тамъ за письменнымъ столомъ сидитъ попечитель и пишетъ. Не дожидаясь приглашенія, войдешь въ кабинетъ, садишься у стола и ждешь минуту-другую, не прерывая нити излагаемыхъ имъ на бумагу мыслей. Окончивъ періодъ, Н. И. кладетъ перо, откидывается на спинку кресла, и посмотрѣвъ на пришедшаго, спроситъ: „ну, что скажете?

Скажешь, зачѣмъ пришелъ, услышишь нѣсколько словъ, не требующихъ разъясненій и, видя, что онъ берется за перо, встаешь и уходишь. При этомъ Н. И. не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на то, какъ одѣтъ посѣтитель, въ мундирѣ-ли онъ, или въ простомъ сюртукѣ—для него безразлично. Самъ онъ посѣщалъ гимназіи всегда въ своемъ неизмѣнномъ драповомъ пальто, такъ что едва-ли кому-нибудь изъ учителей пришлось видѣть его хоть разъ, не говорю—въ мундирѣ, но даже въ вицмундирѣ.

Пироговъ терпѣть не могъ никакой торжественности, мишурнаго блеска, выставки. Наши, такъ называемые, торжественные акты, гдѣ обыкновенно публикѣ показывался товаръ лицомъ, при попечительствѣ Пирогова перестали существовать. Всякому, кто удостаивался получить пригласительный билетъ на актъ, памятны эти театральныя представленія, эта выставка произведеній отечественной педагогіи, но не всякій изъ посѣтителей, я думаю, зналъ, чего стоили актерамъ этой комедіи репетиціи, т. е. приготовленія къ акту. Выбирались пьесы, выбирались и ученики, назначались сочиненія для прочтенія предъ публикой, иногда за цѣлый мѣсяцъ до акта, въ самую, что называется, страдную пору—во время годичныхъ экзаменовъ. И вотъ назначается генеральная репетиція. Г. директоръ садится за столъ въ торжественномъ залѣ, представляя изъ себя почтеннѣйшую публику. Вводятъ актеровъ, остриженныхъ подъ гребенку и затянутыхъ въ мундиры, съ твердыми, какъ лубъ, воротниками, упирающимися въ подбородокъ. Сперва учатъ, какъ мальчикъ долженъ выходить на середину зала, какъ долженъ кланяться, дѣлать ножкой—это самое главное. Если такого предварительнаго испытанія мальчикъ не выдерживалъ, его не допускали до произнесенія затверженныхъ стиховъ и прогоняли изъ залы съ насмѣшками, хотя-бы онъ былъ первѣйшій декламаторъ. Всѣ эти ненужности при Пироговѣ сдѣлались преданіемъ; мундиры наши были спрятаны и попорчены молью.

Такое пренебреженіе къ мундирной внѣшности и парадной выставкѣ возбуждало сильное негодованіе охранителей старыхъ

порядковъ, и они поставили ему въ счетъ будущихъ инсинуацій, дискредитировавшихъ въ глазахъ правительства реформаторскую дѣятельность Н. И—ча.

Задумавъ произвесть въ заведеніяхъ ввѣреннаго ему Округа реформу, первый годъ своего попечительства Пироговъ посвятилъ ознакомленію съ существовавшими въ нихъ порядками, какъ въ отношеніи преподаванія предметовъ, такъ и въ отношеніи дисциплины. Особеннымъ вниманіемъ Попечителя при посѣщеніи гимназій пользовался латинскій языкъ и законъ Божій. Придавая изученію древнихъ языковъ весьма важное значеніе, какъ предмету, наравнѣ съ математикой, развивающему способности учащагося, онъ старался улучшить пріемы преподаванія его въ гимназіяхъ. У нашего классика былъ такой пріемъ: вызвавъ ученика на средину класса, онъ занимался исключительно имъ однимъ, оставляя безъ вниманія весь классъ, при чемъ, наводя его на уразумѣніе смысла переводимаго отрывка, онъ не всегда вѣрно могъ оцѣнить степень его знанія, давая ему возможность скрыть свое невѣжество. Н. И—чъ старался отучить преподавателей отъ такихъ застарѣлыхъ привычекъ, настаивая на томъ, чтобы вниманіе *всего* класса не прерывалось ни на минуту въ продолженіе урока, чтобы учитель поддерживалъ это вниманіе, задавая имъ какъ можно чаще бѣглые вопросы и заставляя ихъ повторять дѣлаемыя объясненія правилъ. Самъ попечитель, для примѣра преподавателю, дѣлалъ это очень ловко. Разъ, помнится мнѣ, онъ засталъ на латинскомъ урокѣ ученика подлѣ каѳедры, переводившаго отрывокъ изъ Цицерона De officiis. Н. И. по обыкновенію сѣлъ на первой скамьѣ и сталъ слушать. Учитель, стоя подлѣ ученика, постоянно поправлялъ его и наводилъ; попечитель нѣсколько разъ дѣлалъ ему замѣчаніе не мѣшать отвѣчающему, предоставивъ ему самому добиваться смысла, но учитель не унимался. Все это не могло остаться безъ вниманія на служебную карьеру почтеннаго классика. Какъ только исполнилось 30 лѣтъ его службы, Пироговъ отказалъ ему въ просимомъ пятилѣтіи.

— Довольно съ васъ, сказалъ онъ ему: ваши лѣта требуютъ отдыха. Нужно дать мѣсто молодымъ.

Законъ Божій, въ ряду другихъ предметовъ гимназическаго курса, поставленъ въ положеніе исключительное: въ то время, когда всѣ другіе предметы служатъ къ обогащенію знаніями и къ развитію умственныхъ способностей учащихся, законъ Божій преимущественно долженъ вліять на нравственную сторону, дѣйствуя на сердце, направляя волю къ добру. Между тѣмъ Пироговъ, объѣхавъ половину округа и побывавъ на урокахъ законоучителей, вынесъ самое невыгодное мнѣніе о ихъ преподаваніи: у нихъ законъ Божій, даже болѣе чѣмъ нѣкоторые другіе предметы сдѣлался достояніемъ одной памяти, одного механическаго заучиванья текстовъ, часто безъ пониманія ихъ смысла. Н. И. конечно не скрывалъ своего недовольства и иногда высказывалъ его публично. Отцы вломились въ амбицію и изъ-подъ руки стали взводить на Пирогова обвиненіе въ индифферентизмѣ къ религіи вообще, чтò-де весьма вредно вліяетъ на учащихся, что онъ, порицая законоучителей за небрежное отношеніе къ ихъ обязанностямъ, унижаетъ достоинство самого закона Божія. Предсмертная исповѣдь нашего великаго хирурга да послужитъ имъ уликой въ такомъ недобросовѣстномъ обвиненіи.

Что касается преподаванія закона Божія во 2-й гимназіи, то у насъ, по выходѣ въ отставку о. Θедора, [1]) былъ выдающійся законоучитель, покойный Петръ Г врилович Лебединцевъ, впослѣдствіи каѳедральный протоіерей Софійскаго собора, который, повидимому, удовлетворилъ требованіямъ Пирогова. Помнится, Н. И. былъ у него на урокѣ въ IV классѣ. Прекративъ спрашиваніе заданнаго, о. Петръ началъ объяснять новый урокъ. Это была настоящая лекція, продолжавшаяся почти до звонка. Окончивъ чтеніе, онъ потребовалъ отъ одного ученика повторить свои объясненія. Понятно, что тотъ не могъ этого сдѣлать.

— Не можете? Я отъ васъ этого и не требую. Если только вы сказанное мной усвоили сердцемъ, то для меня этого довольно.

---

[1]) Мысловскаго.

Задумавъ реформу существовавшихъ въ гимназіи правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ воспитанниковъ, Н. И. при посѣщеніи гимназіи просматривалъ съ большимъ вниманіемъ штрафной журналъ за нѣсколько лѣтъ и нашелъ въ немъ довольно несообразностей относительно несоотвѣтствія наказаній съ проступками. Затѣмъ потребовалъ вѣдомости объ успѣхахъ учениковъ. Способъ опредѣлять разныя степени знанія посредствомъ пятибальныхъ отмѣтокъ, существующій и нынѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, не удовлетворялъ требованіямъ Пирогова: онъ считалъ его нераціональнымъ и даже вреднымъ.

Высказанный имъ при этомъ взглядъ подробнѣе формулированъ въ статьѣ „Школа и Жизнь".

„При отвѣтахъ испытуемаго, говорится тамъ, слѣдуетъ опредѣлять не *maximum*, а извѣстное *minimum* свѣдѣній. Maximum свѣдѣній—безпредѣльно и безконечно. Какъ ни разнообразьте вы ваши отмѣтки, какъ ни распредѣляйте число балловъ, вы никогда не обозначите всѣхъ степеней свѣдѣній. Вы никогда ни отъ кого не получите отчетливаго отвѣта на общій вопросъ: какъ велики свѣдѣнія такого-то въ той или другой наукѣ? Но поставьте вопросъ точнѣе и спросите: имѣетъ-ли такой-то достаточно знаній, чтобы достигнуть той или другой цѣли въ какой-либо наукѣ? И вамъ можно будетъ отвѣчать положительно: *да* или *нѣтъ*. И только эти два слова должны быть отвѣтомъ экзаменатора на опредѣленіе вопроса о minimum свѣдѣній для перевода ученика въ высшій классъ".

На основаніи такого правила, принявъ кромѣ того во вниманіе потерю времени на продолжительность испытаній, годичные экзамены при Пироговѣ производились одновременно по всѣмъ предметамъ и въ каждомъ классѣ оканчивались въ одинъ день, значитъ, продолжались въ семи классахъ вмѣсто пяти недѣль всего 7 дней.

Дѣлалось это такимъ образомъ.

Ученики даннаго класса, по количеству преподаваемыхъ въ немъ предметовъ, дѣлились на группы. Въ залѣ ставилось

столько столовъ, сколько было группъ, а за каждымъ столомъ возсѣдали преподаватель и ассистентъ. Когда инспекторъ оканчивалъ подобное размѣщеніе, по данному имъ знаку всѣ преподаватели одновременно начинали экзаменовать. Въ залѣ начиналось вавилонское смѣшеніе языковъ. Группы кругообразно переходили отъ одного стола къ другому, и впродолженіе какихъ-нибудь пяти-шести часовъ испытаніе по всѣмъ предметамъ оканчивалось. Разумѣется, что при оцѣнкѣ познаній ученика экзаменаторы руководились главнымъ образомъ годичными отмѣтками, которыхъ полагалось только двѣ: 3—удовлетворительно, 2—неудовлетворительно—*да* или *нѣтъ*. Отличнѣйшіе по успѣхамъ ученики, по усмотрѣнію комитета, освобождались отъ экзамена. Директору и инспектору при экзаменахъ предоставлялся контроль; они подходили то къ одному, то къ другому столу, слѣдя за порядкомъ испытаній.

Извѣстно, что большинство нашихъ воспитанниковъ, не только среднихъ, но и высшихъ учебныхъ заведеній, учится ради полученія хорошихъ отмѣтокъ, а наши педагоги еще болѣе способствовали гоньбѣ учениковъ за пятерками. Такъ напр., учитель математики Байеръ, восхищенный бойкимъ отвѣтомъ воспитанника, вынетъ изъ кармана свой „списочекъ“ и велитъ ему „по этой самой причинѣ“ собственноручно поставить отмѣтку 5 съ двумя крестами. Отмѣна пятибальной системы главнымъ образомъ должна была способствовать къ искорененію этого зла.

Но еще большій вредъ приносило и приноситъ умственному развитію учащихся механическое заучиваніе задаваемыхъ уроковъ, зубреніе учебниковъ, обогащающее одну лишь память ко вреду другихъ способностей. Противъ этого вѣками вкоренившагося способа ученія Пироговъ не переставалъ проповѣдывать какъ между преподавателями, такъ и между учениками, настаивая на необходимости *самостоятельнаго* труда. Съ этою цѣлію и были заведены *литературныя бесѣды*. Упражненія въ литературныхъ занятіяхъ по всѣмъ преподаваемымъ въ гимназіи наукамъ должно было служить цѣлію этихъ бесѣдъ. Всякое

проявленіе самостоятельнаго труда участника въ литературныхъ бесѣдахъ должно быть дорого для руководителей бесѣды, возбуждая въ нихъ надежду, что университетъ получитъ ученика, уже хорошо ознакомившагося съ тѣмъ родомъ научныхъ работъ, который ему предстоитъ въ университетѣ, хорошо подготовленнаго къ университетскимъ занятіямъ и уяснившаго себѣ цѣль и значеніе умнаго ученія. При этомъ наставникамъ было предложено указать учащимся на такіе предметы, которые-бы имъ были по силамъ.

На эти бесѣды разъ въ недѣлю собирались ученики VI и VII кл. обѣихъ гимназій. Ученикъ 1-й гимназіи приносилъ сочиненіе, а ученикъ 2-й гимназіи къ слѣдующему собранію писалъ на это сочиненіе критику, и тутъ между ними происходилъ диспутъ, который тутъ-же и записывался скорописцами. На критику иногда писалась антикритика и т. д.

Бесѣды происходили въ залѣ 1-й гимназіи, въ присутствіи гимназическаго начальства и преподавателей, подъ предсѣдательствомъ попечителя. Вмѣшиваться въ диспутъ двухъ соперниковъ никому не дозволялось. Только въ крайнемъ случаѣ, когда споръ заходилъ слишкомъ далеко и диспутанты не знали сами, какъ имъ выпутаться изъ сѣтей, въ которыхъ они сами себя запутали—ихъ останавливалъ Н. И. и наводилъ на настоящую дорогу.

На первыя бесѣды, сколько я помню, были представлены сочиненія: воспитанниками 1-й гимназіи Овсѣенкомъ, Забугинымъ и Лашкевичемъ, 2-й гимназіи—Дикимъ, Цвѣтковскимъ и Бутовичемъ. Сочиненія этихъ учениковъ, согласно правиламъ, были написаны по совѣщаніи съ преподавателями, но авторы слѣдовавшихъ за ними сочиненій перестали согласоваться съ установленными попечителемъ правилами. Выборъ темъ сталъ своеволенъ и безразличенъ: такъ, воспитанникъ 2-й гимназіи Н—нъ дерзнулъ преподнести почтенному собранію теорію Духинскаго, доказывая, что русскіе—не славяне, а туранцы, истинные-же славяне поляки, которымъ и подобаетъ господствовать надъ всѣми прочими славянскими народностями, для чего

необходимо возвратить Польшѣ ея прежнее могущество, расширивъ ее до границъ 1772 года. Замѣчательно, что подъ давленіемъ начинавшагося тогда польскаго террора, ни въ 1-ой, ни во 2-ой гимназіи не нашлось ни одного критика на это сочиненіе: въ то время начались уже революціонныя манифестаціи въ Варшавѣ, а вслѣдъ за Варшавой повторились во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Юго-Западнаго края безпрепятственно.

Ученикъ 2-й гимназіи Шульцъ прочелъ сочиненіе о куреніи табака, причемъ, не стѣсняясь, порицалъ тутъ-же сидѣвшее начальство, которое не стыдилось взыскивать за такіе пустяки.

Въ силу ложно понятаго значенія самостоятельнаго труда, воспитанники высшихъ классовъ, пренебрегая сухими учебниками, „съ ученымъ видомъ знатока“ стали штудировать серьезныя сочиненія, не вполнѣ доступныя ихъ пониманію, такъ напр. по словесности—Шерра, по исторіи—Бокля и т. п., и если учитель математики спроситъ урокъ у кого-нибудь изъ этихъ самостоятельныхъ ученыхъ, то ему отвѣтятъ: „я спеціально занимаюсь словесностью или исторіей“.

Не смотря, однако-жъ, на такія, вовсе нежелательныя явленія, нельзя сказать, чтобы литературныя бесѣды совершено не достигали своей цѣли. По словамъ самого учредителя ихъ, „многіе изъ участвовавшихъ въ бесѣдахъ доказали явное научное стремленіе и любовь къ занятіямъ и дарованіе“. Н. И. не терялъ надежды улучшить это въ высокой степени полезное учрежденіе, которое послужитъ средствомъ къ развитію самостоятельной дѣятельности учащихся. Но этотъ самостоятельный трудъ никому сразу не дается; въ немъ нужно испробовать свои силы съ чрезвычайной постепенностью.

Для лицъ, желающихъ получить должность учителя по избранному предмету, установлены были, такъ называемые, *конкурсы*, состоявшіе въ слѣдующемъ:

Въ одной изъ гимназій конкуренту назначался пробный урокъ. Для того чтобы не прерывать хода преподованія, урокъ

этотъ обыкновенно служилъ продолженіемъ того, на чемъ остановился преподаватель. Конкурсному уроку предшествовалъ краткій colloquium, долженствовавшій обнаружить въ будущемъ учителѣ степень его знакомства съ избраннымъ имъ предметомъ. Затѣмъ пробный урокъ происходилъ въ присутствіи попечителя, или чаще всего его помощника—І. Г. Михневича, директора и въ рѣдкихъ случаяхъ профессора педагогіи. На этомъ урокѣ конкурентъ обязанъ былъ выказать умѣнье обращаться съ классомъ и обнаруживать болѣе или менѣе искусные пріемы въ преподаваніи. Покончивъ всю эту процедуру, члены комитета совѣщались между собой и составляли протоколъ о замѣченныхъ ими достоинствахъ и недостаткахъ конкурента, рѣшавшій его участь.

По закрытіи въ 1858 г. института казеннокоштныхъ студентовъ, доставлявшаго гимназіямъ Кіевскаго учебнаго округа потребный контингентъ преподавателей, учреждены были, по мысли Пирогова, *Педагогическіе курсы*, которые, однако-жъ, ни въ какомъ отношеніи не замѣнили прежняго способа приготовленія студентовъ къ учительскому званію. Такъ называемыхъ кандидатовъ-педагоговъ бывало на курсахъ всего два-три человѣка, а руководителей-профессоровъ и учителей по разнымъ предметамъ гимназическаго курса, получавшихъ солидное вознагражденіе за чисто фиктивные труды, человѣкъ 15—20; да и тѣ немногіе кандидаты, такъ дорого стоившіе казнѣ, весьма неохотно шли въ учителя, уходя въ другія вѣдомства, безъ возврата затраченныхъ на нихъ денегъ. Такое-же фіаско потерпѣли педагогическіе курсы и въ Петербургѣ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ дневникъ проф. Никитенка.

Концу 50-хъ годовъ нашего столѣтія суждено было, по иниціативѣ Пирогова, разрѣшить великіе „вопросы жизни" возрожденнаго послѣ долгаго сна общества. Сколько было въ эти годы высказано въ нашей литературѣ благородныхъ убѣжденій! Какая широта взглядовъ на народное образованіе! Какая обширная программа для дѣятельности нашихъ педагоговъ! Всякій спѣшитъ придумать что-нибудь новое, заявить о своей про-

грессивныхъ стремленіяхъ, побранить рутину. Это памятное для насъ время по преимуществу можетъ быть названо эпохой проектовъ, мнѣній, начинаній, улучшеній [1]). И всю эту новую теорію воспитанія выпало на долю нашимъ педагогамъ прилагать къ дѣлу. Авторы разныхъ прожектовъ большею частію заботились о томъ, чтобы у нихъ красиво и гладко выходило на бумагѣ, не думая о томъ, насколько примѣнимы къ условіямъ русской жизни ихъ воззрѣнія. Какъ ни глубокомысленны были ихъ теоретическія соображенія, но они не могли иначе войти въ жизнь, какъ путемъ долговременнаго опыта; кромѣ того, для этого требовались энергическіе, чуждые утопій и увлеченій практики, которые съумѣли-бы осуществить задуманныя реформы, не насилуя дѣйствительности, а приноравливаясь къ потребностямъ общества, чтобы задуманное было такъ-же хорошо на дѣлѣ, какъ оно у нихъ выходитъ на бумагѣ, а не казалось-бы только такимъ.

Преподавателямъ средне-учебныхъ заведеній Кіевскаго учебнаго округа до попечительства Пирогова, при всемъ ихъ желаніи участвовать въ обсужденіи разныхъ педагогическихъ вопросовъ, за отсутствіемъ ученаго органа, не было возможности высказаться. Циркуляръ по Управленію Округомъ служилъ лишь оффиціальнымъ органомъ попечительской канцеляріи и заключалъ въ себѣ свѣдѣнія о производствахъ въ чины, о перемѣщеніяхъ, назначеніяхъ и наградахъ служащихъ; при Пироговѣ-же этотъ циркуляръ сдѣлался журналомъ педагогическимъ. Въ неоффиціальномъ отдѣлѣ его стали помѣщаться мнѣнія учителей гимназіи о преподаваніи предметовъ гимназическаго курса. Мѣра въ высокой степени полезная; ибо, какъ говорятъ французы, du choc des opinions éclaire la verité.

Редакція педагогическаго отдѣла была возложена на помощника попечителя І. Г. Михневича.

---

[1]) По своеобразному мнѣнію уч. Богатинова (Р. Архивъ 99 г.) это была пора, когда все подвинулось къ чему-то, оторвалось отъ стараго порядка, понеслось безтолково, кувыркаясь, плюя на прошлое. Въ землѣ Русской начинался хаосъ...

Къ сожалѣнію, между нашими педагогами нашлись господа, которые посредствомъ этихъ мнѣній задумали сдѣлать себѣ карьеру—проложить путь къ повышенію по службѣ. Пользуясь довѣрчивостью попечителя, который не всегда могъ провѣрить на дѣлѣ излагаемый ими способъ преподаванія, объ успѣшности коего они разглагольствовали на бумагѣ, эти проныры стали лгать безсовѣстнымъ образомъ. Таковы, напр., мнѣнія о преподаваніи русскаго языка Мануйловича—лѣнивѣйшаго изъ преподавателей Новгородъ-Сѣверской гимназіи—и учителя Каменецъ-Подольской—Рѣдчица, [1]) пожалованнаго за мнѣніе въ инспекторы. Хорошъ былъ въ этомъ отношеніи и Бѣлоцерковскій словесникъ. Нужно было знать этихъ людей, какими они были на дѣлѣ, чтобы отнестись съ полнѣйшимъ недовѣріемъ къ ихъ пышнымъ фразамъ, а между тѣмъ ихъ „мнѣнія" стали образцомъ для руководства многихъ скромныхъ и добросовѣстныхъ тружениковъ, которымъ попечитель при случаѣ не переставалъ рекомендовать ихъ.

Учитель Русскаго и Славянскаго языка 2-й гимназіи Омельяненко, едва вступилъ въ должность послѣ отставки Березницкаго, не искушенный опытомъ, не овладѣвъ вполнѣ своимъ предметомъ, также помѣстилъ въ Циркулярѣ мнѣніе о преподаваніи да не одного русскаго языка, но и словесности, которой ему не довелось преподавать вовсе. Не соглашаясь съ его мнѣніемъ, я не могъ оставить его безъ возраженія, самъ преподавая русскій языкъ и словесность впродолженіе 13 лѣтъ.

Важнѣйшею реформой Н. И. Пирогова, навлекшею на него наиболѣе нареканій со стороны охранителей старыхъ порядковъ, было, безъ сомнѣнія, введеніе „*Правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ*". Руководящимъ мотивомъ этого ново-

---

[1]) Этотъ педагогъ, не совѣстясь, между прочимъ написалъ, что ученики до того увлекаются его преподаваніемъ, что «когда досадный звонокъ» возвѣститъ объ окончаніи урока, то они горько плачутъ.

введенія была завѣтная мысль Н. И—ча уничтожить произволъ и самодурство начальниковъ средне-учебныхъ заведеній. Приглядѣвшись къ существовавшимъ взысканіямъ, онъ нашелъ, что не только въ разныхъ дирекціяхъ существуютъ различныя наказанія за одинъ и тотъ-же проступокъ, но одно и то-же наказаніе употребляется съ разною цѣлію. Объединеніе такихъ дѣйствій было необходимо.

Не смотря, однако-жъ, на полнѣйшее отсутствіе твердыхъ началъ въ системѣ нашего воспитанія, въ педагогической практикѣ дореформеннаго періода не переставалъ существовать извѣстный кодексъ правилъ и инструкцій для руководства педагоговъ. Всѣ эти инструкціи главнымъ образомъ направлены были къ тому, чтобы индивидуальныя свойства учащихся подвести подъ одинъ общій уровень, чтобы это безконечное разнообразіе темпераментовъ, наклонностей, особенностей ума и воли обобщить, нивелировать, привесть, такъ сказать, къ одному знаменателю. Такое *гуртовое* воспитаніе, конечно, весьма облегчало тяжелый трудъ педагоговъ-воспитателей при ихъ, по большей части, формальномъ отношеніи къ дѣлу, избавляя ихъ отъ обязанности *индивидуализировать* дѣтей, безъ чего наше общественное воспитаніе лишено было жизненности, цѣлесообразности и обращалось въ какую-то однообразную, уродливую схоластическую команду, какъ будто мы имѣли дѣло не съ разумными существами, а съ машинами. Невозможность вникать въ натуру каждаго воспитанника въ многолюдныхъ гимназіяхъ нарушило и тѣ сердечныя патріархальныя отношенія воспитателя къ воспитанникамъ, которыя составляютъ отличительную черту домашняго воспитанія—родительскаго. Патріархальныя отношенія, особенно въ нашихъ Юго-Западныхъ гимназіяхъ, не мыслимы, да и вообще они сдѣлались миѳомъ. Въ нашихъ заведеніяхъ господствуетъ другое начало—*административное*; изъ этого начала Н. И—чъ старался извлечь все, что есть въ немъ хорошаго, а хорошее въ этомъ началѣ онъ находилъ то, что оно, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ содѣйствовать къ развитію въ дѣтяхъ чувства *законности*. Главнымъ-же средствомъ

въ развитію этого чувства онъ считалъ составленіе точныхъ, положительныхъ и одинаковыхъ для всѣхъ дирекцій правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ.

Чувство законности, такъ еще мало замѣтное въ нашемъ обществѣ, нигдѣ столько не нужно, какъ у насъ въ Россіи... Многочисленный сводъ законовъ, долженствовавшій ограждать личность каждаго гражданина отъ насилій и произвола, лежалъ въ бездѣйствіи, какъ въ раззолоченныхъ шкафахъ разныхъ департаментовъ, такъ и въ грязныхъ вмѣстилищахъ уѣздныхъ судовъ и полицій, хотя нашъ многострадальный народъ, терпя беззаконіе, не переставалъ питать уваженіе къ закону, повторяя свое изреченіе: „Законы святы, да исполнители—лихіе супостаты".

Только съ вошествіемъ на престолъ Царя-Освободителя, въ зараженной рабствомъ атмосферѣ почуялось новое дыханіе жизни; народъ сталъ ждать облегченія своей участи, и никогда это ожиданіе не было такъ увѣренно, какъ въ концѣ 50-хъ годовъ, съ которыми знаменательно совпали немногіе годы попечительства Пирогова, избавившаго дѣтей отъ произвола воспитателей введеніемъ въ гимназіяхъ кодекса правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ, до введенія коихъ наша учащаяся молодежь находилась въ крѣпостномъ состояніи у своихъ воспитателей: повсюду были страшныя истязанія дѣтей—въ училищахъ духовныхъ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ среднихъ и низшихъ, какъ гражданскаго, такъ и военнаго вѣдомства...

Упраздненіе розги въ Кіевскомъ учебномъ Округѣ аналогично съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія: какъ состояніе душевладѣльцевъ въ лицѣ своихъ представителей—Муравьевыхъ, Закревскихъ и Паниныхъ пророчило бунты, рѣзню и революцію, такъ и наши доморощенные педагоги съ унитчоженіемъ розги предсказывали совершенную деморализацію воспитанниковъ, утверждая, что только розгой и держится дисциплина въ заведеніяхъ; но какъ тѣ, такъ и другіе жестоко ошиблись въ своихъ пророчествахъ.

Задумавъ благодѣтельную реформу во внутреннемъ строѣ гимназій Кіевскаго учебнаго Округа, Н. И—чъ предварительно

затребовалъ отъ директоровъ статистическія свѣдѣнія о числѣ тѣлесныхъ наказаній за 1858 годъ. Что-бы это значило?—недоумѣвали директора и безсовѣстно стали лгать, уменьшивъ количество высѣченныхъ воспитанниковъ до минимума. Только болѣе храбрые и недогадливые дали свѣдѣнія, согласныя съ дѣйствительностію. Жаль, что попечитель потребовалъ свѣдѣнія за годъ своего управленія Округомъ, когда, подъ вліяніемъ гуманныхъ взглядовъ его, наказанія розгами значительно уменьшились; если-бы онъ пожелалъ имѣть свѣдѣнія за нѣсколько лѣтъ до своего прибытія, то увидалъ-бы не то: одни субботки Николая Михайловича Гренкова доставили-бы ужасающую цифру избіенныхъ младенцевъ, которая превзошла-бы сообщенную волынскимъ директоромъ Китченкомъ (280 человѣкъ) за 1858-й годъ.

Запасшись матеріалами, Пироговъ составилъ комитетъ подъ своимъ предсѣдательствомъ. Членами комитета были: помощникъ его, Михневичъ, два директора, два инспектора кіевскихъ гимназій, инспектора казенныхъ училищъ, профессоры университета: исторіи—Шульгинъ и педагогики—Гогоцкій, и два учителя. Засѣданія комитета длились болѣе трехъ недѣль. Съ перваго же засѣданія не трудно было замѣтить, что нашъ предсѣдатель склоняется къ безусловному упраздненію розги. Оппонировали ему больше всѣхъ оба директора: Гренковъ и Делленъ (профессоръ!); послѣдній написалъ цѣлую апологію розгѣ, состоявшую изъ 40 пунктовъ, въ доказательство ея необходимости въ гимназіяхъ, ссылаясь между прочимъ на примѣръ Англіи. На это Н. И. возразилъ ему: „тамъ, гдѣ чувство законности глубоко вкоренилось и проникло всѣ слои общества, тамъ самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что онѣ не произвольны; а тамъ (какъ у насъ), гдѣ нужно сначала распространить это чувство, розга не годится. Но у насъ еще нельзя вывести розгу вовсе изъ употребленія: пока дѣтей сѣкутъ дома, трудно придумать что-нибудь другое для наказанія. А если при существующихъ узаконеніяхъ, вывести ее комитетъ не въ правѣ, то слѣдуетъ употреблять этого рода наказаніе съ крайнею осторожностію“.

Когда наконецъ послѣ продолжительныхъ дебатовъ, порѣшили допустить розгу только по опредѣленію педагогическаго совѣта большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, то ярый защитникъ тѣлесныхъ наказаній Николай Михайловичъ Гренковъ, скорчивъ пресмѣшную мину, обратился къ предсѣдателю съ просьбой;

— В. П—во! позвольте директору безъ опредѣленія педагогическаго совѣта, иногда хоть маленькихъ посѣчь немножко!

Извѣстный журнальный критикъ Добролюбовъ, съ такимъ восторгомъ привѣтствовавшій появленіе знаменитой статьи Пирогова „Вопросы жизни", предалъ Н. И—ча гласному осужденію за сохраненіе розги въ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго ему Округа; но едва ли онъ былъ правъ, потому что и то, что успѣлъ сдѣлать предсѣдатель Комитета для облегченія участи дѣтей, при существовавшихъ тогда жестокихъ истязаніяхъ и въ семьѣ, и въ школѣ, было великимъ для нихъ благодѣяніемъ; притомъ же вопросъ о томъ, быть или не быть розгѣ въ училищахъ, рѣшенъ условно не имъ самимъ, а по большинству голосовъ, коллегіально. Ограничивъ произволъ директоровъ педагогогическимъ совѣтомъ, онъ уже тѣмъ самимъ сдѣлалъ розгу наказніемъ исключительнымъ.

Предписавъ дирекціямъ ввести въ употребленіе составленныя комитетомъ „Правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ", Пироговъ предложилъ воспитателямъ слѣдить за примѣненіемъ ихъ на дѣлѣ и докладывать ему о неудобствахъ и недостаткахъ.

„Прошу всѣхъ и каждаго воспитателя, по введеніи въ дѣйствіе „Правилъ", сообщать мнѣ замѣченные недостатки и указать придуманныя каждымъ изъ нихъ исправленія".

Значитъ, Пироговъ не считалъ введенныхъ въ гимназіяхъ „Правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ" совершенствомъ, такъ какъ на опытѣ могли обнаружиться проступки, непредусмотрѣнные комитетомъ, упадокъ же дисциплины въ заведеніяхъ не основательно приписывать введенію этихъ правилъ, какъ думаетъ ненавистникъ нововведеній Богатиновъ. [1]) Самъ же онъ сознается,

---

[1]) См. Русскій Архивъ 1899 годъ № 8-й.

что дисциплина (относительно 1-й гимназіи) упала отъ другихъ причинъ.

„Директоръ Делленъ, прекраснѣйшій и добрѣйшій человѣкъ (такіе люди всегда бываютъ плохими администраторами) былъ слишкомъ мягокъ, слишкомъ нѣженъ, чтобы поддержать авторитетъ власти; а инспекторъ Дабижа, также прекраснѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, былъ слишкомъ высокъ по своему княжескому положенію, слишкомъ аристократъ, чтобы унижатьсв до мелочей школьной обыденности и заниматься самоотверженно. Но онъ скоро получилъ другое назначеніе. На мѣсто его Пироговъ выписалъ изъ Чернигова Андріяшева: получивъ его правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ, онъ узрѣлъ въ немъ призваннаго педагога, но при немъ дисциплина окончательно упала. Нельзя было узнать первой, образцовой по порядку, гимназіи".

Какъ-бы въ подтвержденіе того, что сказано здѣсь о несосостоятельности инспекціи въ 1-й гимназіи, воспитанники пансіона, помѣщавшагося надъ попечительской квартирой (гдѣ теперь канцелярія), учинили крупный дебошъ, взволновавшій попечителя и ускорившій перемѣщеніе Дабижи въ Одесскій округъ.

Въ одно изъ засѣданій комитета, когда всѣ члены были уже въ сборѣ, входитъ предсѣдатель и спрашиваетъ: „Дабижа здѣсь?" Нѣтъ, еще не пришелъ, былъ отвѣтъ. Не садясь за столъ, Н. И. мрачный и взволнованный, какимъ никто его изъ насъ до того не видалъ, сталъ ходить насупившись по залѣ, а мы всѣ стояли у стола. Входитъ Дабижа.

— Что у васъ тамъ въ пансіонѣ случилось?—обратился къ нему попечитель.

— Ничего особеннаго, в. п—во.

— Какъ ничего?

— По крайней мѣрѣ въ поданномъ мнѣ дежурнымъ воспитателемъ рапортѣ ничего не было доложено.

— Вамъ нужны рапорты? Вы сами не можете зайти въ пансіонъ? Вамъ нужны доклады? Вы обязаны знать первымъ, что дѣлается въ пансіонѣ!

Согласно вышесказанному распоряженію попечителя, по введеніи правилъ, мною замѣчены и доложены слѣдующія неудобства:

1) Наказаніе за незнаніе урока розгами, по Пироговскому кодексу, замѣнилось арестомъ съ обязательной работой; но въ практическомъ примѣненіи этого правила наказаніе падало не на лѣнтяя ученика, а на инспектора, который долженъ былъ сидѣть подъ арестомъ вмѣстѣ съ учениками, пока они не вызубрятъ свой урокъ. Вслѣдствіе моего заявленія о непримѣнимости этого правила въ заведеніи съ 700 воспитанниковъ, гдѣ ежедневно по разнымъ предметамъ оставлялись подъ арестомъ около 30 человѣкъ, Попечитель самолично захотѣлъ провѣрить справедливость его заявленія. Пришелъ онъ въ гимназію около 2-хъ часовъ и, отпустивъ меня обѣдать, просидѣлъ съ арестованными до 7 часовъ вечера. Убѣдившись такимъ образомъ на дѣлѣ о неудобствахъ § Правилъ объ арестѣ съ обязательной работой, разрѣшилъ, по моему представленію, пригласить трехъ студентовъ, которые за обѣдъ въ общей квартирѣ и по 10 руб. въ мѣсяцъ обязались сидѣть съ учениками до вечера и выслушивать ихъ уроки.

2) *Судъ товарищей* способствовалъ къ развитію общественнаго мнѣнія между воспитанниками. Случалось нерѣдко, что ученики цѣлымъ классомъ выдавали виновнаго, сдѣлавшаго проступокъ, предосудительный для чести цѣлаго класса. Но судъ выборныхъ не всегда былъ удаченъ и безпристрастенъ. Было два случая: въ первомъ, ученики VII класса вытолкали изъ комнаты для занятій общей квартиры ученика V-го класса за то, что онъ не шелъ спать и сидѣлъ безъ позволенія инспектора до 10 часовъ, тогда какъ этимъ правомъ пользовались только семиклассники, при чемъ одинъ ученикъ VII класса ударилъ ученика V класса и назвалъ его товарищей дураками. Оскорбленный, на другой день далъ пощечину оскорбившему его. Судъ выборныхъ былъ помѣщенъ мною въ особой комнатѣ. Такъ какъ въ разбирательство дѣла инспекторъ вмѣшиваться не долженъ, то, заперши выборныхъ на ключъ, я ушелъ на квартиру. Черезъ два часа я

навѣстилъ ихъ, но дебаты судившихся не привели ни къ какому рѣшенію, и я опять ушелъ. Было уже 7½ часовъ, когда судьи, не видя конца спорамъ, томимые голодомъ, приступили ко мнѣ съ просьбой рѣшить дѣло по моему усмотрѣнію.

Во второмъ случаѣ, ученикъ VI класса побилъ ученика V класса еврея, за то, что тотъ обругалъ его. Выборные присудили побитому арестъ за то, что онъ обругалъ христіанина. И тутъ дѣло рѣшено неосновательно.

Въ Бѣлоцерковской гимназіи *самосудъ* окончился самоубійствомъ ученика VII класса, высѣченнаго товарищами за какой-то позорящій заведеніе проступокъ. Печальный этотъ случай послужилъ обвинительнымъ пунктомъ для сверженія Пирогова съ попечительства.

3) *Оскорбленіе прислуги дѣйствіемъ.* Это зло съ особеннымъ упорствомъ держалось въ закрытомъ заведеніи, куда поступали дѣти мелкопомѣстныхъ дворянъ, поссесоровъ и экономовъ большихъ имѣній, смотрѣвшихъ на крѣпостныхъ, какъ на рабочій скотъ. Воспитанные въ такой средѣ мальчики позволяли себѣ обращеніе съ прислугой крайне грубое и неуважительное, между тѣмъ какъ между лакействомъ находились отставные николаевскіе солдаты, прослужившіе 25 лѣтъ Богу-Государю. Правила за этотъ проступокъ гласили: „для возстановленія униженнаго человѣческаго достоинства обиженнаго ученикъ обязанъ просить у него прощенія публично, и кромѣ того за обиду—вознагражденія матеріальнаго въ видѣ штрафа, выдачей мѣсячнаго жалованья. Отучить воспитанниковъ отъ этого безобразія стоило мнѣ не мало хлопотъ и, кажется, я началъ достигать цѣли; но рукопашная расправа г. директора въ присутствіи учениковъ съ однимъ изъ служителей испортила все дѣло. Докладывать же попечителю о проступкѣ самого начальника заведенія инспектору не полагается.

4) Со времени введенія „Правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ“ розга довольно продолжительное время существовала въ гимназіи только de jure; но, къ сожалѣнію, пришлось употребить ее въ дѣло de facto. Уже по увольненіи Гренкова, г. г.

преподаватели стали заявлять мнѣ, исполнявшему обязанности директора, объ упадкѣ классной дисциплины, а надзиратели о своевольствѣ мальчугановъ во время перемѣнъ, при чемъ надзиратель Садковскій доложилъ, что когда онъ пригрозилъ, по старой привычкѣ, ученику 2-го класса розгой, то шалунъ сказалъ ему, что „скорѣе васъ высѣкутъ, чѣмъ меня“. Что дѣлать? Въ силу такого-то пункта „Правилъ“ подобный проступокъ требовалъ быстраго, мгновеннаго наказанія, которое тогда только и достигнетъ своей цѣли, когда будетъ совершено немедленно за учиненнымъ проступкомъ, а между тѣмъ собрать совѣтъ въ полномъ составѣ можно было только на другой день; вслѣдствіе чего я порѣшилъ ограничиться наличными членами, и мы составили протоколъ и единогласно постановили наказать виновнаго пятью ударами розогъ, и вотъ, какъ только ученики, послѣ перемѣны, усѣлись на мѣста, Садковскій вызываетъ оскорбившаго его ученика, и я чрезъ весь корридоръ веду его чрезвычайно медленно до сторожки, а онъ все время слезно вопіетъ и просится; плачъ его навелъ паническій страхъ на всѣ низшіе классы. Я фактически доказалъ, что розги въ гимназіи существуютъ, что важные проступки не останутся безнаказанными. Классная дисциплина возстановлена, и преподаватели перестали жаловаться.

Это былъ единственный случай употребленія тѣлеснаго наказанія во все продолженіе моего исправленія директорской должности.

М. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Народная медицина въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавской губ.

Глава V.

Болѣзни растительныхъ органовъ.

Болѣзни органовъ дыханія и кровеобщенія. Насморкъ, катарръ слизистой оболочки гортани, стыскы, кашель, кашлюкъ, колька, чехотка. Боль сердца. Болѣзни органовъ пищеваренія: губъ, зубовъ; плиснивка, воспаленіе зѣва, катарръ желудка, завина, соашница, ризачка, поносъ, запоръ, уразъ, грыжи, глисты, воспаленіе печени, жовтяныци. Болѣзни мочевыхъ и половыхъ органовъ. Запоръ мочи, сифилисъ, кровотеченіе, уразъ матки.

Насморкъ.

Въ народѣ признаютъ насморкъ (coryza, по-малорусски нежиль или нежить) простудной болѣзнью, особенно когда промокли или промерзли ноги; бываетъ также, если напиться воды послѣ овцы или кошки. [1]) Больныхъ насморкомъ лѣчатъ: ножными горячими ваннами, средствомъ медицинскимъ [2]), парятъ надъ камнемъ, поливаемымъ отваромъ вишневыхъ листьевъ, или житной мукой, брошенной въ огонь. Имъ смазываютъ: носъ, грудь, подъ мышками, подъ колѣнями, подошвы теплымъ бараньимъ саломъ, лоемъ, затѣмъ кладутъ на печь въ согнутомъ положеніи. Даютъ также нюхать: табакъ, материнку (origanum vulgare), сапогъ [3]) поясъ и прижженный кошачій хвостъ. [4])

---

[1]) То-же у Манжуры. Сбор. Харьк. И.-Фил. Общ. II, 154.

[2]) Кунце. Comp. прак. мед., 111.

[3]) Манжура. Сбор. Хар. И.-Фил. Общ. II, 158.

[4]) Ib. и Чубинскій. Тр. Эксп. I, в. I, 118.

Катарръ слизистой оболочки гортани (laringitis).

Распухшее нёбо приподымаютъ, т. е. отдавливаютъ вверхъ взрослому—большимъ, дитяти—мезиннымъ пальцами. Ребенку при этомъ дуютъ на темя или сосутъ какъ темя, такъ и переносье. Къ больному горлу прикладываютъ: синюю сахарную бумагу или онучу, смазанныя бараньимъ саломъ, баранье сало съ мыломъ или оливой и камфорой, мыло съ овечьей шерстью, овечью шерсть, опрысканную камфорнымъ спиртомъ, теплыя высивки, золу гречаной соломы, крѣпкій соляной растворъ (ропу). Больные парятся надъ вареннымъ картофелемъ или отваромъ вишневыхъ однолѣтковъ. Пьютъ: горячее молоко съ лоемъ и перцемъ, съ перцемъ и винными ягодами или бѣлымъ имбиремъ; пьютъ также: настой соломы, пирія (bromus inermis L.), ромашки (matricaria chamomilla. L.), калиноваго цвѣта (viburnum opulus L), липоваго цвѣта, средства общераспространеннаго. [1]) Потогонныя же средства вообще въ данной болѣзни совѣтуются и въ медицинскихъ сочиненіяхъ, напр.: Эйхгорстъ. Руководство къ частной патологіи. I, 255.

Стыскы.

Подъ этимъ названіемъ извѣстно въ народѣ затрудненное дыханіе, сопровождающее воспаленіе бронховъ и легкаго, но стыскы похожи также и на болѣзнь, описанную Эйхгорстомъ подъ именемъ судороги голосовой щели (spasmus glottidis). [2]) „Не дае дыхнуть, зъ себе потаскае и напре духъ. Стыскы бувають зъ витру, зъ простуды, якъ дать дытыни холодну сыську, стритени,—якъ жинка зъ дытыною зустрінется изъ такою-жъ дытыною". Бываютъ и у взрослыхъ. Больного парятъ надъ ольховыми однолѣтками или дѣлаютъ ножную ванну изъ двухъ ф. соли съ высивками; больное дитя купаютъ въ браткахъ (viola tricolor. L.), грудь растираютъ или прикла-

---

[1]) О. Л. Павловичъ. «Очеркъ растительности» въ Харьк. Сбор. 1890 г., вып. IV., 52.

[2]) Руков. 1., 297, 298.

дываютъ къ ней: льняной клокъ, намоченный въ уксусѣ или ладанѣ, овечій калъ на синей бумагѣ, воробьиный калъ, „трыдевять горобынцивъ", смѣшанный съ женскимъ молокомъ, бѣлый очипокъ съ мочей мальчика. Теплымъ бараньимъ саломъ смазываютъ темя, переносье и грудь. Внутрь даютъ: чайную ложку растопленнаго бараньяго сала или указанныхъ „горобынцивъ", которыми смазываютъ также подъ носомъ больного, затѣмъ, крѣпко укутавъ, кладутъ на печь. Отъ стисковъ шепчутъ такъ:

„Стыскы витряни, прозирни, супротывни и стритени! Я васъ шепчу й вышиптую, одсылаю на охта, [1]) на болота, на черета. Тамъ вамъ буваты, а нарожденого, молытвяного раба Божого Ивана не сушыты". (С. Хитцы, отъ Маріи Ганненковой).

„Стыскы витряни, прозирни! вы подумани, вы погадани! тутъ вамъ не стоять, паростивъ не роспускать, а жылъ не тягты, а серця не вьялыты. Пидить соби на огни, на велыки степа, тамъ вамъ буде пыння, гуляння, хороше буде вамъ провиданя". (С. Литвяки, отъ Наталіи Кедевой).

„Господы мылостывый! Поможы мени, Матиръ Божа, си стыскы одходыты. Стыскы, стыстыща! и витряни, и водяни, и прозирни, и часови, и мынутни, и подумани, и погадани, и прылюбовани, и стритени, и зійдени, и хлопьячи, и дивчачи. Не я-жъ васъ вызываю и не я выклыкаю, самъ Господь вызывавъ и выклыкавъ, Матиръ Божа и въ помочи стояла и си стыскы дбирала и зализному дидови дарувала. И зализный дидъ и зализна баба! посватаймось и побратаймось. Въ тебе дочка, а въ мене сынъ— и возьмить си стыскы и пожерите и понесите на очерета, на болота та на густи лиса, де мисяць не свитыть, де людськый гласъ не заходыть! тамъ соби гуляйте и сухе дерево ламайте. Одъ іи грудей, одъ іи головонькы и одъ іи ручокъ, и одъ іи нижокъ и одъ роженои одъ молытвянои рабы Божои Мелашкы". (Д. Солоница).

---

[1]) Луга.

Кашель.

Отъ кашля (catarrhus bronchialis) употребляютъ въ народной медицинѣ тѣ-же средства, что и отъ ларингита, съ присоединеніемъ слѣдующихъ: грудь стираютъ перцовой и камфорной водкой; къ ней прикладываютъ: припарку изъ соленыхъ высивокъ съ пескомъ, отваръ конопли (матирки) съ глиной и перьями, горячій вихоть, т. е. пучекъ соломы, тряпку, которыми вытираютъ горшки; больные парятся надъ разожженнымъ новымъ горшкомъ съ бураковымъ квасомъ; пьютъ: наваръ ячменя, вишневыхъ однолѣтковъ, сушеныхъ цвѣтовъ: будяковъ (carduus nutans. L), буквицы (betonica officinalis. L) дзинзивера (malva mauritiana. L.)

Кашлюкъ.

Отъ кашлюка (коклюша, tussis convulsiva) большею частью не лѣчатъ. Дитя носятъ гулять на разсвѣтѣ на поля зеленой ржи, кормятъ леденцемъ, печенымъ яблокомъ съ ладаномъ, заставляютъ пить растопленный козій жиръ, имъ же, да еще пометомъ рогатаго скота, мажутъ грудь

Колька.

Болѣзнь, извѣстная въ народѣ подъ именемъ кольки, колюшки, заключается въ частомъ покалываніи въ груди и бокахъ при дыханіи („не дае дыхать“), особенно въ послѣднихъ, соединенномъ съ лихорадочнымъ состояніемъ, и поэтому скорѣй всего должна быть отнесена къ воспаленію подреберной плевы, pleuritis, болѣзни, весьма распространенной [1]), хотя, конечно, боль и колотье въ боку можетъ быть и отъ другихъ причинъ: сильнаго кашля, межреберной невральгіи, мышечнаго ревматизма, воспаленія реберъ. [2]) Колька приключается отъ простуды, тяжкихъ

---

[1]) Кунце. Comp. пр. мед. 128, Эйхгорстъ. Руков. I, 365.

[2]) Ib. 313, 401.

трудовъ, „зъ витру, зъ очей“. Отъ кольки пьютъ отваръ листьевъ и цвѣтовъ: крыжовника, агруса (rhamnus grossularia. L), синихъ будячковъ, колюшокъ (echium vulgare. L.), „шо цвитуть голубенько, кучеряви“, трилистника (orobus niger. L.). На больное мѣсто кладутъ припарки изъ песку, высѣвокъ, соли и кваса, пшенныхъ мякинъ, гречаной золы. Прикладываютъ также: горячій ржаной коржъ, спеченный на хваткахъ въ пламени, иногда съ перцемъ; овечью шерсть, смоченную квасомъ, порохъ съ ладаномъ на синей сахарной бумагѣ, листья табака, намазанные дегтемъ, и лой. [1]) Больное мѣсто, перекрестивъ, „сколюють“, т. е. придавливаютъ и тыкаютъ въ него: кольями (чопами), которыми сверлился лёдъ для креста подъ Крещенье на рѣкѣ, [2]) ухватомъ, поставленнымъ въ глухой конецъ дверей, а потомъ раскаленнымъ на пламени, и ножомъ, но во всѣхъ случаяхъ навкресть. Шепчутъ такъ:

„Колюшко, колюшыще! витряная, водяная, огняная! Чого ты вселылася, чого вкоренылася? Тутъ тоби не стояты, кость жовту не колоты, кровъ червону не шпыгаты, серця не забываты нарожденій, молытвяній раби Божій Варци“. [3]) (М. Снѣтинъ).

„Колюшка провирна! де ты взялась? Одъ витру,—то пиды на витеръ! Чы ты взялась одъ людей?—то пиды ты на буйни витра. Колюшка подумана й погадана, тутъ тоби не стоять, жовтои кости не ламать, а жылъ тоби не вьялыты. Не я помагаю, а Матиръ Божа помагае“. (С. Литвяки, отъ Н. Кедевой).

„Колюшка, колюшыще! водяна, витряна, спытена, зйидена, вызвана, вымовена, названа, наслана, проворна! я тебе вышиптую, я тебе й вызываю, и я тебе выклыкаю, на быстри рикы одсылаю“. (С. Литвяки, отъ А. Кириченковой).

---

[1]) Отъ pleuropneumonia умираетъ, повидимому, героиня прелестной повѣсти Квитки «Маруся»; интересно поэтому прослѣдить, какія народныя средства тогда примѣнялись. Отецъ давалъ пить іорданскую воду и мазалъ больной бокъ тою же водой, подкуривалъ ладаномъ. Ей бросали кровь съ руки и ставили пьявки. Г. Основьяненко. Малор. повѣсти. Харьк. 1887 г., I, 93—96.

[2]) См. мои Рожд. Святки въ Луб. у. Полтава 1893 г., 24).

[3]) Вар. въ Кіев. Стар. 1885, XII, 741.

„Колюха, колюха! Тамъ тоби не стояты, червонои кровы не пыты, серденька не сушыты. Иды на свои миста, де тебе маты твоя вродыла, де тебе остановыла". (С. Литвяки, отъ Ф. Гуземиной).

„Господы, благословы! Господы, поможы небеснымы сыламы нарожденому, молытвяному, хрещеному Семену рабу сюю кольку прыостановляты, сюю кольку прысмыряты, сюю кольку унычтожаты не разъ, не два, не тры, не чотыри, не пять, не шисть, не симъ, не восимъ, не девьять". (С. Мгарь, отъ Емченковой).

„Господы мылостывый! Поможы мени, Маты Божа, сю колючку зарубаты и одъ бокивъ выклыкаты. И не я іи вызываю, и не я выклыкаю—самъ Господь вызывавъ, выклыкавъ, Матирь Божа въ помочи стояла, си колючкы збирала, на перекресну дорогу одсылала. На перекресній дорози царь Давыдъ стоявъ и си колючкы одбиравъ и своимъ сынамъ дарувавъ. И въ Давыда царя девять сынивъ по девять жинокъ держалы и сю колючку одбиралы одъ ёго бокивъ, одъ ёго грудей, одъ ёго очей, одъ ёго головонькы, одъ ёго голосу, одъ ёго й волосу, одъ ёго ручокъ, одъ ёго нижокъ, одъ рожденного, молытвяного, хрещеного раба Божого Ивана". (Д. Солоницы, отъ Н. Дивизіонной).

Удушье.

Удушье или эмфизема легкихъ признается народомъ, несогласно съ медициной [1]), врожденнымъ недостаткомъ. „Чоловикъ родытся удушлывымъ: легки стануть дирчави, пороблятся маленьки пузыркы и попровалюются, зроблятся нечысти, и стане тому чоловикови важко; жинци неможна прясты зъ такымы дырявымы легкымы". Могутъ быть, впрочемъ, по другимъ показаніямъ еще отъ трудовъ и простуды. Удушье неизлѣчимо [2]), немного облегчаетъ принимаемый внутрь: сокъ рѣдьки (raphanus

---

[1]) Природной эмфиземы нѣтъ. Эмфизематознымъ легкое дѣлается послѣ того, какъ дышало.

[2]) Эмфизема неизлѣчима. (Эйхгорстъ. Руков. I, 447).

sativus L.), хрѣна (cochcaria Armoracia. L.), корень дерезы (caragana frutescens) и деревій.

Чехотка.

Картина „чахотки", а по Чубинскому [1])—сухотъ, какъ и въ польскомъ языкѣ, такая: „одъ серця до легкыхъ жыламы пиде боль. Кровъ збунтуется. Въ отрунку на печинци зроблятся нарывы, печинка тліе. Легки розбрякнуть, чоловикови важко становытся и начне кашлять и кашля, повы легки зогніють, и тоди помира чоловикъ". Она дѣлается отъ тяжкой печали, досады, заботъ—„журьбы". Напр.: если погорѣть или лишиться дѣтей. Отъ чехотки пьютъ: отваръ кульбабы, цикоріи, указанной отъ грудныхъ страданій у Никитина [2]), козинцевъ, моха съ крышъ, козье молоко, водку, настоянную на тараканахъ, отъ нея „чахотка замре", старое поджаренное („пряжене") сало съ чаемъ или съ теплой водой, дѣтскую мочу и какъ, крайнее средство—острую водку не болѣе наперстка, закусивъ зеленымъ лукомъ: „тымъ забье". Грудь больного мажутъ козьимъ саломъ, а дѣтямъ дѣлаютъ купель съ прибавленіемъ паслёна (solanum nigrum L.), коровьяка и щавеля.

Боль сердца.

Безсиліе народной медицины въ болѣзняхъ органовъ кровеобращенія очевидно изъ самаго устройства этихъ органовъ. Они служатъ преимущественно механическимъ цѣлямъ, поддерживая кровеобращеніе нагнетательными приспособленіями и каналами, поэтому распознавать болѣзни органовъ кровеобращенія можетъ лишь владѣющій физическими методами изслѣдованія [3]). Народу извѣстно только, что сердце можетъ разболѣться отъ печали, урокивъ. „Якъ зъ кымъ полаешся, дуже ростревожышъ самъ себе; зробытся побіеніе, стане быться и болить.

---

1) Тр. Эксп. т. I, в. I, 128.

2) О весеннемъ лѣченіи болѣзней. СПБ. 1833 г., 47.

3) Эйхгорстъ. Руковод. къ частной патологіи. I, стр. 1.

Треба ёго вныщтожыть". Къ области сердца приставляютъ до 25 пьявокъ, пьютъ освященную воду, также воду, которой вымыто сердце колокола на часовнѣ, и известковые камушки, также растолченные въ водѣ—„земляне серце, таке, якъ крашанка, або каминець, або любайстеръ. Прыносять зъ Дону".

Болѣзни губъ.

Къ треснувшимъ губамъ прикладываютъ паутину и пленку изъ очерета (phragmites vulgaris. Frin.). Ихъ смазываютъ лоемъ съ пережженными квасцами; смазываютъ и полощутъ синимъ камнемъ (cuprum sulfuricum). Ранки въ уголкахъ рта (заиды) примачиваютъ водой съ оконъ и закладываютъ сѣркой изъ ушей, намазанной на рубецъ рубашки. Пестрякъ (ракъ [1]) изображается въ такихъ чертахъ; „нарядытся на губи, або що, таке, якъ квасолына, репне, кровъ зъ ёго пиде, потимъ пидъ вылыцямы зробытся таке, якъ куряче яйце, такъ и качается. Якъ выложытся, то чоловикъ зійде кровью и помре". „Бувае отъ якымъ случаемъ: чоловикъ пойихавъ на Воздвыження за очеретомъ. Пиднявъ два кули—ничого, узявъ ище два, ажъ жаба плыгнула позъ губу та сц... Тому чоловикови уже й вырызувалы,—и ясна выдно,—такъ ничого: гные та й гные". (М. Снѣтинъ, отъ Н. Ивахненка). Ракъ вырѣзываютъ бритвой, смазываютъ купоросьнымъ масломъ и синимъ камнемъ. Послѣднимъ полощатъ оборвавшія десна (ясна)— stomatitis ulcerosa и stomatitis catarrhalis.

Зубная боль.

Зубы болятъ отъ заводящихся въ нихъ маленькихъ червячковъ, „такыхъ, якъ кострыця, головочкы чорненьки". Къ больнымъ зубамъ прикладываютъ: синій камень, квасцы (галунъ, alumen), керосинъ, ладанъ, скипидаръ, лакъ, камфору и кам-

---

1) Подъ этимъ именемъ разумѣется и др. болѣзни (Фельдш., № 18, 478—1898 г.).

форную водку, нашатырный спиртъ, водку, зажигаютъ крѣпкую водку въ ложкѣ и выливаютъ на зубъ, соль (ропу) съ перцемъ, сахаръ съ перцемъ, холодную воду, мятныя капли, гвоздички (tagetes patula. L.), подорожникъ (plantago lanceolata. L.), настоянный на водѣ или водкѣ, табакъ (nicotiana rustica L.), сокъ табака, перегорѣлаго въ трубкѣ—„чвиръ", жженное конопляное сѣмя, отваръ дубины (quercus pedunculata. Ehrh.), орѣшины, (лищины, coryllus Avellana. L.) и вишни (prunus cerasus. L.). Ими, а также вѣтками плодовыхъ деревъ и дубовой корой полощутъ больные зубы. Къ щекѣ прикладываютъ припарки изъ васильковъ, мяты (mentha piperita. L.), ромашки (matcicaria chamomilla. L.), Ивана да Маріи (viola tricolor. L.) теплыхъ пшеничныхъ высивокъ, горячаго коржа. Натираютъ щеку, возлѣ больного зуба хрѣномъ, а въ ухо на противоположной сторонѣ вкладываютъ зубокъ чеснока до раздраженія уха. Стоятъ надъ миской, въ которую насыпаны на жаръ конопляное сѣмя, чаще сѣмя блекоты (hyosciamus niger. L.). Вѣрятъ, что отъ такого подкуриванья высыпаются маленькіе черноголовые червячки, „якъ высивочкы". О такомъ лѣченіи блекотой упоминаютъ: Манжура [1]), Роговичъ [2]) и брошюра: Ліки своенар., 46. Сопровождающій иногда зубную боль флюсъ не имѣетъ на малорусскомъ языкѣ особаго названія. Слово „плюсь", принятое въ брошюрѣ: Ліки своенародни, въ народѣ не встрѣчается. Въ Лубенскомъ у. флюсъ называютъ нарвой, бешыхой и лѣчатъ прикладываніемъ къ щекѣ: листа капусты (brassica capitata Dc.), лопуха (arctium lappa L.), однолѣтковъ бузины (sambucus nigra L.), бузины съ крейдой, теплыхъ припарокъ. Щеку растираютъ камфорой съ перцемъ, а самый нарывъ выдавливаютъ.

Въ предупрежденіе зубной боли вообще нужно, ставъ спиной къ нарождающемуся мѣсяцу и держась за зубы, трижды прочесть „Отче нашъ", ни разу не говоря аминь. Въ слѣдую-

---

[1]) Обор. Харьк. И.-Фил. Общ. II, 158.

[2]) Словарь въ Записк. Ю.-З. Отд. Геогр. Общ. I, 125.

щихъ заговорахъ и печатныхъ варіантахъ [1]) встрѣчаются мотивы: у больного не должны болѣть зубы, какъ не болятъ они у мертвеца, а если и заболѣютъ, то тогда лишь, когда соединятся несоединимые предметы. Заговоры обращены къ мѣсяцу.

„Молодыкъ рождается, на сей свитъ является, мертвыхъ людей пытается: не болять у ихъ зубы? Нехай и у мене не болять: молитвяной, рожденои Приськи. (С. Исачки).

„Мисяцю молодый, чы бувавъ ты у мертвыхъ?—Бувавъ.— Чы болять у ихъ зубы?—Не болять, не щемлять, на однiй пори стоять. (Д. Войнихъ).

Молодыкъ, молодыкъ, де ты бувъ?—На тимъ свити.—Шо ты бачывъ?—Мертвыхъ людей.—Шо воны роблять?—Лежать.— У ихъ зубы не болять?—Не болять.—Шобъ и въ тебе не болилы, нарожденый, молитвяный Семене". (М. Снѣтина).

„Пытается молодый старого: мисяцю, мисяцю володарю, чы болять зубы въ нежывого?—Рожденого, молытвяного Ивана заболять, якъ у нежывого заболять. Судъ судомъ, во-викы виковъ. Аминь". (С. Литвяки, отъ Н. Кедевой).

„Ты въ мори купався, а мени хрестъ показався. Пытается старый молодого: чы болять зубы въ нежывого?—Ни болять, ни щемлять,—щобъ у Васыля рожденого, молытвеного не щемилы, не болилы". (С. Калайдинцы).

„Молодыкъ молодый, на тоби хрестъ золотый, ты у рици полоскавсь и на неби показавсь. Чы бувъ ты на тимъ свити, чы бачывъ ты мертвыхъ людей, чы пытавъ ты ихъ: чы болять у ихъ зубы? У ихъ зубы не болять, не щемлять, а й у мене нароженого, молытвяного Васыля.

„Мисяць на неби, а дубъ у земли, а щука у води. Якъ вы вси зiйдетесь до-купы, то тоди нехай у меня зубы заболять".

„Мисяць на неби, камин на земли, а рыба въ мори. Колы воны будуть пыть та гулять, тоди будуть у Васыля и зубы рвать".

---

[1]) У Чубинскаго. Тр. эксп. т. I, в. 1, 124—126; Сбор. Харьк. И. Фил. Общ., IV, 151, 278, 285 и Кiев. Стар. 1894 г., XII, 494.

„Молодыкъ на неби, а дубъ на земли, а каминь у води. Колы ти тры браты до одного полумыска будуть йисты ставаты, то тоди въ Оксени рожденои, молытвянои, хрещенои будуть зубы болиты".

„Мисяцю Ерусалыме! васъ тры браты: вовкъ у поли, жовтый каминь у мори. Якъ зійдетеся та будете пыть та гулять, тоди будете мою кисть—зубы ламать". (С. Хорошки).

„Мисяць молодый, на тоби хрестъ золотый, тоби на сповня, мени на здоровья. Мисяць на неби, чумакъ у дорози. Якъ будуть пыть та гулять, тоди въ раба Божого Васыля будуть зубы болить. Ни зубы, ни жылы, ни 77 суставивъ". (С. Хорошки).

„Молодыкъ молодый, на тоби хрестъ золотый. Чы бувъ ты въ старого?—Бувъ.—Чы пытавъ ты ёго?—Пытавъ.—Чы болять зубы?—Ни, не болять ни въ старого, ни въ малого, ни въ мертвого, ни въ нежывого. На сынёму мори дубъ, на дубови тры браття нимыхъ. Якъ тя браття будуть розмовлять, то тоди у нароженого, молытвяного раба Божого зубы заболять".

„Мисяць на неби, а ведмидь у поли, а щука въ мори. Колы си тры браты до купы зійдутся, хлиба-соли зйидять, то тоди въ нарожденого, молытвяного, хрещеного раба Божого Семена зубы заболять. У мертвого зубы не болять и не щемлять, такъ въ нарожденого, молытвяного Хрыстова раба Семена зубы не болять и не щемлять. Велыкомученыкъ Антонію [1]), святый зубамъ врачъ и исцилытелю, избавъ, Господы, раба Божого одъ зубнои болисти". (С. Мгарь).

„Господы мылостывый! святый мисяць на неби! Поможы мени, Маты Божа, си зубы зашептаты и съ пидъ ихъ червы выклыкаты [2]). Червы червышныкы! и не я ихъ выклыкаю, и не я

---

[1]) Св. Антоній, какъ выше замѣчено, считается цѣлителемъ зубной боли. (Чуб. Тр. эксп. I, в. 1, 172; Даль о Повѣр. рус. нар., 105).

[2]) О червѣ упоминаетъ древній заговоръ. На вопросъ: чего Петръ печаленъ? Слѣдуетъ отвѣтъ: quia vetus vermen, qui vocatur gusta devorat dentes meos. (Буслаевъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 г., VII).

помичъ посылаю—святый мисяць на неби и Матиръ Божа на земли си зубы замовляла, и прозирни, и витряни, и хлопьячи, и дивчачи и на Дунай на море зсылала. И на Дунаи на мори и адъ и адыще изъ червоными головкамы и зъ золотымы зубамы и си червы пойидаты, и си зубы замовляты. И, мисяцю молодый, испытайся старого: чы болять у мертвого зубы? Ни болять, ни щемлять, якъ у рожденого и хрещеного раба Божого Ивана.

Плысниека.

Мѣстное названіе молочницы (soor)—плыснивка созвучно слову „плѣсень", отъ переноса которой на слизистую оболочку рта происходитъ и самая болѣзнь [1]), состоящая въ разращеніи грибковъ oidium albicans на слизистой оболочкѣ рта, идентичныхъ съ грибками плѣсени, находящихся на поверхности алькогольныхъ веществъ [2]). О плысниввѣ у дѣтей упоминалось мною въ Нар. обр. и пѣсн. Луб. у., стр. 31, но болѣзнь эта встрѣчается и у взрослыхъ, если выпить воды, неся которую въ ведрахъ женщина мочилась. Бываетъ также, если брать гребешокъ въ ротъ, отъ холода ранней весной и отъ незрѣлыхъ фруктовъ. Отъ плысиивки языкъ натираютъ краснымъ поясомъ, женской косой, какое средство указано и у Манжуры [3]), мажутъ пережженнымъ гвоздичнымъ перцемъ съ медомъ, синимъ камнемъ, сокомъ свѣжаго конскаго навоза. Больного заставляютъ лизать челюсти въ печи, поятъ изъ свинного корыта или мажутъ помоями ротъ, приговаривая: „свыня одъ корыта, а плыснивка съ рота", или „свыни до-дому, плысивка до-долу". Въ Екатеринославской губ., кромѣ кормленія изъ корыта еще даютъ ребенку сосать свинью[4]). Шепчутъ отъ плысиивки такъ.

„Господы, благословы! Господы, поможы нарожденному, молытвянному рабу Божому сю плыснявку шептаты, сю плысняв-

---

1) Кунце. Comp., 251.

2) Эйхгорстъ. Руков. I, 627, 631.

3) Сбор. Харьк. Ист.-Фил. Общ. II, 157.

4) Д. Л—зинъ въ Днѣпр. Молвѣ 1899 г. V, 150.

ку эганяты. Свыни до корыта, череда до-дому, плыснявка зъ дому. Якъ дымъ зъ дымаря, такъ плыснявка зъ языка нарожденному, молытвяному, младеньцю Ивасю“. (С. Мгарь).

„Плыснивка, лынывка! въ роти тоби не буваты, языка тоби не ламаты, у помыи сходыты и свынямъ іи выносыты, а свыни сповываютъ и плыснивку одбираютъ. Я свое слово составляю и плыснивку зъ рота выганяю“. (С. Литвяки, отъ Ф. Гузёминой).

Воспаленіе зѣва.

Человѣкъ, задавившій двумя пальцами зинське щеня (слѣпыша, слѣпня, spalax tiplus. Pall), можетъ излѣчить давленіемъ „якъ одскочять залозы“, что случается при флегмозномъ воспаленіи зѣва (angina tonsillaris et faucium), о какомъ давленіи упоминаетъ Арендаренко [1]) и г. Можаровскій [2]). Давятъ также трижды двумя пальцами внутри рта больного, подержавъ предварительно пальцы на огнѣ; трутъ вспухшія железы снаружи горячимъ хлѣбомъ, который бросаютъ потомъ на дворъ или на столбъ воротъ и плетень, чтобъ его съѣла собака или сорока; прикладываютъ къ больному мѣсту: сало изъ щекъ свиньи, припарки изъ немытой шерсти и тряпки, которой трутъ ложки.

Катарръ желудка.

При катарральномъ состояніи желудка больные пьютъ водку, настоянную на одномъ изъ слѣдующихъ растеній: звѣробоѣ (hypericum perforatum. L.), указанномъ у Л. О. Павловича [3]) и въ журналѣ Фельдшеръ за 1898 г., № 18, 484, золототысячникѣ (erytraea centaurium. Pers.), лепехѣ (acorus calamus. L.), окладникѣ (Lathyrus silvestris), „що цвите голубенько“, уманѣ (verbascum nigrum. L.), чепчыкѣ, также настоянную на бѣломъ имбирѣ или калганѣ водку съ примѣсью гречаной золы. Пьютъ еще: отваръ корней жостира (rhamus catharica) и плодовъ су-

---

[1]) Зап. I. 68.

[2]) Фельдш. 1898 г. № 18, 480.

[3]) Очеркъ раст. въ Харьк. Сб. 1890 г., в. IV, 53.

шеныхъ дикихъ грушъ. Къ желудку прикладываютъ: лукъ или пшено съ солью, овечій или куриный грѣтый пометъ съ нѣсколькими каплями дегтю, пупокъ засыпаютъ перцемъ и закладываютъ тряпкой. Принимаютъ горячую ванну изъ одной воды или съ примѣсью овечьяго и куринаго кала.

Печія.

Печія, згага, зага, по Чубинскому—жага, изжога есть жженіе подъ ложечкой, вызванное кислымъ содержаніемъ желудка (pyrosis). „Якъ згага пече",—то перекусываютъ на-двое соломинку, найденную на дорогѣ, пьютъ воду, которой обмытъ вынутый изъ печи хлѣбъ, пьютъ и ѣдятъ мѣлъ, которымъ писаны кресты на святвечеръ, счищаютъ приставшій къ ножу хлѣбъ и съѣдаютъ, ѣдятъ еще сырое конопляное сѣмя. Если отъ излишка пищи, между прочимъ подсолнечнаго сѣмени, случится надха (тошнота), то съѣдаютъ кусочекъ хлѣба и запиваютъ водой или квасомъ.

Завина.

Завина, по Чубинскому завыныця—спазмы желудка [1]), постовая болѣзнь отъ дурного питанія [2]). Судороги желудка (gastralgia, cardialgia), боль въ желудкѣ, часто невыносимая—частое явленіе среди сельскаго населенія, вѣроятно, вслѣдствіе чрезмѣрнаго употребленія крахмалистыхъ веществъ [3]). Отъ завины пьютъ „холодну мяту" (mentha piperita. L.), мѣлъ, которымъ писались кресты на святвечеръ, освященный галунъ, принимаютъ внутрь 5 капель скипадару и 10 дёгтю. Послѣднимъ мажутъ возлѣ пупка однимъ или въ соединеніи съ лукомъ и табакомъ.

Сояшницы.

Симптомы болѣзни такіе: „у жывоти гуркотыть, болыть коло пупа, поносъ, рве. Сухи довго бувають, пидуть пидъ

1) Ивановъ. Кіев. Стар. 1885, XII, 743.

2) Ліки своен., 36.

3) Эйхгорстъ. Руков. I. 752.

боки и въ спыну парусы, жывить опухне, завинны—дуже хвата до серця и проносъ. Бувають водяни, витряни, зъ очей, одъ кыслого молока. „По мнѣнію, г. Коваленка сояшницы—желудочно-кишечный катарръ. Отъ нихъ пьютъ: бузинную кору, деревій, показанный отъ желудочныхъ страданій у г. Ящуржинскаго [1]), мяту, корни Петрова-батога (дикой цикоріи), показаннаго отъ сояшницъ у Волкова [2]) и отъ желудочныхъ страданій вообще: у Арендаренка [3]), Богдановича [4]), Никитина [5]), цвѣты подсолнечника, полынь, воду съ солью, въ которой расколочено пшено, древесную и гречневую золу (пазилки) съ солью, деготь, порошокъ изъ хлѣба и крови пѣтуха, зарѣзаннаго наканунѣ новаго года. Сояшницы въ Лубенскомъ у., какъ и вездѣ въ Малороссіи [6]), завариваютъ такъ, что на животъ больному ставятъ миску холодной воды, куда опускаютъ: ножъ, 1-2 ложки и веретено. Вещи эти перебрасываютъ 9 разъ навкрестъ въ мискѣ, затѣмъ опрокидываютъ въ миску кувшинъ съ зажженнымъ клокомъ матирки, потомъ даютъ выпить 3 ложки этой воды больному. Иногда больному сояшницей предлагаютъ трижды перекувыркнуться черезъ голову на подушкѣ. Заговоры такіе,

„Сояшныци водяни, витряни, прозорни! я васъ вышиптую, я васъ вызываю, своимы молытвамы замовляю“. (С. Литвяки, отъ Ганны Кириченковой).

„Сояшныци, сояшныци витряни, водяни, подумани, погадани, чоловичи, жоночи, дивочи, парубочи! пидить соби, де витеръ не віе, де сонечко не гріе. Нарожденій, молытвяній Маріи помогаю я и вы поможить вси святіи помошныкы“. (Д. Солоница, отъ Н. Дивизіонной).

---

[1]) Кіев. Стар. 1889 г., VIII, 526.

[2]) Зап. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ. II, 173.

[3]) Зап. I, 37.

[4]) Свѣд. 54.

[5]) О вес. лѣч. бол., 21.

[6]) Чубинскій. Тр. I, в. 1, 114, Ивановъ въ Кіев. Стар. 1885 г. XII, 743, Можаровскій въ Фельдшерѣ 1898 г., № 18, 479.

„Сояшныци водяни, витряни, прозирни, наслани, подумани, погадани, запытени, зайидени. Тутъ вамъ не стоять, жовтои косты не ламать, серця не вьялыть, червонои крови на ссать. Идить соби на огни, на дыма, на велыки степа. Тамъ вамъ буде гуляння". (С. Литвяки, отъ Н. Кедевой).

„Сояшныци витрови, водяни, учынени, встричени, прозирни, несказани, тутъ вамъ не стояты и не боляты, червонои кровы не пыты, серця не вьялыты. Не я вышиптую,—Маты Божа вышиптуе одъ твоихъ рукъ, одъ твоихъ ниrъ, одъ твоеи головы, одъ твоихъ очей, одъ твоихъ плечей, одъ твого ровняного лыця нароженои, молытвянои, хрещенои Орышкы". (С. Хорошки, отъ Сысиной).

„Господы мылостывый! Поможы мени, маты Божа, си сояшныци заварыты. Сояшныкы, сояшныци! и витряни, и прозирни, водяни, и спытени, и зйидени, и завинни, и колючи, и болючи, и прыговорени, и прылюбовани, и дryслыви, и сухорляви; и то мы въ неи не бувалы, и серденька не буялы, и билого тила не палылы, червонои крови не пылы, и жовтои кости не ломылы одъ рожденои, молытвянои, хрещенои рабы Божои Уляны". (Д. Солоница).

Поносъ.

Отъ проноса (иначе дрысля, дрышля, бѣгунка въ лѣтописи Величка, diarrhoea) если и лѣчатся, то слѣдующими только средствами: пьютъ кромѣ извѣстныхъ уже Петровыхъ-батогивъ и кучерявой мяты, еще настой на водѣ: лавроваго листа и пережженныхъ житныхъ сухарей, между прочимъ и изъ „горячаго" обѣда, сухихъ грушъ, копченой растопленной рыбьей головы, стертой старой подошвы. Пьютъ еще сургучъ въ водкѣ или водѣ.

Ризачка.

Отъ кровавого поноса (dysenteria) пьютъ тѣ-же самыя вещества, что и отъ поноса и еще кромѣ того ризакъ (straloides aloida), указанный въ Зап. Ю. Зап. Отд. Геогр. Общ. 1., 138;

у Коваленка [1]) и у Ящуржинскаго [2]), также: трюхлую яблоню и грушу, стертые сургучъ, кирпичъ, отваръ въ водѣ ржаваго желѣза и воду, въ которой острилось брусомъ какое-нибудь орудіе. Взбалтываютъ въ водкѣ: по 1/2 ложки соли, перцу и древесной золы и выпиваютъ. Ѣдятъ коржи съ макомъ, пережженный хлѣбъ, рожки. Кладутъ къ животу припарку изъ ржаного хлѣба.

Запоръ.

Отъ запора (obstructio alvi) пьютъ: молоко, взболтанное до пѣны съ водой, мыльную воду, мыльную пѣну съ сахаромъ, чарку конопляной олеи, олею съ огуречнымъ разсоломъ, смятое сырое конопляное сѣмя, толченую пережженную картофельную муку съ водой, настой жостира (rhamnus catharica) и крушины (rhamnus franguli), указанные у Богдановича [3]) и въ Фельдшерѣ 1898 г., № 18, 486. Еще пьютъ вино съ мускатнымъ орѣхомъ (муштуковою галкою). Дѣтямъ вставляютъ сзади заостренный кусочекъ мыла, смазанный олеей.

Уразъ.

Нельзя точно опредѣлить, какую именно болѣзнь подразумѣваетъ народъ подъ именемъ уразa или порухи матки у мужчинъ. Народъ характеризуетъ эту болѣзнь такъ: уразъ или матка, особый мужскій органъ, помѣщающійся, какъ изложено во 2-й главѣ, въ здоровомъ состояніи, вблизи пупка, нѣсколько вправо отъ него, поврежденный срывается съ мѣста „вбунтуется, пидходыть пидъ груды, такый якъ дитеьча голова, у бикъ, у пахвы, всюды ходыть. Тоди кажуть: матка пидійшла, матка пре, чоловикъ жовкне, ногы ёму пухнуть. „На основаніи этихъ признаковъ г. Коваленко [4]) видитъ въ уразѣ gastritis, г. Можаровскій [5])—какое

[1]) Этн. Мат., собр. Гринченкомъ, II, 318.

[2]) Кіевская Стар, 1889, VIII, 526.

[3]) Свѣд. 54.

[4]) Этногр. мат. Гринч. II, 320

[5]) 1898 г., № 18, 478.

либо желудочное страданіе, другіе—грыжу или блуждающую почку. Однимъ словомъ достовѣрно одно, что уразъ матки происходитъ въ брюшной полости. Отъ ураза принимаютъ внутрь всѣ вышеперечисленныя средства отъ желудочныхъ страданій и кромѣ того пьютъ еще въ теченіе шести дней по три раза на день отваръ: пшеницы, овса, проса и гречихи съ семибратнею кровью, также бѣлый буркунъ (mellilotus officinalis. Lam.), указанный въ Записк. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ., на стр. 166, отъ переполоха въ животѣ, и настойку на калганѣ, мускатномъ орѣхѣ и братней крови, которая особенно спасительна „пользуе, якъ рукамы перебере.“ Къ животу въ уразѣ матки прикладываютъ всѣ тѣ-же припарки, что и въ другихъ желудочныхъ страданіяхъ: деготь къ пупку, чеснокъ съ куринымъ каломъ и т. д. Растираютъ животъ смѣсью оливы, водки и скипидара въ равныхъ доляхъ. „Олыва тило растворя, горилка скрипля, а шпыгынарь туды заходыть“ —толкуютъ бабы. Баба, спаривъ больного на камнѣ, кладетъ его и начинаетъ „наставлять матку“, т. е. перебирать животъ, откатывать, одавливать внизъ или вверхъ, причемъ шепчетъ: „якъ маты тебе народыла и на своимъ мисти постановыла и шнурочкомъ пидперевала“ или такъ: [1])

„Уразъ, уразыще, Божій чоловиче! тутъ тоби не стояты и паростивъ не пускаты, по-за кульшамы не зайидаты, у поперекy не ломыты, щырого серця не вудыты, за плечыма не знобыты и въ голову не быты, и билого тила не ялыты. Я шепчу, я й вышиптую изъ твоихъ жылъ, изъ твоихъ пажылъ, изъ рукъ, изъ ниіъ, изъ твоеи головы, съ плечей, съ карыхъ очей, изъ твого хребта изъ твого поперека, изъ твого жывота. И я тебе вышиптую, я тебе зъ крыживъ и чересель выбираю, тебе на мистечко, на золотому крыслечку проты пупа тебе остановляю. Тутъ тебе Господь зародывъ, тутъ тебе Господь узаконывъ; тутъ тоби, вразыку, йисты й пыты, роскошно на свити жыты, нарож-

---

[1]) Заговоры отъ ураза отмѣчаются отъ другихъ заговоровъ тѣмъ, что здѣсь просятъ взбунтовавшійся органъ стать на мѣсто, въ другихъ стремятся удалить болѣзнь изъ организма.

деного, молытвяного, хрещеного, прычащеного раба Божого Степана не сушыты.

„Уразъ, вразочку, пупивъ братику! Тутъ тоби не стояты, въ головоньку не быты, по жылахъ не ходыты, серденька не тошныты. Сгорныся, скотыся, на золотимъ кресли коло пупа посадыся“. (С. Исачки, отъ Е. Головковой).

„Уразъ, уразыще! тутъ тоби не буваты, тутъ тоби не стояты! Де ты народывся, де ты нахрестывся, тамъ соби установыся, тамъ соби й ократыся. Ты на мори родывся, на Ордани ричци хрестывся, нарожденому молытвяному хрещеному рабу Божому Юхыму“.

„Уразу, уразу! ты ёго й князю. Тутъ тоби не стояты, жовтои кости не ламаты, червонои кровы не пыты и серденька не сушыты. Иды на свои миста, де тебе маты вродыла, я тебе остановыла. Тамъ соби оселыся й остановыся. Матиръ Божа остановляе, чоловику здоровья посылае“.

„Уразу, уразыку, ты мій братику! де ты родывся, тамъ ты окоренывся. Вразу, вразыку! ты не парубокъ, а я не дивка. Стань соби на мисти, на мистыщи, на парубоцькому крыслыщи. Тамъ тоби селыться, тамъ кореныться, тамъ тоби золотыться, тамъ тоби стояты и парусы свои пускаты. Нарожденного молытвяного Павла“. (М. Снѣтинъ).

„Уразу, уразыку, мій братику! ты рожденный, ты молытвяный, ты хрещеный! Тутъ тоби не стоять, паростивъ не роспускать, жовтои кости не ламать, пидъ груды не пидступать. Не я тебе вызываю, а Матиръ Бога тебе вызыва, и святи угодныкы станьте мени въ велыкій помощи. Покы я тебе не знала, то я тебе не вызывала, я тебе не выклыкала. А теперъ я тебе вызываю и выклыкаю: та брось молытвяного, рожденого Семена, стань соби на мистахъ“. (С. Литвяки, отъ Ң. Кедевой).

Гыла.

Всѣ три рода грыжи: паховая, бедренная и пупочная одинаково называются въ Лубенскомъ уѣздѣ словомъ гыла. Она бываетъ отъ тяжкихъ работъ у взрослыхъ, отъ недосмотра, всего

чаще отъ паденія у дѣтей. Смѣстившіеся внутренности вправляютъ, приподымая вверхъ, затѣмъ къ животу кладутъ припарку изъ высивокъ или кала жеребца и жеребенка. Внутрь принимаютъ деревій и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ „непочатую" воду, въ которой намокали старыя мѣдныя деньги, 1—2 раза въ сутки.

Выпаденіе прямой кишки и задняго прохода.

Въ случаяхъ prolapsus recti и prolapsus ani, „якъ задъ, або задыня у дытыны выходять"—ихъ стараются вправить правой ножкой самого же ребенка, или забить ложкой, оставшейся послѣ покойнаго семьянина. Больного садятъ на тряпки, которыми затыкался верхъ, политыя горячей водой, или на „жлукто", въ которомъ золятъ сорочки, также на паръ, подвязывая больного вѣнкомъ изъ лука. Дѣтей купаютъ еще въ калачикахъ (malva rotundifolia. L), сорванныхъ на Ивана Купала и тогда же засунутыхъ на верхъ.

Глисты.

„Воно таке, якъ червякъ. Бувають таки, якъ почынокъ. [1]) Йе и така глыста, якъ аршынъ. Якъ чоловикъ заводытся, и вона заведется. Якъ вона выйде, то й чоловикъ умре. Глысты пьють кровъ коло серця. Якъ пидійдуть, можна умерты,—пидуть ротомъ и задавлять". Они размножаются отъ молодого картофеля, зелени, сладостей и дурной воды. Отъ глистовъ пьютъ: „четвергове, чытворне насиння", т. е. цинтварь (flores cynae), одинъ или съ калиной и медомъ, сѣмена любистка (levisticum officinale), цминъ, молоко изъ овса или конопляного сѣмени. Принимать эти напитки нужно на исходѣ мѣсяца и трижды провесть у себя межъ ногами на порогѣ.

Водяная.

Отъ брюшной водяной, болѣзни по народнымъ понятіямъ неизлѣчимой, помогаютъ: сухая пара и ножныя ванны въ соленой водѣ съ высивками.

---

[1]) Аскарида.

Воспаленіе печени.

Воспаленіе печени, бывающее отъ печали, досады, побоевъ, признается народомъ весьма опасной болѣзнью. „Якъ печинка одбыта, запортытся, загніется, то вмира чоловикъ". Нужно ѣсть натощакъ печеные бураки, пить: керосинъ или сокъ черной рѣдьки и мазать больное мѣсто ими-же.

Жовтяныци. [1])

Желтуха (icterus) случается, если вступить въ соръ, въ воду, вылитую до восхода солнца, въ менструаціи; также если кто явится на родины въ нечистой, окровавленной рубашкѣ. Отъ желтухи купаютъ дѣтей въ теплой ваннѣ съ примѣсью: буркуна (mellilotus officinalis. Lam), гвоздикъ (tagetes erecta. L.), горыцвита (adonis vernalis. L.), калины, конопли, матирки, товстухи (gentiana cruciata. L.), моркови, какое средство указано: у Чубинскаго [2]) и Ящуржинскаго, [3]) вощинъ и мелкаго серебра. Пить настой изъ вѣнчальнаго кольца. Къ печени прикладывать въ мѣшечкѣ холодную землю. Весьма распространенъ способъ передачи желтухи живому существу, для чего ловятъ живую водяную мышь и, вынувъ ей глаза, вѣшаютъ на шею больному на 9 дней. Прикладываютъ къ печени живую цѣлую или посѣченную рыбу, "вона потягне жовтяныци". У валлоновъ также прикладываютъ къ области печени живого лина или карпа, покуда послѣдніе не сгніютъ. Рыба должна взять болѣзнь и отъ нея —умереть. [4]) По Чубинскому, на шею больного вѣшаютъ лина, пока послѣдній не сдохнетъ. [5]) По Далю больной долженъ держать въ рукѣ живую щуку, пока та не уснетъ. [6])

---

[1]) О лѣченіи отъ нея же дѣтей въ моихъ «Народ. обрядахъ и пѣсняхъ Луб. у., 32.

[2]) Тр. эксп. 1, в. 1, 103.

[3]) Кіев. Стар. 1889 г. VIII, 525.

[4]) E. Monseur. Le fl. wal., 26.

[5]) Тр. 1., в. 1., 113.

[6]) О повѣр. 84.

Запоръ мочи.

Отъ этой болѣзни пьютъ: толченый „кришталь" [1]) (хрусталь, стекло), воду пополамъ съ молокомъ, взболтаннымъ до пѣны, отваръ сокирокъ (delphinium consolida. L.), ромашки (matricaria chamomella), укропнаго сѣмени (anetum graveolens. L.) и петрушки (petroselinum Sativum L.), показанной мочегоннымъ средствомъ и въ Свѣд. о Полт. Губ. Богдановича, на стр. 54.

Сифилисъ.

«Пранци» бываютъ: 1, наслѣдственными—„такый родъ паршывый, такый заводъ", 2, простудными—„простудытся чоловикъ, запортытся кривъ, одкрываются раны"; такое же убѣжденіе встрѣчается и въ другихъ частяхъ Малороссіи; [2]) 3, заразными.

„Колысь пранцюватыхъ мало було. Жинка найшла сорочку и надила. Напалы пранци и семья заразылась". Отъ него принимаютъ во внутрь 1—2 мѣсяца decoctum Zittmanni съ кореньями Sarsaparillae [3])—дѣлаютъ ванну съ разсоломъ и ольхой. Раны присыпаютъ волчьей костью и мажутъ „цинобрю зъ манкуріемъ", теперь и давно практикуемымъ въ Малороссіи средствомъ [4])

---

[1]) То же средство—хрусталь, конопляное молоко и петрушку пьютъ отъ половой неспособности. Пьютъ также сырыя яйца. Поздній выходъ ядра изъ брюшной полости признается природнымъ неизлѣчимымъ недостаткомъ, и такого человѣка называютъ гылунъ, но допускаютъ возможность такого явленія «одъ недогляду: дытына утягла ядро, скленчатила», или если родители сожгли клинья, приготовленные для раскалыванія дровъ. Лѣчатъ купелью, въ которую бросаютъ тридевять клиньевъ изъ обрядовыхъ деревецъ клена, поставленныхъ на Тройцу и сдѣланныхъ тёзкой больного, обкладывая послѣ того больного смѣсью воды и земли изъ четырехъ клиньевъ перекрестка.

[2]) Фельдшеръ 1898 г. № 18, 481).

[3]) Манжура. Сбор. И.-Ф. Общ. II. 157, Шаповаловъ. Фельдшеръ 1898, г. № 18 181.

[4]) А. Баловъ Фельд. 1898 г. № 18, 466, Кіевск. Стар. 1895 г. X, Док. 4.

Чрезмѣрное отдѣленіе менструальныхъ кровей [1]).

По мѣстнымъ народнымъ наблюденіямъ, чрезмѣрныя менструаціи бываютъ послѣ продолжительной остановки кровей, поднятія тяжестей, непосильныхъ трудовъ и также отъ слѣдующихъ причинъ: когда въ однѣхъ и тѣхъ-же ночвахъ моютъ окровавленныя рубашки двухъ женщинъ, то у одной можетъ совсѣмъ не быть менструаціи, а у другой будутъ вдвое большія; если женщина вступитъ въ воду, въ которой обмывали родильницу послѣ родовъ, или въ которой мыли окровавленную сорочку, или на мѣсто, гдѣ мочилась родильница. Отъ излишнихъ менструацій пьютъ отваръ деревія съ дерезой и кладутъ къ животу холодные компресы. Наблюдаютъ, чтобы воду послѣ отжатія рубашки вылить подъ „глухой" дубъ, т. е. не роняющій зимой листьевъ, гдѣ онъ есть. Женщина, отжавъ рубашку въ негодномъ горшкѣ или казанкѣ, идетъ съ нимъ на рѣчку и, набравъ въ него воды, дважды выливаетъ обратно, а третій разъ льетъ 9 ложекъ на рубашку, приговаривая: „моепры мени, чуже хай иде за водою". Горшокъ забрасываетъ въ воду, а рубашку, отзоливъ, носитъ, или идетъ къ рѣкѣ въ грязной рубашкѣ и, набирая воду мужской ложкой, дважды льетъ на рѣчку со словами. „оце чуже и це чуже", третій-же разъ, сказавъ: „а це мое" — себѣ на пелену (подолъ).

Уразъ матки.

Подъ такимъ именемъ извѣстно въ Малороссіи смѣщеніе матки, бывающее послѣ родовъ и тяжкихъ усилій. „Вразъ выходыть нанызъ, понакручуе гулькы". Отъ ураза принимаютъ внутрь: водку, настоянную на папоротникѣ (polypodium vulgare L), аерѣ, калганѣ, померанцѣ, „субори" (сабурѣ); также бѣлый буркунъ съ квасцами, „соломьякъ" (нашатырь), скипидаръ, мятныя, маточныя капли, раковыя шейки. Дѣлаютъ теплыя ванны съ при-

---

[1]) О женскихъ болѣзняхъ, осложняющихъ беременность и роды изложено въ моихъ Нар. обр. и пѣс. Луб. у. Отд. 2. Родины.

мѣсью гречаной соломы, сѣна, на которомъ ставилась кутья къ Рождеству, травъ, посыпавшихся на Зеленыхъ праздникахъ, и аера. Парятъ больную на камнѣ со смолой. Уразъ успокаиваютъ, опоясывая больную рушникомъ, въ которомъ святили пасху. Дѣлаютъ также куклу „изъ куряквивъ, часныку и доброго дёхтю, пересмажать" и запускаютъ въ vagina. Шепчутъ такъ:

„Иду я золотымъ мостомъ изъ золотою патерыцею: патерыцею пидпыраюся, маткы пытаюся: де ты народылася, де ты охрестылася, де ты й святылась—на те мисце садыся, на те мисце крипостыся. Меласци нарожденій, молытвяній, хрещеній.

„Матка, матыще! стань соби на мисци, на мистыщи, на дивоцькому крыслыщи. Тутъ тоби не стояты, въ жылы не шпыгаты, свое дило сполняты. Тутъ тоби не селыться, тутъ тоби не кореныться, а тутъ тоби золотыться и на своёму мисти окореныться". (М. Снѣтинъ, отъ К. Приходькиной).

„Уразу, уразу, ты хрещеный и молытвянный. Ты зъ маткою родывся, ты зъ маткою хрестывся. Тутъ тоби не стоять, жовтои кости не ламать, червонои крови не ссаты. Се не я вызываю, а се Матиръ Божа выклыкае. Господы Мылостывый, святіи угодныкы Петро и Павло, Андрею и Мыколаю!" (С. Литвяки, отъ Наталіи Кедевой).

„Господы, поможы мени! Маты Божа, Мыколай угодныкъ Божый, велыкый чудотворче, поможы мени нарожeній, молитвяній, хрещеній Парасци вышиптувать уразъ. Я тебе й вышиптую, я тебе й выклыкаю и зъ твого жывота, одъ билого лыця, одъ щырого серця. Урaзе, уразочку! Надинь биленьку сорочку та покотыся маковымъ зернычкомъ. Тутъ тоби не стояты, жовтои кости не ламаты, червонои кровы не пыты, лыця не тошныты, серця не вьялыты. А йды соби на свое мисто, на золоте кресло, де тебе Господь узаконывъ, на мисти постановывъ. Тамъ тоби пытинье, тамъ тоби йидинье, тамъ тоби легке одпочывання. Ишла баба мостомъ, пидпыралася золотымъципкомъ. И встричае самъ Спасытель и Маты Божа.—Куды ты, бабо, идешъ? Иду нарожденній, молытвяній, хрещеній Парасци шептать, одъ уразу помагать". (С. Литвяки, отъ Ганны Куриченковой.).

„Ишла я мостамы, пидпыралась золотымы костамы, вострила мене Божая Маты: куды ты, нарожена, молытвяна, хрещена Софіе? Пиду нароженои, молытвянои Варкы одъ уразу шептаты, Господа Бога прохаты. Уразъ, уразыще! Поруха, порушыще! Якъ тебе Господь завьязувавъ, сядь соби на мисти, на золотому кресли. Тутъ тоби не стояты, червонои крови не пыты, серця не вьялыты, жылъ не тягты. Не я вышиптую, Маты Божа вышиптуе, Маты Божа выклыкае, одъ твоихъ рукъ, одъ твоихъ ногъ, одъ твоеи головы, одъ твого ровного [1]) лыця, нарожденнои, молытвянои, хрещенои рабы Божои Варкы". (С. Хорошки, отъ Софіи Сысиной).

„Поможы мени, Маты Божа, сю матку прыпыныты и сёго уразу остановыты и золотныка, Божого чоловика, укорыты. И не я жъ ихъ вызываю и не я помичъ посылаю. Покы не стала я знаты, одъ Бога помочи прохаты; и вси небесни апостоли станьте мени у помочи. Поможы мени, Маты Божа, сёго уразу остановыты. Ишла Матиръ Божа золотымъ мостомъ и золотымъ цыпочкомъ на Осіянську гору пидпыраючысь и до рабы Божои Маріи поспишаючы и сёго враза прыпыняючы. И ты уразъ, уразыще! И ты ёму братъ и сестрыця, изъ матычныкомъ, изъ Божымъ чоловикомъ не зустричайсь и на свое мисто зостановляйсь. Ты, матошныче, ты й Божый чоловиче! Ты стурбована, ты спрацёвана, ты насердна, ты й колюча, ты й болюча, ты сопротывна и стритена, и позавыдувана. Аминь. И судъ судомъ, и викъ викомъ. Ты, золотныче, Божій чоловиче, оставайся на своёму мисци, на золотому кресли". (Д. Солоныця).

В. Милорадовичъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) румянаго.

СТАРЕ И НОВЕ.

(*Оповидання*).

Штепный бувъ чоловикъ Якивъ Демыдовычъ Чаплій: ходывъ похнюпывшысь, носывъ довги, значно вже сыви, кучеряви бороду и вуса, волосся стрыгъ нызько, водягавъ влитку черкасыновый пинжакъ, взимку—доброго чорного сукна свытку, а на вулыцю—ягнячый покрываный байбаракъ.. Бувъ Чаплій дубенськый мищанынъ-кравець, ц то не зъ абы-якыхъ, а зъ найкращыхъ, заведено родымый зъ батька-зъ дида дубенськый цеховый. То й не дыво, що мавъ винъ добри заробиткы, порядну майстерню, наймавъ трёхъ пидмайстеривъ, ще й державъ у науци хлопця, якого прывчавъ потроху до майстерства, загадуючы гриты самовары, бигаты по крамныцяхъ, на базаръ, туды-сюды, звычайно, куды ёму треба. Велося Чапліеви не погано: свій грунтъ, своя хата, на першій мистыни биля крамныць та базарю; у господи не було нестаткивъ, по-всякъ часъ моталася жыва копійчына, мався вильный часъ и одпочыты и посыдиты зъ товарыствомъ у шынку, якый бувъ чы не поручъ Чапліевого дворыща, а робота набигала сама, якъ рыба у ятиръ: чы зайшовъ хто до крамныци набраты краму, загадае поклыкаты кравця,—нихто далеко не бигтыме: ось тутъ Якивъ Демыдовычъ; прыбижать, поклычуть,—винъ и не хапается, а иноди ще для хворсу спытае: „А хто тамъ? зажде!“—або почне бидкатыся у голосъ, щобъ усякому було чутно: „Ну и жыття! ни на хвылыну не дадуть спокою,—одно: сипають“. У хати въ себе Чаплій додержувавъ старого звычаю: жинци не потуравъ, дитей нагонывъ, пидмайстривъ за непорядокъ чы пидъ сердыту руку потырювавъ, та й не злегка,—а служыты въ ёго проте було добре: видпочывокъ по звычаю, йижа вкупи зъ хазяинамы, ча-

сомъ йе й чарка горилкы, а насампередъ, якъ въ предкивъ велося, любывъ Чаплій и самъ видпочыты та погуляты, то не всёго и догляне.

Отъ-же хочъ и въ добрі́, а не дурно пережывъ винъ на свити свои пятьдесятъ годъ зъ гакомъ и черезъ те бувъ суворый, не любывъ марно патякаты, а непрывитни темни очи часто займалыся ёму злымъ полумямъ. Тилько було у кумпаніи та за горилкою трохы видмяка; слуха, слуха, що люде балакають, та одно до чаркы простягается; якъ-же обсядуть ёго дали спогады, назгадуется, сердешный, про всяки крывды, яки ёму колы зчынено, та все смутнишае, часомъ ажъ заплаче... Таку мавъ вже винъ вдачу—довго памьятаты свои крывды. Але властыво доля зрадыла Якова Демыдовыча зъ того тилько часу, якъ осився у Дубняхъ новый кравець—Кибець.

Взагали Якивъ Демыдовычъ не бачывъ раціи прыятелюваты зъ кравцямы, бо порядне товарыство легко було знайты у Дубняхъ и не зъ кравецького цеху, а городъ бувъ не такъ вже велыкый, щобъ часомъ кравець не пошкодывъ кравцеви заробитку. Проте, знаючы свою вартнисть и мистецтво, не звертавъ винъ на кравцивъ и велыкои увагы—отъ якъ цымъ разомъ и на Кибця, бо тилько за-для цикавости и мовъ ненарокомъ пишовъ глянуты, де винъ осивсь, яка въ ёго вывиска та якый самъ изъ себе. Ажъ въ кинци города уздривъ Якивъ Демыдовычъ вывиску: *„Вновь прибившій зъ Кыіову военній и партыкулярный портняжійхъ дель майстеръ Прокопъ Кобецъ“*; *„прыймае заказы“*—було прымалёвано дрибнише та ныжче.

— Мабуть що зъ *Кыйову*!—не давсь на оману Чаплій.— Любисинько десь у мистечку налупылось ихъ въ батька чоловика десять, то й розлазятся, якъ руди мыши;—ій-Богу такъ! А хочъ и зъ Кыйову, то певно цяця! Хыба зъ Кыйову сюды путнёму йихаты? То вже свій майстеръ, родымый, хочъ ёму и у Москви лычыло-бъ, повыненъ вже тутъ сыдиты...

Змиркувавшы усе такъ гараздъ, Чаплій заспокоеный подався до-дому. А згодомъ, якъ познаёмывся зъ Кибцемъ, хочъ прыятели не прыятели, а якъ обачнисть велыть, де стринется, прывитается: „якъ ся маете“?—спытае, та й розійдутся коженъ до своеи кумпаніи.

Тымъ часомъ Прокипъ Ёсыповычъ Кибець заходывсь добуватысь роботы та завчаты до себе дубеньске паньство. Бувъ винъ ще молода, годъ 30 людына, невелыкого зросту, чорнява та дуже проворна. Ото якъ бижыть пишоходомъ, ажъ дошкы ходоромъ ходють, а головою все круте, туды и сюды очыма позиркуе... Шамкый! Облыччя ёму кругле, чорни очи трохы вы-

тришкуваты, а якъ було бадёрытся, та для хворсу выпына груды и зпынается навшпынячкы. Кибець—кибець и йе! Але найгирше не подобалося поважнымъ людямъ, хочъ-бы и Чапліеви, що Кибець занадто вже и на языкъ гострый и на штукы меткый, и то чы у кумпаніи, чы выбрехатыся въ закапцыка чы й передъ началствомъ,—нацокотыть повни вуха́. „Отъ балака, балака,—наплеще"! не вхвалявъ Чаплій, бо й здавна не любывъ швыдкыхъ, та й не даремно, бо не черезъ що, якъ черезъ довгый Кибцивъ языкъ, де-хто зъ панивъ подавалы Кибцеви роботу, та якъ трапытся въ шытви въ Чаплія помылка, то докорялы ёму Кибцемъ. Чы то-жъ любо? Ото-жъ, якъ набрыдне ёму таке слухаты, винъ тилько головою крутне, та такъ вже выразно, що, мовлявъ, и лаяты Кибця не треба.

Доводылося—и Кибцеви докорялы Чапліемъ, такъ се-жъ инча ричъ,—такого майстра, якъ Чаплій, яке и дыво, що хвалять! чому Кибцеви и не послухаты?—Отъ-же винъ на те не вважа; якъ почуе за Чаплія добре слово, такъ ёму мовъ зъ дывовыжи пыку й покрюче: зтулыть таку хымерну, ще и зитхне, буцимъ образывся, и виддасть:—Не знаю, адже панъ прокуроръ улюбывъ Чаплія, та вы мабуть не бачылы прокурорського сертука? Мусыть теперъ не добачаты, а тамъ мижъ поламы ззаду така щилына свитытся! Не знаю, чы прыумивъ-бы я таку стулыты? Але вже якъ-бы прыумивъ,—новый-бы сертукъ своимъ коштомъ справывъ, абы не срамытысь!

Ну, заведено, николы не втрачалы ни Чаплій, ни Кибець марно слова, щобъ выхваляты одынъ одного, а все-жъ тяглося ще якось, покы не втаскало на лыхо Кибця купыты грунтъ побиля Чапліевого.

— Бувъ въ мене, згадувавъ описля Чаплій, сусида якъ сусида, чоловикъ порядный, майстеръ, мидныкъ. Заведено, безъ сваркы не можна: тамъ чы диты заведутся, чы порося кризъ тынъ продерется, здіймуть бучу жинкы, за имы часомъ и мы одынъ одному батькивъ нагадаемо, та й пôтимъ... Все-жъ ніякый панъ замисць сертука у казанъ не влизе, а ни у сертуци буде воду гриты... Та схотилося тому мидныкови зпродаты грунтъ и прыспичыло Кибцеви ёго зторгуваты. Заведено, непутяща людына: чого заманется незмиркувавшы—згынь та давай!—

Ще и дила не було, тилько перемовляться почалы, а вже Чаплій, навмысне стривши, казавъ Кибцеви:

— Отъ бо, Прокопе Ёсыповычу, не купуйте сёго грунта! Хрыстомъ-Богомъ просю васъ: не купуйте! Ничого ще я въ васъ не прохавъ, послухайте сей разъ, бо не буде ни вамъ добра, ни мени.

Де-жъ пакъ такый послуха?! ще й розсердывся, трохы не вылаявъ, а по-за очи такы й лаявъ. А грунта ще гирше ёму звортило: мовлявъ, Чаплій боится; мени, выходыть, корысть буде,—и купывъ.

И отъ, якъ ввирвалося Чапліеви: чы забарывся, колы клычуть у крамныцю до закащыка, прыйшовъ, а Кибець и мирку здійма, та ще такъ гостро дывытся. Вылаявъ-бы вражого сына, та крамари не велять, то й не можна. А то ще взявъ яку моду—зъ пидъ воритъ Чапліевыхъ закащыкивъ перечеплюваты.

И на таки штукы зпустывся: ледве перевився, усихъ панивъ выбигавъ, неначе оповистыты, де жытыме; зайде до пана, ще и выбачення прохае, що турбацію зчынывъ ихній мылости: „я, мовлявъ, людына маленька, шкода роботу втеряты. Купывъ я соби хыбарочку, зъ останнёго стягся. Спасыби, що мене заказамы не мыналы та допомоглы. Хто-жъ, якъ не вы, насъ и на свити держыть!“ Улестыть панивъ,—воны вже до ёго зъ заказамы и вдруге. А Якивъ Демыдовычъ на се не згоденъ, пидлещуватысь не буде, отъ ёму и невыгода.

— „Просто мовъ зъ воды йде той Кибець, а мене вже такъ прысадыло, такъ прысадыло“!—сердыто думавъ нышкомъ Чаплій та никому не хвалывся: гоноръ заборонявъ, а чуе тилько—серце кыпыть-закыпае, и одна ёму у голови думка: якъ-бы того Кибця прыборкаты. Де-що такы и выгадавъ, та ще вагався; здавалося, поганый ладъ кращый за добру сварку. Отъ-же насцивъ такый случай, що годи було даруваты,—хочъ кому-бъ терпецъ увирвався.

Одного дни Якивъ Демыдовычъ сыдивъ спокійненько за роботою, колы стара ёго вбигла у хату зрушена якоюсь-то новыною.

— Якъ-бы ты бачывъ кумедію! Пораюся я соби у двори, и байдужисинько. Ось несуть зъ Кибцевого дворыща тры жыды картузивъ жыдивськыхъ тры купы, одынъ на оденъ понастромлювани, цилый ярмарокъ! Отто проноза! накравъ лыбонь шматочкивъ та й заходывся ярмулкы тулыты.

— Тьфу! вражого сына вышквзрокъ!—плюнувъ Чаплій,—не всоромывсь кравецьтво паскудыты!—И, взявшы картуза, подавсь глянуты на чудасію, а звидты и до „Немынаю“ поглузуваты зъ Кибця.

У Дубнякъ Кибцева выгадка була новыною, але якъ не дывувалося товарыство у „Немынаю“, а справжнёго спивчуття Якивъ Демыдовычъ не знайшовъ.

— Що-жъ тамъ такого? Качества у цимъ, кажуть, немае.

Це вже найдужче розсердыло Чаплія, що люде на Кибцеву руку горнуть.

— Ще не качество? Де-жъ це чувано, де-жъ це выдано?! Колы ты кравець,—кравцюй, а ярмулкы не шый! Чы вже-бъ такъ кравецькый хлибъ знищывся? Атъ, гадюка!—несподивано скинчывъ, прытомывшись довгою промовою, неговиркый Чаплій и, сердыто стукнувшы кухлемъ по столу, звеливъ вточыты соби пыва.

— Тамъ якъ не хытайте головамы,—сердыто гадавъ винъ,—а я якъ облупленыхъ васъ бачу, що вы нышкомъ хыхыкаете та ще й радіете.—И, выхылывшы кухля, зновъ брязнувъ нымъ по столу, та зновъ великъ наточыты. Що-жъ, цилуйтеся, мылуйтеся въ вашымъ Кибцемъ, а я дамся ёму у-тямкы, подумавъ винъ та и подався до-дому, а про те ще може-бъ и не зробывъ того, що зробывъ, якъ-бы, идучы повзъ Кибцеве дворыще, не побачывъ, якъ звидты йде давній ёго закащыкъ, прокуроръ, и препаскудный Кибець, выряжаючы бижыть ёму збоку, безъ шапкы пидтюпцемъ та одно, вклоняючысь, цокотыть:

— Будьте певни, ваше высокородіе, будьте певни! Такого сертука вчыстымо! Буде якъ найкраща амуниція, одно слово—першый розборъ! не сумливайтесь!..

Диждавшысь, покы винъ оступывся, Чаплій наздогнавъ прокурора и, нызько вклонывшысь, чемно та докирлыво обизвавсь:

— За вищо, ваше высокородіе, зминялы мене на Кибця! Чы я-жъ не догождавъ вамъ? скилько годъ шыю?..

— Але погано шыешъ и дорого!—видказавъ ще осмихаючысь прокуроръ, задоволеный тымъ, що выторгувавъ щось въ Кибця на шытви.

— Де-жъ тамъ, дорого, ваше высокородіе? вы поличить: дешевше далеби не можлыво, и такъ слыве нема заробитку.

— А чомъ же Кибець бере дешевше?

— Кибець мошеннькъ, Кибець выстёба вамъ машынкою, Кибець зробе абы-якъ, и шытво ёго подерется за мисяць,—побачыте, колы я брешу...

Чапліеви ще кортило додаты, що Кибець злодій, покраде шматочкы та нашые въ ихъ картузивъ, тилько цёго вже нијакъ було казаты, бо и самъ Чаплій зроду не звертавъ прокуророви окройкивъ, тилько що йшлы воны въ ёго на цяцькы дитямъ, а не на картузы.

А прокуророви вже обрыдло слухаючы, тымъ найбильше обрыдло, що и самъ винъ довго вагався, чы гараздъ буде одкынутысь давнёго майстера, але вже колы зважывсь,—не впо-

добавъ слухаты докоры. Зъ якои речи? чы видкупывъ мене Чаплій, або що?—и зненацька розсердывшысь, прокуроръ выгукнувъ:

— Видчепысь, самъ ты мошенныкъ! людей дурно порочышъ. Не хочу тоби даваты роботу, та й все. Кому схочу, тому и даю!

— Спасыби-жъ вамъ за таку шану, за довгу службу!—зъ дражлывистю видказавъ Чаплій и, якъ стоявъ, подався у полыцію.

Довгенько попостоявъ винъ тамъ, обипершысь на одвирокъ, покы справныкъ знайшовъ хить та вильный часъ спытаты:

— Що тоби, Чаплію?

— За свою обыду, ваше высокородіе, мылуйте, пожалуйте! Сусида йе въ мене, Кибець, не дае у свити жыты, усе дворыще запаскудывъ—немае въ ёго помыйнои ямы.

Справныкъ такъ и покотывсь зъ реготу.—Годи тоби, старый! не робы клопоту: хыба це первына? зроду-жъ мабуть ямы не було?

— Ни, ваше высокородіе! будь ласка, розсудить вже по закону. Буде зъ мене Кибцевымы пахощамы дыхаты,—остобисило.

— Ой стережысь, Чаплію! запанивъ дуже! Гляды, чы и въ тебе йе?—обизвався здывованый справныкъ.

— Въ мене, ваше высокородіе, йе,—я законъ поважаю; велыть законъ, я зробывъ—збрехавъ Чаплій, думаючы, заразъ звернувшысь до-дому, зробыты яму.—А отъ Кибцеви вы вже, просю мылости, дайте порядокъ!

На правду, Чапліеви було байдужисинько, чы йе яма. Завжде воно такъ велося и до закону и писля закону,—обыдва господари вылывалы помыи на межи по-пидъ тыномъ; трохы воно и видносыло, та хто-бъ тамъ дослухався, а поросята, якыхъ завше выгодовувалы обыдви господы, корыстувалыся зъ того звычая, збыраючы де-що по помыищахъ. Але-жъ такъ було зъ мидныкомъ, не зъ Кибцемъ! И Чаплій, радіючы, що пидвивъ ворогови штрапа, похопывся до-дому та заходывся биля ямы.

— Чы ты зъ глузду зсунувсь, старый?! Що се ты робышъ? здывовалась Чапліиха.

— Цыть, якъ ничого не тямышь! Побачышъ, що буде, якъ треба буде, а то ще розплещешъ.

— А що-бъ тамъ було? дурныця!—пхыкнула жинка.

— Не жиночого це розуму дило,—отъ що! А помыи щобъ сюды сыпала, а то я и за комиръ позасыпаю, научаюче видказавъ Чаплій та знову взявся до ямы; ще и давни помыища мовъ на грядкы поперекопувавъ.

Вранци другого дни на Кибцеве дворыще прыйшовъ околодочный робыты протокола, и якъ не просывсь Кибець, якъ не обищавсь попыты щось околодочному, той хочъ и самъ жалкувавъ, безъ Чапліа нищо мавъ зробыты. А Чаплій выйшовъ на рундукъ до себе, позакладавшы рукы за спыну зъ поважнымъ выглядомъ, мовъ до его и не дотыкалося, и тилькы сердытый осмихъ, проблыскуючы на выду, появлявъ его задоволення.

— Бога бійтеся, Якове Демыдовычу! Чымъ я Вамъ на перешкоди? Ну, я зроблю, колы вамъ треба, яму,—даруйте на сей разъ!—кланявся Кибець, надійшовшы надъ тынъ.

Та Чаплій мовчавъ.

— Чуешъ, старый! чоловикъ повыняется, помыры бо!—обизвавсь и околодочный.—Чы варто абы-чымъ начальство клопотаты?

— Не можу, ваше благородіе! хай шануется!—уперто видрубавъ Чаплій, не вважаючы и на те, що зробывъ непрыемнисть околодочному.

Нищо було тому робыты,—мусывъ пысаты протокола.

Зажурывсь Кибець: шкода ёму, и не такъ того штрафа, якъ того, що тюхтій и дурень Чаплій имъ коверзуе та опорочывъ ёго чесну хату, що трусылы іи, мовъ злодійську. Думкы про се не давалы Кибцеви спокою; не здолавъ винъ вже, якъ попереду, навертаты ихъ на шытво цилкомъ и робывъ разъ-у-разъ таки помылкы, що намявъ-бы за ихъ вуха и тому хлопцеви, що вчывся у ёго рукоместву.

Зъ жалю постачывъ винъ пидмайстрамъ лайкы повнисинькы вуха, такъ, зъ доброго дыва, кынувъ шытво та й пишовъ сновыгаты по дворыщу. Тупався, такъ абы-соби, мовъ шукавъ, до чого-бъ прысикатыся, колы ось навьязъ ёму на очи Чапліивъ лёхъ, що заблызько прытулывсь по-пидъ самисинькый ёго тынъ. Непрыхыльно глянувъ на ёго Кибець разъ, глянувъ вдруге, та ажъ вдарывъ зъ розгону соби у лоба рукою, такъ мовъ ёму вывыднилось, чого доси не бачывъ.

— Крышка тоби, Чаплію! зрадивъ винъ,—а хто-жъ мени забороне зробыты помыйныцю зъ твого лёху?! Побачымо, зъ

кого буде дурень?—И заспокоенный Кибець подався у хату, загадавъ жинци наготуваты добру вечерю та, сившы зъ роботою до гурту, не вгававъ прыставляючы шуткы. За хазяиномъ пидбадёрылыся и пидмайстры, и пишлы у майстерни жарты и спивы коло гасочкы, що до неи вси зкупчылыся зъ роботою, якъ прусакы до свитла. Та хочъ и дуже кортило Кибцеви покорыстуватыся зъ чудовои выгадкы, але винъ не хапався зъ нею, дожыдаючы суду: чы не пошыется тамъ Чаплій у дурни, бо, не бувшы запеклою людыною, не хотивъ караты Чаплія на-двое.

Та судъ мынувъ. Зъ Кибця прысуджено пять карбованцивъ штрапу та выправлено пидпыску, що выкопа яму за тыждень. Пыльненько выпысуючы на пидпысци: „Мищанынъ Прокипъ Кибець“, винъ пидвивъ голову и покирлыво та пидкреслюючы обизвавсь до судди:

— Та ціеи пидпыскы хочъ и не берить, ваше высокородіе; не за тыждень, а сёгодни такы зроблю яму. Выбачте вже тилько, якъ що Чаплій не дуже нею зрадіе. Воля ваша, а мени проты ёго дурнемъ буты не можна.

Та судця, що, поспишаючы до-дому, згортавъ папери и не гараздъ прыслухався, видповивъ тилько:

— Та пышить-бо, пышить швыдче.

— А ну, хлопци, берить заступы, та копаймо не линуючысь, а ты, жинко, готуй помыи, поновымо яму, та не шкодуй ихъ, несы помыйныцю повну!—жваво показувавъ, повернувшысь зъ суду Кибець.

— Кажы краще, якъ судъ?

— Що тамъ, судъ! Ну, пять карбованцивъ штрапу!

— Прысудылы?

— Эге!

Кибчыха вже збиралася и голосыты.

— Годи тоби, давай краще помыи!—порядкувавъ Кибець, своею байдужистю дывуючы жинку, що хотила ёго вже лаяты.

Пидмайстры тежъ поглядалы дывуючысь и тилько вже, колы Кибець появывъ, де копаты, уси въ голосъ сказалы: „Угу“! Такъ, такъ, але нихто не выгадавъ попереду, тилько самъ Прокипъ Ёсыповычъ.—

Не гаялася вже и Кибчыха, але якъ на крылахъ прытягла здоровенну та повну у-щерть помыйныцю.

Не довго досталося и копати. Небавомъ одынъ зъ хлопцивъ почувъ, якъ ёго заступъ проскочывъ у льохъ.

— Стережиться, панове! вже намацавъ,—гукнувъ винъ.

Копачи вразъ проштырхалы решту земли, грудкы загуркотилы у яму, и передъ очи товарыства зъявывсь Чапліивъ лёхъ зъ картоплею, квасывомъ та инчымъ запасомъ, що прыдбала на рикъ хазяиновыта Чапліиха.

— Сыпъ, сыпъ! порядкувавъ Кибецъ, и хлопци, вхопывшы помыйныцю, шугнулы зъ неи, замахуючыся, щобъ заляпаты у лёху яко мога глыбше.

На Чапліевому дворыщи знявсь лементъ. На свою голову, Чапліиха запизно вгледила Кибцевы заходы и ажъ тоди прыбигла рятуваты свое невсыпуще горювання, колы помыи вже перенивечылы усе. Вона ажъ у полы вдарылася и зразу не мала сылы и слова вымовыты,—слёзы пидперлы ій голосъ; вже за хвылю мовъ выхопылысь іи тремтячи докоры та лайкы:

— Бога вы не боитесь! Що вы мени наробылы? Розбышакы, злодіи!..

На гукъ наспивъ и Чаплій. Его мовъ хто по голови триснувъ, якъ побачывъ винъ, що заподіялося. Винъ ажъ назадъ прягнувъ, очы ёму поналывалыся та почервонилы, и, лаючысь заклятовано, сипнувсь винъ до тыну зъ кулакамы.

— Бажавъ есы помыйнои ямы? Маешъ!—зле регочучысь дратувавъ зъ-за тыну Кибецъ.—Хай тебе лисного дидька чорты вдавлять! Бажавъ есы у моёму дворыщи хазяйнуваты? Корыстуйсь!

— Якъ ты смiешъ? Яке право маешъ—чуже добро псуваты та переводыты, драпижныку проклятый!

— А въ тебе яке право, стара халяво, чужи грунты пидкопуваты?

— Зажды ще лышень, ось я на тебе, катюго, у судъ подамъ, згныешъ у острози!

— Лизь, лизь у судъ! На себе швыдче острога знайдешъ! Бачъ, Святый-Божый, рыется у чужій земли! Може скарбивъ шукаешъ? Ще й мовчы!

II.

Чаплій побигъ зъ скаргою за лёха, Кибецъ за зламану межу... Обомъ не подобався ришенець и обыдва завелы апелляцію. Тымъ часомъ сварка розжеврювалася: Кибцеве порося ускочыло до Чаплія у двиръ, Чаплій перебывъ ёму ногу; „якъ не

можна по коню, то хочъ по голобляхъ",—тишывся винъ, а Кибець завивъ новый позовъ. Кибцеве хлопчыня выбыло каминцемъ Чапліеви шыбку, Чаплій вдарывся скаржытыся за гвалта. Розпочалался въ Чапліа и Кибця тяганына: одно—полыцейськи тягалы имъ повисткы, одно—обыдва вытрушувалы по судахъ та брехунцямъ остатни шагы. Пидмайстры тымъ часомъ линувалыся безъ догляду, загаювалы шытво, перенивечувалы роботу, а самы хазяины видъ повсякчасного непокою невдатни булы доглядаты дила и у вильну годыну, а марнувалы іи по шынкахъ, бидкаючысь та гудячы одынъ одного.

Якось саме розійшовсь Яквиъ Демыдовычъ Кибця лаяты, якъ почалы його люде вмовляты:

— И що бо тамъ, Якове Демыдовычу! не тягнить спорки, даруйте ёму, помырить,—чого на свити не бува!

— Не дарую и не помырю,—уперто видрубавъ Чаплій.— Хай у острози згные.

— Знаете, судъ—така ричъ, хто зна чый верхъ буде: сёгодни вы його, завтра винъ васъ...

— Оцю здійму, а не покорюсь!—розсердывсь Чаплій, вытягуючы зъ-пидъ свиты комиръ сорочкы.—Чуете—не покорюсь!

Колы се обзывается одынъ ще молодый парубійко, бувъ такый у Дубняхъ, тежъ зъ мищаньства, часовый майстеръ Рахманный, що вчывсь трохы и у гимназіи, и майстерству такы справди у Кыеви, та й каже:

— Ну, то й загинете и вы, и Прокипъ Ёсыповычъ! чы вамъ краще буде?

Дывывсь, дывывсь на його Чаплій, ажъ очы вылупывъ. Не любывъ винъ Рахманного и давно. Таскало його, каже було, и по гимназіяхъ, и по Кыевахъ, де вже воно не віялося, та й вытрохвалося таке велыкорозумне—усихъ вчыты. А цей разъ Рахманный спротывывся ёму у край.

— Хто це—Прокипъ Ёсыповычъ? пыта винъ такъ суворо, трохы не грыма.

— А хто-жъ?—видказуе Рахманный, ще мовъ дывуется.— Хиба не знаете? Кибець—Прокипъ Ёсыповычъ.

— Винъ?...

— Та винъ-же.

— То спасыби вамъ, добродію! Прыривнялы свыню до коня. Колы Кибець вамъ Прокипъ Ёсыповычъ, то краще вы до мене и не балакайте, а колы я вамъ Яквиъ Демыдовычъ, такъ винъ вже не Прокипъ Ёсыповычъ, а Кибець, Кибчыня препаскудне, онъ-що!

Пыльно поглянувъ на Чаплія Рахманный, дали мовъ ёму по-мижъ вусамы осмихъ гадючкою перебигъ, але такъ ривно видказуе:—

— Шаную и васъ, и ёго. Моя воля—кого хочу, того и шаную. Що мени зъ того, що вы спорытесь?

А тоди обернувся до усихъ та й каже: такъ, панове, пропащи наши товарыши—и Яквъ Демыдовычъ, и Прокипъ Ёсыповычъ. Та що зробымо. Однаково не въ насъ тилькы и не самы воны,—мы, ремесныкы, уси згынемо, переведемося на наймытивъ. Хто ранише, хто пизднише, а мусымо згынуты. Скризь-бо, де выявляется кращый заробитокъ, набигають люде зъ велыкымы гришмы, заводять велыки майстерни, заводы, крамныци, прымањюють покупця и тымъ, що въ ихъ краще робытся, и тымъ, що въ ихъ дешевше. А зробыты це можуть, бо роблять машынамы, прыпасъ купують грунтомъ, и дешевше за насъ. А нашъ братчыкъ, ремесныкъ, лышается тоди безъ роботы, та й мусыть иты до ныхъ у наймы. Ще якъ-бы мы схаменулыся та зъеднались вкупи робыты, то може и змоглы-бъ ще змагатысь, бо тоди-бъ и мы свое дило шыроко впорядылы-бъ. Та се не можлыво, сами мы, не те вкупи робыты, а и простого ладу додержуваты не схочемо, а топытымемъ одно одного. А шкода! бо, якъ надійде та скрута, буде видъ чого оборонятыся—багато зъ насъ сылы высмокчуть, то треба-бъ купы держатыся. Воно и буде колысь, бида навчыть коржи йисты, та выпьемо доты велыкый кившъ лыха и будемо вже не хазяины, а робитныкы.

Якъ-же дослухавъ до краю це Чаплій, ажъ розсердывсь: що вы тамъ плещете нисенитныцю!—То-бъ то, по вашому, мени зъ Кибцемъ товарышуваты?—а не диждe! Не за насъ сказано: „гуртове—чортове!“ Ажъ ненавыжу базикання!—скинчывъ винъ, и сердытый подався зъ шынку.

Але-жъ розсердывся и Кибець, колы ввечери почувъ про таку розмову:

— Пророкувавъ-бы на свою голову, а то людямъ наврочуе! Дарма, по ёго не буде. Календари и инчы пророкы погоду угадують, та все брешуть. Такъ и винъ, вражый сынъ! А щобъ я зъ Чапліемъ робывъ у-купи? Зглянътесь, панове! Зъ якои речи товарышувавъ-бы я зъ дурнемъ, зъ якои речи передилявся-бъ зъ имъ заробиткомъ? Я працюю и въ-день и въ-ночи,—винъ лодарь. Я майстеръ,—винъ стара швайка никчемна, я мудрую та крутю головою, якъ-бы щобъ и дешевше узяты, и соби бильше вытягты, а винъ щò своею дурною посудыною выгада? Пху на ёго,—отъ що Чаплій! Та й напливъ-же, велыкорозумныкъ!—скинчывъ Кибець и, знявшысь навшпынячкы, вылупывъ очы та закрутывъ головою,

а нарешти, мабуть, щобъ краще довесты свою думку, цвенькнувъ черезъ усю хату та засвыстивъ.

Мынуло зо два рокы. Де дали обомъ господарямъ велося усе гирше. Обыдва позастановлювалы грунты, завынуватылыся и такъ по людяхъ. На тому-жъ майдани поставывъ ще майстерню новый кравець, Янкель Гершковычъ Тарноруцькый, и видбывъ мало не усю роботу и въ Чаплія, и въ Кибця, а воны якъ затяглыся у ворожнечи,—одно що рыпалыся по судахъ та адвокатахъ. Вже и адвокаты, що давнишъ страхъ яки булы чемни до Чаплія и Кибця, самы заклыкувалы ихъ до себе, садовылы поручъ, трактувалы чаемъ,—теперъ не давалыся на розмову, а якъ часомъ, выдершы останнёго пожыченого карбованця, и давалы пораду,—такъ недбало, цидячы кризь зубы, ажъ слухаты було крывдно. За таку пораду въ Чаплія ажъ серце закыпало вылаяты, та, боячысь лышытыся безъ жадноѝ, винъ стыскувавъ лайку, а тилько зъ образы не втне було и прохаты гараздъ, а одно уперто торочыть:

— Будь ласка, зробить ласку, панове!

Якъ-що и допомынався винъ часомъ свого, такъ черезъ те тилько, що не уси зъ дубеньскыхъ адвокативъ булы дуже смилыви, а очи въ Чаплія пры розмови зъ нымы жеврылыся, якъ у вовка, невидступно пронызуючы порадныка. Кибець навпакы, не шкодивъ гонору; прохавъ знищенно, вклонявся, хлыпавъ и набрихувавъ, бидкаючысь на Чаплія, щобъ зворушыты тымъ адвокатське серце. Якъ що его выгонылы, кыдався цилуваты рукы, якъ-же выпыхалы за двери, килька годынъ выстоювавъ на вулыци, щобъ переняты адвоката, колы той итыме зъ двору, зъ плачемъ чеплявся зъ своимъ, сикався цилуваты рукы, покы, абы видчепытыся, не напышуть, чого ёму треба.

Заразъ такы писля цёго ишовъ винъ до шинку та розважавъ себе, лаючи адвокативъ:

— Кляти, прокляти! Лёду въ ныхъ середъ зимы не выпрохаешъ...

За цей часъ винъ страшенно знищывся, ходывъ обшарпаный, густо пьяненькый; борода, що не видкынувъ винъ звычая іи голыты, та голывъ зридка, вызырала нечепурно; очи бигалы невпокоённо, давни жвависть та хытруватись ёго перевелыся на недоладню хаплывисть.

Въ ёго лишывся тилько одынъ пидмайстеръ,—решту винъ порозсчытувавъ по одному, якъ менчало роботы: остильки винъ ще глядивъ свого дила. У Чаплія не було й одного, бо, хочъ

винъ и не здужавъ, чы не мавъ грошей ихъ розсчытаты, та, якъ Чапліиха надолужувала втраты на харчахъ,—воны розійшлыся самы, ще й побылы Чапліеви викна за те, що не виддавъ имъ заробленого.

Жывучы поручъ, и Чаплій и Кибець заразъ зналы обыдва, що робытся у сусиды, и кожна непрыемнисть одного неначе була втихою за-для другого.

— Чы вы чулы? Чаплій заставывъ свого грунта?

— Чы вы знаете?—въ Кибця ни зъ чымъ було сёгодни на базаръ иты; такъ не обидавшы ввесь день и выклацалы зубамы!

— А въ Чаплія, дякуваты Богови, вже й пидмайстривъ чортъ-мае...

Такъ оголошувалы по городу, наче яку радисну новыну Чаплій та Кибець, одынъ про одного глузуючы...

Мынуло ще зверхъ року, и наспивъ слушный часъ попереду Чапліеви: грунтъ и хату ёго зпродано за довгы. Та дарма що и самъ Чаплій давно вже дожыдавъ на такый кинець, винъ и не запытувавсь вызволяться: не робывъ ничого, не шукавъ роботы и, хочъ облышывъ позвы, такъ черезъ те тилько, що не було чымъ, та й обрыдло. Весь день, а то и по килько днивъ, ныкавъ Чаплій по шынкахъ, ще десь, а до-дому надходывъ въ ряды-годы, абы вынайты щось на продажъ, попереду зъ струменту, дали и зъ господарськыхъ речей, зъ одежи, то що; видъ симьи видбывся винъ зовсимъ. Жинка ажъ тремтила зъ гниву, дывлючысь, якъ винъ зъ упертою мовчанкою оглядае, цинуючы щось, на ёго думку, прыдатнише шынкарямъ. Вона зрывалася зъ мисця и зъ кулакамы сикалася лаючы та докоряючы. Ій справди доводылося тяжко: чоловикъ не дававъ ій теперъ на обихидку ничого; давнишъ, не заробляючы сама николы, вона не вмила ни заробляты, ни знайты заробитку, то й мусыла и сама зпродуватысь по-малу до найпотрибнишого, та крокъ за крокомъ переслижуваты, якъ руйнуется іи оселя, менчи диты ныдіють зъ голоду, бильши розбештуются, вештаючысь по городу, вызволяются крадижкою... Правда, вона не дуже-бъ журылася тымъ сама зъ себе, такъ-же знала, що за се и карають, и не поважають,— и ій робылося прыкро за дитей... На дали вона не зважувалась и думкою закыдаты, бо щось нибы вищувало ій жебрацтво,—и вона розважала себе, лаючы чоловика.

Та той мовчавъ, мовъ не чувъ, и зныкавъ зъ дому.

А про те не можна сказаты, щобъ Чаплій бувъ байдужый до того, що на ёго чекало. Навпакы, винъ страждавъ люто, та

мовчкы, а не сылкувавсь рятуватыся черезъ те тилько, бо вже втратывъ надію на рятунокъ и воля ёго захляла.—

У сучасній громади власнисть наддае людямъ незалежнисть, незалежнисть—повагу, се выховуе у ихъ якесь замылування до властности,—остилько сыльне, що вытворя зъ людей справдешнихъ рабивъ свого грунта, грошей, або якого ще и инчого добра. Правдыво, жыття середнёи людыни—йе цилковыта послуга цимъ маленькымъ фетишамъ, послуга щыра, ажъ до забуття первистного ихъ прызначення... и для найменчого господаря зробытыся наймытомъ—йе и велыке лыхо, и велыке знищення... Такъ само и Чапліеви, дарма що у властній хати винъ бувъ вже направду старцемъ,—думка, що ёму, господареви зъ батькивъ, зъ дидивъ, доведется иты у наймы, здавалася такою несвицькою, що и не почувалось выразно, а якъ у тумани марою розплывалося передъ поглядомъ зляканого розуму... та почуття лыха черезъ те не менчало, и винъ, такый упертый, такый недоступный на знесылля чоловикъ, ладенъ бувъ плакаты за своимъ дворыщемъ, за своимъ давнимъ кубломъ, де може и не все велося гараздъ, такъ за те винъ бувъ тамъ хазяиномъ. Це гнитыло ёго навить лужче, якъ сама боясть голоду, бо за симью Чаплій вже не дбавъ, останнихъ часивъ вона зробылася ёму зовсимъ чужою, а соби вже не мигъ уявыты ничого гиршого.

Колы спродано ёго хату, ёму далы ще два тыжни строку пережыты у ій, покы знайде соби квартырю. Та Чаплій и не думавъ клопотатысь за неи,—винъ жывъ такъ, мовъ ничого не змиңылося. Що винъ почувавъ, никому не було выдко, навить жинка не могла выдобуты зъ ёго ни слова, хочъ и лаяла и благала, щобъ порадывся, та щось робывъ. Але того дни, колы видбувсь строкъ, и Чаплій знавъ, що прыйдуть выкыдаты ёго зъ хаты, винъ не пишовъ зъ дому. Люде, немылосердно прыбыти лыхомъ, часомъ чують якесь задоволення вычерпаты ёго до крапли. Чы не було и въ Чаплія потребы цилкомъ перетерпиты руйнування свого жытла? Винъ забывся у кутокъ и непорушно сыдивъ тамъ зъ такымъ выглядомъ, що жинка не зважувалася и обизватысь до ёго. Такъ высыдивъ винъ зъ ранку, ажъ покы въ хату не увійшовъ судовый прыставъ и зъ имъ поняти. Зъ-за дверей вызыралы ще килько-сь цикавыхъ; по-малу воны почалы просовуватыся у хату; двери нихто не зачынывъ,—воны стоялы навстижъ, и витеръ часомъ вхоплювавсь, мовъ на те, щобъ зробыты ще непрывитнишою, ще сумнишою зруйновану оселю колышнёго господаря.

Прыставъ почавъ сварытыся, щобъ Чапліи заразъ-же выбиралыся.—Устань тамъ! чого розсилася? гукнувъ винъ Чапліиси, що не мала вже сылы и голосыты, а тыхо хлыпала, часто вты-

раючы заяложеною хусткою очы и нисъ. Жинка пидвелася, а диты, вчепывшысь ій у спидныцю, злякано дывылыся шыроко расплющеными очыма на цяцькованого пана, що здавався имъ страшнымъ та лыхымъ.

Приставъ провадывъ свое, а Чаплій слухавъ похылывшысь зъ выразомъ тяжкого болю и все ныжче хылывъ голову. Але ось винъ пидвивъ чогось голову и прецинь нестямно глянувъ по хати; соромъ заслипляв ёму ихъ передъ цимы цикавымы, що такъ пыльно дывлятся звидциль.

— Що се? чы не ввыжается ёму? чы й справди бачыть винъ— паскудна Кибцева пыка шкырытся зъ-за дверей, радіе ёго лыхомъ. Чаплій сипнувся до Кибця и гризно прошопотивъ ёму надъ саме вухо,—згынь, вороже!“

Якась сыла справди потягла Кибця до Чапліевои хаты, колы винъ побачывъ, що туды пишовъ приставъ, та не можна сказаты, щобъ Кибецъ ишовъ потишытыся лыхомъ свого ворога,— навпакы: дарма що винъ не жаливъ,—ище, здавалося ёму самому, ненавыдивъ Чаплія такъ само, якъ и попереду, та вже щось смоктало ёго коло серця, якесь важке, невыразне ще, а гнытюче почуття: може озывався острахъ за себе, може прокыдалыся тыхенько ще невымовлени и соби самому докоры сумлиння? Але-жъ не глянуты у цю мыть на Чаплія Кибецъ не мигъ,—щось мымоволи штовхало ёго у Чапліеву хату, якъ отъ часомъ тягне злочынця подывытыся на свій злочынъ.

Та колы винъ почувъ страшный Чапливъ голосъ, побачывъ ёго страшный выглядъ, Кибецъ пидъ вплывомъ сёго почуття зтулывся прыгнобленный и зразу поплентавсь до-дому.

III.

Причъ заможнійшои частыны Дубнивъ, на гори, де мистылыся казенни будивли, крамныци, панськи, крамарськи та заможнишого мищанства горныци та осели, де було и спродане теперъ Чапліеве дворыще, значна частына города мостылася по узгирью, що спускалося уступамы до ричкы, та по килькохъ ярахъ, зъ якыхъ инчи почыналыся у самому городи, а инчи обиходылы по-за городомъ, наче оточувалы ёго. Це булы правдыви нетри, де не скризь можлыво було пройихаты и одніею конячкою, а до богатёхъ хатынъ поплелыся тилько узесеньки стежечкы, по якыхъ и пишки не легко було допьястыся; по цихъ нетряхъ мешкалы наибиднійши дубенци, та и тутъ не скризь велося однаково,—и мижъ злыднякамы буває выемына. Блыжче до ричкы по шырокыхъ гырлахъ яривъ мистылыся хочъ просто, та бильши,

у дви, тры кимнаты хаты; слыве биля кожнои зъ ихъ булы садкы и огороды, а узеньки суточкы помижъ загущавилои садовыны, зъ-за якои проблыскувалы били стины сихъ хатъ, соняшныхъ днивъ малы навить идыличный выглядъ. Найбезталаннища голота тулылася выще по ярахъ, а вже надто на найвыщій на усю околыцю гори, такъ званому замчыщу, що выступала до ричкы на передъ усёго кряжа, на якому стоялы Дубни, та у вузькому, глыбокому яру, що почынавсь у городи и робывъ килько крутыхъ заворотивъ, обходячы те замчыще зъ трёхъ бокивъ, на самому злобку ціи горы справди здіймалыся вгору, наче корона, высоки валы якогось давнёго городыща.—Тутъ мижъ валамы, по крутыхъ узгирьяхъ замчыща на розкопаныхъ у гори маленькыхъ площынахъ и у самій глыбыни яру, у страшныхъ тисноти та бруду зтовпылыся обидрани халупкы найбиднійшого дубенського мищанства. Нызомъ по яру ледве струмывся смердючый потичокъ, по-декуды розлываючысь калюжамы; уся гора рябила попилястымы та рудымы смугамы и плямамы видъ смердючои покыди, що выкыдалы чимбари, видъ попилу, гною та смиття, що имы забывалы мешканци весняни та дощови вымоины.

У сёму яру знайшовъ соби помешкання и Чаплій. Шыты звидси на панство ничого було и думаты, та въ ёго вже не було и заказивъ: кравцивъ для простого люду у Дубнахъ и такъ було багато, прывчаты до себе новыхъ закащыкивъ було николы, бо Чапліеви треба було заробыты щось на що-дня, статы-жъ до якого кравця за пидмайстра,—на се винъ не мигъ ще прыстаты, сама думка про се гирко вражала ёго гоноръ.

Вышукуючы соби роботу, Чаплій погодывся краще узяты на себе найтяжчу працю и ставъ за шеретовочныка на парову крупчатню, яку не вдовзи поставылы у Дубнахъ два жыды. Робота була дуже важка: дванадцять годынъ на день вергаты пьятыпудови лантухы зъ зерномъ, самотужкы переносячы и высыпаючы до коша зъ высокыхъ буртивъ, якымы выкладалыся воны у шеретовни, на день зъ сто шистьдесяъ, доглядаты причъ того зъ пьятнадцять машынъ, мазаты ихъ, пересыпаты ремени жывыцею, то що, робыты се тыждень въ-день, тыждень въ-ночи, а разъ на тыждень, колы робитныкы переставлялыся: ти, що робылы въ-день, ставылы на ничъ, а ти, що въ-ночы—на день, гынуты за ціею працею врядъ двадцять чотыри годыны, маючы за те ажъ въ кинци тыждня спочывку такожъ суткы. Та Чаплій бувъ грубезный чоловикъ и покладався на свои сылы, а на крупчатни все-жъ такы плачено бильше, якъ пидмайстрамъ въ кравцивъ. Покы ще въ ёго затрымувалыся хочъ якись урывкы властности, се не такъ ёго обходыло, бо винъ, здавалося, втратывъ бувъ

саму вдатнисть думаты про свои грошови справы, але, видколы збувся усёго, винъ наче схаменувся и яснище зрозумивъ свое становыще. Саме те, що не мавъ вже жаднои предкивськои пидпоры, що треба було жыты зъ праци, не зъ властности, такъ знепокоювало ёго, що теперъ частише, якъ колы-будь, захожувався винъ выличуваты що до копійкы свои потребы та свои здобуткы, миркуючы, якъ вызволытыся зъ йижы. Тымъ часомъ, дарма що Чаплій и справди бувъ досыть ще дужый, вмнъ даремно покладався на себе. Надсыльна праця, ночи безъ сону, важка курява зъ млыва, якою доводылося дыхаты, выходылы ёму бокомъ; рукы, що ввесь викъ орудовалы голкою, булы заслаби для важкыхъ лантухивъ. Часомъ, тягаючы ихъ, винъ такъ выморювався, та занепадавъ духомъ, що, збираючысь браты ще якый, спынявся передъ велыкымъ буртомъ лантухивъ, обхопленый зляканымъ знесыллямъ, на лоби ёму проступалы крапли холодного поту, рукы и ногы тремтилы, на мыть ёго кыдало въ жаръ, наче по тилови перебигавъ гарячый подыхъ, робылося млосно, у очахъ крутылося та мыготило. Такыхъ хвыль винъ почувавъ себе тяжко и неправедно скрывдженымъ, и зъ глыбыны души зрынала у ёму ще злисть на крупчатню та іи рядъ. Писля килькохъ днивъ такои праци винъ такъ знесылювався, що мусивъ хочъ день перепочыты и не йты на роботу. А на крупчатни кожна ёго днёвка чыныла заколотъ, кожному робитныкови була тамъ прызначена своя робота и, колы хто не прыходывъ несподивано, боялыся угайкы та поспишалыся наняты поденного за яку-будь платню. Зъ поденнымы не торгувалыся и переплачувалы, але зъ заробиткивъ того, хто робывъ днёвку. Вдодачу ёго ще и лаялы за турбацію.

Але найтяжче доставалося Чапліеви робыты въ-ночи: якъ не продыравъ винъ очи, якъ не сылувавъ себе топтатыся, щобъ перемогты сонъ, віи непомитно злулювалыся, винъ зъ несылля злягавъ на лантухы и засыпавъ, покы зпорожнила машына не выявляла ёго недбальства, або прыкащыкъ чы мирошныкъ, выходячы на обхидъ перевиряты робитныкивъ, не будылы ёго. За це зновъ лаялы и пысалы штрапы, а одного разу вже сами робитныкы, що квапылыся на усяки выгадкы, абы розважыты соби нудну ничъ, зчынылы зъ Чапліемъ справди такы страшный жартъ.

Спостеригшы, колы винъ заснувъ, воны пидчепылы ёго шворкою по-пидъ пахвы та, перекынувшы іи черезъ трансмису, потяглы сплячого Чаплія вгору. Винъ прокынувся, высячы пидъ самымъ пиддашшямъ, бо зъ едыного на всю шеретовню лыхтаря за машынамы сюды ледве сягала тилько тмяна сутинь, довкола торохтилы палешни колеса, шамотилы бигаючы шкывы та ремини; зпросоння все це ввыжалося нибы якись прывиддя

або кативськы прысады. Трычи зъ реготомъ зпускалы робитныкы Чаплія трохы не додолу, але, не даючы ёму статы, зновъ здіймалы у-гору, покы на решти, почувшы ёго страшный зойкъ, не спынывъ машыны та не прыбигъ нимець мирошныкъ. Винъ злякався, чы не зобгало кого машыною, але, дизнавшысь у чому ричь, и самъ заходывсь глузуваты та реготаты.

— Нишаво, голубчыку, треба знайтъ, що не можно спайтъ.

Трохы очунявшысь, Чаплій почавъ бувъ лаяты тыхъ, що зробылы ёму таку каписть, але и воны и инчи робитныкы тилько сміялыся.—Ще зъ тебе, дядьку, намъ могарычъ належыть за хрестбыны, бо це мы тебе на мирошныка высвятылы.—

И такы справди першои-жъ недили, помогарычывшысь гараздъ на гуртовый коштъ зъ товарыствомъ, Чаплій подарувавъ имъ никчемну выгадку. Усе товарыство прысягалося, що не займатымуть ёго такъ въ-друге, а що для початку йе таке заведення. Уси воны бидкалыся на те саме, якъ и винъ, лаялы каторжну крупчатну роботу, и Чапліеви легшало зъ имы. Тилько самому мирошныкови не мигъ Чаплій николы ни забуты, ни подаруваты того, що той не ставъ ёму на оборону, а ще и самъ глузувавъ зъ ёго.—

Маючы потребу у грошахъ, винъ уже килька разивъ ходывъ за ными у контору, але хазяины малы звычай робыты розсчотъ и рахункы зъ робитныкамы тилько разъ на мисяць, въ кинци, а середъ мисяця давалы гроши неохоче и по-троху, затримуючы бильшу частыну заробленого робитныкамы въ себе, щобъ прымусыты тымъ ихъ буты слухнянишымы та справнишымы; то хочъ якъ благавъ Чаплій, але коженъ разъ давано ёму тилько видчыпного: полтынныка, чы карбованця, такъ що въ протязи мисяця выбравъ винъ якыхъ-сь пьять карбованцивъ, а жыты мусывъ на позычене. Проте винъ, сподиваючысь въ кинци одержаты решту, мавъ надію повертаты позычкы и, хочъ боявся, що вытратыть два-тры карбованци бильшъ, якъ заробыть, та заспокоювавъ себе, що надали прызвычаится обиходыться зароблённымъ, хочъ и безъ лышку.

Та уси свои розличування Чаплій спыравъ на певну сумму дванадцять, чы зъ днёвкамы—десять карбованцивъ, яку сподивався одержаты. Того-жъ, скилько на ёго запысано штрапивъ, не личывъ та и не нявъ виры, щобъ ихъ зъ ёго вывернулы, и самъ-бо винъ, було колы сердытся, густо сварывсь на пидмайстривъ штрапамы, та слыве николы не вывертавъ ихъ.

Але, колы дійшло до розсчоту, уси ёго рахункы зійшлы на нивець.

— Пьять карбованцивъ забравъ, маешъ пьять днёвокъ по карбованцю,—десять карбованцивъ, ще чотыри штрапа по пол-

тынныку за те, що спавъ,—усихъ дванадцять карбованцивъ: лышается твоихъ пьять,—беры!—и поличывшы, поклавъ конторщыкъ на стилець пьятку.

— Якъ се по карбованцю днёвка? аже мени не впадае стилько,—сердыто спытавъ Чаплій.

— То намъ байдуже: мы наймалы за тебе поденщыка, и дешевше не знайшлы. Колы це тоби здается дорого, мигъ-бы прыслаты кого на свое мисце, а мы черезъ твои линощи свои грошы выкыдаты не будемо.

— Колы такъ, то я вамъ и ци подарую, забогатійте ими... я не хочу!..

— Побалакай ще мени!—зкыпивъ конторщыкъ. Я тебе вывчу, чортове мурмыло!..

— Беры,—ничого не доведешъ,—зашопотивъ ззаду на вухо Чапліеви другый робитныкъ, що дожыдався черги.

Зципывшы зубы, Чаплій вхопывъ пьятку и зъ прожогу выскочывъ зъ конторы такъ, нибы тикавъ самъ видъ себе, боячысь наробыты щось страшного. Уси ёго розличування, уси его мріи забезпечыты зъ заробитка себе и симью, розвіялыся, колы такъ несподивано трохы не половына его десь склызла. Чаплія и такъ вже роздратованого, це тяжко збентежыло. Винъ почувавъ себе такъ, нибы въ ёго гвалтомъ зъ передъ очей выдерто останню спроможнисть жыты вже не багато, а якъ-небудь. До-дому винъ прыйшовъ ажъ у-вечери и значно пьяный....

Нема чого й розсказуваты, яка сталася розмова мижъ нымъ и жинкою; нервы іи булы въ такимъ напружени, вдачею вона николы не була ни сумирна, ни добра... Знялася лайка; Чапліиха докоряла чоловикови и тымъ, у чому винъ бувъ справди вывенъ, и тымъ, у чому не було и крыхты ёго провыны, докоряла и за теперешне и за те, що давно вже мынулося и забулося; а-ни слова, подибного до спивчуття, не почувъ видъ неи Чаплій, а ёму, збентеженому та зажуреному, бильшъ якъ колыбудь, було воно потрибне саме теперъ. За лайкою знялася бійка скажена, клята... Якъ сталося на решти, що воны, побыти, розпатлани, кынулы бытыся и поснулы, де трапылося, обыдва зъ почуттямъ лютости одно до одного, Чаплій за пьяным туманомъ не мигъ прыгадаты.

Для ёго сей день бувъ той, колы винъ выразно почувъ ненавысть до крупчатни, до іи уряду, хазяинивъ та заведеного у ій ряду.

Чапліиха того дни тежъ выразно зрозумила свою неповагу та ненавысть до чоловика, зрозумила, оскилькы винъ ій зробывся, чы й бувъ, чужый, та прыйшла до думкы, що ій не мож-

на покладатыся на ёго, а треба самій шукаты заробитку и на диты, и на себе.

Вона була ледачои та упертои и ненажерлывои вдачы людына, любыла спокій, цуралася праци и клопоту, та, колы прымушувалася до діяльности, вже не вагалася видъ сумлиння ни передъ чымъ. Саме тамъ, де оселылыся Чапліи, на очахъ въ Чапліихы, по обидраныхъ хыбаркахъ пережывалы дубеньски гулящи дивчата, де-яки одынычкамы, торгуючы собою видъ себе, де-яки, збираючысь кумпаніямы по тры-чотыры, пидъ прыводомъ якои старои видьмы. Ци спилкы збиралыся для того, бо, де бувъ гуртъ дивоцтва, охитнише заходылы гультяи, хазяйкы боронылы дивчатъ видъ полиціи, годувалы ихъ пидъ часъ безгришшя, вышукувалы ихъ коханцивъ, а за те видбыралы соби частыну бахурськои платни. Роспустъ сей видбувався у Дубняхъ безъ жадного ликарського догляду, хочъ и за видомомъ полиціи, що покрывала ёго, одержуючы зъ хазяёкъ умовлени хабары.

Часто и густо по цихъ лёховыцяхъ трапляпыся крадижкы, заманювалы та зводылы на втиху багатымъ бахурямъ молоденькыхъ дивчатъ, и все те здебильшого зныкало наче у гнылій твани... Чапліиси, прыдывляючысь до сёго, вже не разъ впадало на думку и соби тымъ покорыстуватысь, а ціеи ночи вона твердо зважылася.

Писля сваркы Чаплій не балакавъ зъ жинкою и похмуро прыдывлявсь до іи заходивъ. Винъ звыкъ зъ презырствомъ видносытыся до роспусты, знавъ поглядъ людськый на неи, тяжко вражало ёго гоноръ, що у ёго хати заводытся таке кышло. Та до часу винъ ще мовчавъ, и тилько, колы за тыждень Чапліиха перевезла до себе попереду двохъ дивчатъ, розлютувався та знявъ бучу.

Але жинка запекло виддала.

— Яке тоби дило? Чы ты годуешъ мене, чы що? А ни, то й не коверзуй, бо вже ты мени не голова!

Цей докиръ, найтяжчый для Чаплія, бо и самъ винъ вважавъ ёго правдывымъ, такъ прысадывъ ёго, що, дарма на велыкый гнивъ и твердый ришенець розкыдаты пакосне кышло, винъ не мавъ сылы змагатыся дали и замовкъ. Та зъ сёго часу ёму спротывылася властна хата. Не вважаючы вже на инче, Чапліеви просто було неспокійно; за стиною що-ночи пьяный гукъ, пыскотня; нахабни дивчата разъ-по-разъ забигають и до ёго у хату, здіймають галасъ, регитъ; у голоси, у кожному поруси ихъ вражала Чаплія втрата сорому; жинка почала тежъ напыватыся, до неи почало вчащаты якесь брыдке, зъ завше пид-

вязаною щокою, ледащо, воны чаркувалыся вдвохъ, дудлылы чай, и Чаплій бувъ певный, що то іи коханець; хлопци Чапліевы тежъ розпещувалысь, гульвисныча лы, и на попухлыхъ видъ горилкы облыччяхъ ихъ Чаплій часто бачывъ сыняви та кривави плямы.

Щобъ не бачыты сёго, винъ почавъ зныкаты зъ дому. Праздныкивъ на крупчатни було не багато, а колы и выпадавъ вильный часъ, Чаплій пересыжувавъ по шынкахъ, у знаемыхъ, або и такъ марнувавъ ёго на вулыци, до-дому-жъ надходывъ вже тилько, абы заразъ укублытыся та заснуты!

Тымъ часомъ въ Чапліихы сталося якесь непоразуминня зъ полиціантомъ. Щобъ докладнише довесты ій, якъ треба шануваты урядныкивъ, полиціантъ зробывъ протокола, и у судъ зайшло обговорення про удержування Чапліихою гулящого дому безъ дозволу и догляду. Полиціантъ звердывъ свое обвынувачування такъ непорушнымы доказамы, що дарма що де-яки свидкы зъ почтовыхъ, управськыхъ та й судовыхъ панычивъ канцелярыстивъ за-рады самои соромлывосты запевнялы, нибы заходылы до Чапліихы „тилько запалыты цыгарку“, або „выключно за-для спочывку“,—все-жъ Чапліиха бачыла, що видмагтыся ій ніякъ.

Іи моглы засудыты на іи волю або на штрапъ, або видсыжуваты у острози не зверхъ трёхъ мисяцивъ. Не збираючысь видкынутысь свого гешефту, Чапліиха прямо не могла заплатыты штрапа,—ци штрапы моглы насниваты день-у-день: де-бъ набралася вона грошей ихъ выплачуваты та й шкода було перевесты корыстный гешефтъ на збыточный и даты спроможнисть полиціантови тишытыся іи збыткамы. Вона наважылася краще, колы вже доведется, видсыдиты. Але и це було дуже прыкро: дило зпынытся, дивчата порозбигаются, панычи забудуть до неи стежку... Все це здіймало у Чапліихы лютисть на той судъ, що по якому-сь праву, якого Чапліиха не хотила ни зрозумиты, ни вызнаваты, може зробыты ій таку шкоду.

Та не сподиваючыся на нищо добре, вона такы наважылася оборонятысь до краю и, колы дійшла до неи черга говорыты, выступыла напередъ, прыдушуючы гнивъ. Высока, худа, зъ помарнилымъ облыччямъ немолодои жинкы, у значно затяганному панського строю вбранни, що купыла ёго старымъ въ якоись пани, зъ роскуёвдженымъ чорнымъ зъ сывызною волоссямъ, мутно-попылястый колиръ, якого дуже выразно зазначавъ, що не-знаты колы воно мылося, Чапліиха стала передъ судомъ наче розсатанила видьма; темни очи іи бигалы и блыщалы, якъ въ загнаного звира; вона выставыла одну ногу впе-

редъ и вразъ знявшы рукы, вдарылася кулаками въ груды, наче хотила розшарпаты на соби свое вбрання. Голосъ іи дзвенивъ высоко и чудно, такъ нибы у-разъ вона и грымала, и благала суддивъ.

— Праведни судди! Просю мылости вашои, помылуйте! Чы въ васъ можуть зняться рукы на бидну жинку та не безщастныхъ дитокъ? Вы знаете, въ мене ихъ пьятеро! имъ треба щось йисты. Що станется зъ имы, якъ що вы запроторыте мене до острогу? бо штрапу я не платытыму: зъ чого могла-бъ я платыты штрапы?.. Думаете, нашъ хлибъ солодкый? Та-жъ кожному треба щось йисты и зъ чогось заробляты... Кажу вамъ: не губить дитокъ! Батько въ ихъ пьяныця и недбалько, сама я тилько выховую... Хто-жъ ихъ годуватыме безъ мене?.. Вже-жъ не вы, панове судди, хочъ вы и багати и таки почесни та гарни люде; або скажить, що вы,—такъ я пиду до острогу спокійно!.. Не потурайте, праведни судди, полиціантови, не дайте ёму радиты зъ мого удовыного безщастя. Мы не гирши за инчыхъ; такыхъ якъ мы, сами знаете, хочъ прырву гаты. За всихъ самимъ каратыся,—це-жъ намъ обида!..

Хто и зна, покы ще вычытувала-бъ Чапліиха, якъ-бы старшый суддя не звеливъ ій мовчаты.

— Годи вже! знаемо гараздъ...

— Що вы знаете, праведни судди, що вы знаете? послухайте мене... Хыба можна не даты выправытыся обвынуваченому?..

Та судди знялыся йты на пораду до другои хаты. Колы повернувшысь воны вычыталы засудъ Чапліиси, въ неи наче зъ передъ очей все зныкло; свитячы имы, мовъ свичкамы, та ажъ трусячысь, вона зняла лементъ на ввесь судовый залъ.

— Такъ оттаки вы судди, такъ така ваша правда?! Чхаты я хочу на вашъ судъ! Хыба я гирша зъ инчыхъ? хыба вы не знаете, скилько тамъ биля Замчыща такыкъ, якъ я? Такъ чого-жъ вы зрадилы, одну нещасну запопавшы?..

Полиціанты не далы ій выкрычатыся и потяглы зъ залу; але и зъ вулыци чуты було ще якыйсь часъ урывкы іи докоривъ, лаёкъ та проклёнивъ.

Засудъ жинкы, на якый часъ, дуже потишывъ Чаплія. Цымъ наче зтверджено ёго поглядъ на жинчыны гешефты и доводылося, що воны не таки вже корыстни. Симьи зновъ доставалося выглядаты шматка зъ ёго рукъ, и черезъ те Чаплій почувавъ себе значно смилывише та зновъ почавъ докоряты жинци.

— Я тоби казавъ: не заводь чортъ-зна чого у моій хати, не страмы моеи сывои головы! Не на мое выйшло, бисова лахудра!?

Та Чапліиха не мала ніякои хити корытыся.

— Яка вона твоя хата, старый дурню!? Ты за неи гроши платывъ? Ты насъ годувавъ? Думаешъ може, теперъ годуватымешъ? Диждемося, якъ-же! Якъ-бы на тебе покладыся,—попухлы-бъ зъ голоду... Не бійся, безъ твоихъ злыднивъ прожывемо: що маемо, а що и люде повирять, не тоби, а мени, бо мене знають... Бачъ, ёму страмъ! Чого тоби страмъ? Подывиться на ёго, люде добри, якый чесный! Сказала-бъ я тоби, де вона твоя честь, та вже хай... але мовчы, бо такы скажу...

— Цыть! годи вже! заразъ я твоихъ хлёрокъ повыкыдаю.

— Ось поткнысь, ось запытайся мени!.. Пху на тебе!—и несподивано Чапліиха зъ мыстецькою зручнистю плюнула межы очи Чапліеви.

— Геть самъ звидси, вражый сыну, не погань мени очей, иды!..

Знялася справдешня баталія, и подолила такы Чапліиха, бо и бильши сыны и дивчата повсталы за нею. Довго лаялыся воны, покы Чаплій, утомывшысь, вхопывъ шапку и свытку и зъ проклёнамы подавсь зъ хаты, зодягаючысь вже на двори.

Проте врешти сталося на ёго. Колы Чапліиху засаджено, дивчата порозбигалыся, коханець іи не вьязъ на очи.—Та Чаплій и теперъ не почувавъ себе гараздъ,—винъ звыкъ вже прогулюваты значну частыну заробитку й не даваты на симью слыве ничого; теперъ зновъ доставалося клопотатысь про іи удержання, про шматокъ хлиба, зновъ уйидалыся турботни думкы, чы постачыть заробленого, зновъ треба було не робыты днёвокъ, щырише працюваты. Чаплій знесылювався, знервовувався и роздратовувався, и, якъ йедына видповидь на уси пытання, здіймалося у ёму ремство на хазяинивъ крупчатни, що дешево платять, на тяжку працю, що не забезпечуе найменчыхъ потребъ.

IV.

Мижъ прыкащыкамы на крупчатни бувъ одынъ высокый, гладкый та мордатый жыдъ, Мусій Исааковычъ Розенбахъ. Ввесь выдъ ёму бувъ роспысаный ластовынням, наче сороче яйце. Се була дуже швыдка, проворна и нахабна людына. Черезъ се та черезъ те, що у комерціи винъ справди бувъ спрытный, винъ ридко зо-

стававсь на крупчатни, а бильшисть часу посылано ёго по далекыхъ краяхъ, ажъ до Вильны, куды дубеньска крупчатня зпродувала частыну своихъ выробивъ, знаходыты покупцивъ на борошно и высивкы, збираты та правыты зъ вынуватцивъ гроши.

Але, дарма на комерціальный таланъ Розенбаха, хазяины ёго не любылы и часто потай лютовалы на ёго. Справди, йиздячы по дорученняхъ, винъ прогайновувавъ забагато, „не на прыкащыцькый пыскъ", и часу, и грошей на свои гулянкы по кафешантанахъ та циркахъ, а передъ хазяинамы мовъ хызувався ще тымъ, що робыть все недбало, нибы на гулянкахъ; по двору похожавъ „якъ на шпацыръ", зачипавъ робитныць, заводывъ теревени зъ старшымы служащымы, розсказуючы соромицьки побрехенькы, здебильшого хвастыкуючы своимы поспихамы въ жиноцтва пидъ часъ подорожывъ.

Колы-жъ хазяинамъ обрыдало дывытысь на таке недбальство и котрыйсь зъ ихъ завважавъ:

— Чого-жъ вы, гаспадинъ Розенбахъ, ничого не робыте, а тилько шпацыруете?—той виддававъ завше зъ цилковытою самоповагою:—Чудне дило! хиба вы не знаете моеи вдачы?—Кожный гешефтъ я кинчаю, якъ орелъ, зъ наскоку.—Хыба вамъ мало цёго?

— Нехай соби такъ, а все-такы не можна за килькось днивъ праци удержуваты жалування черезъ ввесь рикъ.—Ну, хыба не такъ?.. по правди?—докорявъ ще лагидно хазяинъ.

Розенбахъ на те тилько плечыма здвыгавъ и вписля скаржывся мижъ служащымы.

— Чудни люде: воны наче звыклы робыты самымы воламы, воны зовсимъ такы легковажать таланъ.

Таки прымхы та недбальство Розенбаха такъ навирювалыся хазяинамъ, що часомъ, хочъ винъ и справди робывъ имъ багато корысти своею спрытнистю и мистецькымы выворотамы, воны радниши булы-бъ ёго увильныты, якъ бы не боялыся, що Розенбахъ на помсту порозголошуе ихъ комерціальни таины, зъ якыхъ моглы-бъ покорыстуватыся инчы крупчатныкы, або и таки, за яки довелося-бъ видповидаты передъ закономъ. А нахабный Розенбахъ, спостеригаючы хазяйськи турботы, мовъ ненарокомъ закыдавъ наздогадъ часомъ, що тямыть, у чому тутъ ричъ та у чому ёго сыла. Певно, це не прыхыляло хазяинивъ до Розенбаха, та прымушувало ихъ удержуваты ёго и даруваты те, чогобъ воны не подарувалы никому.

Вже не разъ хазяинъ, гладкый и спокійный Мордохъ Бороховычъ и худый та запальный Мендель Абрамовычъ, замыкалыся у своій кимнати на потайну пораду, чы не увильныты

Мусія Исааковыча. Ця кимната була друга ззаду конторськои, и тутъ хазяины выталы и торгувалыся зъ значнишымы контрагентамы, а тако-жъ обговорювалы усе те, чого не можна було обговорюваты прылюдно. Дывный бувъ іи выглядъ: зимови рямы николы не выймалыся для безпечности видъ злодіивъ, черезъ те духъ у ій бувъ тяжко важкый; у хати стояло усихъ тры чы чотыры старыхъ обдертыхъ ослонця, одынъ невелыкый стилець, на якому и йилы и зводылы рахункы, завше застланый улытою та замазаною скатиркою, дви кровати для спочывку, колы трапытся, хазяинамъ, зъ заяложеными, брудными подушкамы та постелею, дви старыхъ шахвы, одынъ чы два продранныхъ чемоданивъ. На кроватяхъ завше понаскыдано верхнёи одягы, богомилля, кныжокъ, скынутои билызны, на викнахъ купою лежать пробы пшеныци та борошна у брудныхъ пороблеными зъ дрантя мишечкахъ, цыцеле, тежъ кныгы, часомъ молытовни, ящыкъ зъ ваксою, щитка для чобитъ, недопытокъ горилкы, посохле скорыння хлиба, надибраный ящыкъ зъ марынованою рыбою—решта давнишого и запасъ для будущого пидтрымання хазяйськыхъ сылъ.

Якъ въ людыны, бильше гарячои, терпець швыдче урывався въ Менделя Абрамовыча, и саме винъ здіймавъ завше пытання про увильнення Розенбаха.

— Я вже не знаю, Мордухъ Боруховычъ, за що це вы улюбылы этого Розенбаха?—сама паскудна людына! нахабныкъ, гыцель;—на що намъ такого держать и докы держать?

— Ай, Мендель Абрамовычъ, якый вы гарячый! Зъ чого вамъ здумалося, що я улюбывъ Розенбаха?—запытувавъ зпоквола и дипломатычно Мордухъ Боруховычъ, щобъ даты часъ трохы утышытыся кумпаніонови.

— Ну якъ-же не улюбылы? Кажить вы мени, що не улюбылы! а кому я говорю: увильнымо Розенбаха, а хто каже: не можна?... Хыба,-разви не вы? А чому не можна? того безпабашныка, того нахабныка, що винъ и шабашу не почытае и никоторои виры не додержуе!

— Ну и до чого це? Ну, вы не знаете хыба, скилько такыхъ теперъ? Куды тилько можна плюнуть, у такого влучышъ. —Але хыба це стосуется до комерціи? зъ кымъ тоди можно заводыть комерцію?...

— Вы будете ёго завше обороняты, а тилько мы получымо ще такого, що Розенбахъ назбирае нашы грошыкы и „фуръ гезундъ, а гите гешефтъ!“

— Цёго ничого не може буты. Вы соби говорыте, якъ не комерсантъ... я говорю—инакше не комерсантъ,—поспишае вы-

правыты неслушный выразъ Мордухъ Боруховычъ, схаменувшысь, що дуже вже уразлыво зачипа кумпаніона.—Ну кажить бо сами, Мендель Абрамовычъ, на вашу бороду и на ваши пейсыкы! хыба де у свити йе така людына, щобъ якъ-бы ій даты скольки завгодно грошей, и щобъ вона не зробыла изъ нымы гешефту—ай! ай! ну, якъ-бы мы зъ вамы?... За кожну людыну треба знаты, скилько воно коштуе, скилько ій треба звиряты, щобъ воно соби думало, що то гешефтъ ныжчый за ёго.—Ну, а мы не знаемо цины Розенбаху?—А знаемо, то й можемо глядиты, що ёму доручаты, и не може буты никоторои шкоды. Кажить краще, що Розенбахъ нахабна людына, що воно ледащо, що воно зъ намы поводытся, якъ гыцель и грубіянщыкъ, а тилько винъ „юдише копеле" и якого робыть „гите гешефты" и все-жъ такы завше выробыть свое жалованне. Слухайте сюды, Мендель Абрамовычъ!—И Мордухъ Боруховычъ прысовувався ще блыже до Менделя Абрамовыча и ще тыхше почынавъ шопотиты, хочъ и доси говорывъ не въ голосъ.—Я все такъ соби думаю: нехай Розенбахъ ище гирше збалуется, а тымъ часомъ намъ ще йе зъ ёго щось. Вже тоди мы ёго вырядымо—тилько, бороны Боже, не розсчытаемо. Вы хыба не знаете, скилько цей капостныкъ намъ може нашкодыты? Мы вже краще прысовитуемо тоди комунебудь узяты ёго на кращее жалованя,—и Розенбахъ буде задоволеный, и намъ добре.

Доказы Мордуха Боруховыча завше малы значный вплывъ на Менделя Абрамовыча; до того за розмовою винъ трохы заспокоювавсь, и такымъ чыномъ Розенбахъ ще доси лышався на крупчатни „до которого часу".

Одного вечора пизднёи осени Розенбахъ, бувшы дома, намигся зробыты струсъ робитныкамъ, що выходылы зъ крупчатного двору передъ вечирнёю зминою. Справди, де-хто зъ робитныкивъ жывылыся, выносячы трохы борошна, а найбильше лантухивъ соби на онучи, у хазяйство, а часомъ и на продажъ сусидамъ, чы у шынкъ. Щобъ збавыты ту крадижку, хазяины видъ часу до часу робылы несподивано вывирку, трусячы робитныкивъ, що выходылы зъ двору, и Розенбахъ завше охоче брався до того, бо мавъ зъ того прыводъ пожыруваты зъ дивчатамы и пошкылыты зъ чоловикивъ.

Було шисть годынъ темного туманного вечора. На обгороженому парканомъ крупчатному дворыщу блымалы лихтари, але свитло ихъ ледве проблыскувало черезъ густый туманъ; запынене имъ, воно оточувало лихтари жовтымы зъ дымомъ коламы, наче облямованымы чорнымы торочкамы. По двору, мовъ

злытому водою, стоялы калюжы и калюжкы, проблыскуючы на свитли, а темни, ажъ чорни, у затинку; ввесь двиръ вкрытый бувъ товстымъ шаромъ гною, погубленыхъ хурщыкамы отрускивъ сина, навпивъ-гнылымы купамы половы и бурьянового насиння, выточеныхъ зъ зерна. Усе те було змишане людьмы и хурамы завглыбшкы по кисточкы и вызырало, мовъ якась болотяна твань; чорни кубла дыму зъ дымаря и сыви—пару зъ машыны зпускалыся унызъ, застылалы двиръ смородомъ угильного чаду и безъ гуку, безъ шелесту, нибы якись хымерни ночни проявы зъ крыламы, трипотилы и былыся у стины крупчатныхъ будивливъ. Розенбахъ стоявъ на воротяхъ, заступаючы дорогу робитныкамъ, що выходылы, и, наче шукаючы краденого, загрававъ зъ бахурською ухмилкою зъ дивчатамы, шкылывъ зъ чоловикивъ, нибы зъ ихъ звычкы усе красты, мылуючысь самъ на свои гостри выгадкы, яки здавалыся ёму на-прочудъ мыстецькымы, але ображалы бильшисть робитныкивъ, що видходылы писля трусу похмури и сердыти.

Оглянувшы усихъ, хто йшовъ зъ двору разомъ, Розенбахъ помитывъ, що мижъ нымы не було Нечыпора Сеня, робитныка, на якого давно вже пидзорено, що винъ багацько выносыть зъ крупчатни. Розенбахъ бувъ певный, що Нечыпиръ прыховавъ щось и, почувшы про вывирку, десь затаився, покы вона перейде; не появляючы свого спостереження, пишовъ винъ видъ воритъ та похожавъ по двору назырци, зъ безневыннишымъ выглядомъ заводячы теревени то зъ тымъ, то зъ инчымъ, а, колы нарешти Нечыпиръ, не сподиваючысь вже рахубы, выйшовъ зъ крыивкы та пишовъ зъ двору, Розенбахъ навзаводы побигъ та перенявъ ёго биля воритъ.

Нечыпиръ Сень бувъ шорстка, похмура и дуже дражлывои вдачы людына; надто дражлывисть розъятрювалась у ёму на кинци роботы видъ втомы та видъ того, що писля довгыхъ литъ завычкы нервы ёго потрибувалы пидтрымування горилкою, чого не можна було робыты у крупчатни черезъ увесь день. Винъ справди прыховавъ два новыхъ лантухы, щобъ пидкрипытыся на ихъ идучы до-дому. Почувшы, що ёго выстежено, винъ настобурчывся и розлютовався. Ця злисть була почасты проявою первистного прыроднёго почуття зацькованного звиря, почасты наслидкомъ нахабства у боротьби, яке выховуе некультурне суспильство, що схыляется передъ тымъ, хто зъ бильшою твердистью та завзятистью напосидае вымагаючы.

— Пусты! Чого ставъ на дорози? суворо прыступывъ винъ до Мусія, блыснувшы зъ-пидлоба сердытымы очыма.

Ёго голосъ, гострый и впевненый, ёго выглядъ сердытый и, здавалося, ображеный—багатёхъ бы завирывъ у ёго цилковытій

безневынности ще и прымусывъ-бы соромытъся свого пидозрення, тилько не Розенбаха. Розенбахъ, и то не безъ права, запевне у видносынахъ, яки моглы скластыся у межахъ крупчатного двору, вважавъ себе прыкметнымъ психологомъ та выхвалявсь тымъ, що ёго нихто не одуре.

— Не дуже поспишайся, бо я хочу тебе прыпыныты—зъ нахабнымъ осмихомъ видказавъ винъ, не оступаючысь въ дорогы.

— Не вьязны! Якого тоби ката треба?

— Тилько и того, що трошкы тебе потрусыты, чы не вытрушу мишечка або борошна. Бачъ, якъ ты набрався и на спыну, и на полы,—вказавъ Розенбахъ на впорошену одягу Нечыпора,—то може чы не знайдется у кышени чы у штаняхъ?

— Геть! нема въ мене ничого!—запекло гукнувъ Нечыпиръ и простягнувъ руку, неначе намырывся пхнуты Розенбаха.

Сердыти гадючкы замыготилы Розенбаху у очахъ, але ще стрымуючысь для тіеи втихы, якои чекавъ, винъ наче лагидно прыпынывъ Нечыпорову руку.

— Трывай, голубчыку, я бо такы хочу подывытъся, чого въ тебе ногы попухлы?.. и зненацька вхопывшы Нечыпора за очкуръ, Розенбахъ шваркнувъ ёго, очкуръ увирвався, штаны зсунулыся, и ногы Ничыпоровы зъявылыся умотани кожна лантухомъ.

— Ачъ, ёлопе! а якый пышный, мовъ справди чесный!—глузувавъ Розенбахъ.—Давай сюды лантухы, та на тоби!—и винъ злегка, мовъ на потиху тилько, вдарывъ двичи Нычыпора по потылыци.—Винъ вдарывъ справди не зъ серця, не на те, щобъ прыкладомъ такои кары збавыты на крупчатни крадижку, якъ те роблять ще часто въ насъ неосвичени и дыки хазяины, а такы выключно для якоись пыхы, щобъ потишытысь своею сылою, пороскошуваты, зныщуючы залежну людыну. Особлыво по-мижъ жыдкамы, що змалку натерпилыся зневагы и, поклавшы уси сылы, ввесь хыстъ свій на те, щобъ забагатившы здобуты честы, проте чують видусиль потайне чы выразне до себе згирдлыве и вороже видношення; шыроко розповсюджене це стыдке чуття, и черезъ те може почасты жыдивська зневага и зверхнисть здаются простій людыни гиршымы за яки будь инчи.

Нечыпиръ стоявъ тяжко ображеный, и не можна здуматы, яка гирка лютисть заворушылася у ёму, тилько то була покы ще безсыла, прыборкана, не вдатна выбухнуты лютисть, бо вразъ почувавъ винъ себе цилковыто высміяным, знышенным тяж-

кымъ глумомъ. Чуючы холодъ по голыхъ ногахъ, опали штаны, що, наче въ малого хлопця, тягаются доли и плутають ногы, Нечыпиръ вважавъ се такымъ соромомъ, якого николы не збудется. Прыгнобленый имъ, винъ и лютуючы здолавъ теперъ хыба плакаты або скрыготиты зубамы, та не змагатыся. Постоявшы хвылыну наче у нестями, вхопывъ винъ штаны и, похапцемъ натягаючы ихъ, выскочывъ зъ двору, наче тикавъ свитъ за очы, не виддавшы Розенбахови. Образа такои миры е завше коринемъ тяжкои помсты, але не зразу; вага почуття завелыка и знесылюе самого местныка, пимста выбухае ягодомъ, хочъ черезъ те ще клятиша.

За воритьмы Нечыпиръ трохы не наскочывъ на Чаплія. Сей спизнывся на роботу, бо вже зранку почувавъ себе погано: не видпочывъ гараздъ, бувъ роздратованый и дражлывый. Вже килька хвылынъ выстоявъ винъ за воритьмы и бачывъ усю стычку Нечыпора зъ Розенбахомъ. Ввесь гнивъ, усе обурення на осоружне крупчатне начальство взагали и на Розенбаха особысто, скилько набралося ихъ у ёму за ввесь часъ, але ще глыбше заховувалось, знялыся теперъ разомъ. Чаплій почувавъ себе такъ, нибы образа впала на ёго, и, наче хвыли до берегу пидъ часъ прыплыву, насувало на ёго непереможне бажання розчавчыты нависного жыда. Досыть було, щобъ очи Нечыпора и Чаплія збиглыся тилько мыгцемъ и нестямно, щобъ воны вже, хочъ не выразно, почулы одностайнисть свого почуття пидъ той часъ—и Нечыпиръ почувъ потребу повернутыся до Чаплія, а Чаплій ту-жъ мыть поклыкавъ ёго. Воны видійшлы осторонь видъ двору и почалы передилятыся своимъ гнивомъ, та хвылювання не давало имъ говорыты; те, що говорылы воны, була якась мишанына лаёкъ, що выхоплювалыся розшарпаннымы урывкамы, та пидъ сей часъ для обохъ така необмиркована розмова була найчутниша и найзрозумилиша.

Та воны булы такъ роздратовани, що самои лайкы имъ не було-бъ досыть; воны умовылыся, що Нечыпиръ чатуватыме биля крупчатни и, колы „рудый чортъ“ пиде до Чаплія у шеретовню, украдется туды и вдвохъ поповчать.

Писля такои умовы Чаплій пишовъ на роботу. Розенбахъ, що бачывъ, якъ винъ балакавъ зъ Нечыпоромъ, догадувався, що балакалы про ёго, и певне не дуже ласкаво. Се дратувало Розенбаха; якъ часто бувае, винъ мавъ чудну прымху, щобъ залежни видъ ёго любылы ёго навить тоди, колы винъ ихъ крывдывъ. Винъ мавъ добрый прыводъ виддячытыся Чапліеви за таку, якъ казавъ, невдячнисть, бо той справди спизнывсь на роботу, и, потураючы соби, Розенбахъ напався на Чаплія лайкою, грозячысь штрапомъ.

Идучы черезъ двиръ, Чаплій видгрызався.

— Пышы, пышы штрапы, подавысь! мало ще понапысувалы? зъ чого-бъ у васъ и жыръ нароставъ, якъ-бы не пысалы?

Лаючысь на ввесь двиръ, воны йшлы: Чаплій трохы попереду, Розенбахъ позаду. На останнихъ словахъ Чаплій зайшовъ у шеретовню, а Розенбахъ, роздратованый видповиддю и ничого не пидзоряючы—за имъ.

Прыпавшы окомъ до щилыны у паркани, Нечыпиръ бачывъ усе, и одніи хвыли було ёму досыть, щобъ опынытыся у двори и биля шеретовни. Ще на дверяхъ побачывъ винъ посатаниле облыччя Чаплія и напружену шыю Розенбаха, що взялыся вже за рукы. Крадькома и тыхо, якъ кишка, проскочывъ Нечыпиръ у шеретовню, зачынывъ двери и, вдарывшы Розенбаха ззаду по голови, напосивъ на ёго. Розенбахъ зойкнувъ, але не встыгъ закрычаты, а зойку никому було почуты, бо у шеретовни не було бильше людей, а за стиною поручъ такъ торохкалы вальци, що треба було страшенно крычаты, щобъ тамъ почулы. Нечыпиръ и Чаплій насилы Розенбаха и, сылкуючысь затулыты ёму рота, нивечылы ёго и тумаками, и ногамы, куды влучать. Та Розенбахъ бувъ дуже здоровый; борюкаючысь усимъ тиломъ, одгрызуючысь зубамы, винъ такы выпручався остилькы, щобъ крыкнуты не своимъ голосомъ. Збиглыся люде, мирошныкы, и розтяглы бійку. Зъ позбыванымы кривавымы смугамы на выду, обтыраючы кривъ, що капотила зъ носу, Розенбахъ почвалавъ до конторы, и за хвылю Чаплія и Нечыпора поклыкалы на розсчотъ и вырядылы зъ крупчатни.—

Ни хазяины, ни Розенбахъ не схотилы заводыты скаргу до суду, де довелося-бъ доводыты, що бійку почалы робитныкы, не самъ винъ, а на се не було свидкивъ; черезъ те хазяины удалысь просто до справныка, а справныкъ, пыльнуючы громадського спокою, звеливъ прытягты Чаплія и Сеня передъ свои очы у буцегарню. Тутъ, не розводячы ширшои балачкы и, не шкодіючы кулакивъ, винъ штучно та гризно лаючысь, наклавъ Нечыпорови по зубахъ и вже прыступывъ зъ тымъ самымъ до Чаплія, що обидраный, змарнилый, зъ прыкметамы злыднивъ та гультяйства, стоявъ похмуро передъ имъ, дожыдаючы своеи чергы, але вразъ пизнавъ у ёму колысь поважного майстра и хазяина... Щось заворушылося на серцеви въ справныка, чы то спивчуття до лыхои людскои доли, чы згадкы про добре та не дорого пошыти колысь мундыры, чы скорше и те, и те разомъ, и рукы ёго не знялыся на бійку. Зъ хвылю дывывсь винъ на Чаплія, наче у роздуми, и зновъ облыччя ёму зачер-

вонилося и мовъ набрякло видъ гниву, и винъ гризно скрыкнувъ:

— А, ты, сто чортивъ твоiй матери! Гляды мени, колы вже зробывся пройдысвитомъ! Не бью тебе, шануючы въ тоби колышнёго порядного чоловика и хазяина, але стережысь: якъ запопаду ще, то вже вычухраю за вси разы!

V.

Теперъ Чаплiеви треба було зновъ шукаты роботы. Зневирывшысь на свои сылы, винъ не хотивъ вже братыся до важкои праци, себъ то доставалося зновъ кравцюваты, тилько годи було и думаты за свою швальню,—треба було найматыся и вже не до кого-якъ до Тарноруцького.

— Зъ того часу, якъ вперше посварылыся Чаплiй и Кибець, багацько зминылося у дубенському жыттю: черезъ Дубни перейшла залызныця, городъ значно побильшавъ, а мижъ инчымъ зъявылася нова швальня, Тарноруцького, тилько не така, якы булы въ Чаплiя и Кибця, а велыка, цегельна, тепла крамныця, зъ викнамы, позастеклюваннымы не шыбкамы, а товстымъ скломъ на усю виконныцю; крамарськый стилець у iй застланый сирымъ сукномъ, а по за имъ на полычкахъ понакладувано пидъ саму стелю усякои тканыны,—тутъ и набирай, тутъ и пошыють. Не выдко ни окрайкивъ, ни смиття, ни брудныхъ робитныкивъ, не чуты лайкы, нема важкого духу, якый завше бувъ на давнихъ швальняхъ, де и спалы, и йилы, и робылы, а викна не любылы видчыняты, щобъ не выхоложуваты хаты. Усе те поховане у лёху, що тутъ такы пидъ крамныцею, де може ще и неохайнише, такъ никому не выдко.

Цю дывовыжу спорудывъ Янкель Гершковычъ, чы то пакъ Янкель Грыгоровычъ, бо винъ любывъ, щобъ ёго такъ прозывалы, Тарноруцькый, перевизшысь сюды видкилясь зъ Кыивщыны, колы у Дубни зроблено залызныцю. Батько ёго, старый Гершко, бувъ дуже бидный мишуресъ десь у маленькому мистечку; мавъ винъ багато тилько дитей и жывъ у тяжкыхъ злыдняхъ; стара Хайка, Янкелева маты, часто почытувала свого Гершка и дурнемъ, и неробомъ, и багато де-хто згожувалыся зъ нею. Та Гершко мавъ инчу думку и все выглядав свого щастя... „Нихто якъ Богъ",—часто зитхавъ винъ, бо справди безъ щастя якъ вызволятыся зъ мишурества у маленькому кыивському мистечку, де повно жыдивъ, а жыды зъ половыны мишурысы?—

Янкель памьятае себе обшарпанымъ жыденямъ, що вкупи зъ такымы-жъ дитьмы голоты по цилыхъ дняхъ безъ дила тынявся по вулыцяхъ, задвиркахъ та смитныкахъ маленького брудного мистечка. Завше винъ зъ товарыствомъ булы голодни, и, не безъ того, траплялося щось вкрасты, найбильше щось йистивне, а иноди щось и на продажъ, однаково на те, щобъ утышыты голодъ; траплялося, ихъ ловылы, былы або шпурлялы наздогинъ паличчямъ, груддямъ,—тоди воны тикалы, а згодомъ виддячувалыся, чы влучачы у напастныкивъ зъ засидивъ, чы нивечылы ёму укравшысь крамъ. Се було прыкро, але то була війна, а на війни—якъ на війни! Значно гирше ображало Янкеля, колы ёго лаялы, зачыпалы, облывалы помыямы тоди, колы винъ никого не займавъ, а чемно грався зъ товарыствомъ на смитныкахъ, що купамы перегнывалы на майдани та вулыцяхъ ихъ мистечка. А тымъ часомъ було и сёго часто, хочъ и не такъ, якъ доводылось чуты: „А, щобъ ты здохло, паршыве жыденя“, або: „мале, жыдомъ смердыть“,—таки ласкави прыемносты чувъ винъ и не разъ на день.—Свои—жыды, правда, булы прывитнищи, а все-жъ такы: „Иды геть, старчыня,—не каляй мени дытыны“—такого напрыкладъ Янкель наслухався досыть видъ миськыхъ пурыцивъ и ихъ балабустъ, колы впала ёму охота побавытысь зъ ихнимы дитьмы. Окрывженый та голодный, прыбижыть було Янкель до дому, ревно плачучы, а маты, щобъ утишыты дытыну, а почасты щобъ и себе потишыты, бо, зневирена въ чоловикови, уси надіи покладала на диты, почне ёму розсказуваты, якый винъ буде розумный, якъ выросте, якъ прыдбае сылу грошей и зробытся „а гройсе пурыцъ“. Зъ захватомъ слухае було Янкель неньчыны вищування, забудется и про голодъ, ще й осмихнется: „А я, мамеле, тоди дамсь имъ утямкы, я имъ помпцуся!“ Стара-жъ Хайка, чы спочуваючы тымъ замирамъ хлопця, чы радіючы, що заспокоила ёго, ще мицнише було прыгорне сына до серця. Черезъ злыдни не довго зосталося Янкелеви и такъ гуляты. Десяты годъ батько виддавъ вже ёго у науку до кравця; тяжка доля такыхъ учнивъ видома: зъ Янкеля поневирялыся, хто здумавъ, усимъ винъ бувъ за попыхача и скризь на властнимъ досвиди спостеригавъ, а дали вже зъ жадобою и бажавъ спостеригаты, якъ люде шанують заможныхъ, гнытять бидныхъ... Бачывъ се Янкель и дома, и на вулыци. и середъ мищанства, и середъ панства, навить у синагози. Черезъ таке переконання глыбоко укублылося ёму гостре бажання забагатиты, хочъ не скоро, щобъ хочъ пры старости, самому коверзуваты людьмы та не даты коверзуваты собою. Щобъ задовольныты ёго, винъ вдатенъ бувъ счыныты и стерпиты усе; обовъязкивъ, яки-бъ спынялы ёго, винъ не знавъ, уся суспильнисть здавалася ёму ворогомъ; и черезъ те вважавъ своимъ правомъ одбываты въ ворога,

скилько здужа. Винъ бачывъ, що въ ёго зброя кепська до того, та покладавсь на розумъ, хытрування и лукавство и пыльно стежывъ, чы не схыбне хто побичъ ёго, и колы, висимнадцяты годъ, вробывся пидмайстромъ, ёму пощастыло. Винъ такъ прыпавъ до вподобы хазяинови, що той цилкомъ звирывъ на ёго усю майстерню. Зъ сёго часу Янкель почавъ прыховуваты соби якусь частку хазяйськыхъ здобуткивъ, прыховувавъ крадькома, трусячысь, а все-жъ такы все, що прыдбавъ, пускавъ на видсоткы. Та гаятыся довго винъ биля ёго не схотивъ,—цей зыскъ здавався ёму и не безпечный, и замалый, ёму треба було тилько щось зажыты, щобъ було зъ чымъ зачепытысь, и, ледве назбиравшы трыста карбованцивъ, винъ покынувъ хазяина и вдавсь у гешефты; винъ брався до усёго: торгувавъ лантухамы, вапною, деревомъ, збижжамъ, часто не спавъ у-ночи, часто мерзся у самисинькому пальтычку, трусячысь повозчыною по морозу и трыдцять и сорокъ верстовъ, абы щось купыты дешевше, продаты дорожче; знервовано дизнававъ и нышпорывъ скризь, зъ чого можна сподиватыся корысти. Часомъ ёго грошы бильшалы, часомъ, здавалося, втратыть останне: тоди винъ затаювавъ решту, одурювавъ тыхъ, кому бувъ выненъ, бидкався та божывся, що въ ёго нема вже ничого, плакавъ, выпрохувався, покирно прыймаючы лайкы и докоры... Такыхъ хвыль ёму, здавалось, обрыдало выглядаты доли, винъ тратывъ надію и терпець и робывся чы не сантиментальный; ёго неначе щыро порушало панування на свити тіеи неправды, що бидного не шанують, хочъ якый винъ розумный и добрый, що повагу виддають багатымъ дурнямъ... Очы ёму тоди блыщалы, выдъ робывся зблидлый, навить зажовклый и брався зморшкамы. Тилько це траплялося зридка, и Тарноруцькый николы не корывся занепаду духа надовго, зновъ брався до новои спекуляціи и такы якось доскрибся, що назбиравъ зъ пьять тысячъ карбованцивъ. Тоди винъ кынувъ комерцію тай заснувавъ у Дубнахъ швальню на новый ладъ. Винъ вмивъ якось здобуваты и кредитъ, купуваты усе дешево, мавъ такый крамъ, якого не було доси о Дубнахъ, и ёму велося гараздъ. Небавомъ видбывъ винъ усю роботу у Дубенськыхъ кравцивъ и зароблявъ на рикъ тысячы зъ тры чы й бильше.

До сёго Тарноруцького и пишовъ найматыся Чаплій.

— Що тоби? непрывитно спытавъ у ёго хвертыкуватый прыкащыкъ у куцому пиджаку та прасованій сорочци, колы, увійшовшы несмылыво и вже сердячысь на те почуття остраху, Чаплій похмуро спынывся на дверяхъ.

— Я—найматыся...

Прыкащыкъ вдарывъ у дзвоныка; зъ середнёи двери выбигъ хлопчыкъ.

— Скажы Якову Грыгоровычу, що чоловикъ прыйшовъ найматысь; а ты зажды!—Чекаты довелося довгенько. Видъ часу до часу Чаплій зитхавъ и переступавъ зъ ногы на ногу. На дверяхъ дзенькнувъ дзвинокъ, и у крамныцю зайшовъ якыйсь панъ.

— Оступысь тамъ! (хочъ Чаплій зовсимъ не заступывъ дороги, та мабуть для бильшого вшанування покупця)—гризно гукнувъ прыкащыкъ, и вже зовсимъ инче, ажъ солодко обернувсь до пана зъ пытаннямъ «що зволыте?»—перехыляючысь черезъ стилець.

Небавомъ прыйшовъ и Тарноруцькый. Се бувъ одягнутый зъ запобиганнямъ моды у чепурненькому пиджаку, зъ-пидъ якого проте вызырала вже не дуже била сорочка, жыдъ зъ сывызною у велыкій бороди, у золотыхъ окулярахъ на довгому та закрученому носи, зъ-пидъ якыхъ блыщалы щулени невелычки и лыхи очыци; лобъ ёму косынею подавався взадъ, а потылыця далеко выдымалася. Выступавъ винъ згорда, помалу и, хочъ у хати було темно, недбало воликъ на плечахъ коштовного кожуха, що черкався однымъ краемъ по доливци. Вглядившы покупця, винъ швыденько скынувъ кожуха, поклавшы проте ёго такъ, щобъ хутро кыдалося на очы, вразъ зминывъ облыччя и ходу́ и, пустывшы по выдови прывитный осмихъ, похопывсь прывитатыся.

Показуючы крамъ, винъ и пидлещувався, и выхвалявся безъ сорома казкы, сылкуючысь втовкмачыты покупцеви, що звидси вже ёму никуды йты.

— Хиба--разви ми не понимаемо, зъ кымъ маемо дило? чы я смію показуваты вамъ крамъ не самого першого розбору? Прыдывиться на этово сукна, ну?! на цилому свити не бувае кращого,—джеркотивъ винъ.

Покупець вагаючысь мацавъ крамъ пучкамы.

— Ми не можемо васъ одурыты!—Ми ставымо своя комерція на правдываго лынія, что називаемо—чесно, справно, безъ никаково запросу. Этого краму тутычкы мало хто може набирать, тилько самаго перваго покупатели. Чесного слова, бизъ интересу ёго держа́ть. Тольки ми поважаемо першого покупателя зверхъ усёго и для васъ и этого можемъ прыставыть, затому, что желаемо поставить нашего фирма бизъ конкуренціи.

Заморочывшы гараздъ покупця, Тарноруцькый заправывъ зъ ёго дуже дорого, а колы той почавъ торгуватыся, заразъ заторохтивъ.

— Чиво дорого? Хиба я не знаю, что ви не могли соби шыты тутечкы; идѣ ви соби справлялы кустюмы? ну, увъ

Кыёви, ну, увъ Харькови, и хиба-разви не платылы дорогше? зачиму-жъ ви шкодіете заплатыты у Дубнахъ за хорошаго работу?...

Чаплій, що не разъ обшывавъ сёго пана, тилько дывувався, слухаючи таке, чому той не хвалытся, що шывъ завше у его.

Але панъ соромывсь цымъ похвалытыся и змовчавъ, мовъ вынуватый, та выторгувавшы якусь дрибныцю, погодывся на цину Тарноруцького. Разъ-по-разъ найпрывитнише уклоняючысь, сей дійшовъ зъ покупцемъ до дверей, самъ видчынывъ ёму ихъ, гыркнувъ ще щось по-жыдивськи прыкащыкови, и ажъ тоди обернувся чванькувато до Чаплія.

— Найматыся?

— Эге!

— Де бувъ?

— Мавъ власну майстерню... тутъ, у Дубнахъ,—Чаплій.

— Не знаю; такъ мабуть, абы-що.

Чаплія се прыкро вразыло и розсердыло. Винъ хотивъ огрызнутысь, хотивъ сказаты, що то justнеможлыва ричъ, щобъ Тарноруцькый, жывучы у Дубнахъ, не знавъ его, першого дубенського майстра, але винъ схаменувсь и мусивъ мовчаты.

— На першый часъ 12 карбованцивъ у мисяць дамъ—додавъ тымъ часомъ Тарноруцькый.

— Мало. Якъ-же я жытыму зъ жинкою, зъ дитьмы?—запытавсь торгуватысь Чаплій.

— Мени клопитъ? На що-жъ въ тебе йе жинка и дити? Сказавъ, бильше не дамъ, а то йды...

— Колы прыходыты? похылено спытавъ Чаплій.

— Хочъ и завтра. Тилько гляды, слухатыся мене и усихъ, кого звелю, робыты справно, а то геть!

Чаплій йшовъ до-дому прыгноблений и злый. Ёму обрыдлы вже до печинокъ и ця праця на людей, и ци клопоты зъ розшукуваннямъ іи, и це поневиряння зъ себе... И вже выразно почувъ винъ теперъ, якъ ёму робытся шкода, що жинка у острози... Хай бы соби заробляла, чымъ знала, прынаймни мени було-бъ легче,—зъ якоюсь запеклою злистью гадавъ винъ. Ну ихъ усихъ пидъ тры чорты!

VI.

Тарноруцькый поводывсь зъ пидмайстрамы дуже суворо. Винъ мигъ се робыты, бо у Дубнахъ тилько винъ самъ и наймавъ ихъ по-багато, и въ кого инчого роботу не легко було знайты. Черезъ те, абы тилько хто не зробывъ, що загадано, часто прогаювавъ дни, заводывъ спорки зъ товарышамы-пидмайстрамы, того заразъ розщытувано. Робитныкамъ було заборонено навить спиваты и гомониты въ голосъ у майстерни, бо надъ швальнею булы горныци хазяина, и винъ казавъ, що спивы та гоминъ ёго знепокоюють. Кинчалы роботу пиздно, почыналы рано; робитныкы, що здебильшого мешкалы по краяхъ города, мусилы уставаты вдосвита, прыхватцемъ сёрбалы кулишу, а, хто засыплявся, то и на тще серце, снидаючы на ходи шматкомъ хлиба, поспишалы на роботу. Майстерня була наче лёхъ, трохы не уся у земли; зъ вечора темнило у ій заранння, бо мали виконця, зроблени ажъ пидъ стелею, бидно впускалы свиту. Тоди запалювано лампы, що звысалы посередъ хаты по-надъ нызькый стилець; лампы булы маленьки, закурени, дуже чадилы и не гараздъ свитылы. Абы выднише, робитныкы зсовувалыся тиснише и нахылялыся зъ роботою яко мога до свитла, прымостывшысь хто на нызенькому ослончыку, а хто и доли, пидогбавшы ногы; де-хто, въ кого очи почалы псуватысь, а псувалыся воны у такій обстанови швыдко, злазылы и на стилець до самои лампы, а шытво пидносылы пидъ сами очи. Повитря у цій хати завше було важке, стеля почорнила, по куткахъ зацвитала вохкисть.

Невдовзи писля Чаплія ставъ до Тарноруцького и Кибець. Якъ не крутывсь винъ, якъ не побывався, а навесты на ладъ свою зруйновану майстерню вже не здолавъ, робота набигала тилько въ ряды-годы и, якъ не годывъ, а закащыкы не верталыся, бо усе дубеньске панство улюбыло шыты въ Тарноруцького. Якъ-бы ще не довгы, може Кибець якось крутывся-бъ, а то видсоткы дерлы останню шкуру и, де дали, довгы бильшалы. Нарешти Кибець мусивъ такы запродаты гунтъ та иты у наймы. Тяжко було це робыты, та однаково—не зробывъ-бы самъ, зпродалы-бъ судомъ, не мавъ-бы и того хатнёго дрибьязку та якихсь пивъ-соткы карбованцивъ про лыху годыну, що лышылыся въ ёго теперъ.

Знovъ Чаплій и Кибець бачылыся що-дня, сыдилы чы не поручъ, але обыдва, наче умовылыся, не озывалыся, не бала-

калы, навить не дывылыся одынъ на одного. Чаплій ненавыдивъ Кибця, якъ и ранише, та боявся хазяина, щобъ заводыты сваркы, и мовчавъ, хочъ черезъ те затаена злисть розжеврювалася ще дужчъ; Кибцеви було непрыемно та якось чудно стриватыся зъ Чапліемъ, але и потимъ, непомитно самому, ненавысть ёго до Чаплія десь подилася; ще колы доводылось згадуваты про ёго, Кибець не помынавъ вылаятысь, та вже безъ завзятости и мовъ не въ охитку. Ёго такъ гнитыло властне бездолля, що до инчыхъ не було и дила, а думкы и почуття одно зверталыся уйидлыво на те саме, на властне лыхо. Черезъ те Кибцеви було-бъ яковише може не бачыты Чаплія, та мало обходыло вже, чы йе винъ и якъ ёму. Справди, було ёму про що думаты: дома злыдни, бо звистно, що на 12 карбованцивъ у мисяць не прожывешъ, якъ нема своеи хаты, а всячыну треба куповаты зъ базарю та на готови гроши. Жинка мовчкы, щобъ не завдаваты чоловикови ще жалю, прыпадае коло зруйнованого господарства, та Кибець и самъ бачыть, якъ важко ій прызвычаюватыся до нового стану, працюваты черезъ сылу та забуваты краще жыття.

Надсыльна праця та смутокъ прыкметно позначылыся на ій; вона зблидла, змарнила, постаришала, губы жалисно зтулылыся, зморшкы почеркалыся по выду, а найгустишъ—коло втомленныхъ очей, що пидъ нымы попидводылыся сыни смугы. Зъ жалемъ, болизно прыдывлявсь Кибець, якъ знеможуется дружына, та прыдывлявсь нышкомъ и, колы несподивано спостеригавъ, що и вона зводе на ёго очи, ажъ жахався та крывся зъ своимы, боячысь якый зайвый разъ нагадаты ій про ихъ лыхо.

Пидъ вагою сёго тяжара Кибець чысто звився, уси давни бажання та почуття наче прыгаслы, почезла давня бадёристь, прыпадлывисть до людей, ёму не кортило вже ни у шынкъ, ни мижъ люде; зъ давнимы прыятелямы, що зналы ёго кращи дни, ёму було прыкро, винъ крывся одъ ихъ, а якъ доводылося стринутыся, вклонявся несмилыво, мовъ боявся, чы зъ имъ поздоровкаются; колы до ёго обзывалыся, нервувався, хапався плескаты усяку нисенитныцю, абы не пыталы ёго, якъ ёму йе... Злыдни и недоля штовхалы ёго що-дня на роботу; якъ прыголомшеный бигавъ винъ до майстерни та мовчкы копырсавъ голкою, що загадувалы, а часомъ спостеригавъ за собою, що захолоне нестямно, втупывшы кудысь очи, наче сылкуючысь зъ тяжкымъ болемъ щось згадаты и не може. Але на души въ Кибця йшла потайна робота; мынуло килька мисяцивъ, наспивала весна; думкы и почуття знову повильнише почалы складатыся въ ёго, ще повильнише, здается, якъ колысь,—тилько булы то зовсимъ нови думкы и почуття. Писля першого цилковытого

прыголомшення, выразнише зъясувавъ теперь соби Кибецъ свое становыще и болизно тяжко було ёму що-хвыли бачыты, що-хвыли думаты про свое давне и про свое сучасне. Видъ болю тыхъ думокъ, де дали гострише и гострише розпалювалася у Кибця невпынна жадоба жалощивъ та спочуття до себе; ёму здавалося, що то сама правда наказуе людямъ жалиты такыхъ бездольцивъ, якъ винъ, а самъ здавався соби ажъ до плачу тяжко и неправедно бездольнымъ... Але, де знайты було чуле серце для того: жинци винъ доси не зважувався появляты свою тугу, людямъ не нявъ виры, и ось усе палкише почала прокыдатыся въ ёго думка—не думка, скорише мрія зиткана зъ дытячыхъ спогадивъ, зъ чутыхъ колысь вырывкамы побожныхъ розмовъ, прыспаныхъ клопотомъ порываннь—знайты ти жалощи и спочуття у Бога, въ церкви, видъ Ёго представныкивъ. Та мрія обхопыла Кибця могутнымъ бажаннямъ и пидъ вплывомъ ёго Кибцеви, мовъ жыва, увыжалася та вабыла до себе постать старенького, поважного, у биднїй рясн, ченця, зъ чудовымъ тыхымъ зглядомъ, зъ лагидными, сумирнымы очыма, зъ якимсь сяйвомъ на выду, яснымъ, якъ небо, прывитнымъ, якъ весняный проминь.

Що недили почавъ Кибецъ ходыты до церквы и ревно молытыся, тилько не досыть було зъ ёго молытыся; сама молытва не заспокоювала ёго; ёму прытьмомъ потрибно було якоись видповиди на свои запыты, якогось видголосу на свои скорботы. Розумъ ёго не мигь видризныты Бога видъ церквы, иконъ та инчыхъ святощивъ навить видъ ёго представныкивъ, и Кибецъ прагнувъ ще наукы та розвагы видъ такого побожного панъ-отця, якого уявлявъ соби въ мріяхъ. Але йты за порадою до городськыхъ батюшокъ винъ не схотивъ, винъ забагато знавъ за ихъ звычайного, людського. За такою порадою Кибецъ надумавсь иты до манастыря, що бувъ верстовъ зъ десять биля Дубнивъ. Та передъ прощою сумлиння почало докоряты ёму за сварку зъ Чапліемъ; Кибцеви згадувалыся слова Евангеліи: „колы прыйдешъ до церквы и згадаешъ, що братъ твій ворогуе на тебе, пиды попереду помыры зъ братомъ твоимъ“—и здавалося, що самъ винъ выненъ своему лыхови, що те лыхо—то кара за грихъ. Нарешти помырыты зъ Чапліемъ—зробылося для Кибця конешною потребою. Та якъ? Прохаты выбачення винъ соромывся, боявся, що дизнаютъ люде, сміятымутся, и видъ самои думкы про се зновъ здіймалася у ёму ворожнета. На якый часъ винъ кыдавъ свій замиръ та тоди зновъ напосидалы грызоты сумлиння и не давалы спокою.

Хто й зна докы-бъ вагався зъ тымъ Кибецъ, якъ-бы, пидъ вплывомъ конешнои потребы помырыты и заспокоитыся, не

здумалося ёму, що и Чаплій давно вже видсердывся, не воро-гуе зъ имъ у души и що й ёму тилько соромъ обизватыся першому; тоди не треба ни велыкыхъ заходивъ, ни выбачення,— обизватыся тилько—и край непрыязни. Це було-бъ такъ прыемно, що Кибець, не розмирковуючы багато, понявъ тому виры и зважывсь.

Але прыступытыся все-жъ такы було важко. Передъ днемъ, колы Кибець зибрався на прощу, Чаплій сыдивъ трохы навкоса проты ёго, бувъ сердытый, мовчавъ и уперто не зводывъ ни на кого очей. Скилько не збиравсь обизватыся до ёго Кибець, але гляне и не зважытся, нервувавсь и знепокоювавсь черезъ те ще дужче. Надъ вечиръ вже було ёму надъ сылу зносыты ту непевнисть, що не помыре зъ Чапліемъ и передъ прощою, зробывсь черезъ хвылювання на дыво гострый, и отъ, у тому зворушенному настрію, не спостеригшы и самъ якъ, Кибець зненацька обизвавсь, не дывлячысь на Чаплія; голосъ ёму тремтивъ, у ёму чулося ревне благання.

— Якове Демыдовычу! а кете, будь ласка, мени ножыци.

Чаплій пидвивъ голову та мовчавъ, мовъ не зразу зрозумивъ, хто и що ёму каже. Ось у очахъ ёму запалахтило.

— Не вьязны!—гукнувъ винъ и переклавъ ножыци ще дали видъ Кибця.

Хлопци, що уси зналы у подробыцяхъ про сварку Чаплія зъ Кибцемъ, голосно зареготалы.

Густо зашарывшысь, Кибець уткнувся у свое шытво, хочъ не бачывъ и ёго передъ очыма.

Нате вже вамъ ножыци!—подавъ ёму ихъ одынъ зъ челядныкивъ, чы зъ прывитнистню, чы глузуючы,—цёго не пизнавъ Кибець, прыголомшеный соромомъ та образою. Винъ не спромигсь навить а ни подякуваты, а ни покорыстуватыся зъ ихъ, хочъ разъ щось ризнувшы.

Уси зновъ голосно зареготалыся.

Але въ тій хвыли нагори надъ головамы щось сердыто затупотило. То Тарноруцькый выявлявъ свое незадоволення, що робитныкы регочутся, гають часъ и непокоють ёго. Уси знышклы.

VII.

На Кибцеве щастя робота скоро скинчалася; винъ похопывся непомитно втикты зъ майстерни самъ, и, хочъ якъ не

була непрыемна ця прыгода, а збираючысь другого дня до манастыря, винъ почувавъ себе заспокоеннымъ: грихъ бувъ не ёму, винъ зробывъ усе, що, видъ ёго залежало. Настрій ёго бувъ бадёрый, радисный, якый обгортуе людей тилько пидъ чарамы якоись велыкои, не цилкомъ зрозумилои та черезъ те ще бильше свитлои надіи. Рушывъ винъ вдосвита.

Дорога йшла чаривною мисцёвистю, по-декуды здіймаючысь на шпыли, по-декуды збигаючы на шыроки лукы ричкы. Купамы роскыдалося высоченне дерево по тихъ лукахъ; скризь по долыни яро-зелена, росою вмыта, буйна трава пахтыть пахощамы, поблыскуе барвыстымы квитамы, а мижъ нею лысніють шыроки плеса сагы и ричкы, и часомъ мовъ хто сыпнувъ по ихъ зеленымъ лыстомъ и золотымы та срiблястымы квиткамы—лилеямы. Зъ долыны здіймаются, мріють и леліють у ясному сяйви весняного сонця легеньки, ледве прымитни, прозорчасти павутыння туману; за нею, здалеку, мовъ стыглi жита, половіють кучугуры—пискы; за имы хвылюется шырокый степъ и, спухово здіймаючысь, губытся генъ-генъ у сывій далечини, а на самому обріи бованіють могылы, хуторы, села... По узгирью, мовъ те військо велетнивъ, розрисся лисъ шырочолыхъ дубивъ, простягся генъ по гори и сыніе въ далечини, наче темна хмара. Прозоре повитря мае, грають у ёму ясни промини, видъ усиль лынуть гоминъ птаства, гудиння бджолы, мыготять колёрысти метелыкы...

Зачарованій людыни мовъ не чуть ціи тыхои безупынnои мелодіи, мовъ бреныть вона просто у серцеви мымо розуминня и напоюе ёго осяйнымы радощамы та велычнимъ спокіемъ прыроды...

Зрушеный, радисный задумано ишовъ Кибець. Винъ наблыжавсь вже до манастыря. Ось загувъ и пышно поплывъ десь высоко надъ дубамы и розлывся по далекій околыци и высоко въ неби и розстылаючысь по-надъ землею першый дзвинъ, обгортуючы та застылаючы уси инчи згукы. Разъ, вдруге, втрете,—серце стукнуло въ Кибця и заколотылося швыдко, швыдко; винъ перехрестывсь и наддавъ ходы. Служба вже правылася, колы Кибець увійшовъ до церквы. Зразу винъ наче остовпивъ, ничого не бачывъ, не чувъ; передъ шыроко розплющенымы очыма ёго тилько мыготилы, перелывалысь промини ясного свиту, трохы, трохы не ввбачалося щось чаривне тамъ высоко у бани и тамъ за таемною зависою иконостасу. Помалу перши почування вгамувалыся, винъ прыдывывсь навкругы: по церкви метушылыся ченци, де-яки скупывшысь по темныхъ закуткахъ щось розмовлялы пошепкы, иноди сварылыся; онде двое, чатуючы на дверяхъ, обпынають заможнишыхъ прочанъ,

чыпляючысь зъ запросынамы на молебны, панахыды; диты рюмають, бабы сякаются, хтось кахика. Все це непрыемно вразыло Кибця и, хочъ давно знане, здалось чомусь несподиванымъ.

Тымъ часомъ выйшовъ на молытву на-середъ церквы не молодый, вже трохы сывый чернець зъ такымъ чудовымъ, лагиднымъ поглядомъ. Се була жыва мрія Кибця. Ось здійма винъ рукы и очы до неба, почына вычытуваты, голосъ ёго тремтыть, здается, пидъ-вплывомъ глыбокого почуття, чыта такъ побожно, чуло кожне слово; ось ставъ навколишкы и тыхо-тыхо, але чутно па цилу церкву лынуть сумни та повни благання и надіи слова ёго молытвы. Непрымитно для себе впавъ и Кибець навколишкы, прыпавъ лобомъ до холоднои камянои доливкы, и гарячи слёзы побиглы ёму зъ очей, змываючы пекучый биль зъ серця... Кинець видправи. Якъ у забутти выйшовъ Кибець зъ церквы и пишовъ видъ людей мижъ могылы, що порослы густо рястомъ, збоку церквы. Трохы заспокоившысь, винъ почавъ розпытуваты, що то за батюшка, де жыве, та й подавсь до ёго. Дожыдаты Кибець не здолавъ, уси почуття ёго зрушылыся и хвылювалыся, проби допомынаючыся заразъ-такы розъясненння та порады на ёго запыты.

Кибцеви, сходячы по камьяныхъ схидцяхъ до келіи панъ-отця Хвотія (такъ звалы улюбленного имъ ченця), здавалося, чы не помылывсь винъ, бо зъ навпивъ розчыненыхъ дверей чувся гучный, веселый регитъ и потягало люлькою. Та розигнавшысь, винъ не змигъ ни зпынытыся, ни розгадуваты и видчынывъ двери. У келіи на столи кыпивъ самоваръ; двое ченцивъ, мабуть гости, сыдилы коло столу, порозхристувавшы рясы; одынъ зъ ихъ дуже гладкый и червоный, держачы у руци недопыту шклянку зъ чаемъ, доточувавъ іи ромомъ, гучно регочучысь и шыроко роззявывшы рота; другый, повернувшы ослонця до столу спыною и спершы на неи бороду, сыдивъ на ёму верхы; самъ панъ-отець Хвотій, вбраный у нову шовкову рясу, зъ велыкою дбалистю розчисувавъ биля дзеркала бороду. Кибець заледве пизнавъ ёго: такъ несподивано було ёму бачыты и ту кумпанію, и те роскишне вбрання, и той веселый осмихъ, що гравъ на выду папъ-отця. Та зачарування ще не мынулося, и зъ похапомъ, що выявлявъ нетерплячисть мукы, голосомъ, що тремтивъ видъ благання та скруты, Кибець обернувся до панъ-отця Хвотія. Думкы Кибцеви и такъ плуталыся, товпылысь уси вразъ, а тутъ ще прыгничувала прысутнисть чужыхъ людей, що передъ ихъ Кибець не здолавъ казаты цилкомъ одверто-

Винъ червонивъ, плутався; прохання выслухаты перемишувалыся зъ урывчастымы несмилывымы нагадкамы про якесь лыхо, смутокъ, нерозуминня.

— То чому-жъ ты не прыйдешъ на сповидь?—спынывъ ёго отець Хвотій. Я бачу—душа твоя вельмы зтурбована, а це грихъ, сыну мій! Тоби справди треба выcповидатыся.

Такъ, панъ-отче,—перехопывъ Кибець,—я гришный, дуже гришный, але мене спиткало велыке лыхо, и я не зрозумію, въ чимъ и де правда, и нихто не покаже мени іи, уси крывдять мене, а, якъ-бы вы зналы, якъ щыро прагну я тіи правды, якъ хочется, якъ треба мени Вашои, саме Вашои, панъ-отче, святои порады!

— Хочется? зъ незадоволеннямъ видказавъ панъ-отець (и такъ чулося, нибы винъ передражнывъ Кибця и заразъ скаже: що мени по тимъ, що тоби хочется), але винъ зтрымавъ себе и додавъ лагиднише:—Ну що-жъ, сыну, я охоче выслухаю тебе и дамъ пораду на сповиди. Прыходь сёгодни на вечирню, завтра въ утрени выcповидаю...

— Панъ-отче,—не гараздъ розуміючы, що чыныть, намагавсь Кибець:—гляньте бо мени у серце, воно болыть, пожалійте мене, натхнить мени сылу, дайте спокію, виры у правду! Я-жъ чую, я знаю, я бачывъ сёгодни у церкви, вы можете се. Тилько-жъ не заразъ, хочъ черезъ годыну, черезъ дви...

— Атъ, якый-бо ты,—зъ невтаеною докукою видказавъ чернець.—Отъ тоби заманулося, ни сило, ни пало—дай, бабо, сало, кыдай печене и варене... Чы думаешъ, я не можу втомытысь? та й я збираюся, мени треба йихаты у городъ, я заклыканый на молебенъ. Хиба можна думаты такъ тилько про себе? Це зновъ грихъ, а ты-жъ прыйшовъ на покуту. Иды-жъ, сыну, та робы такъ, якъ я тоби раджу...

Кибець пишовъ похылывшысь. Винъ послухався, заждавъ у манастыри до ранку, выcповидавсь, але навмысне не въ отця Хвотія, а въ другого сповидальныка, та й тому не бидкався вже, не шукавъ порады. Кибцеви мовъ закляклы вуста. Винъ почувавъ себе окрывдженымъ, почувавъ якусь неправду и, хочъ не здолавъ гараздъ ни вырозумиты, ни высловыты, яку саме, але мрія про святого ченця пропала, и не було вже хити видчыняты свое болизне серце; ще бо въ додачу, гуляючы зъ вечора биля манастыря, багацько бачывъ винъ такого, що тилько збильшувало ту неохоту.

Ще николы не було такъ сумно Кибцеви писля прощы; зъ прычастя ёму було завше легшае, а заразъ тилько ще важче налигъ якыйсь гострый тяжкый биль; дрибныцею здавалася

передъ имъ та скрута, що почувавъ іи попереду, тоди бо винъ ще сподивавсь знайты якусь видповидь на свои запыты, а заразъ лышылыся сами запыты безъ видповиди, и що-день воны робылыся гостриши, складалыся у якусь пекучу жадобу знайты ту правду, зрозумиты іи. Та якъ не сылкувавсь Кибець уявыты іи якось инче, не у выгляди своеи втраченои мріи, думкы ёго марно кублылыся, не складалыся ясно, мордували ёго, ажъ голова болила, мовъ у неи забылося щось жыве, бьется тамъ порськаючысь, баламутыть мозокъ!

Щоденщына у майстерни обрыдала Кибцеви гиршъ, нижъ попереду; винъ почынавъ лютоваты, не знавъ и самъ ни на кого, ни за вищо,—здается, на ввесь свитъ, а вразъ и на себе,—все-жъ на себе менче: що я можу обшарпаный, зневоленый, окраденый, що я зрозумію?..

Найбильше винъ ненавыдивъ теперъ Тарноруцького та попивъ, але часто не терпивъ, лютувавъ та насуплювався, хто-бъ до ёго не забалакавъ, а якъ часомъ доводылося ёму побачыты кого зъ заможныхъ городянъ у пышному вбранни, або колы позъ ёго перебигавъ вулыцею пышный повизъ, Кибець чувъ, якъ ёму здушуе горло, якъ крывлются ёму губы; такыхъ хвыль ёму не сыла було иты, винъ спынявся и тильки згодомъ, колы це почуття втышувалося, простувавъ дали—воно було зновъ не зрозумиле, але досыть гостре!...

В. Левенко.

(*Кинець дали*).

Памятники искусства XVI и XVII ст. въ Кіево-Печерской лаврѣ.

Въ настоящее время старая живопись въ вел. лаврской церкви не существуетъ,—она уничтожена. Фактъ этотъ въ свое время произвелъ сильное впечатлѣніе какъ на ученыхъ, такъ и на публику, и былъ предметомъ довольно обширной полемической литературы. Въ пылу горячей полемики много было высказано за живопись и противъ живописи, но никто не взялъ на себя трудъ сдѣлать попытку серьезной оцѣнки уничтоженныхъ произведеній. Всѣ разсужденія вращались или въ области чисто архивныхъ вопросовъ, неимѣющихъ прямого отношенія къ памятникамъ и слѣдовательно побочныхъ предмету, или-же въ бездоказательныхъ обличеніяхъ въ вандализмѣ и въ стремленіи доказать, не имѣя подъ руками никакихъ фактовъ, что уничтожены дѣйствительно цѣнные памятники. Не смотря на многочисленные толки, виновники этихъ толковъ—самые памятники лежали до сихъ поръ подъ спудомъ, споръ могъ длиться еще много лѣтъ и въ сущности безрезультатно, не уясняя нисколько, какова дѣйствительная цѣнность уничтоженныхъ памятниковъ.

Какое-же мѣсто въ исторіи южно-русскаго искусства должно быть отведено этимъ памятникамъ? Попытка разрѣшенія этого вопроса впервые сдѣлана Е. М. Кузьминымъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Нѣсколько соображеній по поводу уничтоженныхъ и уцѣлѣвшихъ памятниковъ старины въ Кіево-Печер-

ской лаврѣ" [1]). Статья эта заслуживаетъ особаго вниманія во 1-хъ, изданіемъ большей части памятниковъ, которые такимъ образомъ впервые представлены на общій судъ и общее пользованіе, [2]) во 2-хъ, совершенно новымъ освѣщеніемъ событія, такъ называемаго пожара 1718 года, и въ 3-хъ, серьезной попыткой оцѣнки сохранившихся произведеній съ точки зрѣнія искусства.

Всѣ историки, занимавшіеся изысканіями по этому вопросу, берутъ исходнымъ пунктомъ пожаръ 1718 г. и, исходя логическимъ путемъ изъ этого основанія, мало придаютъ важности памятникамъ, которыхъ пожаръ не коснулся, а нѣкоторые, въ особенности новѣйшіе, даже совершенно отрицаютъ ихъ значеніе. [3]) Нашъ же авторъ, наоборотъ, твердо убѣжденный въ подлинности памятниковъ, внимательно изслѣдовавъ первоисточники подвергъ критикѣ фактъ знаменитаго пожара 1718 года, и въ результатѣ оказалось, что размѣры этого пожара не такъ огромны, какъ думали до сихъ поръ. Факты, доказывающіе несостоятельность этого событія, сами по себѣ такъ краснорѣчивы и убѣдительны, что едва-ли теперь кто либо изъ серьезныхъ изслѣдователей станетъ защищать „огненное разореніе".

Считаемъ необходимымъ подробнѣе остановиться на донесеніяхъ о пожарѣ, на основаніи которыхъ въ сущности и уничтожена живопись.

„Въ прошломъ 1719 году апрѣля въ 16 день его Императорскому величеству били челомъ киево-печерской лавры архи-

---

[1]) Искусство и художественная промышленность. Февр., 1900 г.

[2]) Даже памятникъ К. Острожскаго изданъ въ настоящемъ своемъ видѣ первый разъ, такъ какъ нельзя считать за таковой грубыя и неточныя воспроизведенія у Бантышъ-Каменскаго и Фундуклея.

[3]) Такъ напр. г. Эртель въ статьѣ—О стѣнописи въ великой Успенской церкви Кіево-Печерской Лавры (Труды Кіевск. Дух. Акад., 1897 г., апрѣль) отрицаетъ художественное значеніе памятника кн. Острожскаго и принадлежность его XVI-му вѣку, ссылаясь на несуществующій рисунокъ этого памятника въ Тератургимѣ Кальнофойскаго.

мандритъ Іоаникій Сенютовичь зъ братіею чрезъ нарочно присланныхъ своихъ приписного ихъ змиевскаго монастыря игумена Романа Копы, да иеродиакона Вениамина, что въ 1718 г. та печерская обитель з божья допущения огнемъ кругомъ вся стала разорена и какъ церковь святая соборная успения пресвятые Богородицы такъ и протчие церкви со всѣми утвармиь, иконнымъ украшениемъ, с ризницею и *всею казною денежною*, колокола, больницы, печатный домъ со всѣми книгами и інструментами типографѳическими, библиотека, кельи, ктомужъ крепости, сначала обители бывшіе державнѣйшихъ государей и князей російскихъ великодержавнѣйшихъ царей“ и т. д.—слѣдуетъ перечень грамотъ Алексѣя Михайловича, Ѳеодора и Іоанна Алексѣевичей, а также Петра I.

Въ такихъ выраженіяхъ архимандритъ Іоанникій Сенютовичъ черезъ игумена Романа Копу доноситъ Петру I о случившемся несчастіи.

1719 г. декабря 11, императоръ, выслушавъ докладъ по поводу этой челобитной, „указалъ по имянному своему императорскаго величества указу послать изъ Москвы нарочно архитектора, а на строеніе дать изъ его и. в. казны пять тысячей рублевъ“, и кромѣ того приказано было архитектору „свѣдома губернатора киевскаго и обще определеннымъ ктому отъ его и. в. воиска запорожского обоихъ сторонъ Днепра гетмана Івана Ильича Скоропадского сдѣлать смѣту и сколько по той смете будетъ надобно и то число ему гетману разложить и собрать его гетманского регименту всеxъ полковъ и с полковниковъ, с старшины полковой, с сотниковъ и старшины городовой и знатныхъ козаковъ, которые служатъ подъ бунчукомъ кромѣ рядовыхъ козаковъ и посполства“.

Въ слѣдующемъ, 1720 г., въ московскомъ приказѣ Малыя Россіи сысканы отпуски жалованныхъ грамотъ, данныхъ „въ тое киево-печерскую лавру на всякие приписные монастыри, на маетности, на вотчины, на всякие угодья и доходы... и противъ тѣхъ сысканныхъ отпусковъ его и. в. жалованная грамота (дана) на всѣ тѣ приписные монастыри, на маетности“ и т. д. Гра-

мота скрѣплена графомъ Головкинымъ „съ такимъ утвержденіемъ“, что никто не имѣетъ права посягать на владѣнія лавры; что же касается мѣстечекъ, селъ, деревень, мельницъ, сѣнокосовъ, озеръ и всякихъ другихъ угодій, то, „хотя на тѣ маетности и разные угодья жалованныхъ грамотъ не сыскано, однакожъ понеже тѣми вотчинами та печерская обитель по нынѣ безспорно владѣетъ какъ игуменъ Романъ въ челобитье и вскаске своей съ подкрепленіемъ написалъ“—поэтому и на всѣ эти угодья грамота тоже дана. Но такъ какъ, несмотря на это общее утвержденіе въ правахъ владѣнія,—отсутствіе опредѣленныхъ документовъ могло дать поводъ сосѣдямъ посягать на имущественныя права лавры, вызвавъ безконечные судебные споры, и безъ того нерѣдкіе между монастырями XVII—XVIII ст., то въ 1722 г. снаряжается новая депутація съ іеромонахами патеръ Муѳтіемъ (?) и Самсономъ, которые хотя и повторяютъ печальную повѣсть о томъ, что обитель ихъ сгорѣла „безостатку“, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявляютъ, что „на другихъ тои киево-печерской обители маетности, села, деревни, мельницы, озера, въ рѣкахъ рыбные ловли, всякіе угодья *сыскались письма, оставшиеся послѣ бывшаго въ тои печерской лавре пожару частью нѣкоторые подлинные а с ыныхъ списки*“ [1]). Такимъ образомъ, оказывается, что понадобившіеся документы спустя четыре года послѣ пожара были найдены среди „пепла и развалинъ“.

Еще бы, пожалуй, возможно было допустить съ нѣкоторыми натяжками, что могли быть отысканы при такихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ документы, которые въ данную минуту нужны, если-бы не найденная въ ноябрѣ 1898 г. на хорахъ великой церкви монастырская казна съ собственно-

---

[1]) Списки документовъ, выданныхъ изъ Государственаой коллегіи иностранныхъ дѣлъ, 31 декабря 1722 г. на 115 листахъ. Сборникъ скрѣпленъ подписью секретаря Ивана Губина и приложеніемъ государственной печати. Изложеніе дѣла о пожарѣ на листахъ 1—8 (рукопись хранится у насъ). См. также Акты, изд. М. Евгеніемъ въ описаніи Кіево-Печ. Лавры. К. 1828. Прилож. стр. 99—136.

ручными записями Іоанникія Сенютовича, скрывшаго ее за годъ до „пожара“, и Романа Копы, провѣрявшаго казну 14 лѣтъ спустя (1731 г.), которая уже окончательно подрываетъ довѣріе къ донесеніямъ 1719—1722 гг. Выходитъ такъ, что названныя лица, скрывая въ укромномъ мѣстѣ монастырскія сокровища, въ одно и тоже время доносили высшей власти о полномъ ихъ уничтоженіи. Нельзя поэтому не согласиться съ вѣрностью предположенія проф. Н. И. Петрова относительно мотивовъ скрытія казны,—казна была скрыта изъ боязни, чтобъ Петръ В. не потребовалъ ее на государственныя нужды [1]). И вотъ для этого то и потребовалась такая искусная комбинація, какъ сожженіе обители „безостатку“—„со всею казною денежною“. Разсчетъ оказался вѣрнымъ: не только остался капиталъ въ неприкосновенности, но еще получены значительныя субсидіи.

Доказавши несостоятельность донесеній, авторъ переходитъ къ оцѣнкѣ надгробія К. Острожскаго, единственнаго сохранившагося въ настоящее время въ лаврѣ памятника XVI ст., а также къ оцѣнкѣ памятниковъ искусства, оставшихся только въ фотографическихъ снимкахъ и въ настоящее время не существующихъ.

О памятникѣ Острожскаго, за періодъ времени съ 1530 по 1718 г., находимъ лишь три свидѣтельства—Эриха Лясоты (1594), [2]) Павла Алепскаго (половины 17 ст.) [3]) и священника Іоанна Лукьянова (1701 г.). [4]) У Эриха Лясоты это „великолѣпная *мраморная* гробница“; Алепскій, описывая какой-то дру-

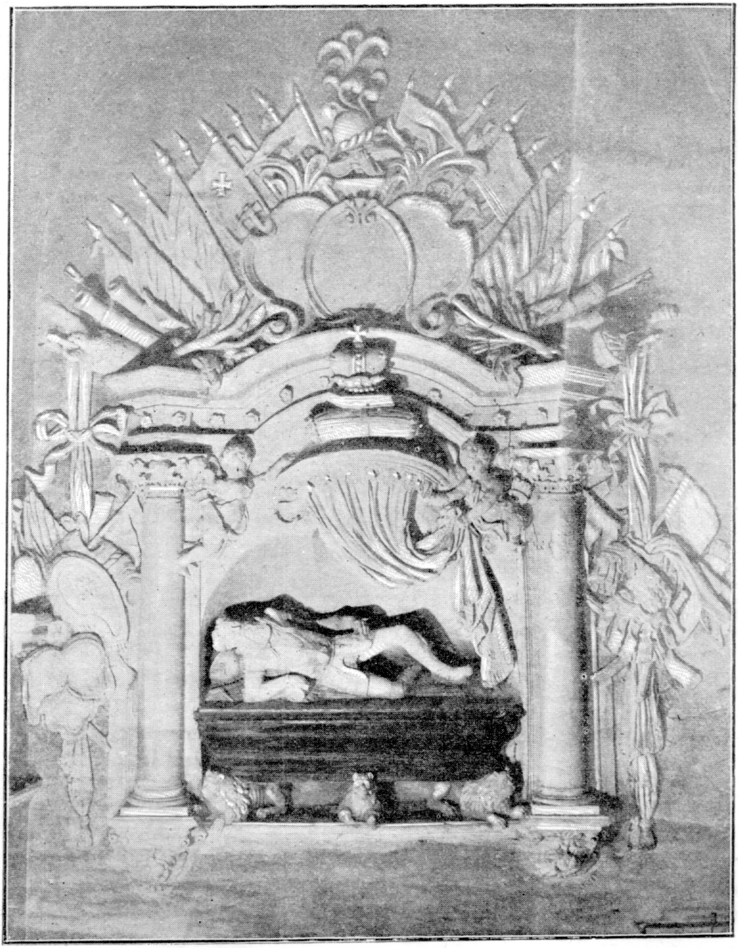
---

[1]) Археологическая находка на хорахъ въ великой церкви Кіево-Печерской лавры. «Труды Кіевск. Духовн. Академіи» іюнь, 1899 г., стр. 184.

[2]) Мемуары, относящіеся къ исторіи южной Россіи, перев. К. Мельникъ (подъ ред. В. Антоновича). Вып. I, Кіевъ, 1890 г.

[3]) Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ полов. XVII вѣка. Перев. съ арабск. Г. Муркоса. В. 2, М. 1897 г., стр. 50.

[4]) Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева. К. 1874 г., II, стр. 122.



Надгробіе кн. Константина Острожскаго въ великой церкви Кіево-печерской лавры.

гой, недошедшій до насъ памятникъ, упоминаетъ только вскользь, что „съ сѣверной стороны находится изображеніе сына его (т. е. передъ этимъ описаннаго) съ длинною бѣлою бородой"; у Лукьянова нѣсколько обстоятельнѣе: „въ той-же церкви *у праваго столпа изваянъ изъ камене* князь Константинъ Острожскій, лежитъ на боку въ латахъ изображенъ, какъ будто живой". Всѣ эти свидѣтельства носятъ слишкомъ общій и даже сбивчивый характеръ и страдаютъ поэтому отсутствіемъ ясности и опредѣленности. Такимъ образомъ, приходится обращаться непосредственно къ самому памятнику, „свидѣтельствующему о себѣ, по выраженію г. Кузьмина, краснорѣчивѣе всѣхъ документовъ". Привожу мѣсто, которое блестящимъ образомъ доказываетъ несомнѣнную принадлежность нашего памятника къ XVI ст. „Невозможно допустить, чтобы кто нибудь изъ серьезныхъ знатоковъ въ области исторіи искусства могъ усомниться въ его подлинности. Черты эпохи отражаются на немъ съ такой поразительной ясностью, что предполагать возстановленіе или даже возобновленіе (реставрацію) могутъ только люди, имѣющіе крайне слабое представленіе о томъ, что такое стиль извѣстнаго времени и въ чемъ заключаются его особенности. Для того, чтобы сдѣлать вещь въ извѣстномъ стилѣ прежнихъ вѣковъ и сдѣлать ее безукоризненно,—необходимы огромная художественная эрудиція, тонкость вкуса и высота техническаго совершенства. А кто же могъ взять на себя этотъ трудъ въ первой половинѣ 18 ст. (когда у насъ совершенно отсутствовали художники въ смыслѣ европейскомъ), трудъ къ тому же безполезный, никому ненужный, и, кромѣ того, нисколько негармонировавшій съ настроеніемъ того времени? Дѣйствительно, достаточно остановить вниманіе на слегка касающихся колоннъ купидоновъ, изъ коихъ одинъ съ необыкновенной граціей приподымаетъ занавѣсъ надъ почившимъ, чтобы убѣдиться, что передъ нами чистѣйшій образецъ италіанскаго возрожденія XV—XVI ст. Невольно напрашиваются на сопоставленіе ангельчики Luca della Robia, Ant. Rossellino, а также купидоны надъ Микель-Анджеловской „Pièta" и на гробницѣ послѣдней изъ Ягеллоновъ королевы Анны

(1596). Что-же касается фигуры, то мы имѣемъ три памятника, въ которыхъ положеніе усопшихъ рыцарей совершенно тождественно съ нашимъ: это гробницы—Христофора Шидловецкаго (нач. XVI ст.), въ Опатовѣ, [1]) Сигизмунда Стараго (1548) и Сигизмунда-Августа (1552) въ Краковѣ. [2]) Въ замѣчательномъ изслѣдованіи Іоахима Лелевеля о гробницахъ польскихъ королей нашъ авторъ находитъ подтвержденіе своей мысли въ опредѣленіи чисто типическихъ особенностей памятника XVI ст. Несмотря на то, что Лелевелю не былъ, повидимому, извѣстенъ памятникъ Острожскаго, его опредѣленіе какъ нельзя болѣе подходитъ къ нашему надгробію: „Надгробные памятники вдѣлывались въ стѣну... надгробное ложе или гробъ обыкновенно вдвинуты въ нишу стѣны... аллегорическіе придатки отсутствуютъ... гербы размѣщаются по стѣнамъ... плащъ не покрываетъ собою рыцарски вооруженнаго мужа, вооруженный мужъ еще живъ, онъ легъ на крышку гроба скорѣе для обыкновеннаго сна, чѣмъ для вѣчнаго покоя". „Читая эти строки, говоритъ г. Кузьминъ, можно подумать, что авторъ описываетъ надгробіе Острожскаго, такъ близко подходитъ оно къ стилю и характеру гробницъ XVI ст.".

Переходя къ живописи, уничтоженной въ великой лаврской церкви, должно сказать, что подъ живописью мы подразумѣваемъ, главнымъ образомъ, портреты русскихъ царей, князей старорусскихъ родовъ и архимандритовъ лавры, сохранившихся и то лишь отчасти въ фотографическихъ воспроизведеніяхъ. Что касается остальной живописи, какъ напримѣръ колоссальнаго Распятія, которое занимало почти всю алтарную стѣну главнаго абсида, и многихъ другихъ священныхъ изображеній, то ни кальки, ни фотографіи даже плохой не осталось, такъ что объ этой живописи уже ничего опредѣленнаго нельзя сказать. [3]) Къ

---

[1]) Liber geneoseos illustris. familie Schidlovicie MDXXXI. Переизд. гр. Дзялынскимъ въ Познани, 1848 г.

[2]) I. Lelewel. Grobowe królów polskich pomniki. Poznań, 1857.

[3]) Нѣкоторое представленіе объ уничтоженномъ Распятіи даетъ гравюра въ «Леітургіаріонѣ», изд. К.-Печерской лавры 1708 г. (гра-

сожалѣнію, съ фотографіями тоже случилось нѣчто своеобразное, исключительно присущее нашимъ нравамъ. Неизвѣстно по чьей инацiативѣ фотографъ почти всѣ лица заретушировалъ на негативахъ. Этому подверглись въ сильнѣйшей степени негативы съ князьями Острожскими, Сангушко, Вишневецкими, а также съ архимандритами печерскими—Петромъ Могилой, Инокентіемъ Гизелемъ, Варлаамомъ Ясинскимъ и мног. другими. Чтобы имѣть представленіе насколько лица изуродованы ретушью, достаточно сравнить портретъ, отмѣченный въ свое время и воспроизведенный подъ именемъ Мазепы на страницахъ „Кіевской Старины", съ оставшейся фотографіей этого портрета, чтобы убѣдиться, до какой степени это лицо на фотографіи искажено. [1]) Въ воспроизведеніи „Кіев. Стар." мы видимъ типичное малорусское лицо съ небольшими книзу опущенными усами, что придаетъ особую характерность физіономіи, на фотографіи усы сняты (т. е. замазаны), щеки, благодаря неумѣло положенному фону, сбившему форму силуэта, страшно вздуты, и получилось нѣчто невообразимо уродливое, крайне безформенное, совершенно потерявшее характеръ человѣческаго лица. Лишь съ трудомъ можно догадаться что это одно и то же лицо и то только по положенію руки и рисунку одежды.

Самые цѣнные и менѣе всего испорченные портреты изъ нынѣ сохранившихся въ фотографіяхъ—это портреты царей—Михаила Θеодоровича, Алексѣя Михайловича, Іоанна Алексѣевича [2]) и Петра I. Судя по разнообразію лицъ, рѣдкой тонкости

виров. мáрко ѧ҃ѯн) на оборотѣ выходного листа. Нужно оговорить, что сняты еще иринарховскіе Вселенскіе Соборы, т. е. произведенія лаврской живописи самыя позднѣйшія (40-хъ годовъ истекающаго столѣтія), которые въ художественномъ отношеніи лишены всякаго интереса.

[1]) «Кіевская Старина» январь 1887 г. См. также «Живописное Обозрѣніе» № 11 того же года.

[2]) Іоаннъ Алексѣевичъ еще не изданъ, изображеніе же, плохо сохранившееся, которое въ «Искусствѣ и Худ. Промышл.» ошибочно названо именемъ этого царя, должно быть отнесено скорѣе всего царю Θеодору Алексѣевичу.

рисунка, который выражается въ непринужденности позъ, какой-то особой вдумчивости въ выраженіи лицъ—можно заключить, что портреты эти писаны недюжинными мастерами и повидимому по отличнымъ, недошедшимъ до насъ, оригиналамъ. Сравнивая изображенія, видимъ, до какой степени тонко выражены на этихъ портретахъ типическія особенности каждаго лица. Изображеніямъ этимъ совершенно чужды схематическая условность и сухость иконной манеры московскихъ мастеровъ 17 ст. въ трактовкѣ портретныхъ изображеній. [1]) Въ томъ, что это не вымышленныя лица, служитъ намъ доказательствомъ весьма схожій портретъ Петра I. Фигура Петра, кромѣ характернаго портретнаго сходства, еще чрезвычайно любопытна по смѣлости и своеобразности композиціи. Художникъ свободнымъ движеніемъ опустилъ руку со скипетромъ наискось, такъ что скипетръ приходится на фонѣ одежды сосѣдней фигуры. Здѣсь замѣтно подчеркнуто стремленіе къ передачѣ чертъ чисто индивидуальныхъ, стремленіе тонкимъ штрихомъ выдѣлить живость темперамента изображаемаго лица; контрастъ получается разительный между этимъ портретомъ царя преобразователя и портретами остальныхъ царей, которые, устремивъ задумчивый взглядъ на зрителя, какъ-бы застыли въ важныхъ и спокойныхъ позахъ. Должно присовокупить, что даже въ богатомъ и, по словамъ Ровинскаго, [2]) почти полномъ собраніи портретовъ Петра I въ Имп. Пуб. Библ. портрета подобнаго нашему, въ смыслѣ поворота и движенія, не находимъ. Поэтому нельзя не пожалѣть, что не пощажены по крайней мѣрѣ хотя эти четыре портрета, тѣмъ болѣе, что помѣщались они высоко въ темномъ углу, у памятника Острожскаго, надъ печерскими архимандритами и мѣшать во всякомъ случаѣ

---

[1]) Для сравненія указываемъ на стѣнныя изображенія царей Михаила Ѳедор. и Алексѣя Михайловича въ Новоспасскомъ монастырѣ. Позы обѣихъ фигуръ симметричны до мелочей, лица совершенно сходны одно съ другимъ, даже узоры на одеждахъ одинаковы. Снегиревъ. Новоспасскій монастырь. М. 1843 г.

[2]) Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. С.-Пб. 1872. стр. 110.

никому не могли. Портреты эти настолько цѣнны, какъ художественныя произведенія, что ихъ смѣло можно отнести къ лучшимъ образцамъ южно-русскаго искусства второй половины 17 ст. и начала 18. Въ этомъ теперь можетъ убѣдиться каждый, кто не лишенъ хотя отчасти пониманія техническихъ сторонъ искусства.

Портретамъ этимъ вообще не посчастливилось. Благодаря тому, что находились они въ самомъ темномъ сѣверо-западномъ углу церкви, почти никто не обращалъ на нихъ вниманія. Единственное свидѣтельство объ этихъ портретахъ до 1718 г. находимъ въ путешествіи по св. мѣстамъ уже упомянутаго свящ. І. Лукьянова, который, описывая лаврскую церковь, говоритъ: „а въ церкви стѣнное писаніе—всѣ князья русскіе написаны". Теперь становится несомнѣннымъ, что свидѣтельство Лукьянова относится именно къ этимъ портретамъ, а не къ какимъ либо другимъ, какъ пытались доказать изслѣдователи, введенные въ заблужденіе донесеніями 1719—1722 г. г.

Мы предвидимъ возраженія, которыя могутъ сдѣлать, несмотря на ясность и убѣдительность доводовъ, сводящихъ до минимума значеніе пожара, сторонники и защитники этого миѳическаго событія по поводу всего вышеизложеннаго. Главнѣйшія изъ нихъ: какимъ образомъ объяснить исчезновеніе мозаикъ еще существовавшихъ въ половинѣ 17 ст. и такъ опредѣленно описанныхъ Алепскимъ? Куда исчезла „самая первая въ Россіи, многочисленная и наидревнѣйшая библіотека, собранная и умноженная великимъ княземъ кіевскимъ Ярославомъ Владиміровичемъ" [1])? Что значатъ, наконецъ, противорѣчивыя показанія относительно надгробія Острожскаго, которое Лясота считаетъ мраморнымъ, а Лукьяновъ „изваяннымъ изъ камене" и „у праваго столпа", тогда какъ онъ на самомъ дѣлѣ не у праваго столпа и не мраморный?

Въ какой зависимости находились въ концѣ 17 ст. памятники искусства отъ произвола лицъ, облеченныхъ высшей духов-

[1]) Исторія Руссовъ или Малой Россіи. М. 1846, стр. 225.

ной властью, видно изъ свидѣтельства того-же Лукьянова, ярко очерчивающаго отношеніе митрополита Варлаама Ясинскаго къ софійскимъ фрескамъ и мозаикамъ: „церковь Софіи Премудрости Божія зѣло хороша и образсовата, да въ ней презорство строенія; нѣту ничего—пусто; а старое было стѣнное письмо, а митрополитъ нехай *все замазалъ извѣстью*“ [1]).

Въ видѣ поясненія къ этому краснорѣчивому свидѣтельству еще можно присовокупить, что послѣдняя четверть 17 ст. ознаменована для лавры цѣлымъ рядомъ капитальныхъ сооруженій и что самая соборная церковь, еще въ половинѣ 17 ст. такъ мало сходная съ нынѣшнимъ ея наружнымъ видомъ, уже въ 1697 г. принимаетъ тѣ-же формы, которыя мы видимъ и въ настоящее время, за исключеніемъ несущественныхъ мелочей [2]). Поэтому уничтоженіе мозаикъ и замѣщеніе ихъ иконной росписью должно быть отнесено именно къ этому времени. На это обратилъ вниманіе и г. М. Истоминъ, указавъ на тотъ фактъ, что въ 1729 г. церковь не была наново росписана, а живопись была только возобновлена [3]). Въ пользу этого также говоритъ „Опись иконописи Кіево-Печерской лавры“ конца 17 или самаго начала 18 ст., въ которой рельефно выступаютъ схоластическіе пріемы въ трактовкѣ аллегорически-нравоучительныхъ сюжетовъ, которыми такъ богата богословская литература южной Руси второй половины 17 ст. [4]). Такимъ образомъ, взвѣшивая и сопоставляя данныя, съ полнымъ основаніемъ можно пріурочить уничтоженіе мозаикъ ко времени настоятельства

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ для историч. топогр. Кіева. II, 120. Здѣсь ошибочно названъ Іоасафъ Кроковскій; Лукьяновъ посѣтилъ Кіевъ въ 1701 г., тогда какъ І. Кроковскій избранъ въ митропол. кіевскіе лишь въ 1708 г.

[2]) См. Евангеліе лаврск. изданія 1697 г.,—выходн. листъ.

[3]) Къ вопросу о древней иконописи Кіево-Печерской лавры. Кіевъ, 1897, стр. XVIII.

[4]) Тамъ-же, въ приложеніи.

Варлаама Ясинскаго (1684—1690) или Мелетія Вуяхевича (1690 –1697) [1]).

Что касается Ярославовой библіотеки, „въ которой содержались великія тысячи книгъ рукописныхъ и разныхъ драгоцѣнныхъ манускриптовъ, писанныхъ на разныхъ языкахъ", то считаемъ необходимымъ указать сторонникамъ историческихъ пріемовъ псевдо-Конисскаго на опись имущества Кіево-Печерскаго монастыря, составленную въ 1554 г., въ которой, послѣ исчисленія богослужебныхъ книгъ, сказано только: „а опрочь тыхъ вышей описанныхъ книгъ и иншыхъ къ тому книгъ посполитыхъ (не церковныхъ) *полтретядцать* [2])".

Остаются неточности, касающіяся памятника К. Острожскаго, которыя устраняются сами собой, если внимательно вникнуть въ дѣло. Цитированныя нами записки писаны очевидно при бѣгломъ осмотрѣ и по этому естественно если вкрадывались такія неточности, какъ „мраморный" или „у праваго столпа". Чтобы не быть бездоказательными, укажемъ на отзывы, уже болѣе близкіе нашему времени: В. Измайловъ считаетъ этотъ памятникъ изваяннымъ изъ бронзы [3]), кн. Долгорукому онъ

---

[1]) Если остался неприкосновеннымъ и нисколько не попорченнымъ огнемъ матеріалъ памятника К. Острожскаго (алебастръ), который долженъ превратиться въ порошокъ при +160° С.—температурѣ для самаго незначительнаго пожара слишкомъ ничтожной, то тѣмъ болѣе должны были уцѣлѣть мозаическія изображенія, какъ состоящія изъ вещества болѣе прочнаго и устойчиваго, если-бы ихъ не коснулась разрушительная рука человѣка. Во время перекладки половъ въ соборной лаврской церкви въ 1885 г. были находимы въ большомъ количествѣ разноцвѣтные кусочки мозаики, совершенно правильные (не носящіе никакихъ признаковъ разрушенія огнемъ), аналогичные какъ по формѣ, такъ и по цвѣту кусочкамъ мозаикъ софійскихъ. Образцы этой мозаики можно видѣть въ лаврской ризницѣ, церковно-археологическомъ музеѣ и другихъ мѣстныхъ музеяхъ.

[2]) П. Л. Кіево-Печерская лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи. Кіевъ. 1886, стр. 52.

[3]) Путешествіе въ полуденную Россію, ч. 1-я. Москва. 1800 г. стр. 108.

кажется, также какъ и Лясотѣ, мраморнымъ [1]), Закревскому—раскрашеннымъ [2]), такъ что одинъ и тотъ-же памятникъ почти за четыре столѣтія своего существованія былъ мраморнымъ, каменнымъ, бронзовымъ и, наконецъ, раскрашеннымъ.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что въ вопросѣ объ уничтоженіи живописи въ лаврѣ сказалось чрезмѣрное довѣріе къ буквѣ документа,—документу отдано первое мѣсто, памятники-же искусства остались въ полномъ забвеніи, на самомъ послѣднемъ мѣстѣ. Въ сущности-же слѣдовало-бы, провѣряя памятники искусства съ помощью документовъ, въ свою очередь посредствомъ памятниковъ выдѣлять неточности документовъ, тогда не случалось-бы такихъ печальныхъ недоразумѣній, какъ полное пренебреженіе и даже заподозриваніе въ подлинности такого превосходнаго произведенія искусства, какъ памятн. К. Острожскаго, и уничтоженіе портретовъ, находившихся въ великой лаврской церкви.

Ст. Яремичъ.

---

[1]) Путешествіе въ Одессу и Кіевъ въ 1810 г. князя И. М. Долгорукаго. Чтенія въ Имп. Общ. истор. и древностей Росс. кн. 3. М. 1869.

[2]) Описаніе Кіева. М. 1868 г. стр. 620.

Къ исторіи народнаго образованія на Украинѣ въ первой четверти XIX в.

Въ архивѣ 4 кіевской гимназіи сохранилась переписка разныхъ лицъ и учрежденій съ Уманскимъ базиліанскимъ училищемъ за 1811—1812 г. и за 1822—1826 г.г.; она представляетъ два переплетенныхъ тома и попала въ составъ архива гимназіи вмѣстѣ съ библіотекой училища.

Переписка эта не имѣетъ, конечно, общей связи по своему содержанію, а потому и трудно изложить таковое въ цѣльномъ разсказѣ; въ составѣ ея находятся бумаги, заслуживающія вниманія. Содержаніе послѣднихъ постараемся изложить здѣсь вкратцѣ, какъ матеріалъ, пригодный, быть можетъ, для исторіи народнаго образованія на Украинѣ въ началѣ истекающаго столѣтія.

Визитаторъ училищъ графъ Филиппъ Плятеръ, бывши въ Умани въ мартѣ 1811 г., командировалъ учителя Доминика Рудницкаго для ревизіи парафіальной школы въ м. Лысянку (нынѣ Звенигородскаго уѣзда). Послѣ осмотра Рудницкій сообщилъ, что школа помѣщается въ 2 хъ комнатахъ, отведенныхъ для нея въ мѣстномъ Францисканскомъ кляшторѣ и что владѣлица м. Лысянки Моржковская предоставила въ распоряженіе учителя экономическую усадьбу, сторожа и отпускала отопленіе. Школа была устроена

для мальчиковъ и дѣлилась на три класса. Предметами преподаванія были Законъ Божій, ариѳметика, географія, польскій, латинскій, нѣмецкій и французскій яз. и чистописаніе; всѣхъ учащихся было 40 человѣкъ; учителей два—Людвигъ Васько, обучавшій нѣмецкому и французскому яз., и бывшій ученикъ V класса каневскаго базиліанскяго училища Іосифъ Богдановичъ, обучавшій прочимъ предметамъ.

Ученики жили у Васька, отчасти и на частныхъ квартирахъ. Завѣдывалъ школою въ теченіе 5 лѣтъ Васько, хотя и не имѣлъ установленнаго свидѣтельства на право преподаванія; къ тому-же онъ преобразовалъ свою школу въ 3-хъ классую, вмѣсто положенной по правиламъ 2-хъ классной, чѣмъ и вызвалъ неудовольствіе высшаго начальства. Графъ Плятеръ поручилъ префекту Уманскаго училища объявить Ваську, чтобы онъ сообразовался съ Высочайше утвержденными правилами о парафіальныхъ школахъ, въ противномъ случаѣ „ему запрещеннымъ будетъ должность общаго просвѣщенія, и напротивъ, ежели исполнитъ волю правительства, останется на томъ-же мѣстѣ и будетъ имѣть право до награжденій, кои правительство заслугамъ посвящаетъ". Въ то-же самое время гр. Плятеръ поручилъ префекту Уманскаго училища имѣть постоянный надзоръ за Лысянской школой, а 1 мая 1816 г. послѣдовало распоряженіе, чтобы префектъ Уманскаго училища доставлялъ визитатору къ 1 іюня каждаго года отчетъ о парафіальныхъ школахъ.

Въ томъ-же 1811 г. 6 іюня директоръ Кіевской гимназіи увѣдомилъ префекта Сѣницкаго, что Виленскій университетъ утвердилъ его проектъ распредѣленія парафіальныхъ школъ и частныхъ пансіоновъ подъ вѣдѣніе повѣтовыхъ училищъ: парафіальныя школы ежегодно два раза въ годъ, 20 іюня и 20 января, должны были представлять по установленной формѣ отчеты повѣтовымъ училищамъ, а эти послѣднія представили отчеты дирекціи о всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ школахъ. Школы распредѣлялись такъ: Кіевскому училищу были подчинены парафіальныя школы въ Кіевѣ, а также Ржищевская, Фастовская,

Васильевская и Бѣлоцерковская; Каневскому—Смѣлянская и частный пансіонъ въ м. Смѣлѣ; Уманскому—Лысянская и Тетіевская школа, а также частный пансіонъ въ Звенигородкѣ; Махновскому—Бѣлиловская, Жорницкая и Иллинецкая; Радомысльскому—Чернобыльская, Коростышевская, Брусиловская, Хоморковская и Топоровская. Вмѣстѣ съ этимъ Мышковскій препроводилъ Сѣницкому экземпляръ правилъ о частныхъ пансіонахъ, содержателями которыхъ были преимущественно иностранцы: въ Звенигородкѣ французъ Louis de Petit, въ Кіевѣ—отставной французскій капитанъ Compagnion и въ м. Христиновкѣ—Germain.

Высшее учебное начальство, въ лицѣ представителя коммиссіи хоэдукаційной гр. Ѳ. Чацкаго и визитатора гр. Ф. Плятера, хотѣло возможно лучше обезпечить парафіальныя школы при помощи частныхъ лицъ помѣщеніями, фундушами; такъ, осенью 1811 г. гр. Плятеръ хлопоталъ о ремонтѣ дома въ Лисянкѣ, гдѣ помѣщалась аптека, для парафіальной школы, потому что старое помѣщеніе становилось тѣснымъ въ виду увеличенія числа учениковъ. На это увеличеніе указываетъ и Васько въ своей просьбѣ къ Сѣницкому о присылкѣ для школьной библіотеки „книгъ классическихъ", такъ какъ повѣтовыя училища обязаны были снабжать книгами только парафіальныя школы за деньги.

Постоянныя заботы о наилучшей постановкѣ парафіальныхъ школъ побудили гр. Плятера обратиться съ слѣдующимъ циркуляромъ къ повѣтовымъ училищамъ (3 января 1812 г.): „Парафіальныя школы имѣютъ ближайшее вліяніе на просвѣщеніе, отъ нихъ правительство ожидаетъ благихъ послѣдствій своихъ стараній; отъ начальниковъ школъ наиболѣе зависитъ выполнить тѣ великія начертанія, которыя стремятся къ счастію и благу современныхъ семей черезъ просвѣщеніе нарождающихъ поколѣній. Отъ васъ зависитъ, начальники школъ, приложить стараніе, чтобы парафіальныя школы отвѣчали ожиданіямъ того достойнаго вашего уваженія мужа, который первый подалъ Великому Монарху проектъ учрежденія парафіальныхъ школъ. Въ губерніи Подольской уже опредѣлены фундуши па-

рафіальныхъ школъ; штаты ихъ и списокъ внесены въ акты учебнаго вѣдомства. Всякое необходимое въ этомъ отношеніи объясненіе начальники училищъ могутъ получить легко и своевременно, посѣщая управленіе волынской гимназіи или канцелярію коммиссіи эдукаційной; я-же прошу наиусерднѣйше, чтобы— сколько возможно—школы парафіальныя были посѣщаемы, чтобы рапорты отъ нихъ были провѣряемы на мѣстѣ и чтобы предъ концемъ года было присылаемо заключеніе посѣщающаго школы, выполняется-ли цѣль фундаторовъ и желаніе правительства. Ревизоръ долженъ дать заключеніе о личности завѣдующаго школой, объ его пригодности къ дѣлу и о средствахъ, которыми онъ пользуется для просвѣщенія юношества, долженъ сообщить о потребностяхъ школы, съ указаніемъ, какую нужно оказать помощь и какой помощи нужно ожидать отъ мѣстныхъ владѣльцевъ. Наконецъ, поручаю заботливости начальниковъ училищъ собрать всѣ тѣ свѣдѣнія, которыми могло-бы интересоваться правительство въ отношеніи этихъ заведеній“.

Позднѣйшая переписка, относящаяся къ 1824 г., сохранила нѣсколько свѣдѣній о томъ, что гр. Плятеру удалось таки обезпечить нѣкоторыя парафіальныя училища фундушами.

Между тѣмъ на запросъ директора Кіевской гимназіи Петрова начальнику Уманскаго училища о доставленіи свѣдѣній о фундушахъ, числящихся за парафіальными школами, послѣдовалъ такой отвѣтъ: „Въ м. Лысянкѣ Звенигородскаго повѣта, имѣніи наслѣдниковъ Моржковскаго, предсѣдателя польскаго главнаго суда, имѣется парафіальная школа, содержимая о.о. францишканами, о которой префектъ Уманскаго училища ксендзъ Граціанъ Микулинскій 24 февраля 1821 г. донесъ коммисіи эдукаційной въ Кременцѣ, что нѣкій благодѣтель учредилъ фундушъ, пожертвовавши о.о. францишканамъ 200 золотыхъ для ежегодной выдачи жалованья учителю; о.о. францишкане присоединили къ этому пожертвованію домъ о двухъ комнатахъ для класснаго помѣщенія и для квартиры учителя.

Въ д. Монастыркѣ около м. Лысянки имѣется также парафіальная школа, содержимая о.о. базиліанами. Княгиня Тео-

фила-Сапѣжанка Яблоновская, владѣлица м. Лысянки, пожертвовала, согласно запискѣ отъ 3 авг. 1803 г., занесенной въ острожскія земскія книги, для парафіальной школы о.о. базиліанъ подъ м. Лысянкой 650 морговъ земли для образованія вѣчнаго фундуша на содержаніе этой школы, о чемъ она сообщила владѣльцу Лысянки Моржковскому, архіеп. Сестренцевичу, уніатскому еп. Левинскому и графу. Ѳ. Чацкому.

Въ м. Тетіевѣ, владѣніи Островскихъ, на парафіальную школу воеводина Людвика Ледваговская опредѣлила выдавать, согласно записи, занесенной въ акты гродскіе винницкіе подъ 3 февраля 1793 г., по 15 р. ежегодно въ жалованье учителю школы.

Завѣдываніе повѣтовыми училищами Кіевской губерніи лежало—согласно Высочайшему указу Сенату отъ 2 октября 1810 г.—на обязанности директора Кіевской гимназіи; а потому, по сохранившейся перепискѣ за время 1811—1812 г., можно судить до нѣкоторой степени о вопросахъ, возникающихъ въ жизни повѣтовыхъ школъ. Такъ, директоръ Кіевской гимназіи Мышковскій, заботясь о снабженіи библіотеки Уманскаго училища, выслалъ разновременно въ училище слѣд. книги: 1) Словарь миѳологіи Алоиза Осинскаго, 2) №№ XXIV—XXVI „Періодическаго изданія о движеніи просвѣщенія въ краѣ“, 3) 11 экз. сочиненія Смита „О политической экономіи“, въ переводѣ Зноско (ц. 85 к.), 4) 5 экз. періодич. изданія „Улей“ (2 р. ас. за экз.), 5) Журналъ Фридриха II (ц. 1 р.), 6) Курсъ общей исторіи въ 3 томахъ, соч. проф. педаг. института Зябловскаго (8 р. ас.) и 7) „О прививкѣ оспы“ соч. Бекло. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мышковскій просилъ выслать дубликаты, находящіеся въ училищной библіотекѣ, для разсылки въ другія училища.

20 декабря 1810 г. въ м. Брусиловѣ получено предписаніе гр. Ѳ. Чацкаго о совершеніи въ училищахъ и парафіальныхъ школахъ заупокойнаго богослуженія по скончавшемся 10 дек. 1810 г. директорѣ волынской гимназіи Іосифѣ Чехѣ, съ

произношеніемъ приличнаго случаю слова и съ препровожденіемъ копіи протокола о всемъ происшедшемъ и. д. директора Антонію Янковскому, для храненія въ архивѣ гимназіи.

Въ 1811 г. разослана копія распоряженія М. Нр. Пр. о томъ, чтобы никто, не имѣющій званія профессора, не именовалъ-бы себя таковымъ, подъ страхомъ строгаго наказанія.

12 февраля 1811 г. Мышковскій увѣдомляетъ, что Высочайше повелѣно употреблять во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ бумагу, изготовленную въ Россіи.

27 февр. 1811 г. гр. Плятеръ отъ имени гр. Чацкаго выражаетъ благодарность учителямъ Уманскаго училища за успѣшныя занятія учениковъ.

9 апр. 1811 г. гр. Плятеръ увѣдомляетъ, что согласно вновь установленному съ 1805 г. ученическому суду—во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ должны быть собраны всѣ учащіеся для выбора предсѣдателя суда и судей. Согласно положенію объ этихъ судахъ, ученики, получившіе похвальные листы, до разсмотрѣнія ихъ проступка въ судѣ и лишенія по суду похвальнаго листа и соединенной съ нимъ льготы, не могутъ быть подвергаемы тѣлесному наказанію. Похвальный листъ могъ быть возвращенъ обратно провинившемуся ученику лишь по удостовѣренію учителей въ томъ, что онъ исправился.

1 мая 1811 г. Мышковскій предлагаетъ имѣть строгое наблюденіе, чтобы, согласно распоряженію Министра Н. П., воспитатели юношества не подвергали учащихся тѣлесному наказанію.

21 мая 1811 г. Мышковскій предлагаетъ имѣть строгое наблюденіе, чтобы учащіеся не имѣли при себѣ огнестрѣльнаго оружія и не принимали участія въ охотахъ.

21 мая 1811 г. Мышковскій увѣдомляетъ о назначеніи директоромъ Волынской гимназіи и школъ Волынской губерніи Яна-Непомука Лернета, члена Виленскаго университета и Варшавскаго общества любителей наукъ.

7 іюня 1811 г. гр. Плятеръ предлагаетъ озаботиться лучшей постановкой „dozorców domowych“ (туторовъ) въ „кон-

виктахъ" (общежитіяхъ), находящихся подъ надзоромъ учебной администраціи.

3 января 1812 г. гр. Плятеръ предлагаетъ, чтобы префектъ Уманскаго училища имѣлъ особенное наблюденіе за произнесеніемъ проповѣдей учащимися и чтобы при этомъ не ограничивались темами, присланными университетомъ въ количествѣ 20 проповѣдей, а чтобы совѣтъ училища задавалъ и свои темы. Проповѣди эти, предварительно произнесенія ихъ учащимися, прослушивались префектомъ.

12 февраля 1812 г. гр. Чацкій, посѣтившій училище, выражаетъ благодарность префекту и преподавателю математики ксендзу Граціану Микулинскому за блестящее состояніе училища и успѣхи учащихся по всѣмъ предметамъ, а въ особенности по математикѣ.

21 іюля 1812 г. Мышковскій увѣдомляетъ, что директоромъ Волынской гимназіи съ 15 іюля утвержденъ учитель высшей математики Сциборскій.

2 ноября 1812 г. Мышковскій отъ имени гр. Чацкаго для обывателей Волын., Подольск., и Кіевской губерніи, а также Тарнопольскаго округа препровождаетъ увѣдомленіе, которое онъ наз. „лучемъ новой надежды", о томъ, что волынская гимназія по милости Царской по-прежнему остается въ Кременцѣ и что занятія начнутся со 2 января 1813 г., а вакаціи съ 1 іюня и что будетъ приложено стараніе къ наверстанію пропущеннаго.

4 декабря 1812 г. Мышковскій предлагаетъ учителямъ повѣтовыхъ училищъ составлять учебныя записки по отечественной исторіи, топографіи, статистикѣ, минералогіи, ботаникѣ, зоологіи, домоводству, технологіи, метеорологіи и физикѣ.

11 декабря 1812 г. Мышковскій увѣдомляетъ, чтобы праздновались слѣд. дни: 6 декабря и 9 мая, день Сошествія Св. Духа, 26 сентября, 1 и 22 октября.

Сообщ. Н. С.

Хвесь, преславный гайдамака.

1.

Гей, у Луцьку, славнимъ мисти,
Тамъ зійшлось не сто, не двисти,
А зибрався людъ увесь:
Подывытысь коженъ хоче,
Якъ то смерти тутъ доскоче
Гайдамака славный Хвесь.

2.

Вже збудовано й помосты,
Де дають страшнӧи хлосты;
Катъ зъ сокырою стоить;
Кругъ помосту—то не жарты!—
Воякы пыльнують варты—
Шабля въ кожного блыщыть.

3.

Бакаляры и рахмистры,
Пышни лавныкы й бурмистры
Зъ патерыцямы въ рукахъ;
Швець, зирвавшысь одъ роботы,
Недошыти кынувъ боты,—
Поспишае такъ, що страхъ!

4.

И дивчата полохлыви,
Молодыци уродлыви
И перекупкы миські;
Мовъ метелыкъ мижъ квиткамы,—
Мижъ дивоцьтвомъ и жинкамы
Вьются жевжыкы меткі.

5.

А въ передній самій лави
Страхъ моторни и цикави:
Дивка Хыма й жиночкы.
И про Хвеся, що винъ злючый
И рудый, и поганючый,
Ихъ лепечуть языкы.

6.

Хыма, дивка соромлыва,
Додае й свого ще дыва:
«Кажуть—кровъ людськую пье!..
Бо якъ йисты сяде тилько,—
Джура кровы—не горилкы—
Повный кухоль подае».

7.

— «Отъ собака! Отъ катюга!»—
Верещыть одна и друга...
Ажъ у-разъ гукають: «Цыть!»
Вся жинота понимила:
Бый тебе небесна сыла!—
На помости Хвесь стоить.

8.

Станъ высокый, усъ козацькый,
Чорни бровы и юнацькый

Пôглядъ смилывый палкый:
Такъ тымъ поглядомъ проймае,
Мовъ у душу зазырае,
Мовъ звелиты хоче ій.

9.

Отъ якъ люде набрехалы!..
А панъ возный взявъ шпаргалы
Та й почавъ чытаты зъ ихъ,
Що сей Хвесь йе гайдамака,
Престрашенный розбишака,
Наробывъ грихивъ тяжкыхъ:

10.

Розбывавъ панивъ добренькыхъ,
Убывавъ ксёндзивъ святенькыхъ,
Забиравъ жинокъ, дивчатъ,
И за сее, по статуту,
Тую «голову зопсуту»
Видрубаты мае катъ.

11.

«Разъ на свитъ родыла маты,
Тилько разъ и умираты!»
Хвесь якъ гримне у той часъ:
«Прощавайте, громадяне!
Ну, катюго! Сылы стане,
Щобъ утяты шыю вразъ?

12.

Хвесь схылывся до колоды,
Катъ сокыру вгору зводе...
Щось тоди якъ закрычыть!
Оттакого ще вамъ дыва:
Хыма, дивка соромлыва,
На помости вже стоить.

13.

«Пострывай, катюго клятый!..
За дружыну Хвеся взяты
Хочу я... його пустить!..»
Вся громада занимила
Зъ дыва зъ Хымыного дила,
Катъ не знае, що робыть.

14.

Але возный а ни гадкы:
Артыкулы зна й порядкы,
И рече судовый панъ:
«Колы дивочка учтыва
Взять забойцю, мылостыва,
У малженськый хоче станъ,—

15.

«То и право, и статуты
Намъ велять те слово вчуты
И декретъ такый вчыныть:
Заразъ ихъ обохъ узяты,
Швыдче въ церкви повинчаты
Та й на волю видпустыть!»

16.

Катъ сердытый зажурывся,
Людъ, зрадившы, звеселывся,
Хыма рада, ажъ скака!
Хвесь поглянувъ на дивчыну—
Запъялась...—«А скынь хустыну:
Хочу глянуты—яка».—

17.

Хустка впала. Та й не гарна!..
И руда, и нечупарна,

Ще й кырпатый нисъ чудный...
— «Якъ такую взять почвару,—
Краще вже прыйматы кару!..
Кате! гей, рубай мерщій!» —

18.

Гупъ сокыра на колоду!..
Скрыкъ озвавсь середъ народу...
Покотылась голова...
Катъ радіе, звеселывшысь,
Людъ похнюпывсь, зажурывшысь,
Хыма пада й зомлива...

19.

Ой за Луцькомъ, мистомъ славнымъ,
Та й звычаемъ стародавнимъ
Поховалы козака:
Тамъ долына— гей шырока,
Тамъ могыла—гей высока,
Гей высока и стримка!

20.

Витеръ віе по долыни,
Розхыляе лыстъ калыни,
Що у Хвеся въ головахъ;
И сида орелъ крылатый
На могыли спочываты,
Налитавшысь по степахъ.

21.

Сяе зъ неба сонце ясно,
И цвите калына красно,
А красу козакъ любывъ!..
Добре тамъ йому лежаты:
Все прыбралось въ пышни шаты,
Соловейкивъ чуты спивъ...

Б. Гринченко.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Мазепина церковь въ с. Дегтяровкѣ. Въ 12-ти верстахъ отъ Новгородъ-Сѣверска, немного влѣво отъ «шляха» на Сосницу, почти на границѣ уѣздовъ Новгородъ-Сѣверскаго и Кролевецкаго, лежитъ довольно большое село Дегтяровка. Раскинувшись частью по склону горы, частью по прилегающей непосредственно къ горѣ обширной равнинѣ, оно имѣетъ очень живописный видъ. Покрытая у села густыми зарослями лозы и вербняка, равнина переходитъ затѣмъ въ прекрасный лугъ, который, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, привольно тянется до самой Десны. На противоположной сторонѣ ея кое-гдѣ бѣлѣютъ церкви, желтѣютъ мелкими участками пески да сосновые лѣса, окутанные синей дымкой, постепенно уходятъ вдаль и гдѣ-то далеко-далеко сливаются съ горизонтомъ...

Это живописное сельцо и нѣкоторые сосѣдніе съ нимъ—Горки, въ 5 верстахъ вверхъ по Деснѣ, Игнатовка, почти въ такомъ-же разстояніи внизъ—играли въ былое время нѣкоторую роль въ исторіи Малороссіи. Осенью 1708 года Карлъ XII-й, вступивъ въ предѣлы Гетманщины, расположился главною своею квартирою въ Горкахъ. Сюда же спѣшилъ и Мазепа, переправившійся 25 октября у с. Оболонья чрезъ Десну. Тутъ-то, въ Горкахъ, и произошло первое свиданіе и знакомство престарѣлаго гетмана съ могучимъ властелиномъ сѣвера, такъ картинно описанное у Адлерфельда и затѣмъ у Костомарова. Это было 29 октября.

На слѣдующій день—30-го, Карлъ переноситъ свою временную резиденцію немного внизъ по теченію Десны—въ Дегтяровку. Вѣроятно, здѣсь Мазепа представилъ своихъ сторонниковъ—козаковъ

и начальныхъ людей—Карлу и принялъ присягу на вѣрность своему новому государю. Объ этомъ пребываніи Мазепы въ Дегтяровкѣ мы имѣемъ документъ—это извѣстное письмо его Стародубскому полковнику Скоропадскому.

Въ этомъ письмѣ, изложивъ обстоятельно причины, побудившія рѣшиться на такой рискованный шагъ, какъ измѣна царю, Мазепа въ заключеніи пишетъ: «Ваша Милость, яко естесь правдивый отчизны своей сынъ, не зичачи оной крайней погибели, знищенія и руины, берись до единого зъ намы согласія и до сполной тоей жъ отчизны своей обороны». Посланіе помѣчено внизу—«Зъ Дегтирувки, Октоврія 30 року 1708».

Наконецъ Игнатовка—внизъ по Деснѣ—тоже временное мѣстопребываніе Карла: 31 октября онъ былъ уже здѣсь и вмѣстѣ со своею свитою выбиралъ мѣсто, гдѣ-бы удобнѣе было переправить свои и козацкія войска на ту сторону Десны. Переправа эта происходила 4 и 5 ноября между сс. Игнатовкой и Мезиномъ.

Это, кажется, и все, что мы можемъ извлечь изъ документальныхъ данныхъ относительно Дегтяровки и двухъ сосѣднихъ съ нею с лъ.

Однако, кромѣ этихъ данныхъ, въ самой Дегтяровкѣ и теперь есть кое-что, что можетъ навести на мысль объ отношеніи къ ней гетмана Мазепы не только въ роковой для него 1708 годъ, но и гораздо раньше.

Особнякомъ отъ села, на высокой горѣ, стоитъ Дегтяровская церковь въ честь Покрова Пресв. Богородицы. Уже при первомъ взглядѣ на эту церковь невольно можно залюбоваться какъ оригинальнымъ положеніемъ ея, такъ и архитектурой. Это что-то мощное, крѣпкое, вѣковое, возникшее въ тѣ далекіе годы, когда подобныя сооруженія не «строила», а именно «созидала», часто въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, руками своихъ же доморощенныхъ мастеровъ-плотниковъ, мастеровъ-каменщиковъ малороссійская знать того времени. Сама церковь каменная, сложенная, повидимому, изъ крупнаго камня, т. н. «дикаря», конечно предварительно тщательно отесаннаго и выровненнаго, довольно высока, при чемъ кажется особенно высокою, если смотрѣть на нее издали, верстъ за 10—12: она тогда доминируетъ надъ всѣми окрестными холмами и возвышеніями (въ такомъ видѣ представляется она отъ перевоза на рѣкѣ Деснѣ у Пироговки, при съѣздѣ съ такъ называемой «Путивльской горы»—дорога на Нов-

городъ-Сѣверскъ). Архитектурой своей (форма креста, пятиглавая, сжатая съ боковъ и какъ-бы стремящаяся въ высь, съ большими куполами формы удлиненной луковицы) она во многомъ напоминаетъ Новгородъ-Сѣверскій Успенскій соборъ до его передѣлки въ концѣ 70-ыхъ или началѣ 80-ыхъ годовъ. Дегтяровская церковь—это тотъ же Новгородъ-Сѣверскій соборъ, только не такъ широко задуманный, болѣе суженный со всѣхъ четырехъ сторонъ.

Если войти внутрь ея, то и тутъ живое дыханіе старины чувствуется на каждомъ шагу: размѣромъ она крайне не велика и разсчитана, конечно, на наличность тогдашняго населенія Дегтяровки, полъ—чугунный, изъ плитъ рѣдкой величины, окна высокія и очень узкія, въ алтарѣ и предѣлахъ—массивныя желѣзныя скрѣпы, по сторонамъ клиросовъ—нѣсколько стоекъ, быть можетъ для монаховъ, а скорѣе всего для самого «фундатора» храма, его семьи или свиты, если онъ принадлежалъ къ числу знати того времени—полковой старшины.

Кѣмъ же построена эта церковь?

Если заглянуть въ хранящіяся при церкви клировыя вѣдомости, то тамъ значится: «храмъ Дегтяровскій въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, какъ гласитъ народное преданіе, построенъ малороссійскимъ гетманомъ Іоанномъ Степановичемъ Мазепою, неизвѣстно какого года. Документовъ же на сіе при церкви не имѣется никакихъ».

Таково переходящее отъ поколѣнія къ поколѣнію преданіе, занесенное въ оффиціальный церковный источникъ и имѣющее, какъ увидимъ, свое основаніе.

Приведу нѣкоторыя данныя въ пользу достовѣрности народнаго преданія и передамъ сущность ходячихъ въ средѣ мѣстнаго населенія легендъ, косвеннымъ образомъ могущихъ подтвердить справедливость этого преданія.

Предшественникомъ нынѣшняго священника въ Дегтяровкѣ былъ его братъ, не одинъ десятокъ лѣтъ священствовавшій тутъ. Люди, близко знавшіе покойнаго о. Л., передаютъ, что послѣдній еще засталъ на одной изъ наружнихъ стѣнъ церкви надпись, подтверждавшую предположеніе о томъ, что Дегтяровская церковь построена именно Мазепою. Надпись эта, выложенная изъ кирпичей, состояла всего изъ трехъ словъ—«Иванъ Степановичъ Мазепа». Съ теченіемъ времени кирпичи вывалились и надпись изчезла. Не могу утверждать, живетъ-ли въ устахъ мѣстнаго населенія передаваемая южно-русскими лѣто-

писцами и позднѣйшими историками, столь распространенная въ малороссіи легенда о томъ, что Мазепа, перейдя на сторону Карла, открыто ругался надъ православной святыней—изображеніемъ Богоматери, какъ говорили одни, Дегтяровской, другіе—Балыкинской, знаю только, что эту легенду я часто слышалъ еще мальчикомъ. Въ устахъ же дегтяровцевъ и окрестнаго населенія сохранилось болѣе близкое и болѣе возможное, въ смыслѣ дѣйствительности его, преданіе, что Мазепа, перейдя къ шведамъ, явился въ построенную имъ церковь въ Дегтяровкѣ и присягнулъ тутъ предъ мѣстно чтимой иконой Богоматери въ вѣчной вѣрности своему новому государю—Карлу XII.

Къ этому, быть можетъ на самомъ дѣлѣ имѣвшему мѣсто, факту услужливая фантазія толпы пристегнула анализъ душевныхъ движеній вѣроломнаго человѣка—получилась такимъ образомъ легенда о бѣгствѣ Мазепы: страшась-ли Божьяго гнѣва, мучась-ли угрызеніями совѣсти, несчастный гетманъ, послѣ этой страшной клятвы убѣгаетъ изъ своей церкви чрезъ особую дверь въ алтарѣ... И теперь эта, такъ называемая, «Мазепина дверца» въ южной стѣнѣ алтаря церковнаго остается наглухо запертой и своимъ видомъ темной заплаты среди ярко бѣлѣющихъ стѣнъ какъ-бы говоритъ о той тяжелой душевной борьбѣ, которую на закатѣ дней своихъ пришлось вынести старому гетману...

Я уже упомянулъ, что Дегтяровская церковь, вслѣдствіе своего особаго положенія, видна часто за 10 и 12 в. Это обстоятельство послужило поводомъ, чтобы приписать ей особое значеніе стратегической обсерваторіи во время гетманства Мазепы. Среди окрестныхъ жителей Дегтяровки, среди многихъ жителей Новгородъ-Сѣверска и Кролевца и теперь еще можно услышать мнѣніе, что Дегтяровская церковь видна изъ двухъ крайнихъ пунктовъ Черниговской губ.: на югѣ—Батурина, на сѣверѣ—Стародуба (что, конечно, невозможно, т. к. оба эти пункта лежатъ отъ Дегтяровки по крайней мѣрѣ на разстояніи 80—90 верстъ каждый). И вотъ, говорятъ молва, въ роковой для Мазепы 1708 годъ эта-то церковь и служила мѣстомъ подачи сигналовъ: на куполѣ ея въ извѣстное время появлялись и исчезали особые условные знаки. Гетманъ, сидя въ своей резиденціи—Батуринѣ, могъ знать, что дѣлается не только въ Стародубскомъ полку, но и въ самомъ полковомъ городѣ его—Стародубѣ; съ другой стороны и сторонники гетмана въ Стародубскомъ полку, если такіе были, могли постоянно знать положеніе дѣлъ въ столицѣ Гетманщины.

Въ этомъ наивномъ представленіи народа о способѣ взаимныхъ сношеній между гетманомъ и однимъ изъ подвѣдомыхъ ему полковъ, нельзя не обратить вниманія вотъ на что: не заключается-ли тутъ косвеннаго и крайне туманнаго намека на первоначальное участіе въ замыслахъ Мазепы и Стародубскаго полковника, будущаго гетмана, Скоропадскаго.

На западѣ отъ церкви, во рвахъ, какъ говоритъ народъ, были Мазепины «цегельни» (кирпичные заводы).

Таковы обрывки постепенно тускнѣвшаго народнаго воспоминанія о быломъ родной страны и связанныхъ съ нею личностяхъ и событіяхъ.

Кромѣ этихъ, такъ сказать, косвенныхъ доказательствъ отношенія Мазепы къ Дегтяровской церкви, въ самой церкви сохранилась одна вещь—драгоцѣнное для потомства свидѣтельство, что Мазепа былъ если не основателемъ, то во всякомъ случаѣ щедрымъ жертвователемъ Дегтяровской церкви.

Надъ царскими вратами, на расшитомъ узорами продолговатомъ платѣ, виситъ чудотворный образъ Дегтяровской Богоматери. Самый образъ средней величины, заключенъ въ кіотъ, писанъ на доскѣ и изображаетъ Богоматерь, обнимающую обѣими руками приклонившагося къ ней младенца—Христа. Вверху иконы выгравированы слѣдующія слова: «радуйся Обрадованная во успеніи твоемъ насъ не оставляющая». «Риза на Богоматери и младенцѣ—Христѣ серебряная, вызолоченная; въ двухъ или трехъ мѣстахъ на ней, въ видѣ отдѣльныхъ украшеній, сгруппированъ жемчугъ.

Кіотъ съ образами помѣщенъ среди затѣйливо вырѣзанныхъ орнаментовъ липовой доски и имѣетъ съ обѣихъ сторонъ рельефныя изображенія святыхъ: съ правой—Арх. Михаила, съ лѣвой—Іоанна Крестителя—патрона Мазепы.

Все это—и риза, и жемчугъ и все, что относится непосредственно къ образу—даръ Ивана Степановича, доказательствомъ чего служитъ его гербъ, помѣщенный внизу кіота.

Съ этимъ гербомъ, какъ сообщилъ мнѣ мѣстный священникъ о. Ст , когда-то давно-давно вышла исторія такого рода.

Каждый разъ по окончаніи богослуженія икона спускалась для поклоненія, народъ, приложившись къ ней, въ простотѣ душевной считалъ необходимымъ поцѣловать и въ блестящій «лычманъ»—гербъ, тѣмъ болѣе, что въ срединѣ его явственно вырисовывался крестъ.

Старикъ священникъ обратилъ на это вниманіе («якъ же такы можна знаменуваться въ Мазепу») и задумалъ отучить отъ этого своихъ наивныхъ прихожанъ. Сколько однако ни говорилъ батюшка, крестьяне по привычкѣ продолжали цѣловать гербъ. Тогда батюшка рѣшилъ просто... соскоблить источникъ соблазна. Пустили въ ходъ напильникъ—и началась работа, къ счастью довольно безуспѣшная: прекрасно выгравированный гербъ не стирался; правда, онъ потускнѣлъ, кое-что исчезло почти совсѣмъ (какъ инициалы гетмана), но многое и осталось на немъ, да еще налѣво отъ креста напильникомъ пропилили небольшую дырочку.

Но сущность дѣла отъ этого не измѣнилась: народъ, въ силу-ли постояннаго примѣра дѣдовъ и отцовъ, по привычкѣ-ли, продолжалъ цѣловать блестящій «лычманъ съ хрещыкомъ». Тогда утомленный борьбою батюшка приказываетъ на то мѣсто, гдѣ въ гербѣ виднѣется крестъ, наложить освященный серебряный крестикъ немного большей величины. Въ него теперь и цѣлуютъ Дегтяровцы.

Самый гербъ, какъ я сказалъ, находится внизу кіота и имѣетъ видъ выпуклаго медальона. Онъ повидимому бронзовый—темно-желтаго цвѣта. По сравненію съ извѣстными до сихъ поръ двумя образцами гербовъ Мазепы (см. замѣтку кн. А. В. Дабижи въ «Кіевской Стар.» за 1885 г. № 12—«Мазепа—князь и его шляхетскій и княжескій гербы»), онъ отличается болѣе простой структурой и представляетъ какъ-бы упрощенное соединеніе двухъ извѣстныхъ доселѣ гербовъ Мазепы: отъ 1-го герба (у Дабижи подъ буквой А) онъ отличается тѣмъ, что имѣетъ вмѣсто полумѣсяца съ лѣвой стороны—шестиугольную звѣзду, а отъ 2-го (у Дабижи—В) тѣмъ, что расположеніе въ немъ полумѣсяца и звѣзды обратное. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестъ на нашемъ гербѣ совершенно простой, не имѣющій двухъ характерныхъ для гербовъ Мазепы у Дабижи развѣтвленій. Не видно также, чтобы они были тутъ стерты.

Странна, конечно, эта простота герба, гдѣ нѣтъ никакихъ аксесуаровъ ни княжескаго, ни дворянскаго достоинства Мазепы, что такъ бросается въ глаза на его гербахъ у А. В. Дабижи.

Въ гербѣ, по сторонамъ креста, виднѣются мѣста, гдѣ были стертыя буквы—инициалы гетмана. Ихъ всего шесть, возстановить ихъ теперь очень трудно: съ одной стороны видно **I**, съ другой повидимому латинское **S**, есть также и **M**. Скорѣе всего это латинскіе инициалы, а не русскіе, ибо, если принять во вниманіе полный ти-

тулъ Мазепы («Иванъ Мазепа гетманъ его Царскаго Пресвѣтлаго Величества войска Запорожскаго»), то иницаловъ будетъ шесть, какъ въ нашемъ гербѣ.

Въ заключеніе упомяну объ одномъ памятникѣ старины въ Дегтяровской церкви. Въ напрестольномъ Евангеліи Кіевской печати 1697 года, внизу на поляхъ, читаемъ: «Азъ Тихонъ Андреевичъ писарь суду войсковаго енеральнаго сіе св. евангеліе сооружилъ коштомъ и накладомъ власнымъ и надаю до церкве пр. Богородицы Чудотворной Дегтяровской, року 1702».

С. Рклицкій.

Какъ звали гетмана Бородавку. М. А. Максимовичъ въ своемъ изслѣдованіи о гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ (Москвитянинъ, 1843, № 10, стр. 347—370; Полн. Собр. Сочин., I, 336—357), говоря о смерти гетмана (глава 4, стр. 350), приводитъ поминальную запись рода Сагайдачныхъ изъ стараго помянника Кіево-Михайловскаго монастыря, писаннаго въ 16 и первой половинѣ 17 вѣка (въ 4 д. л., написано киноварью на 98 листѣ); но выпись эту онъ приводитъ съ очень крупной ошибкой, которую исправилъ недавно О. Щуровськый (въ т. XXXIII «Записок наукового Товариства ім. Шевченка, отд. Miscellanea, стр. 1—2) и далъ, такимъ образомъ, возможность сдѣлать нѣсколько довольно интересныхъ выводовъ.

Запись буквально слѣдующая:

„**Року ҂ахкв, априла ї дна.**"

„**Благочестивый моужъ панъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, гетманъ войска его кр. мл. Ѕапороѕского, по многихъ ѕнаменитыхъ военныхъ послугахъ и ѕвитѧѕствахъ, на ложи своемъ простеръ ноѕѣ свои, приложися къ отцемъ, съ добрымъ исповѣданїемъ, исполненъ благихъ дѣлъ и милостыне въ Кїеве. Погребенъ при церкви школы Словенское въ мѣсте на Подолѣ честно, въ домоу братства церковного**".

Помяни Господи души рабъ своихъ: Петра, Конона, Єлисея (при этомъ приписано съ боку: „**Казновского**"), **Якова гетмана** (возлѣ этого имени приписано съ боку: „**Бородавка; не родичъ**").

У Максимовича приписокъ совсѣмъ нѣтъ, а слово «гетмана» испорчено въ «Германа». Очевидно Максимовичъ самъ поманника не видѣлъ, но воспользовался чьей-то услугой; въ противномъ случаѣ онъ не могъ-бы не обратить вниманія на современныя приписки, сдѣланныя тѣмъ-же черниломъ и той-же рукой (только болѣе мелкимъ полууставомъ и курсивомъ), какими произведена поманная запись.

Кому-же принадлежатъ неизвѣстныя имена Елисея и Якова? Максимовичъ не зналъ, кому они принадлежали; изъ имѣвшагося у него акта о завѣщаніи Сагайдачнаго явствовало, что послѣ гетмана осталась только *жена*, а о сыновьяхъ ничего не сказано. О. Щуровськый въ своей замѣткѣ предполагаетъ, что имя «Елисей» должно принадлежать тестю Сагайдачнаго; что-же касается имени «Якова», то, какъ оказывается изъ приписки, оно относится къ гетману Бородавкѣ.

Почему-же имя гетмана Бородавки внесено въ поманникъ рядомъ съ именемъ Сагайдачнаго? По мнѣнію О. Щуровського, потому, что запись произведена послѣ смерти гетмана и, быть можетъ, по распоряженію его жены, знавшей, что Петро Конашевичъ поминалъ на молитвѣ и Якова Бородавку, своего противника, котораго онъ, какъ разсказывается въ одномъ изъ дневниковъ (Pamiętnik o wyprawie Chocimskiej, стр. 18, 23, 83, 144), „за окрыкомъ всего войска“, велѣлъ обезглавить, 8 сент. 1621 г. [1]). Это убійство могло лежать бременемъ на душѣ Сагайдачнаго; онъ могъ записать имя гетмана Бородавки въ свой собственный поманникъ и молиться за него.

Какъ бы то ни было, но мы получаемъ два новыхъ факта, вопервыхъ:—неизвѣстное понынѣ имя гетмана Бородавки было *Яковъ* и, во-вторыхъ: убійство Бородавки Сагайдачнымъ заставило послѣдняго чувствовать нѣкоторую моральную связь съ нимъ.

---

[1]) Максимовичъ, раздѣляя взглядъ Величка на виновника гибели Бородавки („по военному суду обезглавленъ за ту вину, что онъ съ трехтысячнымъ отрядомъ козаковъ опоздалъ явиться подъ Хотинъ, гонявшись въ походѣ за добычею“, Собр. Сочин., I, стр. 369 и примѣч. тамъ-же), оправдываетъ отчасти Сагайдачнаго и добавляетъ: „Итакъ Бородавку убилъ не самъ собою Сагайдачный“!

Погибшіе матеріалы. Во время извѣстнаго, имѣвшаго мѣсто въ этомъ году, весенняго наводненія въ Елисаветградѣ, какъ намъ передали, погибли почти цѣликомъ цѣнные этнографическіе матеріалы покойнаго В. Н. Ястребова, хранившіеся у вдовы покойнаго.

Владиміръ Николаевичъ успѣлъ при жизни издать только меньшую часть собраннаго; а весь богатый пѣсенный матеріалъ по Елисаветградскому и Александрійскому уѣздамъ Херсон. губ. нужно считать потеряннымъ.

М. Васильевъ.

Т. Шевченко въ легендѣ. Особенность многихъ легендарныхъ сказаній о реформаторахъ и народныхъ герояхъ состоитъ въ томъ, что конецъ дѣятельности этихъ лицъ окутывается таинственностью или покрывается ореоломъ чудеснаго; легенда не допускаетъ конечнаго состоянія въ примѣненіи къ личности и дѣятельности героя; она оставляетъ мѣсто для упованій и надеждъ на лучшее будущее, на доведеніе ими до конца дѣла эмансипаціи массъ отъ жизненныхъ тяготъ по пути къ общему счастью.

Помянутый только что легендарный мотивъ, въ нѣсколько ослабленной степени, пріуроченъ народомъ и къ личности Т. Шевченка; въ печати (на стр. Кіев. Стар.) уже неоднократно были приводимы толки и слухи, циркулирующіе въ народѣ о Шевченкѣ, о его, будто-бы, мнимой смерти, о настоящемъ содержимомъ его могилы; появленіе таковыхъ показываетъ, что Шевченко дѣлается народнымъ героемъ, что его дѣятельность не только цѣнится во все болѣе и болѣе расширяющемся кругѣ интеллигентныхъ людей, но что она пріобрѣтаетъ значеніе и въ глазахъ народныхъ массъ, что народная масса связываетъ свои интересы съ поэзіей и дѣятельностью Шевченка. Приводимыя записи, произведенныя нами на дняхъ въ Елисаветградѣ (Херсон. губ.), еще болѣе подтверждаютъ сказанное.

Бесѣдуя съ однимъ лицомъ, соприкасающимся съ народомъ и «опростившимся», я былъ удивленъ взглядомъ на смерть Шевченка, усвоеннымъ моимъ собесѣдникомъ; меня изумило то обстоятельство, что собесѣдникъ увѣренно заявилъ, что поэтъ умеръ только въ прошломъ году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, что все время, отъ момента его мнимой смерти въ 61-мъ году и до послѣдняго времени, онъ жилъ въ Англіи, куда выѣхалъ послѣ освобожденія, крестьянъ «щобъ гвалту не було».

«щобъ люде не шумилы». Онъ не находитъ здѣсь ничего невѣроятнаго, такъ какъ Шевченку въ такомъ случаѣ было-бы около 80-ти лѣтъ. Увѣренность въ справедливости этихъ свѣдѣній мой собесѣдникъ почерпнулъ изъ данныхъ, сообщенныхъ ему земляками Тараса Шевченка, Кирилловскими крестьянами, пріѣзжающими въ Елисаветградъ въ ярмарочное время для продажи грушъ и яблокъ.

Крестьяне сообщали, что поэтъ, вернувшись изъ Англіи, принялъ фамилію Михаила Адамовича Кречмера и подъ такимъ именемъ явился въ Кирилловку. Старики, видѣвшіе когда-то Шевченка, «признавали» въ Кречмерѣ покойнаго поэта; «одягався винъ и попаньски и по малороссійски»; многимъ помогалъ; изъ Кіева и Харькова къ нему часто пріѣзжали паны.

Неоднократно старики, помнившіе Шевченка, напрямикъ обращались къ Кречмеру: «та це Вы Тарасе Григорьевичу, прызнавайтесь!» —Что вы?—изумленно отвѣчалъ Кречмеръ.

Помимо сходства, которое находили старики между Шевченкомъ и Кречмеромъ, на мысль о полномъ тождествѣ этихъ двухъ лицъ наводили крестьянъ тѣ замѣчанія, которыя выражалъ Кречмеръ и которыя запечатлѣвались въ подозрительныхъ головахъ.

Кречмеру приписываютъ слѣдующую подозрительную для крестьянъ просьбу: «якъ умру я, такъ насыпте мени въ Кириловци таку могылу, якъ насыпалы моему товарышови у Каневи». (Кречмеръ былъ уроженецъ Кириловки). Шевченку, т. е. Кречмеру, приписываютъ и слѣдующую пророческую фразу:

«Якъ не буде у Днипри мышей, ракивъ,
Тоди не буде у насъ ни жидивъ, ни полякивъ».

Мой собесѣдникъ такъ коментировалъ это двустишіе: «якъ ракы заведешъ, та вже николы воны не выведутся, такъ и на Васъ повикъ будуть йиздыть жиды и поляки—бо вы дурни». Что Шевченко не лежалъ въ могилѣ, а проживалъ вдали отъ родины, это становилось для простолюдина вполнѣ вѣроятнымъ, когда ему приходилось познакомиться со слѣдующимъ разсказомъ: къ могилѣ Шевченка, подлѣ Канева, подходитъ неизвѣстный человѣкъ и спрашиваетъ сторожа: «що ты тутъ стережешъ»?—«Та тутъ Тарасъ захованный»; на это неизвѣстный замѣтилъ: «Винъ (Шевченко) бувъ дуже хитрый чоловикъ, винъ давно вже дирочкою зъ могылы вылизъ».

Таковы тѣ данныя, на которыхъ мой собесѣдникъ построилъ свое убѣжденіе въ томъ, что Шевченко былъ живъ до послѣдняго времени и что смерть его была фиктивна, въ видахъ предупрежденія возможныхъ народныхъ волненій (см. сообщеніе Крымскаго въ Кіев. Стар. 1898 г. 2. 263 на ту же тему).

М. К. Васильевъ.

Кто авторъ рукописныхъ стихотвореній о Полтавѣ? Помѣщенная въ январьской книжкѣ «Кіев. Ст.» замѣтка В. Василенка «Изъ Полтавской рукописной литературы», съ приложеніемъ трехъ стихотвореній, пробудила и во мнѣ воспоминанія о годахъ моей юности.

О двухъ изъ приложенныхъ къ замѣткѣ г. Василенка стихотвореній, я могу дать кое-какія указанія. Авторъ ихъ былъ лично мнѣ извѣстенъ: это Петръ Михайловичъ Иляшенко-Кириловичъ, изъ села Гусинаго, что при сліяніи Сулы съ Днѣпромъ, ниже Жовнина и Еремѣевки. Я познакомился съ Петромъ Михайловичемъ, бывши уже студентомъ,—примѣрно въ 65-мъ году; въ то время онъ былъ членомъ Полтавской Губернской Земской Управы, въ первое трехлѣтіе ея существованія, замѣнивъ собою, выбывшаго до срока, члена Самойлова (слѣпого на одинъ глазъ).

Петръ Михайловичъ, отставной кавалеристъ, служившій также въ козакахъ, былъ старый холостякъ, народникъ, простакъ и до старости юнецъ. Когда въ тѣ годы я ставилъ въ Полтавѣ любительскіе спектакли на малорусскомъ языкѣ и конкурировалъ съ другимъ кружкомъ любителей, такъ называемымъ, аристократическимъ, который мѣшалъ намъ воспользоваться театральной залой Дворянскаго собранія, единственной тогда удовлетворявшей требованіямъ театральнаго дѣла, то Петръ Михайловичъ, приставъ на нашу сторону, принималъ участіе въ демонстраціяхъ, устраиваемыхъ нами противному кружку.

Держась молодежи, онъ нѣкоторымъ изъ нихъ давалъ пріютъ въ своей квартирѣ; любилъ ее, любилъ дѣлить съ нею свои взгляды и симпатіи... Любилъ писать и написаннымъ дѣлиться лишь въ интимномъ кружкѣ. Приложенные г. Василенкомъ два стихотворенія слыхалъ я изъ устъ его два раза: у него на квартирѣ и въ домѣ извѣстной тогда Елисаветы Ивановны Милорадовичъ, урожденной Скоропадской.

Писалъ онъ не для имени и славы, а только для себя; писалъ много, а больше велъ современную ему хронику кутка своего и родичей. Съ содержаніемъ этой его работы я знакомъ отчасти. При жизни своей онъ не желалъ дразнить гусей и трудъ свой держалъ подъ-спудомъ, а передъ смертью, кажется, передалъ Н, Н. Миклашевскому, бывшему тогда Золотоношскому Уѣздному Исправнику, служившему также въ малороссійскихъ козакахъ шестидесятыхъ годовъ.

А. Цыссъ.

Бердичевскія подземелья. (Извлечено изъ архивнаго дѣла). Въ 1867 году Бердичевскій городовой архитекторъ, при производствѣ въ городѣ работъ, наткнулся на подземные ходы въ видѣ катакомбъ, о чемъ донесъ начальнику губерніи. Губернаторъ, принимая во вниманіе торговое значеніе Бердичева и удобства, которыя представляютъ подобныя подземелья для контрабандистовъ, образовалъ для ихъ обслѣдованія особую слѣдственную коммиссію. Генералъ-Губернаторъ, съ своей стороны, поручилъ состоявшему при немъ для порученій саперному офицеру подробно изслѣдовать подземные ходы и уничтожить тѣ изъ нихъ, кои не служатъ для храненія припасовъ, а составляютъ притоны, или-же, не будучи одѣты камнемъ, угрожаютъ обвалами.

27 Октября слѣдственная коммиссія, послѣ тщательнаго осмотра подземнаго Бердичева, подписала актъ, коимъ удостовѣрила, что въ подземныхъ ходахъ складовъ контрабанды не найдено, воровскихъ вещей и подозрительныхъ личностей, которыя скрывались-бы въ тѣхъ подвалахъ, не обнаружено.

Подземелья сняты на планъ, подробно описаны и распредѣлены коммиссіею на категоріи: 1) оставляемыя въ настоящемъ ихъ видѣ, 2) подлежащія задѣлкѣ, частью, или полностью, и, наконецъ, 3) требующія засыпки.

Открыто 130 подземныхъ ходовъ и 78 погребовъ, всего 208 подземныхъ помѣщеній, принадлежащихъ 182 отдѣльнымъ владѣльцамъ.

На улицахъ Кармелитской, Махновской, Бѣлопольской и на Соборной площади, другими словами—въ древнѣйшей части города, отдушины подземелій найдены на самой серединѣ улицы; въ другихъ частяхъ города онѣ обнаружены ближе къ домамъ.

Первоначально предполагалось, что направленіе галлерей тождественно съ направленіемъ улицъ, но въ дѣйствительности оказалось, что идутъ онѣ подъ улицей поперегъ, отъ одного дома къ другому (иногда и во дворъ), но сообщенія между собою, вообще, не имѣютъ; исключеній всего лишь два (подземелья въ этихъ двухъ случаяхъ разобщены запертыми на замокъ дверями).

Древнѣйшему подземелью не менѣе 200 лѣтъ; ведетъ оно отъ дома Ланды къ дому Зелинскаго подъ Соборною площадью, имѣя до 75 аршинъ длины, на $2^1/_2$ вышины и 2 ширины; кирпичемъ не обложено и выведено въ видѣ стрѣльчатой арки, чѣмъ и объясняется его прочность. Перпендикулярно къ главному, идетъ боковой ходъ, одинаковой профили, длиною 15 аршинъ, съ двумя отъ него колѣнами въ 15 и 18 аршинъ. Всѣ 4 хода должны быть отнесены къ одной и той-же эпохѣ. Къ нимъ примыкаютъ 7 ходовъ, сравнительно недавнихъ.

На Кармелитской улицѣ и въ сосѣднемъ переулкѣ обращаютъ на себя вниманіе двухъ-ярусные каменные подвалы съ арками; изъ нижнихъ ярусовъ идутъ, обложенные камнемъ, подземные ходы, выведенные несомнѣнно при самой постройкѣ домовъ, въ началѣ прошлаго вѣка, вполнѣ прочные, одинаковые, правильной профили, высотою 3 арш. въ началѣ и $2^1/_2$ арш. въ концѣ; шириною отъ 2—$2^1/_2$ арш. Въ каждомъ имѣются боковыя ниши, отъ 1 до 15 арш. Длина ходовъ главныхъ—отъ 9 до 60 аршинъ; боковыхъ—отъ 6 до 27 аршинъ.

Самое замѣчательное изъ подземныхъ помѣщеній находится подъ срединою Соборной площади, при домѣ Шенфельда: оно, кромѣ главнаго, имѣетъ круговой ходъ, въ двухъ мѣстахъ соединяющійся съ первымъ. Въ концѣ магистрали имѣется комната длиною 17 арш., вышиною 3 и шириною отъ $2^1/_2$, въ началѣ, до $5^1/_2$ аршинъ въ концѣ.

По длинѣ не имѣетъ соперниковъ подземелье при домѣ Нехамкеса, мѣрою 79 аршинъ; а на Махновской улицѣ, при усадьбѣ Шмуля Боршака, обнаруженъ цѣлый лабиринтъ.

При входѣ въ подземелья, отъ поверхности земли до пола—отъ 4 до 6 аршинъ, а въ концахъ (въ возвышенной части города) подошва ихъ углубляется до 18 арш. и отвюдь не менѣе 10 арш. (въ самой низменной части Бердичева). Паденіе подошвы хода чаще 2—4 вершка на погонную сажень, но доходитъ и до 6.

Даже не будучи обдѣланы камнемъ, ходы, вообще, весьма прочны; обвалы случаются лишь въ новѣйшихъ, нѣсколько болѣе широкихъ, и имѣющихъ дугообразный сводъ. Каменные—несравненно сырѣе и холоднѣе земляныхъ. Встрѣчаются также ходы, стѣны коихъ забраны досками, какъ это дѣлается въ минныхъ галлереяхъ.

Изъ 208 изслѣдованныхъ подземелій, въ 24 оказалось вино (русское въ бочкахъ и иностранное въ бутылкахъ); въ 1—хлѣбное вино, въ 1—стекла, въ 1—рогожи, въ 2—аптекарскіе товары, въ 7—пустыя бочки изъ-подъ бакалеи, а 172—совершенно пустыя (осенью заполняются овощами и съѣстными припасами).

Хотя преданіе и гласитъ, будто этими ходами пользовались во время осады козаки, пробиравшіеся къ Гнилопяти за водою, но произведенное обслѣдованіе даетъ право съ положительностію утверждать, что при ихъ сооруженіи имѣлись въ виду чисто хозяйственныя цѣли. Густота населенія въ старыхъ городахъ, ютившихся подъ защитою укрѣпленій, вынуждала строиться безъ разрывовъ, безъ дворовъ и служебъ, при чемъ подвалы для складыванія запасовъ [1]) были необходимы. Дальнѣйшему расширенію подземелій способствовали: съ одной стороны—необходимость добывать глину для приведенія въ порядокъ домовъ передъ Пасхою и осенними холодами, а съ другой—потребность въ обширныхъ складахъ для окрестныхъ пановъ, которые въ началѣ 60-хъ годовъ снимали ихъ у евреевъ.

Теперь (въ 1867 году) подземелья не приносятъ дохода, ибо событія послѣднихъ лѣтъ сократили помѣщичьи запасы; они приходятъ въ упадокъ, такъ какъ, съ постройкою гостиннаго двора, въ городѣ имѣются несравненно лучшіе магазины и кладовыя для храненія товаровъ.

Предположенія лицъ, видѣвшихъ въ подземныхъ помѣщеніяхъ убѣжища для контрабандистовъ, по заключенію изслѣдователей, лишены всякаго основанія: температура въ подземельяхъ настолько низка, даже въ лѣтнія жары, что сколько-нибудь продолжительное въ нихъ пребываніе совершенно невозможно.

Сообщилъ А. Мёрдеръ.

---

[1]) Одного вина, по исчисленію г. Копанскаго, въ шабашъ потребляется до 25 тысячъ бутылокъ (еженедѣльно).

Людвикъ Житинскій. (*Некрологъ*). 9-го марта 1900 года скончался въ своемъ имѣніи, хуторѣ Лагодовкѣ Волынской губ. Дубенскаго уѣзда, одинъ изъ интеллигентныхъ воспитанниковъ Кіевскаго университета, шестидесятыхъ годовъ истекающаго столѣтія—Людвикъ Константиновичъ Житинскій. Покойный родился въ 1836 году въ зажиточной дворянской волынской семьѣ; воспитывался въ Кіевской 2-й гимназіи и затѣмъ въ 1860 году окончилъ историко-филологическій факультетъ Кіевскаго университета; несмотря на родовыя семейныя традиціи, подъ животворнымъ вліяніемъ какъ университетскаго образованія, такъ и всеобщаго оживленія, вызваннаго благотворными реформами того времени, покойный отказался отъ многихъ предразсудковъ, господствовавшихъ въ той средѣ, къ которой онъ принадлежалъ. Претерпѣвъ въ началѣ своей самостоятельной жизни значительныя невзгоды и получивъ при раздѣлѣ съ братьями среднюю поземельную собственность, покойный усердно занялся сельскимъ хозяйствомъ на новыхъ раціональныхъ началахъ; соединивъ сельскохозяйственный трудъ съ заводскою промышленностью (онъ основалъ черепичный заводъ), онъ успѣлъ не только избѣжать крушенія, которому подвергались многочисленныя среднія дворянскія имѣнія, но и достигъ возможнаго при его средствахъ благосостоянія и обезпеченности. Въ сношеніяхъ съ окружающимъ его обществомъ, покойный отличался отсутствіемъ всякой нетерпимости и эксклюзивности сословной или національной; при вполнѣ добрыхъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, онъ сохранилъ дружелюбныя отношенія съ сосѣдями помѣщиками—русскими, поляками и чехами—и, безразлично къ ихъ національности, встрѣчалъ ихъ радушно и привѣтливо.

Но хозяйственныя заботы и общественныя сношенія не поглотили цѣликомъ времени Л. К. Житинскаго. Онъ находилъ возможнымъ значительную часть своего труда и времени посвятить наукѣ; занятія его сосредоточились на изученіи мѣстной исторіи и археологіи; онъ составилъ: прекрасную историческую библіотеку, коллекцію мѣстныхъ древностей и коллекцію литовскихъ монетъ, на которыхъ онъ сосредоточилъ свои нумизматическіе труды; онъ изслѣдовалъ многочисленные курганы своей мѣстности и результаты своихъ изслѣдованій помѣщалъ въ изданіяхъ краковской академіи, въ запискахъ, археологическо-нумизматическаго краковскаго общества, а также въ трудахъ Виленскаго и Кіевскаго русскихъ археологическихъ съѣздовъ

въ которыхъ онъ принималъ живое участіе, представляя рефераты о своихъ раскопкахъ и доставляя на выставку съѣзда свои коллекціи.

Послѣ смерти покойника остался капитальный трудъ, который онъ едва успѣлъ закончить передъ смертью, но издать который судьба ему не дозволила—это историко-географическое описаніе поселеній въ бассейнѣ р. Стыра. Судя по довольно объемистымъ отрывкамъ, которые прочитывалъ мнѣ покойный Л. К., трудъ этотъ принадлежитъ къ числу монографій весьма тщательно отдѣланныхъ и весьма полезныхъ для уясненія исторической судьбы Волыни. Было-бы крайне желательнымъ, чтобы этотъ результатъ многолѣтней усердной работы не остался неизданнымъ.

Во всякомъ случаѣ покойный Л. К. Житинскій, какъ по своей частной дѣятельности, такъ и по научнымъ трудамъ, заслуживаетъ сочувственнаго воспоминанія всѣхъ тѣхъ лицъ, которымъ дорого изученіе юго-западнаго края и установленіе въ немъ интеллигентныхъ и разумныхъ отношеній.

В. Антоновичъ.

Е. И. Борисовъ. *(Некрологъ)*. 6-го мая, скончался редакторъ «Херсонскаго Земскаго Сборника» Е. И. Борисовъ. Родился покойный въ семьѣ священника Кіевской губ.; первоначальное образованіе получилъ въ Кіевѣ въ духовномъ училищѣ и въ духовной семинаріи, а затѣмъ поступилъ на юридическій факультетъ Новороссійскаго университета и кончилъ въ немъ въ 1877 году курсъ со степенью кандидата. Энергичный, способный и хорошо подготовленный, онъ смѣло могъ съ успѣхомъ вступить на обычный путь служебной дѣятельности, но она его не влекла; его симпатіи были опредѣлены давно... Его всего, еще на студенческой скамьѣ, захватили вопросы современной жизни, вопросы малороссійской деревни, вопросы земства, бытъ крестьянина и дѣло его просвѣщенія—вотъ, что ему было дорого, вотъ на пользу чего онъ хотѣлъ работать и дѣйствительно работалъ. Выступивъ съ цѣлымъ рядомъ статей по различнымъ вопросамъ изъ этой области въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» еще въ бытность студентомъ, Е. И. по окончаніи университетскаго курса весь отдается газетной работѣ, занимаясь въ то-же время и собираніемъ матеріаловъ по обычному русскому праву, по этнографіи и проч. Въ 1891 году онъ получилъ мѣсто секретаря елисаветградской земской управы. Онъ при-

мѣнилъ на этомъ мѣстѣ къ давно излюбленному дѣлу всѣ свои знанія по земскимъ вопросамъ и съ обычной добросовѣстностью посвящалъ свои силы служебнымъ занятіямъ. Результатомъ дѣятельности его въ Елисаветградѣ, между прочимъ, явилась и книга почти въ 1000 печатн. страницъ, въ которой онъ съ большимъ умѣніемъ далъ систематическій сводъ постановленій елисаветградскаго земскаго собранія за 1865—1895 гг. (изд. въ Елисаветградѣ въ 1895 г.). Работа надъ этой книгой дала Е. И., какъ знатоку земства, еще больше извѣстности, и онъ былъ приглашенъ редакторомъ Херсонскаго Земскаго Сборника. Покойный, кромѣ того, извѣстенъ и въ малорусской литературѣ: его имя встрѣчается въ галицкихъ изданіяхъ 80-хъ гг.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ дополненіе къ суммѣ 1652 р. 33 коп., поступившей до сихъ поръ въ редакцію на сооруженіе памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ (см. № 4-й), вновь пожертвовано: разными лицами въ Могилевѣ губ.—29 руб., А. Н. Истоминой—2 р., К. К. Истоминымъ—2 р., Ахмедъ-бекъ Агаевымъ—1 р., Г. Г. Кибальчичемъ—2 р., Д. И. Кисилевичемъ—2 р., Д. И. Мѣрнымъ 1 р., Ѳ. И. Михалевскимъ—2 р., всего *41 рубль,* что вмѣстѣ съ прежними составитъ *1693 р. 33 коп.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Текущія извѣстія.

Юбилей проф. В. Б. Антоновича. 18-го мая исполнилось 30-тилѣтіе профессорской и 40-лѣтіе ученой и общественной дѣятельности Владиміра Бонифатьевича Антоновича. Пять лѣтъ тому назадъ Кіевъ торжественно отпраздновалъ 25-тилѣтній юбилей профессорства нашего уважаемаго ученаго, и тогда нашъ журналъ посвятилъ нѣсколько страницъ выраженію дани признательности этому почтенному работнику на полѣ науки и общественной жизни (см. № 6-й 1895 годъ). Къ сказанному тогда мы только можемъ теперь наново повторить наши искреннія пожеланія, чтобы силы и здоровье еще на много лѣтъ сохранили его прежнюю энергію и бодрость духа для трудовъ на пользу науки и роднаго намъ края.

Пережитки старины. Недавно въ «Сынѣ Отеч.» приводились свѣдѣнія о пережиткахъ старины, какими являются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вол. губ. остатки церковныхъ обычаевъ. По этому поводу анонимный авторъ дѣлится въ той-же газетѣ еще слѣдующими имѣющимися у него свѣдѣніями. «Лѣтъ пять тому назадъ—пишетъ авторъ замѣтки,—мой отецъ (нынѣ покойный) былъ назначенъ священникомъ при соборѣ въ г. Кобринѣ, гродненской губ. (на границѣ съ волынской) и засталъ тамъ слѣдующее учрежденіе. Около церкви сконцентрировались пережившіе свое гражданское существованіе остатки ремесленныхъ цеховъ и церковныхъ братствъ, выродившихся въ очень своеобразную форму. Городскіе мѣщане, потомки прежнихъ братчиковъ и цеховщиковъ, выбирали отъ себя администрацію (старосту и совѣтъ), имѣли «хоронгви» (знамена), поставленныя въ церкви, и держали для себя громадныя восковыя свѣчи. Главный денежный доходъ получался братчиками отъ похоронъ; участіе въ похоронахъ братчиковъ, несущихъ знамена и свѣчи, считалось необходимымъ для каждой приличной печальной процессіи, и каждый мечталъ, по своей смерти, быть похороненнымъ съ такимъ именно торжествомъ, для чего копились послѣдніе рубли. Братчики брали за свое участіе въ печальной процессіи не мало, но все-таки смотря по состоянію средствъ покойнаго; пользуясь монополіей, они могли взыскать съ семейства покойнаго до 100 руб. Деньги не попадали, конечно, въ церковь, а шли на попойку; малая ихъ часть, впрочемъ, удѣлялась на свѣчи, съ которыми братчики возстояли въ храмѣ въ торжественные дни. Какъ ни странно, но при церкви имѣлась книга, гдѣ записывался приходъ и расходъ братчиковъ въ такомъ, напр., родѣ: При похоронахъ такого-то получено 100 руб., изъ нихъ 90 р. на «консоляментъ» (утѣшеніе) и 10 р.—на свѣчи. Какого рода «утѣшеніе»—неизвѣстно; оно совершалось братчиками въ популярномъ кабачкѣ города. Отецъ мой, при принятіи церковныхъ дѣлъ, возсталъ противъ такого порядка вещей, арестовалъ «хоронгви» и донесъ объ этомъ начальству, чѣмъ страшно поднялъ противъ себя мѣщанъ всего города. Возгорѣлась борьба съ угрозами и доносами и т. д. Однако ему все-таки удалось уничтожить это старинное цеховое вымогательство. Подобныя «братства», по слухамъ, держатся еще во многихъ мѣстечкахъ западнаго края».

Завѣщаніе галицкаго митрополита Саса-Куиловскаго. 21 апрѣля скончался во Львовѣ митрополитъ галицкій Юліанъ Сасъ-Куиловскій на 75 году своей жизни и на второмъ году епископства.

Въ завѣщаніи, вскрытомъ послѣ смерти, оказалось, что большая часть имущества, оставшагося послѣ него, завѣщана львовскому *латинскому* архіепископству, а также на постройку костеловъ и часовенъ (тоже католическихъ). Одежду и бѣлье завѣщалъ раздать, а не продавать, «щоби жиди по Зарваниці не ростягали фіолетів». (Руслан, ч. 90).

Съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности. Съ 7 по 17 сентября нынѣшняго года въ Полтавѣ устраивается съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности. Въ настоящее время разсылаются приглашенія въ губерніи: Харьковскую, Черниговскую, Курскую, Кіевскую и Полтавскую. (Программу съѣзда см. въ объявленіяхъ).

Украинская труппа въ Америкѣ. Въ Пенсильваніи, въ Мт. Кармель, составилось украинское драматическое общество, имѣющее своей цѣлью давать театральныя представленія. Для перваго раза разучили пьесу г. Макара «Амерыканськый шляхтычъ».

Здѣсь-же основалось и другое украинское общество--музыкальное, изъ однихъ лишь молодыхъ людей. («Свобода»).

Почетный отзывъ за ученый трудъ. На годичномъ собраніи Императорскаго русскаго археологическаго общества 22 апрѣля присужденъ почетный отзывъ начальнику кіевскаго центральнаго архива древнихъ актовъ и глубокому знатоку южно-русскихъ архивовъ И. М. Каманину за составленный имъ «Палеографическій изборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма XV—XVIII столѣтій». (Сѣверный Курьеръ, № 171).

Лекція проф. Студинскаго. Первая лекціи вновь назначеннаго во Львовскій университетъ на историко-филологическій факультетъ профессора Студинскаго «Про полемичну літературу руску» прошла

съ большимъ успѣхомъ. Авторъ, указавши на начальныя проявленія полемической литературы въ XI и XII в.в. и застой въ слѣдующихъ XIII и XIV столѣтіяхъ, подробно остановился на эпохѣ развитія ея въ XV и XVI в., при чемъ отмѣтилъ причины, вызвавшія это развитіе. («Руслан.»).

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка. Въ дополненіе къ сообщеніямъ о чествованіи памяти Т. Г. Шевченка (см. №№ 4 и 5), добавляемъ, что, кромѣ упомянутыхъ мѣстностей, чествованія еще происходили:

I. *Въ Галиціи:*

Въ Снятинѣ 22 апрѣля данъ былъ концертъ «Мищанською Читальнею». Въ концертѣ принимали участіе одни лишь мѣщане и мѣщанки. Публика состояла также изъ мѣщанъ и крестьянъ.

Въ Черновцахъ 7 мая Бурсой Товарищества «Русский Народний Дімъ» устроенъ былъ литературно-музыкально-вокальный вечеръ.

Въ Бродахъ 9 мая устроенъ былъ въ залѣ Товариства Музичного концертъ русскими товариствами въ Бродахъ при участіи проф. Друкера, Товариства Музичного и Кружка спивацького.

Въ Городенци, въ залѣ «на Курцеривці» состоялся 12 мая концертъ.

II. *Въ Россіи:*

Въ Черниговѣ (время и мѣсто не указаны) устроителемъ вечера явился г. Ладога. Любителями была представлена пьеса Т. Г. Шевченка «Назаръ Стодоля».

III. *Въ Америкѣ*, въ Пенсильваніи, въ Шамокинѣ въ началѣ мая состоялось «виче и вечерокъ» въ память 39 годовщины смерти Шевченка въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 8 ч. утра—богослуженіе, на которомъ члены мѣстнаго общества Т. Шевченка присутствовали въ парадной формѣ. Послѣ богослуженія—панихида. Въ $9^1/_2$—виче, на которомъ были прочитаны рефераты: 1) Справи просьвітні, 2) Справи церковні, 3) Справи робітничі, 4) Про руско-народний эміграцийний дім въ Америці. Въ 7 ч. вечера—литературно-вокальный вечеръ, съ участіемъ хора, и въ заключеніе—дѣтская оперетта «Коза-дереза» («Свобода»).

Памятникъ Котляревскому. Начальникъ полтавской губерніи сообщилъ городской управѣ, что со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ не встрѣчается препятствій къ постановкѣ въ г. Полтавѣ, на городскомъ бульварѣ, по Протопоповской ул., памятника поэту И. П. Котляревскому. Немедленно была созвана коммиссія, которая постановила войти въ переговоры съ скульпторомъ объ изготовленіи барельефовъ и украшеній для памятника. Такъ какъ ко дню открытія памятника ожидается много делегатовъ изъ Галиціи и другихъ мѣстъ, гдѣ дорога память поэта, то рѣшено изготовить жетоны для раздачи почетнымъ гостямъ и лицамъ, принимавшимъ участіе въ постройкѣ памятника. На одной сторонѣ жетона будетъ изображенъ рельефъ памятника, а на другой—извѣстное четверостишіе изъ «Наталки Полтавки»:

«Де згода въ семействи,
Де мыръ и тышына,
Щастлыви тамъ люде,
Блаженна сторона».

(Кіев. Газета, № 152—153).

Пѣсенная коммиссія Императорскаго русскаго географическаго общества. Въ первомъ засѣданіи названной коммиссіи послѣ смерти ея учредителя, Т. И. Филиппова, подъ предсѣдательствомъ А. С. Танѣева прочтенъ былъ интересный докладъ о полезной дѣятельности учрежденной Т. И. Филипповымъ въ 1884 г. коммиссіи для собиранія образцовъ народнаго пѣсеннаго творчества, а въ 1897 году другой коммиссіи для изданія пѣсенныхъ сборниковъ. На засѣданіи обсуждался, между прочимъ, проектъ г. Бигдая, дѣйствительнаго члена кубанскаго и терскаго статистическихъ комитетовъ, «о необходимости собранія и изданія пѣсеннаго матеріала во всѣхъ козачьихъ войскахъ и средствахъ для того». Относительно этого предложенія, пѣсенная коммиссія, ознакомившись съ приложенными къ докладной запискѣ г. Бигдая 10-ю выпусками «Пѣсни кубанскаго войска», хотя и не усмотрѣла въ указанныхъ пѣсняхъ, записанныхъ, очевидно, лицомъ, мало подготовленнымъ къ такого рода дѣятельности и не музыкантомъ, достаточнаго матеріала для сужденія о сохранившихся еще въ народной памяти древнихъ пѣсняхъ, тѣмъ не менѣе признала всю важность организаціи дѣла собиранія и изданія пѣсенъ козачьяго

войска въ интересахъ сохраненія памятниковъ старины и нашла предложенную г-мъ Бигдаемъ систему записи текстовъ пѣсенъ путемъ предварительныхъ сношеній съ лицами, близко стоящими къ народу, цѣлесообразной. При обсужденіи докладной записки г. Бигдая, С. М. Ляпуновъ указалъ на необходимость заручиться помощью постоянныхъ корреспондентовъ (мѣстныхъ сельскихъ учителей, священниковъ и др.), выработавъ планъ предварительныхъ запросовъ. («Сынъ Отечества», № 126).

Е. П. Боярская (Богемская). Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ скончалась извѣстная малорусская артистка Боярская (Евдокія Прокофьевна Богемская), начавшая въ Одессѣ свою артистическую карьеру, гдѣ она дебютировала въ качествѣ любительницы на сценѣ бывшаго Маріинскаго театра въ январѣ 1885 г., въ дивертисментѣ, въ малорусской труппѣ М. П. Старицкаго подъ режиссерствомъ М. Л. Кропивницкаго. Въ томъ-же году на той-же сценѣ ей была поручена первая въ ея жизни роль Наталки въ пьесѣ «Наталка-Полтавка»; съ Пасхи того-же года ей назначили уже жалованье, и она стала профессіональной артисткой. Когда произошло распаденіе малорусской труппы, г-жа Боярская осталась у М. П. Старицкаго, поручившаго ей амплуа драматическихъ ролей, которое сохранилось за нею до самой ея кончины. Въ послѣднее время у Боярской было горячее желаніе перейти на русскую сцену, и ей удалось было осуществить свое желаніе: въ прошломъ году ее принялъ въ свою труппу г. Коршъ, но послѣ первыхъ-же репетицій контрактъ пришлось расторгнуть,—малорусская «звѣзда» оказалась совсѣмъ непригодной для русскихъ пьесъ.

Лучшими ролями покойной были главныя роли въ пьесахъ: „Глытай", „Докы сонце зійде", Не такъ склалось", „Ой не ходы, Грыцю" и т. д. Изъ южныхъ городовъ она играла въ Кіевѣ, Екатеринославѣ, Симферополѣ, Мелитополѣ, Керчи, Өеодосіи, Ялтѣ, Тифлисѣ, Батумѣ, Екатеринодарѣ и др.

Умерла Е. П. въ г. Читѣ на 38 году жизни (родилась въ Могилевѣ-Подольскомъ въ 1862 г). (Приднѣпр. Край, 823).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Изъ украинской старины. ***Рисунки академиковъ С. И. Васильковскаго и Н. С. Самокиша. Пояснительный текстъ профессора Д. И. Эварницкаго. Изданіе А. Ф. Маркса СПБ. 1900, in 2°.***

Предпріимчивый петербургскій издатель «Нивы» и разныхъ другихъ иллюстрированныхъ изданій Марксъ выпустилъ роскошный альбомъ, посвященный украинской старинѣ, при чемъ цѣль изданія въ передовой статьѣ, озаглавленной «**Къ Альбому** Украинской Старины», объясняется такимъ образомъ: «южно-русскіе козаки, боровшіеся съ многочисленными врагами за православную вѣру, за русскую народность, за свободу совѣсти, за человѣческія права, не знавшіе у себя раскола, никакихъ ересей, отличавшіеся высокою религіозностью и въ то-же время чуждые крайней нетерпимости; козаки, создавшіе множество высоко-художественныхъ думъ и высоко-нравственныхъ историческихъ пѣсенъ, составляющихъ, въ соединеніи съ напѣвомъ, цѣлыя баллады, цѣлыя поэмы чувствъ; козаки, создавшіе богатую историческую литературу, свято хранившіе всѣ дорогіе завѣты своихъ предковъ, выступавшіе въ качествѣ носителей высшей гражданственности, поражавшіе современниковъ, поражающіе и потомковъ своею замѣчательною дальновидностью, эти козаки, наконецъ, прекрасно понимавшіе и цѣнившіе красоты природы,—по справедливости заслуживаютъ того, чтобы всѣ ихъ дѣянія представлены были въ обстоятельной, живой и художественной исторіи, а ихъ военный и домашній бытъ, какъ и главнѣйшіе историческіе дѣятели ихъ, были изображены въ наглядныхъ образахъ и художествен-

ныхъ иллюстраціяхъ; послѣдняя задача и положена въ основаніе настоящаго изданія».

Художественная часть альбома состоитъ изъ 21 листа, на которыхъ имѣются исполненные акварельными красками рисунки, изображающіе портреты или типы, а вокругъ или около этихъ раскрашенныхъ рисунковъ, въ видѣ виньетокъ, помѣщены рисунки перомъ съ изображеніями, имѣющими то или иное отношеніе къ портрету или типу.

Первые (раскрашенные) рисунки принадлежатъ С. И. Васильвовскому и даютъ слѣдующія изображенія: 1) гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный,—2) Богданъ Хмельницкій (по гравюрѣ Гондіуса),—3) воевода Адамъ Кисель (по современному портрету),—4) полковникъ реестровыхъ малороссійскихъ полковъ (по изображенію на знаменахъ),—5) хорунжій (по современному портрету),—6) уманскій сотникъ Иванъ Гонта (по совр. портрету),—7) писарь войсковой (по Калинскому),—8) пушкарь времени Мазепы съ мортирой, литой по его приказанію и находящейся въ настоящее время въ артиллерійскомъ музеѣ въ СПБ.,—9) вартовой козакъ,—10—12) три типа запорожцевъ,—13) Задунайскій Запорожецъ (по Valerio, изъ альбома, принадлежавшаго Наполеону III),—14) сѣчевой дидъ абшитованный (отставной),—15) мѣщанинъ (по Ригельману)—16) посполитый (по Ригельману),—17) козачка (по Калинскому)—18) именитая госпожа (полковница по соврем. портрету)—19) Григорій Савичъ Сковорода (по современ. портрету),—20) Кобзарь—слѣпецъ съ мальчикомъ-поводатаремъ.

Виньетки (рисунки перомъ) исполнены Н. С. Самокишемъ и посвящены слѣдующимъ изображеніямъ: 1) одна изъ побѣдъ надъ турками подъ Хотиномъ,—2) козачій отрядъ въ походѣ,—3) церковь-замокъ въ Сутковцахъ,—4) атака на козачій обозъ польскихъ панцырныхъ гусаръ,—рушницы, копья, келепа, сабли, пистолеты, пороховницы (изъ собраній Г. П. Алексѣева и А. Н. Поля),—6) эпизодъ изъ взятія гайдамаками Умани,—7) принадлежности писаря: чернильница, печать, фоліанты, универсалъ, кресты (изъ собранія Г. П. Алексѣева),—8) козачьи акты и ретраншементы,—9) внутренность козачьяго обоза: возы, знамя, литавры (въ Артилерійскомъ музеѣ и въ собраніи А. Н. Поля)—10) бунчуки, копья, лукъ, сагайдакъ и бердышъ (изъ собранія клейнодовъ въ Преображенскомъ соборѣ въ СПБ., А. Н. Поля въ Екатеринославѣ и Краковскаго му-

зея),—11) сцена изъ жизни въ Запорожской Сѣчи: судъ надъ преступникомъ,—12) мѣсто бывшей Чертомлыцкой Сѣчи и нѣкоторыя вещи, найденныя при раскопкахъ,—13) Дунавецкая Запорожская Сѣчь (по наброску Лупулеску),—14) сѣдла, уздечки, пороховница, натруски (изъ собраній А. Н. Поля и Г. П. Алексѣева),—15) Ярмарка въ Малороссіи,—16) зимовникъ козачій,—17) сцена у колодца: проводы козака въ войско,—18) путешествіе на богомолье знатной особы въ XVIII в.,—19) малороссійскій пейзажъ,—20) группа кобзарей и лирниковъ,—21) убитый конь.

Рисунки въ большинствѣ случаевъ исполнены прекрасно и, хотя не всѣ даютъ вполнѣ типичныя изображенія, но заключаютъ въ себѣ много интереснаго. Въ общемъ изданіе имѣетъ очень изящный видъ. Не можемъ только одобрить заглавной картинки на обложкѣ, изображающей какого-то всадника иконнаго типа, куда-то въ ужасѣ мчащагося среди «наваринскаго дыма съ пламенемъ».

Судя по заключительнымъ словамъ предисловія, въ основаніе настоящаго изданія положена задача—представить въ наглядныхъ образахъ и художественныхъ иллюстраціяхъ военный и домашній быть украинскихъ козаковъ и главнѣйшихъ историческихъ ихъ дѣятелей. Если такъ, то нужно признать, что настоящее изданіе лишь отчасти выполняетъ эту задачу, такъ какъ оно иллюстрируетъ почти исключительно военный бытъ козаковъ, преимущественно запорожцевъ. Если-бы не изображеніе на 17-й таблицѣ молодой козачки и на 18-й именитой госпожи, то можно было-бы составить ошибочное представленіе, будто въ старой Украинѣ совсѣмъ не было женщинъ. А между тѣмъ сохранились подлинные портреты и жены Палѣя, и жены Павла Полуботка и многихъ другихъ извѣстныхъ малороссіянокъ XVII—XVIII вв. Почему-бы имъ не найти мѣста въ художественномъ воспроизведеніи въ настоящемъ изданіи? Точно такъ же недостаетъ полноты и въ выборѣ для иллюстрацій историческихъ дѣятелей старинной Украины. Почему издатели ограничились лишь портретами Сагайдачнаго, Хмельницкаго, Киселя, Гонты и философа Сковороды? Если они намѣренно игнорировали Острожскихъ, Вишневецкихъ и другихъ историческихъ дѣятелей старой Малороссіи XVI ст., и имѣли въ виду иллюстрировать исключительно исторію козацкой Украины, то и въ такомъ случаѣ ихъ выборъ далекъ отъ полноты: имѣются вѣдь достовѣрные портреты и другихъ гетмановъ и старшинъ, а еще больше сохранилось портретовъ духовныхъ лицъ

старой Малороссіи. Впрочемъ, все это говорится не въ упрекъ составителямъ сборника: мы знаемъ, какъ дорого стоятъ подобныя художественныя изданія, и можемъ лишь выразить пожеланіе, чтобы современемъ появились дальнѣйшіе выпуски настоящаго изданія, а за матеріалами для художественнаго воспроизведенія остановки не будетъ.

А вотъ въ чемъ смѣло можно упрекнуть редактора изданія: онъ проглядѣлъ двѣ грубыя ошибки или опечатки, и при томъ въ самомъ перечнѣ таблицъ. Въ объясненіи къ 1-й таблицѣ сказано, что Петръ Сагайдачный—гетманъ XVI вѣка; а виньетка къ 3-й таблицѣ объяснена такъ: «Церковь-замокъ въ Сутковицахъ, Волынской губ.». Здѣсь сугубая ошибка: село называется *Сутковцы* и находится въ Летичевскомъ у. *Подольской* губ.—Кстати замѣтимъ: почему къ портрету Адама Киселя выбрана виньеткой церковь Сутковецкая, къ которой онъ не имѣлъ никакого отношенія? Не умѣстнѣе-ли была-бы здѣсь, тоже старинная, церковь с. Низкиничъ (Владимиръ-Вол. у. Волынской губ.), которую Кисель самъ строилъ и въ которой доселѣ существуетъ его гробница? А церковь-замокъ въ с. Сутковцахъ такъ оригинальна въ архитектурномъ отношеніи, что заслуживала-бы болѣе детальнаго воспроизведенія, не въ видѣ лишь аксессуара къ изображенію крестнаго хода. Желательно, чтобы она нашла мѣсто въ томъ выпускѣ настоящаго изданія, которое будетъ посвящено архитектурнымъ памятникамъ старой Малороссіи.

Рисункамъ въ альбомѣ предшествуетъ напечатанный на 98 страницахъ (на русскомъ и французскомъ языкахъ) объяснительный текстъ, состоящій изъ 20-ти статей или главъ и составленный Д. И. Эварницкимъ. «Пояснительнымъ текстомъ» эти статьи названы на заглавномъ листѣ альбома, но на самомъ дѣлѣ онѣ не всегда строго соотвѣтствуютъ этому названію: это—скорѣе рядъ популярныхъ очерковъ по исторіи Малороссіи, но не объясненіе рисунка и его деталей. Возьмемъ для примѣра 1-ю таблицу альбома, изображающую гетмана Сагайдачнаго *во весь ростъ*. Читатель не слыхалъ о *такомъ* портретѣ гетмана—онъ знаетъ лишь гравюру 1621 года, изображающую его на конѣ, и хочетъ найти разъясненіе своего недоумѣнія въ «пояснительномъ текстѣ»,—но тамъ объ этомъ нѣтъ и упоминанія. Виньетка къ этой-же таблицѣ изображаетъ «одну изъ побѣдъ надъ турками подъ Хотиномъ». Опять хочется знать: что это—фантазія художника, или произведеніе какой-либо современной картины или

гравюры? Но авторъ «пояснительнаго» текста не даетъ никакихъ объясненій. Иные изъ его очерковъ имѣютъ слишкомъ отдаленное отношеніе къ рисункамъ. Наприм., на XV таблицѣ находится превосходное изображеніе (по Ригельману) малороссійскаго мѣщанина XVIII в., въ очень оригинальномъ костюмѣ. Въ пояснительномъ текстѣ вы разсчитываете прочесть, по меньшей мѣрѣ, историческій очеркъ о мѣщанахъ, о майдебургіи, о войтахъ, ратманахъ, или о старинной малороссійской торговлѣ; но вмѣсто этого г. Эварницкій даетъ вамъ собственнаго сочиненія поэтическое описаніе ярмарки въ Малороссіи—описаніе, что и говорить, яркое, колоритное, въ стилѣ юношескихъ очерковъ Гоголя, но описаніе ярмарки *современной*, слѣдовательно къ «Украинской Старинѣ» мало относящееся, а къ данному историческому рисунку и вовсе не имѣющее отношенія.

Но если мы оставимъ отношеніе объяснительнаго текста къ рисункамъ и будемъ разсматривать его, какъ рядъ популярныхъ очерковъ по исторіи Малороссіи, то мы должны отдать полную справедливость г. Эварницкому: тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о запорожцахъ, ихъ старинномъ бытѣ, вооруженіи, обычаяхъ и т. под.,—тамъ авторъ является на высотѣ своей задачи, и его очерки блещутъ яркостью, живостью, знаніемъ предмета и любовнымъ къ нему отношеніемъ. Недурно составлены также біографическіе очерки Гонты и Сковороды. Но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ исторіи Малороссіи до Хмельницкаго, о религіозной, національной и культурной борьбѣ южноруссовъ съ Польшею, о старинномъ южно-русскомъ дворянствѣ XVI—XVII в.,—тамъ авторъ, видимо, не чувствуетъ подъ собою твердой почвы, и его разсказы объ этихъ временахъ (въ біографіяхъ Хмельницкаго и Киселя) блѣдны и неточны, а кое въ чемъ и невѣрны. Откуда онъ взялъ, наприм., будто Адамъ Кисель былъ родомъ изъ Брусилова *«возлѣ Чернигова»*? А какъ онъ невѣрно понимаетъ извѣстный терминъ въ гетманскихъ подписяхъ: «рука *власна*»! «Вездѣ онъ (Сагайдачный) дѣйствовалъ открыто, твердо и увѣренно и, издавая отъ себя универсалы, подписывалъ ихъ «власною рукою» (стр. 4). Автору, видимо, чуется въ этомъ словѣ терминъ современныхъ публицистовъ: «властная рука», но это напрасно: гетманъ (да и всякій другой въ XVI—XVIII вв.) этимъ словомъ просто обозначалъ, что сдѣлалъ подпись *собственноручно*; да и въ современномъ украинскомъ языкѣ слово *власный*, *власнисть* обозначаетъ тоже са-

мое: собственный, собственность. А въ другомъ мѣстѣ авторъ, описывая выступленіе запорожцевъ въ походъ, выражается такъ: «во главѣ самого войска на прекрасномъ аргамакѣ выступалъ «власный» кошевой атаманъ... За «власнымъ» кошевымъ атаманомъ выступала пѣхота, конница...» (стр. 50). Смѣемъ увѣрить почтеннаго автора, что въ этихъ выраженіяхъ слово «власный», взятое имъ въ ковычки, какъ техническое или цитируемое изъ документа или народнаго языка, совершенно не имѣетъ смысла.

Но все это мелочи. Въ общемъ-же мы считаемъ нововышедшій альбомъ весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ нашей столь бѣдной хорошими иллюстраціями литературѣ по исторіи Украины и не можемъ не выразить талантливымъ художникамъ С. И. Васильковскому и Н. С. Самокишу, равно и Д. И. Эварницкому глубокой признательности за предпринятый ими трудъ и пожелать его продолженія въ близкомъ будущемъ.

Ш. Л.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1895 годъ. *Спб. 1898 г., стр. 1—269; 1—35; 1—131.*

Настоящій отчетъ, какъ и всѣ предшествовавшіе, составленъ по установленному въ Императорской Публичной Библіотекѣ плану и распадается на три главные отдѣла: 1) данныя о личномъ составѣ служащихъ въ библіотекѣ, о внутреннемъ устройствѣ ея, о хозяйственной части, о пріобрѣтеніяхъ въ библіотеку, о библіографическихъ работахъ и о пользованіи библіотекой; 2) данныя о расходахъ библіотеки въ 1895 году, при чемъ для сравненія приводится таблица, показывающая данныя о Британскомъ Музеѣ, Національной Библіотекѣ въ Парижѣ и Королевской Берлинской Библіотекѣ; статистическія таблицы о числѣ посѣщеній библіотекъ, числѣ выдачъ, числѣ выданныхъ сочиненій и томовъ и пр.; 3) приложенія, въ которыхъ напечатаны письма къ Н. И. Гнѣдичу разныхъ лицъ и письма князя П. А. Вяземскаго.

Въ первомъ изъ названныхъ отдѣловъ, кромѣ свѣдѣній о новомъ штатѣ для Библіотеки, который введенъ только съ 1 января 1896 года въ значительно усиленномъ размѣрѣ, для насъ наибольшій интересъ представляетъ глава о пріобрѣтеніяхъ библіотеки, и конечно

въ той части ихъ, которая касается матеріаловъ, относящихся къ Малороссіи. Всѣ эти матеріалы мы имѣли случай разсмотрѣть, посѣтивъ въ текущемъ году Библіотеку, и потому считаемъ умѣстнымъ познакомить съ ними и нашихъ читателей.

На первомъ мѣстѣ нужно поставить пожертвованный кн. А. М. Орбеліани сборникъ начала нынѣшняго вѣка, содержащій, между прочимъ, данныя *о началѣ основанія города Полтавы* (стр. «Отчета» 182-я). Сборникъ этотъ (Е. IV, № 730) въ интересующей насъ части даетъ слѣдующія свѣдѣнія.[1]) Статья «О началѣ г. Полтавы» объясняетъ, какъ и почему составлены эти свѣдѣнія, а именно: противъ запроса Его Пр—ва, Господина Генералъ-маіора, Правителя Екатеринославскаго намѣстничества и кавалера Ивана Максимовича Синельникова, объясненнаго въ сообщеніи здѣшняго городничаго, господина Коллежскаго Асессора Сухины, въ Полтавскомъ уѣздномъ судѣ выписано іюня 3-го дня 1786 года». Далѣе идетъ текстъ свѣдѣній по пунктамъ:

1-ый пунктъ. «Городъ Полтава съ котораго точно времени восприналъ свое начало; кто былъ основателемъ онаго; почему дано оному нынѣшнее наименованіе и какія сей городъ имѣетъ привилегіи». Отвѣтомъ на этотъ пунктъ служатъ слѣдующія свѣдѣнія. «Городъ Полтава, по имѣющимся въ уѣздномъ архивѣ запискѣ и особо выпискѣ, имѣетъ свое основаніе съ 1608 года, когда Малая Россія присоединена была еще къ Коронѣ Польской и обыватели распространяли свои селенія внизъ по рѣкѣ Днѣпру. Въ то время изъ бывшаго Миргородскаго Малороссійскаго полку зашедшій съ 6-ю семьями козакъ по прозванію Масло, первоначально поселился на мѣстѣ томъ, гдѣ нынѣ городъ; названъ Полтавою по протекающей чрезъ городъ малой рѣчкѣ Полтавкѣ. При умноженіи жителей, для безопасности отъ набѣговъ Крымскихъ татаръ, безпокоившихъ сіи пограничныя мѣста, новое селеніе обведено валомъ и укрѣплено палисадникомъ, а напослѣдокъ сіи укрѣпленія приведены обывателями въ лучшее оборонительное состояніе. Въ 1708-мъ и 709-мъ годахъ, при наступленіи въ Малороссію шведскихъ войскъ, городъ сей отъ самаго своего начала состоялъ въ числѣ десяти малороссійскихъ полковыхъ городовъ, кои суть: Кіевъ, Черниговъ, Нѣжинъ, Стародубъ, Прилука, Гадячъ, Лубны, Переяславъ, Миргородъ, Полтава, и потому

---

[1]) Выписываемъ дословно изъ рукописи.

оный съ уѣздомъ доселѣ пользуется всѣми тѣми правами и преимуществами, каковыя имѣла Малая Россія, будучи присоединена къ коронѣ Польской, и которыя во время присоединенія ея, въ 1654 году, гетманомъ Зиновіемъ Богданомъ Хмельницкимъ къ державѣ Россійской подтверждены ей договорами статьями и высокомонаршими грамотами, именно: 1) Въ грамотѣ Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, данной гетману Богдану Хмельницкому и всему народу малороссійскому отъ сотворенія міра въ 7162 году, марта 13-го дня, между прочимъ сказано, что великій Государь, Его Царское Величество, гетмана Богдана Хмельницкаго (со всѣмъ малороссійскимъ народомъ) пожаловалъ велѣлъ имъ быть подъ Его Царскаго Величества высокою рукою по прежнимъ ихъ правамъ и привилегіямъ, каковыя имъ даны отъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, и тѣхъ ихъ правъ и вольностей нарушивать ничѣмъ не велѣлъ, а судиться имъ велѣлъ отъ своихъ старшинъ по своимъ прежнимъ правамъ. 2) Въ грамотѣ-жъ Его Царскаго Величества въ томъ же 7162-мъ году марта 24 дня, данной, написано: «шляхтѣ, которая пребываетъ въ Его Царскаго Величества отчинѣ, Малой Россіи, повелѣлъ Его Величество быть по прежнихъ ихъ правамъ и привилегіямъ и вольности отъ королей польскихъ и вольностей ихъ шляхетскихъ ни въ чемъ не нарушивать не велѣлъ, и старшихъ имъ себѣ на уряды судовые земскіе и градскіе выбирать между себя самихъ и маетностями своими владѣть позволилъ». 3) Въ грамотѣ Государя Императора Петра Перваго 1708 года ноября въ 5-ый день, данной въ Глуховѣ, напечатано: «и можемъ непостыдно рещи, что никоторый народъ подъ солнцемъ такими свободами и привилегіями и легкостію похвалиться не можетъ, какъ о нашей Царскаго Величества милости, Малороссійскій, ибо ни единаго пѣнязя въ казну нашу во всемъ Малороссійскомъ краѣ съ нихъ брать не повелѣваемъ». 4) Вслѣдствіе того высочайшею грамотою, за подписаніемъ собственныя руки, 1708 года октября въ 28-й день данною, Его Величество Государь Императоръ Петръ Первый повелѣлъ оставить всѣ аренды и поборы, на малороссійскій народъ наложенные». 5) Въ грамотѣ Его Императорскаго Величества Государя Императора Петра I-го, 1709 года февраля въ — день данной въ Сумахъ, напечатано: «Малороссійскому народу все обѣщанное при принятіи ихъ подъ высокодержавную отца Его Величества, блаженныя памяти великаго государя Его Царскаго Величества руку свято содерживали и впредь со-

держивать будемъ, и оные вѣрные наши подданные по прежнему при правахъ и вольностяхъ своихъ вѣчно въ покоѣ и тишинѣ благополучно жительствовать могутъ; отъ насъ-же за ту свою показанную вѣрность вящшую милость и награжденіе получатъ». 6) Тѣ-же самыя права и преимущества подтверждены кромѣ того малороссійскому народу грамотами Государя Императора Петра I го 1708 года ноября въ 1-ый день, о избраніи вольными голосами гетмана на мѣсто измѣнившаго Мазены, 1711 года генваря въ 5-ый день на утвержденіе гетманскаго достоинства гетману Скоропадскому. 7) Грамотою Государя Императора Петра 2-го въ 1728 году сентября въ 7-ый день на утвержденіе гетманскаго уряда гетману Апостолу. 8) Рѣшительными пунктами верховнаго тайнаго совѣта въ 1728 году августа 22 дня на поданное прошеніе гетмана Апостола 9) Грамотою Государыни Императрицы Анны Іоанновны 1734 года генваря 31-го дня за подписомъ собственныя руки. 10) Грамотами Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1749 года декабря 15-го дня, о избраніи гетмана, и въ 1751 году мая 22 дня на утвержденіе гетманскаго достоинства графу Разумовскому. 11) Благополучно царствующей нынѣ Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны въ разныхъ указахъ подтверждены тѣ-же права, вольности и преимущества всему вообще малороссійскому народу, которыми и городъ Полтава съ уѣздомъ, какъ и выше сказано, доселѣ пользуется шляхетство по силѣ привилегій, въ книгѣ статута напечатанныхъ. 12) Кромѣ того, въ особенности городу Полтавѣ за претерпѣніе долговременной отъ шведскихъ войскъ осады и другія понесенныя тяжести, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій въ 1718 году августа 12 дня подтвердилъ полковнику съ старшиною на дачу деревень, гетманами наданныхъ.

Хотя въ вышеприведенныхъ данныхъ ничего особенно новаго и не встрѣчаемъ, но мы считали умѣстнымъ выписать ихъ въ виду того, что видимъ явно обнаружившееся желаніе у составителя записки о Полтавѣ подвести итоги всѣмъ тѣмъ привилегіямъ, для Малороссіи которыя ко времени составленія записки уже отсутствовали.

Пунктъ 2-ой. Имѣетъ-ли гербъ и по чьему точно повелѣнію присвоенный? Отвѣтъ на этотъ пунктъ краткій: «Городъ Полтава печать имѣлъ донынѣ лукъ, напряженный стрѣлою, окруженный звѣздами; таковъ гербъ, какъ по выправкамъ означено, бывщія здѣшнія правительства, полковая канцелярія и судъ земскій, имѣли съ дав-

нихъ лѣтъ, когда еще поддался подъ всероссійскую державу гетманъ Богданъ Хмельницкій».

Пунктъ 3 ій. На какомъ мѣстѣ имѣетъ свое положеніе означенный городъ Полтава? На этотъ пунктъ отвѣтъ данъ самый слабый: «оный городъ Полтава при рѣкѣ Ворсклѣ, положеніемъ на гористомъ мѣстѣ.

Другимъ представляющимъ для насъ нѣкоторый интересъ матеріаломъ являются рукописи, поступившія отъ библіотекаря Императ. Публичной Библіотеки В. В. Стасова и представляющія сборникъ бумагъ отца его, придворнаго архитектора Василія Петровича Стасова. Въ этомъ собраніи находятся по преимуществу записки и проекты о разныхъ постройкахъ храмовъ, дворцовъ, общественныхъ зданій и пр. Среди нихъ находимъ и его записку о сооруженіи Десятинной церкви въ Кіевѣ, писанную въ 1828 году, а также чертежи для производства работъ этой церкви (Отчетъ, стр. 188; въ Библіотекѣ зарегистровано: F. XIII, № 23, л. л. 82—89). Здѣсь находимъ подробное разсмотрѣніе техники предположенныхъ работъ, разсчитанныхъ на 7 лѣтъ; но такъ-какъ главный интересъ этихъ записокъ можетъ быть только для спеціалистовъ техниковъ, то мы болѣе подробно на нихъ останавливаться не будемъ.

Можно отмѣтить еще письмо М. А. Милорадовича (впослѣдствіи графа), писанное 30 іюня 1812 года къ Ник. Мих. Стороженку, бывшему много лѣтъ Черниговскимъ маршаломъ (предводителемъ) дворянства. Письмо Милорадовича, бывшаго тогда кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, касается вопроса объ образованіи украинскаго козачьяго войска въ 4-хъ полкахъ «изъ обывателей бывшей Польской Украины, заключающейся въ 12 уѣздахъ кіевской губерніи да 4 Каменецъ-Подольской». Просьба Милорадовича къ Стороженку оказать содѣйствіе къ поступленію въ эти полки извѣстныхъ ему отставныхъ и въ милиціи служившихъ офицеровъ. (Отчетъ, стр. 197-я).

Поступило въ библіотеку письмо и другого Милорадовича (Андрея Степановича), героя въ сраженіи съ турками подъ Мачинымъ въ 1771 году; но письмо это, написанное въ 1795 году къ управлявшему его Лукашовскимъ имѣніемъ корнету Кулешову, имѣетъ совершенно частный характеръ, касаясь имущественныхъ вопросовъ. (Отчетъ, стр. 197-я)

Если прибавимъ еще нѣсколько мелкихъ пріобрѣтеній, какъ-то: 1) собственноручное письмо Іосафата Кунцевича, писанное къ какому-

то игумену въ 1621 году (литографированное fac-simile этого письма было извѣстно раньше—см. Отчетъ Библіотеки за 1892-й годъ, стр. 219); 2) рукописный сборникъ конца XVIII вѣка, въ которомъ помѣщены между прочимъ стихотворенія Василія Рубана на побѣды надъ турками въ 1770 году; 3) Литовскій статутъ и Трибуналъ, скоропись 1738 года,—то вотъ, кажется, и все, чѣмъ обогатилась Императорская Публичная Библіотека въ 1895 году по вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ Югу Россіи.

В. Н—ко.

С. Гамченко. *Древній поселокъ и могильникъ въ урочищѣ «Стуга», близъ с. Студенца, Житомірскаго уѣзда Волынской губ. Кіевъ, 1899, 8⁰ (Оттискъ изъ XIII-ой книги „Чтеній въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца»).*

Настоящая работа, снабженная многочисленными планами является результатомъ тщательныхъ изслѣдованій г. Гамченка въ мѣстности на высохшей рѣчкѣ Стугѣ, вблизи с. Студенца. Изслѣдованія произведенныя въ 1892 г., обняли собой раскопку островка, на которомъ обнаружены слѣды поселка, и 15-ти кургановъ изъ 30-ти, расположенныхъ по близости поселка. Работа распадается на части: въ первой данъ географическій очеркъ и внѣшнее описаніе мѣстности, изложены способы и пріемы раскопокъ, дана характеристика похороннаго обряда встрѣченной культуры, объяснена зависимость поселка и могильника. Вторая часть заключаетъ подробный дневникъ раскопокъ. Курганы въ дневникѣ раздѣляются на большіе, средніе, малые и едва примѣтные; каждый изъ нихъ окруженъ ровикомъ. Покойники хоронились въ насыпи, на горизонтѣ земли и ниже послѣдняго, причемъ погребеніе въ насыпи кургана примѣнялось только къ дѣтямъ; иногда въ одномъ курганѣ встрѣчались два скелета—мужской и женскій, а въ насыпи еще дѣтскій, такъ что такіе курганы можно считать семейными. Покойники клались на спину, въ вышеупомянутомъ положеніи, головой на западъ; хоронились въ гробахъ, сколоченныхъ изъ дубовыхъ досокъ или выжженныхъ колодахъ. Находки предметовъ въ насыпяхъ, курганахъ и при скелетахъ очень незначительны: желѣзные гвозди, которыми сбиваются гробы, черепки

отъ сосудовъ, серебряныя проволочныя кольца на пальцахъ и у висковъ, серебряная бусинка. Кромѣ того, въ могилахъ, встрѣчались угли и обожженные комки земли, присутствіе которыхъ, какъ и черепковъ, авторъ считаетъ принадлежностью похороннаго обряда; онъ говоритъ: „Первоначально было обычаемъ жечь костеръ на уровнѣ погребенія, что являлось остаткомъ или переживаніемъ болѣе древняго обряда — сжигать трупъ на кострѣ. Впослѣдствіи сжиганіе костра замѣнилось посыпаніемъ гроба покойника и погребальной ямы углями". Островокъ, гдѣ сдѣланы раскопки канавами и траншеями, не великъ: 300 шаговъ длины и 100 ширины: на одной трети длины островъ перерѣзанъ сѣдловинкой, представляющей изъ себя искусственный ровъ, наполнявшійся водою р. Стуги; съ остальной возвышенностью островокъ соединялся плотиной; т. о. островокъ имѣлъ назначеніе укрѣпленнаго пункта. Въ культурномъ слоѣ, встрѣченномъ въ почвѣ островка, найдены черепки глиняной посуды, куски жернововъ ручныхъ мельницъ—гранитный и изъ плотной кирпичной массы, желѣзные ножики, ножницы, гвозди, желѣзный шлакъ, осколки, повидимому, стеклянныхъ браслетовъ, обожженныя кости животныхъ и, наконецъ, остатки очага. Культурные остатки островка, указывающіе на необитаемость его, вполнѣ аналогичны найденнымъ въ курганахъ, отсюда само собой вытекаетъ заключеніе, что курганная группа служила кладбищемъ поселку. Авторъ считаетъ могильникъ принадлежащимъ племени древлянъ и относитъ его къ VII—IX столѣтію. Не имѣя ничего противъ перваго, мы не можемъ вполнѣ согласиться со вторымъ положеніемъ: какъ способъ погребенія, такъ и особенно культура поселка указываютъ скорѣе на XI—XII в. Въ заключеніе мы должны сказать, что настоящій трудъ г. Гамченка, какъ и прежнія его работы, въ описываемой части исполненъ безукоризненно: все описано и измѣрено до мелочей, даже пожалуй, подробности, въ которыя вдается авторъ, напр. при описаніи гвоздей, черепковъ, занимающія цѣлыя страницы, представляются и излишними.

Б.

Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. *Древности русскія. Кресты и образки. Вып. 2-й. Кіевъ. 1900. 4°.*

Въ прошломъ году вышелъ 1-й вып. этого роскошнаго изданія, въ настоящемъ уже слѣдуетъ другой, заключающій массу снимковъ

(на 16-ти таблицахъ) съ крестиковъ, энколпіоновъ и образковъ, начиная съ первыхъ временъ христіанства въ Россіи по XVIII в. включительно. И этотъ выпускъ даетъ очень много цѣннаго матеріала, по большей части еще неизданнаго. Въ изданіе включены какъ снимки съ предметовъ, составляющихъ новыя пріобрѣтенія собранія Ханенка, такъ и хранящихся въ другихъ собраніяхъ г. Кіева. Большинство падаетъ на долю собранія владѣльца; предметы происходятъ гл. образ. изъ Кіевской губ.—изъ городищъ, расположенныхъ вблизи устья р. Роси и мѣстъ, ближайшихъ къ Кіеву; многіе изъ нихъ составляютъ часть собранія покойнаго Н. П. Чернева, пріобрѣтеннаго г. Ханенко. Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ нововведенію, какое заключаетъ настоящій выпускъ, именно—къ изданію предметовъ и не принадлежащихъ собранію Ханенка, благодаря этому много рѣдкихъ экземпляровъ, наконецъ, увидало свѣтъ. По времени большинство таблицъ пополнено снимками съ предметовъ X—XIII в., на долю остальныхъ вѣковъ осталось всего 2—3 таблицы, и нужно сознаться, что предметы, тамъ изображенные, не отличаются особенной типичностью. На нашъ взглядъ, болѣе раціональнымъ было-бы совсѣмъ не включать этихъ послѣднихъ въ настоящій выпускъ, а посвятить имъ спеціальный, куда помѣстить болѣе характерные предметы и съ большимъ выборомъ; матеріала-же, принимая во вниманіе указанное выше нововведеніе, нашлось-бы достаточно. Снимки, какъ и въ первомъ выпускѣ, снабжены описаніями предметовъ съ указаніями на эпоху и мѣсто находки. Въ небольшомъ введеніи, предпосланномъ выпуску, дана общая характеристика различныхъ видовъ этихъ религіозныхъ памятниковъ старины.

Б.

И. Мыронъ. *Абу-Кàземови капци (Арабська казка). № 12. У Черкассахъ, 1899 р. стр. 1—64. Цина 5 коп.*

Среди крупныхъ произведеній беллетристическаго характера, въ малорусской литературѣ появляются иногда небольшія, но талантливыя вещицы, которыя невольно обращаютъ на себя вниманіе. Къ таковымъ, по всей справедливости, можно отнести небольшую, но замѣчательно художественную передѣланную И. Мыромомъ сказку въ стихахъ— «Абу-Кàземови капци».

Сюжетомъ этой общеизвѣстной сказки являются похожденія Абу-Кàзема, или, вѣрнѣе, его „капцивъ“ (туфель). Въ радѣ остроумныхъ и художественно выдержанныхъ сценъ—повѣствуется, какимъ образомъ „капци“ Абу-Кàзема, благодаря различнымъ счастливымъ (или для Абу-Кàзема—несчастливымъ) стеченіямъ обстоятельствъ, всякій разъ возвращаются обратно къ ихъ обладателю, какъ только онъ пожелаетъ отъ нихъ освободиться. Въ уплатѣ штрафовъ за ущербы, причиняемые его злополучными капцями, Абу-Кàземъ, наконецъ, теряетъ все свое богатство. Это обстоятельство совершаетъ въ немъ переломъ, и онъ совершенно нравственно перерождается.

Въ первыхъ строфахъ сказки Абу-Кàземъ рисуется, какъ

. . . „стара катряга
„Та такый вамъ скупердяга,
„Що шукать по всій земли“.

Послѣ-же неудачныхъ попытокъ сбыть свои „капци“, которые онъ считалъ главнымъ виновникомъ своихъ несчастій, съ нимъ происходитъ перемѣна,—онъ вдругъ

. . . „ставъ правдыво
„Щырымъ, дійснымъ жебракомъ,
„Вулыцямы волочывся,
„Пидъ мечетямы молывся,
„Трычи въ Мекку йшовъ пишкомъ... и т. д.

Слава его росла, и по смерти—„винъ турецькымъ ставъ святымъ“.

Книга эта во всякомъ случаѣ съ интересомъ прочтется какъ дѣтьми, такъ и взрослыми. Для народнаго чтенія она вполнѣ доступна, легка и занимательна.

С. Р.

Galicya w obrazach. *Zebrał i wydał K. Wozniak. Zbior fotografij naibardziej uwagi godnych miast, okolic, zabytków starozytnosci i dzieł sztuki. Krakow, 1900, in 4°. Zeszyt 1.*

Объ этомъ изданіи, выходящемъ въ Краковѣ и поставившемъ себѣ задачу—посредствомъ фототипическихъ снимковъ, исполненныхъ

по фотографіямъ, представить «Галицію въ картинахъ»,—мы пока не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, такъ какъ до сихъ поръ полученъ въ Кіевѣ только первый его выпускъ. Онъ заключаетъ въ себѣ общій видъ Львова и виды разныхъ зданій львовскихъ и краковскихъ. Снимки сопровождаются краткимъ объяснительнымъ текстомъ, который напечатанъ мелкимъ шрифтомъ подъ самыми рисунками. Если и слѣдующіе выпуски, также какъ и первый, будутъ заключать въ себѣ исключительно виды зданій, интересныхъ при томъ болѣе для поляковъ, чѣмъ для русиновъ, то это изданіе не представитъ для нашихъ читателей особеннаго интереса. Впрочемъ подождемъ—увидимъ.

Н. Ш.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 5; 2) Русская Старина, № 5; 3) Вѣстникъ Европы, № 5; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 5; 5) Земскій Сборникъ Черниговской губ., № 3; 6) Літературно-Науковий Вістник, № 5; 7) Ateneum № 5; 8) Przewodnik naukowy i literacki, № 5; 9) Slovanský přehled, № 8 (5); 10) Научное Обозрѣніе, № 5; 11) Восходъ, № 4; 12) Варшавскія Университетскія Извѣстія № 3; 13) Извѣстія Общества Арх., Ист., Этнографіи № 3; 14) Wisła, № 3—4; 15) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 4; 16) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, №№ 1, 2, 3 и 4; 17) Русская Мысль, № 4 и 5; 18) Biblioteka Warszawska, № 5; 19) Русская Школа, № 4; 20) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 5.

Русскій Архивъ № 5.

На стр. 82—92 помѣщенъ сочувственный отзывъ С. Кедрова о трудѣ проф. В. Ключевскаго «Краткое пособіе по русской исторіи».

Русская Старина № 5.

П. ф. К. Къ исторіи русской литературы. Собственноручныя письма А. А. Краевскаго—Григорію Ѳедоровичу Квиткѣ-Основьяненко (стр. 293—301).

4 письма А. А. Краевскаго 1839—1840 годовъ, представляющія интересный матеріалъ для исторіи «Отечественныхъ Записокъ».

Волынское Дворянство въ 1812 году.

Письмо А. Д. Балашова—графу А. А. Аракчееву отъ 23 августа 1812 года за № 44 и записка графа Аракчеева А. Д. Балашову (стр. 260).

Вслѣдствіе доношенія волынскаго губернатора А. Д. Балашову о томъ, что тамошнее дворянство вообще мало оказало усердія въ дѣлѣ ополченія, будучи, по мнѣнію его, даже готово «на большія пособія противной сторонѣ», Императоръ Александръ I, послѣ доклада ему объ этомъ, повелѣлъ сдѣлать слѣдующее распоряженіе:

1) Ополченію въ Волынской губерніи не быть.

2) Сію губернію и Подольскую, въ повинностяхъ набора рекрутъ, сравнить съ прочими губерніями, не имѣющими внутренняго ополченія; слѣдовательно, къ собираемымъ уже со ста душъ по одному рекруту, дать указъ, собирать съ оныхъ губерній, по послѣднему о наборѣ рекрутъ манифесту, еще со ста душъ по одному.

3) Позволить въ обѣихъ сихъ губерніяхъ вмѣсто рекрута отдавать четырехъ строевыхъ лошадей, положивъ правиломъ, дабы непремѣнно лошадей собрано было не менѣе въ каждой губерніи, какъ за половину рекрутъ.

4) Для пріема сихъ лошадей въ обѣяхъ губерніяхъ назначенъ будетъ особый воинскій генералъ, который получитъ особую себѣ инструкцію, съ которой копія доставится министру полиціи (24 авг. 1812 года).

Въ «Библіографическомъ листкѣ» (на оберткѣ) даны отзывы о книгахъ: «Изъ Украинской Старины. Рис. академ. С. Васильковскаго и Н. Самокиша. Текстъ проф. Д. Эварницкаго. Изд. А. Ф. Маркса СПБ. 1900»; Н. Н. Канивецкій «Изъ былого Черноморья». Екатеринодаръ 1900. Ц. 1 р.; «Григорій Саввичъ Сковорода, украинскій философъ-проповѣдникъ». Сост. Я. Д. Верховецъ. СПБ. 1899.

Историческій Вѣстникъ № 5.

В. Е. Рудаковъ. Леонидъ Николаевичъ Майковъ (некрологъ) (стр. 617—632).

Въ некрологъ вошелъ полный перечень трудовъ покойнаго Л. Н. Майкова. Изъ относящихся къ Югу Россіи работъ можно ука-

зать: «О былинахъ Владимірова цикла» (СПБ. 1863); «Симеонъ Полоцкій» (Древняя и Новая Россія, 1875, т. III, также въ отдѣльной книгѣ: «Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII вѣковъ», 1889 г.) «Библіографическія замѣтки объ изданіи проповѣдей Лазаря Барановича» (Рус. Архивъ, 1875 т. III); «Челобитная Черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича царю Алексѣю Михайловичу о напечатаніи сочиненія его «Трубы» (ib.); рецензія на редактированное проф. Д. И. Багалѣемъ «Собраніе сочиненій Гр. С. Сковороды», въ которомъ указано не мало ошибокъ въ обработкѣ матеріала и пропусковъ, особенно въ I главѣ («Журн. М. Н. Пр., 1894, № 12); «Къ вопросу объ «Исторіи Руссовъ» (по поводу появленія въ свѣтъ книги г. Горленка «Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX в.») (Журн. М. Н. Пр., 1893, № 5); «Атаманъ Запорожской Сѣчи Петръ Калнишевскій въ 1787 и 1801 г.г. Замѣтки о его судьбѣ («Русская Старина, 1876 г., т. XV); некрологъ И. И. Срезневскаго («Журн. М. Н. Пр., 1880, № 3), «Списокъ населенныхъ мѣстъ Херсонской губерніи по свѣдѣніямъ 1859 г.» (1868 г.).

Вѣстникъ Европы № 5.

Въ отдѣлѣ «Литературное Обозрѣніе» (стр. 369—374) помѣщена рецензія г. *Т.* на книгу «Л. Василевскій. Современная Галиція. СПБ. 1900».

Русская Мысль № 4 и 5.

Въ отдѣлѣ библіографіи (стр. 131—132) данъ отзывъ о книгѣ «Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80—1800 г.). Т. I. (до 1670»).

Въ отдѣлѣ библіографіи (№ 5) даны отзывы о книгахъ: Т. И. Осадчаго «Земля и земледѣльцы въ Юго-западномъ краѣ. Кіевъ, 1899» и В. Бертензона «По югу Россіи. Сельско-хозяйственные очерки. Выпускъ III. Одесса, 1900».

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 5.

Н. В. Шляковъ. О поученіи Владиміра Мономаха (Посвящается незабвенной памяти Н. А. Лавровскаго и В. В. Болотова) (Продолженіе слѣдуетъ) (стр. 96—138).

Разбирая мнѣнія историковъ Погодина, Соловьева и др. о времени написанія поученія Мономаха, различныя у каждаго, авторъ полагаетъ, что вопросъ этотъ можно рѣшить,—только идти къ этому нужно инымъ путемъ, чѣмъ Карамзинъ и Погодинъ: надо вникнуть въ поученіе поглубже. Съ этой цѣлью онъ занимается сопоставленіемъ каждаго изъ упоминаемыхъ въ поученіи походовъ съ соотвѣтствующими указаніями лѣтописи и опредѣляетъ хронологію событій на основаніи подробныхъ изслѣдованій.

Кіевскія Университетскія Извѣстія № 5.

Отчетъ о состояніи Кіевскаго Центральнаго Архива для древнихъ актовыхъ книгъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской въ 1899 году (стр. 1—2).

Изъ отчета между прочимъ явствуетъ: I) что къ 1 января 1900 года въ Центр. Архивѣ состояло: a) актовыхъ книгъ—5920 b) вновь переплетенныхъ, составленныхъ изъ отдѣльныхъ документовъ—25, c) отдѣльныхъ документовъ въ связкахъ 441197, d) старыхъ дѣлъ—около 68538, e) разныхъ писемъ, записокъ и старыхъ дѣлъ текущаго столѣтія—2 связки. II)—Находилось на лицо 130 описей къ 130 актовымъ книгамъ, заключающимъ въ себѣ 35994 отдѣльныхъ документа. Втеченіе 1899 года составлено 30 описей къ 30 книгамъ (829 документовъ); итого—160 описей къ 160 книгамъ (36823 документа); изъ нихъ: 59 отпечатаны, 7 разрѣшены къ печати, 2 печатаются, а остальныя 92—приготовляются къ печати.

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, №№ 1—4.

И. Смирновъ. Очеркъ культурной исторіи южныхъ Славянъ (продолженіе) [1]) (стр. 13—108 въ № 1), 25—54 (въ № 4). Первыя упоминанія о славянахъ.—Появленіе славянъ на Дунаѣ и распаденіе на группы: словинскую и болгарскую (въ 3-й четверти V в.).—Славяне на Балканскомъ полуостровѣ (въ VI, а въ особенности въ началѣ VII в.).

---

[1]) Начало см. въ 7—8 кн. прошл. года, стр. 113—144 (I. Обзоръ географическихъ условій. Доисторическое прошлое Балканскаго полуострова. Ѳрако-Иллирійцы. Римская колонизація).

Отдѣлъ I. Развитіе матеріальной культуры. Процессъ питанія (добываніе питательныхъ матеріаловъ и ихъ потребленіе).—Формы осѣдлости (жилища вообще).—Одежда.

II. Эволюція семьи и кровнаго союза.

Приложенія (№ 4).

В. Богородицкій. Изъ чтеній по сравнительной грамматикѣ. Глава III. Къ хронологіи и діалектологіи фонетическихъ процессовъ въ аріо-европейскомъ семействѣ языковъ, съ физіологическими разъясненіями. (стр. 140). Въ раздѣлѣ: Аріо-европейскій праязыкъ авторъ дѣлаетъ попытку выразить въ цифрахъ діалектическія различія неударяемыхъ слоговъ въ разныхъ положеніяхъ относительно ударенія въ говорахъ и нарѣчіяхъ русскаго языка, судя по даннымъ неударяемаго вокализма въ этихъ нарѣчіяхъ и говорахъ.

Отношеніе слѣдующее:	Неударяемые слоги:			
	Сила.	Высота.	Длительн.	Качество.
Общерус. (?!) и юж.-влр. .	1	2	3	1
Сѣв.-влр.	2	$2^1/_2$	3	2
Бѣлорус.	1	$1(1^1/_2)$	3	1
Малор.	$1^1/_2$	$1^1/_2$	3	2

Е. Бобровъ. Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія, замѣтки (Продолженіе) (стр. 673—704).—Харьковскіе профессоры: I. Шадъ, Л. Г. Якобъ.

Варшавскія Университетскія Извѣстія № 5.

Е. Ф. Карскій. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи (стр. 153—192).

Изобрѣтеніе славянской кирилловской азбуки, сравненіе ея съ греческой. Типы письма: уставъ, полууставъ, скоропись. Начертаніе отдѣльныхъ знаковъ. Вопросъ о глаголицѣ у русскихъ. Знаки препинанія, знаки въ качествѣ нѣкотораго орнамента; нотные знаки.— Внѣшній видъ записаннаго листа; вязь, видъ подписей, заглавій книгъ и статей, заключеній, приписовъ. Акростихъ и другія рѣдкія формы письма.

Труды Кіевской Духовной Академіи № 4.

Н. И. Петровъ. Объ упраздненной стѣнописи великой церкви Кіево-Печерской лавры (Окончаніе слѣдуетъ) (стр. 579—610).

Въ настоящей статьѣ авторъ занялся провѣркой хода и результатовъ изслѣдованія г. Истомина объ упраздненной нынѣ лаврской стѣнописи, который придерживается того мнѣнія, что, «при каждомъ расписаніи лавры содержаніе историческихъ картинъ и св. иконъ, сюжеты ихъ и сопровождавшіе ихъ тексты св. Писанія передавались почти неизмѣнно изъ вѣка въ вѣкъ», отъ конца XI вѣка и до позднѣйшаго времени.

Отчетъ Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской дух. Академіи за 1899 годъ (стр. 1—36). Составъ Общества.—Приращенія Музея и библіотеки.—Занятія Общества.—Денежныя средства Общества.—Списокъ лицъ, составляющихъ нынѣ Церковно-Археологическое Общество.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи № 3.

М. Загирня и Б. Гринченко. Леонидъ Ивановичъ Глѣбовъ (1827—1843). (Біографическій очеркъ) (стр. 128—175).

Біографія Леонида Ивановича.—Литературная дѣятельность и изданія его произведеній.—Издательская дѣятельность Л. И. («Черниговской листокъ» на русскомъ и малорусскомъ языкахъ).—Разборъ басенъ Глѣбова.

Статья снабжена обстоятельнымъ библіографическимъ указателемъ печатныхъ малорусскихъ сочиненій Л. И. Глѣбова (въ Россіи и заграницей).

Въ «Приложеніи»—*Н. П. Василенко.* Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка. (Продолженіе) (стр. 49—80).

Літературно-Науковий Вістник № 5.

Із оповідань Наталки Полтавки. Кому яке діло?! (Оповіданне мого товариша) (стр. 129—133).

Психологическій очеркъ.

Із малюнків Надії Кибальчич. І. На полюванні. II. Весною. III. Десь грають IV. З громади V. Весільні співи. VI. Нарис (стр. 134—156).

Перехресні стежки. Повість Івана Франка (далі) (стр. 157—176).

Буденний хліб. Нариси Антона Крушельницького: I. На порозі життя. II. У родичів. III. Перший день IV. На авдиенції. V. У пітьмі ночи (стр. 177—201).

Ескізи і малюнки: І. Хто винен? II. Божевільний—Михайла Галущинського (стр. 202—203), III. Така... дурна справа—Ореста Авдиковича (205—209), IV. Скінчыв—Івана Брика (стр. 209—212).

Із анілійських поэтів: Із Персі Біша Шеллі. З берега моря— перекл. А. Л. (стр. 213), Із Томаса Гуда, Феліціі Гімене, Роберта Нікколя, Альфреда Теннісона, Шекспіра, Томаса Мура, Андрія Парка—переклад Павла Грабовського (стр. 214—218).

Чукчи. Оповідане Вацлава Серошевського. Переклав з польского Антін Крушельницький (стр. 219—242).

Хліборобські спілки М. Левітського. Михайла Р—ва (стр. 65—76).

Интересная статья, знакомящая читателей съ исторіей развитія южно-русскихъ артелей, основанныхъ Н. Левицкимъ, а также съ практическими результатами ихъ примѣненія (экономическимъ улучшеніемъ быта крестьянъ).

Панько Олелькович Куліш. Огляд його діяльности. Написав Осип Маковей (далі) (стр. 77—107).

Исторія произведеній Кулиша съ 1853—1864 г.г.—О духовномъ соединеніи Южвой Руси съ Сѣверною; Записки о южной Руси; Народныя пѣсни; Граматка; Проповѣди; Работы по изданію произведеній Гоголя, Квитки, М. Вовчка и Шевченка; Хата и Основа; Переводы; Повѣсть о южной Руси; Липовыя пущи; Майоръ; Исправницкая дочка; Украинскія незабудки; Другой человѣкъ; Дивоче серце; Тайна; Досьвиткы; Историческія и литературно-критическія изслѣдованія; Мартынъ Гакъ; Браты.

Музей Василя Тарновського.—Немірича (стр. 108—125). Авторъ знакомитъ читателей съ богатымъ содержаніемъ коллекціи покойнаго В. В. Тарновскаго, при чемъ останавливается на изложеніи вопроса о принятіи и устройствѣ музея въ Черниговѣ; изъ послѣдняго можно заключить, что черниговское земство въ лицѣ значительнаго количества представителей его не доросло еще до сознанія полезности учрежденія музеевъ.

Хроніка і бібліографія (стр. 126—144).

Wisła, Tom XIV, zeszyt 2.

E. Majewski. Rodzina kruków (Corvinae), стр. 152—179. Ворона (Wrona), гайворонъ (gawron), гава (kawa), сорока (sroka).

Отраженіе рода «круковъ» въ языкѣ, въ исторической и географической терминологіи (польскаго народа, преимущественно), въ этногафіи.

Въ отдѣлѣ «Sprawozdania i krytyka» (стр. 207—208) данъ отзывъ о книгѣ Alex. Stekert'a: «Przydomki polskie i rusińskie, 1896, Kraków».

Въ рубрикѣ «Z Akademji, Towarzystw i Muzeów» (стр. 228—231) разсмотрѣнъ интересный трудъ Д-ра J. Leciejewsk'аго «Kuny i pomniki runiczne słowiańskie». Авторъ главнымъ образомъ занялся разсмотрѣніемъ автентичныхъ руническихъ славянскихъ памятниковъ, которыхъ ему удалось собрать: 4—польскихъ, 2—чешскихъ, 1—словацкій, 2—русскихъ (rosyjski) и 1—украинскій (ruski). Послѣдній—урна, найденная въ с. Чехахъ, Бродскаго у.; вся надпись состоитъ изъ одной руны, вѣтвистой, означающей букву Л. Она свидѣтельствуетъ о большомъ употребленіи рунъ на Руси, ибо вѣтвистыя руны возникаютъ лишь тамъ, гдѣ обыкновенныя руны хорошо извѣстны. Окончательный выводъ автора тотъ, что славяне знали руническое письмо и употребляли его; что-же касается ихъ появленія у славянъ, то на южныхъ славянъ оказывали вліяніе южные германцы, на сѣверныхъ, западныхъ и восточныхъ—скандинавы.

На стр. 150 помѣщенъ хорошо исполненный фотографическій снимокъ «Typ włościan Podolskich» (изъ с. Мукши, пов. Каменецкаго)—мущины, женщины и мальчика, въ обычномъ костюмѣ.

Slovansky prehled, č. 8 (5).

Въ отдѣлѣ «Rozhledy a zpráwy (стр. 399)—упоминается о дѣятельности Наукового Товариства ім. Шевченка, о проектѣ основанія въ Коломыѣ малорусскаго высшаго женскаго училища; о спорѣ о малорусскомъ языкѣ (по поводу статьи проф. В. Антоновича).

Przewodnik naukowy i literacki, № 5.

Dr. Bronisław Lozińsky. Agenor hr. Gołuchowski w pierwszym okresie rządów swoich (1846—1859) (стр. 417—436).

Назначеніе Вацлава Залескаго губернаторомъ Галичины въ 1848 г. и его мѣропріятія для усмиренія возникавшаго движенія въ народѣ (обращеніе по этому поводу къ митрополиту Левицкому).

Бомбардированіе Львова.—Установленіе въ Галичинѣ военнаго положенія.—Административное раздѣленіе края.

J. Horoszkiewicz. Pamiętnik o stroju narodowym w rzeczypospolitej (Ciąg dalszy) (стр. 488—494).

Крой панталонъ и способъ ношенія ихъ (на тесмѣ=очкуръ). Обувь и шитье ея; матеріалъ для обуви (сафьянъ); употребленіе «онучъ» и соломенной подстилки.

Dr. Stanisław Kutrzeba. Podwody miast polskich do roku 1564 (стр. 495—509).

Очеркъ въ общихъ чертахъ институціи, извѣстной въ исторіи Польши: доставленіе подводъ.

Неясность происхожденія этой институціи.—Актъ Ягелла (1409 г.) по поводу вопроса о подводахъ. Значеніе этого акта для Руси (Львовъ, Перемышль, Коломыя).—Петиція шляхты (1492 г.) по поводу подводъ.—Декларація Сигизмунда I (1508 г.).—Универсалы о подводахъ 1564 и 1565 г.г.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 23 и 24 (за минувш. годъ) словинскаго иллюстрированнаго журнала «Dom in Svet» въ статьѣ г. Podravsk'аго «Črtice iz maloruske književnosi» говорится объ украинской литературѣ въ 60 гг. (Вечерниці, Мета, Русалка, Правда) и затѣмъ—въ послѣднее время („Зоря", „Просьвіта", Общество Качковского, Товариство ім. Шевченка). Изъ писателей авторъ упоминаетъ лишь Конисскаго и Федьковича.

Въ № 26 одесскаго журнала „Театръ" помѣщена статья Сергѣя Бердяева подъ загл. „Идейная малорусская драма" (письмо изъ Кіева), въ которой авторъ останавливается прежде всего на указаніи степени выработанности малорусскаго языка и его широкомъ примѣненіи (въ Австро-Венгріи), а затѣмъ даетъ обстоятельную оцѣнку драмы И. К. Карпенка-Карого «Сава Чалый».

Въ № 113 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" помѣщена статья Н. Левитскаго „Къ вопросу о земледѣльческихъ артеляхъ".

Въ виду того, что многіе обращаются къ автору за разъясненіями относительно изданнаго имъ пространнаго артельнаго договора

и артельнаго дѣла вообще, и во избѣжаніе недоразумѣній, уже имѣвшихъ мѣсто и могущихъ быть еще впереди, Н. Левитскій въ указанной статьѣ даетъ объясненія по поводу артельнаго дѣла вообще и въ частности—основного характера артельнаго договора.

—

Въ №№ 44—46 „Буковини" помѣщена статья Леси Украинки „Писателї—Русини на Буковинї" (рефератъ, читанный въ минувш. году въ Кіевскомъ Литературно-артистическомъ Обществѣ). Авторъ, задавшись цѣлью охарактеризовать буковинскихъ писателей—русиновъ, останавливается на оцѣнкѣ литературной дѣятельности Осипа Федьковича, а также двухъ талантливыхъ писателей 90-хъ гг.—Ольги Кобылянской и Васыля Стефаныка.

—

Въ №№ 65, 66, 67, 68, 70, 71, 72 и 73 газеты «Волынь» помѣщена большая статья „Семейныя отношенія въ юго-западной Руси въ XVI—XVII вв. (Лекція, прочитанная О. А. Фотинскимъ 19 марта, въ залѣ публичной библіотеки).

Исходя изъ того положенія, что XVI—XVII вв. являются въ исторіи нашего края эпохою борьбы между старыми и новыми идеями, авторъ, сдѣлавши краткое отступленіе для опредѣленія отличительныхъ особенностей родового быта вообще и его проявленій въ первобытной исторіи русскихъ славянъ, останавливается затѣмъ на особенностяхъ заключенія браковъ въ южной Руси въ разсматриваемую имъ эпоху (змовины, заручины, веселье, свободный выборъ и равноправность супруговъ, разводъ).

—

Въ № 6653 газеты „Южный Край" помѣщена статья «Къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ», въ которой высказывается желаніе 1) привести въ извѣстность предметы древности, находящіеся въ частныхъ рукахъ у жителей харьковской губерніи, 2) произвести возможно большее число раскоповъ въ предѣлахъ Харьковской губ. Въ послѣднемъ случаѣ желательно было бы, чтобы землевладѣльцы и другія лица, на земляхъ которыхъ имѣются курганы, обратились за научнымъ содѣйствіемъ для раскопки ихъ въ харьковскій предварительный комитетъ и согласились принять на себя сопряженныя съ раскопками издержки, которыя, вообще говоря, не могутъ быть особенно значительны.

Сообщать всѣ необходимыя свѣдѣнія о коллекціяхъ и отдѣльныхъ предметахъ древностей, а также обращаться съ предложеніями по производству раскопокъ кургановъ просятъ въ Харьковъ, университетъ, предварительному комитету, или предсѣдателю его—проф. Д. И. Багалѣю, или секретарю—проф. Е. К. Рѣдину.

—

Въ № 32 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» помѣщена любопытная статья „Слово правды о Буковинѣ". Начавъ со справедливаго замѣчанія о томъ, что «ошибаются тѣ, которые думаютъ, что малороссійское печатное слово, особенно заграничное, должно быть чѣмъ-то сепаратистическимъ и враждебнымъ по отношенію къ обще-русской государственной идеѣ», редакція газеты удѣляетъ затѣмъ мѣсто изложенію ненормальнаго положенія Буковины и Галичины, какъ въ сферѣ государственныхъ отношеній, такъ и церковныхъ, сочувствуетъ страданіямъ русиновъ, терпящихъ у себя на родинѣ „не отъ нѣмцевъ и не столько отъ поляковъ, сколько отъ своей же собственной братіи, всецѣло продавшей себя существующему режиму». До сихъ поръ газета права безусловно въ своихъ заявленіяхъ. Но когда далѣе затѣмъ въ числѣ общихъ враговъ австрійской Руси упоминаются Барвинскій и Смаль-Стоцкій, посвятившіе всю жизнь свою на благо и преуспѣваніе во всемъ родного имъ народа,—приходится призадуматься... Ясно, что редакція была введена въ заблужденіе сообщеніями австрійскаго quasi-малорусск. изданія „Правосл. Буковина", на которое ссылается редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", и характеръ котораго лучше всего можетъ быть понятъ изъ его-же словъ, цитируемыхъ въ данной статьѣ: „характерно, что за нами слѣдятъ найбольше наши сепаратисты, зовущіи себе украйнцами. *Ихъ доносы* на нашу *историческую* партію сталися классическими" (?!).

—

Въ № 126 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" помѣщена статья «Земледѣльческіе кружки въ Галиціи», основанная на данныхъ, заимствованныхъ изъ недавно вышедшей книги Л. Василевскаго «Современная Галиція» Спб. 1900.

—

Малорусскія пьесы, дозволенныя къ представленію (*по 1 марта 1900 г.*) 1) Клопоты. Комедія на тры діи зъ мищанського побуту *А. Ф. Володского*. 2) Крадене щастя. Драматычни картыны зъ сельського

побуту у 5 діяхъ зъ спивамы, хорамы и танцямы. *М. Ө. Здановскои.* (Правит. Вѣстникъ, № 98).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Акты Литовско-Русскаго государства, изданные М. Довнаръ-Запольскимъ. Вып. I (1390—1529). Москва, 1900, I—XII, 1—258, in 4°. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. Проф. Къ вопросу о галицко-русской литературѣ (По поводу статьи Т. Д. Флоринскаго). Кіевъ, 1900 г., 1—28. (Отт. изъ журнала «Кіевская Старина»). Цѣна 20 к.

Барвинокъ Ганна. Вирна пара. Въ осены лито. Спасенна пара. (Съ портретомъ Г. Барвинокъ). Изданіе благотворит. Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. № 5. Спбр. 1900, 1—40, in 32°. Цина 3 к.

Бартошевскій Іоанъ. Проповѣди недѣльни для сельского народа. Друге доповнене выдане. Львовъ, 1900. Накладомъ автора. Изъ типографіи Ставропигійского Института. Стр. 416, in 8°. Ціна 2 зл. р.

Беренштамъ В. Т. Г. Шевченко и простолюдины, его знакомцы. (Изъ встрѣчъ и воспоминаній). Кіевъ, 1900, 1—12. (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина.»

Бертенсонъ В. А. По югу Россіи. Сельско-хозяйственные очерки, наблюденія и замѣтки. Вып. III. Одесса, 1900. Ц 60 к.

Bolcewicz B. Katalog monet polsckich i z Polską styczność mających od czasów najdawniejszych do roku 1795. Warszawa, 1900.

Буря. Драма въ 5 діях А. Н. Островского. З росийского переклав і видав М. Павлик. Львів, 1900. З нар. друкарні Ст. Манецкого і Спілки.

Василевскій Л. Современная Галиція. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Ц. 80 к. С.-Петерб., т. т-ва «Народная Польза» 1900, I—IV, 1—231+карта Галиціи. Содержаніе: I. Историческій очеркъ. II. Страна и народъ. III. Города Галиціи. IV. Экономическое положеніе. V. Земледѣльческіе кружки. VI. Народное просвѣщеніе VII. Партійныя отношенія. VIII. Русинское движеніе IX. Литературная и умственная жизнь.

Верхратсъкий Іван. Про говор долівський Львивъ, 1900, стр. 128, 8°. Ціна 65 кр.

Владиміровъ, П. В. Научное изученіе апокрифовъ, отреченныхъ книгъ, въ русской литературѣ во второй половинѣ XIX столѣтія. Кіевъ, 1900. Ц. 60 к.

Вовчокъ Марко. Павло Чорнокрылъ. Повѣсть о томъ, какъ мужъ жену убилъ и что изъ этого вышло. Москва, 1899. Тип. Товар. И. Д. Сытина, in 16⁰, 1—72.

Гавриловъ П. Характеристика польскихъ и южно-русскихъ теченій послѣдней четверти XVIII вѣка, въ связи съ общимъ направленіемъ тогдашней французской литературы. (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина)». Кіевъ, 1900, стр. 1—31.

Гнатюк Володимир. Русини Пряшівськоі епархіи і іхъ говори. Львів, 1900, ст. 70, in 8⁰. Ціна 35 кр.

Гринченко, Б. Народные спектакли. Черниговъ, 1900. Ц. 25 к.

Gryf. Administracya polityczna w Galicyi w świetlie prawdy, rzecz poświęcona J. Ex. Namiestnikowi hr. Leonowi Pinińskiemu, Lwów, 1900.

Dubiechi Maryan. Kudak, twierdza kresowa i jej okolice, wydanie nowe. Warszawa—Kraków, 1900.

Дымчевскій, А. Думки. Стихотворенія. Ростовъ-на-Дону. 1899. Тип. Ф. Шульманъ, in 8⁰, 62+2 стр. Ц. 60 к.

Ежегодникъ Полтавскаго Губернскаго земства на 1898 годъ, Годъ 4. Полтава, тип.-лит. И. Дохмана, 1900, 1—176, 1—229, 1—36. Содержаніе: Отдѣлъ статистико-экономическихъ свѣдѣній о губерніи, отдѣлъ свѣдѣній по земскому хозяйству;—приложенія: Важнѣйшія постановленія земскихъ собраній Полт. губ. сессіи 1897 г. по народному образованію.

Житецкій П. И. Энеида Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея, въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII в. Посвящается г. Полтавѣ, родинѣ И. П. Котляревскаго. Изд. «Кіевск. Стар.» Кіевъ, 1900, 1—130, in 8⁰. Ц. 2 р.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Томи XXXV и XXXVI. Зміст (реферати, призначені на київський археольогічний зїзд,—друга половина: язик і історня літератури). 1) Переднє слово (по німецьки) (ст. 5—6) 2) Резюме всіх зголошених рефератів із язикознавства и історії літератури (по німецьки) (ст. 7—23). 3) Переднє слово (по руськи) (ст. 24—25). Реферати подани в скороченю: 1) Носови звуки въ словяньських мовах, Олександра Барвінського (ст. 3—5). 2) Причинки до історії угро-руськоі мови і літератури, д-ра Олександра Колесси, ст. 6. 3) Причинок до пізнання роз-

витку народньоі мови въ письменстві у Галицьких Русинів, Іллі Кокорудза, ст. 7—8. 4) Про наголос в украінсько-руській мові, д-ра Володимира Охримовича, ст. 9. 5) Історичне тло Слова о полку Ігоревім, д-ра Володимира Коцовського ст. 10—12) 6) Карпаторуське письменство XVII—XVIII в. в., д-ра Івана Франка, ст. 13—14. Реферати подані въ цілости: 1) Про говор долівський, написав Іван Верхратський, ст. 128. 2) Русини Пряшівськоі епархіи і іх говори, написав Володимир Гнатюк, ст. 1—70. 3) Слово о Лазаревѣ воскресеніи, староруська поема на апокріфічні теми,—розвідка д-ра Івана Франка, ст, 1—57. 4) Новий причинок до студий над Іваном Вишенським, його ж ст. 1—4. 5) Псевдо-Матвіеве евангеліе и дітство Маріи та його сліды в украінсько-руській літературі, його ж, ст. 1—32. 6) Хто був авторомъ 'Αντίρ'ρ'ησις'a? написав др. Кирило Студинський, стр. 1—20. 7) Якуб Гаватович (Гават), автор перших руських інтермелій з 1619 р., написав М. Павлик, ст. 1—44. Львів, 1900. Ціна 6 кор.

Игнатовичъ Л. Алфавитный указатель историческихъ мѣстностей съ обозначеніемъ времени событій. Спб. 1899, Ц. 40 к.

Karbowiak A. dr. prof. Szkoły dyecezyi chełmińskiej w wiekach średnich, Kraków, 1899.

Клосовскій А. Труды Метеорологической сѣти юго-запада Россіи въ 1897 и 1898 г. г. 2-ое десятилѣтіе, вып. II и III. Одесса, 1899, 116 стр.

Конисскый-Перебендя О. Я. Творы. Томъ третій. Ялта, Друкарня Н. В. Вахтина, 1—421. Ц. 1 р., на веленевой бумагѣ—1 руб. 50 к. Змистъ: 1) Гришныкъ. 2) Спокуслыва нива. 3) Сестра жалибныця. 4) Прыгоды въ дорози. 5) Смерть предателя. 6) Ранкомъ на Алупци. 7) Радощи и скорботы велыкого скрыпныка. 8) Пытання. 9) Зъ ранку до ночы. 10) Поэтка. 11) Стари люде. 12) Протестантъ. 13) Иванъ непомнящій родства. 14) Наймычка 15) То йому за чужи груши. 16) Хоча бъ була постати дожала. 17) Въ сели. 18) Пимста. 19) Спафаріева Рудка.

Кулишъ Олельковычъ Панько. Драмована трылогія. 1) Байда, князь Дм. Вышневецькый. 2) Гетьманъ Петро Сагайдашный. 3) Наказный Гетьманъ Северынъ Налывайко. Харькивъ, Тип. «Печатное Дѣло», кн. К. Н. Гагарина, 1900, 1—150, 1—316. Ц. 2 р.

Кропивныцькый М. Передъ Волею. Драма въ 5 діяхъ. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1900, 1—78.

Кузів Ілько. Короткий погляд на історию читальні рускоі дух. семинарии. У Львові, Передрук. з «Дѣла». Львів, 1900. З друкарні Ставропігійского інститута.

Котляревскій И. П. Москаль-Чаривныкъ. Малороссійскій водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. Изд. книгопрод. Т. Губанова, Кіевъ, 1899. Тип. И. Чоколова, in 16, 1—107.

Кулишъ П. А. Орыся (зъ малюнкамы и портретомъ П. Кулиша). Изданіе благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. № 4. С.-Петербургъ, 1900, 1—16, in 32⁰. Цина 2 коп.

Къ біографіи А. П. Стороженка. Съ предисловіемъ М. Комарова. Кіевъ, 1—38. (Оттискъ изъ журн. «Кіевская Старина»).

Левицький Іван. Гетьманъ Іван Виговський. Історична повість (Бібліотека найзнаменитшихъ повѣстей подъ редакціею Ивана Белея. Томъ LXIV). Накладомъ редакціи «Дѣла». Зъ друкарни Института Ставропигійскаго. Львів, 1900, ст. 340, in 8⁰. Ціна 1.20 злот. р.

Левицькый Иванъ. Старосвитськи батюшки та матушкы (т. II. Збирныка творивъ). Кыивъ, друкарня С. В. Кульженка, 1—453. Цѣна 1 р. 50 к., на веленевой бумагѣ—2 р.

Лисенко Микола. Хор мішаний (з акомпаніаментом фортепяну або орхестра) до слів поэзии І. Франка «Ой що въ полі за димове?» (Вийшов у підручній бібліотеці «Львівського Бояна»).

Лучицкій И. проф. По поводу одного научнаго открытія. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1900, 1—12.

Малороссійскія переписныя книги 1666 г. Съ послѣсловіемъ Ал. Лазаревскаго (Оттискъ изъ XIII кн. Чтеній И. Общ. Нест. Лѣтописца). Кіевъ, 1900, 1—109. Тип. Корчакъ-Новицкаго.

Народна Бібліотека. Ч. 1—2. *Василь Стефаник:* Камінний хрест. Студиі і образки. Львів, 1900, ст. 82, in 16. Цина 20 кр. накладом М. Яцкова и Спілки. Зъ друкарні Вільгельма Цукерпандля в Золочеві. Зміст: 1) Камінний хрест.—2) Засіданне.—3) З міста йдучи.—4) Сьвятий вечер.—5) Діти.—6) Підпис.—7) Лан.—8) Лист. —9) Вечірна година.

Начальное народное образованіе въ Россіи. Подъ ред. членовъ Совѣта б. С.-П. Комитета грамотности, І. Фальборка и В. Чарнолусскаго. Т. І: Статистическія таблицы по уѣздамъ, городскимъ поселеніямъ и селеніямъ Имперіи. Спб. 1900 (на русскомъ и франц. языкахъ). Ц. 6 р.

Одиннадцатый археологическій съѣздъ въ Кіевѣ. 1—20 августа 1899 года. Изданіе исправл. и дополн. Москва, 1899. Тип. Г. Лиссенера и А. Гешеля, in. 4°. 1—32.

Окрестности Кіева «Пустыни». Сборникъ автотипій съ фотографіи Н. Бобиръ. Изданіе заведенія графическихъ искусствъ А. Л. Гудшона. Кіевъ, 1900, 25 листовъ. Цѣна 2 руб.

Осадчій Т. Силы деревни. Хроника. 1870—1900 г. г. Москва, 1900. Ц. 80 к.

Оцѣночно-статистическое отдѣленіе екатеринославской губернской земской управы. *Матеріалы для оцѣнки земель Екатеринославской губерніи.* Томъ I. Екатеринославскій уѣздъ. Изданіе екатеринославской губернской земской управы. Екатеринославъ. Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1899 г.

Павлик М. Якуб Гаватович (Гават), автор перших руськихъ інтермедий з 1619 р. Львів, 1900, стр. 44, in 8°. Ціна 20.

Памятная книжка Кіевской губерніи на 1900 годъ. Изданіе Кіевскаго Губернскаго статистическаго комитета. Годъ изданія восемнадцатый. Кіевъ, тип. Кіевск. Губ. Правл., 1899, I—X, 1—42, 1—460, 1—24, 1—101. Содержаніе: Астрономическія свѣдѣнія, календарныя, свѣдѣнія о губерніи; справочный отдѣлъ; адресъ-календарь губернія на 1900 годъ; приложенія: списокъ землевладѣльцевъ Кіевск. губ., списокъ фабрикъ и. заводовъ. и др.

Первый Отчетъ Полтавскаго кружка любителей физико-математическихъ наукъ. 1898—1899, Полтава, 1899, 25×17 см. 21 стр.

Видавництва Товариства «Просвіта». Ч. 238. кн. 3. I. *Староруське оповідання.* Вибрав і переповів Іван Франко. Зміст: Передне слово. 1) Оповідане про смертну трубу і чотири скриньки. 2) Оповідане про однорічних царів. 3) Оповідане про царя Аггея. 4) Оповідане про лакомого опікуна. II. *Спровоздане з* діяльности товариства «Просьвіта» за час від 1 січня 1898 до 31 грудня 1899. У Львові, 1900. З друкарні наук. товариства ім. Шевченка, ст 19+53 +карта, in 8°. Ціна 20 кр.

Псалтир. Видав Іван Созанськпй. У Чернівцях, 1900 р. Ціна 35 кр.

Руссофилъ, П. (Хижняковъ). Народное образованіе въ Россіи. Харьковъ, 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Рѣдько А. Нечистая сила въ судьбахъ женщины-матери. (Брошюра-оттискъ изъ «Этнографическаго Обозрѣнія»).

Сборникъ (иллюстрированный) Кіевскаго литературно-артистическаго Общества Т. I. Фото-типографія С. В. Кульженко. Кіевъ, 1900, 1—310+19 (ноты), in 4⁰. Въ числѣ другихъ, статьи: *Ор. Левицкаго.* Южно-русская женщина въ XVI—XVII столѣтіи (стр. 108—122); *А. Кучинскаго.* Жизнь и литературная дѣятельность Евг. Павл. Гребинки (стр. 219—234); *М. П. Старицкаго.* Панъ капитанъ (стр. (235—263).

Видавництво часописи «Свобода» (в Америці). Ч. 10. Американській шляхтичъ. Образъ зъ житя рускихъ робитниковъ въ 3 актахъ. Написавъ Стефанъ Макаръ. Mt. Carmel, Pa, 1900. З друкарни «Свободы», ст. 76, in 8⁰, ціна 15 центів.

Статистическія свѣдѣнія за январь 1899 года. (Матеріалы для статистики гор. Одессы.) Составлено статистическимъ бюро при городской управѣ. Изд. одесскаго городскаго общественнаго управленія. Одесса, 1899. Тип. И. Гринштейна, in 8⁰, III+523+IV. Ц. 3 р.

То-же,—за февраль. Одесса, 1899, in 8⁰, 1—16.

Статистическое описаніе Бессарабіи собственно такъ называемой или Буджака, съ приложеніемъ генеральнаго плана его края, составленное при гражданской съемкѣ Бессарабіи, производившей по Высочайшему повелѣнію размежеваніе земель на участки, съ 1822 по 1825 годъ. Изд. Аккерманскаго земства. Аккерманъ, 1899. Тип. И. Гринштейна, in 8⁰, III+523+IV. Ц. 3 р.

Студинський Кирило. Хто був автором 'Αντίρρησις'а з р. 1599? Львів, 1900, стр. 1—20, in 8⁰. Ціна 10 к.

Swiatowit, rocznik poświęcony archeologji przedziejowej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i Słowianskiej wydawany staraniem Erazma Majewskiego. Tom II, częsc I—II, 1900. Warszawa, str. 261, 57 illstr. i XVI tablic. Trześć: Badania nad dobą przedhistoryczną Galicji; G. Ossowski—Charakterystyka obszarów archeologicznych Galicji.—Jak rozkopywać cmentarzyska płaskie и много друг. Cena tomu II-go 2 rub.

Тарасъ-Бульба, или Запорожская Сѣчь. Историческая повѣсть изъ козачьей жизни. Изд. Е. Коноваловой. Москва, 1899. Тип. П. Булгакова и Е. Коноваловой, in 16⁰, 1—144.

Угадько (Украинскій Соломонъ). «Видповидныкъ» состоитъ изъ 287 отвѣтовъ. Харькивъ, печатня «Печатное Дѣло», кн. К. Н. Гагарина, 1900. Цина 5 коп.

Франко I. Апокріфічне евангелие псевдо-Матвія і його сліди в українсько-руськім письменстві. Львів, 1900, стр. 32, in 8°. Ц. 15 кр.

Франко И. Поэтъ измѣны. Переводъ съ польскаго изданія, дополн. предисловіемъ «Польскаго патріота». Варшава, 1900. Ц. 20 к.

Франко Іван. Слово о Лазаревѣ воскресеніи. Староруська поема на апокріфічні теми. Львів, 1900, стр. 56, in 8°. Ціна 25 кр.

Хребтовъ А. Памятная книжка для собирателей монетъ. Выпускъ IV. Монеты, чеканенныя въ царствованіе императора Николая I (1826—55 гг.). Съ 3 таблиц. рис. Спб. 1900, I—XVIII, 1—82, тип. А. Суворина. Цѣна 1 р. 35 к.

Хроніка Наукового Товариства імени Шевченка. Ч. I. Львів, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Стр. 116, in 8°. Зміст: 1) Погляд на розвій Товариства,—М. Грушевського; 2) Справозданння Товариства за р. 1899.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-Лѣтописца, кн. XIV, вып. I. Содержаніе: I. Изложеніе содержанія статей: С. Т. Голубева. Историко-топографическое изслѣдованіе о древнемъ Кіевѣ; О. И. Левицкаго—Къ вопросу о польскомъ возстаніи въ Юго-Западномъ краѣ въ 1831 г.; В. Б. Антоновича—Новое сочиненіе о гайдамачествѣ; В. Л. Удинцева—Изъ исторіи городовъ и купечества въ средніе вѣка на Западѣ и въ Россіи. II. Статьи: М. Ясинскій—Луцкій трибуналъ, какъ высшая судебная инстанція для Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ въ послѣдней четверти XVI в.; В. Н. Перетцъ—Къ исторіи Кіево-Могилянской коллегіи (Панегирики и стихи Б. Хмельницкому, И. Подковѣ и арх. Лазарю Барановичу) и другія.

Шверинъ Т. В. Медико-санитарный обзоръ по Елисаветградскому уѣзду, Херсонской губ. за 1898 г. Земская медицина, заболѣваемость и смертность населенія. Изд. Елисаветградскаго уѣздн. земства. Елисаветградъ, 1899, 25×17 см., IV+134+155 стр. Съ картой уѣзда.

Шевченко Т. Катерина. (У тіеі Катерини хата на помості). Поема Т. Г. Шевченка на соля, хори і орхестру. Музика Й. Кишакевича. Перемишль, накладом автора. Ціна партитури з супроводомъ фортепяновим 2 кор. (гульд.).

Шематизмъ всечестного клира гр.-кат. митрополитальнои архидіецезіи львовскои на рокъ 1900. Львівъ. Изд. типографіи Ставропигійского Института. Стр. XX+278, in 8°.

«Южно-русскій Альманахъ» 1900 г. Годъ 6-й. Изданіе Ю. Сандомирскаго. Одесса, 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Jabłonowski Aleksander. Akademia Kijowsko-Mohilańska, zarys historyczny na tle rozwoju ogólnego cywilizacyi zachodniej na Rusi, Kraków, 1899—1900.

Яновская Л. На Зеленый Клынъ. Комедія у 5-ты діяхъ. Оттискъ изъ журн. «Кіев. Стар.». Кіевъ, 1900. Тип. Корчакъ-Новицкаго. 1—70.

Яновская Л. Смерть Макарыхы (повисть). Кіевъ, 1900, 1—38. (Оттискъ изъ журн. «Кіевская Старина»). Цина 10 к.

Археологическая лѣтопись.

Къ Археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

26 апрѣля, въ актовомъ залѣ университета, состоялось засѣданіе подготовительной комиссіи по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ совмѣстно съ членами историко-филологическаго общества при университетѣ, въ присутствіи предсѣдателя Императорскаго московскаго археологическаго общества графини П. С. Уваровой. Засѣданіе открылъ проф. Д. И. Багалѣй рѣчью, въ которой охарактеризовалъ выдающуюся дѣятельность гр. Уваровой на археологическомъ поприщѣ. Гр. П. С. Уварова благодарила собраніе и проф. Д. И. Багалѣя за честь, оказанную ей. Было прочитано отношеніе министерства народнаго просвѣщенія съ разрѣшеніемъ правилъ археологическаго съѣзда, по коимъ послѣдній имѣетъ состояться въ г. Харьковѣ въ 1902 г. съ 15 по 27 августа.

Проф. Е. К. Рѣдинъ прочелъ докладъ «Памятники церковныхъ древностей Харьковской губ.», въ которомъ указалъ на значеніе церковныхъ памятниковъ, какъ показателей культуры даннаго времени, и обратился съ горячимъ призывомъ о сохраненіи ихъ. [1])

Преосвященный Иннокентій выразилъ сочувствіе пожеланіямъ докладчика и обѣщанія всякаго содѣйствія задачамъ предварительнаго

---

[1]) Докладъ напечатанъ въ „Харьк. Вѣдом.“ № 112. настоящаго года.

комитета по полученію свѣдѣній о церковныхъ древностяхъ Харьковской губерніи и самыхъ этихъ древностей для выставки при археологическомъ съѣздѣ и для образованія особаго церковно-археологическаго отдѣленія при музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей харьковскаго университета. Послѣ замѣчаній проф. Д. И. Багалѣя, гр. П. С. Уваровой постановлено: а) обратиться къ епархіальному начальству съ просьбой о содѣйствіи въ распространеніи программъ церковныхъ древностей среди духовенства губерніи, и б) просить проф. Е. К. Рѣдина о совершеніи научныхъ экскурсій по губерніи для изученія церковныхъ древностей ея.

Проф. Д. И. Багалѣй, указавъ на значеніе этнографическихъ выставокъ и на ту роль, которую могла бы сыграть имѣющая устроиться при археологическомъ съѣздѣ такая этнографическая выставка, предложилъ, въ виду отсутствія спеціальныхъ средствъ у коммиссіи для устройства ея, обратиться къ просвѣщенному содѣйствію общества и земства съ просьбой—объ оказаніи предварительному комитету матеріальной помощи. Профес. Н. Ѳ. Сумцовъ присоединился вполнѣ къ заключенію проф. Багалѣя о необходимости оказанія такой матеріальной помощи; помощь—въ видѣ собиранія свѣдѣній чисто научныхъ по этнографіи мѣстнаго края оказывается охотно народными учителями, сочувствующими культурнымъ предпріятіямъ, и для предстоящаго съѣзда, конечно, необходима широкая ихъ помощь, и она, несомнѣнно, будетъ оказана; но по мнѣнію проф. Сумцова, необходима помощь и матеріальная со стороны нашего общества для пріобрѣтенія этнографическихъ предметовъ; намъ, конечно, далеко до Запада, гдѣ общество всегда откликается горячо на такія культурныя предпріятія, какъ устройство этнографической выставки, служащей показателемъ былой и настоящей жизни народа; но все-же можно надѣяться, что и у насъ къ съѣзду будетъ устроена выставка и что будетъ положено начало этнографическому музею. Попечитель учебнаго округа В. К. Анрепъ обѣщалъ свое содѣйствіе по собиранію свѣдѣній по программамъ при посредствѣ сельскихъ и городскихъ учителей, къ коимъ онъ можетъ обратиться съ соотвѣтствующей просьбой, а М. Е. Гордѣенко, какъ представитель земства, выразилъ принципіальное сочувствіе намѣченнымъ задачамъ комитета по устройству этногарфической выставки при съѣздѣ.

Согласно предложенію проф. Н. А. Максимейко—рѣшено обратиться къ г. Лазаревскому и черниговскому земству съ просьбой о при-

сылкѣ для выставокъ съѣзда первымъ—его собранія дѣтскихъ игрушекъ, а вторымъ—вещей собранія В. В. Тарновскаго.

Послѣ сообщенія, сдѣланнаго г-жей Радаковой, и согласно предложенію Д. И. Багалѣя, рѣшено обратиться съ просьбой къ г-жѣ Поль о представленіи части ея коллекціи на археологическую выставку. Проф. Д. И. Багалѣй указалъ на необходимость собиранія свѣдѣній о коллекціяхъ частныхъ владѣльцевъ. Г. А. Тобизенъ изъявилъ готовность оказать въ этомъ отношеніи коммиссіи свое содѣйствіе.

Проф. Д. И. Багалѣй познакомилъ съ проектомъ научныхъ экскурсій и раскопокъ, которыя предположено произвести настоящимъ лѣтомъ: 1) раскопки кургановъ въ Богодуховскомъ и Ахтырскомъ уѣздахъ, 2) кургановъ съ каменными бабами, около Чугуева, 3) кургановъ въ предѣлахъ Сумского уѣзда на средства П. И. Харитоненко 4) въ с. Райгородкѣ Изюмскаго уѣзда, 5) экскурсій по собиранію археографическихъ матеріаловъ въ предѣлахъ Харьковской губ. Д. И. Миллера, Е. М. Иванова, М. М. Плохинскаго. Н. А. Федоровскій сдѣлалъ обзоръ предметовъ, находимыхъ близъ с. Райгородка, и, указавъ на то, что мѣстность эта достойна вниманія и изученія,—предложилъ организовать болѣе подробное и научное изслѣдованіе ея въ археологическомъ и геологотопографическомъ отношеніяхъ. Проф. М. Е. Халанскій указалъ на важность изученія діалектовъ населенія Курской губ., для каковаго имъ будетъ въ настоящее лѣто совершена спеціальная экскурсія; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ были отмѣчены многіе выдающіеся памятники и отдѣльные пункты въ Курской губ., заслуживающіе изученія и изслѣдованія. Проф. Л. Ю. Шепелевичъ указалъ на пользу обращенія къ инженерамъ за содѣйствіемъ въ сообщеніи свѣдѣній объ археологическихъ находкахъ. Проф. А. С. Лебедевъ отмѣтилъ выдающійся интересъ архива Курскаго монастыря и выразилъ желаніе привлечь его на археографическую выставку при съѣздѣ. Проф. С. В. Соловьевъ обѣщалъ свое содѣйствіе въ изученіи церковныхъ древностей Новооскольскаго уѣзда. Проф. А. С. Бріо, указавъ на важность и плодотворность научныхъ изысканій при личномъ посѣщеніи тѣхъ мѣстъ, откуда добываются предметы, выразилъ пожеланіе устройства возможно большаго количества экскурсій.

Гр. П. С. Уварова заявила, что согласно выраженному пожеланію харьковскаго предварительнаго комитета, ему будетъ отпущено московскимъ археологическимъ обществомъ на экскуріи и различные

расходы на предстоящее лѣто двѣ тысячи руб. Для совершенія раскопокъ, кромѣ мѣстныхъ силъ, рѣшено обратиться къ проф. Антоновичу, г-жѣ Мельникъ, г. Богоявленскому, Ивановскому, Теплову. Проф. Д. И. Багалѣй прочелъ проектъ работъ для комитетовъ въ Новочеркасскѣ, Екатеринодарѣ и другихъ городахъ. Для организаціи этихъ комитетовъ предположены поѣздки проф. Багалѣя въ Екатеринодаръ, проф. Сумцова въ Полтаву, г-жи Радаковой въ Екатеринославъ. Проф. Багалѣй доложилъ о проектѣ изданія ко времени съѣзда матеріаловъ южно-русской картографіи. Г. А. Тобизенъ выразилъ полное сочувствіе этому проекту и заявилъ, что таковое изданіе будетъ приготовлено губернскимъ статистическимъ комитетомъ. Проф. А. С. Бріо выразилъ отъ лица собранія благодарность пр. Д. И. Багалѣю за его труды и хлопоты въ занятіяхъ комиссіи, благодаря которымъ, а равно трудамъ членамъ этой комиссіи и московскаго археологическаго общества, можно надѣяться, археологическій съѣздъ въ Харьковѣ принесетъ благіе результаты. (Харьков. Вѣд.).

Въ дополненіе къ вышеизложенному, помѣщаемъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся съѣзда, любезно сообщенныя намъ гр. П. С. Уваровой.

Московское Археолог. Общ. постановило предоставить Харьковскому Придварит. Комитету для обработки весь матеріалъ, какой будетъ собранъ по мѣстнымъ архивамъ, а также метрики о церквяхъ Харьковск. и Курской губ. Рѣшено затѣмъ: просить г. Харитоненко о помощи при собираніи свѣдѣній о древностяхъ, имѣющихся въ его имѣніяхъ, и при раскопкахъ; г. Эварницкаго—собирать предметы запорожской старины для выставки и вообще свѣдѣнія о нихъ; обратиться къ Имп. Русск. Географическому Обществу съ просьбой направить въ настоящемъ и будущемъ году экспедиціи для собиранія этнографическихъ матеріаловъ, которые поступили-бы впослѣдствіи въ этнографическій музей; съ этой-же цѣлью просить Н. М. Могилянскаго, камандированнаго Академіей Наукъ на югъ Россіи для собиранія этнографическаго матеріала, о содѣйствіи и попутномъ собираніи матеріала и для выставки съѣзда; просить губернаторовъ Курской, Воронежской, Полтавской и Екатеринославской губ. образовать при Статистическихъ Комитетахъ Комиссіи для оказанія Московскому и Харьковскому Предварит. Комитетамъ содѣйствія по собиранію свѣ-

дѣній о древностяхъ названныхъ губерній; ходатайствовать о помѣщеніи на выставкѣ съѣзда предметовъ запорожской старины изъ Эрмитажа, Оружейной Палаты, петербургскихъ церквей и военныхъ хранилищъ.

—

Въ настоящее время уже отпечатаны,—*программы*, составленныя Харьковскимъ Предварительнымъ Комитетомъ. Ихъ всѣхъ 6: 1) для собиранія свѣдѣній по первобытнымъ древностямъ, 2) по древностямъ историческимъ, 3) по церковнымъ древностямъ, 4) для собиранія этнографическихъ предметовъ къ выставкѣ, 5) для собиранія свѣдѣній о кобзаряхъ и лирникахъ и 6) для собиранія писанокъ и свѣдѣній о нихъ. Программы составлены въ общемъ кратко, но удобопонятно и широкое распространеніе ихъ несомнѣнно будетъ имѣть результатомъ извѣстную сумму свѣдѣній по тѣмъ или другимъ вопросамъ, хотя конечно на многое разсчитывать нельзя,—объ этомъ свидѣтельствуетъ опытъ прошлыхъ съѣздовъ. Но при энергіи, которая чувствуется во всей дѣятельности лицъ, принимающихъ близкое участіе въ устройствѣ съѣзда, быть можетъ, здѣсь получатся желательные результаты.

Засѣданія обществъ.

3-го мая, въ присутствіи гр. П. С. Уваровой, состоялось засѣданіе *Комиссіи по описанію и изданію памятниковъ мѣстной старины*, образованной при Историч. Общ. Нестора Лѣтописца. По обсужденіи вопроса объ изданіи древносей Украины, въ связи съ работами послѣдняго Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ и предстоящаго такого-же съѣзда въ Харьковѣ, признано правильнымъ ограничиться изданіемъ историческихъ памятниковъ XVI—XVIII в.в. 5-ти губерній Кіевскаго Учебнаго Округа. Для осуществленія этой задачи признано необходимымъ:

1) Просить московское археологическое общество, въ лицѣ предсѣдателя его, гр. Уваровой, озаботиться изданіемъ печатныхъ программъ описанія памятниковъ какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ, съ указаніемъ выработанныхъ наукою и практикою наилучшихъ методовъ описанія, фотографированія или срисовки и съ поясненіемъ принятыхъ въ этихъ случаяхъ техническихъ пріемовъ и терминоло-

гіи. Общество Нестора Лѣтописца предполагаетъ испросить 300 экземпляровъ этихъ программъ для раздачи экскурсантамъ и всѣмъ лицамъ, могущимъ доставить свѣдѣнія по предмету систематическаго описанія древностей Украины. Подспорьемъ при составленіи такихъ руководствъ могутъ служить программы, выработанныя въ 1887 г. Имп. Академіей Художествъ и переданныя вмѣстѣ съ собранными по программамъ данными, въ Имп. Археологич. Комиссію.

2) Организовать предварительное собраніе матеріаловъ объ извѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ по изданнымъ и неизданнымъ описаніямъ, церковнымъ лѣтописямъ и другимъ источникамъ, для каждой губерніи отдѣльно, съ обозначеніемъ источника свѣдѣній.

3) В. А. Кордтъ предложилъ принять на себя собраніе и описаніе современныхъ гравюръ городовъ и замковъ XVII и XVIII в. по стариннымъ изданіямъ.

4) Собираніе-же матеріаловъ и составленіе сводокъ ихъ изъявили желаніе принять себя: 1) по *Волынской губ.*: В. Б. Антоновичъ по уѣздамъ Новоградволынскому, Заславскому и Ровенскому, Н. П. Дашкевичъ—по у. Житомірскому, Овручскому и Староконстантиновскому и О. И. Левицкій—по остальнымъ шести уѣздамъ; 2) по *Кіевской губ.*: В. И Щербина, И. М. Каманинъ, Н. Ф. Бѣляшевскій, по взаимному соглашенію; 3) по *Подольской губ.*: о. Е. Сѣцинскій, О. И. Левицкій и Н. В. Молчановскій, къ участію въ работѣ рѣшено привлечь секретаря подольскаго губернскаго статистическаго комитета В. К. Гульдмана; 4) по *Черниговской губ.*: А. М. Лазаревскій по уѣздамъ Конотопскому, Борзенскому, Остерскому, Козелецкому и Нѣжинскому и Н. П. Василенко—по остальнымъ 10-ти уѣздамъ, при участіи Ѳ. М. Уманца и П. Я. Дорошенко; 5) по *Полтавской губ.*: В. Г. Ляскоронскій по у. Прилуцкому, Лубенскому, Роменскому, Миргородскому и Хорольскому, сводку данныхъ по Переяславскому уѣзду предложено просить взять на себя А. В. Стороженко, по уѣздамъ Полтавскому, Кобелянцкому и Константиноградскому—В. И. Василенко, а по Кременчугскому—Ѳ. Д. Николайчика съ участіемъ И. Ѳ. Павловскаго. Общество Нестора Лѣтописца просить обратиться ко всѣмъ поименованнымъ лицамъ, не бывшимъ на засѣданіи, съ просьбой указать, какіе уѣзды они могутъ взять для обработки, а равно привлечь и другихъ лицъ по своему выбору.

5) Постановлено просить барона Ѳ. Р. Штейнгеля доставить Московскому Археологическому Обществу свѣдѣнія о результатахъ предположенной этимъ лѣтомъ научной экспедиціи отъ принадлежащаго ему Городецкаго Музея Волынской губ. въ Овручскій уѣздъ, относящихся къ историческимъ памятникамъ.

6) По обсужденіи вопроса объ устройствѣ экскурсій, предположено обратиться съ просьбами къ г. О. А. Фотинскому по *Волынской* и о. Е. Сѣцинскому по *Подольской* губ; по *Кіевской-же* взяли на себя: Н. Ф. Бѣляшевскій—уѣзды Черкасскій и Каневскій и южную половину Кіевскаго (распредѣленіе по соглашенію съ И. М. Каманинымъ), В. И. Щербина—Васильковскій, Уманскій, Таращанскій и половину Липовецкаго (по соглашенію съ В. Б. Антоновичемъ), И. М. Каманинъ—Радомысльскій, Чигиринскій, Сквирскій, Звенигородскій и половину Кіевскаго, В. Б. Антоновичъ—Бердичевскій и половину Липовецкаго. По *Черниговккой губ.*—Н. П. Василенко—Новгородсѣверскій и сосѣдніе уѣзды, А. М. Лазаревскій—г. Конотопъ со окрестностами. По *Полтавской губ.*—В. Г. Ляскоронскій уу. Прилуцкій, Лохвицкій, Пирятинскій, Роменскій и Лубенскій и А. М. Лазаревскій—г. Прилуки съ окрестностями. Такъ какъ не всѣ названныя лица присутствовали въ засѣданіи, то общество Нестора Лѣтописца взяло на себя трудъ снестись съ отсутствующими и озаботиться привлеченіемъ новыхъ лицъ для обозрѣнія мѣстностей, не упомянутыхъ выше.

7) Для облегченія задачи экскурсантовъ постановлено просить Московское Археологическое общество выдать имъ установленные для этого открытые листы, а также обратиться къ гг. губернаторамъ упомянутыхъ губерній съ просьбами объ оказаніи содѣйствія со стороны мѣстныхъ властей. Кромѣ того, принести соотвѣтственныя просьбы г. Генералъ-Губернатору, высокопреосвященному Іоанникію, митрополиту Кіевскому и Галицкому, преосв. Иллариону, епископу Полтавскому и преосв. Антонію, епископу Черниговскому и Нѣжинскому.

—

Въ засѣданіи *Историч. Общества Нестора Лѣтописца,* 6-го мая, *г-жей Е. И. Де-Витте* было сдѣлано сообщеніе—«*Археологическая находка въ с. Ласковъ, Владиміръ-Волынск. у., въ 1610 году*».

Въ небольшомъ вступленіи докладчица указала во 1-хъ, на важность собиранія свѣдѣній о находкахъ, имѣвшихъ мѣсто въ дав-

нее время, и во 2-хъ, на сравнительно большое число находокъ такого рода, о чемъ имѣются свидѣтельства какъ въ актахъ (напр. о «копачахъ» XVI в., разрывавшихъ городища и могилы въ угодьяхъ каневскихъ жителей), такъ и въ узаконеніяхъ того времени (литовскіе статуты), регулирующихъ отношенія владѣльцевъ земли и находчиковъ кладовъ. Дѣло, давшее матеріалъ для доклада, состояло въ слѣдующемъ. Въ 1610 г. крестьянинъ с. Ласкова Божко нашелъ кладъ, заключавшій золотые и серебряные предметы; находку эту у него купилъ еврей г. Владиміръ-Волынска Хаскель, объ этомъ узналъ владѣлецъ села Михаилъ Войно-Оранскій и предъявилъ искъ; еврей сдалъ находку въ замокъ бургграбію Андрею Мисевскому. Дѣло затянулось; въ дальнѣйшемъ мы находимъ уже обвиненіе Войно-Оранскимъ Мисевского въ присвоеніи находки; въ 1621 г. дѣло разбиралась въ Владимірскомъ Земскомъ судѣ, осудившемъ Мисевского; дѣло переносится въ Люблинскій Трибуналъ; Мисевскій представляетъ записку владимірскаго старосты кн. Януша Острожского въ томъ, что послѣдній взялъ представленное въ судъ золото и серебро; въ концѣ концовъ Оранскій признаетъ невиновность Мисевскаго. Кладъ повидимому такъ и остался у кн. Острожскаго. Въ дѣлѣ имѣется и реестръ клада; онъ состоялъ изъ слѣдующихъ 18-ти золотыхъ и серебряныхъ вещей: 1) серебряной чарки, 2) двухъ вещей «на подобіе раковъ», усаженныхъ гранатовыми камнями, 3) четырехъ серебряныхъ вызолоченныхъ дощечекъ—бляхъ, 4) четырехъ серебряныхъ крестиковъ, 5) четырехъ большихъ золотыхъ червонцевъ, похожихъ на португалы, но съ ушками, 6) двухъ золотыхъ червонцевъ гораздо меньшихъ и также съ ушками и 7) одного золотого червонца съ ушкомъ, очень небольшого, «на подобіе головы св. Іоанна» [1]). Довладчица относитъ этотъ кладъ къ великокняжеской эпохѣ, основываясь на томъ, что во 1-хъ, въ описи большая часть найденныхъ предметовъ не названа собственнымъ именемъ, слѣдовательно назначеніе предметовъ стало уже непонятнымъ, во 2-хъ, помимо стоимости металла, вещамъ придавалась особенная цѣнность—изъ за нихъ судебный процессъ тянется 16 лѣтъ, ими заинтересованы представители образованнаго класса общества, какъ Оранскій и Острожскій,

[1]) И въ настоящее время крестьяне находимые римскіе монеты съ изображеніями головъ императоровъ называютъ „Ивановыми головками“.

и въ 3-хъ, мѣсто находки—с. Ласково лежитъ въ 12—15 вер. отъ княжескаго Владиміра [2]).

Въ концѣ доклада г-жа Де-Витте въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризовала отношеніе общества и правительства того времени къ археологическимъ находкамъ, при чемъ, противопоставила узаконенія Литовскаго Статута, признававшаго такія находки частной собственностью, практикѣ московскаго правительства, назначавшаго въ такихъ случаяхъ «сыски», даже съ пытками.

Проф. В. Б. Антоновичъ доложилъ «*О книгѣ г. Талько-Гринцевича: Антропологія украинскихъ курганов*ъ. (Przyczynek do poznania świata kurhanowego Ukrainy. W Krakowie, 1899)». Сдѣлавъ общее и вполнѣ справедливое замѣчаніе, что на антропологическій матеріалъ при раскопкахъ обращалось очень мало вниманія, г. Талько-Гринцевичъ, въ указанной работѣ, изложилъ результаты измѣреній 157 индивидуумовъ, добытыхъ изъ раскопокъ гр. Бобринскаго, Любы-Радзиминскаго, Гамченко, проф. Антоновича и др. Матеріалъ происходитъ изъ кургановъ 3-хъ различныхъ эпохъ: 45 изъ древнѣйшихъ, относящихся къ каменному и началу металлическаго вѣковъ, 15 изъ т. н. скифскихъ и 97 изъ славянскихъ—древлянскихъ и полянскихъ. Пріемы автора отличаются строгой научностью, не рѣдко онъ дѣлаетъ и сравнительныя характеристики.

Работа раздѣлена на двѣ части: кости туловища и спеціально—голова и лицо. Ростъ у древнѣйшаго населенія оказывается и самымъ высокимъ: въ І-ой группѣ средній ростъ—1,73 м., во ІІ-ой—1,78 м., въ ІІІ-ей, славянской—1,67 м. Если сравнить ростъ первой группы съ таковыми западно-европейскаго населенія той-же эпохи, то выше будетъ лишь т. н. Кро-маньонская расса, у остальныхъ—ниже. Ростъ женщинъ мало чѣмъ отличается отъ роста мужчинъ. У доисторическаго населенія Украины, также какъ и въ другихъ странахъ, встрѣчаются аномаліи въ строеніи костей, признаваемыя теперь общей принадлежностью вообще всѣхъ первобытныхъ народовъ, именно: просверлина въ нижней части плечевой кости, колон-

---

[2]) Мы, съ своей стороны, не считаемъ возможнымъ отнести кладъ безусловно къ княжескому времени: въ кладѣ, судя по описи, правда, очень несовершенной, не было ни одного предмета, типичнаго для той эпохы, между тѣмъ, среди массы другихъ кладовъ, всегда имѣются характерные предметы, какъ напр. серьги, браслеты и т. п.

чатое бедро, мечевидная голень. Вообще-же всѣ длинныя кости толсты и крѣпки, мускульные бугры очень развиты. Что касается типа головы, то во всѣхъ трехъ группахъ преобладаетъ типъ длинноголовый, причемъ наибольшая длинноголовость наблюдается у череповъ первой группы и славянскихъ, у скифскихъ она меньше; въ процентномъ отношеніи длинноголовыхъ въ I-ой группѣ—71%, во II-ой—43%, въ III-ей—96%. Діаметръ верхней части лба у каждой изъ послѣдующихъ группъ становится все шире и шире и, наоборотъ, лицевыя кости постепенно съуживаются. Въ позднѣйшія времена типъ головы населенія Украины подвергся значительнымъ измѣненіямъ, т. е. въ найболѣе древнихъ курганахъ, наряду съ преобладаніемъ длинноголовости, встрѣчаются и короткоголовые, въ славянскихъ черепахъ уже господствуетъ длинноголовость, но затѣмъ, въ болѣе близкія къ намъ эпохи, этотъ типъ все болѣе и болѣе сталъ поглощаться короткоголовымъ, и въ настоящее время населеніе Украины представляетъ совсѣмъ другую группировку, чѣмъ это мы находимъ въ славянскихъ курганахъ: измѣренія современнаго населенія показываютъ, что при общемъ типѣ короткоголовомъ, чѣмъ далѣе на востокъ, къ Москвѣ, все чаще встрѣчается примѣсь длинноголовыхъ. Фактъ этотъ объясняется большинствомъ антропологовъ и историковъ колонизаціей съ запада короткоголоваго славянскаго типа, но объясненіе это требуетъ еще болѣе тщательныхъ и обширныхъ изслѣдованій.

—

Въ годичномъ засѣданіи *Имп. Московскаго Археологическаго Общества*, 29-го февраля, Д. Я. Самоквасовъ выступилъ съ сообщеніемъ «О славянскомъ элементѣ въ языкѣ древнихъ скиѳовъ», повторяя уже не разъ высказанное имъ мнѣніе, что скиѳо-сарматы были славяне, и что въ ихъ странѣ, въ Южной Россіи, надо искать прародины славянъ, особенно русскихъ. Утверждая, что славянство скиѳовъ принималось издавна нашими предками, и что только со временъ Байера, въ прошломъ вѣкѣ отождествлявшаго скиѳовъ съ хазарами и доказывавшаго, что послѣдніе говорили турецкимъ языкомъ, получила начало теорія о не славянствѣ скиѳовъ, референтъ подвергъ разсмотрѣнію доводы Байера, основывавшагося на разборѣ названій рѣкъ, впадающихъ въ Азовское море, какъ онѣ записаны Константиномъ Порфиророднымъ, и старался доказать, что въ нихъ, въ противность Байеру, нѣтъ ничего турецкаго, и что названія эти

могутъ быть съ одинаковымъ правомъ объяснены и изъ славянскаго языка. Методъ, приложенный референтомъ, вызвалъ однако возраженія со стороны филологовъ, профессоровъ В. Ѳ. Миллера и Р. Ѳ. Брандта, В. Е. Щепкина и другихъ, которые выразили даже предположеніе, что референтъ хотѣлъ только вышутить Байера, приводя еще болѣе невозможныя филологическія толкованія. Только Д. И. Иловайскій, самъ защищающій славянство скиѳовъ, выступилъ защитникомъ взглядовъ и методовъ г. Самоквасова. (Истор. Вѣстн.).

Въ общемъ собраніи *Имп. Русскаго Археологическаго Общества*, происходившемъ 2-го февраля, проф. Н. И. Веселовскимъ былъ сдѣланъ докладъ о раскопкахъ въ Кубанской Области лѣтомъ 1899 года. Изслѣдована была область, лежащая на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта до рѣки Кубани. Найденные въ могилахъ предметы относятся ко II—III вв. по Р. Х. и сработаны какъ римскими и греческими, такъ и мѣстными мастерами.

Въ засѣданіи того-же общества, 4-го марта, А. А. Спицынымъ былъ прочитанъ рефератъ—«Обозрѣніе предметовъ съ выемчатой эмалью, найденныхъ въ Россіи». По мнѣнію референта, техника эмали возникла въ Малой Азіи и Александріи и черезъ Византію распространилась на востокъ и западъ Европы. На Днѣпрѣ она была въ большомъ употребленіи, занесенная сюда аланами. Здѣсь попадаются нагрудныя цѣпи, конскіе уборы и др. предметы. (Ист. Вѣстн.).

Изслѣдованія и раскопки.

Погребальныя поля въ Кіевской губерніи. Изслѣдователи доисторическаго прошлаго славянъ не разъ высказывали недоумѣніе, что до сихъ поръ на территоріи Россіи не обнаружены поля погребальныхъ урнъ и погребеній, давно открытыя въ другихъ мѣстахъ на территоріи западныхъ славянъ, включая сюда Галичину и Царство Польское. Высказывалось также мнѣніе, что такого рода поля должны существовать, и что они не найдены лишь благодаря недостаточности археологическихъ изслѣдованій. Мнѣніе это теперь подтвер-

дилось: погребальныя поля, заключающія въ себѣ сожженіе въ урнахъ и погребенія, найдены, и этимъ открытіемъ мы обязаны неутомимому изслѣдователю южно-русской доисторической старины В. В. Хвойкѣ.

Еще осенью прошлаго года у с. Ромашекъ, Васильковскаго у., и у с. Зарубинецъ, Каневскаго у., по словамъ В. В. Хвойки, имъ были обнаружены слѣды такихъ полей, но болѣе серьезные результаты достигнуты лишь весной настоящаго года, при раскопкахъ въ мѣстности, лежащей между сс. Жуковцами, Веремьемъ и Черняховымъ, вблизи м. Триполья, Кіевскаго у. Здѣсь, въ мѣстности, неимѣющей никакихъ наружныхъ признаковъ могильника, открыты на глубинѣ отъ 40 стм. до $3^1/_2$ м. погребальныя урны съ сожженными костями и погребенія. Урна съ пепломъ покойника бываетъ обыкновенно окружена рядомъ другихъ сосудовъ, разной величины и формы, числомъ до 10-ти. Помимо урнъ съ пепломъ, встрѣчались сожженныя кости и не въ сосудахъ, а на точкахъ, также въ сопровожденія сосудовъ и предметовъ. Погребенія заключали въ себѣ скелеты, головой на западъ, въ вытянутомъ положеніи; у головы, пояса и ногъ скелетовъ располагались сосуды, отъ 12—до 15-ти. Предметы, найденные какъ возлѣ урнъ съ сожженіями, такъ и на скелетахъ, совершенно одинаковы, только находившіеся при сожженіяхъ испорчены огнемъ. Тутъ мы имѣемъ арбалетовидныя фибулы двухъ видовъ, стеклянныя бусы, желѣзные и одинъ мѣдный ножики, костяные гребни съ бронзовыми гвоздиками; изъ серебряныхъ предметовъ—только привѣски—одна въ видѣ лунницы, другая въ видѣ кружка. Встрѣтился еще одинъ предметъ изъ оленьяго рога—нѣчто въ родѣ кирки, со сквознымъ отверстіемъ и съ многочисленными небольшими дырочками, проходящими чрезъ кость въ разныхъ направленіяхъ и б. м. даже не искусственнаго происхожденія. Особенно интересны сосуды; большинство ихъ изъ глины, приготовлены главнымъ образомъ на кругѣ; поражаетъ разнообразіе формъ: здѣсь есть горшечки, плошки, миски, нѣчто въ родѣ кувшиновъ и т. д., начиная отъ самыхъ миніатюрныхъ и кончая сравнительно большими. Поверхность нѣкоторыхъ сосудовъ выглажена и отполирована (у сосудовъ, сдѣланныхъ отъ руки, которыхъ немного), есть и орнаменты—поразительные по совершенству рисунковъ, воспроизведенныхъ путемъ отпечатковъ. Кромѣ глиняныхъ найдено нѣсколько и стеклянныхъ сосудовъ, въ видѣ стакановъ, съ чудной игрой стекла.

Инвертарь этаго погребальнаго поля даетъ намъ указанія на II—III в. по Р. Х. и пожалуй, какъ думаетъ В. В. Хвойка, еще и на болѣе позднее время. Черепа длинноголовые, одинъ изъ нихъ деформированный. Очень заманчиво, конечно, отнести поле къ славянамъ. Большинство ученыхъ, по отношенію къ такимъ памятникамъ Западной Европы, такъ и дѣлаетъ, хотя и въ видѣ предположенія. Нѣтъ основаній не принять этого опредѣленія и по отношенію къ нашему могильнику; но, въ видахъ выясненія и окончательнаго рѣшенія вопроса, необходимы какъ дальнѣйшія изслѣдованія, такъ и опубликованіе точныхъ фактовъ и наблюденій, добытыхъ настоящими раскопками.

Раскопки кургановъ при с. Аксютинцахъ, Роменскаго у. Полтавской г. Извѣстный по прежнимъ раскопкамъ могильникъ при с. Аксютинцахъ, относящійся къ скиѳо-сорматской эпохѣ, послужилъ мѣстомъ раскопокъ и въ настоящемъ году. Раскопки производили Н. Е. Бранденбургъ и В. В. Хвойка. Всего было вскрыто 12 кургановъ, заключавшихъ погребенія и сожженія на площадкахъ, иногда совмѣстно въ одномъ и томъ-же курганѣ. Всѣ курганы оказались ограбленными въ древности, такъ что находки предметовъ были въ общемъ незначительны; найденъ лишь одинъ предметъ, насколько намъ извѣстно, встрѣтившійся въ инвентарѣ даннаго типа кургановъ впервые, именно, чаша, сдѣланная изъ верхняго щита рѣчной черепахи.

Экскурсія отъ Городецкаго музея Волынской г. барона Ѳ. Р. Штейнгель. По примѣру прошлаго года барономъ Ѳ. Р. Штейнгель въ текущемъ мѣсяцѣ будетъ снаряжена экскурсія въ Овручскій уѣздъ. Въ экскурсіи приметъ участіе болѣе 10-ти человѣкъ, распредѣлившихъ между собой различныя отрасли изслѣдованія, куда м. п. входятъ этнографія, археологія и памятники историческіе. Маршрутъ экскурсіи—отъ с. Могильно по берегамъ рѣкъ Уша, Жерева и Норина до г. Овруча. Экскурсія продолжится нѣсколько недѣль и можно надѣяться, что за это время будетъ обслѣдовано много какъ доисторическихъ, такъ и историческихъ памятниковъ.

Случайныя находки.

Ни одинъ годъ не обходится безъ того, что бы земляныя работы, производимыя въ Кіевѣ, не дали какихъ нибудь находокъ; къ сожалѣнію, почти всегда объ этихъ находкахъ узнается слишкомъ поздно, въ результатѣ чего бываетъ уничтоженіе, утрата и порча предметовъ или въ цѣломъ составѣ, или части ихъ.

Весной настоящаго года, при выемкѣ земли на Старомъ Городѣ, вблизи Золотыхъ Воротъ, была сдѣлана очень интересная находка. Какъ можно было узнать изъ разспросовъ, здѣсь найденъ скелетъ въ шлемѣ и панцырѣ, возлѣ котораго находились: мечъ, боевой топоръ, стремена, бляхи отъ пояса и нѣкоторые другіе предметы. Изъ всего этого удалось собрать лишь слѣдующіе. 1) Желѣзный мечъ, обоюдоострый, конецъ утерянъ; длина съ ручкой въ теперешнемъ видѣ 83 стм., длина ручки 17 см.; лезвее меча отдѣляется отъ ручки перекладиной, 11 стм. длины, верхъ ручки снабженъ массивной закругленной желѣзной шишкой; ручка обложена серебряной пластинкой, сплошь покрытой гравированнымъ орнаментомъ въ видѣ повторяющихся розетокъ; на верхней шишкѣ замѣтны слѣды сученой серебряной проволоки, которой вѣроятно была обтянута вся эта часть меча; ширина лазвея у рукоятки—5 $^1/_2$ стм.; повидимому посрединѣ лезвея шелъ желобъ. 2) Желѣзный боевой топоръ, съ длиннымъ и узкимъ лезвеемъ, на топорѣ замѣтны отпечатки матеріи, повидимому холста. 3) 15 серебряныхъ бляхъ, цѣлыхъ и въ кускахъ, серцевидной формы, 7 стм. дл. и 5 $^1/_2$ шир; на бляхахъ выбиты штампомъ розетки; углубленія штамповъ вызолочены; это, по всей вѣроятности, наборъ отъ пояса, на что указываютъ и придѣланные съ оборотной стороны шпиньки и остатки кожи при нихъ. 4) 15 сердцевидныхъ и 3 четыреугольныхъ небольшихъ бляшки, такой-же работы—наборъ отъ ремня. 5) Три стеклянныхъ шарика и игральная кость въ видѣ удлиненного четыреугольника, съ кружками на всѣхъ сторонахъ. Всѣ эти предметы относятся къ IX—X в., причемъ, мечъ и бляхи скорѣе всего восточнаго происхожденія; повидимому могила принадлежала кому-нибудь изъ видныхъ представителей кіевской дружины,—жаль, что не удалось ее обслѣдовать въ нетронутомъ видѣ.

—

Другая находка сдѣлана также на Старомъ Городѣ, въ Кіевѣ, какъ говорятъ на углу Мало Владимірской и Житомірской улицъ. Это—мѣдное блюдо X—XI в., 30 стм. въ діаметрѣ и 4 стм. глубиной. Средній кругъ блюда занятъ довольно грубымъ гравированнымъ изображеніемъ: посрединѣ, на подставкѣ, стоитъ Спаситель съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ и благословляющей правой; по бокамъ Спасителя два стилизованныхъ дерева, совершенно аналогичныхъ таковымъ-же на гробницѣ Ярослава. По ободку блюда идетъ греческая надпись: «Пріидите, ядите, сіе есть Мое тѣло, иже за вы ломимое во оставленіе»...—конецъ текста не умѣстился. Судя по изображенію и надписи, надо полагать, что блюдо было въ церковномъ употребленіи. Находки такого рода предметовъ очень рѣдки. (Блюдо поступило въ собраніе Б. И. Ханенко).

—

Недалеко отъ *м. Никополя*, Екатериносл. губ., крестьянинъ откопалъ въ курганѣ большой каменный гробъ съ какой-то надписью. Фотографія съ гроба послана въ Археолог. Комиссію, гробъ-же находится въ Никополѣ, при сельскомъ управленіи.

—

Приставомъ *г. Очакова* привезенъ въ Херсонъ, по словамъ газ. «Юга», *кладъ серебряныхъ монетъ*, найденный однимъ изъ рабочихъ, рывшихъ по распоряженію очаковской управы канаву на городской площади для спуска дождевыхъ водъ. По распоряженію г. губернатора, кладъ этотъ былъ разсмотрѣнъ хранителемъ губернскаго археологическаго музея В. И. Гошкевичемъ. Большой мѣдный турецкій кофейникъ доверху наполненъ монетами, величиною каждая немного больше нашего рубля. Всѣхъ монетъ 494, изъ нихъ 491 турецкая, а 3—австрійскія. Турецкія монеты—бешалыки, всѣ чекана 1487 г. по магометанскому лѣтоисчисленію, что соотвѣтствуетъ нашему 1773 г., въ которомъ вступилъ на престокъ султанъ Абдулъ-Гамидъ I (1773—1789); австрійскія монеты—талеры Маріи-Терезіи, всѣ 1780 г. Такимъ образомъ, кладъ этотъ зарытъ былъ, вѣроятно, въ послѣдніе годы Кара-Керменя (такъ назывался по-турецки Очаковъ), быть можетъ, именно во время послѣдней осады его русскими войсками. Зданіе очаковскаго собора, въ 18 саж. отъ котораго и найденъ кладъ, въ то время было мечетью, а вокругъ нея высились дома знатныхъ турокъ.

Музеи и собранія древностей.

Собраніе Украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Въ майской книжкѣ «Літературно-наукового Вістника» помѣщена очень интересная статья г. Немірича—«Музей Василя Тарновського», гдѣ вкратцѣ перечислено богатое содержаніе музея и подробно разсказано про тѣ мытарства, какимъ подвергся вопросъ о музеѣ въ Черниговскомъ земствѣ. Мы уже сообщали (см. «Лѣтопись» за февраль н. г.) объ окончательномъ рѣшеніи вопроса на послѣднемъ земскомъ собраніи; тамъ упоминалось и о неудачномъ выборѣ мѣста для музея. Изъ данной статьи теперь ясно, что, дѣйствительно, мѣсто выбрано совсѣмъ не подходящее: для музея предназначено одно изъ зданій сиротскаго дома, находящагося на краю Чернигова, на такъ наз. Бобровицѣ, такъ что посѣщенія музея будутъ сопряжены съ большой тратой времени. Вслѣдствіе этого, конечно музей не вполнѣ будетъ отвѣчать своему назначенію, какъ просвѣтительное учрежденіе. Кромѣ того, и самое зданіе, приспособляемое для музея, настолько мало, что едва-ли въ немъ можно размѣстить собраніе и въ теперешнемъ его составѣ, не говоря уже о дальнѣйшемъ пополненіи. На содержаніе музея управа (новаго состава) предложила ассигновать ежегодно по 800 руб., въ томъ числѣ жалованья хранителю музея 300 руб.,— какъ видимъ, сумма не большая, и авторъ статьи вполнѣ правъ, говоря, что за такую плату едва-ли можно будетъ найти хотя мало-мальски подходящее лицо для должности хранителя.

Намъ пришлось видѣть проектъ зданія, предназначеннаго для собранія В. В. Тарновскаго. Мы не можемъ не выразить удивленія по поводу стиля зданія—стиль готическій! Принявъ въ соображаніе, что этотъ стиль хорошъ лишь для монументальныхъ сооруженій, что въ приложеніи къ малымъ постройкамъ онъ требуетъ массы тонкихъ украшеній, широкой разработки деталей, и только при такихъ условіяхъ зданіе можетъ хотя отчасти удовлетворять художественнымъ запросамъ, станетъ понятнымъ, какъ будетъ выглядѣть небольшое зданіе музея, на постройку котораго ассигнована также очень небольшая сумма. Если къ проектированному зданію прибавить небольшую башенку съ куполомъ, то оно будетъ очень напоминать деревенскій костелъ, какихъ много можно встрѣтить напр. въ селахъ Царства

Польскаго,—какая тутъ связь съ музеемъ украинской старины—трудно объяснить...

—

Донской историческій музей. Музей открытъ въ Новочеркасскѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ благодаря, главнымъ образомъ, усиліямъ одного человѣка, страстнаго любителя донской старины—Х. И. Попова, которому начальникомъ края поручено храненіе и пополненіе коллекцій музея. Первая мысль объ устройсвѣ мѣстнаго музея возникла еще лѣтъ тридцать тому назадъ въ средѣ донского статистическаго комитета; не смотря на энергію бывшаго тогда секретаремъ комитета А. М. Савельева, не смотря также на открытіе затѣмъ въ области цѣлаго ряда цѣнныхъ археологическихъ находокъ, мысль о музеѣ не получила осуществленія. Вопросъ этотъ былъ снова поднятъ въ 1882 г., когда предполагалось организовать общество любителей донской старины, и въ 1884 г., когда вмѣсто общества предложено учредить архивную комиссію, но за отсутствіемъ средствъ, начинанія эти не привели ни къ чему.

Не смотря на всѣ эти неудачи, Х. И. Поповъ продолжалъ дѣло собиранія памятниковъ мѣстной старины и въ настоящее время возможно было учредить и открыть музей, обладающій разнообразными и цѣнными коллекціями: каменнаго, бронзоваго и другихъ доисторическихъ періодовъ, монетъ, христіанскихъ памятниковъ IX—XII в., донской старины (портреты, оружіе, жалованные предметы), каменныхъ бабъ, историческихъ документовъ и т. п. (Истор. Вѣстн.).

Разныя извѣстія.

Актъ въ Археологическомъ Институтѣ. 7 мая, въ спб. археологическомъ институтѣ состоялся торжественный актъ. Кромѣ учебнаго персонала института, собралось много членовъ и другихъ приглашенныхъ лицъ. Окончило въ настоящемъ году курсы 42 человѣка, которымъ и были выданы аттестаты и свидѣтельства на званія дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ. Директоръ института проф. Н. В. Покровскій прочелъ отчетъ о дѣятельности института въ истекшемъ 1899—1900 году. Изъ отчета видно, что количество слушателей достигло въ отчетномъ году небывалой еще цифры 294 (на двухъ

курсахъ). Въ число почетныхъ членовъ въ теченіи года избранъ оказавшій большія услуги институту, главнымъ образомъ въ устройствѣ художественно-археологической и иконографической выставки, профессоръ архитектуры А. А. Парландъ, Въ члены-сотрудники избрана первая женщина—Ю. Г. Гендуне. Число преподаваемыхъ предметовъ увеличилось славяно-русской археографіей. На XI археологиаескомъ съѣздѣ въ Кіевѣ находилось около 20 представителей института, принимавш..хъ участіе въ работахъ съѣзда. Раскопки въ истекшемъ, году производились членами и слушателями института близъ ст. Вруда, балтійской жел. дороги. Въ заключеніе проф. *Н. И. Веселовскій* сдѣлалъ сообщеніе *„О каменныхъ бабахъ“*. Эти загадочные памятники ставились нѣкогда на могильныхъ курганахъ; вопросъ о происхожденіи ихъ не опредѣленъ былъ до настоящаго времени. На основаніи нѣкоторыхъ письменныхъ памятниковъ проф. Н. И. Веселовскій предполагаетъ, что ставились эти „бабы“ или „мамаи“, какъ называютъ ихъ въ Крыму, первоначально турками.

—

О реставраціяхъ. Съ ноября прошлаго года художникъ А. А. Карелинъ предпринялъ въ Археологическомъ институтѣ рядъ рефератовъ объ основахъ реставраціи вообще и, въ частности, о реставраціи рукописей, монетъ, иконъ, картинъ, гравюръ, фресокъ, камней, тканей, дерева и памятниковъ зодчества, причемъ онъ поднимаетъ совершенно новый и важный вопросъ о примѣненіи къ реставраціоннымъ пріемамъ точныхъ научныхъ данныхъ, выработанныхъ въ послѣднее время фотографіей. До сихъ поръ вопросъ о реставраціи въ искусствѣ, археологіи и художественной промышленности составлялъ больное мѣсто, такъ какъ не только въ соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣтъ кафедры по этому предмету, но и въ литературѣ не имѣется ни одного сочиненія, указывающаго на научныя основы реставраціи, и примитивные способы реставраціи все еще составляютъ какъ бы профссіональную тайну немногихъ лицъ, а между тѣмъ реставрировать предметы искусства и древности приходится очень часто. Масса художественныхъ произведеній была испорчена благодаря неумѣлой реставраціи... Для насъ, въ виду интереса, пробудившагося среди публики и спеціалистовъ къ памятникамъ древне-русскаго искусства—вопросъ, поднятый г. Карелинымъ, получаетъ особенное значеніе: достаточно вспомнить теперешнюю реставрацію

Новгородскаго Софійскаго собора или произведенную недавно реставрацію собора св. Софіи въ Кіевѣ, гдѣ, между прочимъ, реставраторы умудрились изъ фигуръ четырехъ русскихъ князей сдѣлать изображенія святыхъ Вѣры, Надежды, Любви и Софіи! Кромѣ того, сколько рукописей и монетъ, съ почти совершенно изгладившимися начертаніями, лежатъ теперь непрочтенными, а сколько ихъ было уничтожено за безполезностью,—между тѣмъ, способы научной реставраціи, предлагаемые г. Карелинымъ, даютъ возможность прочесть даже самую безнадежную рукопись, буквы которой для человѣческаго глаза совершенно незамѣтны. Главнѣйшія основы новыхъ пріемовъ реставраціи: 1) фотографія, 2) законы линейныхъ и цвѣтовыхъ иллюзій, 3) теорія просвѣчиванія красокъ и 4) микроскопическое изслѣдованіе. Важная особенность этихъ пріемовъ состоитъ въ томъ, что не требуется производить надъ реставрируемыми предметами такихъ манипуляцій, какъ: подскабливаніе, подчистка и химическія реакціи, которыя обрекаютъ ихъ часто на вѣрную гибель; только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ подобнымъ манипуляціямъ. Предметомъ прочитанныхъ г. Карелинымъ докладовъ была реставрація рукописей. («Иск. и худож. пром.»).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вслѣдствіе ходатайства Полтавскаго общества сельскаго хозяйства, г. министромъ земледѣлія 12 февраля разрѣшено Обществу созвать въ г. Полтавѣ, въ текущемъ году, съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности. Съѣздъ будетъ происходить въ текущемъ году съ 7 по 17 сентября. За всякаго рода справками по дѣлу съѣзда обращаться въ Полтавское общество сельскаго хозяйства.

ПОЛОЖЕНІЕ

о съѣздѣ дѣятелей по кустарной промышленности въ г. Полтавѣ.

1. Съѣздъ устраивается Полтавскимъ обществомъ сельскаго хозяйства въ г. Полтавѣ въ текущемъ 1900 году, для обсужденія вопросовъ, указанныхъ въ программѣ его занятій.

2. Всѣ распоряженія по устройству съѣзда и распредѣленіе занятій его лежатъ на комитетѣ съѣзда, который состоитъ подъ предсѣдательствомъ г. президента Полтавскаго общества с. х., изъ членовъ правленія Общества и лицъ, избранныхъ Обществомъ. Доклады по вопросамъ, входящимъ въ программу съѣзда, доставляются въ комитетъ для предварительнаго разсмотрѣнія и напечатанія.

3. Въ съѣздѣ могутъ принимать участіе лица, занимающіяся кустарными промыслами, попечителя, устроители и руководители учебныхъ мастерскихъ по кустарнымъ производствамъ въ губерніяхъ: Полтавской, Черниговской, Харьковской, Курской, Кіевской, делегаты мѣстныхъ кустарныхъ комитетовъ и лица, служащія въ правительственныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, на обязанности коихъ лежитъ забота о кустарной промышленности.

Примѣчаніе. Комитету съѣзда предоставляется право принимать къ участію въ съѣздѣ, сверхъ указанныхъ въ настоящемъ пунктѣ лицъ, и тѣхъ, участіе которыхъ въ съѣздѣ комитетомъ признано будетъ полезнымъ.

4. Заявленія о желаніи принять участіе въ съѣздѣ подаются въ комитетъ не позже перваго дня съѣзда.

5. Лица, изъявившія желаніе участвовать въ съѣздѣ, уплачиваютъ членскій взносъ въ размѣрѣ 1 руб.

6. Съѣздъ открывается г. президентомъ Полтавскаго с. х. общ., который предсѣдательствуетъ также и въ общихъ собраніяхъ. На первомъ засѣданіи съѣзда избираются: товарищъ предсѣдателя и секретарь. Если бы по обстоятельствамъ дѣла оказалось необходимымъ распредѣлить занятія съѣзда на секціи, то предсѣдатели и секретари секціонныхъ засѣданій избираются предъ началомъ каждаго засѣданія.

Примѣчаніе. Допущеніе публичности занятій съѣзда предоставляется предсѣдателю общихъ собраній.

7. Занятія съѣзда состоятъ въ чтеніи и обсужденіи докладовъ по вопросамъ, входящимъ въ его программу, и въ постановленіи по нимъ заключеній.

8. Состоявшіяся на съѣздѣ постановленія передаются правленію Полтавскаго общества с. х., на которое возлагаются всѣ дальнѣйшія дѣйствія по осуществленію высказанныхъ на съѣздѣ предположеній.

9. Комитетомъ съѣзда издаются дневники съѣзда, которые безплатно раздаются членамъ съѣзда и представляются также въ отдѣлъ сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики М. З. и Г. И. Дневники печатаются съ разрѣшенія Полтавскаго общества с. х.

10. Труды съѣзда, по закрытіи его, печатаются, если правленіе Общества будетъ располагать необходимыми для этого средствами, и выдаются членамъ съѣзда за опредѣленную плату. Въ случаѣ отпечатанія трудовъ съѣзда, необходимое количество экземпляровъ ихъ представляется въ отдѣлъ сельской экономіи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

ПРОГРАММА

вопросовъ, подлежащихъ обсужденію областного съѣзда дѣятелей по кустарнымъ промысламъ.

1. Значеніе кустарныхъ промысловъ въ народномъ хозяйствѣ.

2. Мѣропріятія правительства и земства по развитію кустарныхъ промысловъ.

3. Организація кредита для кустарей. Скупщики и другіе торговые.

4. Отношеніе кустарныхъ промысловъ къ земледѣлію и отхожимъ заработкамъ.

5. Мѣры, могущія способствовать развитію кустарныхъ промысловъ. Организація труда въ кустарномъ производствѣ. Техническія улучшенія. Санитарно-гигіеническая обстановка въ кустарныхъ промыслахъ.

6. Виды кустарныхъ промысловъ, развитіе которыхъ возможно въ данномъ раіонѣ.

7. Спросъ на издѣлія кустарныхъ производствъ и значеніе ихъ для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія.

8. Рынки сбыта для кустарныхъ издѣлій даннаго раіона.

9. Снабженіе кустарей сырьемъ, орудіями производства и организація сбыта.

10. Значеніе и возможность примѣненія коопераціи въ области кустарныхъ производствъ.

манъ Рудольфа Штратца. Пер. съ нѣм. Н. К. Продолженіе. VI) Горнозаводскіе крестьяне во второй половинѣ XVIII вѣка.—В. И. Семевскаго. Окончаніе. VII) Опытъ оздоровленія деревни. П. Г. Гинзена. Окончаніе. VIII) Пересмотръ положенія о крестьянахъ.—А. В. Еропкина. Окончаніе. IX) Предложеніе Россіи объ ограниченіи вооруженій.—Гр. Л. А. Камаровскаго. X) М. С. Карелинъ, какъ историкъ гуманизма.—Н. И. Карѣева. XI) Анни Виванти. Статья Георга Брандеса. Переводъ съ датскаго.—В. С. XII) Ученая индустрія.—В. В. Шарвина. XIII) Межселенные передѣлы среди удѣльныхъ крестьянъ. — В. В. XIV) Нѣсколько замѣчаній о книгѣ И. Х. Озерова: «Главнѣйшія теченія въ развитіи прямого обложенія въ Германіи».—В. Гольцева. XV) Московское общество грамотности за первые три года его существованія. Эна. XVI) Очерки санитарной статистики. —П. И. Куркина. XVII) Въ защиту Гауптмана. По поводу переводовъ г. Бальмонта („Ганнеля и Потонувшій колоколъ").—Макс. Волошина. XVIII) Недавнее и врядъ-ли прошлое московской городской школы.—Стараго учителя. XIX) Алчущія руки.—Ив. Иванова. Продолженіе. XX) Письма о современномъ искусствѣ.—Я. А—ина. XXI) Внутреннее обозрѣніе. XXII) Иностранное обозрѣніе.—В. А .Г. XXIII) Библіографическій отдѣлъ. XXIV) Объявленія.

Подписная цѣна на 1900-й годъ (двадцать первый годъ изданія) съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи: 12 мѣс.—12 руб., 9 мѣс.—9 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб.; За границу: 12 мѣс.—14 руб., 9 мѣс.—10 руб. 50 к., 6 мѣс.—7 р., 3 мѣс.—3 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб. 25 коп.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го Апр., 1-го Іюля, 1-го Октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 к.

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Б. Никитская, Шереметевскій пер. д. гр. Шереметева 2—3 кв. 28.

Редакторъ-Издатель *В. М. Лавровъ*.

всякомъ случаѣ Лазаря Горленка по скопидомству"[1]) нельзя равнять съ сыномъ его Дмитріемъ, который по своему характеру былъ человѣкомъ совсѣмъ другого типа.

На мѣсто убитаго Горленка полковникомъ былъ назначенъ малозамѣтный Иченскій сотникъ **Иванъ Стороженко**. По семейному преданію,[2]) это былъ правобережный выходецъ, осѣвшійся въ Прилуцкомъ селѣ Ржавцѣ и, вѣроятно, тутъ гдѣ нибудь женившійся, причемъ, съ помощью новой родни, Стороженко могъ получить и Иченское сотничество. Трудно угадать причину, по которой Мазепа въ преемники Горленку выбралъ малозамѣтнаго сотника, особенно, когда незадолго передъ тѣмъ свободные полковничьи уряды были замѣщены такими видными людьми, какъ Лизогубъ, Гамалѣя, Дмитрашко-Раичъ, Солонина, Степанъ Забѣла....[3]) Казалось бы, что новопоставленный гетманъ и засимъ долженъ былъ искать на полковничьи уряды людей видныхъ и извѣстныхъ своею службою, а не безродныхъ какихъ то сотниковъ... Угадывая причину этого выбора, можно остановиться на *симоніи*, въ виду понесенныхъ Мазепою на Коломакѣ расходовъ... Есть свѣдѣнія, что выбранный Мазепою Стороженко былъ „скопидомъ"[4]), а при этой чертѣ характера онъ, конечно, могъ быть богатъ...

Стороженко пробылъ на полковничествѣ до своей смерти въ февралѣ 1692 г., т. е. болѣе четырехъ лѣтъ[5]). Въ 1690 г. Сто-

Ефросиніи) такъ какъ Лазарь во время своей женитьбы (второй) на послѣдней, былъ „худымъ пахолкомъ"... Достовѣрность этого показанія находится въ зависимости отъ времени, когда Г—ко женился во второй разъ.

1) У Де-Пуле, 67.

2) Кіевск. Стар., 1890 г., апрѣль, 169.

3) Тамъ-же, 1898 г., мартъ, 479.

4) Тамъ-же, 1890 г., апр., 169.

5) Хотя на портретѣ Стороженка, «полковника Прилуцкаго», (снимокъ его приложенъ къ апрѣльск. кн. Кіевск. Стар., за 1890 г.) годъ смерти его показанъ въ февралѣ 1693 г., но это ошибка, такъ какъ мы имѣемъ подлинный «листъ» на с. Щуровку Ив. Носу, выданный *полковникомъ Прилуцкимъ* Дмитріемъ Горленкомъ 19 іюля 1692 г. Или м. б. Ст—ко назывался «полковникомъ» и послѣ отставки...

роженко получилъ отъ Мазепы универсалъ на с. Ржавецъ, гдѣ уже и передъ тѣмъ онъ „скупалъ грунта". Сохранившійся Стороженка портретъ указываетъ какъ на его достатки, такъ и на извѣстную уже его цивилизацію, вѣроятно принесенную имъ съ праваго берега Днѣпра. Полковникъ Стороженко оставилъ одного сына Григорія, который былъ потомъ Иченскимъ сотникомъ.

Послѣ Стороженка Прилуцкимъ полковникомъ былъ назначенъ **Дмитрій Лазаревичъ Горленко**. Мы уже видѣли, что этотъ сынъ Лазаря былъ женатъ на дочери одного изъ братьевъ гетманши Самойловичъ, Захара Голуба. Это родство Горленка должно было, повидимому, отдалить его отъ Мазепы, такъ какъ родня Самойловича вообще подверглась преслѣдованію отъ его преемника. Ставъ гетманомъ, Мазепа немедленно лишилъ генеральнаго уряда младшаго брата бывшей гетманши—Константина Голуба, но къ старшему ея брату—Захару Голубу Мазепа былъ милостивъ: уже въ сентябрѣ 1687 г. былъ выданъ этому Голубу слѣдующій универсалъ: „маючи мы въ респектѣ нашемъ *невинность* п. Захарія Ивановича, беремъ его подъ нашу оборону, желая, чтобы онъ въ домѣ своемъ жилъ и хуторами своими владѣлъ свободно" [1])... Въ этой милости слѣдуетъ видѣть благорасположеніе Мазепы къ оставшейся послѣ Лазаря Горленка семьѣ. Вскорѣ затѣмъ Мазепа особенно приблизилъ къ себѣ младшаго Лазарева сына—Дмитрія. До 1692 г. Дмитрій Горленко не занималъ никакого уряда, а въ этомъ году получилъ прямо полковничій перначъ. Затѣмъ, особое благорасположеніе гетмана къ Горленку выразилось въ щедромъ надѣленіи его маетностями: въ 1697 г. даны были Горленку сразу три селà: Сергѣевка, Ковтуновка и Яблоновка, въ 1699 г.—с. Бѣлошапки, въ 1701 г.—с. Ярошовка, въ 1703 г.—Мамаевка, въ 1705 г.—Калюжинцы и Понори, въ 1706 г.—с. Вечорки, неизвѣстно когда—Хаенки и Ряски, да самолично взялъ Г—ко въ свою „державу" с.с. Мал. Дѣвичку и Моклячки [2]). Такимъ

[1]) Кіевск. Стар., 1885 г., май, 4.

[2]) Генер. слѣдствіе о маетностяхъ Прилуцк. полка, въ XI-й кн. Чтеній въ Общ. Нестора-лѣт., и подлинные универсалы на Мамаевку и Понори—въ собр. В. В. Тарновскаго.

образомъ, Дмитрій Горленко, пользуясь благорасположеніемъ гетмана, очень скоро сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ полковниковъ въ гетманщинѣ. На чемъ же основывалось это благорасположеніе Мазепы?—Дмитрій Горленко былъ однимъ изъ очень малаго числа его любимцевъ, которому, по отзыву современника, со стороны гетмана, ни въ чемъ не было отказа. Преемникъ Дмитрія по уряду—извѣстный Носъ, описывая отношенія послѣдняго къ Мазепѣ, говоритъ въ письмѣ къ Скоропадскому слѣдующее: Дмитрій Горленко „здобячи свои домы и распространяючися оными", гдѣ было какое годное къ пользѣ людской въ нашемъ полку мѣсто, все онъ своими хуторами позанималъ; а дѣлалъ это такимъ способомъ, что одному заплатитъ, а сотни людей неволею должны свое имущество оставлять; на свободныхъ степяхъ, которыя принадлежали прежде на урядъ полковниковъ Прилуцкихъ, Горленко настроилъ хуторовъ. И такое стѣсненіе сдѣлалъ онъ въ полку, что куда не глянешь—все его хуторá! И все-будто бы купленные, а купчія беретъ хочь и не рады продавать. Будучи многомогущимъ властелиномъ, Горленко чтò хотѣлъ, то и забиралъ. Не стѣснялся онъ ни въ чемъ, имѣя своего протектора и отца въ бывшемъ гетманѣ Мазепѣ, который „не видяй обиды людской", выдавалъ ему универсалы не только на всякіе грунта и маетности, *но выдалъ бы универсалъ „подуфалому своему сыну" и на цѣлый полкъ, на всѣхъ людей посполитыхъ и козаковъ, если бы только онъ, Горленко, попросилъ у Мазепы такого универсала*! Ни въ чемъ ему отказа не было!—Да и безъ такого универсала, Горленко распоряжался всѣми полчанами, какъ своими подданными: ибо защищая своихъ крестьянъ, которыхъ у него было *болѣе тысячи*, отъ работъ, онъ выгонялъ на свои полевыя работы разныхъ полчанъ, которые и должны были работать ему цѣлое лѣто. Всякій изъ насъ, кто только помнитъ „лядскихъ пановъ", долженъ признать, что Прилуцкіе полчане терпѣли гораздо большую мýку, работая на полковника, чѣмъ крестьяне „за пановъ лядскихъ". „Не мордовали такъ паны лядскіе своихъ подданныхъ и не забивали до смерти кіями, какъ полковникъ Дмитрій мучилъ мужиковъ и козаковъ..."

Письмо это писано Носомъ къ Скоропадскому по поводу милостей, оказанныхъ сыну Дмитрія Горленка—Андрею, вслѣдъ

за его возвращеніемъ (весною 1709 г.) отъ Мазепы къ царю, о которыхъ говорится ниже. Въ этомъ письмѣ Носъ сообщалъ гетману то, что, повидимому, было извѣстно не только Прилуцкому полку, но и всей гетманщинѣ. Если и есть преувеличенія въ этомъ сообщеніи, то въ общемъ оно должно рисовать картину вѣрную; уже одно количество данныхъ Мазепою Г—ку маетностей указываетъ, что это былъ „подуфалый сынъ" гетмана, которому послѣдній не отказывалъ въ его просьбахъ. Но—повторяемъ—гдѣ-же причина этого особаго расположенія Мазепы къ Дмитрію Г—ку, которое выражается не въ какой-нибудь короткій срокъ, а продолжается во все (1692—708) полковничество Г—ка?—Объ отношеніяхъ этого полковника къ Мазепѣ, кромѣ приведенныхъ свѣдѣній, имѣется еще одно извѣстіе Орлика, въ извѣстномъ его письмѣ къ Яворскому (Основа, окт., 1862 г.); это извѣстіе относится къ позднѣйшему времени, когда у Мазепы, повидимому, уже обозначился планъ его замысла. Въ это время у него были уже и конфиденты по этому замыслу, при чемъ между послѣдними, по словамъ Орлика, Апостолъ и Горленко занимали главное мѣсто; „паче иныхъ" эти два полковника, говоритъ Орликъ, „до Мазепы дерзновеніе имѣти", при чемъ однажды Г—ко, обращаясь къ Мезепѣ, произнесъ будто бы такую тираду: „якъ мы за душу Хмелницкого всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украину отъ ига лядского свободилъ, такъ, противнымъ способомъ, и мы, и дѣти наши, во вѣчные роды, душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ за гетманства своего, по смерти своей, въ такой неволи зоставишъ!"—Почти съ такимъ же восклицаніемъ, по словамъ Орлика, обратился тогда же къ Мазепѣ и Апостолъ: „Очи всѣхъ на тя уповаютъ, и не дай Богъ на тебя смерти,—мы останемся въ такой неволѣ, что и куры насъ загребутъ!". Слѣдуетъ думать, что въ этихъ словахъ двухъ самыхъ близкихъ къ Мазепѣ полковниковъ—слышится не *поддакиванье* прислужниковъ своему властелину, а самостоятельное единомысліе дружинниковъ съ ихъ предводителемъ. Но дѣло въ томъ, что Апостолъ и Горленко—это были совсѣмъ различные люди. Если Горленко, по своей природѣ, былъ стяжатель, и стяжатель настойчивый, то объ Апостолѣ, по сохранившимся свѣдѣніямъ,

нужно заключать совсѣмъ противное... Однако-жъ оба они одинаково мыслили въ своихъ политическихъ гаданіяхъ съ своимъ гетманомъ и за это единомысліе, полагать нужно, и были ему любезны и были съ нимъ смѣлы—до *дерзновенія*... Но Мазепа цѣнилъ гораздо больше Г—ка, чѣмъ Апостола, чему причиною, вѣроятно, было то, что Г—ко будучи по своей природѣ стяжателемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ обладать и сильною волею, которой у Апостола, при его добродушіи, могло и вовсе не быть... Очень могло случиться, что за эту волю, за этотъ *характеръ* Мазепа и цѣнилъ, и приближалъ къ себѣ Г—ка. Такъ, впрочемъ, можно лишь догадываться, такъ какъ слишкомъ бѣдны наши свѣдѣнія о личныхъ свойствахъ гетманскихъ совѣтниковъ втор. полов. XVII вѣкя. Но о Горленкѣ несомнѣнно знаемъ, что это былъ настойчивый стяжатель, который заручившись благорасположеніемъ гетмана, безбоязненно угнеталъ своихъ полчанъ и собиралъ богатства. Въ этомъ отношеніи, кромѣ свидѣтельства Носа, у насъ есть и другое вѣское свидѣтельство—объ открытомъ присвоеніи Горленкомъ городскихъ доходовъ Прилуки. [1]) Изыскивая способы къ увеличенію своихъ стяжаній, Г—ко придумалъ, между прочимъ, совсѣмъ новую статью доходовъ. Извѣстно, что крестьянство нѣкоторыхъ селъ на Украинѣ подчинялось („прислушало“) сотеннымъ ратушамъ, исполняя при этомъ общественныя повинности (подводную, квартирную и проч). Вотъ, Г—ко и придумалъ освобождать въ такихъ селахъ *богатыхъ* крестьянъ отъ этихъ повинностей за плату въ его пользу чинша, размѣръ котораго опредѣлялся погодно. Такимъ образомъ явились при Г—кѣ въ полку—„полковничьи чиншевики“. Что эта статья дохода измышлена была Г—комъ, это доказывается указаніемъ послѣдующаго Прилуцкаго полковн. Игната Галагана. [2]) Полковничьи чиншевики продолжали существовать и при преемникѣ Г—ка — Носѣ, и позже. Въ 1713 г., въ Прилуцкомъ полку, показано было до 30-ти дворовъ „посполитыхъ людей, якіе такъ жадныхъ тяглостей, яко и мѣсячного

---

[1]) См. ниже—описаніе г. Прилуки.

[2]) См. ниже—о дѣятельности Игн. Галагана.

датку не выстачаючи, чиншъ полковникови даютъ". [1]) Вѣроятно, при Горленкѣ ихъ было больше...

Какъ извѣстно, Дмитрій Г—ко перешелъ съ Мазепою къ шведамъ въ числѣ лишь незначительнаго числа полковниковъ, да и изъ нихъ нѣкоторые скоро потомъ вернулись къ царю. Вѣрными Мазепиному замыслу остались только два полковника: Зеленскій (Лубенскій) и Горленко. Послѣ бѣгства Мазепы въ Бендеры, Г—ко оставался въ Турціи до 1715 г.; только послѣ смерти Мазепы Горленко сталъ дѣлать попытки къ возвращенію на родину, при чемъ видимо надѣялся на прощеніе за свои вины, хотябы и неполное. Удача сына его Андрея, при возвращеніи „отъ измѣнничьей стороны" къ царю, окрыляла надеждою и отца.

У Дмитрія Горленка было два сына; оба они учились въ Кіевѣ, въ „латинскихъ школахъ"; по окончаніи ученія, младшій сынъ постригся въ лаврѣ монахомъ, а старшій Андрей вернулся къ отцу, женился здѣсь на одной изъ дочерей Миргородскаго полковника Апостола и сталъ служить „подъ бунчукомъ." Гетманское благорасположеніе къ отцу отражалось и на сынѣ: въ 1707 г. этому сыну Мазепа далъ населенную маетность (село Вел.-Дѣвицу), не смотря на то, что никакихъ „службъ" за молодымъ Г—комъ не было и быть не могло.

Будучи тѣсно связанъ узами родства и свойства съ двумя ближайшими наперстниками Мазепы, Андрей Г—ко перешелъ вмѣстѣ съ ними къ шведамъ. Но тесть Г—ка скоро распозналъ химеру Мазепинаго замысла и очень ловко устроилъ свое возвращеніе къ царю. [2]) Вслѣдъ за Апостоломъ вернулся къ царю и зять его, разсказывавшій объ этомъ возвращеніи слѣдующее: „Хотя я, нижайшій, и по крайней нуждѣ принужденъ былъ обрѣтатись въ неволѣ при отцѣ и матцѣ своей и свойственникахъ, въ сторонѣ противной его императ. величества, однако устороживши измѣнника Мазепы хитрость и измѣну, оставя отца и матерь и свойственниковъ, самъ только съ женою, зъ тоей непріятельской стороны увойшолъ, на масля-

---

[1]) Ревизія Прилуцк. полка 1713 г., въ б—кѣ Кіевск. Археогр. Коммиссіи, № 392.

[2]) См. Кіевск. Стар. 1895 г., іюль-авг., 101.

ницѣ въ 1709 году. И за возвращеніемъ, когда я прибылъ къ тестю своему, полковнику Миргородскому, въ мѣстечко Голтву, то онъ, тесть, заразъ меня оттоля послалъ до его имп. величества; и я не могучи въ пути достигнуть, пріѣхалъ въ Воронежъ и тамъ былъ представленъ предъ лице его в—ва и пріятъ милостиво, и получилъ жалованье сто рублей. И при томъ дано мнѣ отъ свѣтлѣйшого князя (Меншикова) письмо, по именному указу его величества, до гетмана Скоропадского.“ [1]) А гетману Меншиковъ написалъ: „которыя ни есть на Украинѣ отца его Анрея и его самого маетности—всѣ отдать ему“. Эту несказанную милость царя къ сыну Димитрія Г—ка слѣдуетъ объяснить желаніемъ приласкать Апостола, пользовавшагося общимъ расположеніемъ на Украинѣ и, конечно, имѣвшаго въ это время больше значенія, чѣмъ новопоставленный преемникъ Мазепы... Исполняя распоряженіе Меншикова, Скоропадскій выдалъ слѣд. универсалъ: „Хочай за сообщеніе полковника Прилуцкого Дмитрія Г—ка къ непріятельской сторонѣ—отдалилисмо маетности его отъ него, однако, когда сынъ его, мененного полковника, п. Андрей Г—ко отъ сторони измѣнничои отторгнувшися и оставивши отца своего, повернулся къ своимъ дѡбрамъ, гдѣ освѣдчивши вѣрность свою, обѣщался и умрети за достоинство монарше, щире и постоянно застановляючись противко непріятелской сторони, того ради утверждаемъ ему села и грунти.“ [2]) Извѣстіе о царской милости къ Андрею Г—ку произвело въ средѣ Прилуцкой старшины большое смятеніе. Въ этотъ моментъ Носъ, только что ставшій Прилуцкимъ полковникомъ, и обрисовалъ личность своего предшественника въ письмѣ, отрывокъ изъ котораго приведенъ выше. Прилуцкая старшина не допускала мысли, чтобы маетности измѣнившаго царю полковника отданы были его сыну, и притомъ сыну, который тоже присоединялся къ „измѣнничьей сторонѣ“. Особенно волновался Носъ, писавшій къ гетману: „извѣщаю, что если п. Андрей съ прошлою властью до своего повернется дому, то не только я съ своего полковницкого уряду, але и всѣ мѣщане (горожане) наши знач-

---

1) Вѣстн. Европы, 1872 г., май, 69.

2) Тамъ-же.

ніе, и наиподлѣйшіе люди—съ жилищъ своихъ уступити мусятъ..." Сообщая затѣмъ, что Андрей Г—ко, смотря на отца, и самъ не меньше угнеталъ Прилуцкихъ полчанъ („да и самъ п. Андрей не едныхъ людей боемъ своимъ припровадилъ до калѣцства и смерти"),—Носъ продолжаетъ: „И какого ждать намъ сосѣда изъ п. Андрея, который склонялъ генерала Крейца (шведа), чтобы всѣхъ людей въ Прилукѣ вырубить, на томъ основаніи, что, кромѣ ихъ Горленковскаго дома, больше нѣтъ въ городѣ пріятелей шведамъ. ...Мы всѣ хочемъ просить ясневельможность вашу, чтобы маетности бывшого полковника были возвращены обѣднѣвшему и разоренному нашему полку; „а до того и мнѣ, сего неспокойного часу, мешкаючи вотще на полковничомъ урядѣ и подручнымъ моимъ новопоставленнымъ, безъ якой колвекъ награды, не будетъ охоты до услугъ и працъ войвойсковыхъ ложеня, ежели п. Андрей свои и отцовскія посядетъ маетности [1])".

Разумѣется, Скоропадскій не могъ измѣнить приказаній, данныхъ свыше. По универсалу 29 мая 1709 г. Андрей Г—ко получилъ: Дубовый Гай, Сергіевку, Бѣлошапки, Яблоновицу и тѣ хутора, которые устроилъ отецъ ея на „купленныхъ грунтахъ". Но Носъ не хотѣлъ помириться съ возстановленіемъ земельныхъ богатствъ Горленковъ, разумѣется надѣясь захватить изъ числа ихъ хорошую долю для себя лично. Увидѣвъ безсиліе гетмана, новый полковникъ пробовалъ лично расправиться съ Г—комъ, который впослѣдствіи разсказывалъ, какъ преслѣдовалъ его Носъ: „въ 1710 г., небожчикъ (покойный) полковникъ Прилуцкій Иванъ Носъ, *по своей на меня тогда злобѣ и завзятости*, ругалъ меня, въ дому Михайла Огроновича, какъ самъ хотѣлъ, а потомъ билъ и пробилъ голову; за то безчестье и побои, жаловался я гетману и, по его приказанію, былъ сдѣланъ розыскъ, и Носъ былъ обвиненъ: и приказалъ было гетманъ Носу „погодить" (удовлетворить) меня и возвратить мнѣ проторы и убытки, счетомъ сто червонцевъ; но отдалъ мнѣ Носъ только 57 червонцевъ"... [2]) Вообще, послѣ такихъ нео-

---

[1]) Русск. Арх. 1875 г., II, 253.

[2]) Интересно, что присужденные съ Носа Андрею Г—ку сто червонцевъ слагались изъ тѣхъ взятокъ, которыя послѣдній долженъ

жиданныхъ милостей, какія получилъ Г—ко послѣ своего возвращенія отъ Мазепы, ему потомъ пришлось испытать большія бѣды. Кромѣ полученныхъ оскорбленій отъ Носа, Андрей Г—ко „явился въ немалой причинѣ и подозрѣніи" за сношенія съ своимъ отцомъ, остававшимся съ Карломъ XII въ Бендерахъ, и вытребованъ былъ въ Москву, гдѣ обѣщали ему впрочемъ жизнь „безъ утѣсненія" [1]). Возвращенныя маетности остались безъ защиты, чѣмъ и поспѣшили воспользоваться его враги. Въ это время гетманша Скоропадская устраивала Гамалѣевскій монастырь (въ Глуховск. у.), который желала надѣлить, по тогдашнему обычаю, и маетностями. Явились совѣтники, въ числѣ которыхъ могъ быть и Носъ, и посовѣтовали гетманшѣ воспользоваться для этого маетностями отсутствующаго Андрея Г—ка и надѣлить новый м—рь именно этими маетностями. Для большей прочности этого дѣла, употреблена была особая хитрость. Въ универсалѣ Скоропадскаго (1 дек. 1713 г.) объ этомъ надѣленіи монастыря маетностями говорилось слѣдующее: „Давно уже малжонка (жена) моя п. Анастасія Марковна, за нашимъ совѣтомъ и согласіемъ, положила въ своемъ намѣреніи обѣтъ создать своимъ коштомъ дѣвичій м—рь... А нынѣ, желая обѣтъ

былъ раздать въ Глуховѣ за судъ его съ Носомъ, при чемъ дано было Г—комъ: самому Скоропадскому 30 червонц., двумъ бунчук. товарищамъ, Тарновскому и Полуницкому, (вѣроятно, производившимъ «розыскъ») по 30 червонц., генер. писарю Семену Савичу—4 червонца, гетманскому шурину Андрею Марковичу 6 червонц. Изъ присужденныхъ Г—ку съ Носа ста червонц. «проторовъ и убытковъ», 57 червонц. были взысканы уже послѣ смерти Носа, который вѣроятно не подчинился рѣшенію гетманскаго суда. Сохранилась записка Скоропадскаго, писанная въ 1716 г., къ вдовѣ Носа, въ которой гетманъ грозно приказываетъ послѣдней «нагородить» Г—ка,— «крайне сей нашъ листъ, пишучи до вашмости, пилно желаемъ и приказуемъ, абы вмть теперь помянутіе червоніе ему п. Г—ку отдала. Кгди-жъ, если не отдаси, то зъ болшою будетъ вмти турбаціею, когда повелимо оному (т. е. Г—ку) за тое грунтъ якій вмтинъ взяти въ арештъ». Но и такія угрозы не дѣйствовали, такъ какъ Г—ко и въ 1729 г. повторялъ, что кромѣ 57 червонц. онъ больше съ вдовы Носа не поподучалъ. См. Русск. Арх. 1875 г., II, 254.

[1]) Матеріалы для Отечеств. Исторіи, Судьенка, II, 165.

тотъ свой привести въ исполненіе... млины и прочіе грунта м—рю тому покупала на собственныя деньги, а также отдала и *собственный свой отческій хуторъ Дубогаевскій съ людьми, тамъ-же на купленныхъ грунтахъ поселенными, съ приселками къ тому хутору принадлежащими, какъ то: Яблоновцемъ, Бѣлошапками, Деймановкою, Сергіевкою* и двумя Дѣвичками, и просила насъ тѣ грунта на обитель подтвердить"...[1]) Такимъ образомъ, скрывая то обстоятельство, что на монастырь отбираются чужія маетности, Скоропадскіе называютъ ихъ здѣсь „приселками" собственнаго Настасьи Марковны Дубогаевскаго хутора, который въ дѣйствительности былъ не хуторъ, а тоже село—Дубовый Гай, принадлежавшее вмѣстѣ съ Сергіевкою, Бѣлошапками и Яблоновицею, Андрею Г—ку. Названы были эти маетности *приселками* гетманши для того, чтобы легче было монастырю получить на нихъ царскую грамоту, которая уже безповоротно должна была закрѣпить ихъ за монастыремъ. Обыкновенно, при выдачѣ такихъ грамотъ коллегія иностранныхъ дѣлъ наводила справки о свободности жалуемыхъ маетностей; но здѣсь никакихъ селъ названо не было, а указывались лишь „приселки", принадлежавшаго гетманшѣ хутора. Выдача грамоты зависѣла отъ Головкина, который получивъ на Украинѣ въ 1709 г. Роменское мѣст. Константиновъ съ селами, иначе Скоропадскаго и не называлъ, какъ своимъ „благодѣтелемъ", а потому гетманскій универсалъ на „Дубогаевскій хуторъ съ его „приселками"—дословно былъ подтвержденъ царскою грамотою черезъ два мѣсяца послѣ его выдачи (25 янв. 1714 г.) Тогда-же гетманъ постарался перевести въ другое владѣніе и укрѣпленную за Горленкомъ царскою грамотою Ольшану: въ 1713 г. село это было отдано гетманомъ Шереметеву, отъ котораго оно возвратиться Горленкамъ конечно уже не могло... Такимъ образомъ Андрею

---

[1]) Опис. Стар. Малороссіи, II, 351. Впрочемъ, въ числѣ земель отданныхъ Гамалѣевскому м—рю, по универсалу 1713 г., была часть и скупленная гетманшею Скоропадскою въ с. Дубовомъ-Гаю, Сергіевкѣ и Бѣлошапкахъ. Наибольшее количество земель скуплено было здѣсь Скоропадскою въ 1714 г., т. е. уже послѣ выдачи м—рю универсала. Купчія на эту «скуплю» мы видѣли у Н. П. Василенка.

Г—ку преграждены были пути къ возвращенію отцовскихъ маетностей...

Поправились дѣла молодого Г—ка только въ 1727 г., когда гетманомъ сталъ его тесть, поспѣшившій тогда-же надѣлить зятя, взамѣнъ потерянныхъ, новыми маетностями [1]).

Старый Горленко, Дмитрій, оставался въ „Волощинѣ" до 1715 г. Хлопоталъ онъ и раньше о возвращеніи на родину, причемъ у него были и сильные предстатели, но не смогли и они выхлопотать у царя Г—ку свободнаго возвращенія на Украину.—„О полковникѣ бывшемъ Прилуцкомъ Горленкѣ съ его компаніею—инако не возмогли у его ц. величества исходатайствовать кромѣ того, что изволилъ указать имъ (Горленку и его „компанія") нынѣ жити въ Москвѣ, а не въ Украинѣ". Такъ писалъ Шафировъ къ какому то сіятельному предстателю за Горленка, при чемъ добавлялъ: „но въ томъ, ваше с—во, можете ихъ вѣрно ассекуровать, что оные всесовершенно и весьма отнюдь ни въ чемъ истязаны не будутъ и останутся въ здравіяхъ ихъ цѣлы; такожъ и съ Москвы никуда не пошлются, но будутъ имѣть пребываніе въ оной, и ѣхали-бъ безъ всякаго сумнительства. И тако, могутъ оные пребываніе свое имѣть свободно. Но что оный Г—ко упоминался о маетностяхъ своихъ, чтобы паки были ему возвращены, на то его величество нынѣ не соизволилъ; однакожъ и изъ оныхъ могутъ впредь на пропитаніе что получить, а нынѣ всего сдѣлать невозможно" [2]). При такихъ обѣщаніяхъ вернулся Дмитрій Г—ко на родину въ 1715 г.—Тяжелыя воспоминанія должны были наполнить душу когда-то властнаго полковника, а теперь—стараго и бѣднаго „знатного товариша войскового", какъ стала Г—ка съ этого

---

[1]) См. Русск. Арх. 1875 г. II, 256. Вслѣдъ за поставленіемъ Апостола въ гетманы, Андрей Г—ко началъ было процессъ съ гетманшею Скоропадскою за отнятыя на Гамалѣевскій м—рь маетности, но выиграть этого дѣла не могъ. См. Вѣстн. Евр. 1872 г., май, стр. 84., гдѣ Де-Пуле говоритъ, что будто-бы процессъ этотъ кончился полнымъ торжествомъ Андрея Гарленка, хотя изъ имъ-же приведенныхъ фактовъ ясно видно, что процессъ кончился «полнымъ торжествомъ» Скоропадской...

[2]) Вѣстн. Евр. 1872 г., май, 71.

времени именовать гетманская канцелярія... Естественно было Г—ку подъ этими впечатлѣніями заболѣть горячкою, которая впрочемъ дала ему возможность задержаться на Украинѣ лишніе мѣсяцы... Гетманъ справлялся о болѣзни Г—ка и торопилъ его ѣхать въ Москву. Вотъ любопытное письмо Скоропадскаго, писанное къ Г—ку по этому поводу.—„Мой ласкавій пріятелю п. Горленку! Повернувшійся зъ Прилуки, посиланній до вашей м—ти капитанъ учинилъ намъ такую реляцію, же в. м., слава Богу, одъ болѣзни горячки получилъ ослабу, только на ногу болѣзнуешъ, для которой любо зъ трудностю в. м. зъ мѣстца заразъ рушитися. Однакъ пилно жадаемъ, абысь в. м., разсуждаючи умедленное монаршого ц. пресв. величества указу исполненіе, не наволѣкъ на себе въ томъ гнѣву и на насъ пороку. И якъ возможно, положивши въ далшой своего здоровя поправѣ надежду на Господа Бога, немедленно пріѣзжай къ намъ въ Глуховъ для отъѣзду къ Москвѣ" [1]). Письмо это Скоропадскій писалъ въ томъ-же 1715 г.; въ этомъ же, видимо, году Г—ко отправился въ свою безсрочную ссылку „на Москву". Прожилъ Г—ко въ этой ссылкѣ до 1731 г., когда, наконецъ, ему разрѣшено было вернуться въ родную Прилуччину, гдѣ оставалась, во все время ссылки, его жена [2]). Жена его жила здѣсь въ х. Чернявщинѣ, владѣя нѣсколькими другими хуторами и водяными мельницами. Отсюда она снабжала своего мужа-поселенца разнымъ „провіантомъ", при чемъ нерѣдко должна была дѣлать займы, при чемъ задолжала напр. Густынскому м—рю 3550 золотыхъ [3]).

Вернувшись на родину, Г—ко посиѣшилъ написать (въ августѣ 1731 г.) завѣщаніе и, повидимому, очень скоро послѣ этого умеръ. Въ завѣщаніи Г—ка читаемъ: „Будучи не такъ глубокою многихъ лѣтъ старостію, яко тяжкимъ многихъ тру-

[1]) Тамъ-же, стр. 73.

[2]) При отпускѣ Г—ка изъ Москвы, съ него взято было любопытное обязательство («реверсъ»), что онъ живя въ Малой Россіи, «никакого уряду себѣ искать и принимать не будетъ» и «съ измѣнниками изъ малороссіянъ, съ Орликомъ и другими, и съ запорожцы, никакихъ сообщеній чинить не будетъ». Русск. Арх. 1875 г., II, 251.

[3]) Вѣстн. Евр. 1872, май, 86.

довъ и клопотовъ претрудненній бременемъ, и желаючи того да смерть, аки тать, спящи ми сномъ небреженія, не подкопаетъ храмини тѣла моего и не похититъ внезапу сокровища живота моего, бодрость мою и безсонное бдѣніе симъ требующому вѣдать предъявляю"... Небольшое имѣніе, которое оставалось у Г-ка въ это время, онъ подѣлилъ такъ: „первородному" сыну Андрею завѣщалъ тѣ грунта̀, „якіе отъ раздачи разнымъ особамъ остались", а тѣ земли, „до которыхъ сподъ арешту Московского милостивымъ указомъ въ домъ свой былъ отпущенъ", онъ оставляетъ женѣ, особенно заботясь—какъ-бы лучше обезпечить ей покойную старость, при чемъ поручалъ ее „заступленію" генер. обозназо Якова Лизозуба, яко коллегіата" своего, Прилуцкаго протопопа Лисаневича и родичей: Акима Горленка и Павла Раковича, которыхъ просилъ: „дабы доколь панѣ малжонка моя въ живыхъ обрѣтатимется, отъ ненавидящихъ и обидящихъ ея имѣли свое заступленіе". „На поминъ души" своей Г—ко оставлялъ немного, потому что самъ имѣлъ мало,—всего только 1480 „золотыхъ" (около 300 рубл.); изъ нихъ 1000 зол. на Печерскую лавру, по 100 зол. на монастыри Густынскій и Ладинскій, 100 зол. на Прилуцкія церкви, 50 зол.—нищимъ, 30 зол.—духовному отцу и 100 зол. на погребеніе. Похоронить себя Г—ко завѣщалъ „въ обители святой Густынской, при гробахъ родителей".

Повидимому, Дмитрію Г—ку пришлось испытать всякаго горя болѣе чѣмъ кому нибудь другому изъ мазепинцевъ и, главнымъ образомъ, потому что „фортуна" ужъ очень благоволила къ нему раньше. Наживъ огромное по тогдашнему богатство въ короткое время, Г—ко растерялъ его не за „измѣну", а по ухищреніямъ своихъ же бывшихъ „коллегіатовъ", которые не могли забыть его прежней силы и мстили ему за эту силу.

Преемникомъ Димитрія Горленка былъ **Иванъ Носъ,** отецъ котораго въ 1678 г. былъ городовымъ атаманомъ въ м. Носовкѣ, Кіевскаго полка. Иванъ Носъ, по преданію, провелъ молодость въ Запорожьи, оставивъ которое и выйдя въ „города̀", Носъ пристроился въ Прилуцкомъ полку; пристроился онъ тутъ, женившись на вдовѣ правобережнаго выходца Ивана Бѣлецкаго, Настасьѣ, родной сестрѣ Семена Раковича, который былъ—и

Прилуцкимъ полковымъ писаремъ, и зятемъ Лазаря Горленка. Это родство и свойство, конечно, и дали бывшему запорожцу возможность выдвинуться въ первые ряды полковой старшины. Впрочемъ, природная ловкость Носа тутъ тоже очень ему помогала. Сначала (въ 1672 г.) встрѣчаемъ Носа на незначительномъ урядѣ городового атамана; затѣмъ, въ 1676 г., онъ, не занимая уже этого уряда, тѣмъ не менѣе, оставался настолько замѣтнымъ человѣкомъ, что обозначается на „урядовыхъ" актахъ въ числѣ „зацныхъ" лицъ [1]). А менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ этого, въ апрѣлѣ 1677 г., Носа видимъ *полковымъ обозным* [2])... Такое необычное повышеніе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что Носъ могъ принимать близкое участіе въ дѣлѣ низложенія Горленка, при чемъ урядъ обознаго могъ быть ему наградою за это участіе... Способность Носа къ интригѣ и умѣніе пользоваться обстоятельствами—видны и изъ его участія въ томъ событии на Коломакѣ, послѣдствіемъ котораго было низложеніе Самойловича и поставленіе Мазепы. Въ это время Носъ почему то былъ уже только полковымъ есауломъ. Участіе Носа въ веденной Мазепой на Коломакѣ интригѣ видно изъ того, что черезъ мѣсяцъ послѣ полученія булавы, новый гетманъ выдаетъ Носу универсалъ на Голубовку. Это былъ фактъ необычный, потому что маетность давалась незначительному уряднику тогда, когда еще и полковники рѣдко получали такія маетности; кромѣ того, маетность давалась Носу Мазепою въ первый мѣсяцъ его гетманства, когда онъ далъ ихъ не болѣе десяти—или тѣмъ, кто ему помогалъ на Коломакѣ, или тѣмъ—кого ему нужно было немедленно приласкать [3]). Несомнѣнно,

---

[1]) Въ актѣ 23 мая 1676 г. читаемъ: «Передо мною Лазаремъ Горленкомъ, полк. е. ц. пр. вел. В. Запор. Прил., при бытности при мнѣ Івана Маценка, судии п. Прил., Семена Висоцкого, атамана городового Прил., *Івана Носа, козака, товариша нашего войскового,* и инших не мало при томъ будучихъ»...

[2]) «Предо мною Іваномъ Маценкомъ, полковникомъ Войска е. ц. пр. вел. Запор., Прил., при бытности Василя Себестияновича, судіи, Хведора Молчана, асаула, *Івана Носа, обозного,* рейментаровъ полку Прилуцкого...» Актъ 14 апрѣля 1677 года. Оба акта въ нашей б—кѣ, *въ сборникѣ бумагъ Якубовичей.*

[3]) См. Кіев. Стар. 1898 г., мартъ, 484. Особымъ вниманіемъ, оказаннымъ въ это время Мазепою Носу, слѣдуетъ объяснить и гетманскій универсалъ, выданный тогда же вдовѣ Семена Раковича, на

что Носъ на Коломакѣ—чѣмъ нибудь особенно прислужился Мазепѣ, чѣмъ и заслужилъ такую большую награду... Но очень скоро послѣ этого Носъ почему то потерялъ свое есаульство и снова обратился въ рядового войсковаго товарища. Но. какъ видно, Носъ успѣлъ очень скоро снова выслужиться передъ Дмитріемъ Горленкомъ, который, получивъ Прилуцкое полковничество въ 1692 г., въ томъ же году лично даетъ Носу новую маетность... Въ „листѣ" Горленка читаемъ: „ознаймуемъ нашимъ писанемъ, ижъ респектуючи мы на давніе услуги въ Войску Запорозскомъ роненние пана Ивана Яремовича Носа, *значного товарища войскового*, надаемъ оному селце Щуровку, въ ключи Иваницкомъ найдуючеся, позволяючи зъ оного селця всякими приходячими пожитками корыстовати, до якого абы уже войтъ Иваницкій болше жадного не мѣлъ дѣла, пилноваруемъ того. Тако жъ войтъ зъ мещанами вышменованного селца Щуровки, абы належитое ему преречоному пану Носовѣ отдавалъ послушенство, пилно мѣти хочемъ и приказуемъ" [1]). Этотъ полковничій „листъ" останавливаетъ на себѣ еще бóльшее вниманіе, чѣмъ гетманскій универсалъ 1687 г. на Голубовку: далъ его полковникъ тогда, когда такихъ „надачъ" полковники еще не производили и далъ лицу, не занимающему никакого уряда, а только—войсковому товарищу. Можно думать, что и „надача" Щуровки была наградою за какую нибудь особую услугу Носа; быть можетъ Горленко благодарилъ Носа за помощь въ полученіи полковничества, которое было Горленку дано послѣ смѣ-

---

сестрѣ котораго былъ женатъ Носъ. *Тамъ же*. Въ генер. слѣдствіи о маетн. Прилуцк. полка (Чтенія въ Общ. Нестора Лѣтоп., кн. XI) говорится, что Голубовка была отдана Ив. Носу еще въ 1679 г., тогдашнимъ Прилуцкимъ полковникомъ Чернявскимъ... Мож. быть Чернявскій и позволялъ Носу «до ласки» пользоваться Голубовкою (фактъ мало вѣроятный), но универсалъ на это село Носъ получилъ отъ Мазепы 25 августа 1687 г., какъ это видно и изъ подтвердительной царской грамоты на Голубовку, выданной Носу въ 1692 г.

[1]) Подлинникъ въ нашей б—кѣ. Интересно въ этомъ «листѣ» названіе Носа, кромѣ его прозвища, еще и отцевскимъ именемъ, чего въ Старой Малороссіи, а особенно въ XVII в., не водилось. Быть можетъ, Яремовичемъ Носа называли «поуличному», почему полковникъ нашелъ нужнымъ упомянуть и объ этомъ его прозвищѣ.

щенія Стороженка... Засимъ, Носъ скоро опять получилъ полковой урядъ и уже высшій—урядъ судьи; на этомъ урядѣ видимъ его въ 1695 г., когда данъ былъ ему Мазепою подтвердительный на Щуровку универсалъ:—„просилъ насъ п. Иванъ Носъ, судія полковой Прилуцкій, о надане и потвержене села Щуровки, а показывалъ намъ и листъ п. полковника Прилуцкого на тое селце себѣ данний. Теды мы, респектуючи на его услуги здавна въ Войску Запорожскомъ роненіе, выдаемъ ему сей нашъ потвержателний унѣверсалъ, позволяючи онимъ селцемъ владѣти и всякія повинности зъ тяглыхъ людей тамошныхъ отбирати...“ По всему видно, что Носъ умѣлъ прислуживаться у властныхъ людей и заслуживать у нихъ особыя милости. Очень близкія отношенія съумѣлъ Носъ установить съ своимъ полковникомъ, какъ это видно изъ интереснаго его письма къ Г—ку о женитьбѣ „перворoccупнаго“ сына послѣдняго, уже знакомаго намъ Андрея Г—ка. Повидимому, Носъ былъ распорядителемъ „весельной компаніи“, сопровождавшей жениха въ м. Сорочинцы, гдѣ происходило его вѣнчанье съ дочерью Апостола, тогда Миргородскаго полковника. Объ этомъ „поѣздѣ“ Носъ писалъ отцу жениха изъ Сорочинецъ: „послѣ ночлега въ м. Хомутцѣ, выслушавъ тамъ обѣдню и затѣмъ позавтракавъ, двинулись мы дальше и поспѣли въ Сорочинцы на поздній обѣдъ; тутъ „по обыкновенію веселную трактуючи церемонію и подарки роздавши, южъ щасливе дня нынѣшнего (8 сент. 1700 г.), предъ престоломъ Божіимъ, доживотнымъ между его милостью п. сыномъ вм. м. панства и между еи мил. п. цоркою его мл. п. полковника Миргородского, неразрѣшимымъ шлюбу (брака) союзомъ, (*закончили?*) при бытности тихъ тамъ годныхъ особъ, которыхъ имя и число посылаемій отъ насъ вм. м. пану изъявитъ реестръ...“ Послѣ свадьбы „молодые“ отправлялись въ Прилуку, а съ ними собирались туда-же ѣхать и Сорочинскіе гости. О количествѣ послѣднихъ Носу поручено было заблаговременно извѣстить Прилуцкихъ хозяевъ, но порученіе это исполнить было не легко: „якіе засъ зъ его мил. п. полковникомъ Миргородскимъ маютъ до дому вм. м. панства, быти персоны, того яко отнюдь не можно было довѣдатися, такъ и вм. м. пану доносити трудно“. Но къ этому Носъ добавилъ, что „можетъ быть п. сотникъ нашъ полковой (тоже, значитъ

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 69-го:

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ, 1900 г.

Книга первая—апрѣль.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II.

Книга вторая—май.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Книга третья—іюнь,

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II-й.